Прикладная юридическая психология
под ред. А.М.Столяренко

Столяренко Алексей Михайлович
доктор психологических наук, профессор, полковник вн. сл., один из самых известных российских специалистов в области юридической психологии. Руководил кафедрой психологии деятельности органов внутренних дел Академии МВД СССР.
Внес заметный вклад в развитие юридической психологии в целом и в совершенствование психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел в частности. Воспитал целое поколение высококвалифицированных специалистов-психологов для органов внутренних дел России и стран СНГ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Часть I. Законность, правопорядок и психология

Глава 1. Юридическая психология как наука
1. Право, общество, человек, психология
2. Предмет юридической психологии, ее цели и задачи, место в системе наук
3. Система юридико-психологического знания
4. Специальная методология юридической психологии
5. История возникновения и развития юридической психологии

Глава 2. Психологическая детерминация правомерного поведения
1. Психология права
2. Правосознание как частно-научная теория юридической психологии
3. Правовая психология общностей
4. Правовая психология личности
5. Психологические аспекты правовой социализации
6. Факторы, влияющие на правовую психологию населения
7. Социально-психологический портрет государственного служащего и законность
8. Влияние средств массовой информации на правовую психологию населения
9. Психология личной безопасности человека
10. Психология уголовной ответственности

Глава 3. Криминальная психология
1. Основы изучения и оценки психологии личности преступника
2. Психология индивидуальной приемлемости совершения преступного деяния
3. Криминогенная мотивация и социальная перцепция в преступном поведении
4. Психология криминальной среды
5. Психология преступных групп
6. Психология криминального насилия
7. Психологические аспекты виктимности жертв преступлений
8. Социально-психологический мониторинг тенденций преступности
Психологический практикум (к части I)

Часть II. Психология организации деятельности правоохранительного органа

Глава 4. Психология личности юриста
1. Основы психологии личности юриста
2. Профессиональная направленность личности юриста
3. Морально-психологические особенности личности юриста
4. Способности юриста

5. Профессиональное мастерство юриста и его психологические составляющие
6. Профессионально-психологическая подготовленность юриста

Глава 5. Психология управления в органах правопорядка
1. Психологическая концепция управления в органах правопорядка
2. Личность в системе управления
3. Личность руководителя правоохранительного органа
4. Психология стиля и методов руководства персоналом органов правопорядка
5. Ценностно-целевые факторы в управлении
6. Психология организационных отношений в управлении
7. Информационное обеспечение управления и психология
8. Психологические аспекты управленческих воздействий и решений
9. Психология текущей организаторской работы
10. Психология требовательности руководителя
11. Психология организации взаимодействия служб и подразделений органа правопорядка
12. Психологическое обеспечение нововведений в правоохранительных органах

Глава 6. Психология работы с персоналом юридических органов
1. Психологический отбор в правоохранительные органы
2. Психолого-педагогические аспекты юридического образования
3. Морально-психологическая подготовка юриста
4. Профессионально-психологическая подготовка юриста
5. Психологическое обеспечение законности действий юриста
6. Психология дисциплины в органах правопорядка
7. Профилактика профессиональной деформации работников органов правопорядка

Глава 7. Психологическая служба в правоохранительных органах
1. Современное состояние психологической службы и концептуальные основы ее функционирования
2. Психологическая диагностика как функция психологической службы
3. Психологическая коррекция и развитие личности как функции психологической службы
4. Основные направления психологического обеспечения работы с кадрами
Психологический практикум (к части II)

Часть III. Психологические технологии в правоохранительной деятельности

Глава 8. Психологические действия в правоохранительной деятельности
1. Понятие о психологических действиях и психотехнике
2. Психологический анализ профессиональных ситуаций
3. Психологический анализ юридических фактов
4. Психологический портрет и его составление
5. Изучение человека в психологическом наблюдении
6. Визуальная психодиагностика криминальных признаков личности
7. Составление психологического портрета преступника по следам на месте происшествия
8. Психологическое наблюдение за группой
9. Психология профессионального общения, установления контакта и доверительных отношений
10. Психологическое воздействие в правоохранительной деятельности
11. Психологический анализ сообщений граждан
12. Психология диагностики лжи и скрываемых обстоятельств
13. Психодиагностика причастности лица к правонарушению в отсутствие доказательств
14. Юридическая психолингвистика
15. Психология разоблачения маскировок, инсценировок и ложного алиби
16. Судебно-психологическая экспертиза
17. Посмертная судебно-психологическая экспертиза
18. Внеэкспертные формы использования специальных познаний психолога в уголовном судопроизводстве

19. Нетрадиционные психологические методы раскрытия и расследования преступлений

Глава 9. Психотехника в работе юриста
1. Психотехника речи
2. Психотехника использования речевых и неречевых средств
3. Психотехника построения высказываний
4. Психотехника речевого доказывания и опровержения возражений
5. Психотехника воздейственности речи
6. Общая психотехника профессионального мышления юриста
7. Психотехника рефлексивного мышления
Психологический практикум (к части III)

Часть IV. Психология видов правоохранительной деятельности

Глава 10. Психологические особенности профессионально-юридических действий
1. Превентивная и постпенитенциарная психология
2. Психологические особенности профилактики преступности несовершеннолетних
3. Психология обеспечения безопасности дорожного движения
4. Психологические аспекты борьбы с экономической преступностью
5. Психология розыскной деятельности
6. Психология допроса
7. Психология очной ставки, предъявления для опознания, обыска и иных следственных действий

Глава 11. Экстремально-юридическая психология
1. Психологические особенности экстремальных ситуаций в правоохранительной деятельности
2. Боевая готовность и бдительность сотрудника
3. Психология личной профессиональной безопасности сотрудника правоохранительного органа
4. Психологические аспекты задержания правонарушителей
5. Психологические основы ведения переговоров с преступниками
6. Психологическое обеспечение действий сотрудников правоохранительных органов при чрезвычайных обстоятельствах
7. Руководитель правоохранительного органа в экстремальных условиях

Глава 12. Психологические особенности деятельности персонала разных правоохранительных органов
1. Психология прокурорской деятельности
2. Особенности профессионального психологического отбора кадров в органы прокуратуры
3. Психология милицейской деятельности
4. Психология таможенной деятельности
5. Психологические особенности суда присяжных
6. Психология в адвокатской деятельности
7. Психология деятельности органов, исполняющих наказания (пенитенциарная психология)
8. Психология деятельности частных охранных и детективных служб
Психологический практикум (к части IV)

ПРЕДИСЛОВИЕ

История психологического исследования проблем правоохранительной деятельности насчитывает около сотни лет. Она началась с проблем судопроизводства и с названия «Судебная психология». Такое положение сохранялось до 70-х годов, когда официально была зарегистрирована наука «Юридическая психология».

Смена названия была вызвана радикальными изменениями в понимании того, что психологические проблемы укрепления законности и правопорядка не сводятся к расследованию преступлений. К новому подходу вынуждало и реальное состояние психологических исследований, развернувшихся в правоохранительных органах и вышедших далеко за рамки традиционной проблематики. Начались исследования психологических проблем правового воспитания населения, укрепления законности, работы с кадрами правоохранительных органов, профессиональной деформации и психологической подготовки сотрудников, психологических причин совершения преступлений и их профилактики, управления в правоохранительных органах и оперативно розыскной работы, исправления осужденных и социальной реабилитации освобожденных из мест лишения свободы и др. Тенденция расширения юридико-психологических исследований продолжала укрепляться и развиваться в 80-е годы в связи со все обостряющейся потребностью общества в укреплении законности и правопорядка и комплексного подхода в этой работе.

Особенную остроту актуальность решения всего комплекса психологических проблем деятельности правоохранительных органов приобрела к 90-м годам, когда задача создания правового государства была объявлена задачей обновления нашего общества, а уровень преступности резко повысился, став поистине государственной проблемой. Ширились, отвечая потребностям практики, и исследования проблем юридической психологии, накапливались их результаты, представляющие несомненный практический интерес. Однако все это не находило достаточного отражения в публикациях по юридической психологии, доступных широкой студенческой аудитории и корпусу сотрудников правоохранительных органов.

Книжный прилавок, особенно на рубеже XXI в., заметно обогатился изданиями по юридико-психологической проблематике. Только учебников под названием «Юридическая психология» появилось около 10. Однако содержание их таково, что почти на 70, а то и на все 100% — это та же деятельность следователя по расследованию преступлений, т.е. под новым названием сохраняется традиционное для судебной психологии старое содержание. Тематика учебных программ курса «Юридическая психология», изучаемого в юридических учебных заведениях, зачастую также ограничивается прежним содержанием. Студенты остаются в неведении относительно психологических особенностей и путей решения других правоохранительных задач и новых достижений юридической психологии. Выпускники юридических вузов попадают в самые разные правоохранительные органы, где им по должности и специфике возлагаемых на них задач приходится заниматься не расследованием преступлений, а охраной правопорядка, обеспечением безопасности, профилактикой, аналитической работой, исполнением наказаний, исправлением осужденных, разработкой нормативно-правовых документов, надзорной деятельностью, консультациями, защитой, связями с общественностью, работой с кадрами и многим другим, к чему они оказываются психологически и профессионально не подготовленными.

Назрело время пересмотра устаревшего образовательного стандарта курса психологии в юридических образовательных учреждениях, на который и ориентировалось содержание изданных учебников «Юридическая психология».

Данное учебно-практическое пособие призвано ликвидировать существующее несоответствие между действительным состоянием современной юридической психологии, результатами выполненных исследований широкого круга проблем, связанных с укреплением законности и правопорядка в России, и их отражением в учебной литературе, используемой при подготовке профессионалов-юристов и повышении их мастерства. Поэтому первая задача пособия — представить юридическую психологию в ее современном виде и способствовать полноценной подготовке будущих юристов, ликвидируя пробелы в их юридико-психологической подготовке. Такой широкий подход позволяет также адаптировать изучение юридической психологии к специфике подготавливаемых в каждом юридическом образовательном учреждении специалистов, к составу учебных групп в практических органах и в системе повышения квалификации.

Во многих публикациях по юридической психологии преобладают теория и научный язык, сложные для понимания обучающимися с недостаточной общепсихологической подготовленностью. Это зачастую создает ложное негативное впечатление о юридической психологии как абстрактной и оторванной от практики науке, затрудняет использование результатов исследований и сдерживает рост успешности практики на основе ее достижений. Настоящее учебное пособие выполнено как прикладное, содержащее практические выводы из последних исследований юридических психологов. Предлагаемые рекомендации обосновываются, и читатель одновременно знакомится с относящимися к данному случаю положениями общей психологии. Такой подход реализуется в каждом параграфе.

Логика построения пособия — от общего к частному, от того, что психологически относится к деятельности всех сотрудников правоохранительных органов — к специфике решения конкретных задач и деятельности отдельных специалистов. Другая логическая линия — от психологии позитивной, созидательной, упреждающей работы по формированию основ законности и правопорядка — к тому, что уже произошло, к борьбе с негативом, преступностью.

Пособие состоит из четырех частей. В части I излагаются методология юридической психологии и деятельность правоохранительных органов по формированию психологических основ законности и правопорядка (психология права, психологи» правосознания, правовая психология населения, психология правовой социализации, психология правовой культуры, системы деятельности органов и организаций по формированию правовой культуры населения, устранению причин и условий преступности — криминальная психология).

Часть II посвящена психологии организации деятельности правоохранительного органа: личности юриста и его профессионализму, психологии управления, деятельности психологической службы в правоохранительных органах.

В части III детально раскрываются комплекс специальных психологических действий и психотехника юриста — вопросы, практически не освещенные в печати, но предельно практичные и очень важные для повышения качества и результативности профессиональной деятельности.

Часть IV посвящена психологической специфике решения различных правоохранительных задач, деятельности персонала разных правоохранительных органов, а также действиям сотрудников органов правоохраны в экстремальных условиях.

Каждая часть пособия завершается психологическим практикумом, содержащим задания, выполнение которых ориентировано на формирование психологических умений и навыков у обучающихся по пособию. Материалы всех глав могут быть использованы в лекциях и при проведении практических форм занятий. Они содержат возможности для разнообразия форм и содержания таких занятий, ведения психологического тренинга, увеличения числа практических занятий и радикального повышения на этой основе прикладного значения изучения юридической психологии.

Не все проблемы, волнующие практиков, освещены в пособии, что объясняется их недостаточной научной разработанностью на момент издания пособия. Это относится, в частности, к психологической специфике решения разных правоохранительных задач и деятельности сотрудников налоговой службы, налоговой полиции, юстиции, арбитражных судов, нотариата и др. Издание пособия, надеемся, будет способствовать ускоренной ликвидации этих пробелов.

Глава 1. Юридическая психология как наука

1.1. Право, общество, человек, психология

Общественный прогресс и наука. *Важнейшей тенденцией движения человеческой цивилизацией в будущее выступает создание обществ, основанных на законе.* Все гуманистические идеи, ставящие интересы человека в центр общественных интересов, идеи демократии, прав и свобод, полного удовлетворения потребностей, свободного развития останутся блефом вне торжества закона. Важнейшим условием их жизненности выступает правовое государство, обеспечивающее права и свободы граждан.

Законность, правопорядок и социальный прогресс находятся в неразрывном единстве. История учит, а жизнь современной России убедительно подтверждает, что, например, экономика не может развиваться и обеспечивать материальные и духовные потребности граждан вне уважения всех к закону. Преступность в обществе — теперь не просто некая горькая пена на поверхности его кипящей жизни. Криминализация общества, организованная преступность, коррупция с их масштабами и влияниями — это раковая опухоль, грозящая ему гибелью.

Во все времена государства уделяли внимание укреплению правовой сферы общества, хотя и делали это на основе разных правовых концепций. Сен-Симон (1760-1825) утверждал, что общество имеет двух врагов, к которым оно относится с одинаковой ненавистью: анархию и деспотизм. Сегодня, и конкретно в условиях России, создание справедливого общества, построенного на законе, выступает глобальной задачей всех его здоровых сил и может быть осуществлено лишь при полном использовании имеющихся возможностей. Одна из них, далеко не последняя, связана с *полным использованием богатых возможностей науки.* Действия на «глазок», самоуверенное пользование интуитивными и построенными только на личном опыте соображениями, слепое подражание зарубежным образцам, упование на силу административного нажима, действия по методу проб и ошибок — причины неудач в любом деле, а на государственном уровне они просто недопустимы. Их архаизм особенно нетерпим на фоне современных достижений мировой цивилизации.

Человечество в своей истории выработало три принципиальных способа совершенствования любого дела. Первый заключался в выявлении и устранении недостатков. Этот способ был основным, или даже единственным, в большинстве стран мира до рубежа 20-х - 30-х годов XX в. Он давал возможность как-то повышать результаты работы, но происходило это медленно. Ведь суть устранения недостатков — возврат к некой норме, которая представлялась желательной. Определенная польза была, но развитие дела, подъем на более высокий уровень технологий и достижений происходили медленно. Это не отвечало возросшему динамизму жизни и потребностям общества. Поэтому после Великой депрессии в США в 30-е годы возник и стал преобладающим второй способ - использование передового, дающего более высокие результаты опыта других. Широкие масштабы приобрело выявление носителей такого опыта, изучение, копирование в своей работе.

Появился и так называемый «промышленный шпионаж», а передовики, чтобы преуспевать в конкурентной борьбе, стали скрывать и охранять способы своих достижений.

На рубеже 50-х годов возник и третий способ: разработка и внедрение научных интенсивных технологий. В широких масштабах его стали применять японцы, скупая по всему миру патенты на научные открытия и разработки. Вначале над ними посмеивались: «наука у них слабовата, своего ума не хватает». Скоро, однако, скепсис сменился удивлением: развитие Японии пошло семимильными шагами, являя пример всему миру. С тех пор союз с наукой, развитие фундаментальной и особенно прикладной науки, всемерное использование на практике их рекомендаций и достижений стали основным способом достижения быстрого прогресса в разных областях, а многие страны, в прошлом отсталые, применяя его, вышли в число передовых.

В нашей стране, к сожалению, описанные мировые тенденции оказались недооцененными и не реализованными. Вплоть до 90-х годов совершенствования в любых сферах пытались добиться путем выявления и устранения недостатков. Многочисленные комиссии и инспекции, сменяя друг друга, без пользы отрывали людей от дела. Повсеместно шла своеобразная игра: «одни ищут, а другие прячут». В итоге появлялись длинные акты с перечислением недостатков, которые самим проверяемым чаще всего были давно известны, более того, им было известно больше, чем удалось выявить проверявшим. Беда проверяемых была в другом: они не знали, как предупредить и устранить недостатки. Комиссии и инспекции обычно тоже не знали этого и в актах проверок

пестрели «ценные указания» типа: «усилить», «обратить внимание», «принять мары», «активизировать», «изыскать возможность» и пр. Всемерное развитие критики, наказания сформировали у работников установку не на выявление положительного в работе других, а на изощренный поиск недостатков. К опыту других относились с недоверием, скептически, а принятие его к использованию расценивалось как косвенное признание собственных ошибок, слабостей и недоумия. Не случайно тогда, говоря о передовом опыте, употребляли слово «внедрение», ассоциировавшееся с необходимостью применения определенной силы и преодоления чьего-то сопротивления. И до сих пор, знакомясь с работой других, многие из нас более склонны искать в ней недостатки, чем видеть достоинства, интересные находки, крупицы положительного и перенимать хорошее.

Отставание России в развитии от многих процветающих стран в своих корнях в значительной степени обусловлено длительной ориентацией на приоритетное использование способа выявления и устранения недостатков, формализмом и психологическими барьерами в реализации положительного опыта других, пренебрежительным отношением практики к науке, к использованию ее достижений и рекомендаций в области интенсивных технологий. В немалой степени это относится и к решению проблем создания правового государства, укрепления законности, правопорядка и борьбы с преступностью. Чтобы жить и работать цивилизованно, эти упущения необходимо ныне преодолеть как на государственном, так и на местном уровне, в работе каждого правоохранительного органа и каждого сотрудника.

Под правоохранительными органами в данном пособии имеются в виду все государственные органы, применяющие право и входящие в обособленную группу органов государства с особыми правовым статусом, задачами, функциями, направлениями деятельности. Это соответствует распространенной в современной юриспруденции точке зрения[1]. К. ним сейчас относят:

• органы судебной системы (суды общей юрисдикции, арбитражные суды, Конституционный суд Российской Федерации);

• государственные органы обеспечения охраны порядка и безопасности: органы внутренних дел, органы обеспечения безопасности (органы Федеральной службы безопасности, Федеральные органы государственной охраны, Федеральную пограничную службу и др.), органы налоговой службы и налоговой полиции, таможенные органы, органы юстиции);

• органы предварительного расследования (органы предварительного следствия и дознания);

• прокуратуру;

• органы по правовому обеспечению и правовой помощи (нотариат, адвокатуру);

• негосударственные организации обеспечения правоохраны (частные детективные и охранные службы).

В пособии речь идет преимущественно об общих (или преобладающих) для правоохранительных органов вопросах и поэтому чаще употребляются понятия «правоохранительные органы», «правоохранительная деятельность» и т.п., а в частных случаях - те правоохранительные органы, о которых идет речь.

Среди работающих в правоохранительных органах есть специалисты, занимающиеся врачебной, инженерной, финансовой, хозяйственной, операторской, компьютерной, статистической и иной деятельностью, их и именуют соответственно. В пособии рассматривается только деятельность, непосредственно связанная с решением задач укрепления законности и правопорядка, а лиц, осуществляющих ее и составляющих к тому же большинство в правоохранительных органах, именуют юристами или сотрудниками. В тексте используются поэтому понятия «юрист» и «сотрудник правоохранительных органов» как равнозначные. Как синонимы применяются и понятия «правоохранительная деятельность (работа)» и «юридическая деятельность (работа)», исключая особые случаи.

Группы сотрудников правоохранительных органов также именуются не одинаково: кадры, персонал, состав, личный состав, аппарат, коллектив сотрудников, работники и др. В пособии эти понятия используются как синонимы за исключением специальных случаев.

Общественные силы, подобно силам природы, могут действовать стихийно и разрушительно до тех пор, пока люди не хотят понимать их, не могут их учитывать и направлять в своих интересах. Все в руках человека — цивилизованного, умного, нравственного. Никакими произвольными движениями в изменении правовой сферы общества и ее основы невозможно решить задачу создания правового государства, защитить интересы и права граждан, если это не делается максимально компетентно, научно и цивилизованно. Великий Леонардо да Винчи образно и верно сказал: «Увлекающийся практикой без науки, словно кормчий, ступающий на корабль без

руля или компаса; он никогда не уверен, куда плывет»[2]. Можно добавить: и не приплывет куда надо.

Общество; и государство, правовое общество и правовое государство. Проблема взаимосвязи государственной власти и общества насчитывает столько же тысячелетий, сколько существует институт государства. Она столь йе важна, сколь и сложна, а поэтому всегда была причиной основных социальных потрясений, выраженных в государственных переворотах, социальных революциях и народных движениях.

Она повседневно пронизывает политическую и общественную жизнь всех государств, в том числе и современной России. Основная тенденция в решении этой проблемы на рубеже третьего тысячелетия базируется на идеях общечеловеческих ценностей, гуманизма, цивилизованного подхода. Создание государства, обеспечивающего права и свободы граждан, создающего условия для раскрытия их возможностей и удовлетворения потребностей — современный идеал общественного устройства.

В теории права весьма характерно преимущественное самоограничение рассмотрением правовых вопросов в структуре и деятельности государственных органов. Правовая система обычно рассматривается как совокупность правовой идеологии, писаного права (как системы норм) и юридической практики (как деятельности государственных и юридических органов). При таком подходе легко оторваться от тех реалий жизни общества и его граждан, ради которых собственно и существуют государство и право. Чтобы этого избежать, необходимо детально анализировать процесс и результаты объективирования правовой системы и ее элементов, их воплощение в реальную жизнь и поступки граждан, соразмеренные с правом. Только такой подход, отвечающий сущности систем управления, в которых есть управляющая и управляемая подсистемы, прямые и обратные связи, способен предупредить правовой формализм, найти новые возможности увеличения потенциала права, его силы и реальной действенности.

Если правовое государство, правовая система в традиционном понимании есть некое самодвижение права, то его реальная жизнь в обществе, его проникновение в жизнь граждан, его торжество в этой жизни, поведении и деятельности, характеризует ***правовое общество.*** Создание правового государства — не самоцель, его предназначение — создание правового общества, общества, основанного на законе. Правовое государство сильно не только и не столько тем, что писаное право, система правовых норм и государственный аппарат отвечают формальным критериям правового государства, а тем, что общество, общественные отношения, жизнь и деятельность граждан постоянно и повсеместно соответствуют идеалам прав и свобод и они реально защищены от деформаций и преступных посягательств.

Единство и взаимосвязь правовой системы и системы правового общества — это целостная макросистема, наиболее масштабная реальность — ***правовая сфера*** **государства и общества.** Такое понимание (и соответствующее ему понятийное обозначение) имеет *специальное значение для точного понимания места и значения психологической реальности* в жизни права, функционировании и состоянии сферы права в целом и совершенствовании рассмотрения прикладных вопросов укрепления законности и правопорядка.

Было время, когда считалось, что укрепление законности и правопорядка — это прерогатива права, рафинированная задача юридической науки. Однако чем ближе к современности, чем суровее был опыт крайностей и неудач в решении правовых проблем, тем больше крепло понимание того, что создание общества, основанного на праве, это проблема комплексная — политическая, социальная, нравственная, педагогическая и в том числе психологическая. В жизни общества многие закономерности, при поверхностном взгляде на них, кажутся объективными. Глубокая ошибка, например, экономических преобразований в России 90-х годов заключалась в вере ортодоксальных экономистов в объективность экономических законов, словно человек с его психологией не присутствует в них. Объективно то, что существует вне воли и сознания людей. Допустим, в какой-то момент в результате космической катастрофы или неведомой массовой эпидемии все люди на планете Земля одновременно погибли, но остались исправными заводы, фабрики, экономика. Будут ли они в этом случае функционировать, совершенствоваться, развиваться? Отрицательный ответ очевиден. Экономические законы не объективны, а объективно-субъективны, роль человека в их проявлениях и действии в конечном счете решающая.

В еще большей степени последнее справедливо, когда речь идет о правовой сфере общества, о действии правовых норм, их силе и влиянии, о реальном состоянии законности и правопорядка. Реальная жизнь норм права — это то, что обнаруживается в юридически значимом поведении

людей после того, как оно прошло через их сознание. Законность и правопорядок прочны и стабильны, когда личность, социальные группы общества на их стороне. Борьба за их упрочение — это борьба за умы людей, за их отношение к другим людям, человеческим и общественным ценностям, за их активную жизненную и правоутверждающую позицию. Фронт этой борьбы, образно говоря, проходит через умы и сердца людей. Победа тут — в торжестве ума и нравственности, чувств и побуждений, в созидании, в цивилизованном правовом развитии. Борьба за законность и правопорядок — это борьба не с человеком, а за человека. Очевидно, что полноценное решение этой задачи невозможно без учета психологии человека, без ее изменения и воздействий на нее.

Ничто так ярко не свидетельствует о торжестве права и об особенностях жизни подлинно цивилизованных стран, коренном их отличии от стран с тоталитарным режимом или правовой анархией, как соблюдение законности подавляющим большинством граждан, как их чувство защищенности от произвола государства и посягательств преступников, как испытываемое ими чувство подлинной свободы, подтверждаемое повседневным опытом жизни. Правовое общество — в определенной мере продукт, результат движения к правовому государству и успехов в его создании, хотя и не только, ибо реалии общественной жизни и ее зависимостей значительно многограннее. Важно и другое: нельзя считать, что создано подлинно правовое государство, пока не создано правовое общество. Естественно, что в реальном стремлении к торжеству права надо использовать оба направления работы во взаимосвязи, но при этом нельзя сводить дело к рафинированным, чисто правовым усилиям. Психологической науке и ее специальной отрасли — юридической психологии принадлежит здесь видная роль.

Законность, правопорядок и психология. Важнейшими институтами правового государства и общества выступают законность и правопорядок. *Законность* выступает как одна из ведущих идей общественного обустройства, как принцип построения правовой системы общества и воплощенность их в реальность писаного права. Во всех случаях она выражается в уровне гуманистичности и демократичности правовой идеологии, ее нацеленности на обеспечение и охрану прав личности, на исключение из общественной жизни произвола и бесправия, на утверждение правозаконности всей общественной жизни, на придании закону и другим юридическим источникам, а также содержащимся в них правовым нормам ведущей общественной роли (верховенство закона, исключительность закона, приоритетность закона). Законность предполагает всеобщность права, верховенство Конституции и законов, равенство всех перед законом; наличие социальных и юридических механизмов, обеспечивающих реализацию прав; гарантированное, качественное применение права, активную и решительную борьбу с правонарушениями, неотвратимость юридической ответственности для всех, кто нарушил закон; стабильность, устойчивость правопорядка, эффективную работу механизмов правового регулирования[3].

Непосредственным итогом всех усилий по созданию правового государства, правового общества и укреплению законности выступает *правопорядок* — реальная правозаконность, степень воплощенности идеалов и принципов построения правового государства и правового общества в их жизни и деятельности. Законность и правопорядок взаимосвязаны, но не идентичны. Правопорядок — итоговый результат законности, действия права, фактическое правовое состояние, достигнутый уровень законности в данное время и данном месте. Основными чертами правопорядка выступают: господство закона в отношениях, регулируемых правом; полное соблюдение и исполнение всеми субъектами юридических обязанностей; строгая общественная дисциплина; обеспечение максимально благоприятных условий для использования объективных прав; безусловное утверждение прирожденных прав и свобод человека; четкая и эффективная работа всех юридических органов, прежде всего правосудия; неотвратимость юридической ответственности для каждого правонарушителя[4] .

Уже при общем взгляде на законность и правопорядок очевидна их теснейшая связь и зависимость от психологических факторов. Вся законность, даже ее отраженность в писаном праве (в законах, подзаконных актах, правовых нормах) и построении государственного механизма в решающей степени зависят от тех людей, которые занимаются право- и нормотворчеством, от их мировоззрения, жизненных планов и идеалов, ценностных ориентации, доминирующих мотивов, особенностей правосознания, включенности в различные корпоративные группы (в том числе партии и объединения, участвующие в политической борьбе за власть), их морально-психологических особенностей, интеллекта, способностей и множества других индивидуально-психологических и групповых феноменов.

Многократно умножается роль и влияние психологических факторов в состоянии правопорядка, когда речь идет о правовых реальностях жизни всех граждан и каждого из них, о состоянии преступности, уровне и успешности действительной борьбы с ней. Тут психология людей и групп имеет не просто аспектное, а решающее значение, а умение юридических органов и их персонала учитывать и влиять на нее составляет одно из главных направлений в утверждении правовых идеалов общественной жизни, в реальном торжестве права, доведенного до каждого гражданина. А.И. Герцен говорил, что под солнцем свободы не только трава зеленеет, но и зловоние поднимается из сточных канав. Справедливость этого подтверждает действительность современной российской жизни. Психология проявляющихся в ней механизмов требует к себе повышенного, специального и компетентного внимания, преодоления побочных, негативных «отбросов» общественных преобразований.

Повышение роли правоохранительной деятельности объективно обусловливается состоянием и тенденциями развития российского общества, острыми и судьбоносными политическими, социальными и экономическими проблемами, стоящими перед ним. Важна оговорка: повышение роли их при сохранении подходов, сложившихся в период господства административно-командной системы и не изжитых до конца поныне, может вести только к полицейскому государству. По самому смыслу правового государства, ею гуманитарному и демократическому предназначению, работа юридических органов должна быть коренным образом перестроена. Это не достижимо без ***психологической перестройки*** всех сотрудников правоохранительных органов, без овладения ими принципиально новыми приемами и способами работы, связанными, в частности, с их повышенной ***психологизацией,*** т.е. полным использованием данных и рекомендаций юридической психологии там и тогда, где это нужно и даст улучшенный практический результат.

Тенденции правильно понимаемой гуманизации и демократизации жизни общества, современный уровень человеческой цивилизации, на который стремится выйти наша страна, с неизбежной необходимостью обусловливают недопустимость огульного применения силовых средств работниками юридических органов. Они обязывают использовать более цивилизованные, правомерные ***психологические средства,*** реализовывать ***психологически обоснованные подходы*** при решении вопросов укрепления законности и правопорядка, жизненных случаев, становящихся предметами юридического рассмотрения. Речь идет, таким образом, не просто о повышении требований к работе и профессионализму юристов, а о существенном изменении психологического компонента в них. Утверждение человековедческих начал в правоохранительной практике требует настойчиво повышать подготовленность юридических кадров в области психологии, обучать их мастерскому использованию научно-психологических знаний и рекомендаций.

Потребности практики двигают науку вперед больше, чем тысяча университетов. Возможности юридической психологии будут расти, если сама она будет пользоваться признанием и поддержкой. Нельзя сказать, что этого сейчас не наблюдается. Однако нельзя и удовлетвориться тем, что есть. Необходимы специальные меры со стороны государственных и управленческих структур по усилению такой поддержки, по обеспечению полного использования достижений юридической психологии в массовой практике, по повышению психологического профессионализма персонала юридических органов.

---

[1] См.: Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебн. 2-е изд. / Под ред. В.П. Божьева - М, 1997. - С. 13-15, 40-399-

[2] *Леонардо да Винчи.* Избр. произведения. - М., 1935. - Т.1. — С. 53.

[3] *Алексеев С.С.* Теория права. - М., 1995. - С. 265-271.

[4] Там же, С. 274-275.

1.2. Предмет юридической психологии, ее цели и задачи, место в системе наук

Развитие представлений о юридической психологии. Научные представления о связи юридической практики и психологии возникли в связи с работой следователей и в начале этого столетия стали именоваться «психологией следственной деятельности» или «судебной психологией». Время шло, психология стала использоваться в других сферах юридической деятельности, а система юридико-психологических знаний продолжала именоваться «судебной

психологией». Только в 60-х годах профессором А.Р. Ратиновым, которому принадлежит приоритет в возрождении и развитии юридико-поихологических знаний в постсталинское время «хрущевской оттепели», было предложено новое название — «юридическая психология», официально включенное в 1969 г. в перечень научных специальностей. По ней стали присуждаться и ученые степени кандидата и доктора наук. Это было не простым переименованием старых знаний, а принципиально новым пониманием сущности и возможностей психологии в юридической практике и, стало быть, новым представлением о предмете этой отрасли научного знания.

Однако и после этого было немало сторонников старого понимания круга юридико-психологических знаний и старого названия. Книги с названием «Судебная психология» продолжали появляться до конца 80-х годов, а учебная дисциплина «Судебная психология» существует до сих пор во многих юридических образовательных учреждениях страны. Рецидивы старого обнаруживаются и в ряде новых книг под названием «Юридическая психология», большую часть которых составляют сведения по психологии следственной деятельности.

Интегративный характер предмета юридической психологии. Система научных знаний, находящаяся на стыке юридических и психологических наук, иначе как ***юридической психологией*** именоваться просто не может. Это определяет и интегративную сущность самой реальности и интегративный характер знаний о ней, являющихся *юридико-психологическими.* Закономерные связи, феномены и механизмы, обнаруживающиеся и действующие при соприкосновении юридической и психологической реальностей, и выступают основой предмета юридической психологии. Возникает, однако, потребность уточнить область распространения этих знаний. Если проанализировать расхождения имеющихся точек зрения на предмет юридической психологии, то можно сказать, что они относятся больше к «юридической части» предмета, чем к психологической.

Юридическая психология, находясь на стыке юриспруденции и психологии, призвана понимать свой предмет в «юридической части» так, как его понимает юридическая наука, а в «психологической» — как его понимает психологическая наука. Поэтому ***предметом юридической психологии*** **выступает психологическая реальность (психологические феномены, психологические закономерности и психологические механизмы) в деятельности юридических органов, государственных, хозяйственных и общественных организации в их влияниях на правовую систему и зависимостях от нее, а также юридически значимых сторон образа жизни, поведения и правоотношений граждан и их групп.** Короче: предмет юридической психологии — психология людей в отношениях с системой права.

Цели и основные задачи юридической психологии как науки. Конечная ***цель*** юридической психологии общая с юриспруденцией — построение правового государства и общества, а специфика — способствование достижению ее на основе раскрытия зависимостей и влияний юридико-психологической реальности, а также разработки путей их оптимизации. ***Основные задачи:***

• вооружение всех работников и граждан, включенных в создание и совершенствование правовой системы, достоверными юридико-психологическими знаниями, позволяющими лучше понимать юридико-психологические зависимости, а также пути влияния на них;

• способствование цивилизованному профессионально-психологическому развитию личности работников юридических органов и их профессионализма;

• разработка психологически обоснованных путей повышения эффективности решения профессиональных задач, стоящих перед законотворческий, правоисполнительными и правоприменительными органами и их специалистами, а также деятельности по укреплению правопорядка другими органами, организациями и лицами.

По своим целям и задачам юридическая психология, как видим, является *прикладной, практически ориентированной отраслью научного знания.* Это и естественно, поскольку само возникновение ее и развитие шло и идет на основе запросов практики и в стремлении обеспечить достижение более высоких результатов в различных видах юридической деятельности. Поэтому и ценность публикаций, ценность учебных дисциплин определяется прежде всего тем, что конкретно они дают практическим работникам, какую «прибавку» в улучшении их работы дает использование данных и рекомендаций юридической психологии. С учетом этого и построено настоящее пособие.

Психологическая сущность и структура предмета юридической психологии. Психологическая реальность, неразрывно связанная с правовой, влияющая на нее и зависящая

определенным образом от нее, — это целый мир психических явлений. Хотя он непосредственно не воспринимаем, он — реальность, которая существует и обнаруживает свое существование в поступках и отношениях людей, имеющих юридическое значение. Мы можем не желать признавать и учитывать его, но от этого он не исчезнет и не прекратит свое влияние на состояние законности и правопорядка.

Психология людей в отношениях с системой права (предмет юридической психологии) — это реальность, представленная в *своеобразной психологии их, в виде особой психологической функциональной подсистемы их психики, отражающей систему права и регулирующей взаимоотношения с ней,* которую, как реальность, и называют ***правовой психологией*** людей. Адекватные научные представления об этой психологии, модель психологии людей в правовой системе разрабатывает *особая отрасль* научного знания, находящаяся на стыке юридических и психологических наук. Очевидно, что эти знания будут адекватны реальности, если будут носить *юридико-психологический* характер. Все содержание настоящего пособия в развернутом виде раскрывает своеобразие этого человеческого феномена. В основе же его лежит сложный мир человеческой психологии — «вторая Галактика».

Все многообразие мира психических явлений первично делится на *мир индивидуально-психологических явлений и социально-психологических, групповых,* тесно связанных между собой, но все же качественно своеобразных.

Индивидуально-психологические явления (рис. 1.1) классифицируются по разным основаниям.

По своей сущности и представленности нашему восприятию психические явления делятся на психологические факты, психологические закономерности и психологические механизмы.

Психологические факты — относительно поверхностные, наблюдаемые (в том числе фиксируемые с помощью психологических методик) психологические феномены — проявления существования и действия психики. Умение подмечать психологические феномены, объяснять, понимать, о чем они свидетельствуют, что за ними скрыто, необходимо для профессионала-юриста.

Психологические закономерности — объективно существующие причинно-следственные связи психологических явлений и их обусловливаний. Подмеченные психологические факты невозможно понять, а тем более повлиять на них, не разобравшись в связанных с ними закономерностях. В психике закономерности носят вероятностный характер. Поэтому, изучая, оценивая и учитывая их, правильнее рассуждать по типу: «как правило», «чаще всего» и т.п.

Психологические механизмы - психологические превращения, посредством которых совершается действие закономерностей и происходят переходы от причины к следствию. Психологические факты и закономерности всегда обусловлены такими механизмами. Например, знание правовой нормы и убежденность в необходимости следовать ей имеют связи, но переход одного в другое опосредован психологическими механизмами, которые «сработают», если мы знаем их и умеем привести в действие.

По форме существования все психологические явления делятся на психические процессы, психические состояния и психические образования (свойства, стереотипы).

Психические процессы - изменения на уровне психики: это все возникающее, развивающееся, угасающее, превращающееся во что-то другое. Так, свидетельские показания — продукт процессов восприятия события, его понимания, запоминания, сохранения и воспроизведения. Не разобравшись в психических процессах, трудно что-либо понять в психике человека, а не вызвав нужные процессы - невозможно что-то изменить в ней. Всякое воздействие - воздействие нормы права, профилактическое, управленческое и другое — способно что-то изменить в человеке и его поведении, лишь вызвав необходимые для этого психические процессы.

Психические состояния — целостные особенности совокупности психических процессов, протекающих у личности в данный момент или за определенный отрезок времени. Состояния возбуждения, тревоги, страха, эйфории, беспечности, бдительности и др., испытываемые юристом или находящимся перед ним человеком, существенно влияют на их поведение, восприятие окружающего и т.д. Результат воздействия на гражданина во многом зависит от его психического состояния, от умения юриста сменить неблагоприятное состояние на нужное.

Психические образования (свойства, стереотипы) - закрепившиеся в психике человека (т.е. имеющие тенденцию к повторению, облегченному воспроизведению и протеканию) психические явления. Сформировавшись под влиянием многократно повторяющихся у данного человека психических процессов и состояний, вызванных опять-таки повторяющимися обстоятельствами его жизни, деятельности, учебы и воспитания, они во многом характеризуют индивидуальные

особенности и возможности юриста и гражданина. Они также сильно влияют на то, что и как они говорят, воспринимают, понимают, усваивают, делают, относятся, будучи включенными в систему права.

По качественно-содержательным особенностям выделяется ряд психологических явлений.

Мотивационные феномены выполняют в психической деятельности побуждающую функцию и определяют избирательность отношений и активности юриста, гражданина, правонарушителя к окружающему, к происходящим событиям, проблемам, возможностям, будущему и пр. Потребности, мотивы, цели, планы, стремления, психологические установки, интересы, убеждения, взгляды - важнейшие из них и доминирующие среди других психологических факторов, закономерностей и механизмов психики каждого человека имеющие решающее значение в его юридически значимых намерениях, акциях, образе жизни и пр. ,

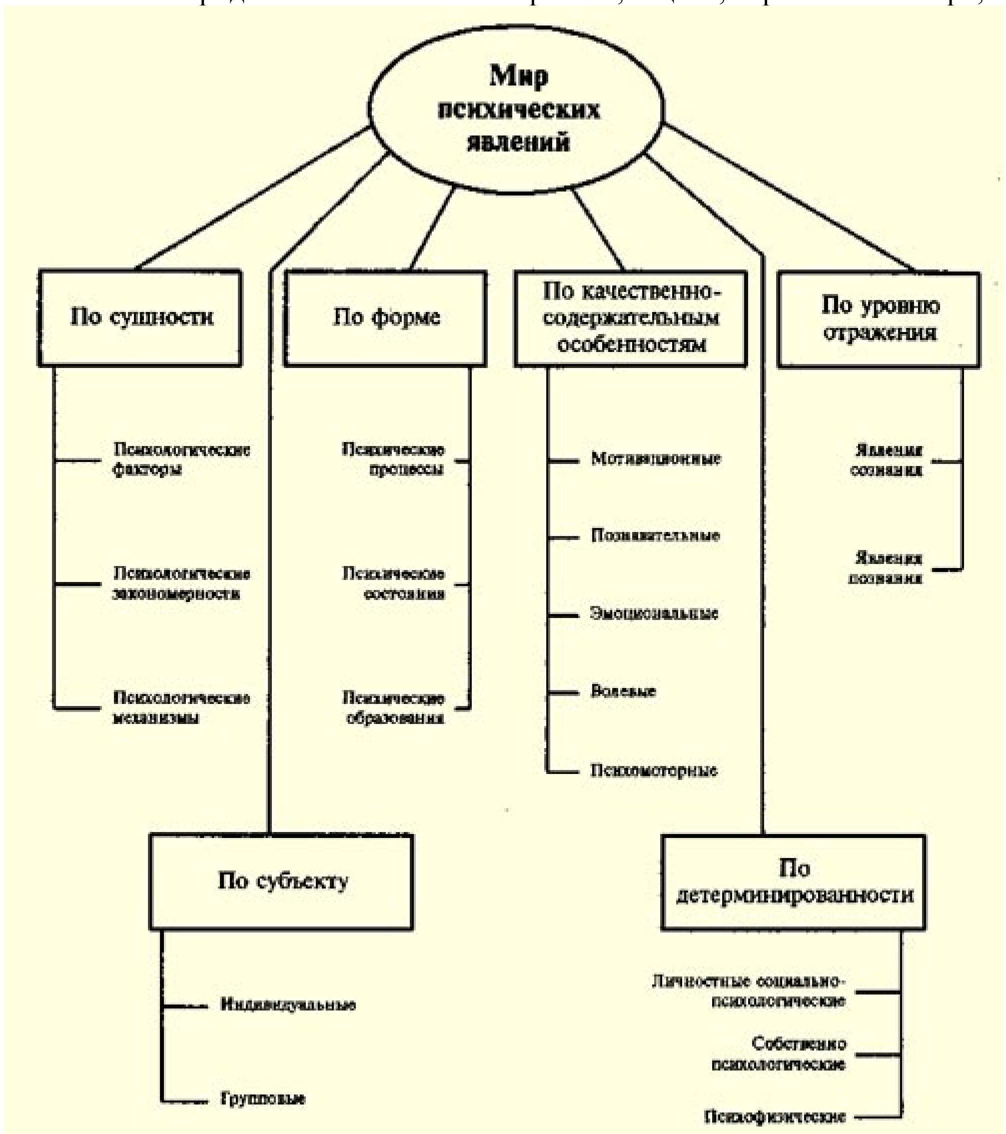

Рис. 1.1. Мир психических явлений в правовой сфере

Познавательные психические процессы, состояния и образования характеризуют интеллектуальную деятельность и соответствующие возможности человека. Они ответственны за то, что и как, в частности, воспринимается и понимается им в правовой и психологической действительности, какая картина мира и общества складывается и функционирует в его сознании. К ним относятся: ощущения, восприятия, внимание, память, представления, воображение, мышление и речь.

В *эмоциональных* психических явлениях совершается и выражается переживание человеком своего отношения к окружающему, к правовой действительности, нормам права, правомерному поведению и правонарушениям, правоохранительным органам и пр. Чувства и эмоции — основные разновидности этих явлений, которые сильно влияют на жизнь, поступки, отношения и

развитие самого человека. Положительные эмоции сказываются притягательно по отношению к их объекту или предмету, а отрицательные — отталкивающе, что (в зависимости от конкретного случая и его содержательных характеристик) влияет положительно или отрицательно на личность, ее поведение и достигаемые ею результаты. Никакие вопросы укрепления правопорядка основательно решить нельзя, не решив проблему эмоций и чувств человека. Это приходится подчеркивать потому, что именно эмоциями и чувствами чаще всего пренебрегают при решении созидательных юридических проблем.

Волевые психические явления обеспечивают мобилизацию сил и возможностей человека при встрече с трудностями. Они выражаются в волевом усилии, напряжении, настойчивости, упорстве, самообладании и др.

Психомоторные явления включены в регуляцию движений тела, рук, ног человека и выражаются в «мышечном чувстве» (кинестезических ощущениях), «чувстве тела», двигательной памяти, процессах зрительно-мышечной координации, регулирующих движения мысленных образах их и пр. Они активно участвуют в формировании двигательных навыков при обучении специалистов правоохранительных органов.

По уровню отражения различаются явления сознания и бессознательного (иногда некоторые авторы добавляют к ним и подсознательные).[1] *Сознание* включает в себя всю совокупность психических явлений, определяющих осмысленное отношение человека к миру с пониманием его существенных свойств, закономерностей и происходящего в нем. Важный элемент сознания — *самосознание,* осмысленность собственного существования в объективном мире, своих потребностей, себя самого (образ своего «Я»). *Подсознание* — совокупность явлений психики, которые не осознаются в какое-то время, но могут быть осознаны. Подсознание еще мало учитывается в юридической деятельности.

Перечисленные психологические явления выступают всегда в комплексе, в виде целостной, системной психической деятельности всех и каждого из людей. В любой момент она протекает в совокупности мотивационных, познавательных, эмоциональных и других психических процессов, опосредованных свойствами человека и закономерностями, при действии разных механизмов, на фоне определенных психических состояний. Глубина и качество правомерного или правонарушающего поведения — результирующий продукт всей этой сложной деятельности и степени ее правовой оптимальности.

По преобладающей детерминированности характеристик психических явлений различаются: личностные социально-психологические, собственно психологические и психофизиологические. *Личностные социально-психологические* явления преимущественно обусловлены социальными, т.е. общественными, факторами — социальным окружением: людьми, социальными условиями, событиями и процессами, групповыми социально-психологическими факторами (см. ниже). Они преобладают в важнейших свойствах (направленность, характер) и качествах личности (социальные потребности, отношение к труду и другим людям, мировоззрение, чувство долга, правопослушность, нравственная воспитанность, требовательность к себе и др.), ее привычках, психических состояниях, процессах и проявляются особенно в мотивации, нормах поведения, поступках, деятельности, отношениях и др. Они постоянно проявляются в психической деятельности человека, играют в ней важнейшую роль и характерны содержательными, качественными характеристиками. Важно, что они сильно подвержены социально-психологическим влияниям со стороны других людей и групп.

О *собственно психологических* явлениях можно говорить лишь в стремлении выделить в психике те из них, которые примерно в равной степени обусловлены как социально-психологически, так и психофизиологически и в то же время в них преобладают свои особенности, связи и зависимости. Чаще всего к таковым относят большинство познавательных качеств (мышления, речи, памяти, представлений, внимания, восприятий), состояний, процессов, значительную часть способностей, знаний, умений и др.

Психофизиологические явления имеют явные зависимости со стороны физиологии, прежде всего центральной нервной системы. Социально-психологические влияния в них представлены менее всего. К ним можно отнести прежде всего те, которые традиционно объединяются в темпераменте человека (чувствительность, уравновешенность, тревожность, устойчивость к риску, подвижность, эмоциональность и др.)[2], а также, с оговорками, — ощущения.

Все перечисленные явления — психологические (родовое понятие) и являются лишь разновидностями. Крайностью было бы абсолютизировать специфику детерминации этих

явлений, например, считать, что психофизиологические явления целиком зависят от физиологии, фатально неизменны, имеют биологическую природу.

Предмет психологии (и юридической психологии) включает в себя и ***психологию групп.*** Это особая, более сложная категория психологической реальности, характерная интегративными и качественно своеобразными психологическими явлениями, механизмами и закономерностями, именуемыми *социально-психологическими.* Они существенно обогащают и усложняют мир психических явлений, включенных в сферу права, оказывая сильнейшее влияние на вопросы укрепления законности и правопорядка. Как и психология отдельных субъектов права, психология групп, социально-психологические факторы и условия не индифферентны по отношению к ней, а ощутимо и многогранно влияют на нее. Они также нуждаются в изучении, учете и регуляции в комплексе путей укрепления законности и правопорядка, но на практике с ними часто считаются меньше, чем с индивидуально-психологическими явлениями, что естественно приносит немалый урон.

Основными группами социально-психологических явлений выступают:

• *массовидные:* общественные, коллективные, групповые цели, интересы, запросы, мотивы, мнения, нормы поведения, обычаи и традиции, настроения и др.;

• *взаимоотношения:* межгрупповые, межличностные, личностно-групповые;

• *личностные социально-психологические.* Являясь достоянием индивидуальной психики, они выражают, тем не менее, представленность, «жизнь» в ней воздействий первых двух групп социально-психологических явлений (человек думает, переживает, относится, стремится, делает часто так, как думают, переживают и т.д. окружающие его люди).

Действие и взаимодействие социально-психологических явлений, носящих в целом отражающую природу, во многом обусловлены особыми *социально-психологическими механизмами:* общения, социального восприятия, группового давления, конформизма (подражания), заражения, подчинения, фасилитации — усиления или ослабления взаимодействующих людей. Во многом благодаря им объединения людей приобретают своеобразную групповую психологию, отличную от индивидуальной. Метко и образно выразил это выдающийся российский юрист Ф.Н. Плевако, говоря о толпе: «Толпа - стихия, ничего общего не имеющая с отдельными лицами, в нее вошедшими. Толпа - здание, лица - кирпичи. Из одних и тех же кирпичей создается и храм богу, и тюрьма - жилище отверженных. Перед первым вы склоняете колена, от второй бежите с ужасом. Но разрушьте тюрьму, и кирпичи, оставшиеся целыми от разрушения, могут пойти на храмозакидательство,... Толпа сама чудовище... Толпа заражает, лица в нее входящие, заражаются. Бить их - это все равно, что бороться с эпидемией, бичуя больных»[3].

Совокупность социально-психологических явлений с определенными содержательными признаками в конкретной человеческой общности образует то, что называется *психологией группы* (коллектива), или морально-психологическим климатом, психологической атмосферой. От того, какова она, во многом зависят и результаты деятельности группы и каждого его члена. Уровень социально-психологического развития группы определяется степенью социальной, моральной, профессиональной зрелости целей, мотивов, стремлений, мнений, настроений, традиций, обычаев, взаимоотношений и других социально-психологических явлений, господствующих в ней. Группу с высшим уровнем такого развития принято называть *коллективом.*

Общность и различия психологии групп и поведения людей в них во многом зависят от социально-психологических механизмов, в первую очередь от общения, обеспечивающего быстрый обмен мыслями, чувствами, намерениями и, как следствие, своеобразное «выравнивание», достижение если не одинаковости, то схожести их. Но все же корень общности и различий — в отражательной природе групповой психологии, общности или различии условий, в которых они находятся. Почему люди думают, переживают, хотят одного и того же? Да потому, что они живут в одинаковых духовных и материальных условиях! Почему одна группа думает и делает одно, а другая — другое? Потому что условия этих групп разные! Что надо сделать, чтобы сплотить людей, снять противоречия между группами? Надо прежде всего создать одинаковые условия, ликвидировать очевидные различия. Что надо сделать, чтобы обострить противоречия, разложить до того сплоченную группу? Надо создать разные условия для разных членов группы (или микрогрупп), усилить различия, если они уже есть, помочь всем понять различия, если кто-то (например, главарь) пользуется неосведомленностью группы и присваивает общее. Все психологические явления оказывают заметное влияние на решение практических вопросов

укрепления законности и правопорядка. От того, как в юридических органах считаются с ними, понимают их и умеют влиять на них, во многом зависит успех.

---

[1] Заслуживает внимания мнение К.К. Платонова о некорректности термина «бессознательное». Он предпочитал говорить о «неосознанном», относя к нему то, что еще не осознано либо уже не осознаваемо. Существуют, конечно, мозговые явления, которые не могут быть осознаны. Однако лишенные субъективного компонента, они относятся не к психическому, а к физиологическому отражению, считал он *(Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий. - М., 1981. - С. 16).

[2] *Мерлин В.С.* Очерк теории темперамента. - М., 1964; *Стреляу Я.* Роль темперамента в психическом развитии: Пер. с польск. - М., 1982.

[3] *Плевако Ф.Н.* Избранные речи. - М., 1993. - С. 530.

1.3. Система юридико-психологического знания

Концепция системы. *Система* (от греч. *systema* — целое, составленное из частей; соединение) *научной отрасли* представляет собой определенным образом структурированную совокупность целостного комплекса ее знаний, их направлений, разделов, частей. Сложность предмета юридической психологии как в его «юридической части», так и «психологической» с очевидностью предопределяет огромный объем взаимосвязанных и взаимопереплетающихся знаний. Изначально интуитивно угадывается ограниченность попытки свести эти знания к психологии следственной деятельности, судопроизводства либо поставить их в центр, лишь обрамляя «венком» кратких сведений о других видах юридической деятельности, работы разных юридических органов и решения многообразных задач по укреплению законности и правопорядка.

Современная юридическая психология, какой она начала становиться с рубежа 70-х годов и ускоряющимся темпом развивается сегодня, представляет собой богатую и разветвленную систему научного знания. В структуру этой системы входят разделы юридико-психологического знания:

• уже сложившиеся к настоящему времени;
• быстро и плодотворно развивающиеся;
• начинающие развиваться;
• которые объективно должны быть представлены в системе юридической психологии, но почти еще не развиты.

При таком подходе система юридической психологии становится похожей на «психологическую систему элементов», сопоставимую по принципу с Периодической системой элементов Д.И. Менделеева. Это позволяет более правильно судить о самой юридической психологии, ее полной системе, состоянии и возможностях, способствует ускоренному преодолению ее научного отставания, ее изучения и использования в юридической практике.

Структура и состояние системы. Макроструктура системы юридической психологии в виде основных частей и разделов представлена на рис. 1.2.

Основы юридической психологии **-** (первая часть) — исходные научные и прикладные положения, характеризующие ее как отрасль научного знания, находящуюся [!]на стыке юриспруденции и психологии, ее назначение, концептуальные подходы к научно-психологическому решению проблем укрепления законности и правопорядка, создания общества, основанного на законе.

Эта часть включает в себя основные разделы, каждый из которых образован рядом направлений юридико-психологического знания и их практического приложения:

1) *методологические основы юридической психологии* — научная база, фундамент всей юридической психологии как особой отрасли научного знания и всех ее разделов. К ним относятся знания о:

• значении, месте юридической психологии в системе науки и юридической практики,
• предмете юридической психологии,
• целях, задачах и системе юридической психологии,
• методологии юридической психологии,

• истории юридической психологии.

Разработок и публикаций по этим вопросам много, хотя они несколько различаются мнениями, характеризующими движение научного знания, его продолжающееся развитие. Остаются слабо разработанными проблемы методологии, имеющие принципиальное и общее значение;

2) *психология правового общества и государства* — раздел, представляющий собой научно-психологическое видение (модель) правового государства и общества, психологических феноменов, закономерностей, механизмов, отношений, характеризующих субъекты, структуры, общности, граждан, отвечающие требованиям законности, образ жизни, поведение и деятельность, их психологические детерминанты. Исключительно важный раздел, определяющий возможность сравнивать то, что есть сегодня, с тем, что должно быть, и понимать, что надо делать, определять стратегические направления поисков на вызовы времени и существующей практики.

До последнего времени юридическая психология развивалась, как и другие отрасли научного знания, изучающие проблемы укрепления законности и правопорядка, преимущественно как бы с конца, с «ударов по хвостам», исходя из состояния преступности, ее причин и условий, необходимости их устранения и профилактики. Между тем, не менее, а, вероятно, более важен позитивный, созидательный подход — поиск путей утверждения в обществе правозаконности. Он связан с поисками и разработками по направлениям:

• психологии права,
• психологических аспектов уголовно-правовой политики,
• правовой психологии общностей,
• народно-правовой психологии,
• правовой психологии личности,
• психологии правосознания,
• психологии правовой социализации,
• психологии правового воспитания,
• психологии антикриминальной устойчивости личности,
• социально-психологической детерминации правомерного поведения, законности и правопорядка,
• психологических аспектов деятельности государственных органов и общественных формирований по укреплению законности и правопорядка,
• психологических аспектов участия средств массовой информации, культуры и искусства в укреплении законности и правопорядка,
• психологии правового просвещения, пропаганды и агитации,
• психологии личной безопасности граждан и др.;

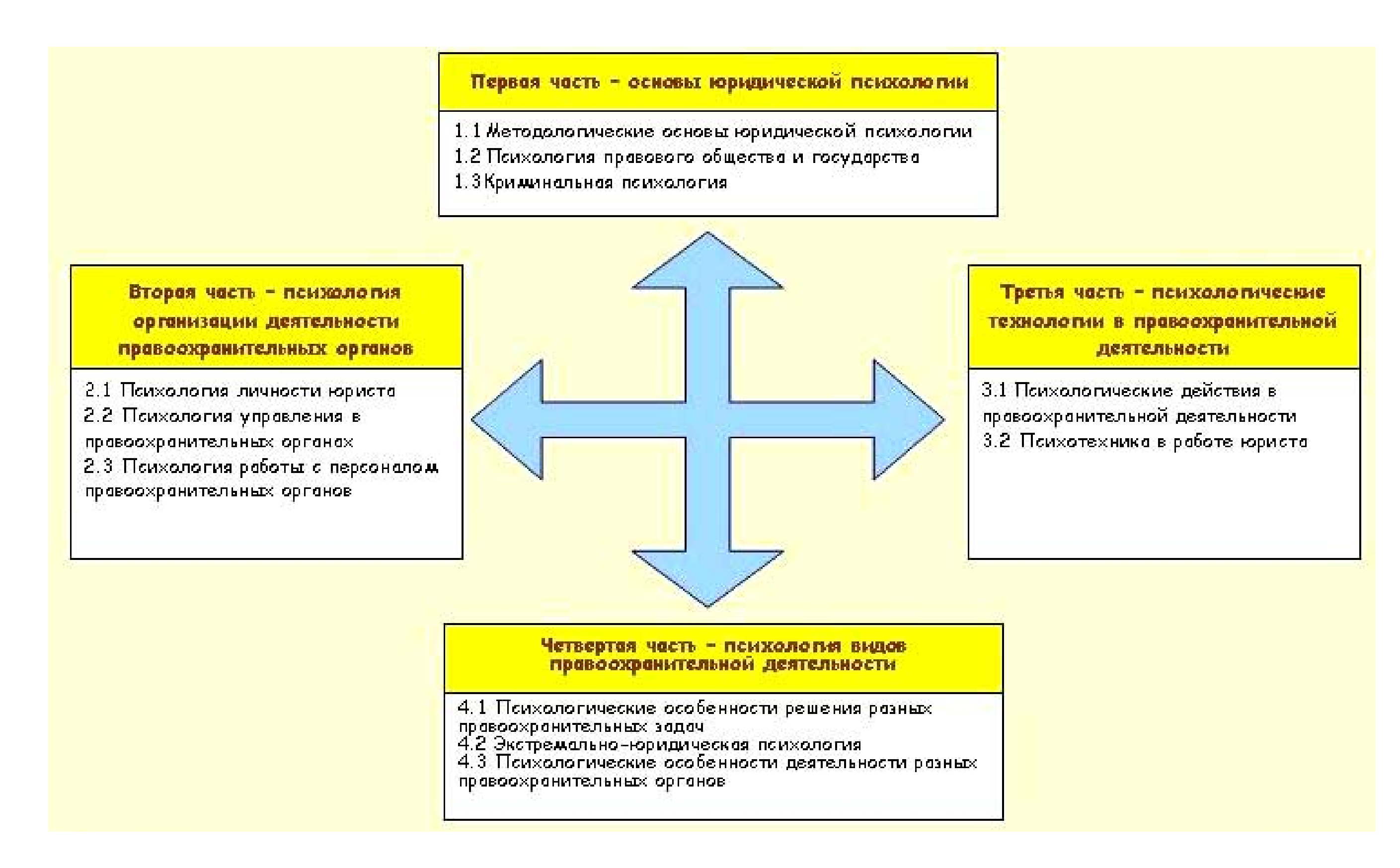

Рис. 1.2. Макросистема юридической психологии

3) *криминальная психология* - психология преступности. Ее основные направления:

• психолого-правовая асоциализация,
• психология генезиса противоправного поведения,
• психология личности преступника,
• психология криминальной среды и преступных групп,
• психологические особенности различных видов преступлений,
• психологические причины и условия преступного поведения и образа жизни,
• криминально-психологический мониторинг и прогнозирование и др.

Психологические проблемы криминологии и преступности исследовались активно, но динамика жизни общества не позволяет успокаиваться сделанным, многое из которого быстро устаревает.

Вторая часть юридической психологии — ***психология организации деятельности правоохранительного органа*** — содержит совокупность знаний по вопросам организации деятельности правоохранительного органа. Ее основные разделы:

1) *психология личности юриста* с направлениями:

• психологические требования к личности юриста,
• психологические свойства личности,
• психологические особенности профессионального мастерства,
• профессионально-психологическая подготовленность юриста,
• психология профессиональной культуры юриста,
• психограммы юридических специальностей;

2) *психология управления в правоохранительных органах,* включающая:

• психологическую концепцию управления в правоохранительных органах,
• личность в системе управления,
• психологию личности руководителя правоохранительного органа,
• психологию управленческой деятельности руководителя, ее стиля и методов,
• психологическую структуру организации управления,
• психологию текущего управления,
• психологию организации деятельности служб и подразделений правоохранительного органа,
• психологические пути совершенствования управления в условиях гуманизации и демократизации жизни общества,
• психологию взаимодействия правоохранительных органов,

• психологию взаимодействия правоохранительных органов с другими органами, структурами, общественными формированиями и населением,
• психологическое обеспечение нововведений в правоохранительных органах;
3) *психология работы с персоналом правоохранительных органов,* включающая:
• профессионально-юридическое ориентирование,
• особенности психологического отбора в юридические образовательные учреждения и правоохранительные органы,
• психологию юридического образования,
• психологию коллектива правоохранительного органа,
• психологию правового воспитания сотрудников правоохранительных органов,
• морально-психологическую подготовку юриста,
• психологию формирования профессионального мастерства юриста,
• профессионально-психологическая подготовку юриста,
• психологические особенности укрепления организационного порядка и дисциплины в правоохранительных органах,
• психологию научной организации труда в правоохранительных органах,
• психологию профилактики и преодоления профессиональной деформации личности сотрудника правоохранительных органов,
• психологические особенности подготовки и повышения квалификации управленческих кадров;
4) *психологическая служба в правоохранительных органах.* Раздел приобрел важное значение в современных условиях в связи с созданием психологических служб в МВД, ФСБ, Федеральной пограничной службе и зарождением их в других правоохранительных органах. В этом находит признание практиками возможностей юридической психологии и вместе с тем ожидание, что надежды на нее и работающих в ней практических психологов оправдаются. Огромна ответственность сейчас всех, кто работает в системе юридической психологии, ответственность за удовлетворение ожиданий и будущее юридической психологии. Если практика разочаруется, это может повлечь за собой тяжелые и долговременные последствия для юридической психологии. Потерять престиж легче, чем его завоевать, а тем более повторно. Необходимы общие усилия всего корпуса юридических психологов для оказания помощи психологической службе, забота о ее успехах, усиленная разработка эффективных технологий психологической работы.
Все разделы неплохо развиты, но слабо освещены в широкой печати.
Третья часть — ***психологические технологии в правоохранительной деятельности*** — чрезвычайно важное для правоохранительной практики направление исследований и практических разработок. Оно начало по существу создаваться и расширяться с середины 80-х годов опять-таки при активном участии сотрудников Академии управления МВД и Психологического отдела НИИ Прокуратуры. Сейчас оно включает два обширных раздела:
1) *психологические действия в правоохранительной деятельности* с направлениями:
• психологический анализ профессиональных ситуаций,
• психологический анализ юридических фактов,
• психологический портрет и его составление,
• изучение человека в психологическом наблюдении,
• визуальная психодиагностика криминальных признаков
• составление психологического портрета преступника по следам на месте преступления,
• психологическое наблюдение за группой,
• психология профессионального общения, установления контакта и доверительных отношений,
• психология правомерных психологических воздействий,
• психологический анализ сообщений граждан,
• психология диагностики лжи и скрываемых обстоятельств,
• юридическая психолингвистика,
• психология разоблачения маскировок, инсценировок и ложного алиби,
• внеэкспертные формы использования специальных познаний психолога в уголовном судопроизводстве,
• нетрадиционные психологические методы раскрытия преступлений,
• судебно-психологическая экспертиза,
• посмертная судебно-психологическая экспертиза;
2) *психотехника в работе юриста.* В современном виде раздел включает направления:

• психотехника речи,
• психотехника использования речевых средств,
• психотехника использование неречевых средств,
• психотехника построения высказываний,
• психотехника речевого доказывания и опровержения возражений,
• психотехника воздейственности речи,
• общая психотехника профессионального мышления юриста,
• психотехника рефлексивного мышления и др.

Начало изучению психотехники было положено 100 лет назад П.С. Пороховщиковым (П. Сергеич)[1], а в последние 10—20 лет оно особенно активизировалось.

Четвертая часть — ***психология видов правоохранительной деятельности*** **—** объединяет юридико-психологические исследования решения разных правоохранительных задач разными правоохранительными органами. Она представляет собой конкретизацию общих психологических подходов и рекомендаций, относящихся к предыдущим трем частям юридической психологии, и дополняет их новыми.

Эта часть включает разделы:

1) *психологические особенности решения разных правоохранительных задач с* направлениями:
• психология профилактики преступлений,
• психология предупреждения преступлений несовершеннолетними,
• психология профилактики рецидивной преступности,
• психология обеспечения безопасности граждан,
• психология гражданско-правовой работы,
• психологические аспекты борьбы с различными видами преступлений,
• психология раскрытия преступлений («оперативная психология», «психология оперативно-розыскной деятельности»),
• психология расследования преступлений и др.;

2) *экстремально-юридическая психология.* Этот раздел в связи с обострением криминальной ситуации в стране получил интенсивный импульс к развитию в 90-е годы. Он включает направления:
• психологические особенности экстремальных ситуаций в правоохранительной деятельности,
• экстремально-психологическая подготовленность сотрудника,
• экстремально-психологическая подготовка сотрудника,
• психологическая подготовка начальствующего и командного состава к управлению в экстремальных условиях,
• боевая готовность и бдительность сотрудника,
• психологические аспекты задержания вооруженных правонарушителей,
• психологические основы ведения переговоров с преступниками,
• морально-психологическое обеспечение действий сотрудников правоохранительных органов при чрезвычайных обстоятельствах,
• психология управления силами и средствами правоохранительных органов при чрезвычайных обстоятельствах.

3) *психологические особенности деятельности разных правоохранительных органов.* Система правоохранительных органов, как отмечено выше, включает в себя органы судебной системы, обеспечения охраны порядка и безопасности, предварительного следствия и дознания, прокуратуру, органы правового обеспечения и правовой помощи и негосударственные организации обеспечения правоохраны. Всего их около двадцати. У них есть общие функции и направления деятельности, но есть и особенности, есть своя специфика, определяемая задачами, условиями, объектами, формами и методами ее осуществления, есть свои особенности психологии.

Поэтому научно корректно, практически важно развивать психологические исследования и разрабатывать практические рекомендации по каждому виду правоохранительных органов. Пока такое делается в МВД, ФСБ, Федеральной пограничной службе, органах, исполняющих наказания. Начата работа по таможенным органам и налоговой полиции.

Психологические особенности деятельности других правоохранительных органов еще ждут своих исследователей.

---

[1] *П. Сергеич.* Искусство речи на суде. - М., 1988.

1.4. Специальная методология юридической психологии

Методология и ее уровни. ***Методология* — учение о принципах построения, формах и способах познания.** В методологии воплощен весь опыт эмпирического и научного познания действительности людьми. Всякая система знания настолько научна, насколько прочен ее методологический фундамент. Самые грубые ошибки, причем часто не замечаемые, происходят из-за нечеткости методологических позиций. Опора на методологию открывает принципиально верные пути выхода из любых умственных и практических тупиков. Для юридической психологии, призванной разобраться в самых сложных жизненных коллизиях, в «вихрях» и «водоворотах» человеческих страстей и деформаций, методологическая надежность имеет особое значение.

Есть четыре уровня методологии: уровень общенаучной методологии, частной методологии психологической науки, специальной методологии юридической психологии и уровень методики юридико-психологического исследования. Общая и частная методологии — общая основа любого познания и психологического, в частности. Третий и четвертый уровни максимально отражают ту своеобразную феноменологию, которая присуща только юридико-психологической реальности и позволяют познавать и влиять на нее наиболее специфично и профессионально.

Общенаучные и психологические принципы. В психологической науке эти принципы разработаны в едином комплексе, и юридическая психология использует их для решения стратегических вопросов применительно к специфике юридико-психологической реальности. К. важнейшим из них относятся:

• ***принцип объективности,*** обязывающий строить систему научного знания строго в соответствии с объективной реальностью, отражать в ней только то, что действительно существует. Необходимо принимать *все меры* для исключения влияния на научные знания пристрастий, личных взглядов, предубеждений, корпоративной солидарности, амбициозности и низкой подготовленности того (тех), кто проводит исследования и претендует на вклад в создание научной картины юридико-психологической реальности;

• ***принцип детерминизма*** (причинности, каузальности), отражающий объективно существующие в мире причинно-следственные связи и предписывающий обнаруживать причины юридико-психологических явлений, а также рассматривать последние как причину тех или иных следствий в правовой сфере. Установление причин — важнейшее условие разработки конструктивных предложений по совершенствованию практики, в противном случае они будут «бить» по следствиям и ничего не улучшать;

• ***принцип взаимосвязи и взаимодействия*** вытекает из факта существования изучаемых явлений в окружении других, с которыми они связаны и взаимно влияют друг на друга. Если изучаемое психологическое явление попадает в систему связей с другими психологическими или непсихологическими явлениями, то оно как-то будет изменяется под их влиянием и в то же время, изменившись, окажет какое-то обратное влияние. В юридико-психологической реальности трудно, даже невозможно, найти что-то, что можно понять изолированно, вне взаимосвязей с другими явлениями, условиями или событиями. Так, возникнув, скажем, под влиянием какой-то нормы права, юридико-психологическое явление (следствие) не пассивно следует ему, а меняет регулирующую силу нормы, увеличивая или ослабляя ее. Это необходимо учитывать при изучении психологических явлений и их возможностей изменять правовые;

• ***принцип системности*** развивает предыдущий и противостоит функционализму — упрощенному схематическому представлению, что психическая деятельность протекает как простая сумма отдельных, локальных психических актов (например, познавательных или эмоциональных). Между тем, и сама психика системна и ее проявления системны. Так, ошибочно полагать, что наличие у человека какого-то качества (неуравновешенность, вспыльчивость, агрессивность, и др.) является причиной преступления. Преступления совершают не какие-то отдельные качества, а личности. Преступление — всегда личностный акт, в котором обнаруживается весь внутренний мир человека, санкционирующий проявление каких-то «криминогенных начал» и регулирующий их проявление. Агрессивностью, например, обладают миллионы людей, но только малый процент их совершает преступления. Никакой поступок человека нельзя также понять вне системы его жизнедеятельности — «цепочки» жизненных

актов, объединенных определенной линией поведения в жизни, образа жизни, выступающих более сложными системностями и влияющих на каждый поступок. Например, алкоголизм — не просто какой-то отдельный порок в организме человека. Это образ жизни, особая система жизненных ценностей, особый взгляд на мир, специфическое мировоззрение, психология. Алкоголизм не вылечить никакими уколами или пилюлями, не изменив психологию личности как системной целостности, не вырвав «алкогольную душу». Научиться психологически влиять на человека — значит научиться влиять на его психику как систему, научиться оказывать не разовые, а комплексные и системные влияния в соответствии с социальными и юридическим целями и задачами;

• ***принцип развития*** выражает органически присущие миру и психике динамизм и изменчивость, обнаруживающиеся в истории всего человечества, в жизни каждого человека и в каждом психологическом акте. Подобно тому как каждый индивид во время внутриутробного развития в чреве матери за Девять месяцев анатомически и физиологически повторяет весь путь эволюции человека от клетки до готового к рождению зародыша человека, так и ребенок, появившись на свет, в своем прижизненном развитии (онтогенезе) проходит психологическую эволюцию, во многом повторяющую, но в миллионы раз ускоренную, историю развития психологии человека от питекантропа до современного. Только результаты психологического развития каждого человека далеко не однозначны, индивидуализированы и в решающей степени обусловлены обстоятельствами истории его жизни и его собственной
активности. Это относится практически ко всем психическим процессам, состояниям и свойствам человека. Поэтому к каждому человеку нельзя подходить с однажды сложившимися мерками. Психологическую данность надо рассматривать как срез на пути непрерывного ее изменения с определенными тенденциями, идущими из прошлого в будущее. Важно раскрыть именно их, понять движущие силы, найти при необходимости способы их изменений. Принцип развития - основа научного и практического оптимизма, веры в возможность целенаправленного достижения прогрессивных изменений психологии человека при решении задач укрепления правопорядка;

• ***принцип взаимосвязи психики и деятельности*** констатирует неразрывность этих двух важнейших феноменов. Деятельность — продукт психологии человека. Психическая деятельность — внутренний план, детерминанта внешней активности. Через деятельность, при оперировании с объектами мира, действуя, человек не только обнаруживает свою внутреннюю сущность, но и раскрывает их свойства, недоступные нередко пассивному созерцанию. Например, свойства горючести, хрупкости объектов обнаруживаются только когда их поджигают и разбивают. Важно, что в деятельности психология человека не только проявляется, но и изменяется. Сознание, особенности психики человека, проявляясь и реализуясь в деятельности, испытывают обратное влияние со стороны ее характеристик и слагаемых: объектов, условий, целей, мотивов, способов и др. Поучителен «эффект подмоченных штанов»: человек, уважая себя, желая выглядеть достойно и быть оцененным другими, выходит на улицу, приодевшись, нагладившись и начистив обувь. Но на незаасфальтированной улице после дождя — грязь, лужи. Человек, тщательно выбирая места, прыгая с камешка на камешек, пытается не замараться. Но вдруг неудача — нога соскальзывает и он по колено в грязи. Раздосадованный, махнув на все рукой, он, не разбирая уже дороги, начинает топать по лужам. Так нередко происходят серьезные перемены в людях, часто в связи с неудачным соприкосновением с теми или иными элементами и представителями правовой сферы.

Специальные методологические принципы юридической психологии. Специфика интегративности юридико-психологических феноменов (фактов, закономерностей, механизмов), их комплексная опосредованность всеми обстоятельствами жизни (политическими, социальными, материальными и др.), в том числе правовыми, определяет существование *особых, своеобразных причинно-следственных связей* (в том числе устойчивых — *юридико-психологических закономерностей),* необходимость их раскрытия и принятия во внимание при решении прикладных вопросов. Эта необходимость находит выражение в специальных методологических принципах юридической психологии, дополняющих общие. В них воплощается и обобщается опыт юридико-психологических исследований и удачных прикладных научных разработок.

Прииип психологической специфичности обязывает вскрывать в интегративных юридико-психологических феноменах и опосредованиях прежде всего «психологическую составляющую», ибо юридическая психология — отрасль психологической науки, это юридическая *психология,* а не психологизирующая юриспруденция.

С претензией на психологическое исследование, случается, выступают люди, подменяющее его другими подходами. Бывает, что так поступают психиатры, которым полезно скрыть свое амплуа и замаскироваться под доброжелательного психолога, ибо встреча с психиатром у любого человека вызывает настороженность. Психиатры и психологи - люди разных специальностей: первые — врачи, вторые — социальные работники; первые — специалисты по больной психике, вторые — по здоровой; первые — лечат, вторые — помогают; первые используют медицинские методы, вторые — методы помощи, поддержки, обучения. Встречается еще подмена психологического исследования психофизиологическим. Выше (§ 1.2), отмечено, что категория «психологическое» — родовая, содержание ее включает в себя «социально-психологическое» + «собственно психологическое» (психические процессы и качества) + «психофизиологическое». Сводить психологический подход к психофизиологическому — значит сводить целое к части, сложное к простому, причем такому, которое не имеет решающего значения в облике личности, ее способностях к юридической деятельности, показателях успешности.

И психиатрический, и психофизиологический подходы односторонни, ограничены, не отвечают психологической системности личности, вместо личности характеризуют ее организм, биологизируют его, имеют склонность к парапсихологическим (околопсихологическим) выводам, мистификации (объяснения со ссылками на таинственные, иррациональные силы в человеке, фатально определяющие его особенности, поступки, судьбу).

Проводить психологическое исследование и утверждать, что получены психологические данные, говорить, что выработаны психологические рекомендации — значит не сужать, не допускать методологических и теоретических извращений, а подходить к юридико-психологической реальности во всей ее полноте, системно, изучать в личностной, социально-психологической, юридической, дея-тельностной обусловленности.

При раскрытии «психологической составляющей», как показывает опыт, реализуются *разные подходы:*

• *психолого-иллюстративный* — наиболее древний и изначально единственный, но встречающийся до сих пор даже в нормативных документах. Характерен тем, что в канву чисто юридических рассуждений и анализов то и дело вкрапливаются психологические термины и объяснения. Нередко используются выражения типа «психологи утверждают», «как показали психологические исследования» и т.п., но при этом приводятся абсолютно ненаучные пояснения либо ссылки на публикацию отдельного автора, отнюдь не отражающего мнение юридической психологии как систематизированного и проверенного научного знания;

• *психолого-комментаторский* — характерен, как и первый, построением юридической логики рассуждений, но с основательным дополнением их психологическими пояснениями, более или менее отвечающими научной достоверности. К такому подходу склонны обычно юристы по образованию и образу мышления, но относительно подробно ознакомившиеся с основами психологии. Однако эти пояснения нередко страдают неточностями, «психологической школярностью»: фрагментарностью, разорванностью, слабостями психологического мышления;

• *психолого-объяснительный* — схож со вторым, но психологический комментарий компетентен. Такой подход реализуется обычно лицами с высокой психологической подготовленностью. Он имеет право на существование в юридической психологии, но имеет и недостатки. Обычно объяснения строятся на данных общей психологии, юридико-психологическую специфику не всегда удается выявить, а поэтому эвристические возможности этого подхода нередко ограничены;

• *психолого-феноменологический* — это наиболее совершенный подход, позволяющий увидеть юридическую реальность глазами специалиста с эрудицией в области юридической психологии. Подход ориентирован на выявление именно психологических феноменов и объяснение с помощью их юридической реальности. Скажем, проведение допроса процессуально связано с выполнением около 50 операций, например, в начальной стадии допроса следует: 1) представиться, 2) объяснить гражданину цель вызова, 3) удостовериться в личности вызванного, 4) разъяснить вызванному его процессуальные права и обязанности, 5) использовать начальную стадию допроса для оценки личности допрашиваемого и т.д.

Используя два первых подхода, можно более или менее детально проиллюстрировать психологически каждую операцию, но можно поступить и иначе: рассмотреть допрос сквозь призму психологических феноменов его — психологического сценария допроса, психологически обоснованного плана, формирования благоприятного психического состояния допрашиваемого, установления психологического контакта, психологического изучения допрашиваемого,

слежения за признаками его искренности и лживости, оценки занятой психологической позиции и избранной линии поведения и др. Такой подход позволяет лучше понять психологическое своеобразие изучаемого юридического явления и вскрыть оригинальные, психологически специфичные и ранее не используемые резервы улучшения дела.

Принцип юридической специфичности обязывает помнить, что подлинное юридико-психологическое знание начинается, не когда «под» юридические действия и проблемы «подводятся» общепсихологические феномены и понятия, а только тогда, когда вскрывается *именно юридическая специфика психологического, его изменения под влиянием юридической реальности и обратное влияние на эту реальность.* Это нелегкая задача, но, не решив ее, нельзя претендовать на подлинно профессиональное в юридическом плане решение психологических проблем в юридической системе. Чтобы быть настоящим юридическим психологом, недостаточно хорошо знать общую психологию, надо еще знать основы юриспруденции и хорошо разбираться в правоохранительной практике.

Принцип психологической целостности, развивая первый и второй принципы, выражает необходимость полного исследования мира как индивидуально-психологических, так и групповых явлений практически при изучении почти каждого юридико-психологического вопроса, аспекта или проблемы. Так, если изучается личность и делаются заключения о причинах ее поведения или о пригодности к работе и пр., то никакие заключения не могут быть признаны достоверными, пока не будут изучены и оценены все свойства личности (например, направленность, характер, способности, темперамент), пока не будет проведено сопоставление их роли и значения. Психологически абсолютно ненаучно, изучив, например, только характерологические или только психофизиологические особенности, давать общие оценки личности. Или, изучая поступки, ограничиваться только изучением качеств личности, игнорируя ее психические состояния, социально-психологическую обстановку, в которой она находилась, и взаимодействия с ней. Подобного рода методологические упущения, к сожалению, нередки.

Один из примеров: криминологом изучаются личностные предпосылки преступлений. Для исследования отбирается контингент, отбывающий наказания в колониях или содержащийся в следственных изоляторах. Устанавливается, что обследуемые крайне раздражительны, неуравновешены, экстерио-ризированы, несамокритичны, озлоблены и пр. Делается вывод: так как у них есть эти качества, они и совершили преступления, поскольку эти качества криминогенны. Вывод некорректный, ибо то, что обнаружено было после, переносится на то, что было, якобы, и до преступления. Совершенно игнорируется факт острых переживаний, разрушения жизненных планов, безрадостных перспектив, резкого изменения всей обстановки и образа жизни, крайне тяжелой психологической атмосферы в группах заключенных и пр., что вызывает острейший перелом в психике человека, радикальные изменения в ней, обусловливает возникновение новых психических состояний, меняющих всю картину проявления психологии личности, которые и фиксируются методологически и теоретически слабо подготовленным исследователем.

Принцип конструктивности — предостерегает от сведения исследования, представления его результатов к констатации фактов, к описательности и предписывает искать, обосновывать, экспериментально проверять пути совершенствования правовой реальности, практики деятельности правоохранительных органов. Сила юридической психологии, потенции роста ее авторитета и значимости в правоохранительных органах связаны с полезностью и эффективностью помощи практики.

Принцип гуманности и законности определяется самой сущностью права, правовой системы, задачами создания правового государства, необходимостью их совершенствования в соответствии с желательными для будущего чертами и преодолением отживающих, противоречащих им. Все психологические исследования ведутся конструктивно, если предмет их познается и оценивается с этих позиций, а разработка психологических усовершенствований направлена на их упрочение.

Методы и методика юридико-психологического исследования. В своей основе *методы юридической психологии* соответствуют общепсихологическим (рис. 1.3).

Методы организации исследования	комплексный (системный) сравнительный лонгитюдный
Методы сбора данных	биографические обсервационные психодиагностические праксиметрические экспериментальные
Методы обработки данных	количественные (статистического обсчета, ранжирования, шкалирования и др.) качественные (систематизации, группировки, типологизации, синтеза и обобщения, структурного анализа, сравнения и др.)
Методы интерпретации и оценки данных	каузальный (причинный) структурный системный генетический факторный теоретически-оценочный апробационный сравнительно-оценочный

Рис. 1.3. Система методов исследования в юридической психологии

Методика исследования — это способы и приемы конкретизации и реализации методов, их комплексирования, последовательности применения в соответствии со спецификой задач и предмета исследования и требованиями надежности, обоснованности и точности. Методы и методика нуждаются в адаптации к специфике юридико-психологической реальности, особенно методы сбора фактической информации — анкетирование, интервьюирование, психологическое наблюдение, хронометраж, неоконченные предложения, психологический анализ и др. Имеется положительный опыт адаптации методов САН, Кеттелла, Розенцвейга и некоторых других. При отборе методов и их адаптации полезно использование «Матрицы методик» *(А.М. Столяренко,* 1982), разрабатываемой для каждого исследования с учетом его юридико-психологической специфики (рис. 1.4).

Методы	Феномены, подлежащие исследованию																	
	а A						A1						A2					
	б																	
	в																	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Анкета	+		+				+				+		+	+				
Психологическое наблюдение		+		+	+					+	+			+		+		+
Психологический анализ ситуаций	+		+			+		+		+		+	+		+	+		+
Кеттел	+			+	+						+	+			+		+	
.....																		

Рис. 1.4. Матрица методик:
а — юридико-психологические феномены, подлежащие изучению; б — основные структурные блоки феноменов; в — операциональные психологические элементы

Работа ведется в три этапа. На первом выделяется комплекс основных юридико-психологических феноменов, отвечающих теме, задачам, предмету, гипотезе, плану исследования и подлежащих изучению *(а)*. Последовательными аналитическим шагами *(б, в),* базирующимися на методологии

(см. изложенные выше принципы), теории и изучении научных публикаций, имеющихся по проблеме, осуществляются структуризация и детализация этих феноменов, доходящая до операциональных (в), т.е. поддающихся надежному измерению психологическими методами. Предположим, надо изучить правосознание конкретного человека, но метода для этого нет. Приходится выделить в этом комплексном феномене основные структурные блоки *(б),* например, правовые знания, правовые убеждения, правовые ценностные ориентации, правовые отношения, правовые установки и др. Третий шаг (в) — уточнение: какие конкретно знания надо изучить, какие убеждения, какие ценностные ориентации и т.д. Таким образом определяется «поле исследования», четко поделенное на «участки».
Второй этап - поиск ответа на вопрос «как изучать?» Обращаемся к графе «Методы» (1). Решаем, допустим, использовать метод анкетирования. Вписываем его в графу и, просматривая последовательно все «участки поля исследования», отмечаем в гр. 2—19..., что с помощью этого метода можно изучить. Далее подбираем другие методы, содержащие возможности исследования выделенных операциональных элементов предмета исследования. Подбор идет до тех пор, пока все позиции 2—19... не будут прикрыты, причем каждая, как минимум, дважды (обеспечение достоверности, взаимопроверка получаемых данных). При подборе предпочтение отдается наиболее валидным, надежным, специфичным, экономным. Избыточные методы, наименее продуктивные, требующие больших затрат времени и средств, в конце этапа, если это не снизит принципиально требование научности, исключаются. Остается достаточный комплекс методов.
Третий этап — максимально возможная адаптация намеченных методов к специфике проводимого юридико-психологического исследования. Матрица подсказывает содержание этой работы. Так, содержание вопросов анкеты, ее структура и логика определяются набором и последовательностью отметок в гр. 2—19... По отметкам то же делается при разработке методов психологического наблюдения и анализа и частично других. Этим достигается взаимосвязь всего комплекса методик и соответственно научность получаемых в итоге результатов.
Результат исследования всегда напрямую зависит от правильного подбора и разработки комплекса методик, а ошибки в этом приводят к квазинаучным выводам и рекомендациям. Так, если при изучении личности в системе права будут использованы только психофизиологические методики, то личность покажется только психофизиологическим образованием и невольно будет «научно доказано», что именно психофизиология имеет главное значение в построении правового государства. Ориентация на методологию и использование матрицы методик позволяет избежать грубых ошибок и в исследованиях, и в выводах.

1.5. История возникновения и развития юридической психологии

Предпосылки и истоки возникновения юридической психологии. В ряде учебников по юридической психологии ее истоки прослеживают с античных времен. Анализируются тенденции в генезисе правового мировоззрения, цитируются высказывания Сократа, труды Демокрита, Платона, Аристотеля и других классиков античной эпохи по вопросам справедливости и правомерности, необходимости учета особенностей человеческой души. Однако подобный подход к историографии расширителен, так как при его реализации происходит смешение трех различных по содержанию, хотя в определенной мере и взаимосвязанных, значений термина «психология»: житейского (донаучного), философского и конкретно научного.
Более правильным представляется анализ предпосылок возникновения юридической психологии начинать лишь с той эпохи, когда, с одной стороны, возникают реальные социальные потребности учета в цивильном правовом регулировании психологического фактора, а с другой — в различных науках и в правовой практике уже начинает накапливаться эмпирический материал, который «высвечивает» роль психологических явлений в правовой области. Таким историческим периодом является эпоха Просвещения. Именно тогда в научных дискуссиях закладывались основы рационалистического подхода к объяснению причин преступности, а также осуществлялся сбор эмпирического психологического материала по деятельности суда и мест лишения свободы.
Преодоление теологических и натуралистических взглядов на преступность осуществлено в трудах французских философов-гуманистов Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье, М.Ф.А. Вольтера, К. Гельвеция, П. Гольбаха, где доказывалось, что право должно быть не волей правителей, а осознаваемой обществом мерой социальной справедливости, базироваться на идеях свободы личности и соблюдения ее естественных прав. Одновременно благодаря научно-

правовым разработкам итальянского юриста Чезаре Беккариа (1738—1794), заложившего основы рационально-юридической кодификации преступлений, и английского ученого Иеремии Бентама (1748-1832), создавшего «утилитарную теорию причин преступности», все больше стал возрастать интерес к изучению факторов преступности и личности конкретных типов преступников, влиянию на них следствия, судебного процесса и наказания.

Первыми монографическими работами по юридической психологии традиционно считают публикации немецких ученых К. Эккартегаузена «О необходимости психологических познаний при обсуждении преступлений» (1792) и И.Х. Шауманна «Мысли о криминальной психологии» (1792). Однако интересные психологические идеи содержались и в трудах их предшественников. Так, французский юрист Франсуа де Питаваль в 1734—1743 гг. издал двадцатитомный труд «Удивительные уголовные дела», где предпринял попытку вскрыть психологическую суть преступных деяний. В монографии Джона Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе» (1777), написанной на основе изучения значительного числа мест лишения свободы по всей Европе (более 300, в том числе и в России), не только активно отстаивались идеи улучшения содержания заключенных и соблюдения их прав, но и указывалась важность изучения и учета в пенитенциарных учреждениях индивидуальных особенностей лиц, отбывающих наказания.

Среди отечественных ученых XVIII столетия достаточно плодотворные в психологическом аспекте взгляды содержались в работах И.Т. Посошкова (1652—1726). Он, в частности, доказывал актуальность разработки классификации преступников по «степени испорченности», а также обосновывал психологически эффективные способы допроса свидетелей и обвиняемых. Другой прогрессивный деятель России той эпохи В.Н. Татищев (1686—1750) утверждал, что законы часто нарушаются по незнанию, а потому необходимо создавать условия их изучения с детства. В трудах М.М. Щербатого (1733— 1790) обращалось внимание на особую важность знания законодателями «человеческого сердца». Ф.В. Ушаков в трактате «О праве и цели наказания» (1770) предпринял попытку раскрыть психологические условия воздействия наказания и, в частности, «исправительное доведение его до раскаяния». А.Н. Радищев (1749—1802) в работе «О законоположении» обосновывал меры по предупреждению преступлений, основанные на учете психологии личности преступника (и прежде всего его мотивации).

Особенностью первой половины XIX в. является рост публикаций о преступности и личности преступника, опирающихся на достижения естественных наук (анатомии, биологии, физиологии, психиатрии и др.). Таковы работы немецких ученых И. Гофбауэра «Психология в ее основных применениях к судебной жизни» (1808) и И. Фридрейха «Систематическое руководство по судебной психологии» (1835), а также публикации отечественных ученых А.П. Куницына, А.И. Галича, К. Елпатьевского, Г.С. Гордиенко, П.Д. Лодий по психологическому обоснованию меры наказания, исправления и перевоспитания преступников.

В первой половине XIX в. большую популярность получила френологическая (от греч. *френ* — ум) теория австрийского врача-анатома Франца Галля (1758-1828), пытавшегося доказать прямую зависимость между психическими явлениями и внешними физическими особенностями строения головного мозга человека (наличием выпуклостей, впадин и соотношений частей черепа). Последователи Галля пытались создать «френологические карты» для идентификации типов преступников. Пропаганда «френологической идеи» имела место и в России. Например, профессором Х.Р. Штельцером сначала в Московском (1806-1812), а затем в Юрьевском (ныне Тартуском) университетах будущим юристам читался спецкурс «Уголовная психология по Ф. Галлю».

Апофеозом в развитии биологизаторского подхода к личности преступника явилось издание итальянским тюремным врачом-психиатром Чезаре Ломброзо (1835-1909) монографии «Преступный человек, изученный на основе антропологии, судебной медицины и тюрьмоведения» (1876), который разработал концепцию «прирожденного преступника», считая, что ему свойственны атавистические черты, роднящие с предками-дикарями. По мнению Ч. Ломброзо, типичный «прирожденный преступник» может быть распознан по определенным физиогномическим признакам: скошенный лоб, удлиненные или неразвитые мочки ушей, выпуклые скулы, большие челюсти, ямочки на затылочной части головы и т.д.

Отстаивание Ч. Ломброзо объективного подхода к изучению личности преступников нашло активную поддержку со стороны ученых многих стран мира, в том числе и в России (И.Т. Оршанский, И. Гвоздев, в ранних работах Д.А. Дриля). В то же время в силу отечественных социально-культурных традиций и междисциплинарной ориентированности они сразу были подвергнуты критике со стороны многих юристов (ВД. Спасович, НД. Сергиевский, АФ. Кони и

др.) и психологически ориентированных ученых (В.М. Бехтерев, В.Ф. Чиж, П.И. Ковалевский и др.).

На активизацию во второй половине XIX века психологических исследований причин преступности и личности преступника значительно влияли прогресс в области общественных и гуманитарных наук, актуальные запросы правовой теории и практики. Осуществляемые во многих странах мира (в России с 1864 г.) судебные реформы, в результате которых в судопроизводстве утверждались принципы независимости и несменяемости судей, состязательности судебного процесса и равноправия сторон, признания вердикта суда присяжных и тд., создавали благоприятные условия для востребованности психологических знаний. С.И. Баршев в работе «Взгляд на науку уголовного законоведения» (1858) писал: «Ни один вопрос уголовного права не может быть решен без помощи психологии,... и если судья не знает психологии, то это будет суд не над живыми существами, а над трупами». К.Я. Яневич-Яневский в статье «Мысли об уголовной юстиции с точки зрения психологии и физиологии» (1862) и В.Д. Спасович в учебнике «Уголовное право» (1863) обращают внимание на важность, с одной стороны, установления правовых законов с учетом природы человека, а с другой — наличия у юристов психологической компетентности.

И.М. Сеченов (1829—1905) — лидер отечественных физиологов и одновременно основоположник объективного поведенческого подхода в психологии как самостоятельной науки — в работе «Учение о свободе воли с практической стороны» доказывал, что «принудительные меры в отношении преступников, базируясь на физиологических и психологических знаниях *о* внутренних закономерностях развития личности, должны преследовать цель их исправления». В монографии отечественного психиатра А.У. Фрезе «Очерки судебной психологии» (1871) утверждалось, что предметом данной науки должно являться «применение к юридическим вопросам сведений о нормальном и ненормальном проявлении душевной жизни». В вышедшей в 1877 г. статье юриста Л.Е. Владимирова «Психологические особенности преступников по новейшим исследованиям» констатировалось, что социальные причины преступности коренятся в индивидуальном характере преступника, а поэтому требуются основательные психологические исследования. ДА. Дриль, имеющий и медицинское, и юридическое образование, в ряде своих публикаций 80-х годов прошлого столетия («Преступный человек», 1882; «Малолетние преступники», 1884 и др.) целенаправленно отстаивал междисциплинарный подход, доказывая, что право и психология имеют дело с одними и теми же явлениями — законами сознательной жизни человека, а поэтому право, не обладая собственными средствами для изучения этого явления, должно заимствовать их у психологии.

В конце 80-х годов XIX столетия одну из наиболее теоретически глубоких типологий преступников (невменяемые, случайные, профессиональные) разработали профессор Санкт-Петербургского университета И.Я. Фойницкий и его последователи (ДА. Дриль, А.Ф. Лазурский, С.Н. Познышев и др.).

Выяснение психологических закономерностей деятельности суда присяжных нашло отражение в публикациях Л.Е. Владимирова, А.Ф. Кони, А.М. Бобрищева-Пушкина и многих других отечественных ученых[1].

Среди активных сторонников внедрения в судопроизводство психологических экспертиз были юристы Л.Е. Владимиров, С.И. Гогель, психиатры В.М. Бехтерев, С.С. Корсаков и В.П. Сербский.

Ведя речь о значительном росте в России после судебной реформы 1864 г. интереса к психологическим знаниям, следует отметить роль произведений отечественных писателей Н.Г. Чернышевского, Ф.М. Достоевского, а также журналистско-публицистические труды А. Семилужского («Община и ее жизнь в русском остроге», 1870), Н.М. Ядринцева («Русская община в тюрьме и ссылке», 1872) и П.Ф. Якубовича («В мире отверженных, записки бывшего каторжника», 1897). Публикации этих авторов, испытавших на себе мучения, связанные с пребыванием в местах лишения свободы, активизировали научные дискуссии о мотивах преступлений, о возможности и характере процесса исправления заключенных.

В зарубежных странах *после возникновения психологии в качестве самостоятельной науки*[2] многие ее теории стали активно востребоваться для объяснения причин преступности. Так, руководствуясь идеями Густава Лебона (1841—1931), который первым начал психологический анализ феномена «толпы» и выявил роль механизма «заражения», ряд ученых попытались развить их в своих концепциях, объясняющих причины противоправных деяний масс. Габриэль Тард (1843-1904) в фундаментальных трудах «Законы подражания» и «Философия наказания», изданных в Париже в 1890 г., доказывал, что

преступному поведению, как и всякому другому, люди могут обучаться в реальном обществе на основе психологических механизмов «подражания» и «научения». Рассматривая преступников как своего рода «социальный экс-кремент», Тард утверждал, что юридические диспозиции должны строиться скорее на психологической основе, чем на посылке «о равных наказаниях за одинаковые преступления».

На развитие социально-психологического подхода к изучению причин преступности значительное влияние оказали труды французского социолога Э. Дюркгейма (1858—1917). В России юристом Н.М. Коркуновым в «Лекциях по общей теории права» (1886) общество рассматривалось как «психическое единение людей», а право трактовалось как инструмент обеспечения определенного порядка при возникновении конфликтов в межличностных отношениях. Социально-психологические взгляды развивались в трудах и таких отечественных ученых, как СА Муромцев, П.И. Новгородцев, М.М. Ковалевский, ИД. Кавелин, Н.Я. Грот, М.Н. Гернет, М.М. Исаев. Крупнейшим юристом начала XX столетия Л.И. Петражицким (1867—1931) создана рационалистическая концепция «психология права», где право выступает как психическое явление.

Конец XIX — начало XX вв. знаменательны и тем, что появился ряд фундаментальных психолого-юридических трудов. Так, австрийский ученый Г. Гросс в 1898 г. публикует монографию «Криминальная психология». В. Штерн совместно с Г. Гроссом и О. Липманом в 1903—1906 гг. в Лейпциге издают специальный журнал «Доклады по психологии показаний». В России с 1904 г. под редакцией В.М. Бехтерева выпускался «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма».

Для конца XIX — начала XX вв. характерна активизация усилий по изучению психологии лиц, отбывающих наказания (в России — М.Н. Гернет, С.К. Гогель, А.А. Жижиленко, Н.С. Таганцев; за рубежом — И.Б. Горинг, В. Хилее и др.).

Учитывая наметившееся значительное расширение круга психолого-правовых проблем, которые стали подвергаться тщательному научному изучению, швейцарский психолог Эдуард Клапаред (1873—1940) вводит в 1906 г. обобщающий термин *юридическая психология.* В ней к тому времени четко обозначились три основных направления — криминальная, судебная и пенитенциарная психология.

В развитии и применении в юридической психологии метода эксперимента значительная роль принадлежит крупнейшему отечественному психологу, психиатру и невропатологу В.М. Бехтереву (1857-1927). В опубликованной им в 1902 г. статье «Об экспериментальном психологическом исследовании преступников», а также спустя 10 лет в книге «Объективный психологический метод в применении к изучению преступности» пропагандировался комплексный подход к изучению преступного человека, в том числе с учетом генеалогической наследственности, влияния воспитания, среды жизни и особенностей генезиса самой психики. Его талантливый ученик А.Ф. Лазурский (1874-1917) не только разработал методику «естественного эксперимента», но и создал теорию личности, которая в качестве приложения содержала достаточно продуктивную типологию личности преступников. В созданном в 1908 г. В.М. Бехтеревым Психоневрологическом институте работала специальная криминологическая секция. В начале XX столетия во многих университетах мира юристам стали читаться спецкурсы по юридической психологии в целом или по ее отдельным отраслям. Например, Э. Клапаред в Женеве с 1906 г. вел «Курс лекций по юридической психологии», Р. Соммер в Гессене читал «Международный курс судебной психологии и психиатрии», а ДА. Дриль в Психоневрологическом институте — спецкурс «Судебная психология».

Основные тенденции в развитии зарубежной юридической психологии в XX столетии. В это время зарубежные ученые стали активно внедрять в практику правового регулирования методические наработки таких школ психологии, как психоанализ, бихевиоризм, психотехника. Благодаря исследованиям психоаналитиков Ф. Александера, Г. Штауба, А. Адлера, Б. Карпмена, Б. Бромберга и ряда других ученых была выявлена роль бессознательной сферы личности в преступном поведении, а также доказано, что преступные наклонности и стилевые особенности поведения делинквентов часто являются следствием ранней психической травматизации.

Заслугой представителей бихевиоризма (поведенческой психологии) является широкое изучение механизмов научения преступному поведению и активное внедрение в практику пенитенциарных учреждений различных программ «модификации поведения заключенных», направленных на их ресоциализацию.

В 20—30-е годы настоящего столетия, руководствуясь методологическими ориентирами, сформулированными основателем психотехники Гуго Мюн-стербергом (1863—1916), его последователи стремились разработать и внедрить в правовую практику разноплановый психологический инструментарий, в том числе для решения следующих узловых задач: для предупреждения нарушений права; по выяснению субъективного состава преступлений; по трактовке юридических случаев (по принятию решения в суде), по психологическому обеспечению труда сотрудников правоохранительных органов (разработка профессиограмм, профотбор, научная организация труда).

В XX в. за рубежом интенсивно развивается диагностический инструментарий юридической психологии и прежде всего тестологический подход к изучению личности преступников. Создатель одного из первых тестов интеллекта Альфред Бине применял его лишь при судебно-психологической экспертизе малолетних преступников, а в дальнейшем — для доказательства предположения, что преступники обладают более низким уровнем умственного развития. Но в итоге было доказано, что уровень интеллекта у преступников не ниже, чем у населения в целом.

Среди тестов патопсихологического характера в юридической практике нашли широкое применение методики как по отдельным моторно-физиологическим и психическим процессам, так и по изучению интегральных личностных свойств (акцентуаций характера, делинквентных способностей, направленности личности и проективные тесты («чернильные пятна» Г. Роршаха — 1921, «тематический апперцептивный тест» — ТАТ X. Моргана и Г. Мюррея — 1935, «портретная» методика Л. Сонди — 1945, методика «рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга — 1945, тест «цветового выбора»

Ф. Люшера — 1948 и др.), а также многоцелевые личностные опросники (MMPI, CPI, EPI) и др. Значительным достижением в разработке психологического инструментария является создание методики ассоциативного эксперимента, позволявшей выявлять правдивость/лживость в показаниях преступников. В 70-80-х годах зарубежные ученые стали в исследованиях прибегать к компьютерному моделированию. Так, в изданной в России монографии американских ученых Т. Постона и С. Стюарта «Теория катастроф и ее применение» обсуждаются подходы и результаты моделирования групповых нарушений в тюрьме.

Для улучшения понимания сути правовых норм и психологического обоснования путей совершенствования правового регулирования в последние годы разрабатываются и реализовываются методики юридической герменевтики.

В области внедрения в правовую сферу достижений психокоррекции и психотерапии в XX в. своеобразным полигоном для первичного апробирования их методик обычно служили пенитенциарные учреждения.

По данным аналитических обзоров по юридической психологии, которые в 1994—1996 гг. делались Институтом имени М. Планка (Германия; Гельмут Кюри), в настоящее время только в странах Западной Европы насчитывается более 3,5 тыс. психологов, непосредственно работающих в правоохранительных органах. Кроме того, существует значительное число специализированных научных центров и академических институтов, где ведутся целенаправленные исследования по проблематике юридической психологии. Помимо интеграции усилий во внутригосударственном масштабе (прежде всего путем создания профессиональных сообществ юридических психологов: 1977 г. - в Англии, 1981 г. - в США, 1984 г. - в ФРГ и т.д.) в последние годы наблюдается тенденция к возрастанию контактов и связей на международном уровне (проведение кросс-культурных исследований, международных симпозиумов и т.п.).

Развитие отечественной юридической психологии в советский и постсоветский периоды. В России в первые 15 лет советской власти, в силу социального заказа и создания организационно-институциональных условий для прикладных исследований, возникли благоприятные обстоятельства для развития практически всех направлений (отраслей) юридической психологии. Усилиями сотрудников возникших в 20-е годы во многих городах специальных кабинетов (в Саратове, Москве, Ленинграде, Воронеже, Ростове-на-Дону, Самаре и др.), а также созданного в 1925 г. в Москве Государственного института по изучению преступности и преступника не только был обеспечен значительный прирост психолого-юридических знаний, но и разработаны разноплановые средства исследования личности правонарушителей и воздействия на них.[3] Среди наиболее значительных монографических работ того периода следует отметить труды К. Сотонина «Очерки криминальной психологии» (1925), С.В. Познышева «Криминальная психология: Преступные типы» (1926), М.Н. Гернета «В тюрьме. Очерки тюремной психологии» (1927), Ю.Ю. Бехтерева «Изучение личности заключенного» (1928), А.Р. Лурия

«Экспериментальная психология в судебно-следственном деле» (1928), А.Е. Брусиловского «Судебно-психологическая экспертиза» (1929).
На состоявшемся в 1930 г. I съезде по изучению поведения человека юридическая психология уже признается прикладной наукой, отмечаются заслуги ученых в разработке проблем криминальной, судебной и пенитенциарной направленности (А.С. Тагер, А.Е. Брусиловский, М.Н. Гернет и др.). Однако в дальнейшем (более чем на три десятилетия) исследования в области юридической психологии в нашей стране по политическим причинам были прекращены.
Возобновились исследования в области юридической психологии лишь в 60-е годы. Наибольшая активность была проявлена в восстановлении научно-предметного статуса и проведении исследований по судебной психологии (Ю.В. Ивашкин, Л.М. Корнеева, АР. Ратинов, АВ. Дулов, И.К. Шахриманян и др.). Преподавание ее в юридических вузах началось в 1965—1966 гг., ее проблемы обсуждались на секциях III и IV съездов Общества психологов СССР (1968 и 1971 гг.), а также на Всесоюзной научно-практической конференции «Актуальные проблемы судебной психологии» (1971) и второй конференции в Тарту в 1986 г. В 1968 г. во ВНИИ Прокуратуры СССР под руководством А. Р. Ратинова начал работать психологический научно-исследовательский сектор, а в 1974 г. в Академии МВД — кафедра психологии управления. В 1975 г. в Академии был создан первый (и в течение 20 лет единственный) диссертационнный совет по юридической психологии, где было защищено более 10 докторских и около 50 кандидатских диссертаций).
Однако стремление ряда ученых (например, А.В. Дулов, 1971) всю проблематику проводившихся в 60-е годы исследований по юридической психологии включить в состав лишь одной из ее подотраслей — судебной — не разделялось многими учеными. Во второй половине 60-х годов А.Д. Глоточкиным, В.Ф. Пирожковым, А.Г. Ковалевым была обоснована необходимость автономного развития исправительно-трудовой психологии. В этот же период (60-е — начало 70-х годов) наблюдалась и тенденция активизации изучения проблем, традиционно относимых к областям правовой и криминальной психологии.
Реальная активность отечественных ученых привела к тому, что в 1971 г. Госкомитетом по науке и технике при Совете Министров СССР было принято решение о введении в реестр научных специальностей под номером 19.00.06 новой специальности — «юридическая психология».
В последующее 20-летие развития отечественной юридической психологии был значительно расширен диапазон исследований практически по всем ее важнейшим направлениям:
• методолого-теоретическим проблемам юридической психологии;
• правовой и превентивной психологии;
• криминальной психологии;
• психологии в следственной и оперативно-розыскной деятельности;
• судебной психологии и проблем совершенствования судебно-психологической экспертизы;
• исправительно-трудовой (пенитенциарной) психологии;
• психологии управления в правоохранительных органах;
• психологическом обеспечении юридической деятельности.
С созданием и развитием с начала 90-х годов в правоохранительных органах психологической службы расширилась практическая деятельность юридических психологов, приобретая прежде всего черты комплексного подхода к разработке проблем психологического обеспечения юридического труда.
История зарождения и развития юридической психологии убедительно свидетельствует, что данная область теоретического знания и психопрактики становится весьма многоплановой и в перспективе будет еще более востребуемой в правовой сфере и будет оказывать на нее свое формирующе-гуманизирующее воздействие.

---

[1] Подробнее см.: *Будилова Е.А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. - М., 1983. - С. 54-63.
[2] Историки психологии датой ее возникновения как самостоятельной науки считают 187? г., когда Вильгельмом Вундтом в Лейпциге была создана первая экспериментальная психологическая лаборатория. В России первая подобная лаборатория была открыта в 1885 г. в Казани (руководитель В.М. Бехтерев), а до конца прошлого столетия они возникли также в Киеве, Харькове, Одессе, Тарту, Петербурге, Москве, Львове (П.И. Ковалевский, И.А. Сикорский, Н.Н. Ланге, В.Ф. Чиж, С.С. Корсаков, А.А. Токарский).

[3] Подробнее см.: *Поздняков В.М.* Личность преступника и исправление осужденного (историко-психологический очерк). - Домодедово, 1998.

Глава 2. Психологическая детерминация правомерного поведения

2.1. Психология права

Теория права и психология права. В юридической науке хрестоматийны идеи интегративного подхода к праву, действию права, правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, который только и способен обеспечить достижение нужного правового и социального результата. Признается, что наряду со специально-юридическим необходим и «социологический», а в рамках его и личностный подход, реализующий формулу «человек есть мера всех вещей», в том числе и правовых. Личность — не только объект правового воздействия, но и источник, формирующий право, сила, творящая и преобразующая посредством права социальную действительность. Приоритет человеческой личности, ее интересов и потребностей, социальных групп во всех правовых решениях и действиях должен быть бесспорен, ибо такова гуманистическая природа права.

Ученые-правоведы, отмечая необходимость интегративного подхода, развивают в деталях собственно правовую сторону его в аналитической теории права, а другие его стороны, призванные изучаться другими специалистами, остаются практически в области неразведанного интеллектуального пространства. Лишь около 20 лет назад российским ученым В.В. Лазаревым предпринималась теоретически оригинальная и полемически острая попытка обосновать необходимость правовой психологии[1].

Почти 100 лет назад Л.И. Петражицким была создана так называемая «психологическая школа права», в которой автор сделал радикальную попытку психологически раскрыть связь личности и права. Им были допущены и ошибки, в частности, утверждалось, что право — категория психологическая: «...право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически»[2]. Последовавшая критика слабых мест теории привела к тому, что «вместе с водой выплеснули и ребенка». Практика современной аналитической теории права практически не опирается на данные психологической науки. Частое употребление слов «личность» и «психология» мало спасает положение.

Рассмотрение психологии личности и психологии групп далеко от современных данных научной психологии. О психологии права вспоминают как об ушедшем в историю событии, что уже можно расценивать как ослабление внимания к психологическим аспектам правотворчества и правоисполнения. Верная мысль правоведов, что недооценка «человеческого субстрата» ущербна для юридической практики, вполне может быть отнесена к состоянию изученности и оценки психологии этого субстрата в теории права.

Вообще проблемы права и психологии права весьма сложны и сходу их не решить. Еще раз это подтверждает ознакомление с работами ведущих теоретиков в области аналитического правоведения, правовой философии, социологии права, отличающихся эрудированностью, глубиной и тонкостью мысли, изяществом и логикой рассуждений, вызывающих восхищение. Многие опубликованные учебники и пособия по юридической психологии просто обходят сложности этой проблемы.

Вопросы психологии права нуждаются в более полном и компетентном психологическом рассмотрении, что и призвана осуществить юридическая психология. В ряду с существующими разделами теории права, отражающими разный уровень изучения права, должна занять достойное место и *психология права* как раздел ее. Излагаемое ниже — подходы в ее разработке.

Правовое регулирование и психология. Общепризнано, что в системе социального регулирования важное место занимает правовое регулирование. В энциклопедическом понимании всякое регулирование означает упорядочение, воздействие с целью наведения порядка, правильности, приведения в движение, развития какого-либо явления. Право, призванное регулировать общественные отношения, оказывает влияние на психологию и поведение людей. В работах по теории права справедливо отмечается, что только пройдя через сознание людей, право может повлиять на действительность общественных отношений. «Выделять понятие нормативной регуляции из психологической «механики поведения» можно лишь посредством теоретической абстракции», — верно отметил О.Г. Дробницкий[3]. Психологически, как уже отмечено в § 1.2, сознание — не просто мышление. Это практически вся психика во всем богатстве ее феноменов, закономерностей и механизмов за исключением сферы бессознательного. Поэтому и понять регулирующее воздействие права нельзя, ограничившись упоминанием роли мышления, мотивами или волей. Право воздействует на личность и личность отвечает всей целостностью

своей психологии, всего мира психических явлений (см. § 1.2), что непременно должно быть принято во внимание при рассмотрении правового регулирования.

Под правовым регулированием обычно понимается использование всех возможностей воздействия права на сознание и поведение людей, всех его видов — воспитательного, мотивационного и специфически юридического, — закрепление прав и обязанностей участников общественных отношений, установление правовых запретов, обеспеченность права мерами государственного принуждения. Право оказывает влияние на духовный мир и поведение людей через комплекс предоставляемых прав и обязанностей, запретов и дозволений, правовой статус.

Правовое регулирование в отношении личности в теории права выражается в понятиях «регулятивное воздействие», «идейно-мотивационный характер его», «внутренние (моральные) начала», «влияние на поведение», «вызов поступков», «обеспечение правомерного характера деятельности» и т.п.

С точки зрения психологии, все такие воздействия относятся к поведенческо-деятельностным, предполагающим введение поведения личности в определенные рамки, направление его по определенному руслу, ограждение от посягательств. В таком понимании регуляции слышны нотки манипулятивного подхода. Не случайно часть правоведов отстаивают важность созидательной, упорядочивающей, преобразующей функции правового регулирования, но применительно к личности и они все же не выходят за рамки категории «воспитательного воздействия», относящейся к педагогике, а не к психологии. Созидательное психологическое воздействие правового регулирования на самом деле должно быть более глубоким и разносторонним, отвечающим представлениям научной психологии, что и рассматривается ниже.

В теории права справедливо выделяется роль социально-психологических групповых факторов, правовой психологии, но сама правовая психология групп практически не рассматривается как объект правового регулирования. Употребление понятия «правовая психология населения» более отвечает сущности философского, нежели психологического, подхода и мало спасает положение, ибо это понятие слишком глобально и используется без дифференциации с учетом всего мира социально-психологических явлений (см. § 1.2). Если психология человека входит в предмет правового регулирования, то трудно мотивировать отказ рассматривать и психологию групп в таком ракурсе, тем более, что психологическая наука (в частности, ее отрасль — социальная психология) не только констатирует существование этого феномена, но и изыскивает пути влияния на него. И еще важное: предназначение права в ее теории практически всегда связывается с воздействием на общественные отношения, но та психологическая реальность, которая включена в любые отношения людей (личностей и групп) имеет социально-психологическую природу. Наконец, нельзя просто закрывать глаза на объективную реальность: право, состояние системы права оказывают регулирующее влияние на общественное мнение, общественные настроения, групповые устремления, групповые ожидания, намерения, действия, взаимоотношения и другие феномены групповой психологии.

Необходима тщательнейшая проработка связей, механизмов, возможностей и характера праворегулирующих влияний на психологию населения, социальных групп. Важно рассмотреть созидательные влияния права на повышение уровня развития правовой психологии населения и его групп, создание здорового правового психологического климата, оптимизацию всех социально-психологических явлений, укрепляющих правовую основу жизни общества и деятельности государства.

Стоит подчеркнуть достаточно очевидное, но психологически принципиально важное. Формула «общество состоит из личностей», подход к рассмотрению регулирующей роли права в рамках отношений «право + личность» страдают на самом деле асистемной прямолинейностью, не соответствующей психологическим реальностям. Между обществом и психологией личности стоит групповая психология. Психология личности — не замкнутая, а полуоткрытая система, в которой всегда представлены, в большей или меньшей степени, влияния психологии групп разного масштаба и других особенностей, элементом которых она является. Классические положения о том, что нельзя жить в обществе и быть от него свободным, что психология личности есть совокупность всех общественных отношений, можно представить схематически, как это показано на рис. 2.1. Человек живет, понимает мир, относится к его явлениям в значительной степени под влиянием окружающей его социально-психологической «призмы». Нельзя ожидать от него и правомерного поведения, не изменив социально-психологическую атмосферу, которая подпитывает его мысли, убеждения, чувства, намерения и пр. Поэтому весь психологический пафос правового регулирования должен быть связан с предметом — системой

«право—психология группы—психология личности», в которой две последние психологические реальности должны рассматриваться во взаимосвязи.

Правовые средства и психология. Все составляющие действия права, такие, как социально-юридические средства, социальные субъекты, социально-правовые условия, включают в себя представительные психологические элементы, связи и зависимости, влияющие на силу права, его потенциал, пределы действия, активность, восприятие, воздейственность, на бытие.

Сила, «юридическая энергия» права, любого правового установления безусловно связана с его принудительными и карательными свойствами и даже менее императивными — указательными и дозволительными (при положительном регулировании), но не сводится к ним. Нормы права — ядро системы правовых средств. Главным источником силы, «юридической энергии» выступают механизмы права и его норм, к которым теоретики права относят собственно правовой, социальный механизмы и ***психологический механизм.*** Такой механизм безусловно существует, но мало его признать, отметить влияние на сознание, мотивы и волю людей (как это чаще всего делается). Теоретически, а еще важнее практически понять, почему этот механизм не всегда срабатывает, как, при каких психологических условиях он оказывает нужное регулирующее влияние. Есть *две группы таких условий:* связанные со свойствами самих правовых норм и установлений и — людей, которым они адресованы.

Каковы регулятивные свойства правовых норм и установлений, такова и их сила. Ученые-юристы признают важность интегративности свойств, необходимость влияния норм на психологию людей, их сознание, мотивы поведения, отношения и, как следствие, на их правомерное или правонарушаю-щее поведение. Однако среди свойств (всеобщей обязательности, определенности содержания, действия через дозволения, государственной гарантиро(-ванности и др.) не называется ничего напоминающего их психологическую силу. Очевидно, что правовые средства выполнят свое регулирующее предназначение, если наряду с другими будут обладать и ***психологическим свойством***[4]**.** Можно сказать, что необходима психологичность правовой нормы. Речь идет о том, что при подготовке правовых установлений и норм следует определять, как они будут восприняты теми, кому адресуются, какой психологический отклик вызовут, как сделать так, чтобы они повлияли должным образом. Закон, как отмечал еще Платон, должен не просто управлять, но и убеждать. Проявление психологического свойства неизбежно зависит от:

• ориентированности *содержания* на улучшение жизни людей, соответствия их социальным ожиданиям, учета правовой культуры их, реалистичности (выполнимости), продуманности непосредственных, отдаленных и возможных побочных последствий;

• *оформления* писаной нормы: понятности языка, определенности (не допускающей двойственных толкований), полноты (не оставляющей «пустот», которые порождают вопросы, домыслы и сомнения).

Рис. 2.1. Психология личности, групп и право

Вторая группа условий, определяющих силу права — люди, которым правовые нормы и установления адресованы, их особенности, влияющие на понимание их, на отношение к ним, одобрение — неодобрение, желание — нежелание следовать им, возможность их соблюдать. Сила правовой нормы, установления велика, если они успешно учитывают и положительно влияют на эти особенности, тесно связанные с психологией. Общеобязательность правовых норм связана с определенным уровнем правовой культуры граждан и в зависимости от соответствия ему выступает условием бытия права, обеспечения правового статуса каждого, его прав, свобод и обязанностей. Правомерное и правонарушающее поведение — всегда проявление несоответствия общеобязательного характера правовых норм правовой культуре граждан, их правосознанию.

Качество права, правового установления, правореализации зависит (наряду с собственно правовыми характеристиками) от *качественной определенности их психологического свойства,* отражающего способность субъекта правотворчества и правореализации понять психологическую реальность и оптимально отразить в своих действиях взаимосвязи с ней в интересах действенного укрепления законности и правопорядка. Любые закон, подзаконный нормативно-правовой акт, норма, любое положение в документе будут исполняться и что-то изменят к лучшему, если они не только рассматриваются как чисто правовое орудие, но по своему содержанию и оформлению обеспечивают психологическое воздействие на людей, которым адресованы. В этом обнаруживается обогащение потенциала норм права и законодательства, увеличение их юридической силы. Их конструктивность, созидательная роль, которую они призваны играть, выражаются при этом более ярко. Это особенно важно ныне для оценки развитости, гуманности и демократичности правовой системы и актов, направленных на ее совершенствование.

Система права и психология. Право как институциональное образование, как объективное право, складывается, как вещество из атомов и молекул, из множества законов, юридических норм, прав и обязанностей, санкций, других элементов правовой материи, выраженных в признаваемых государством источниках. Это многоуровневая, иерархическая структура, существующая в обществе, построенная на основе правовой идеологии и выступающая в качестве особого регулирующего феномена, обладающего системным правовым влиянием. Лишь развитое право, выраженное с высоким уровнем этого социально-правового образования, способно оказать позитивное регулирующее влияние на законность и правопорядок в обществе. Достижение этого правовая наука рассматривает в качестве основной задачи всей правотворческой деятельности государства.

Бытие правовой системы связано с явлениями общественного сознания, выраженного концентрированно в *правовой идеологии.* Правовая наука понимает под ней систематизированную, выраженную в правовых категориях (законности, справедливости, равноправия, единства прав и обязанностей и др.), правовых и научных документах и воплощенную в объективном праве научно обоснованную и одобряемую государством концепцию о роли права и способах использования его возможностей в интересах построения правовой основы государства и общества, гарантированного обеспечения прав граждан и развития общества как гуманного и правового.

Альтернативой правовой идеологии выступает *правовая психология,* (Е.А. Лукашева называет ее социально-правовой психологией),[5] представляющая собой психическое отражение всей системы права и его элементов в обыденном сознании населения и его групп. Это своеобразный «дух права» (С.С. Алексеев) в народе и государственных структурах, степень реальной жизни правовых идеалов и ценностей, действительной авторитетности права, выраженных в социально-психологических феноменах: общественных взглядах, общественном мнении, общественном настроении, правовых традициях и обычаях, реально функционирующих групповых нормах отношений и поведения и др.

Большинство правоведов видят не только влияние системы права, правовой идеологии на общественную правовую психологию, но и влияние последней на первую. Правотворчество детерминируется потребностями общественного развития. Когда накопились предпосылки и назрела необходимость правовых нововведений, в процесс правообразования вступают компетентные государственные органы.

Психологическая реальность имеет специальное значение для развития права, для правовой'[1] политики. Историей доказана безуспешность попыток силой закона, только правотворчеством решать проблемы правопорядка («правовой ригоризм»). Никакими правовыми регулятивными воздействиями невозможно психологически адаптировать граждан к не приемлемым для них законам, не адекватным их психологическому менталитету, историческим национальным

традициям, актуальным чаяниям и ожиданиям. Недейственно и опасно и левацкое забегание вперед («правовой романтизм», «правовой авантюризм») — издание «прогрессивных» законов, не отвечающих педагогическим реалиям, плохо учитывающих уровень развитости общественного сознания и правовой психологии населения, его демократический и правовой опыт. Такие нормативно-правовые акты не только обречены на бездействие, но и множат неуважение к правам, долгу, обязанности. Закон силен, действует, если он исполняется, если он воспринят и понят населением, принят умом и внутренне одобрен, охраняется им самим. Такой закон одновременно оказывает на людей развивающее, возвышающее их влияние.

Опыт убедительно свидетельствует, что взаимоотношения правовой психологии и идеологии отнюдь не однозначны. Правовая идеология и право-творчество — сами продукт деятельности законодателей, правоведов — ученых и практиков, зависящий от их собственной психологии, как индивидуальной, так и групповой. Взаимоотношения и действия противостоящих и борющихся за власть партий, их представителей в государственных органах, конкуренция различных школ в правоведении и другие психологические феномены существенно отражаются на продуктах правотворчества.

В свою очередь правовая психология — не зеркальное отражение объективного, писаного права. Неосведомленность, неполное понимание, искаженное понимание, ошибочное толкование и другое могут вызывать отставание правовой психологии. В то же время развитие правовой психологии, вызванное изменениями образа жизни и самодвижением, обязывает совершенствовать систему права. Пассивное отношение государства к отражению в создаваемой и совершенствуемой системе права правовой психологии, как учит опыт, сказывается отрицательно на реальном состоянии законности и правопорядка. В России в последние годы произошло снижение «духа права» в обыденной психологии. Растут проявления правовой неосведомленности, правового нигилизма, чувства правовой незащищенности, неверия в гарантированность предоставляемых прав, безнаказанности правонарушителей, беспомощности правоохранительных органов, недовольства состоянием правотворчества и качеством законов, отставанием законотворческой деятельности от потребностей жизни общества и граждан, оторванности государственных органов от народа, снижением авторитета правоохранительных органов и др. В условиях, казалось бы, активной законотворческой деятельности в государстве и принципиальной правильности правовых новаций это может казаться парадоксальным. Однако во многом это объясняется почти полным отсутствием цивилизованно поставленной деятельности федеральных и муниципальных органов по упрочению связей между правовой идеологией, правотворчеством и правосознанием. Отрицательно сказываются, как об этом свидетельствуют результаты опросов населения, прекращение публикации во всех газетах (как это было раньше) новых законодательных актов, отсутствие теле- и радиопередач с разъяснением новых законов, отражение вопросов права и правопорядка преимущественно в негативном свете (преобладание «пугающей» информации, увлечение критикой правоохранительных органов и показом их промахов и плохой работы и т.д.), культ силы, жестокости, безнравственности и насилия в фильмах, демонстрируемых по телевидению и др.

Таким образом, психологическая реальность присутствует во всех блоках права: праве как нормативном образовании, механизмах правового регулирования, правотворчестве и правоисполнении. Человеческая (личностная, групповая) направленность права, усиление человеческого начала в нем, увеличение его силы и реального влияния на социальные процессы возможны лишь при полноценном учете его связей с психологическими реалиями и задачами, при их *психологическом усилении.* Без этого право неизбежно теряет в своем потенциале, силе регулирующего влияния на состояние законности и правопорядка. Всесторонний учет психологических взаимосвязей его конкретизирует достоинства естественно-правового подхода к праву, [6] строящемуся на гуманистических идеях об определении его содержания на основе естественных, прирожденных прав человека как представителя человечества, члена общества, носителя сознания. Гуманитарно-моральные критерии — первооснова развитой юридической системы. Только при гуманитарно-психологическом видении права и построении на нем позитивного права право на деле обнаруживает себя как гуманитарное явление, приобретает характер подлинной цивилизованности, подлинной социальной ценности, социального блага и становится действенной социальной силой.

---

[1] *Лазарев В.В.* Социально-психологические аспекты применения права. - Казань, 1982.

[2] *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. - СПб., 1907, - С. VII.

[3] *Дробницкий О.Г.* Понятие морали. - М., 1974. - С. 242.
[4] Свойство - сторона, особенность предмета, которая обнаруживается при его взаимодействии с другими.
[5] *Лукашева Е.А.* Социалистическое правосознание и законность. - М., 1973, - С. 143-162.
[6] См.: *Четвериков В.А.* Современные концепции естественного права. - М. - С. 13-14; *Алексеев С.С.* Теория права. - М., 1995. - С. 7, 117-119.

2.2. Правосознание как частно-научная теория юридической психологии

Правосознание: актуальность и значимость. Общее понятие. Проблема правосознания, изучения его реального уровня, состояния, содержания относится к числу ключевых, основополагающих научных направлений юридической психологии. С ее решением связаны задачи укрепления законности и правопорядка, повышения эффективности и качества деятельности правоохранительных органов; борьба с преступностью и предупреждение причин, ее порождающих; постижение глубинных содержательно-психологических механизмов социального взаимодействия людей; познание движущих сил и внутренних регуляторов юридически значимого поведения. В современных условиях особую остроту и актуальность приобрели вопросы изучения общественного мнения, которые являются частью общей теории правосознания.

Правосознание — сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентации, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях. Спецификой этой сферы общественного сознания является правовое опосредование и осознание социальных явлений, соотнесение их с правовыми требованиями, с представлениями о необходимости и границах правового регулирования, с правовыми оценками и отношениями.

В любом акте правового поведения обязательно проявляется правосознание действующего лица. Оно может характеризоваться знанием или незнанием конкретной нормы права, различной степенью авторитета государственной власти, закона, деятельности органов правоохраны в глазах индивида, солидарностью с действующими правовыми запретами и правовыми санкциями за их нарушение или же с негативным отношением к тому и другому.

Структура правового сознания. Правосознание относится к числу явлений, которые не могут быть раскрыты в какой-то одной системе представлений. Необходимо по меньшей мере несколько сечений, чтобы обнажить его сложную структуру. Многоплановый разрез является условием изучения взаимосвязей различных продуктов духовного отражения правовой действительности и определения социальных функций правосознания в целом.

При исследовании правосознания с точки зрения предмета отражения выделяются сферы правосознания, соответствующие разным отраслям права и различным видам правовых отношений. Недифференцированное в этом плане изучение правосознания недостаточно продуктивно для понимания его роли в той или иной области правовой жизни общества и индивида.

Структура правосознания, изучаемого с точки зрения глубины отражения правовых явлений, обнаруживает как бы два уровня: *правосознание обыденное* и *правосознание теоретическое.* Как известно, различие между ними состоит в том, что первое носит эмпирический характер, порождается повседневными условиями жизни людей, ограничивается непосредственными нуждами и сводится преимущественно к обиходным представлениям, оценкам, навыкам поведения, тогда как правосознание теоретическое стремится проникнуть в сущность явлений, познать их закономерность, выразить их в системе взглядов, концепций, теорий.

По широте распространения различных видов отражения правосознание характеризуется как массовое, специализированное, локальное. При рассмотрении правосознания с точки зрения его принадлежности определенным *субъектам* возникает необходимость различать конкретных носителей и соответственно этому — правосознание общества, групп и индивидов.

Функциональные компоненты правового сознания. Анализируя функциональную структуру и компоненты правосознания, следует вспомнить исходное положение психологической науки о единстве сознания и деятельности. Принцип деятельностного подхода в самой краткой формулировке состоит в том, что сознание формируется в процессе и в результате деятельности и проявляется, реализуется в ней. Применительно к рассматриваемой проблеме это означает, что

структура правосознания может быть познана по результатам функционирования, конечным его продуктам. Соответственно *трем функциям правосознания — познавательной, оценочной и регулятивной* — определяются основные функциональные компоненты правосознания (табл. 2.1).

Таблица 2.1. Функциональная структура правосознания

Основные функции правосознания	Психические компоненты	Результаты функционирования	Эмпирические показатели
Познавательная	Интеллектуальный	Правовая подготовка	Юридические знания и умения ими пользоваться
Оценочная	Интеллектуально-эмоциональный	Ценностные отношения к праву и практике его применения	Оценочные суждения (мнения)
Регулятивная	Интеллектуально-эмоционально-волевой	Правовые установки и ориентации	Поведенческие позиции (решения)

Познавательной деятельности соответствует определенная сумма юридических знаний и умений, или правовая подготовка. Оценочной функции отвечает система оценок и мнений по юридическим вопросам, или оценочные отношения к праву и практике его исполнения и применения. Регулятивная функция осуществляется за счет социально-правовых установок и ценностных ориентации.

В основе социально-приспособительной деятельности людей лежит минимальная сумма знаний об объектах и объективных условиях такой деятельности. Это относится и к правовой сфере. Но правовая подготовка людей не исчерпывается их формальными юридическими знаниями. Можно обладать знаниями, но не уметь ими пользоваться, поэтому необходимо учитывать степень практического владения этими знаниями. Уровень правовых познаний и умение применять их на практике поддаются эмпирической проверке с относительной степенью достоверности.

Познавая действительность, люди не остаются равнодушными к полученным знаниям. Они соотносят их с прошлым опытом, потребностями, интересами, целями деятельности. Познанные свойства объектов определенным образом переживаются. Возникает новое, на этот раз уже интеллектуально-эмоциональное образование — психическое отношение к объектам познания и практической деятельности (определение субъективной значимости объекта как хорошего или плохого, полезного или вредного, приемлемого или неприемлемого и т.п.).

Отношение выражается в оценке. Она состоит в признании значимости чего-либо с точки зрения индивида, группы или общества. Оценка стоит между познанием и практикой. Это всегда сравнение, в результате которого субъект выбирает как раз то, что соответствует потребностям и интересам, ценностям его сознания. Профильтрованные через личный опыт и правовую практику субъекта познаваемые им разные стороны и явления правовой жизни точно так же вызывают к себе определенные отношения и, будучи значимыми для личности, приобретают известный смысл, квалифицируются как ценности.

Подобная оценка есть «знание значения» предмета, поступка, явления, деятельности, которая включает в себя представление об объективных свойствах оцениваемых предметов и явлений. Поэтому оценивающая деятельность невозможна без познающей.

В структуру правосознания входят *четыре* основных типа *оценочных отношений:* отношения к праву (его принципам, институтам и нормам); оценочные отношения к правовому поведению людей; к правоохранительным органам и их деятельности; к собственному правовому поведению (правовая самооценка).

Отношения к правовым ценностям выражаются в оценочных суждениях, которые могут быть выявлены эмпирическим исследованием с большей или меньшей степенью соответствия подлинным оценкам обследуемых лиц. Разумеется, нужно учитывать, что получаемые при этом оценки могут носить декларативный характер и контрастное, «черно-белое» изображение ценностных отношений в терминах «за» или «против» есть только бледная абстракция действительных отношений, богатых красками и полутонами. Поэтому сфера правовых оценок по

сравнению с правовыми знаниями труднее подда» ется эмпирическому выявлению и требует более сложных методик.

Однако сами по себе ценностные отношения как интеллектуально-эмоциональные образования без сил, играющих роль пусковых и движущих механизмов деятельности, еще не обладают способностью практической реализации. Такую роль выполняет волевой компонент, формирующий готовность действовать в определенном направлении. Включение этого компонента приводит к новым, теперь уже интеллектуально-эмоционально-волевым образованиям, социальным установкам.

Под *установкой* понимается сформированная на основе прошлого опыта предрасположенность воспринимать и оценивать какой-либо объект определенным образом и готовность действовать в отношении его в соответствии с этой оценкой. Динамический энергетический характер отличает установку от оценочного отношения, которое само по себе остается созерцательно-эмоциональным. Когда объектом установки служат различные правовые ценности, мы говорим о *правовых установках.*

В совокупности установки организуются в систему ценностных ориентации. Ценностные ориентации — это устойчивая система установок, определенным образом ориентированная на социальные ценности и направляющая поведение людей по отношению к этим ценностям в условиях их сложного взаимодействия. Доминирующие установки образуют направленность личности, определяют ее жизненную позицию и характеризуют содержательную сторону ценностных ориентации.

Правовая ориентация есть интегрированная совокупность правовых установок индивида или общности, непосредственно формирующая внутренний план, программу деятельности в юридически значимых ситуациях. Таким образом, регулятивная функция права осуществляется посредством правовых установок и ориентации, синтезирующих и стабилизирующих все иные источники правовой активности.

Правосознание и общественное мнение. Общественное мнение о праве и правосудии, преступности и деятельности правоохранительных органов — это наиболее динамичное, реактивное состояние общественного правосознания, возникающее в ответ на злободневные, общественно важные события и явления юридической жизни. Став предметом общественного интереса, конкретное явление правовой действительности актуализирует то или иное содержание правосознания, те или иные юридические знания, оценочные отношения к праву и практике его применения, правовые установки и ценностные ориентации.

Состояние научной разработки проблемы. Проблематика правосознания и общественного мнения о правовых явлениях в течение трех десятилетий остается центральной в работе отдела юридической психологии НИИ Генпрокуратуры РФ. Проведена серия широкомасштабных исследований правового сознания различных социальных, профессиональных, возрастных групп и слоев населения; различных категорий преступников, впервые осужденных и рецидивистов; а также профессионального сознания юристов (прокуроров, судей, работников милиции). Для получения надежной информации использовался широкий спектр методов социологического, криминологического, социально-психологического и индивидуально-психологического характера.

Исследования, проведенные НИИ Генеральной прокуратуры, позволили выявить наиболее существенные характеристики правосознания и общественного мнения.

Сравнение *результатов изучения правосознания* различных групп показало, что наиболее существенные и значимые отличия между преступниками и непреступниками лежат в сфере отношений к праву, правовых установок и ориентации. В результате дальнейшее познание внутренних регуляторов юридически значимого поведения сосредоточилось на углубленном изучении особенностей и специфики именно этих компонентов правосознания. Установлено, что общественное правосознание характеризуется сложным переплетением двух взаимоисключающих тенденций — позитивного и негативного отношения к праву и правоприменительной деятельности. С одной стороны, признание полезности, необходимости правового регулирования, высокого назначения закона в обеспечении порядка, охраны прав, интересов и безопасности граждан. Не случайно россияне выделяют идею законности в качестве основной, способной сплотить все общество. Но, с другой стороны, наряду с признанием значимости правового регулирования отмечается девальвация закона в глазах общественного мнения, умаление роли и значения права, неверие в правовую систему и юридические гарантии, все нарастающий правовой нигилизм в обществе.

В массовом сознании распространено противопоставление законности и целесообразности, оправдание нарушения закона «в интересах дела», иерархизированное отношение к правовым предписаниям, деление их на «важные» и «менее важные», нарушение последних оправдывается различными обстоятельствами в зависимости от условий труда и быта.

Здесь имеет место не плюрализм мнений, когда разные люди высказывают различные суждения и оценки, что является имманентным свойством общественного мнения, а двойственность и внутренняя их противоречивость, существование противоположных тенденций в сознании одних и тех же субъектов, т.е. дезинтеграция ценностной структуры различных групп населения, что является одним из важнейших проявлений правового нигилизма.

В *исследованиях личности преступника* отмечалась эта особенность сознания осужденных, установлена и негативная роль противоречивости ценностной системы в механизме преступного поведения. Здесь же речь идет о более широком явлении, характерном для массового сознания. Можно полагать, что двойственность отношения к праву порождена существующим разрывом в реальной правовой действительности между декларируемыми принципами и реальным воплощением в жизнь. Дезинтеграцией общественного сознания во многом объясняется сегодняшнее состояние общества, общественно-политическая и правовая ситуация в стране.

Все более широкие слои населения испытывают эмоциональную напряженность, беспокойство, тревогу в связи с ростом преступности, опасаясь стать жертвой преступного посягательства.

Принимая во внимание угрожающие масштабы преступности, страх перед преступлением и преступником приобретает все большее мотивационное значение в системе общественных отношений, влияет на социальные, психологические и экономические процессы и настроение людей.

Исследованы и освещены в публикациях психологическая сторона правового сознания как источника социальной активности людей, ее регулятивная роль, психологические механизмы освоения, исполнения и применения права на общесоциальном, групповом и индивидуальном уровнях, психологические детерминанты юридически значимого поведения, как правомерного, так и противоправного, психология правовой социализации и правового воспитания, духовно-нравственная атмосфера общества, особенности правовой психологии (отношения, оценки, установки, ориентации) различных групп, страт и слоев населения, их динамика и влияние на состояние правопорядка, пути преодоления правового нигилизма, иных негативных явлений в этой сфере общественного сознания, социально-психологическое самочувствие работников правоохраны, психологические методы совершенствования их деятельности[1].

Практические рекомендации по изучению правосознания. Определяя минимум информации, необходимой для правопослушного поведения, можно выделить два вида юридических знаний, наличие которых целесообразно выявлять у респондентов — граждан, исследуемых лиц: знание и понимание некоторых исходных правовых положений и основных уголовно-правовых институтов и норм. В каждом случае необходимо чрезвычайно тщательно подходить к формулировке вопросов, чтобы получить именно искомую информацию. Вопросы могут быть поставлены в разных аспектах, например, для выяснения:

• степени осведомленности (как, по мнению спрашиваемого, *закон* оценивает то или иное обстоятельство);

• оценочных суждений о судебной практике по данному вопросу;

• представлений респондента о «климате мнений», т.е. о состоянии общественного мнения по данному вопросу;

• собственной позиции опрашиваемого по этому же вопросу.

Каждый из перечисленных аспектов либо все они в совокупности могут интересовать исследователя; важно только при интерпретации результатов не допускать подмены одного основания другим, т.е. если выясняется степень осведомленности, то полученные результаты нельзя рассматривать как показатель отношения к данному вопросу или выражения собственной позиции респондента.

Однако аналитическое изучение правовой осведомленности путем постановки отдельных вопросов и заданий перед испытуемым еще не дает обобщенного представления о юридической подготовленности различных исследуемых групп. Необходимо применение интегральных показателей, в которых синтезировались бы и уровень правовых знаний, и степень практического владения ими. Если «огрубить» оценки по каждому вопросу по типу «правильно—неправильно», тогда общий объем осведомленности в группе можно условно измерять коэффициентом, который определяется суммой всех неверных решений и ответов «не знаю», поделенной на произведение

общего количества заданных вопросов (заданий) и числа опрошенных в данной группе. Идеальная осведомленность (при нулевом числе неверных ответов и решений) равна единице. Поэтому средний коэффициент осведомленности в группе исчисляется по формуле:

$K_0 = 1-(P+q):ns,$

где P — число неверных решений; q — число ответов «не знаю»; n — общее число вопросов и заданий; s — число опрошенных в группе.

Используя этот несложный расчет, можно получить ряд сопоставимых значений коэффициента юридической осведомленности в каждой исследуемой группе. Аналогично могут быть рассчитаны коэффициенты солидарности, согласия с правом *(Кс), а* также коэффициент интернализации (усвоения) как внутренне присущих правовых предписаний в различных сферах отношений, т.е. степени включенности их в ценностные ориентации личности (K_u).

---

[1] См.: *Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р.* Правовая психология и преступность молодежи. - М., 1976; *Личность* преступника как объект психологического исследования. - М., 1979; *Общественное* мнение и преступление. - Тбилиси, 1984; *Правовая* культура молодежи и формирование правомерного поведения. - М., 1985; *Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х.* Правовая психология и преступное поведение. - Красноярск, 1988; *Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р.* Изучение правосознания и общественного мнения о преступности и деятельности правоохранительных органов. - М., 1989; *Насилие,* агрессия, жестокость. - М., 1990; *Средства* массовой информации и судебная власть в России. — М., 1998; *Юридическая* психология: Сборник научных трудов. - М., 1998.

2.3. Правовая психология общностей

Общая характеристика. Каждой общности людей, независимо от численности — от микрогруппы до всего населения государства, — присуща своя психология, именуемая психологией общества, группы, коллектива (в различных публикациях употребляются еще близкие по значению понятия: «социально-психологический» или «морально-психологический климат», «общественное, групповое сознание»). Интерес правоведов — теоретиков и практиков — связывается с правосознанием, правовой психологией населения, групп. Оба эти понятия в соотнесенности с психологическими реалиями, стоящими за ними, близки, но не синонимичны. Второе по психологическому значению шире, так как предполагает участие во взаимоотношениях с правой сферой всей психики человека, всех ее явлений, не только осознаваемого, но и мало осознаваемого, неосознаваемого, бессознательного.[1]

Правовая психология как реальность имеет отражательную природу, но это не значит, что она относится только к познавательной сфере, ибо отражательным является весь мир социально-психологических явлений. Она является той частью общественного сознания, которую принято именовать *обыденной психологией,* отражающей реальное общественное бытие людей, опыт их жизни и деятельности в обществе, группе. В правовой психологии, как и в обыденной психологии вообще, причудливо переплетаются элементы осознанного и мало осознаваемого, научного и житейского, объективного и субъективного, общего, особенного и единичного, привнесенного целенаправленной работой государства и общества и личными, самостоятельно выведенными из опыта жизни и деятельности представлениями и отношениями. Этот сплав - подлинная совокупность всех общественных отношений и обстоятельств жизни. Он отличен от правовой идеологии и в принципе никогда не может быть идентичным ей. Однако можно и следует говорить о том, что степень совпадения и несовпадения их прежде всего по содержанию может разниться.

Уместно говорить о разных *уровнях развития* правовой психологии. Та или иная правовая психология есть у каждой группы, у каждого ее члена. Вопрос только в том, какова она. В первом приближении можно говорить о высоком, среднем, низком и криминальном уровнях развития.

Высокий уровень развития правовой психологии общества, социальной группы, населения города, коллектива учреждения и т.п. характерен максимальным соответствием социально-психологических явлений в них представлениям о подлинном правовом обществе, о развитой правовой психологии группы и, как следствие, правомерным поведением должностных лиц, граждан, всех членов группы, коллектива. Это уровень достоверного, систематизированного, устойчивого, теоретико-практического отражения правовой реальности. Только этот уровень заслуживает быть определенным как уровень *правовой культуры. Средний* и *низкий* уровни

свидетельствуют о все большем несовпадении ее с высшим, подлинно правовым, о наличии увеличивающихся криминогенных социально-психологических предпосылок, проявляющихся все чаще, шире и глубже в противоправном поведении членов общности. *Криминальный* уровень, характеризующий криминальную психологию группы, характерен для преступных групп.

Поэтому обязательными элементами *психологической стратегии построения и совершенствования всех форм юридической и иной работы с населением в целом и различными его объединениями* (производственными организациями, учреждениями, обществами, общественными формированиями, семьями и пр.) в целях укрепления законности и правопорядка выступают:

• постоянное изучение уровня развития правовой психологии;

• приведение функционирования правовой системы, всей юридической работы в полное соответствие с реальным уровнем правовой психологии той общности, на которую она направлена;

• использование всего потенциала правовой системы для повышения уровня развития правовой психологии и максимально возможного его привлечения к высшему, подлинно правовому.

В реализации этих направлений работы приходится считаться с тем, что каждые коллектив, группа, социальная общность являются частью большей общности, частью населения страны, выступающей как самая крупная общность. Это определяет ощутимые зависимости в развитии правовой психологии данной группы от успехов такой же работы в других, более крупных. Поэтому и работа по развитию правовой психологии и повышению ее уровня может быть успешной, если ведется повсеместно и в особенности в масштабе всего общества, что требует ее специальной организации.

Структура правовой психологии общности. Правовая психология общности, как уже отмечалось, включает в себя все явления психики: осознаваемое, малоосознаваемое, неосознаваемое и бессознательное. Решающее значение наука отводит правосознанию. Оно выполняет основную роль в регуляции поведения членов группы, выражающуюся в санкционировании, поощрении или осуждении, запрете правомерного или правонарушающего поведения членов группы. Оно определяет также реакции группы на юридически значимые события вне ее, выражающиеся в активной или пассивной поддержке или осуждении их.

Однако правовая психология менее рациональна, она масштабнее по структуре, богаче и глубже познавательных и эмоциональных явлений, включаемых в правосознание. Она может быть описана в виде правовых аспектов каждого и всех социально-психологических явлений психологии общностей: и массовидных, и взаимоотношений, и личностно-групповых. Однако исследования и анализ практики свидетельствуют, что все компоненты правовой; психологии — не разрозненная россыпь, а взаимосвязанная целостностью Правовая психология группы — *особое социально-психологическое образование,* в котором ее собственные структурные элементы функционируют и обнаруживаются не порознь, а в целостности и взаимообусловленности.

Поскольку правовая психология — лишь *одно из свойств психологии группы,* то характеристики последней оказывают заметное влияние на нее. Так, высокое общее социально-психологическое развитие группы выражается в устойчивых социальных устремлениях служения Отечеству, народу, людям; здоровых мнениях по вопросам общественной жизни; стоящих перед обществом и группой задачах и способах их решения; господстве в группе норм поведения, отвечающих требованиям морали и интересам дела, коллективной ответственности и дисциплины, сочетания личных интересов с интересами группы и общества; отношениях дружбы, товарищества, взаимопомощи, солидарности, коллективизма; чувствах патриотизма, гражданственности и коллективизма, нетерпимости к нарушениям морали и господствующих в коллективе норм поведения и др.

Очевидно, что при такой психологии уважительное отношение группы и ее членов к законам, правовой системе будет естественно-положительным, правовое сознание, даже специально не сформированное, — интуитивно зрелым, а поведение — правопослушным. Однако отношения правосознания, правовой психологии и психологии группы не односторонни, а взаимны. Успехи в формировании правосознания группы, ее социально-психологическом развитии обязательно отразятся и на ее психологии. В частности, это означает, что формирование правосознания будет успешным, если осуществляется не изолированно, а во взаимодействии с повышением общего уровня социально-психологического развития группы, повышением духовности, культуры, морали, гражданственности, государственной и политической зрелости, формированием ее правовой психологии.

Для успехов в формировании и совершенствовании правосознания группы необходимо понимать и учитывать *структуру правовой психологии* как особого социально-психологического образования. Психологические исследования позволяют выделить в ней следующие *основные элементы:*

• правовая просвещенность группы и ее членов;
• правовая осведомленность группы;
• правовое общественное мнение в группе;
• правовой климат группы;
• правовой опыт группы.

Правовая просвещенность — первый и основополагающий показатель правовой развитости группы. Это совокупность имеющихся знаний у членов общности о правовой системе общества, роли права и законности в жизни
общества, своих правах и обязанностях, способах их реализации и выполнения и др. Правовая просвещенность есть продукт целенаправленной деятельности государства и его институтов по повышению правовой просвещенности граждан, изучения вопросов права в образовательных учреждениях, работы руководителей и общественных формирований по правовому просвещению, собственных инициативных усилий группы и ее членов по повышению уровня своей правовой просвещенности. Хотя интерес населения к вопросам права в последние годы резко возрос и увеличилось число лиц, получивших профессиональное юридическое образование и более, чем прежде, осведомленных в юридических вопросах, но в целом уровень правовой просвещенности масс населения скорее снизился, чем возрос. Трудности обусловлены определенным ослаблением внимания к учебным курсам по праву в образовательных учреждениях, свертыванием лекционной пропаганды, ухудшением правовой и разъяснительной работы по месту жительства, осложнением возможностей получения юридических консультаций (которые в свой массе стали платными), резкими деформациями в пропаганде принципа единства прав и обязанностей граждан и др. Положительный момент — значительное обогащение книжных прилавков литературой по правовым вопросам.

Правовая осведомленность — знание группой и ее членами законов и иных правовых установлений, как действующих, так и новых, принимаемых субъектами правотворчества, а также умение ориентироваться в них при принятии решений по вопросам собственной жизни и деятельности. Этот компонент не может быть сформирован раз и навсегда. Он может быть на должном уровне развития, если нужная людям информация постоянно доводится до них, если это делается в соответствии с требованиями времени и потребностями граждан, если поступление этой информации и комментарий к ней ведутся компетентными людьми и характерны достоверностью. Формирование и поддержание этого компонента у российских граждан серьезно осложнены. Раньше, когда все средства массовой информации были государственными, практически все они публиковали новые нормативные документы и комментировали их. Ныне эта практика резко ослаблена. Информация ко многим слоям и группам граждан поступает из слухов, работающих по принципу «испорченного телефона». Трудности повседневной жизни и деятельности граждан определяют особую подверженность их психологии слухам и злопыхательству антиправительственно настроенных лиц, что приводит к искажениям даже значимой и нужной им правовой информации.

Правовое общественное мнение группы - это преобладающее и имеющее хождение в группе мнение по поводу того или иного закона, нововведения, решения государственных органов, действий госаппарата и правоохранительных органов, работы судов и судебных решений и пр. Оно возникает при поступлении правовой информации и практики соприкосновения с правовой системой, государственными и специальными юридическими органами и их представителями. Психологические механизмы, превращающие общественное мнение в действенную правовую силу, приводятся в движение поступившей правовой информацией. Вначале это явления познавательного характера — восприятия, уяснения, осознания информации, сильно подверженные многостороннему влиянию самых разных особенностей группы: политических, образовательных, профессиональных, имущественных, национальных, этнических, региональных, возрастных, организационных и др. Сильно влияют и общение, обмен мнениями, взаимоотношения, лидеры и авторитетные лица. Психологические механизмы сразу переводят сформировавшийся образ правового феномена в его оценку, перерастающую в эмоциональное отношение к ней (в диапазоне одобрение—неодобрение) и побуждение к групповому

реагированию — правомерному, игнорирующему, протестному или противоправному, внося нечто новое в правовую психологию и поведение группы.

Правовой климат группы — комплексный феномен, характеризующий целостно состояние психологической атмосферы правовой жизни группы. Существенную роль в нем играют настроения в группе — переживания, чувства, вызванные реакцией на различные правовые события, решение внутренних правовых вопросов, степенью соблюдения правовых норм и урегулированностыо правовых отношений в жизни группы, а также различными житейскими вопросами. Велика роль и взаимоотношений в группе в их соответствии правовым нормам. Так, взаимоотношения руководителя с членами руководимого им коллектива очень сильно отражаются на настроениях в нем. Настроения правового протеста, правового нигилизма, правовой неудовлетворенности, правовых надежд, правовой уверенности, правовой удовлетворенности могут возникать в связи с задержками в выплате заработной платы, низким уровнем жизни, характером освещения правовых вопросов в средствах массовой информации, результатами обращений в государственные органы, реальной правовой защищенностью граждан, результатами деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, урегулированностью прав и обязанностей в группе, организованностью и дисциплиной » группе и многим другим.

Правовой опыт группы как особый юридико-психологический феномен представляет собой продукт («осадок») всех других, динамичных, разовых, повторяющихся в истории жизни группы, в общности, в виде. Он воплощен в довольно устойчивых социально-психологических образованиях, придающих правовой психологии определенные черты и характерный облик.

Опыт воплощен прежде всего в *правовых убеждениях группы* — совокупном продукте частных мнений, возникающих и имеющихся по частным правовым вопросам и играющих роль группового правового мировоззрения. Совокупность таких убеждений обусловливает определенный подход, склонность группы к особому пониманию («видению») всей правовой системы, ее элементов и новаций в ней, а также путей ее совершенствования.

Второй феномен опыта — *групповые ценностно-нормативные ориентации,* представляющие собой сформировавшиеся в опыте социально-психологические нормы понимания, отношения и поведения в правовой сфере общества. По существу это только те правовые нормы, которые приняты группой, признаются как ценности и руководство в жизни и деятельности, это наиболее выраженная реальная жизнь и действие правовых установлений, субъективно-правовые нормы. Степень соответствия государственно одобряемым правовым установлениям во многом характеризует и уровень развития правовой психологии группы. Все или часть их вообще могут быть сформированными самой группой нормами и выступать регуляторами юридически значимых внутри- и внеколлекгивных отношений. Такие нормы могут и не противоречить праву, но в криминальных группах они носят противоправный характер.

Третий феномен правового опыта группы — ее *правовая позиция,* которая отражает занятое группой место в системе права и в отношении к ней. Позиция может быть безусловно активно-поддерживающей, правоисполнительной, избирательно правопослушной (одобрительно-поддерживающей в отношении одних правовых актов и элементов правовой системы и неодобрительной, осуждающей в отношении к другим), правонарушающей и активно-противоборствующей. Позиция — закономерный комплексный продукт совместного функционирования всех других элементов правовой психологии.

Четвертый феномен — *правовая активность групповой психологии,* характеризующая не просто отражение правовой реальности в каких-то пассивных проявлениях групповой психологии, но систему мотиваций, потребностей, стремлений, творческих поисков, желаний проявить себя в правовой системе, соучаствовать в укреплении правопорядка внутри группы и вне ее, в регионе, обществе. Она — непосредственное следствие занятой правовой позиции. Пассивность, созерцательность, «судаченье» по поводу правовых проблем редко приводят к уровню развития, который можно было бы назвать правовой культурой группы, общности, общества, подлинной правовой культурой. Только высокая правовая активность группы, если не всех, то большинства членов в утверждении торжества закона внутри и вне ее, участие в борьбе с противоправными проявлениями могут привести к подлинному возвышению правовой психологии группы.

Сегодня тревожит снижение правовой активности населения в борьбе с преступностью в стране, ослабление активной поддержки правоохранительных органов, боязнь многих давать свидетельские показания и информацию, необходимые для реализации принципа неотвратимости наказания. Ослаблены общественные формирования, которые призваны не только способствовать

усилиям государства в укреплении правовой основы общества, но и повышать правовую активность населения, расширять круг граждан, активно участвующих в этой работе, повышая вместе с тем и уровень правовой психологии. В организованной преступности, занимающейся активной противоправной деятельностью, появились криминальные группы, пытающиеся активно противодействовать деятельности правоохранительных органов и обеспечить принятие выгодных для себя законов, изменить существующие, снизить уровень зрелости правовой психологии молодежи, вовлекая их в группы, занятия которых при внешней безобидности способствуют этому. Причем эта работа нередко проводится с демагогическим использованием дорогих людям цивилизованного общества категорий «свобода», «гуманность», «демократия», «права», что вызывает необходимость различать подлинно цивилизованные мотивы их провозглашения от корыстно-криминальных и активно противодействовать первым.

При изучении правовой психологии различных групп и общностей целесообразно изучать каждый из социально-психологических элементов во взаимодействии и взаимообусловливании друг с другом, разрабатывая и используя для этого комплекс методик. При разработке же мер по повышению Уровня правовой психологии населения и формированию его правовой культуры успех может придти только при системном и комплексном подходе, обеспечении прицельного воздействия на каждый элемент и все опосредствующие его влияния.

---

[1] Например, в исследовании А.Г. Белобородом экспериментально показано, что в образе права существует практически неосознаваемый, малорефлексируемый уровень отражения правовых объектов, процессов и явлений, которые предшествуют каждому акту восприятия человеком правовой информации, взаимодействию с любыми явлениями в сфере правового регулирования *(Белобородое А.Г.* Образ права как смысловой уровень правового сознания и его особенностей у преступников: Автореф. канд. дисс. — М., 1999).

2.4. Правовая психология личности

Правовая психология и психология личности. Задача правового развития личности, строящей свою жизнь в согласии с нормами права — одна из главных, если не самая главная, в утверждении законности и подлинного правопорядка в обществе. Проблему профилактики и борьбы с преступностью, охраны прав и свобод граждан и построения процветающего цивилизованного общества не решить, не решив задачи формирования цивилизованной личности с развитой правовой психологией. Эта задача находится в поле внимания всех, кто занимается государственными, социальными и правовыми проблемами общества. Вместе с тем эту задачу не решить, если подходить к ней изолированно, в отрыве от решения рассмотренной выше проблемы правовой психологии общества и его групп. «Мыслительная деятельность, никак не выразившаяся во внешнем поведении человека, не регламентируется и не контролируется... правом», — справедливо отмечают В.Н. Кудрявцев и Н.С. Малеин[1]. Правомерное или правонарушающее поведение *всегда детерминированы правовой» психологией, в том числе и правовой психологией среды,* которая может сдержать или, наоборот, стимулировать криминологические предпосылки, содержащиеся в личности.

В любом, а в особенности в правомерном поведении, имеющем всегда; высокую значимость для личности, обнаруживается она вся, вся ее психология. Поэтому правомерное поведение личности возможно практически при полной правовой неподготовленности. Это не случайно, ибо мораль и права неразрывно связаны, и личность, разбирающаяся в вопросах морали, которой присущи честность, порядочность, добросовестность, доброжелательность, человечность, ответственность, организованность, требовательность к себе и, пр., интуитивно угадывает, что справедливо, а что нет. Правда, в некоторых случаях, характерных тонкостями правового урегулирования, не поддающимися моральной оценке, возможны все же промахи, которые подпадают под квалификацию немотивированных или неосторожных.

Таким образом, личность, находящаяся на достаточно высоком уровне социального, морального, интеллектуального развития, обладает достоинствами, которые являются фундаментом ее правомерного поведения. Вместе с тем надежные взаимоотношения личности с правовой системой, гарантирующие ее от всяких случайных правонарушений и обеспечивающие правильное решение ею всех правовых вопросов, возникающих в процессе жизни и деятельности,

требуют, *чтобы она была развита и* ***в правовом отношении,,*** Это особенно важно в условиях построения правового общества и рыночной экономики, когда требования к правовой подготовленности всех категорий граждан резко возросли. Было бы проявлением односторонности полагать» что правовое развитие личности, выраженное в сформированности ее правовой психологии лишь отягощает личность, усложняет ее цивилизованное развитие.. Это не так: правовые взгляды — это мировоззренческие взгляды, правовые отношения — это моральные отношения в жизни и деятельности, правовые привычки — это привычки цивилизованного поведения, правовая, позиция — это жизненная позиция, правовое поведение — это условие жизненного успеха.

Иначе говоря, *развитие правовой психологии* — одновременно общее развитие личности, внутренний фактор, движущая сила такого развития, которые в ряде случаев могут быть и решающими.

Структура и содержание правовой психологии личности. Структура и содержание правовой психологии личности переплетаются с ее общей структурой и качественными характеристиками. Традиционно в психологии всякой личности выделяются свойства направленности, характера, способностей и темперамента. Можно при желании во всех этих свойствах увидеть некоторые «правовые прибавки», сумма которых может быть выдана за правовую психологию. Однако такой подход слабо отражает ***целостность правовой психологии личности,*** **взаимосвязанность ее компонентов, проявляющуюся сфокусировано в ее поведении и поступках.**

Как отмечено в § 1.4, существует методологический принцип взаимосвязи психики, сознания и деятельности. Чтобы найти ответ на вопрос о том, какой должна быть психика, какие изменения надо осуществить, чтобы человек успешно решал определенные задачи, надо идти не «от психики», а, напротив, — от жизни, от требований деятельности и поведения, к которым он должен быть готов. Прежде всего следует уяснить, каковы эти требования. Этот же путь ведет к успеху при решении вопроса: какой должна быть правовая психология человека, чтобы его поведение всегда было бы правомерным. Лишь равновесие между тем, что от него требуется, и тем, чем он обладает, решает проблему.

Не вдаваясь в детали анализа и обоснования, приведем лишь их итог — *основные требования правомерного поведения* к гражданину (и его психологии). Он должен:

• знать законы и их требования;
• быть убежденным в необходимости правомерного поведения;
• обладать желанием вести себя правомерно;
• уметь вести себя правомерно;
• быть способным постоянно и везде соблюдать правовые требования;
• обладать непоколебимой устойчивостью к криминогенным соблазнам.

Основа структуры правовой психологии личности, отвечающей этим требованиям, показана на рис. 2.2.

Направленность личности на правомерное поведение включает в себя ее правоориентированные побудительные силы:

• *гармонично развитые духовные и материальные потребности,* отсутствие криминогенных деформаций их (алкоголизма, наркомании, клептомании, половой извращенности и др.);

• *правосознание* — правовые взгляды, идеи, убеждения, идеалы справедливости, законности, равноправия, единства прав и обязанностей и др. «Идеи... которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и которым разум приковывает нашу совесть, - это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца. Это демоны, которые человек может победить, лишь подчинившись им»[2]. Именно такова роль правовых компонентов направленности, когда они сформированы и становятся достоянием личности;

Рис. 2.2. Макроструктура правовой психологии личности

• *правомерные цели, задачи, планы, намерения* в жизни, деятельности, поступках, действиях *при полной неприемлемости противоправных.* Практикуемые в некоторых зарубежных анкетах вопросы типа «За сколько тысяч долларов вы убили бы свою бабушку?» полностью неприемлемы для здоровой психологии и российского менталитета. Они не подлежат даже осмыслению и отвергаются сознанием изначально. Правовая психология обладает иммунитетом к противоправным намерениям и их конкретизации в любых жизненных планах и намерениях;
• *правовые установки,* выражающиеся в пристальном и устойчивом внимании и интересе к правовым вопросам жизни общества, коллектива, группы, членом которой человек является, и строго законному их решению. Ориентироваться, проявлять всегда внимание — значит создать предпосылки, чтобы осмыслить, понять, соразмерить свое поведение с правовыми требованиями;

• *интересы и потребности в правомерном поведении и содействии укреплению законности и правопорядка,* в личном посильном участии в такой работе, в поддержке правоохранительных органов, в принятии мер к соблюдению правовых норм и установлений в своем окружении, в семье, на работе, в оказании помощи людям, оступившимся и вступившим в конфликт с правовой системой;

• *правовые мотивы* - побудительные силы личности, выраженные в личностном смысле правомерного поведения, в ответе для себя на вопрос «ради чего?». Существует иерархия таких мотивов:

- общественный мотив: «в обществе, где нет порядка, жить невозможно. Все должны поддерживать порядок. Если и я не буду делать это, то порядка никогда не будет»,
- государственный мотив: «государство создано для того, чтобы поддерживать порядок, и издает для этого законы в обществе. Надо их уважать, иначе никакого порядка не будет»,
- гражданский мотив: «законы определяют мои свободы, права и обязанности и обеспечивают их. Как гражданин я могу воспользоваться ими и получить то, что гарантируется правом, что мне положено и предусмотрено законами»,
- коллективистский мотив: «поддержание законности и порядка - общий интерес, дело общее, в котором и я должен делать то, что могу»,
- мотив личного достоинства: «не буду марать свою совесть, нарушая законы, как преступник»,
- мотив целесообразности: «действуя по закону, я добьюсь того, что мне нужно»,
- мотив безопасности: «закон, органы власти защищают мои права, свободы, жизнь, имущество».

Чаще всего человека побуждает не один, а несколько мотивов. Для личности с устойчивым правомерным поведением характерно присутствие мотивов, находящихся на верхних уровнях иерархии.

Подструктуре направленности принадлежит системообразующая, приоритетная роль в правовой психологии личности. Она определяет избирательность активности и отношений личности в жизни и деятельности, включая и взаимоотношения с правовой системой. Они вовлекают в этот процесс и компоненты других психологических подструктур, влияя на степень, характер и способы их действия и направляя в линию правомерных устремлений. *Никакие криминологические предпосылки в других подструктурах никогда не проявятся, пока не будут санкционированы направленностью,*ее слабостями или деформациями, если они есть. В принципиально важном исследовании В.В. Гульдана было установлено, что правонарушения, совершаемые даже психопатическими личностями, обусловлены не их психопатией как клиническим явлением, а только если она сочетается с криминогенной деформацией их направленности.[3] Это говорит о том, что развитие и оценка подструктуры правовой направленности личности имеют приоритетное значение.

Любая личность отличается не только тем, *что* она делает, но и тем, *как* она делает. Операциональные компоненты психологии личности, играющие роль *способов и средств достижения целей,* определяемых направленностью, обеспечивают правомерное поведение. Многие криминалисты считают, что причины правонарушающего поведения личности связаны зачастую не столько с противоправными целями, сколько со способами и средствами их достижения (например, «человек ворует, грабит, имея правомерную цель — поесть, одеться, но способ избирает криминальный»).

Для воплощения целей, задач, планов в реальный результат личность с правовой психологией всегда использует высокоморальные, правомерные средства. *Морально-правовые компоненты* ее включают:

• отношение к своей жизни, к способам использования ее возможностей и проведения ее, отличающееся осмысленностью, цивилизованностью, порядочностью, достоинством, правомерностью. Хорошо выразил это писатель Н. Островский: *«Самое дорогое у* человека -это жизнь. Она дается ему только один раз, и прожить *ее* надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитие годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое»[4];

• уважение к закону и законности, отношение к ним как к группе высших социальных ценностей, как к нормам жизни, утверждающим и защищающим высшие человеческие моральные ценности, как к благу, без которого невозможно цивилизованным путем реализовать себя, свои жизненные планы, как к одному из надежнейших способов решения возникающих проблем, как к надежной

силе, призванной и способной защищать права и свободы и ограждать их от преступных посягательств; "

• цивилизованное отношение к своей свободе и правам, кратко выраженное в формуле: «Моя свобода и права кончаются там, где начинаются права и свобода другого человека»;

• уважительное отношение к своему гражданскому, патриотическому долгу, чувство ответственности за предоставляемые обществом свободы и права, за выполнение обязанностей в трудовом коллективе, семье, по отношению к другому человеку;

• неприемлемость понимания корпоративной, групповой ответственности, дружбы и товарищества, когда речь идет об аморальном, противоправном деянии;

• правомерное отношение к выбору способов и средств удовлетворения своих потребностей, достижения целей, реализации намерений;

• преобладание в выборе средств и методов таких, которые отличаются правовой избирательностью, духовной культурой;

• устойчивость к соблазнам, представляющимся по случаю противоправных возможностей, способов удовлетворения потребностей, быстрой наживы и обогащения, виктимная устойчивость;

• высоконравственное, требовательное отношение к себе, к своему поведению в обществе и среди людей, отличающееся пониманием органического единства своих, прав и обязанностей, обязанностью удовлетворять свои потребности и интересы, не нанося, по крайней мере юридически, оцениваемого ущерба другим людям и обществу;

• высокоразвитые чувства чести, достоинства, совести, самоуважения, которые их допускают совершения поступков, унижающих личность не только в глазах других, но» и в самосознании, в своем внутреннем мире, могут привести к потере самоуважения;

• уважительное отношение к правоохранительным органам и их представителям к необходимости безусловного выполнения их требований и поддержки в укреплении законности и правопорядка.

Морально-психологические компоненты правовой психологии во многом обусловлены направленностью, но имеют и свои особенности. Так, содержательная наполненность их обусловлена и особыми знаниями (чаще всего морально-правовыми), должными перерасти в соответствующие им убеждения, ценностные ориентации, установки, привычки поведения и, в итоге, - в качества.

Они имеют свое мотивирующее значение, которое зависит от содержания. В работах правоведов часто пишется о волевом поведении. Заключаемый в него смысл связывается с преднамеренностью, что в психологии более адекватно понятию «произвольное поведение». Всякое проявление произвольности, проявлений воли имеет мотивирующие интенции. Не случайно говорят, что великая энергия рождается при достижении великих целей. Нельзя не отметить и роль моральных мотивов. В самом общем виде, как это установлено психологической наукой, поступки и отношения личности регулируются *двумя главными мотивами — «хочу» и «надо».* Побуждения «хочу» во многих случаях демонстрируют проявления нецивилизованности, примитивной психологии и зачастую бывают причиной отклоняющегося от требований правовых норм поведения (например, «хочу наркотик», «хочу женщину», «хочу автомобиль» и пр.). Поступки и отношения, регулируемые мотивами «должен», характерны более высоким уровнем осмысления. Но даже при самых зрелых психологических опосредованиях, формирующих в сознании это «должен», поведение остается все же на уровне правоисполнения, послушания, слабости которых в определенной пассивности личности. Самый же высокий уровень осмысленности, регуляции, максимального проявления энергии и возможностей личности, ее устойчивости и активности возникает при совпадении мотивов «должен» и «хочу». Поэтому и правовая регуляция поведения наиболее совершенна, носит активно-правомерный характер, если понимание необходимости действовать в соответствии с нормами права совпадает с желанием, потребностью, стремлением личности делать это. Тесная взаимосвязь правовой направленности и морально-психологической правовой развитостью личности тут выступает со всей очевидностью и определяет необходимость осуществлять это при работе с ней.

Для правомерного поведения личности необходимо и правильное понимание юридически значимых ситуаций жизни и деятельности, принятие правомерных решений, правильного построения правоотношений. Обеспечивается это наличием у личности достаточной *правовой компетентности,* компонентами которой выступают:

• *правовая осведомленность* — достаточный объем правовых знаний, необходимый для безукоризненной правовой регуляции своих поступков, отношений, принятия повседневно-бытовых и профессиональных решений. Для разных членов общества эта осведомленность

колеблется в широком диапазоне: от минимума, ниже которого опускаться нельзя, до профессиональной юридической образованности, предела совершенствования которому нет;

• *правовые умения и навыки,* объем которых опять-таки определяется местом данной личности в правовой сфере, а поэтому может и должен колебаться в широком диапазоне. Каждому гражданину надо по меньшей мере уметь осуществлять правовую регуляцию своего поведения в различных жизненных ситуациях, на улицах, дорогах, в общественных местах, семье, при посещении государственных учреждений и пр.; уметь решать правовые проблемы — обращаться в юридические консультации и органы, оформлять юридически значимые документы, действовать правильно, когда он становится виновником или очевидцем правонарушения (например, дорожно-транспортного), обнаруживает факты или вещи (находка, обнаружение лица, объявленного в розыск, и пр.), могущие иметь юридическое значение, когда у него возникают обоснованные подозрения, которые могут оказать помощь органам правопорядка, и т.п.;

• *подготовленность, снижающая личную виктимность:* знания, повышающие личную осторожность, осмотрительность; привычки поведения, снижающие риск стать жертвой, исключающие попадание в «злачные места», компании повышенного криминального риска; развитая разумная осторожность, бдительность, наблюдательность, собранность, самообладание, находчивость, быстрота реакций, ловкость; специально освоенные приемы самозащиты.

Модуляционные компоненты психологии личности объединяет комплекс ее психофизиологических качеств. При нормальных характеристиках, свойственных здоровой, нормально развитой психике и физиологии высшей нервной деятельности, они не определяют ни цели, ни мотивы, ни способы действий, но оказывают динамическое влияние на другие подструктуры личности и проявления их элементов. Это обнаруживается в разной силе, подвижности, уравновешенности, скорости, согласованности, эмоциональной окрашенности проявлений других психологических особенностей. В иерархии подструктур модуляционная (психофизиологическая) сфера - низшая, обслуживающая.

---

[1] *Кудрявцев В.Н., Малеин Н.С.* Правовое поведение, его субъекты и пределы // Просвещение. - 1980 - № 3. - С. 32.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., - Т. 1. - С. 118.

[3] Гульдан В.В. Мотивация противоправных действий у психопатических личностей: Автореферат докт. дисс .- М., 1985.

[4] *Островский Н.* Как закалялась сталь. Часть 2. - М., 1972. - С. 242.

2.5. Психологические аспекты правовой социализации

Сущность правовой социализации[1] личности. Каждый человек с момента своего рождения проходит непрерывный путь развития, длящийся всю жизнь, но особенно значимый по своим результатам и последствиям в первые 15—25 лет. Суть его — в социализации, т.е. усвоении личностью социальных ценностей (речи и знаний, человеческого мышления и сознания, отношений к окружающему и самому себе, умений и навыков, норм поведения, привычек, качеств, потребностей, способностей и др.), которые выработаны предшествующими и существующим поколениями людей и воплощены в окружающей предметной и духовной действительности. Человек, рождаясь по существу животным, обладающим, по выражению выдающегося отечественного психолога А.Н. Леонтьева,[2] одной способностью - стать человеком, личностью, становится им в прижизненном развитии (онтогенезе).

Перед родившимся человеком огромный «магазин» достижений человеческой цивилизации, и что он выберет из него, сделав своим достоянием, таков он и будет, такова будет и его жизнь. Усвоение происходит, к сожалению, далеко с неодинаковой успешностью у разных индивидов. В жизни встречается немало таких молодых, да и взрослых людей, которые только чуть поднялись над исходным животным уровнем и их жизнь определяют слабо социализировавшиеся биологические и материальные потребности. Начавшись более или менее успешно, в какой-то период положительная тенденция может смениться на отрицательную (асоциализация). Преодоление возникших временных отрицательных изменений на положительные именуется *ресоциализацией.*

Частью общего процесса социализации личности выступает ее ***правовая социализация,*** **суть которой — в усвоении личностью правовых ценностей, превращении их в нормы своей**

жизни и поведения, в личные качества и особенности психологии. Психологическая цель правовой социализации — психолого-правовое развитие личности, достижение высокой правовой культуры, выраженной в правовой психологии, обеспечивающей правомерное поведение. «Для того чтобы жить в праве, - писал русский правовед А.С. Алексеев, - необходимо прежде всего, чтобы право жило в нас»[3].

Обследования показывают, что процесс правовой социализации нередко запаздывает и чаще не достигает требуемого уровня развития, что объясняется субъективными причинами разного масштаба и уровня, ослаблением внимания государства и общества к позитивному регулированию правовой социализации, особенно подрастающего поколения, молодежи, недостаточно квалифицированным подходом к психологическим особенностям правовой социализации.

Основные психологические особенности процесса правовой социализации. Главные закономерности правовой социализации в своей основе имеют социальную, педагогическую и психологическую природу. Различия общей социализации и правовой — в содержании присваиваемых ценностей, ее времени протекания, в психологических трудностях овладения разными знаниями, навыками, отношениями, привычками и др. Темпы, трудности и результаты общей социализации отражаются и на правовой, хотя есть и обратное влияние второй на первую.

Правовая социализация личности и ее результаты — процесс не статичный, застывший, а развивающийся под влиянием совокупности сопутствующих ему жизненных обстоятельств. Правовая психология в любом возрасте при относительной ее устойчивости меняется (принцип развития). Вопрос в том, что меняется, в какой степени, с какой скоростью, с какими трудностями. С возрастом сформированные предшествующей жизнью особенности правовой психологии приобретают большую устойчивость, но все же меняются. Поэтому правовая социализация людей нуждается в постоянной оценке изменений, происходящих в их психологии, выборе таких средств и способов воздействий, которые способствовали бы прогрессивным изменениям и предупреждали нежелательные.

Правовая социализация личности протекает под влиянием как целенаправленных воздействий, так и стихийных, спонтанных, с которыми она сталкивается в ходе жизни, начиная с детских лет. *Преобладание стихийности всегда чревато задержками и деформациями* в правовой социализации. В условиях современных тенденций криминализаци общества, снижения уровня культуры и морали преобладание стихийных влияний особенно нетерпимо. Необходимо резкое преодоление стихийности и придание правовой социализации граждан, начиная с дошкольного возраста, целенаправленного, организованного и регулированного характера.

Сущность правовой социализации здоровой личности, как отмечено выше, *социальна.* Ее протекание и результаты обусловлены в решающей степени прижизненно, общественными обстоятельствами (принцип социальной обусловленности), а не врожденно и не биологически. Поэтому главные регулятивные возможности совершенствования правовой социализации лежат в социальной сфере, они — в возможностях общества и людей, отвечающих за законность и правопорядок, а также руководителей, родителей, коллективов, всех граждан — патриотов своей страны.

Правовая социализация — продукт сфокусированного влияния многих обстоятельств. Верно утверждение: человек на 1/3 то, что ему дали родители, на 1/3 — то, что сделали с ним другие люди, и на 1/3 — то, что он сделал с собою сам. Человек не в силах изменить все обстоятельства, но они во многом таковы, какую дорогу он выбрал. Другие люди не в состоянии кардинально изменить человека, пока не начал действовать механизм саморазвития. Каждый в главном таков, каким он сделал себя сам. Потому важнейшим условием регулирования правовой социализации выступает побуждение подростков, молодежи, граждан к саморазвитию, помощь в его эффективном осуществлении.

Непосредственные факторы, влияющие на процесс правовой социализации, лежат в социально-психологическом феномене, именуемом *образ жизни.* Это целостная микросистема материальных условий, круга людей, с которыми он постоянно общается, и собственной активности человека, слитых в воздействующий на него комплекс. Важно оценить, как этот микромир влияет на правовую социализацию, попытаться усовершенствовать его влияние, а в необходимых случаях по возможности вообще сменить его. Сами условия и их влияние во многом зависят от того, что делает находящийся в них человек: поддерживает их, одобряет, приспосабливается или пытается изменить. Классическая формула: обстоятельства так и настолько влияют на психологию человека, как и в какой степени он влияет на них. Так, члены

одного и того же коллектива, находящиеся, вроде бы, в одинаковых условиях, сами создают себе разные условия, если один, например, постоянно нарушает трудовую дисциплину, а второй не только служит образцом исполнительности, но и принимает активное участие в борьбе за образцовый порядок. Это объясняет, почему люди, живущие рядом, в одной микросреде, развиваются в действительности по разному. Включение человека в деятельность по укреплению справедливости, дисциплины и законности выступает поэтому важным способом его собственного правового развития.

Содержательно изучение процесса правовой социализации и воздействий на него связано с поэлементным подходом, т.е. прослеживанием изменений каждого из элементов правовой психологии личности, описанной в § 1.2, их взаимовлияний и целостного проявления. Решающее значение при этом имеет контроль за развитием подструктуры правовой направленности и поиск путей ее развития до уровня, отвечающего требованиям правовой культуры.

Возможности совершенствования регулирующих воздействий на процесс правовой социализации. *Изначальная психологическая задача,* которая относится к уровню государственных органов, органам власти на местах и к каждому коллективу, группе — это *задача коренного перелома в отношении к правовой социализации граждан, подрастающего поколения, к преодолению преобладающей стихийности этого процесса, создание системы регулирования правовой социализации, основанной на упреждении отставания или деформаций ее.* Задача эта столь же актуальна, сколь и сложна, особенно в условиях современной России.

Подход к созданию такой системы ныне следует искать не в затратных мерах, а в интенсификации предусмотренных и актуализации возможных мер. Требуется *система мер,* к которым могут быть отнесены: *законодательные, организационные, образовательно-пропагандистские, кадровые, методические, научные.*

Вместо отдельных, разрозненных и частично устаревших законодательных актов желательно иметь единый пакет: закон о правовой социализации и правовом воспитании населения, а в дополнение к нему — ряд подзаконных актов по главным направлениям деятельности.

Назрела необходимость создать систему управления процессами правовой социализации и правового воспитания населения от центра на федеральном уровне до органов на местах, объединив их в единую систему под единым управлением, обеспечивающих их тесное взаимодействие по вертикали и горизонтали. В нее целесообразно функционально включить все существующие органы, имеющие отношение к правовой социализации и правовому воспитанию (отделы профилактики правоохранительных органов, детские комнаты, инспекции по профилактике правонарушений несовершеннолетних, органы, исполняющие наказания, преподавателей правовых учебных дисциплин, психологов и социальных педагогов образовательных учреждений и др.), заполняя временно пустующие в системе управления органы советами, общественными формированиями, периодически проводимыми координационными совещаниями, организацией консультаций, общественных проверок и др.

В последнее десятилетие заметно расширилось изучение права в различных образовательных учреждениях и все же имеются возможности качественного улучшения его. В контексте рассматриваемого вопроса можно отметить необходимость включения в программы юридических и педагогических образовательных учреждений вопросов правовоспитательной работы, которые зачастую вообще отсутствуют в них. В учебные планы следует включить «Юридическую педагогику», которая вообще не изучается. Изучение вопросов права должно быть обязательным во всех учреждениях, работающих с подростками и молодежью. Это изучение имеет мировоззренческое значение и должно быть поставлено на чрезвычайно высокий уровень с использованием специальных интенсивных психолого-педагогических технологий. Имеющиеся данные позволяют говорить, что это изучение сейчас весьма далеко от совершенства. К изучению права нередко относятся как к третьеразрядной дисциплине, уроки скучны и малоэффективны. Правовое воспитание разумно начинать с детских садов, с семьи.

Есть необходимость говорить о создании на новом качественном и содержательном уровне системы правового всеобуча населения, охватывающего молодые семьи, молодых родителей, преподавательский состав, воспитателей всех категорий, работников учреждений, государственных служащих, персонал правоохранительных органов и др.

В серьезном и существенном усовершенствовании нуждается система правовой пропаганды, участие в которой средств массовой информации, учреждений искусства, культуры, досуга, видеорынка сегодня не выдерживает никакой критики.

Нуждается в продуманных решениях работа по подбору кадров, обладающих способностями к регуляции процесса правовой социализации. Здесь уместен психологический отбор по способностям. Опыт свидетельствует о
необходимости особой подготовки отбираемых кадров, их специализации по проблемам правовоспитания. Даже лицам с базовым педагогическим и психологическим образованием требуется немало времени, чтобы понять способы решения этих своеобразных проблем. Нужна подготовка юристов-педагогов и юристов-психологов, а остальным нужна дополнительная специализация. В улучшении психологической и педагогической подготовки по рассматриваемым проблемам нуждаются все сотрудники правоохранительных органов. Никакой интенсификации регулирования процессов правовой социализации невозможно добиться без перечисленных мер; неудачи обеспечены, и вновь по привычке будут выдвигаться обоснования необходимости затратных мер, безмерного увеличения числа работников и т.п., хотя даже десять бездарных и некомпетентных работников не могут заменить одного подлинного профессионала.
Меры методического обеспечения — издание учебной литературы, наглядных пособий, учебных фильмов, методических разработок, распространение передового опыта, массовое использование интенсивных психолого-педагогических технологий, специальная разработка методик работы с различными группами населения и по отдельным трудным вопросам и другое — необходимая часть системы мер.
Перефразируя слова Ромена Роллана, можно сказать, что мы, конечно, сейчас слабы, чтобы быстро и эффективно решить задачу радикального улучшения правовой социализации населения, но достаточно сильны для того, чтобы хорошо поработать в этом направлении.

---

[1] От лат. *socialis* - общественный.
[2] *Леонтьев А.И.* Деятельность. Сознание. Личность. — М, 1975.
[3] См.: *Гойман В.И.* Действие права (методологический анализ). - М, 1992.

2.6. Факторы, влияющие на правовую психологию населения

Сущность и классификация факторов. К социальным факторам[1] в широком смысле относятся все обстоятельства, события, условия, меры, процессы и т.д., оказывающие какое-то влияние на жизнь общества, граждан. Они же оказывают влияние на правовую систему и правовую психологию. По своей природе они делятся на две группы:
• *социально-психологические* факторы - все виды социально-психологических явлений, закономерностей и механизмов, основные из которых рассмотрены в § 1.2.;
• *психологически-значимые социальные* факторы. Их собственная природа не психологическая (экономическая, политическая, финансовая, правовая, управленческая и др.), но они, воздействуя на людей, по законам отражения детерминируют психические явления в группах и у отдельных личностей.
По тесноте связи с непосредственными причинами, определяющими состояние правопорядка в обществе, конкретном регионе, на территории административной единицы (области, города, района, населенного пункта и др.) факторы делятся на: фоновые, правовые, криминогенные и криминальные. Их совокупности, характерные для жизни общества, социальных групп, трудовых и служебных коллективов, бытовых групп, отдельных граждан, образуют систему факторов, в значительной степени определяющих правовую психологию.
Фоновые факторы. Эта группа факторов присуща всему обществу и придает общность разным регионам, территориям и административным единицам, доходя до каждого села, квартиры, человека. Фоновые факторы особенно разнообразны по своей природе, действует устойчиво. Фоновыми они названы потому, что выступают как бы фоном всей специальной работы по укреплению законности и правопорядка, но не входят в нее.
К числу *фоновых социально-психологических* факторов, влияющих на правовую психологию людей, относятся:
• менталитет народа, его представления о жизненных идеалах, патриотизме, способах удовлетворения своих потребностей, государственности, о власти; традиции, обычаи, стереотипы социальных ожиданий и ориентации и др.;
• общественная психология, характерная для населения страны, региона, населенного пункта, группы:

• господствующие общественные мнения, настроения, чаяния, стремления;
• отношение населения к происходящим в стране радикальным процессам и изменениям;
• психологические особенности господствующего образа жизни и степень удовлетворенности им;
• особенности опыта общественной жизни в условиях гуманизма, демократии и свободы;
• сфера общественной психологии, порождаемая особенностями рыночной экономики;
• взаимоотношения между различными ветвями власти и качество их взаимодействия;
• психология людей и групп, работающих в органах государственной власти, проявляющаяся в их деятельности, и др.;
• авторитет государственной власти;
• психологическая контактность (близость) власти и народа, оценка ее в общественном мнении народа;
• отношение населения к происходящим в стране процессам и изменениям;
• уровень социальной культуры и активности населения, степень его участия в общественном обустройстве и экономическом развитии;
• взаимоотношения между различными группами населения;
• социализация подрастающего поколения в ее психологических особенностях и условиях;
• уровень духовности населения и взаимоотношения между разными религиозными конфессиями.

Подгруппу *психологически значимых фоновых факторов* образуют:
• общественная и политическая жизнь России, региона, города, населенного пункта, социальной группы;
• состояние экономики и уровень жизни населения;
• деятельность органов государственного и муниципального местного самоуправления;
• прочность института семьи;
• состояние системы образования и науки;
• вся система работы с населением и особенно с подрастающим поколением;
• деятельность средств массовой информации, во многом определяющая общий морально-психологический климат жизни населения, господствующие общественные мнения, убеждения, настроения, интересы, представления о перспективах жизни, устремления, порождающие определенные отношения, желания, поступки и деятельность граждан;
• исторические, этнические, культурные, национальные, религиозные и иные особенности населения, его быта, сознания, образа жизни, морали, традиций, нравов, привычек, социальных ориентации и способов проведения досуга;
• многое другое.

В общем подобно тому, как общественное бытие определяет общественное сознание, так оно определяет и правосознание. Вполне подходит здесь и формула: правовая психология есть совокупность общественных отношений. Как общество творит людей, как люди творят друг друга, в том числе и правосознание, так и люди творят общество, законность и правопорядок. Как основы последних, так и причины преступности лежат в сфере этих фоновых факторов. Американский исследователь И. Анденес отмечал, что неверие в честность политического руководства и правоприменительных органов, уроки того, что правительство продажно, беззаконие — путь к богатству, честность — заблуждение, а нравственность — капкан для простаков — вот основа отсутствия уважения к праву и склонности к общественно опасным действиям.[2]

Роль фоновых факторов в реальном состоянии правовой психологии людей, законности и правопорядка подчеркивает важнейшее значение и высочайшую ответственность высших государственных законодательных и исполнительных органов, а также соответствующих им структур на местах. Наличие у них мудрости выражается в способности *предвидеть* юридико-психологические последствия осуществляемых радикальных перемен и масштабных мер, *заблаговременно оценить,* облегчат ли они задачу укрепления законности и правопорядка, без которой такие перемены и меры «не идут», или осложнят ее решение, и *упреждающе принять надлежащие меры* по юридико-психологическому и правоохранительному обеспечению их.

К сожалению, начиная с середины 80-х годов наша государственная мудрость была в рассматриваемом плане не на высоте и криминальная революция, возникшая в нашей стране, спада которой пока не наблюдается, — неопровержимое тому доказательство. Видимо, есть ***два психологически обоснованных практических направления работы,*** которые заслуживают неотложного воплощения:

• включение в систему подготовки, образования и работы с кадрами государственной службы, государственных образований и частных структур, деятельность которых оказывает фоновое влияние на правовую психологию населения и правовую социализацию подрастающего поколения, *подготовку по вопросам юридической психологии;*

• введение практики юридико-психологического обеспечения законо- и нормотворческой, а также текущей деятельности персонала упомянутых структур, решения задач и проблем. Это осуществимо путем создания специальных служб или обращения к специалистам по юридической психологии за консультациями и помощью, использования психологической экспертизы и аудита.

Понимание основополагающего влияния фоновых психологических фактов на правовую психологию, состояние законности и правопорядка отнюдь не прибавляет оптимизма работникам органов правоохраны. Недостатки в них в основном вне компетенции этих органов. Однако и их возможности велики, потому что имеются региональные и местные особенности фоновых факторов. Все они нуждаются в понимании и обеспечении адекватными правовыми мерами. Кроме того, есть и другие группы факторов, влияющих на правовую психологию и правовую социализацию населения, влияние на которые в основном и даже исключительно в компетенции органов правоохраны и их персонала.

Правовые факторы. Они непосредственно связаны с правовой системой, ее урегулированностью и состоянием, целенаправленной деятельностью юридических органов, общественных формирований и частных структур, функционирующих в интересах укрепления законности и правопорядка.

Подгруппа социально-психологических правовых факторов включает:

• психологические свойства, механизмы, эффективность всей системы правового регулирования,

• психологию персонала, коллективов всех законодательных, правоохранительных и правоисполнительных органов (юстиции, судов, милиции, внутренних войск, таможни, налоговой полиции, органов, исполняющих наказания и др.),

• психологию личностей работников органов правоохраны;

• уровень юридико-психологической подготовленности персонала органов правоохраны;

• уровень юридико-психологической подготовленности и работы руководителей и сотрудников кадровых аппаратов органов правоохраны с его персоналом;

• уровень психолого-юридической подготовленности выпускников юридических образовательных учреждений, не ограничивающейся знанием психологии судебной деятельности, а обладающей целостной психологической концепцией психолого-юридической работы;

• эффективность юридического образования и степень правовой сформированности выпускников как личностей, отвечающих цивилизованным требованиям современной юридической деятельности;

• социальное восприятие, оценку населением правильности построения и степени успешности деятельности правовой системы;

• степень одобрения населением правовых установлений, направленных на борьбу с преступностью;

• мнение населения о состоянии законности, преступности, об уровне защищенности граждан от чиновничьего произвола и криминала;

• мнение населения об уровне действенности законодательства и правопослушности тех, кто призван его строго исполнять и защищать права граждан;

• общественное мнение граждан по вопросам эффективности деятельности правоохранительных органов, о людях, работающих в них, их коррумпированности и честности;

• авторитет всех органов правоохраны и профессии их работников у населения;

• взаимоотношения и общение персонала органов правоохраны с населением;

• степень веры граждан в возможность встретить человеческое отношение, понимание и защиту от правонарушителей у работников юридических органов, вынесенное из опыта обращений к ним;

• психологию стихийного правовоспитания в бытовых объединениях и сообществах, в молодежной среде;

• психологические особенности связей органов правоохраны с населением;

• наличие и эффективность функционирования психологических служб в различных ведомствах, решающих юридические задачи и оказывающих психологическое влияние на население, и др.

Подгруппа собственно правовых факторов, влияющих на правовую психологию, частично раскрыта в предыдущих параграфах главы. Если их дополнить и сконцентрировать, то совокупность будет выглядеть так:

- совершенство и надежность функционирования всей правовой системы;
- совершенство законодательства, его адекватность состоянию общества и правопорядка, реалистичность, отсутствие признаков «левацкого» забегания вперед или отставания от требований времени;
- уровень законности в работе самих юридических органов и их представителей;
- уровень реализации психолого-педагогических функций в управленческой и юридической работе всех категорий работников органов правоохраны;
- наличие и эффективность организованных и эффективных систем правового развития граждан, управления правовой социализацией, правового всеобуча, правовой пропаганды;
- уровень правового воспитания в семьях и бытовых общностях;
- уровень работы общеобразовательных школ, внешкольной работы, воспитания школьников, наличия и эффективности работы по их правовому обучению и воспитанию, то же - в дошкольных учреждениях;
- степень усилий, организованности и успешности деятельности органов правопорядка по укреплению законности, защите прав и свобод граждан, реализации принципа неотвратимости наказания;
- эффективность всех направлений работы по профилактике правонарушений и преступлений, особенно среди несовершеннолетних и молодежи;
- психолого-педагогическая эффективность системы исполнения наказаний и постпенитенциарной работы по профилактике рецидивной преступности;
- уровень правовой работы в трудовых коллективах по укреплению дисциплины, ответственного отношения к делу, строгому выполнению нормативных требований в производственном процессе и выполнению обязательств перед государством и другими коллективами;
- психолого-педагогическая компетентность всех лиц (государственного аппарата, образовательных учреждений, дошкольных, частных и др.), участвующих в юридико-психологической и юридико-педагогической работе с подростками, молодежью и другими категориями населения;
- педагогическая подготовленность сотрудников кадровых аппаратов, отделов профессиональной подготовки, начальников и командиров, преподавательского и командно-административного состава юридических органов и образовательных учреждений, а также работников их пресс-центров и подразделений по связям с общественностью, руководителей занятий по служебной подготовке и др.;
- степень представленности в персонале юридических органов лиц с базовым психологическим и юридическим образованием.

Все эти факторы в зависимости от своих характеристик положительно или отрицательно, но всегда реально и сильно, сказываются на правовой психологии населения и состоянии законности и правопорядка. Особенно заметно это в масштабе субъекта федерации, населенного пункта, группы. Бывает даже, что при наличии недостатков в них они становятся непосредственной причиной или условием совершения правонарушений. Оптимизация этих факторов — во власти и возможностях руководства территориальных юридических органов и местной власти.

Криминогенные факторы. Эти факторы непосредственно способствуют зарождению и развитию правонарушающего поведения. Практически почти все они обусловлены слабостями позитивных мер и работы по упрочению правовой психологии общностей и отдельных личностей.

В подгруппе социально-психологических по своей природе факторов в качестве криминогенных выступают:

- низкая психологическая воздейственность правовой системы, системы законодательства, «пробелы» в нем, отставание законотворчества от фактических изменений в обществе;
- низкая психологическая действенность всей системы правовоспитательной работы, разрушение старой, социалистической, и запаздывание с созданием новой, отвечающей реальностям свободы, прав, демократии в современном обществе;
- правовой нигилизм, падение авторитета норм права у значительной части населения;
- падение престижа честного труда;

• социально-психологические напряжения и недовольства, вызываемые различными недостатками в жизни российского общества, в работе органов государственного управления, органов правопорядка, состоянием борьбы с преступностью;
• недовольство населения безнаказанностью явно противоправной деятельности людей типа Мавроди, фирм типа «Гермес» «Хопер» и др.;
• недовольство населения плохой работой с жалобами, заявлениями, исками граждан в государственных органах и судах;
• заразительность для части населения примеров быстрого и легкого обогащения людей с низким уровнем образованности, культуры и нравственности, наживших состояния явно нечестным путем;
• обостренные взаимоотношения между различными группами населения (социальными, профессиональными, национальными, религиозными и др.);
• падение авторитета органов правопорядка;
• низкая эффективность мер по профилактике криминальных деформаций правовой психологии у отдельных групп населения и граждан;
• тревожные слухи, возбужденная толпа, паника и др. К числу непсихологических криминогенных факторов можно отнести:
• снижение уровня общественной морали;
• феномен «бизнеса власти», связанный с фактическим богатством жизни людей, находящихся у власти, обилием различных льгот и привилегий у «слуг народа», богатством услуг, возможностями получения квартир, обогащения путем лоббирования чьих-то интересов, злоупотребления властью при пол-
ной безнаказанности, обеспеченной безграничной неприкосновенностью, доходящей для абсурда;
• широкое распространение рэкетирства, шантажа, вымогательства, запугивания, психологического насилия, в том числе в сфере судопроизводства;
• криминализация и сексуализация досуга, искусства, видеорынка, телевизионных передач: культ силы и насилия, жестокости, неуважения к человеку; пропаганда необходимости самозащиты любыми средствами, мести, самосуда; распространение уголовного жаргона, песенок на уголовный манер; социальная дифференциация молодежных групп по образцу уголовных, «дедовщина»; идеализация жизни удачливых преступников и их «благородных» качеств; подмена слов родного языка «красивыми» иностранными словечками, прикрывающими и романтизирующими омерзительную сущность преступной деятельности («киллер», «рэкетир» и др. вместо русских слов «убийца», «вымогатель», «подонок» и др.), засорение языка словами и словесными оборотами, почерпнутыми из уголовного жаргона, и др.;
• повсеместная бесхозяйственность, слабая защищенность ценностей;
• распространение пьянства и наркомании;
• увеличение числа лиц без определенных занятий, места жительства, безработных;
• низкий уровень раскрываемости преступлений;
• коррупция в органах государственного управления и органах правопорядка;
• политический экстремизм и религиозный фанатизм;
• слабости системы воспитания подрастающего поколения и взрослых, особенно нравственного, правового, трудового, патриотического, семейного, культурного;
• слабости системы внешкольного воспитания, по месту жительства;
• распространение фактов педагогической запущенности и безнадзорности несовершеннолетних, юношей и девушек;
• отсутствие пропаганды здорового образа жизни и воспитания молодежи, всего населения;
• слабая психолого-педагогическая эффективность воспитания персонала юридических органов в духе строжайшего соблюдения законности;
• недостаточный уровень психолого-педагогической подготовленности персонала органов правопорядка;
• снижение массовости и активности участия населения в работе общественных формирований социально-педагогического и профилактического профиля;
• распространение по стране оружия;
• крупные пожары, стихийные бедствия, чрезвычайные обстоятельства и др.
Можно привести еще десятки факторов криминогенного характера.

Криминальные факторы. Эти факторы относятся к криминальному миру и активно обусловливают весь криминал, испытывают на прочность правовые устои общностей и отдельных граждан, вербуют новых рекрутов криминального мира. Это:

• криминальная деформированность правосознания, потребностей, нравственности, криминальная «образованность» личностей, занимающихся преступной деятельностью;

• криминальная субкультура, каждодневно и стихийно углубляющая антиправовую психологию членов преступных группировок;

• целенаправленная деятельность авторитетов преступного мира и организованной преступности по криминализации психологии молодых правонарушителей, повышению их «криминального профессионализма», психологически расчетливому воздействию на граждан с неустойчивой правовой ориентацией и постепенному вовлечению их в преступный образ жизни, криминализации «массовой культуры», модной у нынешней молодежи;

• коррумпированно представителями преступного мира части должностных лиц, чиновников, личного состава МВД, работников судов и прокуратуры, органов юстиции с неустойчивой и слабой правовой устойчивостью методами соблазна, подкупа, сбора компромата, шантажа, запугивания и др.;

• взаимоотношения преступных групп и преступных «авторитетов», приводящие к «разборкам», и др.

В итоге можно сказать, что ***все факторы:***

1) находятся в числе *причин и условий, определяющих состояние законности и правопорядка* в обществе, в регионе, городе, районе, а также правомерное или противоправное поведение групп населения и отдельных личностей. Можно сказать, что преступность — это не только социальное, криминологическое, но и психологическое явление;

2) выступают *важным условием деятельности личного состава органов правоохраны и одной из причин, влияющих на ее успешность;*

3) *нуждаются в тщательном и постоянном изучении, оценке, использовании* в деятельности государственных, законодательных, правоприменительных и правоисполнительных структур; информация о них (психологическая информация) — важный вид криминологической, оперативной, служебной, управленческой, кадровой и другой информации, необходимой для правильной оценки обстановки, принятия мер, прогнозирования и планирования; без нее трудно рассчитывать на успех в укреплении законности и правопорядка;

4) выступают *особым предметом правового и юридико-психологического воздействия* (регулирования, оптимизации, изменения, нормализации и пр.), содержащим большие резервы улучшения всей работы по укреплению законности и правопорядка;

5) *предъявляют особые требования к профессиональной подготовленности* персонала правоохранительных органов, профессионально-психологической подготовленности;

6) *нуждаются в комплексном, всестороннем и постоянном учете в деятельности правоохранительных органов,* что оптимально может быть достижимо созданием системы профессионально-психологического обеспечения.

---

[1] Фактор (от лат. *factor* - делающий, производящий) - причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные его черты.

[2] *Анденес И.* Наказание и предупреждение преступлений. - М., 1979. С. - 186.

2.7. Социально-психологический портрет государственного служащего и законность

Государственное управление и качество его кадров. В 1991 г. государственный аппарат Советского Союза составляли 84 министерства и комитета, в которых работало 43,8 тыс. государственных служащих, а аппарат РСФСР насчитывал около 15 тыс. С образованием Российской Федерации численность населения уменьшилась почти в два раза, территория — на одну треть, но это не повлекло за собой сокращения государственного аппарата. В 1994 г. после принятия Конституции Российской Федерации государственный аппарат России только на федеральном уровне состоял из 74 ведомств, включая 24 министерства, 10 госкомстатов, 21 комитет, 17 федеральных служб, Российское космическое агентство и Главное управление охраны Президента. В 1995 г. их число стало 78, в 1996 г. - 90, в 1997 - 66. В 1993 г. в аппарате органов государственной власти России работало 921,6 тыс. служащих, что на 29% превышало

численность аппарата СССР в 1991 г[1]. Однако во всех .сферах государственного управления имеют место серьезные недостатки и просчеты. Возникает вполне закономерный вопрос: «является ли государственный аппарат по своей природе неэффективным и не комплектуется ли он некомпетентными служащими?»

Проблема представляется чрезвычайно сложной и не может быть решена только структурными преобразованиями и «чисткой кадров». В большинстве случаев специалисты в области государственного управления полагают исходной посылкой реформы государственной службы представление о несовершенстве системы. Из этого исходят авторы разрабатываемой в Администрации Президента РФ проекта Концепции административной реформы в России. Они стремятся исправить недостатки государственного аппарата на организационном и институциональном уровнях. Но все системы государственных органов состоят из людей, созданы людьми, функционируют благодаря служебной деятельности персонала, иными словами, «система» — это люди, кадры. Поэтому изучение психологии государственных служащих, их личностных свойств, профессиональных ценностей и установок, профессиональной культуры и этики является важным компонентом выявления факторов, которые необходимо учитывать при реформировании государственного аппарата.

Впервые гипотеза об особенностях психологии государственного служащего — «бюрократическом типе личности» — была выдвинута в 1940 г. американским социологом Р.К. Мертоном (р. 1910). Ее обоснованию посвящено и исследование Б. Боузмана, X. Рэйни, В. Томсона[2], которые изучали типичные явления в 147 государственных структурах США и пришли к выводу, что «бюрократические болезни» — это системные недостатки организаций, обусловливающие недобросовестную служебную практику, в которой повинны их работники. Эти «болезни» невозможно исправить путем увольнения из организации виновных в них чиновников, ибо недобросовестная практика и служебные нарушения будут продолжаться независимо от состава персонала организации. *Система порождает бюрократов, а бюрократы формируют облик системы.*

Психология современного чиновничества (по данным исследований). По мнению В. Томпсона, рост специализации в государственном управлении повлек жесткое регламентирование служебных полномочий, за рамки которого чиновник не может выходить, монотонность выполнения служебных обязанностей, рутину и шаблон. Причина «бюрократической болезни» (по Томсону — «бюропатологии») заключается в личных недостатках служащих, их зависимости от мнения руководителей, чувстве уязвимости, неуверенности в себе и в своих профессиональных возможностях. Сами организации, в которых служат чиновники, повинны в создании атмосферы возможности использования чиновником основных аспектов бюрократической организации в качестве средства для удовлетворения личных потребностей («нужд») служащего[3].

Насколько такой социальный «анамнез» американской бюрократии соответствует российской государственной «машине», ее кадровому потенциалу, психологии российских чиновников? Ответ на этот вопрос в определенной мере содержится в проведенном информационно-социологическим центром Российской Академии Государственной службы при Президенте РФ в 1997 г. масштабном исследовании «Мониторинг кадрового потенциала федеративных и региональных органов исполнительной власти РФ». Исследованием были охвачены 1351 государственный служащий федеральных органов исполнительной власти (6 федеральных министерств и ведомств), служащие территориальных структур Министерства финансов и Государственной налоговой службы РФ, государственные служащие правительств и администраций 11 экономико-географических зон России и 42 эксперта — руководителя кадровых служб. В выборку были включены в качестве респондентов государственные служащие, занимающие ведущие и более высокие должности Реестра государственной службы Российской Федерации, что свидетельствует о высокой репрезентативности исследования компетентности респондентов. При этом почти три четверти состава респондентов работали в государственных структурах бывшего СССР и не испытывают психологического дискомфорта от смены государственного устройства и изменения в социально-экономических условиях жизни общества. В силу высокого должностного положения значительная часть участников исследования имеют большой стаж государственной службы в органах власти. Принадлежность их к «элите» государственной службы, включенность в служебные и неформальные отношения внутри административной группы стали для них важной социальной ценностью, а психология их отвечает корпоративным стандартам и типична для госслужащих.

Исследование вскрыло конфликтность становления российской государственности: разделение властей, политические последствия выборов в регионах, несогласованность Федерального законодательства и законов субъектов Российской Федерации, рост властных амбиций представителей российской «олигархии», вовлеченность средств массовой информации в решение кадровых вопросов в высших эшелонах власти, частые перестановки ключевых фигур. Это определяет активное проникновение политических интересов в процесс административного управления, политизирует его и сказывается на морально-психологическом климате коллективов, психологии государственных служащих. Ощущается влияние конфликтнов на роль государственных служащих как посредников между органами власти и населением в процессе изменений политической системы РФ, демократизации и государственного управления.

Критерием «бюропатологии» государственных служащих является их отношение к контролю общества за деятельностью аппаратов органов исполнительной власти. По этому критерию всех служащих органов государственной власти можно классифицировать на две группы: 1) служащие государственного аппарата демократической ориентации и 2) то же, административной ориентации. Описанный в романе «Бесы» Ф.М. Достоевским феномен административного восторга является не только типичным, но и прогрессирующим качеством государственных служащих.

Так, к группе демократически ориентированных (по данным исследования) можно отнести только 14% генеральной совокупности. При этом среди служащих аппаратов федеральных министерств и ведомств доля ориентированных на демократический контроль общества над государственным аппаратом составила 11,5%, а среди работников органов власти субъектов Федерации — 15,5%. Это свидетельствует о том, что доминирующим типом управленческой культуры и значимости по аксеологической шкале ценностей является традиционный для бюрократической системы примат интересов государства, ведомства и вторичность интересов общества, личности, защиты прав и свобод населения.

Представители «административной ориентации» склонны к закрытости деятельности аппарата, нетерпимости к деятельности средств массовой информации, к «чужим» жизненным идеалам и мнениям, склонны усматривать совершенствование работы аппарата в решении традиционных внутриаппаратных вопросов: планирования, финансирования, контроля отчетности, делопроизводства и т. д.

Указанные ценностные ориентации государственных служащих являются наследием административно-командной системы прошлого, а также воспроизводятся повседневной практикой административного управления. В настоящее время эта «бюропатология» — одна из факторов отчуждения власти от общества и обострения социальной напряженности.

Важным показателем психологии чиновника является *мотивация служебной деятельности.* По М. Веберу (1864—1920), спектр мотивов государственного чиновника включает в себя отношение к субординации, регламентации содержания и характера служебной деятельности, к возможностям карьерного роста, уровню денежного содержания, гарантиям служебной занятости, социальной защищенности. Дополнением к этому перечню является морально-психологический климат в организации.

Упомянутое выше исследование показало высокую степень удовлетворенности респондентов синтезом канцеляризма в служебной деятельности и социального статуса государственного служащего в обществе. Так, отношениями подчиненности (субординации во взаимоотношениях по службе) вполне удовлетворены 78,6% служащих центрального аппарата федеральных министерств и ведомств, 74,8% работников региональных аппаратов федеральных органов власти и 72,2% работников органов власти субъектов Российской Федерации. Роста по службе («успешной карьеры») ожидают и уверены в этом соответственно 58,0, 63,4 и 55,5% респондентов.

Характером и содержанием служебной деятельности удовлетворены почти 70% всех обследуемых категорий государственных служащих, более 60% всех служащих оценили складывающийся морально-психологический климат в коллективах государственных структур как благополучный для себя. При этом желание сменить место работы в ближайшее время указали только 5,3% работников федеральных министерств и ведомств, почти столько же (5%) служащих властных структур субъектов Федерации и 3% служащих региональных органов Федеральных структур государственной власти.

Все это дает основания сделать вывод, что большинство опрошенных довольны своим служебным положением, хотя уровнем оплаты их труда удовлетворены только 16%

респондентов. Получают мало, но службой довольны. При этом каждый десятый из числа опрошенных считает, что мог бы работать с большей эффективностью при реализации ряда мер. В числе этих мер называется более интенсивное внедрение в управленческую деятельность современных информационных технологий, научной организации управленческого труда, более высокого материального стимулирования службы (денежного содержания и льгот). В числе антистимулов занятия профессионально государственной службой названы: недостаточная социальная защищенность государственных служащих, слабые правовые гарантии занятости («защита от увольнения») и негодная (по оценкам многих респондентов) кадровая политика ведомств, низкое материальное содержание. Обращает на себя внимание корпоративная болезненность восприятия слабой защищенности чиновников и довольно равнодушное отношение к незащищенности правовой и социальной других категорий населения.

В исследовании выявлен ряд аспектов социальной психологии и психологии чиновников, связанных с соблюдением этических норм государственной службы. В этих целях по результатам исследования был сформирован ранжированный ряд из 15 деловых и личностных качеств, важных для успешного выполнения служебных обязанностей. Кстати, американский социолог Д. Кейден в 1991 г. в полный список личностных черт человека, делающего из него «бюрократа», включил 175 признаков. Что же касается российских государственных чиновников, то, по данным исследования, в ранжированном ряду качеств государственного служащего *честность* занимает третью позицию (52,2%) у респондентов — работников центральных аппаратов федеральных органов власти, 46,9% — у работников территориальных органов Минфина и Госналогслужбы РФ и 54,3% — у служащих органов власти субъектов Федерации. *Принципиальность* в решении служебных вопросов занимает шестое место (соответственно — 41,2; 41,1 и 41,3%), т. е. на одном уровне во всех эшелонах власти — от федерального до регионального.

Девятую позицию ранжированного ряда заняла *неподкупность* (каждый четвертый из респондентов назвал это качество) и только четырнадцатую позицию (один из семи) — *необходимость уважения прав и свобод граждан.* При этом из числа работников финансовых и налоговых органов это требование считает необходимым только один из десяти респондентов, что подтверждает концепцию В. Томпсона — «личные недостатки служащих детерминируются организацией».

Обращает на себя внимание, что, по мнению экспертов — должностных лиц, отвечающих за работу с кадрами в охваченных исследованием государственных структурах, в качестве этических требований при подборе кадров на государственную службу честность отметили 66,7% опрошенных экспертов, принципиальность - 57,1%, неподкупность — 52,4%, а уважение прав и свобод граждан — 4,89%[4]. Возникает вопрос: а судьи кто? Исследование показало, что в сознании значительной части государственных служащих России произошло обесценивание моральных норм и запретов, что в совокупности с традиционной «бюропатологией» таит в себе серьезные опасности для общества в будущем и дает себя знать в наши дни.

Деформации личности государственных служащих. Своекорыстие государственных служащих, факты разбазаривания и присвоения государственных средств, должностных и моральных нарушений оказывают деструктивное влияние на правовое пространство государства, на правосознание и поведение граждан, на моральные устои общества в целом.

Атрофия честности и неподкупности государственных служащих создает питательную среду для коррумпированности государственного аппарата. Все это дает основание для вывода, что в психологии современного российского чиновничества работа в государственном аппарате представляет собой *не служение обществу, а получение привилегий и удовлетворение личных интересов за счет интересов общества.*

По данным опроса, проведенного в конце 1998 г. агентством «РосБизнесКонсалтинг», только 36% россиян никогда не давали взяток госслужащим, а 27% делают это постоянно. По одному разу — подкупили чиновников 5% опрошенных, а более одного раза — 32% граждан России. При таком положении никакого примера правосознания и правопослушного поведения гражданам госслужащие давать не могут.

Представляет интерес взгляд на психологию чиновничества России со стороны. В 1997 г. независимый Центр стратегических и международных исследований представил доклад Конгрессу США, в котором говорится: «Официальная коррупция в России вполне может стать самой серьезной проблемой в области международных отношений. Российские средства массовой информации полны сообщений об армейских чинах, продающих государственное имущество, о руководителях ведомств, совершающих махинации в процессе приватизации, руководителях

спецслужб, ведущих незаконное наблюдение за должностными и частными лицами. Во всех этих случаях служебное положение используется для личного обогащения и усиления своей власти. Эти нарушения получили такое распространение, что российский журнал «Экономика и жизнь» называет некомпетентность чиновников и взяточничество как их основные характеристики».

Не менее опасным и деструктивным для правосознания является *«двойное сознание», двоемыслие,* распространенное среди государственных служащих, которые нередко говорят одно, а делают другое. Оно приобретает порой форму заурядного лицемерия, той поразительной непоследовательности, когда чиновник стоит перед необходимостью постоянно противоречить самому себе, жить «двойной жизнью». Автор знаменитой утопии «1984» Дж. Оруэлл писал о гротескном мире, где господствует доведенное до абсурда «двоемыслие»: представлять истинное положение вещей и повторять заведомую ложь, придерживаться двух мнений, вполне отдавая отчет, что одно исключает другое, но с одинаковой убежденностью утверждать по принципу «что изволите» то, что угодно начальству. Это не может проходить безнаказанно для работников государственного аппарата, деформируя их психологию и образ мыслей.

В известной мере этот феномен является наследием административно-командной системы, стремления ее к фасадному благополучию «потемкинских деревень», прикрывающему социальное неблагополучие.

Лицемерное «двоемыслие», как и коррумпированность государственных служащих, ведет к отчуждению органов власти от населения, обострению социальных конфликтов, разрушению правосознания и утрате веры в возможность правомерного разрешения жизненных ситуаций.

Но положение не так уж безнадежно. По данным Агентства региональных и политических исследований, 60% граждан России верят в успех борьбы с коррупцией, в возможность изменить психологию и поведение государственного аппарата и поставить его на службу обществу и людям. В этом залог успеха демократических преобразований в России.

---

[1] *Кирпичиков А. И.* Взятка и коррупция в России. - СПб., 1997. - С. 6-7.

[2] См.: *Barry Boyman and Hal Y.* Reiney Organizational Rules and the Bureaucratic Pereonality. // American Journal of Political Science, 1, 1998, p.p. 163 - 189.

3 Коррупция и бюрократизм: истоки и пути преодоления: Тематический сборник. - М, 1998. - С. 119.

[4] См.: *Бойков Б. Э.* Профессиональная культура и этика государственных служащих. // Социология власти. Информационно-аналитический бюллетень: 1997 - № 4 - 5. Мониторинг кадров госслужбы. - М., 1998. - С. 10-19.

2.8. Влияние средств массовой информации на правовую психологию населения

Актуальные проблемы психологического анализа влияния СМИ на формирование правосознания и общественного мнения населения. Влияние отечественных средств массовой информации на процесс социализации и становления правосознания граждан нашей страны очень велико. В процессе проведенного фондом «Общественное мнение» в 1997 г. опроса граждан России был поставлен вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться с криминальными проблемами (следует перечень проблем), и если да, то каким образом?».[1] После обработки полученных данных выяснилось, что с хулиганством, грабежами и воровством сталкивались лично, на собственном опыте 21% опрошенных; узнавали от близких, друзей, знакомых — 39%; слышали из сообщений СМИ — 64%; сталкивались с вымогательством, произволом, беззаконием со стороны властей лично — 16% опрошенных; друзья и близкие люди опрашиваемых - 26%; слышали из сообщений СМИ или читали в газетах - 60%; сталкивались с проблемой потребления наркотиков лично — 3% опрошенных; узнали от близких или знакомых людей - 22%; слышали из сообщений СМИ - 68%. Приведенные данные показывают, что преобладающую по объему информацию о криминальных проблемах большинство граждан России получает из средств массовой информации. Это обстоятельство повышает требования к четкости, правдивости и своевременности передаваемой СМИ правовой информации.

Наблюдения показывают, что многие современные отечественные СМИ слабо осознают свою роль в правовой социализации населения, не имеют обоснованной информационной концепции в подаче правового материала и освещении деятельности правоохранительных органов. Более того, часто слушатели и читатели получают предвзятую информацию о состоянии правопорядка или

сведения, которые оказывают негативные воздействия на поведение граждан. А.Р. Ратинов подчеркивает, что при отсутствии грамотной юридической помощи в использовании специальных познаний публикуемые в средствах массовой информации материалы могут способствовать нарушению национального, расового и религиозного равноправия. Причем газетные, журнальные и иные публикации, выступления на радио и телевидении могут содержать в явном или закамуфлированном виде пропаганду национальной, расовой и религиозной исключительности, нетерпимости и вражды.
Для диагностики такой пропаганды предлагается использование следующих признаков:

• формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии;

• перенос различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей на всю этническую или религиозную группу;

• приписывание всем представителям этнической или религиозной группы следования древним обычаям, верованиям, традициям, негативно оцениваемым современной культурой;

• утверждение о природном превосходстве одной нации, расы, религии и неполноценности или порочности другой;

• приписывание враждебных действий и опасных намерений одной нации, расе, религии против другой;

• возложение вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую, расовую, религиозную группу;

• утверждение изначальной враждебности определенной нации, расы, религии другим;

• утверждение о полярной противоположности и несовместимости интересов данной этнической или религиозной группы с интересами другой;

• утверждение о наличии заговора, тайных планов одной национальной или религиозной группы против другой;

• объяснение бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определенных этнических, расовых, религиозных групп;

• побуждение к действиям против какой-либо нации, расы, религии;

• поощрение, оправдание геноцида, депортаций, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, расы, религии;

• требования вытеснения из различных сфер деятельности лиц определенной национальности, расы, конфессиональной принадлежности;

• требование ограничить права и свободы граждан или создать привилегии по национальному, расовому, религиозному признаку;

• угрозы и подстрекательства к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, расы или религиозной принадлежности. Отсутствие информационной концепции в сфере правовой пропаганды ведет к бессистемному подбору материалов и программ. Анализ еженедельных программ основных каналов телевидения позволил сделать следующие выводы: на ОРТ по существу специальные программы на правовую тематику отсутствуют; РТР (канал «Россия») имеет программу «Дежурная частые которая выходит в эфир два раза в день; ТВ-Центр — «Петровка-38» (выходит в эфир два раза в день); ТВ-6 - «Дорожный патруль» (выходит в эфир три раза в день по 15 мин.). На первый взгляд может показаться, что число программ на правовую тему достаточно и телевидение озабочено формированием правосознания населения. Однако анализ указанных программ показывает, что они носят репортерский, комментаторский характер, акцентируя внимание зрителя на конкретных происшествиях и преступлениях. Причем часто крупным планом показывают жертв преступлений с их травмами и ранами, трупы и т.д. Особенно этим грешит программа «Дорожный патруль». У зрителей создается впечатление разгула преступности и слабости органов правопорядка. При этом отсутствует грамотное юридическое объяснение происходящих событий, и зрители видят только ужасные телевизионные «картинки».

Ежедневно почти на всех каналах «прокручивают» американские боевики, в которых показываются беспощадные, натуралистические убийства, побои и истязания жертв, что усиливает негативный эффект ряда указанных программ. Опросы показывают, что за пять лет страх перед нападением преступников увеличился втрое, страх перед произволом властей — в 1,5 раза[2].

Отсутствует общественный контроль за содержанием программ. Мнение населения, которое просит сократить число американских боевиков на телевидении, откровенную пошлость и порнографию, разжигающие низменные инстинкты, игнорируется.
К сожалению, СМИ при планировании передач исходят из распространенных и описанных в литературе пяти заблуждений[3]:
1) о неизменной природе человека. Часто прибегают при этом к теориям врожденной агрессивности человека, склонности к конфликтам безотносительно связи его поведения с определенными социальными условиями. Такой неизменной природой человека объясняются его противоправные деяния и преступления;
2) об отсутствии социальных конфликтов в демократическом обществе. Отрицая наличие социальных конфликтов, представители СМИ часто переводят смысл рассуждений в плоскость различия людей на категории «славных малых» и «бандитов». Таким образом, налицо манипулирование общественным сознанием и искажение социальной действительности;
3) о доминировании индивидуального и личного выбора. Есть достаточно оснований утверждать, что суверенные права человека — не более, чем миф, и что общество и личность неотделимы друг от друга. Отождествление личного выбора с человеческой свободой представляет собой объяснение поведения человека с позиции его крайнего индивидуализма;
4) о нейтралитете СМИ. СМИ являются деловыми предприятиями и получают доход от торговли полосами периодических изданий и эфирным временем. Поэтому те частные лица и организации, которые платят деньги СМИ, оказывают и доминирующее влияние на содержание публикаций в печатных СМИ и передач в эфирных СМИ;
5) о плюрализме средств массовой информации. Это одно из главных заблуждений. Ведь говоря о выборе, нужно обязательно упомянуть о разнообразии точек зрения, взглядов, вкусов, выбор не может быть без разнообразия. Вместе с тем доминирующая псевдодемократическая направленность многих отечественных СМИ не позволяет говорить об их плюрализме и достаточном представительстве иных точек зрения и взглядов (например, левой оппозиции). Конечно, есть и позитивные моменты в работе СМИ, связанные с правовой пропагандой.
Механизмы и характер влияний средств массовой информации в формировании правосознания населения. Правосознание человека тесно связано с процессом правовой социализации, который начинается очень рано и идет на протяжении всей сознательной жизни человека. Уже в возрасте трех-четырех лет ребенок приобретает первые сведения о правах и обязанностях через семью и ближайшее окружение. Следующая стадия правовой социализации наступает после поступления ребенка в школу. Одновременно у ребенка закрепляется представление о средствах массовой информации как особом источнике социальных знаний. Проведенный среди старшеклассников опрос показал следующее. При ответе на вопрос о том, из каких источников им было бы лучше получать правовые знания, 44% опрошенных ответили, что в школе, 32 — из СМИ, 20 - в семье и 4% - от друзей или другими путями. На вопрос, откуда школьники в действительности получают представление о конституционных основах и правовую информацию, получены следующие ответы: на первом месте (42% опрошенных) СМИ (ТВ, радио, газеты); на втором (38%) — школьные уроки по истории и обществоведению; на третьем (2%) — семья; на четвертом (8%) — друзья.[4]
В процессе правовой социализации и воздействия на правосознание человека средства массовой информации призваны выполнять следующие функции:
• распространение правовых знаний;
• демонстрация методов правового регулирования и правоприменительной деятельности;
• распространение правовой культуры;
• порицание и осуждение противоправного поведения;
• развлечение (показ детективов, проведение телеконкурсов по правовой проблематике и т.п.).
Сложность заключается в целенаправленности правовой информации и ее актуальности для различных групп населения. Например, несмотря на высокую степень оценки старшеклассниками обогащения их правовыми знаниями через СМИ, настораживает факт, что 100% этих же старшеклассников на вопрос «Знаешь ли ты Конституцию Российской Федерации?», ответили «нет»[5].
Исследования показывают наличие в ходе массовых информационных процессов ряда препятствий или барьеров:
• физических препятствий в виде особенностей распространения информации в пространстве и времени;

• гносеологических (или языковых) барьеров, возникающих из-за недостатка знаний и опыта, неосведомленности об основных юридических понятиях, недостаточной развитости абстрактно-логического мышления;
• социальных барьеров, определяемых возрастом, опытом, статусом, жизненными и профессиональными ролями различных групп людей, составляющих аудиторию СМИ;
• политических барьеров, проявляющихся как результат усвоения определенного мировоззрения, стереотипов поведения в обществе различными группами аудитории, недружелюбно относящимися к информации, противоречащей их жизненным взглядам;
• психологических барьеров, отражающих сформированные в сознании аудитории установки, мнения, традиции, предрассудки и т.д.[6]

СМИ оказывают мощное коммуникативное воздействие на аудиторию, среди основных *социально-психологических механизмов* которого выделяют: идентификацию, внушение посредством формирования особого эмоционального контекста предлагаемой информации, социальную мифологию.

Обычно понятие *идентификации* используется для объяснения процесса усвоения ребенком образцов поведения взрослых, образующих для него референтные группы. Вместе с тем в современной психологии есть и иное понимание идентификации как процесса моделирования смыслового поля общения, побуждающего к определенному типу поведения.

Осуществляется идентификация посредством трех образов восприятия: образа-информации, образа-значения и образа приемлемого будущего. *Образ-информация* применительно к правовым знаниям и правовому поведению представляет собой уже имеющиеся у человека (объекта коммуникативного воздействия) знания о нормативно-правовых актах, законах и органах власти, связанных с правоприменительной деятельностью. Эти знания не всегда соответствуют правовой действительности и характеризуют правовую культуру человека. Этот образ наиболее подвержен прямому воздействию. Сведения, поступающие через СМИ, часто не оцениваются критически и составляют основу формирующего мнения о праве, или «образ права». *Образ-значение* показывает на личную заинтересованность человека в том или ином правовом (или антиправовом) поведении. Через этот вид образов формируется система требований, предъявляемых гражданами к властным структурам и правоохранительным органам. Образ-значение формирует сложную социальную установку — диспозицию, показывает личностный смысл того или иного правового поведения. На основе предыдущих двух видов образов складывается *образ наиболее приемлемого будущего,* содержащий в себе «идеал» правового регулирования поведения людей, устойчивое представление индивида о желаемом правовом состоянии общества. Образ будущего содержит систему фиксированных установок-диспозиций, выражающихся в определенных суждениях человека[7].

Идентификация позволяет получить человеку удовлетворение от представленной СМИ информации. Поэтому часто выделяют психологические эффекты массовых информационных процессов. Содержание этих эффектов составляет удовлетворение от информации, необходимой при разрешении различных жизненных, в том числе правовых, проблем *(утилитарный эффект);* удовлетворение от информации, которая прямо или косвенно поддерживает ценности социальной группы, к которой принадлежит или причисляет себя индивид *(престижный эффект);* удовлетворение от информации, поддерживающей его во мнении по какому-либо спорному правовому вопросу *(эффект усиления позиции);* удовлетворение от новой правовой информации *(эффект удовлетворения познавательного интереса);* удовлетворение от эмоционального контекста информации *(эмоциональный эффект);* радость эстетического обогащения *(эстетический эффект);* возникновение психического комфорта от хорошо построенной программы, фильма, спектакля и т.д., поднимающих настроение человека *(эффект комфорта).*

Эмоциональный контекст информации, передаваемой различными средствами массовых коммуникаций, либо способствует быстрейшему усвоению правовых сведений и методов решения правовых проблем, либо, наоборот, создает настроения безысходности, страха, дискомфорта. Наблюдения показывают, что отечественные СМИ перенасыщены отрицательным эмоциональным контекстом, в том числе агрессивностью, жестокостью и т.п. Как уже отмечено выше, такой эмоциональный контекст формирует различные страхи, в том числе перед органами власти и правопорядка, перед преступным миром и др.

Интересен *механизм формирования социальных мифов в правовой сфере.* Под мифом понимается система субъективных индивидуальных (или групповых) представлений о правовой сфере, не

всегда точно отражающих действительные явления. К числу мифов, касающихся правового регулирования поведения и деятельности органов правопорядка, относят мифы о:

• новых русских и о невозможности нажить капитал честным путем;

• том, что простому человеку нужно остерегаться криминальных структур, бандитов, а также работников правоохранительных органов;

• коррумпированности общества сверху до низу;

• неизбежности гангстерской войны;

• существовании компромата на всех ответственных людей во властных структурах и др.

Такие мифы создают и тиражируют средства массовой информации, оказывая отрицательное влияние на формирование и состояние правосознания населения.

СМИ и общественное мнение о работе органов правопорядка. Средства массовой информации внесли значительный «вклад» в изменение общественного мнения о деятельности правоохранительных органов в худшую сторону. Опросы показывают, что из года в год падает престиж и авторитет правоохранительных органов, утрачивается доверие к органам правопорядка. В частности, установлено, что лишь от 2 до 4% опрошенных положительно относятся к правоохранительным органам и достаточно высоко оценивают их деятельность. Резко отрицательные и устойчивые критические оценки всех органов правопорядка выразили 45% опрошенных. Третий тип оценок характеризует неоднозначные позиции опрошенных: по одним показателям — сравнительно высокие, а по другим — резко отрицательные оценки деятельности правоохранительных органов. Таковых оказалось около 35% опрошенных; 18% указали на затруднения в оценке правоохранительных органов из-за недостатка информации[9]. В массовом сознании за последние годы резко изменилось отношение к органам власти, произошло отчуждение граждан от государственных институтов, возникло недоверие к властным структурам. 50% опрошенных не испытывают доверия ни к одной государственной структуре. Доверяют армии -30%, органам государственной безопасности - 13, милиции - И, судебным органам — 10, прокуратуре - *7%*[10].

Отрицательный образ правовой системы в общественном сознании складывался постепенно и в значительной мере под воздействием СМИ. Например, вопросы освещения чеченских событий и участия в них подразделений органов правопорядка (МВД и ФСБ) не всегда были адекватны реальным событиям и часто занижали роль сотрудников правоохранительных органов. Информация о криминальной обстановке в стране часто подается односторонне, при огульном обвинении в росте преступности органов правопорядка, хотя из элементарных учебников криминологии известно, что на рост противоправных деяний влияет не один десяток факторов, в том числе социально-экономического характера.

Все изложенное свидетельствует о серьезных юридико-психологических просчетах в работе средств массовой информации и необходимости самого активного использования возможностей юридической психологии для их преодоления и осмысленного квалифицированного влияния на формирование правовой психологии населения и укрепление правомерного поведения граждан.

---

[1] Социологические сообщения. - 1997. - № 303.

[2] См.: *Ратинов А.Р.* Методические рекомендации по использованию специальных познаний по делам и материалам о нарушении средствами массовой информации национального, расового и религиозного равноправия. // Электронное приложение (серия «Право и юридическая психология»), - 1996. - № 2.

Голов АЛ. Постоянные страхи россиян // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - М. - 1995. - № 2. - С. 30-33.

[3] *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием: Пер. с англ. - М.: Мысль, 1980. - С. 25-40.

[4] *Андрианов М.С.* Психологические механизмы воздействия средств массовой информации на процессы правовой социализации. // Научные труды «Юридическая психология» / Под ред. проф. А.Р. Ратинова, Г.Х. Ефремовой - М., 1998. - С. 34.

[5] См.: *Андрианов М.С.* Указ. соч. - С. 35.

[6] *Социальная* психология. Краткий очерк / Под общ. ред. Г.П. Предвечного и Ю.А. Шерковина - М.: Политиздат, 1975. - С. 175.

[7] *Социальная* психология. - С. 39-41.

[8] *Социальная* психология. - С. 178-179.

[9] *Ефремова Г.Х.* Проблема общественного мнения в юридической психологии // Научн. труды / Под ред. А.Р. Ратинова и Г.Х. Ефремовой - 1998. - С. 25.

[10] *Ефремова Г.Х.* Проблема общественного мнения в юридической психологии // Научн. труды / Под ред. А.Р. Ратинова и Г.Х. Ефремовой - 1998. - С. 26.

2.9. Психология личной безопасности человека

Личная безопасность человека и его психология. В предупреждении криминальных событий определенное место принадлежит пониманию самим человеком необходимости обеспечения личной безопасности. В основе его лежит та картина мира, которую он для себя сформировал, и место, которое он осознанно или неосознанно отвел в этой картине самому себе. Чем объективнее и точнее человек отражает законы, управляющие происходящими вокруг него и с ним самим процессами и состояниями вещей, тем безопаснее его позиция в окружающем мире. В основе этого лежит знание закономерностей бытия, но не меньшее, а часто и большее значение имеет точное интуитивное ощущение или понимание общего направления хода развития событий.

Особо важное значение имеет способность *предвидеть последствия развития ситуаций,* в которых оказывается человек, особенно если эти последствия окрашены чувством опасности как для него самого, так и для связанных с ним людей. Например, заключение сомнительных сделок может навлечь беду на совершенно не причастных к этому лиц. Лучшая защита от опасности — возможность предвидеть ее как в самой ситуации, так и в ее последствиях и предпринять правильные действия. Однако не менее эффективным средством защиты может быть и бездействие, т.е. отсутствие всяких или хотя бы выраженных действий в ответ на сложившуюся ситуацию.

Любое действие вносит в ситуацию дополнительные возмущения и если его последствия не осознаны, то результаты могут быть неожиданными, в том числе и опасными. Трудность несовершения каких-либо действий (бездействия) состоит в том, что некоторые ситуации как бы задевают, втягивают человека, провоцируют его к реагированию. Вместе с тем они возникают и развиваются по своим, не всегда достаточно хорошо известным человеку законам. Ситуации могут быть исчерпаны либо угаснуть сами собой, без активного вмешательства. Поэтому важно *уметь оценить момент, когда действие является неизбежным и необходимым способом реагирования.*

Сильным средством обеспечения личной безопасности может быть *знание психологических закономерностей, управляющих поведением людей.* Укажем некоторые из них.

В каждый момент своей жизни человек оказывается включенным в определенный социально-психологический контекст, в определенную систему взаимодействий и отношений между людьми, независимо от того, осознает он это или нет. Его поведение определяется степенью осознания, понимания им реальных отношений и сильно зависит от степени их субъективного искажения. Чем выше степень такого искажения, тем менее результаты его действий вписываются в общий контекст, следовательно, тем выше степень напряженности ситуации, а отсюда — резкое повышение вероятности острого и потенциально опасного реагирования.

Каждый человек обладает базисной системой личных ценностей, которую он стремится сохранить, усилить и защитить. Основной из этих ценностей является чувство собственного достоинства, проявляющееся в том, как человек ведет себя по отношению к другим и чего он ожидает (или требует) от других по отношению к себе. Потенциальная опасность ощущается первоначально как угроза чувству собственного достоинства. Будучи ущемленным, это чувство способно толкнуть человека на самые крайние действия.

Основными регуляторами межчеловеческого поведения являются такие морально-психологические образования, как совесть, стыд, вина и ответственность. Все они по существу взаимосвязаны, но первичным и наиболее глубоким является чувство стыда. Человек с дефектом чувства стыда или с его полным отсутствием непредсказуем в своих поступках и полностью асоциален. Для него переживания вины и ответственности не существуют, а соответствующие слова являются пустым звуком. Опасность нередко идет со стороны именно этой категории людей, причем сами себя они в этом качестве чаще всего не осознают.

Сильное влияние на поведение людей оказывают неформальные социальные нормы, бытующие в том кругу, где люди воспитываются и живут. В конечном счете они отражают условия жизни людей, сложившиеся традиции, обычаи и нравы и в совокупности выражают культуру данной общности. Общество сильно дифференцировано по характеру этих норм и силе их воздействия. Неформальные культурные традиции иногда настолько различаются, что представителям разных

общностей почти невозможно понять друг друга: что разрешено (или хотя бы не запрещено) в одной культуре, кажется представителям другой варварским, диким.

Общий принцип взаимоотношений разных культур — *взаимоуважение, безусловное принятие норм другого сообщества. Только в этом психологическом контексте возможно бесконфликтное существование.*

В социальных условиях нынешнего этапа отечественной истории проблема поиска позиции личной безопасности только обостряется. Не каждому под силу окружить себя телохранителями и приобрести бронированный автомобиль. Оружием большинства должно стать иное средство — *знание механизмов взаимоотношений между людьми и значительно более тщательное осмысление своей позиции* в плохо упорядоченном потоке событий и их последствий.

Изучение вопроса о том, почему человек становиться *объектом агрессии,* приводит к общему заключению: потому, что он стал препятствием на пути действия, достижения какой-то цели другим человеком. В основе этого лежит несколько факторов и обстоятельств, прежде всего утрата контроля за развитием ситуации. Потеря такого контроля не является случайным обстоятельством и обусловлена либо неосознаваемым стремлением спровоцировать агрессию на себя и получить возможность оказания активного сопротивления, либо причинами более глубокого порядка. К числу последних надо отнести в целом повышенную *виктимность* данного лица относительно определенных условий. Склонность становиться объектом нападения вызвана главным образом тем, что данное лицо является носителем какой-то скрытой вины, независимо от того, осознает оно ее или нет. Поэтому нападение на него (в физической или психологической форме) — это скорее наказание за что-то, что может и не иметь прямого отношения к ситуации, в которой это происходит. Истинные корни лежат где-то в другом месте или в другой плоскости. Это примерно то же самое, что и болезни, которыми заболевают некоторые люди и которые не поддаются никакому лечению. Такие больные сами почти никогда не осознают причин своих несчастий, а ищут их в чем-то другом — в условиях жизни, других людях и пр. Подобными людьми наполнены больницы и тюрьмы. Формирование защиты от попадания в такие ситуации — дело очень серьезной и длительной работы, осуществляемой, как правило, совместно с иным лицом, в частности, с квалифицированным психологом, психотерапевтом и др.

Психологические особенности обеспечения личной безопасности в условиях материально-денежных отношений. В настоящее время одной из самых мощных сил, управляющих поведением больших масс людей, становится *стремление к материальному обогащению.* Само по себе вполне допустимое, оно таит в себе серьезную угрозу личной безопасности. Эта угроза связана с некоторыми свойствами денег. Являясь всеобщим эквивалентом, деньги способны стать всеобщим мерилом любых ценностей, в том числе и ценности человеческой жизни.

Давно известно, что там, где начинаются деньги, кончаются человеческие отношения. Точнее говоря, где начинаются деньга, там человеческие отношения незаметно переходят в денежные, лишь закамуфлированные в форму человеческих. В условиях рыночных отношений, особенно начального и переходного периодов, отношения между деньгами еще выглядят как отношения между людьми и их легко спутать. Между тем, отношения между деньгами кардинально отличаются от человеческих отношений.

Деньги живут по своим законам, по ним они производятся и оборачиваются. Люди думают, что они управляют жизнью денег, тогда как на самом деле деньги управляют жизнью людей. Лица, только входящие в мир денег, как правило, плохо осознают, что они включаются в совершенно иную систему отношений, где действуют другие законы, главный из которых — увеличение массы денег. В отличие от людей, деньги «имеют» лишь одну «потребность» — к увеличению своего влияния. За счет этого они постепенно перестраивают всю систему отношений между людьми, подчиняют себе их жизнь, диктуя ей свои правила.

В этих условиях сама человеческая жизнь становится лишь средством, способом производства денег, хотя, казалось бы, должно быть наоборот — деньги должны являться средством производства и воспроизводства жизни. В мире товарно-денежных отношений нет таких вещей, как сострадание и прощение, жертвенность и милосердие. Они присущи только миру людей. В мире денег они не нужны и обречены на вымирание.

Включаясь в систему новых отношений, прежде всего материально-денежных, в целях обеспечения личной безопасности необходимо иметь в виду следующее:

• в любой ситуации понять, кто ею управляет, кто контролирует потоки денежных и материальных ценностей; в каком звене системы и какое место занимает человек; по каким правилам строятся взаимоотношения между окружающими людьми;

• уяснить условия и требования, которым нужно соответствовать, чтобы остаться членом системы;
• понять интересы и стремления других людей, которые могут быть затронуты определенными действиями, оценить вероятность оказаться в позиции чьего-либо конкурента и способность вступить в конкурентные отношения;
• особо внимательно надо оценить систему взаимозависимости людей, ее характер и силу, особенно зависимости материальной, родственной, дружеской, приятельской; опасность идет со стороны людей, попадающих в ситуации жесткой зависимости;
• опасными являются лица, располагающие сведениями, компрометирующими кого-либо; прямую угрозу несут действия, провоцирующие к обнародованию компрометирующей информации.

Большинству людей свойственно *чувствовать грань, за которой ситуация становится напряженной и опасной, и они стараются ее не переходить.* Здесь им помогает осознание или хотя бы ощущение возможных последствий назревающей ситуации. Их психика почти автоматически оценивает эти последствия, возможность справиться с ними без ощутимого ущерба для себя. Этот психический механизм оценки последствий — основа поведения в конфликтных ситуациях и сохранения личной безопасности.

Каждый желающий обезопасить себя человек должен *ясно представлять себе те факторы и обстоятельства, которые вызывают у него стресс, напряжение, сопровождающиеся чувствами тревоги, страха, «психического ослепления»* и т.п. Распознавать эти обстоятельства учит жизненный опыт, дающий со временем верный ориентир в обеспечении личной безопасности. Анализируя подобные ситуации, человек должен разрешить для себя следующие вопросы: не было ли в его поведении чего-то такого, что могло бы войти в противоречие или даже в конфликт с правами других людей; не является ли возникновение напряженной ситуации результатом легкомыслия и надежды на то, что критическая ситуация может не возникнуть; был ли другой вариант поведения и была ли возможность выбрать именно его; в силу каких обстоятельств не был избран иной вариант поведения.

Обычно люди, дающие отрицательный ответ на перечисленные вопросы, являются повышенно виктимными, т.е. уязвимыми для негативного, агрессивного воздействия со стороны. Они плохо обучаются на собственном опыте, жизнь их ничему не учит. Из-за этих своих качеств они в определенном смысле опасны и для других, так как склонны втягивать их в неприятные ситуации.

Наиболее слабая из всех возможных видов психологической защиты — склонность видеть источник всех своих бед и несчастий в других людях или в не зависящих от данного лица обстоятельствах. Древняя мудрость гласит: «Ничто не может коснуться человека, причиной чего не был бы он сам». Всему, что происходит с человеком, причиной являются его собственные действия.

В то же время никакая опасность не бывает глобальной (кроме, может быть, мировой катастрофы). Любые факторы, условия, обстоятельства действуют избирательно, втягивая в орбиту своего действия лишь определенных людей. Психологически это выражается в предрасположенности быть втянутым в ту или иную неприятность. Существует даже целая наука о жертвах преступлений — виктимология, одной из задач которой и является выяснение таких предрасположенностей. Знание о них служит психологическим оружием защиты от попадания в острые, конфликтные или криминальные ситуации с негативными или тяжелыми последствиями.

Весьма мощными средствами психологической защиты являются следующие мировоззренческие установки:
• окружающий мир не злонамерен и не имеет целью причинить страдания;
• ни с каким отдельным человеком не может произойти ничего такого, чего уже когда-либо не происходило со множеством других людей;
• с каждым отдельным человеком происходит именно то, что должно произойти именно с ним, и не более того;
• в любой и каждой конкретной ситуации человек оказывается не случайно и не бессмысленно, но с целью решения определенной жизненной задачи, хотя понять эту задачу в большинстве случаев крайне сложно.

Состояние личной безопасности резко ослабляется, если человек *утрачивает контроль над ситуацией как содержащей потенциальную угрозу для него; если он не оценивает и не предвидит последствий своих действий; если он обладает благами или правами, принадлежащими ему не по праву, несправедливо либо в результате прямого криминала.*

Контроль за ситуацией состоит главным образом в понимании и точной оценке интересов людей, которые окружают человека, независимо от того, временный и краткосрочный это контакт или длительный и постоянный.
Точной оценке ситуации чаще всего мешают собственные желания и цели лица, которые оно стремится удовлетворить или достичь во что бы то ни стало. Ослепленный перспективой достижения цели, человек перестает видеть других, учитывать, что они могут иметь те же цели и стремления и не меньше прав на них, а возможностей достижения даже больше. В этой ситуации конфликт, как правило, неизбежен.
Особая ситуация возникает, если человек связан с другими людьми отношениями родственной или материальной зависимости. Ситуация осложняется, если кто-то из них хотел бы обладать тем, чем владеет он, и при этом уверен в том, что ему это нужнее. Подобные отношения нередко складываются между родственниками на почве имущественных прав и в дальнейшем могут перерастать в преступления. Чтобы не оказаться в позиции жертвы, необходимо прояснить взаимные притязания и совместно поискать пути их обоюдного удовлетворения и в любом случае заручиться правовой поддержкой.
Важным средством обеспечения личной безопасности является комплекс приемов и навыков, в совокупности обозначаемый *визуальной психодиагностикой,* т.е. способностью определения психологических особенностей человека по зрительно воспринимаемым чертам его внешности и формам поведения. Психодиагностические суждения касаются, как правило, особенностей личности другого человека, черт его характера, но главным образом — мотивов, побудительных сил поведения.
Для целей сохранения безопасной личной позиции в обыденном, ежедневном общении полезно знать некоторые признаки поведения, потенциально способствующие осложнению, повышению напряженности при взаимодействии и общении людей.
Агрессивная установка по отношению к другим людям проявляется в позе человека, особенно в скрещивании им рук и ног. Скрещивание ног в сидячем положении — это признак сопротивления, если при этом скрещены и руки на груди — то перед вами противник. Другие признаки противника — отклонение тела назад, наклон головы вперед, взгляд исподлобья, руки на бедрах или локоть левой руки лежит на колене, а правая рука опирается на бедро или колено. Характерно также приближение к сопернику, сокращение дистанции, вхождение в личное пространство другого.
Примерно то же значение имеют жесты и действия, выражающие претензию на территориальные права: человек кладет ногу на ручку кресла, стол, ставит багаж на свободные места в транспорте, зале ожидания. Могут быть и другие способы захватывания пространства. Вторжение в пространство другого человека всегда вызывает напряжение и чревато конфликтом.
Психологическая дистанция. Понятие дистанции, расстояния между людьми имеет не только физический, но и глубокий социально-психологический смысл. Знание и понимание его прямо связано с личной безопасностью человека.
Психологическая дистанция определяется многими факторами, но главные — это представления людей о себе, с позиций которых они и взаимодействуют друг с другом. Определение дистанции, на которой целесообразно оставаться, входя в общение с конкретным лицом, требует определенного времени и навыков. В любом случае лучшей тактикой для этого является внешне доброжелательное, но внутренне нейтральное отношение к любому человеку. При этих условиях другой человек быстрее проявит признаки того социально-психологического статуса, к которому он себя причисляет, и тем самым даст возможность определить дистанцию, на которой целесообразно держаться в общении с ним.
Существует определенный предел, барьер, за которым начинается *личное пространство человека* и в которое он не хотел бы пускать никого. Это пространство строго охраняется каждым человеком как от обнаружения его другими людьми, так и от вторжения в него. Бесцеремонность, отсутствие чувства такта — это и есть нарушение дистанции и системы внутренних, личных ценностей человека.
Современная массовая культура, насаждаемая средствами информации, предпринимает все усилия не только для сокращения дистанции между людьми, но и для ее уничтожения. Исключение из речевого общения отчеств людей и обращение со всеми только по именам, навязывание формы обращения на «ты», независимо от возраста и положения, обнародование подробностей личной жизни людей, навязывание нецензурной лексики и т.п. — все это способы

снятия дистанции, нивелирования людей «под одну гребенку», пренебрежительного отношения к такой психологической реальности, как чувство собственного достоинства.

Например, люди, отбывавшие наказание в виде лишения свободы, в обыденном общении очень конфликтны, они сами привыкли управлять ситуацией и решать, кого пустить в свое личное пространство, а кого не пускать. Сложность взаимоотношений с ними состоит в том, что они очень чувствительны к малейшим признакам нарушения дистанции и реагируют на это очень остро. Другой человек «по простоте своей» и в мыслях не имел что-то нарушить, но когда его решительно «отодвигают» физически или психологически, то вполне может быть, что он преступил дозволенную границу сближения.

Сформулированные правила хорошего тона требуют: не приближайтесь к человеку слишком близко. Хотя условия жизни, в которые поставлено большинство людей, ежедневно сталкивают их друг с другом и притупляют чувство дистанции, они не уничтожают его полностью. Большинство людей стремятся по возможности занять в пространстве позицию вне непосредственного соприкосновения с другими.

2.10. Психология уголовной ответственности

Понятие. *Психология уголовной ответственности* — особое направление юридической психологии (частная теория), обслуживающее потребности уголовного законодательства (в том числе в разработке точных дефиниций) и формирование практики его применения, комплекс научных положений о механизмах включения *психологических знаний в процесс правотворчества и правоприменения.*

Цель включения психологических знаний в процессы уголовно-правового регулирования — обеспечение максимально детализированного *учета особенностей и состояний личности для определения условий и предпосылок уголовной ответственности, ее индивидуализации.* Это важнейшая гарантия от необъективного вменения и несправедливости наказания вследствие игнорирования или неполного учета личностных свойств, влияющих на содержание деяния, предшествующее и последующее поведение субъекта.

Адекватное отражение в понятиях, нормах, институтах уголовного права «действительного содержания» субъективного мира личности — необходимое условие социальной эффективности уголовного законодательства. Еще в начале века Л.И. Петражицкий писал о том, что именно психология, ее теория мотивации способна дать научно обоснованное решение вопросов регулирования и оценки индивидуального и массового поведения.[1]

В послереволюционные годы использование психологических знаний в уголовно-правовом регулировании длительное время критиковалось, произошел «отрыв» юристов от психологии. И если в 70-е годы быстро стало продвигаться вперед развитие теории судебно-психологической экспертизы как одной из частных теорий юридической психологии, то констатация на более глобальном уровне значимости общей и юридической психологии для законодательства и правоприменения задержалась.

Даже в 80-е годы ставились вопросы психологического «обеспечения» по преимуществу криминологии, уголовно-процессуальной деятельности и исполнения наказаний, но не участия в развитии уголовного законодательства и практики его применения. Лишь правовая реформа 90-х годов дала толчок развитию новой частной теории юридической психологии — ***психологии уголовной ответственности.***

Основания психологии уголовной ответственности. Необходимость использования психологических знаний в регулировании уголовно-правовой борьбы с преступностью на законодательном и правоприменительном уровнях обусловлена самим содержанием понятия *преступление* как деяния — активной и сознательной деятельности определенного субъекта. Поэтому требуется не просто формально-логическое соотнесение внешних признаков конкретного акта деятельности с признаками, указанными в уголовном законе, но:

- такое формулирование последних, чтобы их совокупность для ведущих понятий, институтов, норм Общей и Особенной частей УК отражала (поскольку речь идет о поведении) психологически адекватные характеристики, достаточные для «узнавания» этого типа поведения в конкретном акте;
- обеспечение установления и оценки индивидуально значимых свойств конкретного поведенческого акта и личности для справедливого решения вопросов ответственности и наказания.

Без использования на профессиональном уровне психологических знаний, относящихся к механизмам осознанного произвольного поведения и влиянию на него особенностей личности, невозможно реализовать эти требования. Необходимой опорой уголовно-правовой трактовки ответственности является поэтому психологическая теория — раскрытие содержания уголовно наказуемого поведения, закономерностей, которые дают возможность определить его в качестве такого, вне исключительной компетенции правовой теории. Тем более, что решение вопросов ответственности и наказания в конкретном случае включает и своего рода следственный и судебный прогнозы относительно влияния принятого решения на будущее поведение субъекта. Закон, опирающийся на положения психологии, в состоянии создать для этого необходимые предпосылки.

Нельзя противопоставлять потребность использования психологических знаний требованию социальной обоснованности уголовно-правового регулирования: психологическое — одна из сторон социального. В частности, социальная обоснованность правового регулирования предполагает отражение в правовых понятиях, нормах и институтах механизма акта деятельности (деяния) с учетом многообразия проявлений человеческой психики. Деятельность, независимо от видов и формы, входит в предмет психологической науки, хотя, разумеется, совершенно иначе, чем она входит в предмет других наук.

Понятийные формулировки, используемые в уголовно-правовых нормах, должны ориентироваться на типичное в конкретном поведении конкретных людей (деяние), а не на некое явление (преступность), и закладывать базу для формирования общественного мнения в случаях, когда вводимые запреты (или дозволения) ломают старые традиции. Это связано с полнотой учета в соответствующей норме психологического механизма деяния.

Одно из условий эффективности уголовно-правового регулирования — точность и понятность языка закона: тем, кто закон применяет; тем, кого закон информирует о должном поведении; и тем, в отношении кого он при-
меняется. С позиций психологии можно оценить, как будет воспринят и понят тот или иной термин, используемый законодателем, тот или иной вводимый институт, запрет или его отмена. Игнорируя дефиниции общей и юридической психологии, характеризующие личность и деятельность в их интерпретации относительно преступления и преступника, этого результата достичь невозможно. Психологические знания о системе «личность—преступное поведение—ответственность» необходимы прежде всего *при разработке и применении понятий, институтов и норм уголовного права,* связанных с:

• типовой моделью управляемого поведения в уголовно-релевантных ситуациях;

• основанными на ней условиями и предпосылками уголовной ответственности (возраст, вменяемость);

• границами уголовной ответственности в силу определенных свойств и состояний личности либо сложности ситуации (особые эмоциональные состояния, алкогольное или наркотическое опьянение, управление источником повышенной опасности в экстремальных условиях и пр.);

• институтами, отсутствовавшими до последнего времени в уголовном законе, но настоятельно требуемыми практикой для обеспечения субъективного вменения (ответственность лиц с психическими аномалиями в рамках вменяемости, обоснованный риск);

• разграничением обоснованного риска, неосторожной вины, случая;

• общими личностными началами индивидуализации наказания, включая степень осознания виновным отягчающих обстоятельств.

Понятийный аппарат. Понятийный аппарат психологии уголовной ответственности связан с комплексом ее исследовательских задач и в первую очередь с разработкой психологической характеристики предпосылок и меры уголовной ответственности. Речь идет о поведении в уголовно-релевантных ситуациях личности, в отношении которой решаются вопросы уголовной ответственности и наказания. Поэтому на первый план выдвигается понятие *осознанно-волевого поведения* по отношению к этим ситуациям, как целенаправленного и мотивированного. Соответственно системообразующее значение приобретают понятия способности к такому (избирательному) поведению, наличие или отсутствие этой способности в конкретном случае, а также свойств и состояний личности, влияющих на избирательность поведения в определенной ситуации.

С помощью этих понятий формируется комплекс профессиональных психологических знаний, необходимых законодателю и правоприменителю для конструирования и применения института предпосылок уголовной ответственности *(вменяемость, достаточное возрастное развитие)* и

института общих начал дифференциации и индивидуализации наказания *(личностные свойства и состояния, влияющие на степень ответственности за деяние)*. В свою очередь решение этих задач предполагает использование и системы детализирующих понятий, таких, как *цель, мотив, особые психические состояния.*

Процесс адаптации психологических понятий к нуждам психологии уголовной ответственности происходит следующим образом.

1. Из всего класса случаев, охватываемых категориями общей психологии, выделяется гораздо более узкий круг, значимый именно для уголовно-правового регулирования. Так, из всего многообразия видов (модальностей) аффекта юридическую психологию интересуют аффект гнева и страха.

2. Ограничивается круг изучаемых параметров определенного психологического явления. Например, понятие личности здесь используется с более ограниченным набором исследуемых качеств, нежели в общей психологии.

3. Нередко меняется характеристика значения и места того или иного психического явления в ряду других явлений по сравнению с аналогичными параметрами в общей психологии. Например, аффект изучается в общей психологии как один из видов эмоциональных процессов, отличающийся от других особой интенсивностью, специфическим влиянием на сознание и деятельность; в психологии понятие аффекта рядоположено с другими понятиями, обозначающими чувства, переживания и пр. При разработке же частной психологической теории уголовной ответственности понятию аффекта придается особое значение.

4. В ряде случаев происходит и обратный процесс, когда смысл понятий углубляется, поскольку значимыми оказываются те стороны предмета исследования, которые для общей психологии безразличны. Речь идет о случаях постановки по заказу уголовного права локальных исследовательских задач.[2] Например, общепсихологические понятия «осознанно-волевое поведение», «аффект» и прочие имеют в виду актуальные состояния. Для юридической же психологии, в том числе для рассматриваемого направления, характерным и специфическим является *ретроспективная* оценка состояний. Еще один пример углубления понятий по сравнению с общепсихологическими: понятийная характеристика мотивации субъекта, обусловливающей «особую жестокость» в отношении потерпевшего, как и осознание этого обстоятельства, для общей психологии безразлична и разрабатывается именно в юридической психологии. При этом и здесь важен ретроспективный аспект.

5. Формирование понятийного аппарата рассматриваемой теории включает широкое использование дихотомий. Это обусловлено тем, что в соответствии с потребностями законодателя и правоприменителя приходится исследовать рядоположенные психические процессы, состояния, свойства, имеющие противоположный знак, например, критичность—некритичность личности, рационализм—легкомыслие, сострадание—жестокость и др.; или способность к осознанно-волевому поведению в уголовно-релевантной ситуации и неспособность к нему; понимание субъектом (потерпевшим) характера и значения действий, совершаемых в отношении него, и непонимание этого.

Взаимосвязь уголовно-правового регулирования и психологии. Объективная потребность использовать профессиональные психологические знания в уголовно-правовом регулировании (и реализующий эту потребность «заказ» теории уголовного права и законодателя) обусловлена их взаимосвязями. Основные взаимосвязи:

• теория уголовного права и законодатель используют ряд понятий психологии в «готовом» виде. Включаясь непосредственно в закон и приобретая таким образом нормативную форму, они не теряют своей психологической основы и должны использоваться в точном смысле, какой они имеют в психологии. Речь идет, в частности, о понятиях мотива, цели, личности, аффекта, риска, уровня психического развития, осознания и др.

При этом: а) право ориентирует психологов на учет специфики психологической характеристики соответствующих свойств, состояний, процессов, применительно к уголовно-релевантным ситуациям; б) могут задаваться дополнительные исследовательские задачи (например, раскрыть содержание некоторых специфических для преступлений мотивов);

• осуществляется проверка имеющихся вариантов концептуальных и нормативных решений, обусловленных нравственными, политическими, житейскими соображениями путем истребования данных психологии (например, при определении возраста уголовной ответственности);

• формулируются значимые для правовой оценки ответственности такие понятия, как, например, «особая жестокость», что предполагает разработку психологией адекватной содержательной характеристики путем использования двузначного психологического понятия «жестокость» (свойство личности и атрибут поведения);

• разрабатывается комплексная психологическая характеристика понятийного аппарата теории уголовного права и закона. Например, необходимое уголовному праву понятие «вменяемость» имеет в качестве психологической основы систему дефиниций, включающую «способность», «осознание», «управление поведением», «предвидение» и др.;

• теория уголовного права и законодатель используют юридические понятия, имеющие элементарное психологическое содержание. Здесь функции психологии связаны с оценкой правильности их интерпретации.

Описанная схема связи уголовного права и психологии уголовной ответственности несколько упрощена, но позволяет понять принцип функционирования механизма взаимодействия в этой сфере. Возможны и более сложные его формы.

1. Типичны ситуации, когда проблему, требующую профессиональных психологических знаний, обнаруживает не теория уголовного права и не законодатель, а следственная и судебная практика. Это имело место, например, с проблемой значительного отставания некоторых несовершеннолетних — участников общественно опасных действий — в психическом развитии, что делало их фактически недееспособными. Представители юридической психологии обобщают «сигналы» практики, а результаты обобщения в форме научных разработок или предложений представляют законодателю и теории уголовного права. В рассматриваемом примере результатом такого взаимодействия стало включение специальной нормы в УК 1996 г. (ч. 3 ст. 20, в которой предусматривается новое основание освобождения от уголовной ответственности).

2. Возможен и вариант, когда разработка проблем, значимых для уголовно-правового регулирования, инициируется непосредственно юридической психологией (психологией уголовной ответственности). Он отчетливо проявился в последние годы, когда была обоснована необходимость учета в уголовном праве таких явлений, как ограничение или утрата избирательности поведения в экстремальной ситуации, наличие «аккумуляции» аффекта, влияние старческого одряхления на избирательность поведения и т.д. Несмотря на кажущуюся разнородность этих ситуаций, их выявление имеет общую концептуальную основу: развитие личностного подхода в уголовном праве.

Проблема взаимодействия уголовного права и юридической психологии в рамках рассматриваемой частной теории психологии уголовной ответственности включает и *проблему методов исследования.* В арсенале юридической психологии наряду с традиционными для психологии есть и специфические методы. Например, при исследовании процессов, состояний и свойств, имеющих уголовно-правовое значение и соответственно документированных, используются методы обобщения экспертной, следственной и судебной практики, изучение уголовных дел. Характерной чертой методики исследований является широкое применение *ретроспективного* подхода, поскольку рассматриваются действия, которые принадлежат прошлому и не могут быть воспроизведены в эксперименте. Уникален метод экспертной оценки представителями юридической психологии содержания нормативных актов и их проектов. Важен повсеместно статистический анализ, требования репрезентативности.

---

[1] *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. - СПб., 1905. - С. 193.

[2] Сошлемся на теорию дактилоскопии. По содержанию это одна из множества локальных биологических теорий, но для фундаментальной биологии типология и классификация папиллярных узоров интереса не представляла. Поэтому с учетом «заказа» от криминалистики теория дактилоскопии разработала собственную систему характеристик узоров и методику их изучения. Только после этого уже по схеме обратной связи общая биология «признала» дактилоскопию и использовала ее, например, при исследовании близнецовых пар.

Глава 3. Криминальная психология

3.1. Основы изучения и оценки психологии личности преступника

Подходы к изучению психологии личности преступника. Опираясь на понимание личности как социального качества человека, можно сказать, что личность преступника выражает своеобразие социального качества человека, виновно совершившего уголовно наказуемое деяние. *Специфическая сущность личности преступника заключается в особенностях его психического склада, которые выражают собой внутренние предпосылки антиобщественного поведения, а* также определяют индивидуальные особенности юридически значимого поведения, связанного с правовым положением лица, совершившего преступление.

Понятие личности преступника определяется как юридическими признаками, которые согласно закону характеризуют субъекта преступления (указывают, кто может быть таковым), так и признаками, отражающими особенности его духовной сущности, содержащими внутренние причины общественной опасности личности.

Общественная опасность личности выражает *потенцию личности* к преступному поведению, которая понимается как *внутренняя возможность совершения при определенных условиях преступных деяний.*

Психологическое изучение личности преступника имеет различные аспекты, определяемые правовым положением лица, совершившего преступление, и задачами правоохранительной деятельности. Преступник в соответствии со своим правовым положением изучается как субъект преступного деяния, посткриминального поведения/уголовного процесса, уголовно-исполнительных правоотношений, постпенитенциарного поведения, а также как объект исправления и профилактики. Каждому из названных подходов к лицу, совершившему преступление, соответствуют свой аспект и задачи психологического изучения его личности.

Изучение личности преступника как субъекта преступного поведения является центральным. Задача его — познание той совокупности психологических свойств, которые определили субъективную необходимость и возможность

совершения человеком уголовно наказуемых деяний. В этой связи работники правоохранительных органов, осуществляющие раскрытие и расследование преступлений, участвующие в судебном процессе, ставят перед собой задачу понять, что же в «психологии» личности выступило причиной совершения деяния, в силу каких индивидуальных психологических особенностей личности в сложившихся условиях человек действовал преступным образом, являются ли его действия плодом собственной инициативы или к этим действиям его подтолкнули неблагоприятные обстоятельства? Изучение личностных предпосылок преступного поведения необходимо для реконструирования психологической стороны генезиса совершенного деяния, понимания его мотивов и целей, психического состояния субъекта.

Психологическое изучение личности преступника в указанном аспекте необходимо также для назначения справедливого и достаточного наказания. Здесь важно понять общую нравственно-правовую направленность личности виновного, произошедшие изменения в убеждениях, ценностях, стремлениях после совершения преступления, выяснить наличие у виновного криминогенных склонностей в основных сферах социального поведения, прежде всего в сфере обеспечения удовлетворения материальных потребностей и в сфере взаимодействия с другими людьми. Необходимо понять, имеются ли у него склонности к использованию незаконных способов удовлетворения материальных потребностей и к совершению преступных насильственных действий.

Психологическая структура личности преступника. Для того чтобы судить о криминогенных особенностях личности преступника, необходимо понимать роль психических свойств, образующих внутреннюю — психологическую — основу личности в порождении преступного поведения.

Методологическим основанием понимания является положение о том, что *никакие внешние обстоятельства не могут являться непосредственными причинами противоправного деяния, если они не стали побуждениями воли самого человека, обладающего способностью к волевому поведению* (А.Р. Ратинов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Ю.М. Антонян, Е.Г. Самовичев и др.). Генезис преступного поведения заключается в формировании у индивида состояния психологической готовности к поведенческому акту в форме общественно опасных действий

либо бездействия. В процессе формирования этой готовности индивид личностно своеобразно воспринимает и оценивает внешние условия, испытывает личностно характерные для него побуждения (мотивы), определяет личностно приемлемый способ и цель действий. Принятая цель достигается им благодаря сложившимся в жизненном опыте навыкам, умениям, способностям, которые представляют собой также личностные образования. Таким образом, в процессе порождения преступного поведения особенности личности обусловливают индивидуально своеобразное восприятие внешних условий, мотивообразование, целеполагание и исполнительную регуляцию поведения.

Раскрытие психологии личности преступника как субъекта антиобщественного поведения требует комплексного подхода к изучению ее психологических свойств. Этот подход должен опираться на научно обоснованные выводы о том, какие психологические свойства личности, какую играют роль в порождении преступного поведения, т.е. необходимо составить *модель психологической структуры личности преступника,* выражающую суть криминогенной личности.

К психологической структуре личности преступника исследователи в различных сочетаниях относят: свойства потребностно-мотивационной сферы (потребности, интересы, устойчивые мотивы и др.); свойства ценностно-нормативной сферы (взгляды, убеждения, ценностные ориентации, установки, позиции личности и др.); интеллектуальные свойства (уровень умственного развития, особенности мышления и др.); свойства, представляющие опыт, значимый в преступном поведении (знания, умения, навыки, способности); эмоциональные, волевые свойства, темперамент.

Если посмотреть на психологическую структуру личности преступника с точки зрения выполняемых ею функций в порождении преступного поведения, то она должна включать свойства, обусловливающие:

• криминогенно значимое восприятие тех или иных социальных условий и ситуаций;

• мотивацию к преступному поведению;

• приемлемость преступной цели, которая как таковая определяется криминальным способом реализации мотивов;

• возможность реализации преступного способа, т.е. достижения преступной цели.

Центральным моментом в генезисе преступного поведения при этом является *принятие криминальной цели и способа.* Наиболее существенные психологические особенности личности преступника проявляются в особенностях принятия преступной цели и способа, в личностной обусловленности их принятия.

Типы криминогенной личности. Систематизация индивидуальных особенностей формирования готовности субъекта к совершению преступного деяния или поддержания такой готовности при систематическом осуществлении преступной деятельности позволяет выделить ряд *общих типов* криминогенной личности, описать их психологические особенности.

Первый тип характеризуется тем, что готовность к совершению преступного деяния обусловливается наличием определенной криминальной потребности, предметом которой является не только получаемый результат, но и в значительной мере (а порой в определяющей) сами преступные действия — процесс их совершения. Данная потребность (криминальное влечение) может актуализироваться независимо от внешних условий и побуждать поиск объекта и возможностей для совершения преступного посягательства. Такая потребность может также проявляться при стечении обстоятельств, выступающих поводом, случайно возникшей более или менее благоприятной возможностью совершения преступных действий. Криминальное влечение нередко приобретает доминирующий характер в поведении человека, погашает иные его стремления. Трудно преодолимое влечение такого рода представляет психическую аномалию, относимую к патологии влечений, которая тем не менее не исключает вменяемости. Совершая преступные деяния по воле криминального влечения, преступник находит в этом неосознаваемую компенсацию чувства неудовлетворенности, разрядку внутреннего напряжения, испытывает удовольствие, чувство азарта и другие положительные для него состояния от процесса совершения насилия или похищения, разрушения и др. Криминальное влечение носит индивидуально специфический характер, т.е. имеет индивидуально своеобразное содержание, касающееся вида и способа совершения преступного посягательства, его объекта и приемлемых условий.

Второй тип криминогенной личности преступника выражается в субъективно непротиворечивом принятии преступного способа удовлетворения некоторой потребности или разрешения

проблемной ситуации как наиболее предпочтительного по сравнению с правомерным или наряду с использованием правомерного. Криминогенная потенция личности выражается в том, что индивид уже изначально привержен преступному способу действий: для него не стоит вопрос принципиального выбора. Такая изначальная приемлемость преступного способа удовлетворения потребности (разрешения проблемной ситуации) определяется преобладающе положительным отношением к нему, его освоенностью, привычностью использования, уверенностью в «благоприятном» результате, в собственных способностях совершения преступного деяния, в избежании ответственности. Приверженность преступному способу удовлетворения потребности ориентирует активность субъекта на поиск объекта и возможностей для совершения преступного посягательства при актуализации исходной потребности, которая может носить социально нормальный характер.

Третий тип личностных предпосылок преступного поведения выражается в том, что субъект принимает преступный способ удовлетворения определенной потребности лишь при исключительно благоприятных условиях, которые представляют не только достаточную возможность получения личностно ценного результата преступным способом, но и максимальную безопасность. В обычных условиях для индивида не возникает проблемы выбора способа обеспечения удовлетворения некоторой потребности, поскольку для него более приемлем правомерный способ. Принятие преступной цели и способа носит характер отклика на представившуюся исключительно благоприятную возможность ее реализации.

Четвертый тип криминогенной потенции личности преступника проявляется в вынужденном, внутренне противоречивом принятии преступного способа действий. Это происходит, например, когда субъект считает, что реально отсутствует возможность обеспечить правомерным способом удовлетворение потребности (разрешение проблемной ситуации) и в то же время невозможно оставить эту потребность без удовлетворения. Криминогенная потенция личности, проявляющаяся в данном случае, выражает приемлемость преступного способа действий лишь в связи с вынуждающими обстоятельствами, субъективно безвыходным положением. При этом преступник испытывает противоречивое отношение к преступному деянию, считает его рискованным, однако, в сложившейся ситуации допустимым.

Пятый тип криминогенной личности характеризуется наличием склонности к импульсивному совершению противозаконных действий, проявляемой в форме реакции на некоторые обстоятельства ситуации. Эта импульсивная реакция может выражаться в агрессивной «вспышке» и причинении телесных повреждений потерпевшему в конфликтной ситуации или в ответ на оскорбительное высказывание потерпевшего либо, например, в совершении карманной кражи, когда преступник внезапно воспринял благоприятную для этого возможность. Такая реакция может происходить как на фоне относительно нормального нервно-психического состояния субъекта, так и при повышенном нервно-психическом возбуждении (аффекте, стрессе) и при измененном функциональном состоянии в результате употребления алкоголя, наркотических и иных одурманивающих веществ. Она может также проявляться как эскалация опасности насильственных действий преступника в процессе обострения конфликта с потерпевшим или при усилении ответных действий потерпевшего. Психологические предпосылки такого поведения выражаются в наличии криминальных поведенческих установок и стереотипов.

Шестой психологический тип личности преступника проявляется в принятии преступной цели-способа под решающим влиянием внешнего криминогенного воздействия иных лиц либо в результате его конформного поведения в группе, обусловленного готовностью идентифицировать с ней свое поведение. В данном типе налицо отсутствие антикриминальной устойчивости личности. Это выражается в неразвитой способности к самоопределению в группе, податливости влиянию других лиц при отсутствии решимости воспротивиться совершению противозаконных действий, несмотря на отрицательное отношение к ним.

Ролевые особенности психологии личности преступника. Следующий важный аспект психологии личности преступника связан с подходом к нему как к *субъекту посткриминального поведения.* Цель психологического изучения преступника в этом случае - познать склонности к действиям после совершения преступления в отношении к следам преступления, свидетелям, потерпевшим, работникам правоохранительных органов, к действиям при задержании и др. Такого рода склонности могут прогнозироваться на основе анализа его криминального опыта, авторитета в преступной среде, интеллектуальных способностей, свойств темперамента,

выражающих уравновешенность-неуравновешенность, силу-слабость нервной системы, тревожность, импульсивность и другие свойства.
При подходе к лицу, совершившему преступление, как к субъекту *уголовного процесса* психологическое познание его личности имеет целью выявить те ее особенности, которые значимы для эффективного построения с ним взаимодействия в рамках уголовно-процессуальных правоотношений и решения задач расследования совершенных им преступлений. В этом плане важно предвидеть, как подозреваемый, обвиняемый в силу своих психологических свойств будет вести себя при проведении следственных действий, реагировать на те или иные методы правомерного психологического воздействия, какие личностные свойства должны быть учтены при подходе к установлению с ним психологического контакта и склонению его к правдивым показаниям. В этом аспекте психологического изучения личности преступника важно выяснить предубеждения относительно работников следственных органов и их деятельности, опыт «нахождения» под следствием, уровень интеллекта, доминирование расчетливо-рассудительной, образной или чувственной формы умственной деятельности, внушаемость, подвижность-инертность психических процессов, экстраверсию—интроверсию и др.
Изучая личность преступника *в роли осужденного, отбывающего наказание,* важно познание тех ее психологических особенностей, которые определяют его отношение к соблюдению режима, к труду, сотрудникам уголовно-исполнительного органа (учреждения), его склонности к совершению тех или иных противоправных действий, к лидерству среди осужденных и др. Этот аспект изучения личности определяет индивидуальный подход к управлению поведением осужденного, осуществлению профилактики. Для индивидуального подхода к исправлению личности осужденного важно изучать и анализировать широкий спектр психологических свойств и качеств личности. В этой связи важно познание психологического типа криминогенное™ личности, Ценностно-мотивационной сферы ее, которую составляют потребности и жизненные ценности, желательный Я-образ и образ жизнедеятельности, самооценка, совокупность отношений личности, определяющих ее нравственно-правовую позицию. Не менее важно изучение психологических особенностей личности, которые осложняют социальную адаптацию, например, конфликтный стиль взаимодействия с другими людьми, чувство собственной ущербности, несправедливости своего положения или алкоголизм, наркомания и др. Важно также учитывать психологические свойства, значимые для установления контакта в целях проведения индивидуальной воспитательной работы, избрания методов и форм исправительного воздействия.

3.2. Психология индивидуальной приемлемости совершения преступного деяния

Приемлемость совершения преступного деяния. Важнейшую отличительную особенность личности, обладающей склонностью к совершению преступного деяния, составляет психологическая приемлемость такого деяния как способа удовлетворения потребности или разрешения проблемной ситуации. Потребность или возникшая проблемная ситуация, связанная, например, с необходимостью защиты определенных личностных ценностей, является источником мотива поведенческого акта. Ради удовлетворения этой потребности или разрешения проблемной ситуации индивид вынужден совершать целесообразные действия. Цель этих действий всегда субъективно осознается в неразрывной связи со способом достижения желательного результата. Без осознания способа достижения результата, последовательности необходимых действий целесообразная активность человека невозможна, а побуждение удовлетворить потребность разрешить возникшую проблему останется не «нашедшим» способа своей реализации.
Для реализации одного и того же мотива человек может избирать совершенно разные способы и наметить цели. Так, мотив удовлетворения материальной потребности может быть реализован правомерным способом, когда субъект ставит перед собой цель заработать необходимую сумму денег, а также противоправно, когда он избирает противозаконный способ и соответствующую ему цель - украсть деньги или совершить вымогательство, ограбление.

Личностные факторы индивидуальной приемлемости преступного способа поведения. Что же определяет индивидуальную приемлемость либо неприятие преступного способа поведения? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к анализу психологического механизма целеполагания в преступном поведении.
Принятие преступной цели (способа) может происходить на основе: • выбора ее из альтернативных способов удовлетворения потребности или поведения в проблемной ситуации. В

числе возможных способов субъект может видеть правомерный, правонарушающий (но не преступный) и преступный. Он также может осознавать эскапический вариант поведения, выражающийся в отказе от удовлетворения потребности, уходе от разрешения возникшей проблемы;
• изначально безальтернативной ориентации на использование общественно опасных действий, к которым субъект личностно привержен. При этом у него не возникает необходимости принципиального выбора;
• решающей роли внешнего воздействия на субъекта или вследствие его идентификации с поведением иных лиц в составе референтной группы (подражание, психологическое взаимозаражение, конформное поведение).
Принятие преступной цели-способа в результате выбора определяется *преобладающей личностной приемлемостью антиобщественного способа* по сравнению с известными субъекту правомерными. В этом случае возможно внутренне противоречивое принятие противозаконного способа, когда субъект отрицательно относится к нему, однако допускает его использование в связи со сложившимися условиями, поскольку не видит возможности использовать правомерный способ или не желает его использовать по различным причинам.
Возможна и *относительно равнозначная личностная приемлемость преступного и правомерного способов* действий для удовлетворения определенной потребности. Такая приемлемость проявляется в феномене «двойственной адаптации» значительной части преступников, которые используют как противозаконный, так и правомерный способы для решения одних и тех же жизненных задач. Наблюдаются также случаи, когда ни правомерный, ни противоправный способы не являются личностно приемлемыми. Это явление встречается среди лиц, отбывающих наказания, когда они осознают бесперспективность использования в дальнейшей жизни преступного способа удовлетворения материальных потребностей и в то же время по различным причинам не желают честным трудом обеспечивать свой материальный достаток.
Возникновение преступной цели в случае изначальной ориентации на использование криминального способа действий можно рассматривать как *актуализацию* сложившейся готовности к преступному поведению. В этом случае индивид, будучи приверженным противозаконному способу, конкретизирует его применительно к условиям, определяет наиболее благоприятную ситуацию. Такая изначальная ориентация на использование преступного способа определяется ранее сложившейся предрешенностью действовать именно им и привычностью его использования.
Возникновение преступной цели под решающим влиянием *психологического воздействия* на субъект может представлять собой процесс как относительно критичного интеллектуального следования аргументированному убеждению других лиц, так и формирования внушением или по механизмам подражания и взаимозаражения в составе группы. В любом случае этот процесс основывается на личностных предпосылках принятия преступного способа, хотя они могут и не иметь степени зрелости, достаточной для того, чтобы субъект был способен совершить преступное деяние по собственной «инициативе»^ а лишь выражают отсутствие антикриминальной устойчивости личности.
Личностная приемлемость совершения преступного деяния относительна. Это выражается, во-первых, в приемлемости и предпочтительности определенных видов преступного посягательства и часто в неприятии других способов, позволяющих получить тот же результат. Во-вторых, приемлемость совершения преступного деяния относительна к объектам посягательства. Это выражается в допустимости его совершения против определенных категорий людей, правоохраняемых социальных ценностей и неприемлемости совершения против других.
В-третьих, индивидуальная приемлемость преступного посягательства соотносится с тяжестью вреда, который преступник считает допустимым или необходимым причинить при его совершении. В-четвертых, приемлемость связана с определенной потребностью (определенным типом проблемной ситуации), ради удовлетворения (разрешения) которой субъективно допустимо или необходимо совершение преступного посягательства. В-пятых, приемлемость посягательства соотносится с внешними условиями, при которых совершение преступного деяния субъективно допустимо, а также с фоновым психическим состоянием, выступающим внутренним условием преступного посягательства.

Приемлемость различных способов преступных действий. Психологическая приемлемость преступного способа поведения может иметь *различную степень потенциальной готовности к его использованию и проявляться различно.*

Лица, для которых приемлемо использование преступного способа действий, видят в нем в первую очередь позитивную сторону: возможность удовлетворить материальную потребность, отстоять свои интересы в конфликтной ситуации, удовлетворить сексуальную потребность, воздать другому человеку за причиненный вред и т.п. Отрицательная сторона преступного деяния в их представлении уходит на второй план и осознается весьма ограниченно, в основном лишь как возможность наступления уголовного наказания. Причем большинство из этих лиц считают, что вероятность наступления отрицательных последствий минимальна. При этом значительная часть лиц, неоднократно судимых за корыстные и корыстно-насильственные преступления, предвидит высокую вероятность или даже неизбежность новых судимостей в будущем. Однако это предвидение парадоксально сочетается с уверенностью в минимальной вероятности быть изобличенным, когда они планируют совершить конкретное преступление. В процессе совершения ими преступных деяний установка на достижение желаемого результата настолько доминирует, что погашает внимание к отрицательным последствиям, чувство страха и другие сдерживающие переживания.

Значение преступного деяния для потерпевших преступниками чаще всего понимается как нечто естественное в жизни людей, должное или заслуженное самими потерпевшими. Это значение может также ими расцениваться «дифференцированно» в зависимости от того, против кого совершаются преступные действия: их совершение в отношении одних людей расценивается как должное и правильное, в отношении других — как неправильное. Значение деяния для общества представляется преступниками как нечто абстрактное или как нормальное явление. Это выражается ими, в частности, в афоризмах: «одни торгуют, другие грабят — каждый делает свое дело», «сильный побеждает слабого, а умный — глупого и сильного», «люди всегда жили и будут жить по волчьим законам», «кого-то убьют сегодня, а кто-то умрет завтра» и т.п.

Для *лиц, совершающих корыстные и корыстно-насильственные деяния,* приемлемость преступного способа определяется возможностью получить материальные средства в достаточном количестве, не затрачивая на это много времени и труда, а также его доступностью и нередко — эмоциональной привлекательностью. В то же время для части корыстных и корыстно-насильственных преступников правомерный способ обеспечения материальных потребностей имеет отрицательный личностный смысл. Правомерный способ воспринимается ими прежде всего как не позволяющий получить такой материальный результат, который отвечает их притязаниям. Отрицательное значение для себя правомерного способа они связывают с однообразием трудовой деятельности, ее примитивностью, наличием тягостных обязанностей, зависимости от начальства, с необходимостью соблюдать трудовую дисциплину и т.д. Некоторые из преступников отмечают, что могли бы обеспечивать материальную потребность законным трудом, но лишь в качестве организатора предпринимательской деятельности или делая работу, которая была бы по душе и хорошо оплачивалась. Однако конкретных представлений о приемлемой трудовой деятельности они либо не имеют, либо выражают намерение, приобретя начальный капитал незаконным путем, впоследствии его использовать для обогащения, избегая конфликтов с законом. Наряду с такими лицами часть преступников рассматривают законную трудовую деятельность как необходимую наряду с противозаконной или как условие для осуществления последней.

Насильственные преступники своеобразно осознают положительное значение преступного способа действий, отмечая, что нанесение побоев или причинение более тяжкого физического вреда или убийство являются наиболее успешными или единственно возможными способами отстоять свои интересы в конфликтной ситуации или воздать другому человеку за причиненный вред. Большинство из них убеждены в невозможности в конфликтных ситуациях отстоять свои интересы, не прибегая к угрозе насилием, либо считают бессмысленным или недостойным использование правомерных способов разрешения острых проблемных ситуаций в межчеловеческих отношениях. При этом правомерный способ они представляют как избегание выяснения отношений, упрашивание соперника, покорное снесение оскорблений или побоев или обращение в милицию. Такое поведение оценивается ими и как бесполезное, и как позорное. Терпеть позор, по их мнению, хуже, чем совершить насильственные действия, несмотря на риск уголовной ответственности. Часть из насильственных преступников хотя и допускает

возможность разрешения конфликтных ситуаций без применения насилия, но весьма ограниченно и смутно представляет, как это может быть осуществлено.

У части преступников в качестве одной из сторон приемлемости противозаконного способа действий выступает для них *положительная эмоциональная сторона.* Она выражается в предвосхищении положительных эмоций в процессе совершения противозаконного деяния или при достижении желаемого результата. Для значительной части лиц, совершавших корыстные деяния, это «дело» представляется как интересное, азартное, «живое» и т.п. Для другой части из них оно выступает как обыденное, без выраженного как положительного, так и отрицательного чувственного оттенка («крадешь потому, что как без этого обойдешься») или даже как вынужденное, с проявлением, однако, положительных чувств в связи с предвосхищением успеха.

Для некоторых преступников с устойчивой криминогенной склонностью противозаконное деяние представляется как тревожное, напряженное, неприятное, но в то же время дающее положительный результат, что компенсирует отрицательные чувства в процессе его совершения.

У некоторых несовершеннолетних лиц, совершающих корыстные преступления, наблюдается парадоксальное отношение к деянию, когда его процесс вызывает положительные эмоции, а результат связан с отрицательными чувствами («на краденное смотришь и чувствуешь себя как-то нехорошо», «продукты, купленные на краденые деньги, — невкусные» и т.п.).

У некоторых лиц, совершающих насильственные и сексуально-насильственные преступления, обнаруживается также положительная эмоциональная окраска противозаконных действий и в меньшей мере ее противоречивость. Они гордятся своим хладнокровием и способностями подавлять другого человека, переживают удовлетворение, когда устрашают потерпевшего и подчиняют своей воле. При этом сам процесс совершения насильственных действий и противоборства для части из них является напряженным и тревожным. Однако подавление другого человека вызывает положительные эмоции, разрядку отрицательного эмоционального возбуждения и напряженности. Подсознательное предвосхищение этого определяет положительный эмоциональный компонент отношения к насильственному деянию. У некоторых сексуально-насильственных преступников проявляется «криминогенный круг» отношений: их пристрастию соответствуют женщины легкого поведения и в то же время они считают, что такие женщины могут подвергаться насильственному принуждению к вступлению в половую связь, такое обращение с ними преступники расценивают как должное.

У преступников с устойчивой криминогенной склонностью обнаруживается наличие криминальной личностной нормы. Последняя представляет собой сложившуюся предрешенность использования определенного противозаконного способа действий для удовлетворения некоторой потребности или разрешения определенного типа проблемной ситуации. Это психологическое свойство выражает высокую зрелость готовности к совершению преступного деяния определенного характера при определенных условиях. Важным показателем наличия такой нормы является чувство уверенности в правильности противозаконного намерения. В то же время возможна рассогласованность криминальной личностной нормы с характером совершаемых антиобщественных деяний. Так, некоторые лица, совершающие насильственные преступления, как показало ретроспективное исследование генезиса преступлений, имели предрешенность действовать менее опасно, чем действовали на самом деле. Причинение тяжелого физического вреда другому человеку для них было приемлемо лишь в ситуациях, имеющих исключительное значение — связанных с необходимостью защиты своих жизненно важных ценностей. Однако возникшее у них агрессивное побуждение приобрело характер экспансии и преодолело осознаваемые пределы должного и допустимого. Такое явление может иметь место на фоне повышенного нервно-психического возбуждения субъекта, нередко оно обусловлено опьянением или психическими аномалиями.

Личностная норма, выражающая предрешенную желательность и необходимость использовать в определенных случаях противозаконный способ действий, выступает основой формирования фиксированной криминальной установки (криминального стереотипа) как психологического свойства личности, представляющего еще более высокую степень зрелости потенциальной готовности к определенным противозаконным действиям. Такая установка выражает не только личностную предрешенность необходимости совершения в определенных ситуациях противозаконных действий, но и практическую освоенность, которая реализуется на уровне подсознательной регуляции поведения. Она «срабатывает» в форме поведенческой реакции, например, нападения в ответ на оскорбительное высказывание или совершения карманной кражи при благоприятной ситуации и т.д.

Еще одним из элементов криминальной установки является ее *импульсивная актуализация,* т.е. подсознательная, сопряженная с переживание влечения к совершению действий. У отдельных лиц такое влечение приобретает произвольно непреодолимый патологический характер.
Важнейшим психологическим атрибутом приемлемости совершения преступного деяния является *позитивное самовосприятие* себя как субъект» такого деяния. Оно выражается порой не только в самооправдании, но и в приписывании себе положительных черт, требуемых для такого рода действий. Это явление можно назвать согласованностью собственного Я-образа с образом человека, для которого приемлемо совершить преступное деяние. Такая согласованность ослабляет или исключает переживание чувства вины, стыда за совершение противозаконных действий.
Некоторые закоренелые преступники проявляют противоречивую самооценку и *обнаруживают подсознательную протестную или самоуничижительную мотивацию:* они совершают деяния как бы наперекор здравому смыслу, рискуя обречь себя на страдания, чтобы отомстить своей судьбе за перенесенные лишения и наказания.

3.3. Криминогенная мотивация и социальная перцепция в преступном поведении

Мотивация и социальная перцепция в преступном поведении. В психологическом механизме преступного поведения *принятие субъектом преступной цели* является центральным звеном. Криминальная цель у субъекта возникает *вследствие личностной приемлемости преступного способа* удовлетворения потребности или разрешения проблемной ситуации. Необходимость же принятия цели предопределяется побуждением — *мотивом.* Мотив отражает то, ради чего субъект совершает действия (например, удовлетворить некоторую потребность), в то время как цель предопределяет способ и непосредственный результат действий (например, заработать деньги для удовлетворения потребности или украсть деньги).
Источниками мотивов могут быть внутренние и внешние факторы. Внутренние источники побуждений представляют собой потребности и притязания, личностные ценности, требующие защиты или обеспечения своего блага, жизненные планы, привычные атрибуты жизнедеятельности и пристрастия и т.д. Внешними источниками мотивов выступают условия жизнедеятельности или конкретные обстоятельства, в которых возникает проблемная ситуация, например угрожающая некоторым личностным ценностям, затрагивающая интересы, т.е. требующая своего разрешения. Возникновение мотива и принятие цели *обусловливается личностно своеобразным восприятием и оценкой внешних условий и обстоятельств ситуации, т.е. процессом социальной перцепции.* Таким --образом, мотивообразование и социальная перцепция «обеспечивают» принятие цели в преступном поведении. Изучение их характера и роли в порождении преступного поведения необходимо для понимания причин и условий этого поведения, а также для установления психологических свойств, выступающих элементами криминогенной склонности личности.
Ряд исследователей считают, что мотив сам по себе не предопределяет необходимость принятия именно криминальной цели-способа, поскольку любое побуждение можно произвольно направить в социально приемлемое либо антисоциальное русло, т.е. удовлетворить порождающую мотив потребность (как правомерным, так и преступным способом. Однако есть социально дезададтированные мотивы, которые реализовать социально приемлемым способрм субъективно оказывается весьма сложно или практически невозможно. Такие мотивы как бы способствуют принятию противоправных целей-способов в поведении, выступают криминогенно значимыми. Есть и мотивы собственно криминальные, порожденные потребностью в совершении определенного преступного деяния — криминальными влечениями. Криминогенное содержание мотивов обусловливается определенными мотивообразующими свойствами личности, о которых сказано ниже. То же самое можно сказать и о социальной перцепции субъекта поведения. Его представления о социальной ситуации могут носить достаточно адекватный социально-правовой характер, а могут иметь искаженное — криминогенно значимое содержание. Рассмотрим более подробно криминогенные мотивы и криминогенное содержание социальной перцепции, которые выступают условиями, способствующими принятию криминальных целей (способов) действий в порождении преступного поведения.
Криминальные мотивы. Это мотивы, порожденные собственно криминальной потребностью, которая проявляется в форме влечения к совершению определенного вида общественно опасного деяния. Субъективно переживаемая нужда в совершении такого деяния выступает предметом

потребности. Криминальная потребность может представлять укоренившуюся привычку систематического совершения определенных видов преступных действий либо возникнуть в результате действия иного психологического механизма. Ее реализация обеспечивает состояние удовлетворенности, разрядку внутреннего напряжения.

Такого рода мотивы проявляются как *влечения* к совершению: краж (чаще всего так называемых «карманных»), сексуально-насильственных деяний; истязаний определенных категорий людей; убийств, сопряженных с изнасилованием, причинением мучений жертве или иным глумлением над ней; хулиганства, связанного с насильственными или эксгибиционистскими действиями; актов вандализма, учинения пожаров и др. Импульсивно возникающее непреодолимое влечение к совершению определенного общественно опасного деяния относят к психической болезни — *патологии влечений.* Однако этот тип психических аномалий вряд ли можно рассматривать как полностью исключающий вменяемость, поскольку преступник, побуждаемый криминальным влечением, способен воздерживаться от совершения уголовно наказуемого деяния, если ситуация явно неблагоприятна, чревата опасными для него последствиями.

Криминогенно значимые мотивы порождаются различными социально дезадаптированными потребностями, удовлетворение которых правомерным способом является весьма затруднительным либо вообще не может быть осуществлено. Эти мотивы могут представлять ряд типов, различаясь по своим источникам.

Первый тип представляют мотивы, *порожденные гипертрофированными аморальными влечениями,* удовлетворение которых субъект реально не может обеспечить правомерным путем или это удовлетворение связано с криминальным риском — с высокой вероятностью перехода аморального поступка в преступное деяние. Такие влечения могут выражаться в алкоголизме, наркомании, в пристрастии к играм на деньги, к дракам, потребности в систематических развлечениях аморального характера, в половой распущенности/и др. Указанные влечения могут быть связаны с психическими аномалиями и относиться к патологии влечений.

Второй тип выражают мотивы, *порожденные гипертрофированными потребностями (притязаниями),* т.е. потребностями, уровень которых явно завышен, не соответствует индивидуальным или социальным возможностям обеспечения их правомерного удовлетворения и при этом явно превышает социально средний или жизненно необходимый уровень (иначе эти потребности нельзя называть гипертрофированными). Интенсивное переживание таких потребностей при осознании невозможности их удовлетворить правомерным способом как бы вынуждает субъекта прибегнуть к незаконному способу действий. Такая «криминогенно вынуждающая» мотивация может порождаться:

- неадекватно завышенными притязаниями материального характера в обеспечении материального достатка, приобретении дорогостоящего имущества, услуг, в дорогостоящих развлечениях и т.д.;
- гипертрофированной потребностью властвования над другими людьми (например, над представителями определенных социальных групп), доминирования в межчеловеческих отношениях, которое проявляется в деспотизме, в чрезмерной подозрительности и враждебности;
- чрезмерно завышенными притязаниями в достижении престижного статуса в группе или в определенной общности людей (известности, влиятельности), в самовыражении (переживании самодовольства от обращения на себя внимания других людей, их восхищения, зависти или опасения), а также потребностью в самоутверждении, побуждающей к рискованным и иным действиям, не адекватным разумной необходимости или совершаемым вопреки социальным нормам и требованиям (весьма характерно для преступников, стремящихся приобрести «криминальный авторитет»).

Третий тип криминогенно значимых мотивов представляют *побуждения, обусловленные нуждой в разрядке устойчивых отрицательных эмоциональных состояний субъекта.* Эти состояния выражаются в устойчивом переживании чувств отчужденности, тревоги, неполноценности, обиды, зависти, озлобленности, агрессивности и др. Такие переживания могут порождаться и фиксироваться в результате постоянной неудовлетворенности элементарных социальных потребностей, прежде всего потребностей в физической и моральной защищенности, в эмоционально близких межличностных отношениях, а также в результате систематического неблагоприятного внушающего воздействия лиц из ближайшего социального окружения. Указанные переживания при их обострении или в криминогенных ситуациях способствуют совершению неправомерных действий, в результате которых происходит временная разрядка переживаний, компенсация или удовлетворение депривированной потребности. В качестве

психологических свойств личности, обусловливающих такого рода эмоционально-мотивационные переживания выступают соответствующие акцентуации характера и эмоционально-мотивационные установки.

Четвертый тип криминогенно значимых мотивов проявляется в *остром переживании отрицательного чувства по отношению к определенным социальным субъектам и объектам, выступающим как правоохраняемые ценности.*

Эти переживания вызваны сложившимися (зафиксированными в качестве психологических свойств личности) острыми неприязненными отношениями к тем или иным людям, социальным группам, государственным и общественным институтам и другим правоохраняемым социальным ценностям. Указанные переживания порождают у субъекта побуждения к вредоносному воздействию на данные социальные ценности. Неприязненные отношения выражаются в убеждениях об отрицательном (вредоносном) значении данных субъектов и объектов. Часто оказывается, что чувственный компонент неприязненного отношения выступает определяющим при отсутствии достаточно ясного представления о реальном отрицательном «значении» конкретного человека или группы людей, к которым индивид испытывает отрицательное отношение.

Пятый тип представляют криминогенно значимые мотивы, *порождаемые потребностями в социально-«отчужденном» образе жизни, личностные ценности (которые могут стать жизненными целями) приобщения к группе противоправной направленности, приобретения авторитета среди лиц, совершающих преступления.* Потребность быть включенным в «криминальную» социальную среду может быть следствием привыкания к этой среде и одновременного отчуждения от нравственной культуры общества. Эта потребность приобретает характер неосознаваемого влечения у профессиональных преступников, лиц, проведших значительную часть времени в местах лишения свободы. В такой среде они находят возможность самовыражения, удовлетворения потребности в общении, персонализации (т.е. потребности быть признанным как личность).

Шестой тип криминогенно значимых мотивов представляют *побуждения, вызванные неадекватной в нравственном и юридическом плане оценкой значения внешних условий.* Неадекватно отрицательная оценка условий может побуждать к юридически неоправданным агрессивно-защитным или иным неправомерным действиям. Искаженно благоприятная оценка условий способна провоцировать действия субъекта по достижению личностно ценного результата, не имеющие законных оснований, или действия, юридически рискованные. Криминогенная значимость мотивов, обусловленная неадекватной оценкой внешних условий, является следствием определенных деформаций личностных свойств, проявляющихся в социальной перцепции и определяющих значение и личностный смысл воспринимаемых социальных явлений — условий жизнедеятельности и конкретных ситуаций.

Социальная перцепция в преступном поведении. Она, как выше сказано, опосредует в генезисе преступного поведения мотивообразование и целепола-гание, а также обеспечивает обратную связь в процессе реализации принятой цели. Мотивацию обусловливает оценка значения для субъекта (для его личностных ценностей, интересов, потребностей) воспринимаемых явлений социальной действительности, в том числе тех, которые представляют собой социальные ценности, защищаемые уголовным законом. Выделяются два общих вида оценки, порождающей побуждение к действиям: деонтологическая, в которой за основу принимается нормативность (как должно быть), и аксиологическая, исходящая из полезности, ценности явления.

Деонтологическая оценка внешних условий основывается на представлениях субъекта о должном (привычном, общепринятом), и в случае их несоответствия этим представлениям порождает побуждение к соответствующему изменению этих условий.

Аксиологическая оценка порождает стремление к личностно ценному и идеальному. Принятие цели-способа действий обусловливается оценкой социальных условий с точки зрения тех складывающихся возможностей для достижения данной цели и последствий, которые при этом могут наступить.

Криминогенность восприятия социальной ситуации, выражающаяся в формировании представлений, обусловливающих возникновение криминогенных мотивов и криминальных целей, заключается в следующем:

• в *преувеличенно отрицательной, юридически неадекватной оценке* определенных социальных явлений и прежде всего действий других людей как несущих вред для самого субъекта и

значимых для него людей, для личностно ценных материальных объектов. Такая оценка порождает побуждения в защите личностных ценностей, в ответном причинении вреда людям или материальным объектам, выступающим источником чего-то отрицательного. Эти побуждения, таким образом, вызывают *агрессивно-защитные мотивы.* Такие мотивы создают или обостряют предпосылки принятия субъектом противозаконных целей-способов действий, которые выражаются в насильственных и иных вредоносных поведенческих актах. При этом совершение противозаконных действий может субъективно восприниматься как морально оправданное и справедливое, как социально не осуждаемое или даже одобряемое;

• в *искаженной оценке внешних условий,* включая поведение социальных субъектов, *как благоприятных для достижения личностно ценного результата.* Такая оценка формирует завышенные притязания, которые не могут быть реально удовлетворены правомерным способом, и, следовательно, обусловливают формирование гипертрофированных притязаний и соответствующие им криминогенно значимые мотивы;

• в *неадекватно отрицательной оценке* социальных и собственных возможностей *как не позволяющих удовлетворить определенные жизненные потребности правомерным способом;*

• в *преувеличенно завышенной оценке социальных возможностей для реализации противоправного способа удовлетворения потребности и избежания юридической ответственности или иных отрицательных последствий;*

• *в искаженных представлениях о социальной приемлемости (допустимости, одобрении или даже престижности) и распространенности совершения определенных видов противозаконных деяний.* Это представление может быть обусловлено, в частности, психологической идентификацией субъекта с общностью, в которой сложилась асоциальная или антисоциальная субкультура, т.е. криминогенные ценностные ориентации, обычаи, нормы поведения. Такого рода представления индивид переносит на поведение в широкой социальной среде, что обусловливает порождение соответствующих криминогенно значимых мотивов и криминальных целей.

Перечисленные криминогенные представления обусловливаются соответствующими психологическими свойствами личности, во многом *предубеждениями, перцептивно-смысловыми установками,* существенно характеризующими криминогенность личности. В числе таких установок можно назвать:

1) *установки, ориентирующие индивида на выявление в социальной действительности вредоносных для себя людей, событий и объектов* и предопределяющие первостепенную оценку социальных явлений и субъектов с точки зрения их вредоносности. Они выражаются в неадекватных отрицательных предубеждениях в отношении определенных людей, событий, в чрезмерной подозрительности и т.п. Причем у ряда преступников наблюдается глобальное расширение круга «опасных» субъектов, выраженная готовность к агрессивно-защитным действиям;

2) *установки, определяющие приоритетность выявления в окружающей действительности благоприятных возможностей для удовлетворения противоправным способом потребностей* корыстно-стяжательского, «потребительского» характера или для удовлетворения стремлений к использованию другого человека в качестве средства удовлетворения своих потребностей («найти того, кого можно использовать в своих интересах»). Содержание этих перцептивно-смысловых установок выражается в предубеждениях: о весьма широких и доступных возможностях достижения личностно выгодного результата нетрудовым путем; о конкретных лицах, которые могут подвергаться неправомерному использованию в собственных интересах; о событиях, которые создают благоприятные возможности для незаконного удовлетворения тех или иных потребностей;

3) *предубеждения в толерантности окружающих людей к фактам совершения определенных противоправных деяний,* в их боязни воспрепятствовать совершению преступлений либо в социальном одобрении некоторых из таких деяний;

4) *предубеждения в неблагоприятности возможностей для удовлетворения определенных жизненно важных потребностей правомерным способом.* Неблагоприятность возможностей может связываться с социальными условиями, собственным социально-правовым статусом, с недостатками способностей, знаний, умений и физических сил и т.д.;

5) *предубеждения субъекта в благоприятности социальных условий и собственных возможностей для достижения личностно ценного результата определенным преступным способом.*

3.4. Психология криминальной среды

Криминальная субкультура и ее становление. Важнейшей психологической характеристикой криминальной среды является субкультура. В переводе с латинского термин «субкультура» *(sub* — под; под чем-то) означает часть основной культуры. Криминальная субкультура — это духовная жизнь относительно ограниченной части общества, а именно граждан криминальной направленности. Когда говорят о субкультуре, то имеют в виду криминальные традиции и обычаи, жаргон и татуировки, неформальные нормы поведения и особенности проведения досуга.
Криминальная субкультура и ее атрибуты проявляются не только среди членов преступной группировки, в местах лишения свободы (здесь она имеет наиболее ярко выраженный характер), но и в других социальных общностях. Например, в профессионально-технических училищах и даже в общеобразовательной школе, где есть авторитеты и «изгои»; в армии и военном училище, где распространена «дедовщина»; на предприятии и стройке, где работает много бывших осужденных; на дискотеке и в казино, где завсегдатаями или по крайней мере частыми гостями являются преступные элементы.
Криминальная субкультура сплачивает правонарушителей, выступает в качестве регулятора их поведения. Но главная ее опасность в том, что она искажает общественное сознание, трансформирует преступный опыт, расшатывает добропорядочность населения, блокирует процесс социализации молодежи, формирует общественное мнение о целесообразности нарушения определенных правовых норм (например, уклонение от налога), создает положительный имидж некоторым категориям преступников и, наоборот, осуждает граждан, способствующих правоприменительным органам в их задержании. Другими словами, криминальная субкультура является *основным механизмом кришнализаци общностей и прежде всего молодежной среды*[1].
Говоря об истоках криминальной субкультуры, важно отметить не только социально-экономические, но и психологические факторы, в частности, механизмы самоутверждения, интеграции, психологической защиты. Криминальная субкультура — это все же культура меньшинства. Она вступает в противоречие с общечеловеческой культурой. Общество отторгает преступников, изолирует их в специальных учреждениях и тюрьмах. Для того чтобы чувствовать себя комфортно, восстановить ценность своей личности, не чувствовать отторгнутым, изгоем, люди криминальной направленности объединяются в общности подобных себе людей, вырабатывают свою идеологию, противопоставляют себя законопослушному обществу («мы» — «они»).
Разработка мер по профилактике правонарушений, борьбе с преступностью предполагает понимание психологических механизмов функционирования криминальной субкультуры.
Основные элементы криминальной субкультуры. Центральным элементом субкультуры является *криминальная психология,* т.е. система неписаных социальных ценностей и представлений в сознании людей, которая оправдывает и поощряет преступный образ жизни и совершение правонарушений. Среди социальных ценностей следует обратить внимание на такие, как: человеческая жизнь, семья, чувство гражданского долга, порядочность, честность, ответственность за данное слово и другие нравственные ценности.
Собственность как социальная ценность — это краеугольный камень межличностных отношений в современной криминальной среде. Проблема в том, что между старыми (советского периода) ворами и молодой «российской братвой» возникают существенные разногласия в вопросе использования криминально добытых денег, распределения так называемого «общака» и т.п. Не случайно после заказного убийства очередного российского «вора в законе» в феврале 1999 г. в одной из московских газет сообщалось: «Криминальные войны в Москве и в ближайших к ней областях разгораются с новой силой. Правоохранительные органы зафиксировали странное явление - массовый отстрел в столичном регионе «воров в законе» и преступных авторитетов. *С* начала года число «именитых» жертв приблизилось уже к десятке».
Рост числа убийств в России, даже воров, указывает на то, что такая социальная ценность, как «человеческая жизнь», существенно девальвирована. Если в дореформенный период большинство криминальных элементов придерживалось правил: «Не носить холодного оружия», «Не совершать убийств» и т.п., то в настоящее время для многих преступников (и не только их) главная жизненная ценность — материальные блага, собственность, для приумножения которых хороши все средства, в том числе лишение жизни других людей. Средства массовой информации переполнены подобными сообщениями, что еще отрицательнее сказывается на правосознании

граждан.
Для криминальной субкультуры такие социальные ценности, как чувство гражданского долга, любовь к Родине — не типичны. Однако опыт Великой Отечественной войны показал, что когда Родина оказалась в опасности, многие преступники проигнорировали воровские требования — «не служить в армии, не брать в руки оружие», порвали с криминальной средой и пошли на защиту Отечества.
Претерпело изменение в криминальной субкультуре и отношение к семье как социальной ценности. Прежние авторитетные преступники не имели права «связывать» себя семейными узами, а современные воры считают "своим долгом не просто создать семью, но и обеспечить ей должное существование.
Специфический смысловой оттенок в криминальной среде приобретают нравственные ценности: «порядочность», «честность», «свобода», «ответственность за данное слово» и т.п. Например, все осужденные, за небольшим исключением, ценят свободу (не случайно существует даже клятва «Век свободы не видать»). Однако «порядочный» осужденный не имеет права освобождаться досрочно, сотрудничать с администрацией. Достаточно высока ответственность преступных элементов друг перед другом за данное слово, за высказанную оценку в адрес другого. Причина этого не в их высокой нравственности (по отношению к законопослушным гражданам эти ценности абсолютно не соблюдаются), а в том, что за нарушение криминальной идеологии следует нести ответственность и более сурово, чем по законам правового государства.
Для реализации социальных ценностей, их поддержки и наказания виновных в преступной среде вырабатываются ***криминальные нормы (правила) поведения.*** Их основная функция — регулировать взаимоотношения и поведение представителей криминального сообщества. Криминальные нормы — это важнейший элемент субкультуры. Они регулируют все сферы жизнедеятельности криминального сообщества: социальный статус его членов и их права; отношение к правоохранительным органам и администрации исправительных учреждений; поведение в местах лишения свободы и в быту; отношение к труду; порядок разрешения межличностных конфликтов; ритуалы приема новых членов в преступное сообщество («прописку»); порядок проведения «сходок» и коронации «воров в законе» и т.д.
В качестве механизма поддержания криминальных норм существует система санкций по отношению к лицам, допускающим их нарушение. Это и простое порицание за незначительные и неосознанные отступления от предписаний и понижение в статусе (например, могут «опустить» за неоправданную жестокость «к своим»), физическое воздействие и даже лишение жизни. Поэтому мотивом соблюдения криминальных норм выступают не только внутренние убеждения, но и страх наказания.
Специфическим элементом криминальной субкультуры выступает ***стратификация,*** т.е. деление людей на условные иерархические группы в зависимости от их авторитета относительно реальной власти в криминальной среде. Стратификацию криминального сообщества можно сравнить с разделением общества на социальные группы. Наиболее отчетливо стратификация криминальной среды представлена в пенитенциарных учреждениях, но она сохраняется и после освобождения из мест лишения свободы (рис. 3.1).

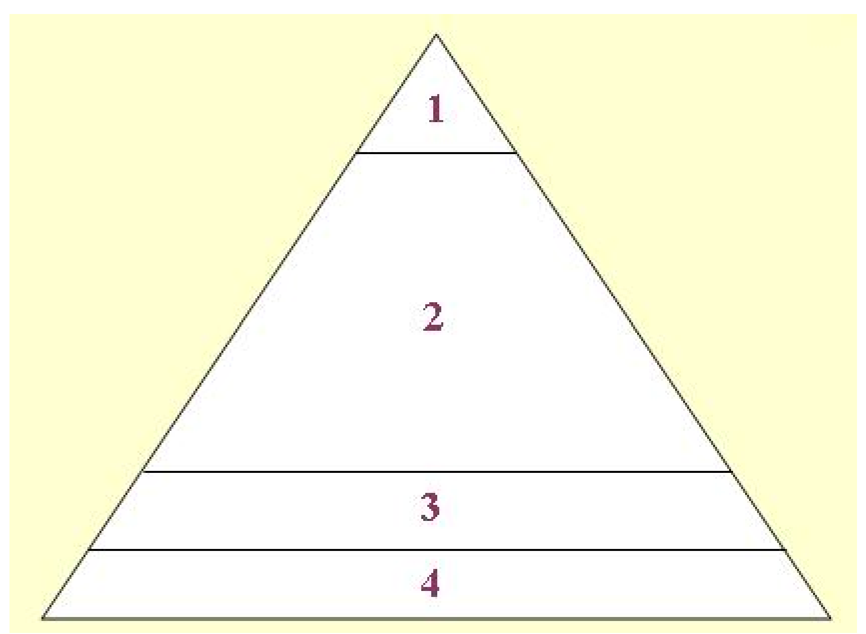

Рис. 3.1. Стратификация осужденных в пенитенциарных учреждениях

1. *Лидеры* криминальной среды и их последователи (злостные нарушители режима, наиболее агрессивные личности).
2. *Середняки* («мужики») — считаются с криминальной идеологией, поддерживают лидеров материально, но активно субкультуру не отстаивают, в основном соблюдают установленный режим, работают на производстве, стремятся к условно-досрочному освобождению.
3. *Актив* — представители данной группы нарушают одну из главных криминальных заповедей — не сотрудничать с администрацией. Поэтому в социальной среде осужденных они не пользуются авторитетом, испытывают на себе постоянное давление злостных нарушителей режима. Но их активно поддерживает и защищает администрация учреждения, поэтому с ними вынуждены считаться.
4. *Отверженные* — осужденные с наиболее низким социальным статусом. Их образ жизни не только вступает в противоречие с криминальной идеологией, но не одобряется и администрацией учреждения. Эта группа не однородна: в нее входят осужденные, допустившие нарушение обязательных криминальных норм (например, те, что воровали продукты питания у своих — «крысятники»); не прошедшие «прописки» при поступлении в следственный изолятор или колонию; неряшливые («чушки»); заподозренные в доносительстве («стукачи»); склонные к мужеложеству, изгнанные из более высокой страты и т.п.

Среди молодежи, несовершеннолетних иерархия страт носит еще более дифференцированный характер.

Один из специалистов по изучению криминальной субкультуры молодежи В.Ф. Пирожков отмечает, что стратификация налагает существенный отпечаток на психологию личности и обладает рядом свойств[2]: жестким делением на «своих» (соблюдающих криминальные нормы) и «чужих» (нарушающих криминальные нормы); ролевыми предписаниями и экспектацией (ожиданиями) в зависимости от принадлежности к той или иной страте; наличием клеймения (ярлыков, кличек), отражающего социальный статус представителей преступного сообщества («Пахан», «босяк», «чушка» и т.п.); автономностью функционирования каждой страты, невозможностью, запретом дружеских контактов между представителями нижних страт; относительной устойчивостью криминального статуса; ограниченным продвижением вверх (самых достойных) и легкостью «скатывания» вниз («изгой» никогда не может продвинуться вверх); субординацией межличностных отношений между представителями различных страт; наличием у высшей «касты» определенных привилегий («мелких исключений»). Специфическим элементом криминальной субкультуры выступает *криминальное общение* и, в частности, такие средства, как *жаргон, клички, татуировки. Жаргон* — это условный язык. Главная его функция — скрыть для окружающих смысл передаваемой информации. В Российском государстве зарождение криминального жаргонизма связывают в одних случаях с появлением волжских разбойников, в других — с особенностями общения офеней (торговцев — разносчиков мелкого товара). Последние с целью мошенничества использовали в общении между

собой тайный язык, чтобы вводить в заблуждение обычных граждан. Отсюда до настоящего времени в криминальной субкультуре сохраняется выражение: говорить «по фене», т.е. на жаргоне. На Руси криминальный язык известен и под названием «блатная музыка». По словам В.И. Даля, эта «музыка» была разработана столичными мошенниками, карманниками и ворами разного промысла, конокрадами и барышниками.

Современный криминальный жаргон характеризуется большой распространенностью, его элементы используются не только в среде явных преступников, но и даже среди сотрудников правоохранительных органов и депутатов Госдумы; неоднозначностью (одно и то же слово может иметь различные жаргонные значения, например, слово «доносчик» имеет 125 жаргонных выражений, а «проститутка» — 180); динамичностью (жаргон меняется в зависимости от социально-экономических изменений, научно-технического прогресса и других факторов).

Клички — это персонифицированная форма жаргонного обращения к представителям криминального сообщества. Кличка не только заменяет фамилию, имя человека, но и закрепляет его статус в преступной среде, выполняет одновременно оценочную функцию («хороший», «плохой», «злой», «добрый» человек). Авторитетный преступник никогда не может иметь оскорбительных кличек.

Истоки кличек могут отражать различные свойства личности криминальных элементов: имя или сокращенную фамилию («Леха» — Алексей; «Боб» — Бобков; «Савоська» — Савоскин и тд.); физические особенности («Горбун», «Хромой», «Костыль», «Очкарик» и т.п.); статус личности («Пахан», «Король», «Бриллиант» — высокий статус; «Леди», «Петух», «Помойка», «Жаба» — низкий статус); специфику преступной деятельности («Робинзон» — вор-одиночка, «Пляжник» — пляжный вор, «Фунт» — валютчик, «Баклан» — хулиган, «Джек Потрошитель» — сексуальный убийца) и др.

Зная кличку, можно более оперативно найти нужного человека и составить его предполагаемый психологический портрет.

Если жаргон, кличка — это вербальные атрибуты общения в криминальной среде, то *татуировка* — знаковое, невербальное средство передачи информации. Можно выделить следующие типы татуировок, указывающие на:

1) *принадлежность личности к той или иной страте:* а) авторитетные — крест на груди, один или два погона (эполет); восьмиконечная звезда на груди (вор-рецидивист); шестиконечная звезда на коленях («Никогда не встану перед судом на колени»); изображение церкви («Тюрьма для вора — дом родной» или «Чист перед Богом»); перстень с пиковой мастью и др.; б) пренебрегаемые — точка (мушка) под глазом или глаза на ягодицах — пассивный гомосексуалист (для «клеймения» данной категории криминальных элементов имеется более десяти татуировок); точка (мушка) между бровей — «помойка», «неряха»; точка на носу — доносчик, осведомитель; точка на подбородке — ворует у своих («крысятник»); точка на мочке уха — «опущен», так как нарушил слово; перстень с изображением цифры шесть или шести точек, как в домино, — «шестерка»; в) нейтральные: мужицкий перстень (ромб с вертикальной чертой в середине);

2) *характер совершенного преступления:* а) преступники сексуально-эротической ориентации: бюсты женщин, голые женщины, половые органы, циничные надписи. Они наносятся, как правило, на закрытых участках тела; б) судимые за кражу, карманники: крестовая масть в виде перстня на пальце и других частях тела; «шахматный перстень» из четырех квадратов; в) судимые за грабеж: перстень с изображением Андреевского креста на черном фоне;

3) *агрессивный характер личности или совершение насильственных преступлений:* изображение зверей с оскалом, гладиаторов, скелетов, гробов, черепов, кинжалов с пронзенными погонами, сердцем и др.

На основе татуировок можно получить информацию о количестве судимостей, отбытом сроке в местах лишения свободы и месте отбывания наказания[3].

Криминальное общение характеризуется и *специфическими способами передачи информации.* К ним относятся перестукивание в тюрьме; визуальное общение на пальцах (тюремный семафор или ручная «феня»); передача информации через положение сигареты при курении, формы затяжки, выпуск дыма и т.д.

Важным элементом субкультуры является досуг членов криминального сообщества. В процессе досуга решаются такие задачи, как релаксация членов сообщества (снятие эмоционального напряжения после проведения различных криминальных операций), неофициальное знакомство, встречи с представителями других криминальных структур и даже обсуждение различных криминальных проблем. В настоящее время за многими ресторанами, казино, дискотеками,

банями закрепилась «визитная карточка» той или иной преступной группировки, сами эти заведения часто являются сферой бизнеса криминальных авторитетов либо находятся под патронажем («крышей») определенных преступных сообществ. Работники досуговых заведений, в том числе сотрудники охраны, если и не входят в преступное сообщество, вынуждены общаться с криминальными элементами, соблюдать определенный нейтралитет.

Большой, популярностью пользуются «блатные» песни, анекдоты, в которых проявляется бесстрашие, удаль, открытость «воров», их превосходство над сотрудниками правоохранительных органов. При этом срабатывает ряд психологических эффектов. *Престижный эффект* ~ получение удовлетворения от информации, которая прямо или косвенно поддерживает цели или ценности социальной группы, к которой принадлежит или причисляет себя субъект (в данном случае к криминальной общности). *Эффект усиления позиции* — удовлетворение от информации, поддерживающей его мнение по какому-либо сложному вопросу. *Эмоциональный эффект* — удовлетворение от получаемой эмоциональной разрядки.

Классическими формами проведения досуга криминальных элементов осталась картежная игра, обильное употребление спиртных напитков, общение с проститутками, озорное, а то и буйное поведение. Загулявшего российского криминального авторитета порой сравнивают с легендарным Степаном Разиным, который, как поется в известной песне, в состоянии эйфории утопил в Волге свою возлюбленную - похищенную персидскую царевну. Мотив прост: чтобы утвердиться в глазах своего войска, чтобы люди не думали, что он их «на бабу променял», да еще «по широте душевной» хотел преподнести подарок от донского казака.

Завершая краткое изложение психологических механизмов функционирования криминальной субкультуры, важно остановиться и на таком феномене, как ***интеграция криминальной среды,*** т.е. стремление к объединению, к сплочению. Криминальная среда, как диффузно рассредоточенное по всей России и за ее пределами сообщество, стремится к объединению и координации своих действий. Наиболее принятой формой такой координации являются всероссийские «сходки» криминальных авторитетов, на которых уточняется идеология, рассматриваются наиболее важные проблемы криминальной практики, назначаются ответственные за положение дел в различных регионах России, обсуждаются вопросы использования общих финансов («общака»).

При всей конспиративности «сходки» о ее проведении практически всегда становится известно правоохранительным органам. В зависимости от складывающейся оперативной обстановки руководство МВД или местных органов, на территории которых проходит встреча, принимает решение о соответствующих действиях.

Успешное противодействие преступным элементам должно основываться на учете всех психологических механизмов криминальной субкультуры.

---

[1] *Пирожков В. Ф.* Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). - Тверь., 1994. - С. 12.

2 Пирожков В.Ф. Указ. соч. - С. 24.

[3] *Бронников А.Г.* Криминалистическое значение татуировок. - Пермь. 1982; *Ольгерд М.* Татуировка: Тайна и смысл. - М., 1995.

3.5. Психология преступных групп

Феномен группы в юриспруденции, психологии, правоохранительной практике — один из ключевых. Это обусловлено тем, что малая группа является микросредой, в которой живет и действует личность, группа — это фактор, влияющий на социализацию и поведение личности. Не случайно групповые преступления, по сравнению с индивидуальными, имеют более высокую общественную опасность, так как в условиях группы психологически облегчается совершение преступления, усиливается решимость колеблющихся лиц под влиянием других членов группы, повышается возможность вовлечения в преступную деятельность новых лиц. Немаловажное значение имеет и психическое антисоциальное заражение, преступный ажиотаж[1]. Поэтому в уголовном законодательстве России за совершение групповых преступлений предусмотрено «более строгое наказание»[2].

Известный зарубежный криминолог В. Фоке отмечает: «Любое изучение человеческого поведения, в том числе и преступного, является односторонним, если оно не включает в себя

изучение группового поведения».[3] Отечественные криминологи, социальные психологи, хотя и уделяют проблеме изучения преступных групп меньше внимания, чем личности преступника, однако не отрицают ее важности. Относительно ограниченное число разработок по психологии преступных групп объясняется отсутствием адекватного методологического подхода к изучению закономерностей и механизмов формирования и функционирования криминальных сообществ[4]. В последние годы в связи с признанием, что организованная преступность в России стала угрожать ее национальным интересам, существенно увеличилось число публикаций и фундаментальных исследований по данному вопросу, в том числе по психологии[5].

Более эффективная работа по профилактике групповых преступлений, их пресечению, выявлению роли их участников в совершении преступных деяний во многом зависит от понимания социально-психологических механизмов функционирования группы.

Общая характеристика преступной группы. В современной криминологии под ***традиционной преступной группой*** понимают неофициальную общность людей, осуществляющих совместную деятельность, направленную на достижение криминальных целей. Преступная группа - это разновидность малой группы и при ее описании целесообразно обращать внимание на характеристики, традиционно изучаемые в социальной психологии. К ним относятся: численность и состав участников, организованность и структура, ценностные ориентации и групповые нормы, особенности взаимоотношений внутри группы и с другими сообществами, содержание деятельности.

Нижний предел *численности преступной группы* определен уголовным законодательством: «совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления»[6]. Верхний предел численности некоторых организованных преступных групп достигает более 1000 человек. Многие социальные психологи утверждают, что численность группы существенно не влияет на особенности проявления социально-психологических феноменов, однако криминальная практика это опровергает. При увеличении численности преступной группы возрастает не только ее криминальная опасность, но усиливаются взаимное влияние, внушаемость, чувство принадлежности, уверенность в себе и т.п. Увеличение численности группы предъявляет более высокие требования и к ее организованности, необходимости координировать действия ее членов.

Состав участников группы можно характеризовать такими параметрами: возраст, пол, национальность, криминальный опыт, социальный статус и т.п. В условиях социальной нестабильности общества возрастают детская безнадзорность, бродяжничество, попрошайничество и другие социальные пороки. Поэтому число криминальных групп несовершеннолетних растет.

В.Ф. Пирожков выделяет по возрастному признаку следующие криминальные группы несовершеннолетних: детские асоциальные группы (8—11-летние); подростковые криминальные группы (11—15-летние); юношеские криминальные группы (15—17-летние). Близость возрастов благоприятствует формированию общих взглядов, способов поведения, проведения досуга. Это ускоряет процесс группирования и повышает криминальную мобильность.

Естественно, что большинство участников криминальных групп составляют взрослые люди, молодежь. Существуют и смешанные группы. С учетом личностных особенностей несовершеннолетних им поручают наиболее непрестижные или опасные функции. Так, в 1996 г. сотрудниками МУРа был задержан подросток 15 лет с детскими неуверенными движениями и опущенными глазами. Однако по характеристике сыщика: «У этого малого все руки по локоть в крови. Убить для него человека - все равно, что стакан воды выпить! И, главное, задешево. Особенно, если заказ на убийство поступал от серьезного авторитета».[7]

По признаку пола группы могут быть: однополые (преимущественно мужского пола, реже женского); смешанные (с участием лиц мужского и женского пола). Преступные группы с участием одних женщин чаще всего занимаются такими видами промысла, как проституция, мошенничество, кражи, торговля наркотиками. Участие женщин в смешанной с мужчинами преступной группе служит катализатором криминальной активности представителей мужского пола, а для несовершеннолетних — возможностью самоутверждения. Чаще всего женщины в смешанной криминальной группе служат для удовлетворения сексуальных потребностей всех членов группы. Но нередки случаи, когда женщины, особенно некоторых национальностей, не уступают мужчинам по дерзости совершаемых преступлений, а порой выступают организаторами преступных групп.

Одна из характеристик криминальных групп — это этнический или национальный состав ее членов. Большинство преступных группировок по своему составу являются отражением

национального состава региона, в котором они функционируют. Вместе с тем для Москвы, Санкт-Петербурга, Урала, Центральной части России характерны и *моноэтнические группировки.* По данным ГУВД Москвы, в столице распространены: грузинские, чеченские, азербайджанские, армянские группировки. Они формируются по принципу землячества и представляют монолитное национальное братство. Как правило, в их рядах отсутствуют инородные представители. Эти группировки отличаются глубокой конспирацией, жесткой дисциплиной, национальной обрядностью, приверженностью кровному родству, дерзостью совершаемых правонарушений и способностью к самопожертвованию.

Иногда в состав национальных группировок входят представители других этносов. Так, по данным А.И. Гурова, в состав «казанской» и даже «чеченской» преступных группировок на территории Москвы входило много русских. Известные преступления с «авизо» подтвердили, что эта афера была не только чеченская, но и российская. Так называемая «российская мафия» за рубежом — это преступные представители многих национальностей из бывших союзных республик СССР.

***Структура преступной группы* —** одна из наиболее важных характеристик. Существует несколько подходов при описании структуры.

Социометрическая структура позволяет определить статус (авторитет) каждого члена группы, исходя из тех предпочтений, которые ему отдают другие члены группы. При этом выделяют лидеров, предпочитаемых, середнячков и «изгоев» (изолированных). Социометрический подход может успешно применяться при описании небольших групп — до 20 человек.

Ролевая структура характеризует членов группы, исходя из тех неофициальных функций, которые они выполняют. Например, «банкир» — человек, ведущий учет общих денег группы; «танк» — член группы, обеспечивающий ее безопасность; «шестерка» — член группы, выполняющий мелкие поручения более авторитетных членов сообщества или лидера и т.д.

Организационная структура предполагает наличие разветвленных, многофункциональных и иерархически взаимосвязанных подразделений. Структура группы — один из наиболее существенных признаков *организованности криминального сообщества.* Организованность в свою очередь влияет на характер преступной деятельности и особенности протекания социально-психологических явлений.

Характеристика преступных групп в зависимости от их криминализации и организованности. В научной литературе выделяются следующие типы преступных сообществ в зависимости от уровня их криминализации и организованности: предкриминальные группы (или находящиеся на стадии криминализации); простые преступные группы; организованные преступные группы; преступные организации.

***Предкриминальные группы* —** это, как правило, общности несовершеннолетних и молодежи, которые вначале образуются не с целью совершения преступлений, а ради удовлетворения каких-то иных потребностей на эмоционально-психологической основе. Членов таких групп связывает общение, совместное проведение досуга по месту жительства, учебы или работы. В подавляющем большинстве это дворовые компании. Для них характерна антиобщественная ориентация и некоторые формы отклоняющегося поведения, хотя до поры до времени они могут не совершать преступлений.[8]

Дворовая компания, по крайней мере на этапе своего становления, является *диффузной* группой: состав ее участников не постоянный, среди членов группы нет единства в понимании групповых целей и задач, нет устойчивой структуры и жестких правил поведения. В дворовых компаниях значительный удельный вес составляют несовершеннолетние. Легкость их вовлечения в криминальные (предкриминальные) сообщества объясняется не только потребностью в общении и проведении досуга. Как отмечает В.Ф. Пирожков, главная причина стремления войти в дворовые компании — это «психологическая изоляция подростка» в своей микросреде обитания и необходимость ее компенсации. Прбудительными же мотивами могут быть и ложное чувство взрослости, -желание самоутвердиться или обрести психологическую защиту, иметь покровительство, чтобы потом через взрослых покровителей воздействовать на подростковую микросреду.[9] Криминальная компания для несовершеннолетних порой выступает в качестве *референтной* (эталонной) группы, т.е. группы, мнением которой он дорожит, подражает ее активным участникам и стремится стать ее полноправным членом.

В публицистической литературе неоднократно отмечалось, что современные подростки на вопрос анкеты «Кем бы ты хотел стать?» нередко отвечают: «авторитетом», «паханом», «вором в законе», «крутым бизнесменом». Причина не только в искаженности социальных ценностей в

обществе, но порой в наличии наглядных примеров «успешной преступной деловой карьеры» старших братьев, друзей, знакомых с улицы — тех, кто еще несколько лет назад были такими же, как он, а сегодня разъезжают на иномарках, занимаются «частным» бизнесом, кого боятся и уважают в криминальном мире. Из сознания подростков вытесняется информация о тех молодых преступниках, которые находятся в местах лишения свободы, прячутся от правосудия и тех, кто стал жертвой кровавых разборок.

Стремление войти в состав референтной группировки криминальной направленности порождает *повышенную внушаемость, конформность,* т.е. беспрекословное согласие со всеми требованиями группы, даже если это противоречит личным убеждениям новых членов, готовность выполнять самые непрестижные поручения. Наличие в дворовой компании авторитетных лиц с преступным прошлым ускоряет процесс повышения криминализации и организованности группы.

Механизм формирования преступного поведения описан в 40-х годах Эдвином Сатерлендом в *концепции «дифференцированных связей»,* или, как ее образно называют, теории «дурной компании». Автор сформулировал следующие тезисы: преступному поведению учатся, взаимодействуя в процессе общения с другими людьми; обучение преступному поведению происходит главным образом в группах; чем более часты и устойчивы связи индивида с моделями преступного поведения, тем больше вероятность того, что индивид станет преступником[10].

Вместе с тем жесткой предопределенности преступного поведения под влиянием «дурной компании» не установлено. Предкриминальные группы функционируют не более трех лет. Многие члены дворовой (уличной) компании в течение этого времени взрослеют, женятся, меняют образ жизни. Но некоторые распадаются на простые преступные группы по 2—5 человек или начинают входить в организованные преступные группировки микрорайона, города.

Зарубежные криминологи обратили внимание на то, что функционирование дворовых компаний и других преступных групп молодежи связано с неудовлетворенностью своим положением подростков из низших слоев населения. Такие подростки поставлены в условия, которые не позволяют им добиться успеха законным путем, или они опасаются неудачи в достижении своих целей социально одобряемыми средствами[11].

Простые преступные группы — группы численностью 2—4 человека, имеющие общую преступную цель. Структура группы определяется личностными качествами членов группы (ролевой характер) либо характером преступной деятельности. В этих группах часто нет ярко выраженного лидера, взаимоотношения носят партнерский и доверительный характер, а решения о совершении преступлений принимаются и затем реализуются совместно. Устойчивыми являются также группы, в которых лидер пользуется криминальным авторитетом у всех ее членов. В этой ситуации даже сложный характер лидера, авторитарный стиль руководства воспринимаются членами группы как допустимые и не вызывают межличностных конфликтов. Противоречия в преступной группе данного типа равносильны распаду группы. Это нередко используется правоохранительными органами при раскрытии и расследовании преступлений.

Простые криминальные группы малочисленны, не имеют сложной структуры, поэтому можно согласиться с утверждением, что это «относительно примитивная форма объединения преступников».[12] Однако они автономны, достаточно законспирированы и сплочены. Это можно проиллюстрировать на примере функционирования групп карманных воров.[13] Эти группы обычно состоят из 2—3 человек, структура носит ролевой характер, взаимоотношения основаны на взаимном доверии и поддержке. Стиль поведения участников преступной группы («почерк») зависит прежде всего от того, к какой «школе» карманных воров они относятся. По мнению специалистов, например, на территории г. Москвы функционируют представители, как минимум, девяти воровских сообществ. Рассмотрим две воровские «школы».

Московская «школа» карманных воров. Ее представители, как правило, имеют большой возрастной ценз, высокий криминальный профессионализм, значительное число судимостей и, как следствие, — слабое здоровье. Они не любят дилетантов в своей сфере, стремятся соблюдать «классические» воровские нормы, пренебрежительно относятся к насильственным преступникам. «Москвичи» занимаются хищением в общественном транспорте или при посадке пассажиров. Один из участников преступной группы, чаще интеллигентного вида мужчина, в совершенстве владеет техникой общения, может «разговорить» пассажиров, пошутить, рассказать анекдот, проявить галантность по отношению к женщинам, т.е. отвлечь внимание окружающих. В это время второй вор может незаметно открыть хозяйственную сумку пострадавшей, нащупав в ней косметичку, расстегнуть на ней «молнию», похитить оттуда кошелек и передать его первому члену группы. При этом он успевает застегнуть все «молнии». Впоследствии пострадавшая очень

долго и безуспешно вспоминает, где она могла «потерять» кошелек. Старые московские карманники часто воруют со своими сожительницами. Такая группа очень сплоченная, «сработанная» и не вызывает подозрений у окружающих.

Ожидая транспорт, «карманники» часто стоят не на остановке, а в сторонке от нее, метрах в 10—15, издалека наблюдая за посадкой и, когда видят потенциальную потерпевшую (ориентируясь на такие признаки, как одежда, наличие хозяйственной сумки или сумочки, заброшенной за спину и т.п.), набегают на дверь, в которую входит объект их внимания, и изображают из себя последних пассажиров, разыгрывая спектакль под названием «Граждане, дайте человеку подняться повыше, падаю» и т.п. Московские карманные воры подготовлены весьма профессионально, и вести наблюдение за ними, задерживать с уликами достаточно сложно. Нужно учитывать, что для того чтобы проверить, нет ли за ними слежки, «карманники» часто пересаживаются с одного вида транспорта на другой, могут имитировать кражу, в случае опасности выбрасывают вещественные доказательства. При задержании «москвичи», как правило, не оказывают сопротивления, не носят с собой оружия.

Горьковская, или нижегородская, «школа» воров. Члены преступных групп данной «школы» в основном молодежь — 18—22 лет, высокого роста, чаще худощавые, модно (современно) одетые. Они агрессивны, при задержании оказывают сопротивление не только гражданам, но и сотрудникам милиции. Однако эмоционально они неустойчивы и после задержания часто испытывают состояние депрессии.

«Горьковчане» «изобрели» новый способ воровства на транспорте. Суть его в следующем: один из воров (работают они парами) становится на верхней ступеньке лицом к потенциальной жертве и прикрывает собой второго вора, разместившегося сзади него на нижней ступеньке. Последний просовывает руку между ног напарника и лезвием разрезает пакет или сумку потерпевшего. На следующей остановке преступники выходят из транспорта.

В последние годы «горьковские группировки» стали формироваться по 4—5 человек. Потенциальную жертву они окружают в салоне кольцом и почти открыто вытаскивают кошелек. Жертва часто понимает суть происходящего, но молчит, опасаясь более серьезных для себя последствий. В данном случае происходит не столько кража, сколько грабеж. Это пример грубого нарушения воровских законов «классических» карманников. Сотрудникам правоохранительных органов важно учитывать это «идейное» противоречие преступных группировок при раскрытии, расследовании преступлений и осуществлении правосудия.

Организованные преступные группы — это многочисленное преступное сообщество, объединяющее в своих рядах десятки и даже сотни лиц, активно занимающихся преступной деятельностью. Для них характерны такие свойства, как иерархическая структура, ролевая дифференциация преступных микрогрупп. Организованные преступные группы, включая бандформирования, или, как они раньше назывались, «шайки», существовали на протяжении всей истории государства, но на каждом этапе исторического развития отличались определенной спецификой.

В современный период толчком для создания организованных преступных групп послужили социально-экономические изменения в обществе, в том числе легализация частного бизнеса, кооперативное движение, приватизация, а также отсутствие должной нормативно-правовой базы, регламентирующей данные процессы. Стремление криминальных элементов обогатиться первоначально за счет подпольных «цеховиков», финансовых махинаторов, а затем и остальных предпринимателей привело к таким формам организованной преступной деятельности, как рэкет, захват заложников, заказные убийства.

Как отмечают криминологи, в основе формирования организованных преступных групп наиболее отчетливо прослеживаются два принципа: территориальный и этнический[14]. *Территориальные* преступные группы создаются в масштабах микрорайона, города, региона. В средствах массовой информации неоднократно освещались криминальные инциденты, связанные с деятельностью в Москве и Московской области таких преступных групп, как «долгопрудненская», «коптевская», «люберецкая», «солнцевская» и др. Аналогичные группировки, к сожалению, имеются и в других регионах России. Их часто называют «команда», «бригада», ибо они имеют четкую структуру, жесткую дисциплину.

В структуру территориальной организованной преступной группы входят: лидер («авторитет»), сборщики «налогов», боевики. Авторитетные лидеры стремятся подчинить себе и все иные виды криминальных групп, функционирующих на данной территории: карманных и квартирных воров,

угонщиков машин, проституток, различных шулеров и т.д. Это часто вызывает криминальные разборки и «войну» за сферы влияния.

Этнические преступные группы, в отличие от территориальных, формируются на основе национального и кланового родства, принятых традиций и обычаев. Не случайно их часто называют «общинами». В своей преступной деятельности они существенно опираются на диаспору, проживающую в данной местности. Такова, например, деятельность чеченской организованной преступной группы в Москве. Она же овладела техникой «делать крышу», обложив в течение 1986—1988 гг. налогом «на охрану» значительную часть столичного криминального бизнеса и только появившиеся кооперативы. Попытки расширить криминальную деятельность вызвали сопротивление территориальных организованных преступных групп Москвы и области. В течение 1988—1989 гг. боевики чеченской преступной группы провели около 20 сражений с разрозненными московскими криминальными группировками. В зависимости от серьезности противника община выставляла от 20 до 80 «боевиков», а при необходимости могла собрать и несколько сотен. В роли «боевиков» выступали не только постоянно выполняющие данную функцию преступники, но и мелкие коммерсанты, студенты столичных вузов. Это один из признаков национальной психологии — чувство солидарности и безоговорочная поддержка своих. Чеченская группировка, по оперативным данным, имела намерение завоевать Москву, как сицилийская мафия в свое время покорила Нью-Йорк, ведя тактику, основанную на жестокости, силе и запугивании. Недостаточная активность правоохранительных органов против чеченской преступной группировки объяснялась нежеланием предавать гласности чеченский вопрос по политическим соображениям (хотя в группировку входили представители и других наций), уклонением пострадавших и свидетелей от дачи показаний либо по криминальным соображениям («вор не должен сотрудничать с правоохранительными органами»), либо в связи с угрозами и опасением за свою жизнь. Несмотря на то, что деятельность чеченской преступной общины имеет специфические особенности, по большинству криминально-психологических признаков это типичная этническая организованная преступная группа.

Преступная организация. В соответствии с Уголовным законодательством «преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено сплоченной организованной группой (организацией), созданной для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединением организованных групп, созданным в тех же целях». Большинство психологических характеристик, свойственных организованным преступным группам, характерны и для преступных организаций. Однако последние имеют и специфические свойства:

• стремление лидеров преступных групп легализовать свою деятельность, работать под прикрытием официальных фирм и ассоциаций, «пробиться» в государственные органы власти;

• коррумпированность, которая выражается в создании системы связей с администрацией государственных органов, сотрудниками правоохранительной системы, известными политиками, деятелями культуры, врачами, спортсменами;

• осуществление контроля над всеми прибыльными формами противозаконной деятельности, включая обналичивание денег, азартные игры, проституцию, распространение наркотиков и т.п.;

• реализация (отмывание) денег, полученных преступным путем, их вкладывание в легальный бизнес;

• экспансионистские и монополистические тенденции организованной преступности в масштабах региона;

• транснациональный характер преступной деятельности, т.е. совершение преступлений за пределами государства базирования, на территориях функционирования.

Однако и правоохранительные органы обладают достаточно мощным потенциалом, осознают опасность организованной преступности для общества, понимают истоки ее возникновения и психологический механизм функционирования. Это является залогом того, что мафию удастся загнать в ее «традиционное криминальное стойло»[15].

---

[1] *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии. - М., 1996. - С. 321.

[2] *Уголовный* кодекс Российской Федерации. - М., 1996. Ст. 35, п. 7.

[3] *Фоке Б.* Введение в криминологию. - М., 1980. - С. 194.

[4] *Ратинов А.Р., Лукашевич В.Г., В.А. Ратинов В.А..* Личность в преступной группе. Личность преступника как объект психологического исследования. - М., 1979. - С. 139.

[5] *Гуров А.И.* Профессиональная преступность. - М., 1990; *Зорин Г.А., Танкевич О.В.* Понятие и основные признаки транснациональной преступности. - Гродно,. 1997; Организованная преступность / Под ред. *А.И. Долговой, С.В. Дьякова.* - М., 1989; Основы борьбы с организованной преступностью. - М., 1996 и др.
[6] *Уголовный* кодекс РФ. Ст. 32.
[7] *Котляр Э.* МУР идет по следу: Документальные очерки - М., 1997. - С. 176.
[8] *Ратинов А.Р., Лукашевич В.Г., Ратинов Б.А.* Личность в преступной группе. Личность преступника как объект психологического изучения. - М, 1979. - С. 139.
[9] *Пирожков В.Ф.* Криминальная психология. — М., 1998. - С. 62.
[10] *Фоке В.* Указ. соч. - С. 105-107.
[11] Там же. С. 197.
[12] *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология. - М., 1998.-С. 90.
[13] *Муравьева И.Н.* Психологическая характеристика карманных воров. - М., 1998.
[14] *Козлов Ю.Г., Саинько М.И.* Организованная преступность: структура и функции. Изучение организованной преступности. Российско-американский диалог. — М., 1997. — С. 52—53.
[15] *Гуров А.И.* Красная мафия. - М., 1995. - С. 327-328.

3.6. Психология криминального насилия

Понятие криминального насилия. Термин *криминальное насилие* обозначает ряд запрещенных законом физических или психических действий, совершаемых в отношении других лиц вопреки их воле и желанию, причиняющих им физический вред и моральный ущерб. Во многом тождественным ему является понятие агрессии. Перечень и характер этих действий определен в уголовном законе. Сам факт установления подобного запрета — свидетельство того, что насилие является опасной формой поведения людей, наносящего серьезный ущерб их правам и интересам.
В то же время насильственное преступное поведение — один из предметов пристального и неослабевающего интереса как рядового обывателя, так и специалистов самых разных видов человеческой деятельности, художественного, литературного, кинематографического, научного творчества. Оно сопровождает жизнь людей на протяжении всей известной истории. Во многом и сама история человечества — это история насилия.
По формам проявления криминальное насилие весьма разнообразно. Наиболее опасной считается убийство — насильственное лишение жизни другого человека. Среди других его форм — изнасилование, причинение вреда здоровью, различные формы психического и физического принуждения к совершению определенных действий.
Психологический «корень» насилия. Несмотря на многообразие форм насильственного преступного поведения, а также индивидуальный или массовый характер их проявления, психологические механизмы насилия имеют во многом сходный характер. Их суть может быть сведена к одному общему фактору — жесткой психологической зависимости агрессора от объекта агрессии.
В криминальном поведении психологическая зависимость агрессора по своему характеру отличается от аналогичной особенности, свойственной большинству людей. Каждому человеку уже в силу социального характера его развития и воспитания свойственно стремление к объединению с другими людьми для удовлетворения своих потребностей, достижения личных и совместных целей. В этих объединениях людей каждый неизбежно занимает определенную позицию, в том числе и зависимую, подчиненную. Однако в отличие от агрессивных преступников правопослушные люди при неблагоприятно для них складывающихся обстоятельствах способны выйти из группы, выйти из не удовлетворяющего или даже травмирующего их контакта либо постараться изменить свое отношение (внутреннюю позицию) к изменившимся обстоятельствам.
Для агрессивных преступников ситуация принципиально иная. Контакты с определенными людьми приобретают для них жизненно важный, можно сказать, жизнеобеспечивающий характер. *Психологический «корень» насилия* в том, что преступник (во многом неосознанно) приписывает жертве способность удовлетворить его потребности или вести себя в соответствии со своим представлением о должном поведении, а затем в той или иной форме требует их удовлетворения и соответствующего поведения.
Генезис склонности к насилию. Склонность некоторых людей попадать в жесткую зависимость от самых разнообразных объектов без специального анализа выявить достаточно сложно.

Многочисленные специальные исследования привели к выводу о том, что эта склонность формируется на ранних этапах жизни человека, в раннем детстве, и является результатом той позиции, которую занимает ребенок (будущий преступник) в своей семье. *Суть этой позиции состоит в неприятии его со стороны родителей,* а иногда и прямом отвергании. Исследования криминального насилия в этом смысле ярко иллюстрируют глубокую ошибочность распространенного мнения о безусловной ценности ребенка для его родителей и, следовательно, безусловной ценности человека вообще. Наиболее драматична ситуация, когда в роли отвергающей, не принимающей выступает мать ребенка. Термин «неприятие» означает такое отношение матери к своему ребенку, при котором она либо не способна, либо не хочет, либо не умеет своевременно и точно удовлетворить его потребности, прежде всего естественные — в пище, тепле, чистоте и пр. В результате этого ребенок находится в ситуации хронического дефицита, постоянного неудовлетворения своих потребностей. Это состояние и делает его постоянно зависимым от другого человека (матери), потому что только он(она) может их удовлетворить.

Человек оказывается не зависимым от среды, в которой находится, только удовлетворив свои потребности. Пока сохраняется потребность — сохраняется зависимость. Для агрессивных преступников *характерна хроническая неудовлетворенность жизненно важных (витальных) потребностей,* поэтому и возникает столь же хроническая зависимость от объектов, которые могут их удовлетворить.

Отвергаемый ребенок оказывается зависимым от жизненно важных для него условий, воплощенных в лице конкретного человека (матери), обеспечивающего его безопасность. Недостаток этих факторов создает ситуацию постоянной угрозы
для его жизни. Он живет как бы на предельном уровне: никогда не испытывает полной безопасности и удовлетворения своих потребностей и в то же время не доходит до полного лишения этих жизненно важных условий. Это ситуация своеобразной «экстремальности» существования, потенциально несущая в себе смертельную угрозу. В ней и заключается источник происхождения убийств и иных форм проявления криминального насилия.

Весьма существенно, что если указанная ситуация сложилась в самом раннем периоде жизни человека, то с течением времени (с возрастом) она не исчезает, а лишь переходит в другие формы при сохранении ее содержания и основных отношений. Место матери как основного жизнеобеспечивающего фактора может занять другое лицо, но отношение полной зависимости будет сохранено.

Указанное отношение зависимости имеет и другие весьма значимые последствия. Основным из них является *задержка процесса приобретения способности к независимому, самостоятельному существованию.* Эта задержка в свою очередь имеет серьезные последствия для психического и социального развития личности. Главным и наиболее общим из них является замедленное и неглубокое развитие психических функций — памяти, восприятия, мышления, внимания и др. Человеческая личность здесь как бы слабо дифференцируется и усложняется по своему строению. Недаром почти все исследователи личности убийц отмечают у них *низкий, примитивный, в среднем, уровень развития, невысокую общую культуру, узкий круг знаний и интересов.* Все это следствие низкой дифференцированной психологической структуры личности. Этим создается основа для слабого развития приспособительных возможностей этих лиц; они обладают весьма ограниченным набором средств и способов адаптации к изменениям окружающей среды, реагируют на внешние события на более низком и примитивном — эмоциональном — уровне и весьма ограничены в возможностях интеллектуальной переработки воспринимаемой информации.

В связи с общим низким уровнем психического развития и ограниченными адаптивными возможностями для насильственных преступников, по сравнению с более развитыми людьми, резко увеличен круг тех внешних событий и ситуаций, которые они воспринимают как угрожающие. Это и понятно, так как угрожающей в общем случае является та ситуация, для приспособления к которой у человека нет необходимых средств и способов, т.е. нет программы необходимых в данной ситуации действий.

В ситуации, где совершаются агрессивные, насильственные действия, всегда включены люди, от которых преступники находятся в жесткой зависимости. Эта зависимость может преступниками и не осознаваться, но проявляется она именно в агрессии, в стремлении подавить активность другого человека за счет причинения ему физического вреда или психического ущерба.

Склонность к насилию может проявляться уже в раннем возрасте. В детстве она может носить характер не только прямых агрессивных действий, но и, например, иметь форму снижения степени естественной любознательности, неспособности занять себя каким-либо делом, трудностями в установлении контактов с другими людьми и пр. По существу за этими проявлениями стоит психологическая зависимость человека от другого лица, сковывающая его самопроизвольные проявления.

Особенности психологического склада насильственных преступников.

Многие специальные исследования показывают, что насильственные формы поведения связаны с некоторыми особенностями психического склада проявляющих их лиц. Основной из этих особенностей является *высокая эмоциональная зараженность* содержания мыслей, идей, избирательно проявляющаяся в некоторых ситуациях. Для них характерна *высокая чувствительность к любым сторонам межличностных отношений, подозрительность, восприятие окружающей среды как враждебной.* С этим связаны *затруднения в правильной оценке ситуации, склонность к ее трудно корректируемым искажениям.*

Высокая эмоциональная насыщенность мыслей, идей насильственных преступников граничит с *патологией эмоциональной сферы* и в целом свидетельствует об их *социальной отчужденности.* С этим связана определенная *неуправляемость их поведения* не только для окружающих, но и для самих преступников. Вместе с тем они склонны *предъявлять довольно высокие требования к окружающим, обидчивы и эгоистичны, грубы и развязны* в поведении, склонны к сильным перепадам настроения «...от страстного ликования до смертельной тоски» (К. Леонгард).

Весьма примечательной чертой личности некоторых из насильственных преступников является *склонность к очень глубоким и сильным переживаниям,* по содержанию сходным с состояниями *экстаза.* В этом смысле очень символично высказывание одного из преступников-убийц: «Я живу только в минуту смертельной опасности». Психологическое содержание этого состояния очень сложно, но в нем захватываются самые глубокие слои личности; в момент совершения насильственных действий возникает чувство духовного освобождения, представляющее исключительную ценность для данного лица. Не исключено, что одним из самых сильных мотивов насильственного преступного поведения (в частности, убийства) и является *потребность в переживании этого состояния.* Но в основе его лежит неосознаваемое стремление к выходу из состояния зависимости, в конкретной ситуации представленное определенным лицом, в отношении которого и совершается агрессия.

Другая категория насильственных преступников решает проблему выхода из-под зависимости путем активного навязывания своей личности другим, вполне конкретным людям. Они *движимы потребностью доказать ценность своего «я» и добиться ее признания.* Это навязывание нередко носит ярко демонстративный характер, используются все способы втянуть другого человека в сферу своего влияния, по существу подчинить его себе и использовать в качестве донора для любых форм «подпитки» — материальной, финансовой, энергетической, идейной и т.п. Зависимость от таких людей оказывается, как правило, непереносимой для других, поэтому рано или поздно они неизбежно стремятся разорвать ее. Здесь и возникает ситуация насилия со стороны описываемой категории преступников с целью предотвращения этого разрыва отношений; так как при этом утрачивается «донор», без которого существование невозможно.

Третья категория насильственных преступников — это люди с *гипертрофированным чувством должного.* Они предъявляют очень высокие и жесткие требования к окружающим с позиций собственных представлений о нормах поведения. По существу они жестко зависимы от своих представлений о должном, незначительные отклонения поведения других людей от этого представления вызывают у них чувства эмоционального дискомфорта, более значительные — внутреннего негодования и действия по насильственной корректировке ситуации в соответствии с их представлениями. Здесь человек находится в плену собственных идеальных представлений и не воспринимает многообразия жизни; он насильственно подгоняет ее под свои представления. Нередко эти люди выступают ярыми поборниками справедливости, борцами за справедливость, основным же способом ее установления является насилие, принуждение.

Одной из форм проявления гипертрофированного представления о должном является *чувство ревности.* В нем сконцентрирована позиция собственника, присвоившего себе «право» исключительного пользования благосклонностью другого человека, и всякие знаки внимания, оказываемые другим и со стороны других, воспринимаются как унижение собственного достоинства и покушение на указанное «право». Мотивированное ревностью насилие — это

зашита идеализированного представления о себе и лишение другого человека права иметь такое представление о себе и вести себя в соответствии с ним.
Среди насильственных преступников существуют люди, *движимые потребностью утвердиться в собственном мнении о себе как о лице, способном на решение, поступок, необычное рискованное, опасное действие.* Их наиболее характерной личностной особенностью являются *постоянная неуверенность в себе, колебания, неспособность к принятию решений.* Они испытывают более-менее осознаваемое изматывающее *чувство неполноценности, своей никчемности* и находятся поэтому в постоянной готовности избавиться, преодолеть его. Эта готовность толкает их в ситуации риска, опасных обстоятельств с плохо предсказуемыми последствиями. Некоторые преступники прямо определяют мотив совершенного ими тяжкого преступления как «совершение сильного поступка». Чего достигают они своими насильственными действиями? Чувства уверенности в собственном существовании, в определенности существования и праве на существование, не как «тварь дрожащая, а как право имеющее» существо (Ф.М. Достоевский).
Есть категория насильственных преступников, для которых характерна пассивная психологическая позиция, выраженная в *пониженном, слегка угнетенном настроении, притуплении интересов, стремлений, желаний.* Часто они говорят о собственной неполноценности, утрате жизненной перспективы и профессиональной состоятельности. Нередко выражают и суицидальные мысли. Их скрытые агрессивные тенденции нелегко проявляются во внешнем поведении. Более характерна для них склонность к алкоголизации, фиксированность на состоянии своего здоровья, чаще всего не дающая достаточных оснований для опасений. Склонность к алкоголю, соматические фиксации и насильственные действия имеют здесь общий источник, но разное направление. Свои преступления эти люди совершают, оказываясь в специфической жизненной ситуации. Принципиально она сводится к явной эксплуатации этих людей домашним или ближайшим окружением. Семья обычно недовольна своим «кормильцем»; ему дают понять, что его только терпят и в основном из-за денег, которые он дает семье. Но денег, как известно, всегда не хватает, все упреки в этой связи падают на него, присовокупляя сюда и пагубную страсть к спиртному, а иногда и упреки в мужской несостоятельности. В такой семье нередки скандалы, драки, когда дети избивают собственного отца, гонят его из дома и пр. В один «прекрасный» момент он и совершает убийство. Обычно это преступления, совершаемые на так называемой «бытовой» почве. Перед судом предстает опустившийся, несчастный человек, глубоко переживающий свою вину и безразличный к ожидающему его наказанию, каким бы суровым оно ни было. По существу же он только защищал свое право на существование.
Из сказанного о психологических особенностях криминального насилия может быть сделан общий вывод: в его основе лежат условия, резко затрудняющие удовлетворение потребностей, которые человек считает для себя жизненно важными и от которых поэтому находится в состоянии жесткой зависимости. К сожалению, большинство из этих условий складываются по плохо осознаваемым для конкретного лица законам и поэтому неуправляемы для него. Лучший путь для преодоления тенденций к насильственному поведению как для отдельного человека, так и для больших социальных групп и общностей — это *сознательное овладение условиями своей жизни и на этой основе достижение независимости от любых из них.* Однако в настоящее время эта задача реально неразрешима, что и обусловливает необходимость уголовно-правового контроля насильственных форм поведения, хотя он является, конечно, не самым эффективным средством борьбы с криминальным насилием.

3.7. Психологические аспекты виктимности жертв преступлений

Основные понятия. Виктимологией называют науку, занимающуюся исследованием жертвы. В более узком плане под *виктимологией,* или *криминальной виктимологией,*[1] подразумевается изучение жертвы преступления. Цель криминальных виктимологических исследований — выявление причин и условий, при которых человек оказывается жертвой преступления.
Виктимность или *виктимогенность* — «приобретенные человеком физические, психические и социальные черты и признаки», которые«могут сделать его предрасположенным к превращению в жертву преступления»[2]. *Виктимизация* — процесс приобретения виктимности. С определенной долей условности принято выделять *психологические аспекты виктимности* (специальную

виктимность) и виктимность общую, связанную с полом, возрастом, социальной ролью и социальным статусом жертвы[3]. Достаточно сложно провести конструктивное разделение между этими двумя видами виктимности. Например, в ряде исследований установлено, что:

• жертву убийства характеризуют неосмотрительность, чрезмерная рискованность, конфликтность, склонность к агрессии, эгоцентризм, злоупотребление спиртным, зачастую жертва знакома с преступником;

• жертвы изнасилований часто неразборчивы в знакомствах, эксцентричны, или, наоборот, нерешительны, личностно незрелы, не имеют опыта половых отношений, инфантильны;

• жертвы истязаний в большинстве случаев знакомы с преступником и находятся в той или иной зависимости от него (жена, сожительница, ребенок, мать); по характеру они часто слабовольны и не имеют устойчивых жизненных позиций, сформированных интересов, порой ведут аморальный образ жизни, нередко их социальный статус выше статуса истязателя;

• жертвы мошенников чрезмерно доверчивы, некомпетентны, легковерны, в ряде случаев жадны или испытывают материальные трудности, нередко суеверны.

Перечисленные преимущественно психологические качества жертв тех или иных преступлений так или иначе связаны с признаками, относящимися к общей виктимности. Поэтому выделение отдельных психологических качеств жертв — далеко не самый эффективный способ виктимологического анализа. Существенно продуктивнее изучать психологические аспекты виктимности в рамках целостного криминогенного (можно сказать, виктимогенного) комплекса[4]. В этом случае *виктимологический анализ неотъемлем от криминологического.* Сама виктимология большинством ученых рассматривается как одно из направлений криминологии[5]. Оно требует исследования конкретных видов преступлений, а также каждого преступного поведенческого акта в частности. В криминолого-виктимологических исследованиях акцент научного анализа должен смещаться с феномена преступности на уровень анализа конкретных преступных событий, которые в совокупности и составляют такое явление, как преступность[6].

Анализ механизмов конкретного преступления невозможен без исследования ситуации, в которой действует преступник. Ситуация не только определяет выбор способа действия, но в отдельных случаях порождает и новые стимулы к действию. Например, внезапно возникший конфликт может привести ранее не помышлявшего об убийстве человека к его совершению, допустим, под влиянием тяжкого оскорбления со стороны партнера. Социальный, правовой, физический и психологический статусы, поведение, а нередко и психическое состояние жертвы в случаях, когда преступление совершается при непосредственном взаимодействии с жертвой, составляют элементы ситуации, в которой действует преступник. Поэтому вполне закономерным и даже необходимым является привлечение в исследования, направленные на выявление механизмов преступлений, данных о жертве. Получение и научная систематизация такого рода данных позволяют более глубоко исследовать детерминацию самих преступлений.

Практическое использование виктимологических данных. Данные о жертве могут быть полезными как для изучения причин и условий преступности и виктимизации, так и *для решения конкретных проблем следствия* — поиска лица, совершившего преступление, квалификации его деяния, определения степени вины, дифференциации наказания, принятия адекватных профилактических мер.

Например, обобщение сведений о жертвах серийных сексуальных убийств (возраст, образ жизни, социально-психологический статус и пр.), способах совершения преступления (неожиданные нападения, заманивание жертвы с помощью обмана, отсутствие или наличие на теле потерпевшего следов садистских действий, истязаний и пр.) помогает созданию психологического портрета посягателя, облегчает его поиск. Установление состояния жертвы (в частности, состояния беспомощности или зависимости от преступника) может помочь правильной квалификации преступного деяния, определению наличия и степени вины посягателя, дифференциации наказания.

Типизация ситуаций взаимодействия преступника и жертвы с учетом роли лиц, которым наносится вред, позволяет не только разобраться в особенностях детерминации преступных действий, но и помочь в выработке способов оптимального поведения потенциальной жертвы. Разработка и обучение навыкам противостояния виктимизации — одно из направлений виктимологической профилактики.

В то же время речь о виктимологии как об отдельной научной дисциплине может идти в случаях, когда данные о жертве самостоятельно, без учета сведений о преступнике и ситуации могут помочь решению практических вопросов. В настоящее время виктимология все чаще

самостоятельно исследует проблемы социально-психологической реабилитации пострадавших от преступления, компенсации причиненного жертве ущерба.

За самостоятельность виктимологической науки ратовал румынский исследователь Б. Мендельсон и некоторые другие ученые. Объектом виктимологического анализа эти исследователи предлагают считать не только пострадавшего от преступления, но и жертву несчастного случая, катастрофы, стихийного бедствия, войны. Способы решения проблем возмещения ущерба и социально-психологической реабилитации жертв криминальных и некриминальных событий схожи. Лишь в минимальной степени они требуют учета особенностей ситуации и действий причинителя вреда. Данные о жертве в этих случаях имеют собственную практическую значимость, что делает более резонными высказывания о виктимологии как особой дисциплине.

Из история виктимологии. Рождение виктимологии принято связывать с именем немецкого ученого Ганса фон Хентинга[7]. Он выдвинул идею о существовании зависимостей между определенной категорией преступников и определенным типом жертвы. Выявление взаимосвязей, существующих между преступником и жертвой в преступлениях разного типа, учет роли жертвы в порождении преступного акта позволяют, по мнению Хентинга, глубже разобраться в механизмах и причинах преступлений, точнее осуществить криминологический прогноз, принять более адекватные меры, направленные на социальное противодействие преступности.

Работы Г. Хентинга активизировали научный поиск других ученых. В 1958 г. М.Е. Вольфганг издал работу «Типы убийств», в которой, обобщив результаты многочисленных исследовании, типизировал ситуации, складывающиеся при взаимодействии убийц с их жертвами. Пристальное внимание ученых вызвали и виктимологические аспекты таких преступлений, как мошенничество, разбойные нападения, истязания, хулиганство, изнасилования и некоторые другие.

Справедливым представляется мнение[8] о том, что виктимологический анализ наиболее эффективен при исследовании преступлений, в которых преступник непосредственно взаимодействует с жертвой[9]. К таковым в первую очередь относятся насильственные и корыстно-насильственные посягательства, а также некоторые виды мошенничества.

В наиболее развернутом виде ситуация взаимодействия представлена при совершении половых преступлений, в частности, изнасилований и насильственных действий сексуального характера. В 1967 г. израильский ученый Менашем Амир (M. Amir) изучил ситуации, возникающие при изнасилованиях.[10] Работа М. Амира 1971 г. «Типы изнасилований» расценивается как одно из наиболее глубоких и серьезных исследований жертв этого типа[11].

Проблема виктимного («способствующего») поведения. В практике уголовного судопроизводства многих стран проблема оценки поведения в криминальной ситуации жертв половых посягательств является «наиболее трудной и вызывающей наибольшее число споров» в специальной литературе. Основные сложности концентрируются вокруг вопроса о том, какова была воля потерпевшего в случаях, когда он при объективно имеющихся возможностях избежать вступления в половую связь (нет грубого насилия, имеется возможность убежать, обратиться за помощью) не делает никаких шагов для этого. Более того, совершает действия, позволяющие предполагать его согласие на половую близость.

Эта проблема породила *концепцию* так называемой *способствующей жертвы (victim precipitation),* которая и была развита в русле виктимологических исследований. На модели изнасилований в основном был разработан подход к понятию «способствующая» жертва. Впервые к жертвам изнасилования термин «способствование» применил М. Амир. Под «способствующим» им понималось поведение потерпевшего, «которое могло быть интерпретировано преступником или как явное приглашение к сексуальному взаимодействию, или как знак того, что жертва будет доступна, если он проявит достаточную настойчивость»[12].

«Способствующее поведение», с точки зрения М. Амира, может выступать в двух видах: либо как *«необоснованное доверие» (commission),* когда потерпевшая соглашается пить вино, гулять с малознакомым и пр., либо в виде *«оплошности» (omission)* — глупой и неосторожной поспешности, недостаточно сильного сопротивления сексуальным домогательствам.

М. Амиром было обнаружено, что для изнасилований, в которых жертвы «способствовали», характерны: принадлежность преступника и жертвы к одной расе (чаще белой); знакомство жертвы и преступника; молодой возраст жертвы (15—19 лет); употребление жертвой алкоголя до

встречи с преступником или вместе с ним; «плохая» репутация жертвы; проживание жертвы и преступника в одном районе; встреча жертвы с преступником в день посягательства в компании (у друзей, в баре, на вечеринке); совершение преступления в значительном отдалении от места жительства преступника и жертвы; использование преступником различных форм принуждения, в том числе достаточно грубых; унижение жертвы и глумление над нею. Эти данные получены путем статистического сравнения 122 случаев изнасилования «способствующих» жертв и 524 случаев «неспособствующих». Различия оказались статистически значимыми.

На основании полученных таким образом данных М. Амир выделяет некий усредненный тип «способствующей» жертвы. Преступник, действующий в условиях «способствования» жертвы, по мнению М. Амира, должен наказываться менее строго, чем тот, который совершает изнасилование «неспособствующей» жертвы.

Отечественные авторы[13] предлагают подобное или более дробное деление «способствующего» (в отечественных исследованиях оно называется виктимным) поведения жертвы. *Виктимное поведение* делится ими на провоцирующее (толчковое) — порождающее у преступника на первых этапах взаимодействия уверенность в доступности партнерши; благоприятствующее — постепенно, благодаря аморальному поведению потерпевшей, формирующее у преступника предположение о возможности совершения полового акта с согласия партнерши; морально небезупречное, облегчающее изнасилование.

В виктимологических исследованиях «способствующих жертв», проводимых в нашей стране (Ю.М. Антонян, В.В. Волженкин, А.П. Дьяченко, В.П. Коновалов и Л.В. Франк и др.), были получены результаты, сходные с результатами Амира: жертва и преступник знакомы до возникновения криминальной ситуации; знакомство носило случайный характер; жертва зачастую была в нетрезвом состоянии и употребляла спиртное вместе с преступником; имела плохую репутацию; невысокий социальный статус (незаконченное или законченное среднее образование, работала в сфере бытового обслуживания); в качестве жертвы нередко выступали несовершеннолетние или молодые девушки с ранним половым созреванием, обладающие психическими или половыми аномалиями, воспитывающиеся в неблагоприятных условиях; не имеющие опыта половых отношений, незамужние и пр.

Многие отечественные правоведы делают на основании полученных данных выводы, сходные с теми, которые сделаны Амиром. В частности, о том, что в случае, когда негативно расцениваемое с точки зрения морали поведение потерпевшей играло значительную роль в порождении преступления, т.е. способствовало возникновению у субъекта умысла совершить изнасилование или облегчало реализацию этого умысла, вина преступника будет меньше. Однако рассуждения эти носят слишком абстрактный характер. На основании выделения типичного «способствующего» поведения усредненной жертвы невозможно решать вопрос о вине посягателя. Вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что в виктимологии для «выявления всех причинно-следственных связей между отрицательным поведением потерпевшего... и противоправным деянием причинителя вреда... не имеет значения, сознавал и предвидел ли потерпевший результаты своего упречного поведения или нет, ожидал ли ответной реакции причинителя вреда или нет»[14].

Решение вопроса о влиянии поведения жертвы изнасилования на участь посягателя требует углубленного психологического исследования особенностей деятельности и сознания преступника и его жертвы в ситуациях их взаимодействия. *Недооценка роли психологических аспектов поведения преступника и жертвы затрудняет внедрение результатов криминолого-виктимологических исследований в практику.*

К чему ведет оторванное от конкретной уголовно-правовой материи теоретизирование по поводу роли поведения и личности жертвы в генезисе такого преступления, как изнасилование, можно проследить на примере развития в Америке концепции М. Амира.

Как известно, не существует единого для всех представления о том, какое поведение можно назвать «способствующим». Амир делил ситуации на те, где жертва способствовала, и те, где она не способствовала, более или менее произвольно, на основании собственных представлений о том, какое поведение может быть истолковано мужчиной как приглашение к половому сближению. Другие исследователи выделили другие критерии. В результате создалось положение, при котором все случаи провокационного, соблазнительного или просто неосторожного поведения жертвы стали называться «способствованием». Например, не закрытая женщиной вовремя входная дверь в дом, слишком броская манера в одежде, поведении, плохая репутация, пьянство могли расцениваться как способствование изнасилованию.

«Способствованием» стали называть случаи, когда жертва перед тем, как быть изнасилованной, флиртовала с преступником, или случаи, когда она доверчиво села в попутную машину с незнакомым мужчиной.

Дальнейший анализ теории, согласно которой вина преступника может быть снижена за счет «вины» жертвы, показывает, что в последнее время в США, где этот подход зародился, она претерпела определенные изменения. Так, если на первых этапах (1965—1968 гг.) внимание специалистов было привлечено к проблеме восприятия криминальной ситуации преступником и сложилось мнение, что юридическая система слишком жестко и несправедливо подходит к оценке его поведения[15], то позднее развиваемые М. Амиром идеи и особенно их последующая интерпретация вызвали протест со стороны многих исследователей. В адрес приверженцев этой концепции было брошено обвинение в том, что таким образом узаконивается мужская агрессивность и сужается сфера сексуального самоопределения женщины, ее половая свобода (Medea AA, Thompson К., 1975; Weis KA, Borges S.S., 1973; Brodyaga L. et al., 1975).

Была проведена серия исследований, в том числе и психологических (Schultz Le Roy G., 1959, 1975; Bauer R. A., Stein J., 1973; Browmiller S., 1975; Greer G., 1975; King H.E. et. al, 1978 и др.), показавших, что многие жертвы изнасилований, особенно несовершеннолетние, не понимали того, что своим поведением провоцировали мужчину на половое домогательство или каким-либо иным образом облегчали совершение преступления.

В отдельных случаях *дезориентация жертвы* в происходящем совершенно *сознательно использовалась* более опытным в половых отношениях преступником. Использовалось беспомощное состояние жертвы, не понимающей характера и социальную значимость предкриминальной ситуации. Вряд ли можно утверждать, что к таким лицам общество должно проявлять снисходительность и смягчать заслуженное ими наказание.

Другое дело, когда в роли посягателя выступал тот, кто не смог правильно разобраться в причинах «способствующего» поведения жертвы в силу личностной незрелости, малоопытности, неискушенности в межличностном взаимодействии. Зачастую такими лицами являлись несовершеннолетние. В отношении этих субъектов действительно требуется снисхождение.

Ряд новых статей введенного в действие Уголовного кодекса (ч. 3 ст. 20, 22 У К РФ и др.) *предусматривает возможность более глубокого и психологически более осмысленного, с учетом имеющихся криминолого-виктимологических накоплений, подхода к уголовно-правовому анализу взаимодействия преступника с жертвой.* Необходимо далее усовершенствовать экспертные психологические службы и создать ресоциализирующие посягателя и реабилитирующие жертву социально-психологические институты.

---

[1] Большинство зарубежных *(H.Henting, H.Ellenberger, M. Wolfgang, J.Pinatel и др.)* и многие отечественные авторы *(Л.Ф.Франк, Д.В.Ривман и др.)* придерживаются именно такой позиции.

[2] *Шнайдер Г.Й.* Криминология. - М., 1994. - С. 357.

[3] Это разделение было предложено японским виктимологом *Коити Мшдзавой* в его книге «Основы виктимологической теории» (1966). См.: *Уэд К.* Преступность и криминология в современной Японии. - М., 1989. - С. 65.

[4] *Ратинов А.Р.* Личность преступника как объект психологического исследования. Личность преступника и предупреждение преступлений. - М., 1972. - С. 24.

[5] М. Вольфган, Г. Маннгейм, Г. Хентиг, Дж. Пинатель, Г. Элленбергер, А.И. Долгова, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, В.М. Минская, Д.В. Ривман, А.Б. Сахаров, Л.В. Франк и др.

[6] *Долгова А.И., Коробейников Б.В., Кудрявцев В.Н., Панкратов В.В.* Понятия советской криминологии: Методическое пособие. - М., 1985. - С. 25.

[7] *Renting H. Van.* Remarks on the Interaction of Perpetrator and Victiim. The J. of Criminal Law a. Criminology. 31.1941. P. 303-309; Он же. The criminal and his victim (Studies in the Sociobiology of Crime). N.Y. 1948.

[8] См. работы Хентинга Г. (H. fon Henting), Элленбергера Г. (H. Ellenberger), Шульца Г. (H.Schultz), Нагеля X. (W.H. Nagel) и др.

[9] В последнее время предметом «виктимологического» анализа стала и так называемая деперсонализированная жертва - целая группа людей, фирма, предприятие, общество, экономика государства. Такого рода подход используется при изучении хозяйственных преступлений.

[10] *Amir M.* Victim Precipitation Forcible Rape. The j. of Criminal Law, Criminology a. Police science. V.58, 4, 1967, P. 493-502; Он же. Patterns in Forcible rape. 1971.

[11] *JKatz S. A., Mazyr M.A.* Understanding the rape victim. N.Y. 1979. - P. 1.
[12] Amir M. Victim Precipitation... - P. 493.
[13] *Ривман Б.В.* Потерпевший от преступления: личность, поведение, оценка. - Ленинград, 1973; Он же. Виктимологические факторы и профилактика преступлений: Учебное пособие. - Ленинград, 1975; *Рыбальская В.Я.* Методика изучения личности потерпевшего по делам о преступлениях несовершеннолетних: Учебное пособие. - Иркутск, 1975.
[14] *Палубинский В.И.* Виктимологические аспекты профилактики преступлений. - М., 1980. - С. 39.
[15] Подобные установки возникли как в общественном мнении, так и в полицейской и судебной практике. Это отразилось в снижении числа осужденных за изнасилования в эти годы. См.: *Руководство* по организации социальных служб. - США, 1981. Под ред. Н. Жильберта и X. Спитча (Handbook of the social services. 1981).

3.8. Социально-психологический мониторинг тенденций преступности

Сущность и задачи социально-психологического мониторинга. Эффективное предупреждение преступности может осуществляться лишь на основе адекватной прогностической оценки тенденций изменения ее состояния и причинного комплекса. В современной криминологической литературе прогнозирование преступности определяется как основанное на анализе и данных расчета вероятное суждение о вариантах будущего состояния преступности с учетом осуществления предполагаемых мер борьбы с ней и профилактики преступлений. Необходим комплексный прогноз в сфере борьбы с преступностью, который должен охватывать тенденции: а) социальных процессов, непосредственно влияющих на преступность; б) борьбы с преступностью; в) самой преступности как явления, способного к самоизменению.
В современной литературе сформирован комплекс исходных оснований криминологического прогнозирования:
• преступность рассматривается как явление, вторичное по отношению к другим социальным явлениям, которые могут выступать как ее причинами, так и факторами, снижающими ее уровень;
• прогноз преступности — это прежде всего оценка тенденций, которая всегда носит вероятностный характер. Необходимое условие этой оценки (и в то же время ограничение) — допущение об устойчивости проявившейся в прошлом тенденции в динамике и структуре преступности;
• между преступностью и ее факторами нет линейной причинно-следственной связи и возможно запаздывание изменений в преступности при произошедших изменениях социальных условий, выступающих факторами ее роста или снижения. Это связано с инертностью социальных процессов — накоплением потенциала для изменений.
Криминологическое прогнозирование, основанное на этих положениях, может осуществляться при относительно высокой стабильности условий жизни общества или тенденций их изменения, а также при наличии необходимой информационной базы, включающей данные о широком спектре социальных явлений. При отсутствии этих условий прогнозирование преступности на определенный срок становится практически невозможным. На современном этапе необходимо постоянное *слежение за ситуацией с преступностью — мониторинг.*
Для разработки методики мониторинга основополагающим является положение о том, что факторы преступности различаются по степени непосредственности и интенсивности своего причинного влияния на преступность. Среди них есть внутренние причины, которые представляют собой явления индивидуального и общественного сознания, т.е. духовной сущности общества и отдельного человека.
Внутренние факторы формируются, изменяют свое содержание и интенсивность под влиянием условий социального бытия. Эти условия можно рассматривать как внешние факторы преступности, влияющие на изменение внутренних.
Среди них можно выделить факторы первого и второго порядков. *Внешние факторы первого порядка* более непосредственны в своем влиянии на внутренние (духовные). К их числу относится информационный поток, создаваемый средствами массовой информации, организуемый через просвещение, воспитание или складывающийся стихийно. Этот поток формирует ценностно-нормативную сферу сознания членов общества, опосредует восприятие и оценку ими событий социальной жизни. Примером *факторов второго порядка* может служить

применение уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. Эти меры обеспечивают непосредственно лишь частное предупреждение, в то время как общее предупреждение — опосредованно доходящей до членов общества информацией об изобличении и наказаниях преступников.

Методологически важен учет того факта, что детерминанты преступности могут изменяться под влиянием собственных движущих сил. Похоже, что преступность, достигая некоторого относительно высокого уровня, несет в себе механизм «расширенного воспроизводства» и способна сохранять тенденцию роста за счет внутренних факторов при отсутствии существенных изменений внешних. Явление самодетерминации обусловлено:

• расширяющимся криминогенным влиянием лиц, совершающих преступления, на остальную часть общества;

• формированием правонарушающих традиций среди определенных социальных групп;

• возникновением организованных преступных общностей, осуществляющих поддержку противозаконной деятельности и противодействие правоохранительной деятельности государства;

• снижением показателей обеспечения неотвратимости ответственности.

Криминологический мониторинг должен осуществляться как *систематическое изучение и оценка внутренних — социально-психологических предпосылок преступности и тенденций их изменения* в соотнесенности с анализом социальных условий, выступающих наиболее существенными внешними факторами и влияющих на формирование внутренних предпосылок преступности.

Порядок проведения социально-психологического мониторинга. Схема социально-психологического мониторинга преступности по логике его задач и возможностей включает следующие составляющие.

Первоначально изучаются те свойства общественного сознания и правовой психологии, которые выступают *внутренними факторами* появления и

развития тенденций ухудшения состояния правопорядка. По результатам их анализа делаются выводы о внутренних предпосылках изменений преступности в обществе (в конкретном регионе, общности людей) в текущее время.

Далее проводится криминогенетический анализ социально-психологических предпосылок преступности, направленный на выявление *условий социального бытия и социальных воздействий,* которые обусловливают криминогенно значимые изменения общественного сознания и правовой психологии. Установление этих факторов выступает основанием для принятия мер по их устранению или нейтрализации их негативного влияния.

Социально-психологический мониторинг ориентируется на *разные социальные субъекты* (территориальные общности населения, коллективы организаций, социальные группы) и по отношению к *различным сферам юридически значимого поведения,* соотносимого с уголовно-правовым запретом. К основным из этих сфер необходимо отнести: 1) сферу обеспечения удовлетворения материальных потребностей человека (эта сфера охватывает корыстные преступления); 2) сферу взаимодействия человека с другими людьми в связи с удовлетворением своих потребностей и интересов (данная сфера охватывает насильственные преступные деяния). Другие сферы юридически значимого поведения определяют специфические направления мониторинга. К ним относятся, например, сфера взаимодействия граждан с государством и его органами, сфера выполнения воинского долга, сфера досуга и потребления и др.

Социально-психологический мониторинг в отношении общества или определенных общностей людей предполагает изучение *общественного правосознания* и распределение *индивидуальных правовых позиций* членов общества, их представлений о приемлемости в обществе совершения противоправных деяний, *субъективного восприятия влияния общества на его членов: криминогенного* («общество поддерживает преступное поведение»), *антикриминогенного* («общество препятствует преступным посягательствам») и *противоречивого* («общество и способствует, и препятствует преступным деяниям»). Необходимо различение *видов позиций по их разным психологическим особенностям.*

Первая особенность — отношение к преступному деянию как способу удовлетворения потребности (разрешения проблемной ситуации):

1) решимость вести преступный образ жизни и готовность осуществлять поиск или создание возможностей для его ресоциализации;

2) приемлемость преступлений лишь при возникающих благоприятных возможностях для этого либо в составе референтной группы (склоняющего влияния значимых лиц) при отсутствии собственного стремления к инициативному поиску или созданию таких возможностей;
3) допустимость преступлений лишь при невозможности обеспечить правомерно удовлетворение жизненно значимой потребности (разрешение острой проблемной ситуации);
4) полная неприемлемость для себя использования преступлений даже при вынуждающем характере обстоятельств.
Вторая особенность индивидуальной правовой позиции, значимая для криминологического мониторинга, выражает степень принятия личностью правомерного способа удовлетворения потребности или разрешения проблемной ситуации:
1) безусловное принятие только правомерного способа и решимость его постоянно использовать;
2) приемлемость правомерного способа и решимость его использовать сочетаются с неудовлетворенностью его результативностью;
3) противоречивое отношение к правомерному способу и отсутствие решимости его использовать наряду с отсутствием решимости отказа от него;
4) определенное неприятие правомерного способа с решимостью отказа от его использования.
Третья особенность правовой позиции личности проявляется по отношению к выполнению общественного долга участия в борьбе с преступностью. Она основывается на отношении личности к использованию другими людьми противозаконного способа действий, которое может быть: солидарным (оправдывающим, лояльным); противоречивым (содержащим элементы и оправдания, и осуждения) в зависимости от мотивов совершения противозаконных действий, объекта посягательства и т.д.; индифферентным (неопределенным, неясным, несформированным); умеренно отрицательным (выражающим сожаление в связи с тем, что люди совершают преступные деяния); обостренно отрицательным (осуждающим противозаконные действия).
Позиции личности по отношению к участию в борьбе с преступностью, выполнению общественного и гражданского долга в этой деятельности могут быть дифференцированы следующим образом:
1) позиция принципиального неучастия;
2) позиция участия при затрагивании личных интересов или интересов близких людей;
3) позиция избирательного участия в зависимости от того, кто является потерпевшим (заслуживает ли он сочувствия) или преступником (существует ли угроза мести со стороны преступника и т.д.);
4) позиция обязательного участия в любом случае.
Приведенная дифференциация основных сторон правовой позиции личности может быть использована в качестве основы для разработки методики изучения их распределения в обществе (общности) при осуществлении социально-психологического мониторинга предпосылок преступности.
Психологическое исследование отражения в индивидуальном и общественном сознании социальной приемлемости совершения противоправного деяния показало наибольшую значимость следующих социальных представлений:
• о распределении в обществе, референтном социальном окружении или среди представителей социальной группы, к которой относит себя субъект, правовых позиций, указанных в приведенной выше их типологии;
• о благоприятности либо неблагоприятности последствий для тех, кто использует противоправный способ удовлетворения потребностей (разрешения проблемных ситуаций);
• о социальном реагировании на совершение определенного рода противоправных деяний и вероятности наступления отрицательных последствий (юридических или не юридических);
• о возможности и благоприятности использования правомерного способа для обеспечения удовлетворения потребностей или разрешения проблемных ситуаций;
• о социальном реагировании (отношении ближайшего окружения) на использование субъектом исключительно правомерного способа действий для удовлетворения потребности (разрешения проблемной ситуации), т.е. на принципиальное неиспользование противоправного способа

Психологический практикум (к части I)

Упражнение 1

Просмотрите для восстановления в памяти перечень задач юридической психологии, приведенный в § 1.2.

Задание:

Оцените, какая из задач представляет для вас как для практикующего юриста особый интерес. Какие, конкретно, ответы и в какой форме вы хотели бы получить от специалистов по юридической психологии, разрабатывающих ее прикладные проблемы?

Упражнение 2

Возьмите любой из законодательных актов, ориентированный на широкие круги граждан, и попытайтесь его проанализировать психологически. Задания:

1. Последовательно проанализируйте и оцените *содержание* законодательного акта по критериям: а)понятность для «среднестатистического» гражданина, б)оценка и отношение к отдельным положениям и всему акту (одобрительное, отрицательное, нейтральное), в)степень реального мотивирующего и регулирующего влияния (будет выполняться, не будет, трудно сказать).
2. Проанализируйте и оцените тот же акт по психологичности оформления, используя те же критерии.
3. Будь ваша власть, что бы вы изменили в анализируемом законодательном акте, подходя к нему с позиций юридической психологии?

Упражнение 3

Откройте § 2.6, в котором приводится перечень психологических факторов, чаще всего и в разной степени оказывающих влияние на правовую психологию населения. Задания:

1. Просматривая перечень, оцените, какие из этих факторов оказывают влияние на криминальную и оперативную обстановку в районе (городе, области, республике, - выберите что-то одно по своему желанию), где вы живете.
2. Подумайте, все ли факторы учтены? Если нет, то дополните перечень самостоятельно. Обоснуйте, по каким основаниям вы это делаете;
3. Из всего перечня факторов, оказывающих, по вашему мнению, влияние на состояние законности и правопорядка, выделите две группы (с тремя-пятью факторами в каждой), первая из которых оказывает наиболее сильное положительное влияние, а вторая -наиболее сильное отрицательное. Постарайтесь, чтобы в каждой группе были не только фоновые факторы, относящиеся к состоянию всего российского общества, но и зависящие от местных органов власти, населения. Постарайтесь оценить, в чем конкретно состоит их влияние на правовую психологию всего населения города (района, области, республики) и на правовую психологию отдельных граждан. Какие благоприятные и неблагоприятные явления в них эти факторы вызывают?
4. Сузьте и конкретизируйте свой аналитический поиск: попытайтесь четко оценить влияние деятельности правоохранительных органов города (района, области, республике) на правовую психологию населения по двум направлениям: а) что и как сказывается положительно и б) что и как сказывается отрицательно.
5. Закончите анализ поиском ответов на вопрос: что и как можно улучшить в работе правоохранительных органов (что зависит от людей, работающих в них) города (района, области, республики), чтобы начались или ускорились изменения в правовой психологии населения в направлении к повышению уровня ее развития, к уровню правовой культуры?
6. Попробуйте повторить задание № 5 применительно к тому правовому органу, в котором вы собираетесь работать или уже работаете.

Хорошо, если вы проделаете анализ по заданиям 1-6 не только в одиночку, но и организуете их обсуждение в группе, в правоохранительном органе.

Упражнение 4

Зайдите в любой магазин, киоск, где торгуют аудио- и видеокассетами. Подойдите к прилавку, полке, на которых находится все, что продается в данный момент.

Задания:

1. Подсчитайте общее число продаваемых кассет, содержание которых вам, в принципе, известно или оно очевидно из названий или прилагаемых аннотаций. Запишите.
2. Подсчитайте число кассет, которые, по вашей оценке, способствуют патриотическому, культурному, высокоморальному развитию тех граждан (подростков, молодежи, взрослых), которые приобретут их. Запишите.
3. Подсчитайте, сколько кассет ориентировано на формирование (или по крайней мере будут способствовать) цивилизованной правовой психологии тех, кто будет их многократно прослушивать и просматривать. Запишите.
4. Подсчитайте процент кассет, выявленных вами во втором и третьем случаях.
5. Оцените, что перевешивает в тех влияниях, которые оказывает аудио- и видеопродукция на психологию населения вообще и правовую психологию в частности.

Упражнение 5

Сядьте перед телевизором или радиоприемником, настройтесь на какой-нибудь канал и следите в течение нескольких часов за передачами.
Задание аналогично данному в упражнении 4: фиксируйте все передачи, подсчитывайте число передач, соответствующих п.п. 2 и 3, подведите итоги и сделайте вывод.

Упражнение 6

В одном из исследований правосознания молодежи были получены следующие данные.

Группы	Показатели		
	Коэффициент осведомленности	Коэффициент солидарности	Коэффициент интернализации
Законопослушные	0,73	0,74	0,34
Правонарушители (несудимые)	0,74	0,68	0,23
Преступники из них:	0,77	0,62	0,14
насильственные	0,77	0,65	0,14
корыстные	0,78	0,60	0,15
корыстно-насильственные	0,75	0,58	0,13

Вопросы и задания:
1. Вспомните определение понятия правосознания.
2. Какова роль правового сознания в детерминации законопослушного и преступного поведения?
3. Составьте ряд вопросов и заданий, направленных на познание уровня правовой осведомленности, оценочных суждений и мнений о праве и практике его применения, правовых установок и ориентации.
4. Пользуясь приведенными в таблице данными, дайте сравнительную характеристику правосознания законопослушных граждан, правонарушителей и различных категорий преступников.
5. В чем заключаются наиболее существенные деформации правового сознания?
6. Какие выводы можно сделать на основе анализа указанных выше эмпирических данных, полученных в ходе исследования правосознания различных групп?

Упражнение 7

В одной из центральных газет РФ было опубликовано письмо гражданки Т. Вот его содержание:
«Мне 23, а я вдова. Вдова - солдатка, как в войну. 22 февраля дочке исполнилось три года, а на следующий день далеко от дома при исполнении служебного долга погиб ее папочка. Боюсь, она не сможет запомнить, какими нежными и сильными были руки ее папы Юры, как высоко он подбрасывал ее над головой и они вместе задыхались от восторга.

Мой Юра был любимцем двора, где мы росли вместе и знали друг друга всю жизнь. Он был таким справедливым, всегда заступался за слабых, потому и в ОМОН пошел. Как много он мог бы сделать доброго людям, скольким попавшим в беду помочь, а погиб на третий день пребывания в Чечне от бандитской пули. Он нужен был здесь, у себя дома.

Юра не любил хвастаться, и я не знала, каким хорошим профессионалом он успел стать за три недолгих месяца службы в отряде после «учебки». При жизни ведь у нас хвалить не умеют. А потом, после кладбища, ребята из отряда говорили, что на его счету за это время было успешных операций куда больше, чем у иных за год-два.

Он был тренированным и реактивным. И все шутил, что служба в ОМОНе для него не опаснее, чем работа дворником - тоже мусор надо собирать. Что судьба его хранит. Было так: из дорожной катастрофы вышел живым, только с царапинами. На токарном станке работал, чуть ногу не оторвало - не оторвало, на сантиметр мимо железо пронеслось. Но, видно, у Бога не хватает сил, чтобы всех уберечь.

Наш город захлестывает преступность. Я боюсь оставить свою девочку в детском саду: недавно какой-то мерзавец в микрорайоне «Южный» прицельно стрелял по выведенным на прогулку детям. Одного ребенка ранил. Что ни день, то в городе новое злодейство. И неудивительно - столько оружия на руках у бандитов! Даже на вооруженных милиционеров нападают, не боясь ни закона, ни силы. Юра нужен был здесь.

Что же нам, женам и вдовам, сделать, чтобы не бояться за жизни своих детей? Пойти, как на войну, вместо убитого мужа и самим вступить в борьбу с бандитским беспределом? Кто мне ответит? Наверное, никто. Как никто не вернет дорогого и любимого мужа, мою первую и, думалось, такую счастливую любовь...».

Задание:

Внимательно прочитайте письмо. Проведите анализ характера и степени влияния опубликованного материала на психологию населения.

Упражнение 8

Вопросы и задание:

1. В чем проявляется роль чувства личной безопасности для регуляции поведения человека?
2. Какие действия и виды деятельности могут мотивироваться чувством личной безопасности?
3. Можно ли утверждать, что служба в правоохранительных органах безусловно усиливает чувство личной безопасности и является одним из основных ее мотивов?
4. Один из опасных преступников, осужденных за совершение тяжкого преступления, в беседе сотрудника с ним сказал: «Я живу только в минуту смертельной опасности!» Дайте психологическую характеристику мотивации данного высказывания и личностных особенностей преступника.

Упражнение 9

В одной из колоний произошло чрезвычайное происшествие, связанное с сожжением трех осужденных. При проведении расследования установлено, что однажды в конце рабочего дня осужденному земляческой группы «А», пользующемуся определенным авторитетом, стало известно, что у осужденных другой земляческой группировки «Б» имеются спиртные напитки. Осужденный попросил эти напитки для своей группы, а когда ему отказали, избил отказчика. Пострадавший рассказал о случившемся своим землякам и те направились на поиски обидчика. Тот был обнаружен на производственном участке беседующим в группе своих земляков «А», которая по количеству не превышала 10 человек. Группа пришедших «Б» была значительно больше по численности, и они сразу приступили к драке. Основная масса группы «А» мгновенно разбежалась, а трое спрятались в бокс и забаррикадировались за железными дверями. Разъяренная неуспехом масса пришедших попыталась выломать двери, но безуспешно. Тогда они слили горючее из транспортных средств, выплеснули его в бокс и подожгли. В результате трое осужденных сгорели.

Вопросы:

Как вы считаете, может ли описанное выше чрезвычайное происшествие в колонии быть объяснено закономерностями и механизмами функционирующей в местах лишения свободы криминальной субкультуры? Или это особый случай?

Какими конкретно признаками описанного случая можно обосновать ваше мнение?

Упражнение 10

В преступное сообщество города Красного входили следующие лица: «вор в законе» - организатор группировки; отвечающие за использование «общака»; взаимодействующие с государственными органами, финансово-банковскими и коммерческими структурами; обеспечивающие безопасность формирования; смотрящие за территориями, отдельными объектами (казино, ресторанами, гостиницами, местами лишения свободы) и рядовые члены.

Преступное сообщество Тюмени, возглавлявшееся тюменским «вором в законе» по кличке Черный, состояло из преступных группировок, контролирующих регионы города и области. Их возглавляли его «положенцы», держатели городских общаков. В Тюмени это делал «вор» по кличке Богдан, в Сургуте - «вор» Зятек, в Нефтеюганске - «вор» Азат, в городе Пыть-Ях - «вор» по кличке Лунь.

Вопрос: Какие подходы положены в основу формирования структуры преступных группировок в первом и втором примере?

Выберите варианты ответов из числа перечисляемых ниже:

• функционально-ролевой; »

• территориально-харизматический;

• межличностный;

• административно-служебный.

Упражнение 11

В газете «Московский комсомолец» (от 10.04.1999 г.) приведено письмо: «Меня зовут Мариной. Мужа - Сергей. Нам обоим по 30 лет. Познакомились мы год назад по переписке, расписались через полгода. Я виделась с мужем всего два раза: во время свадьбы и совсем недавно, когда ездила к нему на свидание. Муж находится в колонии строгого режима и только через 7 месяцев выйдет на свободу.

Познакомились мы так. Однажды мне попалось на глаза объявление в газете: «Мужчина,
29 лет, рост 180 см., брюнет, без вредных привычек. Женат не был... Ищу для создания семьи добрую женщину до 35 лет, способную на верность, любовь и понимание...»

«Да неужто такие мужчины еще существуют», - удивилась я. - Может, это и есть моя судьба»? А когда увидела обратный адрес, «учреждение N...», как в народе говорят, - места не столь отдаленные, то чуть не расплакалась! Надо же, попался один порядочный мужик на всю страну, да и то зэк! Но на следующий день я опять перечитала объявление и стала рассуждать иначе. Ну зэк. Ну отбывает. Но когда-нибудь выйдет же он на свободу!

И я написала письмо. Ответ пришел очень быстро. Таких слов мне никогда никто не говорил и не писал: «Здравствуй, мое сердечко! Как давно ждал я встречи с тобой! Подношу твою фотографию к губам и чувствую родной запах твоих духов. Если бы ты знала, как много накопилось в моем сердце невысказанных слов любви и нежности».

За эти письмом последовали другие. Через полгода нашего заочного знакомства мы решили пожениться. К этому времени я уже познакомилась с его родителями, ездила к ним домой на Урал. Они обрадовались нашему решению и приняли меня как родную.

Никогда не забуду свою первую поездку в колонию. Это было как кошмарный сон! Солдаты на вышках, бесконечные километры колючей проволоки, свирепые овчарки и люди, такие же страшные, как звери. Перед самой проходной в зону меня охватили сомнения и страх: правильно ли поступаю, связывая свою жизнь с человеком, который осужден за убийство?

Все дальнейшее происходило, как в дурном сне. Под конвоем привели моего жениха. Потом пришел работник местного загса, заполнил бумаги и поставил штамп в моем паспорте. После скупых поздравлений нас наконец-то оставили одних... Три дня, положенные молодожену-заключенному по закону, которые он может провести вместе с женой, пролетели как один час. Сергей был очень нежен и деликатен со мной и старался, как мог, доставить мне радость. Я даже стала привыкать к тем жутким бытовым условиям, в которых проходил наш скоротечный медовый «месяц». И поняла, что жизнь есть везде, и люди тоже везде живут очень разные. Как говорят, от сумы и тюрьмы никто не застрахован, поэтому ставить крест на человеке из-за того, что он оказался за решеткой, нельзя.

Марина (г. Нижний Новгород)»

Вопросы:

1. Каковы, как вы полагаете, основные мотивы брачных объявлений и переписки осужденных с женщинами?

2. Как влияет, по вашему мнению, семья и даже переписка со знакомыми на психическое состояние осужденного и его поведение в исправительных учреждениях?

Упражнение 12

I. Представьте, что вам поручено руководством изучить социально-психологические предпосылки тенденций корыстной преступности среди населения вашего района (города, области, республики). Для этого вам надо разработать опросный лист. В нем, в частности, следует предусмотреть вопросы для изучения правовых позиций и ожиданий опрашиваемых. Ниже приведен примерный перечень их.

Задание:

Сформулируйте для каждого вопроса варианты возможных ответов (от трех до пяти), которые должны выражать различные виды позиций и ожиданий граждан. Вопросы к опрашиваемым таковы.

1. Для какой, на ваш взгляд, части лиц, проживающих в вашем районе (городе, области, республике) приемлемо использование незаконного (уголовно наказуемого) способа обеспечения материального достатка?
2. Как, по вашему мнению, изменяется в нынешнее время такая позиция людей?
3. Какую позицию в отношении преступного способа обеспечения материального
достатка занимает большая часть людей, имеющих примерно ваши возрасти социальное положение?
4. Какая тенденция, на ваш взгляд, характерна в нынешнее время для такой позиции людей ваших возраста и социального положения?
5. Как, по вашему мнению, относится большинство трудоспособных людей к правомерному способу обеспечения материального достатка?
6. Как, на ваш взгляд, изменяется в нынешнее время отношение людей к правомерному способу обеспечения материального достатка?
7. Какая, на ваш взгляд, часть людей, проживающих в вашем районе (городе, области, республике), станет оказывать помощь правоохранительным органам в изобличении преступника?

II. Разработайте аналогичный опросный лист для изучения социально-психологических предпосылок насильственной преступности.

Упражнение 13

Задания:

1. Составьте перечень психологических свойств личности преступника, совершившего кражу личного имущества из квартиры в составе группы, которые необходимо изучить и учитывать для:
а) оценки личности в связи с принятием судебного решения о назначении наказания;
б) индивидуального подхода при проведении допроса в ходе расследования преступления;
в) индивидуального подхода к осуществлению его исправления в период исполнения наказания.
Необходимые, на ваш взгляд, исходные данные о преступнике, его социальном положении и характере совершенного им преступления примите сами в качестве допущения.
2. Определите перечень психологических свойств личности преступника, совершившего убийство из хулиганских побуждений, которые необходимо учитывать при решении задач а), б), в) (задание 1).
3. Вспомните историю какого-либо известного вам преступления или воспользуйтесь его описанием в литературе, или по материалам обвинительного заключения, или приговора. Проведите его анализ и выделите психологические особенности личности человека, совершившего это преступление, т.е. укажите, какими свойствами личности может обладать человек, совершивший такого рода преступное деяние. Необходимые, на ваш взгляд, исходные данные о преступнике, его социальном положении и характере совершенного им преступления примите сами в качестве допущения.

Упражнение 14

Задания:

1. Составьте перечень психологических свойств личности преступника, совершившего убийство из хулиганских побуждений, которые необходимо изучить и учитывать для:
а) индивидуального подхода при проведении допроса в ходе расследования преступления;

б) определения вины в связи с принятием судебного решения о назначении наказания;
в) индивидуального подхода при исправлении в период исполнения наказания.
Необходимые, на ваш взгляд, исходные данные о преступнике, его социальном положении примите сами в качестве допущения.
2. Вспомните историю какого-либо известного вам преступления или воспользуйтесь его описанием в литературе, по материалам обвинительного заключения или приговора. Проведите анализ, укажите, какими свойствами личности может обладать человек, совершивший его. Необходимые, на ваш взгляд, исходные данные о преступнике, его социальном положении примите сами в качестве допущения.

Упражнение 15

Задания:
1. Определите круг практических задач правоохранительной деятельности, для решения которых необходимо изучение личностной приемлемости преступного поведения.
Составьте перечень отношений личности, которые являются важными для определения личностной приемлемости насильственного преступного деяния при конфликтной ситуации (например, приемлемость причинения тяжких телесных повреждений другому человеку). Обоснуйте свой выбор.
Сформулируйте перечень вопросов, которые необходимо было бы задать человеку в проанализированном вами задании 2.
4. Смоделируйте психологическую картину генезиса преступного деяния в проанализированном вами в заданиях 2 и 3 случае.
5. Смоделируйте психологическую картину генезиса преступного деяния корыстного типа (например, хищения, разбойного нападения, вымогательства или другого) человеком, имеющим:
• зрелую личностную приемлемость совершения такого деяния;
• некоторые предпосылки приемлемости совершения такого деяния.

Упражнение 16

Задания:
1. Смоделируйте историю (генезис) совершения человеком какого-либо преступного деяния корыстного типа. Выдвиньте как можно больше предположений о возможных мотивах совершения этого преступления, указывая, в силу каких личностных свойств и обстоятельств ситуации могут возникать такие побуждения.
2. Смоделируйте историю (генезис) совершения человеком какого-либо преступного деяния насильственного типа. Выберите один из предполагаемых вами мотивов рассматриваемого преступного деяния и попробуйте мысленно определить те свойства личности и обстоятельства ситуации, которые могут служить предпосылками возникновения таких мотивов.
3. Выберите один из предполагаемых вами мотивов рассматриваемого преступного деяния и определите, что необходимо выяснить при сборе информации и общении с лицом, совершившим его, чтобы проверить, действительно ли этот мотив имел место.

Глава 4. Психология личности юриста

4.1. Основы психологии личности юриста

Проблема личности. Понятие «личность» — комплексное и междисциплинарное. В общем случае под *личностью* понимается конкретный человек как представитель «хомо сапиенс» (человека разумного), как общественное существо, член общества, гражданин, деятель. Личность — системный признак человека, признак его целостности, объединяющий в себе важнейшие социально значимые особенности, которые проявляются во всей жизнедеятельности и каждом акте. В юриспруденции личность — дееспособный человек, субъект правовых отношений, сознательно принимающий решения и несущий ответственность за свои поступки.

Психология, в согласии со своим предметом, определяет ***личность*** как *основное системное* ***социальное*** *качество человека, выражающееся в социально опосредованном, индивидуально-своеобразном понимании окружающего мира, отношении к нему и связанной с ним активности* (приспособления или изменения). Человек становится личностью, приобретая в ходе жизни, а также саморазвития качества и способности, открывающие перед ним возможности для жизни и деятельности в обществе, удовлетворения своих желаний и потребностей; подчинения своего «Я» и своих действий нормам, существующим в обществе и обязывающим его ограничивать свою свободу и права там, где начинает затрагиваться свобода и права другого человека; осуществлять созидательную деятельность не во вред, а на пользу другим людям, для создания лучшего будущего для жизни своих детей. Именно в этих ипостасях каждый человек предстает личностью как человек сознательный, как член современного ему цивилизованного общества, как гражданин, представитель определенной социальной группы, как созидатель, а не как потребитель.

Проблема личности — одна из центральных проблем общества. Какой тип личности формируется и преобладает в данном обществе — таково и общество. Общество может стать лучше, если люди становятся лучше, и иного не дано.

Проблема личности — *одна из важнейших проблем и в сфере права, и в деятельности юридических органов.* Высоких результатов могут добиться только люди, личности, работающие в них и обладающие соответствующей психологией. Они должны отличаться высокой общей культурой, потребностями в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, гражданственностью, трудолюбием, способностью к жизни и труду в условиях современной цивилизации, демократии и общечеловеческих ценностей, уважающей права и свободы человека, и тем, что могут правильно пользоваться своими знаниями, любовью к России, окружающей природе, семье и др. Это главные цели всей системы работы с персоналом юридических органов.

Принципиальные взаимосвязи между сформированностью специалиста правоохранительных органов, сотрудника, юриста как личности и результатами его деятельности раскрывает рис. 4.1. Работник не будет профессионалом, если он обладает только знаниями, навыками и умениями, но не развит как личность в общем и профессиональном отношении. Весь опыт жизни учит, что люди, считавшие себя профессионалами и именовавшиеся «технократами», но низко развитые в личностном, социальном плане, даже опасны на любой работе и особенно на государственной. Они способны совершать грубейшие ошибки, приносящие вред людям. Человек с низкой культурой личности — это всегда потенциальный бездельник, формалист, нарушитель законности, склонный к злоупотреблениям служебным положением и даже коррупционер, преступник. Великому чешскому педагогу Яну Амосу Коменскому принадлежит ярко отражающая этот опыт жизни мысль о том, что ученость без добродетели — все равно, что золотое кольцо в носу у свиньи[1].

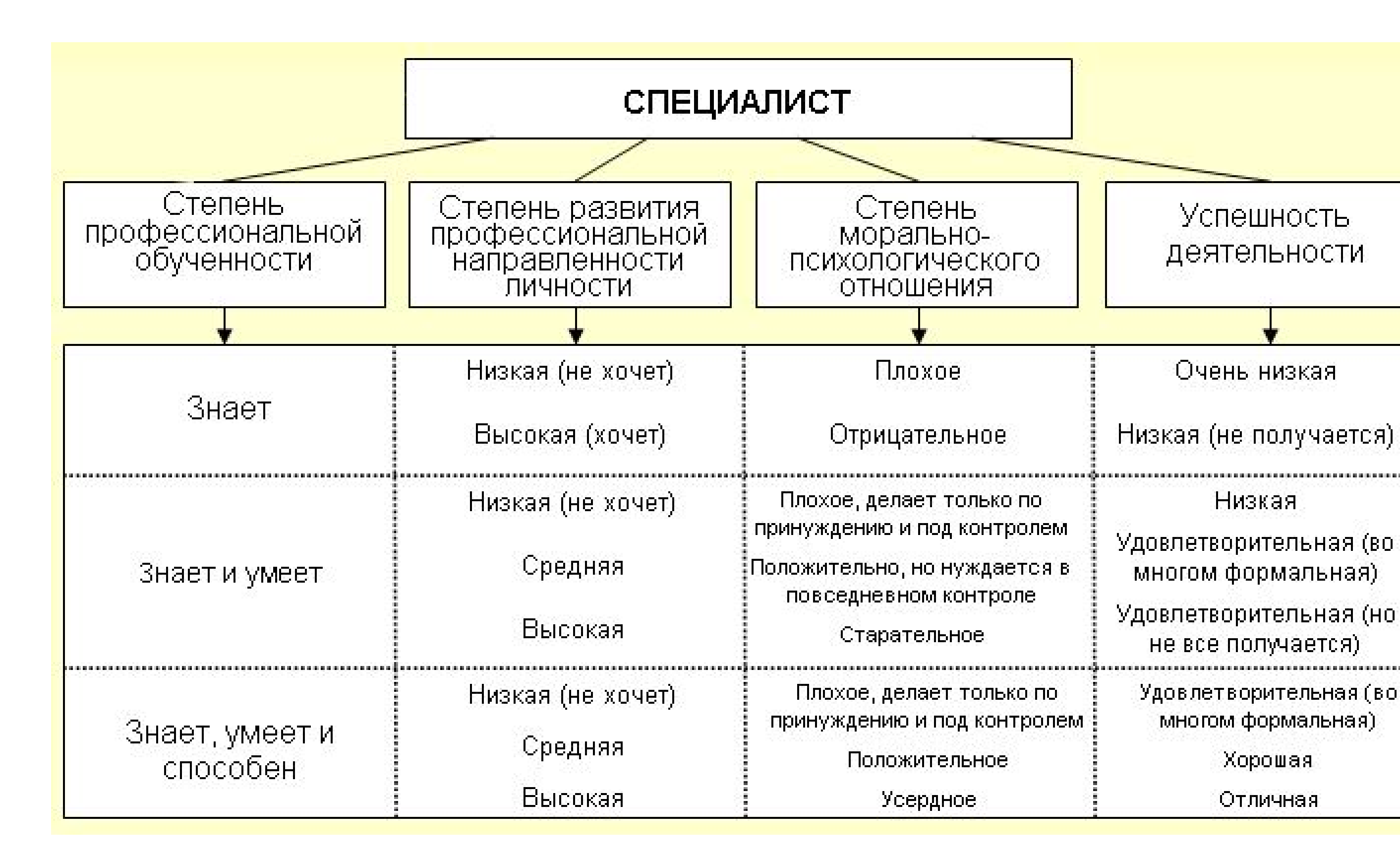

Рис. 4.1. Взаимосвязь компонентов профессионализма специалиста с успешностью его деятельности

Теоретико-методологические предпосылки практических решений проблемы личности в правоохранительных органах. Чтобы успешно на деле решить проблему личности сотрудника правоохранительных органов, надо как минимум научно достоверно подходить к ней. Принципиально важен изначальный поход к пониманию психологии личности, осуществляющей деятельность в рамках организации, как производной единства психики, деятельности и организационных условий в правоохранительном органе. Он реализуется **в *организационно-деятельностной концепции* (А.М. Столяренко, 1982),** опирающейся на ряд теоретико-методологических положений.

Психология личности целостна, системна **(принцип целостности, системности).** Человек представляет собой биосоциальную систему, функционирующую как единое целое. Он проявляется, развивается и формируется всегда целостно, а не по частям. В психике нет процессов или функций, которые бы совершались сами по себе, самостийно, независимо от других. Они всегда — элементы сознательно действующей личности, включенные в общий поток психической деятельности, регулируемой поставленной целью и системообразующими свойствами личности. Они всегда — элементы целостного внутреннего мира личности, всегда личностно окрашенные, личностно определяемые. Их проявления в деятельности, действиях, поступках всегда личностно опосредованы и санкционированы. Ответственность, добросовестность, внимательность, человечность, законность и другие качества — не изолированные, расположенные рядышком, а проявления системности личности, которая не сводится к их арифметической сумме. Поэтому нельзя понять психологию личности, не определив ее системные свойства, не поняв ее как единое целое, как особую, своеобразную жизнь со своими приоритетами. Невозможно и формировать личность по частям, или сначала учить, а потом развивать, или одному руководить, а другому воспитывать, на одних мероприятиях учить, а на других воспитывать. *С личностью надо работать системно.*

Психология личности структурна и иерархична **(принцип структурности и иерархичности).** Любая система — не хаотическое скопление элементов, а их внутренняя организация со структурой, группировками элементов, находящихся в определенном соподчинении. Во

внутреннем мире личности выделяются *три основные психологические сферы* (подструктуры, подсистемы, группировки психологических элементов — рис. 4.2): направленности, операциональная и модуляционная.

Сфера направленности (потребностно-мотивационная) включает в себя все побудительные силы личности — ее взгляды, убеждения, идеалы, потребности, интересы, цели, жизненные планы, склонности, установки, мотивы и др. Психологические компоненты этой сферы определяют избирательную направленность активности и отношений личности, вовлекая в них психологические компоненты других психологических сфер, влияя на степень, характер и способ использования возможностей личности. Этой сфере принадлежит системообразующая, приоритетная роль в психологии личности.

Сфера операциональная включает психологические элементы, играющие роль способов и средств достижения целей, определяемых сферой направленности. Личность — не только то, *что* она делает, но *к как* делает. В этой сфере есть две группы своеобразных компонентов: морально-деловые и профессионально-деловые. Личность для делового достижения своих целей использует и моральные средства (долг, ответственность, честность, порядочность, трудолюбие, коллективизм, дружбу, солидарность или противоположные им отношения-средства), и профессиональные (организованность, упорство, смелость, навыки, умения, способности и др.).

Модуляционная (психофизиологическая) *сфера* не определяет ни цели, ни мотивы, ни способы действий, но оказывает динамическое влияние на другие сферы личности и их проявления. Это обнаруживается в разной силе, подвижности, уравновешенности, скорости, согласованности, эмоциональной окрашенности проявлений других психологических особенностей, в том числе относящихся к сферам направленности и операциональной. В иерархии сфер модуляционная (психофизиологическая) сфера — низшая, обслуживающая другие.

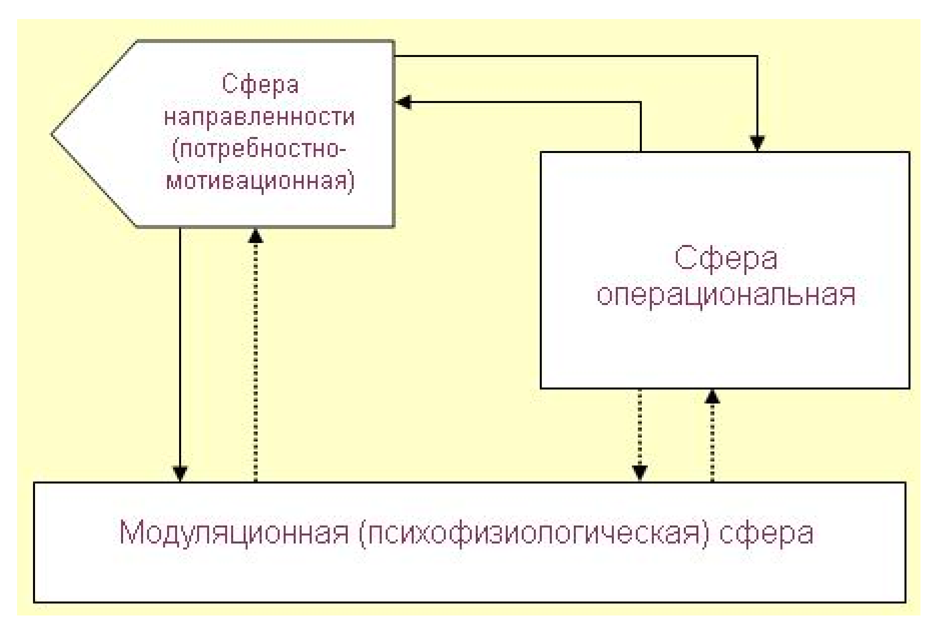

Рис. 4.2. Макроструктура правовой психологии личности

Такая структура личности и взаимоотношения ее сфер выступают основой *ряда практически значимых выводов:*

• изучая личность, надо обязательно изучать все ее сферы. Недопустимо делать заключения, например, о пригодности кандидата к работе в правоохранительных органах на основе изучения только (или преимущественно) психофизиологической сферы или какой-то другой;

• оценивая какую-то психологическую особенность личности, следует четко представлять, к какой из сфер она относится, что доминирует над ней и на что она сама влияет;

• интегрально оценивая личность по всей совокупности сфер, осуществляя отбор, оказывая помощь, надо отдавать предпочтение оценке особенностей первых двух сфер и особенно первой — сферы направленности;

• развивая личность профессионала правоохранительных органов, необходимо воздействовать на все сферы личности, учитывая приоритет первой и второй.

Психология личности в любом возрасте при всей ее устойчивости непрерывно меняется **(принцип развития).** В мире нет ничего неизменного, и психология человека не составляет исключения. Другой вопрос — что меняется, в какой степени, с какой скоростью, с какими трудностями. С возрастом сформированные предшествующей жизнью психологические особенности личности меняются медленнее, труднее, но все же меняются. Качества, относящиеся к сфере направленности, как показывают исследования и опыт, более стабильны и менее коррелируемы в сравнении с показателями операциональной сферы. Доказано также, что особо низкие показатели многих профессионально значимых качеств в ходе целенаправленной и эффективной в психологическом плане работы с сотрудником могут (при отсутствии патологии) относительно быстро выводиться на средний уровень развития. Поэтому *психолого-педагогический нигилизм в работе с персоналом в целом не оправдан и вреден.* Реальные изменения у работающих в правоохранительных органах будут происходить и без нас, если мы откажемся от целенаправленных и рассчитанных на регулирование психологического развития личности воздействий, и далеко не всегда они будут положительными. Один из важнейших практических выводов из этого: *надо не только отбирать людей на работу в органы правоохраны, но и непрерывно и компетентно в психолого-педагогическом отношении способствовать их развитию.*

Сущность личности, ее основные психологические особенности обусловлены в решающей степени прижизненно, социально, а не врожденно и биологически **(принцип социальной обусловленности).** Человек является личностью не потому, что он ест, пьет, дышит, испытывает боль, удовлетворяет половые потребности, а потому, что обладает сознанием и самосознанием, чувством достоинства и совестью, способностью мыслить абстрактно, отвлеченно, планировать и предвидеть, избирать линию своей жизни, отдавать себе отчет о собственном поведении, ставить перед собой одни жизненные цели и отказываться от других, выбирать одни способы достижения целей и не прибегать к аморальным и противозаконным, осуществлять самоконтроль и самоуправление или стать «перекати-полем» - поддаваясь низменным соблазнам, быть человечным и доброжелательным по отношению к людям или глухим к их бедам и запросам и т.д. и т.п. Всякий человек обладает, бесспорно, биологическими особенностями, но они не составляют сущности его личности. Поэтому и развивать личность сотрудника надо прежде всего социально. От этого в решающей степени будет зависеть и успех ее в жизни и правоохранительной деятельности.

Поведение сотрудника, его поступки психологически определяются взаимодействием свойств, качеств, психического состояния, в котором он находится в данное время, и пониманием им конкретной жизненной ситуации **(принцип взаимосвязи психологии личности и деятельности).** Уже в предыдущих двух положениях просматривается большая динамичность психологии личности. Динамичны и ее проявления в поступках, действиях, деятельности под влиянием условий конкретной жизненной или служебной ситуации, особенностей понимания ее, отношения к ней, решаемых задач, включенности в их решение, от психического состояния личности, виктимности другого человека и др.

Есть две фундаментальные психологические закономерности: *внешние причины действуют через внутренние условия* и *внутренние причины действуют через внешние условия.* Психологическая теория деятельности А.Н.Леонтьева[2] положила начало преодолению одностороннего представления о деятельности, как детерминированной только личностно, и о личности, как закрытой системе, психология которой детерминирована только изнутри. Б.Ф. Ломовым справедливо отмечена ограниченность анализа системы «субъект-объект» и недопустимость психологического понимания личности и ее деятельности вне движения в системе общественных отношений, вне «пересечения» ею при этом системы социально-психологических «линий», т. е. вне социально-психологического контекста[3]. Поэтому поступки и действия одной и той же личности могут различаться в разных ситуациях по уровню социальной, нравственной зрелости, профессионализму и др. Ошибочно потому же и мнение, что поступки и действия человека всегда и однозначно определяются его качествами (как и противоположное — «поведение человека целиком определяется обстоятельствами»).

Важнейший практический вывод: работа с персоналом, помимо отбора и руководства развитием личности, должна *обязательно предусматривать психологическое руководство — непрерывное и эффективное, предупреждающее срывы и направленное на помощь ей.*

Последняя из закономерностей, о которой целесообразно сказать в контексте рассуждений, такова: ***есть две основные группы фактов, в решающей степени детерминирующих развитие***

личности, находящихся во взаимосвязи, — ее собственная активность и окружающие условия. Активность - универсальный закон развития всего живого. Окружающему миру, природе человек сам «...противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы... он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»[4]. Данные современной науки подтверждают и углубляют представление о роли деятельности как развивающего и формирующего личность и ее особенности фактора. Качества личности — в значительной степени интегральный продукт тех деятельностей, которыми она занималась до сегодняшнего дня, а ее нынешняя активность - главный фактор происходящих в ней изменений. Что активно, то и развивается. Чтобы развить физическую силу, надо нагружать мышцы; чтобы развить память, надо упражняться в запоминании; чтобы стать умным, надо решать задачи, от которых «трещит» голова. Окружающие условия активизируют определенные мысли, намерения, отношения, поступки, стимулируют одни и сдерживают другие и через это влияют на развитие психологии личности. Деятельность сотрудника правоохранительных органов и условия, в которых она протекает, - мощные двигатели непрерывного развития каждого. Однако их действие не однозначно и в решающей степени зависит от позиции личности, ее собственных намерений, усилий, активности. Понятно, что личность сотрудника — всегда продукт не только 1) прошлого, но и 2) актуального настоящего и даже 3) предвосхищаемого будущего (ожидаемые личностью изменения ее жизнедеятельности). Поэтому, регулируя второе и третье (в правоохранительной деятельности - отношение каждого сотрудника к ее целям, задачам, способам осуществления, проявлению собственных возможностей, степень проявляемой целеустремленности, добросовестности, увлеченности, волевых усилий), совершенствуя социально-психологические, организационные и материальные условия, ориентируя сотрудника на перспективы успешного самоутверждения и саморазвития, мы вооружаемся эффективными средствами и способами профессионального личностного роста.

---

[1] См.: *Каменский Я.А.* Избранные педагогические сочинения. В 2 томах / Под ред. *А.И. Пискунова* и др. Т. 1 - М., 1982. - С. 298.

[2] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. - М., 1975.

[3] *Ломов Б.Ф.* О путях развития психологам. // Вопросы психологии. - 1978. - № 5. - С. 31-43; *Ломов Б.Ф.* Личность в системе общественных отношений. // Психологический журнал. - 1981. - № 1. - С. 3-17.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* - Соч., Изд. 2-е. - С. 188-189.

4.2. Профессиональная направленность личности юриста

Сущность и значение профессиональной направленности. Направленность — ведущее психологическое свойство личности, в котором представлена вся система ее побуждений к жизни и деятельности, определяющая избирательность отношений, позиций и активности.

Профессиональная направленность юриста **- особая система его побуждений к применению всех своих сил и способностей в укреплении законности и правопорядка в стране.** Она характерна отношением сотрудника к закону как к высшей социальной и жизненной ценности, к борьбе за законность и правопорядок как и личному жизненному призванию, к правоохранительной деятельности и профессии юриста как отвечающим главным своим особенностям и потребностям, установкам на использование законных и цивилизованных способов решения профессиональных задач, взвешенным отношением к трудностям профессии.

Всякая профессиональная направленность базируется на общей направленности личности, отражающей человеческие, гражданские позиции, понимание ею смысла жизни, своего места в ней, особенности мировоззрения, жизненных идеалов, потребностей, стремлений, планов жизни и др. Она служит предпосылкой развития профессиональной направленности у сотрудников правоохранительных органов, подлежит изучению и учету при профессиональном отборе и работе с ними в процессе службы.

На пути к решению такой задачи надежной опорой, а часто и большой трудностью встает специфика уже сложившейся общей направленности у принимаемых на службу в правоохранительные органы граждан. Ее дефекты нередко становятся непреодолимым

препятствием к развитию профессиональной направленности, поэтому при приеме кандидатов и обнаружении у них серьезных недостатков общей направленности уместна особая решимость.

Основные элементы профессиональной направленности. ***Социально-мотивационные качества* —** первая подгруппа качеств профессиональной направленности сотрудника, юриста. Требования к ней определяются взаимосвязью внутренней политики государства и права. Право — регулятор жизни общества. Юридическая работа — государственная работа, касающаяся коренных вопросов внутриполитического характера: защиты прав, свобод и личного достоинства граждан, законности, государственной и гражданской дисциплины, борьбы с антиобщественными проявлениями, правового обеспечения жизни и развития общества. Это главное, что характеризует правоохранительную деятельность, определяет место юриста в обществе и требования к его личности. Поэтому и профессиональная направленность находится в прямой зависимости от общей направленности его личности.

Сердцевина социально-мотивационных качеств — *социально зрелое мировоззрение* — совокупность идей, убеждений, взглядов на жизнь и общество. Любой сотрудник органов правоохраны может успешно выполнять свою работу, лишь понимая жизнь общества, занимая общественно правильную позицию в решении профессиональных проблем, будучи полноценным гражданином своего общества, сознательным борцом за социальную справедливость, за лучшее будущего своего народа. Для него недопустимо смотреть на общество «сквозь замочную скважину» своих профессиональных болячек и путать население и честных граждан с правонарушителями, с которыми он борется.

Потребность — устойчивая и длительно проявляющаяся сильная нужда человека в чем-то. Актуализированная потребность побуждает человека к постоянному поиску средств ее удовлетворения. Сотруднику правоохранительных органов должна быть присуща острая потребность личного участия в создании и упрочении правового государства, в борьбе с преступностью, потребность посвятить свою жизнь правоохранительной деятельности, получать высокое удовлетворение от участия в ней и достигаемых положительных результатов. У сотрудника, конечно, должны быть развиты и нравственные, культурные, познавательные и иные цивилизованные потребности. Важна развитая потребность к самосовершенствованию. Уровень развития, динамика жизни и сложные проблемы современного общества требуют от каждого юриста учиться и совершенствоваться непрерывно.

Склонности, идеалы, жизненные планы и интересы определяют долговременно действующие побуждения, которые, в частности, выступают и причиной выбора юридической профессии. Для развитой направленности свойственны устойчивые характеристики их, долговременные планы службы и работы в правоохранительных органах — на всю жизнь, подлинный, глубокий интерес к поиску путей повышения эффективности борьбы с преступностью и защиты интересов граждан.

***Профессионально-мотивационные качества* —** вторая подгруппа побудительных сил сотрудника, воина внутренних войск, юриста, действующая непосредственно в процессе правоохранительной деятельности и в связи с нею, оказывающая широкое влияние как на нее, так и на конкретные поступки. Задатки этих качеств лежат в общей направленности молодого человека, принявшего решение выбрать профессию юриста. Подлинный профессионал основывает свой выбор не на меркантильных расчетах, а на понимании жизненного призвания, исходя из потребности быть на трудном участке борьбы с преступностью, желания защищать граждан, простых и честных людей от преступников.

Правосознание юриста — совокупность реально существующих у него правовых взглядов и представлений, выражающих понимание правовой действительности, знание конкретных правовых норм, отношение к ним и событиям в сфере правопорядка, деятельности правоохранительных органов. Правосознание есть у каждого гражданина, но у профессионала оно должно отличаться систематичностью, полнотой, детальностью, зрелостью, профессионализмом, глубокой осознанностью, убежденностью, основываться на научных данных. Он специалист потому, что сведущ в юриспруденции, в вопросах правопорядка. В его сознании юридические знания прочно связаны с социальными, психологическими, стали профессиональными убеждениями и ценностными ориентациями, соединились с высокоразвитым чувством права, законности и справедливости, с побуждениями к неуклонному утверждению их в своей работе. В правосознании специалиста выражается своеобразие его мировоззрения, мировосприятия и мироотношения. Очевидно, что формирование профессионального правосознания — одна из важнейших задач в формировании профессиональной направленности.

Профессиональная концепция — своеобразный элемент профессиональной направленности специалиста. Она представляет собой:

• совокупность усвоенных им профессиональных взглядов, убеждений и побуждений, выражающих понимание им целей и задач своей деятельности,

ее места в органе (подразделении), ее взаимосвязей с деятельностью других сотрудников, специалистов («образ организации»);

• понимание своих прав и обязанностей, способов и средств их реализации и достижения целей, условий, трудностей («образ деятельности»);

• понимание, с какими конкретно личностями он будет работать, как с ними строить отношения, как взаимодействовать, каких норм придерживаться («образ коллектива»).

Нередко у выпускников имеются пробелы в профессиональной концепции и особенно часто в последнем его блоке — «образе коллектива».

В пристальном внимании нуждаются учет и формирование *профессиональных мотивов:* к службе и избранной специальности; интереса к тонкостям профессиональной деятельности и овладения высотами профессионализма; желания всегда исходить из правомерных и деловых целей; стремления исходить из перспектив службы и связывать с ними личные планы; здоровых служебных притязаний, стремления к самовыражению и самоутверждению и др.

Жизнь вносит свои коррективы в направленность, которые не всегда благоприятны. Так, исследования мотивов профессионального выбора у поступающих ныне в образовательные учреждения МВД и их сравнение с данными 70—80-х годов показало,[1] что реже отмечаются романтический аспект, семейная традиция, влияние воинской службы, содержательный интерес к профессиональной работе и, наоборот, приобретают больший вес такие мотивы как поиск выхода из трудных экономических и бытовых условий, сильная неудовлетворенность прежней работой, необходимость иметь свободное время для каких-то занятий (спорт, учеба, хозяйство).

На первое место переместился такой мотив, как возможность иметь льготы, хороший заработок, чувствовать себя в безопасности, изменить свой характер, стать увереннее. Такие изменения, подтверждаемые и другими исследованиями, обязывают повысить внимание к вопросам изучения, оценки и развития системы мотивации у всех работающих в правовой системе.

Правильно развитая направленность личности — обязательное условие пригодности к работе в правоохранительных органах (рис. 4.3). Без его должного развития вся работа с сотрудниками, их профессиональное обучение и профессиональное образование как «юридических технократов» могут принести только вред, формируя искусного вымогателя, формалиста, чиновника, безразличного ко всему, кроме личного интереса, и приносящего урон делу борьбы с преступностью, защиты прав граждан, авторитету норм права. Дефекты профессиональной направленности — главная причина профессиональной деформации, возникающей у части практических работников.

Весь комплекс работы с персоналом, организации его службы и работы достигает нужных результатов в развитии профессиональной направленности, если помимо чисто правовых знаний, навыков и умений он формирует глубоко осознанную, зрелую, активную профессиональную позицию, основанную на правильном понимании предназначения правопорядка и юридической работы в современной России, преданность ей и стратегию действий, отвечающую вызовам времени и социальным ожиданиям общества. Каждый шаг любого руководителя, работника кадрового аппарата должен быть ориентирован на такой результат. На результате очень сильно сказывается и вся система жизни и деятельности правоохранительных органов, ее духовность и материальная обеспеченность, ибо человек всегда воспитывается не словами, а реальностями,

делами, всей жизнью и ее особенностями.

Рис. 4.3. Профессиональная направленность личности сотрудника органов внутренних дел (по С.А. Гонтарю)[2]

Основные виды устремлений профессионала-юриста. Представленные на рис. 4.3, они включают устремления: 1) на профессиональную деятельность в правовой системе, 2) на работу в конкретном правоохранительном органе, службе, по специальности, 3) на законные способы и методы работы, 4) на самосовершенствование. Их развитие необходимо осуществлять во взаимосвязи и вместе с тем специально *по цепочке: знания — взгляды — убеждения — ценностные ориентации — установки — специальные навыки и умения — привычки — качества.* Формирование их во многом — общая задача, но в каждом юридическом органе (службе) она приобретает черты особенной. Узловая задача — развитие тех элементов, которые выражают несокрушимое уважение к закону и пользованию средствами и методами работы, отвечающими в полной мере и всегда требованиям законности. Все нелады с законностью, которые встречаются у некоторых работников органов правоохраны, имеют свое первоначало в дефектах этих элементов профессиональной направленности юриста.

---

[1] *Киселева ЕЛ.* Мотивы профессионального выбора в ОВД // Вестник МЦПО и КНИ. -1996. - № 1. - С. 56-57.
[2] Приводится с согласия автора.

4.3. Морально-психологические особенности личности юриста

Понятие о морально-психологических особенностях. Возможности и успехи личности в работе и жизни определяются не только тем, к чему она стремится, но и чем она обладает для реализации

своих устремлений, как она может претворить их в жизнь. Все это воплощено в операциональной сфере личности юриста, в ее деловых качествах, среди которых важное место принадлежит *морально-психологической подготовленности.*

Мораль, как известно, — область жизни общества и поведения людей, обладающая характеристиками добра и зла, справедливости и несправедливости, долга и ответственности и связанная с ними системой норм человеческого поведения (моральных норм). Морально подготовлен тот, кто всегда и везде следует этим нормам, выполняет свой долг, защищает добро и справедливость, борется со злом и несправедливостью всегда и везде. Любые средства и методы должны быть прежде всего моральны, особенно — в правоохранительной деятельности. Можно утверждать, что *правоохранительная деятельность пронизана моралью.* В ней сливаются правовые и нравственные начала[1]:

а) мораль и право находятся в неразрывной связи, оказывают влияние друг на друга. Право имеет моральные начала. Основные правовые нормы — это важнейшие моральные нормы, утвердившиеся в истории и жизни народа и одобряемые им, а поэтому возведенные в ранг закона, ставшие обязательными, охраняемые законом и защищаемые государством. Правовые нормы в свою очередь имеют силу, если они моральны, если они утверждают добро и справедливость, защищают господствующую мораль и отвечают моральным ожиданиям народа;

б) психологический механизм действия права немыслим вне влияния морали; существует единство психологического механизма действия правовых и моральных норм[2];

в) решение правоохранительных задач — это прежде всего защита справедливости, утверждение добра, борьба со злом и несправедливостью. Профилактируя правонарушения, раскрывая и расследуя их, охраняя общественный порядок и решая другие правоохранительные задачи, персонал правоохранительных органов не только укрепляет законность, но одновременно действует морально, защищает и укрепляет мораль, веру людей в справедливость и защищенность, в неизбежность наказания зла;

г) защищая справедливость и мораль, любой сотрудник правоохранительных органов обязан сам в своих действиях, поведении и личной жизни быть морально примерным; это не только дает ему моральное право, без этого он просто не может правильно решать моральные проблемы в профессиональной деятельности;

д) служба в правоохранительных органах связана с высокими морально-психологическими нагрузками, выдерживать которые обязан каждый юрист, сотрудник, военнослужащий внутренних войск;

е) мораль — не только требование, не только неотъемлемая сторона, результат профессиональных действий, но всегда и характеристика сознания работника правоохранительных органов, его психологии, его личных качеств и подготовленности. Несоответствие подготовленности морально-психологическим требованиям, которые объективно предъявляет к нему профессиональная деятельность и служба, ведет к срывам, ошибкам, неэффективности решения задач, нарушениям законности, подрыву авторитета правоохранительных органов и престижу профессии их сотрудника, плохой поддержке населением органов правопорядка, утрате гражданами веры в справедливость в обществе и другим неприятным последствиям.

Чтобы пресекать зло, утверждать добро и справедливость, работнику органов правоохраны надо быть в своих действиях на высоте моральных требований. Деятельность испытывает и моральную стойкость юриста, способность устоять перед соблазнами, воспользоваться некоторыми преимуществами и возможностями положения, властными полномочиями, не поддаваться стремлениям преступного мира подкупить или замарать его совесть, честное имя, репутацию порядочного человека. Человек, не обладающий высокими моральными качествами, всегда находит десятки оправданий для возведения «психологической крепости», ограждающей его совесть от угрызений, заставляя ее молчать или подсовывая «оправдания», облегчающие переживания «по служебной целесообразности». Морально-психологическая незрелость психологии личности приводит к допущению безнравственности, видимости работы, профессиональному предательству, нарушениям законности: использованию противоправных средств принуждения, укрытию преступлений от учета, прекращению уголовных дел в выгодных для себя случаях, принятию подношений — взяток, действий по принципу «ты — мне, я — тебе» и т.п.

А.Ф. Кони, вглядываясь в будущее, писал: «...в будущем предстоит лишь частичное улучшение некоторых отделов уголовного процесса и уточнение техники производства уголовного

исследования. Но рядом с этим изощрением техники должно пойти — будем на это надеяться — развитие истинного и широкого человеколюбия на суде, равно далекого и от механической нивелировки отдельных индивидуальностей, и от черствости приемов, и от чуждой истинной доброте дряблости воли в защите общественного порядка. Тогда главное внимание, с полным основанием, обратится на изучение нравственных начал уголовного процесса — и центр тяжести учения о судопроизводстве перенесется с хода процесса на этическую и общественно-правовую деятельность судьи во всех ее разветвлениях»[3]. Однако в период сталинского беззакония вопрос о морали в судопроизводстве вообще был снят. Даже в постсталинское время часть советских процессуалистов считала, что проблема моральности противоречит идее законности. Настало время реализовать надежды выдающегося российского юриста. Но никакие административные способы контроля и ужесточения не изживут нарушения законности, пока не будет задействован самый строгий и непрерывно действующий страж законности — *внутренний контроль самого сотрудника, юриста, его высокая личная моральность.*

Структура морально-психологических особенностей личности юриста. Морально-психологические особенности сотрудника, военнослужащего внутренних войск, судьи, прокурора и др. — не абстрактная, а живущая в его личности и действующая мораль. Она обнаруживается постоянно и везде в поведении, действиях и службе как:

• стремление постоянно, в любых условиях следовать требованиям гражданского, патриотического, профессионального, человеческого долга;

• непоколебимая нацеленность в жизни и деятельности на утверждение должного, добра и справедливости, борьбу со злом и несправедливостью во имя человека, во благо России;

• знание моральных норм, убежденность в их ценности и необходимости подчинения им своего личного поведения в повседневной жизни и профессиональной деятельности на службе;

• глубокое понимание ценности человека, его достоинства, прав, интересов и жизни как высшей социальной и духовной ценности;

• понимание связи своей профессиональной деятельности и практически каждого ее элемента с вопросами морали, убежденность в необходимости достижения в ходе ее и в каждом действии не только правовых, но и высоких моральных результатов;

• умение и стремление всегда разбираться в моральных тонкостях своего профессионального поведения и действий, учитывать их при решении стоящих задач;

• обладание привычками всегда быть на высоте моральных требований и выполнять их не ради контроля, не из страха перед наказанием, а по внутренней моральной потребности;

• обладание высокой морально-психологической устойчивостью при действии факторов, подталкивающих его к отступлению от моральных норм;

• умение сохранять оптимальный, бодрый, здоровый морально-психологический настрой в любой ситуации.

Такое поведение и действия регулируются *личностным комплексным психологическим образованием, особой гранью профессиональной подготовленности, профессиональной культуры сотрудника правоохранительных органов. Это именуется* ***морально-психологической подготовленностью*** и имеет свою внутреннюю структуру (рис. 4.4).

Морально-психологические знания и убеждения — по существу это моральное мировоззрение юриста, обеспечивающее глубокое и правильное понимание вопросов моралей и этики профессионального поведения. Они включают освоение им .идей гуманизма, выступающего ныне как общечеловеческое мировоззрение, и обеспечивают понимание того, что ни мораль, ни гуманизм не ограничивают его возможности, не «мешают ему работать» (как это ошибочно полагает часть практиков), а напротив - требуют от него по-настоящему защищать добро и наказывать зло, обеспечивать справедливость и полностью реализовывать принцип неотвратимости наказания. Сформированность знаний и убеждений обеспечивает понимание того, что мораль не абстрактна, а конкретна, она не где-то за горами, а рядом, в каждом профессиональном действии, которое должно быть оценено и взвешено на весах морали. Каждый должен понять грань истины, заключающейся в словах: *юрист — это не человек с кодексом, а человек с совестью.*

Рис. 4.4. Структура морально-психологической подготовленности профессионала органов внутренних дел (исследована А.М. Столяренко совместно с Е.Н. Соколовой)

Морально-психологические установки и ценностные ориентации — компонент, выражающий превращение моральных знаний в личностное образование, во внутреннее принятие личностью моральных норм, приобретение ими личностного смысла (как обязательной нормы для себя). Это превращение означает возникновение в сознании моральных ориентиров-норм, указывающих путь личного морального решения повседневных проблем и границы его, которые личность решает не преступать. Они становятся критериями в решении повседневных вопросов справедливости, должного, допустимого и запретного, порождают желание и стремление (установки) воплощать их в своих делах. «Идеи делаются святыми и нерушимыми не тогда, когда они запоминаются, а тогда, когда живут в трепете мысли и чувства, в созидании, в поступках...».[4]
Моральные навыки и умения высоконравственного поведения на службе и в быту — особый компонент практической умелости юриста, свидетельствующий, что знания и желания дополнены практической возможностью поступать как надо. Этот компонент морально-психологической подготовленности возникает не как автоматическое следствие действия первых двух. Его необходимо формировать специально, тем более что в правоохранительной практике воплощение моральных норм при строгом соблюдении процессуальных требует тонких специальных умений.
Привычки в широком понимании — это отдельные действия, ставшие потребностью, нуждой данного человека. *Моральные привычки* - продукт превращения моральных навыков и умений в личную потребность конкретного юриста, действия, ставшие для него необходимостью. Возникновение той или иной привычки — маленький, но очень важный переворот в личности человека: он начинает делать не по внешнему принуждению, а по внутренней нужде; выполнение действия становится для него приятным, сопровождается чувством выполнения личного долга; невыполнение приносит огорчения, неудовольствие, тяжелые переживания, и он старается не

нарушать внутренне принятых моральных норм, чтобы не испытывать муки совести. Привычки — важный шаг к моральной культуре личности.

Морально-психологические качества — устойчивые личностные детерминанты нравственного поведения, проявляющиеся везде и всегда, в любом поступке. Они — итоговый результат и интегративный продукт сформированности и взаимодействия всех рассмотренных компонентов морально-психологической подготовленности юриста и основной показатель ее уровня.

В содержательном плане все упомянутые компоненты делятся на четыре группы.

• *Общетрудовые.* Этот вид моральных знаний, убеждений, навыков, умений, привычек, установок, ценностных ориентации и качеств регулирует отношение личности к труду. Они определяют ответственность, трудолюбие, добросовестность, активность, самостоятельность, инициативность, предприимчивость, деловитость, организованность личности и т.п.

• *Профессионально-трудовые.* Этот вид содержательных компонентов выступает регулятором работы именно юриста-профессионала. От их сформированное™ зависит степень его обостренного отношения к справедливости, истине и правде, отношения к закону, личной правопослушности, принципиальности, неподкупности, преданности долгу, верности присяге, непримиримости к правонарушениям и правонарушителям и т.п.

Специальную значимость имеет *морально-психологическая устойчивость.* Ведь отдельные стороны правоохранительной деятельности, объективно присущие ей, таят в себе предпосылки противоречивого влияния на личность работника правоохраны, возникновения профессиональной деформации и подталкивают к нарушениям законности. Так, реализация властных полномочий, предоставляемых работнику, создает возможность своего рода «душевного ослепления», проявления душевной черствости, невнимания к людям, упоения властью, нетерпимости к мнению других. Сказывается и определенная противоречивость решения служебных задач, которая способствует односторонней увлеченности обвинительной деятельностью («обвинительный уклон»), игнорирования даже противоречащих фактов, некритического заимствования некоторых приемов и манер поведения у криминальных личностей и др. Ныне в особенности получили распространение случаи предложений взяток, услуг, угроз в адрес юристов и членов их семей с целью добиться от них отступлений от профессионального долга, нарушений присяги и моральных норм. Морально-психологическая неустойчивость — оборотная сторона морально-психологической подготовленности, продукт ее низкого уровня.

• *Человеческие.* Эта группа компонентов регулирует отношение юриста, любого работника правоохранительных органов к другим людям как на службе, так и вне ее. Профессия юриста — глубоко человеческая профессия. Юридические дела — это жизненные случаи, выступающие в качестве предметов юридического рассмотрения. Сотрудникам приходится решать разные вопросы, но их работа, все «выходы» в жизнь замыкаются на людях, всегда имеют дело с людьми, влияют на их состояние и даже жизненную судьбу. Юрист призван утверждать и защищать главные ценности общества, защищая права граждан. Поэтому так важны для него уважение к людям; понимание чувства их личного достоинства, испытанного горя, унижения, тревог; стремление отдавать себя целиком борьбе за человека, его права, духовное здоровье, сохранность личной собственности; готовность прийти на помощь, поддержать товарища, гражданина; вежливость, тактичность и этичность в общении; культура поведения в коллективе, среди людей; принципиальность и справедливость в решении человеческих проблем; требовательность, гуманность, демократичность, уважение права другого человека на свое мнение, позицию и выбор решения; честность и др.

• *Самооценочные.* Эти содержательные компоненты регулируют отношение юриста к самому себе. От них зависят его самокритичность, самооценка, требовательность к себе, отношение к самовоспитанию, саморазвитию и самообразованию, личные притязания, здоровое честолюбие, совестливость, скромность и др.

Совокупность морально-психологических и некоторых деловых качеств в традиционной психологии совокупно рассматриваются в свойстве характера личности, которая обычно и описывается в учебниках по общей психологии.

---

[1] См.: *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики). // Вестник МЦПО и КНИ. - 1996. - № 1. - С. 164-168.

[2] *Лазарев В.В.* Социально-психологические аспекты применения права. - М., 1982. - С. 87, 88.

[3] Цит. по: *Лазарев В.В.* Указ. соч. - С. 87, 88.
[4] *Сухомлинский Б.А.* Избр. пед. произв. В 3 томах. - М., 1979. Т. 1. - С. 429.

4.4. Способности юриста

Сущность проблемы способностей. В многообразии индивидуальных особенностей личности важное место занимают способности. Они выступают одним из важных внутренних условий *успешного овладения определенной специальностью, высокопроизводительной работы и постоянного совершенствования.* Они не сводятся к знаниям и навыкам, а представляют собой устойчивые особенности психической деятельности, отвечающие требованиям определенной профессии. Одни и те же особенности расцениваются как способность к одной деятельности и неспособность к другой. Вне такого сопоставления они выступают просто как качества данного человека, его индивидуальные особенности.

Наличие способности к данной профессии, в том числе и юриста, — обязательная предпосылка высокого профессионализма, интереса к работе, чувства удовлетворенности, жизненного самоопределения, благополучия. Слабая способность к профессии — одна из причин неуспехов в работе, неудач, срывов, перенапряжения, тягостного чувства собственной неполноценности и неверно избранного жизненного пути, зависти и мотивов к перемене мест. Чрезвычайно важно для человека избрать профессию по способностям: одним потребителем на земле меньше, одним созидателем больше.

Способности, как и другие важнейшие особенности личности, не врожденны, а развиваются у человека прижизненно. В основе их лежат анатомофизиологические особенности организма человека, именуемые *задатками.* Задатки многозначны, и на основе одних и тех же задатков могут развиться разные способности под влиянием прижизненных особенностей деятельности и условий жизни данной личности. Вместе с тем задатки, выступая в роли «почвы», благоприятствуют развитию одних способностей и не способствуют другим.

Граждане, избирающие правоохранительную деятельность в качестве своего жизненного призвания, к моменту приема на работу уже обладают в определенной степени развитыми качествами, которые расцениваются как способности к ней. Обычно они не находятся в высшей точке своего возможного развития. В связи с этим уместно говорить об *актуальных* способностях, т.е. том уровне развития качеств, который имеет место, и о *потенциальных,* т.е. об оценке возможности повышения этого уровня до максимального потолка.

В правоохранительных органах проблема способностей предстает в виде:

• необходимости учета способностей личности во всей системе работы с кадрами;

• задачи изучения, оценки актуальных и потенциальных способностей лиц, отбираемых на службу, на занятие определенных должностей, при комплектовании разных подразделений;

• задачи развития профессиональных способностей сотрудников в процессе службы до максимально возможного потолка.

Характеристика способностей юриста. Поскольку способность — предпосылка успеха в деятельности, нетрудно понять, что она определяется не одним качеством человека, а их совокупностью. Не от отдельных качеств зависит его успех, а от того, что он за личность в системной совокупности ее качеств. ***Способности юриста -*** это всегда целостная совокупность, а не россыпь тех или иных качеств, структура которых строго соответствует требованиям юридического труда. Для последнего характерны две группы требований и соответственно две группы способностей: социально-юридические и специально -юридические.

Социально-юридические способности обусловлены социальным предназначением и положением юриста. Основные требования к его личности, к его способностям быть юристом — прокурором, судьей, адвокатом, сотрудником милиции, качественно достигать целей укрепления законности и правопорядка — определяются его социальной ролью, его положением государственного человека, представителя власти.

Гражданственность - одно из качеств, отвечающих социально-юридическим требованиям. Юристы всегда принадлежали к прогрессивной и авангардной части общества. Им и ныне присущи выраженное неравнодушие к проблемам общества, озабоченность его будущим, настойчивые поиски путей процветания и повышения блага народа, активно-действенная позиция, выраженная в личном участии в ускорении продвижения к желаемому будущему. Активная гражданская позиция юриста трансформируется в активно-профессиональную, связанную со стремлением к деятельному участию в укреплении законности и правопорядка.

Гражданственность находит выражение в способности руководствоваться высшими общественными идеалами, идти к их реализации упорно, относиться к этому ответственно и оптимистично. Если гражданственность слабо развита у конкретного человека, вступившего на стезю юридической деятельности, то, скорее всего, из него выйдет формалист, а возможно, и человек, превращающий службу в свою кормушку.

Моральность юриста — второе социально-психологическое качество. Юрист должен быть в принципе хорошим, честным, порядочным, трудолюбивым, совестливым, требовательным к себе человеком, сознающим, что нельзя утверждать мораль, будучи аморальным.

Гуманистичность (от лат. — человеческий, человечный) — качество, которое издавна, а ныне в особенности, определяет способность юриста быть настоящим профессионалом в правоохранительных органах. Гуманизм — система идей, особое мировоззрение, в центре которых стоит признание человека как высшей ценности общества, приоритетности его прав и свобод, заботы о благе человека, защиты его прав и свобод как высших критериев оценки справедливости общества и существующих в нем общественных отношений. Цивилизованное общество, построенное на идеях гуманизма, — это всегда и правовое общество; цивилизованный человек — это человек с гуманистическими взглядами, с соответствующим поведением; современный цивилизованный юрист — это обязательно гуманист.

Есть определенные психологические сложности усвоения гуманистических убеждений и норм поведения юристами. Постоянно сталкиваясь по работе с худшими представителями человеческого общества, людьми, которых неоднократно пытались поставить на путь честной жизни, часть юристов ожесточается и не видит ничего, что может решить задачу укрепления законности и правопорядка, кроме ужесточения кары, безжалостного отношения к правонарушителям и преступникам. У определенной части юристов есть и утрированное представление о гуманизме как о всепрощенчестве, вседозволенности, либерализме, уговорах. Если психологически подобные отклонения можно понять, то никакого оправдания нет для их применения в работе юриста. Тот, кто убежден в эффективности и целесообразности только силы и принуждения, а все иное относит к выдумке людей с «разжиженными гуманитарными мозгами, засидевшихся в кабинетах и не знающих жизни», вряд ли может успешно участвовать в построении современного правового государства, демократического цивилизованного общества.

Деловитость — качество, обязательно необходимое юристу. Юридическое дело — очень трудное дело. Быть деловитым — значит быть способным построить работу так, чтобы конечный результат был безусловно достигнут. Юрист, отличающийся деловитостью, нетерпим к браку в работе, полумерам, формализму, очковтирательству. Он не пасует перед трудностями, изобретателен, активен, инициативен и самостоятелен, не ищет оправданий, а находит и использует все возможности. Он должен отличаться организованностью в своей работе и уметь организовывать работу других.

Описанные выше качества нужны и представителям многих других профессий, но для юридического труда с его высокой значимостью и трудностями отсутствие таких качеств свидетельствует об отсутствии способностей к этому труду.

Специально-юридические способности юриста — особые качества, которые определяются спецификой юридического труда, тем, что отличает его от других видов труда, и которые важны именно для него, но не обязательны для других. В них можно выделить две подгруппы: общие — необходимые всем юристам и частные способности, которые должны быть присущи отдельным специалистам.

Общие способности:

• высокоразвитое чувство долга, чести, ответственности;

• обостренное чувство справедливости и нетерпимость к злу;

• честность, совестливость, требовательность к себе, моральная устойчивость, неподкупность;

• хорошо развитый интеллект, познавательная пытливость, сообразительность, находчивость, комбинационность;

• речевые способности, умение связно, логично и точно выражать свои мысли;

• наблюдательность (обстановочная и психологическая), быстрота ориентировки в обстановке;

• хорошая память на лица, фамилии, слова, факты, цифры;

• волевые качества, активность, целеустремленность, организованность, самостоятельность, настойчивость, упорство, смелость, устойчивость к риску, опасности и неудачам, способность к самомобилизации;

• организаторские способности[1];

• представления и воображение, способность образно предвидеть, мысленно проигрывать события;
• склонность и интерес к работе с людьми, способность разбираться в них, видеть их индивидуальные особенности и возможности, правильно оценивать и использовать их;
• коммуникативные способности: общительность, доступность, открытость, доброжелательность, умение слушать, со вниманием относиться к словам собеседника, разбираться в людях, способность располагать к себе людей;
• терпеливость, уравновешенность, сдержанность, самообладание, низкий уровень враждебности и агрессивности;
• уверенность в себе, раскованность в общении, высокая работоспособность;
• быстрота реакции.

К *частным* способностям относятся отдельные качества, необходимые только следователям, только судьям, только прокурорам, только участковым инспекторам и т.д. Так, оперативным работникам необходима способность к перевоплощению, определенная артистичность, следователям — креативность (творческая инициатива мышления), работникам профилактических служб — педагогические и др.

Взаимообогащая и дополняя друг друга, способности образуют целостность, выступающую важным комплексным личностным свойством юриста. Наличие потенций к их развитию лежит в основе психологического отбора на работу в правоохранительные органы. Их дальнейшая актуализация и расцвет Происходят, когда юрист самокритичен, требователен к себе, работает с самоотдачей и стремлением к достижению наивысших результатов, проявляет творчество, инициативу, самостоятельность, не почивает на лаврах, а всегда по-деловому обеспокоен и неудовлетворен.

[1] Л.И. Уманским и его сотрудниками выделены, например, такие качества способных организаторов: психологическая избирательность, т.е. эффективное восприятие психологических особенностей и состояний «.других людей; быстрая возможность правильно охарактеризовать и оценить их; склонность к психологическому анализу; избирательно-психологическая память; сопереживание тому, что переживают, чувствуют другие люди; способность мысленно поставить себя в психологическую ситуацию другого человека и др.; практически-психологический ум, проявляющийся в распределении обязанностей коллективной деятельности с учетом индивидуальных особенностей; быстрая ориентация в ситуациях, требующих практического применения знания людей; находчивость в учете психологического состояния и настроений людей в конкретной ситуации; способность заинтересовывать людей; учет взаимоотношений, личных симпатий и антипатий и т.п.; психологический такт; общественная энергичность; требовательность, критичность; склонность к организаторской деятельности.

4.5. Профессиональное мастерство юриста и его психологические составляющие

Профессиональное мастерство и его структура. Деятельность по укреплению законности и правопорядка предъявляет высокие требования к профессиональному мастерству персонала юридических органов, и они непрерывно возрастают. Формирование профессионального мастерства — одна из важнейших задач в подготовке специалиста, а ее решение определяет основное содержание и методы его профессионального обучения.

Всякая деятельность в психологическом плане характеризуется не только видимыми движениями, но и теми психологическими и психофизиологическими феноменами, которые выполняют по отношению к ним программирующую, контролирующую и регулирующую роль. Понимание их, учет закономерностей их формирования и функционирования выступают важной стороной научно-эффективного подхода к обучению.

Профессиональное мастерство, как специфическая сторона подготовленности специалиста-личности к профессиональной деятельности, — это *высокая степень его профессиональной обученности, позволяющая компетентно решать профессиональные задачи.*

Юрист — это специалист в области юриспруденции, юридической работы и главного в ней - ведения юридических дел, т.е. жизненных случаев, выступающих в качестве обособленных, самостоятельных предметов юридического рассмотрения (преступлений, гражданских споров,

конфликтов и других случаев, которые требуют оценки, рассмотрения и решения в соответствии с нормами права). Его мастерство как специалиста, как человека, профессионально искушенного в юридических делах, складывается из *специально-юридической обученности и профессионально-психологической подготовленности* (рис. 4.5). Последнее обусловлено тем, что его мастерство связано с искусством общения, работы с людьми, воздействий на них. Оно несводимо к безукоризненному выполнению юридически значимых действий по ведению юридических дел. Нельзя представлять юридические дела так, словно они состоят лишь в процедурно правильном совершении юридически значимых действий (вызов свидетеля, предъявление обвинения, осмотр места происшествия и пр.), составлении юридических документов, оформлении доказательств, проведении экспертиз, научных заключений и др. Из них невозможно изъять человека, игнорировать зависимость успешности их ведения от понимания и учета его психологии, индивидуальности, активности. Без этого они похожи на сухое дерево без листьев, лишенное жизни и превратившееся в вещество.

Рис. 4.5. Психологическая структура профессионального мастерства юриста

Специально-юридическая обученность юриста, его знания. Она связана с наличием у него, как специалиста, совокупности соответствующих профессиональных знаний, навыков и умений.

***Профессиональные знания* — это профессионально важная информация, ставшая достоянием сознания (в том числе памяти) специалиста.** В психике они представлены в виде закрепленных в памяти образов предметов и явлений, терминов, понятий, категорий и их систем (теорий, научных учений, содержания учебных дисциплин, профессиональных концепций, сведений, документов, рекомендаций, инструкций и пр.). Опираясь на знания, профессионал разбирается в жизни, правовой сфере, обстановке, планирует решение стоящих перед ним задач, продумывает пути выполнения служебных функций, изучает возникающие проблемы, намечает цели и задачи их решения, готовит решения, выбирает способы действий, контролирует и оценивает свое поведение. Чем глубже и обстоятельнее он понимает все это, тем выше его профессионализм, тем успешнее его деятельность. В ситуациях конфронтации, борьбы с преступником специалист побеждает, если он больше знает, глубже понимает все аспекты и тонкости их.

Тенденции изменений в сфере правопорядка, расширение и усложнение задач, стоящих перед работниками юридических органов, повышенные требования к эффективности их деятельности при строгом соблюдении законности и уважении прав граждан повышают роль профессиональных знаний. Изменилась не только роль знаний, но и требования к их многогранности, обстоятельности, содержанию, глубине. Нужны знания фундаментальные, научные, комплексные, актуальные и практически значимые. Поэтому формирование знаний выступает исходной задачей в обучении специалиста и формировании его мастерства.

Юрист — человек, профессионально овладевший юридическими знаниями. Профессионально — значит, на строго научной основе, всесторонне, глубоко, осознанно, с убежденностью, прочно. Специалисту нужно овладение фундаментальными и специализированными, прикладными знаниями. *Фундаментальные знания* — общие, системные, обстоятельные, глубокие знания в

облети права, его основных закономерностей, механизмов, положений и в смежных областях. Они составляют основу профессионального образования, обеспечивают видение широких и дальних горизонтов своей профессиональной деятельности, способность исходить всегда не из узко профессиональных, \ из государственных интересов, осуществлять всесторонне взвешенный, Осмысленный, комплексный подход в решении задач.
Специализированные профессиональные знания имеют непосредственно прикладное значение. Это знания в конкретной области правоохранительной деятельности, обеспечивающие осмысленное выполнение профессиональных действий и решение задач.
Современные требования, содержащиеся в новых законах об образовании в России, обязывают гармонично сочетать формирование фундаментальных и специализированных знаний у слушателей, не допускать снижения первых ниже уровня, предусмотренного государственными образовательными стандартами, не сводить обучение к профессиональному натаскиванию, но не допускать и противоположной крайности — голой абстрактности обучения, его оторванности от жизни.
Профессиональные навыки. Как бы ни были важны знания, но профессионал — это прежде всего человек, умеющий профессионально действовать, получать практические результаты. Психологическими компонентами мастерства, обеспечивающими это, выступают профессиональные навыки и умения. *Профессиональным* ***навыком*** называется *автоматизированный способ выполнения действия, обеспечивающий эффективность* последнего. Свойства навыков: скорость, точность, экономичность (выполнение при минимально возможных усилиях и затратах энергии), машинальность (выполнение без концентрации внимания на технике действий), стереотипность (одинаковость выполнения при повторениях), консервативность (трудность изменения), надежность (противодействие разрушающим факторам — перерывам в выполнении, помехам, отрицательным психическим состояниям специалиста), успешность.
Навыки — автоматизированные компоненты сознательной деятельности. Они освобождают сознание специалиста от черновой работы, т.е. от припоминания разных сведений, приемов, рекомендаций того, что и как делать, от контроля за движениями рук и ног, от размышления над соблюдением простейших правил. Они позволяют автоматизированно выполнять действия, отработанные до навыка, и одновременно концентрировать внимание на чем-то другом, не менее важном: наблюдении за обстановкой, собеседником, их оценке, размышлении о способах преодоления трудностей, путях достижения более высокого результата и пр. Было бы, однако, неверным назвать навыки бессознательными. Они всегда выступают способами сознательно осуществляемой деятельности и всегда находятся на периферии сознания, держащего их под контролем. Убедительным подтверждением этого служит факт мгновенного активного подключения сознания, когда реализация навыка сталкивается с какой-то трудностью, нарушением его стереотипного выполнения. Навыки позволяют действовать успешно в трудной обстановке, когда нет времени для размышлений и надо выдержать ее испытания, экономить силы и сохранять высокую работоспособность.
Физиологическую основу навыков составляют упрочившиеся системы условно-рефлекторных нервных связей (функциональные системы, динамические стереотипы). Последние формируются в результате многократного повторения одних и тех же действий. При этом повторяются и ощущения, восприятия, процессы памяти, внимания, представлений, воображения, мышления, а не только мышечные, физиологические процессы. Постепенно упрощаются, облегчаются, сокращаются переходы от одного элемента действия к другому, процессы программирования, осмысления, контроля, оценки, регулирования действий. В результате складывается и психологическая культура навыка в виде многократно и хорошо, во всех деталях и вариантах, продуманной «мысленной картины» действия, состоящей из системы образов, представлений и речемыслительных, логических связей. В основе навыка лежат физиологическая и психологическая системности, связанные между собой. То, что мы наблюдаем в виде быстрых, точных и в то же время непринужденно выполняемых движений и действий опытного специалиста, — лишь внешнее выражение сложившейся «внутренней схемы навыка», которая выполняет программирующую, оценочную и регулирующую роль по отношению к развертывавшемуся вовне действию и составляет его внутреннее содержание.
Во «внутренней схеме» навыка выделяются компоненты и связи «входа» — сенсорные (ощущения и восприятия, обеспечивающие быстрое и тонкое улавливание важных для выполнения действия изменений в обстановке, используемой технике, работе других

сотрудников, собственных рук, ног, тела и пр.), «центра» — умственные и «выхода» — двигательные. Удельный вес их в разных навыках не одинаков. В зависимости от преобладания какого-то типа связей различают навыки *сенсорные* (ощущений и восприятий), *умственные* и *двигательные.* Примером профессиональных сенсорных навыков сотрудника правоохранительных органов могут быть навыки наблюдения, проверки документов, осмотра; оценки расстояний, величин объектов; идентификации человека по фотороботу; обнаружения (зрением, слухом, обонянием и др.) малозаметных, но профессионально важных признаков; выявления и оценки психического состояния собеседника, различения интонаций его голоса и выражения глаз; своевременного обнаружения скрытых приготовлений задержанного к каким-то действиям и т.п. Жестикуляция регулировщика дорожного движения, уверенное выполнение приемов задержания преступника или самозащиты, манипуляция органами управления транспортным средством, обращение с оборудованием следственного чемодана, движение рук при обыске человека, быстрое выхватывание пистолета из кобуры и т. п. — профессиональные двигательные навыки. Навыки работы с документами, их оформления и заполнения по стандарту, чтения карты, быстрой оценки обстановки, интуитивных решений, быстрых расчетов, самоконтроля, соблюдения некоторых норм и положений инструкций (процессуальная последовательность допроса, осмотр места происшествия по определенной схеме — расходящейся или сходящейся спирали, справа налево или наоборот и пр.) — примеры профессиональных умственных действий. Нередки и *комплексные* профессиональные навыки, содержащие признаки сенсорных, двигательных и умственных навыков в разных пропорциях: речевые навыки, навыки общения, навыки реагирования на аварийно-опасную ситуацию при дорожном движении, навыки проверки документов, удостоверяющих личность граждан, стрельбы из пистолета, работы на персональном компьютере и др.

Качественные изменения профессиональных навыков в современных условиях выражаются в повышении удельного веса связей «входа» и особенно «цейтра». За внешне простыми и часто не требующими специального освоения движениями и действиями (нажатие кнопки, заполнение протокола, наблюдение за лицом собеседника, хождение по улице, осмотр места происше-ствия!, допрос и др.) скрывается сложная познавательная, волевая и эмоционально насыщенная внутренняя деятельность. Однако для отдельных специалистов (занимающихся борьбой с организованной преступностью, решающих задачи по нейтрализации террористов, вооруженных преступников и т.п.) резко возросли требования и к двигательным навыкам — разнообразным способам ведения силовой борьбы с преступниками, их подавления и задержания. Изменение психологических характеристик многих профессиональных навыков юристов, разных специалистов правоохранительных органов предъявило более высокие требования к методике их формирования и полноценной отработке всех свойств навыков.

По содержательно-функциональным особенностям навыки специалиста весьма разнообразны: навыки работы с документами, навыки работы со средствами связи, навыки использования оружия и специальных средств, навыки работы на компьютере, навыки выполнения профессиональных действий, навыки анализа обстановки и анализа результатов действий и пр. Навыки бывают *простые* и *сложные.* Отдельные автоматизированные движения — пример простых навыков. Сложные навыки включают в себя простые в качестве элементов более сложных структур. Так, даже навык стрельбы из пистолета в простейших условиях включает навык правильного держания пистолета, навык прицеливания, навык нажатия на спусковой крючок. Высокое профессиональное мастерство всегда характерно владением преимущественно сложными навыками.

Профессиональные умения. ***Профессиональное умение — это освоенный специалистом комплексный способ успешных профессиональных действий в нестандартных, необычных, сложных ситуациях.*** В основе его лежит психическое образование, объединяющее знания и навыки специалиста со специальной обученностыо использовать их при действиях в таких ситуациях. В умении есть элементы автоматизма, но в целом оно всегда осуществляется осознанно.[1] В отличие от навыка в умении отчетливо и активно представлено мышление. Если навыки обеспечивают уверенные и эффективные действия в стандартных, почти одинаковых, повторяющихся ситуациях, то умение — в нестандартных, заметно отличающихся друг от друга при повторениях. Они выражаются в обученности специалиста тому, чтобы он мог изучить и понять своеобразие ситуации, принять адекватное ей решение, видоизменить порядок и способы действий так, чтобы они отвечали реалиям обстановки; действовать осмысленно, контролируя себя и внося по необходимости коррективы в действия для наилучшего достижения цели. В

умении всегда присутствует элемент творчества. *Свойства умений:* адекватность ситуации, осмысленность, гибкость, отвечающая обстановке скорость выполнения, надежность, успешность.

Различают *простые* и *сложные* умения. Если используемые знания нет нужды преобразовывать и из них прямо вытекает, что и как делать, то, поступая соответствующим образом, специалист проявляет простое умение. Нередко такие умения выступают начальным этапом формирования какого-то навыка и самостоятельного значения для мастерства не имеют. Другое дело — сложные умения. Именно они несут в себе те признаки, которые выделены в определении умения, приведенном выше. Сложное умение включает в себя знания и навыки, но само никогда в навык не превратится. Например, (такие профессиональные действия, как осмотр места происшествия, допрос, задержание вооруженного преступника, личный сыск, разведывательный Допрос, патрулирование, раскрытие преступления по горячим следам, освобождение заложников, обучение подчиненного, профилактическая беседа и многие другие, сколько бы раз они ни выполнялись одним и тем же сотрудником правоохранительных органов, никогда не будут выполняться бездумно, машинально, автоматически. Каждый раз ему надо будет напряженно думать, искать, творить, проявлять самостоятельность.

Умения классифицируются и по другим признакам, например, по содержанию действий, по специальностям, по условиям действий. Различают еще умения юриста, умения организатора-управленца, умения работы с людьми и др.

Сложные профессиональные умения — венец специальной обученности и профессионального мастерства специалиста органов правоохраны. Неслучайно на Руси высококвалифицированных специалистов называли умельцами. Формирование профессиональных умений у юристов — важнейшая задача обучения их.

Обучая студентов юридических образовательных учреждений, совершенствуя мастерство практикой, занимаясь самообразованием и самообучением — всегда следует определять точный перечень знаний, навыков и умений, которые должны быть приобретены и усовершенствованы за время учебы и при изучении каждой учебной дисциплины, в данный период работы над собой и формировать их, учитывая их свойства, психологические характеристики и особенности формирования.

---

[1] Некоторые теоретики даже определяют навык как автоматизированный компонент умения, обеспечивающий успешность и легкость его выполнения (см.: *Казанский Н.Г., Назарова Т.О.* Дидактика. - М., 1990. - С. 30).

4.6. Профессионально-психологическая подготовленность юриста

Понятие. Профессионально-психологическая подготовленность сотрудника правоохранительных органов, как важная, неотъемлемая часть его профессионального мастерства, объективно обусловлена тем, что вся юридическая деятельность, борьба за укрепление законности правопорядка погружены в жизнь общества и его граждан, в кипение страстей, неутолимую жажду удовлетворения потребностей (зачастую деформированных), в столкновение целей и намерений разных людей, в конфликты, обостренные взаимоотношения — во все то, что включает реальная живая жизнь, социальная и психологическая действительность. Все это не какая-то часть, «кусочек» в работе, а ее сущность. В части I рассмотрены все психологические аспекты правовой сферы и факторы, многогранно и сильно влияющие на состояние законности и правопорядка. Знание их — не для сведения, а для практики, для действий, для практического учета в работе каждого работника любого юридического органа, всего персонала. Мало даже знать, надо уметь реально учитывать, и это непросто.

Профессионалу мало быть правым, надо еще добиться подчинения, понимания людьми справедливости и гуманности его требований, повышения престижа норм права и правоохранительной деятельности, активной помощи со стороны граждан. Ему просто невозможно эффективно решать юридические задачи, ограничиваясь «чисто правовой» стороной их, как нельзя сознание, мысли, чувства, поступки людей поделить между разными ведомствами. Понятно, что практические умение разобраться во всей гамме психологических оттенков и зависимостей своей работы характеризует реальную подготовленность к ней юриста, судьи, следователя, оперативного работника, участкового инспектора, руководителя и других специалистов, их профессиональное мастерство.

Профессионально-психологическая подготовленность профессионала юридического органа - это его подготовленность к пониманию и учету психологических аспектов при осуществлении своей профессиональной деятельности, к преодолению психологических трудностей на пути решения профессиональных задач Она органически дополняет его специально-юридическую обученность и способствует приобретению подлинного профессионального мастерства.

Структура профессионально-психологической подготовленности. Профессионально-психологическая подготовленность юриста складывается из ряда компонентов.

Профессионально-психологические знания. Они представляют собой необходимую информированность юриста по вопросам психологии людей, групп, по психологическим факторам, оказывающим влияние на состояние законности и правопорядка, и другим, имеющим отношение к его профессиональной деятельности. Это преимущественно не абстрактные психологические знания, а знания «работающие», адаптированные к специфике юридической деятельности, служащие основой для понимания и осмысленного использования при решении юридических задач.

Профессионально-психологические умения. Это освоенные профессионалом юридических органов *способы практического учета психологических аспектов* в правоохранительной, правоприменительной и правоисполнительной деятельности. Есть три важнейшие их группы:

• *аналитика-психологические* умения — умение увидеть психологический аспект в планируемых и осуществляемых профессиональных действиях, умение грамотно его проанализировать, умение верно оценить его роль и его влияние на действия, умение психологически обоснованно принимать, корректировать и реализовывать профессиональные решения;

• *тактико-психологические* умения — освоенные способы психологических действий, имеющие тактическое значение. Они опираются на профессионально-психологические знания, но не сводятся к ним и выражаются в овладении профессионалом умением осуществлять психологические действия, включенные в процесс решения юридических задач, а также пользоваться психологическими приемами, повышающими эффективность собственно юридических действий (наблюдения, осмотра, допроса, личного сыска и пр.). Это:

умение изучать и оценивать психологические факторы, определяющие выбор и применение тактических приемов: составлять психологический портрет лиц и групп, представляющих оперативно-служебный интерес; психологически грамотно вести профессиональное наблюдение; вести психологическое наблюдение; психологически анализировать профессиональную ситуацию; осуществлять психологически анализ криминального события; психологически анализировать письма, заявления и жалобы граждан, свидетельские показания; психологически анализировать и оценивать оперативную обстановку и др.;

умение создавать благоприятные психологические условия для осуществления профессиональных действий: выбирать и создавать благоприятные ситуативные условия; устанавливать психологический контакт; устанавливать доверительные отношения; предупреждать и преодолевать конфликты во взаимоотношениях; психологически грамотно готовить и осуществлять профессиональное общение; осуществлять самоуправление и др.;

умение психологически обеспечивать решение профессионально-юридических задач: психологически достоверно осуществлять ролевое поведение; пользоваться психологическими приемами для оптимизации профессионального мышления; правомерно пользоваться приемами психологического воздействия; разрабатывать психологическую линию поведения при осуществлении действий; разрабатывать психологический сценарий решения оперативно-служебной задачи; психологически правильно осматривать место происшествия, осуществлять следственные и иные профессиональные действия; вести психологическую борьбу, захватывать и удерживать инициативу в ситуациях противодействия преступника и др.;

• *технико-психологические* умения характеризуют овладение юристом основными психологическими средствами: речевыми, неречевыми и поведенческо-ролевыми. Для мастера своего дела характерно умение правильно подобрать слова и выстроить фразы, произносить их с уместной эмоциональной окраской, придать с помощью мимики соответствующее выражение лицу, а позе и походке — нужную выразительность, представить себя, когда надо, умным и все знающим или противоположно другим и т.п.

Профессионально развитые психологические качества. Этот третий компонент профессионально-психологической подготовленности включает разные психологические качества, имеющие специальное значение для деятельности сотрудника органов правоохраны, но

получившие профессиональное развитие в опыте и процессе обучения. К числу важнейших из них принадлежат:

• *профессиональные ощущения:* повышенная чувствительность к профессионально важным признакам, звукам, запахам, к определению на ощупь температуры тела убитого, чувствительность бокового поля зрения, чувствительность ночного зрения и др.;

• *профессиональные восприятия* — зрительные, слуховые, обонятельные и др.;

• *профессиональная наблюдательность, профессиональная внимательность, профессиональная память* (повышенная способность к запоминанию фамилий, адресов, номеров автомашин, находящихся в розыске; фотографий, словесных и иных портретов лиц, проходящих по оперативным установкам; деталей ситуаций, имеющих юридическое значение, слов, показаний, данных о разных лицах, сведений, хранящихся в материалах оперативного или уголовного дела, и др.);

• *профессиональные представления:* развитая способность хорошо представлять в уме план города, микрорайона, предстоящие действия; мысленно проигрывать планируемую ситуацию задержания и др.;

• *профессиональное мышление:* социальное, юридическое, следственное, оперативное, психологическое, педагогическое, тактическое и др.;

• *профессиональный артистизм* — способность к перевоплощению, ролевому поведению и др.;

• *профессиональная бдительность, готовность к неожиданному* и др.

В основе этих качеств лежит общий уровень их развития у конкретного сотрудника. Однако при профессиональном развитии происходит значительное приращение к общим показателям новых, приобретенных, конкретно профессиональных, улучшающих их проявления в деятельности в 2—3,5 раза. ***Профессионально-психологическая устойчивость*** — четвертый компонент профессионально-психологической подготовленности сотрудника. Любая деятельность требует от человека повышенной внутренней активности, определенной мобилизации внутренних сил и психического напряжения. Чем выше ее трудности, тем выше и внутреннее напряжение, тем заметнее влияние на эффективность деятельности человека. Правоохранительная деятельность осуществляется в ситуациях, характерных наличием *психогенных факторов,* т.е. событий, обстоятельств, условий, оказывающих заметное психологическое воздействие на работников органов правоохраны и могущих отрицательно повлиять на результаты решаемых задач. Поэтому психологическая устойчивость работников органов правоохраны должна быть *высокой* и *профессионализированной,* т.е. устойчивостью именно к специфичным для их профессиональной деятельности психогенным факторам. Как показали исследования, эта *устойчивость — психологический сплав:*

• общей психологической устойчивости данного сотрудника;

• знакомства (зрительного, звукового и другого) его со всеми психогенными факторами, делающего их ожидаемыми и менее впечатляющими;

• достаточного опыта решения профессиональных задач при наличии всех психогенных факторов, приводящего к существенному ослаблению их влияния на данного сотрудника и результаты его деятельности;

• развития самообладания, умения управлять своим психическим состоянием и поведением.

В структуру профессионального мастерства юриста входит и его профессионально-педагогическая подготовленность, рассмотрение которой — прерогатива юридической педагогики.

Глава 5. Психология управления в органах правопорядка

5.1. Психологическая концепция управления в органах правопорядка

Сущность управления и его связь с юридической психологией. Управление -атрибут всякой системы. Оно представляет собой воздействие на систему (управляемую подсистему — объект управления) для поддержания ее в необходимых режиме, качестве, состоянии или перевода ее в новые режим, качество, состояние, отвечающие целям функционирования, изменениям окружающей среды и непрерывного развития системы.

Управление в обществе возникает как отражение определенной потребности его в организационном порядке, эффективном функционировании и развитии. Поскольку само общество по своей сущности является социальной системой, то и управление в нем носит социальный характер, оно является социальным управлением. *Социальные системы — это системы, образуемые людьми и их деятельностью, а управление — управление ими.* Уже это определяет роль и значение психологических факторов в управлении.

Главные функции управления в обществе выполняет государственное управление, к которому принадлежат и юридические органы. Очевидно, что и оно по своему происхождению, предназначению, сущности, целям, — *социальное явление,* осуществляемое в рамках конкретного общества и определенного временного отрезка в его жизни и развитии. Оно в той степени эффективно, в какой обслуживает общество, интересы его граждан, способствует прогрессу, удовлетворению потребностей граждан, проявлению их способностей, моральному, интеллектуальному и культурному росту. Управление юридическими органами эффективно постольку, поскольку специфично отвечает потребности создания и функционирования правовой системы и ее функционирования, насущным и перспективным требованиям общества к укреплению законности и правопорядка. Все претензии общества к состоянию их, к деятельности юридических органов — это прежде всего претензии к состоянию управления в них.

Управление в социальных системах многомерно и многофункционально, направлено на решение экономических, финансовых, технических и других задач и проблем. В разных видах социальных систем (финансовых, хозяйственных, производственных, образовательных и др.) могут преобладать какие-то особые функции, но функция руководства людьми остается в них обязательной. Юридические органы реализуют свою функцию прежде всего правовыми средствами. Однако издавна в народе говорят, что страшен не закон, а законники, и это связано с внутренними психологическими факторами управления в самих юридических органах. Предназначение правовых средств, как уже сказано в части I, - обеспечение торжества закона в обществе, торжества справедливости, защиты человека и субъективных прав, борьба с несправедливостью, злом, бесправием. Все это социально-психологические, морально-психологические ценности. Правоохранительные органы — это особые «производственные организации», «изготавливающие» продукт духовного, человеческого потребления, находящий отзвук и воплощение в правовой психологии людей, их социально-правовой удовлетворенности, вере в справедливость общества, чувстве защищенности и гармонии своих интересов и интересов общества. Поэтому *роль психологических факторов в управлении юридическими органами на порядок выше,* чем во многих других государственных структурах.

В современном российском обществе, стремящемся преодолеть наследие административно-командной системы, создать правовое государство и реализовать принципы гуманизма, решение психологических проблем в управлении правоохранительными органами поднимается еще на порядок. Справедливых целей нельзя достичь с помощью несправедливо используемых правовых средств. Мало быть формально правым, надо быть по-человечески правым, одобряемым людьми, иначе справедливость может выглядеть злом, а зло — добром. Этого нельзя, конечно, добиться всегда и везде (например, вряд ли каждый осужденный будет одобрять судебный приговор), но это не может стать основанием для отказа от максимального выражения такого стремления людьми, которые считают себя или хотят быть людьми, находящимися на современном уровне цивилизации, иначе все разговоры о человечности останутся только разговорами. В управлении же самим персоналом юридического органа такой подход вполне реализуем и обязателен в современных условиях. Юристы как личности особенно чувствительны к вопросам справедливости, особенно когда это касается их самих. В правовой системе, в управлении ее структурами мало быть законником, надо быть личностью, психологом. Это справедливо для любого юриста, но для юриста-руководителя — вдвойне.

Психологическая системность в управлении. Всякое управление системно. Социальная система — это живой организм, находящийся в постоянном движении и изменении. Управление — атрибут социальной системы, подсистема в системе, определенная категория системных явлений, системообразующий и системооптимизирующий фактор. Достижение эффективности управления возможно лишь на основе системного подхода с учетом своеобразия закономерностей управляемой системы.

Социальные системы гетерогенны (неоднородны), состоят из различных по свой природе и свойствам элементов, явлений, связей, зависимостей, качественно своеобразных подсистем. Управление, решая общесистемные задачи, специализирует свои регулирующие воздействия на эти подсистемы, функционирующие по своим собственным закономерностям и механизмам, хотя и подчиняющимся общесистемным, но и влияющим на них. Это заставляет управляющую подсистему обращать на них внимание.

Можно сделать три основных качественно своеобразных среза системы управления правоохранительным органом (рис. 5.1) и выделить в ней *три главные подсистемы:* управленческо-правовую, управленческо-материальную и управленческо-человеческую. *Управленческо-правовая* выражена в организационно-правовых документах, оргштатных расписаниях, схемах функционирования, распределениях прав и обязанностей, критериях оценки эффективности деятельности органа и его персонала, переписке и др. *Управленческо-материальная* представлена техническим оснащением органа, средствами связи, транспортом, финансами и другим материальным обеспечением. Обе эти системы представляют собой рационально задуманную программу, модель функционирования органа и управления им, абстрагирующуюся обычно от конкретных личностей и групп с их индивидуальными особенностями, которые будут воплощать задуманное в жизнь. Их можно объединить понятием формализованных (официальных, рациональных, безличных, «видимых») подсистем. Эффективность управления невозможна без их совершенствования и доведения до определенного идеала, но этого мало.

Люди, работающие в правоохранительном органе, как и везде, могут по-разному знать, понимать, помнить свои обязанности и права, относиться к ним, неоднозначно выполнять. Что-то они могут забыть, уделить первостепенное внимание не тем вопросам, которым должны уделять, могут отдавать предпочтение направлениям работы, которые не являются решающими, могут иметь и не иметь достаточной подготовки и способностей, чтобы с равной успешностью решать все задачи и использовать имеющиеся разнообразные возможности.

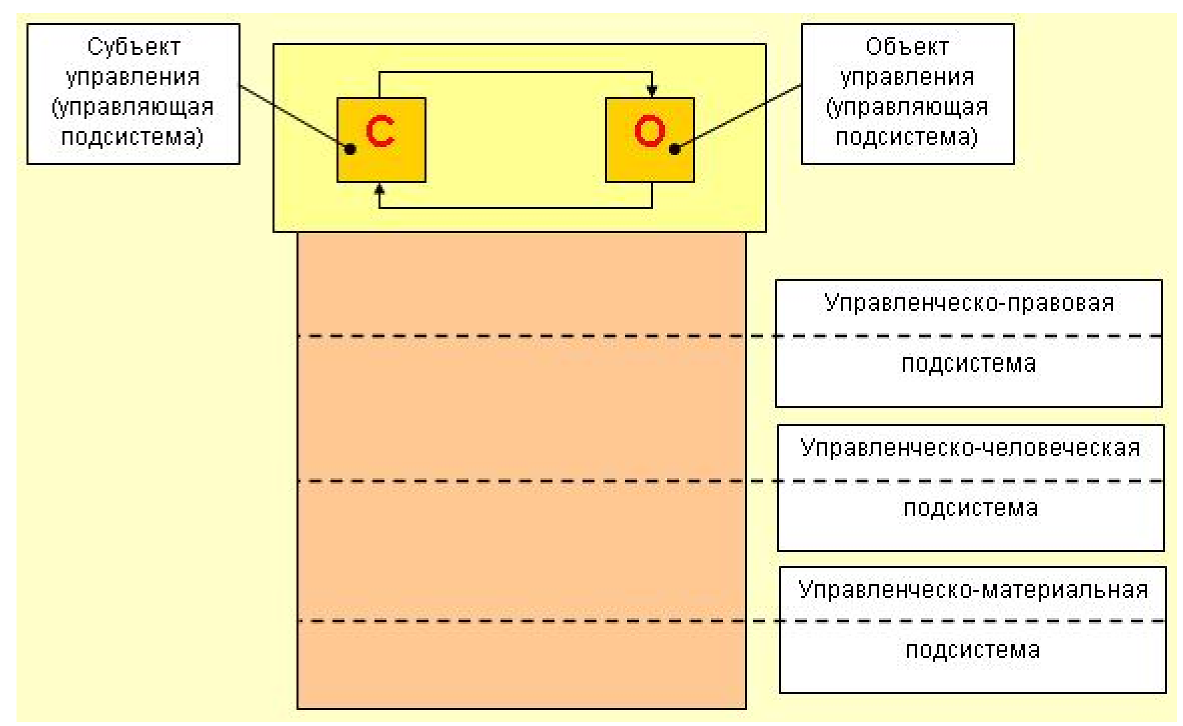

Рис. 5.1. Основные качественно своеобразные подсистемы управления в правоохранительном органе

Они по-своему могут оценивать положение дел, результаты своей работы, получать информацию не от тех, от кого должны получать, то же — передавать, передавать не то и не все, взаимодействовать не всегда так, как нужно, и не с теми, с кем нужно. Они могут вмешиваться в дела и стремиться решать вопросы, по которым они не имеют ни прав, ни обязанностей, и наоборот, и т.п. Все элементы формальных подсистем «пропускаются» через сознание сотрудников, и лишь то, что и как «пропущено», т.е. то, что превратилось в личное понимание и отношение, реально проявляется в деятельности персонала, как это показано ниже.

Управленческо-правовая подсистема

надо, можно надо, можно не надо, нельзя не надо, нельзя (не предусмотрено) (не предусмотрено)

Управленческо-поведенческая подсистема

надо, можно не надо, нельзя надо, можно не надо, нельзя надо, можно не надо, нельзя

Все это относится к управленческо-человеческой подсистеме, включающей в себя и *психологическую системность.* Юридический орган всегда является человеческой общностью, а человек приходит на службу не какой-то своей частью, не бесчувственным винтиком машины, но как личность во всем своем индивидуальном своеобразии, обогащая все отношения в органе и его жизни субъективными проявлениями, устранить которые невозможно да и не надо, ибо в них не только слабость, но и сила юридического органа. Последнее слово в любом деле принадлежит людям, их качествам, способностям и профессионализму, добросовестному, инициативному, творческому, неформальному и ответственному отношению к делу. Различия в эффективности деятельности принципиально одинаковых по своим формальным структурам правоохранительных органов определяются прежде всего людьми и в управлении ими.

Иначе говоря, система управления — «дело рук» людей, руководителя и всего персонала. В ней существует помимо формальной и *неформальная, управленческо-человеческая подсистема.* Последняя в своих поведенческо-деятельностных проявлениях обусловлена первыми двумя, но далеко не однозначно и в своих вариациях оказывает влияние на первые, ослабляя или усиливая их, и соответственно — на результаты деятельности правоохранительного органа. Поэтому, изыскивая пути улучшения управления им, необходимо сбалансирование совершенствовать все подсистемы, в том числе и человеческую.

Психологические цели, задачи, подходы в управлении. Человеческие, поведенческие, деятельностные, психологические феномены, закономерности и механизмы, действующие в системе юридического органа, и их существенная роль обусловливают необходимость существования и реализации *психологической функции управления* в единстве с другими управленческими функциями. Эта функция призвана обеспечить надлежащее функционирование психологических феноменов, механизмов и причинно-следственных зависимостей человеческого поведения и деятельности.

Существуют принципы управления, разработка которых велась с начала века и продолжается до сих пор.[1] Психологический подход к управлению, реализация психологической функции его не противоречат общим принципам управления в российском обществе, а выполняют обслуживающую роль, обеспечивая достижение стоящих перед юридическим органом задач.

Принципиальным в подходе к построению и совершенствованию управления является *социальный подход,* основания которого рассмотрены выше. Законы и свойства общества выступают как системные законы любой его социальной структуры, как высшие по отношению к законам, принципам и методам системной организации жизни и деятельности юридических структур. Они требуют подчиненности построения организации, форм и методов управления этим системным законам и социальной необходимости. Поэтому и управление не может быть понятым и стать эффективным вне социального контекста. Приоритет социальных целей и ценностей, постановка человека в центр организации и процессов управления — безусловные и непререкаемые положения для каждого, кто занимается управленческим трудом, кому доверены люди и интересы общества на конкретном участке работы. В правоохранительных органах, предназначенных для выполнения важной социальной функции укрепления законности и правопорядка, построение управления в превосходной степени должно осуществляться в социальном контексте, с полным учетом тех общественных отношений, в которые управление включено и которые реализует. Такие приоритеты особенно очевидны в современной России и, отправляясь от них, следует рассматривать и психологические аспекты управления в правоохранительных органах.

Из этих положений вытекают *три основных прикладных вывода:*

1) люди, персонал органа являются важнейшей силой в решении задач, стоящих перед ним. От того, как управление юридическим органом осуществляет управление ими, зависят эффективность и результаты его деятельности. Оптимизация всех психологических явлений в управленческо-человеческой подсистеме выступает *важнейшим психологическим условием* достижения успехов в деятельности по укреплению законности и правопорядка;

2) люди, персонал — не просто «фактор, средство в руках руководителя», но и объект внимания, заботы. Управление обязано не просто использовать персонал для решения задач, но и работать для него. Юридическая профессия, правоохранительная деятельность для людей, работающих в правоохранительном органе, имеет главной целью служение Отечеству и его гражданам, но она нужна и самим сотрудникам, должна отвечать их потребностям и интересам, обеспечивать их собственную жизнь, способствовать реализации личных планов, личностному росту, вызывать чувства .самоуважения и самоутверждения. Обеспечение этого, ориентация на сотрудников юридического органа как людей, граждан, личностей — не только важнейшее условие эффективного функционирования юридического органа, но и *вторая важнейшая психологическая цель управления;*

3) ориентируясь на внешнюю сферу управления, имеющую социальную природу, на укрепление законности правопорядка на обслуживаемой территории, управление правоохранительным органом обязано развивать правовую психологию населения, утверждать среди населения атмосферу справедливости, защищенности, неотвратимости наказания тех, кто преступил закон. Учет всех психологических аспектов как в ходе решения юридических задач, так и в их результатах выступает в конечном счете *главной целью управления,* отвечающей социальному предназначению управления.

Можно сказать, что управление в правоохранительных органах призвано приносить не только чисто правовой результат, но и духовную, психологическую, человеческую «прибыль».

Принципиальным для психологии управления является ***системный подход.*** Управление вообще по своей сущности системно и вне системы не существует. Системно его общее предназначение: объединить все элементы в целостность, придать этой целостности упорядоченность, объединить системными связями, что раскроет новые возможности элементов. Так, кучка радиодеталей остается кучкой, пока детали не будут объединены по определенной схеме во взаимосвязанную целостность, которая приобретет системное свойство ловить радиоволны и превращать их в звук. Ни одна из деталей не обладает таким свойством, а включенные в систему, они обнаруживают свои новые возможности. Так и группа, коллектив, состоящие из людей, приобретают свойства социально-психологической системности и сами в ней усиливают или снижают проявления своих возможностей. Управление в социальных системах имеет дело с организацией, представляющей собой социально-психологическую целостность. Оно и предназначено для того, чтобы объединить людей, входящих в нее в качестве «элементов» (выражаясь языком теории систем), установить в системе организационный порядок, призванный помимо прямого назначения, ради которого создана система, обеспечить раскрытие и каждым «элементом»-сотрудником всех своих возможностей, даже не обнаруживающихся вне организации и могущих проявиться только в ней.

Поэтому приоритетным в управлении выступает организация как социально-психологическая общность, частью которой выступает и сам руководитель. Это значит, что в управлении приоритетны ***социально-психологические*** **закономерности, механизмы и феномены,** которые только и могут превратить разрозненно работающих людей в дружно, сплоченно и согласованно работающий коллектив. Адекватным этой реальности выступает ***организационно-деятелъностный подход в управлении,*** с которым связана и концепция личности сотрудника, упоминавшаяся в §4.1. [2]

Социально-психологическая сущность управления подчеркивает ошибочность воззрений имеющихся в теории и психологии управления точек зрения, которые сводят его сущность к личности и деятельности либо представляют его, образно говоря, в виде веера управленческих «стрел», нацеленных на каждого работника в отдельности. И то и другое имеет место в управлении, но очевидно, что такие воззрения не отвечают системной сущности управления и представляют собой разновидность редукционизма («атомизма»), недопустимо сводящего системность, свойства и явления высшего порядка к простой сумме низших.

Не может быть ничего в управлении, никакой «клеточки», никакой «единицы» психологического анализа, которая может быть вырвана из системы управления, ее многочисленных социально-психологических взаимосвязей и изображена в виде кирпичика, из которых просто ряд за рядом складывается дом. *Любой вопрос, любой элемент, «единица анализа» - предмет анализа,*

изучения, совершенствования (рис. 5.2) могут быть поняты и решены только с позиций системности, в контексте их связей с другими элементами, системными характеристиками (системные свойства, состояние системы, осуществляемая деятельность, решаемая задача) и условиями внешней среды (местные, региональные, ведомственные, федеральные), в которых система управления функционирует.

Социально-психологический подход к управлению означает, что порочны поиски, направленные на то, чтобы дать руководителю средства для принуждения каждого сотрудника к работе. *Задача заключается в ином: как создать такие социально-психологические условия в организации, при которых каждый сам хотел бы и стремился добросовестно работать; как создать организацию, прочную своими социально-психологическими связями, в которой есть благоприятные социально-психологические условия для плодотворной и добросовестной работы всех и каждого. В этом и суть психологической функции управления, обеспечивающей решение стоящих перед правоохранительным органом задач.* Социально-психологическая приоритетность в решении проблем управления ничуть не принижает проблему личности. Она выражается в обязанности рассматривать ее психологию не в отрыве, а в связи, включенности в системные групповые связи и зависимости организации, в системе коллективного труда, в системе управления. Это, в частности, означает, что управление должно отказаться от попыток регламентировать и регулировать каждый шаг каждого члена юридического органа, рассматривать личность сотрудника как средство, орудие в руках руководителя, решающего поставленные «перед ним задачи», и манипулировать ею как марионеткой.

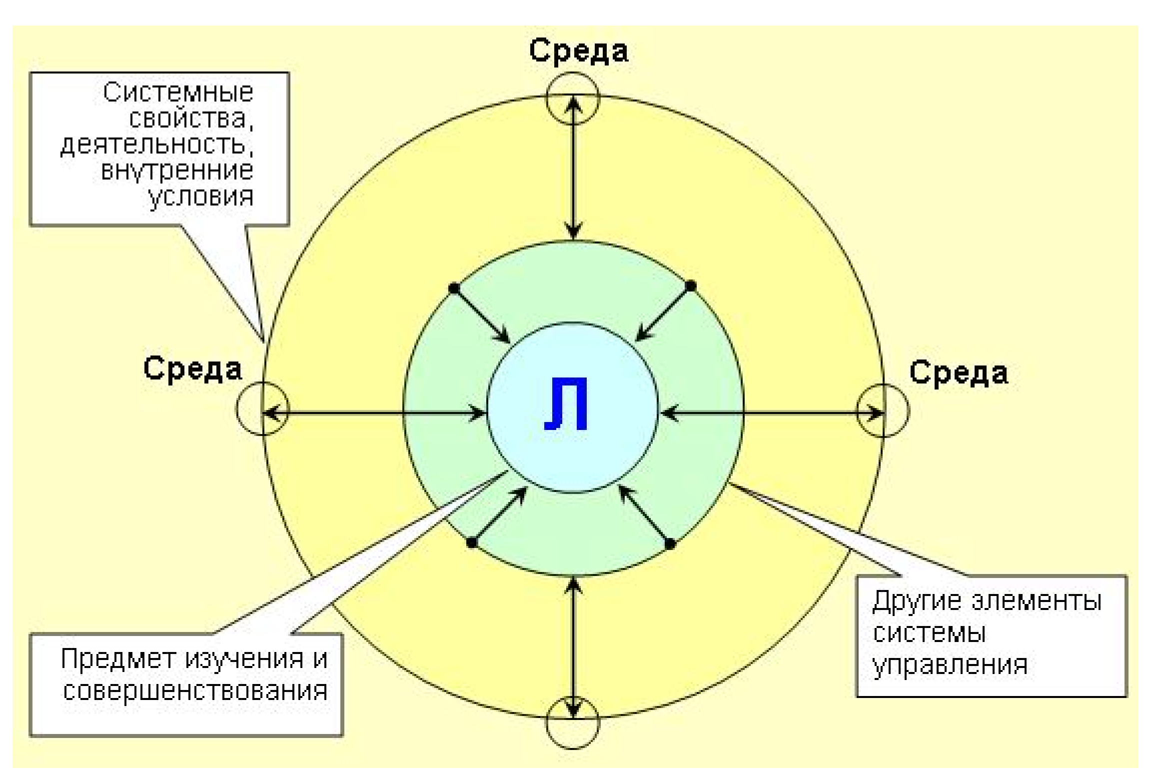

Рис. 5.2. Системность управления

Социально-психологический подход к управлению исходит из понимания того, что деятельность отдельных должностных лиц и специалистов не может быть оптимизирована в отрыве от оптимизации всей системы, ее связующих и системообразующих связей и механизмов. Для нормального функционирования органа юстиции, внутренних дел, части, подразделения и пр. необходимо, чтобы не только отдельные работники, но и весь коллектив был организован и подготовлен. Надо создать в нем наилучшие условия для проявления психологического потенциала каждого работника, использовать все возможности для активизации самоуправления на каждом уровне, в том числе и на уровне рядовых работников, организовать их слаженную работу по решению стоящих перед правоохранительным органом задач. Одновременно надо работать с персоналом так, чтобы его потенциал и возможности эффективной работы в организации непрерывно повышались.

Целостную, иерархически организованную систему управления принято представлять в виде *пирамиды управления,* на вершине которой руководитель, чуть ниже — его заместители, еще ниже — руководители подразделений, а в основании — рядовые сотрудники. Было бы в духе авторитаризма и не оправдавшей себя административно-командной системы управления понимать, что позиция руководителя в вершине выражает его единоличную ответственность и задачу управлять. Действительно, на руководителя ложится высокая ответственность за организацию, за эффективность решения стоящих перед ней задач, за ее функционирование в соответствии с требованиями и задачами развития государства и общества и поэтому ему даются большие права.

Вместе с тем при цивилизованном социальном и управленческом походе ему недопустимо и неэффективно выступать в роли единоличного «властителя», сосредоточившего все управление в одной точке — в вершине пирамиды. В соответствии с принципами цивилизованного, гуманного, демократического общества, да и с тем фактом, что в правоохранительном органе он не единственный руководитель, что в его подчинении тоже есть руководители, призванные управлять на порученном участке общей работы, ему следует создавать ***управленческую подсистему.*** В нее должна входить вся группа руководителей, находящихся на разных уровнях управленческой пирамиды, а организация дружной и согласованной ее работы — задача руководителя юридического органа. Более того, в эту подсистему управления разумно *включать и наиболее подготовленных и инициативных рядовых членов органа,* используя их при подготовке отдельных решений, для содействия в проведении их в жизнь, при улучшении морально-психологического климата в коллективе, при организации помощи отдельным членам коллектива, разрешении обостренных отношений в коллективе (если они возникают), при организации контроля за отдельными элементами жизни и деятельности коллектива и др. Необходимо, когда это надо, включать и весь коллектив для выработки и реализации мер по улучшению решения задач, стоящих перед юридическим органом. Это оправданно и потому, что персонал правоохранительного органа обычно отличается высокой гражданственностью, государственным подходом, интеллектом, ответственностью, дисциплинированностью.

Управленческая сила, энергия управленческой подсистемы несравненно выше усилий одного руководителя, пытающегося руководить всем и вся, быть везде и решать за всех. Такое построение управления ограждает и от злоупотреблений властью, излишне концентрирующейся в руках одного человека; предупреждает обостренные отношения между «верхами» и «низами» в организации, обеспечивает единство и сплоченность всех в решении задач, повышает авторитет руководителя как достойной личности и одновременно усиливает его влияние в коллективе.

Надо считаться и с тем, что управление, построенное по схеме иерархически организованной пирамиды, рационально, но одновременно и противоречиво. Дифференциация задач, прав, обязанностей, ответственности, различное вознаграждение за труд членов организации, находящихся на разных уровнях ее' иерархии, — глубокая, объективная и постоянно источающая негативные психологические влияния причина их педагогических различий и проявлений, разного отношения к общим целям, долгу, интересам, внутренних напряжений человеческого характера (вплоть до противостояния «верхов» и «низов») и пассивности в нижней половине «пирамиды». Управление в юридических органах по необходимости достаточно императивно, а поэтому проблема психологически осмысленного управления, выраженная в использовании всех возможностей для побуждения личного состава к человечески и профессионально достойному поведению, особенно важна. Приоритет гуманных начал, использования воспитывающих, развивающих и других возвышающих человека управленческо-психологических технологий — не благое пожелание кабинетных и не знающих жизни теоретиков, а государственный подход, подлинно деловой, психологичный, единственно способный принести высокие результаты и отвечающий уровню современной цивилизации.

Люди вообще не одноплановы, и попытки влиять на их жизнь и деятельность только, скажем, административными методами обречены на неудачу. Они *не просто объекты, а и субъекты самоуправления,* ибо они не вещи и их поведение, несмотря на управленческие воздействия, во многом зависит от индивидуальных особенностей собственного сознания, интересов, желаний, знаний, привычек и др. Г. Эмерсон писал еще в начале нашего века: «Физическую силу можно стимулировать палкой. Но сознательное управление, сознательное творчество подгонять палкой немыслимо. Время мускульных напряжений, время порки навсегда ушло в прошлое, а вместе с ним ушла навсегда и старая мораль. Самый высший руководитель не может требовать бессмысленного повиновения даже от ученика-чернорабочего»[3]. Каждый сотрудник,

военнослужащий внутренних войск, группа в зависимости от своих психологических личностных особенностей — источник прочности или дезорганизующих влияний в системе управления, с чем нельзя не считаться руководителю.

Известно, что социальные системы всегда работали и работают лучше, когда люди в них решают задачи не по принуждению, не из страха перед наказанием, а с желанием, в силу собственных убеждений, чувства долга и понимания ответственности. Проще и легче принудить; для этого не нужно никакое управленческое мастерство. Это, конечно, не исключает необходимости в определенных условиях проявлять твердое, волевое, беспрекословное управление. Однако «пирамида управления» по-настоящему прочна и функционирует эффективно, если в ней есть встречные и сливающиеся воедино стремления, желания, усилия, активность, исходящие не только сверху, но и снизу, изнутри, тогда она прочна в каждом элементе. Приходит на ум сравнение системы управления с деревом, сила которого создается соками, идущими от корней, и фотосинтезом в его кроне, и это происходит, когда почва и климат благоприятны (внутрисистемные условия, среда).

Системно-психологический подход к управлению как к управлению прежде всего организацией, социально-психологической целостностью, обязывает рассматривать и их ***иерархично, разноуровнево*** (как и в психологии личности, о чем шла речь в предыдущей главе). Последовательная реализация системного подхода вызывает необходимость противопоставлять его линейному, плоскостному видению психологических реальностей управления (например, по типу: проблема — изучение проблемы — решение — исполнение решения, проблема — изучение проблемы — решение — исполнение решения и т.д.).

Исследования показывают, что вся психологическая системность, влияющая на управление и подлежащая управленческому регулированию, находится на двух Уровнях:

• *организующем* — относительно устойчивом, глубинном, внешне малозаметном, сказывающемся и проявляющемся во всех психологических явлениях управления, но вскрывающемся при аналитико-синтетическом подходе. Это уровень ***организации управления;***

• *обслуживающем* — динамичном, ситуативном, поверхностном, достаточно легко фиксируемом при психологическом рассмотрении. Это уровень ***текущего, ситуативного управления.***

Психологические факторы организации управления, присущие системе управления любым юридическим органом, играют роль «несущей психологической конструкции», определяют психологический потенциал всего коллектива. Это то, что повседневно сплачивает или разобщает его членов, вызывает слаженность или разрушает ее, вызывает подъем или упадок деятельности, вызывает или уничтожает «организационный эффект» в совместной работе. К ним относятся правовая психология коллектива, морально-психологический климат, групповые ценностные ориентации, нормы поведения, традиции и обычаи, организационные отношения, информационное взаимодействие, взаимоотношения, групповые цели и мотивы и др. Преодолевая эту множественность, представляется удобным выделить в организации управления *четыре подструктуры,* которые и будут рассмотрены в следующих параграфах: *ценностно-целевые, организационных отношений, информационно-коммуникативные и управленческих воздействий.*

Значение *организации управления* хорошо иллюстрируется таким фактом из зарубежной практики. Вновь назначенному руководителю дается около полугода для наведения порядка в фирме, органе, производстве. По истечении оговоренного времени его отправляют в отпуск на месяц-два куда-нибудь подальше. Если за время его отсутствия работа организации ухудшилась, его увольняют как не справившегося с задачей организации управления.

Текущее управление представлено актами и процессами гибкого реагирования юридического органа на повседневно возникающие ситуации. Оно характерно динамичностью, ситуативной обусловленностью, большим по сравнению с факторами организационного уровня разнообразием и связано с принятием текущих управленческих решений, подбором исполнителей, распределением заданий, мобилизацией исполнителей, контролем и требовательностью и др.[4]

Психологические факторы организации управления постоянно проявляются в текущем управлении, а то типичное, что постепенно делается присущим психологическим аспектам текущего управления, постепенно сказывается на организационные, положительно или отрицательно, что зависит от их качественных особенностей.

Таким образом, управление правоохранительным органом представляет собой единство усилий по совершенствованию организации управления и оптимизации текущего управления. Успех того

и другого и достигаемые результаты зависят от степени воплощения в эту работу описанных выше принципиальных положений.

[1] Начало было положено «классической теорией управления», основания которой заложил в начале века Ф. Тейлор и которая развивалась его продолжателями (Ф. и Л. Гилбертами, Эмерсоном, Файолем и Др.). Свои варианты предлагались «бюрократической системой Вебера», «доктриной человеческих отношений» Э. Мэйо и его последователями, теорией «ситуативного управления», «управлением по-японски», социалистической административно-командной системой и др.

[2] *Столяренко А.М.* Психологические и педагогические проблемы управления в МВД, УВД. -М., 1982; *Столяренко А.М.* Опыт разработки психологической концепции управления в сфере правопорядка. // Психологический журнал. - 1983. - № 3.

[3] *Эмерсон Г.* 12 принципов производительности. - М., 1972. - С. 10.

[4] Вопросы текущего управления хорошо разработаны и освещены в работе А.И. Китова «Психология управления» (М., 1979).

5.2. Личность в системе управления

Психология личности с позиций управления. Психология личности в управлении — бесспорно, одна из важнейших. Субъект управления имеет дело со сложившейся до прихода на юридическую работу и в данный правоохранительный орган личностью конкретного сотрудника. Однако проявляющаяся в его деятельности и поведении психология — не прямая экстериоризация ее психологии. В самом деле, в системе управления мы имеем дело с личностью:

• находящейся на определенной, достаточно зрелой стадии своего развития;

• реализующей себя не во всей системе жизнедеятельности, а в конкретной профессиональной, юридической;

• принявшей на себя вместе с выбором профессиональной деятельности и вытекающие из нее цели, задачи, способы и обязательные результаты;

• не всегда осуществляющей профессиональную деятельность в полном соответствии с предъявляемыми к ней требованиями и взятыми на себя обязательствами.

Уже это показывает, что механистично представлять дело так, будто сформировавшиеся в прошлом особенности личности будут однозначно и неизменно проявляться в профессиональной деятельности, и что стоит у данного человека только сформировать качества, как проблема будет решена раз и навсегда. Кроме того, управление должно достигать не только отсроченных, но и текущих целей. Нельзя выполнить долговременные планы, не выполняя их каждодневно. Максимальную производительность труда, ответственное и творческое отношение к делу, дисциплину, соблюдение законности и прочее каждый сотрудник должен проявлять не когда-то в будущем, а сегодня, завтра — каждодневно. Дело охраны общественного порядка и борьбы с правонарушениями, задачи, возложенные на руководителя органа, не позволяют ждать, пока все сотрудники окажутся высоко и гармонично развитыми личностями.

Движение кадров, которое сейчас особенно велико, в определенном масштабе было и будет всегда, в общем случае делает такую задачу недостижимой. Практически всегда в организации будут молодые, недостаточно опытные, в чем-то не отвечающие предъявляемым им требованиям работники. Между тем все это не может служить ни малейшим оправданием невыполнения планов и задач юридическим органом. Надо выполнять и решать их каждый день и наилучшим образом. Это говорит о том, что искать решения проблем личности в каждом конкретном органе только на путях ее формирования и развития (при всей их важности и необходимости) все же нельзя. Кроме того, это и неверно, так как не соответствует реальной психологии личности, существующей и проявляющейся в системе управления. Какова же она?

Актуальная психология личности. В последнее время получают развитие идеи системного, динамического, социально-психологического понимания личности и ее движения в системе социально-психологических связей. Известный психолог А.Н. Леонтьев считал, что надо отказаться от традиционного для эмпирической психологии эгоцентрического «птоломеевского» понимания человека в пользу «коперниковского». «Тот «таинственный» центр личности, который называем «Я», - писал А.Н. Леонтьев, - центр этот лежит не в индивиде, не за поверхностью его кожи, а в его бытии»[1].

Внешние причины действуют через внутренние условия, и наоборот. Поэтому то, что мы наблюдаем на службе у конкретного работника как его
психологическую особенность, как проявляющуюся, *актуальную психологию,* не представляет собой чистого, рафинированного проявления присущих его психике устойчивых свойств. Они всегда — продукт преломления его качеств в данной деятельности и условиях. Если изменить условия и деятельность, то как-то изменится и эта, казавшаяся нам точно определенной особенность.

На механистичность созерцательной, лишенной деятельностного начала трактовки психологии личности указал Л.В. Петровский[2]. Представление, что личность лишь избирательно обнаруживает те или иные потенции из своего обширного внутреннего «тайника», чуть приоткрывая его и «выпуская» то, что соотносится с конкретными обстоятельствами, выглядит упрощенным. Диалектичнее полагать, что внешние условия так или иначе меняют проявление любых внутренних потенций. «Важнейшие характеристики личности, которые традиционно пытались усмотреть в наборе имманентных качеств индивида, видимо, следует искать не только в нем самом, но и в других людях»[3]. Ведь процесс актуализации их в деятельности детерминирован не только изнутри. Осуществляя деятельность, личность включается в систему предметных и социальных связей, которые неизбежно отражаются на том, как меняется ее психология в данной деятельности. Мы наблюдаем при этом не застывшую психологию личности, но личности, движущейся в системе общественных отношений, в системе взаимодействий и общения с другими людьми, что находит отражение в ее психологии[4].

«Феномены индивидуальной психологии личности в действительности существенно преобразуются в условиях совместной деятельности и общения, характерных для данного уровня развития группы, в которую включена личность. Индивидуально типичное в личности выступает как социально-психологическое».[5] Простой пример: в обстановке общего порядка, дисциплины, определенной чинности, которая характерна для московского метро и поведения людей в нем, даже отчаянно разнузданные личности ведут себя прилично, совсем не так, как в какой-то компании, на улице или трамвае, их актуальная, действующая, обнаруживающаяся в данной ситуации психология несколько иная.

Приведенные рассуждения побуждают к отказу как от крайнего релятивизма — представления о полной ситуативности психологии человека, так и от ортодоксального механицизма - представления, что в любой деятельности и в любых ситуациях личность проявляется ригидно, в неизменном виде. Последний в теории и практике распространен сейчас больше и должен быть преодолен, что особенно важно для повышения эффективности управления.

Организационно-деятельностный подход к психологии личности в управлении. Приведенные теоретические рассуждения важны, так как имеют прямой выход на прикладные решения проблемы личности в управлении и обеспечивают их более грамотное психологическое решение.

Если деятельность и психология личности взаимосвязаны, то в управлении мы имеем дело не с «чистой», неизменной психологией личности, а с *актуальной психологией, в которой представлены ее основные особенности, с тем, что обусловлено ее деятельностью и организационными условиями.*

Говоря упрощенно, конкретная личность стремится к чему-то на работе, намечает, думает, добивается чего-то не только в силу прочно присущих ей индивидуальных особенностей, но и под влиянием того, что ее окружает на работе, что она делает по обязанности. Это психологически объясняет, например, почему недостаточно дисциплинированный и воспитанный сотрудник ведет себя более дисциплинированно и воспитанно, если вся обстановка в организации стимулирует это. Напротив, даже в принципе дисциплинированный сотрудник в обстановке общей неорганизованности и беспорядка может снижать требовательность к себе, степень ответственного отношения к делу и, расслабляясь, допускать снижение дисциплинированности. Вся нынешняя жизнь убеждает, как с изменением общей обстановки в стране миллионы людей, вроде бы не став другими, стали вести себя иначе.

Задача управления в юридическом органе и состоит прежде всего в том, чтобы ***создать организационные социально-психологические условия,*** которые будут оказывать *мобилизующее, стимулирующее, организующее, возвышающее и развивающее влияние на персонал в целом и каждого сотрудника в отдельности.*

Не менее важен учет того, что психология личности может сильно меняться под влиянием осуществляемой деятельности, психология сотрудника, юриста — под влиянием правоохранительной, юридической деятельности.

Влияние деятельности на личность взаимообусловлено и зависит от *степени слияния личности, деятельности и организации,* что выражается в ряде феноменов актуальной (реально функционирующей и обнаруживающейся) психологии личности:

• *в образе деятельности* — совокупности представлений данного сотрудника о том, какие цели и задачи перед ним стоят в юридическом органе, какой смысл они имеют для него, как к ним относиться, чего реально ему надо добиваться, как добиваться, какими действиями, способами и приемами, какие усилия надо прилагать, какой результат его удовлетворяет и пр. Нормативные, долженствующие цели, задачи, средства, способы деятельности практически всегда воспринимаются индивидуализированно, могут иметь большое или никакое значение для конкретного работника, не одинаково приниматься к реализации, исполняться и пр. Степень совпадения—несовпадения актуальных, реально функционирующих в психологии юридического работника целей, задач, мотивов и прочего может колебаться в большом диапазоне;

• *в образе организации,* являющемся продуктом социального восприятия конкретным сотрудником своей организации, ее жизни, деятельности, системы управления в ней, личности руководителя. Как и при всяком восприятии, образ этот не фотографичен, а индивидуален, субъективен, пристрастен и характеризует то, как видится сотруднику эта общность: что это такое, что она призвана делать, что в действительности делает, каковы ее реальные психология и мораль, каковы в действительности люди, из которых она состоит, как они относятся к организации, ее целям и как на деле участвуют в достижении их и пр.;

• *в деятельностной позиции и линии поведения* сотрудника юридического органа — избранной им (на основе сложившегося образа деятельности, об-
раза организации и имеющихся индивидуально-личностных особенностей) системы отношений к различным вопросам жизни и деятельности в юридическом органе, а также тактики поведения (как совокупности способов и приемов их реализации и достижения поставленных перед собой целей), которые также могут по-разному соотноситься с должными (оптимальными).

Психологическая включенность личности в деятельность — степень психологического взаимопроникновения личности и деятельности, личности и организации. На полюсах возможного диапазона различий находятся: показная деятельность (квазидеятельность), характерная лишь имитацией соответствия должному и маскировкой действительного отрицательного отношения к нему, и добросовестная, максимально увлеченная, заинтересованная, творческая деятельность сотрудника, юриста, целиком отдающегося делу. Только последняя отражает полное слияние личности и деятельности, включение в нее всей психологии и ее потенций, и вместе с тем наиболее благоприятное и сильное влияние ее на психологию личности, интенсивное развитие под ее влиянием.

Отчетливое представление о том, каковы характеристики этих феноменов у каждого в отдельности сотрудника, непрерывная оптимизация их, ***достижение максимальной психологической включенности личности в деятельность*** выступают вторым стратегически и тактически значимым психологическим направлением управленческих воздействий на личность. Это реализуется в психологически и педагогически грамотной работе с персоналом и во всем процессе текущего управления.

---

[1] *Леонтьев А.И.* Деятельность. Сознание. Личность. - М., 1975. - С. 229.

[2] *Петровский А.В.* Личность в психологии с позиций системного подхода. // Вопросы психологии. - 1981 - № 1. - С. 57-66.

[3] Там же. С. 64.

[4] *Ломов Б.Ф.* Личность в системе общественных отношений. // Психологический журнал. -1981. - № 1. — С. 3-17; *Ломов Б.Ф.* К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. - 1981. - № 5. - С. 3-23.

[5] *Петровский А.В.* Указ. соч. - С. 62.

5.3. Личность руководителя правоохранительного органа

Психологический анализ деятельности и функций руководителя органа правопорядка. Для того чтобы раскрыть сущность требований к личности руководителя органа правопорядка, необходимо иметь четкое представление о том, каковы его основные функции, задачи и основные структурные блоки его управленческой деятельности. Американские психологи-управленцы Т. Фитцджеральд и Г. Карлсон отмечали, что руководитель представляет собой ответственное лицо, которое решает, управляет, организует, планирует и контролирует всю деятельность подчиненных. Он независим, полон сил и способностей, ориентирован на достижение, отважен, уверен в себе. Его жизнедеятельность, энергия, жизнеспособность находятся на уровне выше среднего. Другими благоприятными характеристиками руководителя являются умеренная агрессивность, настойчивость, конфиденциальность, твердость. Он должен проявлять сверхобычную компетентность в специальных профессиональных вопросах и не иметь выраженных психоневрологических нарушений. Руководитель должен обладать способностью к творческому мышлению, умением руководить, умением общаться с людьми, подчиненными и вышестоящими начальниками[1].

Множество функций и задач, которые стоят перед руководителем правоохранительного органа, предъявляют большие требования к его личностным и профессиональным качествам, управленческой подготовленности.

При функциональном подходе к управлению А. Файоль выделяет следующие функции: планирование, принятие управленческого решения, организацию, укомплектование штата, эффективную коммуникацию, стимулирование, руководство и контроль. Все эти функции в процессе управления органом правопорядка должны быть реализованы.

Если понимать функцию управления как относительно самостоятельную часть управленческой деятельности, характеризующуюся специфическим содержанием, то в ее составе можно назвать: прогнозирование, организацию, регулирование, контроль[2]. Этот набор управленческих функций выражает особенности управления органами правопорядка в современных условиях. Вместе с тем данный подход не противоречит функциональной концепции А. Файоля.

Реализация управленческих функций ежедневно требует от руководителя проведения множества конкретных мероприятий и действий: совещаний, работы с документами, приема посетителей и т д. Часто эти действия называют эмпирическими единицами деятельности руководителя. Исследования показали, что все эти эмпирические единицы деятельности включают в себя три взаимосвязанные теоретические единицы деятельности: 1) познавательную деятельность, 2) деятельность по принятию решений и 3) деятельность по организации их использования. Эти теоретические единицы деятельности отличаются друг от друга по предмету, целям, мотивам, действиям и результатам.

Нетрудно сделать вывод о том, что реализация, руководителем каждой из управленческих функций проходит посредством проведения конкретных мероприятий, каждое из которых базируется на познавательной деятельности, принятии конкретных решений и организации их исполнения. Наряду с этим следует отметить, что содержание, т.е. предметно-объективное наполнение этих видов деятельности, будет различным при реализации разных функций управления.

Реализация руководителем управленческих функций связана со спецификой построения и деятельности органов правопорядка. К таким особенностям следует отнести: жесткие формы подчинения и внутреннего распорядка типа воинского; специальные дисциплинарные права руководителя; специфические условия труда сотрудников и их повышенная ответственность за результаты деятельности. Часть работников органов правопорядка (например, следователи) обладают процессуальной самостоятельностью, что в какой-то мере ограничивает возможности управленческого воздействия на них.

К специфике управления органами правопорядка можно отнести экстремальность деятельности личного состава и управления им. Экстремальные ситуации заставляют принимать руководителя органа правопорядка ответственные решения в условиях действия стрессогенных факторов: дефицита времени, недостатка информации, опасности, повышенной ответственности за жизнь и здоровье граждан, сотрудников и др.

Психологические особенности личности руководителя органа правопорядка. Опрос значительного числа руководителей и рядовых работников органов правопорядка позволил составить ранжированный обобщенный ряд качеств, который характеризует важнейшие требования к эффективно работающему руководителю.

Ранг	Качества
1	Компетентность
2	Требовательность и справедливость
3	Умение руководить
4	Умение работать с людьми
5	Принципиальность
6	Порядочность, честность, этичность
7	Знание подчиненных
8	Умение видеть перспективу
9	Самокритичность
10	Обязательность

Анализ основных требований к личности руководителя позволяет разбить их на несколько составных частей или блоков. Прежде всего следует отметить качества, отражающие *функционально-ролевые требования к руководителю,* направленные на успешное исполнение им своих должностных обязанностей (например, компетентность, умение видеть перспективу в работе правоохранительного органа, умение руководить и др.).

Ко второму блоку относятся *коммуникативно-деловые качества* руководителя (знание подчиненных, умение работать с людьми, психологическая совместимость с коллегами и др.).

Третий блок образуют *нравственно-этические требования* к личности руководителя органа правопорядка (порядочность, обязательность, трудолюбие, честность, добросовестность, этичность в поведении и др.).

Опрошенные также назвали качества, которые, по их мнению, являются *противопоказаниями к занятию руководящей должности:* отсутствие управленческой подготовленности и профессиональная некомпетентность; высокомерие; грубость и хамство; эгоизм; беспринципность в работе; нерешительность; подобострастие перед вышестоящими начальниками; незнание подчиненных; злоупотребление властными полномочиями и правами; мелочная требовательность и придирчивость.

Можно говорить о *психологическом потенциале* руководителя органа правопорядка, обеспечивающем эффективность его деятельности и реализации управленческих функций. Структурно такой психологический потенциал руководителя образуется из: 1) индивидуальной управленческой концепции; 2) управленческой подготовленности; 3) морально-психологических качеств; 4) познавательных и интеллектуальных качеств; 5) управленческих способностей; 6) эмоционально-волевых качеств; 7) коммуникативных качеств.

/. *Индивидуальная управленческая концепция* руководителя органа правопорядка представляет собой субъективное, личностное видение системы основных управленческих проблем, способов воздействия на подчиненных, трудностей в организации деятельности работников и личного труда. В сформированном виде она раскрывает личностный смысл деятельности руководителя, оказывает влияние на мотивацию управленческого труда, постановку конкретных служебных и жизненных целей.

2. Управленческая подготовленность включает в себя знания, навыки и умения, позволяющие эффективно решать различные управленческие задачи. Важным элементом ее является психологическая подготовленность, направленная на совершенствование работы с личным составом, эффективное взаимодействие с подчиненными, бесконфликтное воздействие на их поведение и обеспечение формирования руководителем благоприятного управленческого климата в организации.

3. Морально-психологические качества отражают нравственные обязательства и этические нормы поведения руководителя органа правопорядка. Речь идет о должном и необходимом поведении с точки зрения нравственности, управленческой этики, конкретных норм морали, гуманного отношения к другому человеку. Нравственную основу поведения сотрудника составляют следующие морально-психологические качества: чувство профессионального долга; профессиональная честь; справедливость; принципиальность; честность; порядочность; сочувствие и сопереживание; мужество; установка на соблюдение законности и служебной дисциплины; чувство товарищества; гуманность и сострадание по отношению к потерпевшим от преступлений и тд.
4. Познавательные и интеллектуальные качества. Известно, что хорошо развитые качества восприятия и внимания позволяют руководителю получить достаточную информацию о специфике функционирования органа правопорядка, складывающейся криминогенной обстановке, особенностях личности сотрудника и конкретного профессионального коллектива. Профессиональная память руководителя на лица, внешность человека, числа (например, даты рождения), имена, отчества, фамилии и т.д. позволяют эффективно общаться с подчиненными, формируют у них благоприятное отношение к нему. Продуктивное мышление руководителя характеризуется такими качествами, как гибкость, широта, критичность, быстрота, сообразительность, прогностичность, эвристичность и др.
5. *Управленческие способности,* К числу основных относятся организаторские и педагогические способности руководителя правоохранительного органа.
Организаторские способности руководителя правоохранительного органа включают в себя умения: познавать самого себя; познавать людей по неполным данным; устанавливать и поддерживать психологический контакт с окружающими людьми; изучать людей в их повседневной деятельности; оказывать на людей управляющее воздействие; пользоваться властными полномочиями и др. В содержание *педагогических* способностей обычно включают: педагогический такт; психологическую наблюдательность; интерес к работе с людьми; умение проектировать личность подчиненного, видеть перспективы ее развития; умение объективно оценивать уровень обученности и воспитанности подчиненных; умение мастерски владеть речью и др.
6. *Эмоционально-волевые качества.* Работа руководителя связана со стрессами и отрицательными переживаниями. Среди стресс-факторов, связанных с деятельностью руководителя, часто называют: большую загруженность работой и отсутствие свободного времени; сложности, связанные с вхождением в новую должность руководителя; повышенную ответственность за принимаемые решения; ощущение руководителем несоответствия между тем, что должен, что хотел бы, и что реально делает; необходимость часто идти на компромиссы во имя сохранения служебной карьеры; угрозу авторитету руководителя; недостаток обратной информации о деятельности подчиненных; неудовлетворительные отношения с вышестоящим начальством и подчиненными; неопределенность должностного роста; неблагоприятный социально-психологический климат в профессиональном коллективе и др.
Основное правило преодоления стресса заключается в умении руководителя преодолевать неприятности, не относиться к ним пассивно, одновременно не впадая в озлобленность, обвинение других и не накапливая примеры несправедливости судьбы. Реакция на стресс должна быть осмысленной и взвешенной. Нельзя руководителю поддаваться первому эмоциональному импульсу, следует быть выдержанным и хладнокровным, смотреть на окружающий мир реалистично и так же реалистично действовать. Руководителю следует обращать внимание на развитие у себя таких эмоционально-волевых качеств, как решительность, настойчивость, самообладание, эмоциональная уравновешенность; выдержка, выносливость, осмотрительность, хладнокровие, уверенность в своих силах и др.
7. *Коммуникативные качества.* Исследования показали, что существуют коммуникативные качества, способствующие эффективности делового взаимодействия руководителя с сотрудниками: организованность; уверенность; независимость; скромность; установка на сотрудничество с подчиненными; готовность к помощи; сочувствие; обязательность; владение техникой общения; чуткость; отзывчивость; заботливость; справедливость; искренность в общении; активность в совместной деятельности; общительность; последовательность; тактичность. Затрудняют деловое взаимодействие следующие качества: скептицизм; застенчивость; покорность; сверхконформность; переоценка своих возможностей; агрессивность; стремление к доминированию; самодовольство; обособленность; вспыльчивость; обидчивость;

недоверчивость; подозрительность; робость; грубость; снисходительность; замкнутость; скрытность.

Проявление коммуникативных качеств руководителем связано с теми или иными качествами подчиненных. Для сотрудников с повышенным уровнем притязаний, стремлением к доминированию, высокой самооценкой более подходят отношения партнерства и ненавязчивого влияния. Для тех работников, кто обнаруживает явно завышенные (порой необоснованные) притязания, агрессивность, снисходительное отношение к сослуживцам, лучше избрать тактику удержания на расстоянии и формирования преимущественно официальных взаимоотношений.

Рассмотренные качества необходимо изучать при оценке соответствия руководителя занимаемой должности, при индивидуальной работе с ним, при его подготовке в образовательных учреждениях, при отборе кандидатов на вакантные должности, при зачислении перспективных работников в резерв на занятие должностей руководителей.

---

[1] *Фитцджеральд Т., Карлсон Г.* Как распознать потенциальные способности руководителя: Пер. с англ. // California Management Review. - 1971. - 14. - № 2. - P. 18-23.

[2] *Теория* управления в сфере правоохранительной деятельности. // Под ред. проф. В.Д. Малкова. - М., 1990. - С. 126-127.

5.4. Психология стиля и методов руководства персоналом органов правопорядка

Понятие о стиле руководства и определяющих его факторах. Чаще всего под стилем руководства понимают совокупность типичных и устойчивых методов воздействия руководителя на подчиненных с целью реализации управленческих функций. Вместе с тем в стиле работы проявляются личностные
особенности руководителя, субъективное понимание им системы управления органом правопорядка и своего места в обеспечении эффективной деятельности подчиненных. Поэтому можно сказать, что ***стиль — это типичный для руководителя правоохранительного органа образ мыслей, поведения и деятельности при решении им управленческих задач, эффективном управлении персоналом.*** Выделяют три группы факторов, определяющих стиль руководства подчиненными:

1) *личностные особенности* руководителя как субъекта управления (его индивидуальная управленческая концепция; ценностные ориентации; управленческая подготовленность; профессионально-должностная позиция; принимаемые им управленческие роли и другие личностные качества);

2) *характеристики объектов управления* (конкретных подчиненных и профессиональных коллективов);

3) *системно-организационные,* или *управленческие,* факторы (пример стиля работы вышестоящего руководителя; степень организационной «свободы» руководителя в выполнении своих полномочий; сложившаяся в организации система делегирования полномочий; управленческие нормы и правила поведения; существующие управленческие процедуры принятия решений и прохождения документов; особенности решаемых задач и сложившейся обстановки).

Решающую роль в детерминации стиля работы руководителя занимает *индивидуальная управленческая концепция,* т.е. его субъективное отношение к различным методам воздействия на подчиненных и степень адекватности оценки их эффективности. Французский философ и мыслитель Ш.Л. Монтескье отмечал: «...если хочешь управлять людьми, не надо гнать их впереди себя, надо следовать за ними». Эта мысль Монтескье указывает на необходимость выбора любым руководителем эффективного и научно обоснованного подхода в управлении людьми.

В науке существуют три основные теории, определяющие отношение руководителя к персоналу: *теории X и Y (Д. Мак-Грегор) и теория Z (У. Оучи).*

Содержание теории X:

• большинство сотрудников не любят работу и стараются по возможности избегать ее;

• большинство сотрудников необходимо заставлять выполнять работу, оказывая на них административное, экономическое и психологическое давление;

• большинство сотрудников предпочитают быть исполнителями и избегают ответственности.

Содержание теории Y:

• работа является желанной для большинства сотрудников;
• сотрудники способны к целеустремленности и самоконтролю, способны самостоятельно определять стратегии достижения целей;
• сотрудники стремятся к ответственности и самостоятельно принимают решения в пределах своей компетенции;
• заинтересованность работников зависит от системы вознаграждения по конечным результатам деятельности.

Содержание теории Z:
• необходима забота о каждом сотруднике организации;
• необходимо привлекать сотрудников к процессу подготовки и принятия управленческих решений;
• целесообразно обеспечивать периодическую ротацию кадров.

Практика и научные исследования показали явную выигрышность теорий *Y* и Z по сравнению с теорией *X.* Опора руководителя на теории У и Z ведет к формированию у него эффективного стиля управления подчиненными, позволяет ему добиваться положительных результатов в деятельности органа правопорядка.

Американские исследователи Р. Блейк и Дж. Мутон доказали, что эффективная работа с подчиненными зависит от сочетания в стиле руководства двух переменных: *внимания к службе* и *внимания к людям.* Они считают, что хороших результатов в управлении можно добиться, обеспечивая сбалансированное внимание на служебных (производственных) результатах и одновременное поддержание позитивного морально-психологического настроя людей.

Кроме того, в индивидуальной управленческой концепции руководителя органа правопорядка должно найти определенное место понимание сущности различных исполняемых им *управленческих ролей* (табл. 5.1).

Стиль руководства должен базироваться на оптимальном учете каждой из управленческих ролей, не допуская чрезмерного «застревания» на какой либо одной из них и учитывая конкретную складывающуюся обстановку в деятельности органа правопорядка.

Часто типология стилей руководства идет по пути выделения трех их разновидностей: *авторитарного, демократического* и *либерального.* Данная классификация носит общий ориентирующий характер. Реальное проявление стиля, как показывают практика и научный анализ, зависит от сложившихся отношений между руководителем и подчиненными, структуры и сложности решаемой задачи и содержания должностных полномочий руководителя органа правопорядка.

Характеристика основных методов воздействия руководителя правоохранительного органа на подчиненных. Анализ практики управления персоналом органов правопорядка позволяет выделить пять основных методов влияния руководителя на подчиненных.

1. ***Метод властного принуждения*** базируется на применении руководителем властных полномочий в отношении подчиненных, в том числе при наложении дисциплинарных, взысканий. Метод принуждения необходим при воздействии на нерадивых и недобросовестных подчиненных, работников, нарушающих служебную дисциплину и законность. Вместе с тем принуждение формирует страх перед возможным наказанием за совершенные (даже неумышленно) ошибки и меняет мотивацию труда. У работников начинает развиваться мотивация избегания наказания, что может вести к перестраховке, потере инициативы в работе, излишнему формализму и боязни самостоятельного принятия решения. Поэтому стиль работы руководителя, базирующийся в основном на методе принуждения, вольно или невольно снижает производительность деятельности и качество труда подчиненных. Метод принуждения — не главный в системе методов воздействия на подчиненных,
а поэтому должен применяться руководителем осторожно, с обязательным учетом индивидуальных психологических характеристик работников.

Таблица 5.1. Управленческие роли (по Г. Минтцбергу)

Категория	Роль	Характер роли

Межличностные роли	1. Номинальный начальник	Символ юридической власти, выполняющий определенные церемониальные обязанности (например, подписание документов, прием посетителей и т.д.)
	2. Лидер	Стимулирует подчиненных на достижение цели
	3. Связник	Служит звеном в вертикальной (а также горизонтальной) цепи обмена информацией
Информационные роли	4. Нервный центр	Собирает несистематизированную информацию, принимает все типы информации
	5. Распространитель	Передает отобранную информацию подчиненным
	6. Представитель	Передает отобранную информацию во внешний мир
Решающие роли	7. Предприниматель	Проектирует и начинает изменения внутри организации
	8. Ликвидатор нарушений	Принимает корректирующие меры в случае отклонений в организации и в нестандартных ситуациях
	9. Распределитель средств	Решает, кто должен получить ресурсы
	10. Посредник	Участвует в переговорах с другими сторонами, чтобы защитить интересы организации

2. ***Метод вознаграждения (поощрения).*** Сущность его заключается в положительном подкреплении поведения работника, основанном на объективной оценке достигнутых им результатов в деятельности. Применение вознаграждения или поощрения эффективно при соблюдении *следующих правил:* индивидуализации вознаграждения; соответствия стимула достигнутым успехам; гласности при объявлении поощрения; наращивания стимулов в связи с достижениями в работе; учета ожиданий работников при выборе вознаграждения.

В работе руководителя органа правопорядка возможно применение 12 способов вознаграждения:

• деньги (материальное вознаграждение);
• одобрение поведения и деятельности подчиненного;
• признание эффективности служебных действий;
• предоставление свободного времени;
• предоставление любимой работы;
• способствование профессионально-личностному росту;
• продвижение по служебной лестнице;
• предоставление самостоятельности в работе;
• учет личных интересов работника;
• достижение взаимопонимания;
• ценные подарки (призы);
• представление к правительственным наградам и досрочному присвоению специальных званий.

3. ***Метод примера (харизмы)*** основывается на позитивном влиянии профессионально-личностных качеств и способностей руководителя в отношении подчиненных. В этом случае часто наблюдается идентификация подчиненного с руководителем, осознанное или неосознанное подражание стилю деятельности и признание его авторитета как лидера. Авторитет руководителя, как показывают исследования, обладает определенными элементами внушающего воздействия и заставляет подчиненных неосознанно подражать манерам поведения своего непосредственного начальника. К числу *харизматических характеристик* личности руководителя органа

правопорядка относят: энергичность поведения руководителя и заражение им своей энергией окружающих; внушительную, солидную внешность; независимость характера; отличные риторические способности; достойную и уверенную манеру поведения; адекватное восприятие восхищения со стороны окружающих и др.

4. ***Метод влияния через участие подчиненных в управлении.*** Привлечение работников к участию в управлении, в том числе к подготовке вариантов и принятию управленческих решений, оказывает позитивный эффект. Меняется мотивация деятельности, растет управленческая подготовленность работников, они все чаще идентифицируют себя с организацией, в которой проходит их служба. Большое значение для привлечения подчиненных к участию в управлении играет система обоснованного и своевременного делегирования полномочий.

5. Метод убеждения основан на логике и аргументации руководителем своей точки зрения. Начинается убеждение с попытки понять точку зрения подчиненного, его мотивацию поведения и позицию. При этом очень важно достигнуть доверительности в процессе беседы с работником, найти точки согласия в позициях и всячески их развивать. Практика показывает, что неэффективность убеждения зависит от двух основных ошибок: *отсутствия обратной связи с подчиненным* и *неумения его выслушать*. Эффективное слушание руководителем подчиненного, проявление эмпатии и терпения в беседе с ним являются хорошими предпосылками эффективности убеждения. Американский профессор психологии К. Дэвис предполагает девять правил эффективного слушания (прочитав очередное правило, на минуту прервитесь, вообразите разговор с конкретным человеком и представьте, как вы пользуетесь только что прочитанным правилом):

• перестаньте говорить;
• помогите говорящему раскрепоститься;
• покажите говорящему, что вы готовы слушать;
• устраните раздражающие моменты;
• сопереживайте говорящему;
• будьте терпеливым;
• сдерживайте свой характер;
• не допускайте споров или критики;
• задавайте вопросы.

Совершенствование стиля и методов работы руководителя органа правопорядка с персоналом. Наблюдения показывают, что стиль руководства и успешность индивидуальных воздействий на подчиненных зависят от:

1) выраженных мотивов и интересов руководителя на повседневную работу с подчиненными;

2) умения дозированного применения властных полномочий в зависимости от конкретных управленческих ситуаций и особенностей работников;

3) умения экономить дисциплинарные санкции при одновременной опоре на мнение и воспитательные возможности профессионального коллектива;

4) умения психологически целесообразно применять властные полномочия;

5) умения дифференцировать управленческие воздействия в зависимости от особенностей конкретных работников и профессиональных групп;

6) умения обеспечить преемственность в применении властных полномочий по отношению к подчиненным и профессиональным группам со стороны всех руководителей органа правопорядка;

7) умения опираться в управлении персоналом на элементы самоорганизации и инициативы сотрудников;

8) наличия у руководителя установки брать ответственность на себя и обеспечивать психологическую защищенность подчиненных.

В совершенствовании стиля работы руководителя важную роль играют учет научных данных, его установка на повышение роли нравственности, этики и правовых норм при оказании воздействия на подчиненных.

Следует обратить внимание на необходимость самовоспитания руководителя, развития им у себя таких качеств, как требовательность к себе, примерность в поведении, скромность, самокритичность, деловитость, организованность, ответственность и др. Руководитель органа правопорядка должен владеть психологической информацией, учитывать ожидания работников по отношению к стилю своей работы, поэтому в заключение можно дать пять полушутливых постулатов психолога-консультанта Д. Хамбля:

• Скажите мне, чего вы от меня ждете, т.е. ясно, недвусмысленно изложите задачу, в противном случае таковым будет ее исполнение.
• Дайте мне возможность действовать, если уж поставили передо мной цель — не мешайте, дайте мне права.
• Скажите, как идут мои дела? Я должен постоянно знать, приближаюсь ли я к цели или нет, на правильном ли я пути.
• Помогите мне, если я в этом нуждаюсь. Если не нуждаюсь, то не надо меня опекать, контролировать.
• Вознаградите меня сообразно моему вкладу, принцип материального и морального стимулирования, мотивации должен работать

5.5. Ценностно-целевые факторы в управлении

Формальные и неформальные цели, задачи и ценности. Всякое управление заключается в целесообразном сохранении или изменении управляемой подсистемы и ориентировано на достижение определенных целей. *Цель в управлении* - необходимое, желаемое состояние системы, предвосхищаемый результат, на который ориентируется управление. Цель и ценности — исходный пункт, определяющий всю стратегию управления и планирование, организацию и текущие процессы, выбор форм и способов деятельности, направление и силу управленческих воздействий, результаты и их оценку субъектом управления, руководителем. Любой юридический орган — это целевая общность людей, союз единомышленников. Естественно, что повышение организационного порядка и результативности управления требует оптимизации его ценностно-целевой основы. «Если мы ставим перед собой задачу совершенствования организации, *не* уточнив ее целей, мы рискуем предложить лучшие способы выполнения ненужных функций или лучшие пути достижения неудовлетворительных конечных результатов»[1].
Основные цели и ценности юридических органов задаются Конституцией Российской Федерации, законодательством и иными правовыми актами. Они конкретизируются в частных целях и задачах конкретным службам, подразделениям, должностным лицам. Однако реальные, проявляющиеся на деле цели и ценности всегда сочетают объективное и субъективное, нормативное и психологическое. Они не действуют сами по себе, пока не будут поняты людьми, приняты ими внутренне, переведены на язык практики и воплощены в деятельности. Социальные и профессиональные ценности также выступают в виде определенного комплекса требований к деятельности, но индивидуальные особенности людей и особенности условий служат причиной возникновения избирательного, пристрастного отношения к ним: что-то одобряется и принимается, а что-то нет, что-то признается более важным, чем должно быть, а что-то наоборот, что-то придумывается (вообще не предусмотрено нормативно) и т.д. Так возникают *неформальные цели, ценности, ориентации, социальные и профессиональные установки,* которые чаще всего близки к нормативным, но не идентичны им. Нередко сотрудники не могут сразу четко сказать, какие цели они преследуют, на что ориентируются, но если их спросить, какой бы результат, например, за полугодие их удовлетворил, а какой огорчил, по каким показателям они оценивают свою положительную работу, то в ответах вырисовываются контуры целей и ценностей полуосознанно, но на деле преследуемых ими.
Главным носителем *общих целей и ценностей,* олицетворяя их своей деятельностью, выступает руководитель органа и созданная им подструктура управления. Но общая цель дробится на частные, и чем дальше от вершины «управленческой пирамиды», тем больше дробление общей цели, тем меньше за частными целями отдельных подразделений и исполнителей им видна общая цель. Частные цели и задачи отдельных служб (рис. 5.3) и работников психологически выступают как самостоятельные и самые важные, а общая не видится или воспринимается как что-то далекое, имеющее лишь косвенное отношение к работе, туманное и кажется не самой важной. Это чувство отчужденности от общей цели резко усиливается от того, что вышестоящий руководитель спрашивает строго именно за частные цели и задачи и неприятности по службе исходят от этого.
Осложнения в общую целеустремленность личного состава, аппарата, персонала правоохранительного органа вносит его организационная структура. Чем она дробнее, чем больше подразделений, служб, а вместе с тем и организационных «перегородок», разделяющих коллектив на группы, тем больше психологических барьеров на пути организации их

взаимодействия для достижения общей цели.
Например, в органе внутренних дел имеется крупное подразделение уголовного розыска, его сотрудники работают дружно, помогая друг другу. Но вот кому-то приходит идея разбить его на два уголовных розыска, специализировав их: одному ставится цель раскрытия одной группы преступлений, а другому — второй. У каждого из вновь образованных подразделений появляются и свои критерии, по которым оценивается эффективность именно их деятельности. В результате между ранее дружно работающими людьми словно «кошка пробегает», и руководителю органа приходится их «тянуть за уши», чтобы они, как и прежде, тесно взаимодействовали друг с другом.

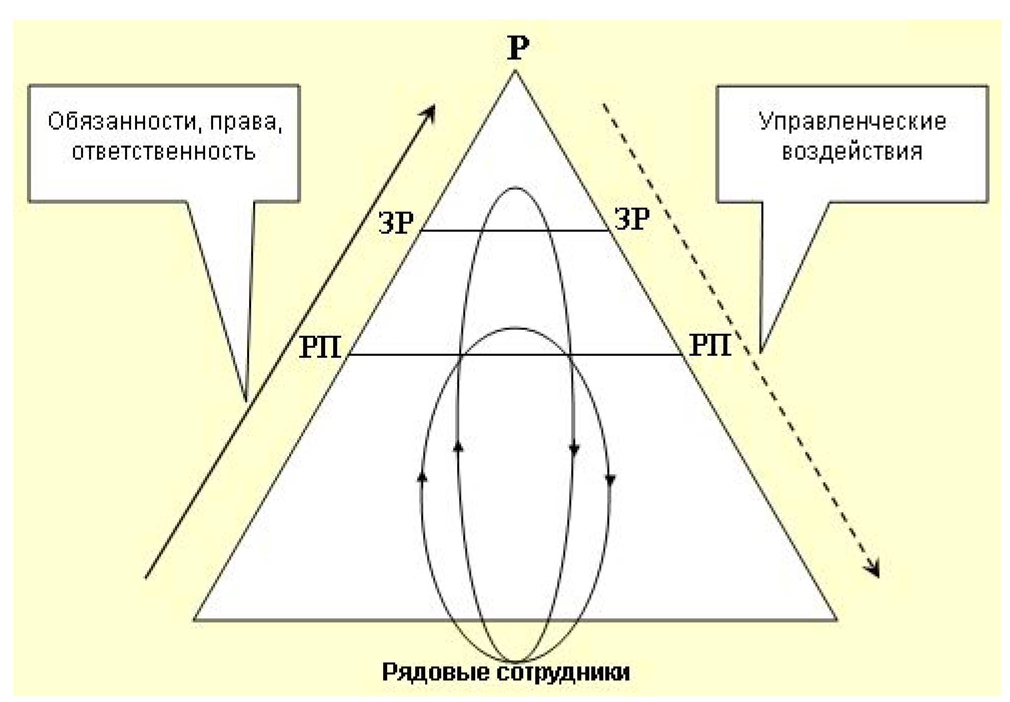

Рис. 5.3. «Управленческая пирамида»: Р - первый руководитель; ЗР - заместитель руководителя; РП — руководители подразделений, служб

Цель, как обычно, всегда дробится на конкретные задачи, и опять привносится в ее достижение психология: одни задачи кому-то могут не нравиться, до других руки не доходят, к решению третьих сотрудник чувствует себя недостаточно подготовленным и т.д.
Короче говоря, *существует психологическая проблема обеспечения целеустремленности всех и каждого на достижение результатов, отвечающих общим целям и задачам, и полного решения своих собственных задач,* которая есть на практике и ощущается многими руководителями.
Основные пути совершенствования ценностно-целевой подструктуры управления. Можно выделить и сформулировать среди них следующие пять.
1. *Уяснение общей цели, социальных и профессиональных ценностей, частных целей и задач всеми руководителями и личным составом.* При всей кажущейся очевидности того, что все и все понимают, заслуживает внимания понимание тех психологических осложнений, о которых речь идет ниже. Для руководителя правоохранительного органа, руководителей служб и всего персонала важно понимание тех основополагающих положений, которые изложены в § 5.1. В их сознании должно жить острое, цивилизованное и эмоционально окрашенное понимание социальности, государственной важности, человечности стоящих перед ними задач и чувство ответственности за полное соответствие им достигаемых результатов. Для преодоления отживающего наследия административно-командной системы и соответствующего ему стиля управления (которые до сих пор дают о себе знать) особенно важно уяснение двуединой цели управления: достижения чисто юридических результатов в управлении и человеческих, гуманных, воплощенных во внимании и заботе о личном составе, персонале. Успешность достижения последней - и самоцель, и важнейшее условие достижения первой. Среди главных ценностей в юридических коллективах на первом месте стоят справедливость и законность. В целом постоянно и во всем при управлении следует повышать статус цели и особенно общей цели.

2. *Повышение деловитости управленческих целей и ценностей.* Чтобы обеспечить полное достижение целей и решение всех задач, управление обязано быть деловым, практичным, рачительным. В деловитости ярко выражается реальная обеспокоенность руководителя и всего персонала за достижение требуемых результатов. Многие не добиваются никаких целей, не ставят их перед собой, «просто работают, делают то, что положено». Развитию подобного отношения к делу служат и общие фразы, формулировки типа: «усилить», «активизировать», «повысить внимание». Необходимо сотрудникам четко описывать тот результат, который должен быть достигнут, по которому будут оценивать каждого. Следует стремиться к тому, чтобы этот результат мог поддаваться проверке. Существенно повышают деловитость четко обозначенные сроки получения тех или иных результатов.

По деловитости и результатам можно судить о действительной силе социально и профессионально зрелых целей, которые преследует реально каждый руководитель, коллектив и каждый сотрудник. Оценивая это, можно сказать о неформальных целях и ценностях их, о степени совпадения их с должностью. По деловым результатам можно говорить о максимально зрелых и продуктивных неформальных целях и ценностях, о прагматичных и меркантильно-корыстных. Вторые обнаруживаются в преимущественной ориентации отдельных руководителей и сотрудников на избежание неудач и неприятностей. Их волнуют не столько деловые результаты в работе, сколько опасения неприятностей, которые у них могут возникнуть. Это обнаруживается в формально-бюрократических решениях и перестраховке, стремлении всегда и везде прикрыться на случай пунктом какой-то инструкции. Прагматичность в работе обнаруживается и в ориентации на «мнение начальства» о своей работе. Стремление к этому вообще-то естественно, но когда оно ставится выше стремления к достижению делового результата и все делается в угоду мнению о себе, это становится порочным. Меркантильно-корыстные цели выражаются в злоупотреблении служебным положением, в демонстрации своей власти, в подчеркивании зависимости граждан, нуждающихся в юридической помощи, от своей благосклонности, в откровенном вымогательстве и мздоимстве и пр. Преодоление негативных неформальных целей и ценностей требует проявления непримиримости от руководителя, целого комплекса мер вплоть до возбуждения уголовного дела.

3. *Сбалансирование управленческих и профессиональных целей и ценностей,* К этому обязывает их множественность и возможность деформации их на неформальном уровне. Особенного внимания заслуживает их согласованность по уровням управления, по различным направлениям управленческой и юридической деятельности, между структурными подразделениями не допускать «функциональный эгоцентризм», «профессиональное местничество», демонстрацию «подразделенческих суверенитетов»), по времени — краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных (не допускать сведения работы к решению сиюминутных, текущих задач). Для руководителя правоохранительного органа первостепенное значение имеет решение долгосрочныех задач. Ему надо все время смотреть вперед и думать о том, как завтра усовершенствовать работу органа, как улучшать условия и обеспеченность работы персонала.

4. *Совершенствование системно-управленческих факторов, влияющих на целеобразование и формирование ценностей у руководителей и рядовых сотрудников.* Различные условия оказывают существенное влияние, и с этим надо считаться. Прежде всего сказывается *нормативная основа целей и ценностей.* Зачастую цели носят лозунговый, неконкретный характер и воспринимаются работниками как нереальные; задачи либо очень узки и не соответствуют тем, которые приходится решать, либо излишне масштабны — и отношение к ним как к невыполнимым; четкого указания на все ценности не содержится, собственно человеческие ценности порой отсутствуют вообще. Мощно влияют на неформальные цели, ценности и задачи критерии оценки эффективности деятельности руководителя, юридического органа, подразделения, отдельного работника. Люди вообще сильно ориентированы на то, за что их спрашивают, поощряют, критикуют, наказывают: «Добиваюсь того, что требуют», «Стремлюсь не допускать того, за что наказывают», «Зачем мне думать о том, что будет через год, когда меня могут снять с работы завтра». Юристы, у которых в крови ориентация на нормы, реагируют на все это с особой силой. Руководитель постоянно обязан задумываться над тем, как ориентирует подчиненных его требовательность, как она сказывается на системе их неформальных, реально побуждающих их целей, ценностей и задач. Существует увлечение цифровыми показателями эффективности (например, процент раскрываемости преступлений), люди и ориентируются на них, а те показатели, которые не оцениваются количественно, начинают постепенно исчезать из поля их ориентации. Доброжелательность, вежливость, культурность, этичность, внимательность,

человечность и прочее трудно выразить напрямую в цифрах, и не случайно, что за них редко поощряют или наказывают, и не случайно ориентация на эти ценности страдает больше, чем на другие.
Улучшают работу общие для разных служб цели и задачи, постановка оценки работы одной в зависимости от оценок другой (других).
Успехи в управлении и деятельности правоохранительного органа способствуют повышению статуса цели и ценностей, а упущения развивают негативные настроения («Пусть думает тот, кто за это непосредственно отвечает», «Наше дело — сторона», «Зачем что-то обсуждать и предлагать: начальство все равно по-своему сделает», «Незаслуженная похвала лучше заслужен^ ной критики» и т.п.).
5. *Совершенствование личностных и групповых факторов.* Никакой контроль не может заменить недостатки и упущения в развитии личности работников правоохранительных органов. Только профессионально и нравственно
развитая личность будет постоянно добиваться достижения зрелых целей укрепления законности и правопорядка и ориентироваться на соответствующие ценности. Напротив, трудно ожидать такого от человека с недостаточно активной гражданской позицией, склонного к спокойной кабинетной работе, гипертрофированно пунктуального (склонного к формализму), чрезмерно честолюбивого, недобросовестного, эгоистичного, упрямого и т.п.
Существенно сказываются также групповые социально-психологические факторы, групповое мнение, настроения в коллективе.
Специального внимания заслуживает зависимость силы мотивов достижения целей и требуемых результатов от оценки вероятности и времени их достижения (рис. 5.4).

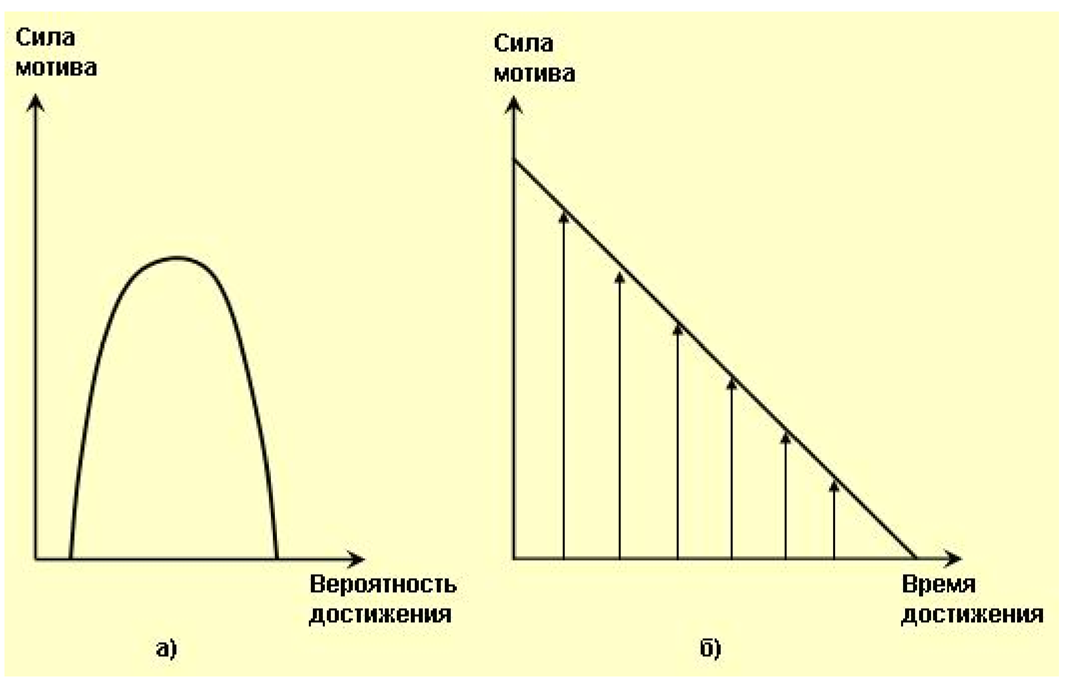

Рис. 5.4. Зависимость силы мотивов достижения цели: а) от оценки вероятности (по Дж. Аткинсону); б) от времени (по Дж. Холлу)

---

[1] *О'Шонесси Дж.* Принципы организации управления фирмой: Пер. с англ. - М., 1979. - С. 33.

5.6. Психология организационных отношений в управлении

Понятие организационных отношений. Организационные отношения — это психологические отношения работников органа правопорядка, находящие конкретное отражение в их профессионально-должностных позициях, а также в реальных взаимоотношениях по поводу совместного выполнения должностных обязанностей. Организационные отношения характеризуют особый пласт сознания работника - организационное сознание, от которого зависит его организационное поведение. Реализуясь в виде субъективных отношений личности

работника, они ведут к формированию соответствующей *позиции (профессионально-должностной позиции),* которая обеспечивает включение и ориентацию работника в системе управления органом правопорядка и его организационное самоопределение. Организационные отношения, выступая как взаимоотношения, определяют сущность и психологическое содержание контактов, ориентированных на согласование действий и поступков работников органа правопорядка.

Организационное сознание выполняет важнейшую роль в процессе структурирования организационного поведения работника. Так, организационное сознание позволяет «увидеть» себя в системе сложившихся организационных связей, определить свои должностное положение и роль в организации, т.е, сформировать соответствующую профессионально-должностную позицию. Профессионально-должностная позиция есть следствие проявления организационного сознания применительно к поведению человека в конкретно взятой социальной организации и конкретно взятой должности. Можно сказать, что организационное сознание находит реальное воплощение в организационных отношениях[1].

Динамика организационных отношений. Сложность управления персоналом органов правопорядка заключается в том, что реальные организационные отношения зависят от нормативно определенных взаимозависимостей работников И степени адекватности их осознания работниками органов правопорядка.

Можно выделить следующие разновидности соотношений между заданными организационными зависимостями и реальными связями работников:

• взаимозависимости не заданы (указаний на них в нормах, организационных документах и должностных обязанностях нет), но реальные организационные связи наблюдаются;

• взаимозависимости заданы, но работник их не осознает, контакты ослаблены или совсем не наблюдаются;

• взаимозависимости предписаны, осознаны работниками, и имеются реальные организационные отношения;

• взаимозависимости заданы, осознаны работником, но в силу различных причин контакты отсутствуют;

• взаимозависимости не заданы, хотя целесообразны с практической точки зрения, реальные связи не наблюдается и т.д.

Исследования показывают, что круг осознаваемых организационных зависимостей гораздо шире круга реальных организационных контактов. В основном непосредственные организационные отношения, «контакт лицом к лицу», ограничены ближайшим должностным окружением, работниками своего подразделения (службы) и конкретного органа правопорядка.

Можно и нужно говорить о сетях организационных отношений. *Сеть организационных отношений* — это совокупность сознательных, избирательных связей работника с различными элементами жизни и деятельности в органе правопорядка как социальной организации. Это определяющая особенность оценок, интересов и предпочтений в организационном поведении. Сеть организационных отношений — это также совокупность целеориентированны на согласование, кооперацию в совместной работе взаимосвязей работников органа правопорядка.

С психологической точки зрения значимыми характеристиками сетей организационных отношений являются:

• взаимозависимость и взаимосвязанность их элементов (работников подразделений);

• целеориентация сетей как по включенным в них лицам и группам, так и по решаемым профессиональным задачам;

• объем (круг) предполагаемых и действительных контактов работников и функциональных групп, входящих в сети организационных отношений;

• адекватность личностных сетей должностным обязанностям работников и поставленным служебным задачам;

• совпадение или рассогласование ожиданий в образовании сетей;

• степень представленности в сознании работников сетей организационных отношений;

• удовлетворенность личности работника, функциональной группы, коллектива органа правопорядка в целом состоянием сетей организационных отношений, что отражается в соответствующих характеристиках социально-психологического климата.

На основе анализа и проведенных исследований можно утверждать, что *психологическая структура профессионально-должностной позиции* работника органа правопорядка включает в себя следующие элементы:

• *концептуальные* (организационные ценности, убеждения, представления, приоритеты, отношение к существующей системе управления органами правопорядка и т.п.);
• *познавательные* (знание и понимание сущности своих должностных обязанностей, прав и ответственности, содержания и порядка взаимодействия с другими работниками);
• *цеммотшационные* (организационные цели и задачи, деловые мотивы, оценки, удовлетворенность организацией работы и служебными контактами и т.п.);
• *профессионально-творческие* (уровень профессиональной и организационной подготовленности, деловой самостоятельности, инициативы, самоорганизации и т.п.).
Все элементы профессионально-должностной позиции взаимосвязаны, поэтому процесс ее формирования у работников должен строиться с учетом управленческого воздействия на каждый из них. Конечно, отклонения могут чаще обнаруживаться в какой-либо одной из подструктур (например, недостаточно четкое и полное представление о круге своих должностных обязанностей). Однако можно предполагать, что в этом случае познавательные элементы позиции зависят от отсутствия интереса к работе и недостаточной мобилизованности. Таким образом, здесь влияние должно идти по пути управленческого воздействия уже на две взаимозависимые подстурктуры (познавательную и целемотивационную) профессионально-должностной позиции.
Психологические аспекты проектирования и нормирования организационных отношений.
Концептуальное значение для проектирования организационных отношений имеют *принципы:*
• единства целей, предполагающего согласование служебных целей, достижение взаимопонимания и целенаправленности во взаимодействии работников;
• ответственности работников за выполнение своих должностных обязанностей;
• согласования прав и ответственности;
• разделения труда в соответствии с должностными обязанностями и служебными целями, поставленными перед каждым работником;
• делегирования полномочий, означающего, что работа, которая может быть выполнена на нижележащем уровне управления, должна быть делегирована руководителем соответствующим подчиненным;
• опоры на передовые формы управления и использование научных достижений в формировании и поддержании стабильных организационных отношений.
Исследования показывают, что для разработки эффективных организационных отношений целесообразно следовать следующим семи *рабочим правилам:*
1) обоснованное сочетание в организационных отношениях нормативно предписанных действий и самоорганизации работников;
2) развитие работников и функциональных групп в системе организации органа правопорядка, учет перспектив их деятельности и карьеры;
3) заинтересованность работников в организационной деятельности и ее соответствующее стимулирование;
4) учет психологической совместимости людей в системе организационных отношений, организационных предпочтений и притяжений при расстановке кадров;
5) доминирование общеорганизационных целей перед частными целями подразделений, служб, отдельных работников;
6) учет психологического уровня развития профессиональных коллективов;
7) ориентация на психологические и физические возможности человека при нормировании его труда, определении его обязанностей и объема ответственности.
В качестве содержательных элементов проектирования и нормирования выступают:
для сетей организационных отношений
• ориентация сетей,
• диапазон сетей,
• критерии и мотивация выбора делового партнера,
• согласованность сетей,
• преодоление функциональной замкнутости сетей; *для профессионально-должностной позиции сотрудников*
• их организационные концепции,
• усвоение ими должностных обязанностей, прав и ответственности,
• мотивы самоопределения и самоутверждения в социальной организации,
• формы самоутверждения,
• стимулирование и перспективы должностного роста,

• уровень знаний, умений и навыков в представлениях и оценках работников; *для реальных организационных связей и контактов*
• порядок и периодичность контактов,
• формы организационного воздействия друг на друга,
• предполагаемый результат контактов,
• стабилизация контактов.
В качестве основных носителей предмета психологического проектирования организационных отношений могут выступать различные организационно-управленческие документы: проект оргструктуры органа правопорядка; организационно-управленческие регламенты работы; технологические правила работы и инструкции; нормативно-правовые акты (положения, уставы, приказы, наставления и т.п.); должностные инструкции; методические рекомендации и т.п.
При проектировании организационных отношений в органе правопорядка необходимо обращать внимание на решение следующих *психологически важных для работников вопросов:*
• четкого формулирования целей деятельности каждого работника и отдельных служб и подразделений;
• создания эффективной мотивации, что достигается в первую очередь ясным и однозначным формулированием конечных результатов деятельности, критериев ее оценки, стимулов за служебные достижения и неудачи, способов определения вклада каждого работника в совместную деятельность;
• четкого определения рабочей зоны (участка, объекта и т.п.), обслуживаемого отдельным работником или группой сотрудников;
• обеспечения стабильности службы или подразделения;
• формирования требований к руководителю функциональной группы (службы или подразделения) органа правопорядка;
• комплектования службы, подразделения или временной рабочей группы с учетом психологической совместимости работников и их профессиональной подготовленности;
• оптимизации численности профессиональной группы;
• планирования основных видов взаимосвязей и контактов работников, служб и подразделений органа правопорядка.

---

[1] *Панкин А.И.* Психология организационных отношений: методология, теория, практика. М., 1990. - С. 18-35.

5.7. Информационное обеспечение управления и психология

Информация и психологические факторы. Управляет тот, кто владеет информацией. Специалисты по управлению сравнивают функцию информации с функцией фар автомобиля при движении ночью: фары освещают дорогу впереди, обеспечивая контроль за обстановкой и подготовку реакций водителя. Если фары светят слабо или вбок, то неприятностей не избежать. Потоки информации в правоохранительном органе, как нервные импульсы по нервным путям организма, как кровь по его кровеносным сосудам, циркулируют в его «теле», питая подразделения и работу должностных лиц, связывая их воедино.
Управление должно решить три задачи, создавая информационную подструктуру организации деятельности правоохранительного органа:
• организацию коммуникативных сетей;
• повышение качества информации, циркулирующей по коммуникативным сетям, обеспечивающей управление и деятельность персонала;
• полноценное использование информации для решения задач управления, укрепления законности и правопорядка на обслуживаемой правоохранительным органом территории.
Эти задачи связаны со своеобразной группой психологических факторов - ***познавательно-коммуникативных.*** Чтобы повысить эффективность управления, необходимо знать, учитывать и совершенствовать эту группу психологических факторов.
Психологические особенности организации коммуникативной сети управления. Коммуникативная сеть — сложно соединенная и переплетенная система коммуникативных

информационных потоков, циркулирующих по всем элементам правоохранительного органа и обеспечивающая его деятельность. Это схема циркуляции информации[1]. Основа ее задается структурой правоохранительного органа и организационными отношениями между его подразделениями и должностными лицами, т.е. основа лежит в организационно-правовой плоскости организации.

Реальная же картина передачи сообщений может не совпадать с ней, и причиной этого выступают психологические факторы. Под их влиянием происходит обрыв нормативных (формализованных) каналов и цепей, возникновение новых, их изменение (ослабление или усиление), изменение информационных ролей отдельных лиц, утечка служебной информации и др. Поэтому надо *тщательно следить за влиянием психологических факторов на коммуникации.*

Умелый руководитель принимает *меры по обеспечению положительного влияния психологических факторов на коммуникации.* К. Киллен, изучавший этот вопрос, пишет: «Представьте себе, как крайний случай, попытку общения с человеком, целящимся в вас из винтовки. До тех пор, пока этот человек относится к вам как к врагу, вряд ли удастся с ним эффективно общаться. Однако глубокое взаимное уважение отправителя и получателя сообщений чрезвычайно облегчает коммуникацию и позволяет быстро находить решение даже самых трудных проблем»[2]. Надо уделять внимание прежде всего межличностным взаимоотношениям, взаимоотношениям руководителей служб и их коллективов, преодолевать психологические барьеры (взаимное недоверие, отсутствие единства подходов, нездоровая конкуренция, осторожность в передаче информации, разборчивость в подключении новых коммуникативных каналов, пользование нелегальными коммуникативными каналами и пр.).

Сказывается то, как развиты и развиваются у сотрудников коммуникативные способности и умения: общительность, доступность, умение слушать и быстро схватывать суть сообщения, быстро и правильно решать, кому передать информацию, умение хранить и быстро находить нужную информацию, четко, ясно и кратко передавать сообщение и др.

Срывы могут возникать и из-за перегрузки отдельных точек, лиц в коммуникативных сетях, превышающей их психологическую пропускную способность.

Психологические вопросы повышения качества информационного обмени. Можно с уверенностью утверждать, что качество сообщаемой информации в немалой степени зависит от психологии людей и групп, обеспечивающих ее добывание, переработку и передачу. Информация — это всегда знание и понимание. Чем сложнее процессы и явления, информацию о которых надо получить, тем больше шансов ее бедности и искажения, что в полной мере относится и к информации, которая нужна в юридической работе. Понять, разобраться в оперативной обстановке, ситуации, поступке, собеседнике, психологии группы и прочем — дело сложное. Чтобы улучшить его, следует целенаправленно развивать у сотрудников профессиональную наблюдательность и память, считаться с закономерностями восприятия социальных объектов, уметь интерпретировать наблюдаемые психологические феномены (из рассказа следователя: «Создавалось впечатление, что она искренне сожалеет о смерти мужа. Однако я почему-то не верил ее словам. Почему она казалась мне не такой, за какую хотела себя выдать? Голос! Он и до сих пор у меня звучит в ушах, почти на одной ноте, как-то монотонно, сухо, слова лаконичны. Таким не бывает голос женщины, потерявшей любимого мужа. О своих сомнениях я доложил руководителю группы»), развивать общий интеллект и профессиональное мышление.

Для познания социальных объектов, групп людей должна анализироваться вся совокупность информации о них и отдельный факт, который тоже может иметь значение. Что можно сказать, например, о зоологе, который, изучая животных, предварительно пропускает их через мясорубку, а потом последовательно исследует каждую клеточку отдельно? Даже цифры, имеющие почти магическое влияние на людей, и то надо оценивать по совокупности данных и сопоставлений. Скажем, в каком-то городском отделе внутренних дел в позапрошлом году было 1000 преступлений, из которых 22% (220 случаев) — хулиганство. В прошлом году общее число зарегистрированных преступлений снизилось до 800, но доля хулиганства в них составила 25%. Судя по процентам, дело с хулиганством ухудшилось, но в действительности их стало 200 случаев. Правильная оценка информации должна была быть такой: общее число преступлений сократилось, сократилось и хулиганство, но сократилось оно в меньшей степени, чем общая преступность. Другой факт: в одной области число преступлений за год равно 5000, в другой — 8000. Казалось бы, положение дел во второй области хуже. Однако численность населения второй значительно выше. Если подсчитать число преступлений на 10 000 населения, то оказывается, что

в первой оно равно 90, а во второй — 70, и вывод о состоянии преступности в них противоположный.
Исследования и опыт свидетельствуют, что при передаче информации часть ее качественно меняется, появляются искажения, и чем длиннее цепочка передающих ее людей, тем больше искажений можно ждать. Конкретные цифры: при устной передаче информации от руководителя до рядового сотрудника абсолютно без искажений в среднем доходит только 20—25% информации, а обратно (по инстанции) — только 10%. Информация по вертикали управления искажается больше, чем по горизонтали (равными по должности). Негативная информация при передаче вверх практически всегда приукрашена. Информация, как вода, легче движется вниз, чем вверх.
Специалисты утверждают, что система коммуникаций склонна искажать информацию в направлении, увеличивающем вероятность получения вознаграждения и уменьшающем вероятность получить наказания. Информация, особенно негативная, более опасна для докладывающих, чем при горизонтальном информационном обмене. Искажения резко увеличиваются при обостренном реагировании начальника на чем-то не понравившуюся ему информацию. Каждый начальник получают ту информацию, которую без боязни передают ему подчиненные. Вопрос осложняется тем, что сами начальники, имея «над собой» других, поступают порой так же. Им иногда выгодно закрывать глаза на явные искажения, делать вид, что верят лжи или не знают правды. Поэтому чем выше должность начальника, тем с большей критичностью он должен относиться к получаемой информации и.вместе с тем он вынужден пользоваться ею в своей работе. Практически единственный выход Для начальников всех рангов: почаще выезжать на места, отказываться от кабинетного стиля работы, стремиться лично наблюдать события, строго взыскивать с тех, кто намеренно сдерживает информацию или искажает ее.
Еще большие искажения вносятся в информацию преднамеренно из-за конфликтных отношений, недружелюбия членов коллектива, нездоровой конкуренции, карьеристских соображений, умышленного сдерживания или непредставления информации и т.п. Все это подтверждает, что информация не просто транслируется, передается, а выступает проявлением осознанного поведения людей, а поэтому формируется под влиянием их отношений, интересов и мотивов. В подобных случаях с искажениями можно бороться только улучшением подбора кадров, морально-психологической подготовки сотрудников, воспитанием организационной культуры и решительными мерами при выявлении отрицательных фактов.
Использование психологической информации в управлении. Психологической информацией надо владеть и активно использовать ее и в управлений и деятельности каждого сотрудника. Можно выделить значимость информированности о социально-психологической обстановке в регионе, особенно о криминальной. В некоторых исследованиях получены данные, свидетельствующие, что изменения в ней предшествуют изменениям в оперативной и криминальной обстановке. Поэтому, владея достоверной информацией об изменениях, можно упреждать, например, рост или всплески преступности, принимая превентивные меры.
Сбор психологической информации и ее достоверность зависят от профессионально-психологической подготовленности персонала, использования помощи юридических психологов, применения социологических и психологических методов (массового опроса, включенного психологического наблюдения, психологического анализа писем, жалоб и заявлений, уголовных дел и др.).

---

[1] Информационное сообщение - содержание информации, переданной при коммуникации от одного лица другому. Канал коммуникации - направление движения информационного сообщения. Информационный обмен - передача информации друг другу по каналу. Коммуникативная цепь - ряд каналов коммуникации, связанных движением однородных информационных сообщений. Могут быть индивидуальные и групповые информационные сети. Информационная роль - совокупность функций по информационному обмену, выполняемых данным лицом в коммуникативной сети.
[2] *Киллен К.* Вопросы управления. - М., 1981. - С. 78-79.

5.8. Психологические аспекты управленческих воздействий и решений

Управленческие воздействия. Создание самой организации, совершенствование организационного порядка, его ценностно-целевой подструктуры организационных отношений, информационно-коммуникативной подструктуры, управление всей повседневной деятельностью правоохранительного органа возможны лишь при активном воздействии на него и его персонал субъекта управления, руководителя, с привлечением к этой работе и других руководителей и сотрудников. Необходима подструктура, которая именуется *подструктурой управленческих воздействий.* Управленческие воздействия — это особые «рабочие орудия», «инструмент» в руках субъекта управления. Чтобы успешно управлять, ему нужно использовать весь арсенал управленческих воздействий, умело подбирать нужные, правильно их сочетать.

Система управленческих воздействий — сложная структура. Вся нормативно-правовая основа построения и деятельности правоохранительного органа, его оргштатное расписание, материально-технические возможности, получаемые от вышестоящих органов, и другое занимают определенное место в ней. Все постоянно присущие правоохранительному органу особенности, как и события в обстановке, содержат в себе многочисленные импульсы, которые так или иначе оказывают регулирующее воздействие на личный состав и каждого сотрудника. Активно и существенно воздействуют и психологические факторы как внутри правоохранительного органа, так и вовне. Так, воздействие оказывают морально-психологический климат в коллективе, настроения, традиции и обычаи, групповые нормы, авторитет и репутация руководителя и многое другое. Можно сказать, что любая причина, так или иначе влияющая на жизнь и деятельность персонала, любой фактор могут и должны использоваться как средство воздействия на внутренние и внешние дела правоохранительного органа.

Таким образом, в каждом правоохранительном органе всегда имеется система воздействий, выраженная в комплексе факторов, оказывающих на него свое влияние. В систему же *управленческих воздействий* она превращается, когда осмыслена субъектом управления, создан комплекс благоприятно влияющих факторов, устранены или ослаблены отрицательно влияющие факторы. Эту работу руководителя и привлекаемых к управлению лиц иногда сравнивают с работой садовода, который, работая на всей территории садового участка, старается подобрать качественную рассаду, но понимает, что этого мало. Он непрерывно, трудолюбиво и заботливо создает благоприятные условия для выращивания и созревания нужных ему культур: улучшает почву, удобряет ее, поливает, выбирает солнечные или теневые места, подпирает, ограждает, обрезает и пр., — и одновременно борется с отрицательно влияющими — сорняками, вредителями и болезнями растений, чрезмерно затеняющими сооружениями и ветками, пасынками, повреждениями коры и т.п.

Воздействие через создание благоприятных условий — в этом мудрость и гуманность управления. Не только и не столько руководитель, сколько условия должны побуждать и принуждать работников действовать энергично и трудолюбиво. Осуществляя управление, руководителю и другим лицам, участвующим в управлении, надо постоянно создавать и совершенствовать *систему управленческих воздействий,* используя для этого все, что оказывает влияние на персонал, и создавая максимально благоприятные предпосылки для добросовестной и успешной работы. *В этом и главный смысл всей организации управления, и главная ответственность руководителя.* Полезно помнить, что стиль и методы работы руководителя не только применяются ими, но и формируют их. Только описанные выше подходы могут помочь стать руководителю подлинно цивилизованной и полноценной личностью, уважаемой и авторитетной, успешной в своих делах.

Управленческие решения и их психологические аспекты. Важнейшим средством приведения в действие какой-то силы, фактора, условия, проявлением не только воли, но и ответственности и заботливости руководителя управляющей подсистемы выступают решение и проведение его в жизнь, воплощение в действие, изменение во внутренней и внешней обстановке. В широком понимании решение — это выбор цели и способа ее достижения. Управленческое решение — решение, принимаемое субъектом управления в целях управления и реализации присущих ему функций.

Управленческое решение в определенном смысле — психологический феномен, ибо оно есть продукт сознания руководителя и других субъектов управления. С другой стороны, в системах социального управления оно адресовано людям, призвано привести их в движение, изменить

осуществляемые ими действия или привести к изменениям в их психологии (решения, ориентированные на изменение общественного мнения, разрешение конфликта, установление психологического контакта, формирование элементов правовой психологии и пр.). Поэтому разговор о психологических аспектах управленческих решений не искусственно пристегнут к волеизъявлению, выраженному в управленческом решении.

***К системе психологических факторов, влияющих на управленческие решения* в правоохранительных органах, относятся:**

• *психологические особенности личности самого руководителя.* «Существует опасный миф об объективности и научной обоснованности вариантов сложных решений. Этот миф удобен для некоторых недальновидных консультантов различных фирм. Иногда он удобен и для некоторых руководителей, пытающихся переложить на других или на ЭВМ ответственность за принятое решение. Именно человеческий, а не математические и машинные аспекты, является основным в процессе принятия решения. Именно на этих аспектах следует основывать критерий проверки практической ценности методов принятия решений»[1]. А.И. Китов даже говорит о «личностном профиле» их[2]. На управленческие решения влияют особенности всех психологических сфер личности, психические состояния в момент их принятия, управленческая концепция и позиция. Например, неустойчивость руководителя к риску и грузу ответственности, желание действовать только наверняка, исключить промахи приводят к преобладанию в комплексе его решений стандартных, осторожных, половинчатых решений. Очевидно, что и управление, реализуемое им с помощью таких решений, не может быть оптимальным;

• *социально-психологические особенности действий, стиля управления вышестоящих управленческих органов и руководителей.* Эта группа весьма представительна и сильна по своим влияниям. Причина некачественных, не отвечающих обстановке, даже совершенно формальных решений — прямое или психологическое давление на руководителя «сверху». Сказываются и влияние примера вышестоящего руководителя (ему вольно или невольно начинают подражать), прямые указания, традиции и обычаи в иерархии управления, настроения, господствующие во всей ее вертикали. Отрицательно сказывается обилие указаний сверху. Порой их так много, что для самостоятельных размышлений у руководителя не остается времени. Часть их вообще начинает работать по указаниям, а собственных решений принимать мало, работать безпланово («Зачем придумывать себе еще работу», «Зачем планы? Все равно дадут указания, что делать, и планы сорвутся»). Практически в каждой иерархически построенной системе управления царит своя психологическая атмосфера, сказывающаяся на том, как работает руководитель на определенном уровне, ступеньке ее, какие решения он принимает и как. Каждому руководителю, имеющему в своем подчинении других, следует задумываться, а какой пример он им подает, что они перенимают от него и если среди них распространены определенные недостатки — то не зеркало ли это его собственных. Глядя в него — смотрись в себя;

• *социально-психологические особенности обстановки на обслуживаемой территории.* Для руководителя правоохранительного органа их влияние очевидно и сильно. Многие решения принимаются им под давлением обстоятельств. Большинство текущих управлений диктуются событиями в оперативной и криминальной обстановке;

• *психология руководимого коллектива, событий в нем, отдельных личностей.* Эта группа факторов также не нуждается в пояснениях.

На решения влияют и объективные факторы деятельности правоохранительных органов: отсутствие вполне четких границ области проблем, по которым приходится принимать решения; насыщенность проблемами, многопрофильность проблем; неопределенность, трудная предвидимость значительной части событий и проблем; большое число факторов, порой трудно поддающихся оценке; конфликтный характер событий и их экстремальность; динамичность событий и дефицит времени; высокая степень риска и ответственности; правовая регламентация решений; недостаточная определенность последствий и трудность их оценки и др.

Одна из категорий управленческих решений — *коллегиальные решения,* где субъектом решений выступает группа. В принципе они бывают лучше личных, но не всегда, да и в ходе текущего управления они менее применимы. Некоторые руководители, не по уму занимающие высокие должности, порой прибегают к таким решениям, чтобы, укрывшись за ними, оставить себе лазейку для оправданий в случае неудачи. Некто образно сказал про такие решения: «Ни души, чтобы проклясть, ни тела, чтобы высечь!».

Подготовка и принятие текущих управленческих решений, даже принимаемого быстро, протекает как процесс с характерными стадиями, имеющими психологические особенности, трудности, условия протекания и критерии оптимальности. Рассмотрим основные из них.

Первый этап — *выделение управленческой проблемы и принятие ее для решения.* Необходимость подготовки решения возникает с возникновением проблемной управленческой ситуации. Восприятие ее как проблемной и требующей вмешательства определяется целемотивационными установками руководителя правоохранительного органа и других лиц, участвующих в управлении. Что они выделяют для решения, какие проблемы для них значимы — это зависит прежде всего от того, к чему они стремятся в управлении, чего хотят добиться, какие мотивы преобладают в их деятельности. Каждое решение должно побуждаться социально и профессионально зрелым мотивом. Недопустимо подчинение их узко личным мотивам (продвижение по службе, повышение личного престижа, желание понравиться вышестоящему начальству, стремление застраховаться на случай неприятностей, сведение счетов с кем-то неугодным и пр.). Среди проблем для решения обязательно должны быть и психологические проблемы, особенно внутри органа (морально-психологический климат, взаимоотношения, отношение к службе, цели и др.).

Вслед за этим осуществляется *изучение проблемы* — второй этап. На этом этапе уясняются и оцениваются проблема, ее суть, определяющие ее факторы, ее влияние на законность и правопорядок, срочность решения и др. Познавательная сложность ее — в выявлении подлинных причин проблемы, которые к тому же обычно бывают не единичны, а комплексны. Примитивность познания приводит к принятию решений, которые, как стрела, скользнувшая по поверхности никелированного шарика, отскакивают от проблемы, задев ее лишь краешком, не проникнув вглубь и не решив.

Третий этап - *четкое уяснение цели решения и определение того результата, в который она должна быть воплощена.* «...Если цель управления не известна, - пишет специалист в области управления правоохранительными органами С.Е. Вицин, — управление системой не имеет смысла... Цели определяют содержание управления. Именно потому, что управление есть целесообразная деятельность, центральное место в управлении занимает определение целей, которое является исходным пунктом всего процесса у правления»[3].

Четвертый этап — *разработка вариантов решения и выбор наилучшего из них.* По существу это технология разработки версий, только управленческих, и последствия ее упущений сходны. Пример: в одном из районов Москвы за восемь месяцев было совершено около 40 краж из квартир. Руководитель органа внутренних дел решал задачу, как обычно: выезд на место происшествия, осмотр, выявление примет лиц, которые могли совершить кражи, разработка оперативно-следственных версий, проверка их. Но преступники оставались неуловимыми. Глубоко проанализировав все 40 случаев, один из руководителей ГУВД г. Москвы, пришедший на помощь с несколькими опытными сотрудниками, заметил закономерность: кражи совершались, как правило, в новых домах, спустя один-два месяца после их заселения. Был сделан вывод: очередные кражи могут быть совершены в течение 7—10 дней в двух недавно заселенных домах. Было принято решение взять их под наблюдение, и в течение трех дней преступники были задержаны. Оказалось, что «секрет» их неуловимости был в том, что руководитель и работники районного органа внутренних дел не выходили за пределы стандартных, «обкатанных» на практике вариантов решений. Справедлив совет: не успокаивайтесь первым пришедшим в голову и кажущимся хорошим вариантом; не принимайте решения, пока не будут рассмотрены все возможные варианты.

Пятый этап — *проработка выбранного варианта решения:* тщательное продумывание, разработка замысла его исполнения, приведение его в полное соответствие с целью, прогнозирование возможных трудностей его реализации, определение мер на случай встречи с неожиданностями, способов подстраховки и повышения надежности и др. Ироничный, но мудрый «закон Мерфи» гласит: 1) все, что может случиться плохого, случится, 2) даже если ничего плохого не может случиться, все равно плохое случится.[4] Закон учит бдительности и разумной предусмотрительности. Для правоохранительных органов, нередко выполняющих ответственные действия, срыва которых быть не должно, сталкивающихся с отчаянным, доходящим до беспредела противодействием криминального элемента, помнить этот «закон» весьма полезно. Тем более и в народе говорят: тот, кто думает, что противник дурак, пусть сам займет ума.

Правильно рассчитаны те решения, которые приносят требуемый результат. К сожалению, у нас еще много решений, которые можно считать «шагом в нужном направлении». Они полезны, но нужной цели не достигают.

Не исключено, что при выборе вариантов из пяти-семи возможных будут отобраны не один, а два. Тогда прорабатываются оба варианта и уже по результатам отбирается один из них. На всех этапах руководителю полезно, если позволяют время и обстановка, советоваться со своими заместителями и наиболее опытными специалистами. Это позволит лучше оценивать альтернативы, предупреждать ошибки, включать будущих исполнителей в предстоящую работу, повышать их понимание ее и мотивированность.

После всего этого наступает стадия организации исполнения решения.

Бездейственность комплекса управленческих решений. Любое решение значимо, но еще более значим весь комплекс управленческих решений, принимаемых руководителем юридического органа и другими лицами, имеющими на это право, за которым стоят система работы, линия, стиль управления и управленческих воздействий. Когда приходится решать много задач, существенна их увязка, сбалансирование по многим параметрам. Все надо видеть, все надо учитывать, на все влиять в соответствии со значимостью той или иной задачи, ничего не упускать из-под управленческих воздействий и влияний. Чем выше по иерархической лестнице управления положение его субъекта, тем большее значение это имеет.

Основными *критериями сбалансированности* комплекса управленческих решений в обычных для правоохранительного органа условиях выступают:

• *направленность,* т.е. соответствие целям, задачам, ценностям, условиям, намеченным планам, полученным указаниям работы на определенный отрезок времени. Человек идет на работу, домой, к месту отдыха, совершая последовательно шаги. Каждый шаг приближает его к цели, но только в том случае, если все они направлены на ее достижение, если они «нанизываются» на единую линию пути. Так и решения. Выше отмечено, что у нас много «шагов в нужном направлении», но не достигающих цели. Есть, конечно, сложные задачи, например полная ликвидация нарушений законности самими юристами. Одним решением ее не решить, но это тем более требует от руководителя быть последовательным и добиваться нужного результата целой цепочкой решений. В направленности выражается деловитость и целеустремленность в работе, работа с перспективой, решение не только сиюминутных задач, но и долговременных;

• *диапазон управления* — широта охвата объектов, сторон юридической деятельности, подлежащих управленческим влияниям и воздействиям (по всему «фронту»). Если руководитель — не «главный чиновник», а государственный деятель, деловой человек, не потребитель, а созидатель, личность, то он не мирится с положением пленника событий и обстоятельств. Он не плетется в хвосте событий, лишь реагируя на уже свершившееся, не хочет быть человеком, втянутым в водоворот «текучки», не ждет пассивно, когда течение обстоятельств жизни и деятельности создаст благоприятную ситуацию. Напротив, как активный, ответственный, заинтересованный в успехе, волевой и умный человек, он сам создает нужное, сам приближает желаемое, стремится вырваться из пут обстоятельств, условий, событий, подчинить их себе, диктовать ход развития, сделать его благоприятным для себя, юридического органа, работы персонала. Для этого руководителю нужна широта подхода, размах в принятии мер, ведущих к цели. Важен и метод «главного звена» — стремление видеть главное на данный момент, то, за что «уцепившись», можно вытянуть, если не всю, то значительную часть «цепочки проблем». Говоря по-военному, руководителю нужно умение видеть то место, которое отвечает моменту и где можно сделать в данное время прорыв, резкое выдвижение вперед, что потянет за собой потом и весь фронт;

• *уровни управления* — включенность в него всех участников групповой управленческой деятельности, всех ее субъектов. Сбалансированность воздействий и решений имеется тогда, когда каждый из руководителей и ответственных должностных лиц, имеющих право и обязанных решать и действовать, делают это — и делают полноценно. Руководителю надо отказаться от желания решать все самому, дать возможность всем «решающим центрам» в «пирамиде управления» проявлять себя через воздействия на порученный участок работы, проявлять готовность считаться с решениями нижестоящих и не мучить их бесконечными мелочными придирками за упущения в принимаемых ими решениях (иначе они будут бояться принимать их), подправлять, когда надо, их решения очень тактично. Стратегическая линия сбалансирования заключается в: а) максимальном делегировании своих полномочий «вниз» (все, что может быть

решено на нижнем уровне управления, должно решаться именно там); б) решительном пресечении попыток отдельных подчиненных руководителей «делегировать свои полномочия вверх» (уйти от ответственности и побудить старшего начальника принять решение, которое обязан принимать сам); в) достижении согласованности решений и действий нижестоящих руководителей; г) максимальном высвобождении для себя времени на принятие только тех решений, которые правомочно принимать только на своем уровне, чтобы думать о решении долгосрочных, перспективных задач, быть «министром внешних сношений» своего органа с вышестоящими.

[1] *Ларичев О.Н.* Наука и искусство принятия решений. — М., 1979. - С. 188.
[2] *Китов А.И.* Психология управления. - М., 1980. - С. 330.
[3] *Вицин С.Е.* Системный подход и преступность. - М., 1980. - С. 21.
[4] *Киллен К.* Вопросы управления. - М., 1981. — С. 101.

5.9. Психология текущей организаторской работы

Специфика текущей организаторской работы. Системы управления существуют не только в пространстве, но и во времени. Функционирование любой системы в каждый момент обусловлено ее организацией и устойчиво присущими ей психологическими факторами, рассмотренными выше. Но повседневные ситуации не всегда укладываются в стандарты реагирования, которые составляют основу организации, нужны решения и действия, полностью адаптированные к каждому случаю. Даже механическая система требует постоянного налаживания, регулирования, поддержания режима работы, смазки и подкручивания гаек. Социальная система, где решающую роль играют люди, а психологические факторы могут иметь значительные вариации, требует еще большего внимания со стороны управления. Контроль и забота о том, чтобы руководимый правоохранительный орган в течение суток, в любой момент действовал в полном соответствии с оперативной и криминальной обстановкой, наполненной событиями, чтобы созданная организация функционировала всегда слаженно, оперативно, без сбоев, чтобы все службы выполняли свои функции, чтобы каждый сотрудник работал профессионально и с полной мобилизованностью, и составляют *задачу текущего управления,* возглавляемого начальником, командиром, руководителем. Она решается путем постоянного отслеживания обстановки как вне, так и внутри правоохранительного органа, оценки непрерывно поступающей информации, подготовки и принятия текущих управленческих решений и организаций их исполнения.

Эти обстоятельства обусловливают необходимость в ***текущем управлении,*** выполняющем две основные задачи:

• *контроль за организационным порядком* (созданным при организации управления) при повседневном функционировании руководимого юридического органа, оценка совершенства заложенной в него системы организации и, по необходимости, ее усовершенствование;

• *отслеживание обстановки вне юридического органа,* в сфере законности и правопорядка на обслуживаемой территории и *принятие, при необходимости, управленческих мер по обеспечению реагирования* руководимого органа на ее изменения в течение суток.

Решение этих задач, стоящих перед руководителями, связано с реализацией следующих *психологически своеобразных функций:*

• отслеживающей — слежения за положением дел и изменениями обстановки как внутри, так вне юридического органа (в оперативной и криминальной обстановке);

• реагирования - принятия текущих управленческих решений при необходимости вмешательства в процессы, происходящие внутри и вне правоохранительного органа;

• конструктивной — разработки замысла на осуществление тех или иных текущих решений и действий, определения сил и средств для его реализации;

• мобилизационной — приведения в действие всех сил и средств, выделенных для реагирования, и обеспечения их действий с полным использованием присущих им возможностей;

• контрольной — постоянного соотнесения хода исполнения принятых текущих решений и достигаемых промежуточных результатов с поставленной задачей, ожидаемыми результатами;

• регулирующей - коррекцией действий сил и средств, решающих те или иные задачи по текущему реагированию на изменения обстановки, выполняющих текущие решения, и поддержание их усилий до достижения нужного результата.

Основными движущими силами управления в текущей организаторской работе выступают:

• пример личности и повседневной деятельности самого руководителя;

• повседневное проявление своей императивной (от лат. imperativus — повелительный), властной, требовательной функции и позиции;

• принятие текущих управленческих решений и организация их исполнения.

Текущие управленческие решения и организация их исполнения. Текущее управленческое решение субъекта управления дает начало реагированию всего правоохранительного органа на внезапно возникшую текущую ситуацию. Оно проявляется как реакция на информацию об изменении обстановки вне или внутри управляемой системы. Психологически оно отличается от типовых особенностей управленческих решений, рассмотренных в § 5.8, лишь своей адресностью, масштабом решаемой проблемы, предельно ограниченным временем на подготовку, менее четкой выраженностью стадий принятия решения, длительностью действия (решения по совершенствованию организации рассчитаны на постоянное выполнение, надобность же действий по конкретному текущему решению прекращается по его выполнении) и др. Эти различия ясны, например, из установленного факта, что руководителю органа внутренних дел городского звена приходится порой принимать до 100 различных решений в сутки. Поэтому особое значение приобретает ***текущая организаторская работа*** по проведению в жизнь всех принятых и принимаемых решений. Она предполагает выполнение руководителем специфических действий, которые бывают эффективными при *ряде психологических условий.*

Глубоко ошибаются те руководители, которые считают, что их задача -принимать решения, а задача подчиненных - выполнять их. В действительности после принятия решения только и начинается настоящая работа руководителя. Решение ничего не меняет, пока не будет исполнено. Даже самое совершенное решение, образно говоря, набранное бриллиантовыми буквами на золотой доске, никак не повлияет на жизнь и деятельность, пока руководитель вместе с сотрудниками не воплотят его в действия, приводящие к нужным результатам. «Одна из ошибок начинающих управляющих состоит в том, нужным результатам. «Одна из ошибок начинающих управляющих состоит в том, что, будучи назначены начальниками, они полагают, что подчиненные будут, как автоматы, выполнять их команды», — пишет один из известнейших специалистов в области управления К. Киллен[1]. Хороший руководитель отличается не планами, не числом начатых дел, а числом успешно завершенных. Поэтому первым условием успешного текущего управления выступает *устойчивая психологическая установка* руководителя на текущую организаторскую работу. Она проявляется:

• в умении увидеть необходимость в организаторской работе даже при обстоятельствах, зримо ее не требующих;

• в устойчивом стремлении к активной и неутомимой организаторской работе;

• в эмоционально-положительном самочувствии, хорошем настроении при выполнении организаторской функции;

• в непрерывном стремлении добиваться высокой слаженности и мобилизованности сотрудников при выполнении ими своих обязанностей и функций и полученных заданий.

Наличие хорошо продуманного исполнительского замысла у руководителя — второе условие. Исполнительский замысел — это отчетливое представление о том, как реализовать решение, как конкретно добиться поставленной в решении цели. Существует устойчивая связь качества замысла с успехами. Прежде чем организовать что-то на деле, надо построить модель работы в своей голове, предвосхитить ее мысленно. Детальность определяется сложностью и ответственностью предстоящей работы.

Психологически оправданное выделение сил и средств — третье условие. Даже применительно к железной дороге образно говорят, что она на 90% железо, а на 10% — люди. Для правоохранительных органов, где безусловно главная сила — люди, это соотношение относится еще больше. Поэтому подбор людей имеет важнейшее значение. Психологическая задача может быть сформулирована так: подобрать таких сотрудников, для которых поручаемое задание совпадало бы с их должностными функциями, интересами, возможностями, способностями, взаимоотношениями и опытом совместной работы (при подборе группы). Прежде всего внимание руководителя, естественно, обращается к тем, кто более надежен, добросовестен и подготовлен. Так и поступают, но в результате лучшие сотрудники оказываются сверх меры перегруженными,

а сотрудники «не очень» живут в свое удовольствие, получая зачастую те же деньги, что их устраивает. Поэтому вопрос подбора людей для какого-то задания оказывается связанным с распределением заданий. Их всегда много — такова природа повседневной жизни. Наиболее правильно поступать так: лучшим сотрудникам — задания сложные, но немного, тем, кто «не очень», — максимум мелких заданий и поручений, черновая работа. Повышенное- внимание уделяется подбору группы исполнителей. Учитываются психологическая совместимость, имеющиеся взаимоотношения, возможные их изменения (например, в случае, когда в группу людей с опытом, но недостаточным образованием старшим назначается молодой, но дипломированный специалист, равный до этого с ними по должности), опыт совместных действий.

Психологически эффективное доведение заданий до исполнителей — четвертое условие. Это:

• побуждение сотрудников к активному уяснению заданий, условий и способов их выполнения;

• формирование четкого образа исполнительских действий;

• проверка готовности к выполнению заданий и ее повышение.

Голова человека, образно говоря, — не сосуд, который можно наполнить, а факел, который надо зажечь. Доведение заданий протекает успешно, когда стремления руководителя и подчиненного сделать нужное совпадают. Понимая это, опытные руководители побуждают избранного для выполнения текущего задания сотрудника к активному уяснению задания, стремятся вызвать у него внимание, интерес, добиваются серьезного и глубокого его уяснения. Положительно сказывается убежденность, неравнодушие руководителя при этом. Верно говорят, что информация усваивается лучше, если она «поглощается с аппетитом». Эффективно доведение в условиях непосредственного общения с установлением психологического контакта. Предоставление сотруднику возможности задавать вопросы, вносить свои предложения всегда способствует более заинтересованному исполнению.

Формирование образа исполнительских действий у сотрудников, выделенных для выполнения решения, — пятое условие. Тот, кому дается задание, должен отчетливо понимать, что ему нужно делать, и обязательно — чего добиться, каков должен быть результат. Психологически этот процесс протекает как восприятие информации, сообщаемой руководителем, ее уяснение и закрепление в памяти. Как правило, сотрудник, вызванный начальником, внимательно выслушивает все, что тот говорит. Но бывает, что он приходит, поглощенный каким-то делом, которым он только что занимался на своем рабочем месте, усталым, возможно, чем-то раздраженным. Есть сотрудники, которые не могут быстро переключаться с одного дела на другое, с лета схватывать слова и мысли других. Поэтому опытный руководитель, зная людей, учитывает индивидуальные особенности и в зависимости от них строит изложение своего задания сотруднику.

Нелишне использовать специальные, привлекающие внимание выражения типа: «Выслушайте внимательно», «Вы внимательно слушаете меня?», «Не отвлекайтесь», «Обратите внимание на то, что я скажу сейчас» и т.п. Добиваться осмысленного усвоения задания, говорить понятно и убедительно, четко формулируя свои мысли и собственное видение путей его выполнения, не торопясь, повторяя важное, говорить убежденно, делая паузы, чтобы дать сотруднику осмыслить услышанное. Особое внимание уделять разъяснению прав и обязанностей, строгому соблюдению требований законности, ответственности.

Детальность способов выполнения определяется индивидуальными особенностями сотрудника, его опытностью, подготовленностью, отношением к делу и др. Некоторые любят, чтобы им сказали все от и до, желая этим подстраховаться и иметь в случае неудачи возможность сказать: «Я делал все так, как Вы мне указали». В целях развития инициативности и самостоятельности у отдельных сотрудников, когда это возможно, такой детализации не следует давать умышленно, подчеркнув необходимость думать и действовать самостоятельно в пределах прав и обязанностей. Полезно озаботиться тем, чтобы все сказанное крепко запало в память исполнителя поручения. Без этого придется смириться с последующими заявлениями типа: «А Вы мне это не говорили». Сознательное и осмысленное усвоение обычно способствует прочному запоминанию. Чрезмерно длинное инструктирование всегда содержит предпосылки того, что что-то забудется. Разумно в необходимых случаях употреблять слова «Запомните это точно», задавать контрольные вопросы, требовать повторения полученного поручения, записи основных положений. Полезно проверять наличие необходимых для выполнения знаний, навыков и умений, порой даже организовывать практическую проверку их, а то и специальную дополнительную подготовку.

Нельзя давать задания в особенно категоричной форме, когда руководитель сам не представляет, как это задание выполнить, и употребляет выражения типа: «Делайте что хотите, как хотите, но достаньте из-под земли и сделайте в срок». Это прямое подталкивание к нарушению законности. В таких случаях правильно поручить сотруднику продумать план выполнения задания, а потом доложить руководителю свои предложения, которые затем совместно обсудить.

Мобилизация сотрудников на качественное выполнение заданий — шестое психологическое условие. Мобилизовать — значит актуализировать имеющийся у них потенциал, побудительные внутренние силы, мотивы к качественной работе, к достижению максимально возможного результата. Процесс мобилизации включает:

• актуализацию положительных для предстоящих действий мотивов, мыслей, чувств, волевого настроя;

• нейтрализацию тех психических явлений, которые могут мешать выполнению заданий (непонимание их значения, неверие в успех, тревожность, нежелание, усталость, «дух противоречия» и др.);

• придание рабочему и волевому настрою господствующего и устойчивого характера;

• достижение внутренней уравновешенности;

• сохранение, поддержание готовности к действиям вплоть до момента их начала.

Ясное, понятное, уверенное доведение задания имеет мобилизующее значение. Специальные управленческие средства и приемы мобилизации таковы:

• показ исполнителю деловой необходимости данной работы, ее важности для укрепления законности и борьбы с преступностью;

• возложение ответственности за достижение требуемого результата;

• срок выполнения задания;

• категорическая форма доведения задания;

• требование добросовестного и безусловного выполнения поручения и решения поставленной задачи;

• напоминание о гражданском, уставном, профессиональном, должностном долге;

• объяснение коллективистской значимости поручения (для коллектива органа, службы, населения города, граждан и пр.);

• объяснение личной значимости поручения и его успешного выполнения (выполнение долга и обязанностей, профессионального роста, личностного развития, карьеры, морального и материального удовлетворения и пр.);

• предложение высказать свое мнение по способам решения задачи, совместно обсудить их, сказать: «Ваши предложения хороши. Действуйте». Собственный план всегда выполняется с большим желанием и энтузиазмом, чем принудительно навязанный;

• предложение действовать самостоятельно и инициативно в пределах прав и норм, проявить себя;

• тактичное напоминание об ответственности и недопустимости недостаточного усердия и волевой настойчивости при выполнении задания и получении необходимого итогового результата;

• запретительное обязывание.

Уместно подчеркнуть значимость установления реального срока выполнения задания, учитывающего возможности сотрудника. Руководителю следует отчетливо представлять, сколько времени (рабочих часов, рабочих дней) требуется, чтобы выполнить задание. Устанавливаемый срок не может быть меньше необходимого. Хорошо, если он больше необходимого, если время позволяет, а сотрудник загружен другой работой. Все же не следует устанавливать чрезмерно большой срок. Опыт показывает, что если для выполнения задания требуется, скажем, три дня, а срок устанавливается в 30 дней, то сотрудник все равно мобилизуется на его выполнение и приступит к делу лишь за три дня до истечения срока. «То, что отложено на один день, отложено на 100 дней», — гласит восточная мудрость.

В текущей организаторской работе свое место занимают требования, контроль, оценки, критика и другое, что рассматривается ниже в параграфе, посвященном требовательности.

---

[1] *Киллен К.* Вопросы управления. - М., 1981. - С. 56.

5.10. Психология требовательности руководителя

Требовательность и психология. Требовательность — одно из свойств управления, его осязаемых реальностей, активно-действенных проявлений. Это одна из обязанностей руководителя, одно из средств решения им задач. В органах внутренних дел, внутренних войсках требовательность — уставная обязанность начальника, командира. Руководителю даются большие права, чтобы, действуя от имени государства, он мог отстаивать государственные, общественные, деловые и человеческие интересы.

Требовательность нельзя понять и совершенствовать в отрыве от других мер, которые призван осуществлять руководитель, а можно лишь в единстве с внимательной и чуткой работой с кадрами, с заботой о подчиненных. В специальном опросе сотрудников спрашивали: «Под руководством какого руководителя вы хотели бы работать: мягкого, не очень требовательного, но безразличного к сотрудникам, их заботам и тревогам, или под руководством требовательного, строгого, но всегда внимательного и заботливого, когда у сотрудников возникают личные проблемы?» 87% выбрали второго. Однако одностороннее увлечение требовательностью всегда дает лишь мелкие и горькие плоды. *Как* руководитель требует - это тоже имеет первостепенную важность.

Требовательность и ее эффективность имеют социальный, правовой, профессиональный, педагогический и психологический аспекты. Бездейственность требовательности на людей — это вопрос неизбежно психологический, так как она достигает цели, когда на деле регулирует поступки и отношения людей, влияет на их мотивы, желания, намерения, чувства, волю.

Функции и черты психологически эффективной требовательности. У требовательности ряд ***управленческих функций,*** которые выражают ее назначение, основные задачи, способы решения и соответствующие результаты. К числу их относятся:

• *конструктивная, созидательная* — получение максимального эффекта от нее. Нельзя смотреть на требовательность только как на волеизъявление, призванное вызвать подчинение. Она эффективна, если ее результатом руководитель видит общее положение дел, все ее аспекты, не только сиюминутные, но и отдаленные психолого-педагогические последствия;

• *направляющая, ориентирующая* — связанная с повышением целеустремленности в работе персонала, усилением ориентации его на конечные результаты юридической работы;

• *организующая, дисциплинирующая* — призвана обеспечить точное и полное выполнение каждым сотрудником своих обязанностей и прав;

• *активизирующая, мобилизующая* — направлена на повышение активности, трудолюбия, настойчивости, добросовестности всего личного персонала и каждого работника;

• *развивающая, воспитывающая* — способствует упрочению и совершенствованию личностных особенностей сотрудников и психологии коллектива;

• *профилактическая* — выражается в стремлении не «бить по хвостам», а предупреждать возможные недостатки и нарушения.

Реализация функций будет осуществляться успешно, если своей требовательности руководитель придает определенные черты: целесообразность, оправданность, справедливость, законность, своевременность, принципиальность, непримиримость, непреклонность, твердость, смелость, постоянство, понятность, тактичность, человечность, гибкость, индивидуализированность, дальновидность. Требовательность — всегда волевое поведение, которое должно протекать в режиме права, соответствовать правовым нормам, отвечать пределам прав, которыми располагает данный руководитель. Законность — основа справедливости, требовательности, но психологически она связана и с ее понятностью людям. Как правило, есть смысл мотивировать требовательность, обосновывать ее обстановкой, характером поведения сотрудника, ссылкой на соответствующие правовые установления. Обосновывать — не значит оправдываться, хотя, если увлечься, то можно сползти на такую линию и демонстрировать свою слабость. Во внутренних войсках и в органах внутренних дел, стремясь к пониманию своей требовательности подчиненными, командир, начальник должен приучать их и к беспрекословному подчинению независимо от отношения к ней. Требовательность исключает терпимость к недостаткам, принятие во внимание «оправдывающих обстоятельств», служащих лишь для прикрытия упущений и безответственности. Недопустимо быть добрым за счет государства, списывать ущерб, наносимый ему, прикрываясь либо неделовыми соображениями, либо штампом «в интересах дела», за которыми может скрываться все что угодно. Недопустимы, естественно, также неэтичные выражения, оскорбления или обращения, не предусмотренными уставами.

Личностные и системно-управленческие предпосылки требовательности. Требовательность руководителя имеет глубокие корни в его личности. Она — одно из важнейших профессионально-психологических качеств, определяющих пригодность человека к управленческой деятельности и входящих в комплекс способностей к этой деятельности. Требовательным не рождаются, а становятся. Должность и долг — слова одного корня. Требователен тот, кто помнит о своем долге руководителя, у кого развито чувство ответственности, кто честно служит России и ее народу. Требовательность опосредована всей психологией личности, ее ценностно-целевой сферой и морально-психологическими качествами. Требовательность — составная часть индивидуализированной управленческой концепции руководителя — комплекса его взглядов и убеждений, понимания, как надо управлять. Наличие в ней рецидивов административно-командной концепции деформирует и проявления требовательности, ее функции, черты и результаты. Обычно от таких руководителей слышишь: «Требовательность — не проблема», «Требователен тот, кто умеет взыскивать и наказывать», «Надо заставить подчиненных бояться».

Эффективной требовательность может быть лишь у авторитетного руководителя. Авторитет — социально-психологическое явление, выраженное в добровольном внутреннем признании другими достоинств личности руководителя. Власти подчиняются по принуждению, авторитету — добровольно. Подчиняться неавторитетному человеку психологически невыносимо. Руководитель, обладающий властью и авторитетом, удваивает свое влияние на положение дел в органе. Авторитет не дается с должностью, а завоевывается персонально каждым руководителем, примером в труде и жизни. Пример должен быть действительным, не показным.

Среди других социально-психологических факторов, влияющих на требовательность конкретного руководителя, следует выделить *влияние вышестоящего начальника.* Поэтому любому руководителю, имеющему в своем подчинении руководителей более низкого уровня, необходимо своей требовательностью создавать особую атмосферу, ориентирующую не только на количественные, но и на качественные ее проявления ими. В то же время требовательность конкретного руководителя зависит и от требовательности равных ему по положению руководителей. Трудно быть требовательным к своим подчиненным, если рядом нетребовательные руководители, и наоборот. Поэтому руководителю юридического органа необходимо добиваться единства требовательности всех начальников, командиров служб и подразделений.

Психологические условия эффективной требовательности. Активно-действенная природа требовательности особенно выразительно проявляется в повседневной управленческой деятельности руководителя. Есть ряд психологических условий, к соблюдению которых надо стремиться.

Первое условие — *психологически обоснованное использование предписаний.* Предписания, выраженные устно или письменно, являются исходной формой, несущей в себе энергию требовательности. Они выступают в виде позитивного обязывания, запрещения, дозволения. Руководитель, избирая их, поступит правильно, если прикинет в уме все функции, черты и факторы, которые определяют эффективность требовательности и предписаний. Стоит подумать, как они будут воздействовать на психологию сотрудников, какой вид предписаний подходит лучше, как он соотносится в данном случае с общей стратегией требовательности. Плохо, когда предписаний мало, но плохо, и когда их слишком много. Хотя последнее и убеждает подчиненных в том, что руководитель все время на месте, но обычно мешает им работать планово, сбивает с ритма, создает нервозную атмосферу постоянного «дерганья». Они перестают инициативно работать и переходят к стилю работы «по указаниям»: «Есть указания - работаем, что прикажут, то и делаем. Нет указаний - ждем, отдыхаем». Так воспитывается безынициативность, безответственность («Кто приказал, тот и отвечает: мы лишь исполнители»), равнодушие.

Позитивное связывание — наиболее энергичный вид предписаний. Он психологичен, когда сопровождается точным указанием, кому, что, в какие сроки сделать и какой результат должен быть достигнут. Детальное описание способов действий бывает необходимым, но если это делается постоянно, предстоящая работа сотрудника будет для него менее интересной, возможность «показать себя» снижается, ослабляется чувство ответственности за результат, сковывается инициатива, появляется формализм («Вижу, что таким способом не получится, но раз меня обязали делать так, то и буду делать так»). Обязывание всегда должно соответствовать возможностям сотрудника, что иллюстрирует известная управленческая притча. Работнику дали

заведомо невыполнимое в установленный срок ответственное поручение. У него есть три пути: 1) отказаться, заявив, что он не может, 2) выполнить, прибегнув к незаконным мерам и средствам, 3) прибегнуть к очковтирательству: кое-что сделать, но доложить, что все в порядке. Обычно работники прибегают ко второму и третьему пути.

Мало пользы от увлечения запретами. Не случайно говорят: не было бы запретов - не было бы и нарушений. Установлено, что один случай недовольства и пререканий военнослужащих возникает при 15—18 запрещающих предписаниях, но лишь при 40—45 позитивных[1]. Людям надоедают запреты на каждом шагу, тем более они им часто непонятны и выглядят ненужными, а потому и нарушаются. Характерен запрещающий стиль правил дорожного движения, обилие запрещающих знаков, разметок на дорогах, число которых непрерывно растет, но дисциплина на дорогах от этого не повышается.

Дозволения в сочетании с предписаниями открывают возможности для инициативы, самостоятельности сотрудника и вместе с тем повышают его ответственность, из-за чего их некоторые сотрудники и не любят.

Второе условие — *психологически грамотное осуществление контроля.* Управление и требовательность неотделимы от контроля. Психологически обязательна конструктивная внутренняя установка осуществляющего контроль. Он должен осуществлять его не с целью подловить, изобличить, дать подчиненному урок, проявить свою власть и прочее, а для того, чтобы убедиться в состоянии дел, принять своевременные и деловые меры для улучшения работы, предупредить упущения и ошибки, помочь. Необходимо сочетание текущего контроля с итоговым. Критикуя практику контроля только по истечении срока какой-то работы, зарубежные авторы остроумно пишут, что она «...напоминает анатомическое вскрытие для определения причин смерти, а еще никому не удавалось найти способ избежать того, что имело место в прошлом»[2].

В ходе контроля следует искать не только недостатки, но и положительные стороны, успехи. Контроль бесполезен, если в ходе его констатируются только недостатки, а рекомендации по его результатам становятся лишь поводом для критики или ограничиваются общими указаниями типа «повысить ответственность».

В интересах этого административный контроль следует сочетать с методическим (проверкой не только состояния и результатов работы, но и методов и строящихся на этом методических рекомендациях руководителя проверяемым сотрудникам).

Многое зависит от того, кто контролирует. Привлечение к осуществлению контроля (включение в группы контроля) малоавторитетного и недостаточно компетентного сотрудника приводит к тому, что, будучи не в состоянии вникнуть в суть дела, но стремясь оправдать доверие, он начинает фиксировать третьестепенные факты (качество заполнения журналов, аккуратность подшивки и почерка, извлечение из протоколов недостатков, которые отмечали сами проверяемые, и пр.).

При осуществлении контроля психологически важно не только констатировать по бумагам, документам, но изучать и психологические феномены: морально-психологический климат, взаимоотношения, морально-психологическую подготовленность, профессионально-психологическую подготовленность, уровень владения психологическими действиями и психотехникой, отношение к делу, способности, профессионализм, стиль работы, отношение к гражданам и др. Следует помнить, что тот, чья работа проверяется только по бумагам, легко может потерять всякий интерес к способам и аспектам работы, которые не находят документального отражения, даже если они имеют большое юридическое значение. Канцелярский, бумажный, бюрократический стиль работы — прямое следствие такой порочной практики управления.

Контроль должен быть экономным, он дорог, так как требует немалых затрат сил и времени как контролирующими, так и контролируемыми. Если, например, пять человек работали на контроле шесть дней (затраты 30 человеко-дней), а внесли предложения, для реализации которых одному человеку нужно три дня, то такой контроль не бесполезен, но чаще всего мало оправдан. Разумно организовывать внутренний текущий контроль, самоконтроль, взаимоконтроль, что полезно во всех отношениях. Четкая организация контроля призвана закрыть лазейки для нерадивых работников, их надежды, что их нерадивость останется не замеченной.

Третье условие - *справедливая оценка действий сотрудников.* Ожидание оценки, стремление заслужить положительную оценку, знание, как и за что оценивает руководитель работу, — психологически стимулирующие факторы в системе управления. Оперируя оценкой при

предъявлении требовательности, руководителю следует отчетливо представлять, что в его руках — острый инструмент воздействия на психологию персонала, и уметь им пользоваться. Чтобы это сделать, он должен:
• ориентироваться на психологический эффект оценки не только применительно к оцениваемому работнику, но и к коллективу;
• достигать положительного делового и развивающего личность и коллектив эффекта;
• обеспечивать полное соответствие оценки реальным действиям, поведению личности и состоянию коллектива; оценка всегда должна быть справедливой и восприниматься всеми как таковая;
• строить оценку на строго достоверной информации;
• учитывать реальные возможности оцениваемого;
• осуществлять оценку строго адресного характера. Обвинение всех и вся восстанавливает коллектив против руководителя;
• при вынесении оценки учитывать и отмечать не только отрицательные, но и положительные стороны работы оцениваемого; не преувеличивать роль и возможности только негативных оценок,
• побуждать сотрудников и коллектив к самооценке.
Четвертое условие — *при обнаружении недостатков и указании на них сотрудникам добиваться их понимания и внутреннего принятия их как справедливых и деловых.* Выявляя недостатки и стремясь их устранить, следует помнить, что критика существует для того, чтобы поставить человека на ноги, а не на колени. Редко можно найти человека, который любил бы критику; большинство в лучшем случае ее терпит, но это тоже не очень благоприятное внутреннее условие ее наилучшего срабатывания. При стремлении устранять недостатки, находить и использовать резервы для совершенствования работы подчиненных полезно обратить внимание на следующие психологически значимые моменты:
• не переоценивать роль критики: замечания, по данным научных публикаций, улучшают работу лишь в 11% случаев, в то время как похвала, одобрение — в 80%. Можно утверждать, что если человека только критиковать, он вряд ли станет лучше;
• исключить при вынесении замечаний всякие неделовые мотивы (унижение, «постановку на место», наказание за строптивость, преследование «неугодного» и пр.);
• главное при обнаружении упущений — не перечисление недостатков и обвал упреков, а конкретные советы как улучшить работу. Дать указания — значит научить работать;
• при указаниях по улучшению работы учитывать не только факт упущения, но и условия, которые вызвали его;
• прежде чем указывать на недостатки, подумать, а не является ли оно «вкусовым». Сплошь и рядом имеются основания для того, чтобы подавить свое раздражение и воздержаться от вмешательства. Замечание, построенное на впечатлении руководителя, что что-то можно делать еще лучше, скорее всего вызовет у подчиненного недоумение, досаду, чувство незаслуженной обиды. Надо признать право сотрудников на самостоятельность и помнить, что человек всегда добивается большего, если пользуется собственными, нравящимися и привычными ему способами и приемами, чем когда работает навязанными и плохо освоенными. Полезно признавать право работников на несущественные промахи, ибо никому не дано работать всегда безукоризненно;
• всегда надо быть справедливым в замечаниях и поучениях. Восточная мудрость гласит: истина не в устах говорящего, а в ушах слушающего. Строить высказывания так, чтобы без нужды не затрагивать самолюбие человека. Наука не обижать - самая простая, но порой трудно доступная для некоторых. Недопустимо «раздувать» факты, приводить сомнительные доводы, опираться на недостаточно проверенную информацию. Если даже будет высказано десять справедливых замечаний, а в одном будет таиться ошибка, то это зачеркнет все другие, и у подчиненного возникнет горькое чувство несправедливости к нему;
• работа сотрудника никогда не состоит из одних недостатков. Если же руководитель в общении с ним высказывает только недовольство, то у него возникает чувство несправедливости. Всякое замечание будет восприниматься правильно и повлияет максимально на работу, если руководитель перед его высказыванием отметит и хорошее в работе;
• практически всегда надо анализировать действия и показывать пути их совершенствования, а не скатываться на критику личности и ее качеств.

Пятое условие — *соблюдать чувство меры в выборе способов реализации требовательности.* Руководителю приходится всегда выбирать путь на извилистой дороге требовательности, балансируя между крайностями: единоначалием и коллегиальностью, строгостью и добротой, контролем и доверием, исполнительностью и инициативой и др. Верный путь всегда проходит между ними, уклоняясь то в ту, то в другую сторону в зависимости от обстоятельств, индивидуальных особенностей сотрудников и др. Критерий истинности - конечные цели и результаты. Всякая односторонность, шараханье из стороны в сторону неизбежно приводят к неудачам и срывам. Чувство меры — это всесторонне взвешенная и эффективная требовательность.

---

[1] *Киряшов Н.И.* Педагогика командирской требовательности. - М., 1973. - С. 41.
[2] *Кущ Г., С. О'Доннел.* Управление. Системный и ситуационный анализ управленческих функций. Т. 2. - М., 1981. - С. 375.

5.11. Психология организации взаимодействия служб и подразделений органа правопорядка

Актуальность проблемы взаимодействия служб и подразделений органа правопорядка. Проблема взаимодействия — предмет изучения всех прикладных научных дисциплин, в том числе юридической психологии. Организация взаимодействия является по существу инвариантом управления, ибо речь идет об обеспечении согласованности трудовых процессов, о достижении единой направленности в деятельности элементов системы и отдельных работников. Для системы органов правопорядка проблема особенно важна, поскольку это многофункциональная социальная система, многоструктурное государственное образование. Остроту проблемам придают особенности функционально-структурного построения этих органов. С одной стороны, многие службы и подразделения выполняют настолько специфические функции, что могли бы составить автономную социальную систему (внутренние войска, следственный аппарат и др.). Многие службы и отдельные должности в органах правопорядка обладают высокой процессуальной самостоятельностью, ограничивающей управленческое вмешательство (следственный аппарат, ГИБДД и др.). С другой стороны, различные службы в реализации правоохранительных функций связаны настолько тесно, что их деятельность и хронологически, и фактически представляет единый процесс.
Поэтому на любом уровне системы правоохранительного органа — от районного подразделения до центрального аппарата — необходимость взаимодействия ощущается как естественная потребность, а необходимость организации взаимодействия — как важнейшее требование к деятельности руководителя.
Организационно-психологические факторы, отрицательно влияющие на взаимодействие служб и подразделений органа правопорядка. Рассмотрим эти факторы.
1. *Недостатки в организационно-структурном построении аппарата управления органом правопорядка.* Известно, что организационное построение аппарата должно соответствовать определенным правилам, в том числе четкому распределению функций по управлению нижестоящими подразделениями, исключению дублирования управленческих воздействий, необходимости в обмене служебной информацией и взаимопомощи и т.п. Если с этой точки посмотреть на современный аппарат управления органами правопорядка, то можно обнаружить ряд несоответствий этим правилам: во-первых, появление подразделений с нечеткими функциями, что отражается на организации их совместной работы; во-вторых, недостаточно четкое распределение обязанностей между подразделениями, что ведет к дублированию и параллелизму в работе; в-третьих, недостаточно четкое взаимодействие между аппаратами управления областных (республиканских) и районных (городских) органов правопорядка одной организационной системы.
2. *Недостаточная разработанность нормативно-правовой базы взаимодействия служб и подразделений органа правопорядка.* Анализ показывает, что по существу систематическая нормативная база взаимодействия служб и подразделений многих органов правопорядка отсутствует. Ряд нормативных актов рассеян во множестве ведомственных приказов, инструкций и уставов. Вместе с тем необходимость достаточно четкого регулирования взаимодействия служб и структурных подразделений органа правопорядка все более возрастает. Недостатки

взаимодействия объясняются также низким уровнем разработки должностных инструкций (функциональных обязанностей) работников органа правопорядка. Вразрез с рекомендациями науки, как показывают данные анализа, в такого рода документы не включаются разделы, посвященные содержанию, порядку и периодичности взаимодействия представителей различных служб и структурных подразделений органа правопорядка, критерии оценки такого взаимодействия. Более того, отсутствие правильно и с учетом научных рекомендаций разработанных должностных обязанностей часто приводит сотрудников в состояние уныния и бесперспективности работы, формирует у них чувство незащищенности от недостаточно объективных и несправедливых требований руководителя.

3. *Отсутствие показателей оценки эффективности взаимодействия служб и структурных подразделений органа правопорядка.* Порой складывается парадоксальная ситуация, когда руководитель органа правопорядка интуитивно чувствует, что отклонения в деятельности связаны с неэффективностью взаимодействия структурных звеньев и служб, но выразить, эксплицировать это чувство в четких суждениях и аргументах не может, так как отсутствует система надежных оценок этого взаимодействия. Более того, отсутствие критериев, по которым оценивается взаимодействие работников различных служб, отрицательно влияет на их мотивацию, не побуждая в должной мере к более тесному и систематическому сотрудничеству. Конечно, можно сказать, что истинным, критерием является эффективное выполнение органом правопорядка задач по борьбе с правонарушительством. Однако руководителю необходимо определить основные критерии организованности взаимосвязей звеньев управляемой системы, которые учитывали бы плотность и частоту взаимодействия, степень обособленности различных структурных подразделений, уровень нормативно-правового регламентирования их совместной деятельности и т.д.

4. *Неравномерность служебной нагрузки на работников различных служб и структурных подразделений органа правопорядка.* Наблюдения показывают, что загруженность работников различных подразделений органа правопорядка распределяется неравномерно. Например, часть работников ведущих служб органа правопорядка (следственный аппарат, оперативные службы и др.) имеют чрезвычайно большую рабочую нагрузку. В то же время работники других подразделений органа правопорядка загружены меньше (кадровый аппарат, штабные подразделения и др.). Поэтому неравномерность рабочей нагрузки может служить фактором, осложняющим взаимодействие.

5. *Недостаточная разработанность и продуманность системы взаимного информирования работников различных служб и подразделений органов правопорядка.* Определенным выходом здесь может быть создание централизованного банка информации (при строгом соблюдении правил секретности) по результатам деятельности различных служб органа правопорядка. Практика показывает, что редко проводятся служебные заседания и собрания с участием представителей различных служб. При планировании и разработке необходимых оперативно-розыскных и следственных мероприятий не всегда участвуют представители заинтересованных служб и подразделений.

6. *Отсутствие четкой системы материального и морального стимулирования работников различных служб за эффективное взаимодействие и согласованную совместную работу.* Практика деятельности органов правопорядка более сориентирована на стимулирование конкретных служб и конкретных работников за выполнение ими собственных функций. Гораздо реже поощряются сотрудники за то, что они предоставили другой службе надежную информацию, создали необходимые предпосылки в работе, провели ресурсное обеспечение деятельности другого подразделения. Видя, что подобная их деятельность руководителем органа правопорядка практически не оценивается, работники теряют заинтересованность в совместной деятельности и взаимодействии.

7. *Предвзятое отношение руководителя органа правопорядка к отдельным службам и подразделениям.* Эмоционально неодинаковое отношение руководителя к различным службам, демонстрация симпатий к одним, антипатий или безразличия к другим ведет к тому, что подчиненные начинают делить службы на перворазрядные и второразрядные, нужные и ненужные, любимые или нелюбимые начальником и т.п. Подобное состояние дел мгновенно отражается на взаимодействии. Одни службы и подразделения, чувствуя себя фаворитами, требуют к себе большего внимания и относятся к другим службам как обеспечивающим их информацией, выполняющим их мелкие поручения и т.п. Объективно различные службы и подразделения по своим задачам и важности результатов деятельности неравны (недаром

существует понятие «ведущие службы»). Однако руководитель органа правопорядка должен следовать тактике подчеркивания равноправности и необходимости всех служб и подразделений.

8. *Неверные установки руководителей некоторых служб и подразделений по отношению к другим структурным звеньям органа правопорядка.* Наблюдения показывают, что часто причиной неудовлетворительного взаимодействия двух служб является отрицательное отношение руководителя к деятельности другого подразделения. Происходит это в силу неправильного концептуального понимания функций и места другой службы в системе органа правопорядка (в организованной структуре органа правопорядка) либо конфликтных отношений между руководителями этих служб и т.п. В любом случае такая установка воспринимается подчиненными и формирует соответственно негативные отношения к работникам другой службы, другого подразделения.

9. *Эгоистическое стремление ряда работников получить односторонние выгоды и преимущества от взаимодействия с представителями других структурных подразделений органа правопорядка.* Деловое взаимодействие — это, образно говоря, дорога с двусторонним движением. Результаты взаимодействия должны удовлетворять партнеров. Побуждение ряда сотрудников приобрести какие-то преимущества или переложить выполнение части должностных обязанностей на других в процессе взаимодействия воспринимается их партнерами отрицательно и может приводить к межличностным и межгрупповым конфликтам, осложнению социально-психологического климата в коллективе, снижению эффективности взаимодействия.

10. *«Ножницы» в профессиональной и управленческой подготовленности работников различных служб, их низкая информированность об основных целях и содержании деятельности друг друга.*

11. *Отрицательные личностные качества некоторых работников органа правопорядка: карьеризм, угодничество, подобострастие, подхалимство, стремление к доминированию, агрессивность, самоутверждение за счет результатов деятельности партнеров по взаимодействию и др.* Указанные качества, проявляясь в реальном процессе взаимодействия работника с представителями других служб органа правопорядка, могут вести к антипатиям, межличностному «отталкиванию», избеганию контактов и т.п. В конечном счете данное обстоятельство отрицательно влияет на результаты взаимодействия.

12. *Функциональный эгоизм (эгоцентризм), проявляемый коллективом службы или подразделения органа правопорядка.* Направленность группы (коллектива) работников можно подразделить на коллективистскую и узкофункциональную. Коллективистская направленность в отличие от узкофункциональной предполагает ориентацию подразделения на решение общих задач, стоящих перед органом правопорядка, в тесной связи с частными задачами данной службы. Узкофункциональная направленность службы выражается в тенденции замыкания на своих задачах и непроявления достаточного интереса к совместной работе с другими службами и структурными подразделениями органа правопорядка.

В числе практических мер по профилактике и преодолению функционального эгоизма можно назвать следующие:

• постоянное изучение руководителем органа правопорядка явлений и процессов в группах и коллективах работников структурных подразделений и своевременную диагностику тенденций к замкнутости, ориентации только на частные групповые цели;

• правильную расстановку кадров (в том числе при создании временных рабочих групп из числа сотрудников различных служб) с учетом их психологической совместимости и склонности к той или иной деятельности;

• организацию системы взаимного информирования о деятельности служб, подразделений, обсуждение результатов взаимодействия на совместных собраниях и совещаниях;

• развитие сотрудничества работников различных служб и подразделений на основе стимулирования их совместной деятельности;

• создание правильного коллективного мнения в органе правопорядка о деятельности каждого структурного подразделения;

• повышение профессионального мастерства работников органа правопорядка. Диагностика руководителем состояния взаимодействия служб и подразделений органа правопорядка позволяет своевременно обнаружить основные факторы, негативно влияющие на эффективность совместной работы и прочность взаимосвязей. Однако организация взаимодействия связана не только с выявлением отклонений в состоянии взаимодействия. В значительной мере последнее обстоятельство обусловлено концептуальным пониманием руководителем органа правопорядка сущности и целей взаимодействия всех структурных звеньев организации.

5.12. Психологическое обеспечение нововведений в правоохранительных органах

Понятие нововведения. Существенные изменения в политической и экономической системе нашего общества, в оперативной обстановке, в характере преступности вынуждают осуществлять радикальные новации и в деятельности правоохранительных органов. Однако все, что касается изменения организационной структуры, стиля и методов работы, воспринимается весьма болезненно, ибо затрагивает интересы и ценностные ориентации людей. Еще известный политолог эпохи возрождения Макиавелли, отмечая необходимость нововведений при становлении новой власти, подчеркивал, что «нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником... отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом». Прошло более 400 лет с момента, когда это было написано, но актуально и сегодня. Утверждение нового — это всегда конфликт со старым. *Там, где есть новации, там имеют место психологическая борьба, накал человеческих страстей, а порой и жизненные трагедии.*

Анализ литературы показывает, что при всем многообразии определений термина «нововведения» их можно свести к двум значениям: предметному и процессуальному. В первом значении *к нововведениям относят любую идею, деятельность или вещественный результат, который является новым в силу своего качественного отличия от существующих.* Другими словами, нововведение — это то, что качественно отличается от предыдущего. В этом значении используются и такие понятия, как «новшество», «положительный опыт». «Нововведение» как процесс — *это создание, освоение и распространение разного типа новшеств.* Как синонимы данного слова используют термины «инновация», «инновационный процесс». Близки к нему понятия «изменения», «перестройка», «обновление», «реорганизация», «положительный опыт».

Первые исследования по изучению закономерностей внедрения и распространения новшеств были выполнены в 40-е годы за рубежом. В теории управления возникла новая отрасль — *инноватика, а* впоследствии — *инновационный менеджмент.* В условиях научно-технического прогресса нововведения
становятся повседневным явлением, «клеточкой» управляемого развития организации. *Нововведения — это одно из главных средств развития организации*[1].

Для правоохранительных органов важно рассмотрение двух психологических проблем, связанных с обеспечением инноваций:

• изучение факторов, влияющих на отношение сотрудников к инновациям и на повышение их восприимчивости к ним;

• управление инновационным процессом.

Факторы, влияющие на восприимчивость нововведений в правоохранительных органах. В зависимости от того, как воспринимаются нововведения сотрудниками правоохранительных органов, зависит их отношение к ним и участие в реализации. Выделяют следующие реакции сотрудников на организационные изменения:

• принятие нововведения и активное участие в его реализации;

• пассивное принятие нововведения, в основном под давлением обстоятельств;

• пассивное неприятие нововведения, занятие выжидательной позиции;

• активное неприятие нововведений, оказание противодействия инновациям. Восприимчивость нововведений зависит как от объективных, так и субъективных факторов (рис. 5.5).

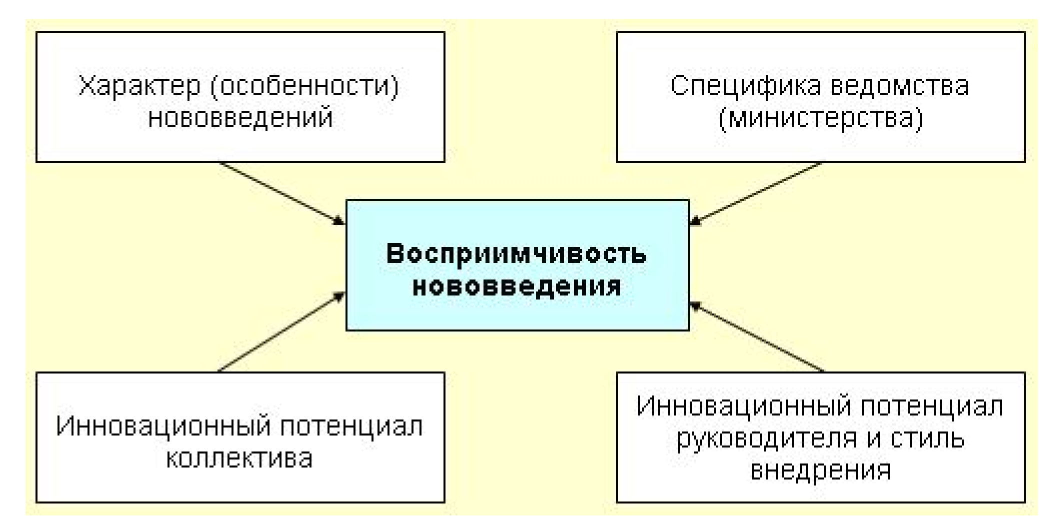

Рис. 5.5. Факторы, влияющие на восприимчивость нововведений в правоохранительных органах

С *авторством нововведения* связана одна из разновидностей психологических барьеров — «барьер-шеф». Если автором или инициатором нововведения выступает сотрудник (руководитель - «шеф»), отрицательно зарекомендовавший себя в глазах коллег или подчиненных, то негативная установка к личности автоматически переносится, нередко не без оснований, и на само новшество.

Характеризуя нововведения по признаку *субъективной обращенности,* имеют в виду иерархический уровень управления и службу, которой адресовано новшество. Например, новшества для центрального аппарата министерства, сотрудников регионального (территориального) уровня, по линии уголовного розыска, следствия, службы по работе с личным составом и т. п.

Существенный фактор — *инновационный потенциал коллектива,* под которым понимаются психологические возможности коллектива к освоению новшеств. Он связан с удовлетворенностью сотрудников службой, творческой атмосферой в коллективе, профессиональной компетентностью и опытом службы.

Исследования, проведенные на достаточно большой выборке (1200 сотрудников правоохранительных органов), показывают, что наиболее высокая готовность к внедрению новшеств — при частичной удовлетворенности службой (рис. 5.6).

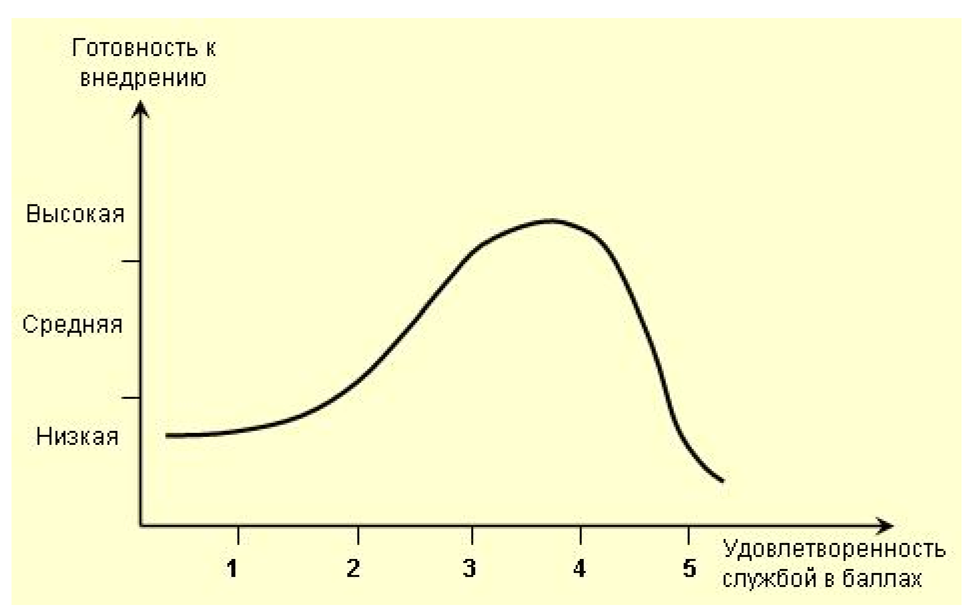

Рис. 5.6. Зависимость готовности к внедрению новшеств от удовлетворенности службой

Отношение к нововведениям можно прогнозировать по общему уровню удовлетворенности службой в правоохранительных органах.

Показателями творческой атмосферы в коллективе являются: положительное отношение к инноваторам, поддержка продуктивных идей, постоянное информирование сотрудников о перспективных новшествах, о положительном отечественном и зарубежном опыте, проведение ведомственных научно-практических конференций, заключение договоров о научном сотрудничестве с учебными и научно-исследовательскими заведениями, возможность свободно обмениваться мнениями о положении дел и коллегиально принимать управленческие решения.

Чем выше профессиональная подготовка сотрудников, тем с большей готовностью они относятся к нововведениям, и наоборот, профессиональная некомпетентность порождает психологические барьеры (боязнь новшеств, приписывание инноваторам карьеристских мотивов и др.).

Что касается опыта службы в органах внутренних дел, то бытующее мнение о том, что опытные сотрудники (имеющие стаж более 15 лет) и зрелый возраст (старше 40 лет) являются консерваторами, не подтвердилось в исследовании. Консерватизм как личностное качество детерминирован не столько стажем службы, сколько опытом работы в том или ином коллективе и личностными свойствами.

Инновационный потенциал руководителя. Это важный психологический фактор, представляющий собой интегральное свойство личности, определяющее ее отношение к инновациям. Его составляющие: практичность и креативность мышления, потребность в самоактуализации и успехе, организаторские способности, уверенность в себе. Анализ деятельности руководителей-инноваторов показывает, что им свойственны следующие умственные черты: умение охватывать целое при одновременном внимании к деталям, способность находить быстрые нестандартные решения, способность предвидеть социальные и правовые последствия. Благодаря практичной направленности мышления руководитель-инноватор быстро осознает проблему, оценивает перспективы нововведений и решительно принимает меры по их реализации.

В структуре мотивации руководителей-инноваторов преобладает возможность воплотить в жизнь свои планы, идеи, добиться признания своего авторитета. Творческие руководители не стремятся к высокой должности ради личного престижа, но они и не отказываются от повышения по службе, осознавая, что чем выше должность, тем больше возможностей для реализации своих способностей. Руководители-инноваторы не боятся идти на риск. Главный источник их активности — стремление к успеху, а не опасение избежать неудач.

Уверенный в себе руководитель — это человек, поведению которого свойственны следующие признаки: держится независимо; стремится к успеху и не скрывает этого; имеет чувство собственного достоинства, считает, что к нему, к его идеям должны относиться всерьез и с уважением; может отвечать отказом на просьбу, не чувствуя себя виновным и эгоистичным; открыто обращается к окружающим, в том числе вышестоящим руководителям, со своими просьбами и предложениями; не боится допустить ошибки и нести за них ответственность[2]. Опыт показывает, что крупные реорганизации возможны только в том случае, если руководитель умеет создать свою команду единомышленников, тактично и решительно противодействовать противникам новшеств.

На практике приходится сталкиваться с разными типами руководителей.

• *Консервативный* — ориентированный на привычные, многократно проверенные на практике способы работы. К новому относится с предубеждением, насмешливо, предложения подчиненных отвергает, а при указании сверху старается переложить работу по внедрению на заместителей или растянуть сроки. Мышление таких руководителей весьма стереотипно, ригидно, шаблонно. Мотивация к успеху и потребность в самоактуализации выражены слабо.

• *Декларативный* — на словах за любое новшество, а на деле внедряет лишь те из них, которые не требуют больших затрат труда, энергии и риска.

• *Колеблющийся* — часто меняет свое отношение к нововведению из-за недостаточной профессиональной компетентности, неуверенности в себе, ориентации на точку зрения вышестоящего руководителя.

• *Прогрессивный* — постоянно ищет новые, более экономные пути достижения целей организации; обладает развитым чувством нового, передового; глубоко продумывает предложения независимо от того, кто является их инициатором; тщательно рассчитывает все варианты; идет на разумный риск.

• *Разрушитель* — разнообразные изменения и перестройка являются манией такого руководителя. Его мышление носит абстрактный характер, он не утруждает себя глубоким предварительным расчетом и обоснованием, реализует новшества методом проб и ошибок. Он пытается менять

прежде всего организационную структуру, а когда эта возможность себя исчерпывает, начинает «перетасовывать» управленческие кадры.

Инновационный потенциал руководителя во многом определяет успешность внедрения новшеств в правоохранительных органах.

Психологические особенности управления инновационным процессом в правоохранительных органах. Нововведения носят динамический характер, они развиваются во времени и имеют определенные стадии (этапы). Управлять инновационным процессом — это значит оказывать целенаправленное воздействие на субъекты новшества на каждом этапе. В качестве относительно самостоятельных этапов инновационного процесса выделяют: осознание проблемной ситуации и принятие решения о необходимости нововведения; разработку программы нововведения; доведение информации о предстоящем нововведении до личного состава (исполнителей); профессионально-психологическую подготовку сотрудников к нововведению; непосредственный процесс внедрения новшества; оценку эффективности нововведения.

Выявление проблемной ситуации и принятие решения о нововведении. На основе поступающей информации руководитель нередко начинает ощущать, что в подразделении что-то не в порядке и если не принять существенных мер, то ситуация еще более осложнится. Противоречия между поставленными целями, задачами, ожиданиями и реальным положением дел и составляют *сущность проблемной ситуации.*

Осознав проблемную ситуацию, зафиксировав ее в своем сознании или на бумаге, руководитель начинает понимать и причины, препятствующие нормальному функционированию возглавляемого им коллектива.

Принятие решения о нововведении и подготовка программы его реализации. С целью дальнейшей проработки проблемы и принятия решения о нововведении создается творческая (рабочая) группа (команда). Руководитель ставит перед ней ряд задач, главные из которых следующие:

• ясно, четко и подробно описать суть проблемы и причины, которые привели к ее возникновению;

• дать прогноз развития ситуации, если проблема не будет решена вовремя;

• описать наиболее перспективные подходы к решению проблемы (альтернативные варианты) с учетом опыта других подразделений, регионов, государств и рекомендаций науки;

• обратить внимание на изучение достоинств и отрицательных последствий альтернативных решений.

При подготовке решения «творческая команда» должна использовать современные методы группового поиска новых идей: мозговой штурм, метод Дельфи и др.[3]
После неоднократного участия руководителя в обсуждении проблемы и возможных вариантов ее решения со всеми заинтересованными лицами (вышестоящим руководством, местной администрацией, исполнителями, специалистами) он принимает окончательное решение о нововведении или добивается соответствующего решения вышестоящих руководителей. Для того чтобы преодолеть возможное сопротивление вышестоящего руководителя нововведению, можно использовать различные психологические приемы (исходя из ситуации), например:

• пригласить начальника принять участие в совещании, на котором будет поддержана идея о нововведении (в коллективе, на научно-практической конференции);

• обратиться к авторитетным ученым, чтобы они дали заключение о перспективности нововведения и поддержали его;

• предложить руководителю новшество повторно (неоднократно) в измененном виде («в другой упаковке»);

• представить новшество как вариант решения идей или указаний начальника;

• заручиться поддержкой авторитетных сотрудников;

• попытаться повлиять на руководителя посредством авторитетных для него лиц;

• реализовать нововведение в отсутствие начальника;

• использовать средства массовой информации, как ведомственные, так и иные, для пропаганды нововведения;

• обратиться за поддержкой к вышестоящему органу управления, минуя непосредственного начальника;

• изложить свои идеи представителям вышестоящего органа управления при инспектировании подразделения ;

• включить свое нововведение в уже одобренную программу действий;

• устно или письменно (в виде рапорта) возложить ответственность на начальника за отрицательные последствия, которые могут возникнуть, если предложение об изменениях своевременно не будет одобрено, и др.

После официального принятия решения о нововведении рабочей группе поручается разработать программу его реализации. Она должна предусмотреть комплексную систему мер (организационных, правовых, материально-технических, психологических); регламент работы в новых условиях; последовательность внедрения новшества; ответственных за конкретные мероприятия и т. п.

Информирование о нововведении. Данная стадия предполагает достижение понимания сотрудниками сущности инновации, последовательности ее осуществления, практической значимости. Эмоциональное отношение к нововведению зависит не только от его содержания, но и от психологически грамотного ответа на такие вопросы: кому доводить программу нововведения? Когда доводить и как?

Отвечая на первый вопрос, необходимо иметь в виду, что чем выше должностной уровень руководителя и его авторитет среди личного состава, тем более значимым будет восприниматься новшество, тем более ответственным будет к нему отношение сотрудников. Обычно инициаторы нововведений и исполнители воспринимают его по-разному. Первые переоценивают преимущества и недооценивают недостатки новшества, а вторые, наоборот, делают больший упор на недостатки[4]. Решая вопрос о сроках, необходимо стремиться к минимальному времени между принятием решения и его оглаской коллективу, иначе слухи о предстоящем нововведении скорее всего исказят его суть и породят негативное отношение. При информировании сотрудников следует:

• объяснить, какова проблема и почему принято решение о новшестве. Уверенность людей в том, что инновация имеет общественную и профессиональную значимость, даст положительный эффект в работе — это одна из предпосылок устранения психологических барьеров;

• сообщить, что нужно делать в процессе нововведения, каких результатов и к какому сроку нужно достичь;

• разъяснить, в каких условиях предстоит выполнять программу, акцентировать внимание на возможных трудностях и раскрыть пути их преодоления;

• показать, какими силами и средствами будет реализовываться новшество, какая помощь будет оказана.

Одновременно осуществляется мобилизация персонала, активация мотивов общественной значимости, материальной заинтересованности, должностной карьеры, возможности профессионального развития и др.

Целесообразно осуществить профессионально-психологическую подготовку персонала к работе в новых условиях. Потребность в ней обусловлена необходимостью повышения профессионального мастерства сотрудников и преодоления психологических барьеров[5]. При очередной реорганизации структуры одного из главков МВД России сотрудникам был поставлен вопрос: «Какие чувства Вы испытываете в связи с изменением структуры главка?». Ответы были следующие[6]:

• досаду, что реорганизация отвлекает от целенаправленной работы и не отвечает интересам службы (барьер «концептуальный»») — 54%;

• апатию, так как уже все надоело (барьер «пессимизма») — 33%;

• безразличие, так как реорганизация на эффективности работы все равно не скажется (барьер «некомпетентности») — 25%;

• опасение, что может возникнуть соперничество, конкуренция между бывшими работниками объединяемых служб (барьер «взаимодействия») - 19%;

• опасение потерять занимаемую должность, попасть под сокращение (барьер «неудачи») — 6%;

• нежелание работать под руководством нового начальника и в новом коллективе (барьер «социальный уют») — 11%;

• опасение, что придется осваивать новые направления работы (барьер «традиции, привычки») — 7%;

• досаду в связи с тем, что рушатся личные планы, деловая карьера (барьер «личных интересов») — 5%.

Таким образом, организационные изменения вызывают у большинства сотрудников тревогу, и следует предпринять специальные меры психологического воздействия для профилактики

отрицательных психических состояний.
Важной формой предупреждения психологических барьеров к нововведению являются инновационные игры[7]. В процессе дискуссий, «проигрывания» конкретных ситуаций и анализа трудностей, которые могут возникнуть при внедрении новшества у участников тренинга, формируются соответствующие мотивы и вырабатывается правильная позиция относительно инновации.

На стадии непосредственного внедрения (освоения) новшества важно выбрать и реализовать научно обоснованную стратегию[8]. Выделяют две стратегии: растянутую на длительный период времени и быструю.

Первая стратегия осуществляется «мелкими шагами», последовательно, по отдельным направлениям и в отдельных коллективах. При таком подходе, поскольку инновационный процесс растягивается на длительный период, постоянно сталкиваются новое и старое, утрачивается интерес к переменам, снижается активность и мобилизованность работников, могут смениться даже руководители, в том числе инициаторы нововведений. Однако и быстрая, радикальная реформа имеет свои проблемы. Сопротивление, недовольство проявляются сильнее, часть сотрудников пытается перейти на другую работу. Радикальная и быстрая реформа нередко требует замены части управленческого персонала. Новые кадры всегда более наступательно проводят реорганизацию, их не тяготит груз прошлого, какие-либо обещания, конформизм. Но при этом возможны перегибы, которые соответствуют поговорке «Лес рубят — щепки летят». При радикальной реформе часто ухудшаются показатели правоохранительной деятельности. Восстановить нарушенное равновесие, а затем и повысить эффективность работы удается с большим напряжением. Однако конечный результат такой реорганизации более заметен.

Контроль и коррекция инновационного процесса осуществляются руководителем и рабочей комиссией. При обнаружении отклонений от программы инноваций вносятся коррективы либо в организацию управления инновационным процессом, либо в профессионально-психологическую подготовку персонала, либо в отдельные элементы самого нововведения.

Оценка эффективности нововведения. В настоящее время в качестве основных критериев эффективности нововведений применяются экономические и служебные показатели. Однако любая реорганизация должна быть ориентирована на удовлетворение потребностей и самих работников правоохранительных органов. В связи с этим любое нововведение должно оцениваться с позиции того, насколько оно способствует повышению трудовой активности, уровню удовлетворенности трудом, оптимизации психологического климата в коллективе. Практика убеждает, что игнорирование социально-психологических, воспитательных последствий нововведений приводит к ухудшению оперативно-служебных показателей в работе. Только комплексный подход, включающий социально-психологические аспекты, позволяет обеспечить эффективность нововведений в правоохранительных органах.

---

[1] См. подробнее: *Агарвала-Роджерс Р.* Коммуникации в организациях. - М., 1980; *Социальные* факторы нововведений в организационных системах. - М., 1980; *Пригожий А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия. - М., 1989; *Управленческие* нововведения в США. - М., 1986; и др.

[2] *Тичи Н., Деванна М.А.* Лидеры реорганизации. - М., 1990.

[3] См.: *Дудченко В.С.* Инновационная игра как метод исследования и развития организаций // Нововведения в организациях. Труды семинара. - М., 1983. - С. 54-69; *Инновационный* менеджмент. - Киев, 1991. - С. 79-106; и др.

[4] *Перлаки И.* Нововведения в организациях. - М., 1980. - С. 101.

[5] *Генов Ф.* Психологические барьеры при внедрении достижений научно-технического прогресса. // Психологический журнал. - 1982. - № 4. - С. 45-51.

[6] Общая сумма больше 100%, так как опрашиваемые могли давать не один, а несколько ответов.

[7] См.: *Дудченко В.С.* Основы инновационной методологии. - М., 1996; *Программа* инновационной игры. - Ярославль, 1987 и др.

[8] *Лада нов И.Д.* Психология управления. Преобразующее лидерство. - М.; 1997. - С. 125-211.

Глава 6. Психология работы с персоналом юридических органов

6.1. Психологический отбор в правоохранительные органы

Психологический отбор и его проблемы. Не каждый желающий работать в, системе укрепления законности и правопорядка способен на это, так как эта работа предъявляет особые, высокие требования к личным качествам человека. Это не является исключением. Зависимость успешности работы от способностей человека к ней установлена давно. Чем сложнее работа, чем выше ее требования, тем меньшее число людей способно выполнять ее, тем важнее тщательно отбирать людей при приеме на работу.

В 1912 г. Г. Мюнстербергом (1863—1916) был предложен экспериментальный психологический метод определения способностей. С тех пор психологический отбор, решающий задачу определения способностей у кандидатов на работу, получил в мире широкое, практически повсеместное распространение. В системе правоохранительных органов нашей страны он стал применяться с конца 70-х годов. За 20 лет накоплен значительный опыт, подтвердивший его жизненную необходимость. Вместе с тем есть серьезные основания критически оценить сделанное с практических позиций.

От психологического отбора можно ожидать многого, что подтверждают зарубежная практика и опыт различных ведомств нашей страны. Оправдываемость психодиагностических оценок в них достигает 92—95%, что позволяет существенно снизить текучесть кадров и экономит огромные средства. Кроме того, найти человеку работу по способностям — значит повысить ее эффективность, дать самому человеку возможность самоутвердиться, почувствовать себя нашедшим свое место в жизни, добиться успеха, и напротив. К сожалению, нельзя этого сказать об отборе в правоохранительных органах. Так, в структурах Министерства внутренних дел, где центры психодиагностики функционируют не менее пяти лет, число милиционеров, уволенных на первом году службы, только на 4% меньше, чем в тех, где таких центров нет, преступлений и нарушений законности сотрудниками — соответственно на 1,5%, а количество суицидов - на 3% меньше[1].

При довольно больших численности работников, занимающихся психологическим отбором, затратах времени, усилий, финансовых средств, длительном опыте можно было бы ожидать и более впечатляющих результатов. Правоохранительные органы продолжают тревожить факты:

- прогулов,
- отказов от работы, самостоятельных оставлений службы,
- злоупотреблений спиртными напитками,
- дорожно-транспортных нарушений на служебном транспорте,
- халатного отношения к служебным обязанностям,
- аморального поведения,
- поборов, взяточничества,
- рукоприкладства,
- сокрытия преступлений, фальсификации,
- неправомерного использования оружия,
- неделовых связей с преступной средой,
- укрытия от учета изъятого оружия,
- покушений на самоубийство и др.

По признанию специалистов, психологический отбор «в лучшем случае находится на стадии становления, не имея достаточной самостоятельности, целевой установки, критериев и правового обеспечения»[2].

По результатам проведенных анализов, *причины недостаточной эффективности действующей системы психологического отбора* весьма существенны:

- психологический отбор строился и строится преимущественно на подражательной, эклектической основе. В нем есть что-то от отбора операторов, что-то от отбора военнослужащих, что-то от отбора космонавтов и пр., но нет своей основы — учета специфики правоохранительной деятельности, понимания юридической психологии;
- при создании системы отбора в МВД в конце 70-х годов были допущены серьезные методолого-теоретические и организационные ошибки, которые сохраняются в своей основе до сих пор. Так, отбор был построен как психофизиологический (который и сейчас «в значительной мере ориентирован на выявление психопатологии»[3]), психологические лаборатории (называвшиеся до

недавнего времени психофизиологическими) комплектовались почти исключительно психиатрами, врачами, а не психологами;

• применяемый банк психодиагностических методик не ориентирован на изучение и оценку психологии личности и психологии профессионала-юриста (так, как они понимаются в психологической науке), а построен О медицинских позиций (по образцу понимания личности в медицине, психиатрии) и в интересах определения психического здоровья.

Приведенные выше факты, тревожно характеризующие качество кадрового состава, демонстрируют недостатки существующей практики работы с ним, в том числе и первичного психологического отбора на службу. Невооруженным взглядом видно, что главные причины тревожащих фактов — не в недостатках психического здоровья, а это значит, что в процессе отбора изучается и оценивается сейчас не то, что *главным образом* определяет способность гражданина заниматься правоохранительной деятельностью.

Концептуальные основы психологического отбора в правоохранительных органах. Психологический отбор потому и называется психологическим, что он должен быть ***психологически ориентированным,*** представлять собой соединение ***психологическдй науки*** и практики, строиться на строгих ***методолого-теоретических основах этой науки.*** В этом утверждении есть, конечно, тавтология, но об этом приходится говорить, ибо, как отмечено выше, до сих пор ориентация отбора в некоторых юридических органах была иной; строился он на эклектичных основах и методах; задавали тон в нем не психологи-профессионалы; а медики, врачи, лаборатории и отделения, занимавшиеся им, подчинялись медицинским управлениям, а не управлениям кадров.

Психологический отбор может быть эффективным, если он строится на основе ***диагностики способности личности к правоохранительной деятельности.*** Отбор по способностям — наиболее распространенный и собственно психологический отбор. Нет способностей вообще, есть качества человека, оцениваемые по их соответствию требованиям предстоящей деятельности. Способности выступают предпосылкой профессионального успеха, именно они определяют скорость, легкость и степень овладения деятельностью, продуктивность ее осуществления и последующий непрерывный ее рост. Способности к правоохранительной деятельности должны определяться и при психологическом отборе в юридические органы, а сам он должен быть по существу *профессионально-психологическим.* Отбор по пригодности, оцениваемой с позиций психического здоровья, бесспорно нужен, но столь же бесспорно, что он относится к медицинскому (психиатрическому), а не психологическому отбору.

Способность к правоохранительной деятельности — системная характеристика личности. Даже сотня разрозненно определенных индивидуальных особенностей человека не может заменить строго системной оценки его. Полезно определять интеллектуальные качества, склонность к симуляции и диссимуляции, степень и характер тревожности, экстравертированность и интровертированность, психотический или невротический тип реагирования, направленность сексуального интереса, непосредственность и др., но если не дать целостную и определенную оценку направленности личности и ее морально-психологического облика, то никакого заключения о способности данного человека к правоохранительной деятельности сделать нельзя.

Распространенная практика как раз и страдает тем, что определением множества третьестепенно значимых психологических качеств она прикрывает свои слабости в определении главных свойств личности.

В соответствии с основополагающими положениями психологической науки и юридической психологии (см. гл. 4) способность к правоохранительной деятельности определяется *по совокупности оценок важнейших свойств личности,* а именно:

1) социально-мотивационных качеств (жизненных ориентации, уровня социальной ответственности личности);
2) профессионально-мотивационных качеств (мотивов выбора профессии сотрудника правоохранительных органов и деятельностных ценностных ориентации);
3) правосознания;
4) морально-психологической подготовленности;
5) деловых качеств (волевых, организаторских);
6) познавательных психологических качеств (мышления, внимания, памяти и др.);
7) психофизиологических качеств.

Набор стандартизованных методик, используемых при профессионально-психологическом отборе в правоохранительные органы, должен обеспечивать полноценное интегральное изучение и оценку всех этих свойств.

Специфика правоохранительной деятельности определяет *специфику приоритетов* при профессионально-психологическом отборе. Трудности космонавта связаны с нагрузками на организм, а поэтому первостепенное внимание к определению психофизиологических качеств при оценке способности быть космонавтом оправданно. Трудности вождения автотранспортных средств определяются приоритетной необходимостью в оценке дорожной обстановки, действий других участников дорожного движения и мгновенного уверенного реагирования на их изменения. Отсюда и специфика приоритетов в оценке способности человека быть водителем спецмашины. Правоохранительная же деятельность — это социальная деятельность, осуществляемая в режиме права. Специфика ее требований в принципиально ином: в требованиях социальности, строгой законности, высокой моральности. Если еще раз возвратиться к приведенному в начале параграфа списку тревожащих кадры фактов, то станет очевидным, что в основе их лежат именно дефекты правовой психологии и морально-психологической подготовленности сотрудников. Поэтому-то и психологический отбор в правоохранительные органы должен строиться на принципиально ином подходе. ***Приоритетными*** **для оценки способностей конкретного гражданина к правоохранительной деятельности** выступает изучение и оценка его ***мотивационных качеств, правосознания и морально-психологических особенностей.*** В этом и находит выражение ***специфика профессионально-психологического отбора в правоохранительные органы.*** Негативная оценка их — безусловное противопоказание для такой деятельности.

Предстоит еще математически решить задачу системной оценки всех семи основных свойств, входящих в структуру способности к правоохранительной деятельности. Их нельзя просто суммировать, игнорируя ранговую значимость свойств, резко возрастающую от седьмого к первому свойству. Образно говоря, даже десять «пятерок» по седьмому свойству не могут перевесить одной «двойки» по первому.

Изложенные концептуальные положения относятся к изучению и оценке всех отбираемых в правоохранительные органы, но нужны изучение и оценка ***специальных способностей*** при отборе специалистов в конкретные юридические органы, службы, подразделения. При этом отборе должно уделяться внимание оценке степени развития отдельных качеств или их групп, отвечающих особенностям деятельности специалиста, например, управленческих, профессионально-педагогических, оперативно-розыскных, следственных и других способностей. Хотя это и очевидно, но реализуется далеко не всегда. В этом отношении интересен получивший в последние годы опыт разработки методики психологического отбора прокурорских работников *(В.В. Романов, М.В. Кроз),* излагаемый ниже.

Вопросы методики психологического отбора. Одной из актуальнейших задач в совершенствовании арсенала стандартизованных методик выступает обогащение их такими, которые позволяют диагностировать приоритетные группы качеств. Для этого могут быть использованы имеющиеся в психологической науке методики:[4]

1) *диагностики мотивационных качеств:*

• методика «Смысл жизни»,

• тест «Мотивационный профиль личности» (МПЛ), основанный на иерархической модели личности А. Маслоу,

• мотивационный тест Хекхаузена,

• методика Кучера—Смекала,

• методика ориентации личности Б. Басса,

• «Список личностных предпочтений» А. Эдвардса,

• опросник для измерения мотивации достижений (РАМ),

• биографический метод,

• Тематический Апперцептивный Тест (ТАГ) Г. Мюррея,

• Рисованный Апперцептивный Тест (РАТ) Л.Н. Собчик,

• методика «Мотивация к успеху» Т. Элерса,

• методика «Ценностные ориентации» М. Рокича,

• методика «Социально-психологические установки личности» О.Ф. Потемкиной,

• методика «Карта интересов»,

• методика «Неоконченное предложение», разработанная М.О. Калашниковым;

2) *диагностики морально-психологических (характерологических качеств):*
• тест интерперсональной диагностики Т. Лири,
• методика акцентуаций характера К. Леонгарда,
• методика «Шкала лживости» Д. Марлоу и Д. Крауна,
• 16-факторный опросник Р. Кеттелла,
• методика «Агрессия» А. Басса и А. Дарки,
• тест руки,
• методика личностного дифференциала (адаптированная в НИИ им. В.М. Бехтерева),
• методика «Как ты поступаешь в конфликтной ситуации?» К. Томас и др.

Представляют повышенный интерес различные методики изучения самосознания, почти не используемые ныне (например, опросник самоотношения В.В. Столина, тест «Уровень субъективного контроля» — локуса контроля личности в различных сферах жизнедеятельности, методика измерения притязаний и др.).

Названные методики необходимо постепенно дополнять другими, адаптируемыми и разрабатываемыми применительно к специфике потребностей профессионально-психологического отбора. Имеется заслуживающий внимания опыт изучения мотивационных и морально-психологических особенностей сотрудников правоохранительных органов с помощью профессионализированных методик «Карта интереса», САН, неоконченных предложений, рисуночных тестов по типу ТАТ, РАТ, Розенцвейга, «Деловые ситуации» Н.Г. Хитровой, рейтинговых методик ценностных ориентации, ранжирования качеств, юридических и моральных казусов и др.

Все виды психологического отбора целесообразно сделать в основном компьютеризованными.

Вопросы организации психологического отбора. Справедливо уделяется повсеместное внимание *первичному профессиональному отбору* в правоохранительные органы и образовательные учреждения, готовящие специалистов для ряда юридических органов. Психологический отбор выступает как часть профессионального отбора, который предполагает также:

• социально-правовой отбор: проверка кандидатов, подавших заявления, по социально-демографическим данным, образованию, отношению к военной обязанности, специальности, трудовому опыту, опыту жизни, характеристикам, наркологическим и криминологическим учетам и др.,
• медицинский отбор, направленный на определение состояния здоровья, в том числе психического.

Хорошо, когда психологический отбор сочетается с оценкой специальных способностей и *распределением,* т.е. рекомендациями, к какой службе, специальности поступающий на службу имеет наибольшие способности. Важно, чтобы и то и другое завершалось подготовкой рекомендаций для руководителей и сотрудников кадровых аппаратов по индивидуальной работе с принимаемым на службу.

Необходимо и значительно более широкое использование *вторичного отбора,* который целесообразен при решении задач:
• зачисления в резерв на выдвижение,
• при отборе на освободившиеся более высокие должности одного из имеющихся нескольких кандидатов,
• при выдвижении на должности руководителей.

В штатных расписаниях подразделений психологического отбора должно быть предусмотрено обязательное наличие базового психологического образования у лиц, назначаемых для работы в них, и дополнительного — по юридической психологии.

---

[1] Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел: Справ, пособие // Под ред. Бовина Б.Г., Мягких Н.И., Сафронова А.Д. - М., 1997. - С. 13.
[2] Там же. - С. 19.
[3]Там же. -С. 16.
[4] См.: Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел: Справ. пособие / Под ред. Бовина Б.Г., Мяпсих Н.И., Сафронова А.Д. - М., 1997;

Ратанова Т.А., Шляхта Н.Ф. Психодиагностические методы изучения личности. — М., 1998; *Шевандрин Н.И.* Психодиагностика, коррекция и развитие личности. - М., 1998; Практическая психодиагностика. Методики и тесты. - Самара, 1998; *Дружинин В.Н.* Психодиагностика общих способностей. - М., 1996; *Собчак Л.Н.* Введение в психологию индивидуальности. - М., 1997; Альманах психологических тестов. — М., 1995; *Анастази А.* Психологическое тестирование. В 2 томах. - М., 1982; *Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М.* Справочник по психологической диагностике. - Киев, 1989; *Кулагин Б.В.* Основы профессиональной психодиагностики. - Л., 1984; *Марищук В.Л., Блудов Ю.М., Плахтиенко ВА., Серова Д.Р.* Методики психодиагаостики в спорте. - М., 1990; Методы психологической диагностики. - М., 1993; *Психология* личности. Тесты, опросники, методики. - М., 1995; *Психологическая* диагностика. / Под ред. К.М. Гуревича, Е.М. Борисовой. - М., 1997, и др.

6.2. Психолого-педагогические аспекты юридического образования

Юридическое образование и психология. Образовательный процесс — процесс комплексный, многоаспектный. Однако если говорить о его сути, качественном своеобразии, коренным образом отличающем его от других, то надо сказать, что он имеет *психолого-педагогическую природу.* Можно сравнить образовательное учреждение с производственной организацией, у которой на «входе» — «сырье», а на «выходе» — «готовая продукция», в промежутке — технологии для переработки первого во второе. Образовательное учреждение предназначено для превращения новичков в высококвалифицированных специалистов. Можно сказать, что оно — «педагогическое производство». Но его технологии — ***психолого-педагогические технологии.*** Это технологии процессов формирования у студентов, курсантов, слушателей профессиональных знаний, навыков, умений, развитие у них профессиональных способностей, привычек, установок, способностей, жизненных и профессиональных ориентиров, норм поведения и другого, которые нужны им как будущим юристам, сотрудникам правоохранительных органов. Их формирование происходит на уровне психики, сознания, затрагивает, приводит в действие различные психологические механизмы профессиональных превращений и обогащений обучающихся, формирует у них социальные и профессиональные взгляды и убеждения, отношения, развивает способности и т.п. На пути достижения нужных профессионально-образовательных результатов приходится учитывать множество психологических предпосылок, преодолевать психологические трудности, создавать психолого-педагогические условия, проявлять немалые усилия и использовать своеобразные средства. Все они имеют для образовательного учреждения и его успехов доминирующее, определяющее, приоритетное значение.

Нельзя не отметить и место психологических факторов в реформе образования, происходящей в нашей стране на рубеже XXI в., интеграции его в мировую систему образования. Очень многое будет делаться по старинке, малоэффективно, затратив (экстенсивно), если не произойдут должные изменения настроений в обществе. Реализация новых федеральных законов по вопросам образования требует *психологической перестройки* значительной части педагогического корпуса, принятия подлинно гуманитарных и демократических идей, отказа от авторитарно-педагогического стиля работы, развития педагогического творчества, использования новых, более интенсивных психолого-педагогических технологий и др.

Все это свидетельствует о научной правомерности и даже необходимости психологического подхода к проблемам профессионального юридического образования.

Психолого-педагогические пути обеспечения развития и эффективности образовательного процесса в юридических образовательных учреждениях. Образовательный процесс представляет собой целостную систему (рис. 6.1), и его оптимизация может быть успешной лишь при системном походе.

Рис. 6.1. Система образовательного процесса

Первое условие — *деятельность образовательного учреждения и весь образовательный процесс должны быть приведены в полное соответствие с потребностями обновления нашего общества и создания правового государства.* Любая работа может быть успешна, если ее цели осмысленны, если они правильны. Происходящие в нашей стране революционные перемены, вхождение в XXI век, мировой процесс развития образования с большой ответственностью обязывают дать верный ответ на этот вызов времени.

Образованию всегда принадлежала роль ускорителя, катализатора общественного развития и его сфер. Оно — фактор долговременного развития, главный рычаг общественных перемен. Верно говорят: строишь планы на год — сей зерно, строишь планы на несколько лет — сажай деревья, строишь планы на века — выращивай человека. Главные ориентиры образовательного процесса и условий его успешности состоят в приведении целей, содержания и методов работы с установкой на *опережающую* функцию; на подготовку специалистов не вчерашнего, не сегодняшнего, а завтрашнего дня, людей, способных двигать практику вперед, делать все лучше, чем делается сейчас. Нельзя идти вперед, повернув голову назад или застыв на месте.

Второе условие — *целевое управление профессионально-образовательным процессом на основе психолого-педагогического подхода.* В основе такого управления образовательным процессом лежит цель (рис. 6.1 — Ц), предвосхищение того результата, который должен быть достигнут (рис. 6.1 — Р). Вся организация процесса, все методики и технологии строго отбираются, чтобы в итоге гарантированно получался результат, в точности соответствующий цели. Все, что не работает на это или работает плохо, устраняется или заменяется. Строится не работа «в нужном направлении», а последовательно, упорно достигается нужное. Слабость целеустремленной деловитости — весьма распространенный недостаток в деятельности юридических образовательных учреждений. Делается вроде все правильно, по традиции, а брака, недоделок достаточно: в сферу права, на укрепление законности и решение судеб людей направляются специалисты, не отвечающие или не в полной мере отвечающие по качеству своей подготовки ожиданиям и запросам юридической практики.

Цель образовательного процесса — конкретная *модель специалиста-выпускника* (или, как еще говорят, квалификационная характеристика), отвечающего образовательным стандартам специальности «правоведение», требованиям юридической практики и тому, о чем сказано в первом условии.

Чтобы стать основой управления образовательным процессом, цель конкретизируется и детализируется, находит выражение в виде *подробного перечня знаний, навыков, умений, привычек, качеств, профессиональных способностей,* которыми обязан обладать выпускник, молодой юрист, специалист правоохранительных органов. Каждый элемент ее становится частной образовательной задачей (рис. 6.1 — 3), и весь процесс набора учебных дисциплин, их содержание, организация, формы и методы, деятельность педагогического коллектива и каждого преподавателя и обучающегося, психолого-педагогические технологии (рис. 6.1 — П, Т, В, У) планируются и реализуются так, чтобы за время обучения каждая из них была гарантированно

решена применительно к каждому выпускнику. Таким образом цель, воплощенная в весь образовательный процесс, становится его несущей конструкцией, а сам он обеспечивает достижение нужного результата. Распространенные в практике недостатки: разработке модели не уделяется должного внимания, они зачастую формальны, не работают, а составляются «для проверяющих» и пылятся на полках учебных отделов. Между тем по ним должно выверять все, что делается в образовательном учреждении, в каждом учебном помещении, каждым преподавателем и обучающимся, на каждом занятии.

Третье условие — *ориентация на студентов, курсантов и слушателей всех сил и возможностей юридического образовательного учреждения.* Всякое образовательное учреждение существует для тех, кто в нем учится. Главная цель образовательного учреждения — подготовка высокообразованных специалистов для правовой системы. Главный *критерий* успешности деятельности — качество выпущенных специалистов. Поэтому главная заинтересованная фигура в образовательном учреждении — это студент, курсант, слушатель, и все, что делается на каждом квадратном метре образовательного учреждения и в каждый час его жизни, должно делаться ради тех, кого в нем готовят. Главная мера полезности, главный критерий правильности и эффективности — *то, что получает студент, курсант, слушатель, что улучшается в его подготовке как будущего полноценного специалиста юридического органа.* Любая новация, любая мера, любое решение руководства и преподавателей должно выверяться на этом. Все формальное, показное, бесполезное или малоэффективное, устаревшее должно безжалостно изыматься из образовательного процесса. Такая внутренняя установка, сильная и устойчивая, должна быть присуща всем работникам образовательного учреждения. Только в этом случае образовательный процесс и каждое занятие приобретают подлинную психолого-педагогическую силу, полную отдачу и нужную деловитость.

Четвертое условие — *формирование в профессионально-образовательном процессе юриста-личности;* это не только важнейшая цель, но и непременное условие эффективности самого процесса. Выше уже не раз отмечено, что работник правоохранительного органа не специалист, если он не личность, развитая социально и профессионально. Между тем в моделях выпускника не часто воплощается необходимость формирования обучающихся студентов, курсантов и слушателей как специалистов-личностей[1]. А если и есть упоминание об этом, то оно просто декларируется, ибо реальный процесс, жизнь образовательного учреждения, деятельность его работников слабо подчинены этой ответственнейшей задаче, и на деле она решается много хуже, чем вооружение выпускника профессиональными знаниями.

Очевидно, что невозможно научить человека ленивого, безответственно относящегося к учебе, к подготовке самого себя как специалиста и обнаруживающего себя неполноценной личностью. Поэтому формирование личности студента, курсанта, слушателя с первых шагов его в образовательном учреждении должно рассматриваться не только как работа на отдаленное будущее, но и как направленная на обеспечение успеха каждого обучающегося в самом юридическом образовательном учреждении, уже на первом семинаре, зачете, семестре, на собственный успех каждого преподавателя. Именно поэтому формирование личности обучающегося — не только цель, но и условие успеха каждого занятия, изучения каждой учебной дисциплины, решения задач и достижения цели.

Ущербно во всех отношениях понимание образовательного процесса как передачи информации, а учения — как восприятия и запоминания. В учении студента, курсанта, слушателя проявляется его личность - от интереса, мотивов, ответственного отношения к делу до его психофизиологии. Успех зависит прежде всего от мотивации, отношения к учебе, целеустремленности, трудолюбия, воли, требовательности к себе. Если эти феномены находятся вне поля внимания образовательного учреждения, если не обеспечиваются их максимальное проявление и совершенствование, специалиста не получится. Работа обучающегося в юридическом образовательном учреждении — это его первая профессиональная проба, средство всестороннего профессионального становления. Трудно ожидать, что тот, кто здесь безответствен, жуликоват, слабоволен, нетребователен к себе, перейдя на практическую работу, вдруг проявит себя достойно: ленивый вдруг станет добросовестным сотрудником, мало знающий — тонким профессионалом, безответственный — ответственным должностным лицом. Поэтому личностные проявления в учении заслуживают приоритетного внимания организаторов образовательного процесса.

Юридическое образование в психолого-педагогическом плане эффективно, когда оно интегрирует в себе *особое обучение + особое воспитание + особое развитие студентов,*

курсантов, слушателей, т.е. соединяет чисто профессиональное обучение с формированием и развитием личности обучающихся. Оно призвано не просто снабдить обучающегося неким минимумом профессиональной информации, но и сделать его личностью — человеком с твердыми жизненными взглядами, убеждениями, позициями, принципами жизни и работы, зрелыми отношениями, развитыми способностями и др. Иначе говоря, оно обязано готовить *специалистов-личностей,* т.е. людей, соединяющих в себе юридическую подготовку с качествами гражданина и специалиста-юриста, нацеленного на создание в России гуманного, демократического, правового государства, желающего и способного это делать.

Образовательный процесс только тогда эффективен, когда и в целом, и в каждом его звене в течение всего времени подготовки будущих юристов, работников правоохранительных органов и при каждом психолого-педагогическом контакте с ними постоянно и успешно решается *триединая педагогическая задача (ТПЗ): обучение + воспитание + развитие.* Имея свою специфику, они неразрывно связаны между собой : воспитание и развитие происходит в ходе обучения; успехи в воспитании и развитии способствуют достижению более высоких результатов в обучении; воспитывая, мы развиваем, и наоборот.

Некоторые преподаватели порой слабо приемлют такие подходы, считая, что «их задача — учить, а не воспитывать». Это свидетельствует прежде всего о том, что они не озабочены тем, чтобы те, кого они учат, усвоили преподаваемую ими же учебную дисциплину. Кроме того, это проявление преподавательской безграмотности. Преподаватель воспитывает, влияет на взгляды, интересы, отношения, желания, поступки своих учеников. Он влияет всем: внешним видом, выражением лица, манерой говорить, отношением к занятиям и обучающимся, тем, как здоровается, объясняет, отвечает на вопросы и предложения, помогает, делает замечания, выставляет оценки и пр. Многие просто не понимают, что творят с психологией молодых людей, которым они призваны помочь стать достойными людьми, гражданами, профессионалами. Важно понять свое влияние на студентов, курсантов, слушателей, быть мудрым педагогом, психологом, взять свое влияние под контроль, сделать свое влияние разумным и эффективным в психолого-педагогическом отношении.

Пятое условие — *максимальная интенсификация обучения студентов, курсантов, слушателей* (рис. 6.1 — У). Ничто не может стать достоянием ума и качеств человека без его собственной активной деятельности. Знания, навыки, способности — всегда продукт собственных, причем упорных и длительных, усилий. Пассивный в образовательном процессе студент, курсант, слушатель, по выражению выдающегося российского педагога и психолога К.Д. Ушинского, приобретает гнусную привычку сидеть, часами ничего не делая и ни о чем не думая.

Максимальная интенсификация учения слушателя требует *обучения его способам и приемам работы в образовательном учреждении,* создания благоприятных условий для самостоятельной работы, выделения большего времени для этого. Необходимо *заинтересовать и увлечь учебой, создав культ профессионализма и систему стимулов,* необходимо добиться успехов в решении триединой педагогической задачи. Важно обеспечить в образовательном учреждении стиль работы, при котором все думают не о том, как заставить слушателя учиться, а о том, *как создать такую обстановку, такие стимулы, условия и работу с ним, чтобы ему самому хотелось учиться — и учиться добросовестно.* Без желания учиться учение психологически приобретает для слушателя характер внешне навязанной и чуждой его интересам работы, нужной якобы преподавателям и от которой он пытается отлынивать, относится к ней как к неизбежному «злу», с которым надо временно смириться ради получения диплома.

Шестое условие — *построение образовательного процесса на основе современных интенсивных психолого-педагогических технологий.* Трудно отрицать факт: за последние 20 лет у нас мало что изменилось в педагогических технологиях, формах и методах педагогической работы. Между тем мировая практика и передовой опыт, имеющийся и у нас, разработали и усовершенствовали немало технологий, на волне научно-технической революции возникли и принципиально новые. В комплексе их признание получили и психолого-педагогические: усиление образовательной стороны учения, создание в процессе учения атмосферы интереса и увлеченности, превращение процесса учения в развивающий и формирующий личность процесс, целенаправленное развитие деловых и профессиональных качеств обучающихся, построение образования на принципах гуманизма, демократизма и плюрализма, использование технологий сотрудничества (рис. 6.1 — В), резкое повышение практичности обучения, усиление обратной связи в процессе обучения, развитие у обучаемых потребности к непрерывному обучению и др.

Научно-педагогические кадры юридического образовательного учреждения. Есть три фундаментальных вопроса, от теоретического и практического ответа на которые всегда зависела и зависит эффективность образовательного процесса и его конечные результаты. Это вопросы: *кого и чему учить* (цели и содержание)? *Как учить* (организация и методика)? *Кому учить, кто учит* (преподаватель)?

Последний вопрос — это вопрос о педагогических кадрах, профессорско-преподавательском и других категориях постоянного состава образовательного учреждения. Успех жизни и деятельности образовательного учреждения зависит от множества материальных, жилищных, финансовых, нормативно-правовых и иных факторов и условий. Однако все они — лишь предпосылка, условие, возможность достижения успеха. Их превращение в действительность осуществляется преподавателями и другими работниками постоянного состава, непосредственно участвующими в работе со слушателями и подготовке их в высококвалифицированных специалистов системы МВД. *Главная фигура среди них — преподаватель* (рис. 6.1 — П), который выступает в качестве проектировщика образовательного процесса, его инженера, непосредственного создателя, технолога, чернорабочего. Войдя в учебное помещение и представ перед аудиторией, преподаватель призван вдохнуть в нее жизнь, создать атмосферу образовательного процесса, активного познания, увлеченного интереса, оживленных чувств, пристального внимания и активных действий — и все это так, чтобы оставить в сознании слушателей прочный след, внести весомый вклад в их профессиональное, нравственное и культурное становление. Чтобы сделать это, ему надо отдать делу преподавания частицу своего ума, своих чувств, личности, энергии и даже здоровья. И так на каждом занятии, при каждой встрече со слушателями.

Осуществление руководства образовательным процессом преподавателями-профессионалами, людьми с высокой педагогической культурой, сознающими, что они работают в педагогическом учреждении — учреждении с особыми целями, ценностями, нормами, критериями эффективности, стилем и методами работы, выступает седьмым условием. Любое образовательное учреждение сильно прежде всего своим профессорско-преподавательским составом.

Неустанное повышение качества педагогических кадров в каждом образовательном учреждении, на каждой кафедре, цикле, факультете — это *исходный пункт, главный рычаг, механизм* обеспечения эффективности образовательного процесса. Ныне, в условиях радикальных перемен в обществе и реформ образования в соответствии с новыми федеральными законами, *повышение педагогического профессионализма* кадров юридических образовательных учреждений и приведение их в соответствие с требованиями времени выступают главной и необходимой возможностью справиться со стоящими задачами.

Существует ряд сложностей на пути совершенствования научно-педагогических кадров, в частности, ложные убеждения, выраженные кратко в формуле «любой практик — готовый преподаватель». Но сравним, скажем, деятельность следователя-практика и преподавателя, изучающего со студентами, курсантами или слушателями раскрытие преступлений. Цели деятельности у них абсолютно различны (раскрытие преступления — подготовка молодого специалиста), объекты деятельности тоже (преступники — слушатели), методы работы, условия, результаты, критерии эффективности не имеют ничего общего. Это не одна и та же профессия, и мастерство требуется не одинаковое.

Специфика любой профессии определяется реальностью, с которой специалист имеет дело, ее закономерностями. Химик должен разбираться в химии, ядерщик — в ядерных процессах, пищевик-технолог — в технологии обработки продуктов. Специфика профессионализма преподавателя обусловлена особенностями образовательного процесса, основные и наиболее специфичные закономерности которого имеют психолого-педагогическую природу. Преподаватель *является профессионалом-преподавателем постольку, поскольку, владея содержанием, психолого-педагогическими технологиями и личными качествами, может обеспечить достижение главной цели — подготовку всесторонне и высоко подготовленного специалиста — личности для системы юридических органов.*

Высшим проявлением профессионализма преподавателя юридического учебного заведения выступает его ***педагогическая культура***[2] **— высокая степень общего и профессионального развития его личности и подготовки как преподавателя-профессионала, их соответствия специфике преподавательского труда.** О ее значении в практике говорят так: все преподаватели

делятся на три группы - одних невозможно слушать, вторых - можно, третьих - нельзя не слушать.

Педагогическая культура — сложное профессиональное свойство преподавателя, любого субъекта педагогической работы (представителя руководства образовательного учреждения, работника факультета, воспитателя, социального педагога, сотрудника, чья деятельность по главным характеристикам является по существу разновидностью педагогической, например, профилактической, исправительной и др.), возникающее на основе задатков к педагогической деятельности и подлежащее формированию, развитию, оценке, принятию во внимание при решении кадровых вопросов. Ее структура (рис. 6.2) состоит из пяти основных компонентов:

• *педагогической направленности личности* (профессионально-педагогическая концепция, педагогическая целеустремленность, педагогическая мотивированность, педагогическая самоотдача);

• *педагогических способностей* (социально-педагогических — гражданственности, гуманности, моральности, деловитости и специально-педагогических — дидактических и воспитательных);

• *педагогического мастерства* (педагогической эрудированности, педагогических навыков и умений по организации и проведению педагогической работы, методического мастерства, педагогической техники, психолого-педагогической тактичности);

• *специального мастерства* (по преподаваемой учебной дисциплине, вопросу — знание предмета, практический опыт правоохранительной работы, научная квалификация, творческая активность, постоянная связь с практикой, конструктивные идеи и рекомендации по совершенствованию практики);

• *культуры личного педагогического труда* (организация рабочего места, рациональное использование свободного от занятий времени, потребность и работа по самосовершенствованию, сбор необходимой информации, ее накопление и систематизация).

Рис. 6.2. Педагогическая культура субъекта педагогической работы

Педагогическая культура конкретного преподавателя может находиться на разных уровнях развития: первом *(допрофессиональном),* втором *(начальном профессиональном), третьем (среднем профессиональном),* четвертом *(высшем профессиональном).* Установлена прямая зависимость между уровнем развития педагогической культуры преподавателя и уровнем успехов его работы. По результатам выборочных обследований, число преподавателей, обладающих высшим уровнем педагогической культуры, составляет около 10%. Поэтому задача овладения педагогической культурой — задача не только для новичков. Практически для 90% преподавателей она предстает как задача повышения уровня и достижения высшего. Легко представить, какую прибавку в улучшении подготовки молодых юристов можно получить при успешном ее решении.

К числу основных практически значимых выводов, вытекающих из отечественного опыта, данных исследований и анализа зарубежного опыта, можно отнести такие:

• переход с практической юридической работы на преподавательскую сопряжен со сменой профессии, требует осуществления переквалификации, формирования основ педагогической культуры;
• защита диссертации, получение ученой степени адекватны требованиям работы в научном учреждении, но для работы в образовательном не являются достаточными, а обладатели их нуждаются еще в основательной психолого-педагогической подготовке, что по опыту ряда образовательных учреждений уместно осуществлять на первом году обучения в аспирантуре, адъюнктуре;
• заслуживает внимания зарубежный опыт подготовки преподавателей высших учебных заведений. Там взят курс на применение к ним принципа непрерывного образования. Лица с дипломом о высшем образовании и степенью бакалавра считаются не отвечающими требованиям работы в вузе и в системе повышения квалификации. Чтобы занять должность преподавателя, необходимо иметь по меньшей мере степень магистра, а для должности старшего преподавателя — и выше — степень доктора. В ответ на это требование за последние 10 лет в 5—10 раз возросло число преподавателей, получающих подготовку на последипломном уровне (магистров и докторов наук). В Соотношении научной и собственно педагогической подготовки преподавателей крен стал делаться на последнюю. Исключение составляют некоторые университеты, занимающие приоритетное место и международное признание в науке. Поэтому подготовка преподавателей нередко ведется со специализацией «Образование и педагогика (методы обучения)», диссертации часто защищаются по педагогике (магистр педагогики, доктор педагогики);
• целесообразно в системе юридического образования иметь несколько образовательных учреждений с факультетами подготовки преподавателей.

Юридическая психология в системе юридического образования. Психология как учебная дисциплина изучается в юридических образовательных учреждениях с 1907 г. Ныне в государственном образовательном стандарте она введена под названием «Психология и педагогика». Фактически же преподаются учебные дисциплины под разными названиями: «Общая психология», «Юридическая психология», «Общая и юридическая психология», «Судебная психология», «Психология в правоохранительной деятельности», «Психология следственной деятельности», «Психология оперативно-розыскной деятельности», «Пенитенциарная психология» и др. Общие тенденции выражены в постепенном:
• преодолении абстрактно-теоретического изучения общей психологии профессионализацией изучения ее основ;
• расширении содержания, переходе от судебной (следственной) психологии к комплексному изучению юридической психологии;
• сочетании изучения системы юридической психологии с профилированием ее в данном учебном заведении;
• стремлении усилить прикладную составляющую, появлении тем и разделов по психологической технике юридической работы;
• создании в учебных заведениях специальной учебной базы: учебных кабинетов по юридической психологии, учебных городков, учебных средств (специальных видеофильмов, наглядных пособий, диафильмов, наборов слайдов, учебных альбомов, учебных книжек, пособий-практикумов и др.);
• улучшении обеспеченности учебной литературой и др.

Желательно, чтобы эти тенденции реально проявились во всех юридических образовательных учреждениях.

---

[1] *Фарбер И.Е.* Очерки вузовской педагогики. - Саратов, 1984. С. 65-69; *Козюк М.* Социальные ценности в юридическом образовании. // Высшее образование в России. - 1997. - № 2. - С. 81-86.
[2] *Сталяренко А.М.* Преподаватель учебного заведения МВД и его педагогическая культура. - М, 1997

6.3. Морально-психологическая подготовка юриста

Цели, задачи, содержание и виды морально-психологической подготовки. Морально-психологическая подготовка - важный вид профессиональной подготовки персонала во всех без исключения юридических органах. Ее *цель* — формирование и развитие у каждого сотрудника, военнослужащего внутренних войск *морально-психологической подготовленности* как необходимой составной части их профессиональной подготовленности, выражающейся в ее соответствии с моральным требованием правоохранительной деятельности, в наличии у них потребности и умении соразмерять и осуществлять свою деятельность по высоким моральным критериям (см. § 4.3). От уровня ее сформированности зависит отношение работника к труду, к другим людям и к самому себе. Включая в себя морально-психологические знания, взгляды, убеждения (моральное сознание), морально-психологические мотивы, умения, навыки и морально-психологические качества, она выступает личностной гарантией постоянного, неуклонного и умелого выполнения всех моральных требований в любой обстановке. Это важная характеристика воспитанности и обученности личности, ее сознания, психологии, профессиональной культуры и образованности.

Подход к организации и проведению морально-психологической подготовки (МПП) выражается в построении ее как *целостного педагогического процесса* и в разработке всех ее системных элементов: целей, задач, программ, направлений, условий, организации, форм, методики, обеспечения, способов контроля и оценки. Юридическая педагогика рассматривает ее как *новый вид профессиональной подготовки,* специфичный в условиях правовой системы и отвечающий требованиям современности, проблемам и задачам, стоящим перед российским обществом и юридическими органами.

К *основным задачам* МПП относятся:

• подготовка персонала к решению задач правоохранительной деятельности в условиях стремления российского общества к построению современного цивилизованного, правового общества;

• формирование и развитие морально-психологических основ добросовестной службы, верности профессиональному долгу и присяге;

• развитие морального сознания, морально-психологических качеств, навыков, умений и привычек морально зрелого решения вопросов, связанных с выполнением профессиональных обязанностей; профилактика злоупотреблений служебным положением, нарушений законности, коррупции;

• формирование высоконравственного и культурного отношения к гражданам, обучение этике общения и поведения при решении профессиональных задач; профилактика неуважения к гражданам, нарушения их прав, проявлений недозволенности, неправомерного применения силовых методов;

• формирование морально-психологических качеств и привычек высоконравственного и культурного поведения в быту, в личной жизни, в проявлениях высокой требовательности к себе, неустанной работы над собой;

• сплочение коллективов юридических органов и внутренних войск на основе моральных традиций, морально честных и этичных отношений друг к другу, развитие дружбы, товарищества, взаимопомощи, взаимной доброжелательной требовательности, чувства долга, ответственности, чести;

• повышение морально-психологической устойчивости, умения осуществлять правильный моральный выбор, не поддаваться соблазнам, уговорам, попыткам подкупа, ведущим к нарушениям служебного долга и подрыву чести, служебному предательству.

Содержание МПП определяется целью и задачами и выражается в программах, тематических планах и содержании занятий. В общем виде в него входят также разделы: человек, общество, мораль; право и мораль; моральные вопросы профессионального долга сотрудника, воина, должностного лица; морально-психологические аспекты решения профессиональных задач; морально-психологические аспекты общения и взаимоотношений сотрудника, воина с гражданами; морально-психологические вопросы поведения сотрудника, воина в коллективе; морально-психологические особенности действий сотрудника, воина в экстремальных условиях; морально-психологические основы поведения сотрудника, воина в быту, основы здорового образа жизни; вопросы морали в работе сотрудника над собой.

Как видно из целей, задач и содержания МПП, это комплексный вид подготовки, имеющий преимущественно воспитательный характер, сочетающийся со специфическим профессионально-воспитывающим обучением. МПП — *часть системы воспитания* личного состава.

МПП, имея общую основу для всего личного состава, дифференцируется и приспосабливается к частным задачам, образуя разные виды МПП:

• по времени проведения различают *предварительную* (проводимую заблаговременно, длительно, основательно) и *непосредственную* (проводимую непосредственно перед выполнением ответственного задания, причем прицельно, избирательно, с полным учетом конкретных особенностей предстоящих действий);

• по специальностям: МПП личного состава *криминальной милиции, специальных отрядов, инспекторов ГАИ, участковых инспекторов, воинов ВВ* и др.;

• по категориям личного состава: МПП *рядового, младшего начальствующего, инспекторского состава и командного, начальствующего, руководящего состава* (о последних разновидностях МПП редко вспоминают, а между тем они необходимы и важны);

• по конкретным профессиональным задачам, насыщенным морально-психологическими аспектами: МПП *к общению с населением, к действиям при чрезвычайных обстоятельствах* и др.

Особенности содержания морально-психологической подготовки начальствующего, командного и руководящего состава включают дополнительно такие вопросы:

• значение и сущность морально-психологической подготовленности юриста и руководителя;

• цели, задачи, содержание, организация и методика морально-психологической подготовки в правоохранительных органах;

• особенности формирования у подчиненных моральных убеждений, установок, ориентации, привычек, умений, навыков и качеств;

• морально-психологические факторы в управленческой деятельности руководителя;

• влияние различных стилей управления на морально-психологическую подготовленность подчиненных, морально-психологические последствия административно-командного стиля;

• морально-психологическое влияние на подчиненных особенностей личности руководителя, стиля и методов его работы, поведения, принимаемых решений;

• морально-психологические вопросы общения и построения взаимоотношений начальника с подчиненными;

• морально-психологические основы и проблемы руководства коллективом;

• морально-психологические аспекты руководства профессиональной деятельностью персонала;

• особенности морально-психологической подготовки сотрудников к решению различных задач и к действиям в экстремальных условиях.

Организация морально-психологической подготовки. Достижение целей и решение задач МПП возможно ее организацией и проведением по двум теснейшим образом связанным *направлениям:*

• МПП в ходе службы и решения профессиональных задач;

• МПП в процессе специального курса.

Необходимость МПП в ходе службы и решения профессиональных задач связана с общеизвестной истиной: человек воспитывается всей жизнью, его сознание определяется реальностями бытия. Поэтому следует так организовывать службу и деятельность, чтобы они формировали у каждого сотрудника, военнослужащего нужные компоненты МПП, а не наносили этому вред.

Всем руководителям всегда следует отдавать ясный отчет о том, как то или иное событие, решение, успех или неуспех, происшествие, объявление поощрения и наказания, повышения по службе и т.п. отражаются морально-психологически на персонале. Надо предвидеть морально-психологические последствия, т.е. какие морально-психологические взгляды, ценности, установки, привычки, качества при этом складываются у персонала, укрепляются или ухудшаются, не допускать и устранять то, что действует отрицательно. Каждый руководитель должен понимать, что сильнейшее морально-психологическое воздействие на подчиненных оказывают: его личность и ее особенности; манера держаться, тон голоса, выражение лица; все элементы его повседневной деятельности; проявляемые в работе ответственность, самоотдача, добросовестность; манера поведения и отношение к подчиненным,; стиль общения с подчиненными, выбираемые при этом слова и выражения; оценки, даваемые им подчиненным и их действиям; одобрения и критика, применяемые поощрения и наказания, их справедливость; поручения, даваемые подчиненным, и условия для их выполнения; меры по обучению и помощи подчиненным, понимание их и испытываемых ими трудностей, дельные советы; забота о бытовых условиях, обеспечении всем положенным, уважении их прав и чувства личного достоинства и многое другое.

Основы методики занятий по морально-психологической подготовке. Надо отчетливо понимать, что морально-психологическая подготовка не может быть эффективной, если обучающиеся в учебных группах только слышат правильные и возвышенные слова о морали. Чисто словесная риторика тут не пригодна. Формы занятий и методика их проведения по преимуществу должны быть практическими. Нельзя увлекаться лекциями, хотя совсем их исключать не стоит, предпочтение следует отдавать семинарам, дискуссиям, практическим занятиям и играм.

Основными элементами оптимальной методики занятий выступают:

• диалогичность, обмен мнениями, суждениями, доказательствами, обоснованиями ;

• свобода высказывания любых мнений, суждений, оценок каждым обучаемым;

• искренность и правдивость в обсуждении всех вопросов, недопущение лукавства, недомолвок, ухода от острых проблем и вопросов, поиск честных и морально зрелых ответов;

• ликвидация и профилактика формализма, показухи, скуки;

• требование аргументированного морального обоснования мнений, оценок, суждений;

• организация руководителем столкновения мнений участников занятия, анализа конкурирующих моральных мнений, выявление сильных и слабых сторон каждого, морально обоснованный выбор лучшего;

• коллективный поиск всесторонне взвешенных и морально аргументированных решений, оценок;

• теснейшая связь занятий с практикой, конкретными событиями, моральный анализ и оценка конкретных поступков;

• коллективная проработка предстоящих или типичных для профессиональной деятельности данной категории обучаемых действий;

• активизация самооценки моральности своего поведения, действий, решений, своих морально-психологических качеств, изменения навыков, привычек, взглядов;

• расчет ближайших и отдаленных морально-психологических последствий разных операций, профессиональных поступков, действий, решений (их влияние на граждан, коллег, самого себя);

• коллективная разработка новых, профессионально специализированных моральных норм, обычаев, традиций для своего органа, службы, отделения, части, коллектива;

• обсуждение путей укрепления морально-психологического климата и взаимоотношений сотрудников в коллективе;

• совместный поиск ответов на причины неприживаемости в коллективе отдельных моральных норм (если такие факты есть), живучести недостатков в МПП отдельных членов коллектива;

• обсуждение путей совершенствования своей морально-психологической подготовленности сотрудниками и воинами.

Главным методом проведения занятий выступает особый метод — ***метод ситуативного морального выбора ("моральных дилемм"), моральных казусов.***

Суть его в том, что обучающимся сотрудникам предлагается заранее подготовленная ситуация, характерная наличием выраженного морального аспекта. Например:

«Задержан подозреваемый в краже из ювелирного магазина. Достоверных данных, что кража совершена именно им или он причастен к ней, нет. Двум сотрудникам поручено в кратчайший срок получить такие данные. В первых разговорах с ним у обоих сложилось мнение, что он неискренен. Они решили, что можно выполнить задачу путем получения достоверной информации от задержанного, осуществляя искусную тактику допроса. Какой конкретно она должна быть, они не смогли договориться и стали действовать каждый по-своему. Первый избрал «силовую» тактику, а второй - тактику «обещаний и обмана». Первый при допросах прибегал к разным словесным угрозам, резким высказываниям, ругани, запугиваниям, угрожающим действиям (хватал за грудь, за шиворот, подбородок, волосы). Второй объявлял себя доброжелателем задержанного, сочувствующим ему; говорил, что если тот будет искренним с ним и поделится частью украденного, он поможет ему выкрутиться; обещал помочь ему совершить побег из-под стражи».

Такие ситуации могут предлагаться личному составу на занятиях в словесном виде, словесно с иллюстрацией фотографий (слайдов), демонстрацией фрагмента видео- или кинофильма, а также розыгрышем игровой ситуации при проведении занятия.

Подбирать ситуации следует так, чтобы они:

• имели непосредственное отношение к службе, правоохранительной деятельности, жизни личного состава (хорошо, если они вообще имели место в данном органе, части или в соседних,

даже если они только что произошли или можно ожидать их возникновение в подготавливаемых действиях и операциях);
• соответствовали проходимому этапу морально-психологической подготовки и изучаемой теме;
• характеризовались достаточно выраженным и доступным пониманию данной категорией обучаемых моральным аспектом;
• не содержали правильных оценок поступков и действий участвующих в ситуации лиц.
После ознакомления с ситуацией обучающимся предлагается ответить на ряд (2—5 и больше) вопросов, наполненных моральным смыслом и все больше углубляющихся в тонкости ситуации.
Например, по приведенной выше ситуации могут быть заданы такие вопросы: Каков моральный смысл действий первого сотрудника?
Чем в моральном плане характерны действия второго сотрудника: Какие моральные нормы, принципы, правила поведения ими соблюдались, а какие нарушались?
Предположим, сотрудники знали, что преступают моральные требования, что заставило их пойти на нарушения? Всякий ли на их месте пошел бы на это? Если нет,
то почему?
Какую тактику допроса избрали бы вы, будучи на месте сотрудников в данной
ситуации?
Что бы вы чувствовали и о чем думали, если бы оказались в этой ситуации на месте гражданина и действительно были бы непричастны к краже?
Ситуация и ответы на вопросы обсуждаются коллективно, и совместно приходят к общим оценкам и выводам.
Ценность этого метода в том, что он превращает занятия по морально-психологической подготовке в практические, в ходе которых у обучающихся формируются морально-психологические установки, привычки, навыки и умения.
Разработан и подтвердил свою эффективность ***метод «Я сам»*** (в вариантах *«поведение» и «сверка»)*[1]. В варианте *«Я сам - поведение»* метод базируется на особой методической разработке, воплощенной в «Учебной книжке-памятке». Она выдается обучающимся в индивидуальное пользование и содержит три части: методические рекомендации, моральные рекомендации и лист самоконтроля. Пример раздела одного из вариантов разработки.
«Раздел 3. Для повышения своей морально-психологической культуры общения с гражданами:
3.1) стремитесь строить нормальное общение, добивайтесь психологического контакта, стройте общение ровно, спокойно, добивайтесь взаимоуважительных отношений; верно говорят: ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как вежливость; с такой внутренней установкой вступайте в каждое общение, с кем бы вы ни встречались;
3.2) посмотрите в зеркало и обратите внимание на то, какое у вас выражение лица: спокойное, доброжелательное, располагающее или злое, хмурое, усталое, отталкивающее? Расслабьтесь! Почаще заглядывайте в зеркало. Встречайте собеседника с нормальным, человеческим выражением на лице;
3.3) научитесь культурно начинать общение: поздоровайтесь, встав, пожмите доброжелательно руку, пригласите сесть, сами сядьте нормально, не разваливаясь, не ковыряя в зубах, не чмокая и не дымя в лицо собеседнику;
3.4) помните, что собеседник практически всегда начинает себя вести так, как ведем себя в общении с ним мы; своим ровным, выдержанным, вежливым поведением показывайте ему пример и устанавливайте нужную атмосферу общения;
3.5) знайте, что вы можете стать уважаемым собеседником и даже нравиться ему, если сами будете демонстративно проявлять уважение к нему и показывать, что у вас вызывает удовлетворение встреча и разговор с ним; не скупитесь на добрые и вежливые слова;
3.6) улыбайтесь!
3.7) держите инициативу разговора в своих руках, но и не превращайте его «в дорогу с односторонним движением», когда говорите только вы, а собеседнику не даете и слова сказать;
3.8) слушайте и учитесь слушать: всем видом своим выражайте внимание к словам собеседника, стимулируйте его активность в нужных местах репликами («Это интересно», «Неужели?», «Не совсем понял, повторите и поподробнее» и др.), не придирайтесь зря к словам, а старайтесь понять, что и почему он говорит;
3.9) ...и т.д.»

Другими разделами этой разработки были: 1) моральные рекомендации по службе и выполнению своих обязанностей, 2) моральные рекомендации по отношениям к коллегам по службе, работе, 4) моральные отношения к себе.
Возможны и иные наборы моральных норм поведения и отношений, например, актуальные для данного коллектива в связи с часто встречающимися в нем недостатками.
Методика использования подобной разработки такова:

• обучающимся разъясняются цели, задачи и дается подробный комментарий к моральным рекомендациям;

• указывается на необходимость ежедневно в начале рабочего дня читать моральные рекомендации и руководствоваться ими при выполнении всех дел, а в конце дня анализировать свое поведение;

• так поступать в течение недели (или иного установленного срока), при необходимости консультируясь с руководителем занятий, начальником;

• через неделю обобщить результаты своей работы и оценить их, проставляя напротив каждой рекомендации оценку ее выполнения или делая это на отдельном листе самоконтроля.

Методика «Я сам — поведение» Часть III. Лист самоконтроля

Номер методических рекомендаций	*Оценки результатов за срок*				
	4.03	*11.03*	*18.03*	*25. 03*	
1.1					
1.2					
...					
3.1	4	4	4	5	
3.2	3	4	5	4	
...					

Оценки следует определять по таким критериям: «Данную методическую рекомендацию:
выполнял всегда — 5,
чаще выполнял, чем не выполнял - 4,
выполнял и не выполнял в *50%* случаев — 3,
чаще не выполнял, чем выполнял — 2,
не выполнял по разным причинам — *1»*.
При первом использовании методики оценки следует проводить не реже одного раза в неделю, а затем можно и через 15 дней. Руководитель периодически просматривает лист самоконтроля, оценивает, что и как получается у того или иного работника, сотрудника, военнослужащего, добавляет к ним результаты своих наблюдений за его поведением в этот отрезок времени и дает советы. По первым двум оценкам трудно делать заключения, а когда их становится 3-5 и больше, обнаруживаются тенденции и появляются основания для выводов.
Можно ожидать, что оценки, выставляемые личным составом самому себе, не будут полностью объективными, но то, что обучающиеся периодически просматривают такие методические рекомендации, уже приносит пользу: они волей-неволей их запоминают и что-то начинают соблюдать. Следует применять меры, повышающие объективность оценок.
Вариант методики *«Я сам — сверка»* схож с первым, но упрощен, и психолого-педагогическая эффективность его несколько ниже. Обучающимся вручаются листы с перечнем и дается задание последовательно, не торопясь, прочитывая нормы и правила, сверять с ними свое поведение за последние 15 (или 30 дней) и, оценив степень совпадения по графам 2—6, проставлять в соответствующей графе крестик. При этом у всех происходит активизация морального мышления, самооценок, запоминаются моральные нормы и правила. По окончании работы обучающихся с перечнем руководитель предлагает разным слушателям обосновать правильность

своих сверочных оценок, подтвердить примерами из практики, предлагает высказаться другим, привести свои примеры, развертывает предметную, практически ориентированную дискуссию.

Обеспечение морально-психологической подготовки. Этот вид подготовки нуждается во всестороннем и серьезном обеспечении.

Организационное обеспечение предполагает регулярность занятий, их полную посещаемость, тщательнейший подбор руководителей занятий (лучше всего, если их проводит лично начальник, командир), хорошие условия в помещении.

В комплекс мер *методического обеспечения* входят: наличие учебной литературы, удачно подобранные примеры из профессиональной деятельности, наличие книжек-памяток и листов самооценок, журналов посещаемости и контроля за работой с книжками-памятками.

---

[1] Метод разработан А.М. Столяренко совместно с В.И. Коваленко и дал положительные результаты в формирующих экспериментах (1989 г.).

6.4. Профессионально-психологическая подготовка юриста

Сущность, цели, задачи подготовки. Стремление подготовить сотрудника правоохранительных органов к сложным психологическим условиям профессиональной деятельности было издавна свойственно практике их подготовки. Есть несколько обстоятельств, которые с особой остротой ставят в современных условиях проблему улучшения психологической подготовки работников правоохранительных органов. Процессы развития нашего общества требуют отказа от одностороннего увлечения силовыми методами и овладения более цивилизованными психологическими, педагогическими, этическими методами работы с гражданами. С другой стороны, обобщение опыта подготовки и уровень развития юридической психологии позволяют вывести профессиональную подготовку на современный уровень, добиваться высоких результатов в сжатые сроки. Экспериментами установлено, что молодой специалист, прошедший полный курс правильно поставленной профессионально-психологической подготовки, за 4-6 месяцев достигает уровня соответствующей грани мастерства, которая без этого, стихийно, постепенно, путем проб и ошибок, 'на основе положительных и горьких уроков правоохранительной деятельности возникает у практика лишь через 8—10 лет. В условиях значительной текучести кадров в правоохранительных органах трудно недооценить значимость использования такой возможности.

Опыт показывает, что проведение подготовки юристов, работников правоохранительных органов сталкивается с рядом психологических барьеров. Это:

• сохранность во взглядах, установках, привычках многих работников наследия административно-командной системы;

• часто встречающаяся слабость гуманитарной, цивилизованной составляющей в образовании и воспитанности специалистов;

• имеющийся «силовой уклон», базирующийся на идее борьбы с преступностью, а не на создании правового государства, укреплении законности и правопорядка, охране прав и защите граждан и т.п.;

• «нормативный уклон» (схожий с «технократическим») — привычка и стремление решать с позиций соответствия — несоответствия пунктам инструкций;

• связанная с нормативным уклоном легисломания — вера во всесилие законов, норм, предписаний, попытка решать все, используя только их; придание решающего значения формальным критериям эффективности правоохранительной деятельности, побуждающее часть работников к погоне за пресловутым процентом, к бумагописанию и определенному ослаблению интереса к делу и его тонкостям, формально не фиксируемым;

• присущая многим практикам завышенная самооценка в способности разбираться в душах людей. Профессионально-психологическая подготовка способствует устранению этих проблем и оказывает положительное влияние на изменения личности сотрудников.

Профессионально-психологическая подготовка (ППП) — современный вид профессиональной, прикладной, специально организуемой подготовки юристов, работников правоохранительных органов. Ее ***цель —*** подготовить последних к преодолению психологических трудностей

профессиональной деятельности, сформировать у них профессионально-психологическую подготовленность и тем самым обеспечить успешное решение стоящих перед ними задач.

Основными задачами профессионально-психологической подготовки выступают:

• вооружение профессионалов правоохранительных органов прикладными психологическими знаниями, необходимыми для осмысленных действий в психологически насыщенных условиях решения задач;

• формирование профессионально-психологических навыков и умений (аналитико-психологических, технико-психологических и тактико-психологических);

• профессиональное развитие психологических качеств (способностей), важных для успешного осуществления профессиональной деятельности;

• повышение профессионально-психологической устойчивости;

• закалка всех профессиональных навыков и умений психологическими трудностями, максимально приближенными к реальным служебным, оперативно-служебным и служебно-боевым, обеспечивающая их наилучшее проявление при этом;

• развитие профессионально-психологической ориентированности личности, выражающейся в постоянном внимании, стремлении, привычке к выявлению и учету психологических аспектов при выполнении любых профессиональных действий.

Эти задачи определяют и основное содержание профессионально-психологической подготовки. Основа психолого-педагогической концепции ее — акцент на прикладное обучение, формирование не только знаний по юридической психологии, но и практическое обучение их применению, развитие профессиональных и личностных качеств. Такой подход к ней и описанные задачи существенно отличают всю ее педагогическую систему, определяя особенности отбора содержания, форм, методов, обеспечения и др.

Основы организации. Профессионально-психологическая подготовленность работников правоохранительных органов формируется и повышается в процессе всей их службы. Образовательный процесс в различных видах образовательных учреждений ориентирован сейчас в значительной степени на обогащение студентов и слушателей психологическим знаниями, и есть потребность в усилении его практической составляющей. При первоначальной подготовке, например, сотрудников милиции, длящейся несколько месяцев, профессионально-психологическая подготовка носит преимущественно практический характер. Особенно велика практическая направленность профессионально-психологической подготовки при проведении профессиональной подготовки непосредственно в практических органах, по ходу служебной деятельности и исходя из ее конкретных потребностей. Все излагаемое в настоящем пособии служит подспорьем и для самостоятельной работы юриста, сотрудника по повышению своей профессионально-психологической подготовленности.

Повсеместно профессионально-психологическую подготовку следует осуществлять не только на занятиях по юридической психологии, но и при изучении других специальных учебных дисциплин, разделов программ. Так, при изучении *уголовного процесса и криминалистики* элементы профессионально-психологической подготовки имеются при обучении студентов и слушателей выполнению почти всех следственных действий; путям установления психологического контакта и доверительных отношений; проведению опросов; изучению особенностей личности людей (составлению их психологического портрета), проходящих по уголовным делам; осмотру места происшествия при наличии трупов или ведущих себя истерично потерпевших; проведению допроса при вызывающем поведении допрашиваемого, его неискренности, попытках психологического давления на юриста; проведению осмотру места происшествия в обстановке трудного поиска вещественных доказательств и улик (темнота, плохая освещенность, отсутствие выраженных следов, дождь, помехи со стороны зевак и др.); составлению портретов лиц, объявляемых в розыск, и др.

При изучении *административного права и деятельности* с вопросами профессионально-психологической подготовки связаны действия по инструктированию наряда, исходя из оперативной обстановки и особенностей лиц, выходящих на службу; пресечению административных нарушений лицами, от которых можно ожидать различных видов неподчинения и противодействия; общению с гражданами при решении различных вопросов, которые бы не приводили к осложнениям; «приведению в чувство» правонарушителя методами психологического воздействия; укрощению граждан, доставляемых в дежурную часть, но продолжающих конфронтационные действия; организации движения транспорта и пешеходов в сложных условиях движения; прекращению агрессивных или угрожающих действий небольших

групп людей; задержанию правонарушителей в различных местах и при их сопротивлении; решению вопроса о применении оружия и др.

При изучении вопросов *профилактики правонарушений* необходимость учета психологического, аспекта имеется при изучении: порядка проведения профилактических бесед с лицами, состоящими на учете; углубленном изучении лиц, склонных к правонарушениям, их индивидуальных особенностей, пристрастий, образа жизни, факторов, влияющих на их поведение; субкультуры, внутренней организации функционирования молодежных групп, участвующих в нарушениях общественного порядка; атмосферы жизни, взаимоотношений в семьях трудных подростков, влияния родителей на подростков, поиска и использования средств и методов, исправляющих положение; особенностей профилактической работы с подростками; работы с гражданами, подбираемыми для содействия сотрудникам в профилактической работе; вопросов эффективности правовой пропаганды; правового воспитания населения и др.

Тесно связана с вопросами профессионально-психологической подготовки *физическая подготовка* студентов и слушателей. В ряде исследований установлено, что плавание, бег, лыжи, гребля, парусный спорт воспитывают настойчивость, выдержку, самообладание; бокс, борьба, водные лыжи, слалом, прыжки в воду — решительность и смелость, волейбол, футбол, регби, хоккей, баскетбол — инициативность, находчивость, упорство, коллективизм. Особенно значимы, конечно, занятия по самообороне, рукопашному бою и др. Для формирования многих компонентов профессионально-психологической подготовленности студентов, слушателей, сотрудников имеют значение занятия на снарядах и устройствах, требующих проявления устойчивости к риску и опасности, проявления смелости, умения владеть собой, стойкости к неудачам, настойчивого стремления выполнить учебное задание.

Приведенные примеры могут быть продолжены с показом связей большинства учебных дисциплин с разными элементами профессионально-психологической подготовки. Также профессионализируется содержание подготовки разных специалистов: оперативных работников, следователей, участковых инспекторов, специалистов ГАИ, специалистов по борьбе с организованной преступностью и др. Специфика его отражается в тематических планах, программах, планах занятий.

Разные специалисты юридических органов наряду с общими для всех них сталкиваются со своеобразными психологическими трудностями, связанными со спецификой задач и условий именно их деятельности. Поэтому существуют разные *виды ППП,* делящиеся по специальностям (ППП оперативных работников, следователей, прокурорских работников, таможенников, личного состава ОМОН и др.), по специфике задач и условий их выполнения (ППП к задержанию вооруженного правонарушителя, к действием ночью, при чрезвычайных обстоятельствах, к общению, к работе с разными категориями граждан), по категориям личного состава (ППП рядового, сержантского, инспекторского состава и начальствующего, командного состава). Они отличаются и своими методиками.

Вопросы методики. Приоритетное значение в методике проведения занятий по профессионально-психологической подготовке имеет ***психологическое моделирование задач, условий и трудностей*** профессиональной деятельности специалистов. Это действенное психолого-педагогическое направление активизации профессиональных мыслей, качеств, намерений и действий, причем в приближенных к типично профессиональным условиям, что при многократных повторениях приводит к их нужному развитию. Оно реализуется путем применения комплекса средств, способов, приемов, условий, позволяющих руководителю подготовки решить эту задачу.

Есть два взаимосвязанных пути психологического моделирования. Первый путь — *приближение внешних условий* занятий к реальным условиям профессиональных действий, т.е. воспроизводству внешней картины («лица») их. Это позволяет обучающимся специалистам не на словах, а чувственно воспринимать реальность и в какой-то степени ощутить себя участниками реальных событий. Внешняя картина учебной обстановки, похожая на реальную, создается выполнением (проигрышем) профессиональных действий, усложнением их задач, созданием внешних трудностей их решения, выбором трудных условий времени, места, освещенности, имитацией психогенных факторов, созданием помех, введением в обстановку противоборствующих сил, учебным фактическим использованием средств индивидуальной защиты, спецсредств, оружия.

Второй путь — *приближение внутренних условий* (психических состояний, переживаний, напряжения психологических качеств, преодоления психологических трудностей и пр.) к тем, которые будут у них при выполнении профессиональных действий в сложных условиях

(воспроизводство «души» реальных действий и обстановки). Для этого нужно насыщение занятий трудными задачами, повышенной ответственностью, сложными препятствиями, лимитированием времени, сложностями понимания и оценки обстановки, элементами риска, опасности, внезапности, необычности, быстрого изменения обстановки, мощного противодействия преступного элемента (который отнюдь не занимается игрой в поддавки), самостоятельности, психологических проблем, интенсивным наращиванием трудностей, длительностью больших нагрузок и др.

Методика занятий строится правильно, если для моделирования реальности используются во взаимосвязи и необходимых пропорциях оба пути. При этом прицельно прилагаются усилия для моделирования мотивационных, познавательных, эмоциональных и волевых явлений и трудностей в комплексе и раздельно.

Мотивационные явления и трудности, например, моделируются: созданием обстановки подчинения сиюминутных и узких интересов интересам долговременным, комплексным; проигрыванием ситуаций, активизирующих мотивы внимательного отношения обучаемого специалиста к гражданам и разрешения профессиональных вопросов в строгом соответствии с социальными, правовыми и психолого-педагогическими требованиями; проведением упражнений и игр, стимулирующих коллективистские мотивы товарищеской поддержки и помощи; активизацией мотивов самоуправления, самообучения и самовоспитания; напряжением мотивов достижения положительного результата действий путем создания любых других трудностей; созданием соревновательной обстановки; созданием обстановки, когда успех достигается не сразу, а на пути к нему приходится преодолевать неудачи, и т. п.

Познавательные процессы и трудности можно моделировать: реальным восприятием обучаемыми явлений и процессов, типичных для трудных ситуаций профессиональных действий; целенаправленной тренировкой ощущений, внимания, памяти, представлений, которые надо проявить, чтобы успешно решить профессиональную задачу; созданием сложных условий обстановки, в которой не просто разобраться, нужны напряженное мышление и проявления его определенных качеств (глубины, прогностичности, скорости, смелости, самостоятельности и др.); созданием учебных профессиональных ситуаций, имеющих психологический аспект, в котором надо разобраться; моделированием усЛовий нехватки информации для оценки обстановки и принятия решений, или чрезмерного обилия ее — относящейся и не относящейся к делу, противоречивости, приблизительности, устарелости; созданием обстановки необходимости решения профессиональной задачи в состоянии волнения, острого дефицита времени и помех; браковкой руководителем подготовки решений и предложений обучающихся, содержащих хотя бы мелкие просчеты, для стимулирования новых, более глубоких поисков оптимального варианта; созданием условий внезапного срыва намеченного плана и необходимости быстрой перестройки действий и пр.

Эмоциональные явления и трудности вызываются: повышением ответственности за достижение высокого результата действий; созданием соревновательной обстановки; моделированием ситуаций риска и опасности, неожиданности и новизны; восприятием волнующих ситуаций; созданием значительных трудностей любого характера; неудач с первой попытки решить задачу; ощутимыми контрдействиями «противника» и др. Опасность, риск, ответственность на занятиях развивают у обучаемых смелость, способность брать на себя груз ответственности, просчитывать степень риска. Их моделирование не должно представлять угрозы для жизни обучаемых, но угроза боли, неприятных ощущений, получения удара или ушиба, сохранности учебной техники, срыва выполнения задачи группой, угроза от взятия на себя ответственности за самостоятельное решение, получения низкой оценки, нанесения ущерба для своего авторитета в глазах товарищей и руководителя занятий, критики вполне уместны. При проведении занятий, на которых риск и опасность могут привести к травмам и другим неприятностям, следует применять все меры безопасности.

Волевые явления и трудности сопряжены с мобилизацией всех сил и возможностей для достижения учебного успеха. Они возникают: при удачном моделировании перечисленных выше видов психологических трудностей; больших физических трудностей и усталости; доведении темпа действий до предельного; длительном поддержании предельного темпа или многократных повторениях действий без перерыва с сохранением высоких требований к качеству; создании обстановки риска, опасности, необходимости проявления стойкости и упорства, борьбы с сильным «противником» и проявления всех сил для преодоления его сопротивления; при моделировании обстановки, требующей проявления самостоятельности, находчивости,

инициативы (имитацией прекращения связи с вышестоящим начальником или отдачей распоряжений типа «Действуйте самостоятельно, по обстановке»), «выводе из строя» напарника; тренировке в регулировании собственного эмоционального состояния; создании обстановки, вызывающей неприятные ощущения (обонятельные, температурные, болевые, истощение сил) и др.

Опыт показывает, что целесообразно моделирование в комплексе разных психологических явлений для развития психологических качеств, необходимых профессионалу. Так, следует укреплять обоснованную *уверенность обучаемых в себе, своих возможностях, своей подготовленности к успешному решению задач в сложных условиях.* Достигается это накоплением опыта действий в сложных ситуациях; ознакомлением и приучением студентов, слушателей, сотрудников к сильно действующим психологическим факторам; убеждением их на опыте в возможности достижения успехов в сложных учебных условиях; частым приведением примеров успешных действий из практики; организацией встреч с практическими работниками, побывавшими в разных переделках; внушением оптимизма и уверенности в личную возможность молодого специалиста подготовить себя к успешным действиям в сложных условиях при работе над собой и проявлении упорства в овладении высотами профессионального мастерства.

Знакомя обучающихся с воздействующими на психику факторами, полезно знать, что трудности закаляют одних, но могут и надломить других.

Безрасчетливое запугивание трудностями может подтолкнуть некоторых молодых людей, особенно женщин, к выводу об ошибочности выбора профессии, желанию уйти из юридического образовательного учреждения, перейти на другую работу. Последовательность в ознакомлении со сложностями работы юриста, сотрудника правоохранительных органов (демонстрация крови, трупов и других тяжелых для психики факторов) должна осуществляться с постепенным нарастанием их, с учетом реального повышения профессионально-психологической устойчивости обучаемых и сопровождаться уверенными деловыми комментариями и советами руководителя занятий.

Богатейшие возможности профессионально-психологической подготовки на занятиях по разным учебным дисциплинам и разделам программ превращаются в действительность, когда создается и совершенствуется материальная база: учебный полигон (например, модель перекрестка в натуральную величину с находящимися по углам жилым домом, общественным местом, магазином, зданием суда, с подземным переходом, киосками, стоящими автомашинами и пр.); площадки для эмоционально-волевых упражнений (с сооружениями, при работе на которых у обучающихся вызываются волнение, тревога, страх, опасения, возникает необходимость проявления воли, умения овладеть собой и заставить сделать то, что требует преподаватель. Это, например, бум-бревно, по которому надо пройти, но расположено оно на высоте 2—2,5 м; глубокая яма шириной 2 м, через которую надо перепрыгнуть; сильно шатающийся мостик без поручней и проходящий через водную поверхность и пр.; психологическая полоса препятствий с двумя параллельными линиями препятствий; учебные комнаты, оборудованные под магазин, холл банка и пр.

Для психологического тренинга в развитии профессиональных качеств, овладении психологическими действиями и психологической техникой нужны альбомы с фотографиями, серии слайдов, диафильмы, наборы разных предметов, тренирующие видеофильмы и др.

Используется, например, самостоятельно снятый диафильм по запоминанию лиц, находящихся в розыске, и их опознанию. Демонстрируется первый кадр — фотография мужчины. Обучающимся дается задание: в течение 10 секунд запомнить его особенности. Демонстрируется второй кадр, на котором помещено 5-10 фотографий мужчин, среди которых может быть, а может и не быть разыскиваемый. Причем фотография последнего не идентична запоминавшейся: это фотография, сделанная в другом ракурсе, в иное время, возможно, в головном уборе, с усами, в рост, в кампании. Обучающимся предлагается ответить на вопросы: «Есть ли среди них разыскиваемый? На какой фотографии он?»

Аналогичны последующие 5—10 и более упражнений, но усложняются фотографии, уменьшается время на запоминание и опознание. Также могут быть использованы наборы слайдов (или видеофильмы) по запоминанию словесного портрета и опознанию лиц на его основе, розыску лиц на основе комбинированного, рисованного портрета и др.). Задание обучающимся: «Найдите все различия», или «За 10 секунд найти максимум различительных признаков».

Возможны тренировки на местности по определению расстояний до разных объектов, высот объектов, роста людей. Имеется множество упражнений по развитию профессиональной памяти.

На основе таких занятий тренируется память на инструкции, адреса, фамилии, номера автомашин, номера телефонов, паспортные данные, возможно развитие качеств представлений, внимания, мышления и другого. Возможны тренировки по определению интервалов времени, различных звуков, запахов, предметов на ощупь.
Одна из новых форм развития отдельных качеств — профессиональные психотехнические игры. Они проводятся в группах, чаще всего попарно и продолжительностью 10—20 минут. Вот пример одной из таких игр.
Игра «Немой». Одному из пары обучающихся («немому») выдается текст размером с полстраницы (вырезка из газеты), где описывается криминальная или житейская ситуация. Его задача — жестами и мимикой (не издавая звуков) передать второму содержание текста. Задача второго понять, а потом рассказать, что он понял. Цель игры: приучать первого рационально и выразительно пользоваться мимикой и жестами, а второго — следить за партнером по общению, его жестами и мимикой, чтобы потом в деловом общении с гражданами использовать эту привычку, а не только слушать слова. Проводится разбор, за которым игра повторяется с переменой обязанностей и на новом текстовом материале.
При комплексном использовании различных форм и методов психологического тренинга за 3—5 месяцев улучшение профессиональных проявлений этих качеств у молодых сотрудников достигает 350—400%.

6.5. Психологическое обеспечение законности действий юриста

Психология личности юриста и законность. Требование *законности* — главное, определяющее в требованиях правоохранительной деятельности к личности и подготовленности юриста. Не может быть блюстителя законности, лично ее нарушающего. Мнение о допустимости в отдельных случаях «чуть-чуть нарушить законность» и фактические нарушения ее — *показатель полной непригодности* данного работника к правоохранительной деятельности. Исследования случаев нарушений законности показывают их многофакторную обусловленность. Среди ее причин — недостатки законодательства, общественные социально-психологические факторы различных видов, деформации в психологии коллектива сотрудников, ошибки и недостатки в управлении, критерии эффективности деятельности, перегрузки в работе и др. Однако решающую роль играют все же личностные детерминанты законности, недостатки в психологии личности самого работника правоохранительных органов. При всех других негативно действующих факторах будут совершены нарушения законности или нет - это в конечном счете зависит от самого работника. Поэтому в работе с персоналом одно из важнейших направлений — ***психологическое развитие личности, обеспечивающее законность*** ее действий в любых условиях.
Законность действий — не продукт какого-то отдельного качества сотрудника, военнослужащего, что подтверждается результатами специальных исследований. Это продукт всего его внутреннего мира, его мировоззрения, правосознания, личной правовой позиции, морально-психологической подготовленности, профессионального мастерства, правовой интуиции и др. Поэтому ответственное отношение к безусловному соблюдению законности есть интегральный показатель всех усилий руководства по работе с персоналом, построению управления и обеспечению решения стоящих задач и, непременно, работы каждого сотрудника по самосовершенствованию и самоконтролю. Нет такого «управленческого рубильника», включив который, можно раз и навсегда решить проблему строгого соблюдения законности в действиях персонала. Значит, обеспечивая законность в конкретном юридическом органе, необходимо всю жизнь и деятельность его строить под углом зрения укрепления законности действий его персонала, а при наличии ее нарушений не сужать поиск причин до «отдельных упущений». Вместе с тем, как показывают опыт и научные данные, необходимо и ***специальное психологическое обеспечение законности действий,*** что дополняет, углубляет и повышает эффективность общих усилий.
Личностно-развивающий подход в укреплении законности. Вопросы строжайшего соблюдения законности призваны занимать приоритетное место во всех мерах, предпринимаемых руководством юридического органа.
Необходимо использовать все возможности для формирования и упрочения у сотрудников:

• умения и привычки постоянно видеть государственные, моральные, гражданские аспекты своей деятельности и каждого своего поступка и действия, образно говоря, не «через клеточку зарешеченного окна»;

• понимания исключительной важности укрепления законности и правопорядка исключительно правовыми средствами;

• отношения к любым правонарушениям, в том числе и к нарушениям законности, как затрагивающим личностно значимые ценности, как к угрозе реализации программы своей жизни;

• соединения в сознании строжайшего соблюдения законности как высшего проявления профессионализма, правовой культуры, а их нарушений — как грязного, аморального, асоциального факта, подрывающего в корне профессиональный престиж и профессиональную гордость;

• понимания принципа целесообразности законности только в пределах закона (правовых предписаний), а не вместо закона;

• таких профессиональных качеств, как стремление к истине, к торжеству социальной справедливости, гуманизм, понимаемый как человеческое, уважительное и бережливое отношение к правам, свободам и законным интересам граждан в сочетании с непримиримым отношением к преступлениям и правонарушениям; принципиальность как верность предписаниям права, морали, этике, вопреки иным влияниям и соображениям.

Среди факторов, влияющих на развитие личности сотрудников, прежде всего заслуживает внимания система управления, действия руководителя, его придирчиво принципиальное, по-хорошему мелочное *отношение к вопросам личного примера в соблюдении законности,* требований уставов, приказов, директив, личных указаний и распоряжений. Встречаются руководители, которые не уделяют внимания этому либо мотивируют собственные нарушения примерно так: «Я — руководитель. Вас много, а я один. То, что позволено мне, не позволено вам. Когда дорастете до моего положения, тогда и будете поступать так, как сочтете нужным». Подобные рассуждения перенимаются и неустойчивыми подчиненными, которые тоже рассуждают аналогично («У кого власть, тому многое дозволено») и считают, поскольку и они имеют власть, то и им кое-что позволено в отношении граждан.

Сильное психолого-педагогическое воздействие на персонал оказывает практика реагирования руководителя на факты нарушений законности и предпосылок к ним. Правильно, когда он:

• своевременно и принципиально оценивает обнаруженные негативные факты, проводит в каждом без исключения случае тщательное личное расследование, не ограничивается в необходимых случаях наложением административных взысканий, но и возбуждает уголовное дело;

• придает в коллективе широкую гласность фактам нарушений и предпосылок к ним, создавая обстановку нетерпимости и непримиримости;

• остро реагирует на факты укрытия или сглаживания фактов нарушений и предпосылок к ним подчиненными руководителями;

• быстро и принципиально реагирует на представления прокуроров, частные определения судов, приказов и директив вышестоящих органов, выступления печати по вопросам нарушений законности.

Крайне отрицательно сказываются случаи, когда руководитель, боясь личных неприятностей, по существу вступает в сговор с подчиненными, делая вид, что не заметил нарушений, или даже принимает меры, чтобы какие-то неприятные факты не получили огласки.

Идея соблюдения законности должна постоянно звучать во всей жизни и деятельности персонала и его руководителя. Напоминания, разъяснения, указания, предупреждения, поручения, контроль, оценка, обсуждения должны содержать вопросы законности. Нельзя уставать говорить и требовать этого, либо руководствоваться мыслью «Они и так все знают». Это относится как к коллективу в целом, так и к отдельным сотрудникам, к индивидуальной работе с ними.

Все соприкосновения с вопросами соблюдения законности действий дают результат, если они не формальны, а убеждающи. Убеждение — это воздействие не только на холодный рассудок, но и на чувства, волю, мотивы. Его результат зависит не только от правильности произносимых слов, но и от авторитета убеждающего. Убеждать в вопросах соблюдения законности можно, лишь хорошо разбираясь в ее причинных обусловливаниях, в психологии правомерного и правонарушающего поведения. При этом следует:

• показывать правовую, моральную, гуманную, цивилизованную, культурную значимость и привлекательность законности;

• разъяснять всесторонний вред, который приносит даже один факт нарушения требований закона самому сотруднику, гражданам, в отношении которых он совершен, всей системе правоохранительных органов;
• пробуждать чувства долга, совести, личного достоинства, а если они очень глубоко упрятаны, то обострять опасение перед последствиями и теми санкциями, которые последуют;
• формировать убеждения в свободном и до конца откровенном обмене мнениями и доводами;
• убедительно, ярко строить все рассуждения и рассмотрение контрдоводов собеседника;
• при убеждении и переубеждении активно использовать жизненные примеры и факты. Они могут зародить сомнения в истинности ложных принципов и взглядов оппонента, расшатать их и убедить его в необходимости замены другими, в полной мере отвечающими требованиям законности. Чем менее развито у человека теоретическое мышление, чем менее образован его ум, тем больше он опирается в выборе поступков на мнения, почерпнутые из личного опыта, тем большее значение приобретают для его переубеждения конкретные жизненные факты. Умение переубеждать — это во многом умение выдвигать самые очевидные, самые правдивые аргументы;
• учитывать, что при переубеждении многое зависит от того, насколько хорошо сотрудник представляет нежелательные последствия не только для него самого, но и для дела, для людей. За исключением крайних случаев, не следует прибегать к угрозам в открытой форме.

Особое внимание следует уделять упрочению убеждений сотрудников в том, что: обеспечение конституционных прав граждан и неприкосновенности личности — их главная задача, а борьба с преступностью — способ ее решения; «никакие соображения служебной целесообразности» не могут служить оправданием никаких нарушений законности; нет маленьких и больших нарушений законности; профилактика преступлений, справедливость, гуманность, а не ужесточение репрессий — стратегическое направление в создании правового государства.

Убеждение в необходимости безоговорочного соблюдения законности возможно лишь на фоне *профессионально зрелого общественного мнения* в коллективе органа. Нужно уделять пристальное внимание профилактике и убедительному разоблачению ложных, обычно существующих на неформальном уровне мнений типа: «Соблюдение законности мешает делу; это искусственный барьер на пути к успешному решению задач», «Не нарушая законность, нельзя повысить уровень раскрываемости, профилактики и пресечения преступлений», «Нормы и требования законности придуманы кабинетными людьми, которые не понимают сложности практических задач борьбы с преступностью», «Люди, с которыми нам приходиться иметь дело, не заслуживают того, чтобы в отношении к ним соблюдать что-то: они не соблюдают законы, а мы в отношении их должны соблюдать?», «С нас спрашивают много, а прав дают мало» и т.п.

Наряду с убеждением следует применять и принуждение, сочетая его с убеждением, проявляя справедливость, стремясь реагировать остро не после факта нарушения, а при обнаружении малейших предпосылок к нему.

Необходимо постоянно контролировать изменения личности каждого сотрудника, учитывать противоречивость сознания человека, занимающегося юридической деятельностью.

Личностно-обучающий подход к укреплению законности. Причиной части нарушений законности выступают недостатки профессиональной подготовки и правовой культуры сотрудников. Этим обусловлена какая-то часть незаконных отказов в возбуждении и прекращении уголовных дел, возбуждении уголовных дел по малозначительным и не представляющим большой общественной опасности фактам, необоснованных задержаний, обысков и арестов, случаев неосторожного и неправомерного применения оружия, грубости, неуважительного отношения к гражданам, нарушения служебной этики и морали. Поэтому улучшение профессиональной подготовки в целом, а также усиление в ходе ее внимания ко всем вопросам, связанным с укреплением законности, — необходимое направление работы.

Следует включать в систему подготовки сотрудников достаточное число занятий по вопросам права и законности, периодически принимать зачеты по вопросам законности, знанию правовой базы работы. Плохое знание сотрудником даже одного-двух положений, которое может стать причиной нарушений законности, расценивать как критический признак недостаточной подготовленности к выполнению своих обязанностей.

Заслуживает повышенного внимания формирование навыков и преодоление упрощенного представления о том, что достаточно знать норму, чтобы ее правильно выполнять. В исследованиях Н.Л. Гранат подчеркивается, что сотрудник обязан уверенно владеть умениями:

• провести анализ фактических обстоятельств, которые образуют состав данного дела, и решить вопрос об относимости их к юридическому составу (проступок, правонарушение, преступление);
• выбрать (найти) правовую норму (принцип, принципы) и удостовериться в правильности их текста;
• осуществить толкование юридических норм и «наложить» на конкретную ситуацию;
• принять решение в соответствии с правовыми предписаниями и государственными интересами, т.е. сформировать индивидуальные государственные веления.

Следует уделять также внимание умению правильно оценивать поводы и основания для возбуждения уголовного дела; умению определять причастность к преступлению того или иного лица, о задержании или аресте которого возник вопрос; умению найти и надлежащим образом оформить доказательство вины или невиновности конкретного лица.

В опыте практического обучения, нацеленного на подготовку личного состава в духе строжайшего соблюдения законности, оправдали себя групповые и индивидуальные упражнения по:
• решению учебных профессиональных задач с созданием условий, при которых возможно из-за профессиональной неподготовленности нарушение сотрудником законности;
• разбору имевших место в органе реальных ситуаций, в которых возникали предпосылки к нарушениям законности. Анализ ситуаций, когда сотрудник находился на грани нарушения, заслуживает не меньшего внимания, чем сами факты нарушений;
• разбору нарушений законности, имевших место в других органах, подробности которых становятся известными;
• отработке действий в психологически сложных, наряженных ситуациях, при активном противодействии специально подготовленного сотрудника, имитирующего дерзкого правонарушителя, необходимости соблюдения выдержки, самообладания, умения контролировать и регулировать свое психическое состояние, не допуская срывов.

Последнее особенно значимо потому, что часть нарушений законности (например, рукоприкладство, неосторожное и неправомерное применение оружия, незаконное задержание) совершается из-за неумения отдельных сотрудников владеть собой, держать себя в руках, сохранять «холодную голову»
в психологически напряженной обстановке, при сопротивлении и провоцирующих действиях правонарушителя. Бывает, что мгновенно вспыхнувшая ненависть сотрудника к преступнику, гнев, вызванный причиненным ущербом, горем или наглым поведением, оказываются сильнее чувства служебного долга, необходимости строго и неуклонно соблюдать законность.

Все эти вопросы заслуживают включения в планы комплексных, штабных, оперативных учений и деловых игр.

6.6. Психология дисциплины в органах правопорядка

Задача поддержания дисциплины в органах правопорядка. Органы правопорядка являются частью системы государственных организаций, их работники находятся на государственной службе и, как следствие, подчиняются требованиям государственной дисциплины. Обычно под *государственной дисциплиной* понимается установленный порядок деятельности государственных организаций, предусматривающий добросовестное выполнение каждым работником возложенных на него служебных обязанностей, определенных правил и требований должностного поведения.

В ряде органов правопорядка России (МВД, ФСБ, ФСНП и др.) принято говорить о соблюдении *служебной* дисциплины. Служебная дисциплина имеет общие черты с другими видами государственной дисциплины, но обнаруживает и определенную специфику. Поскольку указанные органы правопорядка представляют собой по существу военизированные организации, то для их персонала установлена дисциплина, применительная к воинской. Такая служебная дисциплина требует четкого повиновения приказам начальника, всемерного содействия им в обеспечении установленного порядка и пре-; крашения замеченных нарушений со стороны сослуживцев, личной ответственности не только за собственное поведение, но и за состояние дисциплины в профессиональном коллективе. Жизнь и деятельность личного состава этих органов правопорядка четко регламентируются уставами, приказами и распоряжениями начальников. Подобно воинскому приказу, приказ начальника должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок. В свою очередь начальник несет ответственность за состояние

дисциплины среди подчиненных. Служебная дисциплина обязывает начальников воспитывать подчиненных в духе неуклонного выполнения требований законов, присяги, уставов, приказов и распоряжений, развивать и поддерживать у них осознание служебного долга, чести и профессионального достоинства.

Практика показывает, что обеспечение высокого уровня дисциплины в органах правопорядка невозможно без учета психологических особенностей их работников и профессиональных коллективов. Дисциплинированное поведение зависит от направленности личности, морально-психологических качеств, особенностей характера, темперамента, способностей работника. Своеобразно преломляясь и взаимодействуя друг с другом, элементы структуры личности работника образуют у него такое синтетическое свойство, как ***дисциплинированность.***

На уровень дисциплинированности влияют также различные социально-психологические явления в профессиональном коллективе: общественное мнение, внутриколлективные нормы поведения, социально-психологический климат и удовлетворенность работников различными сторонами жизнедеятельности коллектива, стиль и методы руководства и др. Дисциплинарные воздействия и дисциплинарная практика в целом должны также учитывать особенности профессионального общения, профессиональной этики, уровня притязаний и самооценки каждого сотрудника.

Психология обеспечения высокого уровня дисциплинированности работников органов правопорядка. Для определения степени развития у работника органа правопорядка такого качества, как дисциплинированность, используются следующие *критерии:*

• уровень профессионального мастерства, отражающий систему знаний, навыков и умений, усвоенную в учебном заведении и на практической работе (опыт);

• усердие, проявляемое в профессионально-служебной деятельности как степень напряжения потенциальных возможностей (безотносительно к успехам и неудачам);

• результаты деятельности (успехи и неудачи);

• общественная активность, включающая в себя оказание помощи руководителю в укреплении дисциплины и законности путем положительного воздействия на сослуживцев;

• характер и количество поступков и проступков, в том числе и тех, за которые не объявлены поощрения или взыскания[1].

В определяющей мере дисциплинированность работника органа правопорядка зависит от его мотивов и степени их осознанности. Различают три уровня осознанности мотивов: высший — когда работник четко осознает цели и мотивы своего поведения; средний — при котором работнику ясны лишь общие контуры собственных мыслей и чувств, побуждающих к поступку (или проступку); низкий — когда мотивы поведения человеком практически не осознаются. Поступки, мотивы которых не осознаются, имеют различную природу. Причиной таких поступков может быть чрезмерное эмоциональное напряжение, стресс, утомление или переутомление, склонность к негативным привычкам (например, употребление алкоголя) и др. Однако неосознаваемость мотива поступка не следует смешивать с непризнанием его истинного мотива, которое выступает в виде своеобразной психологической защиты, заключающейся в попытке работника отклонить менее привлекательный в профессионально-нравственном отношении мотив и приписать своим поступкам благородные побуждения.

К числу основных мотивов, влияющих на поведение работника и уровень его дисциплинированности, относятся мотивы:

• деловые, выражающие отношение к служебной деятельности и выполняемым профессионально-служебным задачам;

• коллективистские, характеризующие степень связи побуждений работника с ближайшим окружением, принятыми нормами и традициями поведения;

• уровня профессиональных достижений, показывающих степень влияния успехов в профессиональной деятельности на дальнейшее поведение работника;

• уровня притязаний, отражающих особенности сложившейся профессиональной самооценки и определения в связи с ней целей и трудностей выполняемых профессиональных задач;

• избегания возможного наказания за нарушения дисциплины.

У работников органов правопорядка необходимо сформировать позитивную мотивацию деятельности, позволяющую преодолевать элементы недисциплинированности, склонности к дисциплинарным проступкам и нарушению законности. Недисциплинированное поведение проявляется, во-первых, в склонности к пререканиям и обсуждениям распоряжения руководителя, отступлении от установленного порядка служебных взаимоотношений, выражении недовольства; во-вторых, в неисполнительности, проявлении недостаточного усердия к выполнению

должностных обязанностей; в-третьих, в побуждениях к самочинным действиям, запрещенным установленным порядком прохождения службы в органах правопорядка.

Уровень дисциплины в профессиональном коллективе, естественно, зависит от уровня дисциплинированности каждого его работника, но не сводится только к этому. Такие факторы, как психологическая совместимость и степень сплоченности членов коллектива, степень организационной и профессиональной подготовленности к совместной деятельности, качество официальных и неофициальных взаимоотношений и другие, существенно влияют на уровень дисциплины в коллективе.

К числу критериев оценки уровня дисциплины в *служебном коллективе* относят:

• степень тяжести дисциплинарных проступков (с точки зрения оценки их последствий), совершаемых членами коллектива;

• социометрический статус нарушителей дисциплины в коллективе, т.е. положение в неформальной структуре отношений членов коллектива;

• распространенность тенденций к дисциплинарным нарушениям (отношение числа работников, не допускающих нарушений, к числу совершивших дисциплинарные проступки);

• повторяемость одноименных дисциплинарных проступков;

• динамику изменения количества дисциплинарных нарушений, ее соотнесение с особенностями изменений в жизнедеятельности профессионального коллектива;

• соотношение поощрений, полученных всеми сотрудниками, с наложенными взысканиями по количественным и качественным признакам.[2]

Важное значение для поддержания высокого уровня дисциплины в коллективе имеет учет складывающихся формальных (официальных) и неформальных (неофициальных) взаимоотношений. В неофициальной структуре взаимоотношений образуются дружеские микрогруппы, появляются неформальные лидеры, которые оказывают значительное влияние на жизнедеятельность коллектива. Сближение формальной и неформальной структур по их направленности, ценностным ориентациям, нормам и т.д. может способствовать улучшению дисциплины и организованности в работе. Если же, например, ориентации неформальных, дружеских групп и иных носят негативный характер (праздное времяпровождение, пьянство, уклонение от исполнения сложных профессионально-служебных задании и т.п.;, то такие «групповые стандарты» поведения могут привести к резкому снижению уровня дисциплинированности всего коллектива.

Исследования показывают, что уровень дисциплины профессионального коллектива связан с общественным мнением и преобладающими в нем настроениями. Через коллективное мнение к личности каждого сотрудника предъявляется определенная система требований, осуществляется контроль за его поведением и оценка поступков. Таким образом, мнение выполняет нормативную и мотивационную функции в сфере поддержания служебной дисциплины.

Психология дисциплинарной практики в органах правопорядка. В деятельности руководителей органов правопорядка по поддержанию высокого уровня организованности и дисциплинированности персонала важную роль играет дисциплинарная практика. Она достигает своей цели только тогда, когда осуществляется правильно, в ней используется все многообразие средств воздействия на личный состав и учитываются психологические особенности подчиненных. Эффективная дисциплинарная практика связана с умениями руководителя предъявлять обоснованные требования к подчиненным, справедливо применять поощрения за достижения в труде и налагать взыскания за совершенные дисциплинарные проступки. Это позволяет, во-первых, предупреждать дисциплинарные проступки и нарушения законности и, во-вторых, обоснованно применять имеющийся у руководителя арсенал поощрений и взысканий.

Применение конкретного вида дисциплинарного воздействия (поощрения или взыскания) связано со следующими психологическими соображениями:

• с индивидуализацией дисциплинарного воздействия с учетом психологических особенностей работника, его опыта, предыдущих заслуг и др.;

• со строгим соответствием выбранного способа воздействия характеру поступка, за которое выносится поощрение или взыскание;

• с учетом ожиданий конкретных работников при выборе определенной формы дисциплинарного воздействия;

• с наращиванием интенсивности дисциплинарного воздействия с учетом результатов деятельности и поведения подчиненного (ранее достигнутых успехов или неуспехов, совершенных поступков, степени добросовестности в исполнении должностных обязанностей);

• с гласностью в объявлении поощрений или взысканий.

[1] *Китов А.И.* Психология управления. - М., 1979. - С. 301.
[2] *См.: Китов А.И. Психология управления. - М., 1979. - С. 301.*

6.7. Профилактика профессиональной деформации работников органов правопорядка

Профессиональная деформация работников органов правопорядка, ее профилактика и преодоление. *Профессиональная деформация* представляет собой результат искажения профессиональных и личностных качеств работника органа правопорядка под влиянием отрицательных факторов деятельности и окружающей среды. Специфика правоохранительной деятельности, в том числе необходимость вступать во взаимодействие с правонарушителями, нередко содержит в себе элементы отрицательного воздействия на личность. При отсутствии у сотрудника достаточного уровня психологической и нравственной устойчивости часто наблюдается развитие его профессиональной деформации. При этом профессиональная деформация негативно влияет на деловое общение работника и эффективность его служебной деятельности.

В психологической литературе выделяют три группы факторов *(Буданов А.В., 1992),* ведущих к возникновению профессиональной деформации: факторы, обусловленные спецификой правоохранительной деятельности, факторы личностного свойства, факторы социально-психологического характера.

К факторам, *обусловленным спецификой деятельности правоохранительных органов,* следует отнести:

• детальную правовую регламентацию деятельности, что наряду с позитивным эффектом может приводить к излишней формализации деятельности, элементам бюрократизма;

• наличие властных полномочий по отношению к гражданам, что порой проявляется в злоупотреблении и необоснованном их использовании сотрудниками;

• корпоративность деятельности, которая может быть причиной возникновения психологической изоляции сотрудников органов правопорядка и отчуждения от общества;

• повышенная ответственность за результаты своей деятельности;

• психические и физические перегрузки, связанные с нестабильным графиком работы, отсутствием достаточного времени для отдыха и восстановления затраченных сил;

• экстремальность деятельности (необходимость выполнения профессиональных задач в опасных для жизни и здоровья ситуациях, риск, непредсказуемость развития событий, неопределенность информации о деятельности криминальных элементов, угрозы со стороны преступников и др.);

• необходимость в процессе выполнения служебных задач вступать в контакт с правонарушителями, что может приводить к усвоению элементов криминальной субкультуры (использование уголовного жаргона, обращение по кличкам и т.п.).

К факторам, *отражающим особенности сотрудников* органов правопорядка, относятся:

• неадекватный возможностям сотрудника уровень притязаний и завышенные личностные ожидания;

• недостаточная профессиональная подготовленность;

• специфическая связь между некоторыми профессионально значимыми качествами личности сотрудника (так, решительность в сочетании с пониженным самоконтролем может развиться в чрезмерную самоуверенность и т.п.);

• профессиональный опыт;

• профессиональные установки (например, восприятие действий других людей как^ возможных нарушителей закона может привести к обвинительному уклону в деятельности, глобальной подозрительности и др.);

• особенности социально-психологической дезадаптации личности органов правопорядка, приводящие к проявлению агрессивности, склонности к насилию, жестокости в обращении с гражданами и др.;

• изменение мотивации деятельности (потеря интереса к деятельности, разочарование в профессии и др.).

К факторам *социально-психологического характера* относятся:

• неадекватный и грубый стиль руководства подчиненными;
• неблагоприятное влияние ближайшего социального окружения вне службы (например, семьи, друзей и др.);
• низкая общественная оценка деятельности органов правопорядка, что порой ведет к безысходности в деятельности сотрудников органов внутренних дел, возникновению профессионального бессилия и неуверенности в необходимости своей профессии.

Таким образом, профессиональная деформация развивается под влиянием факторов, относящихся к внешней среде деятельности (общение с правонарушителями, решение задач применения к ним мер профилактики и пресечения и т.д.), а также факторов внутрисистемного взаимодействия (отношение с руководителям и сослуживцами, совместное выполнение служебных задач и т.д.).

Основные проявления профессиональной деформации сотрудников. Первая группа проявлений связана с *деформацией индивидуальной профессиональной концепции* сотрудника и появлением в ее структуре жестких стереотипов, отражающих неверное восприятие организации и самого себя в ее структуре.

Исследования позволили выявить шесть подобных стереотипов[1].

Стереотип «начальник должен быть жестким, твердым, настойчивым» меняет структуру управленческого взаимодействия, переводя ее на режим угрозы наказанием за проступок, приказное общение.

Стереотип «начальник всегда прав» отрицательно влияет на самостоятельность решений и суждений работника, формирует безынициативность, ожидание приказов и распоряжений со стороны руководства.

Стереотип догматического следования приказам порождает установку на бездумное выполнение любого приказа начальника, часто ведет к внутриличностным конфликтам, если имеется собственное мнение о необходимости действовать по-другому.

Стереотип «маленького человека» ведет к снижению профессиональной самооценки, проявлению конформизма и отсутствию собственных суждений по тому или иному служебному вопросу.

Стереотип «оптимального» ролевого поведения часто выступает как механизм приспособительного поведения к определенным служебным ситуациям и конкретным профессиональным действиям. Так, угрожающее и агрессивное поведение рассматривается как оптимальное для получения показаний от подозреваемого и т.д.

Стереотип «нахождения виновного» оправдывает все действия по нахождению виновного, его наказанию и т.п. При этом работа по выявлению истинных причин неэффективности деятельности уходит на задний план, и ее недостатки не вскрываются.

Проявления профессиональной деформации имеют место как во внешней среде деятельности, взаимодействии с объектом деятельности (правонарушителем) и другими гражданами, так и во внутрисистемном общении, совместном выполнении служебных задач с другими работниками, контактах с руководителем. Во внешней среде деятельности можно рассмотреть следующие проявления профессиональной деформации работников органов правопорядка:
• уверенность и порой самоуверенность в собственной непогрешимости при решении профессиональных задач, чрезмерное самомнение и завышенная самооценка;
• наличие установки на «обвинительный уклон» по отношению к другим людям, чрезмерная подозрительность, грубые ошибки в восприятии и оценке других людей, их действий и поступков;
• правовой нигилизм, который проявляется в пренебрежительном отношении к требованиям закона, игнорировании требований закона и произвольном толковании закона и подзаконных нормативных актов;
• правовой ригоризм, представляющий собой выраженную установку на ужесточение наказания, применение к правонарушителю более жестких мер наказания безотносительно к особенностям его личности, к ситуации совершенного правонарушения;
• стереотип закрытости, стремления к излишней секретности, приданию своей работе мнимой значительности, тенденция к сверхконтролю;
• перенос своей служебной роли, профессиональных навыков и установок во внеслужебные отношения;
• усвоение элементов криминальной субкультуры (уголовного жаргона, норм поведения, обращения к другому человеку и т.д.) и их использование в своей деятельности;

• упрощение делового общения, выражающееся в снижении культуры и этики общения с гражданами, обращения на «ты», применении выражений, оскорбительных для других людей, и т.п.;
• наличие установки на применение только властных методов воздействия на правонарушителей и других граждан, пренебрежение методами психологического влияния, достижения согласия, разрешения конфликта на основе вербального воздействия и т.д.
• педантичность, излишний формализм в работе и затягивание вопросов о принятии конкретных решений в рамках своей компетенции.
Во внутрисистемном управлении, в общении с руководителями и сослуживцами возможны следующие проявления профессиональной деформации:
• потеря инициативы в работе, выражающаяся в ориентации только на исполнение приказов и распоряжений руководителей, вышестоящих звеньев управления и забвении своих личных должностных обязанностей и ответственности;
• установка на приоритетность текущего процесса деятельности, выполнения текущих задач вне связи с достижением конечных результатов деятельности, имитация активной деятельности;
• переоценка старых, привычных методов работы и недооценка необходимости внедрения новых методов деятельности, инноваций;
• установка на совершение формализованных, документально оформленных профессиональных действий при недостаточном внимании к человеку;
профессиональный эгоизм (эгоцентризм), часто блокирующий эффективное взаимодействие работников различных служб органа правопорядка и снижающий результаты совместной деятельности.
Часто проявления профессиональной деформации являются следствием обращения работника к неадекватным защитным механизмам в своей деятельности: рационализации (объяснения своих незаконных действий интересами раскрытия и расследования преступления и т.п.); вымещения (например, словесного оскорбления задержанных и т.п.); замещения (например, достижение ложного ощущения своей профессиональной значимости за счет внешней атрибутики деятельности и т.п.); изоляции (сокращения контактов с другими людьми вне рамок своей правоохранительной системы, сужение коммуникативных связей) и др.
Профилактика и преодоление профессиональной деформации сотрудников органов правопорядка. Профилактика профессиональной деформации представляет собой совокупность предупредительных мероприятий, ориентированных на снижение вероятности развития предпосылок и проявлений профессиональной деформации. Одной из задач такой профилактики является блокирование и сглаживание трех групп указанных факторов, способствующих развитию профессиональной деформации.
Работа по профилактике профессиональной деформации включает в себя меры как психологического, так и непсихологического организационно-управленческого, воспитательного характера.
К частным задачам, решаемым в процессе профилактики профессиональной деформации работников органов правопорядка, следует отнести:
• выработку у сотрудников профессионального иммунитета и высокой культуры в работе;
• развитие нравственно-психологической устойчивости и деловой направленности у всех работников органов правопорядка;
• формирование у работников установки на следование в работе кодексу профессиональной чести;
• совершенствование стиля и методов управления персоналом;
• формирование оптимального морально-психологического климата в службах и подразделениях органов правопорядка.

---

[1] См.: *Борисова С.Е.* Профессиональная деформация сотрудников милиции и ее личностные детерминанты. - Автореф. канд. дисс. - М., 1998. - С. 20-21.

Глава 7. Психологическая служба в правоохранительных органах

7.1. Современное состояние психологической службы и концептуальные основы ее функционирования

Становление психологической службы. До определенного времени юридическая психология проводила в жизнь разрабатываемые ею практические рекомендации через систему образования. Эффективность внедрения их в реальности правоохранительной практики целиком зависела от сохранения знаний в памяти практиков и их желаний. В итоге получалось, что многое практически значимое не находило своего воплощения и имеющиеся возможности для повышения эффективности правоохранительной деятельности не использовались. Сами юристы осознавали, что конструктивные возможности психологии гораздо шире, и неоднократно предлагали привлекать психологов к непосредственному решению правоохранительных, судебных задач.

Так, известный российский юрист Л.Е. Владимиров в работе «Психологические исследования в уголовном суде» (1902 г.) обосновывает важность участия в судопроизводстве психологов-экспертов. По его мнению, этот специалист должен быть вторым судьей в уголовном процессе («судьей в белом»). Предложения Л.Е. Владимирова в полной мере не были реализованы, но идея привлечения психологов в качестве экспертов получила дальнейшее развитие[1].

Периодическое привлечение специалистов-психологов к решению конкретных задач, возложенных на правоохранительные органы, — это качественно новый этап союза юридической психологии и правоохранительной практики. Сегодня правоохранительные органы поднялись на ступеньку выше в вопросах внедрения психологических знаний в практику. В министерствах и ведомствах правей охранительной системы вводятся должности практических психологов и даже создаются структурные подразделения, осуществляющие психологическое обеспечение решения кадровых и оперативно-служебных вопросов.

Первые должности практических психологов в правоохранительных органах были введены в 1974 г. в уголовно-исполнительной системе (в воспитательно-трудовых колониях для несовершеннолетних). В 1989—1991 гг. на базе исправительных учреждений Пермской и Саратовской областей проводился эксперимент по созданию базовых психологических лабораторий (со штатной численностью до пяти психологов) в исправительных учреждениях для взрослых. С учетом положительных результатов эксперимента с 1992 г. психологические лаборатории начинают создаваться и в других регионах России. По данным статотчета Минюста России на 1 января 1999 г., в штаты уголовно-исполнительной системы введено около 1 000 должностей практических психологов. При этом данные специалисты укомплектованы на всех уровнях управленческой иерархии: на уровне Главного управления исполнения наказаний (ГУИН) имеется психологическое отделение; на региональном уровне предусмотрена должность главного психолога и группа психологического обеспечения; на уровне пенитенциарных учреждений проводится целенаправленная работа по укомплектованию психологических лабораторий из расчета один психолог на 300 осужденных.

Активное создание психологической службы в уголовно-исполнительной системе обусловлено историческим опытом использования психологических знаний в данном ведомстве, осознанной необходимостью реформирования пенитенциарных учреждений в соответствии с международными стандартами[2].

Несмотря на имеющиеся недостатки в функционировании уголовно-исполнительной системы, можно констатировать, что на сегодняшний день это ведомство с наиболее развитой психологической службой[3]. В других ведомствах правоохранительной системы психологическая служба также успешно развивается.

Проанализирован опыт работы практических психологов в судопроизводстве. Создаются психологические службы в новых для современной России правоохранительных органах — таможенном комитете, налоговой полиции. Успешно работают практические психологи, особенно по вопросам социально-психологического воздействия на граждан, в Федеральной службе безопасности. Наиболее многочисленной является психологическая служба в системе МВД России. Она начала создаваться в 1993 г. Как и в уголовно-исполнительной системе, ее структура носит иерархический характер: на уровне министерства (в составе Главного управления кадров и кадровой политики) имеется отдел социально-психологической работы с личным составом; на уровне самостоятельных субъектов федерации (МВД, ГУВД, УВД)

предусмотрена должность старшего психолога и (или) отделение (группа) психологического обеспечения, на районном территориальном уровне («на земле») — в городских и районных отделах внутренних дел предусмотрена должность психолога или старшего психолога. В составе Министерства внутренних дел введены должности психологов и в других структурных подразделениях. Так, еще с 1974 г. при Медицинском управлении МВД СССР и соответствующих отделах МВД УВД союзных республик и областей начали создаваться психофизиологические центры (в настоящее время — Центры психодиагностики). На уровне МВД России, МВД, УВД субъектов федерации должности психологов вводятся в отдельных службах и подразделениях. Например, в оперативно-техническом управлении создана психологическая группа, обеспечивающая применение на практике полиграфов; мощные психологические службы созданы в таких управлениях, как муниципальная милиция, ГИБДД, вневедомственная охрана. Введены должности психологов в спецподразделениях (ОМОНе, СОБРе). События в Чечне подтолкнули к созданию психологической службы во внутренних войсках МВД России.

Короче говоря, в 90-е годы в правоохранительных органах России начала создаваться новая служба — ***психологическая.*** **Она представляет собой централизованно управляемую систему специальных структурных подразделений и должностей специалистов (практических психологов), осуществляющих целенаправленную работу по психологическому обеспечению деятельности конкретных ведомств.** Несмотря на достигнутые общие успехи, во многих регионах России психологическая служба создается медленно, текучесть специалистов высокая, круг решаемых проблем ограничен (например, в уголовно-исполнительной системе слабо поставлена работа по психологическому обеспечению работы с персоналом, а в органах внутренних дел — по психологическому обеспечению решения оперативно-служебных задач), наблюдается нехватка квалифицированных кадров психологов, система их подготовки и переподготовки не отвечает потребностям практики; руководители некоторых подразделений не удовлетворены деятельностью психологической службы, и должности психологов начинают сокращать. Другими словами, в некоторых ведомствах и регионах новая служба, не успев сформироваться, оказалась в кризисном состоянии. Хотя это проблема не только правоохранительных органов, но и других ведомств (например, школьной психологической службы), вряд ли тут есть основания для утешения сотрудников, которые болеют за результаты дела.

В числе факторов, которые тормозят развитие психологической службы, часто называют экономические (недофинансирование), психологические (непонимание роли психологической службы в совершенствовании деятельности правоохранительных органов) и концептуальные (отсутствие четких теоретических представлений о принципах, содержании и методах деятельности). Что касается первой причины, то ее устранение мало зависит от возможностей сотрудников правоохранительных органов. Вторая и третья причины взаимосвязаны. Раскрыв концептуальные основы деятельности психологической службы, можно изменить и отношение к ней окружающих.

Концептуальные основы функционирования психологической службы. Разработка научно обоснованной концепции деятельности психологической службы — сложная задача. Косвенным подтверждением этого является ее отсутствие даже у школьной психологической службы,[4] хотя последняя получает постоянную подпитку со стороны академической науки.

Вместе с тем учеными правоохранительных органов (Н.В. Андреев, М.Г. Дебольский, И.О. Котенев и др.) предпринимаются целенаправленные попытки теоретически обосновать те или иные аспекты деятельности психологической службы. Основываясь на работах отмеченных авторов, а также на изучении опыта деятельности психологов, можно выделить основные элементы, обеспечивающие успешность ее функционирования:

• цели психологической службы;
• профессиональные ценности (ценностные ориентации);
• основные задачи и направления деятельности;
• психологические функции и инструментарий их реализации;
• организационную структуру психологической службы;
• качественный состав сотрудников психологической службы;
• организацию труда практических психологов;
• материально-техническое оснащение.

Цель (миссия) психологической службы — использование достижений психологической науки в

практической деятельности правоохранительных органов для повышения ее эффективности. По сути речь идет об интеллектуализации и гуманизации деятельности правоохранительных органов.

Профессиональные ценности сотрудников психологической службы во многом совпадают с общепринятыми ценностями работников правоохранительных органов. Вместе с тем каждая служба имеет свой профессиональный менталитет. Профессиональные ценности судей отличаются от ценностей прокурорских работников; работники медвытрезвителя по-другому оценивают жизненные факты, чем следователи. Для практических психологов главной профессиональной ценностью выступает личность, ее уникальность, способность к саморазвитию. Психолог в правоохранительных органах руководствуется не только правовыми, но и этическими нормами (кодексом профессиональной этики).[5] В соответствии с данным кодексом он может использовать в своей работе лишь те методы, которые прошли апробацию в рамках современной психологической науки и не являются опасными для здоровья личности. Это особо актуально для пенитенциарных учреждений, ибо осужденным свойственно приписывать сотрудникам (даже психологу) карательные притязания.

Психолог должен обеспечивать конфиденциальность психодиагностической информации, полученной от клиента на основе «личного доверия». Психолог обязательно предупреждает обследуемого о том, кто и для чего может использовать результаты тестирования (например, при аттестации сотрудника).

Сведения, собранные психологом в ходе профессиональной деятельности, не должны использоваться в интересах третьих лиц. Психологу надо осознавать, что порой им манипулируют, с его помощью пытаются уволить или перевести в другую службу «неугодного» сотрудника.

Перед психологической службой в правоохранительных органах стоят две *главные задачи:* первая — *повышение психологической надежности сотрудников и более полное использование их психологического потенциала,* вторая — *оказание психологической помощи сотрудникам в решении оперативно-служебных задач.*

В соответствии с этими задачами психологическая служба осуществляет два *направления деятельности,* психологическое обеспечение работы с сотрудниками правоохранительных органов и психологическое обеспечение оперативно-служебных задач.

Первое направление предполагает: профессиональную ориентацию и психологический отбор кадров; оказание психологической помощи в расстановке и профессиональной адаптации молодых сотрудников; повышение психологической компетентности и развитие личности сотрудников; диагностику морально-психологического климата в коллективе и профилактику деструктивных явлений; психологическое обеспечение работы с резервом кадров на выдвижение и участие в аттестации сотрудников; управленческое консультирование; психологическое консультирование сотрудников и членов их семей.

Второе направление — оказание психологической помощи сотрудникам в решении оперативно-служебных задач — включает: изучение социально-психологических явлений в регионе, влияющих на состояние правопорядка в регионе; психологическое консультирование сотрудников при решении текущих оперативно-служебных задач; проведение судебно-психологической экспертизы; психологическое обеспечение несения службы в экстремальных условиях; психологическое обеспечение переговорной деятельности в ситуации захвата заложников и при угрозе террористических актов; разработку психологических портретов серийных убийц; осуществление индивидуально-профилактической работы; психологическое сопровождение уголовно-исполнительного процесса в пенитенциарных учреждениях и др.

В какой мере психологическая служба ориентирована на то или иное направление деятельности, в какой степени в функциональных обязанностях психологов представлены те или иные задачи, зависит от конкретного ведомства, региона, сложившихся традиций, профессиональной компетентности психологов, их численности.

Специфика решаемых задач — это один из наиболее существенных параметров, определяющих модель деятельности психологической службы.

Основные психологические функции и инструментарий их реализации. От основных направлений деятельности практического психолога следует отличать психологические функции и инструментарий их реализации.

Психологическая функция, во-первых, содержит уже в самом названии определенную цель и, во-вторых, каждая функция предполагает применение и наличие однородных научно обоснованных средств и методов ее реализации. Рассмотрим кратко эти функции.

Психологическая диагностика — целенаправленное изучение индивидуальных особенностей личности и социально-психологических явлений в группах (коллективах, неформальных объединениях). Психологическая диагностика проводится с целью профессионального отбора и аттестации, проведения психологического консультирования, психокоррекционной работы и развития личности.

В качестве инструментария в процессе психодиагностики используются методы беседы, наблюдения в значимых ситуациях, изучения продуктов деятельности, тестирование и др.

Психологическая коррекция — психологическое воздействие на личность с целью устранения негативных тенденций в ее развитии (акцентуаций, стрессовых состояний и др.).

Развитие личности — целенаправленная работа психолога по формированию профессионально-волевых качеств и психологических умений (коммуникативных, мыслительных, саморегуляции и т.п.), осуществляемая в процессе профессиональной деятельности, специальной психологической подготовки, проведения социально-психологических тренингов, саморазвития личности.

Психологическая профилактика — целенаправленная систематическая работа психолога совместно с руководителями подразделений по предупреждению негативных явлений среди личного состава, выявлению группы риска (по различным основаниям) и проведению с ней психокоррекционной работы.

Психологическое просвещение — повышение компетентности и культуры сотрудников в решении психологических проблем и понимании сущности психологической службы.

Психологическое консультирование — оказание конкретной помощи обращающимся сотрудникам и гражданам в осознании ими природы их затруднений, в анализе психологических проблем и принятии собственных решений. Осуществляется в форме индивидуальных и групповых консультаций.

Психологические функции насыщены теоретически и практически, а поэтому их реализация специально рассмотрена в § 7.2 и 7.3.

Основы организации психологической службы. Одним из условий успешного функционирования психологической службы является научно обоснованное ***проектирование ее организационной структуры.*** Как скелет живого существа определяет его форму, особенности движения, так и организационная структура задает целостность психологической службы, ее место в конкретной организации и ведомстве.

При проектировании и формировании организационной структуры необходимо решить по крайней мере три задачи: утвердить штаты психологов; определить статус службы (самостоятельное подразделение или в составе другого подразделения); распределить функции и полномочия на различных уровнях управленческой иерархии.

Психологическая служба начинает комплектоваться на «земле», в органах и подразделениях, осуществляющих непосредственный контакт с гражданами, т.е. ***на низовом, муниципальном уровне*** **—** в городских и районных отделах внутренних дел, судах, исправительных учреждениях и т.п.

Штаты любой службы, в том числе психологической, определяют исходя из объема предполагаемой работы и существующих (устанавливаемых) нормативов. С учетом экономических трудностей в обществе введение одной-двух единиц должностей психолога в организациях численностью до 500 человек можно рассматривать как определенный прогресс в становлении службы.

В исправительных учреждениях Минюста России психологи для работы с осужденными могут вводиться из расчета один специалист на 300 человек спецконтингента. В одном учреждении численность психологов может достигать 5—7 человек, хотя на практике это бывает редко.

Если в организации всего один-два психолога, они входят в состав другого функционального подразделения. Решая с научных и практических позиций вопрос о том, в какое подразделение включать психолога, разумно исходить из *принципа функциональной совместимости:* психологи должны входить в штаты той службы, функции которой больше всего соответствуют функциям практических психологов. Когда основное направление их деятельности — психологическое обеспечение работы с кадрами, то, естественно, их включают в состав отдела кадров или по работе с личным составом (воспитательный отдел), как, например, это делается в Министерстве внутренних дел России. Если перед новой службой ставят задачу психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности (например, ресоциализация осужденных в исправительных учреждениях), то психологи передаются в соответствующую службу, но работа с личным составом в этом случае в большинстве подразделений не ведется.

Вместе с тем в отдельных регионах в исправительно-трудовых учреждениях накоплен опыт создания психологической службы как самостоятельного структурного подразделения, которое подчиняется непосредственно начальнику учреждения. В этих регионах направления работы психолога существенно расширяются, *а статус возрастает.*

Различен статус, а следовательно, и степень самостоятельности, у групп психологического обеспечения учебно-воспитательного процесса в образовательных заведениях правоохранительных органов. В одних юридических институтах психологические группы входят в состав отдела кадров, в других — учебного отдела, в третьих — имеют самостоятельный статус (например, в Санкт-Петербургском университете МВД России).

Таким образом, на нижнем уровне управленческой системы психологическая служба функционирует в различных модификациях, что отражает направленность решаемых задач, численность психологов, особенности конкретной организации.

На ***региональном уровне*** управления (областном, республиканском) в правоохранительных органах создается подразделение (группа) по руководству психологами низового уровня. Руководитель группы выполняет функции главного психолога соответствующего ведомства субъекта Федерации, например, управления органами, исполняющими наказания N-ской области. На такую группу возлагаются следующие функции:

• подбор практических психологов для нижестоящего уровня системы управления и оказание научно-методической помощи в их становлении;

• текущий контроль за состоянием работы практических психологов в подведомственных подразделениях;

• обобщение положительного опыта лучших психологов и его распространение;

• организация постоянно действующих семинаров для практических психологов;

• ежеквартальное или полугодовое подведение итогов работы региональной психологической службы и направление отчетов в министерство.

Имеется опыт создания иной модели региональной психологической службы, когда на нее возлагаются не столько управленческие функции, сколько исполнительские — психологическое обеспечение деятельности нижестоящих организаций или по крайней мере тех, где не созданы психологические службы. При таком подходе на психологическую группу приходится достаточно большая численность сотрудников, которые нуждаются в психологическом обеспечении. В этой ситуации применяется «челночная» тактика. Группа поочередно выезжает в нижестоящие подразделения и проводит психологическое обследование личного состава, психокоррекционные мероприятия, индивидуальное и групповое консультирование.

На этапе становления психологической службы данная модель имеет ряд достоинств. Она позволяет укомплектовать в областном (республиканском) центре небольшую, но квалифицированную группу психологов. Решить кадровую проблему сразу в масштабе региона достаточно сложно. Кроме того, работа в группе более эффективна, так как имеются взаимная поддержка, обмен опытом, взаимозаменяемость, можно оказывать противодействие лицам, не понимающим сути психологической службы. Слабость данной модели функционирования службы — отсутствие постоянной работы с коллективами, восприятие приходящего психолога как «чужого», «контролера», а не как «своего», постоянно находящегося среди сослуживцев.

Эффективность функционирования психологической службы возрастает, повышается ее целостность, если на ***федеральном уровне*** также создается психологическая группа или подразделение, а ее руководитель одновременно назначается главным (ведущим) психологом.

На психологические подразделения федерального уровня целесообразно возлагать следующие функции:

• стратегическое руководство всеми подразделениями, выполняющими психологическую работу, и координацию их деятельности;

• разработку научно обоснованных концепций дальнейшего развития психологической службы в масштабах ведомства;

• подготовку нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность службы на» всех уровнях;

• централизованное обеспечение психологической службы современными пособиями, психодиагностическими и психокоррекционными методиками, издание специальных журналов, бюллетеней, проведение всероссийских конференций;

• организацию централизованной системы подготовки, переподготовки, повышения квалификации специалистов-психологов;

• ежегодный сбор и анализ информации о деятельности психологической службы;
• обобщение и распространение положительного опыта (отечественного и зарубежного).

Таким образом, организационная структура психологической службы ведомства должна носить иерархический характер с оптимальным сочетанием централизации и децентрализации властных полномочий и ответственности.

Материально-техническая база — это предпосылка успешного функционирования психологической службы. Для доверительного общения психолога с сотрудниками и кандидатами на службу ему необходим отдельный рабочий кабинет. Его рабочее место должно быть оборудовано компьютером для обработки результатов тестирования, накопления психологической информации. Во многих подразделениях правоохранительной системы уже функционируют типовые кабинеты психологической релаксации, созданы классы для проведения социально-психологических тренингов и видеотренингов. Это существенно повышает результативность работы психологов.

Говоря о материально-технической базе психологической службы, нельзя обойти молчанием вопрос ее финансирования. К сожалению, во многих ведомствах служба создается по так называемому остаточному принципу. Речь идет о том, что должности психологов вводятся за счет вакантных должностей в других службах, не выделяются дополнительные денежные ресурсы. Это, безусловно, сдерживает более активное развитие психологической службы. Целесообразно централизованно пересмотреть распределение денежных ресурсов внутри ведомства и узаконить финансирование психологической службы. Для развития материально-технической базы важно использовать местный бюджет, спонсорскую помощь, а также предоставить возможность самим психологам оказывать платные услуги населению.

Нормативно-правовое обеспечение психологической службы — одно из важных условий ее функционирования.

В нормативно-правовой регламентации нуждаются такие вопросы, как квалификационные требования к психологу, должностной статус (функциональные обязанности, права, ответственность), нормативы нагрузки (среднее время, которое отводится на психологическое обследование, на консультирование), профессионально-этические нормы, критерии оценки, система отчетности, порядок взаимодействия с другими службами.

Развитая нормативно-правовая база не только регламентирует порядок работы психолога, но и выступает средством их правовой защиты при обвинении в неправомерности действий.

Опыт показывает, что психологическая служба начинает развиваться более стремительно, не отторгается как инородное тело, если она официально включается в качестве элемента более общей концепции развития правоохранительных органов (или конкретного ведомства, учреждения). Например, в МВД России меры по развитию психологической службы входят в качестве составного элемента в концепцию кадровой политики, утвержденной на коллегии министерства и объявленной соответствующим приказом. Это придает значимость идее развития психологической службы, повышает активность энтузиастов и снимает психологический барьер у консерваторов.

Одно из главных условий эффективного функционирования психологической службы — ***качественный состав психологов.*** Он определяется двумя составляющими: личностными качествами и профессионально-психологической компетентностью (подготовленностью).

Применительно к психологам порой бывает уместной поговорка «Сапожник — без сапог». Осуществляя психологический отбор сотрудников, сами психологи иногда оказываются лишенными профессионально важных качеств. Учитывая данное обстоятельство, учеными как правоохранительных органов, так и других ведомств ведутся целенаправленные исследования по разработке *профессиограммы психолога* и ее составляющей — психограммы личности.

Так, по данным Е.А. Аминова, М.В. Молоканова, в качестве интегрального, профессионально важного качества личности психолога отмечается способность к *социальной фасилятивности,* т.е. умение снимать психологический барьер в процессе общения; создавать атмосферу доброжелательности, включенности и доверия к собеседникам[6].

Фасилятивный эффект оценивается квалифицированными экспертами в процессе наблюдения за практическим психологом с помощью четырех биполярных графических шкал: общительность (готовность к контакту), смелость (умение поддерживать контакт, открытость), тактичность (умение чувствовать контекст ситуации), интеллектуальность (умение логически обосновывать свою аргументацию). Авторы показали, что данное свойство коррелирует с оценкой успешности обучения и профессиональной деятельностью.

Английский психолог Р. Кеттелл, используя свой личностный опросник (16-PF), показал, что эффективность деятельности психологов-практиков (психотерапевтов) существенно коррелирует с такими свойствами, как общительность, интеллект, социальная смелость.

В наших исследованиях установлено, что успешность деятельности психологов уголовно-исполнительной системы положительно коррелирует, кроме названных качеств, с такими, как эмоциональная устойчивость, нормативность поведения и способность к контролю[7]. Однако общепринятой психограммы личности психолога пока не существует.

Профессиональная компетентность практических психологов зависит от базового психологического образования и понимания специфики деятельности правоохранительных органов.

К сожалению, в настоящее время качественный состав психологов не в полной мере соответствует потребностям практики и уровню развития психологической науки.

Для успешной подготовки квалифицированных психологов целесообразно создать непрерывную многоплановую систему, включающую в себя следующие формы:

• четырехлетняя подготовка (в настоящее время она ведется только на психологическом факультете Рязанского института экономики и права для уголовно-исполнительной системы);

• двухгодичная (очно-заочная форма) — для лиц, имеющих высшее не психологическое образование и желающих получить вторую специальность и государственный диплом;

• 5—6-месячная переподготовка для лиц, имеющих высшее не психологическое образование, с выдачей ведомственного диплома;

• 2—4-недельное повышение квалификации (по отдельным направлениям);

• 2—3-дневные научно-практические конференции и совещания по обмену опытом;

• стажировки при базовых психологических центрах (в том числе зарубежных). Практический психолог — это принципиально новая для правоохранительных органов профессия. Подготовка квалифицированных специалистов в этой области требует разработки целевой программы, предусматривающей создание психологических факультетов, факультетов повышения квалификации, подготовки и переподготовки научно-педагогических кадров и других организационных мероприятий. Только в этом случае можно в перспективе ожидать реальную отдачу от психологической службы.

---

[1] См.: *Коченев ММ* Судебно-психологическая экспертиза. - М, 1977; *Кудрявцев И.Л.* Судебная психолого-психитрическая экспертиза. - М., 1988; *Ситковская О.Д.* Судебно-психологическая экспертиза аффекта. - М., 1983; и др.

[2] В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятых на первом конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Женева, 1955 г.), отмечается необходимость введения должности психолога (ст. 49—1), в функции которого входит разработка программы работы с каждым вновь прибывшим осужденным на основе изучения его характера, «индивидуальных потребностей, способностей и склонностей» (ст. 69). Следуя этим правилам, психологическая служба стала неотъемлемым элементом пенитенциарной системы большинства экономически развитых государств. Так, в Германии осужденные проходят углубленное психологическое обследование в тюрьмах-распределителях, а затем в обычной тюрьме вновь имеют контакты с психологом и социальным работником (его функции близки к функциям начальника отряда). Например, в Северном Рейне-Вестфалии в тюрьмах на 17 тыс. осужденных приходится 221 социальный работник и 105 психологов (на одного психолога около 160 осужденных). В пенитенциарных учреждениях США работают 1350 психологов. Наибольшая их численность в штатах: Техас - 92; Мичиган - 89; Северная Каролина - 79; Калифорния - 78; Огайо - 67; Пенсильвания - 66; Нью-Йорк - 43.

[3] См.: *Дебольский М.Г.* Становление и развитие психологической службы в уголовно-исполнительной системе. // Человек: преступление и наказание. - 1994. № 3-4; *Ковтун В.П.* Психологическая служба УИС: проблемы становления // Преступление и наказание. — 1996. № 3; *Рабочая* книга пенитенциарного психолога. - М., 1997 и др.

[4] *Битянова Н.Р.* Организация психологической работы в школе. - М., 1997. - С. 9.

[5] Кодекс профессиональной этики психолога органов внутренних дел. // Директивные материалы МВОРУ за 1996 год по воспитательной работе с личным составом в органах внутренних дел. - М.,

1996. - С. 64-65; Этические аспекты деятельности психологической службы пенитенциарных учреждений. // Рабочая книга пенитенциарного психолога. - М., 1997. - С 170-172.
[6] *Аминов Е.А., Молоканов М.В.* Специальные особенности школьных психологов. // Вопросы психологии. - 1992. - N° 1-2. - С. 74-83.
[7] *Дебольский М.Г.* Разработка профессиограммы психолога и ее использование при профотборе специалистов. - М., 1996.

7.2. Психологическая диагностика как функция психологической службы

Для практического психолога психодиагностика выступает прежде всего как одна из базовых психологических функций, как сфера его деятельности, связанная с изучением особенностей конкретных индивидов и групп (подразделений, организаций). Сущность *психодиагностики* «заключается в том, чтобы дать материал для психологического заключения о *группе* лиц или отдельном лице, показав, чем это лицо отличается от других или чем эта группа отличается от других групп той же совокупности»[1].

Психодиагностика не является самоцелью для практического психолога. Полученная информация может по-разному использоваться в правоохранительных органах:

• заключение психодиагноста передается в другие службы для учета личностных особенностей при принятии профессионального решения (прием на службу, вынесение приговора суда, условно-досрочное освобождение и т. п.);

• результаты психодиагностики используются другими сотрудниками в повседневной работе с обследованным. Например, в исправительных колониях для воспитательной работы с несовершеннолетними или руководителями подразделений при индивидуализации воспитательных и управленческих воздействий на подчиненных;

• диагностические данные используются самим практическим психологом в процессе консультирования сотрудника, психокоррекционной работы, проведения социально-психологического тренинга, оказания непосредственно психологической помощи.

Успешная реализация психодиагностической функции предполагает теоретическое осмысление ряда вопросов (проблем):

1) четкое понимание той практической задачи, которая поставлена перед психологом. Например, отобрать из всего отряда (200 человек) милиции особого назначения (ОМОНа) группу наиболее подготовленных бойцов (30 человек), способных успешно действовать в экстремальной ситуации при выезде в служебную командировку в другой регион на срок не менее 1 месяца; 2) научное осмысление тех психологических параметров (психических свойств), от которых зависит успешное выполнение практической задачи. В нашем примере можно выдвинуть гипотезу, что в качестве таких параметров (кроме опыта службы, профессионально-боевой подготовленности) будут выступать: эмоциональная надежность, реакция на угрозу, наличие мотивации к служебной командировке, психическое состояние в данный момент (отсутствие посправматических признаков), психологическая совместимость бойцов, авторитет руководителей, возможность проявления лидерства и его направленность;

3) отобрать (разработать) методы исследования, которые были бы *валидны и надежны* в плане диагностики психологических свойств личности, важных для решения поставленной задачи. В нашем примере в качестве психодиагностических методов были отобраны: личностный опросник Кеттелла (с его помощью изучались: эмоциональная надежность по факторам — С, О, Q_3, Q_4; реакция на угрозу — по фактору Н; коммуникативные свойства, влияющие на взаимоотношения в группе, — по факторам А, L: F I, N, Q_2; склонность к лидерству и доминированию над другими — по факторам Е, Q,O; опросник травматического стресса И.О. Котенева, специально разработанный для обследования сотрудников органов внутренних дел, принимавших участие в экстремальных ситуациях; методика диагностики межличностных отношений Т. Лири; социометрия и специально разработанный опросник;

4) детально разрабатывается процедура обследования, последовательность предъявления методик с учетом реальной загруженности испытуемых. В связи с ограниченностью времени, отведенного на психодиагностику, тест Лири использовался на завершающем этапе исследования и только в группе, которую по предварительным результатам тестирования предполагалось направить в служебную командировку.

Учитывая организационную сложность проведения массовых психодиагностических обследований, соответствующий план рекомендуется утверждать у руководителя организации (в

нашем случае — у командира ОМОНа), что обеспечивает беспрепятственное выполнение задания. Вместе с тем практический психолог не должен полагаться только на формальную приказную сторону организации психодиагностического обследования. Ему необходимо убедить испытуемых в важности проводимой работы и их личной заинтересованности в ее результатах. Другими словами, желательно стремиться работать по модели консультанта, а не эксперта, от «приговора» (заключения) которого зависит судьба испытуемых;
5) осуществляя обработку результатов психодиагностики, важно учесть психометрические требования и стандартные нормы развития личности, использовать методы статистической обработки эмпирических материалов;
6) подготавливая заключение (итоговую справку) о результатах психодиагностического обследования, целесообразно придерживаться следующего алгоритма:
• описание проблемы, жалоб индивида или поставленной перед психологом задачи;
• краткое изложение программы диагностики (что сделано);
• описание особенностей поведения испытуемого (испытуемых) при работе с тестами и другими методиками (их отношение к психодиагностике);
• изложение результатов тестирования (ответ на вопросы заказчика или обращение клиента);
• резюме (наиболее важные выводы) и рекомендации для заказчика или клиента. В рассматриваемом примере на основе результатов обследования и научного анализа психологических факторов, влияющих на эффективность функционирования милицейского подразделения особого назначения, были даны следующие рекомендации:
• отказаться от идеи создания нового подразделения, а направить в служебную командировку уже функционирующий коллектив (взвод), имеющий наиболее высокие показатели по служебным психологическим параметрам;
• исключить из состава взвода четырех бойцов, не отвечающих необходимым нормативным требованиям по служебным психологическим параметрам;
• доукомплектовать взвод за счет психологически надежных бойцов из других подразделений;
• укрепить руководство взвода (давались конкретные рекомендации);
• повысить эффективность индивидуально-воспитательной работы с личным составом ОМОН (давались конкретные рекомендации с учетом социо-метрического статуса бойцов, индивидуально-психологических особенностей и уровня притязаний).
Таким образом, *современная психодиагностика* — это не только практика изучения личности и групп, но и научно-психологическое осмысление решаемой задачи. В специальной литературе отмечается: «Выделяемая для психодиагностики переменная должна иметь теоретический смысл в соответствующей области науки и практическую значимость для решения той или иной научной или прикладной задачи»[2].
Теоретическая обоснованность выделения тех или иных личностных черт или мотивов — непременное условие разработки диагностической процедуры. Недооценка этого требования «приводит к построению «фантомной» психодиагностики: ищутся способы выявления того, чего на самом деле не существует»[3].
Основной инструментарий психолога-диагноста — *методы исследования.* Опыт показал возможность и необходимость использования всего комплекса психологических методик и необходимости их адаптации с учетом конкретных целей и задач психодиагностирования в правоохранительных органах. К используемому психологом инструментарию предъявляются дополнительные требования — они должны 1) позволять собирать диагностическую информацию в относительно короткие сроки; 2) быть ориентированы не просто на изучение личности вообще, а на выявление профессионально значимых свойств; 3) давать возможность изучать не только качественные особенности индивида, но и количественные — для сравнения; 4) получаемая информация должна быть удобной для использования в кадровой, воспитательной, психокоррекщюнной работе.

---

[1] *Гуревич К.М.* Что такое психологическая диагностика. - М., 1985. - С. 19.
[2] *Общая* психодиагностика / Под ред. АЛ. Бодалева и В.В. Стопина. - М.: МГУ, 1987. - С. 8.
[3]Там же. - С. 8.

7.3. Психологическая коррекция и развитие личности как функции психологической службы

Основные понятия. Практические психологи правоохранительных органов не только изучают личность клиентов (сотрудников, правонарушителей), но и воздействуют на них с целью оказания психологической помощи. Те реалии, которые связаны с функцией психологического воздействия на клиента, чаще всего обозначают терминами «психотерапия», «психологическая коррекция», «развитие личности». Рассмотрим их более детально.
Психотерапия (от греч. *psyche* — душа и *therapeia* — лечение) дословно переводится как «лечение души». В настоящее время термин не имеет однозначного толкования. При всем многообразии толкований прослеживаются два подхода: клинический и психологический[1]. При первом подходе психотерапия рассматривается как сфера научных знаний о методах лечения, влияющих на состояние и функционирование организма в сферах психической и соматической деятельности. При втором подходе психотерапия определяется как особый вид межличностного взаимодействия, при котором клиентам оказывается профессиональная помощь психологическими средствами при решении возникающих у них проблем или затруднений психологического характера. Таким образом, основная цель второго подхода — не излечение от психических расстройств, а помощь в процессе становления сознания и личности, при которой психотерапевт предстает спутником клиента, его другом и наставником.
Условиями, необходимыми для успешной реализации психологического подхода к психотерапевтической работе, являются наличие прежде всего психологического, а не медицинского образования, стремление ставить не клинический анализ и назначать лечение, а принимать человека таким, каков он есть, проявлять сострадание и сочувствие к нему, искренность и честность, поиск вместе с ним путей преодоления жизненных и служебных трудностей. Следствием такого понимания психотерапии является распространение ее методов в педагогике, социальной работе, правоохранительных органах. Однако учитывая, что психотерапия начала формироваться в сфере медицины, что специальность психотерапевта предусмотрена прежде всего в различных клиниках, целесообразно использовать понятие «психотерапия» применительно к работе практических психологов лишь в ситуациях, когда речь идет об устранении неврозов, фобии и других психосоматических проявлений. Когда возникает потребность в устранении менее болезненных отклонений (например, акцентуаций характера), то уместно использовать понятие «психологическая коррекция».
***Психологическая коррекция* —** это направленное психологическое воздействие на личность с целью обеспечения ее полноценного развития и функционирования.[2]
Термин ***«развитие личности»*** (личностный рост) обозначает формирование социально значимых личностных качеств и устранение психологических условий, препятствующих этому.
Таким образом, основанием для разграничения категорий «психотерапия», «психокоррекция» и «развитие личности» является цель воздействия на пациента (клиента) или оказания психологической помощи: лечение психических расстройств; коррекция акцентуаций характера и функциональных состояний (т.е. изменение, исправление того, что есть), развитие профессионально значимых личностных свойств (развитие потенциала).
Особенности психологического воздействия на внутренний мир человека (клиента) определяются исходной теоретической позицией, которую выбирает практический психолог. Анализ научной литературы показывает, что в на-
стоящее время в России наиболее распространены следующие теоретические подходы к психотерапевтической и психокоррекционной работе: психоаналитический (основанный на глубинной психологии); поведенческий (включает тренинга умений и программы модификации поведения); гипносуггестия и самовнушение (аутотренинга); нейролингвистическое программирование; гештальттерапия; экзистенционально-гуманистический подход и клиент-центрированная терапия.
Не анализируя сущность теоретических подходов, отметим, что ни один из принятых подходов не имеет существенного преимущества. Эффективность психокоррекционной работы в большей степени зависит от запущенности психологической проблемы клиента и умения психотерапевта (практического психолога) подобрать к нему адекватные методы психологического воздействия.
Индивидуальное консультирование как форма психокоррекционной работы. Следует разграничивать индивидуальные и групповые формы психокоррекционной работы. Наиболее типичной формой индивидуальной психокоррекционной работы практического психолога является консультирование. Как отмечается в научной литературе, ***психологическое консультирование,*** как молодое направление психологической практики, пока не имеет строго

очерченных границ. Так, лицензионная комиссия Ассоциации служащих и менеджеров США предлагает следующее определение: «Консультирование - это совокупность процедур, направленных на помощь человеку в разрешении проблем и принятии решений относительно профессиональной карьеры, брака, семьи, совершенствования личности и межличностных отношений»[3].

Это определение достаточно близко тем, которые дают и отечественные специалисты. Так, Г.С. Абрамова отмечает: «Суть психологического консультирования состоит в том, чтобы психолог, пользуясь своими специальными, подчеркиваю, специальными знаниями, профессиональными, научными, создал условия для другого человека, в которых он переживает свои новые возможности в решении его психологических задач»[4]. Во многих определениях подчеркивается, что сердцевиной консультирования является взаимодействие между клиентом и консультантом (психологом). Так, Карл Роджерс, один из наиболее ярких представителей гуманистической концепции в психологии и основоположник «клиент-центрированной» терапии (т.е. терапии, при которой клиенты всегда находятся в центре внимания), выделил три основных принципа данного подхода:

• каждая личность уникальна, обладает безусловной ценностью и заслуживает уважительного к себе отношения;

• каждая личность в состоянии быть ответственной за себя и свои поступки;

• каждая личность имеет право самостоятельно выбирать ценности и цели, принимать самостоятельные решения.[5]

Основываясь на данных принципах, следует избегать любого внушения, давления на клиента, ибо это мешает ему принимать ответственность на себя и правильно решать свои проблемы.

Психологическое консультирование как сфера психокоррекционной работы имеет ряд отличий от психотерапии:

• консультирование ориентировано на клинически здоровую личность это люди, имеющие в повседневной жизни психологические трудности и проблемы, а также люди, чувствующие себя хорошо, однако ставящие перед собой цели дальнейшего развития личности (т.е. консультирование —это средство личностного роста);

• консультирование основано на вере в человека, в его возможности измениться к лучшему;

• консультирование чаще ориентировано на настоящее и будущее клиентов (в отличие от психотерапии, ориентированной на поиск причин пррблем в прошлом);

• консультирование обычно ориентируется на краткосрочную помощь (цо 15 встреч); психотерапевтические сеансы могут продолжаться несколько лет;

• консультирование ориентируется на социально-психологические проблемы, возникающие при взаимодействии личности и среды;

• консультирование направлено на изменение поведения и развития личности клиента[6].

Цель психологического консультирования — культурно-продуктивная личность, обладающая чувством перспективы, действующая осознанно, способная разрабатывать различные стратегии поведения и анализировать ситуацию с различных точек зрения[7]. В литературе обычно описывают 5-6-шаговую модель процесса консультирования.

Первая стадия — исследование проблем. На этой стадии психолог-консультант устанавливает контакт (рапорт) с клиентом и достигает взаимного доверия. Неслучайно эту стадию иногда маркируют «Привет». Для установления психологического контакта большое значение имеет внимание к клиенту (симпатия), выбор лексики, ее доступность для восприятия. Например, клиентов нередко пугает слово «проблема», поэтому рекомендуется использовать термин «трудность». Как показывает практика, многое решает первое впечатление о человеке (правило «15 секунд»). Это обязывает психолога-консультанта заботиться о своем внешнем виде. Взаимный психологический контакт обычно удается установить за 4-6 минут.

На первой беседе следует поощрять рассказ клиента о том, что его *пря*-вело к психологу, какие он испытывает трудности, фиксировать его чувства, невербальное поведение. Особо обращается внимание на необходимость уменьшения чрезмерной тревоги, страха клиента, обозначить наиболее важные проблемы (трудности), которые предстоит обсуждать при последующих встречах. Каждая консультация обычно длится около 50 минут.

Вторая стадия — двумерное определение проблем. Эта стадия обычно начинается со сбора информации о контексте темы, происходит выделение проблемы (хотя в последующих встречах она может уточняться); диагностируются потенциальные возможности клиента. Эту стадию обычно обозначают, «В чем проблема».

Пытаясь найти ответ на поставленный вопрос, психолог задает уточняющие вопросы, стремится разобраться во внутреннем мире клиента, выявить истоки проблемы, акцентировать внимание клиента на его индивидуальных особенностях, показать логику его поведения. На этой стадии главное — достичь одинакового понимания проблем психологом и клиентом.
Третья стадия — осознание идеальной модели будущего (желаемого) результата. Клиент должен ответить на вопрос: «Чего он хочет добиться?». Психолог помогает клиенту определить свой идеал, решить вопрос о том, каким он хочет бытъ; что в его жизни произойдет, если проблема будет решена. Если клиенту и психологу все ясно, то рекомендации должны быть даны незамедлительно.
Четвертая стадия — обсуждение альтернативных вариантов решения. На этой стадии выясняются и открыто обсуждаются возможные альтернативы решения проблемы. Пользуясь открытыми вопросами, консультант побуждает клиента назвать все возможные варианты, которые тот считает подходящими и реальными, помогает выдвинуть дополнительные альтернативы, однако не высказывает своих решений.
Пятая стадия - планирование. Она предполагает критическую оценку имеющихся альтернатив с точки зрения реальности их реализация для достижения желаемого результата. Составление плана реалистического решения проблем должно помочь клиенту понять, что не все проблемы разрешимы. Одни требуют слишком много времени, другие не зависят от клиента и требуют пересмотра взглядов на проблему. В окончательном плане решения проблем следует наметить средства, способы, а также временной интервал реализации плана. Особо обращается внимание на ответственность самого клиента за принятое решение и его реализацию.
Шестая стадия — деятельность по выполнению намеченного плана. Это может быть решение как реальных жизненных задач, так и выполнение специальных психологических упражнений, тренингов. У клиента должна быть сформирована готовность к преодолению возможных трудностей и неудач.
Седьмая стадия — обратная связь с клиентом и оценка результатов психокоррекционной деятельности. На этой стадии клиент вместе с консультантом обсуждают достигнутые результаты, а при необходимости вносят коррективы в намеченную программу.
Признанные авторитеты в сфере практической психологии отмечают, что предложенная модель процесса консультирования помогает глубже понять механизм психологической коррекции, но реальный процесс консультирования значительно сложнее и не всегда подчиняется данному алгоритму. При всей важности ориентировки на предложенную модель эффективность психологического консультирования определяется прежде всего профессиональной компетентностью и личностными качествами консультанта.
Процедуры и техники консультирования имеют решающее значение для успеха[8]. Поскольку в правоохранительных органах психологическое консультирование проводится по инициативе не только клиента, но и штатного психолога, то важную роль в получении личностной информации выполняют *вопросы*. Как известно, вопросы обычно разделяются на закрытые и открытые. Закрытые вопросы обычно используются для уточнения конкретной информации и предполагают ответ в одном-двух словах, подтверждение или отрицание («да», «нет»), например: «У вас часто бывает такое настроение?»
Открытые вопросы служат не столько для получения информации о жизни клиентов, сколько позволяют обсуждать чувства клиента. Например: «Что вы сейчас чувствуете?». С помощью вопросов можно[9]:
• вынести на обсуждение и активизировать новый материал, с которым будет работать психолог;
• определить суть проблемы и выбрать соответствующие методы воздействия;
• поощрить клиента изменить отношение к теме, которая является объектом обсуждения.
Вопросы первого типа, как правило, реализуются в начале беседы. При этом они носят открытый характер, например: «Как вы поживаете?», «Что бы вы хотели изменить в своей жизни?»
Вопросы второго типа могут звучать следующим образом: «И часто это случается?», «Вы говорите, один-два раза в неделю?», «И вы считаете, это часто?», «А как это связано с вами?». Вопросы второго типа часто бывают закрытыми. Но сама беседа психолога с клиентом должна носить форму диалога, а не допроса подозреваемого.
Вопросы третьего типа наиболее сложные, но, как отмечают специалисты, один хорошо поставленный вопрос из этой категории «может изменить жизнь человека»[10]. Например, в ситуации, когда клиент настаивает, что он может совершить какие-то нерациональные действия

(уйдет с работы, кому-то отомстит и т. д.), эффективными могут быть вопросы типа: «Что случится, если ты сделаешь это?», «Что случится, если ты не сделаешь это?».

Одобрение и установление особо важны для создания и укрепления психологического контакта. Приободрить клиента можно краткой фразой, означающей согласие и понимание. Например: «Продолжайте» (при паузе), «Я вас понимаю», «Хорошо».

Важным компонентом поддержки клиента является успокаивание, которое вместе с одобрением позволяет клиенту поверить в себя, глубже открыться в своих планах на будущее. В качестве успокаивающих используют фразы: «Вы поступили правильно», «Не волнуйтесь из-за этого», «Это чувство испытывают многие».

Однако используя технику поддержки клиента, важно избегать ошибки, когда консультант становится «подпоркой» беспокойного клиента, что ограничивает его возможности в самостоятельном принятии жизненно важных решений. Как известно, в экзистенциально-гуманистической психологии тревожность не рассматривается как нечто нежелательное. Более того, она выступает существенным источником стимула «роста личности». Экзистенциальная тревожность рассматривается как конструктивная форма тревожности, поскольку выступает принципиальным фактором изменения личности. Готовность пристально посмотреть на самого себя, открыть себя изменениям, взять ответственность за последствия на себя неизбежно связана с переживанием тревожности перед опытом неизвестного, неопределенного.

Перефразирование и обобщение. Клиент должен осознавать, что содержание излагаемой им проблемы понятно консультанту. Поэтому в ходе беседы (интервью) с клиентом важна обратная связь, особенно в ситуациях, когда клиент испытывает неуверенность, излагает непоследовательно свои мысли или очень болтлив, говорит не по существу и его нужно тактично останавливать и переводить беседу в нужное русло.

Перефразирование — краткое изложение своим языком основной мысли клиента Хорошо перефразированная мысль клиента становится короче, яснее, конкретнее. Порой это помогает клиенту самому лучше понять, чего он хотел.

В отличие от перефразирования, которое осуществляется по конкретному эпизоду, *обобщение* предполагает изложение основной идеи и причинно-следственных связей между несколькими эпизодами. В научной литературе по психологическому консультированию указываются основные ситуации, в которых чаще всего используется обобщение[11]:

• когда консультант хочет структурировать начало беседы, чтобы объединить ее с прежними беседами;

• когда клиент говорит очень долго и запутанно;

• когда одна тема беседы уже исчерпана и намечается переход к следующей теме или к следующему этапу беседы;

• при стремлении придать некое направление беседе;

• в конце встречи при стремлении подчеркнуть существенные моменты беседы и дать задание на промежуток времени до следующей встречи.

Отражение чувств. Познание и отражение чувств клиента представляется одной из главнейших техник консультирования. Психотерапевт должен отражать не только мысли, но и чувства клиента. Например, «Я понимаю вас, с одной стороны, поведение сына раздражает вас, а с другой — вы чувствуете свою вину за происходящее». Отражение чувств выполняет две главные психотерапевтические функции: первая — помогает установить контакт и доверительные отношения между клиентом и консультантом; вторая — помогает клиенту осознавать свои чувства, их причины, естественность, противоречивость.

В основе отражения чувств клиента лежит способность к эмпатии (сопереживанию, сочувствию). Эмпатия — чувство, передающее такое духовное единение личностей, когда один человек настолько проникается чувствами другого, что временно отождествляет себя с собеседником, как бы растворяясь в нем. «Эмпатия - основное средство в работе психотерапевта, когда он и его клиент сливаются в единое психическое целое. Таким образом, клиент «взваливает» свою проблему на «свежего человека», и тот принимает на себя половину тяжести, в то время как клиент получает от консультанта огромную поддержку в борьбе со своими трудностями, заряжаясь от него психологической устойчивостью, мужеством и силой воли»[12] — таков взгляд на роль эмпатии Ролло Мэя — одного из признанных классиков экзистенциально-гуманистического подхода к консультированию.

Данный подход разделяют не все психотерапевты, ибо, как выше отмечено, консультант не должен позволять «взваливать» на себя проблемы клиентов. Такое возможно допускать лишь как

тактический прием на начальном этапе консультирования. Кроме того, эмпатия может вызвать психологические проблемы у самого консультанта.

Так, один из практических психологов (женщина) правоохранительных органов призналась, что осуществляла индивидуальное консультирование и, проводя брифинги с бойцами отряда милиции особого назначения (ОМОН) после их возвращения с боевых действий, где они потеряли несколько человек, находились в плену, порой плакала вместе с бойцами-клиентами. Эта психолог восстановила психическое здоровье нескольким десяткам сотрудников органов внутренних дел и стала для них не просто консультантом, а наставником по жизни, второй матерью. Но у психолога появились признаки посттравматического синдрома: кошмарные сны, в которых она сама участвовала в боевых действиях, теряла близких друзей, испытывала горе. Ее состояние было восстановлено, но в целом, используя эмпатию, как мощный инструмент психокоррекционной работы, важно владеть и приемами психологической защиты, чтобы самому не стать клиентом.

Предоставление информации. Информация, которую предоставляет клиенту консультант, как правило, связана с проблемой первого. Но часто, отвечая на вопросы клиента или разъясняя ему, кто компетентен ответить на поставленный вопрос, важно не встать на формальную позицию, «не отфутболить» клиента, ибо это чревато потерей доверия к психологу и его авторитета. Нередко за формальными вопросами клиента содержится попытка «прощупать» психолога, стоит ли к нему обращаться по глубинным вопросам.

Паузы молчания. Когда обрывается беседа, многие испытывают неловкость. Начинающие консультанты стремятся побыстрее заполнить паузы молчания, так как полагают, что в данном случае нарушен психологический контакт с клиентом. Однако паузы молчания бывают и глубоко осмысленными. Умение молчать и использовать тишину в терапевтических целях — один из важнейших психотехнических приемов консультанта. Смысловое значение пауз бывает следующим[13]:

• паузы молчания, особенно в начале беседы, могут выражать тревогу клиента, плохое самочувствие, неуверенность в себе и в правильности принятого решения обратиться к консультанту;

• молчание не всегда означает отсутствие реальной активности. Во время пауз клиент может подбирать нужные слова для продолжения своего повествования, взвешивать последствия каких-либо решений и т.д.;

• молчание может означать, что и клиент, и консультант надеются на продолжение беседы со стороны друг друга;

• пауза молчания, особенно если она субъективно неприятна как клиенту, так и консультанту, может означать, что оба участника беседы оказались в тупике и происходит поиск выхода из создавшейся ситуации;

• молчание может выражать сопротивление клиента процессу консультирования, особенно если клиент приглашен по инициативе психолога. Клиент как бы начинает игру: «Я могу сидеть, как камень, и посмотрю, как тебе (консультанту) удастся меня разговорить»;

• молчание иногда подразумевает глубокое общение без слов, оно тогда более осмысленно и красноречиво, чем слова.

Распространено мнение, что консультант должен прерывать пустое молчание и не спешить прерывать продуктивное молчание. Когда клиент умолкает и молчание длится долго, уместно замечание консультанта типа: «Вы, кажется, очень задумались. Не хотели бы поделиться тем, что сейчас чувствуете?». Не следует забывать, что клиент имеет право молчать и сам отвечает за прекращение молчания.

Интерпретация. Техника интерпретации рассказа, поступков клиента, его мимики и жестов считается одним из наиболее сложных моментов в методике консультирования. Даже при обычном общении, по мнению известного отечественного психолога С.Л. Рубинштейна, важно понять не только то, что говорит человек, но и как говорит, каков подтекст сказанного. Интерпретация консультантом повествования клиента, отдельных его действий помогает вскрыть психологические механизмы проблемы, истоки переживаний клиента. Интерпретация помогает клиенту увидеть себя и свои жизненные трудности в новом свете, она подтверждает ожидания (опасения) клиента или вызывает у него реакцию протеста.

Сущность интерпретации в большой мере зависит от теоретической позиции консультанта. В гуманистической, ориентированной на клиента терапии принято уклонятся от интерпретации, не снимая с клиента ответственности за процесс консультирования. Совершенно противоположного

взгляда на интерпретацию придерживаются представители психологической школы. Как известно, интерпретации занимают здесь центральное место. Интерпретируется практически все — сновидения, сопротивление клиента, свободные ассоциации, позы, жесты и т.д. В гештальтерапии сам клиент побуждается к интерпретации своего поведения.

Интерпретирование проводится с учетом стадии консультативного процесса. Оно эффективно на стадии, когда обсуждается сущность проблемы и установлены доверительные отношения между клиентом и консультантом. Интерпретация не должна быть наукообразной и слишком глубокой. Клиент должен понимать смысл интерпретации.

Важно понимать реакцию клиента на интерпретацию. Эмоциональное равнодушие должно заставить консультанта обратить еще раз внимание на ее обоснованность. Враждебная реакция чаще свидетельствует, что интерпретация затронула сущность проблемы.

Рекомендуется, чтобы интерпретация не носила жестко директивный характер. Клиенту гораздо легче принимать интерпретацию в форме допущений: «А что, если посмотреть на это событие по-другому» и т. п.

Конфронтация. Сущность данной техники состоит в выявлении противоречий в поведении, высказываниях, чувствах клиента и демонстрации ему этих противоречий[14]. Конфронтация может обострять взаимоотношения между клиентом и консультантом, приводить к конфликту (на интеллектуальном уровне). Но этот конфликт конструктивен. Он помогает клиенту осознать защитные механизмы, которые тот использует, чтобы приспособиться к жизни, но которые ограничивают его развитие. Конфронтация успешно применяется в ситуациях, когда клиент заявляет, что заинтересован в личностном росте, в исправлении определенных личностных качеств, а в ходе консультирования отмалчивается, уклоняется от обсуждения имеющихся проблем. Конфронтацию нельзя использовать как наказание клиента за неприемлемое поведение. Это не средство выражения враждебности по отношению к клиенту. Конфронтация с клиентом не должна быть агрессивной и категоричной. Специфическая форма конфронтации — прерывание повествования клиента, если он отклоняется от заданной темы, уходит от поставленного вопроса.

Конфронтацию нельзя использовать для удовлетворения властных птребностей консультанта и как способ самовыражения.

Конфронтация как техника психологической коррекции особо эффективна, если между клиентом и практическим психологом установились доверительные отношения.

Проявление чувств консультанта и самораскрытие. Данная техника по-разному применяется в зависимости от того, в русле какой концепции работает консультант. При психоаналитическом подходе консультант имеет имидж всезнающего человека, верховного судьи, человека, «застегнутого на все пуговицы», т.е. его эмоции скупы, он закрыт перед клиентом.

При гуманистическом подходе психотерапевт такой же человек, как и клиент. Он имеет право на проявление своих чувств, на самораскрытие. Это показатель искренности отношения к клиенту, наглядный урок открытости, раскрепощенности. Такой стиль поведения консультанта — не самоцель, а стимул, побуждающий к открытости и проявлению клиентом своих чувств. Например, слушая рассказ клиента о чувстве горя в связи со смертью матери, консультант, побывавший в такой же ситуации, может отметить: «Я понимаю ваши чувства (отражение чувств), так как полгода назад тоже похоронил свою маму и до сих пор испытываю чувство вины, что не все для нее сделал».

Наряду с общей характеристикой процедур и техник консультирования существуют специальные проблемы психологического консультирования: тревожных клиентов; враждебно настроенных и агрессивных личностей; клиентов с психосоматическими расстройствами; асоциальных личностей; клиентов с депрессией и суицидными намерениями; при сексуальных проблемах. В последние годы они достаточно квалифицированно освещаются в специальной литературе, поэтому на данном вопросе мы не остановимся.

Таким образом, индивидуальное консультирование — это достаточно сформировавшееся направление психокоррекционной работы в рамках психологической службы.

Групповая психокоррекционная работа вначале проводилась по экономическим соображениям (стремление охватить как можно большее число людей, нуждающихся в психотерапии), но в последующем было обнаружено, что взаимодействие в группе часто дает гораздо больший психологический эффект, чем общение клиента наедине с психотерапевтом. Известный специалист по проблемам социальной психологии Курт Левин авторитетно заявлял, что «обычно легче изменить индивидуумов, собранных в группу, чем изменить каждого из них в отдельности»[15]. Карл Роджерс также со временем стал сторонником групповой

психокоррекционной работы и писал, что в психотерапевтической группе «человек познает себя и других глубже, чем в обычных жизненных обстоятельствах. Он постигает сущность окружающего и свое внутреннее «я», которое, как правило, скрыто за внешней оболочкой. Наконец, он лучше контактирует с людьми как в группе, так и затем и в повседневной жизни»[16].

В научной литературе выделяют следующие преимущества групповой формы психокоррекционной работы по сравнению с индивидуальной:

1) психокоррекционная группа способна воссоздавать, моделировать многие социально-психологические явления (давление группы, взаимодействие людей, лидерство, конфликт и др.), которые возникают в реальных группах, и тем самым предоставлять возможность ее участникам наблюдать эти явления и учиться разрешать межличностные проблемы;

2) группа дает возможность получать обратную связь и поддержку от других членов группы, увидеть их реакцию на особенности своего поведения; экспериментировать с различными стилями отношений среди равных партнеров;

3) группа дает возможность облегчить процесс самоисследования, внести коррективы в представления о себе (своей «Я-концепции»);

4) группа дает возможность сравнивать свои проблемы с проблемами других людей, поделиться своим опытом их разрешения и перенять опыт других;

5) работа в группе позволяет развивать коммуникативные и другие социальные качества, которые вне социальной общности не способны формироваться.

Психокоррекционные группы отличаются по различным параметрам. По направленности психокоррекционных целей выделяют: психотерапевтические группы (цель — изменение психических состояний и личностных качеств, имеющих отклонение от психической нормы), группы личностного роста (цель — развитие самоактуализации и социально важных качеств), группы организационного развития (цель — формирование прогрессивного организационного климата в конкретном подразделении).

По характеру (содержанию) решаемых задач могут быть группы сенситивности (развития психологической чувствительности), развития уверенности в себе, развития организаторских способностей, группы анонимных алкоголиков и т.п.

В зависимости от теоретической концепции, в русле которой проводится групповая психокоррекционная работа, чаще всего встречаются следующие группы: трансакгуального анализа, аутотренинга, тренинга умений, гештальт-группы, группы встреч, нейролингвистического программирования.

Теоретическая концепция и методика проведения психокоррекционной работы в группах, по мнению специалистов по гуманистической психологии, строится на убеждении, что клиент сам в состоянии осознать свои проблемы и обсуждать их вместе с группой[17]. Внешне работа роджеровских групп напоминает работу дискуссионного клуба, и неслучайно они получили название групп встреч («энкаунтер-группы»).

Динамика развития роджеровских групп встреч весьма специфична: настороженность (замешательство, закрытость) на начальном этапе; описание ранее пережитых ситуаций; лишь впоследствии — самораскрытие, изложение личностно значимого материала, выражение спонтанных чувств между участниками группы; столкновение; наконец, взаимопомощь, выражение положительных чувств и близости[18]. Группы встреч начали активно проводиться не только с законопослушными гражданами, но и с правонарушителями как за рубежом, так и в нашей стране.

Одна из форм групповой психокоррекционной работы, ориентированной прежде всего на развитие личности или отдельных ее компонентов (например, коммуникативных качеств, социальных навыков поведения), называется ***социально-психологическим тренингом (СUТ).*** По мнению Л.А. Петровской, данным термином обозначают «практику психологического воздействия, основанную на активных методах групповой работы».[19] Если при использовании терминов «групповая психотерапия», «групповая психокоррекция» речь может идти и о клинической и психологической направленности воздействия на клиентов, то термин «социально-психологический тренинг» используется только как психологический феномен.

В ходе социально-психологического тренинга применяется ряд методов: групповая дискуссия (биографическая, тематическая, межличностная)[20], анализ конкретных ситуаций[21]; ролевая игра[22]; психодрама[23]; психотехнические упражнения[24].

При всем многообразии теоретических и методических подходов к проведению социально-психологических тренингов они основываются на относительно общих принципах (правилах) поведения участников (клиентов и психолога).

Принципы проведения социально-психологических тренингов — это ведущие теоретические и методические положения, которые лежат в основе взаимодействия участников группы. Принципы СПТ раскрывают психологические механизмы, способствующие развитию и коррекции личности руководителя, а также правила поведения участников тренинга и ведущего (психолога, психотерапевта).

Принцип персональной ответственности. Каждый участник тренинга должен осознавать, что результаты обучения и личностного роста зависят прежде всего от него самого. Каждый несет ответственность за свое поведение в группе и реальной жизни. Во время тренинга не должно быть выражений: «Мы считаем», «Мы думаем...» и т.п., «Я считаю...», «Я думаю...» — таково выражение персональной ответственности за свою позицию. Руководитель группы (психолог) должен принять на себя ответственность за результаты обучения персонала.

Принцип самораскрытия. Раскрытие своего «я» (внутреннего мира) другим членам группы есть признак сильной и здоровой личности. Пытаясь скрыть самих себя от других людей, мы тем самым предпринимаем активные усилия для построения ложного внешнего «я». Как подчеркивает К. Рудестам, «возможность открыть свою душу симпатизирующему слушателю, оказывает психотерапевтическое воздействие». Поэтому в ходе СПТ необходимо поощрять участников к раскрытию себя другим и таким образом устанавливать близкие, доверительные отношения. В условиях социально-психологического тренинга группа выполняет те же функции, что и священник, врач-психотерапевт, психолог-консультант, когда к ним обращаются за помощью пациенты.

Принцип «Здесь и сейчас». Исследования показывают, что оптимальные результаты при обучении дает актуальный опыт (то, что происходит сейчас). Поэтому в ходе социально-психологического тренинга участникам постоянно ставят вопросы: «Что здесь происходит?» (имея в виду складывающиеся взаимоотношения между членами группы), «Что ты чувствуешь в связи с тем, что остановили твой монолог?» и т.п. Принцип «Здесь и сейчас» заставляет анализировать не то, что было раньше, а те события, которые личностно значимы для человека сейчас. Это один из центральных принципов групповой психотерапии, он способствует освобождению от мучающих человека переживаний, развивает психологическую чувствительность, повышает осознание самого себя.

Принцип «обратной связи». Обратная связь является элементом коммуникативной системы и осуществляется, когда одни участники группы сообщают о своих реакциях на поведение (обращение) других с целью помочь им откорректировать «курс» в направлении достижения целей.

Такая связь в атмосфере взаимной заботы и доверия позволяет индивидуумам контролировать и направлять неадекватное поведение, дает возможность глубже познать самого себя. Например, активность некоторых участников в решении групповых проблем может восприниматься ими самими как желание помочь другим, а остальной группой — как попытка доминировать в группе или желание порисоваться. Эффективная обратная связь требует от участников информировать друг друга о влиянии их поведения, помогает участникам точнее принимать и понимать получаемую информацию.

Обратная связь более эффективна, если она не носит прямых оценочных суждений, а описывает поведение человека. Пример: оценочное суждение: «Ты — несдержанный человек...»; безоценочное: «Ты трижды меня прервал...».

Полезная обратная связь должна являться скорее выражением эмоциональных реакций на поведение участника, чем критикой и оценкой его поведения. Пример: «Когда ты бросил реплику в мой адрес, я разозлился». Другими словами, обратная связь обнаруживает в большей степени собственные эмоциональные переживания (например, гнев) участников, чем желание обвинить другого в злонамеренности или агрессивности.

Принцип гуманистического отношения к личности выражается в уважительном отношении друг к другу, в принятии людей такими, какие они есть. Психолог и член группы не должны стремиться переделать человека. Каждый вправе говорить о том, как он воспринимает другого, какие чувства у него возникают в связи с поведением и высказыванием партнеров. Решение о необходимости коррекции и развитии своих качеств каждый должен принимать самостоятельно. Группа и ведущий лишь помогают в осознании уровня своего психологического развития.

Участие в тренинге и выполнении отдельных процедур является добровольным. Нельзя заставлять других делать то, на что они не могут решиться. Тот член группы, который не хочет отвечать на какой-либо вопрос, участвовать в какой-то игре, может всегда сказать «стоп» (правило «стоп»). Никто не вправе принуждать другого. Но следует помнить: когда участник тренинга часто пользуется этим правилом, он обедняет самого себя.
Принцип гуманности предполагает психологическую защищенность личности, уверенность в том, что доверительная информация не станет предметом обсуждения вне группы, не будет использована против личности (правило конфиденциальности).

---

[1] *Психотерапевтическая* энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. - СПб.: Питер, 1998. - С. 447; *Краткий* психологический словарь. - М., 1985. - С. 287.
[2] *Психотерапевтическая* энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. -СПб.: Питер, 1998. -С. 447; *Краткий* психологический словарь. - М., 1985. - С. 412.
[3] См.: *Кочюнас Р.* Основы психологического консультирования. - М., 1999. - С. 7.
[4] *Абрамова Г.С.* Введение в практическую психологию. - М., 1996. - С. 119.
[5] *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию, становление человека. - М., 1994. - С. 120.
[6] См.: *Кочюнас Р.* Указ. соч. - С. 13.
[7] *Абрамова Г.С.* Указ. соч. - С. 119.
[8] См.: *Абрамова Г. С.* Практикум по психологическому консультированию. - Екатеринбург, 1995; *Кочюнас Р.* Указ, соч.; *Меньшиков В.Ю.* Введение в психологическое консультирование. - М., 1998; *Мэй Р.* Искусство психологического консультирования. - М., 1994; *Папуш М.* Практическая психотехника. - СПб., 1997; *Фат Ф.* Преобразующие диалоги. - Киев, 1997.
[9] *Фат Ф.* Указ. соч. - С. 159.
[10] Там же. -С. 160.
[11] *Кочюнас Р.* Указ. соч. - С. 109.
[12] *Мэй Р.* Искусство психологического консультирования. - М., 1994. - С. 51.
[13] *Мэй Р.* Указ. соч. - С. 56.
[14] *Психотерапевтическая* энциклопедия. - С. 216.
[15] Цит. по: *Рудестам К.* Групповая психотерапия. - М., 1993. - С. 19.
[16] *Роджерс К.* О групповой психотерапии. - М., 1993. - С. 15.
[17] *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. - М., 1994. - С. 120.
[18] *Роджерс К.* О групповой психотерапии. - С. 20-50.
[19] *Петровская Л.В.* Компетентность в общении. - М., 1989. - С. 7.
[20] Life Line и другие новые методы психологии жизненного пути. / Под ред. *А.А. Кронина.* — М., 1993. - С. 140-151.
[21] *Бурлачук А.Ф., Коржова Е.Ю.* Психология жизненных ситуаций. - М., 1998. - С. 262.
[22] *Киппер Д.* Клинические ролевые игры и психодрама. — М., 1993. — С. 222; *Игры* — обучения, тренинг, досуг. / Под ред. Петрусенского. - М., 1994. - С. 364.
[23] *Лейц Г.* Психодрама: теория и практика. - М., 1994. - С. 352; *Психодрама:* вдохновение и техника. / Под ред. П. Холмса. - М., 1997. - С. 275.
[24] *Цзен Н.В., Пахомов Ю.В.* Психотехнические игры в спорте. — М., 1985.

7.4. Основные направления психологического обеспечения работы с кадрами

Профессиональная ориентация и отбор кадров. В большинстве правоохранительных органов психологическая служба является структурным элементом кадровых аппаратов. Поэтому одна из главных задач, стоящих перед службой, — использование достижений практической психологии в работе с кадрами (персоналом, личным составом).
***Профессиональная ориентация* — это система психолого-педагогических, организационных и других мер государства, конкретных ведомств и специалистов-психологов, направленных на оптимизацию процесса трудоустройства молодежи в соответствии с желаниями, склонностями, сформировавшимися способностями и с учетом потребности в конкретных специалистах.** Профессиональная ориентация в правоохранительных органах включает различные формы работы. Наиболее распространенной является ознакомление молодых людей с особенностями деятельности правоохранительных органов через использование средств массовой информации (центральных, местных, ведомственных). В учебных заведениях ежегодно

проводятся дни открытых дверей. Во многих регионах создаются специализированные колледжи и классы в общеобразовательных школах. Участие психолога в профессионально-ориентационной работе на этапе отбора кандидатов на службу позволяет скорректировать их представления о будущей деятельности, провести квалифицированное консультирование по вопросу выбора специальности (факультета), а порой убедить кандидата, что его личные качества не соответствуют квалификационным требованиям, предъявляемым к будущему специалисту, и тем самым уберечь человека от возможных разочарований и стрессов.

В ходе профессионального консультирования обращается внимание кандидата и его родственников на особо напряженный и опасный характер будущей специальности, условия службы в конкретных структурных подразделениях.

Профессионально-ориентационная работа нередко проводится среди относительно небольшой группы молодежи — детей сотрудников правоохранительных органов. С одной стороны, это положительный фактор, так как молодые сотрудники, воспитанные на семейных традициях, глубже знают специфику деятельности соответствующих служб, лучше подготовлены к профессионально-психологическим трудностям практической деятельности. Среди данной категории специалистов не наблюдается текучести кадров. Но, с другой стороны, ориентация только на детей сотрудников правоохранительных органов усиливает закрытость, обособленность данной системы, ограничивает приток способной молодежи.

Заслуживает внимания опыт индивидуальной профессиональной ориентации способных и одаренных молодых людей. Они выявляются еще на этапе обучения в различных образовательных учреждениях, изучаются их личностные качества. Проводится профессиональное консультирование не только кандидатов, но и их родителей. Лишь после этого кандидаты приглашаются в качестве абитуриентов в специализированные учебные заведения правоохранительных органов.

Центральный этап психологического обеспечения работы с персоналом — *профессиональный отбор.* Он включает совокупность «специальных процедур изучения и вероятностной оценки пригодности людей к овладению специальностью, достижению требуемого уровня мастерства и успешному выполнению профессиональных обязанностей в типовых и специфических затрудненных условиях»[1]. Другими словами, профессиональный отбор является процедурой, в ходе которой определяется прежде всего пригодность человека к профессиональной деятельности.

Важной особенностью данной процедуры в правоохранительных органах является ее *правовая регламентация,* что объясняется повышенными требованиями к сотрудникам государственных органов и ответственностью должностных лиц за ее реализацию. В нормативных актах предусмотрены следующие аспекты профессионального отбора: социально-правовой (возраст, образование, гражданство и т.п.); медицинский (пригодность к профессиональной деятельности по состоянию здоровья); психологический (наличие соответствующих личностных качеств). Конкретные особенности психологического отбора, в котором самое активное участие принимают психологи-практики, рассмотрены в § 6.1.

Расстановка кадров и управление их профессиональной адаптацией. Окончательное заключение о приеме на службу в правоохранительные органы и ***расстановка кадров*** осуществляются непосредственно в территориальных подразделениях. Практический психолог на этой стадии выступает в роли эксперта и консультанта. Он сопоставляет, с одной стороны, психологические сведения о личности кандидата, полученные при непосредственном его изучении и поступившие из центра психодиагностики, а с другой стороны — требования, которые предъявляются к конкретной должности (профессиограмма или модель специалиста).

Отсутствие или слабое развитие у кандидата определенных свойств не всегда является противопоказанием к службе (если речь идет не о нравственных качествах), ибо данные свойства могут сформироваться только в процессе профессиональной деятельности.

Заключение психолога носит рекомендательный характер, но опытные руководители всегда прислушиваются к его мнению, ибо на практике убеждаются, что прогноз психолога, как правило, подтверждается.

Решая вопрос о трудоустройстве, необходимо иметь в виду, что современный кадровый менеджмент предполагает не только приспособление («подгонку») личности к требованиям должности, но и приспособление должности (функциональных обязанностей, полномочий, ответственности) к психологии конкретной личности, перераспределение функций.

При зачислении на службу в правоохранительные органы достаточно часто принимается во внимание *личное поручительство* за кандидата опытного сотрудника. Это предполагает официальную ответственность поручителя за рекомендуемого на службу сотрудника, а также обязательство быть его наставником. Личное поручительство бывает важным особенно в тех ситуациях, когда кандидат на службу относится к условно рекомендуемым (т.е. попадает в группу риска).

На стадии принятия кандидата на службу психологу нередко приходится проводить индивидуальные консультации с целью переориентации будущего специалиста к работе в другой сфере, не в той, о которой мечтал кандидат.

В правоохранительных органах достаточно развит *институт наставничества* и как важная форма обеспечения профессионального становления молодых сотрудников, и как средство психологической помощи в адаптации к коллективу. Поэтому одной из задач практического психолога является консультирование руководителя подразделения с целью подбора наставников, психологически совместимых с принятыми на службу сотрудниками, а также последующее консультирование наставников и повышение их психологической компетентности. Учитывая, что сама психологическая служба в правоохранительных органах переживает период становления и опытные работники не всегда осознают ее необходимость и ее возможности, вполне оправданно, что и психологи акцент в своей работе переносят на молодых сотрудников. Во многих подразделениях психологи начинают свою работу с принятыми на службу сотрудниками с индивидуальной беседы по результатам психологического обследования, одновременно уточняют их самооценку, уровень притязаний, вырабатывается тактика поведения в служебном коллективе.

Так, на ***процессе адаптации молодых сотрудников*** существенно сказывается такое качество, как *конформность.* Повышенная конформность может приводить к тому, что новичок легко поддается негативным влияниям, втягивается в «круговую поруку». Нонконформность, стремление к самостоятельности ведет к игнорированию традиций, общественного мнения, порождает конфликты с опытными сотрудниками. В больших подразделениях (несколько сотен человек), где ежегодные пополнения молодых сотрудников достаточно большие, целесообразно проводить с ними социально-психологические тренинги. И прежде всего — тренинги уверенности в себе. Опыт показывает, что тренинги снимают эмоциональную напряженность, существенно сплачивают молодых сотрудников, дают возможность обсуждать социально-психологические трудности, с которыми они сталкиваются в служебных коллективах и при общении с населением, формируют чувство уверенности в себе.

В ходе социально-психологических тренингов прививается определенный иммунитет к негативным явлениям в правоохранительных органах, закладываются основы для личностного роста сотрудников. Целенаправленная работа проводится с лицами, отнесенными к группе риска. На них психологом заводится специальная папка (дело), где фиксируются все проведенные мероприятия. По истечении испытательного срока (от 6 до 12 месяцев) всесторонне анализируются результаты их служебной деятельности, взаимоотношения в коллективе, проводится повторное психологическое обследование психологом подразделения или в центре психодиагностики. После этого принимается окончательное решение о дальнейшей службе сотрудника, отнесенного к группе риска. Опыт показывает, что данная категория сотрудников должна состоять на учете у психолога до трех лет.

В задачу психолога входит анализ факторов, влияющих на процесс профессиональной адаптации, и разработка мероприятий по их оптимизации. Для успешной адаптации молодых сотрудников проводится работа и с коллективами, в которых они трудятся. Отношение сотрудников к новичку в социальной психологии всегда рассматривалось как критерий уровня развития самого коллектива. Умение заметить первые успехи новичков, стимулировать их усердие существенно влияет на мотивацию и удовлетворенность трудом, формирует уверенность в своих силах.

Проблема адаптации актуальна не только для практических подразделений правоохранительных органов, но и для ***учебных заведений.*** Известно, что первый год обучения является самым сложным для слушателей. Новые условия жизнедеятельности: подъем, зарядка, занятия по строевой и физической подготовке, переход на уставную форму отношений, жесткий контроль за поведением, разлука с родителями, казарменные условия, другое питание, новые друзья, коллеги, с которыми нужно считаться, а порой просто их терпеть, напряженное обучение - оказывают сильное психологическое воздействие на первокурсников, вызывают глубокие переживания,

сомнения в правильности выбора жизненного пути. Не случайно количество отчисленных слушателей на первом году и в первом семестре второго года обучения наиболее значительно.
О трудностях в адаптации можно судить и по причинам отчисления. Так, в первом семестре 1997/98 г. по всем образовательным заведениям МВД России было отчислено, %:
• по собственному желанию — 46;
• по отрицательным мотивам — 32;
• за академическую неуспеваемость — 14;
• по здоровью и семейным обстоятельствам — 8.[2]
На основании этих данных можно утверждать, что главная трудность в адаптации слушателей - не учеба, не интеллектуальный уровень развития, а личностные качества: мотивация, ценностные ориентации, дисциплинированность, взаимоотношения в коллективе и т.п.
Основными формами работы практического психолога в период адаптации слушателей являются:
• индивидуальное консультирование обучающихся по их запросам;
• психокоррекционная работа с лицами, отнесенными к группе условно рекомендованных (они составляют 33%) и группе не рекомендованных, но принятых в образовательные учреждения (они составляют 7%);
• психолого-просветительная работа со всеми первокурсниками (о трудностях адаптации и путях их преодоления);
• создание благоприятных социально-психологических условий в учебных группах;
• правильный выбор и назначение младших командиров.
Адаптация молодых сотрудников и слушателей учебных заведений в основном завершается к концу первого года обучения. Это проявляется в усвоении основных профессиональных приемов, методов работы и ценностных ориентации. Молодой сотрудник начинает идентифицировать себя с правоохранительными органами, у него появляется чувство «мы», чувство профессиональной гордости, он связывает свою дальнейшую судьбу со служебной карьерой и результатами профессиональной деятельности. Дальнейший процесс профессионального развития личности часто осуществляется стихийно, а задача практического психолога и руководителя подразделения — придать ему целенаправленный характер.
Личностный рост и профессиональное развитие сотрудников правоохранительных органов.
В задачу психолога входит работа с сотрудниками на всех этапах их деловой карьеры. Поэтому, оказав психологическую помощь молодым сотрудникам на этапе адаптации, важно осуществлять психологический контроль за их дальнейшим профессиональным становлением и личностным ростом.
Личностный рост сотрудников правоохранительных органов — это система целенаправленного развития их социально и профессионально значимых качеств и умений. Личностный рост осуществляется прежде всего в процессе правильно организованной профессиональной деятельности. Поэтому, отслеживая изменения личностного потенциала сотрудников, их авторитет в коллективе, результаты профессиональной деятельности, удовлетворенность службой, психолог дает рекомендации руководству по совершенствованию организационного климата в коллективе и индивидуализации управленческих воздействий на конкретных сотрудников.
В психологии труда принято считать, что семь лет в одной должности — это уже критический срок, после чего результативность деятельности больше не увеличивается, снижается мотивация труда работников, повышается текучесть кадров. Анализ статистических данных показывает, что в некоторых регионах в правоохранительных органах трудится до 70—80% сотрудников со стажем до трех лет. Представляется, что причина перехода опытных сотрудников в другие сферы деятельности кроется не только в низком финансовом обеспечении личного состава правоохранительных органов, но и в недостаточном внимании к вопросам личностного роста и деловой карьеры сформировавшихся сотрудников.
Уход опытных сотрудников со службы в правоохранительных органах связан также с таким явлением, как «кризис середины жизненного пути»[3]. В возрасте 35—45 лет люди, полные сил, энергии, нередко осознают ограниченность своих возможностей в деловой карьере, противоречия между личными убеждениями и ценностями общества; испытывают неудовлетворенность уровнем жизни и семейным благополучием. Возникает экзистенциальный конфликт — люди теряют смысл прежней жизни и пытаются найти новые жизненные ориентиры.
Практический психолог владеет арсеналом методов психотехники воздействия на сотрудников, которые могут обеспечить их личностный рост. В настоящее время накоплен значительный опыт

проведения подобного рода тренингов[4]. Так, прояснение личных жизненных планов в ходе тренинга может осуществляться по следующему сценарию:

1.0. Самооценка различных сфер жизнедеятельности.
1.1. Работа:
• Имею ли я четкие представления о своей работе и ее целях.
• Помогает ли работа в достижении целей жизни.
2.0. С учетом оценки различных сфер жизнедеятельности уточните свои главные личные цели и обоснуйте, почему они важны для вас.
2.1. Целями моей жизни являются:
*
*
*
2.2. Срок реализации моих целей:
2.3. Какие факторы способствуют достижению ваших жизненных целей, а какие препятствуют?
2.4. Какие ресурсы вам необходимо задействовать для достижения своих целей? (время, деньги, здоровье и т.д.).
2.6. Готовы ли вы задействовать эти факторы или вам нужно скорректировать свои цели?
3.0. Частные цели и планы деятельности, способствующие достижению жизненных целей:

Для достижения поставленных жизненных целей необходимо реализовать мероприятия в следующих сферах:	*Мероприятия*	*Время*	*Контроль: когда, как*
3.1. В области здоровья и физического состояния			
3.2. В области личностного роста (работы над собой)			
3.3. В области межличностных отношений с другими людьми			
3.4. На службе			
3.5. В семейных отношениях			
3.6. В финансовой сфере			

Для уточнения жизненных планов с учетом возможной кризисной ситуации выполняется упражнение «Три года»[5].
После того как сотрудники (участники тренинга) определились со своими жизненными целями, им ставится новая вводная: «Представьте себе, вы узнали, что вам осталось жить три года (все это время вы будете совершенно здоровы). Какова ваша первая реакция на это известие? Где и как вы бы хотели прожить оставшиеся годы? Что обязательно нужно успеть сделать за это время?»
После того как участники тренинга поделились своими представлениями о новой жизненной ситуации, сравнивается сходство и различие воображаемой картины жизни и реальной. Какие действия в моделируемой картине необходимо включить в жизненный план?
Подобного рода тренинга в системе МВД принято относить к морально-психологической подготовке, ибо речь идет о формировании направленности, в отличие от профессионально-психологической подготовки, когда развиваются операциональные качества (память, внимание, наблюдательность и т.п.)[6].
В настоящее время широко применяются также новые психотехнологии развития личности и изменения ее психологии[7].
Психологическое обеспечение работы с резервом кадров на выдвижение[8]. Зачисление сотрудников в резерв кадров на выдвижение традиционно осуществляется на основе реальных показателей служебной деятельности, наличия соответствующего образования и возрастной

перспективы. Однако известно, что хороший специалист далеко не всегда становится успешным руководителем. Так, например, по данным МВД РФ, сменяемость за последний год начальников горрайлинорганов — ведущего управленческого звена в системе правоохранительных органов — составляет около 19%. При этом на нижестоящие должности перемещено около 12% руководителей (от общего числа перемещенных); по отрицательным мотивам уволено 3,4%. Обращает внимание и тот факт, что 2,1% руководителей в данной должности проработали менее одного года. Среди нижестоящих руководителей эти показатели еще менее удовлетворительны. Так, среди уволенных начальников уголовного розыска в данной должности проработали менее одного года 8,7%!.

Сменяемость руководящего звена правоохранительных органов часто является следствием недостаточно глубокого изучения его психологических особенностей, склонностей к управленческой деятельности и наличия соответствующей мотивации. Поэтому в связи с созданием психологической службы среди поставленных перед нею задач важное место отводится ***работе с резервом кадров на выдвижение***[9]**.**

Основные направления этой работы: психологическое обследование сотрудников, состоящих в резерве кадров на выдвижение; психологическое консультирование данных лиц по результатам тестирования; психологическая подготовка сотрудников к управленческой деятельности; консультирование руководителя подразделения при назначении кандидата на вакантное место; оказание психологической помощи вновь назначенному руководителю при вхождении в новую должность.

Психологическое обследование сотрудников, зачисленных в резерв кадров на выдвижение, преследует цели: изучение их индивидуально-психологических особенностей и организаторских способностей, а также прогнозирование успешности деятельности в качестве руководителя.

Поскольку в настоящее время нет общепризнанной модели личности руководителя, а включаемые в нее качества нередко носят описательный характер, то практические психологи чаще используют стандартные тесты, «содержащие указания о допустимых пределах варьирования тех или иных профессионально ценных качеств, выраженные в показателях какой-либо измерительной шкалы».[10]

Так, по данным Л.Н. Собчик и Т.Н. Лобановой, использовавших тест MMPI, успешность деятельности высокого уровня руководителей коррелирует с преобладанием 3, 4, 6, 8, 9-й шкал при нормативном разбросе (не выше 70 Т-башюв). «Комплекс свойств, выявленных данным профилем, представляет собой такие особенности личности, как активная жизненная позиция при решении важных проблем, высокий уровень побуждения к достижению цели, оптимистичность, тенденции к системному и аналитическому типам восприятия и переработки информации, быстрая ориентировка при изменении ситуации, гибкость в социальных контактах и т.д.»[11].

Использование этого же теста при обследовании слушателей Академии управления МВД РФ[12] показывает, что среди будущих руководителей горрайлинорганов 33% имеют ярко выраженный астенический профиль (ведущие шкалы - 4, 9 до 70 Т-баллов), у 5,9% слушателей данные шкалы входят в число доминирующих, но компенсируются шкалами 5, 3, 2, 1. Лишь у 8% руководителей ведущими являются шкалы 2, 0, 7 (пессимистичность, интроверсия, тревожность), определяющие астеническое поведение личности.

Прогнозирование успешности к управленческой деятельности осуществляется не только по основному профилю, но и по степени выраженности таких структурных компонентов личности, как: мотивационная направленность, эмоциональная устойчивость, коммуникативная компетентность, лидерский потенциал, интеллектуальная эффективность. Каждый компонент рассчитывается по формуле эффективности и включает ряд основных и дополнительных шкал[13].

Достаточно валидными с точки зрения изучения психологического потенциала руководителей являются тест Кеттелла и другие специализированные методики[14].

Психологическое консультирование сотрудников, состоящих в резерве кадров на выдвижение. Опыт показывает, что люди очень заинтересованно относятся к получению информации о результатах своего тестирования. Вместе с тем психологу нецелесообразно ожидать, пока к нему обратятся за консультацией, а следует самому проявить инициативу и определить удобное для клиента время встречи, учитывая, что последние постоянно заняты решением служебных задач. С целью экономии времени можно провести и групповую консультацию. Сотрудникам раздаются результаты их личного тестирования, а также среднегрупповые значения по каждому параметру. При сравнении своих значений со среднегрупповыми, а также уточнении психологической

сущности изучаемых качеств, их взаимосвязи происходит не только углубленное познание себя, но и коррекция представлений о себе («Я-концепции»).

В последующих индивидуальных беседах психолог может более аргументирование разъяснить каждому сотруднику, состоящему в резерве на выдвижение, их проблемы, сильные и слабые стороны, уточнить самооценку, т.е. показать, насколько результаты тестирования совпадают с их представлениями о себе. В случае сомнений клиентов в достоверности результатов обследования можно предложить им протестироваться дополнительно по другим методикам.

Данный этап работы должен завершиться разработкой индивидуального плана личностного роста (саморазвития).

Психологическая подготовка сотрудников к управленческой деятельности -наиболее продолжительный этап работы с резервом кадров на выдвижение. Анализ литературы показывает, что наиболее эффективной формой подготовки будущих руководителей является социально-психологический тренинг. В настоящее время накоплен значительный опыт активной социально-психологической подготовки управленческих кадров.[15] Ее эффективность повышается, если учитываются должностной уровень руководителей и специфика их деятельности. Важной формой профессиональной и психологической подготовки кандидатов на управленческие должности является исполнение обязанностей руководителя в период отсутствия постоянного начальника или стажировка в соответствующей должности. Целесообразно, чтобы по окончании этого срока стажер представил не просто формальный отчет о проделанной работе, а в ходе индивидуальной беседы были бы проанализированы психологические трудности, с которыми он столкнулся, а также уточнен (скорректирован) план дальнейшего личностного роста (самоменеджмента).

Консультирование руководителя подразделения при назначении кандидата на вакантное место. При решении кадровых вопросов руководитель подразделения зачастую ставит перед психологом задачу подготовить психологические характеристики на кандидатов, которые могут занять вакантную должность. Консультируя руководителя, психолог должен по крайней мере обращать его внимание на следующие моменты:

• перспективность кандидатов с точки зрения дальнейшей деловой карьеры;

• психологическую надежность (профессиональную, нравственную, эмоциональную, мотивационную) кандидатов в плане выполнения новых функциональных обязанностей;

• соответствие личностных качеств и стиля деятельности кандидатов психологическому климату в коллективе;

• экспектации (ожидания) коллектива относительно нового начальника;

• авторитет кандидатов в коллективе.

Окончательное решение о назначении кандидата принимает руководитель подразделения с учетом всех факторов.

Оказание психологической помощи вновь назначенному руководителю при вхождении в новую должность. Психологическая помощь может состоять в:

• предоставлении вновь назначенному руководителю информации о морально-психологическом климате в коллективе, его психологической структуре, наличии неформальных лидеров;

• оказании помощи в проведении индивидуально-воспитательной работы с личным составом;

• обсуждении предпочтительного стиля руководства с учетом морально-психологического климата в коллективе;

• формировании положительного имиджа руководителя в коллективе (подготовка коллектива к назначению нового руководителя);

• консультировании по текущим социально-психологическим трудностям, возникающим в процессе руководства коллективом.

Психологическое обеспечение работы с резервом кадров на выдвижение может дать положительный эффект лишь в том случае, если психолог имеет высокий уровень профессиональной компетентности и пользуется неформальным авторитетом в коллективе, ибо официальный его статус ниже любого функционального руководителя.

Участие психолога в аттестации сотрудников. Аттестация сотрудников с точки зрения психологии — это оценка их деловых, профессиональных и личностных качеств. Аттестация является сильным мобилизующим фактором. Вместе с тем это и достаточно сильный стресс-фактор для многих сотрудников, особенно с повышенной тревожностью, неуверенностью в себе, имеющих предельную выслугу.

В правоохранительных органах порядок аттестации сотрудников, как правило, регламентирован соответствующими нормативными актами. Правильно поступают в тех ведомствах, где практического психолога вводят в состав аттестационной комиссии. Обычно в начале календарного года руководитель учреждения (организации) издает приказ, в котором предусматриваются состав аттестационной комиссии, основания ее работы, круг лиц, подлежащих аттестации. В приказе на психолога возлагается обязанность провести углубленное изучение личности и представить материалы на аттестационную комиссию или учесть их непосредственно при подготовке текста аттестации. Это создает нормативные основы для непосредственного участия психолога в работе аттестационной комиссии.

При подготовке материалов на аттестационную комиссию психологу особо важно соблюдать профессионально-этические требования, ибо от его оценок во многом зависит судьба и профессиональная карьера сотрудников. Психолог должен стимулировать дальнейший личностный рост аттестуемых, оказывать психологическую помощь, а не выступать в качестве пугала для личного состава.

Наряду с типовой формой аттестации сотрудников (где отмечается результативность работы, отношение к ней и профессионально важные качества аттестуемого) в последние годы как в нашей стране, так и за рубежом, используют модифицированные варианты аттестации.

Круговая аттестация: по специально выделенным параметрам аттестуемого оценивают подчиненные, коллеги, вышестоящие руководители, клиенты (так, жителям микрорайона предлагают оценить участкового). Например, в полиции Израиля подчиненные ежегодно оценивают (аттестуют) непосредственного начальника. При неудовлетворительной оценке коллективом ему дается год испытательного срока. Если ситуация повторяется и на следующий год, то руководителя переводят на равнозначную должность в другое подразделение. Когда через год руководитель вновь получает негативную оценку со стороны подчиненных — его понижают в должности.

При комплексной проверке учреждения (подразделения) рекомендуется аттестация с помощью *метода распределения.* По результатам деятельности выделяют:

• 10% лучших сотрудников;
• 20% хороших сотрудников;
• 40% средних сотрудников;
• 20% отстающих сотрудников;
• 10% худших сотрудников.

Применяется и метод самоаттестации сотрудников. Им предлагается оценить себя с помощью специального бланка.

Контроль за состоянием морально-психологического климата в коллективе и профилактика деструктивных явлений. Морально-психологический климат (МПК) — это интегральная характеристика коллектива. От уровня его развития зависит самочувствие сотрудников и деловая активность. Задача психолога состоит в том, чтобы осуществлять контроль за состоянием МПК как в организации в целом, так и в отдельных подразделениях (первичных коллективах).

Морально-психологический климат оценивают по следующим объективным показателям: результатам оперативно-служебной деятельности, текучести кадров, состоянию дисциплины и законности.

В качестве субъективных (психологических) показателей климата используются: удовлетворенность трудом и результатами служебной деятельности; взаимоотношения в коллективе, стиль руководства, деструктивные психические состояния сотрудников и суициды.

В настоящее время разработан ряд типовых методик, позволяющих диагностировать морально-психологический климат в коллективе и оказывать влияние на его оптимизацию[16].

В правоохранительных органах повышенное внимание уделяется вопросам психологической профилактики таких деструктивных явлений, как профессиональная деформация[17], нарушения дисциплины и законности[18], аутоагрессивные проявления (суициды).

В решении индивидуально-психологических и групповых проблем оптимизации МПК психолог принимает непосредственное личное участие; в решении проблем управленческого характера; выступает в качестве психолога-консультанта[19].

Обеспечение деятельности сотрудников правоохранительных органов в сложных условиях[20]. Основной целью психологического обеспечения является поддержание оптимального уровня психологического состояния и профессиональной работоспособности и боеспособности

сотрудников при решении служебных задач в сложных условиях, сохранение психического здоровья[21].

Психологическое обеспечение деятельности в экстремальных условиях предполагает проведение системы взаимосвязанных и непрерывных мероприятий, которые осуществляет психологическая служба. Во временном интервале эти мероприятия можно разбить на три этапа: подготовительный, психологического сопровождения, психологической работы после возвращения по месту постоянной службы.

На подготовительном этапе проводят: психологический отбор сотрудников, психологическую подготовку, комплектование подразделений.

Несмотря на то что при поступлении на службу в правоохранительные органы сотрудники проходят психологический отбор, перед комплектованием подразделений, которые будут направлены в «горячие точки», вновь проводится специальное изучение личности. Это объясняется, во-первых, тем, что деятельность в экстремальных условиях предъявляет более высокие требования к личности, нежели к службе в целом; во-вторых, в процессе службы может меняться не только психическое состояние человека, но и его личностные качества. *Психологическая (морально-психологическая) подготовка* направлена на решение следующих задач[22]:

• формирование и развитие у сотрудников патриотических и моральных основ честной и ответственной службы, защиты интересов России в сложных условиях острых социальных и этнических конфликтов;

• специальная мотивация личного состава на самоотверженные действия при решении ответственных задач, понимание государственной необходимости их решения;

• формирование установок на доброжелательное отношение к населению, уважительное отношение к национальной и этнической культуре, развитие умений устанавливать психологический контакт;

• формирование ценностных ориентации на преимущественно правовой, а не силовой подход к решению служебных задач, на использование оружия лишь в правомерных случаях;

• формирование психологической устойчивости, способности успешно действовать в условиях эмоционального напряжения, развитие умений владеть собой и не допускать срывов в поведении;

• развитие профессионально-психологических качеств, необходимых для успешных действий в напряженной и опасной обстановке: бдительности, мобилизованности, оперативности и точности мышления, интуиции, а также смелости, выносливости, целеустремленности, настойчивости, активности;

• развитие профессионально-психологических умений и навыков: психологического анализа обстановки, психологической наблюдательности, умения вести переговоры и оказывать психологическое воздействие на правонарушителей.

Особое внимание психологическая служба должна уделить вопросам комплектования подразделений, направляемых для решения задач в сложных условиях. В поле зрения психолога должны быть вопросы психологической совместимости сотрудников, их социально-психологический статус, авторитет командиров (руководителей). В ходе проведения социально-психологических тренингов и других форм занятий важно уделить внимание вопросам сплочения первичных коллективов, формирования взаимного доверия, поддержки, взаимовыручки, разоблачения ложных слухов.

На этапе психологического сопровождения личного состава в экстремальных условиях решаются следующие задачи:

• проведение контроля за динамикой психических состояний сотрудников;

• выявление факторов, негативно влияющих на психическое состояние сотрудников, принятие мер по их устранению и профилактике;

• оказание психологической поддержки и проведение психокоррекционных мероприятий;

• проведение психологической экспертизы и вынесение заключения о целесообразности откомандирования (эвакуации) сотрудников с учетом их морально-психологического состояния;

• анализ взаимоотношений в коллективе, профилактика и разрешение конфликтов.

Особое внимание практическим психологам следует уделить работе с личным составом на начальном этапе пребывания в «горячих точках» (до двух недель) и на заключительном этапе (менее десяти дней до окончания командировки). Нередко из поля зрения психологов ускользает заключительный этап. Между тем в этот период, несмотря на внешнее благополучие, накапливается усталость, снижается работоспособность, появляется чрезмерная осторожность

(нет желания рисковать в конце) или, наоборот, — бравада, склонность к нарушениям установленных норм, актуализируются мысли о семье и работе по постоянному месту службы. Поэтому перед практическими психологами стоит задача активизировать мотивационную сферу сотрудников на заключительном этапе несения службы.

Психологическая работа после возвращения сотрудников к месту постоянной службы предполагает: психологическое обследование сотрудников; организацию социально-психологической поддержки в период адаптации к обычным условиям; проведение психокоррекционных мероприятий.

Необходимость психологического обследования сотрудников после выполнения служебных заданий в сложных условиях и проведения специальной психологической реабилитации доказана самой жизнью. Несмотря на осуществление мероприятий по психологическому отбору и подготовке сотрудников, после их участия в критических инцидентах многие испытывают отрицательные постстрессовые состояния. Например, психологическое обследование личного состава Буденновского РОВД, проведенное спустя 10 месяцев после того, как город подвергся нападению террористов, показало наличие симптомов постстрессовых нарушений у 21,5% сотрудников[23]. Значительный процент бойцов, участвовавших в чеченских событиях, также испытывали посттравматический синдром.

На вооружении психолога имеются различные психодиагностические методики для изучения психических состояний сотрудников правоохранительных органов. Наиболее адекватен решаемым задачам опросник травматического стресса И. Котенева[24], который валидизирован и стандартизован на большой выборке сотрудников органов внутренних дел (1137 человек).

Ускорению процесса адаптации сотрудников, побывавших в «горячих точках», служит умение практического психолога привлечь к реабилитационной работе руководителей подразделений и членов семей сотрудников, т.е. организовать социально-психологическую реабилитацию.

Исходя из тех симптомов, которые обнаруживаются у сотрудников, подбираются и методы психокоррекционной работы.

Таким образом, психологическое обеспечение работы с личным составом является многообразным, целостным и ведущим направлением в деятельности практических психологов.

---

[1] *Психологический* словарь. - М., 1983. - С. 285.

[2] *Воспитание* и развитие личности учащихся образовательных учреждений МВД России. М, 1998. - С. 36.

[3] *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. - М., 1996; *Логинова Н.А.* Развитие личности и ее жизненный путь. Принцип развития в психологии. — М., 1978. — С. 168—169; и др.

[4] *Битянова Н.Р.* Тренинг личностного роста. - М., 1995; *Марасанов Г.И.* Социально-психологический тренинг. - М., 1998; *Прутченков А.С.* Тренинг личностного роста. - М., 1993; и др.

[5] *Рейнуотер Д.* Это в ваших силах. Как стать собственным психотерапевтом. — М., 1992. — С. 206—224.

[6] *Столяренко А.М.* Психологическая подготовка личного состава органов внутренних дел. - М., 1987.

[7] *Ситников А.П.* Акмеологический тренинг: теория, методика, психотехнологии. — М., 1996; *Флеминг Фат.* Преобразующие диалоги. Серия «Новейшая психология». - М., 1997 и др.

[8] Эта часть параграфа подготовлена в соавторстве с Н. Ю. Портнягиной.

[9] *Состояние* работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 1998 год. -М.: МВД РФ, 1998. - С. 15.

[10] *Климов Е.А.* Введение в психологию труда. — М., 1988. - С. 115.

[11] *Собчик Л.Н., Лобанова Т.Н.* Психодиагностические критерии руководящих кадров. // Психологический журнал. - 1989. - №1. - С. 47.

[12] Автор компьютерной программы *А.Д Шпаченко.*

[13] *Методы* диагностики и развития психологического потенциала руководителей органов внутренних дел. - М., 1996. - С. 96-118.

[14] *Дуракова К.Б.* Управление персоналом. - М., 1998; *Зиверт Х.* Тестирование личности. - М., 1998.

[15] *Алексеев А., Пигалов В.* Деловое администрирование на практике. — М., 1993; *Бойделл Т.* Как улучшить управление организацией. - М., 1995; *Емельянов Ю.Н.* Активное социально-психологическое обучение. — Л., 1985; *Марасанов Т.Н.* Социально-психологический тренинг. -

М., 1998; *Красовский Ю.Д.* Управление поведением в фирме. - М., 1997; *Ситников А.П.* Акмеологический тренинг. - М., 1996.

[16] *Парыгин В.Д.* Социально-психологический климат коллектива: пути и методы изучения. — Л., 1981; *Панкин А.И.* Совершенствование социально-психологического климата в подразделениях органов внутренних дел. - М., 1998; *Фатеев Н.М.* Методы изучения социально-психологического климата в коллективах горрайорганов внутренних дел. - М., 1992.

[17] *Пиняева С.* Индивидуально-психологические предпосылки профилактики профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел. - Автореф. канд. дисс. - М., 1998.

[18] *Пищелко А.В., Белослудцев В.И., Соколов И.И.* Психолого-педагогические и правовые проблемы укрепления законности в деятельности органов, исполняющих наказания. - Домодедово, 1998.

[19] *Фатеев Н.М.* Влияние особенностей управления на социально-психологический климат коллектива. // Вопросы психологии. - 1986. — №1; *Тобиас Л.* Психологическое консультирование и менеджмент. - М., 1997.

[20] *Столяренко А.М., Карпов В.С.* Морально-психологическая подготовка сотрудников ОВД к действиям в экстремальных условиях. - М., 1998; *Каменев И.О.* О концепции психологического обеспечения деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях. // Проблемы, пути становления и дальнейшего развития психологической службы органов внутренних дел. Ч. II. - М., 1998. - С. 60-61.

[21] *Котенев И.О.* О концепции психологического обеспечения деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях. // Проблемы, пути становления и дальнейшего развития психологической службы органов внутренних дел. Ч. П. - М., 1998. - С. 60.

[22] *Морально-психологическая* подготовка личного состава к выполнению задач по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах. - М., 1995. - С. 4-5.

[23] *Котенев И.О., Богданова М.Б.* Террористический акт в Буденновске: постстрессовые состояния у работников милиции. // Известия МЦ ПО и КНИ при ГУК МВД России. - 1996. -№3. - С. 49-53.

[24] *Котенев И.О.* Психологическая диагностика постстрессовых состояний у сотрудников органов внутренних дел. - М., 1997.

Психологический практикум (к части II)

<u>Упражнение 1</u>

При вступлении в должность начальника УВД Н-ской области полковника милиции Белова А.И. его предшественник только с положительной стороны охарактеризовал подполковника милиции Жукова И.И., работавшего ранее на различных руководящих должностях в аппарате УВД. По инициативе предыдущего начальника УВД Жуков назначался начальником отстающего РОВД г. Знаменска, а через некоторое время - начальником другого «запущенного» РОВД. По мнению бывшего начальника УВД, Жуков «вытянул» оба этих РОВД из провала. Какими средствами он при этом пользовался, никого не интересовало.

Внешне Жуков И.И. «смотрелся»: энергичный, подтянутый, исполнительный, общительный. Несколько развязен, но до панибратства не доходит, дело знает, указания понимает с полуслова. Правда, среди коллег- начальников ГРОВД и некоторых работников аппарата УВД - особым уважением не пользуется: заносчив, высокомерен. Допускал Жуков и некоторые нарушения, злоупотреблял служебным положением. Негативная информация о Жукове дошла и до нового начальника УВД, но он, доверяя мнению своего предшественника, считал в целом Жукова деловым руководителем. Поэтому, когда у Жукова подошел предельный срок выслуги в звании подполковника, Белов А.И. настоял, чтобы его назначили начальником крупного ГОВД области, где предельное звание у начальника по штатному расписанию было «полковник милиции». Через какое-то время, несмотря на возражения некоторых членов коллегии УВД, Белов А.И. направил в МВД РФ представление о присвоении Жукову И.И. очередного специального звания. В это же время среди руководящих работников аппарата УВД и горрайорганов области стали циркулировать слухи, будто Жуков И.И. является родственником нового начальника УВД и поэтому делает быструю карьеру. Слухи дошли до Белова. Он пригласил к себе Жукова и спросил о причине слухов. На этот вопрос Жуков И.И. пояснил изумленному Белову А.И., что слухи распустил он сам, Жуков, чтобы повысить свой авторитет среди руководителей органов внутренних дел области.

Задания:

1. Проанализируйте предложенную ситуацию.
2. Дайте обобщенную психологическую характеристику личности Жукова И.И.
3. Выделите основные мотивы действий Жукова И.И.

<u>Упражнение 2</u>

В 1782 г. Екатерина II утвердила «Устав благочиния или полицейский». В этом уставе в разделе «Наказ управе благочиния» сформулированы правила добронравия, т.е. нравственные принципы, которыми должна была руководствоваться полиция. Вот основные из этих правил (применительно к действиям чинов полиции):

I. Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь.

II. Нетокмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро колико можешь.

III. Буде кто ближнему сотворил обиду личную, или в имении или в добром звании, да удовлетворит по возможности.

IV. В добром помогите друг другу, веди слепаго, дай кровлю неимущему, напой жаждущего.

V. Сжалься над утопающим, протяни руку помощи падающему.

VI. Блажен кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подыми ее.

VII. С пути сошедшему указывай путь...

XIII. Правой и равной суд всякому состоянию.

XIV. Дать покровительство невинному и скорбящему.

XV. Воздержание от взяток: ибо они ослепляют глаза и развращают ум и сердце, устам же налагают узду.

Представляется, что сформулированные в уставе принципы поведения работников органов правопорядка не потеряли своей актуальности и в наши дни. Вопросы и задания:

1. Проанализируйте правила добронравия, сформулированные в «Уставе благочиния или полицейском». Каково значение этих принципов поведения работников органов правопорядка в современных условиях?
2. В каких действующих нормативно-правовых актах содержатся подобные профессионально-этические принципы поведения сотрудников правоохранительных органов?

3. Продумайте, какова степень связи указанных этических принципов со стилем руководства персоналом органов правопорядка.

Упражнение 3

В психологии управления персоналом на основе многочисленных наблюдений выявлены следующие закономерности:

- чем полнее в системе и процессе управления представлены позитивные формальные отношения, тем меньше остается простора для появления негативных неформальных отношений;
- чем полнее в системе и процессе управления представлены позитивные неформальные отношения, тем меньше возможностей для проявления негативных формальных отношений.

Являются справедливыми и обратные суждения.

Задания:

1. Проанализируйте суть представленных закономерностей и сформулируйте четкое собственное понимание соотношения формальных и неформальных отношений в процессе управления персоналом органов правопорядка.
2. Вспомните основные психологические характеристики формальных и неформальных отношений, обратившись к соответствующим главам данного учебного пособия.
3. Сформулируйте основные направления учета указанных закономерностей в процессе организации деятельности и взаимодействия структурных подразделений органов правопорядка.

Упражнение 4

Прочитайте отрывок из рассказа «По мосту» немецкого писателя Генриха Белля.

«История этого дома не давала мне покоя. Я стал задумчив, небрежен в работе. Да, в самом деле небрежен. Я слишком много размышлял. Однажды я даже забыл взять папку «Спорные дела», чем навлек на себя гнев начальника окружного управления. Он вызвал меня к себе, он дрожал от возмущения.

- Грабовски, - сказал он мне, - я слышал, Вы забыли папку «Спорные дела». Служба превыше всего, Грабовски!

Так как я упорно молчал, начальник продолжал еще более строгим голосом:

- Курьер Грабовски, я Вас предупреждаю: растяпам не место во Всегерманском обществе охотничьего собаководства. Мы можем обеспечить себя квалифицированными служащими...

Он грозно посмотрел на меня, но вдруг его взгляд смягчился.

- Может быть, у Вас какие-нибудь личные неприятности? Я тихо сказал:

-Да- ,

- Что случилось? - спросил он уже другим тоном. В ответ я только покачал головой.

- Могу ли я Вам помочь? Скажите, чем?

-Дайте мне один свободный день, господин начальник. Больше мне ничего не надо. Он великодушно кивнул.

- И не принимайте этот разнос близко к сердцу. В конце концов забыть папку может каждый. А в остальном мы Вами довольны...

Я ликовал. Сцена эта произошла в среду, и назавтра, в четверг, я был свободен».

Вопросы:

1. Какая часть разговора начальника с подчиненным является характерной для «бюрократической личности»?
2. Каким образом и каким психологическим приемом курьеру Грабовски удалось изменить содержание, характер и тональность монолога начальника окружного управления?
3. Дайте характеристику стиля управленческой деятельности руководителя окружного управления Всегерманского общества охотничьего собаководства.
4. Дайте оценку поведению в этой ситуации курьера Грабовски.

Упражнение 5

Изучите рисунок Х. Бидструпа «Стиль руководства». Вопросы:

1. Можно ли считать процесс дрессировки собаки абсолютно безуспешным?
2. Почему стиль руководства, который можно сформулировать следующим образом: «Делай, как я! Учись, глядя на начальника!», оказался малоэффективным?
3. На каком этапе обучения руководитель должен был от «показа» переключиться на «принуждение к выполнению», на необходимость «применить власть»?

4. Дайте психологическую характеристику дрессировщика.
5. В чем проявились «бюрократические» черты личности хозяина собаки?
6. Назовите причины неудачи дрессировки.

Упражнение 6

При исследовании психологических аспектов организационных отношений выявлен ряд факторов, влияющих на степень нормативно-правового регулирования поведения работников:
а) необходимость следовать закону и подзаконным актам;
б) выбор тактических приемов решения служебных задач;

в) важность направления деятельности (например, финансовая деятельность, обеспечение безопасности граждан и сотрудников и т.д.);
г) планирование личного труда и выбор приоритетных задач в конкретный момент времени на закрепленном участке работы;
д) реализация обязанностей, прав и ответственности работников;
е) внедрение передового опыта и нововведений;
ж) совместные действия большого числа работников;
з) применение научно-практических рекомендаций;
и) деятельность в условиях изменения привычных режимов работы (экстремальные ситуации, стихийные бедствия и т.п.);
к) повышение уровня профессиональной и психологической подготовленности;
л) решение стыковых задач в условиях взаимодействия различных структурных подразделений органа внутренних дел;
м) совершенствование организации личного труда, рационализация.
Задания:
Ознакомьтесь с описанными факторами. Выберите из них две группы факторов:
1. Побуждающие к детальному нормированию деятельности работников.
2. Позволяющие предоставить самостоятельность и опереться на самоорганизацию работников.

Упражнение 7

В зарубежной управленческой литературе иногда публикуется случай из военной службы, заимствованный из книги А. Моля «Социодинамика культуры» (М., 1973), поданный с юмором, но поучительный и обычно представляющийся в несколько измененном виде.
Полковник - майору:
- Завтра в 9.00 состоится солнечное затмение, т.е. явление, которое бывает не каждый день. Распорядитесь построить личный состав на плацу. Форма одежды повседневная. При наблюдении за этим интересным явлением буду давать пояснения лично я. В случае осадков и плохой видимости наблюдать будет нечего, поэтому направить личный состав в спортивный зал.
Майор - капитану:
- По приказу господина полковника завтра в 9.00 состоится солнечное затмение. В случае дождя на плацу в повседневной форме предполагается плохая видимость. Тогда - проводить исчезновение солнца в спортивном зале. Такое бывает не каждый день.
Капитан - лейтенанту:
- По приказу господина полковника завтра в 9.00 в спортивном зале будем отрабатывать исчезновение солнца. Форма одежды - повседневная. Идти дождю или нет- распорядится господин полковник. Такое бывает не каждый день.
Лейтенант - сержанту:
- Когда в гимнастическом зале пойдет дождь, а такое бывает не каждый день, наш полковник в 9.00 исчезнет в своей повседневной форме. Дневальный:
- Солдаты, завтра должен исчезнуть наш полковник. Такое бывает не каждый день. А жаль!
Задания:
1. Какие психологические закономерности привели, на ваш взгляд, к искажениям информации при ее передаче сверху вниз?
2. Почему искажения носили именно такой характер, который дан в описании? Влияние какие групп психологических факторов сказалось на этом?

Упражнение 8

Требовательность руководителя и его дисциплинарная практика связаны с пониманием того обстоятельства, что подчиненный может совершать ошибки, но не обязательно за это следует его наказывать. В теории психологии управления персоналом распространено суждение о праве подчиненного на совершение ошибки. В частности, это выражается в следующих мнениях: «Право подчиненного совершить ошибку является одним из важнейших элементов хорошей атмосферы совместной деятельности в учреждении, и оно основывается на том, что пока совершаемые подчиненным ошибки (разумеется, без злого умысла) в вопросах, порученных ему для самостоятельного решения, не переходят «нормальной» границы, непосредственный начальник (не отказываясь даже от резкого, но высказываемого без свидетелей, выговора) обязан перед вышестоящим начальником брать на себя ошибку подчиненного» *(Я. Зеленевший).*

«Начальник должен вникнуть в то, какой риск ошибки имеется в деятельности подчиненного. Он должен поставить перед собой вопрос: какой процент ошибок в рассматриваемой категории дел может допустить работник, вполне справедливо считающийся хорошим специалистом? Он должен найти на это ответ и сообщить подчиненному, что если процент ошибок, совершенных им при любых обстоятельствах, не превысит установленного предела, то он вообще об этих ошибках не будет говорить с подчиненным, рассматривая это как нормальное явление» *(Э. Шлех).*

«Рассматривая вопрос передачи заданий, правомочий и ответственности подчиненным, следует иметь в виду, что это должно быть чем-то реальным, а не фиктивным. Очень важным составным элементом этого делегирования обязанностей является право подчиненного на ошибки в определенных пределах» *(И. Стайджер).*

«Если мы хотим от кого-либо инициативы и творчества, то должны давать этому лицу большее право на ошибку, нежели даем другим. Если мы этого делать не будем, то опасение перед неудачными попытками будет сковывать инициативу» *(М. Фейнберг).*

Задания:

1. Попробуйте сформировать свою позицию в отношении высказанных суждений о праве подчиненного на ошибку.
2. По какому психологическому критерию (мотив, цель, опыт и др.) можно определить возможный предел таких ошибок подчиненных?

<u>Упражнение 9</u>

На оперативном совещании в одном из РОВД до офицерского состава была доведена информация, что в подразделении вводится должность психолога. Реакция сотрудников была разной. Один сказал: «Что мы, психи?», второй: «Лучше бы добавили опера», третий: «Давайте пригласим на эту должность Кашпировского», четвертый: «Теперь у нас самоубийств больше не будет».

Вопросы и задания:

1. С какими ошибочными представлениями о себе и своей работе может столкнуться практический психолог в правоохранительных органах?
2. Как бы вы отреагировали на реплики сотрудников, как объяснили бы причины их ошибочных мнений?

<u>Упражнение 10</u>

Выпускник юридического факультета обратился в УВД одного из округов города Москвы с просьбой принять его на службу в органы внутренних дел, в уголовный розыск. При первичном знакомстве с кандидатом на службу психолог обнаружил у него выраженную повышенную агрессивность, в связи с чем возникли сомнения в профессиональной пригодности кандидата.

По результатам психологического тестирования кандидата в Центре психодиагностики при ГУВД г. Москвы у него был диагностирован гиперстенический профиль личности и вынесено заключение: «Рекомендуется условно».

Однако к практическому психологу УВД зашел заместитель начальника отдела уголовного розыска и стал просить принять «парня на работу». Он сказал, что это его сосед, что он знает его с детства, что у него порядочные родители, которые работают в правоохранительных органах, что он лично готов оформить поручительство за кандидата и выступить в роли его наставника.

Вопросы и задание:

1. Как бы вы поступили на месте старшего психолога в этой ситуации?
2. Что значит гиперстенический тип личности (профиль), какой тип поведения от него можно ожидать при службе в правоохранительных органах? Можно ли отнести данный тип личности к так называемой группе риска?
3. Если бы вы приняли решение поддержать ходатайство о принятии кандидата на службу в органы внутренних дел, то какой бы следовало наметить план мероприятий по управлению процессом его адаптации?

<u>Упражнение 11</u>

Начальник поручил практическому психологу обследовать двух достаточно опытных сотрудников и дать им психологическую характеристику. О целях психологического тестирования начальник не сообщил.

После того как психолог обследовал сотрудников и представил характеристики начальнику, выяснилось, что решается вопрос о назначении одного из них на вакантную руководящую должность. Ознакомившись с характеристикой, начальник упрекнул психолога, что он не указал уровень развития организаторских способностей, способность к руководству людьми. Психологическое обследование пришлось повторить.

Впоследствии один из сотрудников, тот, которого не назначили на новую должность, перестал здороваться с психологом, полагая, что по его вине он не получил продвижение по службе.

Вопросы:

1. Правильно ли была поставлена задача психологу? Если нет, то как надо было ее сформулировать?

2. Какие профессионально-этические правила надо соблюдать, чтобы у психолога не возникали конфликты с сотрудниками и руководством?

Глава 8. Психологические действия в правоохранительной деятельности

8.1. Понятие о психологических действиях и психотехнике

Правоохранительная деятельность и психологические действия. Под деятельностью в широком смысле понимают форму активного взаимодействия человека с миром, побуждаемого потребностями и проявляющегося в целенаправленном воздействии на его объекты и преобразовании. В психологическом смысле деятельность — внешне-внутренняя активность, регулируемая сознательно поставленной целью. Речь идет не о нормативной цели, не о той, что задается извне, а именно о мысленной, реально поставленной человеком, на деле направляющей его действия, ориентирующей на конкретный предвидимый результат. *Юридическая деятельность* побуждается потребностями укрепления законности и правопорядка, личного участия работников правоохранительной деятельности и направлена на достижение осознанных целей, предусмотренных назначением юридического органа, должностного лица, их обязанностями, правами и возможностями.

Деятельность сложна по своей организационной и психологической структуре. Она складывается из *действий,* цепи действий — особых единиц произвольной активности, «шагов» в направлении осознаваемой цели. Выдающийся отечественный психолог А.Н. Леонтьев определял действие как процесс, подчиненный представлению о *промежуточном результате,* который должен быть достигнут на пути к цели.[1]

Действия в психологии — одна из структурно-функциональных единиц, составляющих деятельности, побуждаемая ее *мотивом* (личностным смыслом, индивидуальным значением и отношением к цели), всегда направленная на достижение результата, определяемого осознаваемой задачей данного действия и являющегося вкладом в достижение *цели* деятельности. *Задача* — промежуточная цель на пути к цели деятельности. Профессиональная деятельность любого специалиста правоохранительных органов также складывается из особых действий, каждое из которых направлено на решение определенной задачи (частной цели) и получение промежуточного результата, приближающего к цели. Результаты действий, складываясь, обеспечивают достижение цели. Можно сказать, что действия — это способы осуществления *деятельности.*

Действия могут быть основными и вспомогательными. *Основные действия* связаны с основными задачами действия, сущностью объекта воздействия и достижения необходимого результата. Таковыми в юридической деятельности выступают различные формы реализации должностным лицом, юридическим органом полномочий и обязанностей в соответствии с правовыми установлениями и в пределах своей компетенции. Хорошо известны следственные действия (осмотр места происшествия, допрос, очная ставка, следственный эксперимент и др.). Есть и оперативно-розыскные действия, профилактические, по обеспечению общественной безопасности и др. Они являются основными, нормативно обусловленными, владение ими обязательно для соответствующих специалистов правоохранительных органов.

Жизнь, однако, показывает, что профессиональные юридические действия выполняются всеми, кто работает по одной специальности, все знают, что надо делать, но результат весьма и весьма различен. Причина в том, что специалисты все же по-разному понимают, что надо делать. Одни ограничиваются формально-нормативным, процедурным выполнением, а вторые обогащают его *вспомогательными действиями,* создающими благоприятные условия выполнения основных. Так, допрос можно выполнять строго процедурно, ограничиваясь выполнением только того, что предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом, а можно дополнить изучением психологических особенностей допрашиваемого, слежением за его психическим состоянием, контролем за признаками искренности — лживости, установлением психологического контакта, правомерным психологическим воздействием и др. Очевидно, что во втором случае результат допроса скорее всего будет значительно лучше.

Психологические действия **— действия, направленные на решение психологических задач и осуществляемые психологическими средствами и приемами.** Задачи их: сбор психологической информации, психологический анализ, изучение психологии человека (группы), психологическая оценка обстановки или ситуации, психологический анализ проблемы, психологическое решение, психологическое воздействие, разработка психологического замысла, психологический выбор линии поведения или общения, выбор и реализации психологической позиции, психологическая тактика и др. Ниже в главе рассматриваются различные

психологические действия, у каждого из которых своя психологическая задача, отвечающая интересам решения основных профессиональных действий юриста, работника правоохранительных органов.

В юридической деятельности психологические действия чаще всего *имеют характер вспомогательных действий,* обслуживающих решение основной профессиональной задачи работников юридического органа. Их применение создает *благоприятные условия* для выполнения основного, нормативно предусмотренного действия и *существенно повышает вероятность достижения высокого результата его.* Использование их или пренебрежение ими, умелость или безграмотность их выполнения как раз и определяют те кардинальные различия в результатах, которые наблюдаются у разных специалистов, внешне делающих одно и то же. *За внешне наблюдаемыми, чаще всего относительно простыми по двигательным проявлениям действиями подлинного профессионала правоохранительных органов стоит сложная, насыщенная психическая деятельность, сопряженная с преднамеренным и качественным выполнением психологических действий.* В этом один из главных секретов подлинного профессионализма юриста. Владение психологическими действиями, которые носят профессионально-юридический характер и могут именоваться *профессионально-психологическими,* для профессионала правоохранительных органов столь же необходимо, сколь необходимо умение строго процедурно выполнять следственные, оперативно-розыскные и иные нормативно определяемые действия. ***Профессионально-психологические действия в юридической деятельности*** **— это выработанные передовой юридической практикой, исследованные, усовершенствованные и апробированные юридической психологией эффективные психологические способы ее осуществления.**

Действия, операции и психологические приемы. Наряду с интенциональным аспектом, определяемым тем, что должно быть достигнуто, действие имеет и операциональный, методический, технологичный аспект. Знание действия, общее представление о нем есть ответ на вопрос «что делать?», а операция — ответ на вопрос «как делать»? *Операция — это общий способ* (движения, психологические акты, процессы) *выполнения данного действия.* Она сама имеет структуру, складывается из *частных способов* — приемов выполнения движений, актов, оценок, решений и пр. Ведь любое действие нельзя выполнить одним движением пальца. Например, осмотр места происшествия весьма протяжен по времени, складывается примерно из четырех десятков операций, выполняемых с помощью различных приемов, которые можно назвать и методами. Психологические приемы как эффективный способ действия обладают определенными свойствами: профессиональностью, законностью, научностью, этичностью. Совокупность методов, приемов выполнения определенного действия образует его операциональную сторону, методику, технику выполнения. В современной психологии в связи с этим говорят о психотехнологиях, психотехнике.[2]

Слово «техника» употребляется в русском языке в разных смыслах. Одно из них восходит к греческому слову, имеющему значение искусственный, искусство, мастерство. ***Психотехника —*** умелое использование психологических средств и приемов для решения стоящих перед человеком задач, причем не только психологических. Однако психологические действия практически состоят только из них, особенно насыщены ими, что предъявляет повышенные требования к использующему их. Техника — это всегда мелочи, детали, но такие мелочи, тонкости в работе, которые и отличают подлинного мастера от дилетанта. Это относится и к тем операциям и приемам, которые повышают эффективность решения профессиональных задач юристом.

Операции, приемы, отношение к ним, техника во многом зависят не только от объекта, задачи, условий, в которых выполняется действие, но и от психологических особенностей личности (ее мотивов, подготовленности, способностей, уровня притязаний, уровня достижений и др.), выполняющей ее.[3]

Операции и приемы также делятся на основные и вспомогательные. *Основные* операции и приемы направлены на заданное преобразование объекта, а *вспомогательные* обеспечивают реальное создание благоприятных условии для такого преобразования. К последним относятся и психологические приемы. Можно относиться по-разному к использованию психологических приемов, но игнорирование или некачественное использование их всегда сказывается отрицательно на результатах, а имеющиеся возможности достижения максимального результата не используются.

Психологические средства в юридической деятельности. Понятие «средства» в общем близко к понятию «способы» и можно их использовать в ряде случаев как синонимы. Но у первого есть один смысловой оттенок, который не присущ второму — вещественный. Когда имеют в виду орудия, инструменты, с помощью которых решается профессиональная задача, говорят о средствах, но не о способах, за которыми всегда сохраняется технологический смысл - как использовать средства. К числу ***психологических средств*** обычно, даже в криминалистике, относят *речевые* (слово и др.) *и неречевые* (мимика, жесты и др. — см. § 9.2) *средства.* К ним можно отнести и *поведение человека.*

Например, следователь может своим поведением разыграть роль дурачка, который многое не понимает, готов поверить всему, что говорит подозреваемый, поддающийся уговорам, а может, наоборот, повести себя как все знающий и не нуждающийся особенно в искренности допрашиваемого. Оперативник при разведывательном опросе может эмоционально воскликнуть, когда при каком-то вопросе получит необходимую информацию, а может сделать вид, что гражданин ничего ценного в данный момент не сообщил, не проговорился, продолжить опрос и оставить собеседника в недоумении, что же было надо оперативнику узнать и узнал он или нет.

Можно спорить, являются ли речь, неречевые средства и поведение психологическими. Но бесспорно, что по преобладающим характеристикам, по тем признакам, тонкостям, наличие которых определяет их подлинную, действительную, преобразующую, воздейственную силу, они — психологические. Но есть основания и для сомнений, и тут надо отметить следующее. Наверное, нет «чисто» правовых, административных, управленческих, социологических, психологических, педагогических и прочих средств, действий и методов. К какой категории можно отнести, например, разъяснение, предупреждение, напоминание, убеждение, воздействие, принуждение, наказание? Каждая область знания называет их своими. В действительности они могут быть такими. Однако отнесение каждого из них к определенной категории возможно *лишь при особом видении и использовании.* Инструктаж заступающих на дежурство, например, останется преимущественно служебным мероприятием, если руководитель придерживается лишь служебных правил, соблюдая инструкции. Но он может стать и педагогическим действом, если проводящий его видит скрытый педагогический потенциал и умело использует его. Его можно сделать и психологическим, если проводящий его ставит перед собой психологическую задачу на инструктаж, если он продумывает, как его психологично провести, если он использует слова и действия, которые производят психологический эффект, когда он соразмеряет все элементы инструктажа с тем конечным результатом, который должен быть достигнут -полной мобилизованностью заступающих, сформированностью у них настроя, отвечающего требованиям бдительности и немедленной готовности к действиям.

Вывод из сказанного таков: речь, неречевые средства становятся подлинно психологическими средствами и дают максимальный эффект только в руках профессионала, который владеет психотехникой их использования и стремится к полному и качественному ее использованию.

Кстати, средствами психологического решения задач могут стать и объекты совершенно иной природы, например, предметы, изображения, звукозаписи и пр. Так, следователь после длительного отрицания допрашиваемым своей виновности может достать из ящика и молча положить на стол вещественное доказательство, которое по своей психологической воздейственности окажется сильнее тысячи слов.

Таким образом, не сами психологические средства автоматически оказываются инструментами решения задач, все дело в психотехнике, в способах, приемах их использования, которыми и должен овладеть профессионал правоохранительных органов.

---

[1] *Леонтьев А.Н.* Проблема деятельности в психологии. // Вопросы философии. - 1979. - № 9. - С. 95-100.

[2] *Носков В.А.* Психотехника общения в работе оперуполномоченного БХСС. - Горький, 1989.

[3] Чтобы не усложнять изложение, абстрагируемся от рассмотрения теории взаимопереходов деятельности и действия, действия и операции

8.2. Психологический анализ профессиональных ситуаций

Истина всегда конкретна — утверждают философы, и это подтверждается практикой. Никакой факт не может быть по-настоящему понят, никакое решение, никакой метод не может быть эффективным, если все делается по шаблону, без учета их уникальности. Такая уникальность,

конкретность объясняется своими причинами и одна из важнейших — участие в них человека, личности, индивида, группы, которые всегда в чем-то неповторимы. Единичность нельзя, конечно, возводить в абсолют, ибо в ней всегда как-то представлено особенное и общее. Это тоже должно быть понято, чтобы разобраться с каждым конкретным случаем и наличием в нем психологических факторов, причин и следствий, которые присутствуют неизбежно там и тогда, где и когда участвуют люди

Прием системного анализа ситуационных психологических факторов. «Клубок» психологических явлений, присущих факту, ситуации, должен быть выявлен, подвержен анализу, оценке, а также учету каждым субъектом действий — оперативным работником, участковым инспектором, криминалистом, следователем, руководителем и др. Это надо делать применительно к любым ситуациям — наблюдению, беседам, задержанию, преследованию, планированию операции, допросу и др. Сложность психологических феноменов, их взаимодействие анализируются и оцениваются с учетом их системного, целостного характера.

Правило анализа «объектных», обстановочных и субъектных психологических факторов рекомендует весь анализируемый «клубок» (рис. 8.1) психологических явлений, выступающих в качестве действующих в данной ситуации, изучать первично дифференцированно и последовательно. В качестве субъектных здесь выступают те, которые присущи действовавшему (действующему, собирающемуся действовать) человеку — гражданину, совершившему какой-либо поступок, деяние, или самому юристу, анализирующему, осуществляющему или планирующему профессиональные действия. Слово «объектные» взято в скобки, поскольку под ним подразумеваются особенности человека, группы, психология которых изучается и на которых направлено (было направлено, планируется) воздействие. Они в этом смысле объекты, но в правовом отношении, конечно, сами субъекты права, а в психологическом — субъекты деятельности. Обстановочные психологические факторы присуши окружающим условиям, обстановке. Они также существенны для понимания ситуации.

Правило системной оценки взаимодействующих психологических факторов ситуации рекомендует в качестве второго шага, на основе результатов первого, осмыслить, в чем же состоит психологическая специфика ситуации.

Правило опосредованности действий предполагает совершение третьего аналитического шага: уяснение того, что же влияет (повлияло, будет влиять) на участников ее, их психологию (психические состояния, восприятия, мышления, намерения, желания, мотивы и пр.) и действия.

Правило активной роли действий: они не только продукт всех обстоятельств, «объектных», обстановочных и субъектных психологических факторов, но и мощная сила, способная внести коррективы в каждый психологический элемент и во всю их совокупность, присущую ситуации. Из-за действий не только ситуация может превратиться из правомерной в криминальную, но меняется психология ее участников, могут измениться и условия.

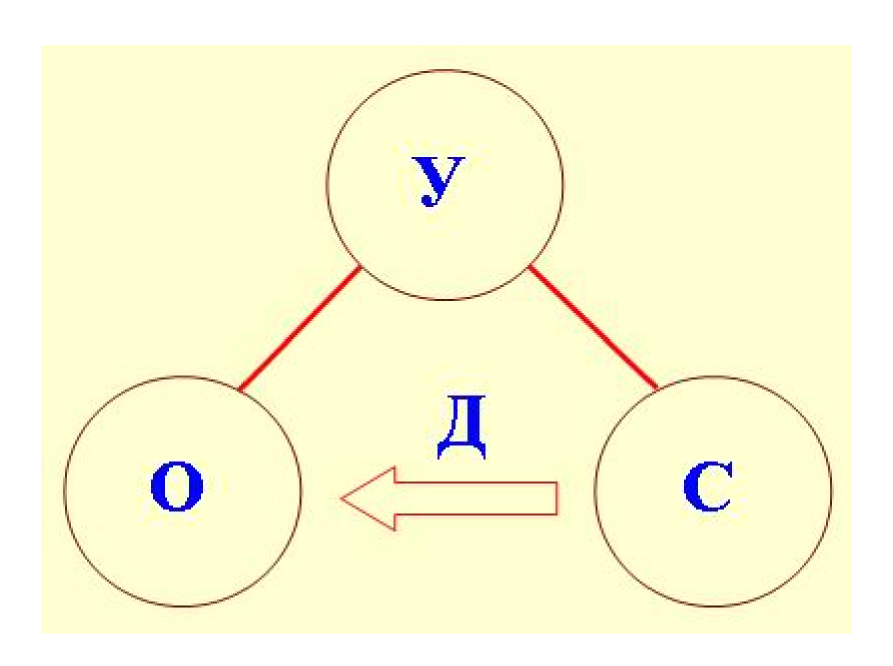

Рис. 8.1 Схема ситуационных психологических факторов: О - «объектные» факторы, У - окружающие условия, С - субъектные факторы, Д - действия.

Таков общий алгоритм психологического анализа ситуаций, лежащий в основе планируемых действий, выбора условий и действий, изменения условий воздействия на психологию лиц, участвующих в ней в интересах успешного решения стоящей перед юристом задачи.

Прием анализа «объектных» психологических факторов ориентирован на реализацию оптимальной технологии изучения психологии человека и групп — участников различных юридически значимых ситуаций и событий.

Правило: составлять психологический потрет лиц и групп (см. ниже специальные параграфы).

Правило: изучать и оценивать, как психология людей влияет на ситуацию. Помимо психологических особенностей, включаемых в психологический портрет людей, следует оценивать их взаимоотношения с другими, понимание ситуации, занятую позицию, совершаемые действия, влияющие на всю психологию ситуации.

Правило: субъекту — уяснять свою роль по воздействию на психологию «объекта» — других участников событий. Следует отдавать себе ясный отчет, исходя из выявленного, какое психическое состояние необходимо сформировать у них, какую позицию и линию поведения, какого понимания и отношения добиться, какие желания, намерения, мотивы актуализировать.

Прием анализа обстановочных психологических факторов. *Правило психологической оценки времени и места* определяет психологическую значимость этих объективных факторов. По-разному влияет, например, на ситуацию общения время: утром, днем, ночью, на свежую голову, в конце рабочего дня, перед опасным событием, после перенесенного потрясения, в рабочий день, в выходной день и пр. Для того же общения имеет значение, где происходит общение: на работе, в домашней обстановке, в юридическом органе, на улице и др.

Правило оценки природных условий учитывает определенное психологическое значение освещенности, видимости, ландшафта, растительности, Погодных условий, времени года и пр. В ряде случаев их роль может быть весьма велика. Так, при операции по задержанию вооруженного преступника, засевшего в отдельно стоящем сарае, если дело происходит к вечеру, полезно считаться с тем, где находится над горизонтом солнце, и подходить так, чтобы оно слепило преступнику глаза, а сам он был хорошо освещен.

Правило социально-психологических условий. Они создаются наличием и отсутствием третьих лиц. Иногда выгодно, чтобы другие люди были, а иногда — нет. Сказывается и то, что это за люди, каковы взаимоотношения их с участниками события, что они делают. Сказывается и факт групповой принадлежности, например, допрашиваемого. Он может быть членом преступной группы, находиться один на один со следователем, но группа незримо присутствует в служебном помещении, держит допрашиваемого в психологических тисках и влияет на его психологию и поведение так, что обычные ухищрения следователя оказываются недостаточными. Опытный следователь всегда учтет это и добьется своего.

Правило взаимоотношений рекомендует также оценивать взаимоотношения работника органа правоохраны с гражданином, что создает особую психологическую атмосферу, влияющую на всю ситуацию.

Прием анализа субъектных психологических факторов. Нередко эта группа факторов недооценивается и все сводится к психологии лица, с которым юрист имеет дело. Психология самого юриста, его действия нередко вносят в психологическую атмосферу ситуации больше, чем все другие факторы.

Правило самоанализа и самоуправления заключается в общей рекомендации давать себе самоотчет в собственном поведении и психологически целесообразно строить его.

Правило рефлексии рекомендует посмотреть на себя со стороны, оценить, как выглядишь сам и твои действия в глазах граждан.

Правило критической самооценки понимания ситуации. Не следует проявлять излишнего самомнения и полагать, что все понимаешь правильно. Надо честно ответить на вопрос: разобрался ли в психологических тонкостях ситуации? Если ответ отрицателен, сомнителен или носит неопределенный характер, следует заставить себя воспользоваться всеми приемами и правилами, описанными выше. Если это не сделать, то влияние сотрудника на ситуацию вряд ли будет отвечать критериям оптимальности и полного использования имеющихся возможностей.

Правило критической самооценки поведения — это совет проанализировать и оценить психологическое влияние на ситуацию всех элементов своего поведения: отношения к делу, к

людям, занятой позиции и линии поведения, соблюдения принципов справедливости и законности, этики поведения, внешнего вида. Подумать, как их изменить, чтобы это влияние было таким, какое нужно. Порой грубость, черствость, безразличие, формализм, самомнение и другие недостатки поведения работника сказываются на ситуации так, что портят все дело.

Правило критической самооценки принятого решения и действий по его исполнению. Игнорирование необходимости принимать решения и действовать в полном соответствии с обстановкой, в том числе с ее психологическими особенностями, мало что дает для дела, а нередко приносит трудно исправимый вред. *Правило использования рекомендаций юридической психологии.* Реально сказывается на ситуации уровень профессионально-психологической подготовленности юриста, наличие у него устойчивой психологической установки на реализацию рекомендаций юридической психологии, аккумулирующей достижения юридической практики и науки. Отсутствие или слабость этих психологических факторов сказывается на всей ситуации и на ее развитии не лучшим образом. Действие на ее психологию и психологию лиц, участвующих в ней, без их понимания равносильно знахарству в медицине, движению в тумане без компаса. Эффект влияния и его результаты резко возрастают, когда юрист учитывает психологические аспекты выполняемых профессиональных действий, применяет при их реализации психологические приемы, производит специальные психологические действия, владеет психологической техникой. Все это описывается ниже.

8.3. Психологический анализ юридических фактов

Как известно, под юридическими фактами понимаются предусмотренные в законе обстоятельства, которые являются основанием для возникновения (изменения, прекращения) конкретных правоотношений. Они делятся на события и действия. Те и другие обладают своими психологическими особенностями, которые особенно велики в действиях, являющихся жизненными фактами, где обнаруживается сознательная деятельность людей со всей присущей ей психологией. Для юридической деятельности важнее неправомерные действия — преступления, административные, дисциплинарные и гражданские правонарушения, дающие основания для возникновения охранительного правоотношения и привлечения виновных лиц к юридической ответственности. Они требуют тщательного юридического исследования, предполагающего и психологический анализ, выявляющий субъективную строну юридического факта. В этом плане особенно значимо умение юриста разобраться в ***причинных связях*** психологических феноменов, в том, как одно явление (причина) предшествует другому (следствию) и порождает его.

Прием анализа психологических предпосылок факта. В основе такого анализа лежат приемы психологического анализа ситуаций, рассмотренные выше, а его результаты рассматриваются как основа психологических предпосылок факта, как «заводная пружина», кладущая начало возникновению и последующему развитию юридического факта. Это находит выражение в первом приеме — *приеме психологического анализа исходной ситуации.*

Однако понимание непосредственных психологических причин факта требует акцентуированного психологического анализа, который реализуется в приемах:

• *выявления непосредственных мотивов* поведения лиц, участвующих в анализируемом факте. Непосредственное внутреннее побуждение имеет первостепенное криминологическое и уголовно-правовое значение. Это наиболее существенный элемент субъективной стороны любого деяния, квалифицирующий признак состава преступления, выступающий обстоятельством, смягчающим или отягчающим ответственность. Именно мотив дает возможность понять действительные причины деяния (как правомерного, так и правонарушающего), а также психологию личности и степень ее вины (под виной в праве, как известно, понимается психологическое отношение лица к своему противоправному поведению и его последствиям). Мотив в психологической интерпретации в той или иной степени осознаваем, а поэтому он — разделительная линия между умыслом и неосторожностью;

• *изучения и оценки восприятия, понимания ситуации, события и последствий своего поведения.* Осознание (понимание) их лицом как допустимых или недопустимых также определяет криминологическую оценку степени его вины. В праве преступление признается совершенным умышленно, если лицо, совершившее его, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало (прямой умысел) либо допускало (косвенный умысел) их наступления. Такие заключения

требуют от юриста глубоких психологических знаний и умений, а в ряде случаев — и обращения за помощью к эксперту-криминалисту;

• *выявления и оценки психического состояния.* Психические состояния имеют то или иное побуждающее значение, а криминологическая оценка предполагает изучение состояний вменяемости или невменяемости, зависящих, в частности, от наличия или отсутствия аффективного состояния. Изучение и оценка психических состояний в сложных случаях требуют назначения психологической экспертизы.

Прием психологического анализа динамики факта. Предпосылки — еще не сам факт. Во всяком деянии имеются начало, его течение и конец. Можно утверждать, что нельзя понять должным образом субъективную сторону самого факта и его психологические причинные связи, ограничившись лишь анализом предпосылок. Необходимо исследовать, как исходные предпосылки вызвали непосредственные следствия, а последние — стали причиной последующих. Этот прием и предназначен для уточнения, а возможно, и выявления подлинных психологических причинных связей.

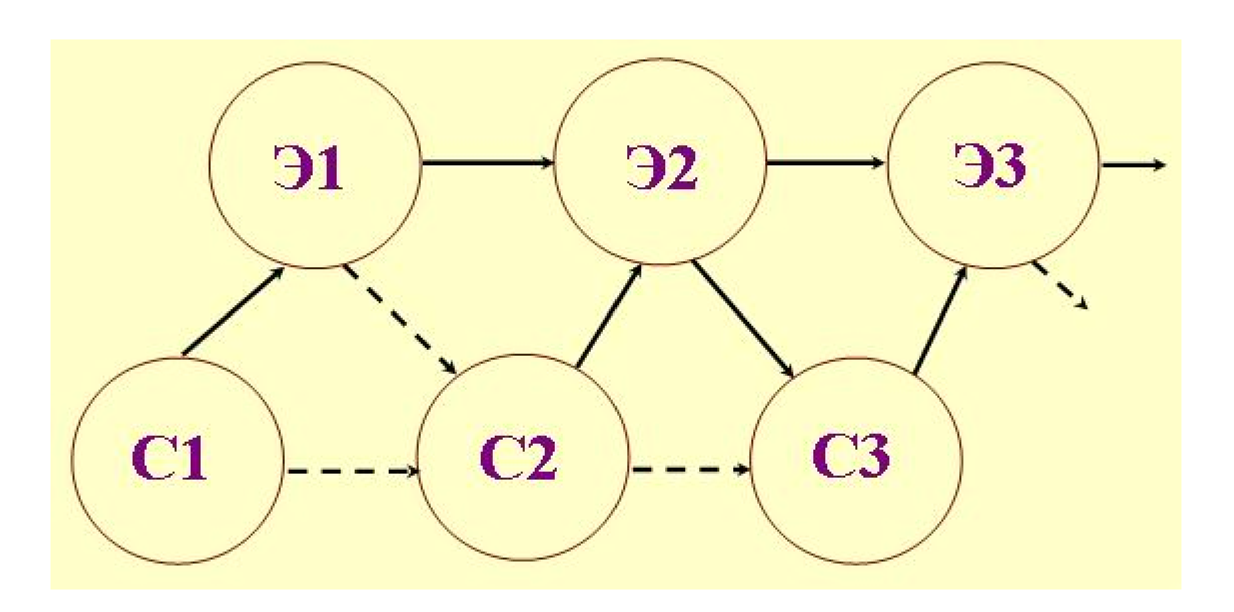

Рис. 8.2. Схема психологического анализа юридического факта: Э1, Э2, ЭЗ - эпизоды развития факта, Cl, С2, СЗ - психологические факты и их изменения

Правило выделения фактологического ряда в анализируемом факте (рис. 8.2). Необходимо составить линию фактологического ряда, в начале которого помещается объективно обнаруживающаяся исходная ситуация, а в конце — завершающая. После этого между ними выделяются последовательные, промежуточные, фактически обнаруживающиеся действия — «шаги» участников события.

Правило выделения психологического ряда в анализируемом факте. В начале психологического ряда находится психологическая ситуация, выступающая предпосылкой — причиной первого фактического действия. В результате этого действия возникает новая психологическая ситуация, которую надо проанализировать и понять как причину второго действия. Второе действие вновь вносит изменения в психологическую ситуацию, она становится иной, и вновь надо понять, как она становится причиной третьей ситуации, и т.д.

Правило итоговой оценки психологических причинных связей и субъективной стороны деяния-факта. Как отмечено выше, только прослеживание всей цепочки причинно-следственных связей может дать наиболее точную оценку психологических детерминант правомерного или правонарушающего поведения.

8.4. Психологический портрет и его составление

Психологический портрет в правоохранительной деятельности. Действующее уголовно-процессуальное законодательство, существующие нормативные документы непосредственно не регламентируют деятельность по составлению психологических портретов и их использованию в правоохранительной деятельности. Однако юридическая практика все больше и чаще стала пользоваться этим действием в трудных случаях раскрытия и расследования преступлений. За последние 20 лет имелся ряд случаев, когда с помощью психологического портрета удавалось раскрыть ряд «висячих» уголовных дел, получивших широкий резонанс. Психологический портрет и его использование не являются доказательствами по делу, но могут успешно применяться при поиске доказательств, а также осуществлении оперативных и следственных действий по изобличению виновных. В условиях неочевидности с его помощью можно уточнить, сузить круг подозреваемых, выдвинуть и осуществить проверку версий, которые возникают только при его использовании. Оправдывает себя использование психологического портрета и при решении оперативно-служебных и служебно-боевых задач профилактики, исполнения наказания, борьбы с террористами и др.

Было бы ошибкой отказываться от разработки и использования психологического портрета, обосновывая это сложностью и недостаточной подготовленностью сотрудника. Конечно, это требует определенных психологических знаний, умений и навыков. Опытные сотрудники овладевают ими за долгие годы юридической практики и составляют представление о психологии представляющих для них интерес лиц, не называя это психологическим портретом. Но сегодня этими действиями необходимо владеть всем, усвоив психологические знания и овладев приемами составления психологического портрета, воплощающими весь богатый практический опыт и результаты научных разработок, что намного ускоряет овладение этим действием.

Прием составления психологического портрета с приданием ему определенных свойств. Составление психологического портрета — не простой набор слов, содержащих некоторые психологические характеристики. Психологический портрет составлен профессионально, когда сотрудник изначально ориентируется на то, чтобы придать ему определенные характеристики, свойства. Для этого существуют некоторые правила.

Правило избирательности ориентирует на необходимость выбора определенных психологических характеристик лица, представляющего тот или иной профессиональный интерес для работника правоохранительного органа. Необходимо определить для самого себя, что надо выявить в психологии человека, чтобы понять, как с ним работать и общаться в связи со стоящей профессиональной задачей.

Правило достаточности исходит из того, что перечень психологических особенностей вообще практически беспределен. В русском языке имеется около 27000 слов, обозначающих разные оттенки одного только характера. Поэтому сразу надо исходить из определенного минимума и тех возможностей, которыми реально располагает рядовой работник правоохранительного органа. Вместе с тем этот минимум оправдает надежды, если он все же будет достаточен для нужной оценки психологии лица, заслуживающей доверия.

Правило достоверности, развивая предыдущее, рекомендует не ограничиваться количественными соображениями, а заботиться о засуживающей доверия информации. Таковая может быть получена лишь при достаточной психологической подготовленности самого сотрудника, следовании им рекомендациям юридической психологии. Особенно высокая психологическая подготовленность нужна при составлении психологического портрета скрывшегося преступника по следам, оставленным им на месте преступления (см. §8.6).

Правило целостности подтверждает то, что уже сказано выше о изучении личности: ее психология может быть понята при составлении общего представления о том, что же это за психология, и проверке, как она укладывается в общую картину преступления, деяния, поведения данного лица. Можно придумать красивую и многообещающую версию, а потом появляется человек, знакомство с которым приводит к выводу, что ни по своим внешним, а тем более по внутренним свойствам этот человек в разработанную версию «не влезает». Бывает и наоборот.

Прием структуризации психологического портрета. После ознакомления с характеристикой первого приема в сознании сохраняется вопрос: что конкретно надо изучать, чтобы это было и избирательно, и достаточно, и целостно? Этот прием задает алгоритм составления портрета.

Правило ориентации на общую структуру личности рекомендует при определении структурных компонентов составляемого избирательно психологического портрета исходить из рекомендаций психологии. Следуя им, надо мысленно представлять себе такую общую

структуру: 1) направленность (целемотивационная структура, система побуждений — целей, мотивов, потребностей, интересов, взглядов на жизнь и пр.); 2) характер (морально-психологический облик, отношение к труду, к людям, к самому себе); 3) деловые качества (интеллект, внимательность, память, целеустремленность, настойчивость, упорство, организованность, активность, самостоятельность, самообладание, и др.); 4) подготовленность (образованность, профессия, опытность, житейская мудрость); 5) темперамент (уравновешенность, скорость реакции, эмоциональность, устойчивость и др.). Перебирая этот перечень в сознании, следует избирать для данного случая то, что имеет значение в конкретных условиях, а затем приступить к содержательному определению.

Правило юридически значимой типизации рекомендует для избирательного выбора из общей структуры портрета и определения его содержания исходить из определенных типов людей, с которыми сотруднику приходилось сталкиваться и которые имеют определенное уголовно-правовое значение. Так, определенной психологической типологией обладают люди, принадлежащие к разным возрастным, профессиональным, национальным группам, занимающие определенное уголовно-правовое положение (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель и др.), к разным типам личностей (например, сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик). Имея дело с конкретным лицом и обладая исходными анкетными данными о нем, можно предположить у него некоторые типологические психологические особенности. Во всяком случае это может быть исходной версией о его психологии, с которой можно начать работу.

Правило индивидуализации рекомендует, опираясь на исходную версию о типологических особенностях человека, не ограничиваться ею, а постоянно конкретизировать, используя постепенно, по мере углубления знакомства с ним, собираемую психологическую информацию. Возможно даже, что столкнувшись с совсем нетипичной личностью, от исходной версии придется отказаться вообще.

Правило правовой компетентности и криминального опыта личности выделяет наиболее важную избирательную часть психологического портрета. Оно предполагает изучение и оценку уровня развития правовой психологии, отношения к праву, правоохранительным органам, конкретным уголовно оцениваемым деяниям, степень знакомства с криминальным миром и культурой, отношение к ним, к имеемым судимостям и др.

Правило ситуативной определенности психологии личности подчеркивает важность составления не отвлеченного психологического портрета, а его вероятных и действительных проявлений в конкретной юридической ситуации, которая сталкивает данное лицо с сотрудником правоохранительного органа. Иначе говоря, имеет значение прогнозирование или понимание занятой личностью позиции, ее отношение к сотруднику и выполняемой им профессиональной обязанности, проводимой линии поведения, преследуемым целям и актуальным мотивам.

Прием использования всех источников информации для составления психологического портрета. Существенный вопрос — откуда черпать информацию для составления" психологического портрета? Хотя у обычного сотрудника нет никаких психодиагностических устройств, он обладает немалыми возможностями для сбора вполне приемлемой для него психологической информации. Портрет нужен сразу, сейчас, надо хоть на что-то опереться, решая профессиональную задачу в отношении лица, которого он зачастую видит впервые, но учесть его психологию надо. Использование и изучение всех первичных материалов личности гражданина, субъекта правоотношений, всех деталей о нем позволяют затем действовать более обоснованно и направленно и снижают вероятность ошибок.

Правило оценки по делам, поступкам и их результатам. В поступке, в творениях своих рук воплощается психология человека. По одному поступку,

который послужил поводом для его встречи с сотрудником, сразу всего не скажешь, но есть основание сделать предположения о его мотивах, отношениях к праву, воле, самообладании и другом. Это обычно первая возможность, которая открывается перед пытливым и думающим юристом. По продуктам деятельности человека (письмам, поделкам, достигнутым результатам и их особенностям) можно судить о его целях, мотивах, интересах, способностях, опыте, профессионализме, уме, воле, самообладании, аккуратности, добросовестности и др.

Вторая возможность обычно связана с *правилом учета мнений других о данном лице.* Такой информацией, хотя и не всегда, сотрудник все же обладает. Эта информация представляет интерес, если сообщающий свое мнение человек хорошо знает данного или, как минимум, уже имел случай познакомиться с ним. Так, следователь может составить себе исходное представление о задержанном на основе доклада или рапорта сотрудника милиции, задержавшего

правонарушителя. Нередко появление гражданина в служебном кабинете упреждает чей-то звонок, информирующий сотрудника и как-то ориентирующий его относительно этого человека. Разумеется, такая информация может быть весьма субъективной и даже ошибочной. Ее достоверность повышается при применении метода, именуемого в психологической науке *методом обобщения независимых характеристик.* Сотруднику следует узнать мнение о лице не от одного человека, знающего его, а от нескольких и составить некоторое усредненное мнение, которое будет достовернее мнения одного. Нередко эти мнения не совпадают, а порой кажется, что речь идет о разных людях, но и это важно, так как человек не прост, не однопланов и это позволяет приблизиться к пониманию его истинного «лица». В работе юриста часто приходится срывать маски, которые «надевают на себя» многие люди.

Правило психологической оценки документов, характеризующих интересующее лицо, удостоверяющих его личность, характеристик, анкетных документов, материалов личного и уголовного дела и других, — также одно из первых, которое можно использовать зачастую еще до личной встречи сотрудника с изучаемым лицом. Естественно, они многое сказать не могут. Анкета — лишь тень человека; она лишь повторяет его силуэт, а содержания его психологии не дает. Они дают лишь некоторую информацию, например, о возрасте, профессии, образовании, национальности, семейном положении, имеющихся судимостях и др. Но и знакомясь с ними, надо не просто читать бумаги, а стараться понять человека.

Более широкие возможности открываются при личном контакте и общении.

Правило получения информации в процессе психологического наблюдения за человеком. Возможности и способы его реализации см. в § 8.5.

Правило биографическое исходит из того, что психология человека на любом году его жизни — в значительной степени продукт его онтологического (прижизненного) развития. В качествах человека — жизнью «написанная в нем» его биография, интегральный результат всей совокупности условий, образа жизни, собственной активности. Поэтому, получив информацию об этом, можно с большой долей достоверности предположить наличие у него определенных личностных особенностей.

Такую информацию можно получить из беседы с человеком, расспрашивая его именно о тех особенностях его прошлой жизни на разных ее этапах, которые могли формировать его направленность, ценностные ориентации,

черты морально-психологического облика, познавательные, волевые и деловые качества. Для этого в ходе беседы обращается внимание не столько на хронологию жизни (где работал или учился), сколько именно на формирующие психологию обстоятельства: Какой была атмосфера в семье? Каковы взаимоотношения родителей? За что они его поощряли и наказывали? Чего требовали? Как учился? Чем интересовался? Что нравилось и не нравилось и почему? Чем увлекался? Чего старался добиться? Какой результат считал самым важным и почему? Что считает неудачей? С кем дружил? Что это были за люди? Что в них нравилось? Как проводили досуг, почему так? Какие книги любил и что в них нравилось? И т.п. Спрашивая, следует не только узнавать мнение и ответы, но и понимать; слушать не только слова, но и «душу», понимать. Все это можно делать, например, при заполнении анкетной части протокола допроса. Это, кстати, способствует и установлению психологического контакта, как бы переводя общение из формального во взаимно понимающее, доверительное. В таком разговоре познается не только само деяние, но и лицо, его совершившее.

Правило жизненной позиции продолжает изучение в ходе беседы, но переводит его на современность. Что нравится и не нравится в современной жизни общества и почему? Что бы изменил, если бы имел власть? Как оценивает работу правоохранительных органов, почему? Что нравится или не нравится в телепередачах? Что интересует в газетах? Чем занимается в свободное время? Как помогает родителям? С кем чаще всего общается и что в них нравится? И пр. Жизнь человека, представляющего особый интерес, скажем, подозреваемого, должна быть изучена досконально. Надо узнать все его достоинства и слабости, привычки и интересы, где, что и как он ест и пьет, как и каким маршрутом он ездит на работу, с кем находится в ссоре, с кем дружит и что с ним делает и пр. Бывает полезным сказать: «Будьте откровенны. Лучше, чтобы я вас понял. Это в ваших же интересах».

Правило извлечения психологической информации из вещей, принадлежащих человеку, расширяет возможности как в очном, так и опосредованном контакте с ним. Особенно информативны записные книжки, кошельки, записки, хранящиеся в карманах, украшения, предметы одежды. Пользоваться ими можно при выполнении санкционированных следственных,

оперативно-розыскных действий либо попросив гражданина показать предмет, либо рассматривая и оценивая, например, украшения на руках, шее или одежде. Изучая все это, надо стараться понять его вкусы, интересы, потребности, аккуратность, культурность, круг знакомств, претензии, групповую принадлежность, отношения к криминальным символам и многое другое.

Психологически информативны обстановка квартиры, в которой человек живет, домашние условия, порядок, гардероб, стол, портфель или сумочка, записная книжка, дневник, календарь с записями, библиотека, инструменты, предметы увлечения и коллекционирования, аудиовидеотехника, наборы записей и кассет, журналы и др. Веши всегда более искренни, чем их владельцы.

Прием рефлексии предполагает мысленную постановку себя на место изучаемого лица и представление о том, какой может быть психология при этом. Подробно это рассматривается в § 8.5.

8.5. Изучение человека в психологическом наблюдении

Понятие и значение психологического наблюдения. Самый доступный и наиболее широко применимый путь получения психологической информации о человеке, представляющем профессиональный интерес для работника юридического органа, — путь наблюдения за ним, наблюдения со стороны, при разговоре, при профессиональном контакте. Это реализуемо при психологическом наблюдении — особом психологическом действии, которым работнику-профессионалу юридического дела следует владеть.

***Психологическое наблюдение* — особое психологическое действие, обслуживающее решение правоохранительных задач и предназначенное для изучения психологических особенностей людей, с которыми профессионалу юридических органов приходится иметь дело.**[1] Его значимость — в широкой доступности и оперативности (возможности быстро получить хоть какую-то информацию о человеке и его психологии). Все зависит практически от самого работника, его желания и его профессионализма. Психологическое наблюдение реализуется с помощью специальных психологических приемов, отвечающих его назначению, и конкретизирующих их правил. Упрощением бы было связывать его успех только с некоторой техникой работы. Его реализация требует наличия у профессионала особой устойчивой *внутренней установки на психологическое наблюдение, наличия определенных психологических знаний,* а также повышенной *психологической чувствительности* (чувствительности к внешним проявлениям психологии человека). Все эти компоненты взаимосвязаны. Само применение приемов психологического наблюдения нуждается в актуальной установке, в желании и стремлении профессионала использовать их. Обратная зависимость — практика использования приемов развивает и укрепляет установку и психологическую чувствительность, возникает профессиональная привычка, формируются соответствующие навыки и умения, накапливается опыт, совершенствуются знания.

Психологическое наблюдение дает информацию о человеке, но переоценивать ее достоверность не следует. Человек как объект психологического наблюдения весьма сложен и неоднозначен. Многое в нем содержит психологическую информацию: как вошел в комнату, как подошел, как сел, куда дел руки, какую фразу и почему произнес, почему на одном вопросе задержался, другой обошел, почему опустил глаза, когда дрогнули веки, на кого и в какой момент посмотрел и многое другое. Все это составляет ***язык внешних проявлений психологии человека*** (рис. 8.3). Его значения вероятностны и, тем не менее, профессионалу следует понимать их. Этот язык скажет профессионалу больше, чем человек сам о себе. Есть граждане-«артисты», пытающиеся маскировать свои действительные мысли, отношения, качества, состояния, что, конечно, в известной мере затрудняет понимание языка внешних проявлений, прочтение последних. Однако подлинный профессионал достаточно уверенно отличит наигранное от действительного, искреннее от лживого. Дело в том, что «артист» живет двойной внутренней жизнью: демонстрируемой, рассчитанной на показ, и действительной, «для внутреннего пользования». Постоянные переходы от одной к другой в процессе общения так или иначе обнаруживают это раздвоение в многочисленных признаках противоречивости. Даже если профессионалу не удается составить отчетливого психологического портрета человека, то по результатам психологического наблюдения у него возникают неудовлетворенность, предположения, подозрения, побуждающие его к дополнительным проверкам и в конечном счете — установлению истины.

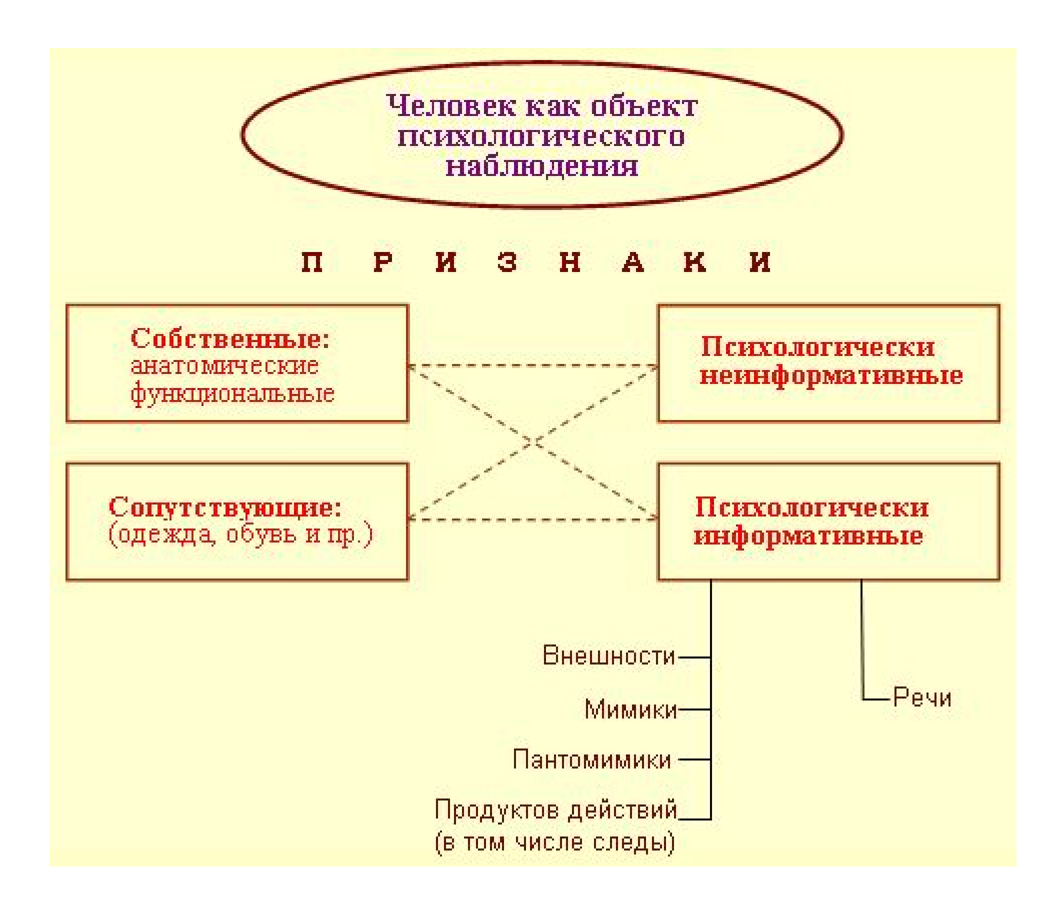

Рис. 8.3. Наблюдаемые признаки психологии человека

Прием избирательности и надежности психологического наблюдения. Интерес работника органов правоохраны в наблюдении — не праздное любопытство, он всегда конкретен. Эта конкретность выражается в интересе к составлению психологического портрета (который, как уже отмечено выше, в юридической деятельности всегда избирателен, акцентуирован) или отдельным психологическим феноменам (например, искренности или лживости).

Правило избирательности и целеустремленности рекомендует со вниманием относиться к определению задач наблюдения в каждом конкретном случае, пользоваться рекомендациями по составлению психологического портрета, уточнять, какие внешние проявления, выступая признаками подлежащих оценке психологических феноменов, подлежат наблюдению и фиксации.

Правило комплексности предупреждает о недопустимости категорических! психологических оценок на основе единичной фиксации каких-то признаков; Надо перепроверять информацию, усиливая наблюдение за повторными проявлениями их. Кроме того, учитывая целостность психики, следует собирать максимально широкий круг информации, отвечающей структуре психологического портрета. Это позволит более достоверно оценивать и отдельные проявления.

Правило устойчивости к социально-психологическим эффектам, снижающим достоверность психологического наблюдения. К ним относятся эффекты «первого впечатления», «первой информации», ореола, инерции. В условиях правоохранительной деятельности особенно сильно и негативно сказывается предварительная или имеющаяся у сотрудника информация о человеке, с которым он встречается. Они автоматически формируют у него установку на поиск, восприятие во внешних данных и поведении человека того, что подтверждает имеющуюся информацию, полученную от других лиц или из документов. Правило требует всегда быть объективным, не поддаваться первым впечатлениям, быть самостоятельным, судить о человеке только по непосредственно наблюдаемым и проверенным фактам, перепроверять свои впечатления, критично походить к выносимым оценкам о нем и его качествам.

Прием выявления в наблюдении качеств личности. По внешности, мимике, пантомимике, продуктам деятельности, словам, речи можно судить о ряде качеств человека. Правила:

• *по содержанию высказываний* судить о его взглядах, убеждениях, целях, планах, мотивах, потребностях, ценностных ориентациях, интересах и др.;

• *по словарному запасу, построению речи, изложению мыслей, ответам на вопросы* судить о его образованности, культуре, профессиональной принадлежности, умственном развитии, находчивости, криминализованности, правовой осведомленности, особенностях правовой психологии и т.п.;

• *по произношению* оценивать его национальную и региональную принадлежность, возможное место рождения и длительного жительства, образованность;

• *по темпу речи, интонациям, жестикуляции, выразительности мимики и экспрессивности речи* оценивать его тип темперамента, эмоциональную уравновешенность, умение владеть собой, силу воли, самомнение, культурность, систему ценностных приоритетов. Так, человек с холерическим темпераментом быстр, темп речи у него устойчиво высок, мимика выразительна, характерны в поведении порывистость, нетерпеливость, несдержанность;

• *по вещам и предметам, принадлежащим человеку,* — см. §8.3.

Прием выявления в наблюдении криминально значимых признаков. Для работника правоохранительных органов значимость таких признаков особенно велика.

Правило оценки признаков криминализации речи. Засоренность речи словечками из криминального жаргона характерна для некоторых категорий современной молодежи. Производное от их представлений о «модности», «современности» такого языка, — это определенная психологическая характеристика. Заслуживают оценки обращения типа «гражданин начальник», «командир», слова и выражения, свойственные «блатной музыке» и умению «по феньке ботать». Чем их больше, чем точнее их словоупотребление (что может оценить знакомый с уголовным жаргоном работник), тем достовернее оценки.

Правило обращения внимания на татуировки. В большинстве своем они не просто украшения и проявления извращенных вкусов, а несут смысловую нагрузку, выдающую отношение его носителя к закону, работникам правоохранительных органов, преданности криминальному миру, статусу в криминальной среде, говорят о планах на будущее, характере преступной деятельности, числе «отсидок» и др. Расположенные нередко на видимых частях тела человека (кистях, пальцах, ушах, носу и пр.), они не должны остаться незамеченными и не интерпретированными психологически.

Правило наблюдения за жестами, движениями, деталями одежды, привычками поведения. В недалеком прошлом опытные сотрудники очень четко подмечали людей, имеющих (или имевших) отношение к криминальному миру по короткой стрижке, несколько старомодной одежде, приверженности к ношению ватников или кожаных курток, отсутствию галстука («удавки»), наброшенному на плечи пиджаку, манерной походке и др. Ныне большинство этих примет устарело, но некоторые сохранились. Характерны интенсивная жестикуляция, выразительные движения кистью и пальцами (в преступном мире, в местах лишения свободы жесты используются для безмолвного обмена информацией и связи), определенная манера входа в помещение, походка, поведение при общении, сидение на корточках у стены, симуляция болезней, способ хранения некоторых вещей, особенности ожидания (три шага в одну сторону, три в другую), обращение к некоторым людям и к нему самому по кличке, неумение в столовой пользоваться ножом и вилкой, привычка смешивать разные блюда в одно, наличие дорогих перстней на пальцах и др. Конечно, не каждую из этих примет можно истолковать однозначно, но в совокупности они делаются определеннее. Есть свои характерные привычки и приметы у шулеров, карманных воров и ряда других преступных «специализаций». Разработка комплекса примет заслуживает дальнейшей разработки юридической психологией.

Прием выявления в наблюдении признаков лица, занимающегося преступной деятельностью. Сегодня, правда, в большинстве случаев не трудно судить о том, кто ведет преступный образ жизни; основная трудность в получении доказательных материалов. Все же бывает важным понять это, ибо лица, занимающие высокие места в преступной иерархии, предпочитают нередко держаться в тени.

Правило слежения за признаками противоречивости личности. Нередко такими признаками выступают: несоответствие обнаруживаемых качеств тому облику, который пытается придать себе человек (например, неожиданное обнаружение острого ума, наблюдательности, изощренности в возражениях и ответах на вопросы, обстоятельных и точных знаний в какой-то области, которых трудно ожидать, например, у «простого», малоприметного, ведущего тихий и скромный образ жизни, занимающего рядовую должность человека); демонстративное обнаружение «кристальной» честности, порядочности, бескорыстия, благотворительности и пр.;

повышенная готовность к самозащите, острая настороженность, обостренная реакция на подозрения и подозрительность к другим, жесткий самоконтроль и др.

Правило слежения за признаками поведения лиц, собирающихся совершить или совершивших преступление, особенно значимо для сотрудников милиции, несущих службу на улицах и в общественных местах, вневедомственной охраны и др. Заслуживают внимания:

• настороженность, повышенная напряженность, нервозность, неестественная веселость или развязность человека, особенно когда он замечает сотрудника милиции или последний подходит к нему для проверки документов;

• торопливая или излишне напряженная походка, выдающая как бы желание не обратить на себя внимание;

• тревожное, порывистое оглядывание назад («нет ли слежки») и по сторонам;

• применение приемов отрыва от слежки (вход в последний момент в автобус, метро и такой же выход, многочисленные пересадки на транспорте и др.);

• наличие предметов, узлов, чемоданов в руках в ночное время или в местах, где люди редко бывают с ними;

• несоответствие возраста, одежды и того, что несет человек в руках, и др.

Характерна для этих лиц, как, впрочем, и для тех, кто имеет большой преступный опыт, привычка не допускать, чтобы кто-то шел за ними сзади. Они либо ускоряют шаг, либо пропускают идущего сзади.

Усиливает продуктивность обнаружения человека, собирающегося совершить преступление, и знание сотрудником правоохранительных органов способов совершения тех или иных преступлений. Например, такое знание используется оперуполномоченными оперативных групп, занимающихся розыском и задержанием карманников. Они знают, где и когда их искать, как их выделить из толпы, в какой момент брать с поличным.

Правило учета психологических особенностей опознания лиц, находящихся в розыске. Розыск осуществляется на основе использования различных портретов (фотографий, рисованных портретов, словесных портретов и др.), однако успех зависит от учета возможностей человеческой памяти лицами, осуществляющими ориентировку и инструктаж сотрудников милиции, выходящих на службу. Запомнить данные даже о пяти человеках трудно, если инструктаж не сопровождается раздачей копий портретов. Многое зависит от тренированности профессиональной памяти сотрудников, умения осуществлять припоминание сведений, сличение портрета и реально наблюдаемого человека, проверять документы, удостоверяющие личность.

Прием выявления и оценки психического состояния человека. Взволнованность, страх, радость, тревога, напряженность, расслабленность, злость, растерянность, даже спокойствие могут многое сказать наблюдательному юристу.

Правило наблюдения за внешними признаками психических состояний. Такими признаками выступают: интонации голоса, изменения его темпа, пауз, тембра; выражение глаз и направление взгляда; цвет лица и выступление пота; жесты, прза (в состоянии напряжения, например, поза несколько неестественна, пальцы на руках могут дрожать или напряженно сжиматься в кулак), движение рук (в состоянии волнения человек берет что-то в руки, начинает вращать, ускоряет вращение). Как верно сказал один опытный юрист: «Надо вглядываться не только в Уголовный кодекс, но и в глаза человека». Трудно вообще судить о человеке, ни разу не взглянув пристально, изучающе ему в глаза. Наблюдение улучшается в условиях хорошей освещенности.

Правило контроля за изменениями психического состояния. В ходе раскрытия и расследования преступлений, задержания преступников, пресечения нарушений общественного порядка и в других случаях сотруднику полезно, а то и необходимо знать, в каком психическом состоянии находится правонарушитель, потерпевший, свидетель. Успокоение или возникновение тревожности, страха, повышение напряженности и появление пота в какие-то моменты встречи и разговора говорят о значимости момента, его опасности или уходе от опасности. На этом, в частности, строится и диагностика лжи и скрываемых обстоятельств (см. § 8.12).

Прием психологического зондирования. Опытный юрист не ждет пассивно, когда интересующее его лицо само проявит свою психологию. Он активно выявляет ее с помощью этого приема и его правил.

Например, в квартире одного из подозреваемых проводился обыск, но он не давал результатов. Тогда руководитель группы распорядился вывести подозреваемого в другое помещение, а в этой комнате переставить всю мебель. Когда подозреваемого вновь ввели в комнату, за ним наблюдали. Тот, увидев перестановки, быстро обежал комнату беспокойным взглядом, задержав

его на некоторое время на напольных часах, и успокоился, улыбнувшись. Из них и извлекли вещественные доказательства, которые были там тщательно запрятаны. Подозреваемый выдал себя своей реакцией.

Прием контроля за информативно значимыми психологическими реакциями по ходу выполняемого сотрудником следственного или иного профессионального действия:

• движения глаз;

• появление растерянности, задержки с ответом. Молчание может сказать больше, чем ответ;

• уход от прямого ответа, перевод разговора на другие вопросы;

• изменение психического состояния;

• оттенки уверенности и неуверенности в голосе, появление признаков искренности или лживости, «провалы памяти;

• внезапное покраснение и появление пота на лице, постукивание пальцем, усиление манипулирования предметом в руках (ручкой, карандашом, спичечной коробкой, пуговицей, пепельницей и пр.), закуривание сигареты и др.;

• непроизвольное расширение зрачков глаз;

• естественность (наигранность реакций) и др.

Прием «качания». Всем известна с детства игра «горячо — холодно».

Этот прием схож с ней. Когда допрос, разговор, перемещение приближаются к опасным для человека, знающего свою вину, но проявляющего неискренность и скрытность, теме, вопросу, месту, факту, его внутреннее напряжение возрастает, когда удаляются — снижается. Эти внутренние реакции непроизвольны, сдержать «выплескивания их наружу» практически невозможно, а попытка не проявить их внешне оказывается еще более заметной, так как неестественна.

От опытного, психологически наблюдательного юриста не укроются психологические проявления, и любые попытки виновного обмануть его, как правило, оказываются безуспешными. Язык внешних проявлении всегда более искренен, чем слова.

'См.: *О'Коннор Джозеф и Гриндер Джон.* Введение в нейролингвистическое программирование: Пер. с англ. - Челябинск, 1997; *Человеческий* фактор в правоохранительных системах. Языки мозга и тела человека: проблемы и практическое использование в деятельности органов внутренних дел. - Орел, 29 мая - 2 июня 1995 г.; *Щекин Г.В.* Визуальная психодиагностика и ее методы. — Киев, 1992; *Скрыпников А.И., Лаговский А.Ю., Бегунова Л.А.* Значение поведенческих реакций подозреваемого для экспресс-оценки его психологических особенностей. - М., 1995; *Куприянов В.В., Стовичек Г.Р.* Лицо человека. - М., 1988.

8.6. Визуальная психодиагностика криминальных признаков личности

Значимость морфологических, функциональных и сопутствующих признаков. В обыденном сознании бытует расхожее мнение о том, что скошенный лоб,, «ястребиный» нос, тонкие «змеевидные» губы, а также татуировки, клички,, жаргон, уголовная жестикуляция и пр. — неотъемлемые признаки людей, находящихся в противоречии с законом, преступников. Данная точка зрения, сформировалась и продолжает существовать под воздействием идей Ч. Ломброзо, Э. Кречмера, догматов френологии, физиогномики, оттесняя процесс; научного познания и заменяя его по существу предубеждением и штампом.. Сказывается влияние и ряда детективных произведений, фильмов, взявших на себя роль трансформатора массового физиогномического опыта, отдельных журнальных и газетных публикаций.

Не подвергая критическому анализу псевдонаучные теории, литературу детективного жанра, средства кинематографии, публицистику, заметим, что по сравнению с «человеком с улицы» сотрудник правоохранительных органов находится в ином положении. Поскольку эффективность его деятельности зачастую прямо связана с успешностью распознавания лиц, причастных преступной среде, в правоохранительной практике накоплен определенный опыт изучения личности с позиций ее асоциального заражения, опыта, статуса, действенности.

В юридической психологии выявляемые признаки группируются в три блока согласно принятой в криминалистике классификации:[1]

I блок — морфологические: особенности телосложения; строения лица, головы;

II блок — функциональные: речевое поведение (высказывания), жаргон; невербальное поведение (движения и действия), знаки визуального тайного общения (язык жестов, поз, мимики, взгляда);

III блок — сопутствующие: особенности одежды, обуви; татуировки, шрамы; носильные вещи; растительные покровы на лице, голове.

При выявлении криминальной принадлежности личности сотрудниками ОВД по психологическим признакам в исследовании[2] установлена следующая иерархия их значимости В табл. 8.1 приведены ранговые места морфологических, функциональных и сопутствующих признаков в суждениях сотрудников уголовного розыска и следствия при идентификации лиц, причастных к преступной деятельности.

Морфологические признаки. Рассмотрение признаков первого блока приводит к выводу о невысокой значимости анатомии лица, головы, телосложения при оценивании криминальной принадлежности личности. Однако некоторая склонность сотрудников правоохранительных органов все же учитывать морфологические особенности не является результатом руководства положениями о фатальной связи антропометрических характеристик человека с его индивидуальными и криминальными особенностями. Ссылки на «узкий лоб», «приплюснутый или крючковатый нос», «маленькие глубоко посаженные, колющие глазки», «неблагородное выражение лица» и т. д. — действие не столько физиогномических, сколько национальных примет.

Проявление «каузальной атрибуции» в виде этностереотипической добавки к устойчивому «криминальному портрету» нередко находит подтверждение в иронических прозвищах подозреваемых лиц иной, чем сотрудники, национальности. Действие этнического стереотипа в форме «вербальной стигматизации» (клеймения, деперсонализации) представителей «иной» национальности на основании особенностей внешности нередко блокирует адекватное восприятие индивидуально-личностных особенностей собеседника.

В целом низкая рейтинговость криминальных признаков, относимых к морфологическому блоку, может объясняться ситуативным влиянием на характер непосредственных впечатлений, неоднозначностью интерпретации физического облика человека.

Таблица 8.1. Иерархия значимости психологических признаков

№ п/п	Наименование признака	Процент суждений	Ранг значимости
I блок	Морфологические		
1	Строение лица, головы	9,3	6
2	Телосложение		7
II блок	Функциональные		
1	Речевое поведение (высказывания)	28,5	1
2	Жаргон	13,6	3
3	Невербальное поведение (особенности движений, действий)	14,2	2
4	Знаки визуального тайного общения	10,3	5
III блок	Сопутствующие		
1	Одежда, обувь и пр.	3,1	8
2	Растительные покровы на лице, голове	2,3	9,5
3	Шрамы	2,3	9,5

4	Татуировки	12	4

Функциональные признаки. Основная причина необходимости внимания сотрудников функциональным признакам при выявлении антиобщественной личности, согласно ряду исследований,[3] — социокриминальное расслоение современной преступности. С одной стороны, в ней наблюдается процесс всемерной маскировки криминальной принадлежности частью профессиональных преступников, проявляемый в демонстрации «респектабельности» (недопущении традиционных атрибутов асоциальной субкультуры, татуировок, жаргона и пр.), а также здорового образа жизни (ни спиртного, ни наркотиков, занятия спортом). Новое поколение преступников может демонстрировать семейные устои, чадолюбие, старательное выполнение рабочих («мирских») обязанностей. Бывает, что они уважаемы в глазах коллег по работе, что характерно для новой генерации «благопристойных» уголовников «идейным» уклоном. С другой стороны, наблюдается стремление непрофеесиональных, в основном начинающих, правонарушителей к личному и групповому самоутверждению в преступном мире через сознательное и открыто подражание устоявшимся криминальным традициям.

Среди признаков функционального блока при криминологической идентификации выделяются особенности ***речевого поведения (высказывания):***

• демонстрация социальной зрелости и нравственной чистоты (непротиворичивость, аргументированность, мотивированность суждений без необходимости без требований к этому со стороны сотрудника правоохранительных органов);

• преобладание однообразных фраз-паразитов, характеризующих умей венное развитие особого рода;

• большая выразительность рук, нежели речи (постоянная помощь себе разговоре руками);

• повышенная готовность к самозащите, обнаруживающаяся в постоянном и жестком самоконтроле поведения, в мгновенной реакции на опасные ситуации;

• игра в «несгибаемость», корпоративную «честность», спекуляция на чувствах товарищества, коллективизма;

• возмущение по незначительным поводам (неадекватность реакций на безобидные слова, замечания или действия сотрудника);

• парадоксальное сочетание в речи искренности и лживости, безволия упрямства, изворотливости и примитивизма, чувства ненависти к себе подобным и групповой сплоченности, женоненавистничества и сексуально! озабоченности при крайней нестабильности каждого из этих качеств;

• в силу отработанных защитных механизмов — завышенная самооценку, склонность считать себя, свою судьбу особенными, исключительными;

• самооправдание, выражаемое в максималистских, циничных заявлениях; типа: «преступно государство, а мы — его верные подданные»; «воруют все кто смел, дай только волю»; «все люди — враги» и пр.;

• стремление сохранить дистанцию в отношениях с сотрудником ОВД, обезличить его, видя в нем лишь определенную социальную роль, а не живого человека.

Жаргон («блатная музыка», «феня») используется преступниками как средство общения между собой и потому может невольно проявляться в речи во время допросов.

На сегодняшний день сведения о жаргонном языке лиц, подозреваемых в преступной деятельности, являются такими же актуальными, как и много лет назад, когда Д. С. Лихачев писал о том, что подобный материал ценен не •только этимологией отдельных слов. Этот язык включает в себя всю идеологию, все коллективные представления и коллективные эмоции как воров, так и прочих асоциальных лиц.[4]

Употребление жаргонных слов лицами, причастными к криминальной среде, предназначено для: зашифровки мыслей и тем самым обеспечения живучести преступного сообщества; самоутверждения в преступной среде или подчеркивания превосходства сообщества преступников над другими людьми (например, в преступном сообществе все люди делятся на «гавриков», «шибздиков», «волосатиков», «дубаков», а чины милиции — на «легавых», «лягушек», «жаб», «псов», «снегирей», «клух»); распознавания «своих» и выделения их в особую касту по специализации (например, различаются несколько разновидностей воровской профессии: «мойщик» — вокзальный вор или лицо, обкрадывающее спящих в вагоне пассажиров, совершающее кражу у пьяных, «охотник» — нищий профессионал, «барабанщик» — квартирный

вор, стуком в окно или звонком предварительно проверяющий отсутствие хозяев, «тихушник» — вор, совершающий кражи из незапертых квартир, и пр.); выявления лиц, имеющих намерения проникнуть в криминальное сообщество, что позволяет «изобличать» подосланных властями агентов, знающих только основы языка; отражения внутригрупповой иерархической структуры (по обозначению членов сообщества терминами жаргона определяются их права и обязанности, система взаимоотношений: «косматый» — главарь группы; «валет» — лицо, прислуживающее авторитетам преступного мира, «взросляк» — совершеннолетний преступник и пр.) и т. д.

При декодировании «зашифрованной речи» криминальных лиц сотрудникам правоохранительных органов приходится сталкиваться с определенными трудностями. Во-первых, от представителей криминального мира очень трудно добиться каких-либо объяснений тех выражений и слов, которые они употребляют. Подозреваемый, прошедший не один десяток допросов, вырабатывает в себе тактику запирательства. И этот факт «запирательства», по мнению опытных специалистов правоохранительной системы, делает «уголовную тарабарщину» малодоступной пониманию, а сведения, содержащиеся в справочниках, словарях, энциклопедиях,[5] в части освещаемой проблемы жаргона не всегда отражают быстро меняющиеся реальности преступного мира.

Во-вторых, отмечается постоянное обновление словаря уголовного жаргона, «удлинение» синонимического ряда входящих в него слов. Основная причина такого словотворчества — прогрессирование наркоманийной преступности, члены которой отличаются по большинству параметров от общей массы правонарушителей: уровню информированности, общей культуре, образованию, эрудиции. В связи с расцветом в стране наркоманийной преступности современный жаргон правонарушителя постоянно наполняется искаженными иностранными словами, медицинскими терминами («баядерка», «гейгерл», «гейшанка», «эвричка» и пр. — проститутка; «витамин С», «санта-мария», «хромосома жирная», «яйцеклетка товаристая», «эрзац-баба» — жена, сожительница).

В-третьих, смысл жаргонного слова может преображаться в зависимости от контекста фразы, конкретной обстановки, внешних обстоятельств. Например, слово «навернуть» означает «совершить», «что-то сделать», при этом можно «навернуть скачок» — совершить кражу со взломом; «навернуть малину» — установить тайную квартиру; «навернуть бабки» — добыть денег; «навернуть фраера» — обмануть кого-либо.

В-четвертых, прослеживается «популяризация» среди всех слоев населения жаргонных слов и выражений. Они употребляются не только правонарушителями, но и законопослушными гражданами (хотя и в шутку, из озорства, без жиганской и воровской патетики), что вносит иногда путаницу в процесс криминологической идентификации.

Необходимость иметь представление о жаргоне как инструменте изучения преступника вполне объяснима, в противном случае общение с ним может оказаться ограниченным, не полным и не доверительным, а незнание или неудачное применение жаргонных слов сотрудником ОВД может привести к резким конфликтным ситуациям.

Невербальное поведение (неосознаваемые, малоосознаваемые движения и действия):

• проявление настороженности в беседе даже на нейтральные темы: пристольный взгляд, прищуривание, наморщивание лба перед ответом (придание лицу выражения проницательности — желание предугадать направление беседы, степень осведомленности сотрудника ОВД о событиях преступления);

• проявление подозрительности и скрытности (взгляд сбоку — углами глаз; движения рук, закрывающие лицо; взгляд в сторону; сокрытие ладоней и др.);

• проявление нервозности (активное движение рук, в первую очередь кистей и пальцев; частое покашливание, прочищение горла; учащенное моргание; покусывание губ или ногтей; избегание взгляда сотрудника; ерзанье и др.);

• неестественная веселость или развязность, примитивная бесцеремонность (беззаботно открытая посадка — ноги или бедра широко расставлены; улыбчивость, демонстрация преувеличенного дружелюбия, когда обстановка не располагает к этому) и т. д.

Специфику невербального поведения представителя криминального мира Д.С. Лихачев[6] связывал с обрывочным, «заторможенным» характером речевого синтаксиса, с пропуском подлежащего и сказуемого. Страх произнести лишнее, выдать себя или других из-за болтливости часто не разрешается ничем. Здесь-то и приходят «на помощь» телодвижения как результат разрешения напряжения в речи преступника, в среде которого к тому же не терпят многословия, где почти все понимается с полуслова, порой по одному взгляду или позе. Это обстоятельство

порождает понимание специалистами ОВД необходимости владеть искусством толкования этого особого языка — языка телодвижения, проявление которого обусловлено импульсами подсознания. Отсутствие у собеседника возможности подделать эти импульсы позволяет доверять этому языку больше, чем обычному словесному каналу общения.

Знаки визуального тайного общения — «ручная феня» (осознаваемое невербальное повеление). Использование знаков тайного общения особенно распространено в среде мошенников, картежников, наперсточников, проституток, преступников, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Так, у картежных игроков для передачи информации используются наиболее естественные жесты, движения глаз и др. Знаки визуального тайного общения позволяют: передать информацию с тайным содержанием при всех, на значительное расстояние или при таких условиях, когда невозможно ее передать при помощи речи; обеспечить быстроту передачи информации; быть понятным только для определенного круга.

Например, психологическими исследованиями[7] установлено, что зажатый в кулаке указательный палец является индикатором скрытности человека, неуверенности в своих словах и действиях, а следователи утверждают, что при проведении очных ставок этот жест обозначает сигнал о безвыходном положении: «Обложили доказательствами». Жест, когда двумя раскрытыми ладонями изображается фигура, подобная букве «Т» — сигнал о серьезности обвинений, грозящих тюремным заключением, что на жаргоне обозначается терминами: «крышка», «амба», «крепко сел». Вращение двух указательных пальцев, направленных друг к другу, говорит о неопределенности или неуверенности в чем-либо и т. д.

Наблюдение за глазами, жестами осужденных также является одним из способов получения весьма важной информации. Так, подмигивание в сочетании с поглаживанием подбородка означает «подойди ко мне»; потряхивание рукой на уровне груди, напоминающее встряхивание пыли, и попеременное подмигивание — «не подходи»; если шулер подмигнул левым глазом и сжал пальцы в кулак, а потом резко разжал их — означает, что у него на руках подтасованная карта и напарник может ходить «ва-банк».

К числу опознавательных сигналов относится и условное движение пальцев. Особенно оно распространено у воров и картежных шулеров. Так, для определения «своего» в игре используются резкое, частое подмигивание и многократное соединение в кольцо большого и указательного пальцев; если напарник по игре сжал напряженно кулак — «крой всеми деньгами». Рука, сжатая в кулак при оттопыренных указательном пальце и мизинце, резко подносимая к подбородку или к горлу, означает приближение опасности и др.

Сопутствующие признаки. По данным табл. 8.1, среди признаков, указывающих на принадлежность лица к преступной среде, весомое место занимают ***татуировки*** («наколки», «регалки», «картинки», «прошивки»).

В психолого-юридических источниках в зависимости от содержания (тематической направленности), ценностно-функциональной значимости используемой символики все татуировки разделяют на: сигнально-обособительные, личностно-установочные, стратификационно-информационные, мифологические и культовые, антирелигиозные, уголовные, сексуально-эротические, художественно-декоративные, юмористические, сентиментальные (памятные) и профессиональные (символика различных профессий).[8]

В настоящее время наблюдается многообразие социально-психологических функций уголовных татуировок. Они являются не только знаками общения правонарушителей между собой. В своем содержании и локализации на различных участках тела татуировки близки преступнику по духу, его специализации, конкретному уголовному делу (могильный крест - «масть» убийцы; вытатуированный доллар — совершил ограбление; три точки у девушек на руке — воровка и т. д.), могут многое рассказать о вкусах их носителей (изображение женщин, рюмок, шприца и пр.), выдать некоторые биографические данные (МТ — Матросская Тишина, КПР — Казанский приемник-распределитель, год рождения и пр.), свидетельствуют о членстве в определенной преступной общности (изображение решетки, креста, карт, шприца и пр.). Кроме того, татуировка среди других особых примет указывает на устойчивые личностные характеристики, отражающие ее ценности, образ мыслей, установки («Не встану на колени»; «Не подам руку ментам»; изображение кота — беглец по натуре; изображение якоря с узлом — «завязал» и т. д.).

Тенденции, связанные с феноменом татуировок у преступников на современном этапе, заключаются в следующем:

• большинство преступников наносили татуировки только в возрасте до) 28—30 лет, будучи еще подростками. Обычно этим отмечалось пребывание в воспитательно-трудовых колониях. Рано или поздно перед ними встает вопрос о том, как очиститься от следов «лагерной культуры».

• профессиональные преступники «новой волны» не носят на своем теле татуировок; авторитетные рецидивисты следят за тем, чтобы этого не делал молодые, перспективные в криминальном плане преступники. Причиной подобных «табу» является понимание, что татуировка — «визитная карточка» которая мешает осуществлению антиобщественной деятельности;

• молодые, начинающие преступники зачастую наносят татуировки без относительно интерпретаций, изложенных в справочных изданиях, побуждаемые мотивами отождествления себя с преступной средой, украшательства

• различные касты криминалитета, а также отдельные индивиды могу вкладывать свой (не одинаковый по регионам) смысл в татуировки. Подлинную семантику татуировок можно понять только в комплексном изучений конкретной личности преступника.

В перечне сопутствующих признаков криминальной специфики встречаются: постоянное ношение рубашки с длинными рукавами, скрывающей татуировки; манера носить кепку, надвигая ее на глаза; модная в уголовной среде одежда (преимущественно спортивного покроя), ношение четок, стальных крестов на цепочках. Однако по этим особенностям не следует делать) поспешных выводов об антиобщественной сущности их обладателя, так как при выборе стиля одежды, прически, украшений и т. д. нередко сказывается влияние множества не зависящих от индивида факторов (социальная мода, рабочая обстановка, материальные возможности и пр.).

Выявление криминологически значимых признаков сотрудником правроохранительных органов позволяет своевременно пресекать преступные замыслы, недозволенные связи, имеет практическое значение в исследовании психологических и социальных характеристик конкретной личности:

• ее принадлежности к определенному преступному сообществу (ворам, грабителям, рэкетирам, насильникам, наркоманам и т. п.);

• степени криминальной зараженности, статуса, действенности;

• внутреннего отношения к труду, дисциплине, государственной и частной собственности, к другим людям, к представителям правоохранительных органов, закону, правилам человеческого общежития и общечеловеческим ценностям.

---

[1] *Снетков В. А.* Использование признаков внешности в работе ОВД. - М., 1993.

[2] *Аминов И. И.* Изучение психологии собеседника в деятельности сотрудников правоохранительных органов. — Ижевск, 1998.

[3] См.: *Алферов Ю. А.* Пенитенциарная социология: аудиовизуальная диагностика (татуировки, жесты, жаргон). В 2 ч. - Домодедово, 1996; *Пирожков В. Ф.* Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). - Тверь, 1994; *Человеческий* фактор в правоохранительных системах. - Орел, 1996.

[4] *Словарь* тюремно-лагерно-блатного жаргона. - М., 1992. - С. 368.

[5] *Вакутин Ю. А.* Словарь жаргонных слов и выражений. Татуировки. - Омск, 1979; *Бронников А. Г.* Криминалистическое значение татуировок у правонарушителей. - Пермь, 1982; и др.

[6] *Словарь* тюремно-лагерно-блатного жаргона. — С. 368.

[7] *Рюкле Х.* Ваше тайное оружие в общении. - М., 1996. - С. 151.

[8] *Пирожков В.Ф.* Указ. соч. - С. 134.

8.7. Составление психологического портрета преступника по следам на месте происшествия

Подходы к составлению психологического портрета по следам на месте происшествия. Зарубежные и отечественные специалисты считают, что необходимость в разработке психологического портрета преступника (ППП) актуальна при расследовании определенной категории неочевидных преступлений, характеризующихся существенным или полным отсутствием сведений о конкретном виновном лице: убийств на сексуальной почве с признаками садистского истязания жертвы; убийств с посмертными колотыми и резаными ранениями; убийств, содержащих признаки манипуляций преступника с трупом жертвы; «безмотивных»

поджогов и взрывов; изнасилований и др. В этом случае поиск признаков преступника осуществляется зачастую только исходя из следов и обстоятельств преступления. Их психологический анализ в рамках методики составления психологического портрета преступника способен инициировать продуктивные версии о его признаках, которые позволяют сужать круг розыска, а также выявлять виновного среди лиц, попавших в поле зрения следствия. С учетом этих требований в портрет преступника специалисты рекомендуют включать следующие данные:[1] 1) общую характеристику личности и преобладающую мотивацию преступлений; 2) индивидуальные признаки личности — привычки, склонности, навыки и пр.; 3) возраст; 4) район места жительства; 5) район места работы, службы, учебы; 6) частные характеристики места вероятного обитания; 7) уровень образования и профессиональной квалификации; 8) род занятий; 9) особенности происхождения (родительской семьи) и личной истории жизни; 10) семейное положение; И) наличие детей; 12) отношение к отдельным видам деятельности - к службе в армии, спорту, медицине, работе с людьми и пр.; 13) наличие прошлой судимости; 14) наличие психической, а также иной патологии; 15) антропологические и динамические характеристики лица (тип внешности, телосложение, пантомимика и др.). Помимо указанных могут быть приведены и другие данные.

Концептуально психологический портрет преступника строится на основе теоретического положения о личностной детерминированности всякого поведения. При этом имеют место два подхода к установлению связи между признаками преступления и преступника.

Статистический подход основывается на существующей статистике сопряжений признаков преступника с признаками криминалистической характеристики преступления (их совокупности), выявленной по аналогичной категории раскрытых дел. Он активно используется в практике следственно-розыскной деятельности полиции США, Англии, Голландии и некоторых других стран. Недостаток данного подхода — отсутствие содержательных суждений по поводу выводимых признаков преступника. В то же время по конкретному делу наименее статистически определенный признак может оказаться наиболее достоверным и информативным.

Аналитика-психологический подход[2] нацелен на вскрытие субъективно-личностного содержания действий преступника, исходя из чего выдвигается аргументированная версия о его признаках. Иначе говоря, связь признаков лица с признаками поведения здесь опосредована их психологической, смысловой взаимосвязью. В настоящем параграфе рассматриваются данный подход, теоретические основания, принципы и алгоритм его реализации на практике.

Теоретические основания разработки психологического портрета преступника (аналитико-психологический подход). В теории и практике психологии исследование психических явлений исходит из конкретных действий и поступков человека, из его объективного поведения.[3] При этом, опираясь на существование общей для внешней и внутренней деятельности макроструктуры[4], можно говорить о способности идеального оставлять свой «отпечаток» в материальной среде в виде «комплексного, личностно-регуляционного следа»[5], заключающего сделанные человеком выборы по каждому элементу криминалистической характеристики преступления. Данный «след» не менее пригоден для идентификации личности преступника, чем след его пальца. Отсюда в основу разработки ППП положены частные психологические ***принципы*** анализа происшествия:

1. *Элементы криминалистической характеристики рассматриваются как результаты поведения, реализованного лицом в условиях свободного выбора, терминированного системой как осознаваемых, так и неосознаваемых побуждений и направленного на достижение субъективно желаемой цели.*

1. Элементы криминалистической характеристики преступления рассматриваются как единая система, системообразующим принципом которой выступает личность преступника в ее субъективном отношении к другим составляющим криминалистическую характеристику элементам.[6]

Таким образом, преступное событие как психолого-криминалистическая система включает в себя его элементы (время, место, орудие, жертву и др.) по признаку «материализованного в них идеального (психологического)», а именно субъективного отношения преступника к качественному содержанию каждого из них и в их совокупности, что и предопределяет сделанные преступником выборы. Данное, личностно окрашенное отношение находит внешнее проявление в «индивидуальном действии», которое трактуется по X. Хекхаузену как действие, детерминированное индивидуальной особенностью личности.

В общем виде алгоритм разработки ППП включает *три последовательных этапа* анализа происшествия, первый из которых по существу является криминалистической технологией реконструкции механизма преступления (воссоздающей внешний ряд действий преступника) по следам и его обстоятельствам[7] и поэтому здесь нами не рассматривается. Последующие второй и третий этапы анализа реализуют психологические приемы реконструкции признаков преступника и включают в себя: на втором этапе — три психологических приема выявления «индивидуального действия», а на третьем этапе — три психологических приема интерпретации «индивидуального действия».

Технологический алгоритм разработки ППП включает три приема, соответствующих трем строго последовательно выполняемым этапам составления психологического портрета.

Прием реконструкции криминалистического механизма преступления. Ретроспективно, по следам на месте происшествия и его обстоятельствам, воссоздаются внешний ряд действий преступника и ситуация преступления.

Прием психологического моделирования поведения преступника. Задача: выявить с помощью трех психологических приемов анализа (приводимых ниже) в реконструированной внешней стороне деятельности преступника составляющие «индивидуальные действия».[8]

Правило выявления «индивидуального действия» на основе установления индивидуальных различий. Начинать надо с оценки степени соответствия реконструированного действия действиям других людей. Чем меньше согласуется действие человека с действиями большинства людей в той же ситуации, тем в большей степени оно обусловлено личностными факторами.

Пример — «помощь»: толпа людей неподвижно стоит вокруг жертвы аварии, и лишь один наклоняется, чтобы помочь. Данное действие является «индивидуальным».

Правило выявления «индивидуального действия» на основе установления стабильности действия по отношению к ситуациям. Следует оценивать степень соответствия данного действия действиям того же человека в других ситуациях. Чем однотипнее действует человек в различных ситуациях, тем сильнее его поведение обусловлено личностными факторами.

Пример — «метро»: в серии преступлений, совершенных одним и тем же преступником, прослеживались существенные различия в объективных параметрах их ситуационных условий: по времени суток; по характеристике качества пространства — «замкнутое» (чердак, подвал, подъезд и т.п.), «открытое» (лесополоса, пустырь, улица и т.п.); по возрасту избираемых жертв, их половой принадлежности. В них объективно существовал существенный разброс. Преступления совершались как в тех, так и в других ситуационных условиях. В то же время во всех случаях условия ситуаций происшествий содержали один общий для них признак: пространственно место происшествия всегда было незначительно удалено от какой-либо из станций метро. Такое стабильно проявляющееся действие (в разных ситуациях) по однотипному выбору (осознанному или бессознательному) места совершения преступления, исходя из одной и той же его характеристики — незначительной удаленности от станций метро — необходимо рассматривать как «индивидуальное действие».

Правило выявления «индивидуального действия» на основе установления стабильности действия во времени. Важна оценка степени соответствия реконструированного действия действиям того же человека в аналогичных ситуациях в прошлом. Чем заметнее человек при повторных ситуациях меняет свое поведение, тем в большей степени оно детерминировано личностными/ факторами (при условии, что на ситуацию не влияют дополнительные внешние обстоятельства).

Пример — «сокрытие»: в серии преступлений, совершенных одним и тем же лицом, прослеживалась закономерность: в шести из семи эпизодов преступник после совершения убийства не предпринимал никаких мер к сокрытию трупа и лишь в одном случае — пятом по счету, имело место перемещение трупа с последующим его сокрытием. Очевидно, что здесь нарушена закономерность в его поведении. Следовательно, действие по перемещению трупа с последующим его сокрытием необходимо считать «индивидуальным».

Прием психологической интерпретации поведения преступника (индивидуальных действий). Задача: объяснить, психологически оправдать «индивидуальные действия» преступника. Психологическими приемами интерпретации «индивидуального действия» выступают такие:[9]

Правило объяснения причин «индивидуального действия» «сильной стороной» личности, предопределившей выбор данного действия среди возможных других.

1. Выдвигается версия, что в «индивидуальном действии» проявились (возможно акцентуированно) какие-либо из следующих *параметров личности*

• направленность (потребности, мотивы, установки, жизненные планы, концепции, ценностные ориентации, склонности, вкусы, хобби);

• социально-психологические особенности поведения (в том числе демографические, культурные, социальный и межличностный статус, роли, стили жизни и общения);

• характерологические качества (характер, акцентуированные свойства личности);

• психические свойства и процессы (особенности интеллектуальной, эмоционально-волевой сфер, восприятия, внимания, речи);

• операциональные характеристики (привычки, умения, навыки, знания);

• биопсихические свойства (темперамент, половые, возрастные, морфологические, патологические свойства, состояние здоровья);

• особенности сексуальной сферы (сексуальная ориентация, биологические и социальные детерминанты личностной проблемы).[10]

2. Оцениваются действия преступника в контексте указанных выше личностных параметров (необходимо связать установленные особенности в действиях преступника с какими-либо его параметрами, способными объяснить; эти действия). Пример — «помощь» (см. выше). «Индивидуальное действие» по оказанию помощи можно интерпретировать следующим образом: этого человека, по-видимому, отличает большая готовность к помощи. Возможны и другие внутренние причины, объясняющие такое поведение, как-то: он имеет отношение к медицине, готов всегда исполнить профессиональный долг; является близким человеком для потерпевшего и т.п.

Правило объяснения причин «индивидуального действия» «операциональным смыслом»,[11] предопределившим выбор этого действия среди возможных других.

1. Выдвигается версия, что в «индивидуальном действии» реализовался опыт прошлых способов действия, заключающий в себе приобретенные навыки: профессиональные; бытовые; связанные с увлечениями и другие, а также привычки (феномен «операционального смысла» как механизм избирательности проявляет себя, как правило, на подсознательном уровне реализации, иногда рельефно выделяясь непривычным или редким для ситуации способом действия, употребления предмета, отличным от оптимального варианта линией поведения).

2. Необходимо увязать установленные навык, привычку, знание, умение с признаками и свойствами личности как способными объяснить выявленную особенность поведения (т.е. необходимо дать смысловую интерпретацию «индивидуального действия» преступника).

Пример: на пустыре обнаружен труп. В 200 метрах от него (на тропинке, ведущей к жилому массиву), за забором частного владения найдена скомканная ветошь со следами крови. Следствием установлено: местом преступления является место обнаружения трупа; кровь на ветоши принадлежит потерпевшей. Отсюда следователем в рамках реконструкции действий преступника было сделано вероятное предположение, что преступник в целях сокрытия следов причастности к преступлению предпринял действия к уничтожению следов крови на руках. Для этого он поднял валявшийся на земле клочок ветоши и, вытирая ею на ходу руки, удалился. Особенности обстановочных условий (наличие лужи с водой, песка, травы, наконец, одежды потерпевшей, которые могли выступить альтернативным средством достижения цели), с одной стороны, а с другой - нетипичность выбора способа уничтожения улики позволили сделать суждение о возможной природе причин, породившей избранный способ действия, в котором можно усмотреть специфический операциональный состав - неторопливое, неоправданно продолжительное (как бы «между делом») вытирание рук ветошью.

В результате была выдвинута версия о признаке виновного, а именно: род профессиональной деятельности преступника, вероятно, включает в себя частый контакт с горюче-смазочными материалами либо другими «пачкающими» руки «жирными» веществами, химический состав которых не требует использовать перчатки для защиты кожи рук. В то же время, вероятно, привычным средством вытирания рук является ветошь. Таким образом, в основу разработки оперативно-розыскных мероприятий легла частная версия о признаке виновного, которая существенно сузила круг заподозренных лиц по профессиональному признаку (механик, слесарь-сантехник и т.п.).

Правило объяснения причин «индивидуального действия» механизмом маскировки «слабых сторон — позиций» преступника. Чаще всего именно этим объясняется выбор им данного действия среди возможных других. К этой категории «индивидуальных действий» относятся

всевозможные действия-сокрытия: следов на месте преступления; места совершения преступления; самого факта преступления и т.д., а также действия-инсценировки.

1.. Необходимо проанализировать, не является ли выбранное преступником «индивидуальное действие» (совокупность действий) «маскировочным», в частности, носящим характер сокрытия, инсценировки. Если есть основания предположить это, то, вероятно, существует какая-либо связь преступника с жертвой либо местом совершения преступления, либо иными обстоятельствами преступления. Возможно существует и связь по совокупности указанных факторов.

2. Целесообразно выдвинуть версию о связи преступника с жертвой, способной объяснить «индивидуальное действие». Пример — «Сокрытие» (см. выше). Вероятно, объяснение отсутствия сокрытия преступления в шести из семи эпизодах можно найти в такой «психологике» преступника: «Меня невозможно «вычислить», так как я не вхожу в круг лиц знакомых жертвы. Пространственно место преступления не сопрягается с моим местом жительства, стандартными перемещениями, : иными обстоятельствами моей обычной жизнедеятельности, а также обстоятельствами, в силу которых я оказался в том месте и в то время». Лишь в одном случае (5-й эпизод), по-видимому, обстановочные условия либо особенности жертвы в каких-то своих параметрах нарушали «в его глазах» эту «железную» логику и содержали признаки, способные сузить круг поиска сотрудниками милиции. Поэтому оправдана версия о том, что либо место преступления, либо жертва в 5-м эпизоде сопрягаются с признаками преступника: а) пространственная близость мести преступления к месту его жительства либо к обычным его перемещениям и т. п.(в то время как другие преступления им совершены на относительно удаленном расстоянии, вне его обычной орбиты жизнедеятельности). Либо, возможно, что иные сложившиеся на момент преступления обстоятельства «указывают» на закономерность его пребывания в данном месте, в данное время; б) наличие какой-либо его связи с жертвой, способной, при установлении этой связи с сотрудниками органов внутренних дел, сузить круг поиска и «вычислить» его.

Возможны и иные внутренние причины, побуждающие к отклонению от привычного образа действий в аналогичных ситуациях. Их нахождение способна во многих случаях указывать на индивидуальные признаки преступника.

Рассмотренные психологические приемы разработки ППП и иллюстрирующие их примеры демонстрируют, что установление психологического (субъективного) содержания действий преступника, а также прояснение лежащих за ними побуждений позволяют аргументирование выдвинуть версию о признаках лица, совершившего преступление. В то же время необходимо признать, что существует риск получения искаженных результатов при анализе деликта методом «портретирования». Возможные причины этого во многом лежат в отдаваемых следователем предпочтениях привычным, стереотипным суждениям, предвзятой направленности расследования. «Первоначально возникающие установки могут порождать тенденциозность в интерпретации воспринимаемых явлений».[12] Объективность выводов о признаках личности преступника в психологическом портрете обеспечивается рядом *общих правил анализа материалов уголовного дела:*

1. *Отказом от преждевременных обобщений и выводов.*

2. *Вариативностью предположений.* Е.И. Регирер, изучая развитие способностей исследователя, отметил, что он «...должен держать свое воображение «на привязи», постепенно охлаждая себя суждениями о возможности и степени вероятности. Не сбрасывая с себя этой узды, необходимо почаще рассматривать всякие предположения: «если бы», «допустим, что» и всевозможные предполагаемые ситуации, связанные с некоторым риском мысли».[13]

3. *Многократностью наблюдений* (повторяемостью) проявлений особенностей личности в других обстоятельствах и действиях. Данное требование предполагает учитывать то, что «...одна и та же форма поведения является, с одной стороны, реализацией многих индивидуально-личностных тенденций и особенностей, с другой - имеет различные объективные отражения-следы. Поэтому сделать заключение о той или иной особенности личности предполагаемого преступника можно лишь на основе анализа многих форм его поведения, отраженных в разных криминалистических элементах преступления».[14]

4. *Контролем с помощью других методов исследования* (например, специально организованного эксперимента).

5. *Выявлением противоречий в логике действий преступника,* обстоятельствах происшествия и их между собой, ища им объяснения, не исключая возможность инсценировки.

6. *Системностью.* Отдельные объекты объединяются в системы, комплексы, обусловленные сущностью изучаемых явлений, с соблюдением такого порядка «наблюдения», чтобы ни один существенный для расследования объект не остался вне поля внимания. При этом оценивается значение одного факта в системе других фактов. Новое знание — вывод сопоставляется с известным и другими выводными знаниями. При альтернативных гипотезах о личности предпочтение отдается той, которая находит большие основания в совокупности обстоятельств преступления. «Реконструкция тем успешнее, чем больше информации о взаимосвязях между всеми элементами события».[15]

---

[1] Перечень криминалистически значимых, поисковых признаков личности преступника предложен в Информационном письме Генеральной прокуратуры и МВД РФ. от 1993г. и по содержанию сходен с характеристиками личности преступника, выявляемыми методом «профилирования», используемым ФБР США.

[2] См.: *Афиногенов А.И.* Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления. Дисс. ... канд. психол. наук. - М., 1997; *Самовичев Е.Г.* К методологии криминогенетического анализа. // Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия: Сб. научных трудов ВНИИ МВД РФ. - М., 1988. - С. 50-60.

[3] *Котов Д.П.* Установление следователем обстоятельств, имеющих психологическую природу. - Воронеж, 1987. - С. 121.

[4] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. - М., 1977. - С. 101.

[5] *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии. - М., 1996. - С. 392.

[6] Понятие «отношение» здесь трактуется как субъективное принятие или отвержение на чувственном, бессознательном и интеллектуально осознанном уровнях.

[7] См.: *Лузгин И.М.* Моделирование при расследовании преступлений. - М., 1981; *Валчецкая Т.С.* Ситуационное моделирование в расследовании преступлений. - Дисс. ...канд. юрид. наук. - М., 1991; и др.

[8] В основу положены три параметра действия, научно обоснованные X. Хекхаузеном. См.: *Хекхаузен X.* Мотивация и деятельность. - М., 1986. - С. 16.

[9] За основу взята примерная схема составления психологической характеристики личности, предложенная в кн. *Глазырин Ф.Б., Шиханцов Г.Г.* Практикум по судебной психологии. - Минск, 1977. - С. 31-32.

[10] Причиной для выделения указанной сферы в самостоятельный структурный компонент служит выявленная в ряде категорий уголовных дел и психологических исследованиях детерминированность преступного поведения биологическими и социальными проблемами, тесно сопряженными с особенностями функционирования именно данной сферы. - См.: Материалы международной конференции: серийные убийства и социальная агрессия. - Ростов-на-Дону.; М., 1994.

[11] Понятие «операциональный смысл» ввел O.K. Тихомиров. См.: *Структура* мыслительной деятельности человека. - М., 1969. - С. 132. См. также: *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии. - М., 1996. — С. 392.

[12] *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии, С. 413.

[13] *Регирер Е.И.* Развитие способностей исследователя. — М., 1969.

[14] *Самовичев Е.Г.* Некоторые прикладные вопросы анализа серийных преступлений // Сб. научных трудов ВНИИ МВД России. - М., 1993. - С. 15.

[15] *Самовичев Е.Г.* Указ. соч. - С. 18.

8.8. Психологическое наблюдение за группой

Психологическое наблюдение за группой. В практике деятельности работников правоохранительных органов наблюдение за психологическими особенностями группы людей позволяет решать разнообразные профессиональные задачи. Во-первых, психологическое наблюдение за группой правонарушителей и диагностика специфики ее психологии (выявление статусной и ролевой структур, оценки состояния внутригрупповых отношений, характера поведения лидера и т.д.) создают благоприятные предпосылки для разобщения группы, предупреждения и пресечения преступлений. Во-вторых, наблюдение за социально-психологическими явлениями в группах работников органов правопорядка (следственно-

оперативных группах, группах по задержанию вооруженных преступников, патрульно-постовых группах и др.) позволяет повысить эффективность совместной деятельности и руководства ими. В-третьих, проведение ряда профессиональных действий вообще невозможно без применения психологического наблюдения за группой. Например, проведение следователем очной ставки основывается на психологическом наблюдении за поведением по крайней мере двух людей, что позволяет сделать определенные выводы об их взаимоотношениях, взаимопонимании или противоречиях, социально-психологических качествах общающихся.

Психологическое наблюдение за группой представляет собой целенаправленное и организованное восприятие различных сторон ее психологии в процессе совместной деятельности и взаимодействия людей. Психологическое наблюдение может быть включенным и невключенным в зависимости от того, является наблюдатель членом группы или нет.

В психологическом наблюдении за группой доказала свою эффективность процедура стандартизованного (или контролируемого) наблюдения.

При стандартизованном психологическом наблюдении в отличие от нестандартизованного (или неконтролируемого, случайного) сбора фактов наблюдатель заранее определяет, какие элементы группового поведения имеют наибольшее значение для изучения, и сосредоточивает на них свое внимание. Стандартизованное наблюдение осуществляется с помощью диагностических шкал, формализованных планов и программ наблюдения.

Формализованный план наблюдения за групповой деятельностью. В юридической психологии хорошо известна процедура контролируемого наблюдения за групповой деятельностью, предложенная американским психологом Р.Бейзлом. В результате многочисленных исследований он составил план наблюдения, в котором показаны все значимые признаки поведения членов группы при совместном решении задачи.[1]

План наблюдения за поведением людей в группе

1. Проявляет солидарность, поддерживает других, помогает, поощряет.
2. Чувствует себя удобно, шутит, смеется, проявляет удовлетворение.
3. Соглашается, пассивно повинуется, понимает, уступает другим.
4. Советует, руководит, причем учитывает автономию других.
5. Высказывает мнение, оценивает, анализирует, выражает свои чувства или желания.
6. Ориентирует, информирует, повторяет, объясняет, подтверждает.
7. Просит ориентировать, информировать, повторить, подтвердить.
8. Спрашивает о чужом мнении, установке, интересуется оценкой своих действий, выражением чувств по поводу своего поведения.
9. Ориентируется на предложения, просит указаний о возможных путях действий.
10. Не соглашается, саботирует, не оказывает помощи, действует формально.

И. Проявляет напряженность, раздражение, просит о помощи, уклоняется от совместных действий.

12. Проявляет антагонизм, унижает других, защищает и утверждает себя.

Указанные в плане наблюдения признаки поведения членов группы говорят о следующем:

пп. 1,2,11,12 описывают сопровождающие процесс совместного принятия решения эмоции (пп. 1,2 — положительные и пп. 11,12 — отрицательные эмоции) и .соответствующие действия членов группы;

пп. 6, 7 характеризуют ориентировку членов группы в отношении общей задачи;

пп. 5, 8 оценивают ход выполнения совместной задачи членами группы;

пп. 4, 9 характеризуют качество внутригруппового контроля;

пп. 3, 10 раскрывают процесс принятия совместного решения, причем пп. 4, 5, 6 характеризуют предложения собственных решений, а пп. 7, 8, 9 — поиск решений у других членов группы.

Шкала оценки в процессе наблюдений межличностных отношений в группе.

В. Ньюстетгером предложена шкала оценки в процессе наблюдения характера проявлений взаимоотношений членов группы в диапазоне от сердечности до прямой враждебности. Шкала состоит из девяти пунктов (табл. 8.2).[2]

Таблица 8.2. Шкала оценки межличностных отношений в группе

Пункт шкалы	*Наблюдаемые показатели у членов группы*

1	Физическое выражение симпатии (прикасаться, гладить и т.д.)
2	Знаки особого расположения в доброжелательном смысле (давать, одолжать, приглашать, предпочитать, защищать)
3	Знаки товарищеского отношения (шепот, смех, улыбки, совместная работа, высказывание, приобщение)
4	Случайные разговоры (беседы, которые не обязательны для ситуации, приветствия)
5	Почти нейтральное, но еще немного позитивное отношение (вопросы, согласие, одобрение, похвала, любезность, одолжение, выполнение небольших просьб, игнорирование, обиды)
6	Знаки равнодушия к правам, требованиям или просьбам другого (игнорирование вопроса или просьбы, отказ выполнить просьбу, попытка доминировать без ссоры, ирония, критика)
7	Признаки нескрываемого, явного конфликта с правами, требованиями и желаниями других (спор, возражения против правил поведения, первенство над другими)
8	Признаки злобы или презрения личностного типа без прямого нарушения прав, требований или желания (обвинение, критика, ирония)
9	Признаки гнева или намеренных оскорблений (пренебрегать, противиться, ругаться, угрожать, вызывать на драку)

Шкала показателей групповых взаимоотношений и ее применение в процессе наблюдения. Разработанная В.Л. Марищуком и Л.К. Серовой шкала показателей групповых взаимоотношений представлена в табл. 8.3.[3]

Представленная шкала позволяет осуществлять наблюдение по таким критериям: характер взаимодействия; уровень взаимопонимания в группе; наличие одобрения или упреков; готовность к взаимопомощи. При подведении итогов наблюдения необходимо наблюдаемые признаки отменить, исходя из 5-балльной шкалы.

Одним из важнейших факторов повышения эффективности психологического наблюдения за группой является использование различных приемов преодоления субъективизма в оценках и выводах наблюдателя.

Прием достижения целостного образа группы основывается на необходимости сбора как можно более полной и объективной информации о группе, что позволяет преодолеть тенденцию к категоричным, грубым оценкам специфики ее психологии только «в черно-белых» красках.

Таблица 8.3. Шкала показателей групповых взаимоотношений

№ п/п	*Наблюдаемые показатели*	*Условные оценки*
1.	Взаимодействуют согласованно и слаженно, понимают друг друга с полуслова, не упрекают, а поддерживают, проявляют инициативу во взаимопомощи	*5*
2.	Взаимодействуют с незначительными рассогласованиями, хорошо понимают друг друга, поддержка и одобрение преобладают над упреками, помогают друг другу при необходимости	4

3.	Взаимодействуют не согласованно, понимают друг друга с трудом, высказывают много упреков, не стремятся к взаимопомощи, оказывая ее лишь по просьбе	3
4.	Взаимодействуют формально, партнеры не хотят понимать друг друга, взаимные обвинения преобладают над дружескими советами, высказывают явное нежелание помогать друг другу	2
5.	Взаимодействие практически отсутствует, оно происходит лишь случайно, партнеры конфликтуют, категорически отказываются помочь друг другу	1

Прием критичности в оценке группы. Смысл его заключается в сбалансированности как положительных, так и отрицательных оценок. Тенденция к злоупотреблению положительными оценками, которая получила название «эффекта снисхождения», искажает истинную картину психологических явлений в группе. Кроме того, при наблюдении «эффекта ореола» следует учитывать действие характерного переноса на актуальную оценку групп предыдущих оценок (как отрицательных, так и положительных).

Прием избирательного подхода к оценке группы и преодоления распространенных стереотипов. Наблюдение за группой должно строиться с учетом имеющихся порой тенденций к усреднению оценок и использованию стереотипов, шаблонных выводов при диагностике группового поведения (например, при ведении наблюдения за группой правонарушителей). Каждая группа имеет свою психологию и обнаруживает особенности групповой деятельности.

Прием выводов и оценок, основанных на длительном наблюдении за группой. Иногда наблюдатель делает выводы о группе на основе первого впечатления о ней, а последующую информацию отбрасывает, считая ее случайной и поверхностной. Это обстоятельство приводит порой к неверным выводам о психологических особенностях группы. Практика показывает, что социально-психологические

явления в группе должны изучаться не только путем отдельного кратковременного наблюдения, а посредством достаточно длительной по времени фиксации наблюдаемых фактов.

Прием опоры в наблюдении на сознательно выделяемые признаки и показатели групповой психологии предъявляет серьезные требования к подготовке наблюдателя, отбору обоснованных показателей оценки группового поведения, свидетельствующих о специфике групповых социально-психологических явлений. Использование этого приема позволяет избежать большого числа логических ошибок, возникающих в силу констатации связей между некоторыми признаками группового поведения и реальной психологией группы, хотя на самом деле такая связь отсутствует или минимальна.

---

[1] *Ядов В.А.* Социологическое исследование // Методология, программа, методы. - М.: Наука, 1972. - С. 114-115

[2] Методы социальной психологии. / Под ред. проф. Е.С. Кузьмина и канд. психол. наук В.Е. Семенова. - Л.,1977. - С. 23-24.

[3] *Методики* психодиагостики в спорте: Учеб. пособие. / В.Л. Марищук, Ю.М. Блудов и др. - М., 1984. - С. 67-68.

8.9. Психология профессионального общения, установления контакта и доверительных отношений

Общая психотехника профессионального общения. В труде юриста общению принадлежит видная роль. Общение протекает в рамках самых разнообразных профессиональных действий как общение с гражданином, обратившимся за помощью, при юридическом консультировании, профилактической беседе, административном разборе правонарушения, в ходе личного сыска, опроса, допроса, очной ставки, других следственных действий. В подавляющем числе случаев это не простой разговор юриста с другим человеком, а *акт поведения и действий, осуществляемый для решения определенных профессиональных задач.* Профессиональные особенности его определяются тем результатом, который должен быть достигнут (дача показаний, установление

истины, изменение поведения гражданином и др.), протеканием в режиме права и правоотношений, контактом, как правило, с непростыми людьми, обстановкой напряженности, зачастую, конфликтности и противоборства.

Владея общей психотехникой общения, можно адаптировать ее к каждому конкретному случаю.

Прием комплексной психологичности общения. Некоторым общение представляется весьма упрощенно — как обмен словами и стоящей за ними информацией. В действительности общение протекает как контакт:

• *ситуационно-деловой,* осуществляемый для решения определенной юридической задачи. Цели, задачи, обстановка оказывают психологическое влияние на его протекание и результат;

• *юридический,* в ходе которого возникают правоотношения, определяющие порядок реализации своих прав и обязанностей. Со стороны юриста оно протекает строго в режиме соблюдения установленных норм, что понимает и его партнер по общению и это тоже сказывается на их психологии и общении;

• *статусно-ролевой.* Это не общение двух друзей, разговаривающих на равных, когда можно говорить все. И юрист, и гражданин отдают себе отчет в различиях позиций в ситуации, которая побудила их к общению;

• *познавательныо-оценочный.* Вступившие в контакт люди внимательно присматриваются друг другу и в зависимости от его результатов решают, что и как говорить, а что не говорить;

• *межличностный, взаимоотношений, во многом индивидуализированный.* Разговаривают не звуковые устройства, а личности, определенным образом относящиеся друг к другу, подверженные симпатиям и антипатиям, взаимопониманию и вражде, пытающиеся повлиять друг на друга и использующие для этого все средства общения;

• информационный.

Поэтому люди в общении — не подобия акустических снарядов, издающих и воспринимающих звуки. Они не только *передают—принимают информацию, но вступают во взаимодействие, взаимоотношения, изучают, воздействуют друг на друга, проводят свою линию поведения, отстаивают свои интересы.* Весь этот клубок психологических факторов сказывается на процессе обмена информацией в ходе общения, и успех обеспечивается умением инициатора общения — юриста принять их во внимание, использовать для решения стоящей задачи.

Правило: к общению надо относиться со всей психологичностью, на кото рую способен юрист. Юристу следует намеренно переводить свои размышления о способах общения и преодоления его трудностей в плоскость психологических рассуждений, оценок, сравнений, выборов, намерений и средств их реализации.

Правило психологических условий требует, чтобы проявлялась забота о:

• деловой атмосфере общения;

• благоприятствующей решению задач позиции, линии поведения и тактике юриста;

• выборе и создании психологически целесообразных условий общения;

• создании отвечающей решению задач психологической атмосферы общения;

• изучении собеседника и индивидуализации общения с учетом индивидуально-психологических особенностей и состояний;

• выборе отвечающих требованиям законности и решаемой задаче средств и способов психологического воздействия.

Правило продуманности целей и сценария общения. К каждой встрече следует готовиться индивидуально, тщательно продумывая, как ее вести, учитывая конкретную цель и задачи, вопрос, по которому будет вестись общение, желательный результат общения, индивидуальные особенности приглашаемого на разговор, обстановку и др. Четкая мысленная модель предстоящего общения, отвечающая на вопросы, чего надо добиться и как, это и есть *сценарий общения.*

Правило предусмотрительности в общении требует учитывать последствия сказанных юристом слов и поведения в разных ситуациях общения, думать не только о том, *что сказать,* но и *как сказать.* Ошибочно сказанная фраза, тон, слово могут серьезно навредить общению, а порой на долгое время испортить отношения между людьми.

Прием создания исходных благоприятных психологический условий для решения задач общения. Необходимо строить общение в спокойной, деловой обстановке, при желании разговаривать между собой и достигать взаимопонимания и договоренностей.

Правило благоприятных исходных обстановочных условий общения. Предпочтителен разговор двое-на-двое, при отсутствии посторонних (если при-

влечение других юристов для помощи заранее не просчитано). Позиция, когда юрист сидит за своим столом, а пришедший — на стуле перед ним, подчеркивает статусные и ролевые различия. Если люди сидят рядом в креслах, возникает чувство разговора на равных, неформальности, доверительности.

Правило оказания благоприятного впечатления на собеседника. Внешний вид юриста должен быть опрятным, его лицо должно выражать спокойствие, уверенность в себе и внимательность, расположение к вошедшему. Это впечатление усиливается, если юрист вежливо здоровается с гражданином, выходит ему навстречу или встает, здоровается при необходимости за руку, вежливо приглашает сесть и рассказать, что беспокоит посетителя. Бывает выгодным выглядеть простым, «своим», а бывает — иметь имидж официального представителя власти.

Прием развития благоприятной психологической атмосферы в ходе общения. Удачное создание исходных благоприятных психологических условий задет тон общению. Однако начальный успех надо развивать и быть юристом-психологом дальше, до конца.

Правило авторитета, справедливости и доброжелательности представителя власти. Юрист — не частное лицо, а представитель власти, работник правовой сферы. Ему следует помнить, что в общении с гражданами он представляет не себя, а государственный аппарат, власть, закон, и быть внимательным, справедливым. Хорошему началу общения способствует доброжелательное и спокойное выражение лица, улыбка, радушное обращение.

В ходе общения, приема *правилом юриста* выступает *стремление максимально актуализировать (проявлять) свои коммуникативные умения и способности:* быть общительным, уметь налаживать и тактично направлять разговор; стремиться слушать и устанавливать психологический контакт.

Правило диалогичности, разговаривания собеседника. Активно говорящего можно легче и лучше понять, получить необходимую для решения вопроса информацию, проследить, какую позицию он займет, какую линию и тактику разговора начнет проводить. Для этого наряду с предложением высказаться юристу не стоит вначале сразу затрагивать болезненные и сложные вопросы, иначе партнер может замкнуться в себе. Лучше дать ему несколько успокоиться.

Можно для начала обосновать приглашение гражданина в правоохранительный орган, задать вежливые и ничего не значащие вопросы: «Как добрались до нас?», «Вы прямо с работы?», «Расскажите, пожалуйста, немножко о себе: где работаете? где живете? какая семья?» и пр. Ведь любого человека это так или иначе волнует и вызывает вопросы.

Правило внимания к собеседнику и к тому, что он говорит. Всем своим видом — позой, выражением лица и глаз, голосом — выражать готовность объективно разобраться и помочь. Недопустимо заниматься чем-то другим, отвлекаться на телефонные разговоры, демонстрировать торопливость и желание побыстрее расстаться с заявителем, поглядывать все время на часы.

Правило активного слушания и поддержания речевой активности гражданина: слушать, изучать, понимать, оценивать. Высказываясь, человек не просто сообщает, но всегда и *ведет себя* по отношению к юристу и предмету разговора. Слушать поэтому надо не только слова, но человека, стремиться понять, что он хочет и не хочет сказать. Правильна позиция активного слушания, которая реализуется: наклоном тела в сторону говорящего; выражением, визуальным контактом, мимикой, глазами позиции «Я весь внимание»; реагированием всеми невербальными

способами на содержание излагаемого говорящим: жестами, изменением формы бровей, сужением и расширением глаз, движениями губ, челюстей, положением головы, тела: «понимаю», «Да что Вы?!», «Представляю, что Вы чувствовали!» и пр.; стимулированием подробного изложения: «Не понял. Уточните это», «Расскажите детальнее» и пр.; резюмированием с предложением подтвердить правильность или внести уточнение: «Я Вас понял так... Правильно?», «Вывод из ваших слов я делаю такой...».

Правило сдерживания эмоций. В атмосфере эмоций логические рассуждения и доводы утрачивают свою силу и никакого вопроса решить нельзя. К юристу люди по своей инициативе обращаются тогда, когда их что-то сильно волнует и возмущает. Проявление чувств при рассказе об этом, о своей обиде, гневе, естественно, эмоционально, пресечь это нельзя, да и не надо. Бывает полезно выждать некоторое время и дать человеку «разрядиться», свободно «излить душу». При совместном же рассмотрении существа вопроса, разъяснениях, принятии решений эмоции надо сдерживать, показывая пример собеседнику.

Прием достижения момента истины в решении задач разговора. Общение служит для решения определенных вопросов, а поэтому в ходе его правильно разбираться с проблемой, ее причинами, а не с людьми, с которыми' осуществляется общение.

Правило отказа от демонстрации своего превосходства. Юрист всегда лучше, чем обычные граждане, осведомлен в правовых тонкостях, законах, инструкциях, имеет опыт решения юридических вопросов, четче формулирует свои мысли, причем нередко языком, который рядовым гражданам малопонятен. Это и положение гражданина в качестве просителя, допрашиваемого и т.п. психологически ставит общающихся в неравные положения, определяет превосходство юриста, соблазняет некоторых к использованию возможности «сыграть» на неосведомленности гражданина, внешне обоснованно, а по существу несправедливо отказать ему, отослать куда-то и пр.

Правило изучения собеседника и учета его психологии, психических состояний в общении. Изучение психологических особенностей собеседника позволяет более гибко вести его, вносить коррективы, если подмечаемые психологические изменения по ходу не отвечают намеченному психологическому сценарию общения и поставленным целям.

Необходимо считаться с тем, что само пребывание заявителя в правоохранительном органе, в официальной и непривычной обстановке, как правило, вызывает у него выраженное или скрытое состояния напряженности, беспокойства, тревоги, неуверенности, что повышает его внушаемость.

Правило презумпции доверия. Нельзя изначально, априорна проявлять предубежденность, недоверие, антипатию к гражданину, стремление лишь бы как, но поскорее закончить разговор и дело. Нужно подавлять изначальное желание не верить абсолютно никому и ничему, убеждение, что все недобросовестны. Ошибочна и противоположная крайность. Недопустимо также упрощенно полагать, что свидетели заведомо недобросовестны, и наоборот.

Правило подчинения общения решению задач правового воспитания. Указание на эту необходимость содержится в ст. 2 УПК РСФСР. Много таких указаний в ведомственных документах и в функциональных обязанностях. Воспитывающую энергию несет не только содержание высказываний юриста, но и то, как он говорит, какую позицию при этом занимает, как строит

взаимоотношения, как общается. Правовое воспитание — не только гражданский и профессиональный долг, но и одно из условий успеха в решении стоящей перед сотрудником правоохранительного органа задачи.

Правило этичности и психолого-педагогической тактичности. Уместно вспомнить, что ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как вежливость. Это и долг любого государственного служащего, норма цивилизованности.

Установление психологического контакта и доверительных отношений в общении юриста. Для решения трудных задач в общении нужна не просто близость тел двух людей, но близость их душ — целей, мыслей, чувств, намерений. Именно это имеют в виду, когда говорят о психологической близости, психологическом контакте, взаимопонимании, взаимном доверии.

***Психологический контакт в правоохранительной деятельности* — это проявление работником правоохраны и гражданином взаимного понимания и уважения целей, интересов, доводов, предложений, приводящее к взаимному доверию и содействию друг другу при решении профессиональной задачи юристом.** Иначе говоря, это профессионально-психологический контакт. Чаще всего психологический контакт и возникающие на его основе доверительные отношения локальны, имеют узкую зону развития, иногда похожую на ниточку, чем-то связывающую двух людей. Это не всеобъемлющее доверие, а ограниченное какой-то информацией, договоренностью по какому-то вопросу. Чаще всего оно бывает временным, не выходящим за рамки части выполняемого юристом профессионального действия и ситуации. Это определенный, как говорят ныне, консенсус — договоренность, согласие и очень редко безграничное доверие, какое бывает при дружбе. Однако и установление такого парциального, разового контакта очень важно. Найти «ниточку», «потянуть за нее» — это нередко начало крупного успеха.

Основные психологические условия установления психологического контакта обусловлены тем, что, *как правило, надо не искать «золотой ключик», не рассчитывать на авось, а фундаментально, комплексно подходить к его установлению.* Существует по меньшей мере пять групп психологических факторов, образующих в комплексе условия установления психологического контакта:

• психологическая значимость, трудность, объективная или субъективная, оценивая опасность того дела, проблемы, по поводу или в контексте которых ведется общение и юристом делается попытка установить психологический контакт;

• психология гражданина, занятая им позиция, избранная линия и тактика поведения, психические состояния;

• психологические особенности обстановки, в которой осуществляется общение;

• психология юриста;

• психологическая эффективность применяемых юристом приемов общения и установления контакта.

Правило создания благоприятных условий для установления контакта и учета психологии граждан дублирует все то, что уже сказано выше об общении. Только реализация его делается абсолютно обязательной и максимально правильной.

Правило самопрезентации личности юристом и справедливо благожелательного отношения к гражданину. Никто добровольно не будет искренен и доверителен с человеком, который выглядит не заслуживающим этого. В ряде случаев юристу целесообразно позаботиться о том, чтобы до вызываемого гражданина заблаговременно была доведена информация о его личности, качествах, квалификации, отношениях к проблемам, беспокоящим граждан. Сильно, как уже отмечено, первое впечатление, и оно имеется и у гражданин о юристе. В процессе общения разумно его последовательно и настойчиво улучшать, укрепляя представление о себе как о человеке, которому можно довериться, надо довериться, чтобы решить свою проблему. Для этого нужны: внешне выраженное внимание, понимание, сочувствие к гражданину, к беспокоящим его вопросам, к поиску выхода из трудного положения, в которое он попал; ясно выраженная готовность помочь; напоминание о том, что только он, юрист, может помочь гражданину; упорно выражать убеждение, что только доверившись юристу, гражданин сможет решить свои проблемы, и иного выхода нет.

При общении с лицами, принадлежащими к преступному миру, можно значительно повысить свой авторитет, продемонстрировав глубокое знание татуировок, «блатной» речи, воровских обычаев и традиции, субкультуры преступной среды и т.п. ***Прием нейтрализации психологических барьеров*** ориентирован на устранение или ослабление опасений, настороженности, недоверия, враждебности, которые мешают установлению контакта, которые особенно сильны при общении граждан с представителем правоохранительного органа. Опять-таки это зависит от строгого, умелого и последовательного выполнения юристом общих правил общения. Кроме того, надо явно демонстрировать свою объективность, отсутствие «обвинительного уклона», зачитывать соответствующие статьи кодексов, обязывающих юриста к поиску истины, указывать на обстоятельства, которые могут помочь решить вопрос в его пользу, либо носить характер смягчающих, предлагать совместно искать их. Хорошо, когда юристу удается предварительно оказать какую-то посильную и отвечающую нормам права помощь гражданину (в решении какого-то служебного, квартирного вопроса, в получении паспорта, иного документа или материальной помощи, положенной по закону, юридическом консультировании и пр.). В этом случае гражданин психологически испытывает собственную обязанность, перед юристом ответить добром на добро. *Правило накопления согласий* — хорошо известный и успешно применяемый способ (прием). Он заключается в изначальной постановке таких вопросов собеседнику, на которые он естественным образом отвечает «да». Учитывается такая «психологика», свойственная людям: 1) если человек изначально ответил «нет», то сказать потом «да» ему психологически трудно; 2) если человек несколько раз подряд сказал «да», то у него возникает хотя и слабая, но реальная, как говорят, фиксированная психологическая установка продолжить тенденцию согласий и сказать «да» в очередной раз. Тактика применения приема заключается в том, чтобы начинать с простых, безобидных, «нейтральных» вопросов, которые не вызывают тревоги и на которые, кроме «да», никак ответить нельзя. Постепенно вопросы усложнять, приближаясь к сути обсуждаемой проблемы, начинать касаться «болезненных» точек, но для начала все же не главных.

Демонстрация общности взглядов, оценок, интересов. Психологическому сближению способствует отыскивание и подчеркивание всего общего между гражданином и юристом, что только может быть, и протягивание личностных «нитей связи» между ними, приводящих их к временному сближению и обособлению от всего окружающего мира (к образованию диады «мы»). Они могут отыскаться в единстве, схожести, подобии, сравнимости: возраста, пола, места жительства, землячества, элементов биографии (воспитание в семье без отца, служба в армии или

на флоте, отсутствие родителей, воспитание в детском доме, временное проживание в прошлом в каком-то городе, районе, области, трагических, неприятных событий, или наоборот, — удач и др.); увлечений, способов проведения досуга, культурных интересов, планов на будущее, занятий на садовом участке, отношений к спорту, увлечений автомобилями, мнений о прочтенных книгах, просмотренных фильмах и телепередачах и др.; понимании и отношении к разным событиям, происходящим в стране, тем или иным сообщениям средств массовой информации; оценках людей, ценимых их качествах, наличии общих знакомых, встречах в разное время с кем-то и отношениях к нему.

Психологическое «поглаживание» представляет собой признание понимаемых юристом положительных моментов в поведении и личности партнера по общению, наличия правоты в его позиции и словах, выражение понимания его. Это немного успокаивает, повышает чувство уверенности, формирует представление, что юрист справедлив и не настроен огульно отрицательно и благожелателен. Главный расчет применения такого правила — морально-психологическое обязывание собеседника, побуждение его к ответному признанию достоинств и правды юриста, согласию с его утверждениями, выражению понимания его. Когда это делается, число «точек» психологического сближения увеличивается, контакт нарастает.

Окончательное обособление в диаду «мы» завершает процесс нарастающей близости: «Вы и я», «Мы с Вами», «Мы вдвоем», «Мы одни», «Нас никто не слышит», «Нас никто не видит». Этому способствуют беседа с глазу на глаз, отсутствие посторонних, интимная обстановка, сокращение дистанции разговаривающих до 30—50 см. На слово «мы» не скупиться, подчеркивая близость и интимный, доверительный характер общения.

Демонстрация искренности юристом важна как показ того, что он первым поверил партнеру по общению, что с уважением относится к его трудностям, как пример для подражания, как сигнал к началу проявления ответной искренности и доверительности. Разумеется, нельзя разглашать служебную или следственную тайну собеседнику.

Поиск точек согласия в решаемой проблеме. Пора когда-то переходить к делу и распространять сферу налаживающегося взаимопонимания и близости на содержание вопроса, который должен быть решен в процессе общения и ради которого налаживается психологический контакт. Переходить без поспешности, когда юрист почувствует, что психологические барьеры ослабли, что близость реально наросла. Начинать с констатации фактов по делу, рассматриваемой проблеме, не вызывающих сомнения. Добиваться при этом четких ответов собеседника — «Да», «Согласен», «Подтверждаю», «Возражений нет». Постепенно переходить к фактам, не доказанным с полной убедительностью и требующим от партнера искренности.

Совместный поиск взаимоприемлемого решения проблемы имеет двоякое предназначение. Он полезен для дела и психологичен. Став на путь участия в разрешении задачи, стоящей перед работником правоохранительного органа, гражданин психологически сближается по намерениям и направлению мыслей с ним, возрастает взаимопонимание.

Актуализация мотивов искренности. Решающим моментом при установлении контакта, позволяющим преодолеть внутреннюю борьбу мотивов и колебания гражданина «говорить — не говорить?», выступает актуализация мотивов искренности, приводящих к решению — «говорить». Задача и заключается в том, чтобы оказать психологическую помощь в нужном выборе, актуализировать, повысить силу мотивов искренности. При боязни гражданином огласки, ущемления самолюбия (это наиболее часто встречается у потерпевших и соучастников) уместно опереться на мотив «следования принципам своей достойной жизни». Обращать внимание на наличие у него хороших качеств, жизненных принципов, которым он изменяет, не делая сейчас правильного и честного выбора. «Мотив любви к ближним» — сильный мотив почти у каждого человека. Важно показать связь его долга по отношению к ним с необходимостью принести им минимум огорчений, дополнительных проблем, забот, трудностей, горя. Активизация «мотива личной выгоды» особенно уместна у подозреваемых, обвиняемых, подсудимых.

Все описанные приемы и правила представляют собой достаточно мягкие формы установления психологического контакта, которые в большинстве случаев при решении самых разных правоохранительных задач приводят к успеху. Бывают, однако, и сложные случаи, когда конфронтацию не удается преодолеть, например, допрашиваемый продолжает скрытничать, лгать. Тогда приходится переходить к более энергичным мерам пресечения и разоблачения лжи (см. §8.9—8.12), психологического воздействия.

Психологическое воздействие при установлении контакта. Закон запрещает работникам правоохранительных органов применять какое бы то ни было насилие, угрозу, давать

невыполнимые обещания и прибегать к иным незаконным мерам. Допустимое и правомерное воздействие должно побудить человека, на которого оно направлено, к сознательному изменению своих решений, занятой позиции, линии поведения, которые противоречат интересам и целям отправления правосудия.

Юридическая наука и практика выработали немало правомерных способов психологического воздействия.[1] Ниже приведен ряд наиболее эффективных.

Информационный выпад или «психологический укол» (В.В. Мицкевич). Сильное влияние оказывают на партнера намеки и заявления, что у юриста имеется уличающая его информация, но она временно не предается огласке, ибо в интересах гражданина самому сообщить ее, а запирательство бессмысленно. При отсутствии доказательной информации полного объема могут неожиданно сообщаться отдельные достоверные сведения, пусть незначительные, но подтверждающие наличие информации, что обычно оказывает на запирающееся, не вступающее в контакт лицо, ошеломляющее впечатление. Можно сообщить о большом объеме проделанной работы (с кем юрист разговаривал, где побывал, какие документы собрал, что изучил и пр.), что косвенно подтверждает наличие у него большого объема информации, в том числе и скрываемой запирающимся лицом. Все это полезно делать, особенно когда опрашиваемое (допрашиваемое) лицо уверовало в свою безопасность и бессилие юриста.

Компроментация «друзей». Запирательства и лживость допрашиваемого лица нередко объясняются «корпоративной солидарностью», верностью «воровской дружбе», нежеланием выдавать «подельников», «авторитетов», рассчитывая, что и они не выдадут его. Поэтому разрушение связей этой круговой поруки — важная задача в разрушении лживой позиции. Можно, конечно, разъяснять неискренность и порочность ее, как и всей криминальной субкультуры. Но еще лучше, если юрист располагает фактами лживости «дружбы», «заботы» о находящемся под следствием и его семье, дачи против него уличающих показаний, «подставки» его и т.п.

В целях компроментации применяются и такие способы:

• вызов одного из «друзей» в правоохранительный орган с информированием запирающегося об этом факте и формировании у него представления о возможной даче тем признательных показаний или конспиративным подки-дыванием информации об этом «друзьям», находящимся на свободе;

• «случайная» конспиративная встреча сотрудника правоохранительного органа с «другом» на глазах разрабатываемого;

• приведение конкретных примеров из практики раскрытия и расследования примеров, подтверждающих частые случаи предательства «друзей»;

• помещение в одну камеру ИВС подельников и «матерого преступника». Одного из подельников чаще, чем другого, вызывают на допрос и подолгу не возвращают в камеру. Менее опытному задержанному представляется возможность самому домысливать этот факт и выслушивать разоблачающие откровения «матерого». Зачастую малоопытные и новички не выдерживают психологического напряжения, начинают подозревать «подельника», возникают ссоры между ними, утрачиваются взаимное доверие и солидарность. Каждый начинает сам бороться за себя, пренебрегая интересами другого. У юриста тоже появляются возможности использовать этот факт.[2]

Уличение во лжи. Сильное воздействие, которое порой приводит к капитуляции конфронтирующего противника в разговоре, оказывает уличение во лжи. Оно может осуществляться на основе выявления внешних проявлений лжи и скрываемых обстоятельств. Подметив их, следует сказать об этом опрашиваемому (допрашиваемому), подчеркнув их достоверность. Уличение во лжи возможно путем выявления противоречий в словах, выражениях, сообщенной в разное время информации. Обычно при этом лицо, если не признается в ней, то теряет хладнокровие, начинает совершать больше ошибок, что создает возможности для констатации новых проявлений неискренности. Уличение во лжи возможно и путем сообщения лицу информации, полученной от других лиц и противоречащей словам запирающегося и ведущего неискреннюю линию поведения.

Громом средь ясного неба всегда бывает предъявление вещественных доказательств. Внезапное и безмолвное появление такого доказательства на столе оказывает психологическое воздействие, превышающее порой любые словесные ухищрения юриста. Контрастность и эффект возрастают, если предварительно юрист задает ряд вопросов, относящихся к предстоящему предъявлению доказательств, не мешая опрашиваемому врать.

[1] См.: *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей; *Рахунов Р.Д.* Признание обвиняемым своей вины. - М., 1975; *Хайдуков Н.П.* Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц. - Саратов, 1984; *Шестаков А.Г.* Психологическое воздействие в деятельности сотрудников органов внутренних дел. - Ленинград, 1985; *Мицкевич В.В.* Приемы установления психологического контакта сотрудников ОВД с гражданами при решении оперативно-служебных задач. - Минск, 1989; *Носков В.А.* Психотехника общения в работе оперуполномоченного БХСС. -С. 92—104; *Карагодин В.Н.* Преодоление противодействия предварительному расследованию. — Свердловск, 1992; *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 3. - М., 1997. - С. 216-235; *Чуфаровский Ю.В.* Психология в оперативно-розыскной деятельности. — М., 1996 и др.

[2] *Мицкевич В.В.* Указ. соч. - С. 33.

8.10. Психологическое воздействие в правоохранительной деятельности

Проблема психологических воздействий в деятельности сотрудников правоохранительных органов. Проблема психологического воздействия имеет важное и специфическое значение в правоохранительной деятельности. Много написано о воздействиях оперативного работника или следователя[1] на граждан, процессуально зависящих от него: подозреваемых, подследственных, свидетелей и потерпевших. С развитием в нашей стране демократических принципов общественного устройства стали появляться публикации, касающиеся *защиты прав личности* при возникновении правоотношений с органами правопорядка и их сотрудниками, носящие преимущественно публицистический характер.[2]

Понятия «психического воздействия»[3] и «психологического воздействия»[4], имея свои семантические оттенки, в литературе и практике иногда используются часто как взаимозаменяемые. В частности, так поступают авторы Комментария к Уголовного кодексу РФ.[5]

Строго говоря, любое *нефизическое* воздействие одной личности на другую, признаки процесса или конечный результат которого возможно обнаружить, является психическим. Психологическое воздействие — *преднамеренное, целенаправленное* вмешательство в процессы психического отражения действительности другого человека в отличие от психического, которое может происходить и без выраженного желания воздействующего субъекта и даже в его отсутствие («его слова запали мне в душу, хотя он даже не догадывается о моем существовании »). Оно проивольное, волевое, как правило, *методически подготовленное,* часто - *инструментально оснащенное. Результаты его ожидаются и прогнозируются.* Именно таким и должно быть психологические воздействие сотрудника правоохранительного органа.

Сотруднику при целеустремленном осуществлении психологического воздействия надо представлять, какие изменения в сознании человека должны произойти (конечный результат), как вызвать необходимые изменения, каковы возможности применяемых им воздействий, как они соотносятся с его правами и правами гражданина. Чтобы так поступать, сотруднику нужна незаурядная профессионально-психологическая подготовленность. Без этого психологическое воздействие может оказаться не просто неэффективным, но противоправным, привести далеко не к тем результатам, на которые сотрудник рассчитывал, возможно, тяжелейшим и для него и для того человека, на которого он воздействовал.

Типология психологических воздействий. Психологические воздействия классифицируются по различным основаниям. Так, по характеру воздействия различают простое воздействие и сложное. *Простое* связано с реализацией детального плана последовательных действий, реализуемых за один сеанс общения: беседу, опрос, допрос, консультацию, экспертизу и пр. Как правило, простое воздействие обусловлено достижением всего одной или нескольких тактических целей. *Сложное* состоит из ряда простых, оно является средством или способом достижения стратегической цели. Например, для сотрудника - это решение профессиональной задачи: убеждение в необходимости сотрудничества, даче показаний, выдаче улик и пр.

По направленности воздействия оно может быть индивидуальным или социально-психологическим.[6] *Индивидуальное* направлено на конкретного человека, *социальное* — на группу людей.[7] Например, работа так называемых «пиарщиков»[8], пресс-секретарей правоохранительных органов и возглавляющих их должностных лиц связана как раз с оказанием социально-психологического воздействия на общественное мнение.

Форма осуществления психологического воздействия может быть открытой, закрытой (неочевидной) и комбинированной. *Открытая* форма подразумевает обращение непосредственно к уровню сознания. *Закрытая* связана с использованием приемов, воздействующих на сферу подсознания (косвенное внушение, «косвенный допрос», НЛП и др.) *Комбинированная* форма сочетает в себе обе предыдущие. Комбинированная форма требует высокой психологической подготовленности сотрудника, тщательной методической проработки либо привлечения специалиста из психологической службы.

По технической оснащенности различают субъектные воздействия и инструментальные. Субъектные — воздействия личности, слов, приемов, применяемых сотрудником, инструментальные — воздействия с помощью материальных объектов и условий (предъявление вещественного доказательства), выбора места (квартира, храм, место происшествия и пр.).

Существуют также ***методы*** психологического воздействия,[9] основными из которых являются *убеждение, принуждение, внушение, постановка и варьирование мыслительных задач* и др., и ***приемы*** **-** конкретные техники управления психическим состоянием партнера по общению.[10]

Принципы воздействия. Они обычно связываются с допустимостью использования психологического воздействия в уголовном процессе, а число их, выделяемых разными авторами, колеблется от 10[11] до четырех.[12] Фактически есть три основных принципа: законности, научности, целесообразности.

Принцип законности требует, чтобы оказываемое психологическое воздействие соответствовало Конституции Российской Федерации, действующему законодательству, международным правовым актам и документам. Сотрудник, оказывающий воздействие, должен осознавать, что он несет полную ответственность за его результаты.

Принцип научности предполагает, что все применяемые в правоохранительной деятельности методы, приемы воздействия на личность научно обоснованы и прошли необходимую апробацию. Сотрудник, применяющий их, получил необходимую подготовку, контролирует процесс их использования, отслеживает обратную связь.

Принцип целесообразности указывает, что воздействие должно отвечать намеченной цели, быть адекватным состоянию человека, подвергающегося воздействию, не быть недостаточным или чрезмерным, не превращаться в психическое давление, принуждение, насилие.

Сферы применения. Как уже отмечено выше, достаточно подробно описано применение психологического воздействия в профессиональной деятельности оперативного сотрудника и следователя, меньше — судебного психолога-эксперта, совсем не изучено его использование прокурором, судьей, юрисконсультом и др. Каждый из этих видов юридического труда помимо общих требований к осуществлению психологического воздействия имеет и специфические, связанные с конкретными условиями деятельности, которые диктуют свои методы, приемы и техники воздействия, характер и направленность, формы и оснащенность. Общим для всех будет только необходимость соблюдения принципов применения воздействия — законности, научности, целесообразности.

Рассмотрим на примере, какое место занимает психологическое воздействие в работе психолога-эксперта. Здесь оно выступает в двух аспектах: как один из способов решения профессиональной задачи и как предмет судебной экспертизы. Второй аспект связан с тем, что иногда необходимо проведение экспертизы для установления факта психического воздействия на подозреваемого либо обвиняемого со стороны следователя или третьих лиц. Как правило, подобные экспертные исследования проводятся в случаях, когда подэкспертный утверждает, что на него оказывалось давление, в том числе и психологическое, и сообщенная им на предварительном следствии информация на самом деле не соответствует действительности.

Первоначально объектом таких исследований служили протоколы допросов, тексты которых эксперты исследовали на предмет обнаружения признаков неправомерного воздействия. Впоследствии, упреждая могущие возникнуть заявления об отказе от первоначальных показаний, данных под давлением, следователи стали фиксировать ход допросов и иных следственных действий с помощью аудио- и видеоаппаратуры. Тем не менее иногда жалобы все же поступают. В этом случае на разрешение экспертов ставится один вопрос: «Имеются ли в тексте допроса (следственного эксперимента), на аудио- и/или видеозаписи признаки психического (психологического) воздействия на испытуемого со стороны допрашивающего либо третьих лиц?»

Задача судебно-психологической экспертизы здесь состоит в установлении наличия или отсутствия признаков психического воздействия на испытуемого в процессе указанного

следственного действия. При этом анализу подвергаются такие факторы, как содержание вопросов допрашивающего с точки зрения их внушающего воздействия, интонационные характеристики речевого взаимодействия, а если анализируется видеозапись, то и невербальные компоненты общения, особенности расположения зафиксированных лиц. Особо отслеживаются *косвенные* признаки воздействия, поскольку никто не заинтересован в том, чтобы фиксировать на пленку собственные профессиональные погрешности и нарушения.

Конкретный пример: задержанные У. и Ф. обвинялись в том, что они вместе с группой лиц изнасиловали и убили К. Будучи допрошенным в качестве подозреваемого У. признался в причастности к убийству женщины. Свои показания У. подтвердил при осмотре места происшествия, что было зафиксировано на видеозапись. При допросе в суде У. отказался от ранее данных показании, пояснив, что дал признательные показания под воздействием психического и физического насилия со стороны следователя и других сотрудников.

При изучении видеозаписи осмотра места происшествия с участием У. на предмет определения психического воздействия на обвиняемого со стороны следователя или третьих лиц экспертами-психологами были обнаружены следующие признаки возможного воздействия на него со стороны лиц, присутствующих при проведении осмотра места происшествия, а именно:

• употребление сотрудниками следственных канцеляризмов, не характерных для уровня интеллектуального развития и полученного образования подэкспертного, типа: «режущий удар», «проникающее ранение», «пакет старого образца», «гражданами, известными мне ранее по совместному пребыванию в...» и др. Эти слова могли быть как навязаны следствием и заучены подэкспертным, так и восприняты им самостоятельно в процессе предварительного следствия, либо ранее;

• использование следователем вопросов:

а) имеющих наводящий характер: «Вы пошли не туда, где мужчина идет?», «Ну, вы сюда пошли?», «Вы взялись за ручку как удобнее, вот так, или по-другому?»;

б) уже содержащих в себе варианты ответов: «Она была тяжелая, как вы, или чуть тяжелее?», «Зеленый цвет ведь для вас более приятен?», «Что там было, когда клали — может быть трава, кусты, песок? Трава?»;

в) предписывающих, подавляющих волю подэкспертного: «Так и запишем?», «Посчитали, что » (ответ У.: «Посчитали, что Вы, как неглупый человек, должны признать, что »;

• демонстрация следователем и сопровождавшими его лицами компонентов невербального поведения, которые могут быть интерпретированы, как:;

а) предписывающие действия, выполнение которых обеспечивалось синхронизацией вопросов следователя со знаками, подаваемыми верхней частью туловища; «Вам нужен адвокат? (утвердительный кивок следователя)». Ответ У.: «Да». Следователь: «Нет, я имею в виду в этом следственном действии» (наклон в сторону). У.: «Нет, нет»;

б) указательные жесты: «Как идти, вот так? (указательный жест)», «Ветки отсюда брались?»;

• организация некоторых этапов следственного эксперимента таким образом, который существенно ограничивал свободу выбора у подэкспертного. В частности, во время движения за огородами деревни Р-но У. сопровождали с трех сторон следователь и конвоиры, создавая тем самым специфический коридор следования («коробочку»). При остановках подэкспертный немедленно побуждался «искать место оставления трупа», причем двигаться он мог только в направлении, оставленным сопровождающими свободным (время записи 13.10 - 14.23);

• на предполагаемом месте нахождения трупа конвоир трижды шел впереди У., как бы указывая путь (время записи 14.28 - 14.40).

• прекращение видеозаписи проводилось:

в 13.05 - 13.09 оператор заявил о необходимости замены батарей и после этого был ключевой момент поиска, поворота,

в 13.35 — 14.02 производится осмотр местности,

в 14.07 произошла незаявленная в протоколе остановка,

в 14.08 - 14.13 производится осмотр местности;

• появление посторонних лиц, не заявленных в протоколе, в частности, некоего «усатого мужчины в сапогах» (имя и процессуальный статус неизвестны). У. во время экспертизы называл его как одного из тех, кто применял к подэкспертному физическое и психическое давление на этапе предварительного следствия. Этот мужчина впервые присоединился к участникам следственного действия возле дома С. (время записи 12.44), подойдя к ним от автомобиля «ВАЗ-

2121» белого цвета. Впоследствии он имел возможность общаться с подэкспертным и даже задавать ему вопросы на месте предполагаемого нахождения трупа.

Таким образом, анализ видеозаписи осмотра места происшествия показал, что имели место некоторые признаки психического воздействия на подэкспертного со стороны лиц, участвовавших в указанном следственном действии.

В рамках психологического исследования аудиозаписей и видеозаписей обязательно проводится экспериментально-психологическое обследование допрашиваемого, в ходе которого устанавливаются его интеллектуальные, личностные, эмоционально-волевые и иные особенности, а также склонность к фантазированию и устойчивость к внушающему воздействию.

Правомерное и неправомерное воздействие. Одной из важнейших характеристик психолбгического воздействия является его разделение на *правомерное* (допускаемое законом) и *неправомерное* (противозаконное). По сути это центральная проблема в большинстве дискуссий о нем. Какое воздействие может использоваться в процессе оперативной разработки, дознания, предварительного следствия? Где его правовые и моральные границы? Может ли власть в лице своих законных представителей в интересах государственной и общественной безопасности избирать *любые* методы воздействия на личность?

Законодательство регламентирует формы воздействия, которые допустимы при производстве оперативно-розыскных и следственных действий, хотя в самом Уголовном кодексе нет терминов «психическое» либо «психологическое» воздействие. Понятия «психическое воздействие», «психическое насилие», «давление на психику» и некоторые другие возникают только в Комментарии к УК. В то же время согласно ч. 3 ст. 20 УПК РСФСР, законодатель запрещает домогаться показаний обвиняемого и других участвующих в деле лиц путем насилия, угроз и иных незаконных мер. Разъясняется, что на подозреваемом и обвиняемом не лежит процессуальной обязанности давать показания, они лишь *вправе* их давать (ст. 76 и 77 УПК РСФСР). Такая обязанность есть у потерпевшего, свидетеля и эксперта (ст. 73, 75, и 82 УПК РСФСР), и закон разрешает в отношении их применение привода как меры принуждения.[13]

Другие средства принуждения процессуальных участников содействовать раскрытию преступления в случае их отказа добровольно сделать это — задержание, избрание мер пресечения в отношении подследственных, угроза уголовной ответственности за дачу ложных показаний потерпевшим и свидетелями, принудительное освидетельствование, обыск и т.д. Теоретически каждое из них может вызвать нарушения физического и психического здоровья, но эти меры *допускаются* законом.

К неправомерным способам получения доказательств относятся такие виды психологического воздействия, как насилие, угроза, шантаж. Обнаружение фактов их применения однозначно вынудит поставить вопрос об уголовной ответственности самого сотрудника органов правопорядка. Таким образом, психологическое принуждение рассматривается законодательством в двух планах: с *одной стороны, это связано с осуществлением правомерного воздействия на препятствующих правосудию, а с другой - на тех, кто пытается его осуществить противоправными способами.*

Еще одним аспектом оценки психологического воздействия как правомерного или неправомерного является обращение к новым, нетрадиционным для России методам получения доказательств по делу. Уже описаны процессуально допустимые возможности использования полиграфа[14] и гипноза,[15] есть свидетельства об иных программных, аппаратных, медикаментозных и прочих разработках.

Вопросы, которые мы только начинаем ставить перед собой, уже имеют длительную историю дискуссий за рубежом. Начало их открытого обсуждения положила знаменитая книга Джона Маркса «В поисках кандидата из Манчжурии», где впервые на подлинном архивном материале было рассказано об опытах ЦРУ по контролю над человеческой психикой и поведением, включая гипноз, наркотики, психопрограммирование и пр.[16]

Итогом этих обсуждений стало усиление общественного контроля за деятельностью спецслужб. Напоминание же о том, что помимо профессионального долга, а точнее, раньше него, стоит долг общечеловеческий, нравственный, никогда не бывает лишним. Хотя большинство исследователей и считает репертуар допустимых методов психологического воздействия ограниченным, мнение, реализуемое чаще осторожно, но иногда и более открыто, что «суть дела не в провозглашении каких-либо положений, а в реальных обстоятельствах» никогда и никуда не исчезало.

[1] *Глазырин Ф. Б.* Психология следственных действий. - Волгоград, 1983; *Готаренко В.И., Сокиран Ф.М.* Психологическое воздействие в целях получения объективной информации при допросе // Криминалистика и судебная экспертиза. - М., 1990, вып. 41. - С. 24 - 28; *Еникеев М.И.* Общая и юридическая психология. Ч. 2. - М., 1996. - С. 278-281; 327-337; *Пушков В.Г.* Специфика психологического воздействия в следственной практике. // Психологический журнал. Т. 18. - 1997. - №1. - С. 146 - 156; *Романов В.В.* Юридическая психология. - М., 1998. -С. 407-438; и др.

[2] Механизмы защиты прав человека в России // Доклады Комитета адвокатов по правам человека. - М., 1995; *Пономарев В.Н.* Как защититься, если Вы обвинены в совершении преступления// «Юридическая консультация» Вып. 4. - М., 1997; *Котова И., Савчук И., Журавский В.* (сост.). Как осужденный может защитить свои права. - Серпухов, 1996; *Степаненко П.* Как выжить в современной тюрьме. - Минск, 1999; и др.

[3] *Енгалычев В.Ф., Шипшин С.С.* Судебно-психологическая экспертиза. Методическое руководство. Изд. 2-е. - Калуга-Обнинск-Москва. 1997. - С. 146-152; *Енгалычев В.Ф.* Диагностика психического воздействия в процессе судебно-психологической экспертизы. // Методы психологии: Материалы II Всероссийской научной конференции по психологии Российского Психологического Общества. - Ростов-на-Дону, 1997. - С. 96-98.

[4] *Готаренко В.И., Сокиран Ф.М.* Указ. соч. - С. 24-28; *Ковалев Г.А.* Психологическое воздействие: Системно-экологический анализ. - М., 1989; *Пушков В.Г.* Указ. соч. - С. 146-156.

[5] *Комментарий* к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд. 2-е, - М., 1999. - С. 85.

[6] *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. - М.: Наука, 1984. - С. 249.

[7] Хотя имеется и иная позиция, представители которой считают, что любое воздействие (как частный случай взаимодействия субъектов) воплощает в себе в одно и то же время социальную предметную и личностную ориентацию: «Оно социально, так как направлено на борьбу с преступностью как явлением, и на изменение группы лиц, определяемой как преступники... В то же время за ним всегда стоит личностный аспект и смысл взаимодействия, особенно для подследственных».

[8] Public Relations (англ.) — связи с общественностью.

[9] *Чуфаровский Ю.В.* Указ, соч., - С. 106-122.

[10] См., в частности: *Цветков Э.А.* Тайные пружины человеческой психики или как расширить сферу своего влияния. - М., 1993; *Бэндлер Р., Гриндер Д.* Шаблоны гипнотических техник Милтона Эриксона с точки зрения НЛП. - М., 1995; *Гарифумшн Р.Р.* Энциклопедия блефа. - Казань, 1995; *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции. - М., 1996; *Таранов П.С.* Приемы влияния на людей. - Симферополь, 1995; *Щербатых Ю.* Искусство обмана. - СПб., 1997; и др.

[11] *Чуфаровский Ю.В.* Указ. соч. - С. 108-109.

[12] *Пушков В.Г.* Указ. соч. - С. 146.

[13] *Комментарий* к Уголовному кодексу РФ.- С. 697.

[14] Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан. Утверждена приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28 декабря 1994 г. № 437; *Комиссарова Я.В.* Практика использования полиграфа в целях сужения круга лиц, подозреваемых в совершении преступления // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. - 1999. - № 5.

[15] *Хабалев В.* Возможности использования гипнорепродукции для активизации памяти опрашиваемых лиц. - Вологда, 1998; Юридические и психологические проблемы активизации памяти человека в раскрытии преступлений: Материалы научно-практического семинара. - Вологда, 1999.

[16] *Marks John.* The Search for the «Manchurian Candidate»: The CIA and Mind Control. - N.Y. : W W Norton & Co, 1991. В 2000 г. планируется первое издание книги на русском языке.

8.11. Психологический анализ сообщений граждан

Значительную долю информации, необходимой для работы, юрист получает от граждан — заявителей, очевидцев, свидетелей, потерпевших, правонарушителей и др. Практически без этой информации никакое решение профессионально-юридических задач невозможно. Приходится считаться с тем, что эта информация отличается психологическими сложностями и требует от юриста соответствующей подготовленности. Имеются точные данные, что значительная часть не

раскрытых и не расследованных до конца уголовных дел, приговоров, отмененных вышестоящими судами, просто профессиональных решений обусловлена неумением работника получать, добывать, оценивать и использовать информацию от граждан.

Одним из условий совершенствования всей работы с получаемой информацией и овладения умением пользоваться ею выступает комплексный учет психологических факторов, характеризующих различия психологии, граждан, их мотивы и цели в общении, особенности формирования сообщений и др. Особенно важна и психологически сложна задача установления истинности сообщений, отделения неточной, неполной, искаженной, ошибочной и ложной информации. Искажения могут быть продуктом заведомой лжи и результатом добросовестного заблуждения. Сплошная ложь, как и сплошная ошибочность сообщений — явление относительно редкое. Чаще в сообщении содержатся моменты истины и моменты ошибочности или лживости.

Истинные сообщения могут содержать элементы добросовестного заблуждения и ошибки в виде, например, расчленения целостного события на независимые, не связанные между собой части; ошибочного объединения не связанных между собой фактов; преувеличения (или, напротив, преуменьшения) реальных размеров, длительностей, интенсивности проявлений чего-то; наделения (или, наоборот, устранения, изъятия, пропусков) событий, объектов мнимыми, не свойственными им признаками, чертами, особенностями; перестановки, замещения реальных объектов признаков, свойств, событий другими, смещения их по времени или переноса в другое место; ошибочного отождествления и усмотрения сходства различных объектов и лиц, искажения формы, структуры, последовательности событий, объектов и др.[1]

Прием создания условий для установления момента истины. Исходной в работе юриста выступает обязательная задача установления истины, только истины и больше ничего. Поэтому *первое правило* — постоянное поддержание своей внутренней установки на установление истины и реализацию принципа социальной справедливости. Для сотрудника не может быть «желательных» или «нежелательных» сообщений, удовлетворяющих его только потому, что они совпадают с его ожиданиями, предположениями или версиями.

Используются и другие правила, описанные в соответствующем приеме, — *правило презумпции доверия, правило авторитета и справедливости власти, правило учета психологии собеседника, правило отказа от демонстрации своего превосходства* (см. §8.9).

Прием выявления зависимостей сообщения от восприятия юридически значимого события. Всякое сообщение требует тщательного анализа влияния тех факторов, которые могли повлиять на его содержание. Первым уроком передовой практики и юридической психологии выступает необходимость тщательного анализа зависимостей сообщений заявителей, свидетелей и других лиц от непосредственного восприятия факта. Все начинается с того, что лицо, которое впоследствии сообщает информацию сотруднику, становится очевидцем или соучастником какого-то события, факта, явления, процесса, разговора и пр. Последние как-то отражаются в его психике и то, *как* отражаются, влияет и на сообщение. Имеется множество психологических аспектов такого отражения, которые и выражены в правилах их учета и изучения.

Правило установления зависимости сообщения от объекта и физических условий восприятия. То, что подмечено, во многом зависит от объекта и предмета восприятия (например, материального объекта и человека, групп людей), фона наблюдения, погодных, суточных условий, освещенности и др. Например, значительная часть насильственных, насильственно-корыстных преступлений (убийства, изнасилования, разбойные нападения, грабежи) и транспортных совершается в темное время суток, при плохой видимости, а в этих условиях сказываются индивидуальные особенности ночного зрения, степень темновой адаптации, изменения восприятия цвета, формы, размеров предметов, расстояний и др. Сплошь и рядом решающее значение могут иметь восприятия звуков, запахов и др., которые в устном сообщении очевидцев могут не находить отражения вообще и или искажаться.

Правило установления зависимости сообщения от положения воспринимавшего и состояния его органов чувств. На восприятии сказываются место, расстояние от воспринимавшего до объекта восприятия, объекты между ними, направление, угол зрения, расположение по высоте, положение сидя, стоя, на ходу или бегу и пр. Состояние органов чувств помимо упоминавшихся выше порогов ощущения связано с остротой зрения, наличием или потерей очков, а также с наличием слухового аппарата, солнечных очков, заболеваний органов чувств и др.

Правило установления зависимости сообщения от особенностей личности воспринимавшего. Существует закономерная зависимость восприятий от жизненного опыта, пола, возраста, уровня развития интеллекта, профессии, национальности и др. Так, мужчины в среднем лучше

запоминают местность, дорогу, события, а женщины - обстановку, людей, их одежду, психические состояния. Личностный характер восприятий означает, что они всегда индивидуализированы, т.е. момент истины выражен в них со своеобразием, с привнесением в них «отсебятины».

Правило установления зависимостей сообщения от социально-психологических факторов. Симпатии и антипатии участников события сильно отражаются на жалобах, заявлениях и предложениях. С большой легкостью принимаются отрицательные факты и оценки в отношении неприятных заявителю, свидетелю людей и зачастую отвергаются, не воспринимаются отрицательные стороны в людях, симпатичных ему.

Правило установления зависимости сообщения от общего психического состояния воспринимавшего. Волнение, испуг, страх, растерянность и другие психические состояния существенно отражаются на качестве восприятия и последующего сообщения. Не случайно говорят: «у страха глаза велики». Криминальные события воспринимаются вообще иначе, чем рядовые, будничные, более эмоционально. Они лучше запоминаются, но сопряжены с искажениями из-за необычности, индивидуальности их понимания и отношения к ним. Сильно искажаются восприятия формы, цвета, размеров, скорости, времени под влиянием алкогольного и наркотического опьянения.

Прием выявления зависимостей сообщения от запоминания, сохранения и изменения информации до ее поступления юристу. Возможности человеческой памяти далеко не беспредельны, а ее проявления не безукоризненны.

Правило учета вида запоминания и его особенностей у заявителя. Существует долговременная и оперативная память (мгновенного запоминания), а также память на лица, слова, цифры, звуки и пр. Оперативная память характеризуется цифрой 7 плюс—минус 2: столько единиц информации способны мгновенно запоминать люди. Криминальные события нередко происходят в секунды, и запомнить все человек не в состоянии. Не надо подозревать его в неискренности, если он что-то не запомнил. Скорее справедливо обратное (если речь идет именно о мгновенных событиях). Все виды памяти очень индивидуальны и нелишне убедиться, каковы они у данного заявителя.

Правило учета времени, прошедшего с момента события. Быстрее всего забывается то, что запоминалось оперативно: быстро в первые часы, сутки (к концу из этого забывается почти 80% информации), а затем — много медленнее. Иногда детали помнятся годами, что объясняется как своеобразием памяти данного человека, но еще больше личностными зависимостями: эмоциональным впечатлением, личностным смыслом данной информации, ее глубоким пониманием и обостренным отношением к ней.

Правило учета изменения информации в процессе ее сохранения в памяти. Забывание — не чисто количественное выпадение каких-то деталей события. Хранящаяся в памяти информация, особенно волнующая, подвергается, даже бессознательно, обдумыванию, структурированию, переструктурированию. Свидетели события обмениваются впечатлениями, получают дополнительную информацию из средств массовой информации, подвергаются психологическому давлению. В результате даже верная информация «подправляется» в их памяти, что-то в ней домысливается еще до поступления к работнику юридического органа.

Прием учета влияния на сообщение факторов, присущих встрече заявителя (свидетеля и др.) с юристом. При встрече происходит воспроизведение информации, которая сохранилась в памяти заявителя. Но это не простая репродукция, озвучивание. Информация на этой стадии может дополнительно сокращаться, увеличиваться, обедняться, видоизменяться, искажаться.

Правило: при встрече с заявителем исключать возможное неблагоприятное влияние на формирование его информации. Такое влияние могут оказать особенности обстановки, социальное восприятие, атмосфера общения, поведение юриста. Так, обычно неблагоприятно оказываются неуравновешенность и раздражительность юриста, оскорбительный тон, безразличное выражение лица и др. Особенно нетерпимо психологическое давление, запугивание. Часть граждан, желая помочь юристу, может стремиться приблизить свое сообщение к тому, которое, по их мнению, будет одобрено им и при этом непроизвольно искажает имеющуюся информацию. Некоторые поглядывают на него, чтобы проверить, какое впечатление производят их слова, и в зависимости от этого по ходу меняют сообщение. Могут значительно изменить сообщение вопросы юриста.

Правило: слушать не только слова, но человека, стремиться понять его и действительные события, стоящие за словами.

Правило: выявлять погрешности сообщения в ходе его получения, помогать в этом заявителю. Ясно, что погрешности в сообщении (не только ошибки, сознательные искажения, но и неполнота, излишества, неточности, индивидуальность и др.) - обычное, а не исключительное явление. Поэтому получение сообщения должно сочетаться с его анализом, установлением истинного и искаженного в нем, проверкой и уточнением, что только и позволяет дать окончательную оценку сообщению и с уверенностью использовать его в дальнейшей работе. Выслушивая сообщение, юрист имеет определенную возможность сразу отсекать часть незначимой информации, что достигается:

• выявлением причин и условий, которые психологически влияют на формирование сообщения на первых двух стадиях, и оценкой того, как они могли влиять на полученную информацию;

• сопоставлением высказываний заявителя с особенностями его личности, складывающимся психологическим портретом его;

• постановкой дополнительных, уточняющих вопросов, требующих от заявителя конкретизации и детализации сообщения, дополнения иными подробностями, о которых он сам не рассказывал, но которые (по предположению юриста) заметил как очевидец;

• проверкой сообщений тактичной постановкой по существу дублирующих, но варьирующих по форме вопросов, отвечая на которые, заявитель побуждается к повторному изложению существенных или вызвавших у юриста сомнение аспектов;

• оказанием помощи в припоминании, использованием для этого механизма узнавания путем перечисления понятий, цветов, имен, фамилий, номеров, высказываний, действий и пр., среди которых заявитель распознает забытое, упущенное либо указывает на близкое к истинному;

• поиском совместно с заявителем наиболее памятной ему точки отсчета времени и места, строго последовательном, шаг за шагом, воспроизведением эпизодов события;

• сопоставлением однородной, но сообщенной в разные моменты беседы, информации (той, которая содержалась в первом сообщении и в последующих ответах на вопросы);

• выявлением и анализом признаков искренности — лживости.

Анализ сообщений в сложных случаях сопровождается составлением сличительных таблиц и графических изображений, позволяющих детально и многократно изучать информацию, полученную как от одного лица, так и от, многих лиц по одному и тому же факту (или детали). Эффективно и использование средств видео- и звукозаписи.

---

[1] Существенный вклад в исследование психологии свидетельских показаний внесен в последние десятилетия *А.Р. Ратиновым* и *Н.И. Гавриловой.* См.: *Ратинов А.Р.* и *Гаврилова Н.И.* Ложно-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 37. - М, 1982. С. 44-57; *Гаврилова Н.И.* Ошибки в свидетельских показаниях (происхождение, выявление, устранение). - М., 1983. Полученные ими данные используются в этом параграфе.

8.12. Психология диагностики лжи и скрываемых обстоятельств

Психологическая диагностика лжи и скрываемых обстоятельств в юридической практике. Тайна и ложь лежат в основе преступной деятельности. Преступник в процессе приготовления к своему криминальному деянию старается склонить других людей на свою сторону, завоевать их доверие, тщательно маскируя и скрывая истинно преступные намерение и цели. Будучи задержанным в качестве подозреваемого или обвиняемого, преступник часто с целью ухода от уголовной ответственности или снижения степени своей вины в противоправном деянии? умышленно пытается ввести органы дознания и следствия в заблуждение, используя для этого различные способы лжи. Он прибегает к вымыслу и искажает реальные факты. В силу различной мотивации могут лгать и другие участники уголовного процесса: свидетели и потерпевшие.

Исследования показывают, что извращение обстоятельств уголовного дела в показаниях допрашиваемых достигается с помощью следующих приемов:

• умолчание, сокрытие, исключение из сообщения отдельных элементов описываемого события, собственных действий и действий иных действующих лиц;

• дополнение описания вымышленными деталями или элементами, при помощи которых событию придаются нужные характер и окраска;

• перестановка и смещение в описании отдельных фрагментов события по их месту, времени, последовательности, взаимосвязи и т.п.

• замена отдельных элементов события иными, вымышленными обстоятельствами и деталями».[1]

Знание работниками правоохранительных органов приемов психологической диагностики лжи и неискренности в поведении человека является важной предпосылкой успешной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Прием диагностики лжи и скрываемых обстоятельств на основе анализа речевых высказываний человека. Этот прием основывается на оценке правдивых и лживых высказываний посредством выделения определенных критериев или признаков (табл. 8.4).

Таблица 8.4. Критерии оценки искренности и неискренности человека

Критерий оценки высказывания	*Правдивые высказывания*	*Лживые высказывания*
1	*2*	3
Компетентность и осведомленность	Часто выходят за рамки знаний человека и его осведомленности. Он обычно строит правдивые суждения на основе не только личного опыта, но и тех фактов, которые реально видел или слышал о них от других лиц, либо читал о них в книгах, газетах и т.д.	Обычно ограничены опытом, квалификацией и образованностью человека, а также его способностями к фантазированию. Кроме того, измышления могут строиться на основе типовых вариантов действий, имеющих прецеденты в реальной жизни, литературе, кино и т.д.
Речевая характеристика высказываний	Как правило, формулируются собственными словами, отражая реальный кругозор человека, его жизненный опыт и образование	Лживые речевые конструкции с целью придания им большей значимости изобилуют сложной терминологией (медицинской, правовой и т.д.), а также указывают на использование словарного запаса, не свойственного данному человеку в соответствии с его квалификацией, образованием и жизненным опытом
Уникальность высказываний	Правдивые суждения всегда индивидуализированы и носят уникальный характер. В них больше деталей, событий и конкретных участвующих лиц	Лживые высказывания более схематичны, стереотипны, лишены частностей, деталей, конкретных действующих лиц. Часто по поводу таких высказываний может возникнуть предположение о том, что вы их уже когда-то и где-то слышали
Эмоциональная насыщенность и убедительность высказываний	Правдивые высказывания всегда сопровождаются сильными эмоциями и убедительностью речи человека. Он говорит правду, его трудно сбить с толку, заставить отказаться от своих слов, изменить точку зрения	Лживые речевые конструкции сопровождаются меньшими эмоциями. Иногда эмоции носят инсценированный характер. Можно подозревать, что эмоции и переживания искусственны и умышленно демонстрируются человеком. Убедительности высказываний он пытается достичь не за счет насыщенной эмоциями речи, а путем ссылок на других лиц, подтверждающих слова, действия и поступки

Кажущиеся несоответствия в высказываниях	Как ни парадоксально, но в правдивых суждениях чаще можно встретить несоответствия, несогласованность деталей, что отражает факты реальной, полной противоречий жизни	В лживых суждениях обычно не встречается несоответствий, несуразностей, все факты «приглажены» и согласованы. Это обстоятельство часто свидетельствует о неискренности человека
Ролевая позиция говорящего	В правдивых высказываниях проявляется истинная личная позиция человека, его убежденность. Он говорит от своего имени, не занимая не свойственной ему социальной роли (работника органов правопорядка, врача, служащего госаппарата и др.)	В лживых речевых конструкциях чаще проявляется позиция стороннего наблюдателя («так обычно делают», «так говорят; таким образом надо поступать» и т.п.) Кроме того, возможно занятие позиции, выгодной для говорящего («борца за справедливость», «критика социальных недостатков» и др.)
Неопределенность и неконкретность связей	Обычно отсутствует	Часто встречаются неопределенность и неконкретность связей
Чрезмерная, нарочитая точность	Отсутствует	Свойственна неискренним высказываниям
Исключительно позитивная информация говорящего о себе	Не свойственна правдивым высказываниям	Как правило, присутствует
Уклонение от ответа на прямой вопрос («вопрос забыт»)	Отсутствует	Свойственно лживым высказываниям
Неоднократное повторение одних и тех же утверждений	При отсутствии вопроса, как правило, утверждения не повторяются	В целях воздействия на собеседника утверждения часто повторяются
«Приговорки»	Отсутствуют	Часто проявляются

Человек в силу различных причин (недостатка жизненного опыта, образования и др.) может добросовестно заблуждаться и поэтому при очевидной ложности высказываний нельзя всегда делать вывод об умышленном искажении информации. Добросовестное заблуждение связано с трудностями восприятия, переработки, запоминания и воспроизведения информации о том или ином событии. В связи с этим обстоятельством человек может непроизвольно объединять несвязываемые факты, преувеличивать или сокращать длительность события, добавлять несвойственные событию факты, отождествлять несходные объекты и т.д.

Прием диагностики лжи и скрываемых обстоятельств на основе наблюдения за невербальными (неречевыми) реакциями человека. Часто можно наблюдать противоречия между высказываниями человека и телодвижениями, позами, мимикой и жестами. Невербальный «язык» часто «с головой» выдает человека, говорящего неправду. Более того, в психологии в результате наблюдений за невербальным поведением человека выделены так называемые «жесты неискренности» (защита рта рукой, прикосновение к носу и др.).[2]

Умение обнаружить соответствие (или противоречие) между языковым и неязыковым общением является важной предпосылкой точности оценки информации, получаемой от собеседника. Необходимо обращать внимание на взгляд человека. Известно, что при нормальном контакте, когда люди говорят правду друг другу, взгляды встречаются около 2/3 всего времени общения. Если человек неискренен или скрывает что-либо, то его глаза будут встречаться с глазами собеседника менее 1/3 части всего времени взаимодействия. При этом он будет стараться отвести взгляд в сторону. В случае вопросов, относящихся к скрываемой или искусственно сконструированной им информации (так называемый «бегающий взгляд»).

Продолговатая улыбка собеседника (губы слегка оттянуты назад от верхних и нижних зубов, образуя продолговатую линию губ, а сама улыбка не кажется глубокой) показывает на внешнее приятие, официальную вежливость другого человека, но не на искреннее участие в общении и готовность к оказанию помощи. Оборонительная позиция и антагонизм в общении оцениваются при виде плотно сжатого рта и мышц челюсти, а также косого взгляда в сторону собеседника.

Наблюдение позволяет выделить ряд невербальных реакций человека, свидетельствующих о его неискренности:

• защита рта рукой (рука прикрывает рот, большой палец прижат к щеке);

• прикосновение к носу (легкое прикосновение к ямочке под носом или одно быстрое, почти неуловимое прикосновение к носу);

• потирание века;

• почесывание и потирание уха;

• оттягивание воротника рубашки;

• частое приглаживание волос;

• легкая, снисходительная улыбка, сопровождающая ложное высказывание;

• «бегающий взгляд» (человек с трудом «держит» взгляд собеседника, отводит глаза в сторону);

• нервозность в поведении (периодическая прочистка голоса; покашливание; частое курение сигареты; ерзание на стуле; постукивание по столу;

потирание ладоней; непроизвольное изменение интонации, темпа и тембра речи; появление дрожи в голосе; паузы при ответах на вопросы; слишком быстрые ответы на вопросы и т.п.);

• прищуривание, сужение глаз при ответах на вопросы;

• микронапряжение лицевых мышц, когда в момент ложного высказывания по лицу как бы пробегает тень;

• вегетативные реакции (покраснение лица; подергивание губ; учащение дыхания; расширение зрачков; сужение зрачков; повышенное потоотделение; тремор кистей, рук, ног).

Невербальное поведение человека, скрывающего какие-либо обстоятельства или обманывающего других людей, может проявляться в его действиях и поступках (избегание встреч с конкретными людьми, нежелание или желание посещать определенные места и т.п.). Из истории известны процедуры уличения человека во лжи и изобличения его в неблаговидном поступке или преступлении на основе предположения, что человек, скрывающий какую-либо информацию, в значимых для него обстоятельствах будет поступать иначе, чем другие люди. Так, у эскимосов подозреваемые в преступлении (например, воровстве)должны были поодиночке заходить в темный чум и прикасаться к перевернутому горшку, под которым, со слов шамана, сидела вещая ворона. Шаман говорил, что в случае прикосновения к горшку преступника ворона подаст голос. После выхода из чума у каждого из подозреваемых осматривали кисти рук и точно указывали на преступника, так как у него руки были чистые, а у остальных замазаны сажей (горшок перед испытанием был незаметно покрыт сажей). Преступник, пытаясь избежать наказания, заходил в чум и проходил мимо горшка, не касаясь его.

Приемы диагностики лжи на основе применения специального технического устройства — полиграфа (детектора лжи). Полиграфическое тестирование строится на основе установленной закономерности: значимые раздражители (например, слова, имеющие отношение к описанию места преступления) вызывают заметное эмоциональное напряжение, выражающееся в определенных реакциях организма человека. Эти реакции полиграф фиксирует и позволяет сделать вывод о причастности человека к какому-либо событию, а также о наличии у него скрываемой информации.

К числу вегетативных и физиологических реакций при эмоциях относят:

• изменение (при отсутствии физической нагрузки) частоты пульса, а также изменение ритма пульсовых сокращений;

• изменение кровяного давления (по гипертоническому или гипотоническому типу);

• изменения в ритме дыхания (особенно резкое сокращение фазы выдоха и искажение обычного дыхательного цикла);

• выраженные изменения в кожно-гальванической реакции (КГР), появление обильного потоотделения без температурных и физических нагрузок;

• изменения в электрокардиограмме (ЭКГ);

• изменения в картине электроэнцефалограммы (ЭЭГ);

• повышение перистальтики кишечника; повышенный диурез;

• различные изменения в элементах крови, мочи, слюны.[3]

Наиболее распространенный тип полиграфа построен на использовании регистраторов изменений таких физиологических параметров организма человека, как кожно-гальваническая реакция, дыхание, периферическое артериальное давление (АД) и сокращения пульса. Этот тип полиграфа имеет как стационарную, так и портативную модификации.

Процедура проведения испытания на полиграфе имеет определенные правила:

1) добровольное участие в испытании;
2) исключение какого-либо давления на испытуемого;
3) предварительное обсуждение круга вопросов, которые будут заданье; человеку;
4) требование ответа испытуемого на все вопросы двумя словами да» или «нет»;
5) проведение опроса наедине (оператор и испытуемый);
6) проведение опроса для точности несколько раз (обычно три раза);
7) проведение опроса специалистом — оператором полиграфа.

Основная область применения полиграфа — определение степени причастности к событию преступления (виновности или невиновности человека) установление скрываемых обстоятельств и степени искренности человека при отборе его на работу в ряд государственных и коммерческих организаций Очень популярен в полиграфических исследованиях «тест определения виновности», или «тест виновных знаний». В ряде стран прохождение данного теста признается доказательством в уголовном процессе (например, в США), Полиграфы кроме США широко применяются в Великобритании, Германии, Японии, Польше, Венгрии, Китае и других странах. В России опыт применения полиграфов очень невелик, в основном он связан с деятельностью Министерства обороны, ФСБ, МВД и некоторых коммерческих структур.

Полиграфические обследования имеют перспективу при отборе кадров, в; том числе в правоохранительные органы, определении скрываемых фактов жизни будущих работников, при решении ряда профессиональных юридических задач. К последним следует отнести определение степени виновности человека в преступлении, установление психического статуса при проведении психолого-психиатрических экспертиз и ряд других задач.

---

[1] См.: *Ратинов А.Р.* Феноменология лжи. // Судебно-психологический взгляд. Юридическая психология: Сб. научных трудов — М., 1998. — С.103—104.

Примечание. Часть критериев и их описание взяты из: *Ратинов А.Р., Гаврилова Н.И.* Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях // Вопросы борьбы с преступностью. - 1982. - вып. 37. - С. 44-57.

[2] См.: *Пиз А.* Язык телодвижений. Как читать мысли других людей по их жестам: Пер. с англ. - М, 1992.

[3] *Методики* психодиагностики в спорте: Учеб. пособие для студентов / В.Л. Марищук, Ю.М. Блудов и др. - М., 1984. - С. 164-165.

8.13. Психодиагностика причастности лица к правонарушению в отсутствие доказательств

Общая характеристика метода. Разработан оригинальный, не имеющий аналогов в отечественной правоприменительной практике психологический метод диагностики скрываемой причастности лица, совершившего преступление. Метод представляет собой интеграцию идей психологов и криминалистов по вопросам раскрытия и расследования преступлений: допроса;[1] защитного поведения,[2] невербальных (несловесных) проявлений и взаимодействия в процессе общения[3] и др. Метод не претендует на обеспечение процессуальной доказанности вины лица, но дает вполне достоверную информацию о возможной его причастности к преступлению, что позволяет существенно ограничить круг подозреваемых; выбрать нужное направление деятельности в поиске доказательств, возможных соучастников, похищенного, следов и т.д.; получить сведения о действительных обстоятельствах произошедшего либо об отдельных его элементах. Ниже приводится сокращенный его вариант,[4] пригодный для практического применения.

Метод состоит из двух взаимосвязанных бесед-опросов, в основе которых лежат специально сформулированные вопросы, последовательно задаваемые опрашиваемому лицу. После каждого вопроса даются характеристики ответов непричастного и причастного лица с краткими комментариями. При их оценке следует:

• обращать внимание на информацию, содержащуюся в словах-ответах на вопросы (произвольную вербальную);

• дифференцировать указанную информацию и информацию, также выраженную в словах, но возникающую как реакция на соответствующее психологическое воздействие допрашивающего (непроизвольную вербальную);

• отслеживать наличие и изменение невербальных проявлений: физиологических (потение, тремор рук, изменение цвета кожных покровов и т.п.) и поведенческих (разновидность «бихевиористских ключей») — поза, жесты, мимика, пантомимика.

Совокупность данных, полученных в результате анализа ответов по каждой из названных позиций, свидетельствует о возможной причастности опрашиваемого лица.

Беседам-опросам должно предшествовать установление психологического контакта, побуждение к желанию оказывать необходимую помощь в исследовании события и готовности отвечать на вопросы, высказывать свои соображения, мнения, представления и ощущения в обстановке доверия и искренности. При этом не следует показывать, что субъект вправе отказаться от участия в беседе. Последняя не должна носить обвинительную направленность или создавать впечатление временного ограничения свободы. Опрашиваемый должен уяснить, что в его интересах оказать вам, как лицу, занимающему определенное должностное положение, посильную помощь, не навлекая на себя ненужных подозрений и недоверия.

В целях объективности, чтобы свести к минимуму побочный эффект психического воздействия, оказываемого на невиновных, иногда целесообразно опрашивать лиц в привычной для них обстановке, например, по месту работы или жительства, без излишней официальности и выраженной предвзятости. Любые искажения смысла и содержания предлагаемых вопросов могут повлечь ошибки в интерпретации проявляемых реакций (вербальных и невербальных). Для более полного последующего анализа в ходе бесед-опросов желательно использовать аудио- или видеозапись.

Первая беседа-опрос. Главными задачами первой беседы-опроса выступают, во-первых, включение в круг предположительно причастных к исследуемому событию лиц — максимального количества потенциальных его участников; во-вторых, изучение исходных данных, характеризующих исследуемое событие, любых ориентирующих сведений о нем, обеспечение присутствия опрашиваемых лиц в месте опроса и создание необходимой обстановки для проводимых бесед.

Начало беседы-опроса,

1. Объясните дело без подробностей.

2. Укажите, что с каждым, кто так или иначе мог иметь отношение к этому преступлению (происшествию), будет проведена беседа-опрос.

3. Сообщите, что один из тех, кто будет опрошен, совершил это преступление (или является виновником этого происшествия).

4. Упомяните, что опрашиваемый возможно еще понадобится.

5. Заверьте, что информация будет использована только лишь в служебных целях.

Основная часть беседы-опроса.

Вопрос 1. «Вы знаете, почему вас пригласили на эту беседу?»

Ответы: А) правдивый - ответ не имеющего отношения к преступлению, как правило, неуклончив и нередко содержит упоминание преступления, некоторые соображения о нем. Он не связывает это событие с собой, а поэтому ему нет нужды задумываться о значении той информации, которую он сообщает;

Б) неискренний. Крайне неопределенные или нереалистичные ответы могут свидетельствовать о причастности к событию (преступлению). Человек, действительно причастный к нему, подсознательно занимает изначально оборонительную позициюJ склонен умалчивать свою осведомленность, боится выдать какую-либо информацию, которую может знать только участник события (преступления). При этом он часто не осознает разницы между констатацией факта уже существующего события (преступления) и проявлением так называемой «виновной осведомленности» о нем. Вслушиваясь в его объяснения, важно уяснить неопределенный и нереалистичный характер объяснений и ответов, проявление скрытого убеждения, что оправдывающим и исключающим подозрения в его адрес моментом является делаемый им в ответе акцент на его отсутствие в цепи «событие — субъект — беседа». Демонстрация этого акцента ему настолько важна, что иногда он жертвует естественностью своего заявления.

Вопрос 2. «Вы верите тому, что это преступление (происшествие) (сказать, что случилось) действительно было совершено.

Ответы: А) правдивый. Непричастные лица, заинтересованные в установлении истины, не имея оснований для искажения известных им сведений, касающихся пой следствий события, как правило, соглашаются с тем, что последнее имело место. При этом они не склонны оспаривать его детали;

Б) неискренний. Виновные часто дают другие ответы, так как стараются любым способом скрыть свою осведомленность или затруднить установление обстоятельств события.

В ситуациях, когда вероятность криминальности события небесспорна (кто-то заявил о пропаже у него денег, выявлена недостача, обнаружен подлог документов и пр.), искомое лицо старается любыми средствами отвести от себя возможные подозрения, и ответ на данный вопрос дает ему возможность направить следствие по ложному пути, поставив под сомнение наличие самого факта события преступления, чтобы это устраняло необходимость дальнейшего расследования, влекло иные, желательные для лица предположения о криминале или его отдельных последствиях. В качестве деталей, позволяющих замотивировать истинную направленность даваемых объяснений, может выступать описание в ответе на вопрос об особенностях места, времени, способа совершения преступления и других обстоятельств.

Вопрос 3. «Кто, по вашему мнению, мог бы это совершить?» Вопрос выявляет желание человека помочь следствию (пострадавшему, семье, родственникам пострадавшего). Отсутствие этого желания может свидетельствовать о причастности лица, хотя может быть и следствием негативного отношения к опрашивающему (как к личности или как к сотруднику правоохранительных органов).

Ответы: правдивый. Не имеющие причин скрывать что-либо и желающие помочь в расследовании готовы дать ответ, в котором могут фигурировать те или иные лица, даже они сами;

Б) неискренний. Виновные уклоняются от упоминания имен, так как знают истинного виновного и не хотят впутывать в дело невиновных, поскольку это может принести только вред. В случае инсценировки, обычно сопровождаемой ложными сообщениями и прямыми указаниями на конкретных лиц, обязательно в ответе содержатся и придуманные обстоятельства, моделирующие следовую картину причастности этих лиц к событию (преступлению).

Вопрос 4. «Почему вы так думаете?» Подобный вопрос побуждает лицо аргументировать свои предположения какими-либо конкретными фактами или наблюдениями, которые могут дать дополнительную информацию об обстоятельствах события (преступления) и свидетельствовать о степени осведомленности лица о нем.

Ответы: А) правдивый. Невиновные часто дают объяснения, которые согласуются с ответом на предшествующий вопрос «Кто мог бы ». Предлагая имена и фамилии определенных людей, они обосновывают их связи с фактами, вызвавшими у них подозрения;

Б) неискренний. Причастные лица либо дают крайне расплывчатые и неопределенные ответы, либо, если они называют конкретных лиц, то их аргументация отличается подробностью, связностью и продуманностью.

В размышлениях причастного лица преобладают представления о реально существующих связях события (преступления) и его собственного поведения, поэтому ему очень трудно сразу сформулировать логическую привязку посторонних лиц к событию (преступлению). Здесь возможны существенные ошибки в объяснении таких связей и опасность непроизвольно выдать ту информацию, которой данное лицо просто не может располагать, не будучи причастным. Чтобы избежать этого, они, как правило, стараются уклониться от упоминания конкретных имен и дают уклончивые и расплывчатые ответы.

Вопрос 5. «Кто, по вашему мнению, мог бы совершить это преступление (происшествие) с наименьшей вероятностью?» Вопрос контрольного, проверочного свойства, он прямо противоположен третьему вопросу и требует восстановления и воспроизведения тех ассоциативных связей, которые были сконструированы в ходе неискреннего вынужденного ответа, только противоположного характера. Он изменяет созданную заранее установку на выявление причастного лица и требует формирования новой, согласующейся с ней — на определение непричастного. Это позволяет получить дополнительную информацию о событии и лицах, их совершивших.

Ответы: А) *правдивый.* Непричастные, следуя той же схеме, что и в предыдущем случае, постараются назвать имена, исходя из той же бытовой логики и желая помочь расследованию.

Б) неискренний. Причастные стремятся уклониться от исключения кого-либо из числа возможных преступников подобно тому, как они избегали предлагать кого-нибудь в качестве

заподозренного (ввиду нежелания проявлять какую-либо осведомленность и избежать возможных ошибок в объяснениях, не быть пойманным на противоречиях). Кроме того, они не готовы к изменению установки на защиту на установку на взаимодействие, так как возрастает вероятность ошибки в изложении фактов. Поэтому они предпочитают уклоняться от указания конкретных имен и дачи в связи с этим объяснений.

Вопрос 6. «Кто имел наилучшие возможности это сделать?» Формулировка вопроса подразумевает оценку опрашиваемым объективных (отсутствие алиби, наличие орудий и средств совершения преступления и т.п.) и субъективных (замысел, мотивы, цели, знания, умения, навыки и т.п.) возможностей лица, причастного к событию. Детальная дифференциация их по своей относимости возможна только лицом причастным.

Ответы: А) правдивый. Непричастные желают помочь расследованию и это стремление очевидно. Они скорее всего будут называть конкретные имена, возможно, даже свое, но их объяснение будет базироваться на наиболее общих (характерных для большинства людей) представлениях о механизме данного события (преступления) и особенностях личности называемых лиц. Детальная аргументация в силу их неосведомленности, как правило, отсутствует.

Б) неискренний. Причастные могут ответить следующим образом: «Любой мог это сделать». Причастные воздерживаются называть имена, так как боятся непроизвольно проявить осведомленность о деталях события, а это вполне вероятно, поскольку им

придется аргументировать свои соображения и, кроме того, они не хотят облегчить, вашу работу (см. также п.п. 3, 4, 5).

Вопрос 7. «Как вы думаете, что заслуживает человек, который это сделал?» Данный вопрос выявляет имеющееся отношение лица как к событию (преступлению), так и к лицу, его совершившему (с точки зрения общественной опасности, противоправности и наказуемости содеянного).

Ответы: А) правдивый. Непричастный предложит реалистическое наказание, соответствующее традиционным нормам и без учета каких-либо смягчающих или, отягчающих обстоятельств;

Б) неискренний. Причастный, зная о том, кто совершил преступление, будет, снисходительным и предложит предварительно обсудить этот вопрос на совещании, в коллективе сотрудников, вернуть обратно деньги и т.п. или же уменьшит значение этого события и предложит наказание, которое не соответствует тяжести преступления. Он может приводить оправдательные аргументы, смягчающие обстоятельства (о которых, естественно, знает), преуменьшать вину, значение и общественную опасность события, готов «спустить все на тормозах», «не делать из мухи слона»;

Вопрос 8. «Вы думали когда-нибудь о том, чтобы сделать что-нибудь подобное?» Вопрос, позволяющий иногда достаточно определенно дифференцировать причастных и непричастных к событию (преступлению) лиц. Кроме того, имеется возможность выявления лиц, склонных к совершению подобных действий.

Ответы: А) правдивый. Непричастный человек, считая себя нравственным, будет отрицать такую возможность;

Б) неискренний. Причастное лицо допускает возможность ошибки в своих ранее дававшихся объяснениях и стремится профилактировать ее, сообщая, что ранее думая об этом, но в силу определенных причин, чаще всего морально-этических (но могуг быть и технические — хорошая охрана, надежные замки и пр.), не совершал.

Вопрос 9. «Вы когда-нибудь брали что-нибудь «в долг» подобным образом с намерена нием потом это вернуть?» Вопрос, похожий на предыдущий, но дающий возможность причастному «сохранить свое лицо» благодаря изменению квалификации внешней стороны проступка (кража представляется как вынужденное взятие в долг и «подсказывается» возможное оправдание). Варианты вопроса могут зависеть от вида проступка.

Ответы: А) правдивый. Непричастный по причинам, указанным в п. 8, сразу же отвергнет такую возможность. Для него иное название осуждаемого им поступка, не изменит его собственного к нему отношения и потому недовольство, проявленное им, будет естественным;

Б) неискренний. Причастный может сказать, что он думал об этом, даже допускает такую возможность при определенных условиях (с приведением оправдательных аргументов), но никогда не делал ничего подобного.

В содержание вопроса хорошо включать иной (более нейтральный) вариант характеристики деяния и вариант смягчающего ответственность обстоятельства.

Окончание беседы-опроса.

1. Поблагодарите опрашиваемого и затем сделайте следующее заявление в утвердительной или констатирующей форме: *«Я знаю, что вы будете рады встретиться и поговорить со мной об этом деле еще раз».* Создайте впечатление, что беседа закончена, закройте папку с записями, встаньте и т.д. Все как бы говорит о том, что ваши вопросы исчерпаны, и опрашиваемый может облегченно вздохнуть и расслабиться (что часто и происходит,). На самом деле завершен только первый, отборочный этап исследования, когда круг возможно причастных лиц существенно сузился, после чего будут проведены новые беседы.

2. Задайте опрашиваемому неожиданный в данный момент вопрос: *«Как, по-вашему, в действительности происходило данное событие?»* Расчет делается на то, что виновное лицо, располагая информацией, пойдет на оказание услуги и расскажет о действительно имевших место деталях события (характеристика и поведение жертвы, обстановка места происшествия, механизм совершения деяния, пути отхода, приемы сокрытия следов и т.п.), но как бы предположительно, от третьего лица.

3. Закончите беседу вопросом: *«Если бы вы захотели сделать что-нибудь подобное, как бы вы это осуществили?»* Вопрос имеет психологические основания. Беседа окончена, наступило определенное успокоение, защитные механизмы могут активизироваться с опозданием, и лицо допустит ошибку.

Ответы: А) правдивый. Честные люди обычно не имеют готового ответа, так как они не рассматривали нечто подобное применительно к себе;

Б) неискренний. Виновные лица часто описывают, как в действительности было совершено преступление или же дают объяснения, имеющие много общего с истинным событием (в их описании часто присутствуют реальные детали происшедшего).

Вторая беседа-опрос. Замысел ее заключается в повышения психологической напряженности и увеличении объема проявлений виновной осведомленности. Проводить ее следует через один-два дня и начинать с тех лиц, которые подпадают под наибольшее подозрение. Обстановка начала беседы не должна носить обвинительного характера и должна быть непринужденной.

Основная часть беседы-опроса.

Вопрос 1. «Хотите ли вы добавить что-нибудь к тому, о чем мы говорили во время первой беседы?» Вопрос рассчитан на выяснение отношения опрашиваемого к расследованию (или к опрашивающему) и на уточнение, насколько предыдущие ответы были подготовлены заранее.

Ответы: А) правдивый. Непричастный может добавить к ранее сказанному некоторые сведения, так как не боится несовпадения ответа с первым и хочет чем-то еще помочь следствию;

Б) неискренний. Причастный может вновь изложить ранее сказанное, как правило, слово в слово с учетом даже малейших мелочей. Может наблюдаться замешательство и неуверенность, так как лицо осознает, что результаты первой беседы послужили причиной повторной встречи. Он допускает возможность собственной ошибки в показаниях, но не предполагает, какой именно.

Вопрос 2. «Имеются ли у вас какие-нибудь новые соображения или подозрения о том, кто мог совершить это преступление (происшествие) ?»

Ответы: А)правдивый. Так как событие вызвало определенный резонанс в коллективе или обществе, по прошествии первой беседы-опроса опрашиваемый так или иначе имел возможность получить дополнительную информацию от других лиц, дополняющую или опровергающую его собственные представления о событии. Поэтому, наверняка, с его стороны возникнут какие-либо дополнения, уточнения или коррекция прежних показаний.

Б) неискренний. Причастному нет дела до подозрений в отношении других лиц, так как он знает, кто это сделал, и главная его задача — любым путем скрыть свою причастность, а также получить информацию о ходе расследования и имеющихся в отношении него подозрениях. Поэтому на этот вопрос он отвечает отрицательно либо его замечания имеют формальный характер, не касающийся существа дела.

Вопрос 3. «Из всех работающих (проживающих) здесь (или другая подходящая фраза) кого бы вы исключили из числа подозреваемых?» Вопрос противоположного предыдущему свойства, требует определенного умственного напряжения и сопоставления прежних показаний с настоящими. Ошибка, допущенная при ответе на этот вопрос, может иметь серьезные последствия.

Ответы: А) правдивый. Непричастные будут вести себя так же, как и при ответе на предыдущий вопрос. Ко второй беседе они могут располагать новой информацией об упоминавшихся ранее лицах, которой, скорее всего, поделятся;

Б) неискренний. Линия поведения причастного будет прежней. Опасность запутаться заставляет его придерживаться прежних показаний, не отступая от них даже в мелочах.

Вопрос 4. «Что, на ваш взгляд, чувствует человек, который это сделал?» Вопрос, побуждающий лицо к описанию своих внутренних переживаний в связи с совершенным проступком (преступлением).

Ответы: А) правдивый. Непричастные лица затрудняются ответить на этот вопрос и это вполне естественно;

Б) неискренний. Причастные лица будут описывать скорее всего свои собственные переживания.

Вопрос 5. «Имеется ли какая-нибудь причина, которая не позволяет исключить вас из числа подозреваемых?» Вопрос, выясняющий отношение лица к себе как к подозреваемому другими.

Ответы: А) правдивый. Непричастные склонны к гневным протестам;

Б) неискренний. Причастное лицо отвечает неопределенно с относительно слабой эмоциональной реакцией. Субъект лихорадочно рассуждает про себя, анализирует возникшую ситуацию, воспринимая ее ловушкой. Он пытается вспомнить, где он допустил ошибку, почему ему задали такой вопрос. Дезориентация и дезорганизация сознания обычно заметны внешне.

Вопрос 6. «Имеется ли объяснение тому, что вас видели (могли видеть) на месте преступления (происшествия) ?»

Ответы: А) правдивый. Непричастные лица отвечают отрицательно.

Б) *неискренний.* Причастное лицо будет вынуждено давать какие-либо объяснения. Относительная неопределенность вопроса (без указания времени, места, сопутствующих обстоятельств), дающая понять лицу, что расследование располагает какими-то сведениями, заставляет его либо последовательно, либо лихорадочно (в зависимости от степени психологической устойчивости) перебирать возможные варианты объяснений. Если имеются доказательства, опровергающие ложь (следы рук, транспорта, оставленные на месте предметы, словесные описания), можно использовать их для уличения лица и опровержения его объяснений.

Следующие два вопроса задаются вместе, с интервалом от трех до пяти секунд.

Вопрос 7. «Я заметил вашу реакцию на этот вопрос при его обсуждении. Мне кажется, что эта тема вас очень волнует». Вопрос — вполне определенный намек на связь проявляемого беспокойства лица с исследуемым событием.

Ответы: А) правдивый. Непричастный может прервать вас или рассердиться, так как намек будет оскорбительным;

Б) неискренний. Причастный будет ждать окончания вопросов для того, чтобы узнать от вас как можно больше и построить новую защиту. Вполне возможно сильное замешательство, если у него исчерпались объяснения. Из-за опасности, которую таит неосторожное высказывание в ответ на вопрос, у опрашиваемого может визуально отмечаться напряжение.

Вопрос 8. « Вы сделали это?»Он должен прозвучать обязательно с интервалом от трех до пяти секунд после первого. Смотря в глаза опрашиваемому, можно зафиксировать его эмоциональную реакцию на вопрос.

Ответы: А) правдивый. У невиновного он может проявиться в крайней эмоциональной форме (насколько это позволяют воспитание и нравственные устои);

Б) неискренний. В этот кульминационный момент виновный с трудом контролирует реакции и нормализует свое состояние.

Вопрос 9. «Может, быть, вы поступаете и реагируете таким образом потому, что вы сделали в прошлом что-нибудь подобное. Расскажите об этом» Вопрос, открывающий причастному выход из безвыходной ситуации.

Ответы: А) правдивый. Непричастное лицо не оценит вашу «помощь» и будет настойчиво продолжать отрицать свою вину;

Б) неискренний. Причастный скорее всего воспользуется представившейся возможностью отвести от себя подозрения в данном преступлении рассказом о якобы имевшем место проступке в прошлом. Причем явный вымысел будет содержать элементы исследуемого события.

Вопрос 10. «Хотели бы вы пройти испытание на полиграфе?» Вы не просите опрашиваемого сделать это, а только лишь говорите о возможности участия в таком испытании.

Ответы: А) правдивый. Непричастный имеет склонность сказать определенно: «да» или «нет»;

Б) неискренний. Большинство виновных лиц имеют склонность к тому, чтобы сказать: «да, но ...», а затем выдвигают причину для того, чтобы избежать испытания, или говорят, что они не доверяют результатам испытания. Причастные, как правило, опасаются вызвать дополнительные

подозрения и поэтому склонны соглашаться с предложенным испытанием, но с оговорками, дающими им основание подвергнуть результаты испытания сомнению.

Вопрос П. «Как вы думаете, какой бы у вас был результат при прохождении испытания на полиграфе?» Вопрос, выясняющий степень убежденности лица в своей невиновности.

Ответы: А) *правдивый.* Непричастные субъекты убеждены в положительных для них результатах и склонны отвечать, что последние указали бы на их невиновность;

Б) неискренний. Причастные субъекты также могут выразить убеждение в положительном исходе испытания, но допускают возможность ошибки, могут сделать оговорку, как и в предыдущем случае: «да, но... *».* Виновное лицо вынуждено заявлять о невозможности получения на полиграфе уличающих его показателей.

Окончание **беседы-опроса.**

В случае, если вы склоняетесь к убеждению, что результаты опроса характеризуют данного субъекта как виновного, и вы доверяете им — вы нашли искомое лицо. Если же результаты предыдущих бесед указали преимущественно на непричастность либо они неопределенны, остается поблагодарить собеседника и извиниться за отнятое у него время и доставленные неудобства.

---

[1] *Криминалистика:* Учеб. - М., 1950. - С. 290; *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. - М., 1967; *Еникеев М.И., Черных Э.А.* Психология допроса. - М., 1994; *Филонов Л.Б.* Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства. - М., 1979; и др.

[2] *Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х.* Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения // Личность преступника как объект психологического исследования. - М., 1979; *Фрейд А.* Психология «Я» и защитные механизмы. - Л., 1993; *Разин В.М.* Психология для юристов. — М., 1997 и др.

[3] *Карнеги Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. - Самара, 1997.

[4] Полное изложение метода см.: *Гельманов А.Г., Гонтарь С.А.* Как установить участие лица в правонарушении? Эффективный и экономичный метод диагностики скрываемой причастности и получения признания виновного в отсутствие доказательств. - М., 1999.

8.14. Юридическая психолингвистика

Сущность и возможности юридической психолингвистики. Психолингвистика возникла в 50-е годы XX в. как междисциплинарная наука о соотнесенности процессов порождения и восприятия текстов, конструкции этих текстов с психическим и психофизиологическим состояниями людей, включенных в процессы коммуникации. Одна из ее задач — атрибуция текста, т.е. установление его автора. Решение ее отличается от автороведческой или графологической экспертизы, поскольку не принимает в расчет самой техники исполнения текста: величины и размера букв, угла их наклона, соразмерности различных участков листа, занятого текстом, и т.д. Это вызвано тем, что иногда автор текста и его исполнитель суть разные люди, и текст мог быть записан по просьбе или под принуждением.

Разность объектов и предметов исследования определяет и различие в технике решения прикладной задачи.[1] Другой, не менее актуальной задачей является учет невербальных факторов при производстве следственных действий, когда в зависимости от степени понимания следователем телесных сигналов подследственного и управления собственным невербальным поведением зависит как выбор тех или иных тактических приемов, так и успешность коммуникации в целом — получение объективной информации.[2] Таким образом, многие конкретные проблемы, стоящие перед юридической психологией в ее прикладном аспекте, не могут быть успешно решены без привлечения психолингвистики.

В отечественной науке сложилось направление, связанное с лингвистическими методами идентификации личности по ее анонимному тексту. Общий метод психолингвистики заключается в том, чтобы на основе исследования формальных (лингвистических, текстовых, фонетических, стилистических и пр.) и неформальных (содержательных, смысловых, интенциональных и др.) характеристик текста (либо поведения, представленного как текст) определить отдельные психологические черты породившего его человека либо, в идеале, его целостный психологический портрет. При этом не имеет значения, в каком виде и на каком носителе был

зафиксирован текст: на печатной машинке, карандашом на сигаретной пачке, в виде компьютерного файла или как-то иначе. Не имеет значения и то, что данный текст мог неоднократно переписываться, выучиваться и воспроизводиться вновь — ведущие индивидуальные характеристики языковой личности автора останутся неизменными. Атрибуция текста находит свое применение в:

1) составлении психологического портрета неустановленного преступника по тексту его речи;

2) судебно-психологической экспертизе (психолог выносит заключение помимо прочего и на основе содержательного анализа текста):

а) комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизе (одновременное участие психолога и лингвиста, каждый из которых отвечает на свои специфические вопросы);

б) судебной психолингвистической экспертизе: исследование предмета, обладающего психологическими и лингвистическими параметрами; использование специальных психолингвистических методик; проведение экспертизы психолингвистом — лицом, сведущим одновременно и в психологии, и в лингвистике;

в) комплексной судебной психолингвопочерковедческой/автороведческоЙ (или психолого-лингвопочерковедческой/автороведческой) экспертизе. Это вид комплексной экспертизы, где объект и предмет исследований одновременно требуют специальных познаний в психологии, лингвистике и почерковедении/автороведении;

3) криминальной психологии: составлении психологического портрета исследуемой личности (установленной либо неустановленной) по тексту ее речи:

а) контактном профилировании — психологический портрет личности при непосредственном взаимодействии с ней;

б) дистанционном профилировании — опосредованное изучение личности, в том числе и через тексты ее речи;

4) коррекционной психологии;

5) психологии профессионального отбора.

Теория и практика юридической психолингвистики. История атрибуции текста в текстологии и историческом литературоведении насчитывает уже не одну сотню лет,[3] но только в новейшее время стали проводиться исследования, результатами которых смогла воспользоваться юридическая психология. Так, во время второй мировой войны был разработан показатель (индекс) удобочитаемости Флэша (The Flesh Index),[4] который использовался военными психологами для установления авторства захваченных вражеских документов. ***Индекс Флэша*** применялся при судебных разбирательствах на Гамбургском и Нюрнбергском процессах, когда установление авторства определенных документов было важно для привлечения к суду конкретных лиц. Этот индекс рассчитывается по формуле:

$/= 0,39a + 11,8b - 15,59,$

где / — индекс Флэша,

a — средняя длина предложений по количеству слов,

b — среднее количество слогов в слове.

Затем была создана специальная программа подсчета, ныне известная как ***индекс Флэша — Кинкейда,*** представляющая собой одну из наиболее точных, достоверных и обоснованно построенных методик в современных судебных исследованиях.[5] Достаточно только указать, что правительственные документы США перед сдачей в печать подлежат обязательному тестированию по индексу Флэша — Кинкейда, в соответствии с результатами которого в них вносятся коррективы.

В 1945 г. Р. Ганнингом[6] был разработан так называемый ***FOG-индекс*** (The Gunning FOG Index), который вскоре стал более распространенной техникой, чем индекс Флэша, но только не в среде профессионалов, по-прежнему предпочитающих показатель Флэша. Здесь учитываются те же факторы, что и у Флэша, но данный индекс намного менее чувствителен к тонкостям и поэтому неприменим в научной практике.

Позднее стали появляться и более эффективные методики, позволяющие помимо атрибуции текста высказывать и веские гипотезы относительно психологического портрета автора изучаемого текста, даже его установочных (розыскных) данных. В 1979 г. К. Р. Шерер в монографии «Социальные показатели в речи»[7] указал на возможность выявления по тексту не только социальных характеристик его автора (влияние региона, положение в обществе,

образование, род занятий и социальная роль), но и физических особенностей (пол, возраст, состояние здоровья), а также некоторых психологических черт. Там же он описал различные подходы к выявлению этих характеристик, в частности, ***стилометрию*** (статистическую стилистику), которая опирается на:

1) подсчет частоты и природы лексических, орфографических, синтаксических и грамматических ошибок;

2) исследование стилистических факторов письменной речи (длина слов, длина предложений; количество слогов, приставок и суффиксов на 100 слов);

3) процент встречаемости в тексте частей речи: соотношения глаголов к прилагательным, глаголов — к существительным и т. п., а также *показатель TTR* (Type Token Ratio) — представление в форме десятичной дроби соотношения количества различных слов с общим количеством слов в тексте.

Н. Реттерстол[8] провел специальное исследование по анализу предсмертных записок суицидентов. Во многих случаях лицо, совершившее самоубийство, оставляет записку, обычно адресованную кому-то из близких. Результаты показали, что анализ таких записок может выявить мотивацию и другие личностные характеристики автора, необходимые следствию. При помощи анализа такой записки может быть выяснено, имел ли автор в действительности намерение уйти из жизни или эта попытка была чем-то вроде просьбы о помощи или способом манипулирования «значимыми другими». Каждая из возможностей требует индивидуального подхода со стороны профессионала. Те, кто остался в живых после покушения на самоубийство, обычно в первую очередь подозреваются в провокации (подстрекательстве). Если записка отсутствует, необходим анализ других документов, включая личную корреспонденцию за период предсуицида и официальные документы, касающиеся профессиональной деятельности причастных лиц. Но, несомненно, отсутствие записки препятствует анализу семантики контекста, который мог бы иметь решающее значение. В исследовании суицидального поведения психолингвистический анализ всегда играет главную роль, так как только он может внести ясность в расследование спорных случаев самоубийств. Основное — выяснение истинных намерений жертвы, обвиняемого и других причастных лиц.

Одним из наиболее эффективных психолингвистических подходов к решению юридических (судебных) задач, применяемых в последние годы, является ***подход Колтарда*** (Coulthard, 1994). Он не только обнаруживает перспективные данные для исследований, но и предлагает новые способы проведения собственно текстуального анализа. В рамках данной методики психологи сопоставляют некоторые аспекты исследуемого текста с системой того языка, на котором написан текст. Кроме основного словарного состава языковой системы специальные своды лексики выведены из текстов различных видов (словарная система предсмертных записок самоубийц, писем с угрозами, записей телефонных переговоров преступников, процессуальных текстов, протоколов допросов и т.д.). Методика выделяет ряд лингвистических факторов, по которым может быть проанализирован текст. Например, наиболее частотные лексические единицы текста могут быть сопоставлены с «лидерами» данной языковой системы, а расхождения проанализированы статистически или сопоставлены с соответствующими единицами второго текста, а расхождения затем подвергнуты статистическому анализу. При анализе единичного текста, автор которого утверждает, что его часть была сфальсифицирована другим лицом, спорная часть может быть сопоставлена с неоспариваемой.

Большинство текстов и речей в повседневной жизни состоит из ядра словарной системы (примерно 2500 слов), таким образом, появление слов, не входящих в это ядро, имеет особое значение.

Еще одной характеристикой при анализе является порядок сочетаемости слов, т.е. взаимообусловленность появления в тексте двух или более различных слов в одном сочетании. Сочетаемость слов — явление очень персонализированное, и учет ее существен при анализе.

Другие факторы анализа: настоящее — прошедшее времена, пассивные — активные залоги, утвердительные — отрицательные конструкции, опущение — замена определенного артикля и некоторые другие характеристики, позволяющие сравнить структуру текста с системой языка, а посредством этого — и с другими текстами.

Леви (Levi, 1994) описала различные психолингвистические подходы к исследованию речи с опорой на стилометрию. В частности, она выделяет:

• исследования голоса (акустические и графические записи голоса), применяемые для идентификации личности говорящего при расследовании звонков с ложной угрозой,

непристойными домогательствами, шантажа, в делах по защите авторских прав, установления обоснованности опознания говорящего с помощью свидетелей;

• лингвистическую морфологию, состоящую в диалектологическом анализе старинных родовых договоров, вызывающих разногласия по вопросу землевладения, и применяемую также по делам нарушения авторских прав или торговой марки;

• синтаксический анализ, применяемый для оценки удобопонятности документа и для выявления несоответствий в речи преступников, не признающих свою вину;

• семантику, которая применяется для исследования двусмысленных слов и фраз, особенно в случаях, когда важная информация печатается в документах или контрактах в незаметном месте и мелким шрифтом. Данный анализ может привести к раскрытию особенностей поведения личности;

• прагматику, заключающуюся в изучении содержания общения и того, что называется иногда паракоммуникацией (paracommunication), т.е. выявление различий в том, как человек формулирует вопрос. Данная техника часто применяется в случаях, когда претендентов на финансовую поддержку обвиняют в фальсифицированных ответах. В последнее время прагматика как одна из методик стилометрии часто используется для установления психологического портрета виновных в изнасиловании;

• анализ разговоров, иногда называемый анализом дискурса, используемый чаще всего при работе с записанными на пленку разговорами подозреваемых, преступника с жертвой, следователя и свидетеля, следователя и подозреваемого;

• анализ удобопонятности текста, включающий некоторые описанные выше типы психолингвистического анализа, но использующий также анализ выбора лексики графического оформления текста;

• проверку юридической надежности зафиксированного признания, необходимость в которой появляется из-за больших трудностей, возникающих при оценке достоверности письменного признания в суде (см. также *Gudjonsson,* 1998).

Идентификация по голосу — одна из проблем, которая может быть решена с помощью методов юридической психолингвистики. Такая проблема стоит при исследовании материалов телефонных звонков или записей прослушиваемых разговоров, а также в случае репродукции беседы преступника с жертвой (в записи). Когда существует графическая запись в дополнение к магнитофонной, психологи могут работать по уже описанным выше методикам. Но анализ только аудитивной записи — это а) отдельная проблема сама по себе (юридическая фонетика) и б) еще не решение проблемы в целом.

Сейчас известно несколько способов анализа аудитивного материала с помощью компьютера. В том, что касается идентификации говорящего, существенных результатов добились эксперты Германии.[9] Область применения — дела по убийствам, шантажу, угрозе применения взрывных устройств, похищению детей или взрослых, угрозе террористов и др.

По аудитивному методу в судебной практике не только идентифицируют голос. Возможен анализ и другой информации: степень правильности понимания аудитивного материала (например, офицерами полиции); заключение о вменяемости обвиняемого по аудиозаписи, если по каким-либо причинам невозможно сделать личное медицинское заключение; расследование причин авиакатастроф по записям разговоров в кабине самолета (спектрография голоса в записи совместно с психолингвистическим анализом содержания аудиотекстов). В последнем случае это особенно ценно, так как на борту (особенно в критической ситуации) члены экипажа могут заговорить на родном языке и/или неформальном (инвективная лексика). Описаны также случаи анализа речи преступников во время совершения преступлений, послужившего основой для составления психологического портрета похитителя, его идентификации и ареста.

Со времени появления компьютера исследователи текста активно стали изучать его возможности для автоматизированного подсчета различных факторов (лингвистических категорий), которые уже после этого могли быть подвергнуты анализу и содержательной интерпретации. Сегодня уже почти все формальные исследования в юридической психолингвистике могут быть проведены при помощи специальных компьютерных программ. Вместе с тем поскольку круг проблем, решаемых юридической психолингвистикой, чрезвычайно обширен, создать программу, которая бы соответствовала всем требованиям, сложно. Самая удачная программа на сегодняшний день — ***Prostyle*** (США). Она осуществляет немедленный анализ любого вводимого текста и выводит в порядке номеров факторы, позволяющие провести статистический анализ значения в любых расхождениях в двух исследуемых текстах (например,

письменное признание своей вины и более ранний документ, написанный обвиняемым). Среди факторов, учитываемых программой Prostyle, находятся:

• предельный индекс четкости (насколько данный текст легок или труден для понимания);

• индексы FOG и Флэша - Кинкейда;

• показатель частотности страдательных конструкций, позволяющий достаточно точно выявить индивидуальные особенности автора;

• количество используемых лексических единиц, которое при вычислении процента соотношения с общим количеством слов в тексте дает показатель словарного запаса автора;

• процент сложных слов по префиксам, суффиксам, количеству слогов (в Prostyle — только по последнему фактору);

• средняя длина предложения, прямо коррелирующая с уровнем образования автора;

• «читательский возраст», представляемый данным текстом;

• количество погрешностей письменного стиля в тексте (возможные ошибки: неправильное употребление абстрактных существительных; неправильное употребление глагольных форм и предлогов; опущение глагола; неуместное употребление сленга и жаргона; использование устаревших, высокопарных слов; нарушение пассивных конструкций; грубые и непристойные слова; слабое знание английского языка).

Дополнительно программа имеет пятиуровневую систему оценок от «отлично» (менее пяти ошибок) до «неудовлетворительно» (более 50 ошибок), что важно для поиска автора текста. Многофакторный психолингвистический анализ, представленный в Prostyle, имеет несомненное преимущество: вероятные расхождения могут быть протестированы несколько раз, а погрешности анализа сведены к минимуму.

Еще одна из удачных программ — *IEA* (Intelligent Essay Assessor). Она позволяет выявить стилистические ошибки и полноту раскрытия темы по заданным семантическим критериям. Первоначально созданная для оценки студенческих работ — сочинений на заданную тему IEA может иметь и более широкое применение, в том числе в судебной психологии.

Из отечественных программ компьютеризованной обработки текстов наиболее интересными, на наш взгляд, являются программы В.И. Батова с коллегами и В.П. Белянина (1996).

Так В.И. Батовым с коллегами[10] разработан компьютерный метод ***ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС,*** с помощью которого возможно раскрыть психологическое содержание текста как продукта речевой деятельности, т.е. определить особенности речевого поведения, глубинных психических свойств или характера человека (автора или авторов текста) и переживаемых им (в момент порождения текста) состояний.

Компьютерная программа В.П. Белянина ***ВААЛ***[11] позволяет выявлять акцентуацию автора текста. Особый блок этой программы — ПАТ (психиатрический анализ текста) - предполагает выявление соотнесенности между лексическими элементами текста и возможной акцентуацией его автора. ПАТ позволяет определить выраженность в анализируемом тексте таких акцентуаций, как паранойяльность (в терминах автора — «светлые» тексты), возбудимость, или эпилептоидность — («темные» тексты), гипертимность, или маниакальность («веселые» тексты), депрессивность («печальные» тексты), истероидность, или демонстративность («красивые» тексты) и т.д. Программа предусматривает не только выявление процентов лексики того ли иного класса, находящейся в тексте, но и построение нормализованного представления этих данных по отношению к норме русского языка. Особенностями программы ВААЛ является то, что она позволяет не только находить корреляции между любыми категориями, но и вводить новые категории, актуальные для решения каждой конкретной задачи. Тем самым программа ВААЛ позволяет определить направленность текста, предсказать степень его воздействия и сделать выводы в отношении личности его автора.

Таким образом, в последнее время наметился формализованный подход к решению задачи идентификации личности по речи с помощью экспертных программ, которые бы делали анализ независимо от эксперта.

В 90-х годах были созданы международные организации, работающие над применением психолингвистики в судебной практике. Международная Ассоциация Судебной Фонетики (International Association of Forensic Phonetics), созданная в 1991 г. в Колледже СвДжона (St. John's College) в Йорке (Великобритания) объединяет ученых, ведущих исследования в данном направлении.

Международная Ассоциация Судебных Лингвистов (International Association of Forensic Linguists), основанная в 1992 г. на базе Школы английского языка Бирмингемского университета

Великобритании — основные цели: обеспечение обмена информацией и новыми идеями среди специалистов (конференции, информационные отчеты и т.п.).

Есть специальное печатное издание — журнал «Юридическая лингвистика: международное издание в области исследования речи, языка и права» (Лондон, с 1994 г.).

В России с 1998 г. этими проблемами занимается секция юридической психолингвистики КЮП (Коллегии юридических психологов). С 1999 г. на базе Алтайского государственного университета начал издаваться сборник статей «Юрислингвистика». Первый номер его посвящен предмету и проблематике лингвистической дисциплины, находящейся на стыке языка и права, второй — правам человека в сфере коммуникации (языковой аспект).

---

[1] *Ощепкова Е.С.* Определение скрытых намерений автора как одна из возможностей психолингвистического анализа текста. // Первая областная конференция Калужского отделения РПО. - Калуга, 1999. - С. 82-85; *Енгалычев В.Ф.* О возможности установления некоторых психологических особенностей автора анонимного текста. // XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание: содержание и функционирование». - М., 2000; а также работы В.Н. Белова, В.И. Батова и др.

[2] *Горелов И.Н., Енгалычев В. Ф.* Невербальные компоненты общения на допросе // Проблемы повышения эффективности применения юридической психологии/ Ученые записки Тартуского гос. ун-та. - Тарту, 1988.

[3] *Терзиев Н.В., Эйсман А.А.* Введение в криминалистическое исследование документов. Ч. 1. - М., 1949.

[4] *Flesh R.* Maiks of Readable Style: A Study in Adult Education. - New Yoik: Bur. of Publ., Teachers Cool., Columbia University. - 1943; 1946; 1948.

[5] *Crystal D.* Cambridge Encyclopedia of Language, Section 15. (Statistical Structure of Language). Cambridge: Cambridge University Press. 1987.

[6] *Gunning R.* Gunning finds papers too hard to read. // Editor and Publisher. - 1945. - May, № 19.

[7] *Scherer K.* Social Markers in Speech. - Cambridge: Cambridge University Press, 1979 Scherer K. Social Markers in Speech. - Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

[8] *Retterstol N.* Suicide. European Perspective. - Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

[9] *Kuenzel H.* On the problem of speaker identification by victims and witnesses. // Forensic Linguistics. - 1994. - 1(1). - pp. 45-58.

[10] *Батов В.И., Сорокин Ю.А.* Атрибуция текста на основе объективных характеристик // Изв. АН СССР. т. XXXIV. (Серия литературы и языка) - 1975. - №1.

[11] *Белянин В.П.* Введение в психиатрическое литературоведение. - Munchen: Veiiag Otto Sagner, 1996.

8.15. Психология разоблачения маскировок, инсценировок и ложного алиби

Психология маскировки и маскировочных действий преступника. Под *маскировкой* часто понимаются действия преступника или правонарушителя, имеющие целью сокрыть подлинные намерения, дезинформировать и ввести в заблуждение работников органов правопорядка. Преступник, желая уклониться от ответственности, стремится тем или иным способом воспрепятствовать установлению подлинных обстоятельств совершенного им противоправного деяния.

Например, молодая женщина заявила в милицию по телефону, что на ее квартиру совершено разбойное нападение. По ее словам, она доверчиво открыла дверь квартиры незнакомому мужчине и получила сильнейший удар по голове. Полтора часа пролежала без памяти и за этот период времени квартиру основательно обворовали. После прибытия следственно-оперативной группы женщина с заплаканными лицом еще раз рассказала о случившемся. Затем описала приметы преступника и подробно рассказала о пропавших вещах. При этом она продемонстрировала синяк от удара преступника, после которого она полтора часа пролежала без сознания. Опыт оперативных работников подсказал, что от сильного удара такого синяка быть не может и, возможно, женщина причастна к событию преступления. Дополнительная работа оперативников позволила установить информацию, от которой версия нападения незнакомого мужчины на квартиру и ее хозяйку полностью «рухнула». Заявительница сама распродавала вещи своей сестры, которая работала за границей. Предвидя ее скорое возвращение, преступница

придумала версию с ограблением и для маскировки своего участия сама нанесла удар по лицу, вследствие чего появился небольшой синяк.

Маскировки связаны с применением специальных средств и приемов для сокрытия причастности к преступным деяниям. К числу таких приемов и средств часто относят:

• маскировку личности преступника (изменение почерка, внешности, голоса и т.д.);

• действия на этапе подготовки преступления, связанные с его сокрытием (изготовление тайников, подготовку каналов сбыта краденного и т.д.) и маскировкой роли преступника (изготовление фальшивых документов, приобретение форменной одежды милиционера или военнослужащего и т.д.);

• маскировку связей соучастников преступления (применение специального жаргона, условных знаков, секретных встреч, тайной переписки и т.п.);

• действия по сокрытию следов преступления (тщательное протирание стола, ручек двери и других предметов для уничтожения следов пальцев, применение для обработки следов обуви специальных химических средств, чтобы сбить со следа служебных собак, имитация чужих следов — обуви, пальцев, следов животных и т.п.);

• разработку способов хранения или уничтожения орудий и средств совершения преступления и предметов, добытых преступным путем.

Маскировка может выражаться в сокрытии своих переживаний и психических состояний, в совершении действий с какими-либо предметами, в контактах с другими людьми. Кроме того, маскировочные действия могут быть направлены на сокрытие личных планов, оценок, отношений, т.е. сокрытие истинных психологических переменных в поведении преступника. Часто с целью маскировки участия в преступлении имитируются состояния подавленности, горя, отрицательных переживаний либо, наоборот, состояния оптимизма, радости, удовлетворенности. Причем экспрессия поведения тщательно согласовывается с передаваемой преступником дезинформацией о своих реальных действиях и отношением к событию преступления.

При маскировке субъект преступления, передавая дезинформацию работникам органов правопорядка, пытается достичь ее правдоподобия, затруднить их работу по выявлению истинной картины противоправного деяния. Именно недостаточная степень правдоподобности, расхождения в информации, передаваемой преступником, с объективными факторами происшествия часто ведут к разоблачению маскировок. Важное значение для разоблачения маскировок играет профессионально-психологическая (особенно коммуникативная) подготовленность работников органов правопорядка. Она позволяет им по мельчайшим штрихам в поведении подозреваемых лиц, противоречиях в их высказываниях, невербальных реакциях определить неискренность и склонность к представлению лживой информации.

Психология разоблачения инсценировок и ложных алиби. Одной из разновидностей маскировок является *инсценировка.* Обычно инсценировка включает в себя систему маскировочных действий для создания искусственной картины происшествия в целях сокрытия преступления. Видоизменяя обстановку места происшествия, преступник преследует цель создать у работников органов правопорядка и других лиц представление о подлинности инсценируемого события, замаскировать истинное противоправное деяние и воспрепятствовать расследованию преступления, привлечению виновных к уголовной ответственности.

С психологической точки зрения инсценировка криминальной ситуации может быть охарактеризована как опосредованное межличностное взаимодействие, возникающее в процессе расследования преступления между двумя сторонами (противниками): следователем (а также другими работниками органов правопорядка) и преступником — субъектом инсценировки. Инсценировка реализуется посредством активных воздействий субъекта инсценировки на противника (следователя и других работников органов правопорядка) с использованием передачи лживой информации о своих- истинных целях и намерениях, направленных на формирование искаженной картины криминальной ситуации.[1]

Различают следующие виды инсценировок, созданных с целью:

• «правдоподобного» представления о мотивах преступной деятельности (мотивационные);

• «правдоподобного» представления о способе преступной деятельности (операциональные);

• формирования «правдоподобного» образа относительно субъекта преступной деятельности (ролевые);

• формирования «правдоподобного» образа результата преступной деятельности (когнитивные инсценировки).

В качестве примера можно рассмотреть случай использования преступниками воздействия на других лиц путем применения приема ролевого инсценированного контакта.[2]

В стеклянные двери московского магазина верхней одежды — из тех, которые отгораживаются от случайных посетителей высокими ценами, — вошел широкоплечий полковник в уставном плаще. Маленькое, семенящее сзади существо с перемотанным шарфом горлом явно обременяло его своим присутствием. - Кругом! Шагом марш! — скомандовал полковник преследователю. В армии, как известно, принято отдавать приказы таким тоном, чтобы у подчиненного рассеялись всякие сомнения в правоте начальника и возник энтузиазм службы. Лица продавцов приняли выражение, говорящее, что офицер выбрал не самое удачное место для строевых занятий.

— Ну, пупсик! — ничуть не оробев, прошептало хрупкое создание, видимо, страдающее фолликулярной ангиной. — Ты же черт знает что выберешь! — Так с военачальником могла разговаривать только жена.

— Вернись в машину! Не разноси инфекцию!

Женский персонал магазина бросился тушить семейный скандал. Супруга получила заверение, что полковника обслужат по высшему разряду. Протянув мужу внушительную пачку денег, женщина молча удалилась. Деньги полковник равнодушно сунул в карман плаща. После этого плащ был снят и небрежно брошен на кресло. Сверху на него упала фуражка. Проделав эти манипуляции, полковник отдал себя в распоряжение экспертов внешнего вида. Полковник вертелся у зеркал, как барышня, и скоро совершенно потерял боевой вид. От обилия одежд, ежеминутно натягиваемых на плечи, наэлектризованный китель начал недовольно постреливать. Офицер остановил свой выбор на боярской шубе, подбитой горностаем.

— Все-таки пойду покажусь жене! - заявил полковник. - Пусть на меня из машины полюбуется. Ей нельзя выходить!

Предложение вызвало у продавцов секундное замешательство. Шуба, конечно, была шикарная. Но, с дртой стороны, строевого полковника с благородной осанкой сложно было заподозрить в намерении смыться с неоплаченным товаром. Тем более на кресле лежал плащ с пачкой денег в кармане. — О, да, конечно! - понимающе согласились продавцы.

И шубу, и полковника, имеющего к армии не больше отношения, чем белогрудый пингвин, они видели последний раз в жизни. После получаса бессмысленных ожиданий персонал магазина решился обследовать уставный плащ. Карман оказался распоротым. Сквозь дыру, как несложно было догадаться, деньги транзитом проследовали в карман галифе.

Основной целью инсценировки является попытка ее субъекта ввести в заблуждение, дезинформировать работников органов правопорядка и других лиц относительно истинной картины совершенного преступления. Преступник пытается таким образом навязать компетентным лицам органов правопорядка ложное представление о произошедшем событии, направить ход их мыслей в нужном ему направлении и побудить выдвигать версии, соответствующие инсценировке. Причем действия инсценировщика могут быть направлены для маскировки: преступного события в целом; отдельных обстоятельств совершенного преступления (времени, места, способа, субъекта преступления, соучастников и т.д.); самого субъекта преступления и создания ему ложного алиби; преступного умысла субъекта преступления.

Процесс формирования модели инсценировки у преступника проходит ряд этапов:

1) определение цели инсценировки;

2) мысленное моделирование и планирование инсценировки;

3) принятие решения по порядку проведения инсценировки;

4) выбор и подготовка средств сокрытия, возможных вариантов аргументации своей непричастности к событию преступления;

5) реализации инсценировки;

6) оценка субъектом результатов инсценировки;

7) выбор линии поведения субъекта после инсценировки.

Часто встречающейся разновидностью инсценировки является *ложное алиби.* Суть его сводится к попыткам преступника убедить работников органов правопорядка в том, что он не имел физической возможности совершить преступление, так как в период совершавшегося события находился в другом месте. Ложное алиби создается самим преступником, а также, по договоренности, другими лицами, действующими в его интересах. Возможны два варианта действий преступников для создания ложного алиби: 1) сокрытие преступниками времени совершения преступления посредством «размывания» границ его временных параметров (уничтожение следов, которые могут ориентировать относительно времени преступления, и т.д.);

2) изменения времени совершения преступления путем «смещения» его фактических временных параметров на более поздний или более ранний период. В этом случае преступнику обычно приходится заранее обдумывать более сложные инсценировки (например, распространение слуха, что потерпевший в определенный период времени был жив, хотя фактически он был убит) или договариваться и инструктировать лжесвидетелей о своем ложном алиби.

Разоблачение инсценировок требует высокой профессиональной подготовленности работников органов правопорядка, проявления ими рефлексивности мышления, умения рассуждать о рассуждениях субъекта преступления. Безусловно, позитивно сказывается опыт деятельности в должности сотрудника правоохранительных органов.

Часто разоблачение инсценировок связано с анализом личности подозреваемого в преступлении — субъекта инсценировки. Исследования показывают, что ошибки и просчеты в инсценировочных действиях могут быть связаны с недостаточностью знаний, в том числе специальных (юридических, медицинских и др.); недостаточностью умений и навыков; нехваткой времени для подготовки и исполнения инсценировки; ограниченностью в выборе технических средств; неподходящими условиями окружающей среды; неадекватным эмоциональным состоянием преступника; недостаточной подготовленностью лжесвидетелей и другими факторами.

Учитывая возможность таких ошибок, работникам органов правопорядка следует уделять при диагностике инсценировки больше внимания противоречиям в представляемой инсценировщиком информации и реальной обстановке, объективным особенностям людей (например, небольшой синяк на лице и утверждения преступника о нахождении после удара без сознания в течение полутора часов).

Так, при ролевой инсценировке, связанной с переодеванием в форменную одежду милиции и «перевоплощением» в работника органов внутренних дел, следует обращать внимание на соответствие одетой форменной одежды официально установленной милицейской форме. Большое значение здесь приобретает диагностика полноты форменной одежды, правильного расположения знаков различий, погон, петлиц, шевронов и т.п. Кроме того, диагностические возможности представляет анализ взаимодействия «оборотней». Вместо того чтобы применять стандарты общения, принятые в органах правопорядка (по специальному званию, имени и отчеству), псевдомилиционеры могут обращаться по кличкам, применять слова из уголовного жаргона, неправильно употреблять юридические термины, проявлять недостаточную культуру общения и т.д.

Разоблачение ложного алиби часто возможно при анализе результатов различных экспертиз (судебно-медицинской, криминалистической, в частности, трассологической и др.), а также данных допроса большого числа лиц, знавших предполагаемого преступника. Полезно проведение различных следственных действий (очных ставок, предъявления для опознавания и др.), позволяющих расширить круг объективной информации о событии преступления.

---

[1] См.: *Шевченко В.М.* Психология инсценировки как способа сокрытия преступления: Дисс . канд. псих. наук. - М., 1992.

[2] Там же.

8.16. Судебно-психологическая экспертиза

Сущность и значение судебно-психологической экспертизы. Разрешение специальных вопросов, возникающих перед следствием и судом при необходимости оценки явлений, относящихся к психической деятельности людей, требует проведения судебно-психологической экспертизы, поскольку это входит в компетенцию психолога как специалиста данной отрасли знаний.[1]

Изучение следственной и судебной практики показывает, что в результате своевременного и обоснованного применения специальных психологических познаний и методов научной психологии, позволяющих объективно устанавливать причины и внутренние механизмы конкретных поступков людей, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, их психологические особенности, существенно расширяются возможности доказывания многих фактов, необходимых для справедливого и правильного разрешения уголовных дел.

Основная форма использования специальных психологических познаний в современном уголовном процессе — судебно-психологическая экспертиза, развивающаяся в соответствии с

закрепленными в законе (ст. 78,79 УПК РСФСР) общими принципами, регулирующими экспертную деятельность по уголовным делам.

Судебно-психологическая экспертиза способна оказывать значительную помощь в решении фундаментальных для уголовного процесса вопросов о виновности лиц, совершивших общественно опасные деяния, квалификации преступлений, индивидуализации ответственности и т.д. Поэтому использование специальных психологических познаний по конкретным уголовным делам представляется важной гарантией от объективного вменения, как и от не менее значимой угрозы несправедливости наказания вследствие игнорирования или неполного учета определенных личностных свойств, влиявших на содержание деяния, предшествующее и последующее поведение субъекта.

В новом УК РФ (1996г.) последовательно проведена идея соответствия уголовно-правовых последствий преступления характеру и степени общественной опасности, обстоятельствам совершения и личности виновного. Значительно расширено, уточнено по сравнению с предыдущим УК и детализировано использование понятий и терминов, относящихся к *сфере психологии,* что вполне понятно, так как преступное поведение — разновидность произвольного (управляемого) поведения.

В УК 1996 г. значительно расширены предусмотренные законом задачи и пределы исследования по уголовному делу личности обвиняемых и потерпевших (с выделением особенностей такого изучения применительно к некоторым категориям личностей — несовершеннолетним, рецидивистам и пр.).

Законодатель достаточно смело использовал данные психологии и для регламентации многих новых дефиниций, норм и институтов уголовного права, применяя непривычные для практики психологические термины, воспринятые из психологической науки. Это например, «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» (как обстоятельство, устраняющее уголовную ответственность); «уровень психического развития, иные особенности личности несовершеннолетнего» (как обстоятельство, индивидуализирующее наказание); «обоснованный риск» (как обстоятельство, устраняющее преступность деяния); «садизм» (как обстоятельство, отягчающее наказание) и др. В новом У К использованы базовые для уголовной ответственности и наказания понятия, требующие психологического анализа их содержания с учетом положений общей и юридической психологии. Например, вменяемость, возраст, с которого наступает уголовная ответственность, уголовная ответственность вменяемых лиц с психическими расстройствами, разграничение неосторожной вины и казуса, мотив преступления, личность и др. Установление многих из них требует проведения психологической экспертизы по конкретному уголовному делу.

Сказанное объясняет значительную актуализацию проблем использования профессиональных психологических познаний как при разъяснении, интерпретации, комментировании для следственной, прокурорской, экспертной, судебной практики положений нового закона, так и непосредственно при производстве судебно-психологических экспертиз, научных консультаций по конкретным уголовным делам.

Судебно-психологическая экспертиза (СПЭ) является *самостоятельным видом судебной экспертизы, состоящим в использовании специальных (профессиональных) психологических познаний для установления обстоятельств, входящих в процесс доказывания по уголовному делу.* Судебно-психологическая экспертиза имеет свой предмет, собственные объекты и методы экспертного исследования.

В *предмет* СПЭ входит обширный круг обстоятельств, характеризующих субъективную сторону деяния, наличие и пределы осознания и руководства (управляемости) своим поведением в уголовно релевантных ситуациях, а также состояния и свойства личности, значимые для индивидуализации ответственности и наказания.

Объектами служат источники информации о психической деятельности человека — результаты экспериментально-психологического обследования участников уголовного процесса (обвиняемого, потерпевшего, свидетеля), материалы уголовного дела, в том числе протоколы допросов, дневники, письма и прочие документы, поддающиеся психологической экспертной оценке и имеющие уголовно релевантное значение.

Методы СПЭ в большинстве случаев заимствуются из общей психологии, однако некоторые из них специально разрабатываются для целей соответствующей экспертизы. Характерным является использование в рамках конкретной СПЭ *комплекса методов,* так как будучи взятыми по отдельности ни один из них не может самостоятельно решить поставленный перед экс- , пертом

вопрос. Именно комплексность, обеспечивающая многостороннее изучение психической деятельности подэкспертного, является важнейшей характеристикой методики любого направления СПЭ.

Компетенция судебно-психологической экспертизы. Теоретически к компетенции судебно-психологической экспертизы могут быть отнесены любые вопросы психологического содержания (личностные особенности, психические состояния обвиняемых, потерпевших, свидетелей), значимые для доказывания или имеющие непосредственное уголовно релевантное значение, для решения которых необходимы специальные профессиональные познания в области научной психологии. При этом необходимо иметь в виду, что жестко зафиксировать все психологические вопросы, которые могут возникать в связи с расследованием конкретного уголовного дела, практически невозможно. Обозначим лишь основные направления судебно-психологической экспертизы, сделав акцент на вопросах, которые целесообразно ставить перед экспертами.

1. *Исследование личности обвиняемого* непосредственно вытекает из закона и является обязательным (Ф.С. Сафуанов, О.Д. Ситковская и др.). В соответствии с общими началами назначения наказания понятие индивидуализации охватывает в комплексе оценку деяния, *личности* виновного, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность. Значимы здесь те личностные особенности, которые *влияли на выбор и реализацию противоправного варианта поведения, затрудняли или облегчали его, а равно сказывались на отношении к содеянному.*

Психологические особенности личности могут быть по-разному связаны с совершенным преступлением. Одни из них могут играть *ведущую роль* в выборе преступного способа удовлетворения потребностей или разрешения конфликта (эгоистическая, корыстная направленность личности, неуважение к человеческой личности и человеческому достоинству, сексуальная распущенность, агрессивность и пр.). Другие психологические особенности чаще только *способствуют* совершению преступления при наличии внешней неблагоприятной ситуации (слабоволие, подчиняемость, легкомыслие, низкий уровень интеллектуального развития, болезненное самолюбие, эмоциональная возбудимость, трусость и пр.). Наконец, многие психологические особенности обвиняемого остаются *нейтральными* по отношению к факту преступления (например, увлечения, интересы лица, совершившего преступление в состоянии аффекта или неосторожное преступление и пр.).

Подлинно личностный подход с позиций справедливости в идеале требует изучения достаточно большого объема свойств обвиняемого по большинству уголовных дел и включает в себя исследование его внутреннего мира: потребностей, побуждений, лежащих в основе поступков (мотивов поведения), общей структуры и отдельных черт характера, эмоционально-волевой сферы, способностей, индивидуальных особенностей интеллектуальной деятельности (восприятия, мышления, памяти и других познавательных процессов). Разумеется, в рамках уголовного процесса могут и должны изучаться не все психологические особенности обвиняемого, но только имеющие значение для уголовного дела. В большинстве случаев бывает необходимо и достаточно исследовать те свойства личности обвиняемого, которые: а) указывают на закономерность или случайность принятия и реализации решения о преступлении; б) влияют на способность управлять поведением в конкретной ситуации; в) значимы для прогноза опасности рецидива и определения программы коррекционного воздействия.

Основные вопросы при этом виде экспертизы:

• Каковы индивидуально-психологические особенности личности обвиняемого?

• Могли ли индивидуально-психологические особенности обвиняемого повлиять на его поведение в момент совершения противоправных действий?

• Имеются ли у обвиняемого такие индивидуально-психологические особенности личности, как... (в зависимости от обстоятельств конкретного дела — импульсивность, жестокость, агрессивность, эмоциональная неустойчивость, внушаемость, подчиняемость и др.)?

• Каковы индивидуально-психологические особенности личности обвиняемого с точки зрения прогноза опасности рецидива и программы коррекционного воздействия?

2. *Исследование психологических мотивов конкретною* преступного поведения (Ениколопов С.Н., Конышева Л.П., Ситковская О.Д. и др). Мотив -это признак субъективной стороны преступления. Его установление необходимо для разграничения составов, имеющих сходные признаки, например, хулиганство и причинение легких телесных повреждений и др. В ряде случаев выяснение мотива имеет значение для доказывания виновности. Мотив преступления может учитываться в качестве отягчающего или смягчающего ответственность обстоятельства, свидетельствовать об отсутствии в действиях виновного общественной опасности.

В психологии под мотивом понимается побуждение к деятельности^ направленной на удовлетворение потребностей субъекта, предмет (материальный или идеальный), ради которого деятельность осуществляется. Уголовное право для обозначения мотивов поведения оперирует такими обобщенными понятиями, как месть, корысть, ревность, хулиганские побуждения, неприязненные отношения и др. Некоторые из этих понятий могут включать в себя самые различные психологические мотивы. Например, корыстные действия с психологической точки зрения могут быть мотивированы стремлением к обогащению, завистью, потребностью в самоутверждении, стремлением вести праздный образ жизни, страстью к развлечениям, азартным играм, потребностью в удовлетворении труднопреодолимых влечений (например, к алкоголю или наркотикам). Исследование психологических мотивов деяния углубляет познание юридически значимых побуждений, лежащих в основе правонарушения.

Являясь частным случаем человеческого поведения, преступное поведение всегда мотивировано. Имеющиеся в литературе ссылки на «безмотивные преступления» основываются на незнании закономерностей человеческого поведения и сложности установления мотива в конкретном случае. К «безмотивным преступлениям», как правило, относят деяния, мотивы которых «неадекватны поводу», не связаны с поведением потерпевшего, а также действия в состоянии аффекта. Однако в каждом конкретном случае, когда мотив не очевиден, надо исходить из того, что он *существует* и может быть *обнаружен* при психологическом исследовании. Если речь идет о преступлении, то оно всегда имеет мотив, независимо от того, какие обстоятельства предшествовали началу преступных действий — значимые или незначимые в глазах следователя или суда. Бесспорно, что здесь необходимы психологические познания на профессиональном уровне.

Основной вопрос при этом виде экспертизы:

• С учетом индивидуально-психологических особенностей личности и ситуации каковы главные психологические мотивы деяния, инкриминируемого обвиняемому?

3. ***Диагностика аффекта*** у обвиняемого (ст. 107 УК РФ) в момент совершения им преступления (Коченов М.М., Ситковская О.Д. и др.). Аффект — бурно протекающая эмоциональная вспышка, захватывающая всю личность и ощутимо влияющая на поведение человека. Преступные действия, совершенные под влиянием аффекта, имеют особые диагностические признаки, психологические причины и условия, способствующие их возникновению: аффектогенная ситуация, личностные особенности, предрасполагающие к аффективному срыву, некоторые ослабляющие организм факторы.

Психологическая диагностика аффекта у субъекта на момент совершения инкриминируемых действий включает в себя: а)ретроспективный анализ психического состояния субъекта, его влияния на сознание и деятельность; б) изучение индивидуально-психологических особенностей подэкспертного, степени его устойчивости к эмоциогенным ситуациям, склонности к аккумуляции аффективных переживаний; влияния возрастных особенностей; временно ослабляющих организм факторов; в) изучение и психологическую оценку ситуации, в которой совершено преступление.

Основной вопрос при данном виде экспертизы:

• Находился ли обвиняемый в момент совершения инкриминируемого деяния (какого именно) в состоянии аффекта?

4. ***Диагностика эмоционального состояния*** обвиняемого на момент совершения преступления (помимо аффекта), существенно влияющего на способность правильно осознавать явления действительности, содержание конкретной ситуации и на способность произвольно регулировать свое поведение (Алексеева Л.А., Коченов М.М., Ситковская О.Д., Шипшин С.С. и др.).

Речь идет о сильных *стрессах,* состояниях нервно-психического напряжения, делающих невозможным или существенно затрудняющих исполнение профессиональных функций в области управления современной техникой, приводящих к совершению неосторожных преступлений (в авиации, автомобильном и железнодорожном транспорте, в работе оператора автоматизированных систем на производстве и пр.); об установлении у субъекта *индивидуально-психологических* особенностей, не позволяющих выполнять необходимые функции на достаточно высоком уровне в экстремальной ситуации в случае появления неожиданных помех в деятельности, усложнения ситуации в сторону повышения ее требований к психологическим возможностям человека.

Это направление СПЭ приобретает особое значение в связи с введением в новый УК ст. 28 (ч.2) о невиновном причинении вреда, когда деяние признается совершенным невиновно, если лицо «хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам». К этому направлению близко примыкает и установление психологом *обоснованности риска* (ст. 41 УК РФ).

Наиболее часто в состоянии стресса нарушается процесс выбора целей действий, последовательность в осуществлении сложных интеллектуальных и двигательных актов. Происходят ошибки в восприятии окружающей действительности, уменьшается объем внимания, нарушается оценка временных интервалов, появляются затруднения в понимании ситуации в целом. Завершением стрессовой ситуации, его «вершиной» может оказаться аффект, что, однако, происходит далеко не во всех случаях.

К компетенции психолога в таких случаях относится изучение психологических обстоятельств, имеющих значение для установления истины: экстремальной ситуации (неожиданность, новизна, сложность); индивидуально-психологических особенностей личности (интеллект; уровень общих и специальных знаний субъекта; степень сформированности, автоматизированности у него навыков и умений, эмоционально-волевые качества, уравновешенность, импульсивность; ведущие психологические мотивы поведения субъекта и мотивированность конкретных общественно опасных действий; особенности самосознания и самооценки, критичности, склонности к риску; индивидуальная устойчивость к эмоциогенным раздражителям); влияния утомления, соматических расстройств, стресса, аффекта на деятельность; влияния особенностей социальных контактов, взаимодействия в коллективе, конформности, дисциплинированности, агрессивности, самоуверенности, дефектов организации совместной деятельности и др.

Основные вопросы при данном виде экспертизы:

• Находился ли обвиняемый в момент инкриминируемых деяний в стрессовом состоянии?

• С учетом эмоционального состояния обвиняемого мог ли он точно соотносить свои действия с объективными требованиями ситуации?

• Мог ли субъект, если учесть его индивидуально-психологические особенности, правильно понимать требования экстремальной ситуации?

• С учетом способности субъекта к установлению причинно-следственных связей и общего уровня его интеллектуального развития мог ли он предвидеть наступление опасных последствий, принять правильное решение и реализовать его?

• Находился ли субъект в момент совершения инкриминируемых действий в психическом состоянии, которое могло вызвать существенное снижение качества профессиональных функций, возможности совершать действия по предотвращению опасных последствий?

При использовании психологических познаний для применения *института обоснованного риска* могут быть поставлены следующие *основные вопросы:* а) С учетом особенностей личности (обвиняемого) и ситуации какова цель рискованного поведения? б) С учетом интеллектуальных и характерологических особенностей обвиняемого был ли он способен к осмыслению ситуации, возможностей ее развития и ожидаемых последствий? в) С учетом динамики развития ситуации мог ли он правильно и адекватно (самокритично) оценить собственные возможности для ее разрешения?

5. *Установление способности несовершеннолетних* обвиняемых, имеющих признаки ***отставания в психическом развитии,*** не связанного с психическим расстройством, полностью *сознавать значение своих действий и определение меры их способности руководить своим поведением* (ст. 20 ч. 3).

Цель экспертного исследования не сводится к диагностике наличия или отсутствия у испытуемого признаков отставания в психическом развитии: наличие признаков отставания в психическом развитии не является прямым указанием на отсутствие у несовершеннолетнего способности полностью сознавать значение своих действий и руководить ими (Коченов М.М., Сафуанов Ф.С., Ситковская О.Д. и др.). Экспертное психологическое исследование всегда направлено не на установление общей, постоянно проявляющейся как свойство личности способности или неспособности сознавать значение своих действий; оно касается сугубо *конкретных действий,* совершенных в конкретных условиях. Поэтому судебно-психологической экспертизой поведение испытуемого рассматривается в единстве с ситуацией, в которой были совершены противоправные поступки. Соотнесение данных о состоянии и особенностях

психического развития подростка с результатами анализа ситуации и поведения испытуемого - обязательный компонент экспертного исследования.

Наличие или отсутствие оснований для освобождения от уголовной ответственности со ссылкой на ч.3 ст. 20 может быть признано обоснованным только, *если описание содержания психического отставания наложено на механизм конкретного деяния.* Экспертиза должна установить, правильно ли несовершеннолетний понимал ситуацию правонарушения, в частности, осознавал ли наличие альтернативных выходов из нее, осознавал ли объективное содержание целей своих действий, предвидел ли прямые и косвенные результаты поступков, способен ли был оценивать собственное поведение с точки зрения действующих правовых норм и общепринятой морали; мог ли свободно выбирать как цели, так и способы их достижения, произвольно регулировать свое поведение.

Основные вопросы, разрешаемые данным видом экспертизы:

• Имеются ли у несовершеннолетнего признаки отставания в психическом развитии и, если имеются, в чем они выражаются; каковы их причины?

• С учетом наличия отставания (если оно установлено) мог ли несовершеннолетний осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий в момент совершения общественно опасного деяния?

• С учетом наличия и характера указанного отставания в психическом развитии мог ли он руководить своими действиями в этот момент?

6. Применительно к *потерпевшему* также может возникать необходимость в постановке перед экспертом вопроса о его личности, мотивации действий. Однако на практике чаще всего требуется: ***установление способности понимать значение собственных действий*** и действий, связанных с посягательствами на него (в первую очередь по делам об изнасилованиях малолетних и несовершеннолетних), как и ***способности оказывать сопротивление*** противоправным действиям (Конышева Л.П., Коченов М.М.).

Одним из квалифицирующих признаков изнасилования является беспомощное состояние потерпевшей (ст. 131 УК РФ). Беспомощность (или беззащитность) характеризуется неспособностью потерпевшего правильно понимать характер и значение ситуации и действий окружающих людей, а также руководить своими действиями. Беспомощность может быть связана с физическим или психическим состоянием жертвы (малолетний или престарелый возраст, физические недостатки, психическое расстройство, сильная степень наркотического или алкогольного опьянения и др.).В большинстве случаев правоохранительные органы самостоятельно решают вопрос о наличии беспомощного состояния у потерпевшей.

Исключение составляют дела об изнасиловании несовершеннолетних, особенно в тех случаях, когда жертва (в силу особенностей своего психического состояния, личностных свойств) не оказывала реального сопротивления насильственным действиям и у следствия (суда) возникает версия о том, что ее поведение обусловлено наличием беспомощного состояния: неспособностью к эффективной защите от посягательства путем целенаправленного осознанно-волевого поведения в конкретной ситуации.

По одному из уголовных дел была проведена судебно-психологическая экспертиза потерпевшей Ж. Следствием было установлено, что группа подростков неоднократно совершала половые акты с несовершеннолетней Ж., при этом она значительного сопротивления не оказывала, о случившемся никому не рассказывала. В процессе экспертизы были изучены материалы дела, проведены экспериментально-психологическое исследование, беседа с подэкспертной. Было установлено, что Ж. очень тихая и скромная девочка. Характерными чертами ее являются безынициативность, отсутствие самостоятельности в мнениях, привычка подчиняться, пассивность, боязливость и нерешительность. Ж. боится кому-нибудь не угодить, не склонна к конфликтам и ссорам со сверстниками, самостоятельных мыслей не высказывает. В эксперименте продемонстрировала большую внушаемость. Мать характеризует девочку как послушную, уступчивую, беспрекословно выполняющую все требования родителей и окружающих. Исследование привело экспертов к выводу, что Ж. по складу характера не обнаруживает тенденции к активным решительным действиям; возможности оказания противодействия психическому и физическому насилию у нее невелики. Эти характерологические особенности могли способствовать возникновению в период совершения против нее насильственных действий состояния аффекта страха, в результате которого она была неспособна оказывать сопротивление.

Однако имеются ситуации, когда кроме экспертизы жертвы изнасилования необходимо одновременное проведение психологического исследования несовершеннолетнего обвиняемого (обвиняемых). Применение специальных познаний здесь необходимо не только для выяснения вопроса, мог ли он (они), с учетом возрастных и индивидуально-психологических особенностей, в полной мере сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, но и, что не менее важно, как им в указанной обстановке воспринималось поведение потерпевшей, могло ли оно восприниматься им как согласие на вступление в интимную близость. Речь идет об исследовании в рамках психологической экспертизы ***способности обвиняемого правильно оценивать, понимать и интерпретировать состояние потерпевшей.***

Основные вопросы, решаемые данным видом экспертизы в отношении потерпевших:

• С учетом психического состояния и психологических особенностей потерпевшей могла ли она правильно понимать характер и значение совершаемых с нею действий?

• С учетом психического состояния и психологических особенностей потерпевшей могла ли она оказывать действенное сопротивление?

Основные вопросы, решаемые данным видом экспертизы в отношении обвиняемых:

• С учетом особенностей психического развития несовершеннолетнего и его психического состояния, содержания ситуации совершения сексуального посягательства мог ли несовершеннолетний полностью сознавать значение своих противоправных действий?

• С учетом особенностей психического развития обвиняемого и его психического состояния можно ли сделать вывод о том, что он мог правильно оценивать психическое состояние и поведение потерпевшей?

• В какой мере несовершеннолетний при его психическом развитии и психическом состоянии, а также с учетом содержания ситуации сексуального посягательства мог руководить своими действиями?

7. ***В отношении свидетелей и потерпевших*** перед СПЭ может быть поставлен вопрос об их принципиальной ***способности,*** с учетом индивидуально-психологических и возрастных особенностей, уровня психического развития, ***правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства*** и давать о них правильные показания (Коченов М.М., Осипова Н.Р. и др.).

Основные вопросы, решаемые данным видом экспертизы:

• Каковы индивидуальные особенности познавательной деятельности свидетеля (потерпевшего)?

• Имеются ли у свидетеля (потерпевшего) психологические особенности (например, повышенная внушаемость, склонность к фантазированию и др.), снижающие способность правильно воспринимать события или предметы (указать какие) и давать о них правильные показания?

• Каково было психическое состояние свидетеля (потерпевшего) в момент восприятия событий или предметов (указать каких)?

• С учетом психологических особенностей, психического состояния свидетеля (потерпевшего) и условий, в которых воспринимались события или предметы (указать какие), мог ли испытуемый их правильно воспринимать?

• Если учесть психологические особенности свидетеля (потерпевшего), может ли он давать правильные показания о важных для дела обстоятельствах?

• Если учесть уровень психического развития свидетеля (потерпевшего) и его психологические особенности, мог ли он понимать внутреннее содержание (какое именно) событий (указать каких)?

8. Эксперт-психолог может провести ***посмертную экспертизу*** для выяснения вопроса, находился ли умерший в период, предшествующий смерти, в ***психическом состоянии, предрасполагающем к самоубийству*** и, если находился в этом состоянии, чем оно могло быть вызвано (Коченов М.М. и др.). В следственной и судебной практике встречаются случаи инсценировок убийств под самоубийства, что иногда приводит к необходимости проведения посмертной судебно-психологической экспертизы.

Самоубийство психически здорового человека является одним из видов поведенческих реакций в сложных конфликтных условиях. Как правило, самоубийство является заранее запланированным действием (стойкое мотивированное намерение добровольно уйти из жизни) под влиянием тяжелых переживаний, сильного потрясения, глубокого разочарования при оценке человеком ситуации как безвыходной.

В некоторых случаях возможно совершение самоубийства в состоянии внезапно возникшего аффекта, который оказывает влияние на сознание человека (аффективно суженое сознание), и поэтому в таком состоянии повышается вероятность принятия решения о самоубийстве и его реализации в немедленных действиях.

Основной вопрос при этом виде экспертизы:

• Было ли психическое состояние человека в период, предшествующий смерти, предрасполагающим к самоубийству и, если оно было таковым, чем вызывалось?

Комплексные психолого-психиатрические экспертизы. На практике нередки ситуации, когда для решения возникающих перед следствием и судом вопросов оптимальным представляется проведение комплексных психолого-психиатрических экспертиз.[2] Речь идет об исследовании, проводимом для ответа на конкретные вопросы суда (или следственных органов), затрагивающих пограничные между психологией и психиатрией проблемы. При этом для выработки выводов используются специальные познания, относящиеся к обеим научным дисциплинам, применяются специфические методы, сложившиеся в психологии и психиатрии, сопоставляются и интегрируются данные психологического и психиатрического исследований.

Основной предпосылкой, определяющей необходимость развития психолого-психиатрической экспертизы, является существование общих для психологии и психиатрии проблем. Важно здесь и постоянное усиление в правоохранительной деятельности тенденции к максимально полному и всестороннему исследованию всех обстоятельств дела, раскрытию внутренних механизмов поведения участников уголовного процесса (обвиняемых, потерпевших, свидетелей) в конкретных ситуациях.

Необходимо отметить, что эксперты — участники комплексных экспертиз помимо собственной основной экспертной специальности должны обладать дополнительной профессиональной характеристикой — наличием профессиональных знаний, необходимых и достаточных для того, чтобы хорошо ориентироваться в методике и выводах других ее участников и их значении для общего вывода. Они должны владеть методикой совместной работы, комплексного исследования. Иными словами, только совместная деятельность, взаимодействие образует интеграцию специальных знаний, необходимую и достаточную для комплексного исследования и общего вывода.

---

[1] Одним из первых к разработке общих проблем применения психологических познаний в уголовном процессе обратился *М.М. Коченов* в монографии «Судебно-психологическая экспертиза» (М., 1977). В дальнейшем появился ряд исследований, посвященных более углубленному изучению теории и методики отдельных направлений судебно-психологической экспертизы *(Ситковская О.Д.* Судебно-психологическая экспертиза аффекта. - М., 1983; *Конышева Л.П., Коченов М.М.* Использование следователем психологических познаний при расследовании дел об изнасиловании несовершеннолетних. - М., 1989; *Алексеева Л.В.* Проблема юридически значимых эмоциональных состояний. — Тюмень, 1997.; *Енгалычев В.Ф., Шипшин С.С.* Судебно-психологическая экспертиза. Методическое руководство. - Калуга, 1997; *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. - М., 1998; и др.) Ряд новых проблем и направлений судебно-психологической экспертизы, возникших в связи с введением в 1996 г. Уголовного кодекса РФ, рассмотрен в монографии *Ситковской О.Д.* Психология уголовной ответственности (М., 1998).

[2] См.: *Кудрявцев И.А.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. - М., 1988.

8.17. Посмертная судебно-психологическая экспертиза

Психология суицида. Этот вид экспертно-психологических исследований является одним из самых сложных и вызывает постоянный интерес отечественных и зарубежных исследователей. О нем писали Г. В. Акопов с соавторами, Дж. Верт, Д. Кантер, Д. Лестер, Н. Реттерстол и др.[1] Многие из них отмечают, что главная трудность здесь заключается в том, что объектом исследования служит не психика живой личности, а только следы ее психической деятельности, при жизни оставленные в окружающих материальной и духовной средах: в воспоминаниях, письменных текстах, личных предметах и пр.

Предметом посмертной судебно-психологической экспертизы являются индивидуальные особенности психической деятельности суицидента. Причем исследование не должно

ограничиваться простой констатацией установленных фактов и закономерностей. Оно обязано также выявить возможное наличие связей различных психических свойств и состояний с событиями, имеющими существенное значение для следствия и суда. Особое значение в данной экспертизе придается анализу периода жизни непосредственно перед совершением суицида, так называемого предсуицида. Исследователями отмечается несколько форм внутреннего суицидального поведения: суицидальные мысли, замыслы и намерения, а также соответствующий эмоциональный фон — суицидальные переживания.

Суицидальные мысли, представления и фантазии на тему своей смерти — пассивная форма суицидального поведения. Об их существовании на раннем этапе предсуицида могут свидетельствовать дневниковые записи, рисунки, письма, показания свидетелей, имевших возможность наблюдать суицидента в соответствующий период времени.

Активной формой суицидального поведения являются суицидальные замыслы и намерения. Замысел включает в себя проработку плана действий, связанных с исполнением самоубийства, продумываются способ суицида, время и место его совершения. Суицидальное намерение характеризуется наличием волевого начала, побуждающего к непосредственному переходу от замысла к реализации.

По мнению Акопова и его соавторов,[2] формы суицидального поведения выражены в структуре суицидальных переживаний, которые характеризуются отношением к двум полярно противоположным ценностям: собственной жизни и смерти.

Отношение к жизни в предсуициде выражается в четырех основных формах:

1) ощущение безразличия;
2) чувство сожаления о своем существовании;
3) переживание его тягостности, невыносимости;
4) отвращение к жизни.

Отношение к смерти выступает в формах:

1) страх смерти, хотя и сниженный в своей интенсивности;
2) ощущение безразличия;
3) чувство внутреннего согласия на смерть;
4) желание смерти.

В структуре суицидальных переживаний выделенные формы встречаются в различных сочетаниях, создавая множество индивидуальных вариантов.

Посмертная судебно-психологическая экспертиза суицида. В ряде случаев мотивы суицида очевидны (истинный суицид), они подтверждаются материалами следствия, но для полноты доказательств по делу может быть назначена экспертиза, на разрешение которой выносятся следующие вопросы:

• Находилось ли данное лицо в период, предшествовавший смерти, в психическом состоянии, предрасполагавшем к самоубийству?

• Если да, то чем это состояние могло быть вызвано?

Перед подъездом 9-этажного жилого дома был обнаружен труп 16-летней Л., в кармане одежды которой находилась записка следующего содержания: «Папочка, прости меня, но это единственный выход». По показаниям К., подтвержденным показаниями его жены В., его дочь Л. родилась слабым, болезненным ребенком. Жена умерла, когда девочке был только год. Он, как отец, очень любил свою дочь, сам ее растил, купал и кормил. Когда дочери было три года, он женился вновь. У его новой жены было двое своих детей. Все дети жили дружно, мачеха старалась никак не отделять Л. от своих детей. Как считает подэкспертный, они с женой относились к Л. даже лучше, чем к другим детям, старались облегчить ей жизнь. У нее, как у старшей, была своя комната, где она любила уединяться, никого к себе не пуская. До самой смерти у нее в комнате оставались любимые куклы. Л. не хотела их прятать и говорила, что это память о детстве. К подростковому возрасту у Л. сформировались такие черты характера, как прилежность, послушание, старательность, дисциплинированность. Она не была слишком разговорчивой или общительной, скорее наоборот -ценила покой и одиночество. Из близких подруг она дружила только с Г., которая иногда приходила к ней в гости. У нее была интересная черта, о которой почти никто не знал, за исключением К. и Г.: она писала письма героям художественных фильмов, но никогда их не отсылала. К. считал, что, когда дочь вырастет, она, может быть, станет писательницей.

Учительница литературы отмечала ее хороший слог и чувство языка. Несмотря на мягкость характера, очень редко, но два-три раза бывали случаи, когда Л. резко высказывалась по каким-то

поводам. Правда, уже через непродолжительное время она приходила вся в слезах, просила ее простить. Как-то при ссоре Л. в сердцах сказала родителям, что они не совсем справедливо к ней относятся, что, если бы была жива ее родная мать, та бы ее понимала лучше. Тем не менее, острых конфликтов в семье не было, и Л. неоднократно заявляла, что ее отец ей очень дорог, и что когда-нибудь она это докажет.

Примерно за год до смерти у Л. появились друзья, с которыми она подолгу стала гулять на улице. Несколько раз она поздно возвращалась из кино или дискотек. Родители предупреждали ее, что это может плохо закончиться, приводили соответствующие негативные примеры, но Л. говорила, что все это к ней лично не относится. Однажды она пришла из школы в слезах. С трудом они узнали от нее, что прямо во время занятий из класса ее вызвал в коридор некто Лен., который стал предлагать ей свое покровительство. Когда она резко повернулась, чтобы уйти, он силой удержал ее и сказал, что если она будет «выступать», ей будет хуже. К. очень взволновало это событие, он тут же пошел в школу выяснять, кто такой Лен. и как он проник в школу, но вразумительного ответа ни от кого не получил. После этого Лен. еще несколько раз давал о себе знать. Он перехватывал Л. по дороге в школу или домой, силой заставлял ее стоять рядом с ним и разговаривать, представлял Л. своим друзьям как свою девушку.

Однажды поздно ночью раздался телефонный звонок. Мужской голос стал требовать к телефону Л. В ответ на слова К. о том, что звонить уже поздно и что Л. спит, мужчина грубо ответил, что это не его дело и пусть он лучше побережет свое здоровье. После того как подэкспертный бросил трубку, звонки раздавались еще некоторое время. Л. стала крайне подавленной, часто плакала, боялась выходить одна на улицу, в школу и из школы ее сопровождали либо К., либо его жена, хотя это и причиняло им очень много неудобств. Но вскоре звонки прекратились, и они успокоились. В это время ничего необычного в поведении Л. ими не отмечалось.

Новый год Л. собралась проводить с друзьями. К. с женой проводили ее и ушли домой в уверенности, что все должно быть нормально. На следующий день Л. пришла домой примерно в 4 утра. Вид у нее был страшный: заплаканная, изможденная, глаза распухшие. У нее была настоящая истерика, которая долго не могла прекратиться. Они не смогли добиться от нее рассказа о том, что произошло. Оставив ее одну в комнате, они вышли, решив вернуться к этой теме позднее. К. с женой пошли к подруге Л., чтобы все выяснить. В это время Л. оставалась в квартире одна.

Подруга Л. - Г. показала, что телефонные звонки прекратились только для родителей, на самом деле они продолжались. Однажды Лен. встретил Л. на квартире у Г., где оказался вместе со знакомым Г., и в ультимативной форме потребовал, чтобы Л. не прекращала с ним встречаться. В случае ее отказа либо передачи содержания разговора родителям он угрожал «очень тяжелыми последствиями» для нее и для них. Последнее напугало Л. больше всего, поскольку она подумала, что из-за нее могут причинить вред отцу. Она не сообщила об этой встрече родителям, так как подумала, что если об этом узнает отец, он не будет молчать, а пойдет «выяснять отношения» и в конечном итоге всем им будет очень плохо. Лен. регулярно звонил Л. в то время, когда родителей не было дома. Иногда Лен. встречал Л. возле школы, провожал, при этом не разрешал без его согласия выходить из дома и с кем-либо встречаться. Лен. говорил ей, что если она будет вести себя «не по делу», ее сделают проституткой, а родителей «замочат», и что Лен. для нее фактически «ангел-хранитель». Со слов Г., Л. была уверена, 'что все это в действительности так страшно. Она переживала унижение, ощущая себя «чужой вещью», испытывала мучительные колебания из-за невозможности ни порвать с Лен., ни сказать об этом отцу. Вместе с тем она мечтала, окончив школу, тут же уехать учиться куда-нибудь «далеко-далеко», где ее никто не найдет. А уже оттуда она «написала бы ему подробное письмо».

Новый год Л. и Г. собрались проводить с друзьями. Лен. спрашивал ее, где это будет происходить, и она не смогла это скрыть. Примерно в 23 ч. в квартиру позвонил Лен. и попросил Л. выйти на лестничную площадку, где он ее «хотел поздравить

с праздником». Но на лестничной площадке он сильно взял ее за руку и повел к машине, где хотел «познакомить со своими друзьями». Л. начала плакать и говорить, что не хочет никуда идти, но он уговорил ее сесть в машину, чтобы «поговорить», поскольку на улице стоять было холодно. Внезапно машина тронулась с места и быстро уехала в неизвестном направлении.

По показаниям свидетелей по делу, Л. привезли в сауну спортивного комплекса, где ее ввели в мужское отделение. К ней вышло несколько голых мужчин, завернутых в банные полотенца. Неожиданно они сняли с себя полотенца и стали говорить Л., что будут по двое и по трое с ней

заниматься сексом, описывали подробности, как именно это все будет происходить. По Л. было видно, что она очень испугалась. У нее началась истерика, стало плохо с сердцем. На ее глазах мужчины занимались сексом с другими девушками, били их и заставляли пить водку. Все это продолжалось несколько часов. Л. заставляли на все это смотреть. В конце «праздника» Лен. отвез ее домой, предупредив, чтобы она никуда не уходила, так как скоро они за ней вернутся.

Анализ материалов уголовного дела позволил экспертам-психологам прийти к следующему выводу. В период, предшествовавший смерти, Л. предположительно находилась в состоянии острой фрустрации, вызванной действиями Лен., угрозами в адрес ее и ее родителей. На момент, предшествовавший смерти, Л. находилась в состоянии сильной психической напряженности (стресса), обусловленной посягательством на ее половую неприкосновенность, честь и достоинство; разворачивающаяся ситуация в сауне, реальная угроза подвергнуться еще большему насилию противоречила ее принципам и морально-нравственным ценностям, образу жизни, воспитанию (доброжелательная атмосфера в семье, любовь и поддержка со стороны родителей, неприспособленность к жизненным трудностям). Предположительно у Л. была комбинированная акцентуация характера: педантичность, дистимичность, тревожность (по типологии Шмишека), предполагающая зависимость от внешних обстоятельств и утрату гибкости поведения в критических случаях. Все это, а также такие индивидуально-психологические особенности Л., как прилежность, послушание, старательность, дисциплинированность, чувствительность, ранимость, замкнутость, скрытность, и обусловили ее неспособность оказывать сопротивление психологическому и физическому насилию. Нарастающее психотравмирующее воздействие, достигшее своего пика в период предсуицида, сверхценность отношений с отцом, желание доказать ему свою любовь, отсутствие значимой психологической поддержки могли оказаться решающими факторами при выборе стратегии выхода из сложившейся ситуации.

В некоторых случаях следствие сталкивается со случаями смерти, только имеющей внешние признаки суицида. Часто главной трудностью при расследовании этих случаев является отсутствие убедительных доказательств ведущей версии. Даже родные и близкие погибшего отказываются верить в его добровольный уход из жизни. Как это ни парадоксально, но иногда версия насильственной смерти для них оказывается предпочтительнее, чем признание факта самоубийства. И они сознательно либо неосознанно оказывают давление на следствие. Близким людям* трудно представить себе, что они могли просмотреть психологический кризис такой силы, единственным выходом из которого оказалась смерть. Им трудно поверить, что погибший не смог или не захотел обратиться к ним за помощью. Им страшно было бы узнать, что иногда они сами прямо или косвенно подталкивали его к этому решению.

Как правило, такой острый психологический кризис, если только он не имеет психопатологической природы, либо развивается внезапно, под влиянием внезапных психотравмирующих событий значительной интенсивности, либо имеет длительную предысторию, постепенно аккумулируя негативные

переживания. Но и в первом, и во втором случаях этот психологический кризис часто имеет аффектогенную природу. Это по сути физиологический аффект, направленный на себя. Отдельным случаем являются суициды, обусловленные особыми социокультурными традициями, которые здесь рассматривать не будем.

Классическим примером продуманного суицида, подготовленного несколькими годами борьбы за душевное равновесие, за поиски выхода из субъективно безвыходной жизненной ситуации, является смерть известной советской поэтессы Юлии Друниной.

Для нее сильнейшим стрессогенным фактором явились сначала потеря любимого человека, а затем целой страны (Советского Союза не как политического образования, а как уникального социокультурного феномена), поэтическое служение которой во многом составляло смысл ее жизни. О ее душевном состоянии в это время лучше всего говорит одно из писем, написанное перед смертью: «Почему ухожу? По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно, только имея крепкий личный тыл. А я к тому же потеряла два своих главных посоха — ненормальную любовь к Старокрымским лесам и потребность творить. Оно лучше— уйти физически неразрушенной, душевно несостарившейся, по своей воле. Правда, мучает мысль о грехе самоубийства, хотя я, увы, неверующая. Но если Бог есть, он поймет меня ».

Ее решение добровольно уйти из жизни было хорошо продумано и тщательно подготовлено. Перед смертью, 20 ноября 1991 г., Друнина написала письма: дочери, зятю, внучке, подруге Виолетте, редактору своей новой рукописи, в милицию, в Союз писателей. Ни в чем никого не

винила. На входной двери дачи, где в гараже она отравилась выхлопными газами автомобиля, приняв снотворное, оставила записку: «Андрюша, не пугайся. Вызови милицию и вскройте гараж».

Внешняя похожесть на суицид еще не означает его обязательной подтверждаемости в результате расследования. Такая смерть в действительности может, как минимум, иметь следующие варианты:

1. Истинное самоубийство.

1.1. Самоубийство по собственному волеизъявлению.

1.1.1. Рациональное (продуманное) самоубийство.

1.1.1.1. Рациональное аффективное самоубийство.

1.1.1.2. Рациональное неаффективное (по религиозным либо философским основаниям) самоубийство.

1.1.2. Импульсивное аффективное самоубийство.

1.2. Самоубийство по неосторожности.

2. Имитация самоубийства.

2.1. Имитация самоубийства (косвенное убийство).

2.1.1. Самоубийство под принуждением.

2.1.2. Доведение до самоубийства.

2.2. Имитация самоубийства (демонстрация в целях провокации или шантажа).

3. Естественная смерть, имеющая признаки самоубийства по не зависящим от умершего причинам.

3.1. Смерть в результате несчастного случая.

3.2. Естественная смерть в результате иных причин (старость, болезнь и пр.). 4. Истинное убийство.

4.1. Убийство, замаскированное под самоубийство.

4.2. Убийство, имеющее признаки самоубийства по не зависящим от убийцы причинам.

С другой стороны, иногда смерть, казавшаяся вызванной иными причинами, впоследствии оказывается классифицированной как суицид. Еще более сложным случаем является ситуация, когда очевидны обстоятельства самоубийства, но в то же время неочевидны его мотивы. Поводами, позволившими усомниться в естественной смерти исследуемого лица Либо в истинности его самоубийства, могут явиться показания свидетелей по делу, положение трупа, обнаружение определенных предметов рядом с трупом или на нем, содержание текстов, имеющих отношение к данному делу (на любых носителях: бумаге, магнитофонной кассете, компьютерном диске и пр.). Так, например, из следственной практики известны случаи, когда расширение свидетельской базы позволило переквалифицировать статью: смерть в результате несчастного случая была изменена на доведение до самоубийства (суи-цидент совершил бросок под проезжавшую машину обидчика), или актер, пытавшийся «вжиться в роль» и репетировавший поведение человека с выраженным депрессивным состоянием, совершил самоубийство по неосторожности и т.п.

Приведенная выше классификация отражает систему выдвижения различных следственных версий по делам, связанным с самоубийством. При этом имеются две ситуации, когда может возникнуть потребность в психологе:

1) в случае необходимости удостоверения в самом факте самоубийства, если собранные доказательства не позволяют сделать однозначного вывода об убийстве или самоубийстве. В этой ситуации психолог может быть привлечен к участию в расследовании либо в качестве специалиста, либо в качестве эксперта. Здесь на разрешение психологу рекомендуется поставить два вопроса:

• Каковы были основные индивидуально-психологические (личностные, эмоционально-волевые, мотивационные, интеллектуальные) особенности личности под экспертного, которые могли существенно повлиять на его поведение в исследуемой ситуации?

• В каком психическом состоянии мог находиться подэкспертный в период, предшествовавший его смерти?

Не следует задавать вопроса, касающегося «психического состояния, предрасполагавшего к самоубийству», поскольку такая постановка вопроса намекает на доказанность априори факта суицида;

2) в случае, когда имеются некоторые признаки самоубийства и одновременно обоснованные подозрения об определенной роли некоторых лиц в трагической судьбе суицидента, может быть

назначена посмертная судебно-психологическая экспертиза для разграничения между самоубийством (истинным самоубийством) и доведением до самоубийства, что согласуется с квалификацией ст. НО УК РФ: «Доведение лица до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». Здесь, в дополнение к указанным выше, на разрешение эксперта целесообразно поставить следующих два вопроса:

• Имелась ли какая-либо взаимозависимость между психическим состоянием подэкспертного в период, предшествующий его смерти, и действиями определенного лица (указать какого)?

• Если такая взаимозависимость имелась, то каковы были ее характер и признаки?

Приведем характерный в этом отношении пример, где следствию необходимо было определиться с версиями: а) убийство с имитацией суицида; б) самоубийство; в) доведение до самоубийства. Для получения доказательств по делу была назначена судебно-психологическая экспертиза, на разрешение которой были вынесены все четыре указанных выше вопроса.

В сарае, принадлежащем гражданам Кл., проживающим в деревне Б., рано утром был обнаружен повесившимся их несовершеннолетний сын К. Накануне смерти между К. и Е. произошла ссора, в ходе которой на почве ревности Е. подверг избиению К., угрожал ему публичной расправой и унижением. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть К. наступила в результате сдавления шеи петлей при повешении, обнаруженные кровоподтек под левым глазом, западающая ссадина по наружному краю левой брови, обширный кровоподтек в области лопаток, кровоподтек в области правой голени в причинной связи со смертью не состоят. После причинения телесных повреждений К. был способен совершать активные действия — кричать, передвигаться, поднимать тяжелые предметы и переносить их на расстояние. Причиненные К. телесные повреждения не могли привести его в бессознательное состояние.

В деревне многие были убеждены, что К. на самом деле был повешен, а самоубийство было сымитировано, поскольку мотивов суицида, по утверждению родственников К., у него не было. Более всех этой версии придерживались родители К., которые обратились с заявлением в прокуратуру. По делу была назначена судебно-психологическая экспертиза, которая проходила параллельно с расследованием.

По показаниям свидетелей, знакомых К., погибший отличался вспыльчивостью, был обидчив, однако быстро отходил; остро реагировал на замечания по поводу его одежды, плохого зрения, особенностей поведения. По натуре был скрытен. Не признавал своих недостатков, отличался мстительностью. В драки старался не ввязываться, задирой никогда не был. Отстаивая себя, использовал преимущественно словесную защиту, колкости, оскорбления. Часто настраивал людей против себя, задевая их своими замечаниями. В классе старался выделиться, одевался хорошо, следил за собой. Девушки у К. не было, хотя от недостатка женского внимания он не страдал. К. дерзил окружающим, позволял себе вольности с учителями.

К. находился в дружеских отношениях со Ст. и входил в группу молодых людей, в которой Е. пользовался авторитетом и уважением. Молодые люди посещали секцию таэквондо, где Е. постоянно демонстрировал мастерское владение этим видом боевых искусств, своими победами в спаррингах неоднократно вызывая у К. восхищение. К осознавал, что физически Е. намного превосходит его. К. посещал секцию отчасти потому, что стеснялся своего слабого зрения, хотел быть физически развитым и сильным.

К. нередко слышал высказывания в свой адрес, что он «голубой», поскольку постоянно ходит с парнем, и у него нет девушки. Поэтому, когда Г., которую в их компании «официально» считали девушкой Е., в течение нескольких месяцев отсутствия Е. стала выказывать К. признаки внимания, ему это очень понравилось. Г. писала ему стихи, звонила, ходила с ним на речку, признавалась подруге, что К. ей нравится, искала малейший повод встретиться с ним. Ближайшие друзья и родственники К. советовали ему не поощрять Г., так как это было бы подлостью по отношению к Е., могло привести к серьезному конфликту с ним. Е. считался человеком самолюбивым, гордым, злопамятным. Мать К. предостерегала его от близких отношений с Г., так как опасалась мести со стороны Е. К. стал избегать встреч с Г., не танцевал с ней на дискотеках. Он часто жаловался друзьям и близким, что Г. его преследует, навязывается ему. Матери он говорил, что из-за конфликтного характера Е. с Г. никто не дружит.

Накануне выпускного вечера К. поссорился с отцом, которой заявил, что К. ему не сын, в результате К. пришлось добираться до Калуги на электричке, а не на машине, как обычно. На

выпускном вечере К. предупредил Ст., чтобы последний наблюдал за ним, иначе он (К.) «получит в морду», К. был явно расстроен, взвинчен, не в на-

строении. На выпускном вечере в нетрезвом состоянии К,, подойдя к группе знакомых, среди которых находился Е., грубо пошутил: «Педики всех стран, объединяйтесь», на что Е. поинтересовался у К., не себя ли тот имеет в виду. Такое поведение было нехарактерно для К. и удивило многих его знакомых. За столом на выпускном вечере Е., Г. и К. сидели недалеко друг от друга, и Е. стал в шутливой форме расспрашивать К. о том, как он «любит» Ст., так как последний много времени проводил в его обществе. В ответ К. оскорбил его, назвав «педиком» в присутствии большого числа знакомых. Поскольку это произошло публично, Е. был удивлен и поражен дерзостью и беспричинной злобой К. по отношению к нему. В деревне его боялись, так как Е. никому ничего не прощал, в данном же случае его оскорбили при всех. Е. встал из-за стола и вышел на улицу для того, чтобы не конфликтовать с К. на празднике. Через некоторое время К. вместе со Ст. вышел на улицу. Е. отозвал К. в сторону, чтобы выяснить, чем вызвана его неприязнь. К. стал обвинять Е. в том, что последний хочет его унизить и «опустить» перед девушками. Ст. и подошедшая мать К. разняли их. На следующий день до Е. стали доходить слухи о том, что Г. «бегает» за К., купалась с ним на речке и к тому же ушла с ним в поход. По показаниям ряда свидетелей, в походе Г. пыталась уединиться с К., выслала из палатки подругу и долгое время оставалась с ним наедине (около 2—3 часов), засветила пленку, на которой была сфотографирована вместе с К. ночью в палатке. Однако, со слов самой Г., К. признался ей в ту ночь в любви, просил бросить Е. На следующее утро К. выглядел чем-то сильно расстроенным. Вернувшись домой, на расспросы матери не отвечал.

На следующий день Е. направился домой к Г., поссорился с ней, обвиняя в измене с К., и Г. призналась ему в этом, ссылаясь на свое нетрезвое состояние. После этих слов Е., по показаниям свидетелей, находился во «взвинченном» состоянии, проявлял раздражительность и агрессивность. При большом скоплении знакомых у клуба он грозился избить К., унизить его, «опустить», предлагал знакомым присоединиться и помочь ему в этом, потом пытался вызвать К. из дома к клубу. Однако К. отсутствовал, и Е. снова направился к Г., чтобы «раз и навсегда выяснить отношения, чтобы все знали», но Г. отказалась выйти на улицу, ссылаясь на свое плохое самочувствие. Е., бормоча угрозы и проклиная Г., замахнулся на нее рукой. По словам свидетелей, угрозы Е. в отношении К. они воспринимали как желание выяснить отношения в драке, причем никто не сомневался в ее исходе (в том, что Е. побьет К.).

В тот день мать попросила К. выгулять собак, однако он всячески оттягивал этот момент, не хотел выходить из дома, был взволнован и расстроен чем-то, на ее расспросы не отвечал, постоянно о чем-то думал, предлагал перенести разговор на завтра. В руках он держал какие-то стихи и читал их. Узнав, что К. выгуливает за домом собак, Е. и Ст. пошли его искать и обнаружили около сараев. Между Е. и К. около огорода произошла драка, в результате которой К. был избит. Ст., близкий друг К,, считал, что К. совершил подлость по отношению к их дружбе и к Е. лично, разбил их компанию. Несмотря на то, что К. после драки остался сидеть на земле, он не помог ему подняться и не остался с ним, а ушел с Е. Видевшие их через час после драки свидетели отмечают, что Е. был уже в другой одежде, а под глазом у него был синяк. В разговоре он обронил следующее: «Завтра будем ждать участкового».

Домой К. ночевать не пришел. Утром Кл., обнаружив отсутствие сына в комнате, отправилась в сарай, так как иногда К. оставался там ночевать на сеннике. Лестницы на чердак она не увидела, но заметила, что щеколда на двери сарая отодвинута. Войдя внутрь, она нашла сына, который висел на веревке от боксерской «груши». Лицо у него было в пыли, кровоподтеках, одежда и руки в грязи. Ноги почти касались земли. У ног К. стоял пень, который ранее находился в месте, где привязывали собаку. Пень весил 25 кг, но К. иногда перетаскивал его, когда возникала необходимость повесить на крюк боксерскую «грушу».

Е. обратился в больницу через сутки после смерти К. Из акта судебно-медицинского заключения следует, что у Е. установлены повреждения в виде сотрясения головного мозга с кровоподтеком орбиты левого глаза, отеков в теменной и затылочной областях, давность нанесения которых определяется не более чем двумя днями с момента обращения последнего в больницу.

В присутствии свидетелей К. как-то высказался, что он бы не смог себя убить, так как для самоубийства нужна большая смелость. Вместе с тем однажды К. привел свою знакомую на железнодорожные рельсы и сказал, что выбрал это место, чтобы лечь под поезд. 14 июня, незадолго до смерти, он также сказал ей словно в шутку: «Вот умру, и будете плакать». Такие

высказывания К. по поводу его возможной смерти фиксировались неоднократно. Так, в мае он подарил младшей сестре Г. гвоздь и сказал: «Заколотишь в крышку моего гроба». Незадолго до описанных в деле событий К. также нечто подобное говорил Ст.: «Будешь плакать над моим гробом». Несколько раз К. просил знакомых истолковать сны, которые ему снились: будто его родственники хоронят его, идут за гробом, плачут, а он никак не может выбить крышку гроба. Однажды с близким человеком он поделился содержанием сна: он вроде бы умер, а потом ожил и сказал: «Здорово я вас всех обманул!».

Некоторые свидетели считают, что К. вполне мог покончить жизнь самоубийством вследствие того, что было унижено его мужское достоинство. Для него имело большое значение то, что ребята — старше его по возрасту и влиятельные фигуры в деревне - «приняли его в свой круг», «дали ему поддержку». Без этой поддержки никто не мог гарантировать ему личной безопасности, поскольку дрались в деревне часто и без особых поводов. Хотя К. занимался в секции таэквондо и хотел считаться физически совершенным человеком, к реальной жизни он не был подготовлен. На это накладывались и слабые черты характера К.: обидчивость, вспыльчивость, ранимость, слабость, неуравновешенность.

Другие свидетели утверждали, что никогда не слышали от К. намерений покончить с жизнью. Невероятно, что он мог убить себя, ведь он так себя любил: мог подолгу лежать на диване, рассматривая себя в зеркале. Обсуждал с сестрой свои прическу, одежду, манеру поведения. Был исключительно чистоплотен, избегал любых признаков грязи. Всегда был жизнерадостным, любил пошутить, строил планы на будущее, хотел после окончания школы продолжить учебу, мечтал иметь высокое положение, квартиру, дачу, машину. Говорил о том, что в будущем должен помогать своим родителям.

Психологический анализ материалов уголовного дела и проведенное экспертно-психологическое исследование показали, что для К. были характерны следующие индивидуально-психологические особенности: обидчивость, вспыльчивость, эмоциональная неуравновешенность, частая смена настроения, аффективная ригидность, застреваемость на деталях, демонстративность поведения. В конфликтных ситуациях он прибегал преимущественно к вербальной агрессии, драки не провоцировал, однако при необходимости от столкновения не уклонялся. Остро реагировал на оскорбления, направленные в его адрес, особенно переживал, когда его называли «голубым», «шестеркой», «ребенком». Стеснялся своего физического недостатка, слабого зрения, поэтому не носил очков. Большое внимание обращал на свой внешний вид, на то, каким его видят окружающие. Пытался привлечь к себе внимание оригинальной одеждой, экстравагантным внешним видом.

Судебно-психологическая экспертиза получила возможность опосредованно ознакомиться с его бессознательной сферой, выраженной в сюжетах сновидений. В частности, несомненным фактом можно считать, что а) сюжеты, связанные со смертью, были нередки в его сновидениях; б) он обращал на них внимание, т.е. они были для него значимы; в) он неоднократно обсуждал эти сюжеты с близкими людьми. Таким образом, есть веские основания считать, что сюжеты его сновидений формировали внутренний план поведения К., оказывали на него программирующее воздействие, готовность при известных обстоятельствах поступить определенным образом. В разговорах с друзьями К. неоднократно в шутливой форме высказывал мысли о возможном самоубийстве. Испытывал потребность вступить в близкие отношения с девушкой, о чем неоднократно сообщал близкому другу, но наличие таких отношений достоверно не выявлено. Пытался самоутвердиться, посещал секцию таэквондо, однако технически был слабо подготовлен и проигрывал в спаррингах. Восхищался Е., который был сильнее его физически. В юношеской среде опирался на его дружбу и поддержку. Был привязан к матери, находился под ее контролем.

Перечисленные свидетелями индивидуально-психологические особенности соответствуют циклотимическому складу личности. Таким людям свойственны периодические смены настроения, причем такие перемены и неслучайны, и нередки. Радостные события вызывают у них жажду деятельности, повышенную общительность, стремление выделиться, командовать; печальные - подавленность, замедленность реакций, также часто меняется манера их общения. На замечания реагируют раздражением, грубостью, в глубине души впадая в уныние, депрессию, не исключены суицидальные попытки. Учатся неровно. Настроение влияет на их самооценку.

С учетом изучения материалов уголовного дела и результатов психологического исследования эксперты-психологи пришли к следующему выводу. В период, предшествовавший описанным в деле событиям, К. находился в безвыходной ситуации, связанной с отношениями между ним, Е. и Г. Сближение с Г. вызывало резкую критику и предостережения со стороны близких и друзей -

значимых для К. лиц. В то же время Г. демонстрировала ему свою заинтересованность в развитии их отношений (звонила, писала стихи, гуляла с ним, осталась наедине в походе). Ссора с отцом накануне выпускного вечера, информация о том, что Г. пригласила на выпускной Е., проблемы во взаимоотношениях с одним из близких друзей — Ст. усугубили его отрицательные переживания, что вербально выразилось в грубом поведении за общим столом. Упреждая могущие быть высказанными обвинения в подлости и предательстве, К. начинает задевать резкими замечаниями Е. и других друзей. Его страх выливается в агрессию. Взвинченное состояние, в котором находился К., а также его некоторые индивидуально-психологические особенности (обидчивость, острое реагирование на шутки, чувствительность, ранимость, завышенная самооценка) привели к провоцированию быстрого развития конфликта между ним и Е. Вернувшись из похода, К., по-видимому, предполагал, что не сможет избежать выяснения отношений с Е., он не хотел выходить на улицу, выглядел расстроенным и на расспросы матери не отвечал. В драке с Е. К. был избит. Е. спросил у Ст., с кем из них он остается, подразумевая тем самым, прощает ли он «предательство» К. Ст. ушел с Е., оставив К. одного, тем самым показав ему, что он оценивает его поведение как предательство. Учитывая дружеские взаимоотношения между Ст. и К., то, насколько последний ценил К., уважал его, прислушивался к его мнению, выбор Ст., вероятнее всего, усилил его субъективное ощущение собственной никчемности, покинутости. Еще болезненнее было ощущать себя во всех смыслах «грязным». Из симпатичного юноши, бойкого на язык, члена одной из могущественных юношеских группировок, он очень быстро и незаметно для себя превратился в предателя, подлеца и изгоя. Он не успел адаптироваться к новому для себя состоянию, он не хотел к нему адаптироваться, но адекватными способами выхода из него он, по-видимому, не обладал. В деревне, маленькой вселенной, где все знают все обо всех, состояние «опущенного» психологически и угроза быть «опущенным» физически могла быть воспринята им как личная катастрофа.

Комплекс этих переживаний характерен для углубляющегося состояния фрустрации, ведущего к утрате гибкости поведения, растерянности, к субъективному восприятию ситуации в качестве безвыходной. Таким образом, не исключено, что после драки К. находился в состоянии фрустрации (безвыходности), которое могло быть обусловлено его индивидуально-психологическими особенностями, физическим и психологическим унижением, осуждением друзей, предшествующим конфликтом с отцом, неоптимистичными перспективами продолжения развития конфликта.

Задача судебно-психологической экспертизы в таких случаях заключается в установлении наличия или отсутствия у суицидента в период, предшествовавший смерти, психического состояния, предрасполагавшего к самоубийству. Если признаки такого состояния будут обнаружены, необходимо выявить их возможные причины, среди которых могут быть и действия указанного определенного лица.

Очевидно, что выводы посмертной экспертизы могут быть только вероятными. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, потому что экспертное исследование проводится опосредованно: по материалам дела, показаниям свидетелей, родных и близких погибшего, по исполненным им текстам, которые могут дать лишь косвенную информацию о личности и обстоятельствах его жизни. Во-вторых, потому что предрасполагающее к самоубийству состояние не обязательно приводит к суициду или суицидальной попытке. Достоверно установленное депрессивное состояние, зафиксированные высказывания о возможном суициде, даже подготовка к нему не обязательно должны были быть реализованы в суицидальной попытке. Это состояние могло быть совмещено с фактом смерти по времени, а не в результате причинно-следственной зависимости. Поэтому здесь не применимо правило post hoc, ergo propter hoc, поскольку «после этого» еще не означает «вследствие этого». В третьих, даже действия определенного лица, субъективно воспринятые погибшим как оскорбительные или угрожающие, необязательно объективно могли быть таковыми либо достигнуть уровня соответствия квалификации ст. НО УК РФ (Комментарий, 1999). В-четвертых, поведение самого суицидента могло быть неадекватным, конфликтным, провоцирующим неприязнь и агрессию со стороны третьих лиц.

Не всегда представленные на экспертизу материалы позволяют прийти к каким-либо определенным выводам. Иногда приходится констатировать, что ответить на поставленные вопросы не представляется возможным, так как выводы экспертизы во многом зависят от полноты собранных следственными работниками данных.

[1] См. также: *Алексеева Л.В.* Практикум по судебно-психологической экспертизе. - Тюмень, 1999; *Енгалычев В.Ф.* Диагностика психического воздействия в процессе судебно-психологической экспертизы. // Методы психологии. Материалы II Всероссийской научной конференции по психологии Российского Психологического Общества. - Ростов-на-Дону, 1997, С. 96-98; *Енгалычев В.Ф., Шипшин С.С.* Судебно-психологическая экспертиза. Методическое руководство. 2-е изд. Калуга-Обнинск-Москва. 1997; *Коченов М.М.* Введение в судебно-психологическую экспертизу. — М., 1980; *Кудрявцев И.А.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. — М., 1999; *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. - М., 1998 и др.

[2] *Акопов Г.В., Мельченко Н.И., Ефимова О.И.* (ред.) Методы профилактики суицидального поведения. - Самара-Ульяновск, 1998.

8.18. Внеэкспертные формы использования специальных познаний психолога в уголовном судопроизводстве

Формы использования специальных познаний. Совершенствование практики судопроизводства требует более активного использования накопленных психологией знаний. Психологические знания могут применяться как самим практиком, так и профессиональным психологом, привлеченным к расследованию. В последних случаях речь идет о специальных психологических познаниях.

Действующее законодательство процессуально закрепляет две формы применения специальных познаний: *участие специалиста* в производстве конкретных следственных действий (ст. 133^1, 253^1 УПК РСФСР) *и проведение судебной экспертизы* (ст. 78, 288 УПК РСФСР).

В уголовно-процессуальном положении специалиста и эксперта имеются различия, в основном — в характере деятельности. Согласно положениям доказательственного права деятельность эксперта служит целям получения новых фактов и их оценки с позиции используемых специальных познаний. Экспертная деятельность осуществляется без участия правоприменителя. Ее результаты являются самостоятельным видом доказательств по делу. Деятельность специалиста также направлена на обнаружение, закрепление, изъятие тех или иных доказательств. Но в отличие от эксперта, который имеет полную процессуальную самостоятельность, специалист работает совместно с практиком. Результаты этой совместной деятельности закрепляются протоколом следственного (судебного) действия. Доказательственную силу этим документам придает сам следователь (суд).

Статьи 133^1, 253^1 УПК РСФСР предусматривают участие в судопроизводстве профессионала любой неюридической специальности. Следователь и суд, имея дело с человеком и анализом его поведения, нередко сталкиваются с вопросами психологического содержания. Причем анализ практики предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел показывает, что уровень сложности некоторых из них таков, что они не могут быть достаточно полно разрешены на основе профессионального и житейского опыта следователей и судей. Обеспечение полноты и всесторонности расследования, как уже сказано выше, требует в ряде случаев применения специальных психологических познаний. Институт участия специалистов открывает новые возможности в использовании психологических познаний в уголовном процессе.

Недостаточная разработанность процессуальных норм — тормоз внедрению в уголовное судопроизводство внеэкспертных форм деятельности психолога. Само введение в процесс специалиста обусловливалось желанием создать правовое поле более открытое, чем экспертиза, для использования в судопроизводстве накопленных в науке, технике, искусстве, ремесле знаний. Стремление к более мобильному внедрению психологических познаний в практику при неотрегулированности процессуальных требований к характеру и результатам деятельности специалиста зачастую приводит к крайностям: с одной стороны, к попыткам использовать под видом специальных познаний псевдонаучных, которые мало что дают практике, с другой — к созданию неоправданных процессуальных преград, тормозящих внедрение полезных для практики знаний.

В качестве таких преград можно рассматривать некоторые недостаточно обоснованные процессуальные ограничения и предложения отдельных авторитетных процессуалистов. Так, ряд авторов (А.А. Эйсман, И.Л. Петрухин, А.М. Гольдман и др.) считают, что *специалист не должен*

в отличие от эксперта *проводить исследования,* его функция — лишь помощь в обнаружении и фиксации непосредственно усматриваемых фактов.

Приемлемой представляется другая позиция. Придерживающиеся ее авторы не видят возможности провести грань между исследовательской деятельностью эксперта и деятельностью специалиста по обнаружению фактов (Э.Б. Мельникова, С.Ф. Скопенко и др.). Они предлагают усматривать отличие не в характере самой деятельности сведущих лиц, а в доказательственной силе ее результатов. Результаты исследовательской деятельности специалиста значимы для оперативных, но не для доказательственных целей (В. Махов). Это, тем не менее, не исключает необходимости более полно и точно отражать характер деятельности специалиста в протоколах следственных действий.

Некоторые ученые предлагают результаты деятельности специалиста оформлять справкой, *заменяющей процессуальное положение документа.* Оценка этого документа производится правоприменителем путем анализа его содержания и сопоставления с иными доказательствами. Практика последних лет идет именно по этому пути. «Судебная практика признает допустимыми документы (справки, консультации), представляемые по поручению органа, осуществляющего судопроизводство, специалистом в определенной отрасли знаний».[1]

Но это не означает размывания границ между деятельностью эксперта и специалиста. Как уже сказано, главное отличие в том, что вывод специалиста не имеет доказательственной силы. Несогласие с ним практик не должен мотивировать. Он вправе его отбросить без всяких объяснений и без проведения исследования вопроса другим специалистом, хотя возражения специалиста обязан занести в протокол.

Дискутируется и вопрос о круге задач, которые может решать специалист. Ст. 133[1] УПК РСФСР утверждает, что правоприменитель вправе пригласить специалиста для участия в производстве следственных действий. ***В решении проблем, выходящих за рамки следственных действий, специалист не участвует.*** Многие полагают, что «специалист как процессуальная фигура» немыслим вне рамок следственного действия» (Н.А.Селиванов, Э.Б. Мельникова и др.). Тем не менее, в литературе неоднократно указывалось и на то, что возможности специалистов должны использоваться шире. Так, А.И. Винберг считает, что «круг вопросов, по которым следователю может понадобиться помощь специалиста, не может быть заранее определен или ограничен законом».[2] Это означает, что автор предлагает расширить функции специалиста при оказании помощи правоприменителю за рамки следственного действия. Эта позиция представляется вполне правомерной и способствующей более активному внедрению психологии в судопроизводство.

Специальные познания в значительном числе случаев применяются на этапах судопроизводства, связанных с собиранием доказательств, т.е. на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела, а также на этапах предварительного и судебного следствия. При кассационном производстве и производстве в надзорной инстанции осуществление следственных действий в целях собирания доказательств не предусмотрено. Поэтому специалисты, так же как и эксперты, в процессе кассационного и надзорного производства в рассмотрении дела судом второй инстанции не участвуют. В случаях выведения деятельности специалиста за рамки следственных действий процессуальные ограничения для оказания специалистом помощи правоприменителю на стадиях кассационного и надзорного производства исчезают.

В этой связи заслуживают внимания предложения вынести деятельность специалиста за рамки следственных действий или, как альтернативный вариант, ввести в процесс, наряду с экспертом и специалистом, фигуру консультанта, работающего, как и специалист, под руководством следователя.[3]

Круг проблем, решаемых в уголовном процессе психологом-неэкспертом. Несмотря на дискуссионность многих вопросов, в том числе регулирующих правовую сторону деятельности специалиста, практические работники активно используют в этой форме помощь психологов. Анализ реально сложившейся практики подтвердил актуальность внедрения внеэкспертных форм специальных психологических познаний и позволил очертить круг задач, которые наиболее часто ставятся перед психологом.

Одна из таких задач — оказание ***общеконсультативной помощи справочного характера:*** информирование лиц, ведущих расследование, о закономерностях протекания тех или иных психических процессов, типичных психических состояниях человека и механизмах совершения определенной категории преступлений, психологических особенностях малолетних, престарелых, болеющих тем или иным соматическим заболеванием, преступников определенного типа и пр.

Эта информация может облегчить поиск скрывшегося преступника, помочь с большим профессионализмом оценить необходимость назначения психологической экспертизы и ее направленность, дать дополнительную информацию для выработки тактики допроса и пр.

Исполнение специалистом этих функций, как правило, не требует от него ознакомления с материалами уголовного дела, не предполагает совместной работы психолога и юриста-практика и может быть осуществлено в ходе разового консультирования, письменного или устного. Выбор специалиста для дачи разовой консультации должен быть сделан с учетом уровня научной квалификации психолога и его профессиональной специализации.

Кроме того, следственные и судебные органы обращаются к специалистам-психологам за ***консультациями по более конкретным вопросам, ведущим к принятию*** совершенно ***определенных правовых решений:*** о возможности и необходимости проведения экспертного психологического исследования и его направленности, по поводу оценки уже проведенных психологических экспертиз, о наличии признаков состава отдельных преступлений.

Например, во избежание ошибочного и произвольного толкования информации, поставляемой средствами массовой информации, во многих случаях нельзя обойтись без применения специальных познаний в психолингвистике. Функция специалиста — предварительная оценка предоставленной в его распоряжение информации на стадии доследственной проверки. Если в этой информации содержатся отрицательные эмоциональные оценки, оскорбительные характеристики той или иной нации, расы, религии; подстрекательства к враждебным действиям против какой-либо этнической, расовой, религиозной группы, то возбуждается уголовное дело по ст. 282 УК РФ («Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»). В ходе расследования дела окончательно проясняется вопрос о смысловом содержании информации и о наличии у публикатора умысла распространить материал именно такого содержания.

Задача специалиста — помочь следователю разобраться в содержательной направленности материала и проблеме наличия или отсутствия в действиях публикатора объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ.

По делу К., обвиняемому в убийстве и изнасиловании малолетней, были проведены судебно-психологические экспертизы в отношении свидетельниц Г. и П. Экспертизы проводились спустя шесть лет после восприятия свидетельницами интересующих следствие событий. На основании анализа весьма ограниченного числа факторов, негативно влияющих на способность давать правильные показания, экспертами был сделан вывод о наличии у обеих такой способности. При этом не было учтено, что и Г. и П., имевшие сниженный уровень интеллектуального развития, подвергались психологическому воздействию одной из заинтересованных в исходе дела сторон, а также влиянию социальных ожиданий, поскольку обстоятельства дела получили широкий общественный резонанс. О невозможности рассматривать экспертный вывод как научно обоснованный было сообщено в ходе затребованной судом второй инстанции научно-психологической консультации. Вывод специалиста привел к решению вернуть дело на новое расследование.

В Научно-практическом комментарии к УПК РСФСР со ссылкой на Постановление пленума Верховного суда РФ[4] указывается, что «сведения, содержащиеся в справке специалиста, относящиеся к числу новых (дополнительных) материалов, предоставленных в кассационную или надзорную инстанцию, и ставящие под сомнение заключение эксперта, использованное органом расследования и судом первой инстанции, могут быть положены в основу определения (постановления) об отмене приговора».

Решение всех указанных выше задач вызывает необходимость выборочного знакомства специалиста с материалами уголовного дела. Психолог, таким образом участвующий в деле, должен быть знаком с доказательственным правом, а также иметь относительно глубокие познания в области теории, методологии, методики экспертных исследований, экспертный опыт. В частности, в том направлении, к которому принадлежит акт экспертизы, подлежащий оценке, или планируемая практиком экспертиза.

Помимо эпизодической общеконсультативной деятельности и деятельности, связанной с консультациями по вопросам экспертных исследований, психолог-специалист привлекается и ***для непосредственного участия в производстве следственных действий.*** В этих случаях решаются задачи получения, корректной фиксации, оценки информации, исходящей от свидетеля, потерпевшего, обвиняемого; выработки, с учетом состояния и личности участника уголовного процесса, оптимальных условий для его допроса, очной ставки.

Анализ следственной практики показывает, что от внимания следственных работников нередко ускользает информация, характеризующая психологические особенности лица, о котором рассказывает свидетель или потерпевший. В частности, в протоколе обычно не фиксируются воспринятые очевидцем приметы внешности и невербального поведения, произвольно изменить которые достаточно трудно: особенности походки, жестикуляции, общий стиль и манера общаться и пр. Расшифровка такого поведенческого кода и фиксация в протоколе некоторых особенностей стиля деятельности человека - непростая задача. Психолог - специалист в области невербальных коммуникаций, знакомый, в частности, с техниками нейролингвистического программирования, способен оказать помощь следствию. Сбор у свидетеля информации о таких незаметных для обычного взгляда особенностях облика человека может облегчить поиск и идентификацию преступника. Кроме того, владеющий навыками психодиагностической и психотерапевтической работы психолог может существенно упростить и проблему установления контакта со свидетелем. Оценке специалиста могут быть подвергнуты и показания свидетеля на предмет установления психологических предпосылок их достоверности.

Успешное решение задач, связанных с участием в производстве конкретных следственных действий, требует от психолога не только высокой научной квалификации, но и соответствующей специализации, владения методами нейро-лингвистического программирования, экспресс-диагностики, психотерапии, психологической оценки достоверности показаний, умения использовать имеющиеся знания для практической организации деятельности следователя.

И наконец, еще одна, возможно, наиболее перспективная сфера приложения специальных познаний, - ***длительное участие специалиста-психолога в расследовании.*** В этих случаях специалист выступает ***в качестве постоянного консультанта*** следователя и наряду с уже перечисленными решает другие, чрезвычайно многообразные и заранее не определенные задачи: помогает следователю увидеть проблемы, требующие психологического осмысления, интерпретировать полученные сведения о личности посягателя, свидетеля, потерпевшего; оказывает профессиональную помощь в разработке версий о причастности, в установлении психологических причин, способствующих совершению преступления, и пр.

Например, в криминальной психологии накоплен значительный материал о лицах, склонных совершать серийные убийства на сексуальной почве. Перспективной формой актуализации этого материала может стать привлечение к расследованию психолога-специалиста. Он, действуя в составе следственной бригады, будет иметь возможность участвовать в обсуждении хода следствия, в разработке версий о причастности, в составлении психологического портрета разыскиваемого, в определении вероятностных психологических механизмов конкретного преступления, решать некоторые другие заранее неопределяемые задачи. Не исключено подобное участие психолога и в делах иных категорий.

Использование психолога в качестве постоянного консультанта предъявляет особенно высокие требования к выбору специалиста. Помимо уже указанных качеств он должен хорошо ориентироваться в специфике следственной работы.

Таким образом, изучение современной практики участия психолога в уголовном судопроизводстве выявило, что законодательная база введенного в 1961 г. процессуального института специалиста недостаточно разработана и отстает от потребностей юридической практики. Так, в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации следователь вправе вызвать специалиста для участия в производстве следственных действий, но за рамки следственных действий выходят общеконсультативная деятельность специалиста-психолога, его консультативная деятельность по оценке экспертных заключений, деятельность, связанная с участием в расследовании в качестве постоянного консультанта, и пр. Другими словами, многие встречающиеся и практически полезные виды деятельности психолога-неэксперта не укладываются в процессуально предусмотренные рамки и выступают в качестве внепроцессуальных. Чтобы повысить эффективность и надежность результатов внеэкспертной деятельности психолога, осуществляемой в процессе судопроизводства, необходимо решить проблему совершенствования законодательной регламентации его деятельности. Более четкая разработка вопросов, связанных с процессуальной определенностью положения психолога-неэксперта, безусловно будет способствовать и расширению практики применения психологии в судопроизводстве.

---

[1] *Научно-практический* комментарий к Уголовно-процессуалыюму кодексу РСФСР / Под ред. В.М. Лебедева. 2-е изд. - М., 1997. - С. 160.

[2] *Винберг А.* Специалист в процессе предварительного расследования.// Социалистическая законность. - 1961. - №9. - С. 31.

[3] *Гольдман А.М.* Основания и формы применения специальных познаний в советском уголовном законодательстве.// Вопросы экспертизы в работе защитника. — Л., 1970. — С. 27—44.

[4] *Бюллетень* Верховного суда РФ. - 1997. - № 1. - С. 20.

8.19. Нетрадиционные психологические методы раскрытия и расследования преступлений

Использование психологического портрета предполагаемого преступника. Наиболее часто психологический портрет составляется при раскрытии: убийств на сексуальной почве с признаками садистского истязания жертвы (потрошения, посмертных колотых и резаных ранений, манипуляций преступника с телом жертвы, причинения увечий жертве и т.п.), серийных убийств, ритуальных поджогов и взрывов, изнасилований и других тяжких преступлений.

Рекомендации ВНИИ МВД РФ, согласованные с Генеральной прокуратурой РФ (в зависимости от характера информации, содержащейся в уголовных и оперативно-поисковых делах), предлагают в психологический портрет преступника включать следующие характеристики: а) общее описание особенностей личности и доминирующей мотивации преступления; б) индивидуальные особые признаки личности (привычки, склонности, навыки, стереотипы и т.п.); в) возраст; г) район места жительства; д) район места работы, службы, учебы; е) описание иных мест вероятного обитания; ж) уровень образования и профессиональной квалификации; з) род занятий; и) особенности происхождения, родительской семьи и личной истории жизни; к) семейное положение; л) наличие детей; м) отношение к различным видам деятельности (труду, службе в армии, к спорту, медицине, к работе с людьми и т.д.); н) наличие прошлой судимости и вида прежде совершенных преступлений; о) наличие психической или физической патологии, уродства; п) антропологические и функциональные особенности преступника (внешность, телосложение, мимика, пантомимика, особенности речи и т.п.). Помимо указанных могут быть сформулированы и иные характеристики подозреваемого лица.

Для составления обоснованного психологического портрета необходимо собрать информацию о: 1) дате совершения преступления, времени и дне недели; 2) дате обнаружения трупа жертвы; 3) месте обнаружения трупа с подробным его описанием, а также подробным описанием и фотографированием всей обстановки места происшествия; 4) погодных условиях на момент совершения преступления; 5) потерпевших (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, возраст, адрес местожительства, адрес места работы или учебы, род занятий, чем занимались непосредственно перед нападением, рост, вес, телосложение, выраженность вторичных половых признаков, семейное положение, наличие судимости, особенности одежды и т.п.); 6) содержании судебно-медицинской экспертизы (причина и время смерти, число и характер нанесенных повреждений, прижизненность или посмертность нанесения повреждений, использованное орудие для нанесения повреждений и др.); 7) характере действий предполагаемого серийного преступника в отношении жертвы (признаки использования в преступлении автомототранспорта; признаки доставки жертвы к месту обнаружения на автомобиле, мотоцикле, велосипеде, тип и марка предполагаемого автотранспортного средства; наличие признаков того, что жертва была доставлена к месту обнаружения трупа живой, выброшена из автомобиля; наличие признаков паркования автомобиля и следования преступника и жертвы до места обнаружения трупа пешком; наличие следов волочения трупа; использование связывания жертвы; наличие орудия преступления на месте происшествия; совершение с жертвой сексуальных актов и форма их; придание телу жертвы определенного положения; совершение сексуальных действий после смерти жертвы или посмертных действий с телом; введение в анус или другие естественные отверстия тела каких-либо предметов; наличие признаков вампиризма; отсечение частей лица и головы, гениталий, грудных желез, ягодиц, рук, ног, пальцев, головы; обнажение тела - прижизненное, посмертное, полное, частичное, верхней части тела, нижней части тела; наличие признаков полового обезличивания трупа жертвы; наличие разрезания или разрывания одежды; изъятие преступником каких-либо предметов или одежды жертвы; наличие признаков и способа удушения жертвы); 8) расстоянии от места обнаружения трупа до места жительства и работы жертвы; расстоянии до ближайшего населенного пункта и транспортной магистрали; характерных предметах, метках, надписях, оставленных преступником на месте преступления и теле жертвы.

Исследование нескольких десятков убийств позволило установить следующие зависимости:

• чем старше преступник, тем реже, но длительнее серия преступлений и, наоборот, чем он моложе, тем выше частота криминальных эпизодов (эта зависимость позволяет ориентировочно судить о возрасте преступника);

• имеет место тенденция к прямой связи между возрастом виновного и возрастом выбираемых жертв.

Имеется опыт составления обобщенного условного портрета маньяка, совершающего серийные убийства на сексуальной почве. Один из таких подходов (проф. А. Бухановский) основан на выводе, что «...это мужчина, либо родившийся в местности с плохой экологией, либо получивший родовую травму, патологическую наследственность. Он интраверт, своим миром живет больше, чем внешним. Не отличается буйным темпераментом и гибкостью мышления. Он родился в неполной семье либо отец присутствовал формально. Зато *его* мать - жестокая, деспотичная женщина. Ребенок раздражал ее, но она не могла в этом признаться, и воспитание вышло скорее ханжеским, внимание уделялось лишь внешним приличиям. *А* поскольку сын видел от нее одну только жестокость, агрессия по отношению к слабому стала его способом существования».[1]

Гипноз и расследование преступлений. Применение метода гипноза (гипнорепродукционного опроса) в процессе розыскных и следственных действий позволяет «оживить» следы пережитого опыта в памяти человека (потерпевшего, свидетеля или очевидца) и получить нужную дополнительную информацию. В УК РФ нет упоминания о применении гипноза при расследовании преступлений, поэтому гипнорепродукция может использоваться для оперативно-розыскных мероприятий. В связи с этим целесообразно говорить о «розыскном» гипнозе, правовой базой которого служит Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г.

Гипноз представляет собой измененное состояние сознания человека. Для этого состояния характерно явление частичной сенсорной депривации, и доминирующим внешним сигналом, осознаваемым субъектом, является слово оператора-гипнолога (раппорт). Словесное воздействие гипнолога вызывает яркие представления, и посредством слова он может управлять воспроизведением прошлого опыта личности. На фоне частичной сенсорной депривации соответствующее слово оператора-гипнолога активизирует только нужные функциональные связи, которые в бодрствующем состоянии не могут быть вызваны в силу влияния на сознание множества более сильных раздражителей.

Принципы повышения достоверности данных, полученных при опросе в гипнотическом состоянии, следующие:

• сеанс гипноза должен проводить гипнолог (психотерапевт или психолог), который получил специальную подготовку по проведению «розыскного» («следственного») гипноза и квалификацию гипнооператора. Предварительная информация о преступлении направляется гшшооператору только в письменном виде. Гипнооператор должен быть независим от органов розыска и расследования, лично незаинтересован в исходе данного дела;

• контакт гипнооператора с опрашиваемым должен быть задокументирован на аудио- или видеопленке с момента встречи и до полного окончания сеанса. Перед началом сеанса гипнооператор должен выяснить отношение субъекта к гипнозу и подробно опросить его об исследуемом событии в состоянии бодрствования. При этом запрещается использование наводящих и внушающих вопросов;

• в помещении, где проводится сеанс гипноза, должны находиться только опрашиваемый и гипнооператор. В случае необходимости другие лица могут наблюдать происходящее через одностороннее зеркало или на экране монитора;

• до сеанса гипноза показания опрашиваемого по устанавливаемым фактам должны быть письменно зафиксированы работником органа правопорядка.[2]

Метод гипноза используется в ситуации, когда опрашиваемый активно содействует раскрытию преступления, добровольно желает сообщить интересующую работников органов правопорядка информацию, но вследствие забывания не может ее вспомнить. По инициативе сотрудников органов правопорядка не могут быть опрошены в состоянии гипноза подозреваемые, обвиняемые или подсудимые. Но по собственной инициативе с согласия защитника они могут обратиться за помощью к гипнооператору для установления сведений, подтверждающих их невиновность. В данной ситуации запрет на использование гипнорепродукции нарушает права обвиняемого доказывать свою невиновность (ч. 2 ст. 70 УПК РФ).

В качестве противопоказаний для применения гипнорепродукционного опроса часто называют:

• гипнотизирование людей против их воли, а также в случаях, когда имеется отрицательная установка или страх перед процедурой;

• наличие состояния интоксикации, высокой температуры тела, а также случаи, когда возможно активизировать болезненные процессы в организме;

• наличие заболеваний, при которых осложнения могут быть вызваны волнением, связанным с сеансом гипноза (сердечно-сосудистая недостаточность, склонность к кровотечениям).

Использование экстраординарных психофизиологических («экстрасенсивных») способностей человека при раскрытии преступлений. К числу задач, которые возможно разрешить с помощью способностей экстрасенсов, следует отнести; 1) экспресс-диагностику криминальной ситуации; 2) поиск преступников; 3)раскрытие причин происшествий; 4) поиск пропавшего объекта.

В течение семи лет проводилось изучение возможностей «группового ясновидения» (руководитель эксперимента и три оператора). В качестве исходной информации использовались фотографии, письменные материалы, документы и ценные бумаги, в том числе фальшивые, личные вещи и предметы, краткие данные об объекте и ситуации. Фотографии людей были со сроком давности до 50 лет, удаление объекта в момент диагностики достигало 5000 км. Диагностирование велось в двух вариантах: непосредственное предъявление адресной информации оператору или предъявление ее дистанционно по телефону без визуального контакта. Диагностику проводили в виде анкеты с описанием основных характеристик объекта, ситуации или человека (возраст, профессия, особенности психологии, состав семьи, состояние здоровья, местонахождение, отношение к наркотикам и алкоголю и др.).

Проведенное исследование возможностей применения ясновидения в интересах криминалистики позволило сделать следующие выводы:

1) количество достоверной информации составило от 60 до 85% вне зависимости от места нахождения объекта и срока адресного источника исходной информации;

2) основным преимуществом экстрасенсивного метода диагностики является бесконтактность, конспиративность, возможность получения информации о человеке и объекте в условиях, когда другими методами их получить невозможно, а также когда требуется значительное время для сбора информации;

3) необходимо учитывать, что получаемая информация носит вероятностный характер, а ее достоверность зависит от условий работы оператора, его психофизиологического состояния, качества исходных данных и некоторых других факторов.

Имеются факты обращения работников органов правопорядка к экстрасенсам для получения сведений оперативного характера в 45 регионах России, причем в 20 регионах правоохранительные органы обращались за помощью к таким лицам систематически.

Использование нетрадиционных методов нуждается в дальнейшей разработке и проверке.

---

[1] Салина Е. Маленькие чикатилки // Московский комсомолец, 28.09.98.

[2] См. *Хабалев В.Д.* Применение гипноза для активизации памяти опрашиваемых лиц в деятельности зарубежной полиции. - Автореф. дисс. канд. псих. наук. - М.; 1997.

Глава 9. Психотехника в работе юриста

9.1. Психотехника речи

Понятие о психотехнике и психологических средствах. Слово «техника» употребляется в разных смыслах, в том числе как совокупность средств, используемых в каком-то труде. Его значение связано с древнегреч. techne — искусственный, искусство, мастерство. Производное от него слово «технология» понимается как «...предварительно определенный ряд операций, направленных на достижение некоторой цели или задачи».[1] Социальная технология — способ соединения научно обоснованных гуманитарных знаний с социальной практикой, с подходами, способами и средствами работы с людьми. Слово *психотехника* относится к сфере практической психологии и понимается как научно обоснованные психологические средства, приемы и операции при работе с людьми и решении прикладных задач. В этом смысле оно употребляется и в данном параграфе, а в главе — применительно к речевой деятельности работника органов правоохраны.

Техника включает много тонкостей, «мелочей», но подлинное мастерство — всегда тонкости. Мастер всегда подмечает и учитывает то, что менее компетентный не замечает, чему не придает значения. Этим и отличается мастер от ремесленника.[2] 30% опрошенных потерпевших, свидетелей и подозреваемых, с которыми у работников органов прокуратуры, следствия, милиции контакт не получился, к числу причин отнесли: низкую культуру речи работников, неумение владеть речью, мимикой и жестами, неопрятность и неаккуратность во внешнем облике и одежде, грязь и беспорядок в кабинете. Владение психотехникой предполагает наличие у профессионала-юриста определенных знаний по психотехнике речи, а также навыков, умений и привычек, которые формируются в процессе систематического использования знаний о них в практике.

К *основным психологическим средствам речи* относятся: собственно речевые (вербальные), неречевые (невербальные) и обстановочно-поведенческие. К первым принадлежит *слово* как основной феномен речи; к неречевым — *мимика, жестикуляция,* к обстановочно-поведенческим — *поза* и *передвижения* говорящего, *социальная дистанция* между ним и слушающим, *окружающая обстановка* (последнюю группу можно отнести также к невербальным средствам, но она не связана собственно с самими механизмами функционирования речи, в ней доминируют социально-психологические механизмы и психотехнология специфична).

Психотехнология каждой группы средств имеет свои тонкости, но успех приходит, когда они реализуются говорящим не раздельно, а взаимосвязанно, целостно, ибо таковы объективные закономерности влияния слова.

Прием профессионализации психотехники. Это основополагающий прием, определяющий все другие элементы психотехники речи. Речь разных людей по многим особенностям (региональным, национальным, культурным, образовательным и иным) различается. Одна из особенностей речи определяется профессией человека. Юридическая профессия, отличающаяся не только словарным составом, но и логическим строем, имеет свое особое предназначение. Она — средство решения профессионально-юридических задач, а поэтому эффективна, если обслуживает их решение. Поэтому речь прокурора, адвоката, следователя, сотрудника, несущего патрульно-постовую службу, инспектора по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, представителя правоохранительных органов, выступающего перед населением, обоснованно должна сильно различаться. Не вдаваясь в подробности, можно выделить ряд общих свойств профессионально-юридической речи. Основные из них:

• *поведенческо-деятельностный характер.* Речь, слово в юридической деятельности должны быть не простой передачей информации. Слово не может быть вырвано из системы правоотношений и морали. Его правильность или неправильность всегда несет в себе признаки справедливости—несправедливости, добра и зла, долга и ответственности. Оно воплощает их и без них быть не может. Поэтому к построению речи, к выбору слов прежде всего надо относиться с позиций этих критериев, соблюдая все правовые нормы и нормы морали. Надо чувствовать высокую ответственность за свои слова, ибо это слова представителя власти. Отсюда вытекают и другие требования: культуры, вежливости, уважительности к собеседнику, продуманности;

• *профессиональная направленность,* т.е. выраженное речевое намерение, нацеленность на решение стоящих задач, а в конкретном случае — стоящей при конкретном разговоре профессиональной задачи: установить психологический контакт, оказать воздействие, убедить,

переубедить, установить истину, разоблачить и пр. При этом все возможности речи, как инструмент работы, отбираются и видоизменяются для ее решения;

• *профессиональная адаптированность* — построение речи с полным учетом особенностей человека или группы людей, которым речь адресуется;

• *правовой профессионализм* — умение выражать мысли профессионально, используя профессиональные понятия и термины, строя предложения согласно требованиям кодексов и наставлений, используя профессиональные выражения и речевые обороты;

• *этичность* - доброжелательность, гуманность, соответствие речи моральным нормам и нормам этики и этикета.

Четыре правила, соответствующие этим свойствам, рекомендуют профессионалу готовить каждую свою речь, анализировать ее итоги, совершенствовать ее, ориентируясь на четкую выраженность этих свойств и правильность их проявления.

---

[1] *Стефанов Н.* Общественные науки и социальная технология. - М., 1976. - С. 182-183.

[2] По данным исследований, только 7% практических работников имеют минимальные представления о технике речи и как-то умеют правильно распоряжаться арсеналом речевых средств, а 54% считают эту технику такой мелочью, на которую не следует обращать внимания.

9.2. Психотехника использования речевых и неречевых средств

Прием речевого богатства и культуры. Речь — использование языка. Язык (в лингвистическом смысле) — это знаковая система, состоящая из слов, правил их произношения и согласования, служащая для общения, мышления, передачи и усвоения опыта. В языке и с помощью языка воплощаются, существуют и развиваются опыт и интеллект человечества и народа, говорящего на нем. Используя богатства языка, личность находит выражение во внутренней, внешней (громкой, озвученной) и письменной речи. Кажущееся непонятным и непознаваемым таинством человеческое мышление — это оперирование словами с заключенным в них смыслом и наглядными образами, подчиняющееся законам познания воспринимаемой реальности и формальной логики. Речь, слова, предложения — воплощение мысли, процесс мышления и передачи их другим людям. Внутренняя речь — речь про себя и для себя. Внешняя, громкая и письменная — в основном для других. Значительная часть юридической деятельности разных специалистов органов правоохраны протекает при доминировании речи. Поэтому профессиональное владение ею им крайне необходимо.

Связь внешней и письменной речи с внутренней можно выразить в такой формуле: кто ясно мыслит, тот ясно и говорит, и пишет. О приемах профессионального мышления шла выше речь. Поэтому здесь рассматривается только психотехника речи.

Слово — основной инструмент юриста. «Слово - великая сила, но надо заметить, что это союзник, всегда готовый стать предателем»,[1] — писал выдающийся русский юрист и пропагандист высокой профессиональной культуры П. Сергеич (П.С. Пороховщиков). Надо знать цену словам.

Чем большим запасом слов обладает юрист, тем легче ему в нужный момент подобрать самое лучшее, самое точное, самое яркое. Если у юриста беден словарный состав, ему трудно выражать точно свои мысли, и речь его начинает изобиловать примитивными, трафаретными и скучными словами. Затруднения с подбором слов, мучительные поиски наиболее подходящих портят впечатление от речи, отвлекают внимание слушающих, вызывают непроизвольное раздражение и являются одной из причин многословия, ненужных повторов.

Лучшие слова — это те, учат опытные юристы, которые подворачиваются на язык сами собой, легко и непринужденно. А.Ф. Кони писал: «Пусть не мысль вайю ищет слова и в этих поисках *теряет* время и утомляет слушателей, пусть, напротив, слова покорно и услужливо предстоят перед вашей мыслью в полном распоряжении».[2]

Слова и построенные из них словосочетания, фразы, предложения более действенны, если они точны, строго соответствуют сущности мысли юриста и тому смыслу, идее, пониманию, которые он хочет передать слушающему. Для этого пригодны лишь понятные слова и состоящие из них словосочетания, богатые по смыслу, яркие и впечатляющие. Далеко не единичны случаи, когда вроде бы знающий и говорящий о деле юрист тем не менее выражает свои мысли с помощью бесцветных, тусклых, затасканных, общих, мало что выражающих слов-штампов. Слушать его

скучно и трудно. Многие юристы, страдающие многословием, потому и многословны, что не в состоянии подобрать точные слова. Они сомневаются в том, что им удалось донести до слушающего свою мысль, а поэтому «пережевывают» ее, повторяясь несколько раз. Нередко это вызывает раздражение слушающих. Истинную ценность представляют лишь те высказывания, в которых, по замечанию А.Ф. Кони, «самые глубокие мысли сливаются с простейшими словами».[3]

Одно простое слово, один удачный эпитет иной раз могут сказать больше, чем длинные бледные рассуждения.

Выдающиеся отечественные юристы отличались бережным отношением к русскому языку. Они настойчиво рекомендовали использовать слова и речевые обороты, свойственные хорошему русскому языку, идущие из народной практики и языковых традиций, избегать увлечения иностранными словами. А.Ф. Кони писал: «Нужно хорошо знать свой родной язык и уметь пользоваться *его* гибкостью, богатством и своеобразными оборотами...».[4]

Плохое впечатление производит речь человека, если она засорена словами-паразитами типа: "так сказать", «как говорится», «значит», «понимаешь», «ну», «так», «в некотором роде», «и так далее», «и вот», «в общем и целом», «надо сказать», «говоря откровенно» и пр. Низкая культура речи, затрудняющая ее восприятие и снижающая ее воздейственную силу, обнаруживается в засорении ее «мычащими» и «блеющими» звуками — «м-м-м-м », «ёв-э-э ». Все это — «костыли хромого оратора».[5] Конечно, плохо, когда юрист имеет дефекты речи (заикается, шепелявит, сильно картавит). Тут ничего не остается, как компенсировать их особым усердием в проявлении других своих достоинств.

Обязательно соблюдение норм словоупотребления, произношения, ударения и грамматики. Нарушения этих норм вряд ли напрямую отражаются на профессиональных действиях, но определенное впечатление на собеседников производят, подмечаются ими, расцениваются как проявление низкой культуры, а порой — и умственных способностей, могут не способствовать повышению авторитета юриста, стать предметом насмешек.

В русском языке немало слов, ударением при произнесении которых нужно специально овладевать, используя справочники, словари, энциклопедии. Часты ошибки в произнесении таких слов: возбуждено, переведён, приговор, злббо, феномен, деньгами, алкоголь, обеспечение, осуждённый и др. Лексические погрешности и несообразности, неверные словесные обороты, нарушения требований грамматики наносят серьезный урон речи и престижу говорящего.

Прием использования всех речевых средств. Речь отличается многими особенностями, каждое из которых всегда усиливает ее эффект, а гибкое использование — эффективность в каждом конкретном случае.

Правило обоснованного темпа произнесения слов. Очень медленный темп (да еще в сочетании с невыразительностью) снижает активность, люди начинают отвлекаться, думать о своем. А состояние напряженности, в котором часто находится гражданин при встрече с представителем органа правоохраны, нередко повышается и доходит до нервной вспышки. В других случаях, при допросах, бывает целесообразно задать высокий темп, хотя надо иметь в виду, что такой темп затрудняет восприятие и понимание, быстро утомляет. Оправданно менять темп, используя, например, замедление для выделения важных слов, фраз, трудных для понимания мест. Иногда от плавного, размеренного темпа бывает полезно почти сразу переходить к очень быстрому темпу, требуя быстрых ответов. Темп связан с паузами, которые нужны не для того, чтобы отдышаться, а с целью дать обдумать ответ собеседнику или повысить его напряжение или волнение.

Прием выразительности. Грамотно поставленное речевое сообщение должно отличаться выразительной партитурой, призванной повысить эффективность его восприятия. Оно зависит от общей культуры и образованности юриста, особенностей его личности, отношения к жизни и делу. Правильно писал К. Чуковский, известный русский писатель и лингвист: «Чтобы повысить качество своего языка, нужно повысить качество своего сердца, своего интеллекта».[6] Кроме того, чтобы быть выразительным и убедительным, отмечал А.Ф. Кони, «Нужно знать предмет, о котором говоришь; нужно знать свой родной язык и уметь пользоваться его гибкостью, богатством и своеобразными оборотами; нужно не лгать, ложь отнимает у публичной речи *ее* силу и убедительность».[7]

Вместе с тем полезно применять и ряд *правил:*

• *эмоциональной выразительности (экспрессивности).* В словах, произносимых юристом, должны звучать его отношение к ним, вкладываемый смысл, адресность. Интонация слов правильна, когда она адекватна содержанию и значению слова в контексте фраз. Это не простая артистичность. Интонация обогащает смысл слова, обеспечивает его лучшее восприятие и

понимание собеседником, производит впечатление. По данным некоторых исследователей, понимание слова на 40% зависит от интонации, с которой оно произносится. Необходимо разнообразие, интонационное богатство произнесения слов. Монотонность, невыразительность произнесения слов наносит заметный ущерб эффективности разговора, и резервы его повышения остаются неиспользованными. Речь на одной ноте (какой она часто бывает на судебных заседаниях при зачитывании приговора) утомительна для слушающих и даже для самого говорящего (работают одни и те же мышцы речевого аппарата). Следует варьировать громкость, эмоциональность, тембр, но исключать форсирования голоса;

• *лексической выразительности* — использование точных, ярких, нестандартных, образных слов и словесных оборотов, синонимов, омонимов, терминов;

• *фонетической выразительности* — отчетливое, ясное произношение, изменение ритмики, громкости, ударений — дикция;

• *грамматической выразительности* — использование разнообразных словесных оборотов, ярко сформулированных выражений, применение уменьшительных и ласкательных слов, идиом, афоризмов, пословиц, дидактических повторов, подытоживаний и др.;

• *недопустимости срыва голоса.* Нельзя переходить на крик, а тем более на визг. Старая восточная мудрость гласит: «Если ты кричишь, значит, ты не прав и слаб». Это производит нехорошее впечатление на собеседника, утомляет, грозит появлением сиплости и потерей голоса, что не украшает представителя власти.

Неречевые (невербальные) средства. Слово действует не только своим содержанием и смыслом, но и всем комплексом обрамляющих его неречевых средств. *Психотехника использования невербальных средств сопровождения речи* связана с их использованием при разговоре, что существенно усиливает силу слов, а игнорирование ее может ослаблять и даже сводить действие слова на нет. Общее правило таково: говорить не только ушам, но и глазам слушающих.

Использование возможностей мимики. В широком смысле под мимикой понимаются выразительные движения мышц лица. В ней отражаются психическое состояние человека, отношение к окружающему, собственным высказываниям и действиям. В профессиональной психотехнике мимика используется для усиления речевого высказывания, воздействия на собеседника, установления психологического контакта, формирования впечатления о себе и своей позиции в разговоре, маскировки собственного психического состояния и отнршения к происходящему и даже для улучшения самочувствия. В ходе контактов с гражданами при решении важных для них задач у них непроизвольно усиливается наблюдение за мимикой представителя власти. Они пытаются нередко понять не только текст, но и подтекст, за словами угадать скрытый, действительный смысл их, уловить его отношение к информации, событию, к ним самим, как бы «читают лицо». Умение контролировать свою мимику, владеть ею для решения стоящей задачи — важное профессиональное умение работника органов правоохраны.

Следует взять за *правило всегда держать в поле внимания свою мимику:* продумывать, какая она должна быть, какая она есть, соответствует ли она ситуации, когда ее следует изменить и почему и пр. Многие работники не задумываются над тем, какое у них выражение лица, не знают, не отдают себе отчета в этом. Полезно начать с того, чтобы несколько раз посмотреть в зеркало со специальной целью — узнать, каким ваше лицо чаще всего бывает. У некоторых оно всегда угрюмое, озабоченное, недоброжелательное, отталкивающее, даже злое.

Правило продуманного выражения лица выражает целесообразность намеренно управлять своей мимикой, придавать с ее помощью то выражение лицу, которое будет способствовать желательному восприятию вас, ваших мыслей и поступков собеседником, другими людьми. Чаще всего в действиях работников органов правоохраны оно должно демонстрировать спокойствие, самообладание, уверенность, доброжелательность.

Необходимо *использовать все мимические средства для нужной выразительности своего лица.* Это прежде всего выражение глаз, направление взгляда, особый рисунок носогубных складок, складок лба, общее положение головы (обычное, прямое положение, высокомерно поднятый подбородок, наклон вперед с взглядом исподлобья и др.), движения мышц лица (в том числе мышц век глаз и окружающих, которые в первую очередь и определяют их выражение). Мимика многообразна и динамична и может отражать отношение говорящего к произносимым словам (их значимость для говорящего, вера в то, что он говорит, как понимает то, что говорит, как понимает слушающего и др.), психические состояния говорящего (радость, удовлетворение, внимательность, скуку, досаду, усталость, удивление, волнение, напряжение, гнев, растерянность

и пр.), отношение к собеседнику (безразличие, уважение, сочувствие, доброжелательность, пренебрежение, разочарование и др.), отношение к самому себе и своим действиям (волевую собранность, решимость, непреклонность, неуверенность в себе, недовольство собой, самодовольство, чванливость, подготовку к какому-то действию и пр.), некоторые качества (интеллигентность, ум, малообразованность, глупость, самообладание, волю и др.).

Правило выражения глаз отражает важнейшее значение выражения глаз при разговоре. Глаза справедливо называют зеркалом души. В пьесе «Сонет Петрарки» советского драматурга Н. Погодина есть такая сцена: в квартире двое ведут речь об одном хорошо знакомом им партийном работнике. Один дает такую оценку ему: «Он всегда произносит красивые партийные слова, но глаза у него при этом беспартийные». Работнику правоохранительных органов надо разговаривать со своим визави, как говорят, глаз в глаз, иметь контакт глазами и даже в уместных случаях просить его тоже смотреть в глаза и не отводить их. В большинстве профессий не должно быть раздвоения между содержанием речи и выражением глаз, мимикой, ибо одни и те же слова при разном выражении лица и глаз могут приобрести противоположный смысл. Можно говорить с серьезным лицом и смеяться только глазами. В профессии юриста бывают обстоятельства, когда глаза и вся мимика призваны маскировать его действительные состояния и отношения. Это требует артистизма и умения управлять собой.

Жестикуляция. Можно поделить все жесты, используемые в деятельности работников правоохраны, на группы:[8]

• иллюстраторы, подкрепляющие речевое сообщение, в том числе: указатели (палец, движение руки), пиктографы - картинное изображение формы и размеров предмета, идеографы — движения рук, моделирующие динамику какого-то события (например, движения руки с ножом при ударе по телу), отмашки — движения, как бы отбивающие темп речи;

• жесты-омонимы — заменители слов «подойдите», «садитесь», «привет», «уходите», «уберите», «до свидания», «ура!», «подождите», «плохо», «не верю», «ужас!» и др.;

• жесты-команды. Эта разновидность жестов предусмотрена, например, для работы инспекторов дорожно-патрульной службы, при строевых построениях («В шеренгу становись!», «В колонну становись!» и др.);

• аффекгоры - движения, отражающие отношение к действиям и словам собеседника и возникшие эмоции: согласие, несогласие, протест, сопереживание, осуждение, предупреждение (движение указательным пальцем), внимание и др.;

• регуляторы — кивок головой, направление взгляда, целенаправленное движение руками, демонстрирующее намерения говорящего: предложение собеседнику помолчать, подождать, прервать свою речь, что-то дать или передать и др. Есть ряд правил-рекомендаций по использованию жестов:

• *активно использовать возможности жестов при разговоре;*

• *не допускать бессмысленной жестикуляции — размахивания руками;*

• *избегать стереотипной жестикуляции* — использования только одного-двух постоянно повторяющихся жестов (например, «рубки воздуха», «указующего перста»).

Поза. Поза говорящего оказывает психологическое влияние на собеседника и выдает отношение к нему, отношение к себе, уровень культурности и этичности, психическое состояние, намерение и др. Она сказывается и на восприятии слов, может соответствовать их реальному смыслу или противоречить ему; правильные и красивые слова могут восприниматься как лживые, как пустая формальность. Представим себе работника, сидящего небрежно и расслабленно развалясь на кресле, закинув ногу на ногу, с цигаркой в зубах, перекидываемой из одного уголка рта в другой, со скрещенными на груди руками. Что бы он ни говорил пришедшему к нему гражданину о том, что он его уважает, сочувствует и внимательно разберется с заявлением, можно с уверенностью утверждать, что эти слова не будут восприняты как честные и искренние, а в конечном счете урон будет нанесен не данному сотруднику, а пострадает авторитет власти, правоохранительного органа, вера гражданина в свою защищенность, справедливость. Потому разумно принимать ту позу, которая точно рассчитана на психологический эффект, соответствующий целям речи. В общем случае она призвана свидетельствовать о культуре, ответственности, требовательности к себе, уважительности к собеседнику, внимательности к его словам. Признаки ее: строгая прямая посадка, наклоненный чуть вперед корпус.

Походка. Походка может немало сказать о человеке и определенным образом характеризует его психологию. Достаточно четко различается походка людей, уверенных в себе и неуверенных, обладающих большим самомнением и нетребовательностью к себе, распущенных и расхлябанных

и получивших хорошую школу в армии, находящихся в состоянии расслабленности и отдыхающих, взволнованных и озабоченных, настроенных решительно и трусливо, чего-то опасающихся и пытающихся не обратить на себя внимание, готовящихся к какому-то действию и др. Ее особенности можно подметить, глядя на человека спереди, сбоку и даже сзади, издали и с небольшого расстояния. Даже не очень наблюдательный человек, заметив движущегося, например, на посту сотрудника милиции или приближающегося к нему, интуитивно угадывает некоторые его особенности, состояния и намерения.

Поэтому *правило* первое заключается в том, что любому работнику органов правопорядка при выполнении профессиональных обязанностей *следует стараться оценить роль своей походки в данной ситуации и избирать ту, которая подходит к ней.* Понимая психологическую значимость своей походки, отрабатывать постоянно и упорно нужную.

Естественно *правило* сотрудников органов милиции, военнослужащих внутренних войск *ходить с соблюдением требований уставов, четким, твердым, уверенным шагом.* Уверенность в походке желательна и работникам других органов правоохраны.

---

[1] *Сергеич П.* Искусство речи на суде. - М., 1988. - С. 37.
[2] *Кони А.Ф.* Собр. Соч. Т. 4. - С. 142.
[3] *Кот А.Ф.* Указ. соч. - С. 124.
[4] Там же. -С. 144.
[5] *Матвиенко Е.А.* Судебная речь. Минск, 1972. - С. 236.
[6] *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 3. - М., 1966. - С. 236.
[7] *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 4. - С. 142-143.
[8] Трубочкин В.П. Культура и техника речи преподавателя. - М., 1995. - С. 14-15.

9.3. Психотехника построения высказываний

Рассмотренные выше вопросы затрагивают элементы речи, но свои особенности имеет речевое сообщение как целое, в котором воплощается все содержание разговора, а полное взаимопонимание и согласие возникают лишь после того, как будет рассмотрено все до конца. Существует ряд закономерных требований и условий психологического плана, которые воплощаются в ряде психологических приемов и операций-правил.

Прием психологически обоснованной композиции речевого сообщения отражает необходимость строить его продуманно, так, чтобы оно отвечало специфике данной юридически значимой ситуации и принесло успех.

Правило приоритетности цели сообщения. Построить сообщение правильно — значит прежде всего отчетливо представлять его цель. Такой целью всегда выступает юридический, правоохранительный результат, связанный с решаемой работником органов правоохраны профессиональной задачей. Достижению цели подчиняется не только содержание речевого сообщения, но и отбор элементов речи, их комплексирование и особое использование.

Правило решаемой психологической задачи. В конечном счете все психологические задачи, приемы, действия, правила речевого сообщения и обмена в деятельности профессионала — не самоцель, в разговоре тем более. Они подчиняются достижению цели, обслуживают процесс получения нужного профессионального результата, обеспечивают его полноту и полное соответствие поставленной цели. Поэтому и вся психологическая технология определяется целью и психологической задачей. Такими психологическими задачами, решаемыми в деятельности профессионалов юридических органов с помощью речи, могут быть: достижение отношений взаимопонимания и стремления к установлению истины, снятие психологических барьеров, мешающих этому и могущих иметь место у партнера по разговору, правомерное психологическое воздействие, согласие с требованиями и решением профессионала органов правопорядка, достижение психологического контакта в интересах установления истины и др. Правильный отбор психологической задачи или задачи, отвечающей цели, и составляет суть выполнения данного правила. Каждая из задач реализуема при использовании соответствующих психотехник, речевых и неречевых средств в комплексе.

Правило содержательной и смысловой проработки задачи. Отбор содержания (о чем говорить?) строго подчиняется психологической задаче и цели. «Сорные мысли несравненно хуже сорных слов», — писал П. Сергеич.[1] Планируемое и реализуемое содержание разговора

верно, если оно строго логично и структурированно, т.е. складывается из последовательной цепочки вопросов и подвопросов, находящихся в «сцеплении» между собой и обоснованно перетекающих один в другой. Выстраивая логику, профессионалу надо идти к решению задачи и достижению цели, «идя от» собеседника-гражданина: как он будет понимать и воспринимать то, что я собираюсь говорить или спрашивать; что и как надо изменить в их психике, чтобы решить задачу; какие психотехнические средства надо использовать для этого. У многоопытного юриста все логично, все к месту, ничего лишнего. Но молодому, овладевающему высотами профессионализма, не следует жалеть время на то, чтобы делать все это тщательно. Полезно, например, тщательнейшим образом разработать план допроса, наметить логический ряд вопросов и подвопросов, продумать их взаимосвязь, последовательность, достаточность и одновременно отсутствие лишнего, уводящего в сторону, сопровождать их одним или несколькими рисунками-схемами связей, знакомств, точек соприкосновения эпизодов, показаний разных лиц, проходящих по делу, по какому-то сложному, противоречивому и требующему установления истины вопросу и т.д. Рассматривая написанное и нарисованное, оценивать его целостность и логичность, вносить коррективы, переписывать заново, если надо.

Правило лексической проработки задачи. Хорошо сказать — не только ответ на вопрос «о чем сказать?», но обязательно и «как сказать, какими словами?». Это во многих случаях важно, но в юридической деятельности особенно. Слова следует подбирать так, чтобы точно выразить содержание и реализовать задумки, чтобы у партнера по общению не вызвать реакций, которые сорвут разговор.

Правило адаптации «словесной партитуры» речи к особенностям собеседника. Общие требования к словам и выражениям — требования правовые и культурные, но чтобы сделать речь понятной для конкретного собеседника, разумно ее упрощать. В разговорной практике работников органов правоохраны нередко употребление слов служебного сленга и уголовного жаргона, даже разговор на «блатном языке». Вряд ли это правомерно при выполнении официальных действий, регулируемых Уголовно-процессуальным кодексом, но дает результаты при речевом контакте с закоренелыми представителями уголовного мира. У^них возникает представление об определенной психологической «ниточке», связывающей с ними работника правоохранительного органа, о его хорошей осведомленности о их жизни, о том, что он может их понять. Иногда это помогает решить в разговоре определенную задачу.

Правила речевой культуры. Речь работника органов правоохраны при официальном разговоре с гражданами должна отвечать требованиям государственно-правового статуса и нормам цивилизованного, служебного и делового общения.

Правило нормативной вежливости обязывает всегда соблюдать требования соответствующих правовых документов.

Правила речевого этикета — требование соблюдения культурных правил речевого поведения, принятых в обществе. Многие из них непосредственно связаны с обычными действиями профессионала и выражаются в:

• *правиле приветствия* («Здравствуйте...»),

• *правиле представления* (например, «Инспектор... дивизиона дорожно-патрульной службы капитан милиции Иванов»);

• *правиле культурного обращения* («Вы», а не «ты» и пр.);

• *правиле приглашений, пожеланий, просьб* («прошу Вас явиться...», «настоятельно советую Вам», «желаю Вам» и пр.);

• *правиле выражения одобрений* («я рад», «спасибо», «благодарю» и пр.),

• *правиле тактичного выражения неодобрения* («к сожалению», «мне неприятно, но мой долг обязывает»);

• *правиле извинения при допущении ошибок;*

• *правиле прощания.*

Правило правовой языковой культуры предполагает свободное владение профессиональным юридическим языком, построением выражений, точным знанием многих законов и иных нормативных документов.

Правило общей языковой культуры обязывает максимально использовать богатства родного языка, его словарного запаса, речевых оборотов. Хорошо, когда речь юриста насыщена к месту живыми высказываниями, народными пословицами и поговорками, уместным цитированием мыслей и высказываний выдающихся людей, выдержками из стихотворений, поучительными фактами и пр. «Знание есть монета свободного обращения, и хорошая мысль, хотя бы сказанная и

написанная давно, не умирает»,[2] — писал П. Сергеич. Особым богатством должна отличаться речь адвоката, сотрудника кадрового аппарата, ответственного за работу с персоналом, тех работников, которым часто приходится выступать в средствах массовой информации и перед населением и др.

Правило смысловой культуры заключается в стремлении и умении содержательно, логично, точно, четко, ясно выразить в словах свои мысли, чувства, отношения по принципу «словам должно быть тесно, а мыслям просторно».

Соблюдение законов и норм формальной логики. Формальная логика — учение об общих законах и требованиях к построению доказательств и опровержений. Основные требования ее в речи юриста воплощены в ряде правил.

Правило тождества — всякое утверждение надо формулировать точно, однозначно, не допуская возможности двойственных толкований. Чем яснее и точнее сформулирована в речи мысль, тем больше шансов, что она будет качественно усвоена слушателем и поможет решить психологическую задачу.

Правило непротиворечивости. Если два высказывания об одном и том же содержат определенные противоречия, то они не могут быть истинными. Очевидно, что такое недопустимо в речевом сообщении юриста. Его суждения должны быть согласованными, точными.

Правило аргументации. Речевое высказывание строится правильно, если содержит не только утверждения, но и их аргументацию. Формальная логика требует, чтобы тезис (исходное положение, истинность которого требует доказательств) дополнялся аргументом (доводом, обоснованием). Спекулятивная, недостоверная, сомнительная, поверхностная аргументация — не для юридической речи.

Правило достаточного основания дополняет и развивает предыдущее. Утверждение правильно, если оно должным образом обосновано, если есть не просто аргументы, а достаточные, основательные аргументы, безусловно и точно подкрепляющие истинность утверждений. Речевое сообщение юриста эффективно, если обоснованиям, аргументации отводится больше внимания, чем прямым утверждениям.

Прием варьирования техникой речи в процессе высказывания. Его основаниями выступает необходимость заботы о том, чтобы все средства речи не только использовались, но и варьировались в полном соответствии с ее содержанием.

Правило разнообразия заключается в рекомендации намеренно разнообразить психотехнику речевого высказывания, делая это, конечно, в согласии с его логикой и содержанием. Плохо говорить только языком статей и инструкций, только в тоне обвинений, только утверждений без доказательств, только ровным невыразительным тоном (в свое время А.С. Макаренко говорил, что если все и все время говорили бы с ним ровным и спокойным голосом, он бы, наверное, повесился), только перечислением цифр или зачитыванием извлечений из протоколов и пр.

Правило выделения требует особенно заботиться о массированном и обращающем на себя внимание слушающих выделении всеми техническими средствами важнейших положений высказывания, промежуточных констатации и выводов, заключений.

Правило живой разговорной речи констатирует факт наибольшей понятности для слушающего живой разговорной речи. Не все в высказываниях юриста должно быть выполнено в ее стиле. Но там и тогда, когда это возможно, ею надо воспользоваться, оторвавшись от бумаг. Живая речь всегда более разнообразна, эмоциональна, выразительна, Бездейственна, ориентирована на человека, его реакции, чем чтение с опущенной в бумаги головой.

Правило выбора стиля речи. Стиль - единство выразительных, образных речевых, неречевых и иных средств речи, обладающее некоторыми особенностями, определяемыми объективными и субъективными обстоятельствами, особая манера строить речь. Речь человека на работе, дома, с друзьями, на суде и в других местах различается стилевыми особенностями. Бывают и служебные обстоятельства, требующие гибкого видоизменения стиля в зависимости от того, с кем говоришь, о чем, чего нужно добиться в итоге.

Прием диалогичности. В юридической деятельности речь не часто имеет строго монологический характер. Можно вспомнить речи прокурора, адвоката, выступления перед населением, с докладами на служебных совещаниях, при проведении занятий с персоналом и др. Большую же часть времени занимает ее диалоговая форма. Ее значение определяется и интересом юриста к тому, чтобы говорил больше собеседник. Поэтому необходимо специально поощрять собеседника к высказываниям («разговаривать» его), задавать вопросы, не перебивать, внимательно слушать.

[1] П. *Сергеич.* Указ. соч. - С. 29.
[2] П. *Сергеич.* Указ. соч. - С. 71, 69.

9.4. Психотехника речевого доказывания и опровержения возражений

Прием доказывания. Речевой обмен в деятельности юриста очень часто выступает в ситуациях противостояния, противоборства, конфронтации и носит характер доказывания собственных утверждений и выводов, а также опровержения возражений оппонента — заявителя, правонарушителя, задержанного, взятого под стражу, подозреваемого, обвиняемого и даже порой свидетеля и потерпевшего и пр. Юрист должен чувствовать себя в таких ситуациях как рыба в воде, ибо для его профессии они не исключение, а норма. Он должен быть искусным в ведении дискуссий и доказываний. В арсенале средств, используемых при этом, немалое место принадлежит речи и ее средствам.

Прием доказывания направлен на полное и убедительное обоснование сообщений (тезисов) и достижение их глубокого и осмысленного понимания слушающим и, что важно, признание им правоты работника органа правоохраны. Последнее зачастую выражается в его согласии подписать протокол, подтверждающий такое согласие. Поэтому в юридической работе мало повествовать, информировать. Чаще приходится неопровержимо доказывать истинность, снимать возможности опровержения, возражений со стороны слушающего-оппонента или спекулятивных обвинений им юриста в тенденциозности, несправедливости и других грехах.

В принципе есть две группы ***способов*** (методов, приемов, операций) *доказывания: риторические* и так называемые *спекулятивные.* Первые строятся на законах риторики, предполагающих фактически и логически обоснованные способы нахождения и использования нужного для доказывания материала, его расположения и словесного оформления. Вторые отличаются тем, что они опираются не столько на факты, сколько на умение их использовать уместно и подать в нужном свете, подметить словесные огрехи в высказываниях оппонента, поймать его на слове, использовать выгодный момент, чтобы добиться победы в споре. Они взаимосвязаны, и зачастую отнесение того или иного метода к определенной группе носит в значительной мере условный характер.

Риторические методы составляют основу доказываний. Они особенно уместны, когда партнеры по общению обоюдно стремятся к установлению истины. В юридической же деятельности чаще приходится встречаться с людьми, которые отнюдь не стремятся к истине, более того, стараются всеми средствами укрыть ее, пускаются в самые невероятные, вздорные, казуистические рассуждения, только чтобы затруднить юристу постижение истины. В разговорах с ними приходится в тактических целях преодоления препирательств использовать и спекулятивные способы доказывания, чтобы показать свое превосходство в словесной дуэли, дать почувствовать поражение собеседника в ней, вызвать у него растерянность, что обычно дает потом возможность перейти целиком к риторическим методам.

Наиболее применимые в юридической практике ***риторические способы*** таковы.

Правило ясности и точности употребляемых слов и рассуждений. Только очевидные, ясные и точные аргументы обладают высшей убедительностью. Чтобы так говорить, надо не только обладать ими, но и уметь высказать их. В море слов можно потопить доказательства, сделать очевидное пуганым и даже на все согласного собеседника побудить к возражениям.

Правило акцентуации. Свое высказывание даже малоопытный юрист старается продумать, особенно когда готовится к намеченной встрече и предвидит трудный разговор и препирательства оппонента. При высказывании следует реализовывать свой план четко, «отливая» свои мысли в точные слова и выражения, соответствующие фактам и имеющейся у него информации. Темп не скорый. Следует помнить, что ты продумал все, а оппонент впервые слышит доказательства и ему надо понять, оценить их. Достигается это повторением, детализацией, краткой формулировкой, выделением тоном, подчеркиванием, обращением внимания слушающих на ключевые слова, на элементы формулировок или доказательств.

Правила адаптации к особенностям оппонента. Прежде всего надо учитывать степень его правовой подготовленности. Большая часть граждан, с которыми юристу приходится иметь дело, отличается низким уровнем. Речь, состоящая только из юридических понятий, может быть не понята на 90%, а то и больше. Психологические особенности оппонента могут характеризоваться и не очень изощренным умом, слабой способностью быстро схватывать слышимое. Типичный

случай — оппоненты находятся в состоянии высокого внутреннего напряжения, стресса, которые отнюдь не способствуют уяснению доказательств и аргументации. Учитывая это, разумно излагать их в медленном темпе, чеканными формулировками, при необходимости повторяя самое главное, делая акцентуированные промежуточные заключения и выводы («Таким образом, первое... второе...», «Из того, что я только что изложил, следует...»).

Правило фактологической обоснованности. Факты — основа доказательств. Во всех юридических доказательствах первое и последнее слово принадлежит им. Особую доказательность имеют сопровождаемые речь вещественные доказательства, фотографии, цифры (в отличие от слов они обладают особой психологической убедительностью) и др.

Правило фундаментальности. Уместно и весомо звучат аргументы и обоснования, базирующиеся на положениях науки (например, криминалистики), установленных ею закономерностях, на положениях учебных дисциплин, которые изучал ранее в образовательных учреждениях оппонент, приведении (чтении) цитат из авторитетных изданий.

Правило правовой апелляции — ссылка на что-то неопровержимое, уже установленное, ранее доказанное. Чем более основательны ссылки, тем убедительнее доказательства. В юридических делах приоритетное значение принадлежит ссылкам на положения законодательных установлений, вещественные доказательства, показания других лиц (особенно если их несколько и показания совпадают). Ссылаясь на нормативные акты, надо не просто называть их и упоминать номера статей, пунктов нормативных актов, но и зачитывать их, разъясняя и обращаясь к документам, комментирующим их.

Правило воспроизводства событий и действий при применении его обретает доказательную силу фактов. Работник правоохраны с помощью собеседника и других участников разговора переходит от словесного рассмотрения событий и действий к их воспроизводству. Например, при составлении акта о дорожно-транспортном происшествии участникам события и его свидетелям предлагается занять на дороге, местности позиции до возникновения происшествия. Затем последовательно рассматриваются их действия, передвижения и наблюдения по мере его развития. При этом относительно легко устраняются противоречия, неточности, пробелы, что повышает доказательность.

Правило графической доказательности рекомендует сопровождать рассуждения графическими изображениями на листе бумаги, экране или ученической доске. Психологически оправданна китайская пословица «Одна картина лучше тысячи слов».

Правило по аналогии — приведение аналогичного случая, сравнение с ним данного с обоснованием необходимости аналогичного решения.

Правило апелляции к разуму, логике и опыту. Многие люди не воспринимают положения правовых документов, которые к тому же написаны нередко сложным для понимания их юридически неподготовленным человеком. Негативное отношение к официозным формулировкам ассоциируется у многих с формализмом, нежеланием вникать в суть, непониманием жизни, чиновничьим стремлением не разобраться, а отгородиться от нее. Поэтому при доказательствах при общении с гражданами возможна и целесообразна апелляция к личному опыту, абстрактному примеру («встречаются случаи...»), логике рассуждений, разуму, справедливости, честности, достоинству.

Из ***спекулятивных способов*** можно упомянуть следующие.

Правило избегания осложнений. В сложный разговор, требующий упорного и трудного доказывания, не следует вносить дополнительные усложнения, которые нередко возникают из-за того, что юрист что-то неудачно сказал, не так выразился, без всякой пользы для дела чем-то задел оппонента. Можно предложить и оппоненту не осложнять ненужными поступками и реакциями разбирательство, «если он заинтересован найти общий язык». П. Мицич рекомендует:[1]

вместо формулировок, осложняющих разговор:	*подумать, не лучше ли сказать:*
Мы Вам поможем...	Вы можете добиться....
Все же Вы должны признать...	Не думаете ли Вы, что...
Когда-нибудь Вы поймете....	Согласны ли Вы с тем, что...
Я считаю...	Вы не находите, что...
Сейчас я Вам докажу...	Вы сможете убедиться...
Вы, конечно, не подумали...	Вам известно, что...

Выражения, которые приведены в левом столбце, в жизни, конечно, бывают значительно более резкими и унижающими оппонента, что в общем лишь усиливает необходимость говорить этично.

Правило ущербности альтернативы — доказательство от противного: «предположим...». Допущение тщательно анализируется, сравниваются весомость обоснований доказываемого положения и альтернативного, следствия того и другого. Нередко доказательство от противного — самое убедительное.

Правило «не давать козырей». Можно привести несколько бесспорных фактов и доказательных рассуждений, но стоит работнику правоохраны привести хоть один ошибочный факт (а это бывает при чрезмерном усердствовании доказать свою правоту, особенно при ощущении определенной слабости аргументации), как оппонент хватается за него и с выраженной обидой начинает кричать о несправедливости, тенденциозности и, без конца, в различных вариантах упоминая об ошибке юриста, забывает начисто об остальных, убедительных, доводах.

Таких козырей оппоненту давать нельзя. К такому же эффекту приводит и преувеличение, о котором верно говорят, что это — «одна из форм лжи... если правда имеет привкус лжи, собеседника лучше от нее избавить».[2]

Правило «в интересах возражающего» применяется достаточно широко. Однако если при доказывании, что в его личных интересах согласиться с доказываемым, порой употребляются такие призрачные перспективы и обещания, что ему становится ясно: его обманывают — такой спекулятивный эффект только усложняет ситуацию.

Прием опровержения возражений. Иногда все доказательства оказываются недостаточными и собеседник (участники разговора) выдвигает возражения, возникает дискуссия. В таких случаях содержанием речи становится *опровержение возражений,* которые тоже могут быть риторическими и спекулятивными. ***Риторические способы*** при этом могут быть следующими.

Правило «без ответа». Возражающий может наговорить всякое, причем нередко оскорбляющее или задевающее самолюбие доказывающего. Прием не рекомендует ввязываться в дискуссию по всем нападкам, соблюдать достоинство, стать выше мелочности и заняться наиболее существенными возражениями.

Правило недопущения утраты инициативы и увода дискуссии в сторону. Чувствуя силу доказательств юриста, свою слабость и неспособность что-либо возразить по существу, оппонент зачастую пытается увести разговор с опасного для него пути и перевести на другое, где он может говорить правду, почувствовать себя более сильным и якобы весомо возражать. Если не быть бдительным, можно поддаться на эту уловку, ослабить свои позиции. Поэтому нельзя терять инициативу разговора, следует говорить именно о том, в чем оппонент слаб, давать ему почувствовать это, «дожимать», пока тот не признает, что неправ, и согласится с доводами.

Правило озвучивания разногласий. Юрист уточняет и четко формулирует суть разногласий с целью их конкретного и четкого рассмотрения. Каждый из опыта жизни знает случаи, когда после долгих и горячих препирательств выясняется, что один думал, что речь идет об одном, а другой — о другом, что изначально не поняли, о чем речь.

Правило последовательного рассмотрения сути разногласий реализуется в последовательном детальном рассмотрении возражений, мнений и обоснований с четким заключением по каждому пункту.

Правило признания права возражающего на свое мнение рассчитано на предупреждение чрезмерной эмоциональности возражающего, перевода разговора на крик, голословных обвинений, способствует более внимательному отношению к словам юриста.

Правило требовать обоснованных возражений. Легко сказать «нет», «не так», «не согласен», но оппонент, возражая, должен представить обоснование своих возражений. Причем доказательность обязана быть на том же уровне. Он, как и юрист, должен обосновывать по тем же правилам аргументации. Об этом следует сказать оппоненту, и если таковых у него нет, то его возражения могут расцениваться не больше, чем сотрясения воздуха.

Правило признания слабостей в своих высказываниях и их недостаточной доказательности (если последний не видит их и не указывает на них, самому юристу инициативу в этом проявлять не надо). Такое действие всегда рассматривается гражданином как стремление юриста к установлению истины, повышает доверие к нему, создает благоприятную психологическую атмосферу для признания правильности его доказательств и собственной правдивости. Отрицание того, что очевидно, правильно в словах возражающего, подрывает весь разговор, который должен привести к истине, с которой был бы согласен и возражающий. Это настраивает его и на признание чего-то верного в доказательствах юриста.

Правило частичного согласия с возражениями оппонента. Ценность его — в действительном стремлении юриста понять и оценить возражения оппонента, в которых в самом деле может быть

резон, а серьезная оценка их может приблизить к истине. В дискуссии же его психологическая целесообразность (даже если профессионал юридического органа и не согласен с ним) в том, что он демонстрирует оппоненту справедливость отношения к его возражениям, а это, в свою очередь, как бы обязывает того соглашаться, хотя бы в чем-то, с юристом, с его опровержениями.

Правило «да, но» логично дополняет и продолжает то, что достигается предыдущим. При этом оказывается, что «да» — это то, что кажется правильным, если подойти односторонне, без учета других существенных обстоятельств. Получается, что «да» — это больше «но» и только подтверждает слабость возражений.

Правило контрвопросов — вполне понятное и распространенное. Чем прицельнее контрвопросы, чем точнее они «бьют» по слабостям возражений оппонента, тем они действеннее и тем больше способствуют торжеству доказательств.

Правило «про запас». Зачастую полезно выкладывать не все «карты на стол», а оставлять часть их на дискуссию, на потом. Так можно поступать даже с самыми убийственными доводами.

Правило использования противоречий оппонента. Внимательный и с хорошей памятью юрист обязательно подметит противоречия у оппонента, которые почти всегда бывают у человека напряженного, волнующегося, тем более если он что-то скрывает и его психическая деятельность осуществляется как бы в двух плоскостях. Профессионал всегда использует противоречия для установления истины, усиления своих позиций и для того, чтобы вызвать у оппонента растерянность и развить свой успех далее.

Правило «я на Вашем месте» часто используемый и приводящий нередко к успеху прием. Он позволяет продемонстрировать оппоненту, с одной стороны, что его положение юрист понимает, а с другой — к каким выводам надо прийти, если рассуждать честно и откровенно. При этом со всей очевидностью обнаруживается лукавство оппонента, умышленность и искусственность его рассуждений и возражений.

Правило ловушки. Бывает необходимо, как говорится, «поймать на слове» лживого и увертливого человека, обеспечить его саморазоблачение. Вот пример из юридической практики:

Задержанный в разговоре с оперативным работником отрицал участие в преступлении третьих лиц, но было подозрение, что в нем участвовали еще двое. «Кто был с вами третий?» — спрашивает сотрудник. «А второго вы уже задержали?» - проговаривается задержанный. Еще пример. Свидетель отрицал свое знакомство с задержанным (Николаевым). Вдруг следователь задает вопрос: «Скажите, по какому поводу у вас была стычка с Николаевым летом?» Свидетель задумался. «Нет, никакой стычки у меня с ним не было». «Вспомните получше. Лето, точнее, август, кафе...». Опять свидетель думает. «Нет, все было нормально».

Преимущество последнего слова. Если все же согласие не достигнуто, возражения полностью не опровергнуты, то положение работника органов правоохраны позволяет ему поставить точку в разговоре, четко сформулировав то, что он считает установленным.

Правило отсрочки может быть логичным продолжением или заменой предыдущего. Порой действительно бывает целесообразно, если цель не достигнута, отложить окончательный разговор, перенести продолжение обсуждения разногласий на некоторое время, предложив гражданину обдумать сказанное юристом, взвесить его аргументацию, припомнить дополнительно элементы события, по которым возникло разночтение. Хорошо перечислить вопросы, по которым уже достигнуто согласие и с обеих сторон возражений нет. Нередко после перерыва необходимость в дальнейшем устранении возражений гражданина отпадает вовсе и они преодолеваются успешно.

При безуспешности попыток опровергнуть возражения оппонента, не столько существенные, сколько зачастую демагогические (как это нередко бывает в юридической деятельности), пригодны в определенных случаях и *спекулятивные способы.* По опыту и мнениям разных авторов к ним можно отнести такие:

Правило «бон тон» — изысканной подчеркнутой вежливости, за которой прозрачно просматривается ирония и откровенное несогласие с возражениями оппонента.

Правило «атака — лучшая оборона». Работник обращает основное внимание не на опровержения, а на поиск новых доводов, на критику слабостей оппонента.

Прием народной мудрости. Порой приведением народной пословицы и поговорки можно ввести оппонента в смущение и дать ему почувствовать, что он не прав в своих утверждениях и возражениях («Пуганая ворона куста боится», «У страха глаза велики», «Яблоко от яблони недалеко падает», «Горбатого могила исправит», «У кривой Натальи все люди канальи» и пр.).

Прием анекдота. По психологической задумке и эффекту он близок к предыдущему.

Один из следователей, беседуя с очевидцем преступления, дававшим противоречивые показания, привел такой анекдот. Полицейский допрашивает свидетеля убийства, совершенного на улице среди бела дня. «Так вы утверждаете, что слышали оба выстрела?» — «Совершенно верно, господин полицейский. Когда он выстрелил первый раз, я находился в 25 метрах». - «А второй?» —«Думается, что тогда я был уже метрах в трехстах...» Может быть, и у вас так было? Вспомните хорошенько. Юмор, свойственный анекдоту, способствует разрядке, снятию атмосферы напряжения, что тоже может повлиять на признание каких-то упущений самим оппонентом.

Правило общего ответа реализуется в демонстрации опровержения всех возражений вместе, «вцепившись» в явную слабость или промах оппонента и создавая впечатление, что все возражения такие же и не стоит их опровергать.

«Правило выдергивания» близко к предыдущему. Берется какое-то слабое место в возражениях, оговорка, противоречие и критикуется со всей словесной силой, заставляя оппонента признаться, что здесь он неправдив, о чем-то умолчал, виноват, и почувствовать себя уличенным.

Правило перефразирования, утрирования, доведения до абсурда. Туманные, нечестные, лживые возражения и отпирательства оппонента в соответствии с

этим правилом пересказываются работником органов правоохраны так, чтобы была утрированно выпячена их слабая сторона. Становится очевидной слабость позиций не соглашающегося с доводами. Иногда это приобретает характер цепочки рассуждений, в которых все больше и больше обнажается несерьезность и ошибочность возражений.

Прием убеждений в бессмысленности препирательств, возражений, скрытности, лживости оппонента, повторяемый многократно, может приобретать характер индокринации этой мысли в сознание оппонента, особенно когда он выступает в качестве подозреваемого.

Перечисленные приемы, конечно, надо применять с умом и полным пониманием их уместности и допустимости. Одно дело официальные процессуальные действия, другое — работа оперативников, третье — выступления адвоката, четвертое — свободная дискуссия «по душам» сотрудника органов правопорядка с гражданином. Спекулятивные приемы во многих ситуациях вообще недопустимы.

---

[1] *Мицич П.* Как проводить деловые беседы. 2-е изд. - М., 1987. - С. 84.
[2] *Мицич П.* Указ. соч. - С. 82.

9.5. Психотехника Бездейственности речи

Бездейственность речи и ее основные формы. Речь обладает сильной воздейственностью. Речевое воздействие в психологии имеет статус психологического действия.[1] Роль речи в комплексе средств воздействия в целях установления и поддержания порядка, предусмотренного нормативными документами, достаточно велика. Речь воздействует прежде всего своим содержанием, тем, *что* сообщается. Говорят, что слово, речь острее ножа. То, что рассказывалось в предыдущих параграфах, тоже имеет отношение к Бездейственности речи. Но при почти полной идентичности содержания могут быть разные результаты, которые в числе других причин зависят от технически правильного, прицельного использования способов усиления воздейственности речи, что для работников органов правоохраны имеет повышенное значение.

В основе психотехники воздействия лежат различные возможности *форм речевого волеутверждения.*[2] Если расположить их по убывающей степени выраженности воли и разной воздейственности в деятельности работников юридических органов (отбросив в интересах лучшего запоминания практиками и прикладного их рассмотрения некоторые относительно несущественные детали), то можно выделить *пять основных форм.*

Первая — *приказ (приказание)* — наиболее императивная форма волеутверждения, отрицающая право другого на его обсуждение и нормативно обязывающая подчиниться и выполнить требуемое точно в устанавливаемый срок. Это распространенная форма в речи в общении начальников с подчиненными внутри самих органов правоохраны, предусматриваемая особыми нормативными уложениями — уставами. Возможна и необходима эта форма и при общении представителей власти с гражданами. Последнее просто необходимо при пресечении криминогенно опасных или преступных действий, необходимости немедленного наведения порядка в особых условиях, в местах лишения свободы, при отправлении судопроизводства и в других случаях. Приказание действует главным образом своим содержанием.

Основа же техники — в лаконичности, императивности содержания, «металле» в голосе, решительности и твердости во взгляде, мимике, жесте.

Вторая — *требование, указание* — императивная форма волеутверждения, близкая к приказу, но все же менее категоричная и императивная. Кроме того, правовая ответственность его адресата за невыполнение требования несколько снижена. Невыполнение приказа в условиях военного времени и в ряде других случаев предусматривает уголовную ответственность. Впрочем, и невыполнение гражданином, совершающим общественно опасные деяния, троекратных требований сотрудника правоохранительных органов дает последнему право на применение оружия. Требование же, например, сотрудника патрульно-постовой службы к гражданину, употребляющему нецензурные выражения, хотя и могут быть выражены в форме требования, но не влекут столь решительных санкций при его невыполнении.

Многие суждения или утверждения могут быть сформулированы в форме требования и технически сопровождаться, скажем, соответствующей интонацией и мимикой.

Третья - *предостережете, предупреждение.* Эта форма схожа с требованием, но волеизъявление здесь представлено в ином, упреждающем неправомерное или неразумное действие гражданина виде. Разъяснения и обоснования усиливают их воздейственность. По выразительности они менее императивны и жестки, чем упоминавшиеся выше, сопровождаются доброжелательными интонациями, выражением лица, однако не отрицают и выраженное волеугверждение.

Четвертая - *совет, предложение, рекомендация.* Они еще менее императивны, осознаются и работником правоохранительных органов и гражданином, подчиненным не как обязательные, построенные на разном подходе и понимании того или иного вопроса жизни или деятельности. Хотя они и ориентированы на выполнение определенных действий, но предполагают добровольность, возможность и не поступать так, как рекомендуется. Такая форма допустима, если речь обычно не идет о возможном правонарушении либо адресована человеку, который сам может правильно взвесить все и решить, следовать совету или нет.

Разновидность рекомендательной формы — *инструкция,* инструктирование, хотя временами они могут занимать промежуточное положение между советом и требованием. Их детальность и алгоритмизированный, четкий характер изложения как бы подчеркивают необходимость исполнения, причем пунктуального. Например, такова инструкция по неотложным мерам, адресованная работникам дежурной части. Иногда инструкция выступает в виде некоторого ориентира, который полезно держать в уме, но действовать нужно с головой, судя по обстановке. Таковы, например, алгоритмично построенные описания техник настоящей главы и гл. 5.

Упрек, словесное осуждение, критика - другие разновидности рекомендательной формы. Они особенно хороши, когда выражены в доброжелательном виде, содержат деликатно выраженный совет, совет от противного — как не надо было делать и как лучше поступать.

Пятая форма - *просьба.* Это самая деликатная форма волеутверждения, но в техническом арсенале работника и ей должно найтись место. Она хороша, как правило, для воздействия на добросовестных работников, рассчитана на их разум, понимание, лояльность, высокую правопослушность, а в других случаях — на воспитательные результаты. Нередко воздействия намеренно облекаются в такую форму, отвечающую самым высоким критериям гуманитарного общения, к которым стремятся наиболее интеллигентные и культурные люди, с уважением относящиеся к свободам и правам другого человека. Возможно ее использование и в виде так называемого авансирования доверия. Иногда это оказывается целесообразно, когда все примененные в отношении какого-то человека формы волеизъявления не принесли ожидаемого результата. Меняя стратегию воздействия, руководитель, сотрудник решает временно «отпустить вожжи» и говорит: «Ну ладно, нашему коллективу нужно то-то. Хочу просить тебя самому решить, можешь ли ты чем-то тут помочь. Прошу не спешить «с отмашкой», обдумай все хорошо, взвесь. Очень хочу верить в тебя, буду очень рад, если, давая неважную оценку тебе, я ошибался. Докажи, что ты разумный и достойный человек и можешь сам, без понуканий и жесткого контроля, сделать то, что нужно».

Все эти формы заслуживают применения к месту и ко времени. Их воздейственность опытные работники всегда сопровождают использованием всех возможностей, которыми располагают речевые и неречевые средства.

Содержательная воздейственность. Воздействие содержанием — это воздействие на другого при помощи его информирования. Особым построением информирования достигается большая или меньшая степень воздейственности.

Правило правового характера содержания речи определяет обязательность любых высказываний с позиций своего правового положения как представителя власти, работника юридического органа.

Правило законности и справедливости речевого волеизъявления. Любое требование, критика, совет словесно и по смыслу безусловно должны отвечать требованиям законности. Они должны быть ориентированы и на восприятие их гражданами как законных и справедливых. Если это не приказ или не требование, выполнение которых должно быть быстрым и безотлагательным, разумно обогащать их содержание ссылками на соответствующее положение правовых установлений, что подтверждает в глазах людей, которым они адресованы, право работников органов правоохраны на их выражение и их высшую справедливость. При формах волеизъявления, находящихся в нижней их иерархии, разумно включать в содержание речевых высказываний и разъяснения положений, и другие способы доказательств и опровержения возражений и несогласия.

Правило краткости и ясности содержит совет при любой структуре содержания быть ясным и предельно лаконичным в своих волеизъявлениях. Существует обратно пропорциональная зависимость между количеством слов и степенью воздейственности речевого высказывания. Известно, что команды всегда кратки, но их ясность обусловлена длительным усвоением военнослужащими, сотрудниками органов внутренних дел и другими, где применяются команды. Однако в общении с обычными гражданами, особенно когда работнику ясно, что кто-то из них низкообразован, не обладает правовой осведомленностью и пр., развертывание речевого высказывания необходимо, но во всех случаях оно должно быть информативным. Многое зависит и от решаемой задачи. Так, при массовых беспорядках длинные речи уместны лишь в определенных ситуациях, а в работе инспектора, решающего профилактическую задачу, воздейственность определяется не отдельными словами и фразами, а всем содержанием его речи.

Речевое высказывание, рассчитанное на повышенную воздейственность, должно воплощать *правило категоричности* с вариациями по формам. Вряд

ли правильно понимать это как сплошную категоричность, категоричность любой фразы, но ошибочна и другая крайность. Полезно учитывать, что категоричность воспринимается слушающим и как убежденность говорящего, что повышает воздейственность речи.

Правило акцентуирования. Образно говоря, не следует представлять себе речевое высказывание в виде прямой горизонтальной линии на графике, т.е. полагать, что в любой точке его оно будет одинаково Бездейственным. Даже не нужно, чтобы так было. Оправданно ориентироваться на определенные места в планируемом разговоре, сделав их максимально Бездейственными, используя все технические возможности такого акцентуирования. Достигается это всеми средствами выразительности, о которых сказано выше: замедлением темпа, повторением, интонацией, ударением, громкостью, мимикой, жестом, позой (подачей тела вперед), уменьшением дистанции и др.

Прием подключения неречевых средств. Воздейственность речи — *комплексный продукт слов и неречевых средств.* Они во многом прибавляют и в информировании собеседника, и во внушающем (суггестивном) воздействии говорящего на него. «...Знаковую роль играют не только сами знаки, но и их нарочитое торможение - выразительное отсутствие, - писал философ, историк и психолог Б.Ф. Поршнев. — Молчание - это не просто отсутствие речи, сплошь и рядом оно есть торможение и отмена речи или даже, можно сказать, антиречь».[3]

Правило имиджа рекомендует заботиться о том впечатлении, которое производит сам орган правоохраны и его представитель на партнера по общению. Важно само понимание необходимости делать это и намерение его реализовать в конкретном общении. Имеет значение одежда, форма, опрятность самого работника и его рабочего стола и все, что находит выражение в последующих правилах.

Правило позы обязывает занять ту позу, которая отвечает намеченному воздействию. В зависимости от задачи она может быть властной, решительной, уважительной, приглашающей к откровенности, угрожающей и др. В полиции за рубежом придают большое значение позе, например, при обеспечении безопасности: поза с широко расставленными ногами и сложенными на груди руками — поза властного, целиком уверенного в себе человека, всегда готового к решительным действиям. В ситуациях возникновения опасности со стороны правонарушителя соответствующие предупреждающие слова могут быть дополнены изменением позы и демонстрацией своей готовности к применению силы.

Правило решительного жеста, движения отмечает целесообразность в необходимых случаях сопровождать ими речевое высказывание, которому желательно придать повышенную воздейственность. Такие жесты нередко бывают естественными. Например, пожатие руки при встрече с гражданином демонстрирует в целом доброжелательность, вежливость, удовлетворение от встречи и пр., хотя характер рукопожатия может меняться в зависимости от того, какой оттенок надо придать встрече или даже обычным словам приветствия. Попытка осмыслить это выражена в таком описании: «...Рукопожатие много говорит о человеке. Бывают руки искренние. Когда такую держишь в своей, происходит легкий обмен токами, через касание передается взаимное доброжелательство, ладонь плотно прилегает к ладони, и нет в ней стремления изогнуться ладошкой внутрь, избегать прикосновения, отделаться формальным тисканьем костяшек пальцев. У человека безразличного в руке дряблость какая-то, пустота, ее отпускаешь с разочарованием. При любопытстве, заинтересованности рука входит во встречную ладонь чуть резковато, повышенно активно, задерживается дольше, ведет себя испытующе. Застревает и рука ищущая, подлаживающаяся, но она прилипчивее, как-то ерзает и консистенцией нежнее. Трусливость и неприязнь обнаруживают себя деревянным, коротким, необщительным пожатием без нарастания и расслабления, но с легким непроизвольным подергиванием к себе: такая рука стремиться освободиться раньше, чем следует».[4]

Если при встрече с гражданином в кабинете сотрудник встает, выходит из-за стола, идет навстречу, здоровается, предлагает словами и жестом сесть, — характер воздейственности один; когда он не выходит, даже не привстает со стула, не обменивается рукопожатием, то и все слова вслед приобретают волевой оттенок официальности, «сухости», ожидания неприятного для посетителя разговора, отрицательного отношения к нему. Волевой оттенок, принудительнъш характер воздейственности придают особые жесты и движения. К ним относятся: «секущее» движение руки, движение перед грудью сжатой в кулак кистью, то же движение, но обеими руками, прикосновение кулаком или ладонью к столу, указательное движение рукой, движение, именуемое «погрозить пальцем», движение вытянутой вперед ладонью — «Стойте!», «Подождите!» и т.п. Сотрудники органов внутренних дел, вооруженные дубинкой или пистолетом, в обусловленных законом случаях могут сделать жесты, демонстрирующие их решимость воспользоваться ими (приподнять дубинку, похлопать ею по своей ноге, прикоснуться рукой к кобуре).

Правило воздейственной мимики часто используется на практике. В уместных случаях речевое высказывание сопровождается общим изменением выражения лица, приданием ему доброжелательности, открытости, искренности, веселости, ироничности, сомнения, благодушия, суровости, строгости, решительности, непримиримости, недовольства, усталости и др. Это достигается изменением положения бровей, подбородка, носогубных складок, складок на лбу. Особое значение имеет выражение глаз, контакт глаз, улыбка, умение слушать, наклон тела вперед, обращенность к собеседнику анфас, а не боком или наискось. Не следует это значение понимать как однозначное. «Улыбкой можно выразить все, что угодно, легкое презрение и тихое обожание, надменную вежливость и нежную снисходительность... Но она же может нечаянно выдать тайное, сделать явным незримое, совершить предательство... Улыбкой можно проговориться».[5] То же можно сказать и о других элементах мимики: они могут утвердить, усилить смысл слов и фраз, но могут и ослабить и даже придать иной смысл им. Так, слова «Наши суды действуют с высокой эффективностью», сопровождаемые иронической улыбкой, переворачивают их смысл на противоположный. Такая улыбка может быть намеренной, рассчитанной, а нечто подобное ей или отраженное во взгляде — выдать действительный смысл для говорящего.

Правило неизменного самообладания. Всегда производит сильное впечатление на слушающего самообладание говорящего, а особенно представителя власти. За спокойствием всегда чувствуется сила, уверенность, несокрушимость, достойность. При любых перипетиях разговора, даже при словесных провокациях гражданина (задержанного, допрашиваемого, подозреваемого, обвиняемого и др.), выражающихся в грубости, насмешках, издевке, важно соблюсти выдержку, что само по себе продемонстрирует слабость провоцирующего, никчемность его мелочности и усилит действенность последующих слов работника органов правоохраны. Напротив, утрата выдержки, переход на ответное речевое поведение того же уровня психологически уравнивают разговаривающих, ставят их как бы на одну доску, выдают слабости того, кто не должен иметь слабостей и находится всегда на высоком незыблемом уровне права, возвышающегося над мелочной суетой.

Выбор и создание условий, повышающих Бездейственность речи. Выше уже отмечено, что любое речевое высказывание воспринимается и действует не как изолированная единица, но всегда в «обрамлении», единстве всех речевых и неречевых средств, в контексте поведения и деятельности, обстановки, прошлого и будущего, особенностей говорящего и слушающего. Нельзя это упустить юристу и при стремлении повысить эффективность своего речевого волеизъявления.

Правило авторитетности говорящего отражает факт зависимости воздейственности речи, слов от его авторитетности. Авторитетность представителя власти, работника юридического органа, должностного лица выражается в реальной авторитетности их, в правовой психологии народа. В свою очередь она сильно зависит от социальных факторов. На Западе придают огромное значение укреплению авторитетности любого работника органов юстиции, и в первую очередь полицейского («полиция — визитная карточка страны»), принимая комплекс мер, начиная с внешнего вида до достойной заработной платы. Считается, что полицейский, неся службу на глазах у граждан, должен непременно иметь респектабельный внешний вид, который говорит им о многом и прежде всего об уважении к нему государства, хорошем состоянии дел в полиции, о самодисциплине самого полицейского и его отношении к своему долгу и окружающим. Значение придается качеству, состоянию и ношению полицейской униформы, к созданию которой привлекаются лучшие западные дизайнеры и модельеры. В свою очередь престижная экипировка обязывает того, кто ее носит, соответствовать, быть на высоте положения. Она создает и имидж полицейской службы, давая сотрудникам уверенность в себе, увеличивает доверие граждан к возможностям полиции и желание помогать ей. Считается, что полицейский должен быть представительным и вызывать уважение своим высоким ростом, телосложением, весом и даже привлекательным лицом.[6]

Реальная же авторитетность, как межличностный феномен, зависит от авторитетности личности конкретного работника, которая возникает и может достичь больших высот в опыте общения конкретных двух людей или работника и группы граждан (личностно-групповой социально-психологический феномен). О последнем и следует озаботиться тому, кто хочет повысить эффект своих речевых воздействий.

Правило психологической ориентированности предполагает хорошее знание психологии собеседника и планирование применения техники речи, отвечающей его особенностям. В процессе разговора следует постоянно наблюдать за собеседником, изучать его.

Правило контекстной воздейственности содержания определяет целесообразность такого акцентуирования, которое усиливает свою воздейственность предшествующим опытом общения данных лиц либо расчетливым началом разговора работником органа правоохраны, который готовит переход к главной, «ударной» части разговора.

Правило обстановочной воздейственности констатирует уже описывавшуюся зависимость любого человеческого контакта от условий окружающей обстановки. Любой работник юридического органа поступит правильно, если правильно выберет обстановку для предстоящего разговора, который должен быть воздейственным. Это может быть конспиративная встреча, встреча с глазу на глаз или в присутствии других, на службе или дома и пр. Такое надо продумать.

Правило временной воздейственности возвращает нас к общей зависимости, играющей роль и для воздейственности речи. Решающие слова могут быть сказаны, например, следователем после многомесячного труда по расследованию преступления, когда есть определенные основания для них. Сказанные раньше или позже, они не принесут никакого результата. Нужно выбрать какое-то место в предстоящем разговоре в качестве акцентуированного, играющего решающее воздейственное значение.

Правило зон общения. Проксемика - дисциплина, занимающаяся изучением роли пространства в общении, выделяет роль разных дистанций между общающимися: интимную (15-45 см), личную (45-75 см), социальную (120-210 см), публичную (3,5-7,5 см). Установлено, что при общении индивидов уменьшение дистанции усиливает психологические взаимовлияния, способствует возникновению эффекта доверия, приводит к большей открытости в общении, повышает эмоциональность, приводит к возникновению и учащению физических контактов (касания друг друга). Повышается при этом и значение контакта глаз, мимики и таких ее элементов, как кивок головой, поднятие бровей, улыбки и др. Особенно психологически насыщен разговор, ведущийся глаз в глаз на расстоянии 30 см.

---

[1] *Леонтьев АЛ.* Проблема развития психики. 2-е изд. - М., 1965. - С. 165.
[2] *Артемов В.А.* Курс лекций по психологии. - Харьков, 1958. - С. 265-271.
[3] *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. - М., 1966. - С. 128.
[4] *Лавровы А. и О.* Солдаты в синих шинелях. - М., 1965. - С. 116-117.
[5] *Муратов С.А.* Диалог. - М., 1983. - С. 10.
[6] Юридическая педагогика в МВД. - М., 1997. - С. 255-257.

9.6. Общая психотехника профессионального мышления юриста

Профессиональное мышление юриста. Вряд ли можно найти деятельность, где мышление не имело бы существенного значения. Ум — высшее проявление человеческой психики, образно говоря, самая высокая вершина в мире. Без преувеличения можно сказать, что юридическая деятельность - для по-настоящему умных, проницательных людей. Умные вопросы приходят в голову всем, а умные ответы - немногим. Юрист должен уметь давать умные ответы на сложные вопросы, проникать в сущность явлений, видеть причинно-следственные связи, мыслить широко и предвидеть события.

Мышление юриста, как и другие качества, основано на его общем интеллектуальном развитии. Глупый юрист — это не просто плохо, это беда, это страшно. Поэтому и стараются отбирать в органы правопорядка только умных людей.

На базе общих благоприятных свойств мышления у юриста развивается особое *профессиональное мышление,* которому должны быть присущи активность и инициативность, поисковый, аналитико-синтетический характер,

глубина и широта, логичность и организованность, доказательность (нетерпимость к голословным утверждениям), непротиворечивость, способность мыслить при «информационных пустотах», умение выдвигать гипотезы и тщательно исследовать их, находчивость, гибкость, скорость, практичность, ясность, устойчивость, прогностичность, креативность, критичность. Развитие такого мышления происходит вместе с профессионализацией ощущений, восприятий, внимания, памяти, представлений, воображения. Сказываются и личностные качества юриста, например, духовные потребности, интересы, устремления, ценностные ориентации, черты характера, психофизиологические качества (темперамент) и др. Определенное место, хотя и не решающее, принадлежит и овладению юристом-профессионалом *психотехникой мышления.* Сам процесс мышления нередко протекает как малоосознаваемый, недостаточно произвольно регулированный. Психотехнические приемы позволяют преодолеть этот недостаток и. таким образом повысить эффективность профессионального мышления.

Прием организации процесса мышления. Каждый раз, сталкиваясь со сложной ситуацией, фактом, требующими глубокого понимания, профессионал должен для себя ответить на ряд приоритетных вопросов: с чего начать? Что делать потом, чтобы достичь нужного результата? Необходима организация процесса мышления.

Правило активизации мышления. Важно заставить себя преодолеть торопливость, суетливость, волнение, тревогу, заставить себя думать, искать пути решения проблемы на пути рассуждений. Полезно временами, особенно в трудных случаях, активизировать внутреннюю речь — рассуждая про себя, проговаривая мысли по ходу рассуждений, формулируя четко в словах промежуточные и окончательные умозаключения и выводы, рисуя черновые схемы. Не ограничиваться «кабинетными» рассуждениями, усиливать их выездами на места, беседами с разными людьми.

Правило опираться на опыт, рекомендации, процессуальные нормы. Припоминать требования процессуального законодательства, уроки собственного опыта, подыскивать в памяти аналогичные случаи из опыта других, опираться на рекомендации учебных пособий и науки, спрашивать советы у старших и более опытных коллег.

Правило ориентировки в имеющейся информации реализуется путем сбора и анализа исходных данных, уясняется, что есть и чего нет, что достоверно, а что надо проверять, какие данные нужны еще, что изучить и что проверить.

Правило разработки плана поиска ответов и определения исходной точки. Действующий без плана похож на мечущегося из стороны в сторону. Весь клубок проблемы надо растянуть в нить ее решения с последовательно расположенными на ней узелками, которые надо развязать один за другим. Эта нить с узелками и становится планом, состоящим из последовательных шагов-мероприятий, намечаемых к выполнению. Как нить Ариадны, она ведет к цели. Внезапно возникает и другой вопрос: где кончик нити, за который надо начинать тянуть? Концов-то

оказывается много; вроде бы можно начать и с этого, и с того, и с третьего. Обычно начинают с наиболее важного, с узловых вопросов или с тех, по которым есть достаточная информация и решить которые можно быстро.

Правило разработки веера версий относится к решению почти всех проблем: управленческих, экономических, кадровых, психологических, педагогических и других, но особенно оно важно при раскрытии и расследовании преступлений. Версионный метод — один из основных в криминалистике. Версия — гипотеза, предположение, возможное объяснение исследуемой проблемы и путей ее решения. Практически никогда не надо намечать путь решения проблемы на основе первой пришедшей в голову и единственной версии. В розыскной, следственной или судебной деятельности такое самоограничение особенно пагубно. Планируя организацию решения проблемы, здесь нужно разрабатывать все варианты путей раскрытия и расследования преступлений. Юридические версии делятся на общие и частные. Общая относится к предмету доказывания по уголовному делу в целом и содержит предположение о наличии (отсутствии) события преступления и о виновных лицах. Частная версия относится к отдельным сторонам и элементам предмета доказывания, содержит предположение об отдельных сторонах исследуемого события (например, о мотиве преступления, орудии, способе, личности, месте нахождения орудия преступления или скрывшегося преступника и др.).

Работая над проверкой версий, следует начинать с наиболее вероятных, которые вырисовываются таковыми на основе имеющихся исходных данных; проводить, если есть возможность, одновременную проверку всех версий; систематически и последовательно проверять все. Систематически и целенаправленно собирать информацию, заботясь о ее достоверности; стремиться к формированию внутренней убежденности, к обоснованному признанию или отрицанию какого-то факта, т.е. к установлению истины.

Прием психологизации мышления. Как уже отмечено выше, практически каждое действие работника органов правоохраны связано с людьми, с определенной жизненной ситуацией, где психология людей, их взаимоотношения и страсти играют не иллюстративное, а существенное значение. Не разобравшись в этом, невозможно принять правильное решение. Процессуальное законодательство прямо указывает на необходимость этого. В качестве обстоятельств, относящихся к предмету доказывания, оно рассматривает мотивы и личность обвиняемого, при оценке обстоятельств, отягчающих или облегчающих ответственность — состояние сильного душевного волнения, психическое состояние и причины, их вызывающие. В юриспруденции не вызывает протеста мысль, что «вина является психическим фактом».[1] Б.Я. Петелин выделяет в умышленной форме вины семь разных объемов: прямой умысел, прямой умысел + мотив преступления, прямой умысел + социальная цель преступления, прямой умысел + аффект (сильное душевное волнение), прямой умысел + знание правонарушителем указанных в законе особенностей объекта посягательств, прямой умысел + субъективный выбор и умелое использование выделяемых законом объективных элементов преступного поведения, косвенный умысел. В неосторожной форме вины он выделяет два объема: самонадеянность, т.е. просчет в сознании, в результате чего наступили побочные (нежелаемые и непредотвращенные) последствия, и небрежность, при которой отсутствует волевое действие, в то время как у лица есть обязанность и возможность действовать, чтобы предотвратить вредные последствия, которые наступили. Ненаблюдаемость вины как психологического явления ставит вопрос о признаках, внешних проявлениях, по которым «южно ее установить. Предлагаются три внешне обнаруживаемых признака: само преступное поведение как волевой акт (его направленность на определенный объект посягательств, его результаты — продукты, отдельные смысловые фрагменты и материальные следы поведения); вербальные проявления (в устной и письменной форме), сопровождающие преступное поведение или имевшие место до и после его совершения; самоотчет (показания) виновного как личности, наделенной сознанием и волей.

Приведенное мнение, несмотря на свою детальность, все же только фрагмент того действительного психологического богатства, в котором дол-ч жен разобраться юрист. Это богатство можно многократно расширить, если обратиться к психологическому анализу действий специалистов всех юридических органов, которые далеко не сводятся к судопроизводству. Они подтвердят, что для понимания реально произошедшего и происходящего очень часто важны не внешние обстоятельства, а психологические. Видимое — только вершина айсберга, у которого, как известно, 9/10 объема скрыты под водой, а в юридической практике она и есть психология.

Правило постоянно переводить мысль с наблюдаемого на уровень психологических рассуждений, умозаключений, выводов, оценок. При этом использовать весь запас психологических знаний, действий и психотехник.

Правило рефлексивного мышления рекомендует почаще ставить себя на место человека, жизнь и поведение которого изучаются. Это позволяет лучше понять его и принять более верное решение (подробно о рефлексивном мышлении см. § 9.7).

Правило не увлекаться, психологизируя. Не всегда психологически сложные схемы, версии, таинственные обстоятельства отвечают реальной действительности. Нередко преступления имеют под собой достаточно примитивную психологию, несмотря на кажущуюся запутанность их вначале. Однако при профилактике, правовом воспитании, работе с осужденными и т.п. преувеличение сложности бывает редко.

Прием сложения мысленной картины. Свершившееся, ушедшее в прошлое событие, факт, с которыми очень часто приходится иметь дело работникам правоохранительных, правоприменительных и правоисполнительных органов, можно сравнить с разбившейся фарфоровой вазой, покрытой замысловатым рисунком. Приступая к его исследованию, работник имеет дело с мелкими осколками, причем далеко не всеми, но их во что бы то ни стало надо сложить, каждый должен найти свое место, а ваза должна быть восстановлена.

Умение мысленно собирать, образовывать целостную образную картину произошедшего, из которой нельзя вырвать ни одной детали, — одно из важнейших в умственных способностях. Только в системе, в целостной картине каждая деталь приобретает свой смысл, свое место, становится одним из шажков, приближающих к цели. Надо пользоваться одновременно как бы двумя инструментами: микроскопом и телескопом. Первым - чтобы досконально, скрупулезно рассматривать мелкие детали, самые тонкие проявления психологии; вторым — чтобы уметь охватить картину в целом, увидеть место детали в общей картине.

Правило активизации представлений («мысленного моделирования») заключает совет намеренно стремиться складывать мысленный образ, делать его как бы видимым «внутренним взором», «рисовать картину» имевшего место и исследуемого события, факта.

Правило разработки графических схем обращает внимание на многостороннюю пользу их вычерчивания. Они позволяют экстериоризировать («вынести» наружу) зарождающиеся смутные образы, овеществить, сделать видимыми, что позволяет многократно их разглядывать, анализировать и на этой основе совершенствовать мысленные образы. Так, при раскрытии и расследовании преступлений полезно составлять схему места преступления, расположения на ней его участников и свидетелей, схемы знакомств и отношений, схемы объяснений разными лицами одного и того же вопроса, схемы «за» и «против» и др.

Правило мысленного экспериментирования. При составлении мысленной картины отдельные сведения, факты могут и не находить в ней убедительного места, особенно когда приходится составлять не статичную, а динамичную картину. Обоснованность увязок каждого «кусочка» с другими, с общей картиной заслуживает особой направленности мысли. Мысленно следует его перемещать с места на место в этой картине, находя обоснованное, не вызывающее сомнений место. «Несущественную», неясно что означающую информацию следует пытаться прикладывать к этой картине, менять ее место и делать это до тех пор, пока она не сложится, «не ляжет в картину». То, что не ложится, не выбрасывать, а удалять в мысленный буфер, периодически извлекая его и вновь прикладывая к картине. Мысленно экспериментируя, доводить картину до полной ясности. Малейшие неувязки, неясности, сомнения должны быть прояснены.

Прием преодоления умственных тупиков. Нередко, особенно при раскрытии и расследовании преступлений, наступает момент, когда все, казалось бы, сделано, все версии отработаны, а дело остается столь же туманным, как и вначале. Кажется, что возможности исчерпаны, хочется опустить руки и сдать дело в архив. Но, как говорят, нет преступлений, которые нельзя раскрыть, но есть работники, которые не умеют их раскрывать; нет «скучных» дел, а есть скучающие на службе работники. Надо искать выход из тупика, из «психологического пата», в который работник сам себя и загнал неумелыми действиями, за которыми стоят слабости и упущения мышления.

Правило искать причину в себе и устранять ее, возобновляя поиски. Прежде всего надо видеть причину в психологической неустойчивости и преодолевать ее, вновь и вновь предпринимать новые шаги для решения стоящей задачи. Это одно из индивидуальных качеств, слабость которого и служит причиной отчаяния и «опускания рук», и если оно развито слабо, то его надо намеренно развивать, применяя, в частности, и описываемые здесь приемы.[2] Такими причинами

могут быть и разные психологические барьеры, стереотипы, недопущение некоторых предположений (например, по-человечески трудно допустить, что отец своими руками убил сына. Но профессионально, особенно в условиях тупика, и такие версии должны проверяться).

Правило критического возврата к исходной точке. Тупик часто возникает в результате «зацикливания» — наличия упущения, которое не замечается даже при повторных беглых просмотрах. Критический возврат надо осуществлять к самой начальной точке работы, причем со всей придирчивостью рассматривать и проверять каждый шаг в исследовании, при необходимости принимая меры по перепроверке информации, используемой при каждом мысленном шаге расследования. Уместны острые критические вопросы себе: «А так ли? А доказано ли это? Бесспорен ли такой вывод?» и др. Когда работник завален работой, а времени дефицит, мелкие упущения, которые тем не менее заводят в тупик, вполне возможны.

Правило выявления противоречий. Проводится специальное сравнение всех шагов, данных, умозаключений и прочего на отсутствие противоречий. Любое противоречие, каким бы незначительным и несущественным оно ни казалось, возводится в ранг приоритетного, и перепроверяется все, что связано с ним.

Правило критической проверки веера версий. Частой причиной тупиков выступает увлечение оперативника, следователя одной версией. Она для них словно любимая женщина (мужчина), рядом с которой нет места другим. Верховный суд страны неоднократно указывал, что обвинение по делу не может быть построено на одной, заранее принятой и подтвержденной версии, без учета других, вытекающих из обстоятельств дела. Нельзя отбрасывать возможные по делу версии без их проверки. Должно быть обязательное соревнование версий, их равноценная проверка.

«Прикипание» к одной версии приводит к «психологической слепоте»; не замечаются или отбрасываются факты, противоречащие этой версии.

Правило свежего взгляда. Это умышленно радикальный поворот мысли, критический взгляд как бы со стороны, необычное допущение. Еще более свежим окажется взгляд коллег по работе, к которым полезно обращаться за помощью в тупиковой ситуации. Их стоит попросить критически проверить сделанное и найти в нем упущения или противоречия.

Прием актуализации непрерывного самоконтроля. Его основное предназначение — предупредить промахи и упущения, приводящие к тупику и ошибкам. Всем работниками юридических органов, кроме суда, никто не давал право судить. У них только одно право: устанавливать истину и справедливость. Поэтому предельная и постоянная критичность должна сопутствовать всему мышлению. *Правилами* тут могут быть:

• *установка на самоконтроль и самокритику.* Целесообразно для этого постоянно пользоваться формулами, произносимыми про себя: «Правильно ли я рассуждаю?», «Есть ли достаточные основания для такого вывода?», «Нет ли изъянов в сделанном заключении?», «В чем слабость моих рассуждений?» и др.;

• *исключение симпатий и антипатий* в мысленных построениях и процессах;

• *не попадать в ловушку «внутреннего убеждения»,* перепроверять убеждения, если они возникают, испытывать их на прочность самокритикой;

• *«сомнения в пользу подозреваемого»* — мудрое правило;

• *прислушиваться к «внутреннему голосу» сомнений и неуверенности.* Каждому приходилось говорить: «Я чувствовал, что так не стоило было делать» и т.п. Неплохо прислушиваться к смутному беспокойству, недовольству, трево-

ге и, когда они возникают, заставить себя осмыслить их: «В чем дело? Почему не нравится? В чем причина такого чувства?»;

• *не поддаваться психологическому давлению сроков и нажимам сверху.*

Прием группового мышления («мозгового штурма»). Говорят, что 99% полезных мыслей человеку приходит в ходе общения с другими людьми. Человек средних способностей может выдвинуть в два раза больше идей, когда работает в группе, так как мысли других дают неожиданные ходы и его мыслям. Прием группового мышления предполагает специальный сбор (совещание) группы сотрудников, работающих совместно над одной проблемой. Необычность методики проведения такого сбора, который и именуется часто «мозговым штурмом (атакой)», заключается в том, что и проводящий его, и его участники договариваются об особых правилах поведения. Эти *правила* таковы:

• *создание в группе обстановки свободного обмена мыслями, «раскрепощенного интеллекта».* Участники призываются к смелому высказыванию любых идей и предложений, даже самых смелых, самых необычных. Все другие обязуются не реагировать сразу на них, какими бы

плохими или хорошими они ни казались. Обстановка такова, что все воспринимается на полном серьезе, никто не имеет права насмешничать, критиковать, выражать недовольство. Никто не должен бояться высказаться. Так составляется банк идей;

• *организация равноправного «соударения мнений».* Ничто не отбрасывается сразу как неприемлемое. Идет серьезное обсуждение каждой идеи, входящей в банк, поощряется выдвижение новых. Идет деловое обсуждение, выясняются все «за» и «против» каждого мнения;

• *запрещение эмоций, нарушений этики, неуважения мнений других.* Идет холодно-рассудочный обмен мнениями. Отбираются действительно заслуживающие внимания и дальнейшей проверки;

• *руководителю — «не давить».* Он не должен высказывать свое мнение до завершающего этапа дискуссии, а должен быть все время нейтральным арбитром, подстегивать общение вопросами, «подкидыванием поленьев в костер» обмена мнениями.

---

[1] *Петелин Б.Я.* Психологические основы доказывания вины. // Юридическая психология. Тезисы научных сообщений советских психологов на VI Всесоюзном съезде Общества психологов СССР. - М., 1983. - С. 141.

[2] Существует психологический тест: обследуемому предлагается очень сложная задача, которую с первого раза практически не решить. Люди ведут себя не одинаково в этой ситуации. Одни сразу отказываются от повторения попытки, заявляя, что у них не получится. Вторые говорят: «Попробую еще раз» - и при новой неудаче отказываются, заявляя иногда, что задача вообще нерешаема. Третьи делают три, четыре и более попыток, прежде чем отказаться. Но есть и такие, у которых неудачи только вызывают азарт, и они действуют, пока не добьются успеха. Хорошо бы такой тест включить в психодиагностический банк при отборе кадров в отдельные службы и органы.

9.7. Психотехника рефлексивного мышления

Понятие рефлексии. *Рефлексия* (в переводе с лат. — обращение назад, на себя) — *обращение сознания на себя, мысль о мысли.* Рефлексивный феномен весьма многозначен, в самом общем виде различают три основных значения понятия. Во-первых, это *философско-методологическая рефлексия* — осознание, осмысление наукой самое себя, своего предмета и метода. Концепцию рефлексии разрабатывали Декарт, Локк, Кант и другие классики философии. Их идеи легли в основу понимания рефлексивного феномена в психологии. Всплеск интереса к рефлексии в современной отечественной науке связан с именем Г.П. Щедровицкого и деятельностью, начиная с середины 50-х годов, Московского методологического кружка, которые оказали заметное влияние на соответствующие разработки в психологии, в том числе и юридической.

Во-вторых, это *индивидуально-психологическая рефлексия* — самопознание, самосознание человека. Хорошо известно, что самое трудное — познать самого себя. Традиционно это одна из актуальных тем психологии и одно из важнейших направлений ее практического приложения, в том числе и к юридической сфере. Высокая профессиональная ответственность юриста предполагает повышенный самоконтроль, продуманное принятие решений, понимание своих личных возможностей, четкую самоорганизованность, а значит, и владение рефлексией.

В-третьих, это *социально-психологическая рефлексия* — постановка себя на место другого человека и размышление за другое лицо. Именно в этом значении понятие рефлексии и употребляется прежде всего в юридической психологии. Отправной точкой для развернувшихся впоследствии социально-психологических исследований рефлексии послужила известная работа методолога В.А. Лефевра,[1] который впервые ввел и разработал понятие рефлексии в этом значении. Рефлексивная модель оказалась весьма продуктивной при; изучении конфликта, кооперации, общения.

Понятие рефлексии в юридическую психологию, отправляясь от первых работ Лефевра, ввел А.Р. Ратинов.[2] Ему принадлежит специальная работа по рефлексии в юридической психологии.[3] Сложность рефлексивного феномена, к сожалению, ограничила его дальнейшее исследование в юридической психологии. В последующих работах (А.В. Дулов, 1975; В.Е. Коновалова, 1978; Н.Л. Гранат, А.Р. Ратинов, 1978 и др.) рефлексия используется в основном для раскрытия психологической природы мышления следователя, допроса, обыска и других следственных действий. При этом конфликтное взаимодействие следователя с подследственным рассматривается в рамках познавательной деятельности, рефлексивной игры и рефлексивного

управления. В последние годы рефлексия активно используется в практической юридической психологии для интерпретации профессионального общения.[4]

Рефлексивное мышление в деятельности юриста. Рефлексивное мышление является умственным *профессионально-психологическим действием* юриста, обеспечивающим решение наиболее сложных в интеллектуальном отношении профессиональных задач. Специфика рефлексивного режима мышления заметно отличается от обычных логических рассуждений и наиболее характерно представлена в формуле *«Я думаю, что он думает, что я думаю»*. Схематический, ставший уже классическим, пример этого рода, наглядно раскрывающий существо рефлексивного мышления, приводит А.Р. Ратинов:[5]

Следователь предпринимает розыск преступника, скрывшегося с места совершения убийства. Наиболее вероятно, что он мог уйти двумя путями: один из них — «А» — удобный для движения, но более людный и опасный, другой — «В» — труднее, но не связан с таким риском. Преследуемый рассуждает так: «Пусть «В» лучше «А», поэтому я выбираю путь «В». Следователь, оценивая обстановку, должен воспроизвести ход рассуждения преступника и сделать отсюда соответствующий вывод: «Убийца знает, что путь «В» для него лучше, чем путь «А», и поэтому выбирает «В», значит, я должен его преследовать по этому пути». Однако, если преступник не уступает следователю в рефлексии, он может рассуждать так: «Следователь, полагая, будто я, зная, что путь «В» лучше «А», двинусь по второму пути, станет преследовать меня по пути «В», поэтому я выбираю путь «А». Следователь, превосходя преступника в ранге рефлексии,, должен воссоздать мысленно ход его рассуждении и их результат, после чего, приняв соответствующее решение, захватить разыскиваемого, если только тот не переиграл следователя в этом соревновании умов, более точно и на более высоком уровне имитируя рассуждения и решения своего противника. На этом принципе строятся и более сложные расчеты, хотя в реальных человеческих конфликтах имитация рассуждений партнера редко превышает вторую-третью ступень.

Рефлексивное мышление используется не только при раскрытии и расследовании преступлений. В более широком плане использование рефлексии дает возможность, как отмечает А.В. Дулов:[6]

• построения мысленной модели поведения различных участников в ходе прошедшего познаваемого события;

• планирования собственной познавательной деятельности;

• прогнозирования поведения участников процесса в ходе предполагаемых процессуальных действий;

• разработки системы воздействия на отдельных участников, являющихся источниками получения необходимой информации;

• разработки системы воздействия в целях перевоспитания лиц, совершивших правонарушения.

Практическое использование рефлексивного мышления в деятельности юриста с учетом определенной сложности этого профессионально-психологического действия предполагает владение техникой, соответствующими приемами.

Техника рефлексивного мышления. Она включает в себя три основных приема: выход в рефлексивную позицию, рефлексивное отображение ситуации и рефлексивное обоснование деятельности.

Прием выхода в рефлексивную позицию. Суть приема - в смене точки зрения на ситуацию, в которой возникло затруднение, с внутренней на внешнюю, в выходе за пределы ситуации, в позицию, позволяющую разобраться в ситуации и найти способ разрешить ее. Рефлексия — весьма «тонкая» организация мышления и, чтобы овладеть приемом рефлексивного выхода, юристу важно понимать три момента: зачем и откуда «выходить», куда «выходить» и как зафиксировать «выход».

Осознание затруднения в деятельности и фиксация ситуации, в которой оно возникло. Если все течет гладко, то в рефлексии нет нужды. Но как только в деятельности возникло затруднение, оно осознается и юрист дает себе отчет, что «что-то не так». Осознание затруднения и есть исходный момент рефлексии. При этом важно обозначить границы ситуации, в которой возникло затруднение. Например: «Не понимаю, что же неясно собеседнику в этом вопросе» или «Каким способом действовать дальше». Рефлексивный выход необходим для того, чтобы найти способ преодолеть затруднение в деятельности, а для этого нужно мысленно выйти за пределы возникшей ситуации.

Выбор рефлексивной позиции. Рефлексивная позиция — это угол, точка зрения на рассматриваемую ситуацию. Для юриста это может быть позиция конкретного партнера по взаимодействию (собеседника, клиента, пострадавшего, преступника и т.д.), иная профессионально-должностная позиция коллеги-юриста (судьи, прокурора, адвоката, следователя, оперативного работника и т.п.) и даже любая другая позиция, отличная от исходной. Выбор конкретной позиции определяется ее потенциальной полезностью в отношении данной ситуации. При этом такая позиция может быть конкретизирована: «посмотреть на ситуацию глазами незаинтересованного свидетеля», «а как бы поступил здесь более опытный коллега-профессионал» и т.п. Каждая позиция задает свой способ «видения» ситуации и отношения к ней. Потенциальный набор позиций и ролей юриста весьма велик. Полезно расширять их репертуар, осваивая их и делая привычными для собственного мышления.

Самоопределение и рефлексивная настройка. Для фиксации рефлексивного выхода юристу важно самоопределиться в выбранной позиции. Например, «с этой позиции оценивая данную ситуацию, нужно учесть следующее ». Самоопределяясь в ситуации, юрист осваивает выбранную позицию, выделяет два-три наиболее важных момента, определяющих данный угол зрения на ситуацию. При этом важно рефлексивно настроиться на рациональное осмысление ситуации с новой позиции, проконтролировав отстройку от эмоций, сопровождавших первоначальное переживание исходного затруднения.

Владение широким репертуаром профессионально-юридических позиций, умение рефлексивно выходить на эти позиции позволяют развивать «позиционное» мышление юриста, способность юридически мыслить с различных точек зрения, что во многом обеспечивает эффективность его действий.

Прием рефлексивного отображения ситуации. Бывает, что удачно найденная позиция, точка зрения на ситуацию как бы автоматически формирует соответствующий образ, представление, «видение» причин возникшего затруднения. Однако чаще рефлексивного выхода самого по себе недостаточно и требуется еще рефлексивно организовать отображение ситуации в сознании юриста. Один из способов здесь — *рефлексивные рассуждения* юриста при осмыслении ситуации и причин затруднения, т.е. рассуждения с четкой фиксацией позиции, с которой они производятся. Для этого используются соответствующие речевые формулы, построенные, в частности, по схеме мысленного эксперимента («Если, то...»), «Если бы я был на месте преступника, то я бы...». При этом очень важно учитывать правило *«вложения»,* когда извлеченная из ситуации информация строго связывается с определенной позицией (например, по принципу вложенных одна в другую матрешек).

Иллюстрацией здесь может быть известная загадка о колпаках, надетых на мудрецов. Наиболее простой ее вариант таков: есть три колпака — два белых и один красный. В игре принимают участие двое. Ведущий объясняет им, что у него есть три колпака, и показывает их. Далее он говорит: «Я вам сейчас надену каждому белый или красный колпак так, что вы не будете знать, какой именно. Но постарайтесь ответить, какой колпак на вас надет». На обоих надеваются белые колпаки. Один рассуждает: «На нем белый, значит, на мне может быть белый или красный». Другой тоже видит белый и рассуждает точно так же. В данный момент времени ни один, ни другой ничего о своем колпаке сказать не могут и молчат. Дальше любой из них может рассуждать так «Если другой молчит, значит, он видит на мне не красный колпак. А раз так, то он на мне видит белый». В рассуждении здесь присутствует первый уровень глубины рефлексии.[7] Юрист, конечно, рассуждает не о колпаках, но принцип тот же.

Рефлексивные рассуждения при осмыслении ситуации обычно непросто удержать в сознании. Отсюда необходимость *схематизации,* построения схемы ситуации, организующей с определенной позиции ее основные элементы. Схемой будем называть структурно организованное единство элементов или структуру элементов, если элементы принадлежали другой целостности, из которой они были извлечены для схемообразования.[8] Без схематизации обычно трудно разобраться в запутанной юридической ситуации. Принято считать, что схема — это нечто упрощенное и примитивное. Это не так. Схема действительно упрощает, но одновременно и обобщает. Использование же нескольких схем, подготовленных с разных позиций, позволяет глубже осмыслить самую сложную юридическую ситуацию и разобраться в причинах возникших затруднений. Для этого важна *объективизация схем и их проработка.* Обычно это делается графически на доске или бумаге. В области методологии *(О.А. Анисимов)* в этих целях разработан специальный язык схематизированных изображений.

Итак, суть приема рефлексивного отображения ситуации — в организации осмысления возникших трудностей посредством рефлексивных рассуждений и схематизации. «Схемное» мышление — мощный интеллектуальный ресурс юриста.

Прием рефлексивного обоснования деятельности. Рефлексия дает не только объективированное представление о ситуации и причинах затруднений, но и основание для деятельности, исправляющей положение. Суть приема — именно в трансформации рефлексивной картины ситуации в основание для такой деятельности. Обычно это связано с рефлексивным управлением. *Рефлексивным управлением* В.А. Лефевр называет процесс передачи оснований для принятия решения одним из персонажей другому.[9] Это управление осуществляется не в результате прямого навязывания другому своей воли, а путем передачи ему «оснований», из которых тот как бы дедуктивно выводит предопределенное таким основанием решение.

Чтобы картина ситуации могла быть принята в качестве основания для принятия решения, она должна стать приемлемой, «нормальной» для лица, принимающего решение. Необходима выработка представления о нормах, которым должна подчиняться деятельность для достижения успеха, нужно *соответствующее нормирование и перенормирование деятельности для разрешения ситуации и преодоления трудностей.* Это прежде всего правовые и этические нормы. Норма — это предписание к деятельности, она состоит из представлений о будущей деятельности и предписывающего статуса этих представлений. О.С. Анисимов выделяет следующие типы норм: цель, план, технология, программа, проект, метод, методика, подход, принцип.[10] Широкое толкование норм в современной методологии открывает дополнительные возможности рефлексивного обоснования деятельности.

Рефлексивное обоснование деятельности также связано с выработкой *сценария игрового поведения.* Ведь играть роль — это проводить обычное рефлексивное управление.[11] Гибкое использование различных норм и разнообразных сценариев повышает эффективность рефлексивного управления.

Владение приемами рефлексивного мышления — показатель высокого уровня развития профессионального мышления и деятельности юриста.

---

[1] *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. 2-е изд. - М., 1973.

[2] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. - М., 1967.

[3] *Ратинов А.Р.* Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике. // Правовая кибернетика. - М., 1970. С. 185-198.

[4] *Носков Б.А.* Психотехника общения. - Нижний Новгород, 1997.

[5] *Ратинов А.Р.* Указ. соч. - С. 190.

[6] *Дулов А.В.* Судебная психология. - Минск, 1975. - С. 67.

[7] *Социальная* психология личности. - Л., 1974. - С. 143-144.

[8] *Анисимов О.С.* Основы методологического мышления. - М., 1989. - С. 174.

[9] *Лефевр В.А.* Указ. соч. - С. 43.

[10] *Анисимов О.С.* Указ. соч. - С. 215.

[11] *Лефевр В.А.* Указ. соч. - С. 92.

Психологический практикум (к части III)

Упражнение 1

Ниже приводятся основные явления групповой психологии:

1) направленность группы, ее ориентация на нормопослушное или нормоотклоняющееся поведение;

2) цели и мотивы групповой деятельности, групповой кооперации;

3) ценности, интересы, взгляды и стремления членов группы, степень ценностно-ориентационного единства;

4) количественный состав группы, возрастная структура, тенденции к росту или уменьшению численности группы;

5) история группы, особенности ее возникновения, причины и условия формирования, факторы, позитивно или негативно влияющие на ее возникновение и функционирование;

6) групповой опыт и степень сплоченности группы;

7) групповая организация, статусы и роли членов группы;

8) лидер группы, его характеристика, преобладающие методы воздействия на других членов группы;

9) межличностные отношения, дружеские связи и контрасты в группе;

10) степень внутренней конфликтности группы;

11) групповое мнение, правила и принципы группового поведения, санкции.

Задание:

Продумайте, каким образом можно выявить эти особенности при визуальном наблюдении за группой? Каковы внешние признаки каждого из явлений групповой психологии, за которыми и надо наблюдать?

Упражнение 2

Известный американский специалист в области человеческого общения Дейл Карнеги (1888-1955) давал такие рекомендации:

а)«На свете есть только один способ побудить кого-либо что-то сделать.... И он заключается в том, чтобы заставить другого человека захотеть это сделать.

Помните - другого способа нет.

Конечно, вы можете под дулом револьвера заставить человека отдать вам свои часы. Вы можете заставить служащего работать, угрожая ему увольнением в случае его отказа. Вы можете заставить ребенка делать то, что хотите, с помощью кнута и угрозы. Однако эти грубые методы чреваты весьма нежелательными последствиями.

Единственный способ, каким я могу побудить вас что-либо сделать, - это дать вам то, что вы хотите»[1];

б) «Каждое лето я езжу... на рыбную ловлю. Я очень люблю землянику со сливками, но обнаружил, что по какой-то странной причине рыба предпочитает червей. Поэтому когда я еду на рыбалку, я не думаю о том, что сам хочу. Я думаю о том, что хочет рыба. Я не насаживаю на крючок в качестве приманки землянику со сливками, а подманиваю рыбу червяком или кузнечиком, говоря: «Не хочешь ли попробовать?»

Почему бы нам не поступать столь же разумно, чтобы привлечь к себе людей?»[2]

Задания:

1. (Эти рекомендации сформулированы в 30-е годы прошлого века, а как их оценить психологически и, социально с современных позиций?

2. Если вы считаете их толковыми и сохраняющими хотя бы какое-то значение сейчас, то применимы ли они в работе юриста? Когда? В каких случаях? С ограничениями или без?

Упражнение 3

11 мая 1996 г. в 9.00 в дежурную часть ОВД обратилась гр. М. с сообщением о том, что ее дочь, учащаяся средней школы, примерно в 8.00 обнаружила труп неизвестной женщины в лесопарке рядом с жилым микрорайоном.

Прибывшей на место происшествия следственно-оперативной группой обнаружен труп женщины, на вид 25-28 лет, среднего роста, светловолосой. Труп расположен в лесном массиве в 10 метрах от тропинки, ведущей от главной аллеи парка. От тропинки к месту обнаружения ведут следы волочения тела с каплеобразными следами крови (или вещества, похожего на кровь). Погибшая лежит на спине, на лице у нее ветка. Полностью обнажена. Одежда разбросана вокруг в беспорядке. На некоторых предметах одежды (свитер, нижнее белье) имеются обширные следы

вещества, похожего на кровь. Неподалеку обнаружена дамская сумочка среднего размера, в которой имеются небольшая сумма денег, парфюмерные принадлежности, паспорт с вырванной страницей, на которой находилась фотография потерпевшей. В ходе дальнейшего осмотра на расстоянии 3 метров от тропинки была обнаружена деревянная палка длиной приблизительно 60 см, на конце которой имеются следы вещества, похожего на кровь.

На трупе имеется обширная крестообразная рана в районе брюшной полости, имеются следы манипуляций с внутренними органами. В затылочной области головы повреждение, нанесенное предположительно тупым тяжелым предметом. При осмотре на трупе потерпевшей видимых следов борьбы не обнаружено. Следов, указывающих на совершение полового акта, тоже не обнаружено.

Поступающая дополнительная информация:

а) личность погибшей установлена: Гражданка Н. (Ф.И.О.), 1968 г.р., проживает в данном микрорайоне, работает продавцом в коммерческом киоске, замужем, детей не имеет. Со слов свидетелей (Ф. И. О.) 10 мая в 21.00 закончила смену и направилась домой одна, пешком, намереваясь пройти через парк к микрорайону. Пройти она должна была тропинкой, на которой и была обнаружена в 8.00 11 мая. Опросом свидетелей установлено, что в период с 20.30 до 22 часов 10 мая по указанной тропинке проходили граждане - жители микрорайона и ничего подозрительного не заметили;

б) данные судебно-медицинского исследования трупа: смерть потерпевшей наступила приблизительно 13.14 часов назад с момента обнаружения трупа. Смерть наступила в результате перелома основания черепа. Остальные ранения наносились посмертно, холодным оружием (края ран ровные) с длиной клинка приблизительно 5 см, шириной -1-1,5 см, с тонким заостренным лезвием (похожим на медицинский скальпель). Имеются повреждения тонкого кишечника, мочевого пузыря и матки;

в) данные биологической экспертизы: в раневой области обнаружены следы спермы IV группы;

г) отработка контингента, состоящего на учете в психоневрологическом диспансере, выявила пять лиц с сексуальными отклонениями. Их дальнейшая отработка причастности к совершению преступления против гражданки Н. не подтвердила;

д) проверка по административному учету ранее судимых за аналогичные преступления по данному району выявила 15 человек, отбывших наказания за совершение изнасилования (по параметру нападения на женщин);

е) при проверке картотек Информационного центра было установлено уголовное дело по обвинению С., совершившего нападение с целью изнасилования в 1988 г. Способ действия - нанесение повреждения медицинским скальпелем.

Задания:

1. Реконструируйте криминальное событие и проанализируйте элементы субъективной стороны преступления.

2. Разработайте розыскные версии.

3. Определите круг необходимых мероприятий на данном этапе.[3]

Упражнение 4

27 мая того же 1996 г. в оборудованном подвале многоэтажного дома №... по улице... (в том же микрорайоне) жильцами был обнаружен труп женщины, проживавшей в том же доме в кв. ... В ходе первоначальных мероприятий было установлено, что гражданка (Ф. И. О.) 26 мая приблизительно в 11 ч (по показаниям мужа) спускалась в подвал по хозяйственным нуждам и не вернулась.

Детали осмотра места происшествия: обнаружен труп женщины, на вид 30 лет, среднего роста, волосы светлые. Труп расположен на полу, лицом вверх, на расстоянии 1,5 м от стены и 1 м от стояка отопления. Лежит параллельно стене под осветительной лампочкой. Труп потерпевшей полностью обнажен, лицо накрыто халатом. Остальная одежда потерпевшей беспорядочно разбросана рядом (тапочки, носки, джемпер, нижнее белье). На джемпере имеется в обилии вещество, похожее на кровь (кто-то вытирал руки). На полу имеются следы волочения тела с каплеобразным веществом, похожим на кровь.

На трупе: следов борьбы и сексуального контакта нет. В районе затылочной области головы потерпевшей имеется повреждение, нанесенное тупым тяжелым предметом шириной приблизительно 4х4,5 см. В нижней части брюшной полости имеется обширный Д-образный разрез, обнажающий внутренние органы.

Дополнительная информация:

а) о потерпевшей: Ф.И.О., 1966 г. р., проживает по адресу: ..., в данный момент нигде не работала, домохозяйка, замужем, имеет дочь 9 лет, учащуюся средней школы. Характеризуется положительно;

б) проведенный поквартирный обход результатов не дал. Жильцы никого подозрительного не видели;

в) результаты судебно-медицинского исследования трупа: время наступления смерти - приблизительно 24 часа с момента обнаружения трупа. Смерть наступила в результате тупой травмы головы, нанесенной на затылочную область. Травма нанесена тяжелым предметом с шириной ударной поверхности около 1-1,5 см, с тонким заостренным лезвием (похожим на медицинский скальпель). Имеются следы попыток отсечения некоторых внутренних органов (матки).

Задания:

1. Реконструируйте событие преступления.

2. Проанализируйте возможную взаимосвязь этого и описанного в упражнении 3 преступлений.

3. Выявите общие поведенческие компоненты преступлений и психологический смысл поведения неизвестного преступника (психологическая расшифровка обстоятельств преступления).

4. Попытайтесь смоделировать некоторые личностные и поисковые признаки преступника.[4]

Упражнение 5

Из фонограммы допроса свидетеля:

«Вопрос: Вы были свидетелем этого несчастного случая?

Ответ: Да.

Вопрос: Когда он произошел?

Ответ: 14 июля.

Вопрос: Это было около полугода назад, не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: И Вы утверждаете, что будто все произошло именно так, как показали?

Ответ: Да, именно так.

Вопрос: Когда это было, в какое время?

Ответ: Около 9 часов утра.

Вопрос: А теперь скажите, что произошло в 9 часов следующего дня?

Ответ: Этого я не помню.

Вопрос: Но тем не менее Вы помните, что случилось 14 июля? Ответ: Это я запомнил хорошо.

Вопрос: Ваша память 14 июля была лучше, чем 13 или 15 июля. Ответа не последовало».[5]

Задания:

1. Каковы были сомнения и замысел следователя, проводившего допрос?

2. В чем заключались его психологические просчеты как в замысле, так и в тактике?

Упражнение 6

Внимательно прочитайте «исповедь» рецидивиста.[6] Отметьте знаком «+», какие мотивы, перечисленные в таблице, побудили его к татуировкам и каким именно.

«Наколки сделал, когда впервые попал в заключение. На усиленном режиме считал, что только милиция виновата в аресте. Увидев у одного осужденного татуированное слово *«ЗЛО»* и узнав, что оно расшифровывается, как «За все легавым отомщу», наколол это слово на запястье левой руки. К тому же слово нравилось тем, что «зло» есть «зло» и от хорошей жизни его не накалывают. В 18 лет хотелось выделиться. Рассчитывал, что после освобождения знакомые, увидев это слово, подумают: «Этот человек видел в жизни много зла». Хотелось произвести впечатление опытного человека. В 1978 *г.* получил весточку от сестры о смерти матери и с горя наколол *могильный крест с надписью «Спи, мать».*

Следующая наколка была сделана на запястье правой руки и представляла собой рисунок: рукопожатие, скрещенные ножи и текст: *«Руку - вору, нож - прокурору».* Ее сделал под влиянием блатных песен и под нажимом «воров в законе», хотя я сам лично обиды, вражды к прокурору не испытывал. О «ворах в законе» ходили легенды, и мы считали их чуть ли не героями. Эта «картинка» была сделана исключительно для жизни в колонии. Очередная наколка, сделанная на предплечье левой руки, изображала *факел и олимпийские кольца.* Год тогда был олимпийским, так что этот рисунок был ко времени. Последующие два рисунка наколол, следуя примеру приятеля, который был сплошь покрыт «картинами», все рассматривали его, как диковинку. Я также

представлял себя в центре внимания, что все будут любоваться мною, покажись я на пляже. Модными в нашей колонии были рисунки гороскопа, и я сделал себе на бедре *знак Тельца.* Кроме того, на пальцах левой руки выколол *год рождения,* но вместо последней цифры изобразил череп -был молод, не хотел, чтобы все видели год моего рождения, хотел казаться старше».

№п/п	*Мотив*	*Наименование татуировки*					
		«зло»	"Спи, мать"	*Руку-вору, нож-прокурору*	Факел и олимпийские кольца	Тельца	*Год рождения*
1	Бравада. Желание показать себя более опытным, «отпетым»						
2	Тщеславие						
3	Стремление завоевать авторитет среди осужденных, сверстников						
4	Скука, безделье						
5	По недомыслию						
6	Знак памяти						
7	Ненависть к правоохранительным органам						
8	Украшательство						
9	Подражание						
10	Подчинение силе (под принуждением)						

Упражнение 7

Как только старый самолет вылетел из г. Грозного, на борту началась сильная тряска. Примерно через полчаса полета надежды следователя Громова поскорее завершить это тряское путешествие были прерваны бортпроводником. «Товарищ следователь, скорее подойдите сюда!» Громов пробрался к кабине. На переднем месте безжизненно сидел человек с ножом в груди. Возле кресла стоял маленький столик, на котором лежали листки бумаги, исписанные четким почерком.

«Я заполнял декларацию коммерческого груза», - сказал проводник. «Пять минут назад я услышал хрипы, но не подумал ни о чем подозрительном. Минуту назад я обернулся и нашел пассажира в таком состоянии».

Следователь обошел салон. В самолете было только три пассажира: в середине салона спал пожилой мужчина с портфелем на коленях, надвинув на глаза шляпу, вздрагивая и посапывая во сне. Остальные два места были заняты молодой парой. Юноша держал девушку за левую руку выше локтя. Она сидела прямо, с приоткрытым ртом, будто была очень испугана. Громов посоветовал пилоту вызвать милицию, и, когда самолет приземлился, сказал оперуполномоченному: «Арестуйте...».

Ответьте: кого?

Упражнение 8

Оперуполномоченный уголовного розыска ведет беседу с задержанным за ношение огнестрельного оружия:

- В протоколе осмотра Вашей машины указано, что у Вас изъято золота на сумму более 40 тыс. руб. Кроме того, в ней находились бриллианты, все новые, только что из магазина, что подтверждают этикетки. Зачем Вам столько?

- Я предприниматель, денег у меня много, зарабатываю в месяц более 80 тыс. - это моя зарплата. Куда мне их девать? Вот и купил золотые изделия.

- А пистолет где приобрели?

- Я ничего не знаю про пистолет. Мне его сунули в карман при задержании.

- Неправда, понятые утверждают, что он торчал у Вас из кармана. Так, где Вы взяли пистолет?

- Купил у отставного армейского генерала, служившего в Афганистане, с целью защиты от рэкета.

- У того самого генерала, на «Волге» которого вы ездите по доверенности?

- Да, у того самого. И вообще, я понимаю, что влип, статья - незаконное хранение и ношение оружия. Предлагаю тебе: десять тысяч и - отпусти меня... Мне надо выйти. Ну что тебе стоит, зарабатываешь ты гроши, я знаю. А лишние десять тысяч на дороге не валяются...

(Из разговора с оперуполномоченным выяснилось, что он тоже думал, что парень попал в милицию случайно. Взял оружие, чтобы защищаться от вымогателей. Но когда он стал предлагать взятку только за ношение оружия, то это насторожило. Дальнейшие оперативно-розыскные мероприятия позволили доказать причастность задержанного к одной из преступных группировок.)

Задание, вопрос:

1. Проанализируйте диалог оперуполномоченного с задержанным. Какие приемы применил сотрудник милиции для диагностики лжи в высказываниях задержанного?

2. По каким критериям речевых высказываний и невербальных реакций человека можно определить его, неискренность?

Упражнение 9

Ознакомьтесь с примерами ловушек при допросах.

А) Начало допроса.

Следователь:

- Вы знали убитого Корытова?

У допрашиваемого затряслись руки:

- Я не знаю никакого Корытова! Не убивал я милиционера!

- Чем вы докажете свое алиби? Где *вы были в ночь убийства?* Допрашиваемый стал нервно ломать свои пальцы.

- *Сейчас я вспомню.* Сейчас... Ну да, конечно, в *ту ночь я был у знакомой...*

- *В* какую? Откуда Вы знаете, в какую ночь был убит Корытов? Б) - Именно там, у Курского вокзала, Прохор и дал тебе пистолет?

- Какой пистолет?

-Отвечай!

-Не знаю...

-Да или нет?

-Нет...

- Ложь: *на рукоятке есть следы пальцев Прохора!*

- *Этого не может быть!*

- Вот это другой разговор, - улыбнулся следователь, - а то «какой», «нет». В) Задержанный отрицал участие в преступлении других лиц, но следователь предполагал, что участвовали еще двое.

- Кто был с вами *третьим?*

- *А второго* вы уже знаете? - и, поняв, что проговорился, замер в страхе. Г) Свидетель отрицал свое знакомство с задержанным Николаевым.

- Скажите, *какое недоразумение случилось между вами и Николаевым летом прошлого года?*

Свидетель задумался.

- Нет, ничего такого у меня с ним не было.

- Вспомните получше... Лето, точнее, май.

Опять свидетель думает, но против упоминания фамилии Николаева не возражает, видимо, не осознавая своего промаха. Задания:

1. Определите для каждого из приведенных случаев, на какой психологической тонкости строилась ловушка.

2. Попытайтесь подобрать название психологического приема, используемого допрашивающим в каждом случае.

Упражнение 10

1. Андрей С. представлялся инспектором налоговой полиции и небрежно демонстрировал продавцам различных магазинов какую-то красную книжку. После чего «проверял» накладные, сертификаты качества и прочую документацию. Затем доставал сотовый телефон и делал вид, что кому-то звонит. Но каждый раз его подводила почему-то «плохая связь» и тогда он не терпящим возражений тоном объявлял, что придется изъять кассовую ленту и деньги. Красная книжка на проверку оказалась полувоенным удостоверением с чужой фотографией, сотовый телефон - обыкновенной детской игрушкой.

2. Вечером 10 апреля в деревне пропал семилетний мальчик Сергей, сын В., а утром 11 апреля он был обнаружен мертвым в колодце. Поздно вечером 10 апреля В. отправила в город телеграмму своему сожителю об исчезновении сына. С работниками почты она вела разговор об исчезновении сына и высказывала предположение о том, что он мог упасть в колодец. Однако жителям деревни, где она живет, В. ничего не говорила о необходимости проверки колодца. На В. пало подозрение в убийстве своего сына. Следователь предполагал, и не без оснований, что с момента совершения преступления она находилась в сильном эмоциональном напряжении. Поэтому была продумана соответствующая тактика допроса. В начале допроса В. не спросила о причине ее вызова и сразу же рассказала, что она с сыном возвращалась из дома соседей, по дороге они поругались, и Сергей, обидевшись, побежал вперед и около колодца поскользнулся и упал в колодец. Следователь внезапно спросил: «Сергей оказывал сопротивление, когда его хотели бросить в колодец?» В. мгновенно срывающимся голосом ответила: «Он не понимал, что я его бросаю в колодец».

Задания, вопрос:

1. Проанализируйте предложенные описания преступлений, связанных с инсценировкой и маскировкой.

2. Дайте психологическую оценку поведения Андрея С. и матери Сергея.

3. По каким психологическим признакам можно судить о наличии маскировки или инсценировки криминального деяния?

Упражнение 11

Ниже приводится перечень некоторых улик против подозреваемых, на основе которых следователи (лица, производящие дознание) предполагают о причастности данных лиц к совершенному преступлению:

• создание ложного алиби;

• немотивированный и внезапный отъезд из местности, где было совершено преступление;

• проявление повышенного интереса к процессу расследования;

• распространение слухов о личности преступников, потерпевшего;

• демонстративность поведения, призванного всячески убедить окружающих в полной непричастности к преступлению, даже когда об этом никто не спрашивает.

Вопросы:

1 Каким образом конкретные улики могут повлиять на выбор линии поведения следователя и как они могут проявиться при производстве следственных действий?

2. Какие еще улики поведения известны вам из практики и какие психологические ситуации в ходе расследования подтверждают вывод о причастности данного лица к преступлению?[7]

Упражнение 12

В 14.20 в дежурную часть Н-ского РУВД по телефону поступило сообщение от коммерческого директора фирмы «Стройсервис» о пропаже из сейфа бухгалтера 5250 долл. США. Прибывшей на место происшествия следственно-оперативной группой было установлено следующее.

Фирма «Стройсервис» расположена в здании двухэтажного особняка. Вход в здание осуществляется через центральный вход первого этажа, где расположена охрана, и помещение столовой, имеющее выход во двор. Дверь кухни запирается на замок изнутри. На первом этаже еще расположены: помещение торгового зала, кабинет директора с приемной, где находится секретарь, три кабинета сотрудников и помещение столовой с кухней. Во дворе здания - склад с двумя сотрудниками и две служебные автомашины с двумя водителями (всего в фирме 22 сотрудника).

На втором этаже располагаются два кабинета сотрудников этой фирмы: один - бухгалтерия с двумя сотрудниками, второй - экономисты. Кроме того, на втором этаже офисы еще двух фирм - «ТНТ» и «Альфа». Вход на второй этаж - по центральной лестнице.

Клиентами фирмы «Стройсервис» являются, как правило, организации и фирмы, расчеты нередко производятся наличными, в том числе и в валюте. Всего в фирме имеются три сейфа - у директора, бухгалтеров и в приемной у секретаря. Деньги хранятся как в сейфе у директора, так и в сейфе бухгалтеров.

На первом этаже у центрального входа на посту охраны круглосуточно несет службу один сотрудник (всего в охране четыре человека, включая начальника). Охранник имеет ключи от всех кабинетов фирмы «Стройсервис», а в ночное время обычно отдыхает в приемной директора. Здание оборудовано охранной сигнализацией с выходом на пульт ОВО, которая в течение последних двух недель не функционирует в связи с реконструкцией. Сотрудники охраны,

осуществляющие пересмену в 19.00, проверку запирания дверей служебных помещений обычно не проводят.

Для сотрудников всех фирм, расположенных в здании, установлены два выходных дня - суббота и воскресенье.

Один из бухгалтеров, придя на работу в понедельник в 11.10, обнаружил пропажу денег из своего сейфа, о чем немедленно сообщил директору, который принял меры для поиска пропажи, но успеха они не имели. После этого он обратился в милицию.

Вопросы:

1. Каковы, на ваш взгляд, место и роль описанной в §8.13 методики психодиагностики причастности лица к правонарушению при отсутствии доказательств в производстве необходимых оперативно-следственных мероприятий по данному делу?

2. Определите категории лиц, подлежащих беседам-опросам.

3. Обоснуйте целесообразность и стратегию применения данного метода.

Упражнение 13

«Вся милиция разыскивает бродягу Мусу, продавца шаров, который похитил малолетнюю Ольгу Самохину», - сообщил участковый инспектор Славин следователю Громову.

«Разве никто не знает, где Муса бывает?» - спросил Громов.

«Никто о нем ничего не знает, - ответил инспектор. - Раз в неделю он оставляет свою старую повозку недалеко от Парка Дружбы и продает там воздушные шары. Детям нравятся рожи, которые он строит, когда подносит шар к губам и дует, пыхтя. В прошлый вторник Муса после своей обычной остановки уехал или, во всяком случае, сделал вид, что уехал. Позже единственный свидетель похищения В. Кузнецов рассказал, что был на заднем дворе у приятеля по соседству с участком парка и заметил, что один из шаров Мусы застрял высоко в ветвях ели. Он взял лестницу и залез на дерево.

Кузнецов говорил, что когда он отцепил шар, то бросил взгляд во двор парка и увидел, как Муса посадил Ольгу в свою телегу и уехал. Кузнецов рассказал, что не придал этому никакого значения, пока не услышал, что Ольгу не могут нигде найти.

Вчера отцу Ольги позвонили, и он услышал от неизвестного, что девочку похитили ради выкупа. Инструкции будут переданы позже.»

«Учитывая все, что вы мне сказали, - подвел итог Громов, - Я думаю, что девочка похищена не без участия Кузнецова».

Вопрос: почему?

Упражнение 14

В ходе работы по раскрытию убийства двух девушек в поле зрения оперативных работников попал государственный служащий П., которого они заподозрили в причастности к преступлению. Как способ оперативной проверки данного лица одним из оперативников был предложен следующий вариант: вечером, когда П. будет находиться дома, ему должен поступить звонок от неизвестного лица, которое в жесткой манере даст ему понять, что им известна его причастность к убийству и если он не хочет, чтобы эти сведения стали известны милиции, то должен принести в условленное время и указанное место крупную сумму денег.

Задание:

Укажите, какой психологический прием использован в данном замысле, на что при этом рассчитывал оперативный работник, адекватен ли данный прием цели проверки П. на причастность к преступлению. Обоснуйте свое мнение.

Упражнение 15

1. Один из ведущих сотрудников ГУУР МВД РФ, обращаясь к теме использования в раскрытии преступления экстраординарных психофизиологических способностей человека, рассказывал о запросах во все УВД России. Далее он подчеркнул, что пришли ответы из 73 регионов. В 26 - уголовный розыск к экстрасенсам не обращался, в 47 - просили помощи по просьбе потерпевших, в 6 регионах были получены положительные результаты. В Ставрополе так раскрыто два убийства, кража из кассы, а в Смоленске найдены неопознанные трупы. При крупной краже шуб экстрасенс дал не только необходимую информацию, но и указал источник утечки из фирмы сведений коммерческого характера. В другом случае экстрасенс указал на преступника из круга подозреваемых.

В заключение сотрудник ГУУР отметил, что у него нет сомнений в том, что экстрасенсы могут помочь в раскрытии преступлений.

За рубежом способности экстрасенсов активно используются. Например, сообщается, что ясновидящая Д. Элис помогла полиции США в раскрытии 16 убийств.

2. Специальные исследования, проведенные в одном из научно-исследовательских учреждений, относящихся к системе органов правопорядка, привели проводивших их сотрудников к ряду выводов. Во-первых, они отмечали, что реально существуют люди с экстрасенсорными способностями, позволяющими воссоздать картину места происшествия, обеспечить более эффективный поиск преступников, и т. д. Во-вторых, по мнению исследователей, ни дальность свершившегося события, ни давность на результаты работы экстрасенса не влияют. Порой результаты бывают очень удачными. В Иркутске экстрасенсы нашли сейф и оборудование для изготовления фальшивых денег. В одном из вузов была совершена кража. Экстрасенсы назвали преступницу-клептоманку и даже пояснили, как можно заставить ее вернуть похищенное. Достоверность информации, получаемой от экстрасенсов, по мнению исследователей, составляет от 60 до 90%.

Задание:

Сформулируйте свое мнение о необходимости привлечения экстрасенсов к раскрытию преступлений и обоснуйте его. Если ваше мнение положительное, то постарайтесь перечислить конкретные виды преступлений, при раскрытии которых, по вашему мнению, в первую очередь целесообразно использовать экстрасенсов.

---

[1] *Карнеги Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. — М., 1989. - С. 52.

[2] *Там же. - С.* 63.

[3] *Методические* материалы. Юридическая психология для слушателей факультетов № 1, 4 Академии управления МВД, имеющих высшее неюридическое образование, и практических психологов. - М., 1999. - С. 18-20.

[4] Методические материалы. Указ. соч. - С. 21-22.

[5] *Гаврилова Н.И.* Ошибки в свидетельских показаниях (Происхождение, выявление, устранение): Методическое пособие. - М., 1983. - С. 53-54.

[6] *Алферов Ю. А.* Пенитенциарная социология: аудиовизуальная диагностика (татуировки, жесты, жаргон). Ч. 1. - Домодедово, 1996.

[7] Методические материалы. Юридическая психология. / Для слушателей Академии МВД **СССР.** - М., 1990. - С. 72-73.

Глава 10. Психологические особенности профессионально-юридических действий

10.1. Превентивная и постпенитенциарная психология

Понятие. В современных словарях по психологии социальной работы в качестве отдельной статьи выделяется такая психологическая дисциплина, как превентивная психология. При раскрытии содержания ее предмета, охватывающего природу и генезис отклоняющегося поведения, а также психопрактику предупредительно-профилактической деятельности, рассматривается, хотя пока слабо, и превенция рецидивной преступности, теории и психотехнологии работы с лицами, отбывшими наказание. Последнее и получило название *постпенитенциарной психологии.* Есть серьезные основания рассматривать постпенитенциарную психологию как направление юридической психологии XXI в., которое должно выработать научно обоснованные рекомендации по эффективной социальной адаптации бывших осужденных, их реабилитации в кругу родных, близких и в референтных группах, изучению общественного мнения в отношении проводимой государством постпенитенциарной политики, психологическому обеспечению воспитательно-профилактической деятельности правоохранительных и патронажных организаций различного типа.

Американский ученый Стэнтон Уиллер в своих трудах начала 60-х годов доказывал, что в исследованиях необходимо больше сосредоточивать внимание на процессах возвращения бывшего заключенного в общество, нежели на восприятии им ценностей и установок тюрьмы. Востребованность в их результатах обусловлена тем, что состояние рецидивной преступности определяется не только качеством исправительно-ресоциализирующего действия в местах лишения свободы, но и успешностью его закрепления у лиц, отбывших наказание. Ведь уголовное наказание, выполняя важную социальную роль, в то же время имеет и ряд негативных последствий для длительно отбывавших его: ослабление или разрыв социально полезных связей, выработка социально-психологических стереотипов поведения, которые облегчали выживание в местах лишения свободы, но создают в последующем трудности в адаптации к жизни на свободе. Поэтому, по мнению известного криминолога В. Фокса, если не осуществляется целенаправленная специальная помощь отбывшим наказание в социальной адаптации и реабилитации, то «после освобождения из тюрьмы индивид проходит через несколько фаз: он уходит из-под влияния тюремной культуры, чувствует, что общество не принимает, отторгает его, находит поддержку среди бывших заключенных, возвращается к своим «тюремным» установкам и продолжает преступную карьеру».[1]

К истории исследований. В отечественной юридической психологии советского периода проблемы социальной адаптации и реабилитации лиц, отбывших наказания, практически не разрабатывались. В силу объективных факторов (прежде всего малочисленности самих психологов) и субъективных предпочтений исследователей (разработка преимущественно вопросов психологической подготовки к жизни на свободе осужденных, находящихся на заключительном этапе отбывания наказания), проблемы постпенитенциарной психологической помощи лишь обозначались как профессионально актуальные, но не подлежали специальному изучению.[2] Среди отечественных юристов проблематика постпенитенциарного контроля и помощи отбывшим наказание целенаправленно разрабатывалась лишь в 20-е годы и с 60-х годов.

В молодой республике Советов организация помощи освобождаемым заключенным стала осуществляться лишь государственным путем, так как частная благотворительность рассматривалась как атрибут капитализма.[3] В соответствии с утвержденным НКВД РСФСР в 1925 г. «Положением о Всероссийском и областных, краевых комитетах помощи содержащимся в местах заключения и освобождаемым из них» главными координаторами патронирования выступали представители Главного управления местами заключения, которые к этой деятельности должны были привлекать представителей советских, профессиональных и партийных организаций. Однако на I Всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей данное положение подверглось критике, так как его необязательность для всех ведомств и учреждений препятствовала успешной работе соответствующих комитетов.[4] С наступлением «эпохи ГУЛАГа» проблематика постпенитенциарной помощи была трансформирована в жесткий административный контроль.

После изменения социально-политической обстановки в стране отечественными юристами с конца 1960-х годов на основе изучения рецидивной статистики и «охранно-превентивной» практики стали снова активно обосновываться и вноситься законодательные предложения по

совершенствованию организации административного контроля, оказанию помощи отбывшим наказание в трудовом и бытовом устройстве (А.И. Васильев, М.И. Волошин, В.И. Гуськов и др.). Благодаря активности ученых и инициативе сотрудников правоохранительных органов к концу 80-х годов положительный опыт деятельности по социальной адаптации освобождаемых из мест лишения свободы (прежде всего с помощью координирующих усилий сотрудников спецкомендатур) был накоплен в Харькове, Бухаре, Куйбышеве, Тольятти и активно пропагандировался МВД СССР для внедрения во всех регионах страны.

Распад Советского Союза, социально-экономический кризис и ликвидация в большинстве стран СНГ спецкомендатур привели к потере «социального заказа» на целенаправленную правовую и психологическую разработку проблем постпенитенциарной помощи отбывшим наказание. Лишь на рубеже веков в России после ратификации международных правовых актов и передачи уголовно-исполнительных учреждений Минюсту снова актуализируется социальная потребность в обосновании и внедрении комплекса мер помощи бывшим осужденным с целью принятия ими ориентации на правопослуш-ный образ жизни в обществе. При этом, по мнению криминолога В.В. Лунеева, сегодня «радикальной стратегией борьбы с преступностью было бы предупреждение *ее* путем изучения и устранения криминогенных дикторов».[5]

Как известно, число факторов, влияющих на состояние правопорядка, свыше 250, и многие из них могут обусловливать постпенитенциарную рецидивную преступность. Среди факторов общего плана обычно рассматривают состояние экономики, уровень социально-политического и духовного развития общества, состояние правового регулирования, закрепления результатов исправительного воздействия. К специальным же факторам относят качественные изменения в контингенте осужденных, вызванные переменами в судебной практике, низкие результаты исправления и перевоспитания осужденных, качественный состав сотрудников правоохранительных органов, применяемые ими средства и формы взаимодействия с другими организациями по вопросам предупреждения и профилактики преступности. Каким образом должны учитываться в правоприменительной практике указанные факторы и каковы здесь перспективы применения достижений психологической науки, рассмотрим на основе анализа имевшей место в дореволюционной России предупредительно-профилактической и патронажной практики, а также накопленного за рубежом положительного опыта.

Опыт предупредительно-профилактической и патронажной практики. В царской России система государственного призрения была введена еще Петром I и имела разветвленный контур централизованного и местного управления. Значительно ее развила и упорядочила Екатерина II, введя Приказы общественного призрения в 26 епархиях. В соответствии с концепцией правовой реформы 1864 г. регистрировалось открытие новых благотворительных обществ. Согласно статистическим данным, на 1.01.1899 г. существовало 7349 благотворительных обществ и 7505 благотворительных заведений, причем 49% их находилось в непосредственном ведении МВД России. Среди последних особое место занимали активно создаваемые с 1895 г. дома трудолюбия и работные дома.[6] Предметом особого внимания (особенно с введением в 1910 г. в России института детского суда) являлось предупреждение и профилактика преступности несовершеннолетних. Согласно исследованиям С.А. Завражина, в дореволюционной России не только существовала научно обоснованная превентивная доктрина,[7] но и складывалась тенденция к усилению взаимодействия официальных структур и неофициальных организаций в русле гуманистически ориентированной идеологии социальной помощи и усиления адресности в предоставлении социальных услуг разным категориям дезадаптированных несовершеннолетних и обогащения их опытом социального поведения.

Весомую роль в исправлении несовершеннолетних преступников, содержавшихся в разноплановых воспитательно-исправительных заведениях дореволюционной России, играли представители патронажных организаций. Понимая, что рецидив происходит в основном в среде, в которую после отбытия наказания попадают воспитанники исправительных заведений, представители системы отечественного патроната дореволюционного периода создавали условия для социальной защиты несовершеннолетних делинквентов от многих жизненных невзгод. Наиболее часто реализуемыми формами социальной помощи воспитанникам были: выдача денежных ссуд, обеспечение их инструментом для занятия ремеслом или сельскохозяйственными работами, подыскивание мест учебы и работы. Как свидетельствует дореволюционная криминальная статистика, в тех исправительных заведениях, где существовал четко налаженный патронат, процент рецидива был значительно ниже.

В настоящее время, когда в постсоветской России отмечается всплеск преступности (в том числе детской и подростковой, что особо негативно для будущего), актуальным представляется глубокое изучение и творческое применение в предупредительно-профилактической деятельности отечественного положительного опыта. Продолжение и развитие имевших место ранее традиций патроната, на наш взгляд, будет достойным вкладом в духовное возрождение России.

Во многих развитых зарубежных странах с 1960-х годов в правоприменительную практику стала внедряться модель социальной реабилитации. В ней упор сделан на «отвлекающие» программы работы с несовершеннолетними правонарушителями и взрослыми, впервые нарушившими закон, которые направлены на недопущение их контакта с системой уголовной юстиции, так как противоправность данной категории лиц будет усиливаться тем больше, чем глубже они будут погружаться в эту систему. В соответствии с моделью социальной реабилитации, с одной стороны, предпочтение отдается реализации альтернативных лишению свободы видов наказания — штрафов, условного осуждения, отбывания наказания в рамках условно-досрочного освобождения, домашнего заключения и тд., а с другой — к реализации «отвлекающих» программ активно подключаются представители альтернативных системе уголовной юстиции государственных учреждений и общественных организаций. Так, в США в рамках созданной специальной службы по работе с молодежью реализуется значительное число проектов воспитательного воздействия в «общинах» — особых типах реабилитационных учреждений (открытые пансионаты интенсивного перевоспитания, спортивно-военизированные лагеря, исправительные коммуны общественной организации «Фонд Диленси Стрит», дневные пункты, групповые общежития, семьи попечителей и пр.). Согласно исследованиям ученых (К. Генцел, 1990; Г.Й. Шнайдер, 1994), исправительное и профилактическое воздействие на правонарушителей непосредственно в общине обладает следующими преимуществами по сравнению с воздействием на них в тюрьмах:

• воспитательное воздействие в условиях сохранения свободы связано с меньшими затратами. При этом имеются в виду не только материальные затраты, но и тот социальный, моральный и психический ущерб, который наносит людям лишение свободы;

• воспитательное воздействие в условиях сохранения свободы дает обществу шанс активно влиять на процесс ресоциализации преступника, устраняя те общественные факторы, которые служат причиной противоправности, и внедряя научно обоснованные психолого-педагогические средства;

• воспитательное воздействие с сохранением свободы не связано с повышением риска для общественной безопасности населения и не отменяет уголовного права и уголовного правосудия, хотя и модифицирует правовые последствия преступления.

По мнению криминолога Д. Глейзера (1983), хотя в отношении особо опасных преступников реакция социума и в будущем будет оставаться в рамках модели справедливости (т.е. лишение их свободы путем помещения в тюрьму), но гуманизм, заключенный в модели социальной реабилитации (исправление на основе улучшения человеческих взаимоотношений и ценностной ориентации в небольших хорошо контролируемых общинах), будет активно способствовать ее перспективному развитию. Согласно диссертационному исследованию Ю.В. Чакубаша (1993), принципы, заложенные в зарубежной модели социальной реабилитации, имеют много общего с идеями, содержавшимися в педагогической системе А.С. Макаренко и развиваемыми в современной отечественной юридической педагогике и психологии. В этой связи представляется актуальным, чтобы ресоциализирующая деятельность, начатая в исправительных учреждениях при участии общественности, получала дальнейшее многоплановое развитие и с лицами, отбывшими наказание. Однако, по мнению В А Уткина, новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы РФ, принятые в 1996 г., при декларируемом курсе на демократию и гуманизм даже несколько уменьшили привлечение общественности к ресоциализирующей деятельности, чем это имело место ранее.[8]

В европейских странах с 1960-х годов значительное развитие получили, с одной стороны, социально-терапевтические пенитенциарные учреждения, а с другой — разнопрофильные заведения постпенитенциарной помощи лицам, отбывшим наказание. Так, еще в 1960-е годы в Великобритании стал развертываться институт попечительского надзора, который к началу 90-х годов уже насчитывал в своем составе около 6 тыс. специалистов, 1600 вспомогательных работников, способных проводить широкие научные обследования, а также непосредственно помогать судам выносить приговоры, вести целенаправленную работу с теми, кто получил

отсрочку исполнения наказания, был приговорен к общественно-полезным работам, осуществлять воспитательно-реабилитирующую деятельность с условно-досрочно освобожденными. Весьма разноплановые, но эффективные по интеграции правонарушителей в социум системы сложились в последние десятилетия в Швеции, Финляндии и Германии, о чем наглядно свидетельствуют периодически издающиеся ВИНИТИ и ГИЦ МВД аналитические обзоры.

В Болгарии, Польше и Венгрии традиционно особое внимание уделяется предупреждению преступности несовершеннолетних, в связи с чем созданы соответствующие специализированные системы. Принятые в этих странах необходимые законы эффективно регулируют компетентность и совместную деятельность специализированных государственных учреждений, общественных организаций и смешанных государственно-общественных органов.

В Чехословакии глобальное реформирование системы постпенитенциарной опеки началось в 80-х годах. При этом благодаря исследованиям С. Нечаса,[9] обеспечено внедрение психологически обоснованных направлений и мер подготовки осужденных к освобождению и постпенитенциарного воспитательно-ресоциализирующего воздействия. Продуктивными для распространения и в других странах представляются предложенные данным ученым как общая модель постпенитенциарной работы, так и рекомендации по индивидуализации исправительных воздействий на различных этапах опеки со стороны ее конкретных субъектов, по методике изучения контроля и оценке условий, социально-психологических факторов и процесса протекания постпенитенциарной опеки. Так, обоснование им в качестве основного принципа необходимости согласованности на базе психологических данных ресоциализирующих усилий всех субъектов по двум взаимосвязанным этапам работы с криминологически опасной личностью (пенитенциарного и постпенитенциарного) актуализирует необходимость разработки психологических типологий и классификаций отбывших наказания, вскрытия закономерностей и механизмов личностных трансформаций у различных категорий преступников при социальной реадаптации и реабилитации в социуме.

Изложенное свидетельствует, что внимание к проблемам превентивной и постпенитенциарной психологии обусловливается как социальными потребностями сегодняшнего дня, так и тенденциями развития научной мысли, а поэтому отечественным юридическим психологам следует активно включиться в их научную разработку.

---

[1] *Фоке В.* Введение в криминологию. - М., 1980. - С. 239.

[2] *Деев В.Г., Ушатиков А.И., Семенов В.А.* Психологическая подготовка осужденных в жизни в новых условиях. - Рязань, 1989.

[3] *Миллер Ф.* Организация помощи освобождаемым из мест заключений. // Административный вестник. - 1925. - № 3; *Жуковский С. О* советском патронате. //Административный вестник. - 1927. - № 6.

[4] *Утевский Б.* Оказание помощи освобождаемым заключенным. // Исправительно-трудовое дело в вопросах и ответах. / Под ред. Е.Г. Ширвиндта. - М., 1930. - С. 165.

[5] *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. - М., 1997. - С. 476.

[6] *Сухорукое М.М.* Эволюция идеи и практики общественного призрения и благотворительности в Российской империи (социально-исторический очерк). // Ученые записки Московского государственного социального университета. - 1996. - № 2. - С. 120-130.

[7] *Основы* отечественной прогрессивной превентивной доктрины предупреждения отклоняющегося поведения несовершеннолетних закладывались трудами таких ученых, как педагоги А.Я. Герд, П.Г. Редкий, Н.В. Шелгунов, К.Д. Ушинский, психологи В.М. Бехтерев, И.А. Сикорский, П.Ф. Лесгафn, юристы Д.А. Дриль, М.Н. Гернет, П.И. Люблинский, И.Я. Фойницкий и др.

[8] *Уткин В.А.* Правовые основы неучастия общественности в реализации уголовно-исполнительной политики. // Проблемы теории наказания и его исполнения в новом Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах. - М., 1997. - С. 144-148.

[9] *Нечас С.* Социально-психологические особенности постпенитенциарной работы государственных органов, хозяйственных и общественных организаций (на материалах ЧССР): Автореф. дисс. канд. псих. наук. - М., 1984.

10.2. Психологические особенности профилактики преступности несовершеннолетних

Состояние и причины преступности несовершеннолетних. В России в течение длительного времени отмечается интенсивный рост преступности несовершеннолетних.

Период	
1988	124638
1989	143874
1990	146910
1991	153651
1992	182627
1993	203830
1994	200954
1995	208096
1996	192199
1997	161978
1998	164787

Выявлено несовершеннолетних, совершивших преступления

Преступность несовершеннолетних в последние годы росла в семь раз быстрее, чем изменялось общее число населения этой возрастной группы. Доля групповых преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в несколько раз выше аналогичного показателя взрослой преступности и составляет от 20 до 80% в структуре преступности в зависимости от различных видов преступлений, их территориального происхождения и т.д. Можно утверждать, что несовершеннолетние — одна из наиболее криминально пораженных категорий населения.

Анализ динамики преступности несовершеннолетних в России позволяет выявить ряд *важных факторов.*

1. Россия имеет высокий уровень преступности несовершеннолетних и отличается интенсивными темпами ее роста - в среднем на 14-17% каждые пять лет.

2. Рост преступности несовершеннолетних происходит на фоне сокращения или крайне незначительного в отдельные годы увеличения общей численности этой возрастной группы.

3. Рост преступности несовершеннолетних происходит на фоне общего роста преступности в стране, охватывающего и другие возрастные группы, но отличается большей интенсивностью.

4. Преступность несовершеннолетних росла, несмотря на то обстоятельство, что в отдельные периоды в России карательная практика в отношении этой категории населения была достаточно суровой.

5. Определенную поправку в картину состояния преступности следует внести в связи с существованием такого явления, как латентность. Латентность обусловлена дефектами регистрации и реального выявления преступлений несовершеннолетних. По оценкам специалистов-экспертов, преступность несовершеннолетних реально в 3-4 раза выше, чем официально отражаемая уголовной статистикой.[1]

К основным причинам роста преступности несовершеннолетних часто относят:

• неудовлетворительные условия воспитания детей во многих семьях;
• слабую помощь родителям в деле педагогического воспитания детей и подростков;
• неудовлетворительные условия воспитания во многих школах и других детских учреждениях;
• слабую подготовку кадров, ведущих воспитательную работу в этих учреждениях;
• неудовлетворительные условия воспитания во внешкольных учреждениях;
• неудовлетворительную работу комиссий по делам несовершеннолетних;
• формализм в деятельности общественных организаций, призванных содействовать семье, школе, детским учреждениям, культурным и другим учреждениям в воспитании детей и подростков, а также милиции, прокуратуре и суду в вопросах предупреждения правонарушений несовершеннолетних;
• недостатки в работе правоохранительных органов по борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Особенности социализации и формирования личности несовершеннолетнего правонарушителя. Социализация представляет собой процесс формирования личности в определенных социальных условиях, социальных группах и приобретения жизненного опыта,

усвоения ценностей, норм и правил поведения. Часто выделяют ряд *стадий социализации:* 1) первичная, или ранняя, социализация (от рождения до подросткового возраста); 2) стадия индивидуализации, характеризующаяся стремлением индивида выделить себя среди других, критически осмыслить общественные нормы поведения; 3) стадия интеграции, отражающая желание человека найти свое место в жизни, «влиться» в общество; 4) трудовая стадия; 5) послетрудовая стадия.

Отклоняющееся, в том числе противоправное, поведение связано с *дефектами социализации:*

• в организации воспитания, приводящими к развитию антиобщественной ориентации и асоциальной мотивации;

• в понимании социальных ролей, приводящими либо к отрицанию роли, непониманию ее социальной значимости, либо к уклонению от исполнения роли;

• в системе общения (сужение круга общения, общение в группе с отклоняющимся поведением, невозможность удовлетворения потребностей в эмоциональном контакте, самоутверждении и т.д.);

• индивидуального социального опыта, зависящими от ошибок в воспитании, специфики общения (например, в семье), усвоения норм асоциального поведения и т.д.;

• социального контроля, зависящими от недостаточной эффективности деятельности семьи, учебно-воспитательных и производственных организаций, правоохранительных органов;

• в социальной адаптации, отражающими, в частности, процессы миграции и урбанизации.

Для понимания позитивных и негативных эффектов социализации представляет интерес *психосоциальная концепция развития личности,* предложенная известным американским психологом Э. Эриксоном. Эта концепция показывает тесную связь психики индивида и особенностей общества, в котором он живет. С первых лет жизни ребенок ориентирован на включение себя в определенную группу, разделение норм группы и ее ценностей («групповая идентичность» по Эриксону). Но, с другой стороны, у ребенка формируется и эгоидентичность, т.е. чувство личностной устойчивости и непрерывности своего «Я». Дефекты отношения к ребенку со стороны окружающих приводят к отрицательным эффектам в формировании его личности.

Обязательному учету в процессе социализации и формирования личности несовершеннолетнего подлежат *кризисы возраста.* Так, Л.С. Выготский выделял кризис новорождения, одного года, трех, семи и 13 лет.[2] Кризисы новорожденности, трех лет и подросткового возраста относят к так называемым большим кризисам. Они характеризуются коренной перестройкой отношений ребенка и общества. Малые кризисы (кризис одного года, 7 лет, 17-18 лет) проходят относительно свободно, связаны с приобретением человеком опыта, знаний и умений, развитием самостоятельности и самоопределения. Кризисы возраста означают особый психологический этап, переход личности к новому, высшему периоду развития.

Из всех переживаемых ребенком кризисных периодов наиболее трудным как для него самого, так и для тех, кто занимается воспитанием (родителей, учителей), является кризис подросткового возраста. Для него характерны эмоциональная неустойчивость подростка, повышенная возбудимость, неуравновешенность, неадекватность реакций, часто проявляющихся в неоправданной резкости и повышенной конфликтности с окружающими. Повышенная конфликтность, особенно в отношениях со взрослыми, родителями, учителями, объясняется тем, что меняется система отношений подростка с окружающими его людьми. Вследствие обостренного чувства взрослости он стремится к равенству в отношениях со взрослыми и сверстниками. Стремясь избавиться от опеки, от оценок и влияния взрослых, подросток становится очень критичным по отношению к ним, начинает обостренно чувствовать недостатки родителей и учителей, подвергать сомнению советы и высказывания старших. Таким образом, возникает много поводов для конфликтов и столкновений между взрослыми и подростками. Немалую роль при этом играет педагогическая несостоятельность взрослых, недостаточное уважение достоинства подростка, опора в воспитании на директивные, принуждающие меры и наказания.

В литературе выделяют несколько типов неправильного воспитания:[3]

• *безнадзорность и бесконтрольность,* приводящие к тому, что дети предоставлены самим себе, проводят время в поиске увеселений и попадают под влияние уличных компаний и противоправных группировок. Безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних, по подсчетам социологов, насчитывается в России более 2 млн человек;

• *гиперопека,* выражающаяся в постоянном надзоре за поведением ребенка, многочисленных запретах со стороны воспитателей и строгих приказаниях;

• *воспитание по типу Золушки,* т.е. в обстановке безразличия, холодности, бесчувствия;

• *жесткое воспитание,* когда за малейшую провинность ребенка наказывают и он растет в постоянном страхе перед наказаниями;

• *воспитание в условиях повышенной моральной ответственности — с* малых лет ребенку внушают мысль, что он должен оправдать многочисленные честолюбивые надежды родителей, или на него возлагаются недетские, непосильные заботы.

Для ранней, или первичной, социализации огромное значение имеет формирование личности в семье. В этот период ребенок усваивает образцы и манеру поведения (часто неосознанно), типичные реакции взрослых на те или иные проблемы. Дефекты ранней социализации в родительской семье могут приобретать криминогенное значение. Наблюдения и исследования показывают, что в семьях, где господствуют эмоциональные, теплые контакты, уважительное отношение к детям, у них чаще всего формируются такие качества, как коллективизм, доброжелательность, способность к сопереживанию, самостоятельность, инициативность, умение разрешать конфликты не силовым путем и т.д. Наоборот, психологическое отчуждение родителями ребенка, отсутствие заботы о нем, ласки, тепла в отношениях могут стать причиной криминального поведения.[4] К числу других причин можно отнести пренебрежительное отношение родителей к нравственным и правовым запретам, дурной пример их противоправного поведения (хулиганство, хищения, алкоголизм и т.д.). Криминогенные последствия может иметь доминирование в семейном воспитании удовлетворения материальных потребностей ребенка в ущерб его духовному развитию.

Негативные результаты в воспитании и формировании отклоняющегося поведения подростка связаны с отсутствием в семье отца. В исследованиях Ю.М. Антоняна, М.И. Еникеева, В.Е. Эминова группы подростков, совершивших корыстные преступления, показано, что причиной их включения в антиобщественные группы послужило либо отсутствие отца, либо отсутствие доверительных отношений с ним. Образовавшийся эмоциональный вакуум в семье заполнялся отношениями не просто в неформальной группе сверстников, а в группе, где лидировали лица старших возрастов, демонстрировавшие свою физическую силу, уверенность, умение разрешать конфликты силовым путем. Можно сказать, что в такой группе подросток пытается получить то, что недополучил от отца.[5]

Потребности общения и самоутверждения подростка должны быть реализованы в благоприятных условиях семьи и групп сверстников в учебном учреждении. Если это по каким-либо причинам не происходит, то самоутверждение осуществляется в неформальных подростковых группах (уличных, дворовых и т.д.) в форме асоциальных проявлений (выпивка, наркомания, курение, хулиганство и т.п.). Об этих группах говорят как о группах риска, формирующих антиобщественные установки подростка и асоциальную мотивацию поведения.

Несовершеннолетние преступники по сравнению с подростками, правонарушений не совершивших, имеют социально отягощенные дефекты психофизиологического и интеллектуального развития, в том числе:

• различные нарушения в деятельности организма, происходящие в период внутриутробного развития, родов, в младенческом и раннем детском возрастах (в том числе от черепно-мозговых травм, общесоматических и инфекционных заболеваний);

• ярко выраженные, начиная с детского возраста, невропатологические черты и патохарактерологические реакции (чрезмерная крикливость, плаксивость, повышенная обидчивость, легкая ранимость, капризность, аффективность, раздражительность, постоянное беспокойство, нарушение сна, речи и др.);

• заболевание алкоголизмом;

• явления физического инфантилизма (вялость, быстрая утомляемость, пониженная работоспособность и т.д.) либо выраженное отставание в физическом развитии, включая дефекты внешнего вида;

• пониженный уровень интеллектуального развития, создающий трудности в общении со сверстниками, воспитателями, в учебе и труде, затрудняющий приобретение необходимой информации и социального опыта.

Обобщенный психологический портрет личности несовершеннолетнего преступника. Прежде всего необходимо отметить деформацию правосознания у несовершеннолетних преступников. Среди них является допустимым нарушение уголовно-правового или иного

правового запрета. Негативное отношение к нормативно-правовым запретам коррелирует у несовершеннолетних с установкой на их нарушение.

Деформации в ценностно-мотивационной сфере отражают, с одной стороны, отсутствие интереса к обучению или производительному труду, с другой — демонстрируют гипервлечение к отдыху, проведению досуга, обладанию модной одеждой и т.д. Совершение преступлений как раз имеет своей целью удовлетворение гипертрофированных досуговых потребностей и интересов. Проведение досуга несовершеннолетними правонарушителями связано с употреблением алкогольных напитков, наркотиков, вступлением в сексуальные связи и т.п.

У несовершеннолетних правонарушителей значительно деформирована эмоциональная сфера, наблюдается эмоциональная «тупость», нечувствительность к страданиям других, агрессивность. Одновременно отмечается эмоциональная неуравновешенность, аффективность, склонность к неадекватным ситуации реакциям. Часто отмечаются также отрицательные изменения воли и волевых качеств.

Среди несовершеннолетних преступников в последнее время наблюдается проявление психопатических черт, которые не связаны с наследственностью и в основном приобретены вследствие неблагоприятных условий жизни и воспитания. Выборочное изучение нервно-психического здоровья подростков, состоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, показало, что у 12% присутствует психопатия, у 50% - акцентуации характера. У 60% испытуемых диагностирована акцентуация по неустойчивому типу, характеризующаяся расторможенностью, у 20% — по гипертимному типу, которая близка по своим поведенческим характеристикам к неустойчивому типу. Главное, что отличает этих подростков, — затруднение в самоконтроле, «бестормозность», чрезмерная подвижность, поведенческая неустойчивость.[6]

Педагогическая коррекция поведения акцентуированных подростков требует строго индивидуального подхода, в основе которого лежат особенности конкретной акцентуации. Так, гипертимный, расторможенный подросток требует особых мер коррекции, ориентированных на социально организованный выход энергии, шумливости, подвижности путем переключения его на занятия спортом, активные виды деятельности, требующие повышенного расхода энергии. Наоборот, шизоидный тип акцентуации, характеризующийся склонностью к углубленным размышлениям и страдающий коммуникативными расстройствами, нуждается в расширении взаимоотношений со сверстниками на основе излюбленных занятий. Если в воспитательной работе игнорировать особенности акцентуированных подростков и вместо индивидуального подхода применять авторитарные методы, то неизбежны нервные срывы и антисоциальные проявления.

Как показывают исследования, в абсолютном большинстве несовершеннолетние преступники — это лица, обладающие привычками, склонностями и устойчивыми стереотипами антиобщественного поведения. Для них характерны:

• постоянная демонстрация пренебрежения к нормам общепринятого поведения (сквернословие, появление в нетрезвом виде, приставание к гражданам, порча общественного имущества, хулиганство и т.д.);

• следование отрицательным питейным обычаям и традициям, пристрастие к спиртным напиткам, наркотикам, азартным играм;

• бродяжничество, систематические побеги из дома, учебно-воспитательных и иных учреждений;

• ранние половые связи, половая распущенность;

• частое проявление, в том числе и в бесконфликтных ситуациях, злобности, мстительности, жестокости, насилия;

• умышленное создание конфликтных ситуаций, постоянные конфликты в семье, терроризирование родителей и других членов семьи;

• культивирование вражды к иным группам несовершеннолетних, отличающихся социально приемлемым поведением, дисциплинированностью, успехами в учебе;

• привычка к присвоению всего, что плохо лежит, что можно безнаказанно отнять у более слабого человека.

Совершенствование профилактики преступлений несовершеннолетних. В настоящее время в силу различных причин отсутствует четкая система работы с несовершеннолетними правонарушителями: 1) законодательство устарело, а новые нормативно-правовые предписания не выработаны; 2) комиссии по делам несовершеннолетних не выполняют в настоящее время

функций координационного центра по борьбе с преступностью несовершеннолетних; 3) совершенно ненормальным является положение, когда основную тяжесть профилактической и воспитательной работы с несовершеннолетними правонарушителями несут органы внутренних дел, прокуратура и суд, т.е. организации, осуществляющие принуждение и карательное воздействие; 4) отсутствуют научно обоснованные рекомендации по осуществлению профилактической и воспитательной работы; 5) органы образования, здравоохранения, социального обеспечения по существу самоустранились от оказания помощи семье в воспитании трудных подростков и разработке соответствующих рекомендаций.

Для исправления сложившегося положения дел Президент Российской Федерации издал Указ от 6 сентября 1993 г. № 1338 «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав». Этим указом определен ряд мероприятий по совершенствованию системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, в частности, предложено:

• создать специализированные службы для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации;

• образовать специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа для несовершеннолетних, совершивших правонарушения;

• создать специальные (коррекционные) учебно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних, имеющих отклонения в развитии и совершивших общественно опасные деяния;

• реорганизовать приемники-распределители для несовершеннолетних, создав на их основе центры временной изоляции для помещения несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния.

В целях координации действий министерств и ведомств России по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних этим Указом образована межведомственная Комиссия по делам несовершеннолетних при Правительстве Российской Федерации.

---

[1] *Криминология /* Под рея. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е Эминова. - М., 1995. - С. 275-276.

[2] *Выготский Л.С.* Проблемы возрастной периодизации детского развития. // Вопросы психологии. - 1972. - № 2. - С. 114-123.

[3] *Столяренко Л.Д.* Основы психологии. - Ростов-на-Дону; 1997. - С. 100-101.

[4] *Криминология. -* С. 95-97.

[5] *Антонин Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследования преступлений. - М., 1996.

[6] *Лебедев А.В.* Оценка нервно-психического состояния подростков, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. // Психология и профилактика асоциального поведения несовершеннолетних. / Под ред. С.А. Беличевой. — Тюмень, 1985.

10.3 Психология обеспечения безопасности дорожного движения

Психологические факторы в дорожном движении. Как и в любом большом деле, в сфере безопасности дорожного движения действует совокупность психологических факторов. Те, что относятся непосредственно к системе безопасности дорожного движения, во многом *обусловлены* ***общей психологической атмосферой в стране,*** состоянием общественного и правового порядка, общественной дисциплины, правосознания и правовой культуры населения. Граждане, выступая участниками дорожного движения, вносят в него «вирусы» тех пробелов правовой психологии, правосознания, жизненных ценностных ориентации, которые сформировались у них как у членов общества. Тем не менее было бы ошибочным все объяснять общими причинами и не видеть причин в самой системе использования транспорта и движения на дорогах. Таких факторов здесь немало, и они требуют особого рассмотрения.

Наиболее общий фактор — *отношение общества, его структур и граждан к вопросам нормального функционирования сферы дорожного движения и обеспечения его безопасности.* Отношение к этой сфере, как ставшей одной из важнейших в жизни общества и его членов, требующей к себе общего внимания, полноценного урегулирования, управления, наведения организационного порядка и призванной функционировать на высоком уровне культуры, характерно для цивилизованных стран. Примерно половина граждан каждой развитой страны

ежедневно становится участником дорожного движения, и поэтому все заинтересованы в нормальном и безопасном функционировании этой сферы. Бурная автомобилизация нашей страны, значительно ускорившаяся в последнее десятилетие XX в., не сопровождалась, однако, адекватным изменением отношения общества к вопросам усовершенствования этой сферы. Меры по совершенствованию управления этой сферой отстают от темпов роста числа автотранспортных средств и их пользователей. Это стало одной из основных причин снижения дисциплины на дорогах, роста аварийности и гибели людей.

С позиций юридической психологии целесообразно обратить внимание на ряд важных, как масштабных, так и частных, аспектов обеспечения безопасности дорожного движения.

Прежде всего к ним надо отнести ***психологию персонала*** органов и структур, ответственных за организацию и обеспечение безопасности дорожного движения — Государственной инспекции безопасности дорожного движения, транспортной инспекции, дорожных ремонтно-строительных управлений. *Особенное значение имеют их отношение к вопросам обеспечения безопасности, уровень их профессионализма, используемые средства и методы.*

Недостатки работы государственной автомобильной инспекции давно у всех на устах. Отрицательно сказываются в настоящее время:

• слабость установки ее работников на выполнение функции социального обслуживания. Похоже, что значительная часть не понимает, что их основная задача - организовывать дорожное движение, создавать удобные и благоприятные условия для передвижения на дорогах. Наблюдается нежелание и неспособность многих работников инспекции действовать в условиях возникновения «пробок» на дорогах, а принимаемые ими меры порой только осложняют положение;

• повальное увлечение карательной функцией, наказанием участников дорожного движения, в результате чего у последних сложился образ инспектора как «врага водителя и пешехода», от которого ничего, кроме неприятностей, ждать нельзя.[1] Традиционно этим отличалась ДПС ГАИ Москвы и Московской области, Удмуртии, Тульской области. Более 70% жалоб, поступавших в ГУГАИ, было от жителей г. Москвы. Показательна и общая цифра привлеченных к административной ответственности за нарушения в сфере дорожного движения — около 40 млн граждан в год;

• слабость пропаганды безопасности дорожного движения;

• пассивность в организации безопасного движения. Несмотря на увеличивающуюся с годами численность работников автомобильной инспекции, их все реже видно на дорогах, на опасных участках их. Между тем нахождение их на постах само по себе дисциплинирует участников дорожного движения;

• избирательный подход в принятии мер к нарушителям правил дорожного движения. Водители и пешеходы нередко наблюдают случаи, когда некто на «престижном» автомобиле на глазах у инспектора проезжает на красный свет, пересекает разделительную линию, опасно резко лавирует в потоке автомашин с одного края дороги на другой, но свисток инспектора молчит;

• нарушения законности, выражающиеся в применении мер, не предусмотренных законом или превышающих полномочия,

• низкая культура общения, несправедливость и мелочная придирчивость во многих случаях, смахивающая на вымогательство, всем очевидная склонность многих работников к взяточничеству и др.

Вред этих и других недостатков проявляется в психологическом влиянии на водителей и пешеходов, в возникновении у них неуважения к закону, неуважаемому самими работниками инспекции.

Серьезные *причины, сказывающиеся на аварийности,* имеются и у работников технических и ремонтно-строительных служб. К *связанным с психологией* можно, например, отнести:

• *слабость понимания роли знаков дорожного движения и разметок дорог в формировании психологии водителей* (они сплошь и рядом выставляются малообоснованно, наблюдается увлечение запретами, установлением зоны ограничений, запрещающие знаки часто словно нарочно ставятся там, где водителю удобно, например, остановиться, и пр.) в организации движения, предупреждающей «пробки» и не толкающей водителей на нарушения;

• *пренебрежение динамичным использованием различных знаков при проведении дорожно-ремонтных работ, возникновении повреждений покрытия и др.* (знаки то не ставятся своевременно, то не переносятся, не убираются, за запрещающими знаками не следуют отменяющие и др. Все это заставляет водителей самостоятельно принимать решения по

уменьшению или увеличению скорости, выборе места стоянки и пр., а не руководствоваться всегда и везде дорожными знаками, подчиняясь беспрекословно их требованиям).

Психология участников дорожного движения и безопасность. Естественно, что серьезные причины недостатков в обеспечении безопасности дорожного движения присущи и главным участникам его — водителям и пешеходам.

Водитель на дороге обнаруживает себя не просто как техник, умеющий нажимать на педали и владеть рулем, но *всегда как личность.* По движению машины безошибочно можно сказать об уме сидящего за рулем человека, уважении к другим, ответственности, дисциплинированности, воспитанности, взрослости, требовательности к себе, сдержанности, бдительности, разумной осторожности и др. Рискованные маневры — проявление не водительского мастерства, а мальчишества, головотяпства, недостатка ума, несформированности личности. В этом, собственно, и кроются главные психологические причины нарушений, приводящих к авариям.

Имеют значение и многие *психофизиологические качества водителей,* которые чаще всего играют роль в предотвращении аварии, — внимательность, быстрая реакция, подвижность, уравновешенность, эмоциональность, устойчивость к риску и др.

Главная психологическая особенность опытного водителя — умение ориентироваться в дорожной обстановке, оценивать степень ее опасности, предвидеть возможные осложнения и маневры других водителей и принимать на этой основе превентивные меры, снижающие возможность увеличения риска и неожиданностей. Водитель за рулем не имеет права ослаблять внимание и должен быть всегда в готовности к быстрому реагированию на угрозу, не отвлекаться даже на долю секунды от наблюдения за дорогой, понимать, что именно эта доля отделяет его от аварии, а порой и от ухода из жизни.

В условиях интенсивной автомобилизации, увеличения количества транспорта, в том числе иномарок, все более активизируется проблема *конкурирующего поведения водителей, конфликтов между участниками дорожного движения,* неверного толкования намерений и поведения водителей и пешеходов, искаженного восприятия конкретных дорожных ситуаций.

В основе взаимоотношений участников дорожного движения с работниками Государственной инспекции лежит взаимное ожидание проявлений личностных особенностей. Среди водителей проявляются, наряду с нормой, и отрицательные типы поведения и построения взаимоотношений с инспектором, которому приходится решать свои задачи, учитывая их. Например:

1. Водитель грубый, бесцеремонный, убежденный в своей правоте и вседозволенности, считающий, что именно ему все обязаны уступать. Инспектору приходится подавлять агрессивность такого водителя не проявлением собственных эмоций, а твердой констатацией факта допущенного им нарушения и напоминанием статьи Правил дорожного движения, которая при этом нарушена.
2. Водитель испуган, но внешне демонстрирует взрыв эмоций, возмущение, многословен, но практически бессодержателен в высказываниях. Инспектор обычно дает такому выговориться, а затем показывает, что ситуация им контролируется, понимается на основе правовой нормы, а вина водителя оценивается правомерно. Даются разъяснения и рекомендации по вождению.
3. Водитель — «жалобщик», считающий, что его вины нет, ибо нарушение было вынужденным, жалующийся на условия, поведение других участников дорожного движения, условия видимости и пр. Инспектору приходится выслушать такого водителя, выразить свое понимание причин допущенного нарушения, объективно оценить пояснения водителя и принять соответствующее решение, дать водителю советы по недопущению подобных нарушений в будущем.

Психологические аспекты улучшения работы по профилактике дорожно-транспортных нарушений. Проблема повышения безопасности в целом связана с обстановкой в стране, общественной дисциплиной, традициями поведения на улицах и дорогах. Вместе с тем благодаря своей массовости дорожное движение становится и частью работы по укреплению общественной дисциплины, усвоению всем населением и участниками дорожного движения цивилизованных форм поведения, отвечающих современному уровню развития правовой культуры.

К числу ***актуальных мер,*** направленных на реализацию новых подходов к обеспечению дорожного движения в современных условиях, можно отнести и ***ориентированные на психологию:***

• воспитание в общественном сознании, в понимании всеми гражданами, органами, структурами и хозяйствами того факта, что надлежащая организация дорожного движения поставлена развитием общества на уровень государственной, общественной, общей проблемы, в решении которой заинтересованы все без исключения и от решения которой зависит безопасность

каждого, является он автомобилистом или нет. Надо вывести проблему решения организации и обеспечения безопасности дорожного движения на самый высокий уровень и сделать ее всеобщей. Не дробление проблемы между разными ведомствами, а централизация управления ее решением со стороны государственных органов должны лежать в основе ее решения. Принимаемые меры не должны отставать от темпов автомобилизации и возникающих в связи с этим проблем;

• проблема обеспечения безопасности дорожного движения должна решаться не карательными мерами, а на основе подхода к ней как к проблеме социального обслуживания, обеспечения нормального функционирования важной сферы жизни общества. От правильных заявлений по этому поводу важно решительно переходить к мерам, обеспечивающим ее решение;

• пропаганда культуры и безопасности дорожного движения должна служить одним из важнейших направлений в государственной пропаганде, что, в частности, требует создания на государственном телевидении и радио специальных программ, подготовленных на высоком уровне психологической и педагогической воздейственности. В этой работе основной акцент должен быть сделан на понимание всеми общей и личной заинтересованности в решении проблемы, на необходимости разумного, ответственного, культурного, взаимоуважительного и дисциплинированного поведения на дорогах, внимания участников дорожного движения друг к другу, показа позитивных фактов культуры и мастерства вождения, добрых советов, примеров образцового Поведения инспекторов госавтоинспекции и пр.; тот же стиль должен преобладать и в рекламе на дорогах;

• необходимо концентрировать усилия на решении узловых, наиболее острых аспектов проблемы, на устранение первопричин. Так, важно кардинально изменить подход к предоставлению прав на вождение транспортных средств: реализация гражданином своих прав и свобод в области вождения не может быть беспредельной, ибо она затрагивает права и свободы других граждан и может представлять реальную угрозу для их жизни и здоровья («моя свобода заканчивается там, где затрагивается свобода другого человека»). Права должны даваться не организму (по состоянию здоровья), владеющему техникой вождения (экзамены), но, главным образом, — гражданину-личности, обладающему надлежащим уровнем социального развития и способному не угрожать благополучию и безопасности других участников дорожного движения. К числу других узловых проблем относится и проблема кадров инспекции, личностей, уровня их развития;

• ориентировать госинспекцию на реализацию функции социального обслуживания: организации, профилактики, помощи (нелишне подумать и о ее названии, замене слова «инспекция» на слово «служба»). Важно превратить ее из «пугала* участников дорожного движения в квалифицированный орган по его обеспечению; перестроить ее взаимоотношения с водителями с принципа «кто кого» во взаимоотношения сотрудничества, взаимного заинтересованного поиска обеспечения высокой культуры и безопасности дорожного движения; не сужать задачи до узко административных, а расширять их по линии обслуживания (психологически благоприятным было бы принятие задачи оказания технической помощи на дорогах). Необходимо обеспечить присутствие личного состава автоинспекции на дорогах большую часть рабочего дня Решительно пресечь всеми мерами (в том числе оперативными, кадровыми, уголовно-правовыми) распространенность среди части инспекторов недостойного, вымогательского поведения, подрывающего в своей основе все разумное в решении проблемы культуры и безопасности дорожного движения;

• учитывать, что пока основным мотивом, побуждающим большинство водителей к осторожности, является любовь к своему транспортному средству, нежелание допускать его повреждения и нести большие финансовые затраты на его ремонт; поэтому важно усилить актуализацию мотива материальной выгоды и самосохранения;

• отказаться от практики постоянного осложнения жизни владельцев автотранспортных средств различными формальными мерами, разобраться в причинах скопления масс водителей в госинспекциях (особенно г. Москвы и Московской области), требующих от людей порой многосуточных затрат времени на решение мелких вопросов и создающих условия для различных злоупотреблений и недовольства;

• прекратить гоняться за «ветряными мельницами», а заняться действительной работой по устранению причин и условий дорожно-транспортных происшествий, аварийности, гибели людей и травматизма на дорогах. Классический пример — ежегодно ужесточающиеся меры по проверке технической исправности транспортных средств, превратившиеся в некую форму изуверских

издевательств над водителями. По многолетней статистике, *техническая неисправность является причиной не более чем 3% происшествий.* Между тем создается впечатление, что в автоинспекции все поставлено с ног на голову: вместо того чтобы соответственно уделять около 3% усилий на устранение этой причины, на нее затрачивается 97%;

• научиться отличать добросовестных водителей от злонамереннных нарушителей норм и правил использования транспортных средств;

• отказаться от увлечения запретительным уклоном, а шире использовать указательные, разрешительные, отменяющие, ориентирующие дорожные знаки и указатели, сузить, где возможно, зоны действия запретительных знаков;

• строго следить за оправданностью, своевременным переносом и уборкой временных знаков при ремонте дорог, указателей зоны их действия.

Необходим и комплекс мер по ужесточению профессионально-психологического отбора сотрудников госинспекции (с ориентацией на определение направленности личности, моральных качеств, культуры, образованности), их воспитанию, морально-психологической и профессионально-психологической, технической и медицинской подготовке. Заслуживают внимания разработка более обоснованных критериев эффективности деятельности; совершенствование внутреннего контроля за деятельностью сотрудников на постах, принятие более жестких (вплоть до уголовных) мер к работникам, злоупотребляющим служебным положением.

Несомненную пользу принесет создание центрального научно-практического подразделения по исследованию и разработке мер психологического обеспечения безопасности дорожного движения, а также назначение в территориальные и линейные службы практических психологов. Улучшение обеспечения безопасности возможно только на основе научного, всесторонне взвешенного подхода, исследований, экспериментов.

---

[1] В одной московской газете инспекторы ГИБДД остроумно названы «операторами машинного доения».

10.4. Психологические аспекты борьбы с экономической преступностью

Проблема борьбы с экономической преступностью. Защита экономики от преступных посягательств криминальных элементов стала одной из важнейших задач государства и общества. Проблема экономической преступности и коррупции из чисто полицейской, какой она является в большинстве стран, перешла в разряд политических, представляя сегодня угрозу национальной безопасности.[1] Рост преступности в экономике с учетом латентности сегодня составляет 50-60% в год. Каждое четвертое такое преступление относится к категории тяжких, и их доля растет из года в год.[2]

Одной из причин сложившегося положения является то, что государственные органы, в частности правоохранительные и судебные, оказались неподготовленными в правовом, организационном, кадровом, материально-техническом, финансовом и, что важно, в *психологическом* отношениях к деятельности в принципиально новой экономической обстановке.

Рассматривая феномен экономической преступности, деятельность государственных органов по борьбе с нею, необходимо учитывать их специфические признаки: 1) совокупность этих преступлений совершается в сфере *экономических отношений;* 2) объектом преступных посягательств выступают прежде всего отношения собственности в различных материализованных формах. Наиболее очевидная форма преступности в сфере экономики — хищения собственности. К этой же категории могут быть отнесены должностные преступления (злоупотребления властью или служебным положением, взяточничество), *если они совершаются в связи, по поводу или в процессе экономических отношений;* 3) экономическую преступность нельзя рассматривать как нечто существующее отдельно от социальной, экономической структуры общества, они органично связаны; 4) экономическая преступность выражается прежде всего в совокупности корыстных посягательств на собственность, порядок управления экономикой со стороны лиц, *выполняющих определенные функции в системе экономических отношений;* 5) преступное поведение в экономической сфере непосредственно порождается ослаблением социального контроля над противоправными и антиобщественными интересами

отдельных лиц и групп, *вытекающими из условий их экономической деятельности,* которая в свою очередь тесно связана с природой хозяйственных отношений на данном этапе развития общества, экономики и т.д.

Можно с полным основанием утверждать, что и в научно-исследовательских, и в практических целях борьбы с экономической преступностью анализ данного вида преступлений необходимо осуществлять с учетом не только всего комплекса норм права, но и *психологических процессов,* происходящих в сфере экономических отношений между людьми, являющимися их участниками. Последнее обстоятельство имеет наряду с теоретическим и практическое значение не только для борьбы с экономической преступностью в целом, но и для непосредственной человеческой деятельности по осуществлению организационной, уголовно-правовой и оперативно-розыскной работы органов внутренних дел по защите экономики от преступных посягательств, потерь, бесхозяйственности, расточительности и т.п., так как только на этой основе можно применить комплексный подход в борьбе с нею.

Изучение криминологических, экономико-правовых и социально-психологических аспектов этого явления показывает, что в недавнем прошлом оно было связано с таким общим положением в нашей экономике, когда производитель, труженик длительное время отчуждался от собственности, утрачивая положение и менталитет заинтересованного хозяина. В результате этого «отчуждения» в сознании людей, участвующих в экономических отношениях, глубоко укоренились психологически, да и в настоящее время продолжают культивироваться, административно-командные методы, волюнтаристский подход, правовой нигилизм, игнорирование объективных экономических законов и категорий. Скрытые до этого психологические причины привели к тому, что товарно-денежные отношения, загнанные прежде в подполье, «вдруг» проявили себя в уродливом обличье «теневой» экономики с ее неизбежными спутниками - коррупцией, особо крупными хищениями, а нормальный материальных интерес - в извращенной форме взяток, «поборов», краж и т.д.[3]

Эти причины носят и еще длительное время, вероятно, будут носить *универсальный* характер, ибо стереотипы сознания людей и глубинные механизмы неудовлетворенности жизнью в значительной степени консервативны. Они обусловливают и сегодня поведение, выражающееся в увеличении корыстных преступлений в сфере экономики, росте их криминальной профессиональности, сращивании корыстных преступников — должностных лиц с общеуголовными элементами, организованной преступностью и созданием «мафиозных» сообществ. Последние, словно «государства в государстве», включают в себя высокопоставленных должностных лиц, контролируемые ими коммерческие структуры и бандитские группировки. Причем власть в этих криминальных «мини-государствах» целенаправленно пытаются захватить как авторитеты преступного мира, так и часть предпринимателей, тесно связанных с криминальными структурами либо сотрудничающих с криминалом для развития коммерческой деятельности.[4]

Как отмечает известный юрист В.В. Лунеев, у преступности динамичный, творческий, «рыночный характер». Она мгновенно, безо всяких бюрократических проволочек заполняет все проявляющиеся и доступные ей неконтролируемые или слабо контролируемые государством и обществом ниши, адекватно обстановке меняет виды, формы и способы своей «деятельности», непрерывно изобретает новые и нередко изощренные методы сокрытия своих следов, не ограничивает свои действия никакими правовыми, нравственными, психологическими и даже техническими нормами и правилами.[5]

В системе «преступность — борьба с ней» преступность первична, самозащита общества от преступности по своему происхождению вторична. Первые ходы делает преступность, борьба с ней — всего лишь ответ общества и государства на ее вызов. Новые качественные характеристики преступности требуют не только адекватных, но и упредительных мер борьбы с нею — социально-профилактических, экономических, законодательных — уголовно-правового, уголовно-процессуального характера, криминалистических, организационно-управленческих, оперативно-розыскных направлений деятельности, психологически оправданных и обоснованных. Необходимо глубокое, в том числе психологическое понимание причин и условий возникновения новых «ходов» преступности, предвидение психологических факторов, порождающих ее развитие при принятии любых мер, прежде всего на государственном уровне.

Как известно, функция борьбы с экономической преступностью в нашей стране реализуется комплексом социальных учреждений. Наиболее важная роль в этом комплексе принадлежит специальным органам государства — прокуратуре, органам внутренних дел, службе

безопасности, таможенным органам, налоговой полиции, в определенной мере — службе внешней разведки. Каждый из этих органов действует в рамках своей компетенции, своими специфическими, только им присущими формами и методами деятельности, установленными законами. Важнейшим условием успехов выступает *глубокая разведка криминального «экономического подполья»*. Она должна быть направлена в первую очередь на выявление системы его функционирования, финансовых и материальных источников, организации деятельности, структур, иерархии, лидеров, коррумпированных связей и т.п. и уже на этой основе — на выявление конкретных преступных проявлений.[6] В ведении такой разведки масса психологических явлений, условий и зависимостей, нуждающихся в тщательном учете и подготовке сотрудников, организующих и ведущих ее. Специальные службы в процессе защиты экономики от преступлений, выявляя, пресекая и раскрывая их, должны совместно со следственным аппаратом, другими службами органов внутренних дел и правоохранительными органами решать еще одну важную, имеющую свой психологический аспект, задачу — принимать меры к обеспечению возмещения ущерба, причиненного экономическими преступлениями субъектам собственности.

Психологические проблемы борьбы с преступностью, особенно экономической, исследованы еще совершенно недостаточно. Юридическая психология призвана дать не только теоретический,[7] но и *прикладной ответ* практическим органам. Важны исследования по трем направлениям:

• психологии преступного поведения «экономических» преступников, психологии их личности;

• психологических особенностей правоохранительной (профилактической, следственной, оперативно-розыскной и т.д.) деятельности по борьбе с экономической преступностью;

• психологии работников, осуществляющих борьбу с экономической преступностью, и всех аспектов их отбора, подготовки, обеспечения.

Психологические аспекты уголовно-правовых мер по борьбе с экономической преступностью. Уголовное законодательство — эффективное средство борьбы с экономической преступностью в современных условиях. Развивая и совершенствуя его, не следует исходить из публицистических оценок ситуации с преступностью как «разгула» преступности, «беспредела» или из приравнивания ее силы и силы государства («кто кого»). Конечно, ситуация в сфере борьбы с преступностью вообще и экономической преступностью, в частности, может быть оценена как сложная. Однако — и это главное — ее нельзя рассматривать изолированно от состояния общества в целом. Экономическая преступность — лишь одно из явлений, в которых проявляется уровень социальной стабильности или нестабильности общества и его экономического состояния. Темпы прироста зарегистрированной преступности в последние годы связаны главным образом не с качеством правоохранительной деятельности, а с болезненными процессами перехода общества в новое состояние, хотя это не означает, что состояние правоохранительной деятельности не влияет на развитие ситуации.

Поэтому исходно важна задача *формирования* у работников, ведущих борьбу с преступностью, *понимания важности своей социальной роли* и *правильной профессиональной ориентации* на упорную и действенную борьбу *с повседневными* проявлениями экономической преступности. Тем более что оптимальным является не многолетнее слежение за деятельностью преступных сообществ, а предупреждение самого их формирования и активная постоянная работа по их разобщению. Здесь к компетенции правоохранительных органов в первую очередь относится использование уголовно-правовых мер двойной превенции: обезвреживание организаторов и «кандидатов» в активные участники сообщества безотлагательным привлечением их к уголовной ответственности за менее тяжкие, но легко доказуемые преступления — незаконное хранение и ношение оружия, хранение наркотиков, хулиганство, угрозы убийством и т.п. Этот метод борьбы с организованными формами преступности эффективно используется полициями зарубежных стран. Необходимо и законодательное установление объема преступной деятельности, позволяющего применить квалификацию «по максимуму».

Характерны психологическое отношение значительной части работников правоохранительных органов к УПК как к внешнему ограничителю, непонимание, что законность и подлинная целесообразность неразделимы, неумение применять нормы общего характера к частным (особенно нетрадиционным) ситуациям, как и использовать базу, которую дает закон для активных действий (например, положения добровольного отказа от совершения преступлений, освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примечанием 2 к

ст. 201 УК РФ в случае причинения вреда преступлением исключительно коммерческой организации и др.).

В доказывании экономических и связанных с ними должностных преступлений такое *профессиональное неумение* проявляется в *недооценке* косвенных доказательств (ценность обнаруженного имущества, жизнь не по легальным средствам, отсутствие объяснений происхождения обнаруженных средств и ценностей, быстрота прохождения документов и реализации решений по определенным операциям и т.д.). Успех крупных дел, например, о взяточничестве (крупных и по нынешним масштабам) должен базироваться на правиле: доказательств должно быть достаточно и без признания обвиняемого.

Профессиональное неумение проявляется и в беспомощности установления мотивации преступника, когда решение по делу ставится в зависимость от того, что говорит обвиняемый о своем мотиве вместо того, чтобы *выявить его по характеру деяния, предшествующим и последующим действиям, образу жизни, информации о высказываниях в «своем» кругу* и т.д.

Столь же негативные последствия наблюдаются и применительно к *уровню профессионального умения применять уголовный закон.* Неправильно утверждение, что без закона о борьбе с коррупцией невозможно реальное противодействие злоупотреблениям чиновников. Противоречит закону мнение некоторых представителей практики о том, что активные действия по захвату с поличным взяточника или вымогателя, когда заявителю разрешается передача денег или ценностей (признаки которых фиксируются), являются провокацией. Много и иных упущений по применению уголовного законодательства, за чем внимательно следят в преступной среде, обдумывая свое поведение на случай провала.

Задачами дальнейшего радикального усовершенствования уголовного законодательства и правоохранительной практики являются:

• последовательное формирование в сознании работников правоохранительных органов базовых психологических представлений о праве и законности, нравственных ценностях;

• обеспечение приоритетной защиты человека, его прав (этот приоритет отнюдь не создает конфликта с другими целями, ибо эта защита осуществляется именно путем активной борьбы с преступностью, в том числе посягающей на интересы общества в целом);

• максимальная защита законных интересов потерпевших;

• максимальная уголовно-правовая и иная защита свидетелей;

• устранение избыточности уголовно-правовых запретов, невыполнимость которых в правоохранительной практике порождает правовой нигилизм в психологии населения и должностных лиц и позволяет преступникам остаться безнаказанными;

• создание достаточных возможностей для дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания с учетом личности виновных, мотивов и последствий их деяний, а также возможностей поощрения органами

уголовного судопроизводства положительного посткриминального поведения путем смягчения наказания или даже освобождения от него;

• усиление мер по государственно-правовой защите работников правоохранительных органов (жертвующих нередко своей жизнью ради государственных и общественных интересов), обеспечивающих максимальную ответственность преступников за оказание воздействия на них (шантаж, угрозы, повреждение принадлежащего им личного имущества, похищение их детей, покушения, нанесение телесных повреждений и др.);

• решение комплекса вопросов, вытекающих из необходимости взаимодействия с государствами ближнего и дальнего зарубежья в борьбе с преступностью.

Психологические аспекты раскрытия экономических преступлений. Приведенная выше характеристика преступности, особенно в ее новых организационных качествах, дает ответ на вопрос об объективной обусловленности и необходимости оперативно-розыскной деятельности как общественно полезного и необходимого вида человеческой деятельности. А.И. Алексеев по этому поводу пишет: «...Уже давно, много веков, даже тысячелетий назад человечество пришло к такой элементарной истине: тайным действиям преступников надо, помимо всего прочего, противопоставить тайный сыск. Иначе и быть не может: раз есть люди, которые тайно, негласно действуют против себе подобных, против общества, против государства, должны быть и *другие люди, которое их изобличают,* как говорится, выводят на чистую воду и передают в руки правосудия. Таков *принципиальный момент истина* (курсив мой. — *Авт.).* Все остальное - дело техники. А она, наряду с гласными следственными действиями, судопроизводством, включает тайную слежку, скрытое наблюдение, конспиративное выведывание, оперативное легендирование

и т.д.».[8] «Другие люди» — это сотрудники оперативных аппаратов органов внутренних дел, в нашем случае — оперативные работники подразделений по борьбе с экономической и организованной преступностью (БЭП и БОП).

Каждая профессия и принадлежащие к ней люди характеризуются рядом признаков, отличающих их от других. Одним из определяющих признаков оперативно-розыскной работы в борьбе с экономической преступностью является то, что она представляет собой вид государственной службы и политической деятельности специально уполномоченных на то законом лиц.[9] Направленность работы оперативного сотрудника определяется теми задачами, которые ставит перед ним закон об оперативно-розыскной деятельности. Чтобы успешно решать их, оперативный работник должен иметь прежде всего *хорошо развитую профессиональную направленность,* которая всегда выступает как стержневое свойство личности. Кроме того, важнейшим качеством профессиональной деятельности оперработника является его *моральный облик, высокая нравственность?*

Есть точка зрения, что оперативно-розыскная деятельность — это придаток следственной работы, допроцессуальная стадия уголовного расследования и только. Однако это не соответствует природе ее общественной необходимости и социальной обусловленности. Иной вопрос, что она в определенной степени является обеспечивающей по отношению к функциям дознания и предварительного следствия. М.С. Строгович писал: «Оперативно-розыскная деятельность - это совокупность различных действий, *не* имеющих *процессуального характера* и не облекаемых в процессуальные формы. Подобные действия проводятся в *целях обнаружения преступления и преступника»*[10] (курсив мой. — *Авт.).*

В экономической сфере оперативно-розыскную деятельность всегда отличали действия *повышенно* рискованного характера. Это предъявляет к сотрудникам, занимающимся ею, высокие требования к морально-психологической и профессионально-психологической подготовленности, устойчивости, преданности долгу, смелости, самообладанию.

Высоки требования и к организации оперативно-розыскной деятельности, к ее руководителю. Наряду с тем, что ему необходимо обладать теми же профессионально-психологическими качествами, которые присущи рядовому оперативному работнику, руководитель в сфере оперативно-розыскной деятельности должен представлять собой зрелую в политическом отношении личность. Его политическим кредо должны являться принципы, закрепленные нормативно в Законе об оперативно-розыскной деятельности, который однозначно запрещает органам и должностным лицам, осуществляющим ее, предпринимать свои действия в интересах какой-либо политической партии и оказывать влияние через свои негласные возможности на характер деятельности органов представительной и судейской власти, а также общественных объединений или религиозных организаций, зарегистрированных в установленном законе порядке. Это предъявляет высокие требования к гражданственности, патриотизму, беспристрастности, верности закону руководителей оперативных подразделений БЭП и БОП.

Закон устанавливает также, что гражданство, национальность, пол, местожительство, социальное и имущественное положение, принадлежность к общественным объединениям, отношение к религии, политические убеждения отдельных лиц не являются препятствием в выполнении в отношении них оперативно-розыскных мероприятий на территории России, если иное не предусмотрено законом. Это тоже предъявляет *особые требования к профессионализму и личным качествам оперативных работников.* По существу психологические положения содержат и требования закона о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий и проведения оперативных мероприятий по раскрытию преступлений только после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. *Вопросом профессионализма и престижа выступает тут предельно честное и предельно достоверное отношение оперативника к представляемой следователю информации, способность критически осуществлять ее самооценку.* Это усугубляется установленным порядком контроля за деятельностью оперативно-розыскных аппаратов, а также предоставленной гражданам возможностью обжаловать их действия в судебном порядке (ст. 3, 5 Закона).

Важность *твердых психологических установок на соблюдение законности, норм права* в сознании оперативных работников органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскными методами защиту экономики — важнейшей сферы человеческой деятельности, — трудно переоценить. Правовой фактор в деятельности органов внутренних дел в целом всегда имел важнейшее значение в связи с тем, что они относятся к числу органов управления, которым

«предоставлена возможность известного усмотрения, индивидуального регулирования общественных отношений».[11] Подобное «усмотрение» широко может применяться в оперативно-розыскной деятельности, поэтому именно здесь необходимо взаимопроникновение права и психологии.

---

[1] *Послания* Президента Российской Федерации Федеральному Собранию за 1997, 1998 гг.

[2] *Есипов В.М.* Теоретико-методологические проблемы нейтрализации экономической преступности. // Преступность: стратегия борьбы. - М., 1997. - С. 101.

[3] *Яковлев А.М.* Социология экономической преступности. - М., 1988. - С. 6.

[4] *Соломенно Е.* Война за Петербург. // Известия, 1993, 18 дек. N° 243.

[5] *Лунеев В.В.* Тенденции преступности: мировые, региональные, российские. // Государство и право. - 1993. - № 5.

[6] *Колесников В.И.* Преступность в России и стратегия борьбы с ней. // Преступность: стратегия борьбы. - М., 1997. - С. 24, 25.

[7] См.: *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. - М., 1997; *Дулов А.В.* Судебная психология. - Минск, 1974; *Васильев В.Л.* Юридическая психология. - М., 1974, 1991; *Чуфаровский Ю.В.* Юридическая психология. - М., 1995; *Чуфаровский Ю.В.* Психология в оперативно-розыскной деятельности. - М., 1996; *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология. - М., 1998, и др.

[8] *Алексеев А.И.* Социальная ценность и нравственные основы агентурной работы. // Оперативно-розыскная работа. - 1993. - № 2. - С. 20.

[9] *Токарев Е.В.* О целях, задачах и организационной структуре МВД России по борьбе с экономической преступностью. // Проблемы повышения эффективности деятельности аппаратов БЭП органов внутренних дел в современных условиях. - М., 1998. - С. 5, 6.

[10] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2. — М., 1970. — С. 29.

[11] *Алексеев С.С.* Социальная ценность права в советском обществе. - М., 1971. - С. 191.

10.5. Психология розыскной деятельности

Общая характеристика розыскной деятельности. Розыскная (оперативно-розыскная) деятельность — один из наиболее сложных видов правоохранительной деятельности, предъявляющий к осуществляющим ее лицам специфический комплекс требований. Ее необходимость обусловлена самим фактом существования противоправной, прежде всего преступной, деятельности, со свойственным ей тайным, скрытным характером подготовки, совершения преступлений, сокрытия их следов. Без розыскной деятельности практически невозможным стало бы раскрытие многих преступлений и привлечение к ответственности виновных.

Структура розыскной деятельности достаточно сложна, составляющие ее действия и операции разнообразны и зависят от характера решаемых с их помощью задач. В целом для розыскной деятельности эти задачи определены в законе и сводятся к выявлению, пресечению, предупреждению, раскрытию преступлений, а также к розыску различных категорий лиц — уклоняющихся от следствия и суда, отбытия наказания, пропавших без вести и некоторых других.

Мотив оперативно-розыскной деятельности придает смысл осуществляемым действиям, тем самым определяя качество их проведения и возможность достижения цели. Являясь видом правоохранительной деятельности, оперативно-розыскная деятельность социально мотивирована потребностями борьбы с преступностью, но ее индивидуальная мотивация может быть различной. Наиболее существенным здесь выступает познавательно-деятельный *мотив к обнаружению скрытых и намеренно скрываемых фактов и установлению истинных источников криминальных событий.*

Составляющие оперативно-розыскную деятельность розыскные действия разнообразны и могут разворачиваться в весьма сложные самостоятельные виды деятельности в тех случаях, когда на пути их осуществления возникают препятствия, затрудняющие достижение цели. Эти препятствия связаны с условиями, в которых осуществляются действия. Существует множество ситуаций, для которых заранее предвидеть изменение условий невозможно. Поэтому как сами действия, так и их операциональный состав *нередко выбираются и изменяются «на ходу»,*

оперативно. Последнее обстоятельство предъявляет особые требования к лицам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Требования к профессиональным качествам оперативных работников. Специальные исследования позволили построить *психограмму оперативно-розыскной деятельности* и определить основные требования, которые она предъявляет к оперативным работникам.[1] Поиск ответа на основной вопрос оперативно-розыскной деятельности — кто совершил то или иное преступление? — представляет собой процесс оперирования мысленными образами людей, действующих в определенных обстоятельствах. В зависимости от особенностей конкретной ситуации элементами этой модели могут быть, например, общие представления о мотивах поведения, индивидуально-психологических особенностях какой-то категории лиц, образные, более или менее конструктивные представления о самих категориях лиц, от которых можно ожидать совершения таких действий. Во многом содержание оперативно-информационных моделей криминальных событий или иных оперативно-розыскных ситуаций формируется в практическом опыте сотрудников. Его значение проявляется как в содержании мысленных моделей ситуаций, так и в степени конкретности их элементов. В идеальном случае оперативный сотрудник мыслит образами конкретных лиц с их полными установочными и идентификационными данными. Сказанное означает, что *психологическую основу оперативно-розыскной деятельности составляет специфическая база знаний, содержанием которой является система конструктивных динамических моделей людей и механизмов их поведения.*

Основным интегральным психическим процессом, лежащим в основе данного вида деятельности, является *оперативное мышление* осуществляющих ее сотрудников. Его содержание в основном сводится к построению идеальных *оперативно-информационных моделей* ситуаций, на основе которых формулируются оперативно-розыскные задачи и пути их решения. В отличие от других видов психического моделирования, имеющих место в иных видах предметной, например педагогической, деятельности, элементами оперативно-информационных моделей являются *динамические образы людей как субъектов противоправных действий:* от общих представлений о человеке как субъекте преступного поведения и его механизмах до образов конкретных лиц, действующих в конкретных условиях.

Оперативное мышление, являясь стержневым психическим процессом; обеспечивающим розыскную деятельность, непосредственно «вплетено» в практику этой работы, прямо связано с ее результатами и составляет основу профессиональной квалификации оперативника. Если исходить из содержания оперативно-информационных моделей, то основу успешности оперативно-розыскной деятельности составляет профессиональный опыт осуществляющих ее лиц, приобретаемый только на практике.

Оперативно-розыскная деятельность является государственно-правовым видом деятельности, поэтому реализация ее внутреннего, психологического содержания во внешних действиях сопряжена с рядом весьма существенных условий и ограничений. Одним из наиболее важных является *преимущественно негласный характер* этого вида деятельности. Поскольку розыскные действия часто связаны с вторжением в охраняемые права людей, подозреваемых в причастнорти к преступлениям (когда их действительная вина еще не доказана), они могут осуществляться только уполномоченными на их проведение должностными лицами, которые должны скрыть не только характер своих действий как розыскных, но и их цели, а также свою принадлежность к правоохранительным органам.

Конспиративность розыскных действий — их важнейшая характеристика, без ее соблюдения достичь нужного результата часто бывает невозможно. Суть конспиративности состоит в преднамеренном сокрытии истинных целей

осуществляемых оперативным сотрудником действий или создании у других лиц иллюзорных представлений об этом, тем более об общей структуре деятельности, в которую они включены. Именно поэтому закон строго регламентирует использование специфических методов оперативно-розыскной деятельности исключительно в целях борьбы с преступностью.

Конспиративный характер оперативно-розыскных действий требует от осуществляющих их лиц высоко развитых *навыков постоянного контроля за всеми деталями своего поведения* при решении служебных задач, особенно в контактах с другими лицами, т. е. *высоко развитой рефлексии.* При этом жесткий самоконтроль не должен оказывать влияния на естественность, спонтанность поведения оперативного сотрудника и вызывать какие-либо подозрения со стороны иных лиц о его истинных намерениях.

Общение в розыскной деятельности. Общей задачей, решаемой посредством осуществления розыскных действий, является добывание различного рода информации о фактах, событиях, предметах, лицах, имеющих то или иное отношение к подготавливаемым, совершаемым или совершенным преступлениям, к причастным к ним лицам, а также сведений, которые могут иметь значение для установления места нахождения разыскиваемых лиц. Могут быть и иные, частные, задачи, решаемые посредством розыскных действий. Их содержание изложено в различных служебных документах, предназначенных для использования только специально уполномоченными на это лицами, и является предметом служебной и государственной тайны.

Психологическая составляющая этих действий весьма значительна. Прежде всего осуществляющие розыскную деятельность сотрудники должны знать множество *способов установления источников необходимой им информации, а также самих источников.* Эти знания приобретаются в специальных учебных заведениях. Однако в практической деятельности часто складываются ситуации, когда источники информации заранее не известны и должны быть установлены. Решение этой задачи иногда требует от сотрудников незаурядных *аналитических способностей, логического мышления и интуиции.*

Существенной особенностью многих задач, возникающих в розыскной деятельности, является неизвестность или высокая степень неопределенности самих объектов розыска. Если таким объектом является конкретное лицо, то одним из путей формирования источника информации о нем может быть *разработка психологической модели (портрета) предполагаемого преступника,* на основе которой строится тактика его розыска. Решение этой задачи предполагает наличие довольно глубоких, не академических, а основанных на практическом опыте знаний человеческой психологии.

Сходна с ней и другая важнейшая задача розыскной деятельности - установление местонахождения определенного лица. Ее решение во многом зависит от того, в какой степени точно удается построить *прогностическую модель его поведения,* на основе которой можно было бы выдвинуть продуктивные предположения о вероятном месте его нахождения. Здесь в основе также лежит знание психологических механизмов поведения, выбора лицом тех или иных его вариантов в зависимости от конкретных условий.

Самостоятельный комплекс психологических по своей сути проблем розыскной деятельности связан с необходимостью выработки *способов «снятия» необходимой информации с ее источников.* Решение этой задачи зависит от характера как самого источника-носителя, так и самой информации. Такими

источниками могут быть предметы, документы, люди, обстоятельства интересующих событий. Работа с каждым из них требует своих приемов и методов, предусмотреть которые заранее практически невозможно. Несмотря на широкое применение технических возможностей в оперативной работе, основным все же остается получение необходимых сведений от конкретных лиц путем их *опроса.* В какой бы форме он ни проводился, оперативному работнику необходимо *установить специфические отношения с опрашиваемым лицом, мотивировать его или создать специальные условия,* в которых данное лицо сообщит нужную информацию, иногда — скрыть истинные цели опроса, не породить у опрашиваемого лица подозрений в нежелательном для него направлении использования сведений и др.

В процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности сотрудники выполняют множество действий, вступают в контакты с различными людьми. Их главная задача при этом — умение отбирать во всем потоке воспринимаемой информации непосредственно интересующие его сведения, а также любые сведения, которые он должен фиксировать как сотрудник оперативной службы милиции.

Наиболее сложны ситуации, в которых носителями значимой информации являются люди, а специальный интерес к ним со стороны оперативного работника не может быть раскрыт. Здесь возникает целый *ряд самостоятельных, психологически насыщенных задач,* например, определение способов и путей установления контакта с интересующим лицом, получение от него нужных сведений, использование этих сведений в дальнейших розыскных действиях, соблюдение конспиративности и др. Их решение может потребовать от сотрудника реализации навыков различных *видов ролевого, игрового поведения,* соответственно предварительного выбора и «репетирования» роли, в которой наиболее легко вступить в контакт и получить нужные сведения, оставшись нерасшифрованным. Оперативная работа требует определенных *артистических склонностей или способностей* от выполняющих ее людей. Поэтому методы

подготовки актеров могут быть применены в практике профессиональной подготовки сотрудников оперативных служб.

Общей предпосылкой успешной реализации многих розыскных действий является способность сотрудников к *установлению доверительных отношений с различными людьми и в первую очередь — с преступниками и лицами из их окружения.* Именно в этой среде зарождаются и отсюда управляются криминогенные процессы, принимаются все меры к их скрытности, тайности. Преступники, как правило, хорошо осознают противоправность своих действий, поэтому особенно чувствительны ко всяким попыткам как-либо ее обнаружить.

Навыки установления межличностных отношений являются базовыми, лежащими в основе продуктивной оперативной работы. Оперативный сотрудник должен знать механизмы установления контактов и, что наиболее важно, доверительного отношения со стороны других лиц. Необходимо создать у другого человека уверенность, что сообщенные им сведения не будут использованы против него, более того, его собеседник сможет принять заинтересованное участие в реализации сообщенного или в решении иных проблем сообщившего их лица. *Мотивация доверительности* основывается на ожидании поддержки, помощи или просто понимания. Иногда она имеет в основе материальный интерес или носит характер сделки, при которой лицо получает какие-либо льготы в обмен на сообщенные сведения. Задача оперативного работника — распознавание психологической основы установления доверительных отношений и построение тактики контакта с ее учетом.

В любом случае оперативный работник несет ответственность за безопасность тех лиц, с которыми вступает в контакт. Планируя и реализуя определенные действия, в выполнение которых включаются другие люди, он должен предусмотреть меры к обеспечению их безопасности. Это предъявляет специфические требования к оперативным сотрудникам: *умение работать в условиях высоких нервно-психических нагрузок, сохраняя при этом способность быстрого реагирования на изменения ситуации и принятия адекватных решений.* С этой стороной оперативно-розыскной деятельности связана *готовность осуществляющих ее сотрудников к риску,* т.е. к действиям в ситуациях с высокой (но не полной!) вероятностью неудачи, проигрыша. Эти действия совершаются под влиянием чувства долга и обусловлены выполнением обязанностей по защите прав и законных интересов людей. Как правило, действия в ситуациях риска могут осуществляться только тогда, когда они не ставят в эту ситуацию других людей. Поэтому оперативно-розыскная деятельность требует от ее субъектов постоянного *анализа и оценки складывающихся ситуаций с точки зрения безопасности участвующих в ней лиц,* но не в ущерб достижению целей. Ситуации постоянного риска здесь также не нужны, как и в любой другой профессиональной деятельности.

Задачи и пути развития оперативно-розыскной психологии. В целом не будет преувеличением сказать, что оперативно-розыскная деятельность — это практическая психология борьбы с преступностью. Психологическая наука является для нее базовой дисциплиной, оказывающей прямое влияние на качество решения стоящих перед ней задач. Особенно продуктивным может быть восприятие теорией и практикой оперативно-розыскной деятельности психологических концепций о механизмах поведения людей, в том числе преступного, условиях и механизмах криминализации людей, мотивации осуществления ими конкретных видов преступной деятельности, процессах «запечатления» признаков лица в результатах его действий, психологических теорий ролевого поведения. Полноценное создание специальной научной дисциплины — оперативно-розыскной психологии — дело будущего.

---

[1] См.: *Основные* виды деятельности и психологическая пригодность к службе в органах внутренних дел. - М., 1997.

10.6. Психология допроса

Общая характеристика. *Допрос при производстве расследования — это процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела.* Это одно из самых сложных следственных действий; его производство требует от следователя высокой общей и профессиональной культуры, глубокого знания человеческой психологии, мастерского владения тактико-криминалистическими приемами допроса. Сложность допроса заключается не только в том, что следователю в ряде случаев приходится иметь дело с людьми,

не желающими говорить правду или отказывающимися от дачи показаний вообще, но и в том, что в показаниях человека, искренне стремящегося сообщить следователю все известное ему по делу, могут быть ошибки, непроизвольные искажения, заблуждения или даже вымысел, которые при допросе надлежит своевременно обнаружить и учесть при оценке и использовании показаний.

Цель допроса состоит в получении полных и объективно отражающих действительность показаний. Эти показания служат источником доказательств, а содержащиеся в них фактические данные — доказательствами.[1]

Как любое сложное процессуальное действие, допрос подразделяется на ряд стадий, в ходе которых последовательно решаются промежуточные задачи и достигается конечная цель. Весьма подробно процессуальная характеристика стадий допроса описана в многочисленных учебниках криминалистики и, пожалуй, не нуждается в дополнительных комментариях. Однако характеристика допроса как процесса психологического взаимодействия двух сторон — следователя и допрашиваемого — требует пояснений, так как не вполне совпадает с процессуальной.

На наш взгляд, допрос в психологическом плане представляет собой сложный процесс общения, состоящий из последовательности взаимосвязанных этапов (стадий), подчиненных единой цели, среди которых можно выделить основные: подготовительный этап, этап установления психологического контакта, этап непосредственно допроса, этап завершения допроса, этап психологического анализа и оценки результатов допроса.

Каждый из этих этапов имеет собственную структуру и самостоятельное психологическое значение. Причем только стадия непосредственно допроса имеет относительно четкую дифференциацию по объекту: 1) на допрос свидетеля и потерпевшего и 2) на допрос подозреваемого и обвиняемого, в то время как все остальные этапы являются неотъемлемой частью допроса любого лица. Рассмотрим более подробно их характеристики.

Подготовительный этап. Он предшествует непосредственной встрече следователя и допрашиваемого. Главными его задачами выступают: получение максимального объема информации о допрашиваемом, формирование цели допроса, установление наличия и качества имеющихся доказательств, а основной целью — психологическая и тактическая подготовленность следователя к проведению допроса. *Цель допроса* определяет генеральную линию поведения следователя, тактические особенности применения им тех или иных приемов и методов допроса. В зависимости от вида допроса целей может быть несколько и последовательность их достижения потребует изменения его тактики, используемых средств и методов.

Наличие максимально полной информации о допрашиваемом крайне важно для установления психологического контакта с ним, что нередко является основным фактором, определяющим результаты допроса. К такой информации можно отнести: особенности личности, привычки, интересы, увлечения, пороки, жизненные цели, ценности, убеждения, профессиональные умения и навыки и т.д. Эти сведения можно почерпнуть из протоколов допросов и объяснений других лиц, других материалов уголовного дела, данных оперативных служб, служебных характеристик, публикаций в прессе и т.д.

Установление наличия и качества имеющихся доказательств актуально главным образом при допросе подозреваемых и обвиняемых и является важным фактором при выборе тактики допроса. Под наличием доказательств понимается следующее — имеются ли доказательства вообще (т.е. процессуально оформленные) и каково их количество, а под качеством — какой они имеют «вес» или значение для расследования. Наличие обнаруженных и изъятых с места происшествия следов рук или обуви вовсе не означает, что они оставлены подозреваемым. Другое дело, когда имеется заключение эксперта, что они оставлены им. Тактика допроса в этих случаях будет различной.

Психологическая подготовленность следователя к допросу имеет важнейшее значение для его успешного проведения, так как любой допрос, а в особенности в ситуации конфликта, требует огромного психического напряжения, психологической гибкости, готовности быстро менять тактику и находить выход из сложных ситуаций. Это достигается умением хорошо владеть устной речью, невербальными средствами коммуникации, специальными психологическими приемами воздействия на допрашиваемого, способами психологической защиты.

Тактическая подготовленность следователя означает наличие у него четкого и обоснованного плана проведения допроса с учетом указанных выше позиций, а также предусмотрение оперативной его коррекции в необходимых случаях. Это достигается знанием и умением применять широкий спектр приемов ведения допроса в различных ситуациях, знанием

особенностей течения психических процессов (внимания, восприятия, памяти) у различных категорий людей (детей, пожилых, инвалидов и пр.), знанием личностных особенностей различных категорий лиц: ранее судимых, наркоманов, психически больных и т.д.

Разумеется, в рамках подготовительной стадии выполняются и необходимые процессуальные действия следователя: выбор времени, места, техническое обеспечение проведения допроса, вызов или доставление лица, определение участников допроса и пр.

Стадия установления психологического контакта имеет огромное значение для последующего хода допроса.

Определений психологического контакта следователя с допрашиваемым при допросе в криминалистической литературе имеется множество, однако нам представляется наиболее удачным следующее: «Психологический контакт -это система взаимодействия людей в процессе их общения, основанного на доверии; информационный процесс, при котором люди могут и желают воспринимать информацию, исходящую друг от друга».[2] Установление психологического контакта — это создание связи: личностной, информационной, поведенческой, психофизиологической между участниками общения.

Размышляя об отношении следователя и допрашиваемого, В.Л. Васильев отмечает: «Многим допрос представляется как борьба следователя с допрашиваемым. Это по меньшей мере неверно. Такой взгляд совершенно очевидно отражает архаичные установки, корни которых содержатся в карательной политике нашего государства эпохи 30-40-х годов».[3] Не выдерживает критики и мнение о допросе как о процессе воздействия следователя на допрашиваемого. По своей сути допрос является одним из процессуальных видов информационного взаимодействия, межличностного общения и обмена информацией двух главных действующих лиц — допрашивающего и допрашиваемого.[4]

Создание необходимых предпосылок и условий для такого взаимодействия — главная задача стадии установления психологического контакта. Реализуется она множеством способов, подробно описанных в соответствующей литературе, а также в § 8.8, поэтому остановимся здесь лишь на нескольких. Это касается в первую очередь современных психотехнологий коммуникации (эриксонианский гипноз, NLP и др.), элементы которых в той или иной степени обязательно должны быть взяты на вооружение при допросе.

Подстройка или создание подсознательного доверия допрашиваемого к допрашивающему. Смысл этого приема в том, что допрашивающий как бы настраивается на «волну» допрашиваемого и общается с ним на доступном и понятном обоим языке тела, биоритмов, темпе мыслительного процесса, преодолевая неизбежные в ситуации допроса коммуникативные барьеры. Это достигается следующими приемами.

Подстройка к позе. Следует сначала принять ту же позу, что у партнера — отразить позу партнера. Это называется подстройкой, отражением, присоединением, настройкой, отзеркаливанием. Главное в том, что нужно сделать какую-то часть поведения допрашивающего похожей на аналогичную часть поведения допрашиваемого. Отражение позы может быть прямым (в точности, как в зеркале) и перекрестным (если у партнера левая нога закинута на правую, то можно сделать так же). Подстройка к позе — это первый навык активного, форсированного создания подсознательного доверия.

Подстройка к дыханию — копирование дыхания партнера. Здесь возможны варианты: подстройка к дыханию тоже бывает прямой и непрямой. Первая — дышать так же, как дышит партнер, в том же темпе. Вторая — согласование с ритмом дыхания партнера какой-то другой части своего поведения; например, можете качать рукой в такт дыханию партнера или говорить в такт, т.е. на его выдохе. Прямая подстройка более эффективна при создании связи с партнером.

Подстройка к движениям. Человек обычно не сидит как истукан — он жестикулирует, меняет позу, кивает или качает головой, мигает, и все это может быть предметом для подстройки. Подстройка к движениям более сложна, чем предыдущие виды подстройки, потому что и поза, и дыхание — это нечто относительно неизменное и постоянное, это можно рассмотреть и приступить к копированию постепенно. Движение — относительно быстрый процесс, в этой связи от допрашивающего требуется наблюдательность и определенная маскировка, естественность, чтобы партнер не смог осознать ваши действия. Это могут быть любые движения: макродвижения (походка, жесты, движения головы, ног) и микродвижения (мимика, мигание, мелкие жесты, подрагивание).[5]

Качественное выполнение указанных приемов не только позволит установить хороший психологический контакт с допрашиваемым, но и может быть использовано для работы с более глубинными слоями личности (установками, убеждениями, ценностными ориентациями).

Немалую помбщь в эффективном взаимодействии с допрашиваемым на данной стадии могут оказать и такие рекомендации Д. Карнеги: «Искренне интересуйтесь другими людьми», «Говорите о том, что интересует собеседника», «Помните, что имя человека — самое приятное и важное для него слово», «Помогайте собеседнику обрести чувство собственной значительности и делайте это искренне» и др.[6]

Основная стадия допроса. Если остальные описываемые стадии допроса в той или иной мере характерны для допросов всех категорий лиц, то данная стадия имеет существенные особенности, определяемые двумя основными группами участников: 1) свидетеля и потерпевшего и 2)подозреваемого и обвиняемого. Эти особенности обусловлены различием процессуального положения, целями и задачами допроса, применяемыми в ходе допроса приемами и методами, в том числе и психологическими, процессуальным положением лиц.

Разделение допросов на допрос в условиях бесконфликтной ситуации (свидетелей и потерпевших) и допрос в условиях конфликтной ситуации (подозреваемых и обвиняемых) представляется необоснованным, так как обе формы могут быть присущи допросам всех рассматриваемых категорий лиц.

Не касаясь традиционно криминалистических и процессуальных аспектов этой проблемы, рассмотрим лишь психологические особенности этой стадии допроса дифференцированно для каждой из групп.

Допрос свидетеля и потерпевшего. В реализации основной стадии их допроса можно выделить ключевые проблемы, определяющие психологические цели и задачи:

1) диагностика и оценка состояния психофизиологических, познавательных процессов, памяти, уровня и характерных особенностей мышления;

2) выбор и применение психологических способов активизации памяти, стимулирования мышления, восстановления ассоциативных связей;

3) психологический анализ поведения потерпевшего до, в момент и после совершения преступления;

4) психологическая диагностика личностных особенностей потерпевшего: социальной направленности, убеждений и т.д.;

5) диагностика отношений потерпевшего к событию преступления, лицам, его совершившим, наступившим последствиям;

6) оперативный анализ и оценка невербальных реакций потерпевшего и свидетеля, особенно при диалоговом этапе допроса;

7) оперативное изменение тактики допроса на основании перечисленных выше факторов;

8) применение специальных психологических приемов распознавания и преодоления умышленного искажения фактов.

Значение указанных моментов не однозначно и может существенно различаться в зависимости от каждого конкретного случая.

Допрос подозреваемого и обвиняемого чаще происходит в условиях конфликтной ситуации, что в психологическом плане предполагает наличие психологической борьбы. Этим в значительной степени определяются высокие требования к личности и психологической подготовке следователя к ее ведению: владение способами психологической защиты и психологического воздействия, в том числе и жесткого.

В качестве основных моментов, характеризующих данную стадию допроса, следует выделить:

1) диагностику конфликтной ситуации допроса, психологический анализ формы психологической защиты лица и используемых им методов, предварительное планирование тактики допроса;

2) психологический анализ и оценку отношений лица к событию преступления, его последствиям, своей роли в нем, потерпевшему, следователю;

3) психологический анализ и оценку основных личностных характеристик: общей и социальной направленности, ценностных ориентации, установок, мотивов, взглядов, убеждений;

4) выбор линии поведения, коммуникативной позиции, средств и методов психологического воздействия, нейтрализации психологического противодействия;

5) оперативный анализ и оценку невербальных реакций, особенно при диалоговой форме допроса;

6) использование специальных психологических приемов для диагностики и преодоления лжи, запирательства, попыток ввести в заблуждение;

7) использование специальных психологических приемов для переформирования на позитивные установок, взглядов, ценностных ориентации, жизненных целей;

8) использование тактико-психологических приемов склонения к признанию;

9) применение тактико-психологических приемов и методов предъявления доказательств;

10) использование специальных приемов и методов допроса и склонения к признанию в отсутствие доказательств.

Диагностика конфликтной ситуации допроса, психологический анализ формы психологической защиты лица и используемых им методов, предварительное планирование тактики допроса имеют существенное значение для выбора стратегии и тактики допроса в целом.

Возможности прогнозирования поведения допрашиваемого отражены в работах видного отечественного ученого А.Р. Ратинова, который рассматривает механизмы формирования защитного поведения подозреваемого с позиции оборонительной доминанты (очага максимального нервного возбуждения), которая толкает его на создание лжедоказательств невиновности, фиктивного алиби, инсценировок, на ложные заявления, распространение вымышленных слухов и т.д. В качестве средств борьбы с этими явлениями предлагаются метод косвенного допроса, различные отвлекающие приемы, синонимизация понятий и др.[7] К механизмам защитного поведения относятся: «вытеснение», «рационализация», «проекция». Явления такого рода широко распространены и могут быть как неосознаваемыми, так и полностью осознаваемыми.[8] Эта идея во многом перекликается с западными психоаналитическими идеями защитного поведения, в частности А. Фрейда.[9]

Знание формы и методов психологической защиты допрашиваемого позволяет следователю выбрать наиболее эффективный способ собственной психологической защиты. В противном случае он просто не сможет достичь поставленных целей допроса.

Психологический анализ и оценка отношений лица к событию преступления, его последствиям, своей роли в нем, потерпевшему, следователю позволяет определить позицию допрашиваемого по отношению к органам расследования, лицу, проводящему допрос, оценку им общественной опасности совершенного преступления и т.д. Установление этой позиции позволяет наиболее эффективно варьировать последовательность применения приемов и средств допроса, выбор и применение мер психологического воздействия.

Психологический анализ и оценка интегральных личностных характеристик: общей и социальной направленности, ценностных ориентации, установок, мотивов, взглядов, убеждений. Необходимость этого обусловлена, как минимум, двумя основными причинами: 1) необходимостью составления психологического портрета допрашиваемого для решения задач текущего и последующих допросов; 2) использованием таких данных для построения стратегии расследования в целом, в том числе производства других следственных действий, выдвижения версий и т.д.

Выбор линии поведения, коммуникативной позиции, средств и методов психологического воздействия, способов нейтрализации психологического противодействия. Данное положение играет важную, а иногда решающую роль в ходе допроса. Любое общение подразумевает наличие у сторон той или иной позиции общения, которая определяет ведущую роль ее участника. Далеко не всегда допрашиваемый принимает ведущую роль допрашивающего, а в случае жесткого нажима может вообще отказаться от дачи показаний.

Оперативный анализ и оценка невербальных реакций, особенно при диалоговой форме допроса, позволяют следователю быстро реагировать на изменение эмоционального состояния допрашиваемого, состояния замешательства, растерянности, утомления, ослабления внимания, чтобы своевременно изменить ход допроса, сломать защиту и в конечном итоге одержать верх в этом единоборстве.

Использование специальных психологических приемов для диагностики и преодоления лжи, запирательства, попыток ввести в заблуждение. К числу таких приемов можно отнести:

1) приемы эмоционального воздействия:

• побуждение к раскаянию и чистосердечному признанию;

• воздействие на положительные стороны личности допрашиваемого;

• использование антипатии, питаемой допрашиваемым к кому-либо из своих соучастников;

• использование фактора внезапности путем постановки неожиданных вопросов в ситуации, когда допрашиваемый таких вопросов не ждет;

2) приемы логического воздействия:

• предъявление доказательств, опровергающих показания допрашиваемого;

• предъявление доказательств, требующих от допрашиваемого детализации показаний, которая приведет к противоречиям между ним и соучастниками;

• логический анализ противоречий, имеющихся в показаниях допрашиваемого, необъяснимых с точки зрения его объяснений случившегося;

• логический анализ противоречий между интересами допрашиваемого и интересами его соучастников;

• доказывание бессмысленности занятой позиции, не могущей помешать в конечном счете установлению истины;

3) тактические комбинации:

• приемы, преследующие цель сокрытия от допрашиваемого осведомленности следователя о тех или иных обстоятельствах дела;

• метод косвенного допроса;

• приемы, направленные на создание ситуации, при которой допрашиваемый проговаривается.[10]

Использование тактика-психологических приемов склонения к признанию имеет важное значение для получения наиболее полной и процессуально значимой информации, превращения допрашиваемого из противника в союзника в установлении истины по делу, надежной и уверенной судебной перспективы.

Применение тактико-психологических приемов и методов предъявления доказательств. Следует учитывать, что наличие доказательств виновности — это еще не успех в изобличении преступника. Важно их тактически грамотно использовать при допросе, особенно когда их недостаточно. Этот вопрос хорошо освещен в криминалистической литературе.

Использование специальных приемов и методов допроса и склонения к признанию в отсутствие доказательств.[11] Ситуации, когда по уголовному делу нет доказательств, в следственной практике встречаются достаточно часто, поэтому овладение приемами допроса в подобных случаях существенно повысит эффективность следственной деятельности.

Завершение допроса. В уголовном процессе завершение допроса означает проставление подписи допрашиваемого под протоколом допроса. В психологическом плане завершение допроса имеет несколько иное значение.

Как любое общение, допрос имеет начало, основную часть и окончание, причем начало и окончание, как правило, наиболее запоминаемы человеком. Это необходимо учитывать, тем более если с допрашиваемым еще придется встречаться не раз.

Если начало допроса, а именно стадия установления психологического контакта, остается в памяти допрашиваемого как некий эмоциональный фон или сформированное отношение к следователю как к личности, что существенно упрощает установление и поддержание психологического контакта при последующих встречах, то завершение допроса выступает как финал только данного эпизода общения и закладывает прочный фундамент для продуктивных последующих встреч.

На стадии завершения допроса потерпевшего и свидетеля подводится резюме прошедшей беседы, отмечаются моменты, которые нашли отражение в протоколе допроса, и акцентируется внимание на тех обстоятельствах или фактах, которые в силу различных причин (забывания, нежелания и т.п.) не были освещены, но имеют существенное значение для дела. Тем самым человеку ставится «якорь» (в терминологии NLP), побуждающий его впоследствии время от времени возвращаться в памяти к указанным моментам, особенно если в качестве «якоря» использовались эмоционально или личностно значимые для человека формы. Подсознательное возвращение к этим фактам стимулирует умственную деятельность, память и способствует эффективному вспоминанию.

Допросы обвиняемого и подозреваемого, как правило, бывают множественными. Поэтому, завершая текущий допрос, необходимо подготовить благоприятную почву для последующего. Исходя из достигнутых результатов, можно дать лицу тему для размышлений в виде нескольких дополнительных вопросов (например, демонстрирующих некоторую осведомленность следователя), которые даже если останутся без ответа, то станут надежным «якорем». Завершение допроса в дружелюбной, эмпатичной форме, даже если он проходил в ситуации конфликта, позволит в следующий раз не только быстро установить психологический контакт, но и существенно его углубить.

Психологический анализ и оценка результатов допроса. После окончания допроса у следователя имеется протокол с изложением процессуально значимых фактов, сообщенных допрашиваемым. В разных ситуациях они могут иметь различное значение и будут оцениваться в совокупности с другими доказательствами. Но при этом у следователя, как правило, имеется масса невербальной информации, полученной в ходе допроса, которая нигде процессуально не зафиксирована. Значение же она может иметь гораздо большее, чем сказанное допрашиваемым. Поэтому все наблюдаемые в процессе допроса невербальные проявления (жесты, мимика, пантомимика, непроизвольные высказывания, физиологические реакции) должны быть подвергнуты тщательному анализу в совокупности с зафиксированными фактами. Важным моментом при этом выступает установление наличия причинно-следственных связей в триаде «вопрос — невербальные реакции — ответ».

Кроме анализа наблюдаемых реакций допрашиваемого важна и оценка их на предмет смысловой значимости, подлинности, важности для расследования.

Конечно, невербальные проявления не могут являться доказательствами, но, наблюдаемые в ходе допроса, они позволяют своевременно изменять тактику и применение тех или иных приемов и методов допроса, а подвергнутые анализу и оценке по завершении допроса станут опорными точками для выработки тактики последующих допросов и стратегии расследования в целом.

Наряду с анализом и оценкой невербальных проявлений допрашиваемого важен анализ и оценка сведений о его личности, полученных в ходе рассмотренных стадий допроса, так как они позволяют составить более полный психологический портрет лица, соотнести его с уже установленными фактами, выявить и даже разрешить имеющиеся противоречия. Это позволит более качественно проводить последующие допросы, планировать и проводить иные следственные действия, реализовывать имеющиеся следственные версии и выдвигать новые.

Таким образом, допрос представляет собой процессуально сложный, психологически напряженный и многообразный по применяемым приемам и методам процесс взаимодействия допрашиваемого и допрашивающего, основанный на знании психологических закономерностей формирования показаний, оперирования доказательствами, выдвижения и реализации следственных версий, преодоления лжи и запирательства, психологического воздействия и психологической защиты, расшифровки «языка тела», психологического анализа и оценки результатов, подчиненный основной цели — получению объективной, процессуально значимой информации о событии преступления, механизме совершения и лицах, к нему причастных.

Изменение условий функционирования правоохранных структур государства, форм, методов преступности и ее уровня диктует необходимость применения в следственной деятельности широкого спектра самых современных психотехнологий, изменения традиционных, а точнее, устаревших взглядов на средства и методы борьбы с преступностью, этических и нравственных критериев оценки допустимости и возможности средств психологической борьбы.

---

[1] См.: *Криминалистика. /* Под ред. Белкина Р.С., Лузгина И.М. - Т. 2. - М., 1980. - С. 132-133.

[2] См.: *Порубов Н.И.* Допрос в советском уголовном судопроизводстве. - Минск, 1973. - С. 73.

[3] См.: *Васильев В.Л.* Юридическая психология. — Спб.: Питер, 1997. — С. 482-498.

[4] См.: *Криминалистика* /Под ред. В.А. Образцова. - М., 1999. - С. 502-517.

[5] *Горин С.А.* А вы пробовали гипноз? - М., 1994. - С. 12-23, 37-38.

[6] *Карнеги Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. - Самара, 1997.

[7] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. - М., 1967. - С. 196, 210.

[8] *Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х.* Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения. //Личность преступника как объект психологического исследования. — М., 1979. - С. 50.

[9] *Фрейд А.* Психология Я и защитные механизмы. - Л., 1993. - С. 19-21.

[10] *Криминалистика. /* Под ред. Белкина Р.С., Лузгана И.М. Т. 2. - М, 1980. - С. 152-154.

[11] См.: *Гельманов А.Г., Гонтарь С.А.* Как установить участие лица в правонарушении? Эффективный и экономичный метод диагностики скрываемой причастности и получения признания виновного в отсутствие доказательств. — М., 1999.

10.7. Психология очной ставки, предъявления для опознания, обыска и иных следственных действий

Кроме допроса к числу следственных действий относятся: очная ставка, предъявление для опознания, следственный эксперимент, воспроизведение показаний на месте, обыск, выемка, следственный осмотр, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования. Безусловно, все они имеют психологические особенности проведения, однако и по объему, и по числу участвующих лиц они различны. Рассмотрим наиболее психологически насыщенные следственные действия.

Психология очной ставки. Очная ставка проводится следователем между лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия, поэтому она, как правило, связана с острой конфликтной ситуацией и высокой эмоциональной напряженностью. На результаты очной ставки оказывают влияние две группы факторов.

К первой относятся факторы, характеризующие противоречия в показаниях допрашиваемых как бы изнутри субъекта, а именно:

- заблуждение одного лица или группы лиц;
- заведомо ложные показания одного или обоих участников очной ставки;
- прежний преступный опыт допрашиваемого;
- неприязненные отношения между ее участниками;
- ролевые позиции ее участников;
- темперамент и состояние того или иного допрашиваемого.

Вторая группа факторов также связана с противоречиями на очной ставке, но оказывает влияние на эти противоречия со стороны внешней ситуации. К ним относятся в первую очередь действия самого следователя как организатора очной ставки:

- выбор времени. С проведением очной ставки можно поспешить и можно безнадежно опоздать. В ряде случаев правильный выбор времени очной ставки может оказаться главным фактором, определяющим ее успех;
- уровень подготовки к очной ставке;
- контроль следователем своего собственного состояния;
- планирование очной ставки.

В течение всей очной ставки подход следователя к ее участникам должен быть глубоко индивидуальным, основанным на всестороннем анализе личности каждого из них, занимаемой им позиции, анализе причин такой позиции с учетом всех, материалов уголовного дела.

При производстве очной ставки между двумя преступниками для следователя имеется определенная степень риска, которая сводится к тому, что преступники используют очную ставку или для углубления противоречий, или для еще большего запутывания хода следствия. Этот риск может быть уменьшен благодаря всесторонней подготовке к очной ставке и активной роли следователя в период ее проведения.

Особенно большую сложность и ответственность для следователя представляет проведение очной ставки между двумя преступниками, каждый из которых дает ложные показания. Но и в этом случае не следует на основании одного только риска отказываться от проведения очной ставки, тем более что преступники рано или поздно встретятся и поговорят без следователя (при ознакомлении с делом или по дороге в суд, или на самом суде и т. д.).[1]

Очная ставка обладает большой силой воздействия на лиц, в чьих показаниях содержатся преднамеренные искажения истины. Она часто играет роль кульминационного, переломного пункта в их дальнейшем поведении на следствии.

Изобличительная сила очной ставки выражается прежде всего в непосредственном впечатлении, которое оказывает живая речь одного ее участника на другого. Показания, произнесенные непосредственно в присутствии изобличаемого дающим их лицом, более впечатляют, чем те же показания, оглашенные следователем. Кроме того, устный рассказ на очной ставке обычно дополняется деталями и нюансами, интонационными и экспрессивными оттенками, которые придают ему убедительность и жизненную достоверность. Но впечатление живой речи тем выше, чем она последовательнее и логичнее, чем решительнее и увереннее лицо, которое ее произносит.

При подготовке к проведению очной ставки с участием обвиняемого целесообразно изучить психологические особенности, характеризующие обычные для него приемы и способы общения с другими людьми. Например, нужно быть готовым к попыткам обвиняемого подавить волю второго участника очной ставки, если известно, что обвиняемый по характеру властен,

агрессивен, стремится к лидерству в отношениях с людьми. Поэтому большое значение имеет выяснение позиций обвиняемого в межличностных отношениях в семье, на работе, в кругу друзей, характера прежних отношений со вторым участником очной ставки, нет ли моральной зависимости обвиняемого от него, не испытывает ли последний слепого доверия, страха и т. п.

В острой конфликтной ситуации очной ставки ее участники, прежде чем говорить «да» или «нет», нередко должны для себя сделать выбор, с кем вместе и за что они борются. И следователь как организатор очной ставки должен способствовать тому, чтобы это был социально правильный выбор.[2]

Психология воспроизведения показаний на месте и следственного эксперимента. Воспроизведение показаний на месте может являться как самостоятельным следственным действием, так и разновидностью следственного эксперимента и сочетает в себе элементы ряда следственных действий. Ближе всего по своей психологической характеристике оно относится к допросу и осмотру места происшествия, в основном сочетает в себе психологические особенности этих следственных действий.

Основная цель воспроизведения показаний — получить дополнительную информацию по отношению к той, которая уже получена в ходе допроса данного лица.

При воспроизведении показания у допрашиваемого путем ассоциативных связей улучшается память. Находясь на месте происшествия среди вещей и предметов, о которых во время допроса говорилось лишь по памяти, человек может вспомнить такие факты, о которых в кабинете следователя он просто забыл сказать.

Следователь в ходе воспроизведения показаний может получить информацию значительно большую, нежели при допросе, потому что он не только слушает, но видит и сравнивает. В ходе воспроизведения показаний следователь нередко ставит перед собой задачи по проверке достоверности той или иной версии, выдвинутой им самим или обвиняемыми. Поэтому в ходе воспроизведения показаний часто выявляются противоречия в собранных по делу доказательствах, которые иным способом выявить было бы трудно или невозможно.

Поскольку воспроизведение показаний производится только с согласия допрошенного лица, от следователя требуется проявить значительные коммуникативные качества для успешного поддержания контакта в период этого сложного следственного действия.

В качестве оснований для проведения проверки показаний на месте выступают:

1) необходимость обнаружения места происшествия;
2) необходимость установления пути следования;
3) установление места нахождения имеющих значение для следствия предметов;
4) установление неизвестных следствию лиц;
5) установление и уточнение отдельных обстоятельств происшествия;
6) установление обстоятельств, способствующих совершению преступления;
7) установление осведомленности лица, чьи показания проверяются, относительно места происшествия, отдельных объектов или маршрута.

Успешное воспроизведение показаний на месте требует от следователя организаторских способностей. Он должен одновременно руководить большой группой людей (специалисты, конвой, понятые и др.), воспринимать значительное количество информации, анализировать ее, направлять ход следственного действия, а также достаточно полно зафиксировать всю собранную информацию.

При подготовке к воспроизведению показаний следует учитывать ряд организационных моментов, имеющих психологический аспект. В первую очередь нужно правильно выбрать время воспроизведения показаний. После дачи обвиняемым правдивых показаний следует его готовить к выезду на место происшествия (если в этом есть необходимость); промедление в несколько дней, а тем более недель может привести к утрате психологического контакта с обвиняемым, к изменению им своей позиции. Это положение особенно важно, так как проверка показаний на месте может быть осуществлена только в том случае, если лицо, чьи показания проверяются, выражает согласие участвовать в этом следственном действии, рассказать о тех или иных совершенных им действиях (или воспринимаемых им), продемонстрировать при необходимости эти действия, дать требуемые пояснения и т. д.

Следует также учитывать и отрицательное влияние, которое подчас оказывают на позицию обвиняемого лица, чьи показания подлежат проверке, окружающие его лица (сокамерники, соучастники, иные заинтересованные в исходе дела лица).

Иногда люди, которые охотно рассказывают о совершенных преступлениях или проступках следователю наедине, испытывают большие трудности, рассказывая об этом же самом группе людей. Предвидя это, надо заранее провести с допрашиваемым определенную работу — разъяснить порядок про-

верки показаний на месте, рассказать, кто участвует в этом следственном действии, какие функции будут выполнять.

Поскольку одна из задач следствия при производстве проверки состоит в стимулировании дачи обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим или свидетелем правдивых показаний и предотвращении отказов от дачи показаний, элемент изобличения лица, чьи показания проверяются, либо должен вообще отсутствовать, либо быть сведен до минимума.

Ряд проблем психологического плана следует иметь в виду и в отношении других участников рассматриваемого следственного действия. Подбирать участников надо заблаговременно. Они должны знать, что участие в проверке требует длительного времени, и располагать им.

Проведение следственного эксперимента требует тщательной психологической подготовки обвиняемого, в результате которой он мог бы обрести внутреннюю убежденность в необходимости воспроизведения тех же действий, в тех же условиях и с помощью тех же средств (инструментов, приспособлений и т. п.), к которым он когда-то готовился и осуществлял в момент совершения преступления.

При подготовке следственного эксперимента необходимо учитывать не только общие физические и психические данные, характеризующие его участников, но и их психосоматическое состояние на момент произведения опытов. Заболевание, тревога, опасение и даже простая утомляемость могут существенно снизить восприятие происходящих процессов.

Первоочередной задачей для следователя является установление с обвиняемым надлежащего психологического контакта (если он к этому моменту не был установлен). Непреложное условие проведения следственного эксперимента — чистосердечное признание обвиняемого в совершенном им преступлении, что свидетельствует о внутренней его готовности к этому следственному действию.

Если обвиняемому предстоит демонстрация таких действий, которые требуют от него высокого мастерства (например, изготовление фальшивых денег, вскрытие сложных запирающихся устройств и т. п.), то в этих случаях следователю не запрещается несколько «подогреть» тщеславие обвиняемого, естественно, не забывая при этом о воспитательном воздействии на него.

В тех случаях, когда при постановке следственного эксперимента проверяемого нельзя вернуть в прежнее состояние (которое было характерным для него на момент восприятия проверяемого события), следователь при оценке результатов эксперимента должен вносить соответствующие поправки, которые нивелировали бы разность этих состояний.

Необходимое условие достоверности результатов следственного эксперимента — воспроизведение в опыте обстоятельств расследуемого события максимально приближенно к проверяемому. Это касается и используемых в эксперименте материальных объектов, и условий, в которых они должны проявить те или иные качества.

Психология обыска. Обыск — следственное действие, одним из доминирующих элементов которого является принуждение по отношению к обыскиваемому. Он заключается в принудительном обследовании помещений и сооружений, приусадебных участков, одежды и тела отдельных лиц в целях отыскания и изъятия имеющих значение для дела объектов. Принудительный характер обыска и противоречие целей у лиц, принимающих в нем участие,

обусловливают конфликтную ситуацию. Кроме того, для обыска характерно отсутствие постоянного диалога с лицом, располагающим необходимой информацией, отсутствие контакта (обыскиваемый часто уже в силу одной ситуации обыска склонен отрицательно относиться к следователю).

Все перечисленные выше факторы затрудняют получение следователем информации о месте нахождения спрятанных предметов, поэтому он должен использовать факторы, способствующие успеху обыска: подготовку к производству обыска, наблюдение и правильный анализ результатов этого наблюдения, ряд личностных качеств и навыков следователя, которые при производстве обыска могут способствовать его успеху.

Положительные или отрицательные результаты обыска нередко предопределяются подготовкой к этому следственному действию. Хорошая подготовка обеспечивает своевременное начало этого действия, планомерность его проведения, уверенность в успехе, которая возникает у его участников. Отсутствие подготовки или плохая подготовка могут привести к случайным,

бессистемным поискам, нескоординированности действий обыскивающих и в конечном счете — к чувству неуверенности в успехе.

В ходе подготовки к обыску следователю рекомендуется получить ответы на следующие вопросы:

• что следует искать. Как выглядят разыскиваемые предметы (форма, цвет, запах и т. д.);

• что представляет собой объект, который подлежит обыску, площадь объекта, рельеф объекта, его планировка, количество помещений, количество дверей и окон и их расположение, мебель и ее расположение и т. д.;

• кто кроме обыскиваемого может находиться на объекте в момент обыска;

• каково (искусственное или естественное) освещение объекта обыска;

• имеется ли на объекте телефон или другие средства связи (рация, звонок, селектор и т. п.);

• где могут находиться искомые предметы;

• кто будет производить обыск;

• какие технические средства и другие материалы следует взять с собой и т.д.

Чем подробнее следователь разработает план обыска и решит все организационно-тактические вопросы до его начала, тем меньше неожиданностей будет его подстерегать в момент производства обыска и тем больше шансов на успех при его проведении.

Один из приемов, обеспечивающих успех обыска, заключается в его внезапности для того, у кого он производится. Для этого необходимо:

• определить наиболее подходящее время для обыска;

• участникам обыска скрытно прибыть на место;

• внезапно проникнуть в помещение, подлежащее обыску.[3]

Основной способ получения информации при обыске — наблюдение и анализ его результатой. При обыске следует наблюдать за всей обстановкой на объекте, за поведением и обыскиваемого, и обыскивающих. В последнем случае кроме самонаблюдения рекомендуется заранее договориться о наблюдении друг за другом «со стороны».

Особенно много информации может дать наблюдение за поведением обыскиваемого, которое определяется следующими факторами:

• находясь в такой ситуации, он прогнозирует свое будущее в зависимости от результатов обыска. Это обстоятельство, как правило, приводит обыскиваемого в состояние сильного эмоционального возбуждения, которое он обычно стремится скрыть;

• приближение обыскивающего к месту хранения искомых предметов (например, похищенных вещей) приводит к акцентированию в мозгу обыскиваемого тех очагов, которые связаны с событием преступления и его последствиями, и это обстоятельство не может не сказаться на поведении обыскиваемого.

При наблюдении за обыскиваемым следует обращать особое внимание на невербальные проявления его психического состояния (жесты, мимика, пантомимика, покраснения кожных покровов, тремор рук, бегающие глаза, суетливость и т.д.), которые часто являются индикатором приближения обыскивающего к опасному месту или удаления от него.

Психология предъявления для опознания. Предъявление для опознания представляет собой следственное действие, при котором определенное лицо, ранее допрошенное по данным фактам следователем, опознает живого человека, труп, предмет или их фотографическое изображение. Как правило, опознаваемый объект должен быть предъявлен для опознания в группе с другими однородными объектами в количестве не менее трех. О результатах опознания составляется специальный протокол.

Процесс опознания сводится к сравнению образа объекта, хранящегося в памяти опознающего, с объектами, предъявляемыми следствием. Вывод, который получается в результате такого сравнения, сообщается следователю.

На процесс опознания влияет ряд факторов:

1) условия формирования образа объекта, воспринятого в связи с событием преступления:

• социально-психологические установки воспринимающего («вор», «бандит» и пр.);

• эмоциональное состояние субъекта (сильное волнение, аффект);

• физическое состояние субъекта (т.е. состояние его органов чувств, здоровья);

• неблагоприятные погодные и иные обстановочные условия (ночное время, ненастье и т.п.);

• кратковременность восприятия;

• значительное число объектов и т.д;

2) объективность восприятия и анализа информации об объектах, предъявленных следователем (это связано главным образом с условиями, в которых проводится опознание);

3) объективность вывода опознающего, который сообщается следователю.

При производстве опознания необходимо учитывать действие факторов, которые могут привести к тенденциозному восприятию опознающим предъявленных объектов (отсутствие шнурков, остриженная наголо голова, помятая одежда и пр.).

Психология осмотра. Общими тактико-криминалистическими положениями осмотра являются: 1) неотложность; 2) объективность, полнота и всесторонность; 3) целеустремленность; 4) использование научно-технических средств и помощи специалистов; 5) соблюдение криминалистических правил обращения с исследуемыми объектами; 6) единое руководство.

Осмотр места происшествия — это неотложное следственное действие, состоящее в непосредственном восприятии следователем и другими участниками осмотра места происшествия в целях изучения обстановки, обнаружения, фиксации и изъятия следов и других вещественных доказательств, выдвижения и проверки версий о событии преступления, его механизме, участниках, а также решения других вопросов, которые могут иметь значение для правильного решения уголовного дела.

Цели осмотра места происшествия:

1) непосредственное изучение следователем материальной обстановки места происшествия для выяснения характера и обстоятельств расследуемого события;

2) обнаружение, фиксация, изъятие и оценка следов преступления и иных вещественных доказательств;

3) получение исходной информации для выдвижения общих и частных версий о механизме события, его участниках, о личности преступника и др.;

4) получение данных для организации розыска преступника по горячим следам и других оперативно-розыскных мероприятий.

Кроме того, при проведении осмотра необходимо установить обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений.

Материальную обстановку происшествия в системно-структурном отношении следует рассматривать как состоящую из входящих в нее элементов, а само происшедшее событие — как в целом, так и по отдельным его элементам — в виде различных следов, несущих необходимую информацию. Эти следы являются изменениями структуры материальной обстановки, которые возникли в результате события преступления.

Следователь исследует материальную обстановку места происшествия в двух состояниях — до и после происшествия. Первое состояние следователь устанавливает посредством допросов потерпевших, очевидцев, подозреваемых и обвиняемых, путем проведения экспериментов и самого осмотра места происшествия. Второе определяет посредством проведения осмотра, при котором он непосредственно наблюдает вредные результаты совершенного деяния. После анализа и сравнительного исследования обоих состояний места происшествия следователь будет в состоянии выявить изменения, которые были внесены в данную обстановку действиями преступника, механизм возникновения следов, месторасположение отдельных предметов, их причинную связь с расследуемым событием.

Осмотр места происшествия в принципе возможен при расследовании любого преступления.

Осмотр места происшествия — сложное следственное действие. Сложность его определяется прежде всего тем, что обстановка места происшествия не всегда остается неизменной после происшествия (она изменяется под влиянием метеорологических условий, в результате влияния фактора времени, в силу возможных действий лиц, первыми обнаруживших происшествие на месте, и т.. п.). Сложность осмотра состоит и в том, что приходится исследовать довольно часто значительное количество самых разнообразных объектов. Нередко осмотр длится в течение довольно продолжительного промежутка времени, что приводит к психической и физической усталости следователя и других участников осмотра.

Трудность осмотра может состоять и в том, что на его участников нередко оказывает влияние обстановка места происшествия (трагическая ситуация — обнаружение трупа, особенно трупа несовершеннолетнего, настроение толпы людей, окружающей место происшествия, и т. п.). Сложность осмотра часто определяется тем, что преступники при совершении преступления прибегают к различным инсценировкам, и распознать истинный характер их действий довольно сложно. Наконец, следователю нередко приходится осматривать незнакомые места, зачастую

довольно отдаленные от расположения следственного подразделения, при этом могут возникнуть следующие непредвиденные трудности.

1. Производство осмотра места происшествия для следователя обычно совпадает с острым недостатком информации. Нередки случаи, когда в ходе осмотра места происшествия следователю необходимо .получить ответ на главный вопрос: имело ли место событие преступления вообще?

2. Вопросы, которые ставит перед собой и пытается разрешить следователь в ходе осмотра места происшествия, имеют, как правило, комплексный характер. Следователь стремится установить, было ли совершено преступление (или произошел несчастный случай, самоубийство и т. п.), кто совершил преступление, когда, где и по каким причинам оно было совершено, каков механизм действия преступника и т.п.

3. Характерная особенность осмотра места происшествия — получение информации путем наблюдения за конкретной обстановкой места происшествия с последующим анализом результатов наблюдения. Иными словами, информация при осмотре места происшествия получается на первом этапе на уровне конкретных образов, т. е. на уровне первой сигнальной системы, ассоциируется, направленно отбирается в мыслительные модели (версии), которые обретают словесно-логическую форму. При переходе информации из одной формы в другую происходит ее частичная утрата и возможные искажения, что неизбежно влияет на полноту и объективность выдвинутой версии.

4. Основным средством закрепления добытой в ходе осмотра информации является протокол осмотра, в котором вся собранная в результате наблюдения информация излагается в словесной форме, в синтезированном виде (протокол, схема с приложениями).

5. К протоколу осмотра места происшествия нередко прилагаются фотографии, схемы, рисунки, вещественные доказательства, отражающие результаты осмотра в форме образов на уровне первой сигнальной системы.

6. В ходе осмотра места происшествия следователь получает информацию не от людей, а от вещей, и в этом отношении осмотр места происшествия является противоположностью допроса. (В следственной практике получает все большее распространение воспроизведение показаний на месте происшествия, которое совмещает в себе характерные особенности допроса и осмотра.)

Производя осмотр, следователь выдвигает версии о характере события, его участниках, их действиях и др. Уже приступая к осмотру, следователь при общем ознакомлении с обстановкой выдвигает типичные версии, т.е. самые характерные объяснения встретившейся ситуации, основанные на обобщении следственной практики. Например, получив сообщение об обнаружении трупа с признаками насильственной смерти, следователь предполагает, что могло произойти убийство, самоубийство или несчастный случай. В ходе дальнейшего осмотра эти общие версии проверяются, конкретизируются, выдвигаются частные версии, например, о времени совершения преступления, орудиях преступления, действиях участников расследуемого события и др.

Обнаружение следов и других вещественных доказательств на месте происшествия — это очень сложный процесс. В большинстве случаев следователь сталкивается с неясной обстановкой, для которой может быть характерно наличие очевидных, бросающихся в глаза следов или очень малое их количество; кроме того, имеющиеся следы могут быть не видны.

Очень труден поиск микрочастиц — текстильных волокон, мелкого стекла, краски и лака, штукатурки, извести, шерстяных волокон, мелких остатков пищи, табака, пепла, окурков, почвы, различных микроорганизмов и т. п. Эти объекты мелки и очень легки, поэтому при осмотре следует тщательно следить за тем, куда ступает нога осматривающего. В помещениях следует закрыть окна и двери, так как сквозной ветер может унести микрочастицы. Собирать их следует с помощью липкой ленты или пылесоса.

Следователь должен тщательно анализировать обнаруженное, на основании установленных фактов строить версии о местах возможного оставления следов участниками происшествия, производить мысленный поиск этих следов. Суть этого поиска состоит в том, что следователь, проанализировав обнаруженные им следы и другие вещественные доказательства, строит версии о возможности существования других следов, связанных с обнаруженными следами, предполагает, какие конкретные следы и где именно (на каких участках, объектах, предметах) могут находиться на месте происшествия и, исходя из этого, ищет их.

Успех раскрытия большинства преступлений, совершенных в условиях неочевидности, в значительной степени зависит от своевременно и правильно выдвинутой версии. Здесь огромную

роль играют такие профессионально важные качества следователя, как воображение, следственное мышление, интуиция.

Для успешного осмотра места происшествия рекомендуется решать три задачи в строгой последовательности.

Задача первая — собрать всю информацию, которая может иметь отношение к расследуемому событию. На этом этапе не следует ограничиваться сбором сведений под влиянием только одной версии.

Вторая задача — проанализировать собранную информацию и на этой основе попытаться создать версии, которые бы объясняли произошедшее событие.

Задача третья заключается в сопоставлении каждой выдвинутой версии со всей обстановкой места происшествия, В ходе такого сопоставления должны быть объективно отмечены все противоречия (негативные обстоятельства).

Если при решении второй задачи нет возможности выдвинуть хотя бы одну достаточно обоснованную версию, следует признать, что следователь поторопился, и вернуться к решению первой задачи (сбору информации).

Если же при проверке каждой выдвинутой версии выявляются противоречия, необходимо вернуться вновь к решению сначала первой, а затем второй задачи.

Картина преступления (криминальная версия) порождает в голове следователя еще одну модель—план расследования, которая представляет собой также последовательность действий, связанных с поиском преступника.[4]

---

[1] *Васильев В.Л.* Юридическая психология. - С. 499-503.

[2] Там же.

[3] *Криминалистика. /* Под ред. В.А. Образцова. - М, 1999. - С. 474.

[4] *Васильев В.Л.* Юридическая психология. - С. 482-498.

Глава 11. Экстремально-юридическая психология

11.1. Психологические особенности экстремальных ситуаций в правоохранительной деятельности

Экстремальные ситуации в правоохранительной деятельности. Деятельность работников правоохранительных органов протекает нередко в напряженных, конфликтных ситуациях, опасных для жизни обстоятельствах, связанных с применением оружия. Даже проверка документов, замечание в адрес нарушителя правил дорожного движения, разведывательный опрос, профилактическая беседа, очная ставка, допрос наполнены психическим напряжением и содержат потенцию «психологического взрыва», перерастающего в острейшее противоборство. В последнее десятилетие наблюдается тенденция учащения таких ситуаций и обстоятельств. Особо трудны чрезвычайные обстоятельства, вызываемые явлениями и факторами природного, техногенного или социального характера, которые нередко нарушают нормальную жизнь населения, общественную безопасность и порядок на конкретной территории. Это действия стихийных сил природы (землетрясения, ураганы, лесные пожары, сели, эпидемии и эпизоотии и пр.), аварийные изменения техносферы (аварии на химических, экологически опасных производствах, атомных электростанциях, катастрофы транспорта, разрушение зданий и пр.) и социальные катаклизмы (массовые беспорядки, террористические акты, захваты заложников и самолетов, действия незаконных вооруженных формирований, групповое сопротивление силам правопорядка и др.).

Подобные ситуации, условия, обстоятельства оказывают на всех, в том числе и на работников правоохранительных органов, сильное психологическое воздействие и именуются обычно экстремальными (особыми, исключительными, чрезвычайными). Они создают большие сложности в решении профессиональных задач, сказываются на успешности действий, требуют от персонала психологической устойчивости, особой подготовленности, особого умения действовать при таких условиях. Возросшие активность и профессионализм криминального элемента, использование им оружия и других современных средств совершения преступлений, возрождение (после долгого перерыва) группового бандитизма, организованной преступности породили по существу и новый вид правоохранительной деятельности — служебно-боевую деятельность. К ее осуществлению в первую очередь должен быть готов личный состав органов и войск МВД, специальных отрядов (ОМОН, СПЕЦНАЗ, СОБР), и рядовые и командиры, начальники.

Экстремально-психологические факторы. Экстремальные условия, ситуации, обстоятельства объективно содержат в себе различные факторы (причины, силы, особенности), оказывающие психологическое воздействие на граждан и работников правоохранительных органов. Можно выделить две группы таких факторов.

Экстремальные морально-психологические факторы:

• наблюдаемое и осознаваемое нарушение *общественного порядка* и понимание своего долга в пресечении нарушения и восстановлении порядка;

• *наблюдаемые человеческие потери, лишения, разруха:* гибель людей, трупы, жертвы, страдания, горе людей, их нужда, переносимые тяготы, материальный ущерб, призывы о помощи и др.;

• *общая дезорганизация жизни* на территории, в городе, на дороге и пр., необычное поведение граждан (паника, толпы, беженцы, истерия, агрессивность);

• *резкая активизация криминального элемента* — неожиданный переход его от имитации правопослушания к агрессии с применением физической силы, а в зонах чрезвычайных обстоятельств — мародерство, кражи, грабежи, разбои, бандитизм, использование мирных граждан для прикрытия своего отхода и др.;

• *большая значимость* происходящих событий, понимание личной причастности к ним;

• *сознание ответственности* за свои решения, поступки, действия и достижение необходимого профессионального результата;

• *опасность для здоровья и жизни граждан,* находящихся в зоне происходящих экстремальных событий, а также — *своих коллег и себя лично;*

• *коллективизм, солидарность,* выражающиеся в понимании необходимости действовать совместно, согласованно со своими сослуживцами и взаимодействующими подразделениями, не

подводить друг друга, оказывать взаимную поддержку и выручку, следовать примеру других и самому показывать пример;

• *пример старших, начальников, командиров* — фактор, особенно сильно сказывающийся в трудных, опасных условиях. Боевая мудрость гласит: «Если побежит командир, солдат обгонит его на пять километров»;

• *посулы, подкуп* — в экстремальных условиях и правонарушители, преступники попадают в критические, безвыходные ситуации и готовы пообещать, предложить, дать работникам правоохранительных органов все, чтобы только спастись, получить хотя бы передышку. Это сразу психологически ставит сотрудника перед моральным выбором — профессионального предательства или верности долгу, присяге, чести.

Эта группа факторов оказывает сильное морально-психологическое воздействие, требуя от сотрудников высокой морально-психологической подготовленности, мобилизованности, стойкости, самообладания.

Экстремальные профессионально-психологические факторы характерны общим воздействием на психику, затрудняющим реализацию обычных, отработанных ранее действий, успешно выполнявшихся в относительно спокойных рабочих условиях. Это следующие факторы:

• *новизна, необычность.* Экстремальные ситуации повышенной сложности бывают у большинства работников правоохранительных органов не ежедневно и менее привычны для них. Они отличаются и определенной уникальностью, требующей действовать не шаблонно, а гибко, находчиво, с умом, напрягая свои возможности;

• *внезапность.* Большинство сложных условий или еще большее их усложнение происходит резко, радикально меняя ситуацию. Это требует от работника готовности к таким усложнениям, бдительности, умения не поставить себя в сложное положение, не растеряться;

• *стремительность, дефицит времени.* Экстремальные ситуации заставляют профессионала действовать быстро, реагировать на изменения немедленно и адекватно, не отставая от темпа изменения обстановки и развития событий;

• *высокие нагрузки.* Действовать в сложных условиях, достигать результатов, которые не возникают по «мановению палочки», — значит использовать все свои возможности, предельно напрягаться, показывая все, на что ты способен. Нагрузки комплексны: умственные, эмоциональные, волевые, физические. При чрезвычайных обстоятельствах личному составу нередко приходится решать задачи в условиях лишений (возможных нарушений приема пищи, условий для отдыха и сна, соблюдения личной гигиены и пр.);

• *длительные нагрузки* — очень характерный для правоохранительной деятельности фактор. Даже кабинетная работа обычно проходит в обстановке постоянной спешки, решения сложных задач, разговоров с трудными в общении людьми, нарушения намеченных планов срочными заданиями, без перерывов, в тесноте и пр., что уже во второй половине рабочего дня приводит сотрудника в состояние, требующее проявления высокого самообладания, сдержанности, умения мобилизовать себя на продолжение качественной работы. Еще сложнее тем, кто находится сутками и неделями в полевых условиях;

• *неопределенность.* Практически всегда работникам правоохранительных органов приходится действовать в обстановке информационной неопределенности: неясности, нехватки информации, обилии информации (существенной и не имеющей значения, достоверной и лживой, устаревшей и неточной, определенной и противоречивой). Задача обычно не сводится просто к добыванию и уточнению информации, ибо время не ждет и надо действовать даже при неопределенности ситуации, причем так, чтобы не совершать ошибок;

• *риск.* Риск есть в любой профессии и любом деле. Однако в правоохранительной деятельности он присутствует практически постоянно, причем степень риска, вероятность неудачи здесь повышенные. Сами виды риска многообразны: риск срыва решения служебной задачи, риск нарушения сроков, риск ухода преступника от ответственности, риск получения взыскания, риск освобождения от должности, риск получения физического повреждения, риск для своей жизни, риск для граждан, риск для своего авторитета и морального престижа и т.п.

Влияние экстремальных ситуаций на психику и действия работников правоохранительных органов. Попав в экстремальные условия, каждый работник испытывает большие, а порой и предельные нагрузки, наблюдая за всем происходящим и выполняя необходимые профессиональные действия. Он много и напряженно размышляет, оценивает, делает для себя выводы, принимает решения, продумывает способы поведения и действий, мобилизует собственные силы и возможности, преодолевает внутренние трудности и колебания,

подчиняет свое поведение долгу, решению поставленных задач и т.п. То, что происходит в его психике, неизбежно отражается на качестве его профессиональных действий, причем не однозначно.

Доказано экспериментами и на практике, что экстремально-психологические факторы оказывают ***положительное влияние на психику профессионала правоохранительных органов, если он хорошо подготовлен морально- и профессионально-психологически.*** Для его психической деятельности в экстремальных условиях характерны:

• обостренное чувство долга, ответственности и решимости, соединенное с желанием безусловно и качественно решать стоящие задачи;

• полная самомобилизованность, проявление всех сил и возможностей в ходе решения задач;

• боевое возбуждение (в пределах полезности), повышенная энергичность и активность, большая настойчивость и упорство в достижении целей;

• деятельностный максимализм, выраженный в страстном стремлении добиться результата, причем самого высокого и безусловного,

• повышенная бдительность, внимательность, наблюдательность, быстрая и четкая работа мысли;

• собранность и постоянная готовность к любым неожиданностям, к быстрым реакциям на изменение обстановки и возникновение опасности;

• устойчивость к временным неудачам и др.

Их действия поэтому отличаются высоким качеством, повышенной четкостью, меткостью стрельбы, результативностью. Многие из таких работников в экстремальных условиях испытывают профессиональный азарт и удовольствие.

Положительные изменения имеют не только индивидуальный, но и *групповой* характер. Так, в боевых группах, отрядах, подразделениях, частях, отличающихся высокой подготовленностью, наблюдаются укрепление морально-психологического климата, здоровое общественное мнение и оптимистическое настроение, взаимоотношения подчиняются боевым и служебным интересам, улучшаются взаимодействие, взаимопонимание, взаимопомощь, проявления товарищества, солидарности, взаимной поддержки, следование профессиональным и боевым традициям и др.

Однако ***на плохо подготовленных*** в профессиональном, моральном и психологическом отношении работников экстремальные ситуации и присущие им факторы ***оказывают отрицательное воздействие.*** В их психической деятельности преобладают:

• переход интенсивности психического напряжения за пределы полезности;

• беспокойство, растерянность, нерешительность, замедленность реакций;

• боязнь неудачи, страх перед ответственностью, подчинение своего поведения мотиву избегания неудачи любой ценой (вместо стремления к максимально возможному успеху);

• ухудшение сообразительности, наблюдательности, оценки обстановки, проявления провалов памяти и иллюзий восприятия («У страха глаза велики», «Пуганая ворона куста боится»);

• снижение активности, настойчивости, упорства, находчивости и изобретательности в достижении цели, повышение склонности к поиску оправданий («Кто хочет — тот ищет способы, кто не хочет — ищет причины»);

• постоянное чувство слабости, усталости, бессилия, неумения мобилизоваться;

• обострение чувства самосохранения, захватывающего порой все сознание и становящегося единственной побудительной силой поведения;

• рост раздражительности, потеря контроля над собой и др.

Эти отрицательные проявления в психической деятельности адекватно отражаются на действиях и поступках. При переходе через предел полезности напряжения и появлении перенапряжения (дистресса) первично утрачиваются творческая способность, адекватное понимание происходящего; действия делаются шаблонными и не полностью отвечающими обстановке. При дальнейшем росте интенсивности психического напряжения под влиянием возникших отрицательных психологических явлений начинают появляться ошибки даже в отработанных умениях и навыках, их число постепенно увеличивается, а сами они делаются более грубыми; результативность быстро уменьшается. При возникновении предельного напряжения появляются грубейшие ошибки (например, водитель автомашины вместо педали тормоза нажимает на педаль газа, а потом, если остается в живых, никак не может объяснить, почему он это сделал); всякие инструкции и рекомендации «вылетают из головы»; возникают проявления откровенной трусости, отказа от выполнения рискованных поручений, обмана, нечестности, безволия и др.

Если перенапряжение продолжает увеличиваться и дальше переходит критическую точку *К,* наступает *запредельное напряжение* и происходит срыв психической деятельности — потеря способности понимать окружающее и отдавать отчет в своем поведении. Срыв может выражаться в тормозной форме (ступор, психологический шок, оцепенение, безразличие, полная пассивность и равнодушие, потеря сознания и др.) или истерической (паническое, бессмысленное, хаотическое поведение).

Отрицательные явления возникают и в плохо подготовленных группах: нездоровые и пессимистические настроения, слухи, недовольство, отрицательные мнения, ослабление дисциплины, нарушения уставных и служебных норм поведения, склонность к неумеренному употреблению спиртного, конфликты во взаимоотношениях, паника.

Все эти отрицательные психологические явления могут возникать и у граждан, даже у допрашиваемого, что надо понимать и учитывать.

Практический опыт позволяет утверждать, что при качественной морально-психологической и профессионально-психологической подготовке, при серьезной личной работе сотрудника над собой все возможные отрицательные влияния экстремальных условий на него и его действия могут быть успешно нейтрализованы.

11.2. Боевая готовность и бдительность сотрудника

Бдительность, боевая готовность и психология. Правоохранительная деятельность и особенно деятельность личного состава МВД, военнослужащих войск изобилуют ситуациями, условия которых изобилуют элементами неожиданности, внезапности, сопряженными с риском, опасностями, готовностью действовать немедленно и наилучшим образом. Это, например, условия несения дежурств, караульной и патрульной службы, оперативно-розыскной деятельности и выполнения задач на блокпостах, действий сотрудников отрядов специального назначения (ОМОН, СОБР и др.) и вневедомственной охраны. Такие же условия и требования к немедленным, решительным и эффективным действиям могут возникать и при, казалось бы, спокойной, мирной и внешне безобидной деятельности сотрудников по проверке документов, проведению обысков, очных ставок, приеме граждан и даже в кабинетах прокуроров и залах суда.

Наличие «взрывоопасных» ситуаций, чреватых потенциальными угрозами не только срыва решаемой задачи, но и жизни граждан и самих сотрудников, требует практически от каждого сотрудника правоохранительных органов постоянной бдительности и готовности в любой момент действовать даже с применением оружия.

Нахождение на рабочем месте, посту, наличие оружия и средств индивидуальной защиты, автомат наперевес, присутствие охранников и т.п. — все это, бесспорно, важные проявления бдительности и боевой готовности, но *психологически недостаточные.* Главное — смогут ли люди, назначенные на посты и пр., действовать в нужный момент мгновенно, расторопно, грамотно и эффективно. Это подтверждают достаточно многочисленные, к сожалению, факты, когда при внезапных агрессивных действиях криминального элемента сотрудники, призванные такие действия нейтрализовать, на деле оказываются неготовыми, запаздывают, проявляют растерянность, нерасторопность, совершают непростительные и, казалось бы, малообъяснимые ошибки, у них отбирают оружие, охраняемое имущество похищается, задержанные скрываются и пр. *Главную причину* такого непрофессионализма надо искать в них самих — в *отсутствии должной бдительности и боевой готовности.* То и другое — психологические феномены, и проблему решить можно лишь при психологическом подходе.

Подготовленность и боевая готовность. *Совокупность морально-психологических и боевых характеристик сотрудников и военнослужащих, которые позволяют им в любой момент и в любой обстановке выполнять все возложенные на них функции по обеспечению законности, безопасности и правопорядка, называется их* ***внутренней (психологической) боевой готовностью.*** Этот показатель реальной готовности действий сил и средств правоохранительных органов — готовности людей — самый важный, но и обеспечить его труднее всего. Чтобы обеспечить высокую боевую готовность и бдительность, надо знать и понимать, из чеш ина складывается, от чего зависит, как на нее влиять. Иначе говоря, руководителю, офицеру надо понимать психологические слагаемые психологической боевой готовности сотрудников и военнослужащих и уметь воздействовать на них.

Внутренняя боевая готовность воина — это его *целостное личностное проявление.* Для ее понимания следует вспомнить, что все явления психики бывают *устойчивыми* (постоянно или

длительно проявляющимися у данного человека) и *динамичными* (быстро меняющимися, то возникающими, то исчезающими). Они обнаруживаются и в психологической боевой готовности, разделяя все ее слагаемые на две основные группы: группу психологических слагаемых *предварительной* и группу психологических слагаемых *непосредственной* боевой готовности.

Устойчивые психологические особенности, присущие сотруднику, военнослужащему — это его свойства личности, качества, знания, навыки, умения, привычки (а коллективу — господствующие в нем стремления, интересы, потребности, мнения, настроения, традиции). От наличия их зависит сама *возможность* выполнять боевые функции, причем свойство устойчивости этих явлений говорит о длительности, сохранности такой возможности. Вот почему группа устойчиво присущих сотрудникам, военнослужащим данной службы, подразделения, отряда, группы, органа внутренних дел, части, психологических характеристик, в совокупности выражающих их профессиональную подготовленность, в плане боевой готовности является той ее частью, которую правильно назвать ***предварительной (долговременной) боевой готовностью.***

Вместе с тем для характеристики психологической боевой готовности сотрудника, воина важно и то, в каком состоянии находится его психика в данный момент, какими динамическими явлениями она примечательна — о чем думает воин, к чему стремится, что переживает, что собрался делать и т.д. Именно эти процессы и состояния непосредственно предшествуют тем, которые возникнут и будут регулировать действия при внезапном начале действий, а значит, и влиять на них. Каждый убеждался на собственном опыте, что от состояния, в котором находишься, во многом зависит, что и как сделаешь в следующее мгновение. Предварительная боевая готовность (подготовленность), бесспорно, является фундаментом успеха, но фундамент дома — еще не дом. Оцепенение, растерянность, бестолковая суета, не отвечающие специфике условий действия, свидетельствуют, что данному человеку еще чего-то не хватало. Он не был бдителен, потерял бдительность, не ожидал, был расслаблен, не был собран, не изготовился к немедленному реагированию, т.е. не был в состоянии боевой готовности.

Наличие у сотрудника, военнослужащего подготовленности, т.е. устойчиво сформированных знаний, навыков, умений, качеств, говорит о большой вероятности возникновения у него в новой ситуации психических процессов или состояний и соответственно действий. Но это именно вероятность и возможность, а не безусловность и обязательность! Тут есть две причины.

Во-первых, проявление возможностей человеком — *не мгновенный,* автоматически, однообразно и без трудностей протекающий акт, а сложная внутренняя деятельность, связанная с особыми «переходными» психическими процессами (переход от возможности к действительности, актуализации имеющегося потенциала). Бывает, что человек не полностью использует все

свои возможности, а порой просто не может мобилизовать себя в водовороте возникших событий.

Во-вторых, имеется перепад в психической деятельности до и во время внезапно возникших событий, в их содержании, скорости протекания, сбалансированности, испытываемых трудностях и нагрузках. Известно, что даже двигатель, компьютер надо прогреть, чтобы они заработали как надо. В человеческой психике происходит нечто подобнее. Научные данные и боевой опыт показывают, что чем больше разница (перепад) между состоянием готовности и боевым, тем труднее человеку проявить все свои возможности при внезапном начале ответственных действий. Чем ниже состояние готовности до их наступления (чем «холоднее» человек), тем труднее ему дается быстрый (мгновенный) переход к качественным, расчетливым и разумным действиям, тем больше шансов, что это застанет его врасплох и он не проявит себя как надо.

Поэтому так важно *состояние боевой готовности* («боевой настрой», «боевая внутренняя изготовленность»), имеющее по существу решающее значение. В идеале в обстановке возможного внезапного наступления критических событий (т.е. на дежурстве, в карауле, в засаде, при обнаружении нарастания угрозы и т.п.) желательно максимально приблизить психическое состояние сотрудника, военнослужащего к боевому, высшему уровню его. *Бдительность* — важный компонент его, *обостренное чувство близости опасности, побуждающее человека к слежению за ее признаками и их изменениями.*

Из изложенного ясно, что руководителям, командирам и начальникам всех степеней, самим сотрудникам и военнослужащим, помимо повышения на занятиях и в ходе работы над собой морально-психологической подготовленности и профессионального мастерства, необходимо и *повседневно, и особенно в определенные моменты и отрезки времени* (перед заступленном на

дежурства, в караул, на пост, при их несении, нахождении на рубеже в заслонах, при обострениях обстановки и пр.) *заботиться о повышении состояния боевой готовности, доводить его до высшего уровня изготовленности.* Это требует специального понимания, специальной, психологически квалифицированной и тонкой работы.

Содержательные компоненты боевой готовности и бдительности. Все сказанное психологически характеризует внутреннюю боевую готовность личного состава, но недостаточно. Ведь важно не только то, что имеются устойчивые и динамические компоненты, но и каковы они, что они собой представляют в *содержательном отношении.* В психологической науке по этому признаку обычно различают *мотивационные* (побуждающие к действиям), *познавательные* (позволяющие понимать окружающее), *эмоциональные* (связанные с переживаниями отношения к происходящему), *волевые* (обеспечивающие преодоление трудностей) и *психомоторные* (участвующие в осуществлении движений) психические явления. (Каждая из этих групп в свою очередь существует в устойчивой и динамической форме.) Все они имеют место и в психологической боевой готовности. Их сложные сочетания по характеру соответствия требованиям боевой готовности делятся на две *содержательные* группы слагаемых: *основных (общих)* и *дополнительных (специфических).*

У человека есть такие внутренние возможности, которые он использует в любой деятельности. Например, успех и рабочего, и крестьянина, и инженера, и любого сотрудника всегда зависит от того, как они относятся к делу,

насколько ответственны, добросовестны, настойчивы в достижении наилучшего результата в работе, в действиях. Им всем нужны общие качества, убеждения, мотивы, привычки, составляющие основу успехов в работе. То же можно сказать и применительно к решению разных правоохранительных задач: общие достоинства нужны везде и всегда. Они закладываются во всей системе работы с персоналом юридических органов, в его обучении, воспитании, развитии личности, мобилизации на решение профессиональных задач, сплочении коллективов, повышений авторитета руководителей и т.д. Все это важно, но для обеспечения подлинно высокой боевой готовности мало. Жизнь, практика, наука указывают на необходимость в системе работы с персоналом *особого направления — формирования, поддержания высокой боевой готовности и его повышения в необходимых случаях до высшего уровня изготовленности.* Результатом должна стать *непосредственная готовность - боевой настрой* — к немедленным, решительным и высокоэффективным действиям, которая характеризуется:

- высокой бдительностью к наступающей угрозе, верной оценкой ее вероятности, настороженностью к ее признакам, глубоким пониманием роли полной личной готовности к встрече с ней;
- обостренным чувством профессионального и гражданского долга, коллективизма, ответственности за успех в нейтрализации криминального элемента;
- мобилизованностью воли, устремлений, сил, умеренным чувством боевого возбуждения, профессионального азарта, прилива сил;
- полным самообладанием;
- обостренным вниманием и тщательным наблюдением за лицом, представляющим потенциальную угрозу, и обстановкой, любыми изменениями в них;
- полным пониманием происходящего и безошибочным разгадыванием намерений, хитростей и маскировок противника;
- четким планом действий, отчетливым представлением их и мысленным проигрыванием;
- изготовленностью (установкой) на немедленные действия.

Система психологического обеспечения высокой боевой готовности. Если ограничиться только рассмотрением специальных мер по поддержанию высокой степени состояния боевой готовности сотрудников, отрядов и групп правоохранительных органов, то можно выделить среди них три направления работы.

Первое — *специальное обучение быстрому реагированию на внезапное обострение обстановки и переходу от повседневного состояния ожидания, готовности к энергичным и эффективным действиям.* Такое обучение разумно выделить в отдельный раздел боевой и служебной подготовки сотрудников и военнослужащих. Следует обучать:

- знанию всех ситуаций внезапного, неожиданного обострения обстановки и способов действий в них;
- знанию всех хитростей и уловок, используемых преступниками для неожиданного нападения на сотрудников и военнослужащих;

• мерам предосторожности и способам обеспечения личной безопасности;
• применению приемов самозащиты при неожиданном нападении;
• быстрому, опережающему «противника» переводу оружия из обычного положения в положение для немедленного использования;
• стрельбе без обычного прицеливания,
• стрельбе в темноте;
• привычке к неожиданному;
• приемам выхода из критического положения;
• способам самомобилизации и преодоления негативных состояний и т.п.

Для развития у обучаемых *профессиональной бдительности, готовности действовать решительно и смело в любой момент* уместно использовать моделирование внезапности, высокой скорости действий и изменения обстановки; создание ситуаций, когда нет времени для обычной подготовки и тщательного планирования предстоящих действий; развертывание внезапных событий на фоне длительных, спокойных, рутинных; введение новых, ранее не встречавшихся на занятиях данной учебной группы усложнений; введение «рваного» темпа действий на занятиях; моделирование внезапных действий «преступников», внезапное появление их соучастников. Следует упорно воспитывать бдительность, не допускать ее снижения, «наказывать» слушателей внезапными вводными за ее послабления. Появление «вторичной беспечности», чрезмерной самоуверенности и самомнения должно пресекаться внезапными вводными.

Развитию *находчивости и привычки к непривычному* у обучающихся способствует постоянное варьирование условий занятий, обстановки, в которой осуществляются профессиональные действия, частое применение в них элементов новизны, неясности, неизвестности, запутанности, непредвиденности, творческое изменение самим преподавателем плана занятия, если развитие событий пошло по другому пути; комбинирование задач и трудностей.

Второе направление — ***поддержание постоянной бдительности личного состава и его готовности к любым неожиданностям в повседневной правоохранительной деятельности.*** Чтобы приучить личный состав к постоянной бдительности и готовности к любым неожиданностям, надо проводить такую работу *в течение всей повседневной службы и деятельности.* Сила повседневности — в постоянном, непрерывном влиянии ее на персонал, вырабатывающем взгляды, убеждения, привычки, навыки, установки. Поэтому вся организация повседневной службы и деятельности, ее условия, стиль, управление, отношения и прочее так или иначе сказываются на *боевой установке персонала* (особый настрой на бдительность и боеготовность). В атмосфере жизни и деятельности правоохранительного органа должна звучать нота долга, ответственности, смелости, решительности, непреклонности, быстрого реагирования на изменения обстановки. Полезно повышать роль оценок состояния бдительности и боевой готовности личного состава при всех проверках, оценках, разборах, принятии мер по совершенствованию работы, проведении служебной и боевой подготовки, организации встреч с людьми, побывавшими в «горячих точках». Именно такой подход исключит случаи, когда все и всеми на словах понимается вроде бы правильно, а реально существует невнимание к этим важным сторонам жизни коллектива и деятельности каждого его члена.

Пристального внимания заслуживает *поддержание бдительности* - настороженности и внимания сотрудников и военнослужащих к активной угрозе со стороны криминального элемента, заинтересованного в захвате служебного оружия, в устранении препятствий со стороны сотрудников в реализации преступных планов, в устранении тех из них, которые угрожают им разоблачением, в освобождении из-под стражи членов преступных группировок и пр. Бдительность проявляется в слежении за признаками угрозы, ее нарастанием, в их оценках. Для профессиональной бдительности характерно не только внимание, но и умение осуществлять слежение и оценку, что требует специальных знаний, особой внимательности, умения наблюдать и оценивать, чему надо постоянно учить персонал.

Повседневные будни порой, при отсутствии особых событий именно в данном правоохранительном органе, в данной службе, с данным сотрудником, притупляют бдительность и не способствуют поддержанию готовности. Возникает и развивается беспечность — притупление бдительности. *Борьба с беспечностью* обязана быть предметом специальной заботы. Беспечность может быть первичной и вторичной. *Первичная беспечность* возникает из-за непонимания угрозы, недооценки ее, а *вторичная* — продукт привыкания к угрозе, ложного убеждения, что хотя угроза есть, но она не так страшна, что она пройдет стороной, «меня она минует, пронесет». Вторичная беспечность может возникнуть даже у опытных сотрудников и

воинов в результате появления недостаточно обоснованной самоуверенности, пренебрежения угрозой. Психологические причины возникновения вторичной беспечности очень опасны и требуют пристального внимания. Например, контролер пропускного пункта или инспектор дорожно-патрульной службы в начале своей работы, предупрежденный и немного напуганный рассказанными ему разными случаями, делает все бдительно и с соблюдением мер личной безопасности. Но проходят месяцы, годы, проверены тысячи, десятки тысяч документов — и все спокойно, без эксцессов. Эта благополучная повседневность успокаивает, убаюкивает, бдительность и готовность незаметно снижаются и их-то как раз и не хватает, когда наконец наступает момент, когда следует их проявить. Нужны постоянные психологично построенные инструктажи, регулярные проверки, учебные инсценировки внезапных и дерзких правонарушений, учебные тревоги, информирование о всех фактах проявления бдительности и готовности другими сотрудниками и военнослужащими, принятие дисциплинарных мер, проведение разборов, специальных тренингов бдительности и готовности, обучение способам преодоления отрицательного влияния монотонности, самоконтроля и самомобилизации и др.

Третье направление — ***обеспечение повышения бдительности и боеготовности сотрудников до высшего уровня в ситуациях обострения обстановки и непосредственных угроз безопасности и жизни людей.*** Эти меры принимаются руководителями и самими сотрудниками непосредственно перед началом действий, если они ожидаются и есть время для какой-то подготовки к ним. В качестве примера могут служить меры, описываемые в §11.4.

11.3. Психология личной профессиональной безопасности сотрудника правоохранительного органа

Личная профессиональная безопасность сотрудника органа правопорядка. Личная профессиональная безопасность представляет собой систему правовых, специальных защитных, тактических, педагогических и психологических мер, позволяющих обеспечить сохранение жизни, физического и психического здоровья работников органов правопорядка при условии поддержания высокого уровня эффективности профессиональных действий. Личная безопасность основывается на достаточном уровне профессиональной подготовленности работников, предполагающем также владение безопасными методами труда, сформированной личностной установкой на выживание, психологическими качествами, позволяющими адекватно оценивать обстановку, принимать быстрые и правильные решения и не терять самообладания в опасных ситуациях.

Основные задачи психологии обеспечения профессиональной безопасности сотрудников правоохранительных органов таковы:

• разработка методов психодиагностики лиц, имеющих предрасположенность к несчастным случаям в экстремальных ситуациях деятельности;

• исследование психологических причин несчастных случаев и особенностей поведения потерпевших, составление обобщенного психовиктимологического портрета и создание частной теории поведения жертвы;

• разработка психологических методов обеспечения личной безопасности работников органов правопорядка в процессе исполнения ими профессиональных обязанностей;

• психологическое обоснование методов воспитания безопасного поведения и содержания профессионально-психологической подготовки к деятельности в опасных условиях;

• разработка методики психологической экспертизы причин несчастных случаев;

• психокоррекционная работа и оказание психологической помощи работникам органов правопорядка, пережившим опасность.

Зарубежные и отечественные исследования психологии безопасности деятельности работников органов правопорядка позволяют составить обобщенный психологический портрет погибших. К числу основных параметров такого портрета можно отнести:

• недостаточные личностные предпосылки для нормального выполнения служебных обязанностей: отсутствие необходимых физических данных и профессиональной подготовленности, неблагоприятные психические состояния, переутомление, виктимные качества и др.;

• неиспользование или неправильное использование средств личной безопасности (бронежилет, сфера и т. п.);

• нарушение установленных правил, особенно в отношении ареста, задержания, обыска, конфликта с задержанным и т. п.;
• переоценка своих возможностей в «чтении» других людей, их познании;
• игнорирование прикрытия при возможности его иметь;
• притупление бдительности и доверчивость (ставка только на хорошее в людях);
• использование применения силы только как последней возможности, что ведет к запаздыванию в силовом реагировании;
• неумение предвидеть опасность;
• неверные действия в ситуации опасности («открывал спину» преступникам, не торопился двигаться, не маскировался, не искал укрытия, вел себя самоуверенно и т.п.);
• неверные решения и неудачная тактика действия в ситуации опасности;
• необоснованный риск.

Приемы формирования у работника органа правопорядка установки на выживание. ***Установка на выживание*** — это готовность и предрасположенность работника к целенаправленной, надежной и характеризующейся достаточным уровнем самозащиты деятельности. Она включает три элемента: познавательный (например, «Я осознаю реальность вовлечения меня в ситуацию, связанную с применением огнестрельного оружия и иных форм насильственных действий со стороны правонарушителей»); эмоционально-оценочный (например, «Я буду постоянно придерживаться внутреннего убеждения, что не стану жертвой в опасной ситуации») и поведенческий (например, «Я буду всегда приближаться ко всем подозреваемым, предвидя возможное их сопротивление»).

Формирование устойчивой установки на выживание представляет собой одновременно воспитание разумного и мотивированного риска, преодоление чувства страха, развитие осмотрительности и бдительности в поведении работников органов правопорядка. Такая работа — гарантия их эффективных и надежных действий в опасных для жизни и здоровья условиях. Сформировать и развить у себя установку на выживание способен каждый сотрудник. Предлагаются *два приема формирования установки на выживание: 1) заполнение «Обязательства о выживании» и 2) проведение воссоздающей визуализации.*

Обязательство о выживании

Я ________________________________
(фамилия, имя, отчество)
являясь ______________________________
(должность)

осознаю, что вовлечение меня в ситуацию, связанную с применением огнестрельного оружия или иных форм насильственных действий, является реальной возможностью. Я буду постоянно придерживаться моего обязательства избегать того, чтобы стать жертвой в такой ситуации. И поэтому всегда буду:
• в любых обстоятельствах приближаться ко всем подозреваемым и правонарушителям, предвидя их сопротивление;
• никогда не недооценивать подозреваемого или правонарушителя;
• внимательно оценивать, надо ли приближаться к подозреваемому человеку или подозреваемому месту;
• следить за руками подозреваемых и правонарушителей;
• соблюдать безопасную пространственную дистанцию до подозреваемого, проверяемого или правонарушителя;
• думать о «прикрытии» и постоянно создавать его с помощью других работников;
• оперативно принимать решение и использовать в полной мере законные средства обуздания сопротивляющихся;
• надевать наручники на подозреваемых и сопротивляющихся;
• обыскивать их не спеша и тщательно;
• надевать бронежилет на время операции;
• ценить важность искусства в стрельбе и подготовленности к рукопашному бою;
• эффективно использовать огнестрельное оружие в предусмотренных законом случаях;
• предвидеть худшее и быть готовым к нему, разработав на этот случай план действий.

Я буду способен выжить в опасной ситуации и одержу победу при любой конфронтации с правонарушителями, где будет применено насилие. Я буду следовать этому обязательству в любых ситуациях, связанных с применением огнестрельного оружия и иных форм насильственных действий.

___________________ (подпись)

(число, месяц, год)

Для формирования установки на выживание часто используются *упражнения по воссоздающей визуализации,* т.е. по созданию элементов опасной ситуации и образа своих действий. Подобные упражнения целесообразно выполнять, когда никто и ничто вам не мешает (в свободное время от исполнения должностных обязанностей, в выходной день и т.д.).

Начните с расслабления, отвлекитесь от тревожных мыслей. Сядьте поудобнее, спина прямая, ноги поставьте так, чтобы тело заняло удобное, уравновешенное положение. Кисти рук положите на колени ладонями вверх. Закройте глаза. Постарайтесь расслабить мышцы.

Сосредоточьте свое внимание на дыхании. Осознайте его ритм. Делая вдох-выдох, почувствуйте по возможности все физические ощущения, которые возникают во время вдоха и подъема грудной клетки, выдоха и опускания грудной клетки. Не меняйте ритм дыхания. Сосредоточьте внимание на выдохе и с каждым выдохом «отпускайте» от себя заботы, тревоги, неприятные разговоры, угрозы, негативные мысли и т.д. (на эту часть упражнения отведите 5—7 минут).

Затем сконцентрируйте внимание на создании образа ситуации и на том, как вы в ней поступите. Мысленно представьте ситуацию конфликтного взаимодействия с правонарушителем, скажем, его отказ подчиниться вашим требованиям, прекратить хулиганство и т.п. Для создания мысленного образа вспомните реальные ситуации из практики. Например, как выглядел грабитель, хулиган или угонщик. Четко представьте, в чем тогда заключалось правонарушение в отношении вас — в угрозах, оскорблениях, физической агрессии и т.п.

После этого «поработайте» над своим образом-портретом стража правопорядка. Не жалейте для него «красок»: у вас масса положительных качеств — хорошее здоровье, сила, быстрота реакции, крепкая воля, высокий профессионализм. Важны детали: как вы экипированы, чем вооружены .

Следующий шаг: представьте в идеале ваши действия по пресечению противоправного поведения нарушителя. Действия должны быть решительными, быстрыми, напористыми, эффективными и непременно законными. В итоге вы должны будто наяву увидеть, как противник безоговорочно подчиняется вам.

А теперь посмотрите на себя, вернее, на свой образ как бы со стороны: дескать, а этот работник великолепен, действовал эффективно, использовал все меры обуздания нарушителя, представленные законом: устное предупреждение — раз, физическое воздействие — два, специальные средства и оружие — три. Ущерб? Ни физического, ни психологического!

Повторите мысленно: «Мне нравится, как я действовал»; «Я буду всегда в подобных случаях таким же сильным, уверенным, находчивым, быстрым и профессионально грамотным работником»; «Я всегда выйду победителем из любого столкновения с правонарушителем» (на вторую часть упражнения отведите 10—12 минут).

Приемы преодоления страха и формирования у работников органов правопорядка бесстрашия. Страх парализует волю, часто ведет к спонтанным, непродуманным и хаотическим действиям, а в итоге снижается надежность и эффективность решения задач в опасных ситуациях. По психологической природе чувство страха — результат мышления и воображения, предвосхищающих опасность для жизни, здоровья и самочувствия работника. Переживание опасности связано со страданиями. Отсюда возникают чрезмерные по

своей силе эмоциональные переживания. У страха много проявлений — от опасения, боязни, испуга до ужаса, который приводит к потере целенаправленного поведения.

Принято считать, что страх нельзя преодолеть логикой, мысленными уговорами и приказаниями, напряжением воли. Как же преодолеть страх сотрудникам? Можно выделить два основных пути ***я развитии самообладания:*** 1) воспитание и 2) овладение работниками специальными психотехническими приемами снятия страха.

Воспитание включает в себя самовоспитание и личностное развитие работников. Главными составляющими **в этом** направлении могут быть:

• формирование веры в собственную неуязвимость и развитие установки в опасных ситуациях;

• развитие профессионализма и укрепления убежденности в безошибочности собственных действий в опасных ситуациях;

• постепенный, в течение двух-трех лет работы, переход от состояния тревожности к состоянию концентрации внимания;

• моделирование опасных ситуаций (например, на психологической полосе препятствий);

• поддержание приятных эмоций и переживаний после рискованных, но успешных действий;

• приобретение сотрудниками навыков психосаморегуляции, аутогенной тренировки и медитации.

Психотехнические приемы позволяют в стрессовой ситуации быстро снять отрицательные переживания и изменить ход мыслей в позитивном направлении. Считается, что локализация страха возможна при согласии с самим собой по принципу «будь что будет». В этом случае мозг перестает просчитывать варианты угрозы, поток лихорадочных мыслей сменяется обостренным восприятием событий. И таким образом работник органа правопорядка эффективнее включается в ситуацию, что само по себе вытесняет страх. Снятие страха, уменьшение степени тревожности возможны также на основе применения специальных дыхательных упражнений.[1]

Риск и личная безопасность. Риск — это действия сотрудника правоохранительных органов, характеризующиеся неопределенностью исхода и возможным наступлением неблагоприятных последствий в случае неудачи. Рискованное поведение зависит от ситуации деятельности и личностных качеств сотрудника. Наблюдения и исследования показывают, что при принятии решения о риске работники учитывают два основных фактора: вероятность неудачи и величину неудачи, которая ощущается как ожидаемый ущерб. Риск характеризуется возможностью выбора между менее или более опасными для работников органов правопорядка вариантами поведения, но различающимися по степени их эффективности с точки зрения достижения результатов деятельности. Часто рискованное поведение позволяет **достичь** цели деятельности быстрее и с минимальными потерями.

В значительной мере благоприятный исход при риске связан со степенью обоснованности (оправданности) или необоснованности (неоправданности) принятия решения работником органа правопорядка о рискованном поведении. Обоснованный риск предполагает адекватную оценку сотрудником соотношения между ожидаемым успехом, выигрышем и ожидаемой неудачей или выигрышем. Определенным препятствием к обоснованному и адекватному поведению в опасной ситуации является *склонность работника к риску.* Она представляет собой отражение комплекса личностных качеств индивида (потребности в самоутверждении, мотивации деятельности, тревожности, импульсивности, агрессивности и др.). Лица, стремящиеся к доминированию над другими, к самоутверждению, обладающие повышенной агрессивностью, часто предпочитают альтернативы поведения, содержащие риск.

Определенное влияние на принятие сотрудником решения о риске оказывает пережитая опасность. В связи с этим обстоятельством выделяются два основных феномена: эффект Карпентера и эффект обожженных пальцев. Эффект Карпентера заключается в том, что каждое восприятие или представление порождает склонность к подобному же восприятию и представлению. Работник, получивший в опасной ситуации ранение или психотравму, теряет веру в возможность избежания несчастных случаев в будущем. У него развивается «беспокойство тревоги», требующее оказания психотерапевтической помощи. Эффект обожженных пальцев представляет противоположную характеристику поведения сотрудников. В этом случае сотрудник, переживший опасность, становится более предусмотрительным, осторожным, у него развивается способность к мотивированному и обоснованному риску.

В заключение можно сформулировать несколько правил поведения работников органов правопорядка, направленных на обеспечение их личной профессиональной безопасности.

1. Лавируйте, снижайте напряженность при инцидентах с правонарушителями. Помните: время, как правило, на вашей стороне.

2. Не провоцируйте нападение и стрельбу.

3. Здоровое недоверие к подозреваемому, проверяемому или задержанному лучше, чем легкомысленная доверчивость.

4. Страхуйте каждое свое действие в отношении подозреваемого или правонарушителя, лучше всего — с помощью напарника.

5. Избегайте шаблонного и предсказуемого поведения в опасной ситуации.

6. Будьте бдительны к засадам. Лучшая защита от засады — внимательно прислушаться к своим ощущениям.

7. На месте происшествия старайтесь держать в поле зрения всех действующих лиц.
8. Никогда не поворачивайтесь к подозреваемому или правонарушителю спиной.

[1] См.: *Панкин А.И.* Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел. Тактика и психология безопасной деятельности. - М., 1996.

11.4. Психологические аспекты задержания правонарушителей

Проблема задержания правонарушителей. В деятельности сотрудников ряда правоохранительных органов, чаще всего органов внутренних дел, возникает необходимость задержания правонарушителей. Это бывает в ситуациях посягательства на объекты уголовно-правовой защиты, криминального конфликта, открытого физического и психологического противоборства правонарушителя с субъектом юридического труда. К таким ситуациям, во-первых, относятся случаи, когда правонарушители застигнуты при совершении преступлений (п. 1, ст. 122 УПК РСФСР). Сотрудники вправе при этом применять физическую силу и специальные средства (резиновые палки, слезоточивый газ, наручники, светозвуковые средства, средства разрушения преград и др.) для отражения нападения, пресечения сопротивления массовых беспорядков, задержания лиц, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они намерены оказать вооруженное сопротивление, тогда, когда правонарушителей не удалось убедить и ненасильственные способы не обеспечивают выполнение возложенных на сотрудников обязанностей, и др. Во-вторых, когда правонарушители застигнуты при совершении посягательств на исчерпывающий перечень объектов уголовно-правовой охраны, указанных в ч. I ст. 15 Закона о милиции, допустимо использовать все виды специальных средств, физическую силу, служебных собак, а также огнестрельное оружие. Наконец, в-третьих, когда сотрудники находятся в состоянии крайней необходимости, они вправе применять все виды предусмотренных законом средств. Особый вид следственных действий — процессуальное задержание, которое может производиться только после возбуждения уголовного дела или одновременно с возбуждением уголовного дела (ст. 418 УПК).[1]

Эти ситуации криминальных конфликтов и инцидентов насыщены психологической напряженностью, эмоциональностью, волевым противоборством, опасностью, ответственностью, часто — скоротечностью и предъявляют высокие требования к профессионально-психологической подготовленности, устойчивости, самообладанию, быстроте и правильности ориентировки в обстановке, бдительности, готовности к немедленному реагированию, доведенным до автоматизма специальным действиям и др. Сотрудники, выполняющие их, не всегда оказываются на высоте этих требований, допускают промахи, нарушения, приводящие к различным, в том числе трагическим, последствиям. Юридическая психология призвана глубоко изучать такие ситуации и разрабатывать рекомендации по обеспечению безукоризненных действий сотрудников в них.

Задача значительно осложняется тем, что существует множество видов задержания, существенно различающихся по самым разным, в том числе психологическим, признакам. Так, виды задержания различаются по количеству лиц (одного правонарушителя, группы правонарушителей), по уровню организованности и «криминального профессионализма» (случайной группы, организованной, преступного сообщества и др.), по последовательности задержания (одновременное, разновременное), по вооруженности правонарушителей, во возрасту задерживаемых, по месту задержания, по количеству сотрудников, осуществляющих задержание, по способу сближения с правонарушителем, по степени благоприятности для задержания, по степени активности психического и физического принуждения правонарушителей, по видам розыскных нарядов, по способам оперативно-розыскной деятельности, по видам и способам ведения поиска и специальных операций и др. Можно сказать, что этот вид юридических действий должен представлять собой целое направление в юридической психологии, ожидающее своих исследователей.

Психологическая подготовка к задержанию. По времени осуществления психологически значимо то, *как* осуществлена подготовка сотрудников к задержанию. Она бывает *предварительной* и *непосредственной.* Задача первой — формирование и поддержание психологической подготовленности личного состава во всем объеме. Она решается путем реализации всей программы морально- и профессионально-психологической подготовки в течение достаточно длительного периода подготовки. У непосредственной психологической

подготовки задача другая: формирование состояния высокой профессиональной готовности сотрудника непосредственно перед началом задержания. Она проводится руководителем в ходе инструктажа подчиненного и проигрывания с ним ситуаций предстоящих действий, в ходе общения с ним при приготовлении к операции, а также путем самомобилизации сотрудником своих сил и возможностей перед началом действий.[2]

При этом целенаправленный инструктаж проводит руководитель или другой опытный сотрудник, ранее лично участвовавший в выполнении аналогичного задания. Только такие авторитетные лица способны оказать нужную профессиональную и психологическую помощь тем, кому предстоит выполнить сложную задачу. Целенаправленный инструктаж преследует цели: вселить во всех участников предстоящей ситуации задержания уверенность в успехе, укрепить авторитет лиц, назначенных старшими, при использовании технических средств и оружия — убедить в необходимости и надежности его применения.[3]

При решении задач оперативно-розыскной деятельности необходимость проведения специальной операции по задержанию вооруженных правонарушителей часто возникает внезапно, поэтому в образовательных учреждениях системы МВД России проводится заблаговременная профессионально-психологическая подготовка сотрудников к задержанию вооруженных правонарушителей. Ее следует развивать и продолжать в территориальных органах внутренних дел и органах внутренних дел на транспорте во всем масштабе, охватывающем любые виды задержания и поддерживающем нужные навыки на высоком уровне.

Психологические особенности задержания вооруженных правонарушителей. Подготовка специальной операции по задержанию вооруженных правонарушителей сильно зависит от объектных, субъектных и обстановочных условий, в которых происходит задержание.

Независимо от места задержания вооруженных правонарушителей руководитель специальной операции организует:

• блокирование места задержания вооруженных правонарушителей;

• оперативно-розыскные мероприятия;

• режимные мероприятия в районе задержания вооруженных правонарушителей в целях удаления из этого района граждан, которые оказались в месте задержания вооруженных преступников в силу случайного стечения обстоятельств, и для создания благоприятных условий для задержания;

• усиление охраны общественного порядка и охраны важных и особо важных объектов в блокированном районе;

• управление штабом;

• расчет сил и средств, необходимых для проведения специальной операции по задержанию вооруженных правонарушителей;

• создание групп захвата, прикрытия, блокирования, резерва и др.;

• создание групп обеспечения (тылового, медицинского и др.);

• разведки: предварительную (рекогносцировка местности) и непосредственную (обыск места задержания);

• ориентировочную оценку ситуаций психологического и физического противоборства с правонарушителями и принуждения вооруженных правонарушителей к сдаче;

• разработку плана проведения специальной операции в укрытии, в транспортном средстве, в общественном месте, на местности и т.п.;

• руководство реализацией плана специальной операции;

• руководство тренировкой личного состава в условиях, максимально приближенных к реальным, если имеются время и необходимость;

• психологическое воздействие на личный состав, создание у сотрудников нужного психологического настроя.

Качественная подготовка обеспечивает безусловное задержание любого вооруженного правонарушителя или преступной группы.

Задержание вооруженных правонарушителей, находящихся в укрытиях,[4] начинается с блокирования места задержания. Потом оперрабтники проводят предварительную разведку — рекогносцировку укрытия. Например, обследуются аналогичные квартиры этого же дома (укрытие), чтобы определить удобные места для расположения групп прикрытия, блокирования, резерва и т.п. Непосредственной разведкой целесообразно установить количество вооруженных правонарушителей, местонахождение вооруженных правонарушителей в укрытии, их намерения, их вооруженность, их возможные пути отхода, близкие, средние и далекие перспективные цели

вооруженных правонарушителей, их психическое состояние, криминальный опыт, возможность склонения к добровольной сдаче органам власти, наличие заложников в укрытии, наличие сообщников и т.п.

Оценив добытую информацию и ситуацию задержания вооруженных правонарушителей, руководитель специальной операции разрабатывает план активных или пассивных действий по задержанию. Он размещает снайперов в квартирах в доме напротив, а группа блокирования должна прикрыть местность по рубежу, выставив заслоны. Оперативная группа проводит оперативно-розыскные мероприятия, ведет негласное наблюдение. Старший оперативной группы сообщает руководителю специальной операции о результатах предварительной и непосредственной разведки, а также добытую информацию о психологическом потенциале вооруженных правонарушителей.

Оценив оперативно-розыскную ситуацию, руководитель специальной операции окончательно принимает решение и ставит задачи личному составу. Определяются начало и порядок действий, группе захвата — время начала силовых действий, порядок использования специальных средств, огнестрельного оружия и физической силы, способы подхода и проникновения в укрытие и т.п. Группа захвата, имеющая значительный численный перевес (не менее чем 4:1), задерживает правонарушителя, используя заранее отработанный до автоматизма алгоритм действий. Если правонарушитель оказывает вооруженное сопротивление, оно подавляется применением оружия. Остальные группы и резерв, располагающийся на подступах к месту задержания, оказывают содействие основной группе и исключают возможность всяких неожиданностей.

Если правонарушители не знают о том, что будет проведена специальная операция по их задержанию, то используется фактор внезапности.

Если сотрудники расшифрованы и вооруженные правонарушители ожидают силовых действий с их стороны, то огнестрельное оружие, специальные средства и физическая сила применяются сотрудниками только после склонения правонарушителей к добровольной сдаче, т.е. после психического принуждения (предупреждения о намерении применить оружие). Обращаться к вооруженным правонарушителям с предложением о добровольной сдаче должны представитель власти (начальник органа внутренних дел, прокурор) или физические лица, с чьим авторитетом, доверием, мнением и т.п. считаются правонарушители. Обращение этих физических лиц должно быть вежливым, кратким и влияющим на психику правонарушителей, например: «Гражданин Иванов Иван Иванович, Ваше вооруженное сопротивление в этой ситуации бессмысленно и только отягчает Ваше наказание. Прошу Вас добровольно сдаться органам власти. Если согласны, то выбросите оружие через дверь, а потом сами выходите через нее. Гарантирую объективность и гуманное обращение при задержании. Срок — пять минут. В противном случае правоохранительные органы будут вынуждены применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие».

Если вооруженные правонарушители не выполняют законные требования представителей органов власти, а переговорщикам не удалось уговорить их отказаться от противодействия, то переговоры усыпляют определенным образом их бдительность, снижают степень их агрессивности, позволяют лучше использовать фактор внезапности. Если заложников нет, то снайперы применяют огнестрельное оружие так, чтобы нанести ранение, не угрожающее жизни вооруженных правонарушителей. В противном случае оружие применяется на поражение один раз в целях причинения преступникам смерти.

Задержание вооруженных правонарушителей в общественном месте (банке, ресторане, на вокзале и т.п.) производится, если они при этом совершают преступления. Их задерживают способом окружения или засады. Так, как правило, задерживают рэкетиров. Группа захвата переодета в гражданскую одежду, чтобы иметь возможность скрытно сблизиться с ними для задержания с поличным. Количество групп захвата зависит от количества рэкетиров. Группа прикрытия, также в гражданской одежде, занимает место заблаговременно, резерв — на подступах, группа блокирования — не менее чем на двух автомобилях у места возможной остановки автотранспортного средства, используемого рэкетирами. Все — в психологической готовности к быстрым и внезапным действиям по сигналу руководителя в соответствии с намеченным планом.

Задержание вооруженных правонарушителей, передвигающихся на транспорте в населенном пункте, проводится, когда иных возможностей нет или

нарушители совершают преступление, пытаясь скрыться. Намечаются рубежи блокирования, оборудованные средством принудительной остановки «еж». Здесь специальная группа решает

свою задачу заслонами и находятся группы захвата, окружения и резерва. На удалении 300—500 м от места вынужденной остановки задерживаемого транспортного средства скрытно размещаются наблюдатели. Одновременно ими выставляется временный знак «Въезд запрещен» в целях недопущения въезда других транспортных средств в зону проведения специальной операции. Посты наблюдения, обнаружив вооруженных преступников, сообщают об этом руководителю специальной операции, все их движение прослеживается, а на рубеже блокирования задерживается.

Разработанные методы захвата, предполагающие учет всех психологических факторов, обеспечивают надежное задержание вооруженных преступников.

---

[1] Административная деятельность ОВД. /Под общ. ред. Л.П. Коренева. - М, 1998. - С. 244-248.

[2] *Столяренко А.М.* Психологическая подготовка личного состава ОВД. — М., 1987. — С. 36.

[3] *Коломеец В.К.* Вопросы психологической подготовки сотрудников милиции к действиям в особо сложных условиях. - Свердловск, 1975. - С. 31-32.

[4] См.: *Андреев Н.В.* Психологическое обеспечение переговорной деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях. - М., 1997. - С. 12-17; *Буданов А.Б.* Педагогики личной профессиональной безопасности сотрудников ОВД. - М., 1997. — С. 60; *Илларионов В.П.* Переговоры с преступниками. -М., 1993. - С. 76; *Еникеев М.И.* Общая и юридическая психология. Ч. 2. - М., 1996. - С. 283; *Панкин А.И.* Личная безопасность сотрудников ОВД. Тактика и психология безопасной деятельности. - М., 1996. -С. 101; *Профессионально-психологическая* подготовка милиционеров охраны. /Под ред. А. М. Столяренко. - М., 1990. - С. 84; *Чуфаровский Ю.В.* Юридическая психология. - М., 1996. - С. 351.

11.5. Психологические основы ведения переговоров с преступниками

Правовые и организационные основы ведения переговоров. В современных условиях сотрудникам правоохранительных органов нередко приходится вести переговоры с преступниками.

Переговоры **— один из ненасильственных способов борьбы с преступностью, основанный на законе, нравственности, психологии и представляющий собой в ряде криминальных ситуаций диалог с преступниками (преступными организациями, обществами, группами) в целях склонения их к отказу от дальнейшей преступной деятельности, а также активного содействия раскрытию и расследованию преступлений, розыску и задержанию совершивших их лиц, устранению причиненного вреда, получения оперативной и криминалистически значимой информации.**[1] Таким образом, суть переговоров — правомерное психологическое воздействие.

Переговоры с преступниками и их психологическое обеспечение *основываются на ряде нормативно-правовых источников* как на уровне федеральных законов, так и подзаконных актов.

В Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ содержится специальная норма, регламентирующая особенности ведения переговоров с террористами (ст. 14). Переговоры с преступниками как правовое явление базируются на требованиях Конституции РФ (ст. 2), уголовно-правовых институтах крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), добровольного отказа от преступления (ст. 31 УК РФ), обстоятельств, смягчающих наказание (ст. 61 УК РФ, п. «и»), освобождения от уголовной ответственности лиц при условиях, перечисленных в примечаниях к ст. 126, 205, 206 УК РФ (похищение человека, терроризм, захват заложников) мерах, необходимых для предупреждения и пресечения преступлений (ст. 118 УПК РФ).

Важное значение для психологического обеспечения переговоров с преступниками имеют законы РФ «О безопасности» (ст. 2), «О милиции» (ст. 11, 12), а также Указ Президента РФ от 7 марта 1996 г. № 338 «О мерах по усилению борьбы с терроризмом», предусматривающий создание системы подготовки специалистов по ведению переговоров с террористами (ст. 6).

На уровне межведомственных и ведомственных нормативных актов, относящихся к этой проблеме, следует отметить приказ МБ РФ и МВД РФ от 15 декабря 1992 г. № 0228/086, приказ МВД РФ от 12 января 1996 г. № 20, указание МВД РФ № 1/2511 — 1992 г., регламентирующие организацию и тактику ведения переговоров с преступниками при пресечении проявлений терроризма и захвате заложников.

Закон дает перечни конкретных ситуаций криминального характера, в которых ведутся переговоры.[2] Он определяет понятия «террористическая акция» и «преступления

террористического характера» (ст. 3 Закона «О борьбе с терроризмом»), указывая, что к преступлениям террористического характера могут быть отнесены и другие преступления, предусмотренные УК РФ, если они совершены в террористических целях. На практике переговоры с преступниками нередко ведутся в ряде ситуаций, связанных с задержанием преступников, в том числе вооруженных, в случаях действий, дезорганизующих нормальную деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), при массовых беспорядках и др.

К компетенции правоохранительных органов отнесена борьба с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения преступлений террористического характера, преследующих конкретные цели.

Эта борьба, включая использование возможностей переговоров с преступниками, *должна проводиться с учетом принципов* (ст. 2 Закона «О борьбе с терроризмом») законности, приоритета мер предупреждения терроризма, неотвратимости наказания за осуществление террористической деятельности, сочетания гласных и негласных методов борьбы с терроризмом, комплексного использования профилактических, правовых, политических, социально-экономических, пропагандистских мер, приоритета защиты прав лиц, подвергающихся опасности в результате террористических акций, минимальных уступок террористу, единоначалия в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций, минимальной огласки технических приемов и тактики проведения контртеррористических операций, а также состава участников указанных операций.

Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует о том, что пресечение и предупреждение террористических акций, в том числе захвата заложников, проводится, как правило, путем проведения специальных контртеррористических операций, в ходе которых в необходимых случаях ведутся переговоры.

Переговоры с преступниками одновременно являются средством получения оперативно-розыскной и криминалистически значимой информации. Диалоговое общение с преступниками, личность которых неизвестна, позволяет получить данные, необходимые для их идентификации и раскрытия преступления. Рекомендации оперативно-розыскной психологии дают возможность разобраться с ролью каждого участника террористической акции, собрать комплекс сведений, относящихся к предмету доказывания по уголовному делу. Материалы аудио- и видеофиксации переговоров с преступниками в дальнейшем становятся судебными доказательствами, по которым проводятся криминалистичеекие и иные экспертизы.

Обеспечение личной безопасности переговорщиков — важнейшая задача лиц, осуществляющих руководство переговорной деятельностью в экстремальных условиях совершения террористической акции. Бытующие на Западе рекомендации по предпочтительности ведения переговоров «лицом к лицу» зачастую неприменимы в нашей стране из-за непредсказуемости поведения террористов. В этих случаях использование возможностей средств связи позволяет дистанцировать группу ведения переговоров и террористов. Не допускается распространение информации о лицах, принимающих участие в ведении переговоров с преступниками.

Ведение переговоров с преступниками — тяжелый напряженный труд. Международная практика выявила особый стресс — «стресс переговорщика» (Hostage Negotiator Stress), который вызывается нервным переутомлением. В этой связи необходима реализация мероприятий по психологической поддержке переговорщиков, восстановлению их психического и физического здоровья.[3] Переговорщики, как лица, участвующие в борьбе с терроризмом, подлежит правовой и социальной защите, на них распространяются другие льготы, предусмотренные законодательством. Особенность психологического обеспечения переговоров с преступниками в экстремальных условиях состоит в том, что лица, ведущие такие переговоры, задействуются в составе групп ведения переговоров (ГВП).[4] В Законе «О борьбе с терроризмом» подчеркнуто, что к ведению переговоров с террористами допускаются только лица, специально уполномоченные на то руководителем оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией (ст. 14, п.1). Последние состоят из руководителя переговорщиков (их число определяется в зависимости от особенностей криминальной ситуации), консультанта-психолога, оперативных работников, обеспечивающих взаимодействие группы с другими подразделениями, задействованными в операции, переводчиков.

Переговорщики подбираются на добровольной основе с учетом личных и профессиональных качеств из числа сотрудников, владеющих даром убеждения, отличающихся самообладанием,

эмоциональностью, быстротой реакции, наличием необходимых интеллектуальных, коммуникативных, характерологических задатков, гуманных побуждений. Они должны обладать достаточными знаниями в области психологии и педагогики, пройти специальную подготовку. В звене городских и районных органов внутренних дел должны выделяться прошедшие подготовку сотрудники, способные до прибытия группы переговоров вступать в диалог и устанавливать полезные психологические контакты с лицами, совершающими преступление.

Стратегия и тактика переговоров. Переговоры с преступниками — диалог с целью достижения соглашений, компромиссов, как любое состязательное действие, имеют свою стратегию и тактику. ***Линия переговоров*** со стороны сил правопорядка ориентируется *на установление психологического контакта, достижение конструктивных взаимоотношений, оказание психологического влияния с целью изменения поведения преступников.* В упорной психологической борьбе приходится преодолевать их сопротивление, склоняя к отказу от совершения противоправных действий и освобождению заложников, к добровольной сдаче властям.

Арсенал ***психологических методов и приемов,*** характеризующих мастерство переговорщиков и учитывающих особенности конкретной ситуации криминального характера, должен быть велик и гибок.

Здесь имеют большое значение наработанные психологической наукой и педагогикой методы убеждения, внушения (вербального и невербального), стимулирования, психологического давления. *Убеждение как главный метод* психолого-педагогического воздействия предполагает использование возможностей разъяснения, опровержения, приведения доказательств. *Логическая аргументация* позволяет показать лицам, совершающим преступления, бессмысленность их противостояния силам правопорядка. *Обращение к эмоционально-волевой сфере* нередко бывает весьма действенным приемом психологического воздействия и весьма успешно используется во многих случаях переговоров с преступниками. Вызов альтруистических эмоций, чувства страха позволяет преодолеть психологические барьеры, удерживать преступников от достижения преступных целей. Поскольку многие террористические акции совершаются группой лиц, важно разобраться с *индивидуальными психологическими особенностями* каждого участника группы, использовать имеющиеся в их среде конфликты, нейтрализовать тех, кто занимает наиболее агрессивную позицию.

Анализ психологических особенностей взаимоотношений, возникающих между террористами и их жертвами, выявил так называемый «стокгольмский синдром», который выражается в необычном чувстве взаимной симпатии. Положительная сторона синдрома — снижение опасности посягательств на жизнь и здоровье жертв преступления, увеличение возможности их освобождения преступниками. Отрицательная — использование террористами жертв преступления для оказания воздействия на органы правопорядка (дезинформация и др.).

Изучение практики переговоров с преступниками указывает на ***два наиболее характерных периода их ведения,*** которые заметно отличаются друг от друга содержанием, положением сторон, эмоциональной окраской: 1) первоначальный и 2) последующий.

Наиболее сложным с психологической точки зрения является *первоначальный период переговоров.* Он характеризуется внезапностью действий преступников, их стремлением подавить волю представителей правоохранительных органов, навязать им удобные для себя формы диалога. При этом в ход идут разного рода оскорбления, угрозы, шантаж, предъявляются ультимативные требования о выполнении условий в краткие сроки.

Наиболее правильной тактической линией правоохранительных органов в такой экстремальной ситуации является демонстрирование психологической устойчивости, снятие эмоционального напряжения, затягивание переговоров для того, чтобы выиграть время для всестороннего уточнения обстоятельств возникновения криминальной ситуации и осуществления разведывательных (диагностических) поисковых мероприятий. Цель этих мероприятий — выяснение личности преступников, их численности, наличия судимостей у них, возрастных, физичебких, психических и других особенностей, а также получение сведений о намерениях и связях преступников, видах и количестве оружия у них. Одновременно выясняются число захваченных заложников, их установочные данные, местонахождение, отношения с преступниками, состояние здоровья. Проводится рекогносцировка для выбора наиболее целесообразной формы дальнейшего ведения диалога (устной, письменной, с использованием технических средств связи и усиления звука, через посредников, с помощью переводчиков).

С учетом собранной информации принимается *решение о задействовании сил и средств,* включая специальные средства и оружие, для обеспечения безопасности и возможного пресечения преступных действий силой. Их развертывание должно явиться аргументом, подтверждающим решимость правоохранительных органов принять меры, направленные на задержание преступников и освобождение заложников, на ведение переговоров с позиции силы. Главное здесь — не растеряться, не становиться на путь панических обещаний, успокоить сторону, выдвигающую незаконные требования, ввести разговор в русло длительного обсуждения. При этом надо иметь в виду, что и для преступников высказываемые ими угрозы (убийства, например) носят, как правило, «демонстративный» характер, можно сказать, рассчитаны на испуг представителей правоохранительных органов. На пути реализации угроз лежат соображения преступников о том, что именно угрозы (а не их исполнение) являются по существу единственным способом достижения их целей.

Психологическое обеспечение этого периода переговоров с преступниками предполагает использование технологий установления психологического контакта с лицами, совершающими преступления, создание на основе получения исходной информации их психологического портрета, разработку на этой основе сценария дальнейших действий.

Второй период ведения переговоров с преступниками связан с рассмотрением конкретных требований или условий, которые выдвигают преступники, и внесением логических элементов в переговоры. Сам этот факт в значительной степени предопределяет известную пассивность позиции преступников, ибо им приходится рассматривать различные варианты решений, предлагаемые правоохранительными органами, соглашаться с ними или отвергать их. В то же время правоохранительные органы получают возможность мобилизовать необходимые силы и средства, которые воспринимаются преступниками как угроза, крушение их замыслов. Иными словами, начало второго периода переговоров нередко является залогом успеха. Однако положение подчас усугубляется тем, что преступники (особенно лица, захватившие заложников) продолжают «психологическую атаку», навязывают тактику «митингового» обсуждения, создают трудности в конкретном рассмотрении предмета переговоров.

Наиболее оправдывает себя здесь тактический контрприем — *предложение преступникам выделить своего представителя (посредника)* для обсуждения в более спокойной обстановке выдвинутых ими условий. Преступники обычно опасаются, что их представитель может вне контроля соучастников пойти на поводу у сотрудников правоохранительных органов. Эти сомнения необходимо рассеять, предложив преступникам самим определить, где и когда может быть установлен контакт с их представителем, как они будут информироваться о ходе переговоров. Замечено, что выделение преступниками представители обычно направляет переговоры в более спокойное русло.

Во втором периоде переговоров возможен *перехват у преступников инициативы в диалоге.* Это обеспечивает повышение эффективности психолого-педагогического воздействия на преступников, склонение их к отказу от противоправного поведения. В результате они снижают свою активность в переговорах, делают паузы для ответа на предложения стороны, захватившей инициативу в диалоге, теряют последовательность в своих утверждениях и требованиях, занимают оборонительную позицию, начинают прислушиваться к доводам и суждениям другой стороны. Главным доводом во всех переговорах, связанных с захватом заложников, должна быть постоянно подчеркиваемая для преступников в различной интерпретации мысль о том, что диалог с ними имеет смысл лишь в том случае, если они гарантируют жизнь и здоровье заложникам. В противном случае применение силы закона является правомерным и неотвратимым, вплоть до использования оружия на поражение. На протяжении всего времени переговоров необходимо поддерживать у преступников убеждение в возможном удовлетворении их требований, чтобы удержать их от насилия по отношению к заложникам или от совершения ими других преступных намерений.

Эти два периода переговоров с преступниками могут быть детализированы. Выделение в них ***ряда этапов*** позволяет более свободно ориентироваться в ходе диалога с преступниками, способствует достижению большей логичности и последовательности ведения такого диалога, повышает профессионализм в осуществлении переговоров с преступниками, помогает более быстрому получению необходимых результатов.

Первый этап — во время его реализации обобщается первоначальная информация о возникновении криминальной ситуации, требующей ведения переговоров, принимается решение об их ведении, выделяются переговорщики, собираются дополнительные данные о создавшемся

конфликте, определяется тактика ведения диалога с преступниками, устанавливаются контакты с ними, достигается стабилизация обстановки.

Второй — «захват позиций». В ходе его осуществления организуется задействование сил и средств, обеспечивающих общественную безопасность, прорабатывается возможность разрешения конфликта силой, изыскиваются меры психолого-педагогического воздействия на преступников и склонения их к отказу от противоправного поведения.

Третий этап включает в себя выдвижение условий и обсуждение их приемлемости, поиск компромиссов, нахождение вариантов взаимоприемлемых решений, торг, психологическую борьбу.

Четвертый — включает достижение полного или частичного соглашения, определение путей его реализации, анализ проведенной работы.

На всех этапах переговоров надо постоянно иметь в виду возможность уменьшения числа заложников, в первую очередь женщин, детей, больных и пожилых людей, используя для этого все поводы. Каждый освобожденный заложник — успех, достигнутый переговорщиками. Выделение указанных периодов и этапов позволяет более конкретно определять формы и методы психологического воздействия на преступников, добиваясь большей его эффективности.

Тактика при «тупике» переговоров. Анализ требований, выдвигаемых преступниками, позволяет определить мотивы преступных действий и три категории выдвигаемых условий:

• *непротивоправные,* приемлемые (выслать комиссию для проверки жалоб, представить возможность выступить в средствах массовой информации, предъявить претензии к государственным и иным органам, добиться возвращения долгов, разрешить бытовые конфликты и т.д.);

• *противоправные, приемлемые* (добиться выезда за рубеж, получить выкуп, транспортные средства и т.д.);

• противоправные, неприемлемые.

Закон «О борьбе с терроризмом» установил, что при ведении переговоров с террористами в качестве условий прекращения ими террористической акции не должны рассматриваться вопросы о выдаче террористам каких бы то ни было лиц, передаче им оружия и иных средств и предметов, применение которых может создать угрозу жизни и здоровью людей, а также вопрос о выполнении политических требований террористов. Ведение переговоров с террористами не может служить основанием или условием их освобождения от ответственности за совершенные деяния (ст. 14, пп. 2, 3). Соответствующее реагирование сил правопорядка на выдвигаемые условия определяет характер и направленность психологического воздействия на лиц, совершающих преступления.

В случае упорного выдвижения преступниками неприемлемых условий, когда переговоры зашли в тупик, т.е. стороны не нашли взаимоприемлемых решений, договоренность не достигнута, используется ***технология переговоров «для прикрытия» (оперативная игра).***

Такое положение в основном возникает, когда возможный вред от принятия выдвигаемых преступниками условий превышает уровень того вреда, который уже достигнут в результате учиненных преступных действий. Осознание тупика переговоров влечет за собой постановку вопроса о применении силы, если речь идет о сохранении жизни заложников. Упорство преступников может быть сломлено насильственными мерами, но эти меры возможно осуществить лишь в наиболее удобный момент, когда обстановка максимально способствует сохранению жизни и здоровья заложников, а также в определенной степени самих преступников. Кроме того, данная акция должна непременно гарантировать безопасность сотрудников правоохранительных органов и других лиц. В этих целях и используются переговоры для прикрытия.

Суть названных переговоров — *продолжение диалога* с *преступниками для создания ситуации, при которой можно наиболее эффективно и безопасно осуществить операцию пресечения преступных действий.* Переговоры становятся прикрытием успешной реализации намеченных планов использования имеющихся у правоохранительных органов сил и средств. Вести подобные переговоры надо так, чтобы преступники не почувствовали изменения тональности диалога, не догадались о принятом решении подавить их сопротивление силой. Здесь возможны из тактических соображений фиктивное согласие на выполнение определенных требований, демонстрация выполнения выдвинутых преступниками условий и т.д. Чем больше контраст между успокаивающей манерой ведения переговоров и внезапностью решительного применения силы, тем эффективнее результат. В этом смысл и назначение переговоров «для прикрытия».

Кроме ситуаций «тупика» переговоров, имеют место факты, когда диалог для прикрытия ведется при изначально принятом решении применить силу. Как правило, это связано с тем, что преступники уже осуществили преступные действия против заложников (убийства, ранения, истязания). Переговоры для прикрытия незаменимы в случаях ведения диалога с преступниками, когда их местонахождение неизвестно (угрозы совершить террористические акты, передаваемые по каналам связи, при похищении людей и др.).

Переговоры с душевнобольными. От переговоров с преступниками в собственном смысле следует отличать их имитацию. Она возможна в случаях, когда приходится иметь дело с душевнобольным человеком. По существу, здесь отсутствует субъект переговоров, реагирующий на логическую сторону

диалога и отдающий себе отчет в содеянном. В данных случаях имитация переговоров должна быть направлена прежде всего на снятие агрессивности поведения. При этом необходимо демонстрировать согласие с требованиями и высказываниями собеседника, даже с самыми нелепыми, не отказываться от обещаний, которые могут быть и невыполнимыми, идти на блеф, чтобы в удобном случае применить силу для пресечения общественно опасного поведения такого лица. Подобные диалоги лишены своей содержательной части и по существу являются психотерапевтическим прикрытием принятия насильственных мер, позволяющих устранить опасность.

Имитация переговоров, применяемая в случаях вынужденного общения с душевнобольными, должна основываться на рекомендациях психиатрии, которая предлагает использовать мотивы отвлечения от навязчивости, охватившей больного, переводить поток его мышления на другие темы, внушать ему образы, снижающие агрессивность. Это достигается анализом характерных деталей его поведения, высказываний, доминирующих элементов суждений, приведших к общественно опасным действиям, и заменой их другими, не связанными с возникшей ситуацией. Желательно привлечение к контактам с больным специалиста-психиатра либо иного медицинского работника, имеющего знания по психиатрии, использование данных психдиспансеров.

Быстротечность острых конфликтных ситуаций, вызванных действиями лиц, демонстрирующих явные признаки неупорядоченного поведения, не всегда позволяет оперативно разобраться с диагнозом болезни таких лиц. Но, как правило, ими чаще всего бывают лица, страдающие шизофренией, впавшие в маниакально-депрессивное или острое реактивное состояние, глубокие невротики. В любом случае, включая проявления психопатологических расстройств (бреда, галлюцинаций), обращение с душевнобольными требует непровоцирования у них манифестации агрессивности.

Подготовка переговорщиков. Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует о том, что эффективное использование возможностей переговоров с преступниками определяется уровнем подготовки переговорщиков. Негативное влияние на решение этой проблемы оказывают отсутствие стационарной системы их подготовки и переподготовки, неправильный отбор на учебу кандидатов, недостаточное количество подготовленных специалистов по ведению переговоров, упущения в практике их обучения, отсутствие сотрудничества в этом вопросе с другими заинтересованными ведомствами и службами.

В Академии управления МВД России накоплен опыт подготовки переговорщиков. Оправдала себя система занятий, направленных на овладение основами психологии переговорной деятельности, психологической компетентности сотрудников в области коммуникативной деятельности, повышенной устойчивости личного состава к физическому и психическому стрессу.[5] В ходе занятий отрабатываются также психологические особенности конструктивного взаимодейстйия переговорщиков с сотрудниками других подразделений, участвующих в проведении контртеррористических акций. Наиболее оправдали себя формы подготовки переговорщиков: система психологического тренинга[6] и ролевых игр, в которых моделируются конкретная обстановка переговоров с преступниками, закрепляются навыки психологической борьбы, психологического воздействия на преступников с целью склонения их к отказу от противоправного поведения, а также комплексно-штабные учения (КШУ).

---

[1] *Илларионов В.П.* Переговоры с преступниками (правовые, организационные, оперативно-тактические основы). - М., 1994. - С. 60.

[2] От переговоров с преступниками следует отличать односторонние обращения представителей правоохранительных органов с требованиями о прекращении нарушений предписаний закона, соблюдении общественного порядка.

[3] *Котенев И.О.* Психологическая диагностика постстрессовых состояний у сотрудников органов внутренних дел. - М.: ГУК. МВД РФ, 1997.

[4] *Андреев Н.В.* Психологическое обеспечение переговорной деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях. - М.: Академия управления МВД РФ, 1997.

[5] *Психологическое* обеспечение специальных операций органов внутренних дел по освобождению заложников: Метод, рекомендации. - М.: МЦ при ГУК МВД РФ, 1995. - С. 12-18.

[6] *Андреев Н.В.* Тренинга по переговорной деятельности. - М.: ГУК МВД РФ, 1997.

11.6. Психологическое обеспечение действий сотрудников правоохранительных органов при чрезвычайных обстоятельствах

Необходимость, виды и задачи психологического обеспечения действий при чрезвычайных обстоятельствах. Хорошая подготовка выступает необходимым предварительным условием обеспечения действий работников органов правопорядка, но недостаточным. Необходимо, как показывают исследования и опыт, еще специальное обеспечение в ходе действий:

• приходится считаться с тем, что не все работники, привлекаемые к решению задач в экстремальных условиях, могут иметь должные качества и подготовленность;

• переход к действиям в экстремальных условиях требует внутреннего перелома, перестройки и культивирования боевого настроя, что тоже в интересах недопущения промахов требует к себе внимания руководителей;

• никакая подготовка не может предвидеть все, что может случиться в экстремальных условиях, и нужна помощь людям уже в ходе действий;

• даже хороший боевой настрой не может быть постоянным из-за усталости и других причин, и нужны специальные меры по его поддержанию в течение необходимого времени.

Поэтому психологическое обеспечение решения правоохранительных задач в экстремальных условиях осуществляется в виде:

• *непосредственной подготовки* личного состава перед самым началом действий;

• *обеспечения действий в ходе решения задач;*

• *обеспечения восстановления сил после завершения действий.*

Основные задачи морально-психологического обеспечения:

• доведение до личного состава политической, социально-экономической и криминогенной обстановки в районах действий, а также решений органов государственной власти и задач, возлагаемых на правоохранительные органы;

• формирование у участников действий чувства высокой ответственности за соблюдение Конституции и законов, выполнение служебного долга и поставленных служебных задач;

• выработка и реализация мер по укреплению служебной дисциплины, законности и правопорядка, обеспечению безопасных условий;

• морально-психологическая и профессионально-психологическая подготовка в ходе специальных занятий, направленная на восстановление натренированности и специальную подготовку к предвидимым условиям;

• формирование и поддержание здорового и устойчивого морально-психологического климата в группах, отрадах, подразделениях, глубокого понимания всеми участниками действий государственной значимости восстановления и поддержания конституционного и правового порядка, необходимости высокой организованности, дисциплины, мужества, стойкости, самоотверженности и взаимной выручки;

• проведение мероприятий по ослаблению влияния психотравмирующих факторов служебно-боевой деятельности;

• организация психологической помощи находящимся на самых трудных участках работы;

• организация и проведение мероприятий психологического воздействия на участников вооруженного сопротивления;

• проведение реабилитационно-восстановительных и культурно-досуговых мероприятий.

Психологическое обеспечение непосредственной подготовки перед началом действий. После получения задания на действия в экстремальных условиях проводится целевая

непосредственная психологическая подготовка участников предстоящих действий. С этой целью проводятся занятия по боевой и служебной подготовке, специально тщательно отрабатываются действия, которые придется выполнять в экстремальных условиях. При подготовке, например, действий против террористов, захватчиков заложников предстоящие действия шлифуются до совершенства, причем имитируются все возможные виды противодействия преступников. Особое внимание уделяется при этом достижению взаимопонимания в боевых группах, слаженности действий.

Проводятся инструктажи, беседы, информации, организуются встречи с работниками правоохранительных органов, имеющими опыт действий в аналогичных условиях. Мобилизующе сказывается выполнение подготовительных действий: получение оружия, боеприпасов, средств индивидуальной защиты и пр. Повышает боевой настрой и передвижение к месту действий, наблюдаемые в ходе его признаки энергичных действий властей, других сил, принимающих участие в событиях, разрушения, бредущие толпы и др. Но было бы опрометчиво полагать, что нужный боевой настрой возникнет сам по себе. Возможно появление у части сотрудников так называемой «предбоевой (предстартовой) лихорадки», когда человека может даже трясти от не находящего выхода напряжения. Бывает, что кто-то уже «перегорел» и у него наступает даже некоторый спад настроения и сил.

Особое значение имеет подготовка, рассчитанная на то, чтобы нужный боевой настрой был достигнут минут за пять до начала действий. Личный состав инструктируют, до него доводят точные задачи, знакомят его с последними данными об обстановке, разъясняют порядок и способы действий. Ведется честный и откровенный разговор об ожидаемых трудностях, способах их снижения и преодоления. Их не надо преуменьшать, не надо допускать «шапкозакидательских» настроений, но и не следует запугивать ими. Укрепляется вера в успех, в дружную работу групп, не допускается возникновение настроений неуверенности. Разъяснение способов действий не ограничивается общими призывами («повысить активность», «принять меры», «приложить максимум усилий»), а сопровождается точными указаниями и советами о том, что, когда, как, почему и с учетом чего делать. Разумны напоминания о долге, законности действий, внимательном отношении к гражданам. Уверенное, твердое и вместе с тем человечное поведение инструктирующего — само по себе сильный морально-психологический фактор.

Заслуживает внимания проведение *предрабочей разминки.* Не случайно, например, спортсмены разминаются перед стартом, приводя свой организм в состояние, при котором можно показать наилучший результат. Давно доказано, что в начале любой работы происходит рост ее успешности, определяющий настрой всех моральных, психических и физиологических функций человечка на работу, получивший в науке название «врабатывание». Наиболее заметно явление врабатывания в первые 10—15 минут действий, т.е. в это время результаты их не наилучшие. Есть только один путь профилактики этого нежелательного феномена: повысить активность и нагрузки до начала действий. Эту задачу и должна решить предрабочая разминка. Целесообразно проводить ее за 10—15 минут перед началом действий в течение 3—5 минут. Она должна включать в себя:

• Энергичные физические упражнения в виде имитации приемов рукопашного боя, взятия оружия наизготовку, энергичных движений руками и ногами;

• идеомоторные упражнения (мысленное, образное представление предстоящих действий, проигрывание их в уме);

• проговаривание про себя мобилизующих самоприказов;

• параллельную работу со сменяемым на посту в течение 5—7 минут, прежде чем принять пост.

Есть еще одна психологическая закономерность, с которой в ряде случаев стоит считаться, — это *адаптация органов чувств.* Так, например, при переходе ночью из освещенного помещения в темноту повышение чувствительности зрения (совершающееся автоматически) на 80% происходит в течение 15—20 минут и завершается через 60 минут. Если наблюдаемый объект появится в первые минуты, когда зрение еще не адаптировано, то велика вероятность того, что наблюдатель его не обнаружит. Поэтому перед заступленном на пост ночью желательно пребывание в темном помещении или в темных очках в течение 15—20 минут.

Возможно и целесообразно коллективное исполнение боевых песен и ритуальных действий (энергичный жест рукой, соединение рук членами группы в общем пожатии, похлопывание по спине и др.).

Непосредственную психологическую подготовку уместно проводить каждый раз перед началом выполнения ответственных действий в экстремальных условиях.

Психологическое обеспечение по ходу действий в экстремальных условиях. Любое состояние человека непостоянно. Даже в рабочем кабинете оно может меняться быстро, а тем более в экстремальных условиях, в водовороте сложных и впечатляющих событий. Поэтому работа с людьми не прекращается с началом действий, а продолжается. Ее задачи становятся такими:

• обеспечить полную мобилизованность личного состава и боевую адаптацию в течение всего времени действий;

• оказывать помощь в преодолении возникающих по ходу действий психологических трудностей;

• повышать боевые и морально-психологические возможности личного состава на основе накапливающегося опыта действий.

Формы и методы решения этих задач должны соответствовать возможностям их использования в полевых условиях, не мешать, а помогать действиям, быть коротки, деловиты, содержательны, а их морально-психологическая нацеленность — продуманна и продуктивна.

Решающее морально-психологическое воздействие на личный состав осуществляется на основе грамотного, уверенного и надежного управления действиями людей. Опыт учит: мало что оказывает столь тяжелое деморализующее воздействие на боевой настрой личного состава, как истерия управления, отсутствие приказов и распоряжений в обстановке неразберихи и нерешаемости задач; несоответствующие реальности требования и указания; частая отмена отданных ранее приказов или их обилие; появление посторонних должностных лиц, претендующих на право давать указания и вмешивающихся в вертикаль прямого подчинения. Все это воспринимается людьми как проявление бездарности начальства, незнание им обстановки, неспособности руководить, повышающее опасность для всех и каждого; растут тревожность, неуверенность, растерянность, опасения, неисполнительность.

Командиры, начальники обязаны заботиться о том, чтобы всегда, особенно в самые критические минуты, быть ближе к людям, рядом с ними, демонстрировать личный пример самообладания, уверенности, понимания происходящего, расчетливости и профессионализма. Они должны вместе с подчиненными и рядом с ними переносить трудности действий в полевых условиях, демонстрируя стойкость и выносливость. Управление должно быть непрерывным (нужно не обилие указаний, а демонстрация того, что оно есть, действует, все видит и понимает — это особенно важно, если личный состав рассредоточен, а связь с ним поддерживается по радио), твердым, но сдержанно-уравновешенным, обеспеченным надежной связью, постоянно информирующим об обстановке. При наличии подчиненных командиров и начальников им следует делать постоянные напоминания о работе с людьми, оказании им помощи, поддержки, заботе о них.

Для профилактики и снижения психологических трудностей, а также всяких нарушений особое значение приобретают организующие и дисциплинирующие факторы. Уместно и эффективно:

• поддерживать четкую организацию выполнения уставных положений, намеченных при предварительной подготовке планов, решений, договоренностей и функционирования всей системы обеспечения;

• сохранять требовательность и не допускать попустительства и развития представлений, что уставы — для казарм, а не для реальной обстановки действий; в необходимых случаях ее целесообразно ужесточать, что может помочь некоторым растерявшимся подчиненным взять себя в руки;

• вести с людьми в уместных случаях спокойные разговоры о необходимости собранности, бдительности, самообладания, выражать уверенность в успехе;

• напоминать о культурном и заботливом отношении к гражданам и соблюдении законности;

• доводить до личного состава информацию о любых успехах действий других подразделений и взаимодействующих сил, об отличившихся сотрудниках и военнослужащих;

• не скупиться на добрые слова, проявления человечности, поощрения;

• всячески .культивировать проявления коллективизма;

• не допускать хождения среди личного состава тревожащих слухов, прекращая их правдивой информацией;

• наблюдать за всеми и своевременно оказывать помощь и поддержку тем, кто не выдерживает нагрузок и начинает проявлять слабость.

Есть необходимость и возможность повышать подготовленность работников правоохранительных органов и по ходу действий, и после их завершения. Сложная, опасная обстановка учит быстрее и лучше, чем годы спокойной работы. Но она хорошо учит тех, кто думает, анализирует и делает выводы, кто учится на примере и опыте других.

Специальная задача - *забота о сохранении высокого боевого настроя людей в течение всего времени действий.* Запас сил человека связан с таким его качеством, как работоспособность. Уже через 2-3 часа очень напряженной работы начинается такой спад ее под влиянием вначале скрыто развивающегося утомления, который уже может отражаться и на качестве действий Для профилактики неприятных последствий этого следует:

• постоянно думать о том, как сберечь силы к моменту наступления решающих событий;

• не тратить зря силы на ненужную суету и устранение последствий неорганизованности;

• использовать паузы в действиях для отдыха и восстановления сил;

• поддерживать высокий морально-психологический настрой, который способен в определенной степени компенсировать развивающееся утомление и увеличить в 2-3 раза срок высокоэффективной работы.

Психологическое обеспечение восстановления сил и боевого настроя. Его следует и возможно осуществлять и в перерывы между действиями, и по окончании работы.

Пассивный отдых - сон, расслабленность (лежание, сидение с закрытыми глазами) - полезен и нужен при общей усталости, чаще всего физической. Но опрометчиво отводить ему все свободное от действий в экстремальных условиях время, ибо возможен обратный эффект - квазиусталость, чувство усталости при отсутствии утомления организма.

Активный отдых - отдых, заполненный какой-то активной, не утомительной и, по возможности, интересной деятельностью: играми, чтением газет, книг и журналов, просмотром телепередач, прослушиванием радио и музыки, встречами с интересными людьми, помывками, ремонтом оружия и обмундирования и пр.

Психологическая и психотерапевтическая помощь призвана снять симптомы нервных перегрузок, которые порой препятствуют восстановлению работоспособности и боевого настроя. Основными формами ее выступают: психодиагностика, индивидуальные психотерапевтические беседы, индивидуальное психотерапевтическое консультирование, психологические рекомендации, психологические дебрифинги, программы взаимной поддержки, аутотренинг, сеансы релаксации и др. Участие психологов, как показал опыт последних лет, весьма полезно на всех этапах психологического обеспечения действий работников правоохранительных органов в экстремальных условиях, но особенно оно важно при оказании помощи.

Психологическое саморасслабление и самомобилизация входит в число обязательных и весьма эффективных мер восстановления сил и боевого настроя. Работник правоохранительных органов должен уметь оценивать свое состояние и преднамеренно влиять на него. «Власть над собой — высшая власть», «Побеждающий врага силен, но истинно могуч побеждающий себя» — гласят народные пословицы.

11.7. Руководитель правоохранительного органа в экстремальных условиях

Психологические факторы и трудности в деятельности руководителей. Все факторы, которые влияют на персонал, действуют и на руководителей, но здесь добавляется и много особых. Поэтому руководитель испытывает удвоенные нагрузки и должен быть готов к ним.

Управленческий (командирский) долг — нелегкий психологический груз. Это не просто сознание долга гражданина, но и долг уполномоченного государством лица, обязывающий быть всегда на высоте требований моральности, профессионализма, правовой воли, культуры. Руководитель — главный специалист по решению поставленных задач, непосредственный организатор их решения, ответственный за людей, за состояние порученного ему участка работы. Экстремальная обстановка многократно увеличивает психологический груз сознания долга.

Фактор чести и достоинства — не пустой звук для начальника, командира, офицера, а внутренняя норма. Человек чести — человек, всегда соразмеряющий свое поведение с высшими критериями морали, всегда стремящийся быть на высоте их.

Чувство личной управленческой ответственности всегда соседствует с долгом, честью. Груз ответственности — тяжелейший груз, нередко делящий людей на тех, кто может быть

руководителем и кто не может. В экстремальных условиях усложнено принятие решений, повышается вероятность ошибок и тяжесть их последствий.

Фактор необходимости руководства подчиненными и быть для них примером — психологическая нагрузка, которой вообще нет у рядовых работников. Она увеличивается трудностями руководства в экстремальных условиях.

Фактор повышенных нагрузок и утомления. Об отдыхе рядовых думают, об отдыхе руководителей, как правило, нет. Забота об отдыхе — его личная проблема. В экстремальных условиях, в обстановке многочисленных и постоянных угроз решать ее непросто. Поэтому переутомление и изнурение руководителей развиваются быстрее и сильнее, чем у рядовых работников, что неизбежно повышает вероятность ошибок в решениях и действиях и негативных последствий для здоровья.

Основные особенности психической деятельности руководителя в экстремальных условиях. Трудность достижения целей в экстремальных условиях, сложность условий и способов решения служебно-боевых задач определяют сложность и особенности психической деятельности руководителя правоохранительного органа, подразделения, отряда, группы. Подвергаются суровым испытаниям их ум, воля, стойкость, морально-психологическая подготовленность, все качества и стороны их подготовки.

Решение задач может быть успешным, если руководитель действует прежде всего умно, профессионально, разбирается в происходящем, принимает решения в полном соответствии с особенностями обстановки, предвидит ее изменения. Действия командира, начальника в экстремальных условиях -это непрерывная, напряженная и трудная работа его ума. Сложность экстремальной обстановки, непрерывная динамика, неполнота и запаздывание сведений об изменениях требуют от руководителя огромных усилий и профессионализма для создания в уме мысленной картины происходящего. Ему приходится часто предполагать, рассудительно заполняя имеющиеся информационные пустоты, опираясь на крупицы точного знания, перепроверяя и отбрасывая ложные данные. При этом он сильно ограничен в использовании управленческих версий, которыми пользуются в обычных условиях. Он не может в экстремальных условиях проверить одну, убедиться в ее ошибочности, отбросить, взяться за другую. Каждая ошибочная, воплощенная в действия версия может повлечь тяжелые отрицательные последствия. Мышление руководителя вплетено в практическую деятельность и потому рассматривается как один из видов практической деятельности, а его продукты постоянно подвергаются суровой проверке практикой.

Сложность экстремальных событий и информации о них требует развитой способности руководителя к анализу, умения разбираться в сложных и запутанных данных об обстановке, не упускать мельчайшие детали и в то же время видеть главное, быть вдвойне внимательным к тому, что не укладывается в имеющуюся оперативную модель обстановки. Ему нужны быстрота ориентировки в обстановке, чувство времени и ритма происходящих событий и пространства, местности, на которой они проходят. Оперативность, своевременность решений и действий — не суета и не торопливость. Чтобы действовать оперативно, правильно и смело, надо и мыслить оперативно, правильно и смело.

Действия в экстремальных условиях ставят задачи со многими неизвестными, которым сопутствуют случайности и неожиданности. Здесь невозможно все предвидеть, хотя стремиться к этому надо. Руководителю следует сохранять постоянную внутреннюю готовность к непредвиденному и быстрому реагированию на него. Нужен соответствующий настрой, сообразительность, находчивость, гибкость и оригинальность мышления, нескованность консервативными и стандартными оценками и решениями.

Руководитель не имеет права пребывать в растерянности и пассивности даже тогда, когда и по обстановке не ясно, что делать. Ответ всегда один: действовать. В данном случае — срочно повысить активность по прояснению обстановки, разведке, осуществить опросы, потребовать с мест доклады, выехать лично на ответственные участки. Успех зависит от умения трезво оценивать обстановку, не усложнять и не упрощать ее оценки, не прятаться от правды, не выдавать желаемое за действительное, не быть пленником иллюзий.

Умственная деятельность командира, начальника в экстремальной обстановке протекает, как правило, в неблагоприятных условиях — в состоянии предельного напряжения, волнений, озабоченности, усталости, когда его терзают сомнения и тревога, тяжесть ответственности. Между тем именно в этих условиях мысль его должна функционировать предельно четко.

Способность к этому — одно из важнейших психологических качеств руководителя, пригодного руководить в экстремальных условиях.

Должность руководителя такова, что инициатива непрерывного и непреклонного движения к цели, к получению нужного результата должна постоянно исходить от него. К нему в экстремальных условиях могут поступать доклады некоторых подчиненных о «невозможности решить задачу», о «непреодолимых трудностях», об «исчерпании всех возможностей», просьбы об отмене действий, о необходимости выжидать и т.п. Конечно, доклады надо принимать во внимание, взвешивать, но и понимать, что зачастую они — продукт слабости, безынициативности, боязни ответственности. Свою непреклонность и целеустремленность он обязан внушать и подчиненным. Тот, кто изначально настроен не так, не достигнет и того малого, на что нацелен. Таков урок служебно-боевого опыта.

Способность решать служебно-боевые задачи, непреклонно достигать поставленных целей — это не просто железная воля. Действовать решительно — не бездумно лезть напролом. Действия по принципу «любой ценой» — это не решительность, а ее извращение. Боязнь ответственности за неудачу, умноженная на неспособность принять грамотное решение, превращается в пренебрежение к людям, их здоровью, жизни, ибо они и есть эта цена.

Конечно, каждое решение в экстремальных условиях связано с повышенным риском неудачи, личных неприятностей для принимающего его, нанесением ущерба подчиненным (здоровью, престижу) и непредвиденными последствиями. Командиру, начальнику разумно всегда стремиться к уменьшению риска. Вместе с тем повышенная боязнь его таит в себе опасный зародыш нерешительности, стратегии «избегания неудачи», невыполнения стоящих задач. Опытным и хорошо подготовленным руководителям присущи умение сочетать профессионализм в принятии решений и смелость, решительность и осмотрительность, активность и выдержку, умение не бегать от трудностей, а быть готовым к ним и расчетливо преодолевать.

Стойкость и ответственность — это способность командира, начальника, руководителя без затяжки времени остановиться на одном из возможных вариантов решения и начать действовать; в условиях дефицита времени, высокой ответственности, недостатка информации нелегко преодолеть внутренние колебания и неуверенность. Наверное, правильно говорят, что в быстро меняющейся обстановке отсутствие решения хуже, чем даже не очень хорошее решение. У руководителя не должно быть иного страха, чем страх перед упущенными возможностями успешного решения задачи при условии сохранения жизни людей. Когда обстановка изменилась и нет времени для связи с вышестоящим руководителем, надо быть способным принять инициативно и на свою ответственность другое решение, ведущее к достижению поставленной цели. В то же время нельзя легко отказываться от выполнения ранее принятых решений. Тот, кто это делает, вряд ли доведет до конца большинство из них.

Психологическая борьба в противоборстве. Достижение успеха в экстремальных условиях, связанных с упорным противодействием криминального элемента, приходит к руководителю, который *владеет инициативой действий, диктует ход событий* в нужном для достижения успеха направлении, *подавляет волю противника к сопротивлению.* Умение достигать этого — одно из высших проявлений профессионализма командира, начальника.

Владение инициативой дает большие преимущества и ведет к успеху. Психологически инициатива действий выражается в том, что одна из противоборствующих сторон (в нашем случае — силы правоохранительных органов) в определенной степени навязывает другой (противнику) свою волю, направляет образ мыслей, подталкивает к выгодным для себя решениям и действиям. Она диктует ей время, место, виды и формы действий. Вторая сторона лишена полной самостоятельности в этом и вынуждена отказаться от активных намерений и ожидать действий владеющего инициативой, перейти к оборонительному способу борьбы, защищаться, а не нападать. Выгодность положения владеющего инициативой в том, что он может тщательно готовить свои действия и начинать их после завершения подготовки. Обороняющийся вынужден при этом готовиться осуществлять ответные действия экспромтом, в спешке, что часто делает их менее успешными. Инициатор навязывает противной стороне выгодные для себя условия и время действий, в которых он особенно силен, и в известной степени маскирует свои слабости. Защищающийся вынужден довольствоваться тем, что ему навязывают. Стороне, владеющей инициативой, принадлежит преимущество первого действия, обеспечивающего опережение противника и внезапность. Противной стороне в таких условиях легче растеряться, а ее ответные меры скорее всего будут суматошными, неорганизованными, не лучшими.

Все эти преимущества уже демонстрируют противнику психологическое превосходство владеющего инициативой, его уверенность в себе, чувство уверенности в победе. Уступка инициативы (если это не специальный оперативно-тактический замысел и подготовка ловушки) в психологическом плане означает молчаливое признание собственной слабости и превосходства противника, что порождает тревогу, опасение, страхи, нервозность, предчувствие поражения, ломает волю, порождает отчаяние.

Иногда, особенно если противостоят не сильно отличающиеся по численности группы работников правоохранительных органов и вооруженных преступников, обе столкнувшиеся в схватке стороны понимают пагубность выжидательной тактики, пассивного ожидания ударов противника и стремятся захватить, перехватить, удержать инициативу, перехитрить противника. Так возникает *психологическая борьба,* в ходе которой каждая сторона приводит все новые и новые аргументы, пытаясь доказать свои преимущества, продемонстрировать свою решимость и волю к победе, стремясь склонить чашу весов в свою пользу. Происходит столкновение и борьба умов и воли.

Основной способ подавления противника — его физическое уничтожение. Но боеспособность — это всегда совокупность материальных и духовных сил. Последние вносят в математические и чисто тактические расчеты радикальные перспективы. Чтобы одолеть противную сторону, надо разбить его обязательно и духовно, сломить волю к сопротивлению. Победа — чаще всего не столько физический, сколько морально-психологический факт. Побежден лишь тот, кто признал себя побежденным.

Уступка инициативы в противоборстве означает, что защищающийся еще не сломлен, но уже начал уступать, в чем-то подчиняться. Захват инициативы поэтому — уже определенная морально-психологическая победа руководителя правоохранительных сил, имеющая переломное значение в борьбе и порождающая тенденцию уступок, сдачу позиций преступниками.

Захват инициативы, подавление воли противника к сопротивлению, побуждение его к ошибкам рождаются в борьбе, в столкновении не только огневых мощностей, но и замыслов противоборствующих сторон, планов, намерений, хитростей, активности, упорства, мужества и других морально-психологических свойств. Противник делает все, чтобы реализовать свои планы, правоохранительные органы — свои: он хочет продиктовать свою волю, а их задача — свою. В ходе противоборства командир, начальник ищет и создает благоприятные условия и моменты, но встречает сопротивление и противодействие противника, стремящегося к тому же. Завязывается боевой диалог действий и противодействий — *морально-психологическая дуэль.*

Все действия командира, начальника в этой борьбе можно разделить на две группы: *внешнего* и *внутреннего (морально-психологического) намерения.* Первые рассчитаны на нанесение физического урона преступникам, вторые — на морально-психологическое воздействие. Ко вторым относятся действия по притуплению бдительности преступника, его дезориентации и запутыванию, вызову растерянности и замешательства, порождению и усилению сомнений и колебаний, тревожности и страха, подталкиванию к неосмотрительным и отчаянным действиям, притуплению бдительности, изматыванию, доведению до отчаяния, отвлечению внимания, подрыву уверенности, демонстрации противнику его слабости, слому его решимости, утрате им самообладания и др.

Морально-психологическое воздействие на противостоящих вооруженных преступников осуществляется в процессе переговоров, тактикой устрашения и запугивания, созданием многочисленных и непрерывных угроз, введением в заблуждение тактическим обманом, отвлечением внимания, притуплением бдительности, волевым напором, силой натиска, стремительностью и дерзостью (энергичными, многочисленными, активными, наступательными действиями), маскировкой своих приготовлений, достижением внезапности действий (по времени, месту, способу, применяемым средствам), опережением и достижением первых существенных успехов и морально-психологического эффекта от них в самом начале операции, демонстрацией полной уверенности в себе и видимого пренебрежения к способности преступников уйти от возмездия, подталкиванием, соблазнением противника на совершение авантюрных действий.

При выборе *способов воздействия* в полной мере учитываются индивидуальные морально-психологические особенности преступников, комплекс ценностей криминальной субкультуры, групповых, социальных, этнических, национальных, половых и др. Эффективны *воздействия на наиболее болезненные точки сознания* — самолюбие, представления о личном и мужском достоинстве, родительские и сыновьи чувства, самооценку своих достоинств и способностей,

профессиональную гордость, убеждение в собственной силе, верность групповым нормам поведения, веру в групповую солидарность и порядочность других членов групп, инстинкт самосохранения, ценность жизни, желание быть на свободе, получить минимальный срок при невозможности избежать уголовного наказания и др.

Средства и способы морально-психологического воздействия, которые руководитель применяет к сопротивляющемуся преступнику, могут, если последний опытен и умен, применяться им для воздействия на самого себя. Успешно вести психологическую борьбу с преступным элементом - значит и руководителю быть стойким в ней, не поддаваться его ответным ухищрениям и воздействиям.

Схожие с изложенными элементы психологической борьбы и способы ее ведения, но в уменьшенном масштабе, существуют и в словесном споре, при допросе и других профессиональных действиях.

Глава 12 Психологические особенности деятельности персонала разных правоохранительных органов

12.1. Психология прокурорской деятельности

Исходные положения. Специальных исследований, посвященных психологическому анализу труда прокуроров, до последнего времени почти не проводилось. В учебниках по юридической психологии, как правило, дается лишь общая психологическая характеристика выступления прокурора в суде, прочие же аспекты его работы практически не затрагиваются.

Профессиональная деятельность прокурора является сложной и многосторонней. Основные направления, цели, задачи, служебные обязанности прокуроров определяются функциями органов прокуратуры, сформулированными в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации».[1] Анализируя функции, содержание и условия работы прокурора, можно вычленить ряд важнейших психологических особенностей его профессиональной деятельности, определить ее структуру, сформулировать основные требования профессии к психологическим качествам специалистов.

Психологические особенности функций прокуратуры. Ведущая функция прокуратуры как особого органа государственной власти заключается в надзоре за соблюдением Конституции Российской Федерации и точным единообразным исполнением законов на всей ее территории. Прокурорский надзор осуществляется:

«...за исполнением законов федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными, законодательным и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов;

...за соблюдением прав и свобод человека и гражданина...;

...за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие;

...за исполнением законов судебными приставами:

...за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание».[2]

Надзорная функция прокуратуры по сути является одной из важнейших форм государственного контроля. В психологическом плане прокурорский надзор можно рассматривать как сложный вид деятельности, основной компонент которой — особая форма контроля. Последний же является составной частью любой человеческой деятельности: познавательной, управленческой и др.

Важнейшим элементом в структуре прокурорского надзора является *познавательная деятельность.* Прокурор, проверяя информацию о фактах нарушения закона, изучает, анализирует, сопоставляет разнообразные материалы, документацию, статистические сведения, выявляет, устанавливает и доказывает состав правонарушения. При необходимости он вызывает для дачи объяснений должностных лиц и граждан, используя свои властные полномочия. Фактически прокурор, осуществляя надзор, организует и проводит исследование, по своему содержанию и психологическим особенностям весьма близкое к расследованию преступлений, осуществляемому следователем. И тот и другой:

- выявляют разнообразные фактические обстоятельства события, содержащего признаки правонарушения;
- устанавливают и доказывают состав правонарушения (неважно, идет ли речь о нарушениях материального либо процессуального законодательства);
- в пределах своей компетенции жестко регламентированным способом реагируют на эти выявленные и доказанные правонарушения, при необходимости используя имеющиеся у них властные полномочия.

Нередко прокурор в своей работе сталкивается с открытым или скрытым противодействием со стороны лиц, нарушивших закон, которые пытаются уклониться от ответственности, в той или иной форме оказать на него давление, повлиять на принимаемые решения. Находясь на переднем крае борьбы с преступностью, нарушениями закона, его деятельность зачастую имеет весьма напряженный характер, отличается экстремальностью, высокими *эмоциональными и другими психологическими нагрузками,* неравномерным ритмом работы. Для того чтобы эффективно выполнять служебные обязанности, профессионально успешный прокурор должен обладать

высокой *эмоциональной устойчивостью и работоспособностью, развитыми волевыми качествами.* Помимо надзора к функциям органов прокуратуры относятся:

• расследование преступлений. Так, согласно ст. 31 Закона «О прокуратуре РФ» прокурор вправе принять к своему производству или поручить подчиненному ему прокурору или следователю расследование любого преступления, отнесенного уголовно-процессуальным законодательством к компетенции органов прокуратуры;

• участие в рассмотрении дел судами, арбитражными судами, в которых прокурор, осуществляя уголовное преследование в суде, выступает в качестве государственного обвинителя;

• координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;

• участие в правотворческой деятельности.[3]

Психологические особенности решения задач. Функции органов прокуратуры в своей совокупности задают крайне *широкий спектр разнообразных задач,* решаемых прокурором в своей профессиональной деятельности. Так, предметом только лишь прокурорского надзора является все законодательство Российской Федерации. Многие задачи, встающие перед прокурорами при выполнении ими служебных функций, не имеют простого, однозначного решения, достигаемого на основе стандартного алгоритма действий. Они требуют *творческого подхода,* наличия у представителей данной профессии таких качеств, как *развитое воображение, интуиция, эвристичность мышления.* Таким образом, необходимо отметить еще одну крайне важную с точки зрения психологического анализа особенность труда прокуроров — его *творческий характер.*

Профессиональная деятельность прокурора характеризуется также большим количеством контактов с различными людьми, с которыми ему по долгу службы приходится вступать во взаимодействие. Прием жалоб и заявлений у граждан, общение с лицами, вызванными для дачи объяснений в ходе прокурорских проверок нарушений законности, взаимодействие с должностными лицами различных органов государственной власти и управления, личное участие прокурора в различных следственных действиях при руководстве расследованием преступлений, в судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя - все это различные типы ситуаций, в которых осуществляется *коммуникативная деятельность* прокурора, протекающая в форме процессуального или непроцессуального общения.

Анализируя коммуникативный аспект труда прокурора, можно выделить два различных класса ситуаций и соответствующие им два психологических механизма взаимодействия, в рамках которых осуществляется общение. Во-первых, это межличностное взаимодействие в диаде или в малой группе (например, при приеме жалоб у граждан); во-вторых, публичное выступление перед аудиторией (например, в судебном заседании). Каждая из этих ситуаций требует от прокурора *специфических навыков, особых психологических свойств.* Так, в первом случае необходимы хорошее владение средствами межличностного познания — *механизмами рефлексии, идентификации, эмпатии, умение слушать партнера по диалогу, способность правильно понимать и интерпретировать его невербальные проявления, мотивы и механизмы поведения, уметь дифференцировать правдивые и ложные показания.* Во второй ситуации наиболее важно мастерство публичного выступления, развитая *культура речи,* ее четкость, понятность, правильность, убедительность, выразительность и образность, хорошее владение *механизмами коммуникативного воздействия* на слушателей.

Порядок выполнения прокурором своих функций подробно регламентирован в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, иных законодательных актах и в подзаконных нормативных материалах, конкретизирующих требования законодательства. В совокупности данные нормативные документы детально регулируют сроки, порядок и иные аспекты выполнения прокурором своих должностных обязанностей (формы реагирования на нарушения законов применительно к различным сферам прокурорского надзора, порядок участия прокурора в судебном разбирательстве, опротестования приговоров в кассационной инстанции, подачи исков и жалоб и др.). Таким образом, с позиций психологического анализа регламентации подлежат не только цели, задачи, основные направления и виды, но и операциональный состав деятельности прокурора, структура отдельных действий, что также является характерной чертой его труда.

Для эффективного выполнения должностных обязанностей закон наделяет прокуроров широким кругом *властных полномочий.* Использование этих полномочий, принудительный характер их применения в случае необходимости предопределяют высокий уровень персональной

ответственности прокурора за свои действия, принимаемые решения, их результаты и последствия.

Еще одной характерной особенностью деятельности прокурора является его *правовая самостоятельность и независимость* от влияний, исходящих из любых органов государственной власти и от любых должностных лиц. Никто не вправе заставить прокурора действовать вопреки его внутренним убеждениям. Так, согласно ст. 4 Закона «О прокуратуре РФ», «органы прокуратуры осуществляют полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений...».

«1. Воздействие в какой-либо форме федеральных органов государственной власти... а также должностных лиц на прокурора или следователя с целью повлиять на принимаемое им решение или воспрепятствования в какой-либо форме его деятельности влечет за собой установленную законом ответственность.

2. Прокурор и следователь не обязаны давать каких-либо объяснений по существу находящихся в их производстве дел и материалов» (Ст. 5).

Столь высокий уровень процессуальной независимости прокурора, его подчиненность и подотчетность только лишь прокурору более высокого звена задают также крайне высокие требования к степени личной ответственности за работу, объективности и беспристрастности.

Некоторые психологические особенности труда прокуроров связаны с организационными принципами строения органов прокуратуры. Так, согласно положению ст. 4 Закона «О прокуратуре РФ», «Прокуратура Российской Федерации составляет единую федеральную централизованную систему органов и учреждений и действует на основе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации».

Таким образом, система органов прокуратуры представляет собой жестко иерархизированную и централизованную структуру, основанную на принципе

единоначалия. В психологическом плане такая организация задает специфику стиля руководства и управления органами прокуратуры. Так, индивидуально-психологические характеристики руководителя и стилевые особенности его взаимодействия с подчиненными в условиях жесткого единоначалия во многом определяют *стиль работы подчиненных, состояние психологического климата* в подразделении и другие факторы, влияющие на эффективность работы данного органа прокуратуры.

Некоторые психологические аспекты работы с кадрами. По результатам проведенных исследований в Генеральной прокуратуре РФ была разработана групповая *профессиограмма труда* прокурорско-следственных работников органов прокуратуры, включающая четыре блока — ведущие подструктуры деятельности: познавательную, коммуникативную, организационно-управленческую и воспитательную. Составной частью данной профессиограммы является *психограмма* — системное описание требований, предъявляемых профессией к психическим процессам, свойствам и состояниям исполнителей. Она включает пять комплексов взаимосвязанных профессионально значимых психологических особенностей — *факторов профессиональной пригодности: высокий уровень социализации личности, познавательные способности, эмоционально-волевую устойчивость, коммуникативную компетентность, организаторские способности прокурорского работника.*

На основе данной профессиограммы была подготовлена *система психологической оценки для прогнозирования профессиональной пригодности* кандидатов на службу в органы прокуратуры и представителей кадрового резерва, выдвигаемых на руководящую работу.[4] В настоящее время эта система используется на практике во всех органах прокуратуры, где психологи осуществляют профессиональный отбор кадров.

---

[1] *Федеральный* закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 ноября 1995 г., № 168-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 20 ноября 1995 г. № 47. Ст. 4472; Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 10 февраля 1999 г., № 31-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 15 февраля 1999 г. N° 7. Ст. 878.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 15 февраля 1999 г. № 7. Ст. 11.

[3] Федеральные законы «О прокуратуре Российской федерации», «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 10 февраля 1999 г., N° 31-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 15 февраля 1999 г. № 7. Ст. 1, 35.

[4] *Романов В.В., Кроз М.Е.* Руководство по профессиональному психологическому отбору кандидатов на службу в органы прокуратуры Российской Федерации: Методическое пособие. - М., 1994; *Романов В.В., Кроз М.В.* Психологическая оценка при профессиональном отборе кадров для прокуратуры (современное состояние и перспективы). // Вопросы психологии. - 1994. - № 3. - С. 94-105.

12.2. Особенности профессионального психологического отбора кадров в органы прокуратуры

Основания психологического отбора. Психологический отбор в органы прокуратуры начал осуществляться сравнительно недавно, лишь с первой половины 90-х годов, в отличие от органов внутренних дел, где данное направление развивается уже лет 20. При разработке системы психологической оценки кадров прокуратуры использовался положительный опыт, накопленный в МВД,[1] однако учитывались и специфические особенности функционирования и строения органов прокуратуры, труда прокуроров.

В настоящее время в органах прокуратуры разработано и внедрено в практику несколько систем психологической оценки кадров: для прогнозирования профессиональной пригодности кандидатов на службу, претендентов на руководящие должности,[2] а также абитуриентов, поступающих в специализированные высшие учебные заведения — институты прокуратуры.[3] В настоящем параграфе кратко представлены основные элементы первой из указанных систем оценки.

Правовым основанием проведения профессионального психологического отбора в органы прокуратуры является положение ст. 40[1] Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»,[4] согласно которому «...прокурорами и следователями могут быть назначены граждане Российской Федерации, имеющие высшее юридическое образование... и обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами, способные по состоянию здоровья выполнять возлагаемые на них обязанности». К числу этих профессионально необходимых качеств помимо специальных знаний, умений и навыков относятся и определенные психологические особенности, свойства личности. Лишь лица, в достаточной мере обладающие этими качествами, могут эффективно выполнять свои служебные обязанности. Таким образом, целью профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы прокуратуры является оценка данных свойств и качеств у претендентов, установление их соответствия требованиям профессии и составление на этой основе прогноза профессиональной пригодности кандидатов к работе.

Профессиограмма и психограмма прокурорско-следственной деятельности. Как уже сказано выше, для определения комплекса требований, предъявляемых профессией к психологическим особенностям исполнителей, разработана *профессиограмма* прокурорско-следственной деятельности. Основные особенности, задающие специфику данного вида труда (в том числе и в психологическом плане):

- жесткая правовая регламентация профессиональной деятельности и принимаемых решений;
- властный, обязательный характер профессиональных полномочий;
- экстремальный характер профессиональной деятельности следователя, прокурора;
- творческий, нестандартный характер профессиональной деятельности, разнообразие решаемых задач;
- процессуальная самостоятельность и высокая персональная ответственность следователя, прокурора за свои действия и принимаемые решения.

Проведенный морфологический анализ прокурорско-следственной деятельности позволил выделить четыре ее ведущие подструктуры: познавательную, коммуникативную, организационно-управленческую и воспитательную.

На основе данной профессиограммы была составлена *психограмма* профессионально успешных и малоэффективных прокуроров и следователей. Она включает пять блоков качеств, сформулированных первоначально на концептуально-теоретическом уровне, — пять факторов профессиональной пригодности:

• высокий уровень социализации личности;
• развитые познавательные способности;
• эмоционально-волевую устойчивость;
• коммуникативную компетентность;
• выраженные организаторские способности прокурора, следователя.

Методика психологического отбора. Психологические свойства и качества, составляющие различные блоки данной психограммы, были операционализированы на основе показателей комплекса методов и методик, используемых при профессиональном психологическом отборе. Данный комплекс включает методы:

• анализ документов кандидатов на службу по специально разработанной программе;
• тестирование;
• собеседование с кандидатами;
• наблюдение.

Среди указанных методов ведущим является психологическое тестирование. Комплект тестов, применяемых для изучения психологических особенностей кандидатов, в свою очередь включает основные и дополнительные методики. К числу первых относятся:

• методика «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена;
• 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (16-PF);
• тест «Стандартизованный метод исследования личности» (СМИЛ), адаптированный Л. Н. Собчик, — вариант методики MMPI. Дополнительными методиками служат:
• опросник «Уровень субъективного контроля» А.М. Эгкинда и др. (УСК);
• тест «Стратегия поведения в конфликтной ситуации» К. Томаса (МОДЕ);
• 8-цветовой тест М. Люшера.

Для проверки диагностических возможностей основных методик в качестве инструментов психологической оценки кандидатов на службу в органы прокуратуры, а также для определения эталонных тестовых норм для групп, наиболее и наименее профессионально эффективных прокурорских работников было проведено специальное исследование. Его результаты в целом подтвердили предложенную структуру психограммы. Так, были получены статистически значимые различия между сформированными на основе независимых критериев группой наиболее профессионально успешных прокуроров и следователей и группой «профессионального риска» по целому ряду показателей. К их числу относятся такие свойства, как уровень интеллекта (показатель IQ теста Равена, фактор «В» 16-PF), эмоциональная устойчивость (фактор «С» 16-PF, 4-я шкала СМИЛ), социализированность (фактор «G» 16-PF, 8-я шкала СМИЛ), общительность (фактор «А» 16-PF), проницательность (фактор «N» 16-PF) и некоторые другие. Таким образом, было доказано что указанные свойства обладают, по выражению К.М. Гуревича, «дифференцирующей силой», т.е. отличают хороших специалистов органы прокуратуры от плохих. По результатам дальнейших исследований основной методический инструментарий психологической оценки был несколько обновлен и расширен. Так, в частности, были изучены и определены диагностические возможности

Краткого ориентировочного теста (КОТ) в качестве альтернативы методике Равена при прогнозировании профессиональной пригодности кандидатов на службу по интеллектуальному критерию. В результате проведенной работы были скомплектованы два эквивалентных комплекта основных методик, которые впоследствии поочередно использовались на практике. Апробировались также и различные дополнительные методики, например, «Опросник профессиональных предпочтений» (ОПП), предназначенный для диагностики профессиональных склонностей и интересов субъекта.

Процедура и оценка результатов психологического изучения кандидатов. Процедура включает, как правило, два этапа обследования. На первом проводится тестирование испытуемых указанными методиками. По результатам анализа этих данных, а также документов, представленных кандидатами в отдел (управление) кадров, составляется предварительный прогноз профессиональной пригодности, определяется круг вопросов, требующих уточнения и конкретизации. На втором этапе работы данные тестирования дополняются в процессе индивидуального собеседования с кандидатами, что позволяет получить важную дополнительную информацию, прояснить неясные вопросы, снять возникшие противоречия. И во время собеседования, и в ходе тестирования также осуществляется наблюдение за испытуемыми, их поведением, невербальными проявлениями.

В зависимости от конкретных условий работы могут применяться процедуры группового или индивидуального тестирования, компьютерная или бланковая психодиагностика, может также варьироваться число используемых дополнительных методик. Различные варианты сочетаний отдельных этапов и процедур обследования в их взаимосвязи и взаимозависимости можно рассматривать как некоторые алгоритмы действий психодиагноста, как последовательность шагов по прогнозированию профессиональной пригодности кандидатов. Все эти алгоритмы были апробированы на практике при проведении профессионального отбора в органы прокуратуры.

По результатам психологического обследования кандидата принимается одно из следующих решений о его пригодности к службе в органах прокуратуры:

• по своим психологическим особенностям полностью отвечает требованиям прокурорско-следственной специальности и рекомендуется в первую очередь на должность следователя, помощника прокурора (I группа профессиональной пригодности);

• в основном отвечает требованиям специальности, рекомендуется на должность следователя, помощника прокурора (II группа);

• по своим психологическим характеристикам частично соответствует требованиям прокурорско-следственной специальности. Может быть рекомендован к приему на службу лишь условно, при наличии значительного числа вакантных мест и желательно с испытательным сроком (в соответствии с положением ст. 40 Федерального закона «О прокуратуре РФ» (III группа).

• не отвечает требованиям прокурорско-следственной специальности и не рекомендуется на службу в органы прокуратуры (IV группа профессиональной пригодности).

Данные решения психолог указывает в итоговом заключении, подготавливаемом по результатам обследования каждого кандидата. В нем также фиксируются наиболее яркие характерологические свойства испытуемого, особенности мышления, интеллектуального уровня, личностные черты, коммуникативные качества, организаторские способности и другое в соответствии с блоками приведенной выше психограммы, отмечаются сильные и слабые стороны обследованного как будущего прокурорского работника.

Результаты проведенных исследований, апробации и последующего практического использования в течение ряда лет разработанной системы психологической оценки продемонстрировали, что она соответствует требованию научной обоснованности, позволяет обеспечивать высокую достоверность, валидность и надежность получаемых данных, точность прогноза профессиональной успешности. Она показала также достаточно высокие селективные возможности по дифференциации кандидатов с различным уровнем пригодности к прокурорско-следственной деятельности.

---

[1] *Основные* виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел: Справ, пособие. / Под ред. Б. Г. Бовина, Н. И. Мягких, А. Д. Сафронова. - М., 1997; *Федеральный* закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 ноября 1995 г., № 47, ст. 4472; *Федеральный* закон «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 10 февраля 1999 г., № 7, ст. 878.

[2] *Романов В.В., Кроз М. В.* Руководство по профессиональному психологическому отбору кандидатов на службу в органы прокуратуры Российской Федерации: Методическое пособие. - М., 1994.

[3] *Романов В.В., Кроз М. В.* Методическое руководство по профессиональному психологическому отбору абитуриентов, поступающих на учебу в институты прокуратуры Российской Федерации. - М., 1997.

[4] *Федеральный* закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 ноября 1995 г., № 47, ст. 4472; Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 10 февраля 1999 г., № 7, ст. 878.

12.3. Психология милицейской деятельности

Актуальные проблемы психологии милицейской деятельности. В ст. 1 Закона РСФСР «О милиции» от 18 апреля 1991 г. говорится, что «милиция - это система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств и наделенных правом применения мер принуждения». Психологический анализ

деятельности требует четкого знания основных функций, задач и требований к деятельности милиции. В связи с этим целесообразно обратиться к ст. 2 этого закона, в которой отмечается, что задачами милиции являются:

• обеспечение личной безопасности граждан;

• предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;

• раскрытие преступлений;

• охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;

• оказание помощи в пределах, установленных законом, гражданам, должностным лицам, предприятиям, учреждениям, организациям и общественным объединениям в осуществлении их законных прав и интересов.

Множественность задач, стоящих перед милицией, ведет к развитию полифункциональности в деятельности, выделению групп сотрудников, выполняющих специфические функции. Наиболее известно установленное Законом «О милиции» разделение милиции на криминальную и милицию общественной безопасности. Естественно, деятельность оперативных работников милиции по своему содержанию и применяемым способам отличается от деятельности, например, патрульно-постовой службы или дорожно-патрульной службы ГИБДД. Однако различающаяся по применяемым способам деятельность различных работников милиции совпадает по своим целевым параметрам. Звеном, объединяющим их и заставляющим тесно взаимодействовать, является наличие единого объекта деятельности — преступника (правонарушителя).

Объект деятельности сотрудников милиции (правонарушитель) имеет ряд особенностей. К числу значимых для деятельности работников милиции следует отнести такие характеристики правонарушителей: а) антиобщественная направленность и общественная опасность поведения; б) противодействие или сопротивление правомерным воздействиям сотрудников милиции; в) опыт противоправной или преступной деятельности; г) маскировка истинных целей и мотивов противоправной деятельности; д) типичность и индивидуальность в поведении; е) своеобразие связей с окружающим миром, в том числе часто наблюдаемая идентификация себя с криминальной средой.

Анализ специфики деятельности милиции позволяет выделить *десять общих для представителей ее различных служб характеристик:*

1) деятельность милиции является разновидностью государственной службы, и порядок ее прохождения работниками определен в Положении о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, сотрудники милиции имеют специальные звания и при выполнении своих должностных обязанностей должны, как правило, носить специально установленную форму одежды;

2) деятельность сотрудников милиции строится на принципах законности, гуманизма, уважения прав человека и гласности;

3) нормативно-правовая регламентация деятельности милиции определяет специфику проведения правоохранительных мероприятий в сфере борьбы с преступностью и охраны общественной безопасности;

4) как правило, выполнению милицейских функций противодействуют правонарушители и их пособники;

5) работникам милиции предоставлены обширные властные полномочия, реализация которых зависит от их умения разумного, целесообразного и законного применения власти;

6) милиция обладает специфическими средствами воздействия, в том числе принуждения, в процессе профилактики и пресечения правонарушений (психологическое воздействие, в виде предупреждения, замечания и т.д.; применение специальных средств, физической силы и огнестрельного оружия);

7) разнообразие социальных ситуаций, в которых приходится действовать работникам милиции, определяет требования к их психологической готовности, умению быстро входить в сущность произошедшего события и коммуникативным качествам;

8) деятельность милиции проходит в условиях конспирации и необходимости сохранения ее сотрудниками служебной тайны;

9) милицейская деятельность характеризуется экстремальностью, связанной с наличием различных стресс-факторов (повышенная ответственность, неопределенность информации, дефицит времени, опасность для здоровья и др.) и психическими перегрузками в работе;

10) на деятельность сотрудников влияют атмосфера в обществе, оценки населением степени ее эффективности и складывающийся авторитет милиции.

Исключительная сложность деятельности милиции диктует высокие требования к профессиональной подготовленности и выучке каждого сотрудника. Эта деятельность оказывает обратное влияние на сотрудников милиции как субъектов деятельности, развивая их знания, навыки, умения и способности, формируя определенные характерологические качества.

Деятельность работников милиции существенно зависит от *мотивации труда,* увлеченности и склонности к правоохранительной деятельности. Формирование устойчивых положительных мотивов деятельности сотрудников милиции можно вести в четырех направлениях:

1) формирование непосредственных мотивов труда посредством раскрытия интересных и творческих сторон деятельности милиции;

2) развитие интереса к деятельности опосредованным воздействием на мотивы путем воспитания у сотрудников милиции чувства профессионального долга и гордости за принадлежность к милиции;

3) раскрытие перед сотрудниками перспектив служебного роста, продвижения по службе и повышения профессиональной квалификации как работника органов правопорядка;

4) эффективная организация труда сотрудников и создание в коллективе служб и подразделений милиции благоприятного морально-психологического климата.

Результаты любого вида деятельности работников милиции зависят от ее качественных характеристик: **нормативности, организованности, подготовленности, освоенности и эффективности.**

Нормативность деятельности представляет собой степень соответствия действий сотрудников правовым и нравственным нормам, положениям Кодекса чести сотрудников милиции, ориентации на применение только законных способов борьбы с противоправными деяниями. Деятельность сотрудников милиции должна проходить под знаком строгого соблюдения норм уголовного, уголовно-процессуального и административно-правового законодательства.

Организованность создает реальный фундамент для успешной деятельности работников милиции. Она выражается в определении соответствующих форм организации и стройной системы реализации профессиональных задач милиции.

Подготовленность выражается в наличии у сотрудника милиции соответствующих знаний, умений и навыков. Важную роль наравне с другими видами подготовленности (юридической, специальной) играет профессионально-психологическая подготовленность.

Если подготовленность выступает как предпосылка успешной работы, то *освоенность* определяет реальное овладение ею сотрудником милиции и высокую степень выполнения соответствующей деятельности.

Эффективность деятельности сотрудников милиции состоит из продуктивности, выражающейся в количественных и качественных результатах деятельности; скорости, отражающей быстроту, четкость и организованность действий; темпа деятельности, определяющего соотношение «энергичных» участков и спадов в деятельности сотрудника в течение фиксируемого периода времени; полноты, зависящей от объема реализованных действий, необходимых для успешного выполнения деятельности сотрудником милиции в течение длительного периода времени и сохранения устойчивой результативности деятельности.

Психологические особенности различных видов деятельности работников милиции. Исходя из законодательно определенных задач деятельности милиции, можно выделить следующие ее разновидности: профилактическую; оперативно-розыскную; деятельность по дознанию и расследованию преступлений; по охране общественного порядка и безопасности; охранную деятельность.

Профилактическая деятельность. Основная цель профилактической деятельности работников милиции — предотвращение правонарушений и чрезвычайных происшествий. Практически профилактическая деятельность является составной частью работы любого сотрудника милиции. Однако по объему и приоритетности этот вид деятельности более характерен для участковых инспекторов

милиции, работников подразделений по профилактике правонарушений несовершеннолетних и некоторых других категорий работников.

Профилактическая деятельность строится на активном общении с населением, представителями органов местной власти, должностными лицами, что предъявляет особые требования к коммуникативным качествам и педагогическим способностям работников милиции, точному соблюдению законных прав граждан и правовых актов.

Составление психограммы *участкового инспектора милиции* путем анализа экспертных оценок показало, что для успешных профессиональных действий необходимо иметь следующие психологические качества:

• профессиональную наблюдательность;
• уравновешенность, самообладание при конфликтах;
• способность располагать к себе людей, вызывать у них доверие;
• тонкую наблюдательность за душевной жизнью человека;
• умение отстаивать свою точку зрения;
• способность к воссозданию образа по словесному описанию;
• умение делать выводы из противоречивой информации;
• память на внешность и поведение человека;
• способность к быстрому установлению контактов с новыми людьми.[1]

Исследования показали, что значительно осложняют психологическую пригодность к профилактической деятельности работников милиции следующие показатели: индивидуализм; социальная отчужденность, нарушающая систему межличностных отношений и затрудняющая социальное взаимодействие; чрезмерная тяга к доминированию и настойчивая тенденция к лидерству; снижение уровня мотива достижения цели деятельности; тревожность; недостатки в волевой сфере и снижение волевых усилий; наличие психотических черт личности и др.[2]

Оперативно-розыскная деятельность. Эта деятельность является ведущей для широкого круга работников милиции, в том числе для сотрудников уголовного розыска, подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и организованной преступностью, оперативно-поисковых подразделений, отделов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и некоторых других служб. Для специалистов этих служб оперативно-розыскная деятельность является основной, схожей по применяемым методам решения служебных задач. Содержание оперативно-розыскной деятельности и применяемые методы определены Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г.

Выполнение оперативным работником своих должностных обязанностей требует от него наличия следующих психологических качеств и умений:

• способности решать профессиональные задачи в ситуациях, сопровождающихся высокой степенью личного риска и опасности для жизни;
• готовности* к ситуациям силового (включая огневое) единоборства с преступниками;
• повышенной ответственности за свои действия («отсутствие права на ошибку»);
• способности к интенсивной межличностной коммуникации с асоциальными и криминальными личностями;
• высокой психофизиологической выносливости, связанной с отсутствием фиксированного рабочего времени (средняя продолжительность рабочего дня составляет 10—12 часов, часто бывает 7-дневная рабочая неделя, ночные выезды на задержание преступника и т.п.);
• способности выдерживать длительное эмоциональное напряжение, тревожные состояния, чувство страха, неопределенности, невозможности поделиться своими сомнениями с близкими и т.п.;
• постоянной интеллектуальной активности (анализ непрерывно меняющейся информации, удержание в памяти большого количества фактов; принятие решений в условиях дефицита времени и информационной неопределенности);
• способности к ролевому перевоплощению, умения выдавать себя за других людей, искусно разыгрывать роли различных социальных и профессиональных типов;
• речевой находчивости, умения быстро и достоверно объяснить критическую ситуацию другому, скрывая при этом истинные намерения.[3]

Значительная выраженность таких качеств, как открытая агрессивность, аутоагрессия, импульсивность, депрессивные и психосоматические формы реагирования в трудных ситуациях, социальная отчужденность, преобладание тормозных процессов над процессами возбуждения в нервной системе, могут в совокупности проявиться как синдром профессиональной непригодности к оперативно-розыскной деятельности.

Деятельность по дознанию и расследованию преступлений. Этот вид деятельности является основным для дознавателей, следователей и экспертов-криминалистов органов внутренних дел, а его содержание требует знания тактики и методики раскрытия и расследования конкретных преступлений, приемов проведения отдельных следственных действий, способов установления психологического контакта с другими людьми и т.д. Большое значение здесь приобретает

интеллектуальная деятельность, творчество в выдвижении обоснованных версий преступлений и их квалифицированной отработки.

В психограмме дознавателя и следователя часто выделяют несколько групп личностных качеств, определяющих успешность работы при раскрытии и расследовании преступлений. К ним относят:

• мотивационно-ценностные особенности (развитое правосознание, честность, мужество, принципиальность, добросовестность, исполнительность, дисциплинированность, развитая мотивация достижения, выраженная мотивация самоактуализации и др.);

• познавательные качества (высокий уровень интеллекта, гибкость мыслительных процессов: творческое мышление, наблюдательность, умение прогнозировать, развитая интуиция, хорошая память, развитое произвольное внимание и др.);

• коммуникативные качества (умение устанавливать психологический контакт, владение коммуникативной техникой поведения, наличие организаторских качеств и др.);

• иные личностные особенности (устойчивая и адекватная самооценка, самостоятельность и независимость, ответственность, самоуважение и др.).

Деятельность по охране общественного порядка и безопасности. Эта разновидность деятельности является ведущей для патрульно-постовой службы милиции, дорожно-патрульной службы ГИБДЦ, муниципальной милиции. Общая характеристика этой деятельности — целенаправленное наблюдение и пресечение правонарушений в общественных местах. Для этого сотрудники милиции обладают властными полномочиями по воздействию на поведение граждан в виде: предупреждения о необходимости прекращения противоправного деяния и принуждения в виде наложения штрафа, задержания правонарушителей и доставления их в ИВС или спецприемники (или медвытрезвители).

Для *работников патрульно-постовой службы* важны следующие личностные качества: наличие определенного жизненного и профессионального опыта; интерес к человеку, его переживаниям, способность к эмпатии; уверенность в себе, настойчивость, способность к противодействию нарушителям правопорядка; хорошая спортивная подготовка; уверенное владение табельным огнестрельным оружием; наблюдательность; способность к усвоению новых знаний, обучению; активная личностная позиция; мотивация достижений; оперативность в принятии решений; требовательность; контроль над агрессивностью и др.

Охранная деятельность. Это основная деятельность для сотрудников вневедомственной охраны милиции. Ее главная цель — охрана материальных ценностей государственной и частной собственности. Содержание охранной деятельности заключается в тщательном наблюдении за охранными объектами и пресечении противоправных посягательств на охраняемое имущество. Особыми условиями охранной деятельности часто являются изоляция при несении службы, нахождение в закрытом помещении и наличие стрессовой напряженности в связи с ожиданием преступного нападения на охраняемый объект.

Существенными для успешного выполнения должностных обязанностей *сотрудниками вневедомственной охраны* считаются следующие качества:

• наблюдательность и внимание (устойчивость внимания; распределение внимания; хороший объем внимания; умение видеть малозаметные изменения на охраняемом объекте и др.);

• эмоциональные и волевые качества (эмоциональная устойчивость; самообладание; упорство в преодолении возникающих трудностей; высокая активность; ответственность; самокритичность и др.);

• интеллектуальные качества (умение выбрать из нескольких вариантов решения оптимальный; способность принять решение при недостатке информации; умение определить объем информации, нужный для принятия решения и др.);

• коммуникативные качества (способность найти целесообразную в зависимости от ситуации форму общения; умение согласованно действовать с другими сотрудниками и др.);

• качества памяти (хорошая память на внешность и поведение человека; отличная моторная, двигательная память; способность в течение длительного времени удерживать в памяти большое количество информации; хорошая зрительная память на обстановку охраняемого объекта и др.);

• моторные качества (быстродействие в условиях дефицита времени; быстрая реакция на неожиданное слуховое впечатление и др.).

[1] *Основные* виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел: Справ, пособие. / Под ред. Бовина Б.Г., Мягких Н.И., Сафронова А.Д. - М., 1997. - С. 85.

[2] Там же. -С. 96-98.

[3] *Основные* виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел. - С. 56-57.

12.4. Психология таможенной деятельности

Правоохранительная деятельность таможенных органов и ее психологические особенности. Система таможенных органов занимает важные позиции в экономической, правовой и социальной политике государства. Ее основой является эффективный таможенный контроль в интересах обеспечения экономической безопасности России, защита здоровья и нравственности ее населения. Она включает Государственный таможенный комитет РФ, региональные таможни, таможенные посты. Ее основные функции: участие в разработке таможенной политики государства и ее реализации; обеспечение соблюдения законодательства, защита прав и интересов граждан, предприятий, учреждений и организаций при осуществлении таможенного дела; осуществление и совершенствование таможенного контроля и таможенного оформления, создание условий для ускоренного товарооборота через таможенную границу РФ; ведение таможенной статистики внешней торговли и специальной таможенной статистики; осуществление валютного контроля в пределах своей компетенции и др.

Правоохранительная деятельность таможенных органов является составной частью их деятельности. В соответствии с Положением о ГТК РФ 1994 г. ее задачами выступают: защита экономических интересов России; участие в осуществлении мер по защите государственной безопасности и охране общественного порядка, нравственности населения, жизни и здоровья человека, а также мер по защите животных и растений, окружающей природной среды; борьба с контрабандой и иными преступлениями в сфере таможенного контроля, борьба с нарушениями таможенных правил и административными правонарушениями, посягающими на нормальную деятельность таможенных органов; содействие компетентным органам в борьбе с международным терроризмом; контроль за соблюдением должностными лицами таможенных органов законности; охрана таможенной инфраструктуры и таможенной границы.

Деятельность должностных лиц таможенных органов отличается ***психологическими особенностями,*** которые определяются ее внешними условиями (среда, результаты и их влияние на психику), внутренними (цели, способы), а также возможностями управления и самоуправления. Она осуществляется под постоянным *волевым контролем,* сила которого во многом определяется продолжительностью работы таможенника, сложностью взаимоотношений с различными категориями лиц, проходящих таможенный контроль, физиологическим состоянием таможенника (нервно-психическое утомление, стресс, болезнь).

Степень *эмоционального напряжения* (от умеренного до чрезвычайного) таможенной деятельности зависит от характера выполняемых действий профессионального опыта и индивидуальных психологических особенностей должностного лица таможенного органа. На ней сказываются:

• большая персональная ответственность;

• наличие компетентных органов, контролирующих работу, и возможность идентификации допустившего нарушение специалиста;

• необходимость постоянной готовности к неожиданным ситуациям;

• воздействие постоянно меняющихся объектов наблюдения, внешних факторов;

• достаточно высокий уровень конфликтных ситуаций, возникающих при таможенном контроле и оформлении;

• постоянное воздействие криминогенных структур, стремящихся оказать психологическое давление, шантаж, подкуп таможенников, создать возможности для нарушения действующих правовых норм;

• противоборство, возникающее достаточно часто.

Некоторые лица, проходящие таможенный контроль, видят в таможеннике главного виновника возникающих трудностей и свое раздражение пытаются выместить именно на нем, грозя всевозможными карами или предлагая взятки для облегчения своей участи.

Перечисленные особенности деятельности предъявляют высокие требования к любому должностному лицу таможенного органа, к его моральным и нравственным качествам.

Профессиограмма таможенного специалиста. Профессиограмма таможенного специалиста отражает основные особенности его деятельности. Ей свойственна структура, логика и содержание, адекватные этой деятельности.

I. *Общие сведения о профессии.*

1.1. Наименование, назначение, ответственность.

В структуре таможенного поста — сотрудник группы по борьбе с таможенными правонарушениями, группы досмотра.

В структуре таможни: сотрудник отдела по борьбе с таможенными правонарушениями, сотрудник отдела дознания, сотрудник отдела таможенных расследований, сотрудник отдела по борьбе с контрабандой, сотрудник юридического отдела, сотрудник отдела таможенной охраны.

Назначение:

- обеспечение соблюдения таможенного законодательства, защита интересов и прав государства, физических и юридических лиц при производстве таможенного контроля и оформления;
- осуществление контроля за перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу РФ;
- физический досмотр товаров и транспортных средств лиц, пересекающих государственную границу РФ;
- борьба с контрабандой и незаконным оборотом наркотиков, вооружения или боеприпасов, оружия массового поражения, культурных ценностей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу РФ (ст. 188, 189, 190 УК РФ);
- борьба с невозвращением из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК РФ);
- борьба с уклонением от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ);
- осуществление мер предупреждения по борьбе с нарушением таможенных правил и правонарушениями, совершаемыми участниками внешнеэкономической деятельности;
- проверка правильности предоставления таможенных преференций — транзитных и налоговых льгот;
- контрольные функции на объектах хозяйствования и на транспорте;
- организация и проведение оперативно-розыскной деятельности;
- организация службы таможенной охраны. Ответственность:
- специалист несет личную ответственность (до уголовной включительно) в полном объеме за выполнение функциональных обязанностей и нарушения действующего законодательства;
- повышенная моральная ответственность, закрепленная публично принятой присягой.

1.2. Характеристика рабочего места, средств и орудий труда:

- специально оборудованные для выполнения функциональных обязанностей помещения и участки местности;
- нерегламентированный рабочий день;
- работа с компьютерной техникой, средствами связи, техническими средствами таможенного контроля, средствами специального назначения;
- контакт с оружием и спецсредствами;
- работа со специально обученными служебными собаками.

1.3. Необходимая общая и специальная подготовка специалистов:

- высшее (средне специальное) образование;
- специальная таможенная подготовка.

1.4. Профессиональное мастерство.

1.4.1. Необходимые знания:

- знание нормативных актов по уголовному и таможенному праву и делу;
- знание правил и инструкций, регламентирующих деятельность подразделений таможни (таможенного поста), а также организаций, предприятий, юридических и физических лиц — участников внешнеэкономической деятельности;
- знание механизмов и способов преступного поведения в сфере внешнеэкономической деятельности юридических и физических лиц;
- знание особенностей оформления документов, участвующих в таможенном процессе;
- знание конструктивных и прочих особенностей транспортных средств и средств доставки товаров, следующих через таможенную границу;

• знание основных путей контрабанды наркотиков, вооружения и боеприпасов и других объектов контрабанды, их характеристики, приемы и способы укрытия от таможенного контроля;
• знание психологических особенностей и поведенческих реакций типичных контрабандистов;
• знание основ работы с вычислительной техникой, средствами связи, техническими средствами таможенного контроля, штатного оружия и специальной техники;
• знание объектов таможенной инфраструктуры, особенностей охраны и безопасности таможенных помещений, складов и т.п.;
• знание правовых основ и принципов оперативно-розыскной деятельности.

1.4.2. Необходимые умения:
• умение логически мыслить и организовывать свою деятельность в условиях дефицита времени;
• умение организовывать и проводить дознание по делам, отнесенным к компетенции таможенных органов;
• умение проводить неотложные следственные действия: осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание, допрос подозреваемого, допрос свидетеля и потерпевшего и др.;
• умение принимать решение с осознанием личной ответственности за его последствия;
• умение эффективно работать с людьми, устанавливать психологический контакт в интересах выполнения поставленной задачи;
• умение грамотно и полно составлять компетентные заключения, протоколы по фактам таможенных нарушений, максимально подробно отражать субъективную сторону составов преступлений;
• умение соблюдать установленный порядок неразглашения сведений, относящихся к служебной деятельности;
• умение следить за сохранностью технических средств таможенного контроля, штатного оружия и боеприпасов, техническим состоянием специальной техники;
• умение противостоять негативному воздействию со стороны участников внешнеэкономической деятельности;
• умение быстро ориентироваться в различных условиях обстановки;
• умение применять различные подходы к оценке возникшей ситуации, отсутствие шаблонов и стереотипов мышления.

II. *Условия деятельности.*

2.1. Санитарно-гигиенические условия:
• микроклимат бытовых помещений таможни (таможенного поста);
• закрытое помещение с резкими изменениями микроклимата;
• открытое помещение технологического характера;
• транспортные средства (виды транспорта: автомобильный, железнодорожный, морской, речной, авиационный);
• на открытом воздухе в естественных природных условиях;
• необычные условия (предприятия с вредным или опасным производством).

2.2. Организация и режим труда:
• нерегламентированный рабочий день;
• командировки, выезды, рейды;
• специальные операции;
• дежурства;
• охрана объектов таможенной инфраструктуры.

III. *Социально-психологические факторы деятельности.*

3.1. Характеристика структурных подразделений.

Структурные подразделения правоохранительного блока несут основную нагрузку по предотвращению таможенных преступлений и правонарушений, защите экономических интересов государства, здоровья и нравственности его населения.

3.2. Роль и место специалиста в системе внутриколлективных связей.

Специалист непосредственно подчинен прямому начальнику, тесно связан технологической цепочкой таможенного контроля с другими специалистами своего отдела, других отделов таможни, участвующих в таможенном контроле и оформлении. Высокая значимость успешного выполнения функциональных обязанностей для самого специалиста, для его отдела и таможни в целом. Возможность повышения результативного труда при проявлении

внимательности, бдительности, наблюдательности, собранности, аккуратности, строгом соблюдении должностных инструкций, творческом подходе к выполнению своих служебных обязанностей и снижение результативности труда при отсутствии этих и других качеств.

3.3. Мотивационные аспекты деятельности.

Качество деятельности сильно обусловлено личностными качествами таможенного специалиста:

- мировоззренческой позицией, морально-этическими качествами, направленностью личности на общественно значимые цели, морально-психологическим настроением, наличием определенных склонностей, интересов, увлечений;
- твердой жизненной позицией, сознательным желанием работать в системе таможенных органов;
- честностью, принципиальностью, порядочностью, патриотизмом;
- высоким чувством долга, профессиональной гордостью;
- тягой к справедливости, профессиональной этикой;
- склонностью к общению с людьми;
- интересом к самосовершенствованию, работе над собой;
- эрудицией, широким кругозором;
- знанием иностранных языков;
- устойчивостью к вниманию и воздействию со стороны участников внешнеэкономической деятельности, посторонних лиц;
- устойчивостью к продолжительной монотонной и напряженной работе, непрерывному поддержанию высокого уровня внимания, собранности и целеустремленности в течение рабочего дня.

Мотивационное значение имеют возможности достаточно быстрого продвижения по службе (досрочного присвоения специального звания, выдвижения на вышестоящую должность, денежного премирования, направления на дополнительную профессиональную учебу и применения мер морального поощрения непосредственно от практических результатов деятельности).

3.4. Особенности социально-психологической и профессиональной адаптации:

- прохождение 12-месячного (6-месячного) испытательного срока;
- наставничество, помощь со стороны опытного, подготовленного специалиста;
- возможность сокращения испытательного срока в связи с успешностью деятельности, обусловленной индивидуальными особенностями личности.

IV. *Содержание деятельности.*

4.1. Содержание основных задач и операций, выполняемых специалистом:

- физический досмотр пассажиров и грузов, пересекающих таможенную границу РФ;
- борьба с контрабандой наркотиков, вооружения, культурных, археологических и исторических ценностей;
- проверка таможенных деклараций и других документов на сопровождение груза и багажа;
- борьба с невозвращением из-за границы средств в иностранной валюте;
- контроль багажа и ручной клади на предмет обнаружения не разрешенных к перемещению через границу предметов;
- досмотр транспортных средств;
- проверка достоверности предъявляемых документов;
- контроль за уплатой таможенных платежей;
- проверка достоверности декларирования товаров и транспортных средств;
- контроль за доставкой товаров и транспортных средств в место доставки и за вручением документов на них; контроль за уклонением от уплаты таможенных платежей;
- принятие решения о выпуске или невозможности выпуска товаров и транспортных средств через границу;
- осуществление оперативно-розыскной деятельности в интересах борьбы с криминальными организованными структурами;
- осуществление охраны и обороны объектов таможенной инфраструктуры;
- проведение дознания по составам преступлений, предусмотренных ст. 188, 189, 190, 193, 194 УК РФ;
- проведение предусмотренных УК РФ следственных действий (опрос, осмотр, обыск, допрос подозреваемого, допрос свидетеля и др.);

• оформление принимаемых решений и действий по делу постановлениями и протоколами.

Основное психологическое содержание деятельности специалиста: логико-аналитическая, контролирующая, познавательная деятельность, связанная с высоким уровнем персональной ответственности и необходимостью самостоятельно принимать решение при определенном дефиците времени.

4.2. Источники приема информации о нарушении таможенных правил:

• непосредственное обнаружение признаков нарушения таможенных правил;

• сообщения и заявления российских и иностранных лиц, а также сообщения в средствах массовой информации;

• материалы, поступившие от других таможенных органов РФ,

• материалы, поступившие от других правоохранительных, контролирующих и иных государственных органов;

• информация, поступившая от таможенных и иных правоохранительных служб и компетентных органов иностранных государств, международных организаций.

4.3. Особенности приема информации:

• получение от различных источников (документы на различных языках, объяснения участников внешнеэкономической деятельности, визуальный канал, данные технических средств контроля и др.);

• поступление информации в ограниченное время и по нескольким каналам одновременно;

• возможные помехи со стороны подконтрольного лица;

• постоянная нагрузка на органы чувств;

• устойчивое произвольное внимание с хорошей переключаемостью.

4.4. Особенности переработки информации и принятия решений:

• сжатые сроки переработки информации и принятия решения;

• зависимость результатов труда от качества памяти;

• высокая значимость логического мышления, его быстроты, гибкости, самостоятельности, критичности;

• влияние чувства личной ответственности;

• обстановка возможного влияния участника внешнеэкономической деятельности (сопровождающих его лиц).

4.5. Структура исполнительских действий:

• рабочая поза зависит от выполнения конкретной функции и изменяется от статической (работа за столом, рентгеновским аппаратом, специальными средствами) до преобладания двигательных актов;

• активная работа пальцев, кистей рук, верхних и нижних конечностей;

• хорошая координация движений;

• речевая культура, умение выслушать собеседника, обосновать свою точку зрения и доказательно ее аргументировать, владение профессиональной терминологией.

4.6. Ошибки в деятельности специалиста:

а) сенсорно-перцептивные (ошибки приема и первичной оценки информации);

б) гностические (ошибки переработки информации и принятия решения);

в) моторные (недостатки психомоторики и речи);

г) личностные (обусловленные особенностями мотивации, характера, воли, эмоциональной сферы и т.п.)

Недопустимость грубых ошибок в деятельности.

4.7. Загруженность в ходе деятельности различных психологических функций:

• распределение усилий, а также времени зависит от количества и интенсивности потока пассажиров, грузов, деятельности смежных служб (расписания прилета и отлета самолетов, движения поездов, судов и т. п.) ;

• преобладание загруженности сенсорно-перцептивных, логических и интеллектуальных процессов;

• приоритет внимательности и психомоторики.

V. *Динамика психического состояния специалиста в процессе деятельности.*

5.1. Характер и степень изменения психофизиологических функций и работоспособности специалиста:

• достаточно высокая зависимость результативности труда от эмоциональной сферы и психоэмоционального состояния специалиста и подконтрольного лица;

• тенденция к снижению внимательности и работоспособности во второй половине рабочего дня (или смены), в ночное время;
• возможность влияния разнообразных внешних факторов (от метеоусловий до морального давления со стороны);
• возможность снижения динамики работоспособности к концу рабочей недели.

5.2. Основные пути преодоления неблагоприятных ситуаций:
• навыки психосаморегуляции, аутогенные тренировки;
• профилактика монотомии, занятия физической культурой и спортом;
• совершенствование профессионального обучения;
• формирование морально-психологических установок на безусловное выполнение своих функциональных обязанностей и служебного долга.

Психограмма таможенного специалиста. Психограмма включает структурированный перечень психологических качеств, которыми должен обладать специалист в соответствии с требованиями профессиограммы.

1. *Направленность, мотивация, склонности, волевые качества:*
• направленность и интерес к таможенному делу;
• склонность к работе с людьми, к общению;
• способность к научению, интерес к приобретению новых знаний;
• сильная воля;
• настойчивость, решительность, смелость;
• самообладание, уверенность в своих силах, эмоциональная и нервно-психическая устойчивость.

2. *Сенсорно-перцептивные свойства:*
• устойчивость функций анализаторов и качества восприятия (зрительного, слухового, тактильного; формы, размеров, скорости, объема и т.п.);
• преобладание зрительного канала восприятия;
• устойчивое внимание, его широкое распространение, быстрое переключение и большой объем;
• способность выделять существенные признаки, подмечать незначительные изменения в исследуемом объекте.

3. Особенности высших психических функций:
• достаточный объем, быстрота и точность запоминания и восприятия;
• оперативность, четкость и критичность мышления; способность в течение длительного времени удерживать в памяти большое количество информации;
• развитая память на внешность и поведение человека;
• способность подмечать изменения в окружающей обстановке, не сосредотачивая сознательно на них внимание;
• способность вести наблюдение одновременно за большим количеством переменных исследуемого объекта, а также за большим количеством объектов;
• способность быстро ориентироваться в новой и незнакомой обстановке, оценивать степень важности поступающей информации;
• потребность развития воображения.

4. *Психомоторные свойства и физические качества:*
• хорошая физическая выносливость, устойчивость к физической усталости;
• хорошая координация движений, устойчивость к тремору;
• устойчивость речедвигательных характеристик к психофизическим нагрузкам, склонность быстро устанавливать коммуникативный контакт, четко и ясно излагать свои мысли;
• способность к резкой смене вида деятельности;
• способность использовать мускульную силу как взрывного, так и статического характера;
• владение приемами самозащиты и рукопашного боя.

5. *Личностные и профессиональные особенности:*
• общение;
• готовность к сотрудничеству, отзывчивость, приспособляемость, легкость включения в групповую активность, наличие собственного мнения;
• эмоциональная зрелость, устойчивость, невозмутимость;
• склонность к соблюдению общественных моральных норм;

• чувство ответственности, способность убедить группу работать на практической и реалистической основе;
• эффективность деятельности в ситуациях, требующих постоянства, настойчивости и упорства;
• осмотрительность, осторожность и бдительность;
• самообладание, забота о социальной репутации.

6. Противопоказания к деятельности:
• нервно-психическая и эмоциональная неустойчивость;
• жестко выраженные психические акцентуации и отклонения;
• алкогольная, лекарственная или наркотическая зависимость;
• медицинские противопоказания.

Изложенные психологические особенности деятельности и личности таможенного специалиста целесообразно учитывать при профессиональном отборе и расстановке кадров, прогнозе способностей к адаптации к таможенной деятельности и степени успешности ее осуществления.

Существующая в настоящее время система подготовки таможенных специалистов не является оптимальной, так как не в полной мере обеспечивает высокий профессиональный уровень их деятельности, что является одним из факторов, снижающих эффективность государственного таможенного контроля в России.

Изменить ситуацию возможно путем дальнейшего изучения профессиональной деятельности специалистов таможенной службы и созданием системы ее психологического обеспечения. Такая система должна включать в себя разработку критериев и показателей эффективной профессиональной деятельности, обоснование содержания и структуры таможенной деятельности, включающих описание отличительных признаков различных инвариантов таможенной деятельности, действующих в них экстремальных факторов, наиболее распространенных функциональных состояний, возникающих у таможенника, разработку нормативной модели профессионализма некоторых категорий таможенных служащих и алгоритма ее применения.

12.5. Психологические особенности суда присяжных

С 1993 г. в девяти регионах России действует суд присяжных. Специфика уголовного процесса с участием присяжных заседателей регламентирована разделом X УПК РСФСР. Сложившаяся судебная практика уже достаточна для анализа, однако психологических исследований ее пока крайне мало.[1] Во многих случаях приходится опираться на данные зарубежных ученых,[2] представляющиеся соответствующими особенностям российского права и социальной структуры.

Психология присяжных заседателей. Специфичны *отбор и формирование коллегии присяжных заседателей.* В США в настоящее время распространен так называемый научный отбор, когда стороны до суда с помощью специалистов-психологов и социологов подбирают присяжных из существующих списков по характеристикам, определяемым самими сторонами в каждом конкретном случае. В судебной стадии уже самими юристами — представителями сторон и председательствующим — проводится окончательный отбор присяжных, называемый vok dire («слушать — говорить»).

В Российской Федерации используется иной, более объективный порядок отбора присяжных, аналогичный английскому. Он проводится на основе *случайной выборки по спискам* избирателей (социологический метод). Практика показывает, что при этом обнаруживается тенденция смещения выборки в сторону лиц старшего возраста, что объяснимо большей занятостью людей молодого и среднего возрастов. Ряд категорий граждан, как правило, исключается либо до суда по письменному заявлению, либо в суде по личной просьбе, требованию сторон или мнению председательствующего.

Далее процедура отбора делится на две части: мотивированный отбор и безмотивный отвод. Основная задача *мотивированного отбора* присяжных — с помощью специально поставленных вопросов отсеять из числа вызванных в суд людей, беспристрастность и объективность которых ставится под сомнение по объективным же показателям. Среди таких людей могут быть те, кто знаком с кем-либо из участников процесса; ранее судимые или имеющие близких родственников, судимых за деяния, аналогичные рассматриваемому; близкие сотрудников правоохранительных органов и т.д. Кроме того, могут учитываться и ситуативные психологические особенности потенциальных присяжных. Например, председательствующий судья обычно спрашивает:

«Считает ли кто-либо из вас, что человек, сидящий на скамье подсудимых, заведомо виновен в инкриминируемом ему деянии?» Ясно, что те, кто готовы положительно ответить на этот вопрос уже сейчас, не смогут сохранять беспристрастность в ходе судебного слушания. Помимо председательствующего в отборе могут принимать участие и стороны.

Безмотивный отвод является прерогативой сторон. Каждая из них может отвести не более двух человек из числа оставшихся. В распоряжении сторон находится список вызванных лиц, в котором указаны их полные имена, пол, возраст, место жительства и профессия. Для сторон целесообразно различать присяжных по:

• отношению к подсудимому;

• полу, возрасту и фактору поколения;[3]

• национальным и расовым стереотипам (отношение к национальности редко бывает неосознаваемым, а потому замечено, что этот фактор влияет лишь тогда, когда доказательства вины подсудимого иной расы или национальности неясны, непрочны. Если доказательства вины неопровержимы, вердикт присяжных будет жестче);

• религиозным признакам (этот фактор влияет скорее не на отношение к подсудимому, а на отношение к самому процессу, его целям, процедуре, результатам);

• социально-экономическому статусу (в США установили, что чем сильнее разница в статусах между присяжными и подсудимыми, тем больше вероятность обвинения или тем жестче вердикт);

• характеру дела. Считается, что мужчины в целом более строги, а женщины более склонны оправдывать или относиться снисходительнее, но в делах по сексуальным преступлениям, где в роли подсудимого обычно выступает мужчина, чаще бывает наоборот.

Однако все же в итоге одна из сторон может посчитать получившуюся коллегию тенденциозной, необъективной (например, в коллегии будет всего один мужчина или все присяжные попадут в узкий и неудобный для этой стороны возрастной «коридор»). Такая коллегия при согласии судьи должна быть распущена.

Психология присяжных заседателей нестабильна во времени. ***В ходе судебного следствия отношение присяжных к происходящему в зале суда претерпевает ряд изменений.*** Первое — в момент вхождения в зал заседания в качестве присяжного, принятия присяги; второе, множественное, — на протяжении всего процесса; третье, вероятно также неоднократное, — в совещательной комнате.

Первое изменение происходит с назначением человека в состав суда, которое отрывает человека от обыденности. Занимая место в коллегии, присяжный становится полноправным участником незнакомого ему действа и стремится узнать его правила. Присяжный произносит слова присяги и тем самым принимает на себя обязательство следовать голосу совести и справедливости, и ему нужно, пользуясь новыми нормами, отличать факт от вымысла, действительность от видимости, истину от внешней стороны вещей, суть дела от уже принятого решения, личное мнение от того, с чем согласится любой здравомыслящий человек, и т.д. Однако психологически, как установлено, привычные повседневные нормы подвергаются весьма слабой корректировке (приблизительно лишь на *5%).*[4]

Второе изменение вызывается введением понятия допустимости доказательств. Недопустимые доказательства (к ним относятся в первую очередь данные о личности подсудимого, а также доказательства его вины, полученные с нарушениями закона) могут существенно повлиять на позицию присяжных, заставить их потерять беспристрастность. Бывает, что вопрос о допустимости доказательств встает уже во время основного слушания. Считается, что присяжные следуют инструкциям судьи об отмене доказательств, признанных недопустимыми. Однако исследования показывают, что увещевания судьи, как правило, не только не воздействуют на присяжных нужным образом, но и могут вызвать обратную реакцию, заставляя их лишний раз акцентировать внимание на факте. Часто присяжные оказываются перед дилеммой: либо оправдать подсудимого, основываясь на слабой доказательственной базе стороны обвинения, либо обвинить на основании доказательств, признанных недопустимыми. Показано, что в таком случае доведенные до присяжных недопустимые доказательства все-таки оказывают больший обвинительный эффект, чем допустимые. Например, знание о криминальном прошлом подсудимого психологически достаточно сильно влияет на групповое решение присяжных.

Особенности сферы социального познания присяжных во многом определяют те решения, которые в конечном итоге они выносят. Присяжные могут приписать преступлению три причины: особенности личности обвиняемого, особенности личности жертвы, ситуация события. Если в

ходе судебного следствия выясняется, что подсудимого замучили угрызения совести и он раскаялся в совершенном деянии; случайно получил ранения, совершая преступление; добровольно до суда возместил какие-то убытки потерпевшему; содержался до суда в плохих условиях; пострадал как-то еще, вне прямой связи с рассматриваемым делом, например, подвергся силовому давлению со стороны органов следствия, присяжные могут решить, что он уже расплатился за свое преступление, и учесть это в своем вердикте, в вопросе о снисхождении (как и судья в приговоре). Иногда подсудимого рассматривают как козла отпущения, страдающего за чужие грехи; чем сильнее представление о нем как о падшем ангеле, провинившемся не больше других, тем больше вероятность снисхождения и даже оправдания. Здесь же проявляется и психологическое содержание умысла: как минимум, человек должен быть в принципе способен к выполнению действия и в состоянии предвидеть его последствия. Сомневаясь по любому из пунктов, присяжные сомневаются и в умышленности действий подсудимого.

Действия человека могут приписываться не только характеристикам его личности, но и характеристикам ситуации события. Присяжные смотрят: а) насколько тесно определенное поведение человека связано с ситуацией, б) насколько оно постоянно во времени и в) насколько оно сходно с поведением других людей в аналогичной ситуации. Если поведение подсудимого не слишком разнится с повседневным, его действия воспринимаются не как умышленные, а скорее как привычные. Кроме того, при сильном несоответствии обычного поведения подсудимого и действий в момент наступления события его могут счесть находившимся под принуждением, давлением обстоятельств. Приписывание причин преступления личности подсудимого обычно ведет к его обвинению, ситуации и среде — повышает шансы на оправдание.

Еще одним способом решения неочевидной ситуации является приписывание части вины жертве преступления или смягчение отношения к подсудимому за счет умаления личности жертвы. Например, если жертва на момент преступления была в нетрезвом состоянии или вообще плохо характеризовалась по материалам следствия, шансы подсудимого на оправдание или снисхождение повышаются. Положение подсудимого ухудшается, когда образ жертвы выглядит как страдальческий, например, если жертва — инвалид, старик или ребенок.

Есть и иные взаимозависимые факторы, влияющие на второе изменение:

а) личности государственного обвинителя и защитника, чей успех зависит от того, насколько они вызывают доверие, привлекательны (знакомы, похожи, симпатичны), обладают атрибутами власти, престижа;

б) особенности коммуникации сторон с присяжными (открытость, обилие невербальной коммуникации);

в) то, как преподносятся сторонами доказательства (наглядность, эмоциональность, «разжевывание», порядок аргументации, повторение);

г) настроение самих присяжных.

В отношении *третьего изменения* действует принцип тайны совещания присяжных, когда никто не может влиять на обсуждение. Главное, что следует отметить, это то, что все психологические закономерности второго изменения в той или иной степени перетекают в третье.

Выносимый коллегией присяжных заседателей *вердикт* состоит из ответов на три основных вопроса: 1) доказано ли событие преступления (деяния), 2) доказано ли совершение преступления подсудимым и 3) виновен ли он в нем, а также на вопрос о снисхождений. Как правило, если ответ на три первых вопроса положительный (обвинительный вердикт), юристы не сомневаются в компетентности присяжных. Более или менее понятно, если присяжные выносят оправдательный вердикт при недостатке доказательств. Недоумения возникают тогда, когда доказано, что подсудимый совершил преступление, но тем не менее присяжные признают его невиновным. Помимо уже рассмотренных отношений «обвиняемый — жертва — ситуация», влияющих на это решение (и не только в сторону оправдания), нельзя забывать о том, что присяжные представляют в суде общество, вершат справедливость от его имени, привносят в суд то представление о справедливости, которое присуще обществу. Присяга требует от них выносить справедливое решение по внутреннему убеждению, принимая во внимание все разумные сомнения. Поэтому ответственность за судьбу человека фактически заставляет их все время искать эти сомнения, чтобы не усомниться в собственной справедливости. Отсюда и оправдания, и проявленные присяжными снисхождения к судьбе подсудимого.

Психология сторон. ***Принцип состязательности,*** заложенный в российском уголовно-процессуальном праве, прямо прописан только в разделе У ПК, посвященном суду присяжных.

Обязательность участия в рассмотрении дела судом присяжных защитника и государственного обвинителя, взаимное представление доказательств сторонами, освобождение суда от выполнения задачи борьбы с преступностью — вот главные положения, обеспечивающие разграничение функций обвинения, защиты и разрешения дела, равенство и активность сторон при ослаблении роли председательствующего судьи. Именно наличие состязательности позволяет говорить о психологической нагрузке судебного разбирательства. В суде присяжных «существенное значение приобретают коммуникация и взаимопонимание участников заседания. Эффективность работы профессиональных юристов, представляющих стороны обвинения и защиты, зависит от их умения донести до присяжных свою позицию, убедить последних в своей правоте».[5]

У *присяжных существуют определенные мнения относительно участников процесса.* В 1994 г. опрос присяжных в Московском областном суде до и после процесса показал, что такие черты, как справедливость, объективность, беспристрастность, присяжные приписывают (в порядке убывания): себе, судье, прокурору, адвокату.

Защитник в целом предстает во мнении присяжных как своего рода механизм защиты, активно сопротивляющийся нападкам обвинителя. Он более гуманен, так как представляет не закон, а человека. Ему нужно много ума -столько, чтобы убедить в невиновности виновного подсудимого и судью, и обвинителя, и присяжных, поэтому «поведенческий репертуар» его более разнообразен. Однако его моральный облик не кажется присяжным кристально чистым («спасает виновного от ответственности»).

Фигура государственного обвинителя - орудие нападения, подкрепляемое законностью, т.е. справедливостью своего существования. Его «государственность» — значительно более сильный фактор, чем красноречие защиты, так что преимущества в глазах присяжных на стороне обвинения.

С психологической точки зрения в судебном процессе можно различать *общий порядок* и *внутренний порядок,* т.е. порядок представления сторон в суде и последовательность представления аргументов сторонами. Понятие общего порядка тесно связано с психологическими эффектами: *первичности* — лучше усваивается более ранняя информация, и *новизны* — сильное воздействие информации, полученной последней. Обвинение обладает преимуществом эффекта первичности, ибо оно несет «бремя доказывания», имеет обвинительное заключение, резолютивную часть, квинтэссенция которого оглашается перед присяжными. Не самые приятные подробности, часто содержащиеся здесь, усиливают эффект первичности. Обвинение изначально определяет и список вызываемых свидетелей. Постепенно эффект первичности ослабевает, поскольку защита пытается дискредитировать показания свидетелей, вызванных обвинением, может требовать вызова иных свидетелей. Решения о порядке исследования доказательств принимает суд на основании мнений обеих сторон (ст. 279 УПК РСФСР).

Свидетельские показания — это чаще всего ключевые доказательства (не говоря о данных экспертиз, которым присяжные склонны безоговорочно верить). Стороны по отношению к свидетелям должны предпринять все меры для того, чтобы получить информацию, соответствующую их действительному восприятию; отсеять ложные воспоминания и др. Исследования показывают, что свободный рассказ свидетеля значительно лучше, чем последовательность ответов на вопросы сторон и судьи. Желательно отложить уточнения до конца свободного рассказа.

Как правило, *рассмотрение стратегии* относится к этапу прений, но распространяется и на весь ход процесса. Большинство выступающих в суде юристов предпочитают строить аргументы «от слабого к сильному», так как, по их мнению, именно такой порядок позволяет оказывать наиболее продолжительное влияние на присяжных. Государственный обвинитель должен выбрать логику построения выступления: либо одностороннюю аргументацию, при которой излагается только собственная позиция, либо двустороннюю, включающую в себя предвосхищение аргументов противоположной стороны («прививка»). В свою очередь двусторонний порядок бывает разным: либо изложить сначала свои аргументы, а потом чужие, либо начать с предполагаемых аргументов «противника», чтобы разбить их пункт за пунктом.

С точки зрения общего порядка положение стороны, выступающей в прениях второй, т.е. защиты, более предпочтительно. Во-первых, присяжный оценивает: было ли отдельное поведение случайным или нет, чьи характеристики устойчивее — личности или ситуации. Во-вторых, присяжные знают, что после речи одной стороны последует выступление другой, поэтому

воспринимают данные от одной стороны не как целостную картину произошедшего. Кроме того, адвокат пользуется эффектом новизны. При этом ему может быть выгодно потянуть время (чтобы лишить обвинение преимущества эффекта первичности). Причем в отличие от государственного обвинителя, который должен аргументировать свои выводы, защитник может воспользоваться возможностью дискредитировать весь строй мыслей противной стороны, не прибегая к доказательствам, апеллируя к психологической стороне восприятия фактов присяжными (попросту воскликнуть: «Да это все не доказательства!»). Но более позитивное восприятие прокурора должно сгладить психологические эффекты защиты.

Встречаются *ошибки сторон.* За изощренными коммуникативными техниками часто скрывается неверное понимание состязательности, отсутствие должного профессионализма, неготовность использовать всю гамму действий, предоставляемых в их распоряжение судом присяжных, стремление следовать наработанным в народных судах образцам поведения. Грубейшей ошибкой государственного обвинителя, свойственной, впрочем, и народным судам, является поддержание обвинения при отсутствии внутреннего убеждения в виновности конкретного подсудимого, которое требуется от него в соответствии со ст. 245 УПК РСФСР. Он пытается при этом переложить «бремя доказывания» на председательствующего, что противоречит идее состязательности. Если же судья не принимает на себя зги функции, обвинение может попросту рассыпаться, так как присяжные не поверят государственному обвинителю.

Психология председательствующего судьи. В суде присяжных профессиональный судья принципиально освобожден от задач поиска истины, борьбы с преступностью, в его обязанности входит лишь обеспечение законности процедуры. Значит ли это, что судья становится пассивным созерцателем или «компьютером», лишь отслеживающим действия сторон на предмет их законности? Нет. Его обязанность — создание необходимых условий для всестороннего, полного и объективного исследования дела, активность самого исследования перекладывается на стороны.

Деятельность судьи приобретает, таким образом, и новое психологическое наполнение. Судья - самый значимый для присяжных участник судебного разбирательства, поэтому присяжные ориентируются в первую очередь на его мнение по делу, а принцип состязательности не дает судье формального права это мнение выражать. Тем не менее председательствующий - живой человек, ему трудно (хотя и необходимо) сохранять беспристрастность на протяжении всего процесса. Для него главное — обеспечить в глазах присяжных равенство сторон. Судье важно сразу наладить и сохранить психологический контакт с присяжными. У него есть возможности для этого: разъяснение их прав и обязанностей (включая объяснение ряда правовых понятий), инструкции и замечания по ходу процесса, постановка вопросов в вопросном листе, напутственное слово. Он влияет на присяжных и опосредованно, через свое взаимодействие со сторонами.

Главной ошибкой судьи, как и сторон, является попытка перестроить ситуацию суда присяжных под уже знакомый образец. Пытаясь заставить присяжных рассуждать подобно самому себе, судья может начать оказывать давление на них. Иногда председательствующий видимо объединяется с одной из сторон, как правило, с обвинением, недопустимо перевешивая в его сторону чашу весов. Необходимо преодолевать свое «знание о виновности» подсудимого, если оно возникло под влиянием предыдущего опыта, эмоций или иных причин. В суде присяжных судья должен научиться к каждому конкретному делу подходить так, как подходят присяжные - как к уникальному случаю, не имеющему аналогов в житейском опыте.

---

[1] *Уголовно-процессуапьное* право Российской Федерации: Учебник. // Отв. ред. П.А. Лупинская. - М., 1998. - С. 667-680; *Бобрищев-Пушкин А.М.* Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. - М., 1896; *Гулевич О.А.* Господа присяжные заседатели: Размышления психолога. // Общественные науки и современность. — 1996. — №5; *Соловьева О.В.* Три заповеди присяжного заседателя: рекомендации психолога. // Человек и закон. - 1994. - № 11.

[2] *МайерсД.* Социальная психология: Пер. с англ. - Спб., 1997. - С. 398-431.

[3] *Панасюк А.Ю.* Психологические аспекты отбора присяжных заседателей (рекомендации участникам судебного разбирательства). // Суд присяжных. - М., 1994. - С. 167-169.

[4] *Магун А., Краснопальский И.* Судья-профессионал в суде присяжных. // Состязательное правосудие: Труды научно-практических лабораторий. Вып.1. - М., 1996. - С. 401-403.

[5] *Соловьева О.В.* Социальная психология судебного процесса: новые перспективы. // Вестник Моск. ун-та. Сер.14. Психология. - 1997. - № 4. - С. 81.

12.6. Психология в адвокатской деятельности

Общая характеристика. Умение оказать высококвалифицированную юридическую помощь в любой из существующих отраслей современного права — задача, посильная только хорошо подготовленному, грамотному специалисту. Для этого требуются *знания* в области как традиционных юридических наук уголовного, уголовно-процессуального, гражданского законодательства (жилищного, трудового, семейного, авторского, наследственного, международного права и многих других), так и таких его отраслей, которые лишь в последние годы стали играть заметную роль в жизни общества — налогового, таможенного, арбитражного, дипломатического, космического законодательства и др.

Одновременно с этими знаниями такому специалисту нужны различные *умения,* например, в подготовке требуемой правовой документации договора или искового заявления, ходатайства или кассационной жалобы. Оказание такой юридической помощи гражданам, организациям, фирмам, государственным предприятиям, органам власти и управления — основная задача адвоката.

Обилие правовой базы, регламентирующей юридическую деятельность в стране, многообразие сложившейся и меняющейся практики применения права, неординарность и сложность разрешаемых коллизий нередко вынуждают адвокатов специализироваться по отраслям права, а иногда — и по категориям дел. Так, в настоящее время общероссийская справочная система «Законодательство России» содержит более 115 тыс. законов и подзаконных нормативных актов, так или иначе оказывающих влияние на жизнь нашего современника.

Таким образом, *адвокатская деятельность в основном состоит из скрупулезной, тщательной работы с нормативной базой и документами* — около 80% рабочего времени, общение с гражданами и представителями юридических лиц (получение требуемой по делу информации, подбор документов, согласование позиций, дача консультаций и др.) занимает около 15%, защита их прав либо представление интересов в суде — оставшиеся 5%.

Адвокатская деятельность сложна по своему содержанию, формам, методам и психологическим особенностям.

Психологические трудности в деятельности адвоката. Адвокат (от лат. advocatio - призывать на помощь) защищает не преступление, а человека! Понимание этой аксиомы позволит избежать предвзятости в определении роли и места современного адвоката в уголовном судопроизводстве. Нередко защитник воспринимается участвующими в процессе лицами, представляющими интересы государства, действующими от имени государства, обвиняющими от имени государства и осуждающими от его имени, как досадное недоразумение, мешающее оперативному, скорому и строгому наказанию преступника.

Наиболее сложный в психологическом отношении вид адвокатской деятельности - это защита прав подозреваемого (обвиняемого, подсудимого, осужденного) по уголовным делам как на стадии предварительно расследования, так и в суде, в том числе в кассационной и надзорной инстанциях. С юридической точки зрения дела гражданского судопроизводства по представлению интересов доверителя в общегражданском или арбитражном суде могут быть значительно сложнее, однако они не содержат такого многообразия межличностных человеческих отношений, как в уголовном процессе.

Уже на стадии заключения соглашения на защиту адвокату совместно с доверителем приходится решать неординарную, деликатную задачу - о размере вознаграждения по договору. Существовавший ранее порядок установления гонорара в соответствии с таксой ныне изменен. Оплата устанавливается по соглашению между адвокатом (заведующим юридической консультацией) и обратившимся за помощью. Вопрос определения суммы гонорара представляет определенную сложность как с практической, так и с психологической стороны.

Определенная сложность положения адвоката заключается и в односторонности функции защитника. Адвокат в отличие от прокурора выясняет только те обстоятельства по делу, которые оправдывают или смягчают вину или ответственность подзащитного. Одна из первых заповедей Гиппократа врачам «Не навреди» может быть целиком отнесена к адвокату: своей деятельностью он обязан не навредить позиции и интересам подзащитного. В этом проявляется одно из наиболее характерных специфических нравственных требований к адвокату.

Деятельность защитника порождает конфликтные ситуации, не свойственные профессии следователя, прокурора, судьи. Любой из участников процесса всегда вправе определить свою позицию по делу соответственно своему внутреннему убеждению. Защитник же в некоторых

случаях вынужден поступиться внутренним убеждением: он не может отказаться от защиты, как бы ни были противны его нравственному чувству характер преступления, личность и позиция подзащитного. Интересы подзащитного оказываются нередко выше интересов истины.[1]

Особую остроту межролевой конфликт между интересами правосудия и интересами подзащитного приобретает в ситуациях, когда защитник должен сохранять адвокатскую тайну. Казалось бы, этот вопрос давно и однозначно регламентирован: Положение об адвокатуре РСФСР, утвержденное Законом РФ от 20 ноября 1980 г., устанавливает: «Адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием юридической помощи» (ст. 16). УПК РСФСР запрещает требовать у адвоката сведения, ставшие ему известными при оказании юридической помощи (ст. 51,72).

Однако в жизни все несравненно сложнее. Обвиняемый, например, представил документ, подтверждающий его алиби. Процессуальные действия по проверке документа были проведены поверхностно и не выявили его подложности, о чем адвокату было хорошо известно. Если адвокат будет ссылаться на этот документ в обоснование невиновности подзащитного, он, вероятно, добьется благоприятного решения по делу. Функция защиты будет успешно выполнена. Формально требование об использовании только законных средств и методов защиты нарушено не будет: документ представлял не адвокат, подлинность документа подтверждалась процессуальной проверкой, проведенной не им; то, что адвокат знает о его подложности, — это в сущности предмет профессиональной (адвокатской) тайны, также охраняемой и законом, и нормами адвокатской этики. Но есть нравственное требование объективности и честности. Если адвокат последует ему, он разоблачит подзащитного, что недопустимо с точки зрения этики (принцип взаимного доверия защитника и подсудимого), с точки зрения закона (односторонность функции защитника, недопустимость отказа от принятой защиты); если он ему не последует, его поведение вступит в очевидный конфликт с моралью.[2] В то же время противоречащие закону требования клиентов не могут быть приняты адвокатом к исполнению и в соответствующих случаях служат основанием к расторжению соглашения о выполнении поручения.

А.Ф. Кони справедливо отмечал, что «...уголовная защита представляет больше поводов для предъявления требований, почерпнутых из области нравственной, чем деятельность обвинительная, ввиду сложных многозначных отношений к своему клиенту-подсудимому и к обществу».[3] «Уголовный защитник должен быть муж добрый, опытный в слове, вооруженный знанием и глубокой честностью, бескорыстный и независимый в суждениях; он правозаступник, но не слуга своего клиента и не пособник ему уйти от заслуженной кары правосудия»[4] — так характеризовал адвоката А.Ф. Кони.

Психологические аспекты в действиях адвоката. Как происходит встреча взывающего о помощи и адвоката? Адвокатская этика с неодобрением относится к саморекламе. Только честность, порядочность, образованность адвоката могут сослужить ему добрую славу. Лишь с годами у адвоката появляется постоянная клиентура, его имя становится узнаваемым.

Заключив соглашение на защиту прав доверителя на предварительном следствии (как правило, с родственниками подозреваемого), адвокат должен быть допущен к участию в уголовном деле. В значительной степени безошибочность правильного выбора адвокатом позиции по защите зависит от степени психологического контакта, доверия между ним и подзащитным, установившегося во время первых встреч.

Знакомясь, опытный адвокат сначала расскажет о себе и лишь затем расспросит собеседника. Обязательно следует поинтересоваться здоровьем задержанного, его самочувствием. Ведь не секрет, что большинство обвиняемых после задержания находятся в состоянии стресса и фрустрации. Одним из основных стрессоров является угроза личному благополучию человека и его близких. Привлечение к уголовной ответственности угрожает не только условиям физического существования, но и, что более важно, социальному статусу личности, ее престижу, принадлежности к определенной социальной группе, ее самооценке, жизненным планам и другим значимым ценностям.[5] Происходит резкая смена образа жизни, психотравмирующая обстановка гнетуще давит на психику человека, все болезненнее сказывается влияние такого психологического фактора, как «публичность одиночества». Сильно сказываются частые для отечественных ИВС, СИЗО скученность, антисанитария, недостаток кислорода, наличие сокамерников, среди которых могут оказаться и лица, готовые продемонстрировать новенькому, что такое «настоящий беспредел». Таким образом, вопрос о здоровье и самочувствии подзащитного — не праздное любопытство адвоката, даже без учета того, что первичные

признательные показания задержанного могли быть получены с использованием противозаконных методов воздействия.

Следующим этапом в становлении взаимопонимания между адвокатом и подзащитным может быть выяснение обстоятельств дела. Это очень интересная и деликатная часть беседы, где один адвокат может потребовать от задержанного рассказать ему всю правду, другой — принять за правду услышанное, третий — потребовать, чтобы задержанный придерживался изложенной им, адвокатом, версии. Получается, что первому адвокату для выработки позиции защиты обязательно нужно знать объективную правду, для второго правда там, где его подзащитный; для третьего - где он сам. Может ли защитник быть судьей своему клиенту, как поступил первый адвокат? Или обвинять, как третий, занимая позицию прокурора? Скорее, надо верить своему подзащитному, как это сделал второй адвокат. Не дело защитника доискиваться до правды, судить или обвинять человека. Надо его защищать. При первой беседе с подзащитным особенно важно выявить то, что требует быстрого разрешения:

• нет ли обстоятельств, исключающих уголовную ответственность;
• нет ли оснований для отказа в возбуждении уголовного дела;
• если имеет место неоконченный состав преступления, то нет ли добровольного отказа от преступления;
• если преступление совершено в группе, нет ли эксцесса исполнителя преступления;
• нет ли невиновного причинения вреда;
• не совершено ли деяние в состоянии невменяемости?

После этого обвиняемому следует разъяснить его права, в том числе — право на защиту, право давать показания. Именно так гласит закон: *давать показания — право, а не обязанность подозреваемого (обвиняемого).* Так же, как и право знать, в чем он обвиняется, представлять доказательства, заявлять ходатайства, отводы, обжаловать арест и действия следственных органов. Обязательно следует разъяснить подзащитному ст. 51 Конституции РФ, согласно которой «...никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников...».

Исходя из полученной информации, адвокат обсуждает с клиентом план защиты, выбирает ее *позицию* (т.е. объяснение случившегося).

Осуществляя защиту на предварительном следствии, адвокат имеет право не только встречаться с клиентом, но и участвовать в следственных действиях, производимых с участием подзащитных. Адвокат вправе с разрешения следователя задавать вопросы как своему подзащитному, так и другим участникам следственного действия. Формулируя вопрос, защитник обязан не только предусмотреть вариант ответа, но и попытаться мысленно смоделировать конечный результат, который может быть достигнут благодаря его вопросам. Нередко полезнее воздержаться от вопросов, ответы на которые могут лишь ухудшить позиции защиты.

Участие адвоката на стадии следствия предполагает построение взаимодействия со следователем по *тактике защиты.* При *оборонительной* тактике адвокат принимает всю версию следствия целиком, без каких-либо дополнений и поправок, наблюдая за деятельностью следователя, фиксируя его ошибки с целью использования слабых мест предварительного следствия для

реализации линии защиты. Поскольку диапазон следственных ошибок довольно широк и разнообразен, там есть место и уголовно-процессуальным ошибкам и уголовно-правовым, тактическим, организационным, психологическим, следственно-экспертным, другим. Подобная адвокатская тактика, на первый взгляд кажущаяся пассивной, имеет свой потенциал и нередко приводит к желаемому результату.

Нейтральная тактика защиты представляет собой взаимодействие адвоката со следователем в форме сотрудничества, при котором возможны взаимные компромиссы по принципу: у следователя своя работа, у адвоката — своя. В таком варианте конфликты и открытое противоборство отсутствуют, а реализация позиции защиты переносится на этап судебного следствия.

Атакующая тактика предполагает навязывание следователю конфликтной ситуации с захватом инициативы, навязывание трудоемких следственных действий в целях защиты, формирование системы сбалансированных предложений, направленных на разрушение обвинительной концепции следователя.[6]

Не последнее место в формировании у суда *адекватного образа подзащитного* и *картины произошедшего* занимают адвокатские допросы потерпевшего, свидетелей, других подсудимых.

Опытные защитники тщательно готовятся к таким допросам, продумывая заранее и записывая каждый вопрос, пытаясь избежать неопределенных, неожиданных и нежелательных ответов. Грамотный адвокат своими вопросами сумеет загнать в психологический тупик и изобличить лжесвидетеля, продемонстрировать суду надуманность обвинения либо несостоятельность доказательств, подтасовку фактов либо подлог документов и т.п. «Всякое показание может быть и не лживо, и не достоверно в одно и то же время: свидетель может говорить неправду и думать, что он говорит правду, - это совершенно естественно. Он может ошибаться, может, будучи очевидцем некоторых фактов, придать к ним много новых, - таких, о которых только слышал он, и которые были восприняты его умом путем различных предположений».[7]

Кульминационным моментом участия адвоката в судебном разбирательстве является его *защитительная речь.* В ней он подводит итог судебного следствия, анализирует с позиции защиты собранные по делу материалы, дает им правовую оценку, приводит доказательства, опровергающие предъявленное подсудимому обвинение либо смягчающие его вину, высказывает соображение относительно наказания и других вопросов, подлежащих решению суда. *Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего.* Эта фраза может служить формулой содержания защитительной речи адвоката на суде. Участие в судебных прениях предполагает высокую культуру сторон, взаимное уважение, честное отношение к доказательствам, профессиональный такт, правильное понимание роли и задач суда, прокурора, адвоката. При этом задача адвоката заключается в ретроспективном, воображаемом восстановлении картины произошедшего в ходе судебного разбирательства с учетом всех обстоятельств, оправдывающих его подзащитного или смягчающих его вину. Данная позиция противостоит позиции прокурора, обязанного поддерживать государственное обвинение. Отказ прокурора от обвинения расценивается как оправдание подсудимого.

Исходя из конкретных обстоятельств дела, защитник может: а) оспаривать обвинение в целом, доказывая невиновность подсудимого за отсутствием в действиях состава преступления, за отсутствием самого события преступления или за непричастностью к нему подсудимого; б) оспаривать обвинение в отношении отдельных его частей; в) оспаривать правильность квалификации, доказывая необходимость изменения предъявленного обвинения на статью УК, влекущую более легкое наказание; г) обосновывать меньшую степень вины и ответственности подсудимого, приводя смягчающие его вину обстоятельства; д) доказывать невменяемость подсудимого, исключающую наступление уголовной ответственности.[8]

Правильное разрешение уголовного дела, вынесение справедливого приговора невозможно без глубокого и всестороннего *изучения личности подсудимого,* выявления у него комплекса социально значимых психологических качеств. Не поняв поведения подсудимого, не установив подлинных мотивов, не раскрыв природы, характера и глубины связи между всей жизненной линией подсудимого и вменяемым ему преступлением, нельзя отыскать истину по делу, сделать по нему обоснованные и убедительные выводы, дифференцировать ответственность.

Задача защитника — проанализировать все эти моменты под углом зрения защиты, *раскрыть психологический механизм* совершенного преступления, показать, насколько отразились в преступном деянии нравственно-психологические черты личности подсудимого, в какой мере они характеризуют его жизненную ориентацию, его интересы, желания. Только дав в защитительной речи правильную *оценку личности* подсудимого, *объяснив мотивацию* его поступков, раскрыв круг его интересов и стремлений, показав *взаимоотношения* подсудимого с сообщниками и потерпевшим, обусловившие поведение подсудимого, защитник может высказать свое обоснованное суждение о произошедшем.[9] Однако не следует забывать, что реальная жизнь намного сложнее упрощенных схем, заранее подготовленных советов, стереотипных рецептов.

[1] *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология. - М., 1998. - С. 243-244.
[2] *Бойков А.Д.* Этика профессиональной защиты по уголовным делам. — М., 1978. - С. 51.
[3] *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. // Избр. произведения в 2 томах. Т.1. - М., 1959. - С. 55.
[4]Там же. - С. 72.
[5]*Шиханцов Г.Г.* Указ. соч. - С. 247.
[6] *Соркин Б. С.* Стратегия и тактика защиты по уголовным делам. - Гродно, 1997. - С. 13.
[7] *Плевако Ф.М.* Избранные речи. - М., 1993. - С. 81.
[8] *Матвиенко Е.А.* Судебная речь. - Минск, 1972. - С. 163.

[9] *Шиханцов Г.Г.* Указ. соч. - С. 265-267.

12.7. Психология деятельности органов, исполняющих наказания (пенитенциарная психология)

Исполнение наказания как психологическая проблема. Одной из наиболее развитых отраслей юридической психологии является пенитенциарная (от лат. poenitentiarius — покаянный, исправляемый) психология. Ее также называют «исправительно-трудовой», «уголовно-исполнительной» (по названию соответствующей отрасли права) или «исправительной» психологией. Попытки противопоставить эти названия в советский период отражали скорее различия в идеологических, нежели научных подходах. В настоящее время термины «пенитенциарная» и «исправительная» психология рассматриваются как синонимы.

Предмет изучения пенитенциарной психологии составляют факты, закономерности и механизмы проявлений психики у отдельных осужденных, социально-психологические явления в их среде, а также эффективность средств воздействия, применяемых сотрудниками исправительных учреждений в процессе исполнения различных видов наказания.

Существенное влияние на становление и развитие пенитенциарной психологии в России оказали отечественные писатели (Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Г.А. Медынский, А.И. Солженицын, О.В. Волков и др.); юристы (М.Н. Гернет, С.В. Познышев, Б.С. Утевский, Н.А. Стручков, И.В. Шмаров, Г.Ф. Хохряков и др); педагоги (АС. Макаренко, Л А Высотина, М.П. Стурова, А.В. Пищелко, НА Тюгаева и др.); психотерапевты и психиатры (В.М. Бехтерев, П.Б. Ганнушкин) и, естественно, психологи (А.Ф. Лазурский, АГ. Ковалев, АД. Глоточкин, В.Ф. Пирожков, И.П. Башкатов, АИ. Панкин, В.Г. Деев, АН. Сухов, АИ.Ушатиков и др).

Одной из первых отечественных работ, в которых глубоко раскрыты проблемы пенитенциарной психологии, является книга М.Н. Гернета «В тюрьме. Очерки тюремной психологии» (1925). Автор образно раскрывает предмет своего исследования: «Не спертый и тяжелый воздух в тюремной *камере, не* количество воздуха, приходящееся на арестанта, интересует автора настоящих строк, а живая душа человека, заключенного в тюрьму, с особенностями его переживаний за высокими стенами, за крепкими дверями, под охраной внутренней и внешней». Свою задачу он видел в изучении влияния лишения свободы на психику и поведение осужденных.

В современной пенитенциарной науке феномен наказания в виде лишения свободы рассматривается в трехракурсном плане: *кара, исправление* и *профилактика* совершения осужденными новых преступлений.

В психологическом аспекте *наказание как кара,* базируясь на закономерностях отрицательного подкрепления, только тогда будет действенным, когда суд с учетом субъективной стороны преступления и перспектив изменения личности осужденного изберет такую меру причинения физических и моральных страданий, которые бы не ожесточали его, а заставляли испытывать угрызения совести и стремиться к позитивным самоизменениям. В этой связи выбор типа исправительного учреждения (с соответствующим режимом — общим, строгим, особым) имеет целью реализовать следующие ***основные функции:*** **карательную, воспитывающую и обеспечивающую.**

Карательная функция режима состоит в том, что осужденный изолируется от общества, находится под охраной и постоянным надзором, в условиях принудительной регламентации всей жизнедеятельности, что в итоге может вызывать негативные переживания из-за ограничений в удовлетворении большинства базисных физиологических и социальных потребностей. Однако кара, заключенная в режиме, психологически по-разному воспринимается и переживается различными осужденными. Субъективная сила, глубина и длительность переживаний кары зависят от пенитенциарно-криминального опыта осужденного, его пола, возраста, социального и семейного положения, отношения к приговору, времени нахождения в конкретном учреждении и *т.д.*

Воспитывающая функция режима состоит в том, что строгая организованность жизни и быта осужденных (наличие распорядка дня, регламентированность условий отбывания наказания и пр.) со временем накладывает отпечаток на поведение и в целом на их характер, постепенно приучая к дисциплинированности, аккуратности, исполнительности.

Обеспечивающая функция режима проявляется в создании благоприятных условий для организации труда, обучения, воспитательной работы, исправительной деятельности персонала и самодеятельных организаций осужденных, а также для подключения различных внешних общественных объединений к работе в колониях.

Исправление осужденных в условиях отбывания наказания основывается на способности человеческой психики претерпевать изменения под воздействием специально организованной внешней среды. Если целенаправленность последней эффективно задействует исправительный потенциал таких средств, как режим, творческий и производительный труд, разнообразные формы общего и профессионального обучения, многоплановые виды воспитательной работы и общественных воздействий, то можно вести речь о реальной возможности исправления осужденных. При этом актуальность применения именно психолого-педагогических методов в воспитательной работе впервые определена в новом (1996 г.) Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации.

В периодических изданиях и в научных публикациях порой ставится под сомнение правомочность отнесения законодателем (ст. 9 УИК РФ) режима к одному из основных средств исправления осужденных (наряду с трудом, воспитательной работой, обучением и общественным воздействием). Но опыт и исследования показывают, что режим является таким средством, когда все его функции согласованы между собой и проявляются в полном объеме, базируясь на психологически обоснованных требованиях организации жизни и деятельности осужденных. Если же между функциями имеются противоречия или дисбаланс в реализации (например, преобладание карательной функции над воспитательной и как результат — применение преимущественно одного вида санкций — водворение осужденного в штрафной изолятор или в помещение камерного типа при любых нарушениях, невзирая на тяжесть проступка и личность последнего), то режим не выступает действенным средством исправления. Последнее, к сожалению, порой встречается на практике, несмотря на то, что в основу нового уголовно-исполнительного законодательства положены принципы законности, гуманизма, рационального применения мер принуждения (ст. 8 УИК РФ). Объяснить подобное положение дел можно лишь наличием у сотрудников пенитенциарных учреждений профессиональной деформации личности («репрессивный уклон») либо отсутствием у них должной психологической компетентности.

Дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний также выступают основными принципами УИК РФ. Однако в практике исправительных учреждений без участия психологов зачастую происходит лишь их декларирование, но не создание целостной воспитательной системы, базирующейся на психолого-педагогических методах. Это не позволяет персоналу успешно решать задачи по целенаправленному изменению личности и коллектива осужденных.

В связи с изучением зарубежного пенитенциарного опыта сегодня все более настойчиво стали звучать призывы активно внедрять в практику исправительных учреждений психологически обоснованные технологии ресоциализации осужденных. Подобные призывы останутся лишь лозунгами идеологов современной пенитенциарной реформы, если в ближайшие годы не изменится организационная и штатная структура, если не будет привлечено значительное число специалистов из числа психологов, психиатров, социальных педагогов и социальных работников. Актуальна и проблема решительного улучшения психолого-педагогической подготовки других типов специалистов, работающих в пенитенциарных учреждениях, так как в число ***основных направлений ресоциализующей деятельности*** входят:

• психологическая диагностика личностных особенностей каждого осужденного, выявление дефектов общей и правовой социализации личности, а также дефектов в психической регуляции и наличия пограничных нервно-психических расстройств;

• разработка долгосрочных программ индивидуально-личностной и групповой психолого-педагогической коррекции осужденных и поэтапная их реализация;

• осуществление в специально созданных центрах необходимых мер психотерапии для осужденных, страдающих невротизацией и психопатическими проявлениями, неадекватными методами психологической защиты и личностными акцентуациями;

• разработка и внедрение новых моделей и принципов исполнения и отбывания наказаний, базирующихся на психологически обоснованных критериях исправления и предоставляющих возможности для личностного роста;

• всемерное восстановление нарушенных у осужденных лишением свободы социальных и других связей, мобилизация их психической активности на выработку социально положительных

ценностных ориентации и норм поведения, психологической готовности к правопослушному поведению после освобождения.

Меры превенции, реализуемые в местах лишения свободы, базируются на создании в процессе исполнения наказаний таких условий и такого «психологического климата», которые должны исключать или в значительной мере затруднять совершение осужденными новых преступлений. Это достигается не только мероприятиями, которые проводятся сотрудниками службы безопасности, и оперативно-режимной работой исправительных учреждений, но и путем целенаправленного управления двумя типами факторов: 1) теми, что непосредственно воздействуют на осужденных (воспитательный процесс и его методы, личность воспитателя и организация отношений с осужденными, режим и возможности «прогрессивного отбывания наказания», труд и наличие в нем элементов творчества и социальной полезности, возможности системы общего и профессионального развития) и 2) факторами факультативного характера (поддержание тесной связи с семьей, увлечение самодеятельным творчеством и самообразованием для повышения культурного уровня, активное участие в мероприятиях общественных и религиозных организаций и др.).

Антирецидивный эффект деятельности исправительных учреждений может быть невысок не только из-за низкой действенности мер профилактической работы с осужденными в местах лишения свободы (обеспечение общей и специальной превенции преступлений, правовое воспитание осужденных и пр.), но и при отсутствии целенаправленной, в общегосударственном масштабе, системы постпенитенциарной реабилитации лиц, возвращающихся из исправительных учреждений.

Психология личности и среды осужденных. Изучение индивидуально-психологических особенностей осужденных, акцентуаций и других черт их характера показывает, что по этим параметрам они существенно не отличаются от правопослушных граждан. Различия обнаруживаются в особенностях проявления ценностных ориентации, психических состоянии и статусно-групповой принадлежности осужденных. Именно эти параметры, по мнению специалистов, определяют «тюремный синдром» поведения осужденного. Ведь сам факт совершения преступления, арест, помещение под стражу в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства, отбывание наказания в пенитенциарном учреждении оказывают существенное влияние на психику и поведение человека. Проиллюстрируем сказанное результатами одного из экспериментов, проведенного зарубежными психологами и получившего название «эксперимент с моделированной тюрьмой».

На этапе подготовки к эксперименту было отобрано 24 испытуемых — учащихся колледжа. Их разделили на две равные группы, которые по своим социально-демографическим и психологическим свойствам существенно не отличались, но одна выполняла роль надзирателей, а вторая — заключенных. Под помещение «тюрьмы» был отведен подвал здания. Здесь были оборудованы три камеры с решетками, нарами и другими соответствующими атрибутами, а также карцер. Униформу заключенных составлял халат с личным номером на груди и спине. На лодыжке одной из ног был закреплен металлический запирающийся браслет с цепью. Все внешние атрибуты «надзирателей» (форма, дубинка и т.д.) также способствовали идентичности личности с выполняемой социальной ролью. «Надзиратели» работали посменно, а «заключенные» должны были провести в камерах две недели.

Видеозапись зафиксировала, что уже с первых часов общения между «заключенными» и «надзирателями» стали устанавливаться отношения враждебности, агрессивности. У большинства «заключенных» наблюдались такие симптомы, как потеря личностной индивидуальности (все стали похожи друг на друга), снижение чувства собственного достоинства, подавленность, враждебность по отношению к «надзирателям». Ситуация оказалась настолько сложной, что пятерых «заключенных» пришлось освободить через пять суток, так как они впали в состояние депрессии, часто кричали, сильно ожесточились и проявляли крайнее беспокойство. Один «заключенный» был освобожден после того, как у него на коже появились пятна в результате психического напряжения. Эксперимент, рассчитанный на две недели, пришлось приостановить спустя семь дней.

«Моделированная тюрьма» наглядно подтвердила, что социальная изоляция в виде лишения свободы оказывает существенное влияние на психику человека, причем более сильное, чем представляют себе многие работники правоохранительных органов. Как отмечает американский ученый X. Зер, традиционная тюрьма и атмосфера в ней «лишает человека собственного достоинства... По сути тюремные нормы предписывают постоянное послушание, умение

следовать приказам. ...Покорность и послушание - вот тот урок, который призвана преподать тюрьма, но меньше всего этот урок пригодится, чтобы освоиться на свободе».[1] Поэтому одна из важных проблем современной пенитенциарной науки и практики — установление точного соответствия между тяжестью совершенного преступления и мерой наказания. Срок уголовного наказания, вид режима и его атрибуты, с одной стороны, должны вызывать у осужденного переживания, способные удержать его от совершения новых преступлений, а с другой — не должны пагубно сказываться на его здоровье и состоянии психики. Не случайно в процессе современного реформирования уголовно-исполнительной системы во всех странах существенное внимание обращается на гуманизацию условий содержания осужденных.

В пенитенциарной психологии наиболее глубоко изучено ***влияние лишения свободы на содержание и динамику психических состояний осужденных***

(М.Н. Гернет, А.Д. Глоточкин, В.Ф. Пирожков, В.А. Елеонский). По мнению М.Н. Гернета (1925), фундаментом тюремной жизни является *состояние тоски* (по дому, родным, близким): «...Вику хорошо представляю. Она ведь моя любимица. Но лучше бы, Светлана (жена. - *Авт.),* вас никогда не было. Мне было бы намного спокойнее. Посмотрю я на тех, у кого, как говорят, ни родных, ни знакомых, они держатся спокойно. Не переживают, никому не пишут, у них никакой ответственности перед своим будущим. Да у них и время быстрее проходит. Но черт с ним...».

Одним из сложных комплексных психических состояний, возникающих у лишенных свободы, является *фрустрация* — состояние повышенной психической напряженности, вызываемое объективно-неопределенными (или субъективно так понимаемыми) трудностями, которые возникают на пути к достижению личностно значимой цели. Практика показывает, что основными поведенческими реакциями осужденных в состоянии фрустрации являются: агрессия на объект фрустрации (как правило, на окружающих, в том числе сотрудников исправительного учреждения); агрессия на себя (аутоагрессивные проявления, связанные с членовредительством, суицидом и пр.); депрессия (подавленность, апатия, пассивность, безразличие и т.п.).

Психическое состояние осужденных существенно меняется в зависимости *от времени нахождения в пенитенциарном учреждении.*

Наиболее глубокие переживания характерны для *начальной фазы адаптации* к условиям конкретного учреждения. В зависимости от уровня криминализации личности, источников информации и субъектов «адаптационной поддержки» осужденные могут избрать различные тактики вхождения в коллектив исправительного учреждения (А.И. Канунник, 1985): тактику поддержки актива и администрации; тактику борьбы за лидерство и самоутверждение на негативной основе; тактику выживания; тактику четкого нейтралитета; тактику поиска покровителей; тактику полной неадаптированности и самоагрессии. Учитывая возможность проявления осужденными указанных тактик, сотрудники исправительных учреждений и должны строить работу с ними. При этом внимательное отслеживание направленности внешней активности и характера переживаний осужденных может позволить, во-первых, профилактировать возможные межличностные или личностно-групповые конфликты, во-вторых, предотвратить суицидальные попытки,[2] в-третьих, оказывать поддержку в приспособлении к конкретным условиям, средствам исправления и ситуациям отбывания наказания. Примерно через 5-6 месяцев пребывания в исправительном учреждении (причем в зависимости от меры преодоления внутриличностных конфликтов и освоения требований внешней среды) для осужденных типичным является выход на вторую фазу адаптации-"нивелировки". Ее особенностью является то, что личностные реакции многих осужденных на факт социальной изоляции и воздействия внешней среды нивелируются и они все в типовых ситуациях как бы становятся похожими по внешним проявлениям (походка, позы, жесты, жаргон в речи, обращение к персоналу и т.д.) на других осужденных. Это свидетельствует о том, что происходит усвоение стереотипов «зоновского ролевого поведения». Но наряду с этой тенденцией наблюдаются попытки проявления интереса и индивидуальных особенностей на производстве, во время досуга, в построении отношений с «близкими по линии судьбы» осужденными («земляками, «сверстниками» и т.п.).

Третья *фаза — «завершение адаптации»* — наступает обычно к концу первого года отбывания наказания и характеризуется тем, что осужденные начинают ставить перед собой конкретные цели и стремятся их реализовать в условиях учреждения, а также жить не только прошлым и настоящим, но и надеждой на будущее. На данной фазе главная задача сотрудников исправительных учреждений состоит в том, чтобы в жизненных планах осужденного нашло отражение не только стремление любыми путями отбыть наказание, но и выработалось желание

позитивно изменить себя, преодолеть асоциальные стереотипы (преступный образ мыслей, негативизм к людям и социальным институтам, аморальные привычки и пр.). Кроме индивидуальной воспитательной работы с осужденными сотрудники исправительных учреждений (воспитатели, начальники отрядов) должны воздействовать на них и через позитивные социально-психологические явления (ритуалы, традиции, обычаи и тд.).

Важной характеристикой *личности осужденных* являются их ценностные ориентации, стандарты поведения, принятые в определенных группах и которым должно подчиняться поведение ее членов. В зависимости от того, на какие ценностные нормы ориентированы осужденные, их можно дифференцировать на определенные ***статусно-групповые категории*** (страты).

Если поведение осужденного в первую очередь регулируется нравственными и правовыми ценностями, ориентацией на соблюдение правил внутреннего распорядка, стремлением позитивно изменить себя, преодолеть преступные стереотипы и оказывать помощь администрации учреждения в противодействии насаждению в зоне воровских традиций, то данных осужденных относят к *группе актива колонии.* Эта группа осужденных состоит из лиц, твердо вставших на путь исправления, активно участвующих в трудовом процессе и общественной деятельности, в организации самоуправления осужденных.

Однако сотрудники колоний встречаются и с фактами, когда в актив стремятся попасть осужденные, которые, внутренне не раскаявшись в совершенном преступлении и не имея установки на ведение правопослушного образа жизни после освобождения, в силу корыстных интересов (возможности использования предоставляемых законом льгот и условно-досрочного освобождения) демонстрируют псевдоподдержку требований администрации. Поэтому умение изобличить подобных типов людей с двойной моралью и убедить их в пагубности последнего есть свидетельство профессионально-педагогического мастерства сотрудников пенитенциарных учреждений.

Ко второй группе осужденных (причем наиболее многочисленной) -*«нейтралам»* (или *«пассиву»)* — относят тех, кто, с одной стороны, внешне солидарен с официальными нормами и выполняет требования администрации (не нарушает режим, хорошо трудится и т.д.), а с другой — открыто не осуждает поведение нарушителей режима, уклоняется от прямой поддержки инициатив администрации и актива, так как считается со многими неофициальными нормами, существующими в среде осужденных. Подобная двойственность в стратегии их поведения, когда поступки прежде всего зависят от создавшейся ситуации, требует значительных воспитательных усилий со стороны сотрудников исправительных учреждений. Ведь от того, на чью сторону удастся сориентировать «нейтралов», во многом и будет зависеть динамика развития оперативной обстановки в учреждении.

К третьей группе осужденных — *«отрицаловке»* (или *«блатарям»)* — относятся те лица, для которых основным регулятором поведения выступают нормы, сформулированные в «воровском законе»: оппозиция, а порой и открытое противодействие администрации учреждения; уклонение от участия в общественно-полезном труде либо работа без усердия; стремление доминировать над другими осужденными и жить за их счет; материальная и физическая поддержка нарушителей режима (в том числе «подогрев» находящихся в ШИЗО и ПТК); категорическое неучастие в работе самодеятельных организаций и пренебрежительное отношение к ним, борьба с активом за сферы влияния и т.д. В последние годы наблюдается тенденция увеличения численности данной категории осужденных. Это привело к повышению их агрессивности, моральному и физическому давлению на всех осужденных, которые не придерживаются «воровского закона», усилению неповиновения администрации, организации побегов, захватов заложников, массовых беспорядков.

Четвертая группа осужденных — *«пренебрегаемые»* — это лица, чье поведение противоречит как официальным (нравственно-правовым), так и неофициальным («воровским») нормам и обычаям. Раньше в состав этой группы включались преимущественно осужденные, склонные к гомосексуализму в пассивной форме или лица, имеющие психические отклонения или умственную неполноценность. Сегодня же их состав значительно расширился за счет осужденных, проигравшихся в карты, лиц, уличенных в краже личного имущества осужденных; лиц, заподозренных в сотрудничестве с оперработниками; изгнанных из «высшей воровской касты» за нарушение традиций и правил поведения. В силу их активного отвержения со стороны других групп осужденных в последние годы «пренебрегаемые», в силу массовости, стали объединяться для самозащиты, заискивать перед авторитетами и в то же время вести себя

агрессивно по отношению к «нейтралам» и к новичкам в колонии. Естественно, последнее не только вызывает возмущение основной массы осужденных, но и часто порождает конфликты и более серьезные осложнения оперативной обстановки.

Сотрудники исправительных учреждений пытаются усилить профилактическую работу, чтобы данная категория осужденных не пополнялась в колониях. Однако это не всегда удается, так как, с одной стороны, наблюдается значительное снижение нравственности в целом в постсоветском обществе, ведущее к росту численности осужденных за половые преступления, а с другой — длительное пребывание в переполненных местах предварительного заключения (из-за перегруженности судов) дает много кандидатов в «отвергаемые» из числа лиц, не прошедших ритуалов «прописки» и получивших унизительные клички.

Отнесение конкретных осужденных к определенным статусным категориям — это лишь первичная ориентация и прогнозирование возможного направления их поведения. Полноценное осуществление индивидуального подхода к исправлению и перевоспитанию осужденных основано на знании не только их индивидуальных особенностей, но и *социально-психологических закономерностей тюремной среды.*

Нахождение в местах лишения свободы зачастую не только разрушает сложившуюся ранее систему отношений человека с людьми, но и подталкивает осужденных к поиску друзей, единомышленников в целях преодоления чувства одиночества и дефицита в общении. В итоге на основе общности интересов, по схожести судеб, профессионального, криминального опыта или национальному признаку в исправительном учреждении образуются *неформальные малые группы осужденных.* Они имеют разную численность, устойчивость и направленность по отношению к целям исправительного учреждения и общим требованиям жизни в коллективе осужденных.

Функционированию малых групп осужденных присущ ряд особенностей: в них всегда складывается и существует определенная иерархическая структура отношений и зависимостей («система ролей»); действуют свои ценностные ориентации, нормы и правила в регуляции поведения ее членов; на основе групповой сплоченности демонстрируется избирательное отношение к другим группам и конкретным типам осужденных; ведется активный поиск и коллективное обсуждение значимой информации, а также возможных групп новых действий; осуществляется поддержка своих членов в моральной и физической форме, а также продуктами питания, вещами и другими средствами, которые были приобретены в зоновском ларьке, получены в посылках и т.д.; реализуется активное стремление к совместному проведению досуга, а также к другим формам жизнедеятельности в условиях лишения свободы.

В научных публикациях рассмотрение групп осужденных часто начинают с раскрытия феноменов, присущих таким микрогруппам, как *«семья».* Это обычно стойкая малая группа, состоящая из двух или более осужденных, объединившихся на основе общих взглядов и интересов (совместный досуг, питание, защита от посягательств и т.д.). Права и обязанности членов «семьи» обычно не имеют четкой регламентации, а определяются личностными качествами и авторитетом ее членов, и в первую очередь ее лидера. В функции лидера «семьи» входит планирование и координация всех ее действий, поддерживание и развитие групповых традиций и обычаев, представительство «семьи» в отношениях с другими группами, контроль за поведением членов группы, их поощрение или наказание, осуществление функции «арбитража» и пр.

В условиях исправительных учреждений могут возникать и более крупные по размерам, но «размытые» в плане разделяемых ценностей и норм общности осужденных, которые в специальной литературе называют *«.землячествами».* Возникновению последних способствовали в свое время и официальные ведомственные мероприятия, когда в середине 80-х годов большие группы осужденных усиленного режима были целенаправленно перемещены из южных регионов страны в РСФСР. Именно в связи с этим, по мнению В.М. Анисимкова (1997), в местах лишения свободы и возникли криминальные кавказские, азиатские и другие региональные общности осужденных, которые активно стремились к лидерству в пенитенциарной среде.

Наряду с указанными неформальными социальными группами — «семьями» и «землячествами» — в исправительных учреждениях на традициях «воровской идеи» всегда существовали и *криминальные группировки осужденных.* Внешне основывая свое существование на «субкультуре тюремной общины», члены таких группировок в то же время стремятся к авторитарной власти среди осужденных, открыто высказывают и демонстрируют негативное отношение к режиму отбывания наказания, к труду, учебе, воспитательным мероприятиям, ведут

запугивание и реальную борьбу за влияние в среде осужденных с представителями самодеятельных организаций.

В статусно-иерархическом плане члены криминальных группировок в исправительном учреждении могут занимать места по ***трем уровням.*** **На высшем уровне** находится *лидер.* Им, как правило, является лицо, заслужившее признание со стороны представителей уголовной среды: «вор в законе» или «смотрящий» — криминальный авторитет, получивший «мандат» и имеющий поддержку от преступного сообщества на воле. Лидерство часто основывается на «харизме», ранее приобретенном статусе в уголовном мире, наличии престижного опыта (не менее двух судимостей), тонком знании криминальных норм и особенностей отношений в среде осужденных.[3] Стремясь осуществлять «теневое» руководство всеми осужденными, «криминально коронованные лидеры» пытаются утвердить свою власть не только на пропаганде «воровской идеи», но и на различных видах принуждения, реализуемых с помощью членов подчиненной и единолично руководимой криминальной группировки.

На втором уровне в криминальном образовании утверждаются лица из числа непосредственного окружения лидера, к которым чаще всего в специальной литературе применяют термин *авторитеты.* По исследованиям В.М. Анисимкова (1998), данные лица обладают примерно такими же криминальными качествами, как и лидер, в то же время по «воровскому кодексу» они не имеют права свергать лидера, выдвигать и утверждать нового, так как их статус не утвержден решениями «блатных тюремных сходок» или съездов «воров в законе». Каждый из них, зная об этом (в том числе и о возможных в последующем суровых наказаниях за нарушение правил криминальной субкультуры), всячески поддерживают лидера по руководству асоциальной группировкой, в пропаганде и утверждении среди осужденных «корпоративных законов и правил преступного мира».

На третьем уровне в иерархии криминальной группировки находятся *исполнители* — осужденные, которых на блатном жаргоне часто именуют «пехотой», «солдатами», «торпедой». Они рассматриваются и используются «авторитетами» как подручные, а поэтому не принимают активного участия в решении важных вопросов жизнедеятельности «блатного сообщества».

При слабой дисциплине в исправительных учреждениях криминальные группировки могут, во-первых, пытаться распространить свое влияние на весь коллектив осужденных, внедряя «зоновские традиции и обычаи», а во-вторых, путем проведения «сходок авторитетов» добиваются сплочения и координации действий против администрации исправительных учреждений. В последние годы в ряде мест Лишения свободы криминальные группировки представляют собой иерархически жестко структурированные и наиболее организованные сообщества, имеющие связь с внешней преступной средой. Они стремятся представить себя в виде руководящей «группы», обеспечивающей внутренний порядок и выражающей иные интересы всех осужденных. Свое влияние криминальные группировки пытаются распространить и на авторитетных нейтральных осужденных, стремясь их превратить в «центровых» или «козырных мужиков», взаимодействующих с «авторитетами».

Свою руководящую роль в исправительных учреждениях криминальные группировки часто пытаются обеспечить, с одной стороны, путем установления контроля и целенаправленного распределения средств, поступающих в места лишения свободы, активного насаждения понятия «арестантской чести», организации «воровских судов» и жестокой расправы с отступниками от воровской идеи или осужденными, творящими «беспредел», а с другой — «показной лояльностью» их лидеров к администрации учреждений и выбиванию у нее уступок по принципу «ты мне — я тебе». Чтобы усиленно противодействовать криминальным группировкам, персонал исправительных учреждений должен не только знать организационно-структурные и психологические закономерности возникновения и функционирования последних, но и хорошо разбираться в атрибутах насаждаемой ими в местах лишения свободы криминальной субкультуры.

Традиционно предметом исследований пенитенциарных психологов являются *конфликты и групповые эксцессы в среде осужденных.* Выявленные психологами закономерности и механизмы развития данных негативных явлений учитываются в проведении сотрудниками учреждений различных форм профилактической работы, а также в специальных мероприятиях по разложению или нейтрализации влияния криминальных группировок. При этом разложение малых групп отрицательной направленности в исправительных учреждениях обычно осуществляется через специальные воздействия на их лидера; через выявление и перекрытие противоправных каналов,

поступающей к ним информации и запрещенных предметов; через развенчание истинной сути воровских традиций и обычаев.

Отечественными пенитенциарными психологами в последние годы разработаны научно обоснованные рекомендации по воздействию на негативные социально-психологические явления в среде осужденных, пресечению слухов, преодолению негативных последствий «зоновской моды», влиянию на агрессивную и паническую толпу осужденных. Создан ряд специальных методик для изучения элементов криминальной субкультуры: методика пространственно-знаковой социометрии, психосемантический анализ арготизмов в среде осужденных, визуальная психодиагностика невербальных проявлений осужденных и др. Представляется, что ознакомление с ними сотрудников пенитенциарных учреждений будет способствовать не только повышению их профессионально-психологической компетенции, но и совершенствованию индивидуального и дифференцированного подхода к воспитательной работе с различными категориями осужденных.

Психологические требования к личности и деятельности персонала пенитенциарных учреждений. Общепризнано, что эффективность функционирования исправительных учреждений во многом зависит от профессиональной компетентности и психологической пригодности персонала. Поэтому в пенитенциарной психологии, как отечественной, так и зарубежной, уделяется существенное внимание обоснованию психологических требований, предъявляемых к сотрудникам данной системы. В числе профессионально значимых качеств отмечают: нравственную активность, эмоциональную устойчивость, развитые педагогические и коммуникативные способности, психологическую готовность к службе, устойчивость к неблагоприятному влиянию среды осужденных (А.Д. Глоточкин, В.Ф. Пирожков, Е.А. Пономарева и др.).

На основе психологического тестирования с помощью Миннесотского многофакгорного личностного опросника (MMPI) выявлены типичные личностные профили сотрудников исправительных учреждений. По мнению Б.Г. Бовина, присутствие в профиле ведущей пятой шкалы (женственность) свидетельствует о высокой гуманистичности, мягкости, миролюбивости личности. Сотрудники с подобной особенностью наиболее успешно справляются с воспитательной работой в исправительном учреждении.[4]

Однако в целом усредненный личностный профиль сотрудников пенитенциарных учреждений существенно не отличается от профилей личности работников других правоохранительных органов. Это опровергает достаточно распространенный стереотип общественного сознания, что в уголовно-исполнительной системе работают люди с садистскими наклонностями, высоким уровнем агрессивности, низким интеллектом и т.п. Подобный стереотип чаще всего формируется на основе отдельных ситуаций, связанных с нарушением законности и получивших общественный резонанс, а порой и целенаправленным искажением событий в средствах массовой информации. Например, в конце 80-х годов была серия публикаций о якобы имеющих место нарушениях законности при содержании злостных нарушителей режима в Усольском управлении лесных исправительно-трудовых учреждений (в так называемом «Белом лебеде»). Вместе с тем ни одна проверка, включая и проведенные правозащитными организациями, этого не подтвердила. Более того, опыт Усольского УЛИТУ был распространен на другие регионы.

В связи с общественным резонансом изучение причин нарушений законности стало объектом пристального внимания пенитенциарных психологов и педагогов (М.Г. Дебольский, 1979; А.В. Пищелко, В.И. Белослудцев, И.И. Соколов, 1998 и др.). В качестве причин противоправных действий сотрудников отмечают: несоответствие личностных качеств требованиям профессиональной деятельности; слабый профессионализм; эмоциональную несдержанность в ситуациях провокации (оскорбление чести, достоинства и т.п.); влияние менталитета, выработанного в тоталитарном государстве; слабую материальную обеспеченность сотрудников; профессиональную деформацию персонала.

Последний феномен заслуживает особо пристального внимания. Когда говорят о *профессиональной деформации,* то имеют в виду влияние условий и содержания профессиональной деятельности на негативное изменение личностных качеств и поведение сотрудников. Рукоприкладство, грубость, применение спецсредств без должной необходимости — это крайние формы проявления профессиональной деформации. На более ранних этапах службы личностные изменения проявляются лишь в усвоении профессионального жаргона, подражании некоторым манерам поведения осужденных, а в последующем — в потере способности к эмпатии, сопереживанию чужому горю, в формировании установки на

ужесточение наказания. Исследования, проведенные учеными ВНИИ МВД России, подтверждают, что среди сотрудников пенитенциарных учреждений, имеющих стаж службы более 10 лет, гораздо больше акцентуантов, чем среди молодых сотрудников. Наглядно механизм формирования профессиональной деформации описан в упомянутой выше работе «Эксперимент с моделированной тюрьмой», где авторами сделан вывод, что именно социальная роль (например, «надзиратель») меняет психологию и поведение человека, побуждая действовать на основе сложившихся социальных стереотипов и экспектаций (ожиданий).

Таким образом, профессиональная деформация — это не просто «пережиток тоталитарной системы» или проявление национального (российского) менталитета, а общечеловеческий социально-психологический феномен.

В подтверждение сказанного целесообразно напомнить знаменитый эксперимент американского психолога Милграма (1965).[5] Ученый формировал у испытуемого установку, что он — учитель и должен будет наказывать своих учеников за допущенные ошибки при заучивании иностранных слов. В качестве наказания использовался удар током, напряжение которого постоянно увеличивалось от 15 до 450 вольт с шагом в 15 вольт. На пульте были нанесены цифры с указанием напряжения и пометкой: «слабый удар» (15-60 В), «чувствительный удар» (75-150 В), «очень чувствительный удар» (165-250 В), «опасно-мощнейший удар» (265-450 В). Как только «ученик» допускал ошибку, экспериментатор требовал от учителя переключить тумблер на одну ступеньку выше, невзирая на крики испытуемых.

Сам С. Милграм, оценивая итоги эксперимента, сказал: «Если бы в Соединенных Штатах была создана система лагерей смерти по образцу Германии, подходящий персонал для этих лагерей можно было бы набрать в любом американском городе средней величины». В целом эксперимент показал, что даже вполне благопристойные люди, когда им поручают общественно значимую деятельность и наделяют властными полномочиями, одновременно снимая индивидуальную ответственность за последствие своих действий, склонны к проявлению неоправданной жестокости ради выполнения поставленной перед ними задачи. Поэтому закономерно, что и в условиях пенитенциарного учреждения, где объектом карательно-воспитательного воздействия являются преступники, т.е. люди, нарушившие закон и зачастую имеющие те или иные человеческие пороки, механизм проявления по отношению к ним жестокости со стороны сотрудников может становиться еще менее личностно болезненным, чем в приведенном эксперименте. Здесь действует своеобразный психологический механизм «дегуманизации противника» — раз он плохой, то по отношению к нему можно применять любые средства. Отмечая реальность действия в исправительных учреждениях данного механизма деформации персонала, Ф. Зимбардо (1974) отмечал, что «надзиратель тюрьмы - такая же жертва системы, как и заключенный». Однако какими бы ни были сложными ситуации, как бы ни «давили» на человека внешние факторы, он всегда сам принимает решения и сам несет за них ответственность.

В настоящее время в отечественной системе органов, исполняющих наказания, проводится линия на гуманизацию. Она преимущественно связана с установленными в новом Уголовно-исполнительном кодексе РФ (1996 г.) нормами ослабления режима отбывания наказаний, с созданием более благоприятных жилищно-бытовых условий осужденным и рядом иных моментов, соответствующих Стандартным минимальным правилам обращения с заключенными и другим документам, принятым ООН и ратифицированным российскими законодателями.

Не подвергая сомнению целесообразность указанных мер, в то же время пенитенциарные психологи обращают внимание на *необходимость создания подлинной гуманизации среды* в местах лишения свободы. Последнее, по их мнению, может быть достигнуто не только лишь через приведение жизнедеятельности осужденных в соответствие с физическими, санитарно-бытовыми, экономическими и другими нормами, обеспечивающими «очеловеченные» условия отбывания наказания, но и с *гуманистическим преобразованием характера взаимоотношений в исправительном учреждении* (причем как между различными категориями осужденных, так и между ними и персоналом мест лишения свободы).

Как свидетельствует анализ передового пенитенциарного опыта (М.П. Стурова, 1987; В.Б. Шабанов, 1995; А.С. Новоселова, 1998), истинно гуманная психологическая среда возникает лишь в тех исправительных учреждениях, где активно ведется ресоциализация, а также профилактическая деятельность по недопущению распространения норм и традиций преступной среды, обеспечивается формирование нравственных взаимоотношений среди осужденных и пресекается использование средств и способов, унижающих человеческое достоинство

осужденных с низким неформально-статусным положением, создаются условия для успешного функционирования самодеятельных организаций лиц, лишенных свободы. В обеспечении реализации конкретных мероприятий по созданию в исправительном учреждении гуманного режима ключевая роль принадлежит психологам, которые не только целенаправленно изучают особенности прибывших осужденных в карантине, но и готовят для сотрудников учреждений рекомендации по индивидуальной и групповой исправительно-ресоциализирующей деятельности, а также проводят с осужденными соответствующую психоконсультативную и психокор-рекционную работу.

Сегодня активное развитие пенитенциарной психологии как особой научной системы знания и психопрактики диктуется прежде всего потребностями проводимой реформы уголовно-исполнительной системы России. Ведь речь идет, во-первых, не о формальной передаче пенитенциарных учреждений в Министерство юстиции, а ожиданиях, «что в гражданском ведомстве процесс исполнения наказания в виде лишения свободы будет организовываться на более гуманистических началах и с меньшими нарущениями законности»,[6] а во-вторых, о целенаправленном участии сотрудников развиваемой с начала 1990-х годов в исправительных учреждениях психологической службы в психологическом обеспечении процесса исправления осужденных и профилактики совершения ими новых преступлений.

---

[1] *Зер X.* Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. Пер. с англ. - М., 1998. - С. 47-48.

[2] В пенитенциарной психологии достаточно глубоко изучена проблема суицидов осужденных и возможности их профилактики (А.Г. Абрумова, М.Б. Метелкин, А.И. Мокрецов, И.Б. Бойко).

[3] См. работы: В.Ф. Пирожкова, 1982,1994; Г.Ф. Хохрякова, Г.С. Саркисова, 1988; А.И. Гурова, 1990; М.А. Корсакевича, С.А. Мырикова, 1991; М.Г. Дебольского, 1991, Н.М. Якушева, В.В. Зайцева, 1992; В.М. Анисимкова, 1993, 1997.

[4] См.: *Бовин Б.Г. и др.* Методические рекомендации по психологическому отбору лиц, поступающих на работу в исправительно-трудовые учреждения. — М., 1993.

[5] См.: *Бовин Б.Г. и др.* Указ. соч.

[6] *Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д.* Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность. / Под ред. и с предисл. С.В. Степашина и П.В. Крашенинникова. - М., 1998. - С. 91.

12.8. Психология деятельности частных охранных и детективных служб

Актуальные проблемы частной детективной и охранной деятельности в России. В соответствии с Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11 марта 1992 г. частная детективная и охранная деятельность определяется как оказание на возмездной договорной основе услуг физическим и юридическим лицам предприятиями, имеющими специальное разрешение (лицензию) органов внутренних дел, в целях защиты законных прав и интересов своих клиентов. После принятия этого закона наблюдается интенсивное появление и развитие таких предприятий (ЧОПов). За период с 1995-го по 1998 гг. число их возросло более чем в 2,5 раза. Всего в Российской Федерации насчитывается около 54 тыс. частных охранных предприятий, в том числе в Москве — 21 тыс. и в Московской области — 500.

Частная детективная и охранная деятельность осуществляется для сыска и охраны. Она обеспечивает занятость многим мужчинам, кстати, имеющим опыт службы в армии и различных правоохранительных структурах. Так, в столичных и подмосковных частных охранных предприятиях работает более 70 тыс. человек, вооруженных 30 тыс. единиц оружия, 4/5 из которых — огнестрельное.

В Законе РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» определяются *общие требования* к частным охранникам и детективам (ст. 3, И). Граждане, претендующие на получение лицензии на работу в качестве частного детектива или охранника, должны:

- иметь возраст не менее 21 года;
- быть гражданами Российской Федерации;
- иметь хорошее здоровье;

• не состоять на учете в органах здравоохранения по поводу хронических психических заболеваний, алкоголизма или наркомании;

• не иметь судимостей за совершенные умышленные преступления;

• не иметь обвинений в совершении преступления (до разрешения вопроса об их виновности в установленном законом порядке);

• не быть уволенным с государственной службы, из судебных, прокурорских и иных правоохранительных органов по компрометирующим их основаниям;

• иметь юридическое образование или специальную подготовку для работы в качестве сыщика либо стаж работы в оперативных или следственных подразделениях не менее трех лет, а частного охранника — специальную подготовку для работы в качестве охранника либо стаж работы не менее трех лет в органах внутренних дел или в органах безопасности.

На граждан, осуществляющих частную детективную и охранную деятельность, действие законов, закрепляющих правовой статус работников правоохранительных органов, не распространяется. Вместе с тем гражданам и предприятиям, осуществляющим частную детективную и охранную деятельность, предоставляется право содействовать правоохранительным органам в обеспечении правопорядка, в том числе на договорной основе.

Частные детективы не вправе осуществлять какие-либо оперативно-розыскные действия, отнесенные законом к исключительной компетенции органов дознания.

Требование наличия хорошего здоровья у кандидата, претендующего на занятие частной детективной и охранной деятельностью, включает и выявление его психологического профиля, степени обладания им профессионально-значимыми психологическими качествами. При этом в процессе профессионального отбора следует выявлять *психологические противопоказания* для осуществления частной детективной и охранной деятельности:

• пониженную психологическую устойчивость и склонность к психической дезадаптации;

• повышенную тревожность и страх;

• низкую устойчивость к стрессу, эмоциональную неуравновешенность и импульсивность;

• недостаточные способности к распределению и концентрации внимания;

• функциональные нарушения связи между сенсорным (познавательным) и двигательным (моторным) процессами;

• недостатки органов чувств (в первую очередь снижение зрения и слуха);

• неумеренную склонность к риску («сдвиг к риску»);

• невыдержанность и склонность к аффективному реагированию;

• замедленную реакцию и недостаточную ловкость;

• недостаточный уровень интеллектуальных способностей, малую сообразительность при принятии решений.

При профессиональном психологическом отборе кандидатов на должности частных детективов и охранников следует обращать внимание на выявление *виктимных качеств,* которые могут спровоцировать нападение и насильственные действия при выполнении ими должностных обязанностей. К ним можно отнести: излишнюю доверчивость, неосторожность, легкомыслие, вспыльчивость, агрессивность, нечестность, алчность, жадность, жестокость, внушаемость, конформность, недисциплинированность, самонадеянность и др.

Психология частной охранной деятельности. Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» в целях охраны разрешает предоставление следующих видов услуг:

• защита жизни и здоровья граждан;

• охрана имущества собственников, в том числе при его транспортировке;

• проектирование, монтаж и эксплуатационное обслуживание средств охранно-пожарной сигнализации;

• консультирование и подготовка рекомендаций клиентам по вопросам правомерной защиты от противоправных посягательств;

• обеспечение порядка в местах проведения массовых мероприятий.

Исходя из указанных в Законе основных функций охранной деятельности, можно выделить три ее разновидности: 1) охрана физических лиц; 2) охрана объектов, собственности фирмы, с которой заключен договор; 3) охрана грузов при транспортировке. Анализ охранной деятельности, ее содержания и основных функций позволяет сформулировать определенные требования к личности частного охранника.

Прежде всего следует отметить необходимость наличия у него *морально-психологических качеств:* порядочности, честности, смелости и решительности в профессиональных действиях, этичности в поведении, умения корректно общаться с посетителями, клиентами фирмы, банка или предприятия, чувства справедливости, принципиальности, мужества и др. Важное значение в деятельности частного охранника имеют его *правосознание и индивидуальная правовая концепция,* отражающие особенности его правовой психологии: правовые знания, позитивное отношение к законам и иным подзаконным нормативным актам, а также готовность строить свою деятельность, исходя из содержащихся в них требований и положений. Особую роль играет информированность частного охранника о содержании законов Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11 марта 1992 г. и «Об оружии» от 13 декабря 1996 г., ряда статей УК РФ, в том числе ст. 37 (необходимая оборона), ст. 39 (крайняя необходимость), ст. 224 (небрежное хранение огнестрельного оружия), ст. 203 (превышение полномочий служащими частных охранных и детективных служб, и др. Нарушение законности частными охранниками часто происходит в силу деформированности индивидуальной правовой концепции и появления в ее структуре установки на правовой нигилизм, выражающейся в игнорировании правовых норм, превышении служебных полномочий и других незаконных действиях.

Серьезные требования предъявляются к качеству *познавательной деятельности* частных охранников. В процессе несения службы частный охранник должен постоянно оценивать окружающую обстановку и поведение других лиц, умело распознавать по характерным признакам противоправные намерения и хорошо ориентироваться в любой ситуации, в том числе критической.

Например, важное значение имеет своевременное визуальное обнаружение скрываемого злоумышленниками оружия. Одним из признаков, указывающих на наличие у человека пистолета, является асимметричная походка. Суть ее заключается в том, что человек делает более короткий шаг на стороне пистолета, находящегося в кармане или заткнутого за пояс (с правой или левой стороны). Так, пистолет, заткнутый за пояс с правой стороны, будет стеснять движения правой ноги, поэтому шаг правой ногой становится уже шага левой ногой. Следует также учесть стесненный взмах руки со стороны пистолета, которая инстинктивно будет ближе к телу, как бы охраняя оружие. При подъеме по лестнице или в гору пистолет в кармане или за поясом может изменить положение. В связи с этим человек, имеющий оружие, старается быстрым круговым движением руки привести пистолет в исходное состояние. Замечено, что при беге человек, прячущий пистолет, склонен придерживать оружие рукой. Когда вооруженного человека останавливает частный охранник, то он старается повернуться так, чтобы оружие оказалось подальше от остановившего его работника. Это может проявиться в едва заметном движении бедра или легком повороте. Одновременно его рука инстинктивно делает движение туда, где спрятано оружие.

Знание частным охранником *признаков-сигналов поведения,* свидетельствующих об агрессивных и противоправных намерениях, о нахождении человека в опасном состоянии (алкогольное и наркотическое опьянение, психическая дезадаптация), о причастности лица к криминальному миру, о неискренности в поведении человека, позволяет ему работать на опережение и вовремя пресекать правонарушения и нападения на охраняемый объект или охраняемое физическое лицо.

Большую роль играет *пресекательная деятельность* частного охранника, т.е. своевременное обнаружение, предупреждение и пресечение нападения на охраняемый объект или охраняемое физическое лицо. Здесь следует отметить важность *психологической готовности* к отражению нападения, бдительности и умения принять в критической ситуации единственно правильное решение. К числу важных профессиональных требований относят различные характеристики мышления охранника (гибкость, оперативность, глубину, инициативность, эвристичность, прогностичность, самостоятельность и др.), позволяющие принимать эффективные решения, в том числе в ситуации риска.

К числу основных способов пресечения частным охранником правонарушения относят применение: вербальных (психологических) средств воздействия; физической силы; специальных средств; огнестрельного оружия. Владение частным охранником указанными средствами пресечения составляет ядро его профессиональной подготовленности.

Психологическое воздействие на правонарушителя по времени обычно предшествует применению иных форм воздействия. Например, возглас-приказ — «Охрана! Не двигаться! Буду

стрелять!» — несет в себе определенный заряд психологического воздействия на подозреваемого или правонарушителя. Особенно эффективно психологическое воздействие для целей профилактики правонарушения и недопущения нападения на охраняемый объект. Основу психологического воздействия составляет определенная информация, которая передается подозреваемому (в точно определенном объеме, в сознательно выбранное охранником время, с сопровождением передачи информации комментариями и соответствующими эмоциями и т.д.). Каждый психологический прием воздействия имеет конкретную цель: предупреждение, информирование, изменение поведения лица, вселение неуверенности, дезориентирование и т.п. При выборе конкретного приема психологического воздействия на подозреваемого или правонарушителя следует учитывать возраст, пол, криминальный или противоправный опыт, личностные особенности, вид пресекаемого правонарушения, профессию, национальность и т.д.

Одним из центральных элементов *профессиональной подготовленности частного охранника является уверенное владение им приемами рукопашного боя.* Основными составляющими указанной подготовленности являются следующие качества, знания и умения частного охранника:[1]

• знание основных теоретических положений и принципов применения приемов рукопашного боя;

• умение легко передвигаться и занимать правильное положение тела в целях сохранения устойчивого равновесия;

• знание требований, предъявляемых к хорошей стойке и удобному положению тела;

• умение наносить удары руками, кулаком, локтем, кистью, пальцами, ногами, головой, плечами, туловищем;

• умение осуществлять защитные действия, блоки, отбивы, толчки;

• умение защищаться с помощью подручных средств (палки, веревки, камней) от ударов невооруженного противника или вооруженного ножом;

• знание уязвимых болевых точек на теле человека;

• умение осуществлять защиту при угрозе огнестрельным оружием или попытке противника обезоружить охранника;

• умение проводить броски, удержания, болевые и удушающие приемы;

• знание основных способов освобождения от захватов противника;

• знание основных способов освобождения от захватов при осуществлении защитных действий и контратаке;

• знание, тактики применения боевых приемов при задержании вооруженных преступников;

• умение вести рукопашный бой с несколькими противниками;

• умение связывать поверженного противника при отсутствии наручников.

К сожалению, как показывает наблюдение, совершенно недостаточной является *психологическая подготовленность частного охранника к единоборству.* Известно, что в поединке со злоумышленником побеждает работник, умеющий управлять своими психическими состояниями, сообразительный и наблюдательный, эмоционально уравновешенный и осторожный, обладающий выдержкой и хладнокровием. Для достижения психологического превосходства охранник должен уметь создать у себя особое психическое состояние, характеризующееся абсолютным спокойствием и максимальной концентрацией внимания. Мгновенная реакция на любые действия противника возможна только при условии, если частный охранник обладает реалистичностью, трезвостью в оценке обстановки и спокойствием. Сознание должно быть освобождено от необходимости думать о том, как следует поступить в ситуации единоборства, какой выбрать вариант действий и т.д. Ни паники, ни страха, ни испуга не должно быть у работника, только спокойствие и предельное внимание. Важное условие такого спокойствия — высокая техническая подготовленность охранника, доведение им каждого боевого приема и каждого движения до автоматизма. Он должен уметь мгновенно вызывать у себя состояние уравновешенности и спокойствия. С этой целью необходимо постоянно тренировать волю, развивать характер и умение концентрировать свое внимание. Регулярные психологические тренировки приводят к внутренней раскрепощенности и спокойствию.

Охранник должен уметь в ситуации единоборства психологически переиграть противника, т.е. вызвать у него состояние растерянности и неуверенности в себе, заставить его «открыться». Для этого можно рекомендовать *10 приемов воздействия на противника:*

1) обман (обманные движения, финты), заставляющий противника «открыться», расслабиться, открыть незащищенные места на теле;

2) вызов противника на прием, основанный на имитации охранником целенаправленного движения с целью побуждения противника к определенным действиям;

3) изматывание противника, ориентированное на вызов противника к совершению действий, требующих большой физической нагрузки, бега, прыжков и т.д.

4) сокрытие собственного утомления;

5) отвлечение, направленное на переключение внимания противника на другой объект, ослабление его бдительности;

6) подавление и вызов страха у противника посредством демонстрации своего физического и технического преимущества;

7) маскировку своих намерений и плана борьбы, создающую у противника ложное впечатление об истинных целях охранника при ведении рукопашной схватки;

8) активное маневрирование, изматывающее противника и не дающее ему возможности провести атаку;

9) внезапность и неожиданность действий, формирующих у противника растерянность, панику и отказ от сопротивления;

10) встречную борьбу, позволяющую охраннику от активной обороны быстро перейти к контратаке, вынуждая злоумышленника прекратить сопротивление.

Применение частными охранниками специальных средств регламентируется Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (ст. 16 и 17). Кроме того, каждый частный охранник должен знать Правила применения частными детективами и охранниками специальных средств, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации № 587 от 14 августа 1992 г. Охранники имеют право применять специальные средства в следующих случаях: 1) для отражения нападения, непосредственно угрожающего их жизни и здоровью, жизни и здоровью охраняемых граждан; 2) для пресечения преступления против охраняемой ими собственности, когда правонарушитель оказывает физическое сопротивление.

В то же время закон запрещает применять специальные средства в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен охраннику, кроме случаев оказания ими вооруженного сопротивления, совершения группового либо иного нападения, угрожающего жизни и здоровью охранника.

В качестве специальных средств используются резиновые палки, наручники, слезоточивый газ и другие средства, предусмотренные соответствующим перечнем. Право на применение специальных средств имеют частные охранники, прошедшие соответствующую подготовку и выдержавшие периодическую проверку в органах внутренних дел на профессиональную пригодность к действиям в ситуациях, связанных с их применением.

В процессе профессиональной подготовки охранников следует обращать внимание на такие *особенности применения специальных средств:*

• запрещается нанесение резиновой палкой ударов по голове, шее и ключичной области, животу, половым органам;

• требуется периодическая (не реже, чем один раз в два часа) проверка состояния фиксации замков у наручников;

• при использовании слезоточивых веществ запрещается прицельная стрельба по правонарушителям, повторное применение их в пределах зоны поражения в период действия этих веществ;

• специальное средство «Черемуха-10» и его аналоги, газовые пистолеты применяются на открытой местности и в помещениях.

Применение огнестрельного оружия охранниками регламентируется ст. 16, 18 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» и ст. 24 Закона РФ «Об оружии». Охранники имеют право применять огнестрельное оружие в следующих случаях: 1) для отражения нападения, когда его собственная жизнь подвергается непосредственной опасности; 2) для отражения группового или вооруженного нападения на охраняемую собственность; 3) для предупреждения (выстрел в воздух) о намерении применить оружие, а также для подачи сигнала тревоги или вызова помощи.

Запрещается применять огнестрельное оружие в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен охраннику, кроме случаев оказания ими вооруженного сопротивления, совершения вооруженного либо группового нападения, угрожающего жизни охранника или охраняемой собственности, а также при

значительном скоплении людей, когда от применения оружия могут пострадать посторонние лица.

Стрелковая подготовленность частного охранника включает в себя следующие элементы:

• знание устройства табельного огнестрельного оружия, его огневых возможностей и порядка устранения мелких неисправностей;

• умение стрелять из табельного оружия по различного рода мишеням (движущимся, неподвижным, периодически появляющимся, грудным, в полный рост и тд.);

• умение стрелять из различных положений (стоя, сидя, лежа, навскидку, от живота не целясь, находясь в движущемся автомобиле и т.д.);

• умение успешно стрелять после физической нагрузки (после бега, подъема по лестнице, в гору и т.д.);

• умение стрелять в различных условиях видимости (вечером, ночью, днем при ярком свете, в тумане и т.д.);

• умение стрелять на опережение выстрела противника;

• умение удобно располагать и быстро обнажать табельное огнестрельное оружие;

• умение стрелять в помещении, на улице, в поле, в лесу и т.д.

• умение стрелять в различных условиях служебной деятельности (при охране отдельного объекта, в случае нападения на охраняемое лицо, в ситуации попытки захвата охраняемого при транспортировке груза и т.д.).

Для деятельности частного охранника важны развитые *коммуникативные качества.* Они приобретают особенное значение в ситуации охраны физического лица, обеспечивая психологическую совместимость с охраняемым гражданином. Коммуникативные качества являются предпосылкой эффективности совместной охранной деятельности, слаженности действий в составе команды или группы. Среди качеств, способствующих успешной совместной работе, можно назвать установку на сотрудничество, готовность к помощи сослуживцам, сочувствие, отзывчивость, заботливость, справедливость, общительность, тактичность в общении, обязательность, скромность и др.

Психология частной детективной (сыскной) деятельности. Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» в целях сыска разрешает предоставление следующих видов услуг (ст. 3):

• сбор сведений по гражданским делам на договорной основе с участниками процесса;

• изучение рынка, сбор информации для деловых переговоров, выявление некредитоспособных или ненадежных деловых партнеров;

• установление обстоятельств неправомерного использования в предпринимательской деятельности фирменных знаков и наименований, недобросовестной конкуренции, а также разглашения сведений, составляющих коммерческую тайну;

• выяснение биографических и других характеризующих личность данных об отдельных гражданах (с их письменного согласия);

• поиск без вести пропавших граждан;

• поиск утраченного гражданами или предприятиями, учреждениями, организациями имущества;

• сбор сведений по уголовным делам на договорной основе с участниками процесса. Причем в течение суток с момента заключения контракта с клиентом на сбор таких сведений частный детектив обязан письменно уведомить об этом лицо, производящее дознание, следователя, прокурора или суд, в чьем производстве находится уголовное дело.

Анализ основных видов деятельности частного детектива показывает, что ее ядром является *познание, сбор и анализ информации.* Отсюда к числу

важнейших требований следует отнести высокий уровень развития у частного детектива познавательных качеств, связанных с процессами восприятия, памяти, мышления и воображения. К числу важных *познавательных качеств восприятия и внимания* частного детектива следует отнести:

• быстрое распределение внимания и способность обнаружить главное звено в складывающейся ситуации, в анализируемой информации;

• устойчивость и концентрацию внимания;

• пространственную ориентировку;

• способность при наблюдении предугадать направление и содержание действий другого лица;

• знание адаптационных возможностей различных органов чувств и способов их активизации;

• умение снимать утомление в процессе наблюдения;

• умение обеспечивать маскировку наблюдения за конкретным человеком и др.

Основными качествами, обеспечивающими продуктивность *профессиональной* памяти частного детектива, являются: объем; быстрота воспроизведения информации; точность информации; длительность удержания необходимой информации в памяти. Для детектива особо важна память на лица, внешность, числа, содержание конкретной информации. К числу профессиональных требований следует отнести владение частным детективом приемами мнемотехники. Суть этих приемов заключается «в привязке» событий или информации к определенным числам, предметам, фактам и т.п. Например, для того чтобы идентифицировать человека по лицу, не обязательно детально запоминать все его черты. Целесообразно запомнить общий вид лица, его тип и «схватить» какую-либо черту, отличающую это лицо от других: маленькие глаза, большие глаза, толстые губы, тонкие губы, высокий лоб, шрам, родинка, бородавка, зубы — все, что угодно.

Память обеспечивает владение профессиональной информацией, значительно повышающей эффективность работы профессионального детектива. В частности, одной из разновидностей этой информации следует считать знание обобщенных психологических портретов преступников, в том числе лиц, совершающих внутренние хищения в коммерческих организациях, торгующих коммерческими тайнами и занимающихся промышленным шпионажем. Так, исследование, проведенное одной из консультационно-исследовательских фирм США, позволило составить профиль (психологический портрет) типичного «беловоротничкового» преступника, торгующего коммерческими тайнами и совершающего внутренние хищения по месту работы.[2] Основные параметры такого портрета следующие:

• работает в компании (фирме, банке и т.п.) не менее четырех лет;

• приходит на работу очень рано, задерживается дольше других, иногда работает в выходные дни;

• хорошо знает, как работает система охранной сигнализации;

• имеет ключи от всех основных замков в служебных помещениях;

• делает все возможное, чтобы завоевать доверие руководства и работать самостоятельно, без контроля;

• часто восхищается деловыми качествами администрации и непосредственно^) руководителя;

• не поддерживает дружеских и деловых отношений с другими сотрудниками, предпочитая работать самостоятельно, потому что мало кому доверяет;

• представляет собой тип служащего, который часто получает различного рода премии и поощрения;

• часто информирует руководство об ошибках или Проступках других сотрудников, чтобы завоевать доверие начальства.

Безусловно, очень высокие требования должны предъявляться к *мышлению* частного детектива. Развитые интеллектуальные качества позволяют частным детективам принимать нешаблонные, творческие решения в различных ситуациях деятельности, обеспечивая достижение Поставленных целей.

Как и у частного охранника, у частного детектива должен быть широкий правовой кругозор, четкое знание основных нормативных требований, определяющих организацию деятельности. Частный детектив должен также четко представлять *ограничения в своей профессиональной деятельности* (ст. 7 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»). Частным детективам запрещается:

• скрывать от правоохранительных органов ставшие им известными факты готовящихся или совершенных преступлений;

• выдавать себя за сотрудников правоохранительных органов;

• собирать сведения, связанные с личной жизнью, с политическими и религиозными убеждениями отдельных лиц;

• осуществлять видео- и аудиозапись, фото- и киносъемку в служебных или иных помещениях без письменного на то согласия соответствующих лиц;

• прибегать к действиям, посягающим на права и свободы граждан;

• совершать действия, ставящие под угрозу жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество граждан;

• фальсифицировать материалы или вводить в заблуждение клиента;

• разглашать собранную информацию, использовать ее в каких-либо целях вопреки интересам своего клиента или в интересах третьих лиц;

• передавать свою лицензию для использования ее другим лицам.

В указанном законе отмечается, что проведение сыскных действий, нарушающих тайну переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений либо связанных с нарушением гарантий неприкосновенности личности или жилища, влечет за собой установленную законом ответственность.

В значительной степени работа частного детектива напоминает деятельность оперативного работника органов внутренних дел или безопасности. Именно поэтому в законе ставится вопрос о наличии у него юридического образования либо стажа работы в оперативных или следственных подразделениях не менее трех лет.

При всей схожести приемов и методов работы, применяемых и оперативным работником правоохранительного органа и частным детективом, наблюдаются существенные различия, диктуемые сферой услуг, оказываемой последним. Например, частный детектив более непосредственно и чаще сталкивается с компьютерными преступлениями, промышленным шпионажем, торговлей коммерческими секретами и др. В связи с этим ему требуются дополнительные знания и умения. Например, частный детектив должен иметь представление о приоритете

информации, представляющей интерес для злоумышленников. Опросы персонала компании показывают, что для злоумышленников интерес представляют:

• списки клиентов и сведения о партнерах (38% опрошенных);
• отчеты о платежно-кредитных операциях (32%);
• данные о платежной стоимости клиентов (25%);
• информация о рыночной конъюнктуре (13%);
• проектная документация и промышленные секреты (8%).

В ходе осуществления частной детективной деятельности для отражения нападения, непосредственно угрожающего жизни и здоровью, частное детективы имеют право применения специальных средств (ст. 16, 17 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»).

---

[1] *Панкин А.И.* Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел. Тактика и психология безопасной деятельности. - М., 1996. - С. 75-81.

[2] *Security* World, August, 1985, p. 4.

Психологический практикум (к части IV)

Упражнение 1

Инспектор ГИБДД прибыл на место ДТП. Имеются погибшие и раненые. Место происшествия окружено толпой граждан, находящихся в крайне возбужденном состоянии. В адрес Госинспекции раздаются многочисленные подстрекательские заявления, которые находят одобрение у окружающих. Инспектор пытается разогнать толпу, активно реагируя на отдельные высказывания граждан: оправдывается, раздражается, проявляет недовольство, угрожает наказанием. Ситуация становится чрезвычайно опасной, способной вызвать групповые нарушения общественного порядка.

Вопросы:

1. Назовите психологические факторы, проявившиеся в данной ситуации.
2. Как вы оцениваете действия инспектора? Обострил ли он ситуацию?

Упражнение 2

Инспектор остановил автомобиль, двигавшийся с превышением установленной скорости и нарушавший правила маневрирования. При проверке документов нарушитель раздраженно показывает инспектору визитную карточку известного руководителя органа государственной власти, обвиняет в придирках, указывает на бесполезность его действий, угрожает увольнением с работы.

Вопросы:

1. Какие психологические приемы применил нарушитель по отношению к инспектору?
2. Должен ли инспектор акцентировать внимание на личности человека, указанного на визитной карточке?
3. Каковы правильные действия инспектора с целью предотвращения возможных негативных последствий возникшего конфликта с нарушителем?
4. Какие психологические приемы необходимо знать инспектору для использования их в аналогичных ситуациях с целью установления доброжелательных взаимоотношений с участниками дорожного движения?

Упражнение 3

Водитель автобуса, подъезжая к перекрестку, увидел, что справа из-за угла прямо на автобус выезжает велосипедист. Пытаясь избежать столкновения и не имея возможности затормозить, водитель резко свернул влево, но совершил при этом наезд на внезапно появившегося на дороге ребенка, который скончался на месте. Инспектор ГИБДД, находившийся на перекрестке, подошел к месту ДТП, где собралась толпа граждан, обвинявших водителя в преступлении. Граждане стали упрекать в виновности не только водителя, но и инспектора. Ситуация обострилась.

Вопросы:

1. Назовите признаки объективной и субъективной (психологической) сторон преступления.
2. Есть ли виновные в ДТП и кто должен (или не должен) нести ответственность?

Упражнение 4

В юридической психологии накопилось достаточно много информации об особенностях личности несовершеннолетних правонарушителей и специфики их общения. Рассмотрим некоторые выводы по материалам экспериментальных исследований.

а) Возможно так представить в сокращенном виде путь развития личности в неблагополучной семье от ребенка до несовершеннолетнего правонарушителя с устойчивой антиобщественной направленностью.

Под влиянием неблагоприятных условий развития и воспитания в семье и в школе у ребенка формируется низкая самооценка. Если многочисленные попытки повысить самооценку социально приемлемыми способами не приносят желаемых результатов, то он обращается к асоциальным образцам поведения и к контрнормативным ценностям - и тогда уровень самооценки повышается (Валицкис Г.К., Гиппенрейтер Ю.Б., 1988).

б) Общие выводы относительно особенностей интерперсональных взаимоотношений трудных подростков: у большинства из них нет привязанности к родителям и другим членам семьи, что объясняется заброшенностью, невниманием к ним со стороны родителей; им присуще в целом негативное отношение к учителям как следствие деформации взаимоотношений в школе;

большинству подростков не свойственны крепкие дружеские связи со сверстниками, что подтверждается высокими показателями по шкале отгороженности (Устименко С.Ф., 1984).

Задания:

1. Внимательно проанализируйте представленные выводы по результатам психологических исследований.

2. С учетом этих выводов попытайтесь сформулировать меры психолого-педагогического характера по совершенствованию воспитания подростков в семье и школе.

Упражнение 5

Гражданину К., нарушившему общественный порядок, сотрудник патрульно-постовой службы Б. сделал законное замечание. В ответ гражданин К. заявил, что приколет его, при этом сделал рукой движение за спину и с ножом в руке стал наступать. Сотрудник ОВД Б. воспринял поведение посягающего К. как опасное нападение, угрожающее его жизни. Сотрудник ОВД Б. крикнул: «Милиция, не двигаться!» и при этом произвел выстрел вверх из табельного огнестрельного оружия. Однако посягающий К. продолжал приближаться, высказывая угрозы. Руководствуясь ст. 3 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, ст. 45 Конституции России, ст. 37 УК России, ст. 12, п.2 ч.1 ст. 15 и ст. 16 Закона о милиции, сотрудник ОВД Б. с расстояния 1,5-2 м произвел прицельный выстрел, ранив посягающего К. в правую ногу (в бедро).

В этом криминальном конфликте сотрудник ОВД Б. правомерно применил оружие на упреждение активных противоправных насильственных действий посягающего К., а также проявил профессиональное мастерство.

Вопросы:

1. Знание или незнание каких положений Конституции РФ, Закона о милиции, и УК России было проявлено сотрудником при оценке обстановки и принятии решения на применение оружия?

2. Явилось ли попадание пули в бедро правонарушителя проявлением плохой огневой подготовки или, напротив, хорошей?

3. Какие психологические трудности испытывал скорее всего сотрудник, и правильно ли он их разрешил?

Упражнение 6

И. задержан как соучастник организованной преступной группы, занимающейся разбойными нападениями на водителей автомашин. Детали задержания: сотрудник отдела уголовного розыска, представившись знакомым И., вызвал его через секретаря фирмы, где он работает, на улицу, после чего предложил сесть в автомобиль и доставил в орган внутренних дел.

По имеющейся оперативной информации известно, что среди членов преступной группы И. является новичком, авторитетом не пользуется, считается слюнтяем и в преступлениях играет второстепенную роль. Накануне задержания И. похоронил своих родителей, и У него на иждивении осталась несовершеннолетняя сестра. Кроме того, ранее И. серьезно увлекался рыбалкой и охотой, имеет высшее образование, не судим.

В преступную группу входят кроме И. двое ранее судимых за тяжкие преступления, которые задержаны и содержатся в ИВС, и организатор, местонахождение которого на данный момент не установлено.

Вопросы:

1. Какие особенности личности И. и обстоятельств можно использовать на различных стадиях его допроса?

2. Какую оптимальную позицию общения целесообразно выбрать следователю на стадии установления психологического контакта с допрашиваемым?

3. Какие тактико-психологические приемы следует использовать для установления психологического контакта с допрашиваемым И.?

Упражнение 7

Парижская полиция долго и безуспешно ищет похищенное министром Д. в королевском дворце письмо, которое содержит данные, компрометирующие одну высокопоставленную особу, и владение которым давало интригану Д. власть над нею. Было известно, что Д. должен был прятать письмо в своем доме или во дворе дома. В течение трех месяцев в моменты отсутствия Д.

в его доме тайно проводились обыски. Дом был разделен на пронумерованные участки, которые были обследованы один за другим. Наличие незамеченных тайников практически исключалось, так как все поверхности были осмотрены с помощью сильных луп, а складная мебель разделялась на составные части. Поиски были безрезультатными. Примерно такая ситуация описана в рассказе Эдгара По «Похищенное письмо» к моменту, когда в действие вмешался Огюст Дюпен. Спросив префекта полиции о внешнем виде письма, он через некоторое время принес ему это письмо. Дюпен рассказывает:

«...Чем больше я думал о дерзком, блестящем и тонком остроумии Д... тем вернее я приходил к убеждению, что министр избрал остроумный и простой способ скрыть письмо, не пряча его вовсе...

...Взгляд мой, блуждая по комнате (в доме Д.), упал на дрянную плетеную сумочку для визитных карточек: она была обвязана... лентой и болталась на медном гвозде над камином. В сумочке... хранилось несколько карточек и какое-то письмо... Оно было надорвано почти до половины, как будто его хотели разорвать и бросить, как ненужную бумажку, но потом раздумали. На нем была черная печать... Письмо было адресовано самому Д...

При первом взгляде на это письмо я решил, что его-то я и ищу. Конечно, вид его совершенно не соответствовал описанию префекта. Тут печать была большая, черная... там _ маленькая, красная... Тут стояло имя Д. и адрес был написан мелким женским почерком, там — имя королевской особы, написанное смело, размашисто; только размером они походили одно на другое. Но этот контраст лишь усилил мои подозрения. Письмо, грязное и засаленное — что никак не вязалось с методическими привычками Д., — было надорвано, словно пытались внушить мысль о его ненужности, и оно лежало, как я и ожидал, на самом виду».[1]

Вопросы:

1. Знание каких психологических закономерностей использовал Д. для надежного сокрытия важного документа?

2. Какие психологические факторы необходимо учитывать обыскивающему при проведении обыска?

3. Поставьте себя на место преступника и подумайте, какие способы сокрытия подобного документа, учитывая психологию проводящего обыск, вы могли бы предложить?

Упражнение 8

Сотрудникам учреждений уголовно-исполнительной системы хорошо известно, что большинство лиц, осужденных на длительные сроки лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в основном убийств, не признают своей вины и справедливости назначенного судом наказания.

Вопросы:

1. Является ли данный факт достаточным основанием для ужесточения уголовной репрессии вплоть до применения к таким лицам исключительной меры наказания -смертной казни? Обоснуйте свое мнение.

2. Может ли, по вашему мнению, уголовно-правовая оценка насильственного преступного деяния *в* достаточно полной мере охватывать его психологическое содержание и реализовать его в назначенном виде и размере ответственности?

Упражнение 9

Зарубежные психологи К.Р. Бартол (1980) и Ф. Мэнахэм (1987) изучали проблему особенностей социально-психологического восприятия преступников населением и сотрудниками правоохранительных органов. Было, в частности, установлено, что внешне привлекательные преступники по сравнению с непривлекательными получают менее строгие наказания (особенно в судах присяжных) и одновременно при отбытии наказания в местах лишения свободы со стороны персонала к ним применяются менее строгие дисциплинарные меры, чем в отношении лиц, осужденных за аналогичные преступления, но имеющих непривлекательную наружность.

Вопросы:

1. Могут ли, по вашему мнению, существовать такие зависимости?

2. Если да, то чем вы можете это объяснить? Имеют ли здесь место проявления психологии восприятия? Какие именно социально-психологические механизмы (эффекты) межличностного восприятия здесь сказываются?

Упражнение 10

Сержант милиции А. Смирнов и рядовой милиции П. Рудаков около полуночи патрулировали на машине в районе молокозавода. Свернув *в* узкий переулок, они увидели двух мужчин: высокого в светлом плаще и ростом пониже в темной куртке. Высокий мужчина держал руки в карманах, часто оглядывался по сторонам. Милиционерам поведение прохожих показалось подозрительным и, остановив машину, они решили проверить их документы. Рудаков подошел к высокому, а Смирнов - к другому мужчине. В период проверки документов П. Рудаков обнаружил, что у подозреваемого оттопыривается внутренний карман плаща. Он пристукнул по этому месту. Высокий мужчина отпрянул и пробормотал: «Неттам у меня ничего...». Рудаков попросил показать, что у него в кармане. Тот отказался. Тогда милиционер предложил ему проехать в отделение милиции, на что последний также не среагировал. Рудаков взял высокого мужчину за плечо и повел к машине. Смирнов в это время проверял документы у другого мужчины. Недалеко от машины высокий стал сопротивляться, а затем неожиданно выхватил из внутреннего кармана плаща пистолет и произвел два выстрела в упор. Рудаков упал. Высокий мужчина побежал. Пока Смирнов расстегивал куртку, бронежилет и доставал оружие, высокий пропал из виду. Его напарник тоже хотел убежать, но был остановлен предупредительным выстрелом Смирнова и задержан. Смирнов надел на него наручники и подошел к Рудакову. Рудаков был мертв.

Задания:

1. Дайте психологическую характеристику действий Смирнова и Рудакова.

2. Выделите ошибки в тактике поведения патрульной группы в целом и каждого из милиционеров.

Упражнение 11

«...Еще малолеткой я заболел туберкулезом легких, и меня направили в тубзону, где находились взрослые осужденные, которые имели порядочный стаж заключения. Попав в определенный круг, я хорошо усвоил наши неписаные законы, которых строго придерживался в дальнейшем. В итоге я стал отрицательным элементом для администрации учреждения, и куда бы меня ни переводили, везде ставили на учет как злостного нарушителя. Неоднократно я совершал преступления, мое имя стало известно во всех колониях.

Но всему есть предел. И когда я серьезно решил изменить образ жизни, то понял, что не могу этого сделать, находясь в данной республике. Почему не могу? Потому что не выдержу оскорблений: «скурвился», «ссучился», «падло», «на свободу захотел» и т. п. Может быть, я неправильно понимаю, может, это все предрассудки, но за это время я два раза попал под ножи и, чтобы вновь не стать жертвой, я больше не буду делать попытки вылезать из ямы, в которую залез по самые уши. Каждый день может для меня оказаться роковым. Мне надоело спать в обнимку с ножом, у меня нет сил ни моральных, ни физических. Я бездарно прожигаю свои годы. А за что? Какие цели я преследую? Да никакие, живу, как животное...»

Вопросы:

1. Какие психологические феномены отражаются в данном письме?

2. Охарактеризуйте психическое состояние осужденного и его ценностные ориентации.

3. Какие методы применяет криминальная субкультура для воздействия на осужденных, пытающихся стать на путь исправления?

4. Какие меры могла бы принять администрация колонии в данном и аналогичных случаях?

Упражнение 12

Осужденный М. посещал сеансы индивидуальной психологической коррекции, направленные на устранение криминальных ценностных ориентации и формирование готовности к законопослушному поведению на свободе. По мнению психолога, психокоррекционные мероприятия проходили успешно.

На завершающей стадии психокоррекционной работы (после девятого сеанса) осужденный стал хмурым, неразговорчивым, а однажды ночью предпринял попытку суицида, но был спасен дежурным нарядом. Свой поступок осужденный объяснил тем, что «ему ужасно стыдно за то, как он жил на свободе, и дальнейшего смысла жизни он не видит».

Вопросы:

1. Чем, на ваш взгляд, могли быть вызваны негативные психологические изменения осужденного, хотя, по мнению психолога, он применял методы, дающие только положительный эффект?

2. Несет ли психолог ответственность за судьбу своих клиентов, и если да, то какую?

Упражнение 13

В одной из центральных газет Российской Федерации было опубликовано письмо гражданки Т.:

«Мне 23, а я вдова. Вдова - солдатка, как в войну. 22 февраля дочке исполнилось три года, а на следующий день далеко от дома при исполнении служебного долга погиб ее папочка. Боюсь, она не сможет запомнить, какими нежными и сильными были руки ее папы Юры, как высоко он подбрасывал ее над головой и они вместе задыхались от восторга.

Мой Юра был любимцем двора, где мы росли вместе и знали друг друга всю жизнь. Он был таким справедливым, всегда заступался за слабых, потому и в ОМОН пошел. Как много он мог бы сделать доброго людям, скольким попавшим в беду помочь, а погиб на третий день пребывания в Чечне от бандитской пули. Он нужен был здесь, у себя дома.

Юра не любил хвастаться, и я не знала, каким хорошим профессионалом он успел стать за три недолгих месяца службы в отряде после «учебки». При жизни ведь у нас

хвалить не умеют. А потом, после кладбища, ребята из отряда говорили, что на его счету за это время было успешных операций куда больше, чем у иных за год-два.

Он был тренированным и реактивным. И все шутил, что служба в ОМОНе для него не опаснее, чем работа дворником - тоже мусор надо собирать. Что судьба его хранит. Было так: из дорожной катастрофы вышел живым, только с царапинами. На токарном станке работал, чуть ногу не оторвало - не оторвало, на сантиметр мимо железо пронеслось. Но, видно, у Бога не хватает сил, чтобы всех уберечь.

Наш город захлестывает преступность. Я боюсь оставить свою девочку в детском саду: недавно какой-то мерзавец в микрорайоне «Южный» прицельно стрелял по выведенным на прогулку детям. Одного ребенка ранил. Что ни день, то в городе новое злодейство. И неудивительно - столько оружия на руках у бандитов! Даже на вооруженных милиционеров нападают, не боясь ни закона, ни силы. Юра нужен был здесь.

Что же нам, женам и вдовам, сделать, чтобы не бояться за жизни своих детей? Пойти, как на войну, вместо убитого мужа и самим вступить в борьбу с бандитским беспределом? Кто мне ответит? Наверное, никто. Как никто не вернет дорогого и любимого мужа, мою первую и, думалось, такую счастливую любовь...»

Задание:

Внимательно прочитайте письмо. Проведите анализ характера и степени влияния опубликованного материала на психологию населения.

Упражнение 14

При психологическом обследовании кандидата на службу в районную прокуратуру на должность помощника прокурора по методике 16-PF Р.Кеттелла были получены следующие результаты: фактор А-7, В-8, С-4, Е-9, G-8, Н-8, I-3, L-8, М-5, N-6, О - 8, Q 41 0 - 4, Q 42 0 - 4, Q 43 0 - 7, Q 44 0 - 9. Время работы испытуемого с методикой составляло 1 час 12 минут.

Задания:

1. Интерпретируйте полученные данные с точки зрения требований, указанных в психограмме профессионально успешного прокурорского работника. Какие показатели свидетельствуют о высокой профессиональной пригодности кандидата, а какие - о низкой?

2. Если бы вы проводили обследование данного лица, то к какой группе профессиональной пригодности причислили бы его? Почему? Обоснуйте свое решение.

Упражнение 15

1. Детальная правовая регламентация труда прокурора касается и коммуникативной стороны его деятельности. В законе и подзаконных нормативных документах четко определены некоторые процессуально закрепленные формы и процедуры его взаимодействия с окружающими, в особенности в ситуации публичного общения (например, порядок выступления прокурора в суде, его участия в допросе обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, взаимодействия с судьей, адвокатом и др.).

Вопрос:

Как вы полагаете, какие психологические качества требуются прокурору для эффективного выполнения своих должностных обязанностей в подобных ситуациях помимо мастерства публичного выступления и культуры речи? Что такое «ролевое общение» и является ли хорошее владение им профессионально важным для прокурора?

2. В соответствии с законом одной из функций прокурора является «координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью».

Вопрос:

Как вы считаете, какими психологическими качествами он должен обладать для того, чтобы успешно выполнять данную функцию, а какие психические свойства здесь являются профессионально неблагоприятными?

3. Прокурор в закрытом заседании суда принимает участие в допросе потерпевшей по делу, об изнасиловании, совершенном группой лиц.

Вопрос:

Какими психологическими качествами, по вашему мнению, он должен обладать для того, чтобы получить точные, искренние, подробные показания, выяснить все обстоятельства совершения преступления?

Упражнение 16

В одну из юридических консультаций коллегии адвокатов обратилась молодая женщина, заявившая, что примерно три месяца назад был арестован ее муж по подозрению в совершении тяжкого преступления, связанного с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа, санкция соответствующей статьи предусматривает лишение свободы на срок от 12 до 20 лет, смертную казнь или пожизненное лишение свободы. С доверительницей было заключено соглашение на защиту прав ее мужа на предварительном следствии; адвокатом получен ордер, разрешающий его допуск к участию в деле.

Заключая соглашение, доверительница заверяла адвоката, что ее муж Виктор - добрый, отзывчивый и бесконфликтный человек, любит семью, очень привязан к маленькому сыну, давно и успешно трудится на заводе, где характеризуется положительно, ему чужды алкоголь и наркотики и т.п. Адвокат внимательно слушал, привычно полагая, что заявительница в какой-то мере лукавит, пытаясь «приукрасить» мужа. Каково же было его удивление, когда из уст следователя прокуратуры он услышал точно такую же личностную характеристику обвиняемого! А как же тогда нож? А порезы на теле работника милиции?

Адвокат посетил подзащитного, находившегося в СИЗО, в тот же день. В беседе с Виктором выяснилось, что несколько лет тому назад в слякотный, промозглый ноябрьский вечер его, медленно едущего на стареньких «Жигулях» между пятиэтажками, вдруг обогнал и велел остановиться экипаж милицейского «УАЗа», из которого затем выскочили четыре милиционера, вытащили его из-за руля, надели наручники, стали бить... О том, что он тащил за «Жигулями» труп мужчины, зацепившийся одеждой за задний бампер автомобиля, Виктор не знал... Его доставили в отдел милиции, где и составили протокол задержания, а труп направили на экспертизу.

Через несколько часов заключение эксперта расставило все на свои места: смерть неизвестного мужчины наступила более 20 часов тому назад, транспортные травмы являются посмертными, а причиной смерти является асфиксия в результате заполнения дыхательных путей водой - утопление. Виктора отпустили. Пришлось лечиться от полученных побоев, но в душе осталась глухая обида. Появился отказной материал в отношении милиционеров, избивших Виктора - им, дескать, температуру тела волочащегося трупа измерять некогда, а то, что при задержании подозреваемого «погорячились» немного - что же, бывает.

Шло время. Однажды поздним вечером Виктора остановил сотрудник милиции и потребовал предъявить документы. Пропуск на завод - с фотографией, должностью и адресом предприятия - его не устроил, а паспорта с собой у Виктора не было. «Вперед, в отдел!» - последовала команда. Попытки возразить, что комендантский час, как и чрезвычайное положение, никем не вводились и иметь при себе паспорт при наличии другого документа не обязательно, успехом не увенчались. Категоричный отказ Виктора куда-либо следовать вызвал неадекватную реакцию - рослый милиционер умело провел прием самбо, обыскал задержанного (как выяснится позже - совершенно непрофессионально), и в положении «рука за спину» повел впереди себя. Идти предстояло далеко. Спотыкающийся Виктор пытался оправдываться, клялся в том, что ничего не

нарушил, просил его отпустить - тщетно. Первый рывок вызвал град тумаков, второй - привел к их усилению. «Приведу в отдел, заведу в спортзал - и будем всем нарядом на тебе тренироваться», - заверил страж порядка.

«Добьют...» - обречено подумал Виктор. И вдруг свободная рука почувствовала в кармане курточки что-то твердое. Пальцы нащупали «колодочку» маленького перочинно-

го ножика. Мысль заработала лишь в одном направлении: «Вот оно - спасение. Не дамся, вырвусь, убегу!». Незаметно приподнял руку с ножом к лицу, зубами открыл лезвие и, не разворачиваясь, ударил назад, за спину. От неожиданности сотрудник отпустил вторую руку Виктора, но мгновенно сориентировался и бросился на него, пытаясь разоружить. Виктор отпрыгнул в сторону, и темнота скрыла его. На следующий же день он был задержан у проходной своего завода. Будучи допрошенным, свою вину признал частично, пояснив, что не имел умысла посягать на жизнь работника милиции, а действуя так, спасал собственную жизнь.

Выслушав исповедь Виктора, адвокат поинтересовался: чем заявленное можно подтвердить? Эмоции - не доказательство. Увы, исповедь была единственным «документом», позволяющим понять, как могло подобное случиться с обыкновенным «среднестатистическим» правопослушным гражданином...

Суд первой инстанции, учитывая при вынесении приговора наличие обстоятельств, смягчающих вину, назначил Виктору наказание в виде лишения свободы сроком 8 лет в колонии строгого режима.

Суд высшей инстанции, по кассационной жалобе, исследовав материалы дела и выслушав прения сторон - государственного обвинителя и защиты, - пришел к выводу, что судом первой инстанции допущена ошибка в квалификации содеянного Виктором, действия которого следует квалифицировать по статье Уголовного кодекса, предусматривающей наказание за применение насилия в отношении представителя власти. В своем определении кассационный суд изменил приговор и назначил Виктору наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года в колонии общего режима.

Вопросы:

1. Чем смог адвокат убедить суд высшей инстанции в том, что первый приговор был несправедлив?

2. Какими соображениями руководствовался суд, переквалифицировав обвинение в отношении подсудимого?

Упражнение 17

Опыт действий сил правоохранительных органов в условиях чрезвычайных обстоятельств, особенно при проведении антитеррористических операций, учит: мало что оказывает столь тяжелое деморализующее воздействие на морально-психологическое состояние личного состава, как истерия управления, отсутствие приказов и распоряжений в обстановке неразберихи и нерешаемости задач; бездарные и несоответствующие реальности требования и указания, частая отмена ранее отданных приказов или их обилие, наслаивающее один на другой, еще не выполненный; появление посторонних должностных лиц, претендующих на высокие властные полномочия и вмешивающихся в вертикаль прямого подчинения, плохое материально-техническое и бытовое обеспечение. Все это воспринимается людьми как проявление бездарности начальства, его неспособности решать задачи, как фактор, повышающий опасность действий для каждого. Многократно возрастают тревожность, опасения, досада, неуверенность в успехе. Многие принимают решения не исполнять точно приказы, а действовать самостоятельно, по обстановке (что лишь усиливает общую неорганизованность и несогласованность действий).

Вопрос:

Какие психологически обоснованные меры, по вашему мнению, должны приниматься руководством, чтобы поддерживать высокое морально-психологическое, боевое состояние и работоспособность персонала, привлекаемого для решения задач поддержания правопорядка и законности в условиях чрезвычайных обстоятельств?

---

[1] По Э. Избранное. - М., 1958. - С. 313-314.